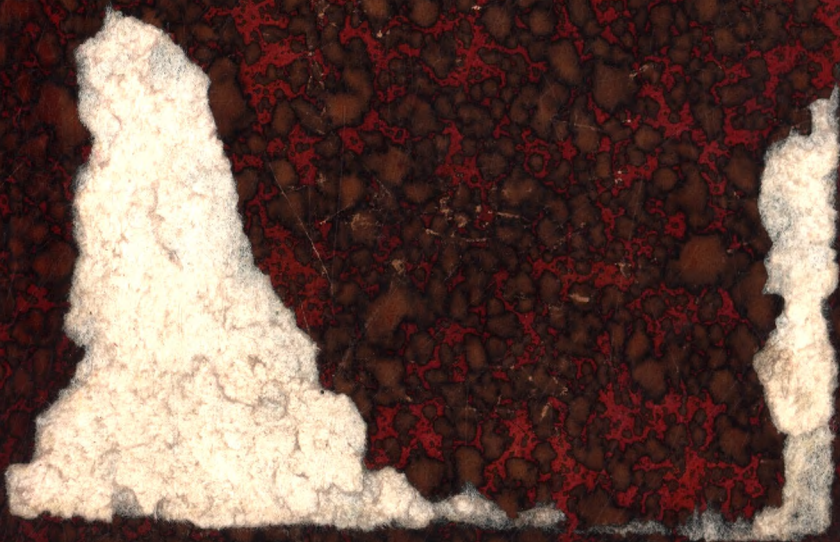

5558

ЗНАНИЕ—СИЛА.

Самойло М. Исаквичъ.

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА.

Шкафъ 1 полка 3 рядъ 47

Книга всегда должна быть поставлена на мѣсто соот-
вѣтствующее указаніямъ предыдущей строки.

Фундаментальнаго каталога.

№ 427/970

СТАТЬИ КРИТИЧЕСКІЯ.

ПЧЕЛЫ.

Историки, публицисты и политики говорили, говорят и еще долго будут говорить чрезвычайно много вздора; всё ихъ теоріи будутъ разлетаться какъ мыльные пузыри до тѣхъ поръ, пока они не будутъ чувствовать подъ ногами твердую почву осязательныхъ фактовъ. Иной ученый мужъ пресерьезно начнетъ увѣрять васъ, что онъ добрался въ своихъ изслѣдованіяхъ до основныхъ законовъ человѣческаго развитія, до остова всемірной исторіи; спросите этого колосса учености, знаетъ ли онъ устройство человѣческаго организма, предложите ему элементарный вопросъ изъ фізіологіи или анатоміи, и вы увидите, что онъ опуститъ глаза и поневолѣ признается въ своемъ невѣдѣніи; всё его выводы основаны на бумажныхъ документахъ; онъ не знаетъ ни живаго человѣка, ни живыхъ людей; онъ не знаетъ ни того процесса, который совершается въ каждомъ недѣлимомъ, ни тѣхъ отправленій, которыя имѣютъ мѣсто въ живомъ обществѣ; онъ видитъ только своими ослабѣвшими глазами ту частичку жизни, которая прилипла къ пергаменному свитку, завалившемуся въ архивной пыли; по этой частичкѣ онъ думаетъ возсоздать живыя личности, составить себѣ понятіе о человѣкѣ, изучить законы его развитія; отъ этихъ бессмысленныхъ стремленій опредѣлить по жалкимъ отрывкамъ то, чего не знаешь и не хочешь изучить во всемъ разнообразіи жизненной полноты, отъ этихъ безсильныхъ попытокъ замѣнить наблюденіе творчествомъ ума происходятъ ошибки, доктрины, политическія убѣжденія, замысловатыя теоріи, въ которыхъ не достаетъ бездѣлицы: знанія дѣла и здраваго смысла. Чтобъ понимать событіе, надо знать его дѣятели; чтобы объяснить себѣ историческое развитіе челоуѣчества, надо знать тѣ силы, которыя дѣйствуютъ въ немъ самомъ и вокругъ

него. Пусть гг. доктринеры, которыхъ очень много во всякомъ обществѣ, начинающемъ мыслить, посмотрятъ вокругъ себя и скажутъ, положя руку на сердце: что они знаютъ? Какое дѣйствительно существующее явленіе природы имъ извѣстно и понятно? Они принуждены будутъ сознаться, что знаютъ болѣею частью только то, что думали другіе доктринеры, жившіе раньше ихъ; надъ этими работами прежнихъ доктринеровъ они проводятъ дни и годы, ихъ они комментируютъ и критикуютъ, не добываясь до самой жизни, и принимая свои слова и понятія за существующія явленія. Эти доктринеры — современное видоизмѣненіе средневѣковыхъ монаховъ; у нихъ есть трудолюбіе, есть добросовѣстность, и при этомъ ни малѣйшаго понятія о жизни, и вслѣдствіе этого, ни одной живой идеи въ умѣ, ни одного энергическаго движенія въ мозгу. Самое простое, понятное слово *жизнь*, благодаря имъ, превратилось въ какую то риторическую фигуру, лишенную плоти и крови; они понимаютъ по своему жизнь идеи, жизнь общества, жизнь человѣчества, словомъ всякую *воображаемую* жизнь, всякую жизнь, кромѣ *дѣйствительной* жизни отдѣльнаго, живаго человѣка; о жизни животныхъ имъ некогда и подумать; это такія мелочи, на которыя имъ и взглянуть не хочется, имъ, законодателямъ человѣчества, носящимъ въ своемъ мозгу рѣшенія разныхъ міровыхъ вопросовъ. Мы не имѣемъ счастья быть доктринерами; у насъ не хватаетъ на это ни умѣнія, ни желанія; каемся чистосердечно въ томъ, что мы имѣемъ слабость интересоваться дѣйствительною жизнью, въ какихъ бы крошечныхъ размѣрахъ она ни проявлялась, и нисколько не интересоваться безплотными порожденіями доктринерствующихъ умовъ, въ какія бы полновзвучныя фразы они ни облекались. На этомъ основаніи мы намѣрены толковать съ читателями не о теоріи божественнаго права, не объ законѣ исторической постепенности, а просто о домашней и общественной жизни пчелъ. Мы сильно нуждаемся въ положительной почвѣ для нашихъ изслѣдованій, въ фактическомъ матеріалѣ, изъ котораго можно было бы выковать себѣ воззрѣнія и убѣжденія металлической твердости и незыблемой основательности. Будемъ же смотрѣть вокругъ себя, на живую природу, вмѣсто того, чтобы зажмуривать глаза или съ упорнымъ вниманіемъ устремлять ихъ на буквы, слова и фразы.

I.

Пчела принадлежитъ къ породѣ насѣкомыхъ; у нея нѣтъ спиннаго хребта и ея тѣло раздѣляется на три, ясно обозначенныя части; эти части слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: во первыхъ, голова, въ которой находятся глаза, щупальца и ротикъ; во вторыхъ, среднія

часть тѣла, въ которой прикрѣплено снизу три пары ногъ, а сверху двѣ пары крыльевъ; въ третьихъ, задняя часть тѣла, заключающая въ себѣ сердце, дыхательные органы, пищеварительный каналъ и половыя части. По обѣимъ сторонамъ головы у пчелы находятся два большіе глаза, составленные изъ нѣсколькихъ тысячъ микроскопическихъ глазъ, выглядывающихъ изъ за общей, прозрачной роговой оболочки. Этими двумя глазами пчела смотритъ на мелкіе предметы, находящіеся вблизи; эти два глаза замѣняютъ ей наши микроскопы; для того, чтобы смотрѣть въ даль, чтобы направлять вдоль свой полетъ, пчела пользуется тремя крошечными глазками, прикрѣпленными къ верхней части головы. Сколько извѣстно при теперешнемъ состояніи науки, человѣкъ лишень тѣхъ глазъ, которые управляютъ полетомъ пчелы. Вѣроятно, это обстоятельство составляетъ единственную причину, по которой большая часть человѣческихъ сужденій и построеній страдаютъ отъ близорукости своихъ творцовъ.

Ротъ пчелы отличается сложнымъ устройствомъ; достаточно будетъ отмѣтить двѣ роговидныя, острыя челюсти, закрывающіяся другъ на друга, какъ двѣ половинки ножницъ, щеточки, служащія для собиранія цвѣточной пыли, и длинную нижнюю губу, покрытую волосами и заступающую мѣсто языка, конечно не для разговора. Останавливаться на немъ я не буду; замѣчу только, что рабочія пчелы на этихъ заднихъ ногахъ приносятъ въ улей медъ и цвѣточную пыль, а что трутни и матка лишены этой способности. Рабочія пчелы готовятъ въ своемъ тѣлѣ воскъ, который просачивается между колечками задней части, и потомъ употребляется въ ульѣ какъ строительный матеріалъ. Матка или царица и трутни не способны къ приготовленію воска.

Рабочія пчелы вооружены жаломъ, скрывающимся въ задней части тѣла и связаннымъ съ пузырькомъ, изъ котораго выдѣляется ѣдка, ядовитая жидкость. Трутни, какъ привилегированное сословіе, избавлены отъ обязанности защищать общество отъ внѣшнихъ враговъ и лишены жала. Челюсти ихъ особенно крѣпки и покрыты зазубринами, вслѣдствіе чего они отличаются прожорливостью. Жало царицы длиннѣе и острѣе жала обыкновенныхъ рабочихъ, но она пользуется имъ только въ единоборствѣ противъ соперниковъ, когда дѣло идетъ о господствѣ надъ ульемъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что все населеніе улья распадается на три касты, отличающіяся другъ отъ друга внѣшними признаками. Во главѣ всего улья стоитъ матка или царица, единственная самка, одаренная способностью и правомъ класть яйца; она буквально можетъ сказать: *l'état, c'est moi*, потому что сама производитъ на свѣтъ все, что живетъ и движется въ ульѣ. Задняя часть ея тѣла значительно длиннѣе, чѣмъ у работницъ; половые органы вполне развиты, за то крылья зна-

чительно короче; вследствие этого, царица рѣдко покидаетъ улей, и проводитъ всю жизнь въ наслажденіи готовою пищею и въ удовлетвореніи сильно развитымъ половымъ плеченіямъ. Она вылетаетъ только за тѣмъ, чтобы среди цвѣтущей природы отдаться любимому трутню, или чтобы уступить мѣсто счастливой соперницѣ.

За царицею слѣдуютъ трутни или самцы, далеко превосходящіе работницъ величиною тѣла; эти трутни не работаютъ, не носятъ при себѣ оружія, много ѣдятъ, оплодотворяютъ по очереди царицу и кромѣ этого не знаютъ ни заботъ, ни обязанностей.

Рабочія пчелы—самки, не способныя къ дѣтороженію; въ ихъ неспособности виновата не природа, а воспитаніе; недостаточная пища задерживаетъ развитіе ихъ половой системы и обрекаетъ ихъ на трудовую жизнь, лишенную наслажденія. Не имѣя возможности жить для себя, рабочіе обращаютъ свою дѣятельность на воспитываніе личинокъ, рожденныхъ царицею; весь медъ, собранный ими на цвѣтахъ, идетъ на продовольствіе личинкамъ, трутнямъ и царицѣ; все—на пользу общую, и ничего—для себя; рабочая пчела съ трогательнымъ, но совершенно нелѣпымъ самоотверженіемъ, содѣйствуетъ поддержанію того уродливаго порядка вещей, который лишаетъ ее возможности пользоваться жизнью и производить потомство. Она сама плохо кормитъ цѣлыя сотни личинокъ и откармливаетъ десятокъ другихъ, чтобы изъ первыхъ вышли оскороченныя работницы, а изъ вторыхъ полныя самки-царицы. Рабочія пчелы — жалкія парии, не чувствующія своего униженія, не способныя изъ него выдти и поддерживающія въ этомъ униженіи слѣдующее поколѣніе, которое въ свою очередь будетъ дѣйствовать въ томъ же возмутительно-консервативномъ духѣ, и такъ далѣе, до безконечности. Это пролетаріи, задавленные существующимъ порядкомъ вещей, закабаленные въ безвыходное рабство, кружащіеся въ колесѣ и потерявшіе всякое сознаніе лучшаго положенія. Яйца, которыя кладетъ королева, совершенно равны между собою по достоинству; червячки, выползающіе изъ яичекъ, въ первые три дня, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга; каждый изъ нихъ можетъ сдѣлаться царицею. Но вотъ начинается различіе воспитанія: одного червячка сажаютъ въ просторную кѣтку, его кормятъ отборною пищею, его чистятъ и обмываютъ прислужницы и кормилицы; изъ этой личинки выходитъ царица; другую личинку, напротивъ того, втискиваютъ въ тѣсную коморку, кормятъ чѣмъ попало, никогда не общаются; изъ этой личинки развивается простая работница. Смотря по обстоятельствамъ, одна рабочая пчела бываетъ спльнѣе, другая слабѣе; кто сильнѣе, тотъ вылетаетъ изъ улья и добываетъ медъ, кто—послабѣе, тотъ сидитъ дома, ходитъ за личинками и куколками, чиститъ кѣточки и исполняетъ разныя домашнія работы. Торопливо ползаютъ эти заботливыя кормилицы и экономки отъ ячейки къ

ячейкѣ; тамъ надо накормить голоднаго червячка; тутъ надо залѣпить воскомъ запасный магазинъ, наполненный медомъ, въ другомъ мѣстѣ надо закрыть клѣточку, въ которой взрослый червякъ превращается въ куколку; еще гдѣ нибудь необходимо вычистить большую клѣтку, въ которой сидѣла царственная куколка; дѣло всегда найдется и трудовая жизнь рабочихъ пчель проходитъ въ непрерывномъ рядѣ заботъ, которыя не позволяютъ имъ задуматься о наслажденіи или помечтать о лучшемъ будущемъ: когда молодое поколѣніе накормлено, являются новыя работы—надо построить новую клѣточку для меда, надо облизать и обчистить возвращающихся съ работы товарищей, или даже празднаго трутня, гулявшаго по собственной охотѣ за предѣлами улья; когда становится холодно, кормилицы и экономки собираются вокругъ царицы, согреваютъ ее теплотою собственнаго тѣла, смотрятъ на нее какъ на избранное, высшее существо. Словомъ, самоотверженію рабочихъ нѣтъ предѣловъ, и, если самоотверженіе—добродѣтель, а не глупость, то добродѣтельнѣйшимъ существомъ въ мірѣ надо будетъ признать рабочую пчелу.

II.

Составленное изъ такихъ элементовъ государство пчель имѣетъ свою исторію, свои періодическія волненія, свои гражданскія событія и перевороты. Вотъ вылетаетъ изъ улья новый рой, какъ толпа отважныхъ колонистовъ, рѣшившихся искать за моремъ счастья и простора. Впереди летитъ царица; ее окружаютъ сильнѣйшія изъ рабочихъ, готовыя защищать ее отъ всякой опасности и положить животь за то, что онѣ считаютъ общимъ дѣломъ. За этою передовою группою слѣдуютъ въ нѣкоторомъ разстояніи лѣнныя трутни и слабыя кормилицы-экономки. Впрочемъ, старинные писатели говорятъ, что царицу окружаютъ при этомъ переселеніи трутни; по всей вѣроятности, это ошибка; если же дѣйствительно такъ было прежде, то это измѣненіе церемоніала доказываетъ ясно, что привиллегіи, связанныя съ званіемъ трутня, постепенно уменьшаются, и что различіе сословій въ пчелиномъ мірѣ постепенно исчезаетъ передъ закономъ здраваго смысла, и передъ фактическимъ правомъ личной, матеріальной силы. Царица долго летать не любитъ; она садится на какой нибудь сукъ, вокругъ нея густыми кучами усаживается ея народъ, а между тѣмъ нѣсколько сильныхъ рабочихъ пчель летятъ на рекогносцировку, что бы высмотрѣть помѣщеніе для будущей колоніи. Обыкновенно человекъ предупреждаетъ эти поиски и предлагаетъ готовое жилище, соединяющее въ себѣ всѣ требуемыя удобства. Пчелы принимаютъ съ благодарностью, не понимая того, что онѣ

закабалиють себя въ рабство, и что человѣкъ присвоиваетъ себѣ неограниченное право распоряжаться ихъ жизнью и собственностью, отнимать у нихъ медъ и воскъ, выкуривать ихъ дымомъ, оглушать ихъ сѣрою и водою, перегонять ихъ изъ одного помѣщенія въ другое и даже убивать ихъ, если, по его соображеніямъ, ихъ не стоитъ кормить тѣмъ самымъ медомъ, который онѣ же добыли. Пчелы не предвидятъ всѣхъ этихъ неудобствъ своего новаго положенія и весь рой съ радостнымъ жужжаніемъ влетаетъ въ новый улей.

Занявши свое новоселье, пчелы прежде всего замазываютъ и затыкаютъ всѣ отверстія, кромѣ одной маленькой дырочки, черезъ которую поддерживается сообщеніе улья съ внѣшнимъ міромъ. На молодыхъ побѣгахъ разныхъ деревьевъ пчелы находятъ клейкую массу, и этою то массою онѣ какъ можно плотнѣе законопачиваютъ щели; если въ улей вставлено стекло, то они замазываютъ его, стараясь такимъ образомъ сдѣлать свое жилище недоступнымъ не только для внѣшнихъ враговъ, но преимущественно для дѣйствія внѣшняго свѣта. Темнота совершенно необходима для поддержанія существующаго порядка. Вылетая изъ улья, пчела является свободнымъ, усерднымъ работникомъ; у себя дома она подавлена, принесена въ жертву внѣшней стройности государственнаго тѣла, и потому, чтобы покориться такимъ тягостнымъ условіямъ, чтобы нести безропотно лишенія и труды, не пользуясь своею долею наслажденій, ей необходимо *игнорировать* настоящее положеніе дѣлъ, не видать и не понимать того, какъ проводятъ время царица и трутни. Первый лучъ свѣта пугаетъ работницу, освѣщая грязь и бѣдность ея ежедневной жизни; ей становится тяжело и страшно; она приписываетъ свое непріятное ощущеніе не тому зрѣлищу, которое освѣтилъ ворвавшійся лучъ, а именно самому лучу; она старается устранить его, какъ мы, люди, стараемся порою устранить возникающее сомнѣніе; если любопытный натуралистъ вставить въ улей стеклянное окошечко, его замажутъ, если онъ для своихъ наблюденій вынетъ замазанное стекло, то въ ульѣ начнется волненіе при первыхъ лучахъ свѣта; трутни толпами побѣгутъ къ отверстию, стараясь закрыть его собственными тѣлами; рабочія полетятъ за замазкою и начнутъ заклеивать; внутри улья послышится жужжаніе и дѣла придутъ въ прежнее положеніе только тогда, когда водворится прежняя темнота.

Но если наблюдатель будетъ постоянно прочищать отверстіе, заклеиваемое рабочими и загораживаемое трутнями, если освѣщеніе улья будетъ продолжаться, несмотря на сопротивленіе всѣхъ сословій пчелинаго царства, то всѣ дѣла мало по малу придутъ въ растройство. Рабочія перестаютъ работать и начинаютъ понимать, что плодами ихъ усилій пользуются привилегированные классы. Они перестаютъ строить соты, не кормятъ личинокъ и не обращаютъ вниманія на королеву. Жужжа-

ніе ихъ усиливается; онѣ собираются въ кучки и какъ будто разсуждаютъ о чемъ то, къ великому ужасу торіевъ-трутней, и крайнему огорченію царицы, начинающей чувствовать голодъ и одиночество. Вылетающіе рабочіе возвращаются безъ меда, каждая изъ нихъ сама съѣдаетъ благопріобрѣтенное имущество; наконецъ многіе изъ рабочихъ совершенно покидаютъ улей и начинаютъ жить на просторѣ, среди цвѣтущей природы, совершенно въ свое удовольствіе. Королева умираетъ съ голоду; трутни разсѣваются, личинки погибаютъ и только стѣны опустѣлаго улья свидѣтельствуютъ о недавнемъ существованіи гражданственнаго или стаднаго элемента. Рабочіе наслаждаются жизнью, насколько это возможно при изуродованномъ ихъ положеніи, рѣзвятся въ тепломъ воздушномъ пространствѣ, носятся надъ цвѣтущими лучами и полянами, ушная медомъ и свободою, досыта наѣдаются цвѣточною пылью, и наконецъ, натѣшившись въ волю, умираютъ, какъ жили, свободными гражданами животнаго міра. Нѣкоторые изъ этихъ анархистовъ раскаяваются впрочемъ въ своихъ поступкахъ и пытаются пристать къ какому нибудь другому государству, т. е. поселиться въ другомъ ульѣ и принять на себя тѣ самыя обязанности, которыя имъ приходилось нести прежде. Но въ улей не принимаютъ пришельцевъ; туземцы сейчасъ узнаютъ иностранца, и гонятъ его прочь, а въ случаѣ упорства убиваютъ его и выбрасываютъ бездыханное тѣло за предѣлы своего царства. Основана ли эта китайская ненависть пчелъ къ инородцамъ на экономическомъ или на политическомъ расчетѣ, рѣшить довольно трудно. Боятся ли они въ новомъ пришельцѣ лишняго потребителя, или проповѣдника анти-конституціонныхъ началъ, это до сихъ поръ не рѣшено исследователями ихъ гражданскаго быта. Какъ бы то ни было, два факта не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію: во первыхъ то, что мракъ необходимъ для спокойствія и коллективнаго благоденствія улья, во вторыхъ, то, что пчелы, отрѣшившись отъ завѣтной нормы своего общественаго устройства, не способны выработать себѣ другую норму и начинаютъ жить совершенно индивидуальною жизнью, которая, при многихъ хорошихъ сторонахъ, имѣетъ свои несомнѣнныя, чисто практическія неудобства. Рабочія пчелы умѣютъ работать и защищать свое общество отъ внѣшнихъ враговъ; но импульсъ къ этимъ работамъ и къ этой оборонѣ дается имъ извнѣ, такими существами, которыя сами не способны ни работать, ни сражаться. Въ ульѣ происходитъ самое оригинальное раздѣленіе труда: одни работаютъ, другіе ѣдятъ и плодятся. Безъ этого раздѣленія труда невозможно продолженіе породы: кто работаетъ, тотъ неспособенъ къ дѣтороженію; а кто способенъ имѣть дѣтей, тотъ не можетъ работать. Пчелы очевидно испорчены своею уродливою гражданственностью; плебеи—кастраты, и естественныя половыя отправленія составляютъ привиллегію одной личности. Ни древній Еги-

петь, ни древняя Индія не доходила до такого строгаго проведенія кастическихъ особенностей; даже паріи имѣли возможность брать себѣ женъ и производить дѣтей; развѣ только современная Англія, при постоянно-возрастающемъ населеніи дойдетъ до того, что бракъ сдѣлается привиллегією нѣкоторыхъ лицъ или сословій, и что пролетарію, не имѣющему ни кола, ни двора, ни обезпеченнаго куска хлѣба, законъ будетъ воспрещать сношенія съ женщинами и дѣтороженіе. Замѣтимъ мимоходомъ, что Джонъ Стюартъ Милль обсуживаетъ этотъ вопросъ англійской жизни въ своей знаменитой книгѣ *on liberty*; онъ, величайшій индивидуалистъ нашего времени, почти рѣшается признать за обществомъ право контролировать заключеніе браковъ и запрещать тѣ брачныя союзы, которые угрожаютъ обществу приращеніемъ неимущихъ гражданъ, и слѣдовательно, пониженіемъ задѣльной платы. Отъ подобной мысли до оправданія общественныхъ учрежденій пчель—не слишкомъ далеко, но къ чести человѣка можно выразить надежду на то, что подобный законъ никогда не примется и не укоренится; каждый нищій скорѣе согласится умереть, чѣмъ позволить превратить себя въ рабочаго кастрата, живущаго для того, чтобы служить buttoмъ пли фундаментомъ для общественнаго зданія. Иные натуралисты приходятъ въ полнѣйшее умиленіе, говоря объ умѣ пчель и о ихъ завидной способности жить въ обществѣ себѣ подобныхъ существъ; мнѣ кажется, напротивъ того, надо подивиться ихъ чудовищной забитости, доходящей до того, что онѣ, изородованныя сами, систематически уродуютъ другихъ и являются такимъ образомъ въ одно и тоже время безчувственными жертвами и бессмысленными палачами.

III.

Вотъ наконецъ щели замазаны, мракъ водворился и государственная машина начинаетъ свою работу. Прежде всего рабочіи пчелы принимаются за построеніе сотовъ, шести-угольныхъ восковыхъ клѣточекъ извѣстной величины, опредѣленнаго формата и неизмѣнной архитектуры. Тутъ не нужно творчества, личной мысли, оригинальнаго дарованія. Каждая пчела умѣетъ строить эти клѣточки и знаетъ, въ какомъ отношеніи должны находиться между собою различныя помѣщенія. Для рабочихъ пчель строятся самыя крошечныя клѣточки; для трутней — побольше, а для королевы тратится на построеніе клѣтки столько воску, сколько пойдетъ на 150 рабочихъ келій. Архитекторы не спорятъ между собою о планѣ будущихъ построекъ; все давно извѣстно каждой пчелѣ; проэктвъ представлять не зачѣмъ, и лишь бы было темно и тихо, все пойдетъ какъ по маслу, потому что идея конституціи вошла въ плоть и

кровь рабочего класса съ своими мельчайшими фактическими подробностями.

Трутни понимаютъ свои сословныя привилегіи; они не помогаютъ дѣятельнымъ строителямъ, и въ жаркій полдень вылетаютъ изъ улья, не за тѣмъ, чтобы принести меду на пользу общую, а за тѣмъ, чтобы въ полномъ сознаніи своего превосходства, набить себѣ желудокъ цвѣтчною пылью. А въ это время рабочія пчелы разъ по шести или по восьми въ день вылетаютъ изъ улья и всякій разъ возвращаются домой съ полнымъ грузомъ меда на ножкахъ и въ желудкѣ; весь принесенный медъ или по крайней мѣрѣ большая часть его идетъ на прокормленіе королевы, трутней и личинокъ; себѣ рабочая пчела оставляетъ въ обрѣзъ столько, сколько необходимо для поддержанія жизни и рабочей силы.

Трутни, какъ самцы, окружаютъ королеву, единственную самку всего улья и стараются по возможности заслужить ея расположеніе; они толпятся вокругъ нея, лизутъ и обчищаютъ ее, оказываютъ ей самыя почтительныя любезности, на перерывѣ другъ передъ другомъ стремятся заявить свою глубокую преданность, или, при случаѣ, пылкую любовь, но, при всемъ томъ, живутъ между собою довольно мирно, благодаря своему спокойному, лѣнивому характеру и отсутствію того смертоноснаго жала, которымъ вооружены рабочія пчелы.

Королева не остается нечувствительною къ этимъ чистосердечнымъ изъявленіямъ чувства; сердце—не камень; къ тому же ей предстоитъ важная задача,—произвести изъ себя все будущее поколѣніе своего народа, и она съ благороднымъ усердіемъ принимается за работу. Ея сотрудниками въ служеніи обществу являются сотенъ шесть трутней, и благодаря ихъ добросовѣстному содѣйствію, королева въ день кладетъ до 200 яицъ, а въ полтора или въ два мѣсяца успѣваетъ снести до 12,000 яицъ. Утромъ, когда лѣнвые трутни еще спятъ, а рабочія уже вылетѣли на работу, королева выходитъ изъ своей клѣтки въ сопровожденіи десяти или двѣнадцати прислужницъ изъ рабочихъ. «Важно, говорить Окенъ, проходитъ она мимо наполненныхъ ячеекъ и останавливается, какъ только ея спутницы указываютъ ей на пустую клѣточку; сперва она опускаетъ въ нее голову, чтобы убѣдиться въ правильномъ ея устройствѣ; потомъ она оборачивается задомъ—и въ эту рѣшительную минуту спутницы собираются вокругъ нея сплошною массою чтобы скрыть ее отъ любопытныхъ глазъ. Если въ это мгновеніе королева замѣтитъ, что на нее смотритъ откуда нибудь натуралистъ, она пройдетъ мимо клѣточки, не положивши яйца и окажется глубоко оскорбленною въ своей женской стыдливости; если же все вокругъ нея тихо и темно, она опускаетъ въ клѣточку заднюю часть своего тѣла и на днѣ клѣточки появляется вслѣдъ затѣмъ бѣлое продолговатое яичко». Королева кладетъ такимъ образомъ яичекъ пять и потомъ нѣсколько минутъ отды-

хаетъ; ее окружаютъ усердныя прислужницы, облизываютъ ей все тѣло, очищаютъ крылья и наконецъ подносятъ ей на кончикѣ хоботка капельку отличнѣйшаго меда.

Черезъ три дня изъ ячеекъ выползаютъ маленькіе бѣлые червячки или личинки, съ твердою, продолговатою головкою, но безъ ногъ; эти новорожденные существа рѣшительно неспособны заботиться о себѣ, и рабочія пчелы совершенно принимаютъ ихъ на свое попеченіе, потому что ни королева, ни трутни не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Кормилицы изъ рабочихъ пчелъ готовятъ изъ цвѣточной пыли съ мѣдомъ кашицу, и этою кашницею кормятъ личинокъ, соблюдая при этомъ значительное различіе между тою пищею, которую онѣ подносятъ будущимъ пролетаріямъ, и тою, которую онѣ предлагаютъ будущимъ королевамъ и благороднымъ трутнямъ. Личинки рабочихъ пчелъ кормятся въ продолженіи пяти дней, а личинки трутней немного дольше. По окончаніи этого срока, кормилицы залѣпливаютъ клѣточки воскомъ, и личинка начинаетъ превращаться въ куколку, т. е. строить себѣ коконъ изъ тонкихъ шелковидныхъ нитей. Внутри кокона совершается развитіе полного насѣкомаго, и, по окончаніи этого развитія, пчела выходитъ изъ своего заточенія, разрываетъ коконъ, прогрызаетъ восковую крышечку и выходитъ на свѣтъ божій въ видѣ пролетарія, трутня или королевы.

Развитіе трутня съ той минуты, когда снесено яйцо, до того времени, какъ онъ выходитъ изъ кокона, продолжается 24 дня; развитіе рабочей пчелы—20 дней, а королева уже черезъ 16 дней можетъ принять на себя государственныя заботы и считается совершеннолѣтнею и полноправною. Дѣло въ томъ, что королева у пчелъ нуждается въ меньшей степени физическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умственнаго развитія, чѣмъ рабочая пчела. Вся дѣятельность королевы сосредоточена въ половыхъ отправленияхъ; она не нуждается ни въ силѣ мускуловъ, ни въ мыслительныхъ способностяхъ; ей не надо ни строить соты, ни летать на дальнія экспедиціи, ни выбирать изъ цвѣтовъ частицы меда и ароматной пыли; ея дѣло любезничать съ трутнями, не имѣя даже надобности отбивать ихъ у соперницы, и потомъ класть яйца, не заботясь о дальнѣйшей участи своихъ будущихъ потомковъ. Народъ ея самъ отлично знаетъ свое дѣло и вся государственная машина идетъ полнымъ ходомъ, не нуждаясь въ ея вмѣшательствѣ и даже не допуская этого вмѣшательства. Чтобы занимать почетное мѣсто, не сопряженное ни съ какими обязанностями, чтобы наслаждаться жизнью, не зная, какую цѣною покупаются эти наслажденія, не нужно большаго ума—потому не удивительно, если развитіе пчелиной матки или королевы совершается скорѣе, чѣмъ развитіе рабочей пчелы. Личность этой королевы не имѣетъ никакого вліянія на дѣла улья; пчелы уважаютъ въ королевѣ воплощеніе той идеи, которая удерживаетъ ихъ въ гражданскомъ обществѣ и не позволяетъ имъ раз-

сбѣяться, но этимъ пчеламъ нѣтъ никакого дѣла до того, будетъ ли ихъ королева неподвижнымъ яичкомъ, лишеннымъ сознанія, или царственной личинкою, или спящею куколкою. Если бы внезапная смерть прервала государственныя заботы взрослой королевы, то населеніе улья не пришло бы въ замѣшательство; пролетаріи, составляющіе дѣйствительную силу пчелинаго общества, знаютъ, что въ яичкахъ или въ коконахъ есть формирующіяся королевы, и, успокоенные на счетъ будущности улья, продолжаютъ свои работы, какъ будто бы не случилось ничего особеннаго.

Но спрашивается, почему же трутни, которыхъ дѣятельность такъ же ограничена, какъ дѣятельность королевы, которыхъ умственныя способности отличаются крайнимъ ничтожествомъ, почему, спрашивается, трутни развиваются такъ долго? Фохтъ объясняетъ это физическою вялостью, свойственною природѣ трутней; вѣчно праздные, лишенные способности работать и заботиться о чемъ бы то ни было, трутни даже развиваются медленнѣе и лѣнивѣе другихъ пчелъ; даже въ зародыши трутней проникаетъ та барственная неповоротливость и флегматичность, которую отличается во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ привилегированное сословіе пчелинаго государства.

IV.

У пчелъ нѣтъ постояннаго войска; всякій пролетарій постоянно имѣетъ при себѣ оружіе и умѣетъ владѣть имъ; каждый солдатъ этой національной гвардіи воодушевленъ патріотическимъ чувствомъ, выражающимся въ самой пламенной ненависти къ шмелямъ, осамъ и даже пчеламъ другихъ ульевъ; если въ улей вздумаетъ влетѣть какой нибудь неосторожный или дерзкій иноплеменникъ, то ему придется очень плохо: на него бросятся сотни рабочихъ пчелъ, пуская въ ходъ и челюсти и жало; путешественникъ будетъ непременно убитъ и тѣло его, на страхъ другимъ, будетъ выброшено за предѣлы улья. Въ одномъ ульѣ бываетъ до 20,000 рабочихъ пчелъ, и не смотря на то, пчелы не ошибаются и не принимаютъ въ свое общество гражданина другаго улья. Обмѣнивается ли летающая пчела условленными знаками съ тѣми пчелами, которыя сторожатъ входъ въ улей—рѣшить мудрено, но достовѣрно то, что обитатели двухъ сосѣднихъ ульевъ не могутъ посѣщать другъ друга и что каждый улей съ чисто-китайскимъ упорствомъ запираетъ свои домашнія дѣла отъ постороннихъ взоровъ. Но есть средство уничтожить родовую ненависть между пчелами разныхъ ульевъ; стоитъ только побросать ихъ всѣхъ въ воду; пчелы ошалѣютъ и потеряютъ сознаніе; послѣ этого ихъ вылавливаютъ и кладутъ на солнце. Мало по малу онѣ обсыхаютъ и приходятъ въ себя; утопленники начинаютъ двигаться,

расправляют лапки и крылья, потягиваются, и стараются помочь своими заботами товарищамъ, еще не проснувшимся изъ продолжительной летаргіи. Послѣ этого общаго несчастія національная вражда оказывается забытою и пчелы двухъ ульевъ могутъ быть посажены въ одно помѣщеніе и общими силами приняты за построеніе сотовъ и воспитываніе молодаго поколѣнія. Сколько намъ извѣстно, вода является лекарьствомъ противъ національныхъ антипатій только у пчелъ; подѣйствуетъ ли она такимъ же чудеснымъ образомъ на гражданъ двухъ враждующихъ государствъ, этого нельзя сказать навѣрное, по недостатку положительныхъ опытовъ. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что и на пчелъ вода окажетъ свое благодѣтельное дѣйствіе только въ томъ случаѣ, если королева одного изъ ульевъ будетъ убита; если же обѣ королевы вмѣстѣ будутъ брошены въ воду, то онѣ начнутъ враждовать между собою тотчасъ послѣ того, какъ къ нимъ возвратится сознаніе; къ каждой изъ нихъ пристааетъ толпа рабочихъ, и сильнѣйшая партія выгонитъ слабѣйшую изъ улья; послѣ этой схватки прежняя вражда возобновится съ новою силою, впредь до новаго купанія. Нѣмцы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похожи на пчелъ; въ Германіи, у себя дома, они большею частью поддерживаютъ мелкіе, мѣстные интересы отдѣльныхъ государствъ. Уроженцы Баваріи, Виртемберга, Бадена, ГанOVERA, какого нибудь Липпе Шаумбурга или Гогенцоллернъ-Зигмарингена смотрятъ другъ на друга какъ на иностранцевъ и толкуютъ, каждый для себя, и про себя, объ отдѣльной родинѣ и о своемъ особенномъ патріотизмѣ; но тѣ же граждане различныхъ нѣмецкихъ ульевъ ѣдутъ за море, поселяются въ Американскихъ штатахъ, и тутъ, по единству языка, привычекъ и возрѣвнѣи начинаютъ замѣчать, что между ними много общаго, что всѣ они нѣмцы и могутъ симпатизировать другъ другу, не обращая никакого вниманія на разныя территоріальныя недоразумѣнія и династическія соперничества. Переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ замѣняетъ, какъ видите, благодѣтельное купаніе пчелъ.

Главная и почти единственная цѣль дѣятельности у рабочихъ пчелъ заключается въ воспитаніи молодаго поколѣнія. Ихъ уваженіе къ ничтожной личности королевы, и ихъ терпимость къ празднои прожорливости трутней объясняется тѣмъ, что въ королевѣ они видятъ единственную свою надежду, будущую мать всего потомства, а на трутней смотрятъ, какъ на ея необходимыхъ сотрудниковъ и слѣдовательно, какъ на неизбѣжное зло, безъ котораго не можетъ держаться ихъ государственная система. Личность кормилицъ, выбранныхъ изъ рабочихъ пчелъ, находится въ почетѣ; кормилицы избавлены отъ обязанности вылетать изъ улья и добывать себѣ пропитаніе; ихъ кормитъ государство; ихъ уважаютъ и лелѣютъ, несмотря на ихъ физическую хилость и слабость, другія пчелы. Если мы посмотримъ на общество людей, если мы пред-

ложимъ себѣ вопросъ о значеніи педагога въ государствѣ, въ обществѣ и семействѣ, то намъ придется сознаться, что пчелы лучше насъ понимаютъ важность воспитанія. Но намъ тоже не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться добродѣтелями пчелъ; представьте себѣ, что вы живете на бѣломъ свѣтѣ только за тѣмъ, чтобы воспитывать вашего сына; вашъ сынъ живетъ только за тѣмъ, чтобы воспитывать вашего внука, и т. д. каждое отдѣльное поколѣніе сначала готовится къ жизни, потомъ готовится къ ней другихъ, а жить то когда же? И для чего же готовить другихъ къ тому, чѣмъ имъ не придется пользоваться? Пчелы очень хорошо поступаютъ, обращая свое заботливое вниманіе на благоденствіе молодаго поколѣнія, но кастрировать себя во имя своего потомства, для того, чтобы это потомство въ свою очередь оскопляло себя для будущаго поколѣнія—это, воли ваша, безобразно, и въ этомъ отношеніи мы все таки не такъ глупы, какъ пчелы. Всего смѣшнѣе въ жизни пчелъ то, что онѣ вѣроятнo полагаютъ, будто ихъ самоотверженіе велико и возвышенно, будто онѣ жертвуютъ собою, чтобы доставить всѣмъ другимъ счастье и наслажденія, а на самомъ дѣлѣ выходитъ, что ихъ трудами и страданіями пользуются только трутни, да матка, т. е. самая бесполезная, пустая и недобросовѣстная часть ихъ общества. Кажется, идеализмъ и пустое доктринерство, расходящіяся съ жизнью, являются сильно распространенными болѣзнями, и человекъ, считающій эти болѣзни величайшею привилегіею своей породы, можетъ и долженъ признать ихъ существованіе даже въ мелкихъ насѣкомыхъ. Вѣроятнo и пчела, подобно Платону и Гегелю, строитъ свою систему міра, въ которой она является центромъ всего движущагося и живущаго, а между тѣмъ, тратя время на эти серьезныя забавы и уносясь въ необъятныя сферы чистаго мышленія, она, подобно этимъ свѣтиламъ бѣднаго человечества, не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить того, что у нея крадутъ трудомъ добытый медъ и систематически уродуютъ половые органы. Когда ей случается замѣтить свою ошибку, она круто повертываетъ дѣло, но идеализмъ или, что тоже, безтолковость берутъ свое, и, послѣ нѣкоторыхъ волненій, пчелиный міръ улегается въ прежнюю колею и застываетъ въ прежнихъ рамкахъ.

V.

Королева пчелинаго царства чрезвычайно добродушна и кротка, когда она одна живетъ въ ульѣ, т. е. когда у нея нѣтъ и не предвидится соперницы. Женственная мягкость ея выражается въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ трутнямъ, и въ спокойномъ величіи, съ которымъ она принимаетъ отъ послѣдняго изъ пролетаріевъ изъявленіи преданности, вы-

ражающіяся въ капелькахъ меда. Добродушіе королевы не измѣняютъ ей даже тогда, когда она входитъ въ соприкосновеніе съ злѣйшимъ эксплуататоромъ пчелинаго міра, съ человѣкомъ. Королеву можно смѣло брать въ руки, гладить и ласкать, не боясь ея жала; основываясь на этомъ обстоятельстве, старинные изслѣдователи полагали даже, что у королевы вовсе нѣтъ жала, и что она, какъ царственная особа, представляетъ своимъ подданнымъ отражать виѣшнихъ враговъ и наказывать нарушителей общественнаго спокойствія. Такъ и бываетъ дѣйствительно въ большей части случаевъ, но въ жизни королевы есть и такія минуты, въ которыя страсть побѣждаетъ требованія этикета, заглушаетъ голосъ нравственнаго чувства и превращаетъ кроткое, величественно-спокойное и женственно-нѣжное созданіе въ какую то леди Макбетъ, въ Медею, вообще въ нѣчто подобное тѣмъ образомъ, которые по видимому, можно выкроить только изъ глубоко-развращенной природы человѣка. Бѣда, если королева начинаетъ бояться за свое господство, бѣда, если она видитъ или предчувствуетъ соперницу. Двѣ королевы, какъ два солнца, не совмѣстимы на одномъ горизонтѣ; онѣ ненавидятъ другъ друга какъ властолюбивыя повелительницы и какъ кокетливыя женщины; каждая изъ нихъ любитъ въ своемъ положеніи два выдающіеся момента: преданность пролетаріевъ и рыцарскую любезность лордовъ-трутней; и пролетаріи и трутни должны принадлежать королевѣ безраздѣльно; первые составляютъ матеріальную опору ея владычества, вторые образуютъ ея гаремъ, въ который она бросаетъ платокъ то тому, то другому счастливцу. Все идетъ такимъ образомъ спокойно, ко взаимному удовольствію подданныхъ и повелительницы, пролетаріевъ и лордовъ, но вдругъ получается въ палатахъ королевы извѣстіе, которое болѣе или менѣе поражаетъ и обезпокоиваетъ всѣхъ; въ извѣстіи этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго, но, не смотря на то, оно всегда производитъ сильное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что одна изъ куколокъ превращается въ пчелу-королеву и прогрызаетъ восковую крышечку своей клѣтки; рабочая пчела, приставленная къ этой клѣткѣ, доноситъ объ этомъ событіи куда слѣдуетъ, и извѣстіе это съ быстротою молніи распространяется въ самые отдаленные углы пчелинаго царства. Начинаются толки и разсужденія. Молодые, неопытныя пчелы обнаруживаютъ только любонитство и тревожную радость; старыя пролетаріи, видѣвшіе на своемъ вѣку горе и радость, государственные перевороты и сцены грубаго насилія, выжидаютъ, что то будетъ, и совѣщаются между собою, не зная на что рѣшиться; между старою и молодою королевою непременно произойдетъ столкновеніе; кто же одержитъ побѣду? и за кого же имъ самимъ вступить? За ту ли повелительницу, которой они служили съ такимъ постояннымъ усердіемъ, и отъ которой они получали въ награду такіе благосклонные взоры, или за то молодое созда-

ніе, которое выросло на ихъ рукахъ, выкормлено ихъ заботами, взлѣяно ихъ любовью? Пока добрыя рабочія пчелы раздумываютъ и недоумываютъ, старая королева быстро рѣшается дѣйствовать. Въ сопровожденіи своихъ прислужницъ и трутней она поспѣшно подходитъ къ той клѣткѣ, вокругъ которой уже собралась толпа рабочихъ, ожидающихъ съ благоговѣйнымъ нетерпѣніемъ разрѣшенія грозной задачи. Не любовь къ рождающейся дочери приводитъ старую королеву къ ея колыбели; она подходитъ, видя въ дочери своей опасную соперницу; въ ней говоритъ ревность женщины и властолюбивой повелительницы; раздраженіе ея выражается въ ускоренной походкѣ, въ рѣзкихъ жестахъ, въ невниманіи, съ которымъ она проходитъ мимо группъ, собравшихся вокругъ роковой клѣточки. Рабочія пчелы предчувствуютъ, что готовится что то недоброе; молодые пролетаріи, сверстники молодой королевы, инстинктивно толпятся ближе къ ея жилищу, и стараются загородить ея матери доступъ къ только что развившемуся существу. Старуха хочетъ пройти мимо ихъ: они ея не пускаютъ; если ей удастся преодолѣть ихъ сопротивление, она подходитъ къ самой клѣткѣ, запускаетъ въ нее свое жало и убиваетъ дочь свою, еще не успѣвшую взглянуть на бѣлый свѣтъ и насладиться полною жизнью. Но въ большей части случаевъ сила бываетъ на сторонѣ добродушныхъ рабочихъ; они успѣваютъ удержать расходившуюся королеву, и разгнѣванная повелительница въ безсильномъ отчаяніи, не зная что дѣлать, не слушая увѣщаній, считая свое господство навсегда потеряннымъ, начинаетъ безъ опредѣленной цѣли бѣгать по улью. Дѣло кончается тѣмъ, что королева-мать вмѣстѣ съ вѣрными своими сподвижницами, и съ любимыми трутнями, покидаетъ улей и летитъ искать счастья въ голубую даль, въ какое нибудь естественное дупло или въ искусственный улей. А между тѣмъ молодая королева выходитъ изъ своей клѣточки во всей обаятельной свѣжести первой молодости, не зная даже, отъ какой опасности избавило ее самоотверженіе и преданность добродушныхъ работниковъ. Ее окружаютъ оставшіяся вокругъ нея пчелы, и первымъ впечатлѣніемъ ея является въ пчелиной жизни упоеніе торжествомъ и властью, для пріобрѣтенія которыхъ она не сдѣлала сама ни одного движенія.— Она оглядывается вокругъ себя, видитъ свое превосходство надъ окружающими ее лордами и пролетаріями, и тревожно спрашиваетъ себя, одна ли она будетъ пользоваться тѣмъ блескомъ власти и почета, который окружилъ ее съ первой минуты ея сознательной жизни; въ молодой королевѣ съ изумительною быстротою зарождаются и развиваются тѣ самые инстинкты, которые побуждали королеву-мать къ покушенію на жизнь дочери, и потомъ принудили ее выселиться изъ улья со своими приверженцами; молодая королева осматриваетъ всѣ свои владѣнія, подходитъ ко всѣмъ клѣточкамъ, въ которыхъ развиваются ея младшія сестры, прокалываетъ ихъ своимъ

ядовитымъ жаломъ и убиваетъ такимъ образомъ всѣхъ будущихъ королевъ, чтобы не видать соперницы, и ни съ кѣмъ не раздѣлять господства. Иногда случается, что двѣ молодыя королевы разомъ выходятъ изъ своихъ кѣлочекъ; тогда старая королева уже не пытается убить своихъ преемницъ; она тотчасъ же собираетъ вокругъ себя горсть преданныхъ ветерановъ и любимыхъ лордовъ-трутней и съ ними улетаетъ на новое мѣсто жительства. Что же касается до молодыхъ королевъ, — то онѣ конечно не могутъ ужиться вмѣстѣ; узы крови не имѣютъ никакого значенія, когда дѣло идетъ о господствѣ; одна изъ двухъ должна погибнуть, потому что ни одна изъ нихъ не рѣшится уступить добровольно и основать новую колонію; ни рабочія, ни трутни не принимаютъ участія въ борьбѣ между двумя королевами; споръ за господство, интересующій только двѣ личности, рѣшается между ними поединкомъ, въ которомъ никто не проситъ и не даетъ пощады. Соперницы подходятъ другъ къ другу, схватываются между собою челюстями, стараются повредить другъ другу шею, голову или ноги; обѣ машутъ крыльями, чтобы оглушить противника; обѣ сталкиваются между собою головами, сплетаются ножками и ищутъ удобнаго случая, чтобы пронзить врага ядовитымъ жаломъ. Онѣ цѣляютъ въ промежутки, находящіяся между роговидными пластинками, которыми защищены грудь и животъ; шея, связка между грудью и заднею частью тѣла также легко могутъ быть проколоты, и во всѣ эти части сражающіяся пчелы направляютъ свои удары. Наконецъ поединокъ оканчивается трагическимъ образомъ; смертоносное орудіе попадаетъ вѣрно; раненная королева падаетъ; агонія продолжается недолго, и счастливая побѣдительница глумится, въ порывѣ гордой радости, надъ трупомъ убитой сестры. Теперь она одна — повелительница улья; рабочія окружаютъ ее, признаютъ ея господство, но сочувствіе ихъ оказывается въ началѣ довольно слабымъ. Дѣло въ томъ, что молодая королева совершила рядъ преступленій, и до сихъ поръ ничѣмъ не заявила своихъ достоинствъ. Рабочія видѣли, съ какою жестокою послѣдовательностью она истребила въ самой колыбели своихъ предполагаемыхъ соперницъ, тѣхъ самыхъ невинныхъ дѣтей, которыхъ онѣ, рабочія, лелѣяли и кормили; рабочія видѣли, какъ неумолима была королева въ поединкѣ съ своею ровесницею-сестрою; все это совершалось на ихъ глазахъ, но до сихъ поръ еще никто изъ нихъ не можетъ судить о той степени пользы, которую молодая королева можетъ принести ихъ улью. Ея кротость, ея правосудіе, а главное, ея плодовитость, до сихъ поръ оставались рѣшительно неизвѣстны рабочимъ. Поэтому, какое-то мучительное сомнѣніе сковываетъ порывъ ихъ усердія, и онѣ кланяются новой королевѣ какимъ-то холоднымъ и сдержаннымъ поклономъ, въ которомъ слышится невысказанный вопросъ: что-то будетъ? — Но лорды-трутни чужды сомнѣній; имъ нѣтъ дѣла до процвѣтанія улья; они видятъ только лич-

ность королевы, и, когда споры по престолонаследію оказываются рѣшенными, другъ передъ другомъ стараются заявить свою глубокую преданность. Они оглушаютъ ее льстивымъ жужжаніемъ, лижутъ ей спину, голову и ноги, очищаютъ ей своими щеточками крылья и шупальца, разговариваютъ съ нею на оживленномъ мимическомъ языкѣ, словомъ, выказываютъ несвойственную имъ въ обыкновенное время развязность, предприимчивость и энергію. Королевѣ на первыхъ порахъ кажется очень страннымъ весь этотъ придворный балетъ. Подобно дѣвственной Елисаветѣ англійской, молодая королева холодно и даже съ нѣкоторымъ негодovanіемъ отвѣчаетъ на страстныхъ, и часто слишкомъ смѣлыхъ любезности придворныхъ трутней. Иногда ей приходится въ голову пустить въ ходъ ядовитое жало, чтобъ разогнать всю эту блестящую толпу навязчивыхъ ласкателей и любезниковъ. Но, какъ извѣстно, жизнь постепенно расшевеливаетъ насъ; просыпаются страсти одна за другою; вслѣдъ за властолюбіемъ, выразившимся въ молодой королевѣ рядомъ кровавыхъ подвиговъ, пробуждается чувственность; страстныя ласки трутней воспитываютъ и укрѣпляютъ ее; дѣвушка превращается въ женщину; существо неопытное, робкое и стыдливое начинаетъ предчувствовать ту полноту нервнаго наслажденія, которую можно вынести изъ жизни; трутни окружаютъ ее неотступными просьбами, то робко-почтительными, то страстно-восторженными. Сердце не камень; королева склоняется, назначаетъ придворный праздникъ, и окруженная радостно-шумящею толпою трутней, вылетаетъ изъ улья порѣзвиться на чистомъ воздухѣ, среди душистыхъ цвѣтовъ, на окрестныхъ полянахъ, лугахъ и равнинахъ. Елисавета находитъ своего Лейстера. Что происходитъ на придворныхъ банкетахъ и пикникахъ пчелинаго королевства, — на этотъ вопросъ не отвѣтить вамъ ни одинъ натуралистъ. Услѣдить за нѣсколькими десятками пчель, вылетѣвшими изъ улья съ цѣлю потѣшиться и порѣзвиться, нѣтъ никакой возможности. Сердечныя тайны королевы непроницаемы для глазъ обыкновеннаго смертнаго; вѣнчики цвѣтовъ, среди которыхъ пировали трутни вмѣстѣ съ молодою королевою, хранятъ такое же глубокое молчаніе, какъ старыя вѣковыя деревья версальскаго *parc-aux-cerfs*. Надо полагать, что королева на этихъ пиршествахъ наслаждается въ волю, потому что въ улей она возвращается утомленная, измятая, запыленная. Одинъ ли трутень пользуется ея полнымъ расположеніемъ, или многіе счастливицы раздѣляютъ между собою эту величайшую честь, это остается неизвѣстнымъ, какъ для человѣка, такъ и для массы гражданъ пчелинаго королевства. Граждане объ этомъ впрочемъ и не заботятся; на трутней они, по прежнему, обращаютъ очень мало вниманія, но королеву они окружаютъ самыми нѣжными и почтительными ласками. Въ личномъ характерѣ королевы они, конечно, не могли покуда замѣтить ничего особенно утѣшительнаго. Жестокость, обнаруженная ею

при избіеніи будущихъ соперницъ своихъ, уступила мѣсто необузданнымъ порывамъ чувственности. Считается ли чувственность великимъ достоинствомъ въ нравственномъ кодексѣ пчель — не знаю; достоверно извѣстно то, что это достоинство очень рѣдкое, потому что на 20,000 самокъ, составляющихъ главную массу населенія въ ульѣ, приходится только одна самка, вмѣщающая въ себѣ это достоинство, и именно эта самка составляетъ собою тотъ центръ, отъ котораго исходитъ и къ которому возвращается вся дѣятельность улья. Пчелы очевидно обожаютъ производительную силу природы; въ этомъ отношеніи они сходятся съ древними народами передней Азіи; королева улья для нихъ тоже самое, чѣмъ была для Вавилонянъ и Ассирійянъ богиня Астарта, представительница женскаго производительнаго начала. Культъ пчель обращенъ впрочемъ не на фантастическій образъ, облакающій собою отвлеченную идею, а на дѣйствительно существующее лицо; этотъ культъ для нихъ тѣсно связывается съ идеею государства и обуславливаетъ собою то общественное устройство, которое онѣ, по своей неразвитости, считаютъ необходимымъ для своего благосостоянія. Ихъ королева — что-то въ родѣ Далай-Ламы; она считается предметомъ первой необходимости; личность ея священна и неприкосновенна; каждый изъ ея подданныхъ, бѣднѣйшій изъ пролетаріевъ, считаетъ для себя священнѣйшею обязанностью и величайшимъ наслажденіемъ сдѣлать ей жертвоприношеніе, т. е., возвращаясь въ улей съ полевыхъ работъ, поднести ей капельку чистѣйшаго, сладчайшаго меда. Тутъ дѣйствуетъ не расчетъ, не желаніе выслужиться, а простодушное, наивное религиозное чувство. Пролетарій смотритъ на свою королеву, какъ на высшее существо, и дѣйствительно, онѣ имѣетъ на это полное основаніе. Королева каждый день, на его глазахъ, творитъ такіа чудеса, передъ которыми поневолѣ замолчить самое упорное сомнѣніе; она каждый день несетъ яйца, т. е. въ очію совершаетъ такіа дѣянія, на которыя ни одинъ изъ многочисленныхъ обитателей улья не чувствуетъ себя способнымъ. Каждый день она производитъ на свѣтъ до 200 почти подобныхъ себѣ существъ, и такъ продолжается не недѣлю, не двѣ недѣли, а цѣлыхъ два мѣсяца. Королева творитъ, а пролетаріи только работаютъ; какъ же послѣ этого пролетаріямъ не повергнуться во прахъ и не сознать все ея величіе и все свое ничтожество. Никакой скептицизмъ не устоитъ противъ такихъ очевидныхъ и такъ постоянно повторяющихся доказательствъ; скептиковъ дѣйствительно въ пчелиномъ королевствѣ не бываетъ, да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ терпѣть въ благоустроенномъ обществѣ такихъ безпокойныхъ и неблагонамѣренныхъ людей. Когда королева возвращается въ улей послѣ перваго своего пикника, пролетаріи начинаютъ вѣрять въ нее; они предчувствуютъ великія событія, которыя должны совершиться вслѣдствіе этой отлучки; они знаютъ, что въ скоромъ времени

королева начнетъ заботиться о приращеніи народонаселенія, и на этомъ основаніи, вида въ ней будущую мать молодаго поколѣнія, начинаютъ заботиться о ея здоровьи и спокойствіи, начинаютъ изъявлять ей самое искреннее уваженіе, и самое трогательное, хотя въ высшей степени почетительное, сочувствіе. Работники толпятся вокругъ нея, съ торжествомъ носятъ ее по улью, лизжутъ, чистятъ ее щеточками, кормятъ ее съ хоботковъ и возвѣщаютъ всѣмъ радостную новость: «владычица изволили сочетаться бракомъ съ однимъ изъ благородныхъ лордовъ». Эпитетъ *законный* не присоединяется къ существительному *бракъ*, потому что у пчель всякій совершившійся бракъ считается естественнымъ, и слѣдовательно законнымъ. Имя счастливаго избранника или счастливыхъ избранниковъ также умалчивается; имъ никто не интересуется; пчелы служатъ дѣлу, а не лицамъ; для нихъ важенъ самый фактъ, а не обстановка.

Обыкновенный ходъ дѣла въ ульѣ, ровный, покойный и правильный, какъ движеніе часоваго механизма, нарушается иногда неприятными случайностями. Королева, не смотря на свое исключительное положеніе, не смотря на чудотворную силу, дарованную ей отъ всецѣдой природы, подвержена тѣмъ же законамъ, которымъ покоряемся всѣ мы, простые смертные. Она можетъ подобно ничтожнѣйшему изъ своихъ подданныхъ, захворать, умереть, оставить въ безпомощномъ положеніи свой улей въ ту самую минуту, когда онъ всего болѣе нуждается въ ея общепользныхъ трудахъ. Ее можетъ прихлоннуть ладонью или хлопнушкою какойнибудь шаловливый мальчишка, которому и въ голову не придетъ, подумать, что онъ готовитъ для цѣлаго народа, или по крайней мѣрѣ для цѣлаго города всѣ ужасы междуцарствія. Когда умираетъ королева, уже успѣвшая снести такія яички, изъ которыхъ выдутъ со временемъ новыя королевы, то никакихъ ужасовъ не бываетъ, все идетъ прежнимъ порядкомъ; вездѣ кипитъ прежняя дѣятельность, и номинальную королевою считается старшее яичко, старшій червячокъ, или старшая куколка; эта номинальная королева обыкновенно дѣлается дѣйствительною королевою, потому что, разившись раньше своихъ младшихъ сестеръ, она успѣваетъ всѣхъ ихъ перерѣзать и слѣдовательно прибираетъ къ рукамъ весь улей. Нельзя даже сказать, чтобы пчеламъ приходилось особенно плохо въ то время, когда королевою числится яичко или куколка; ни яичко, ни куколка не требуютъ корма, и слѣдовательно общественные расходы очевидно сокращаются; рабочіе, возвращающіеся въ улей, по необходимости оставляютъ для самихъ себя тѣ лучшія капельки меда, которыя они въ обыкновенное время, въ припадкѣ благоговѣйнаго усердія, несутъ своей повелительницѣ; слѣдовательно, рабочіе очевидно не оказываются въ убыткѣ. Но усердіе ихъ сильнѣе расчета и голоса здраваго смысла; они ждутъ появленія новой королевы съ великимъ нетерпѣніемъ и привѣтствуютъ ее самымъ радостнымъ жужжаніемъ.

Если королева умретъ въ тотъ періодъ, когда она кладетъ только такія яички, изъ которыхъ вылупятся рабочія личинки,—то весь улей приходитъ въ смятеніе. Надо во что бы то ни стало спасти монархическій и религіозный принципъ; внѣ принятыхъ издавна нормъ, освященныхъ тысячелѣтнимъ своимъ существованіемъ, пчелы не понимаютъ жизни и не видятъ спасенія. Королевы нѣтъ; замѣнить ее некому; что же дѣлать? Остается только попробовать, нельзя ли тщательнымъ уходомъ, отборною пищею и усиленными неуспынными заботами облагородить плебейскую натуру простыхъ яичекъ, нельзя ли развить въ будущихъ личинкахъ ту чудотворную силу, которая творитъ себѣ подобныя существа, и которую обожали въ прежней своей королевѣ простодушные обитатели улья? Тотчасъ же въ ульѣ начинается самая тревожная дѣятельность. Рядомъ съ тѣми клѣточками, гдѣ лежитъ счастливое яичко, должноствующее обратиться въ королеву, ломаютъ стѣны и расчищаютъ мѣсто; устраивается обширное жилище и личинка, вылупившаяся изъ яичка, начинаетъ наслаждаться тѣмъ комфортомъ, просторомъ и чистотою, которыя совершенно необходимы для нормальнаго развитія половыхъ органовъ. Чтобы совершенно оградить себя отъ всякихъ случайностей, чтобы смерть избранной личинки не могла повести къ новому междуцарствію, рабочіе поступаютъ такимъ образомъ съ нѣсколькими яичками, такъ что въ одно время готовится нѣсколько королевъ, которыя потомъ, съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ оспаривать другъ у друга господство надъ ульемъ.

Междусобія не опасны для улья потому, что дѣло рѣшается поединкомъ, въ которомъ рабочіе и трутни не принимаютъ никакого участія. Какъ только изъ куколки вылупится королева, которой въ началѣ суждено было быть простою рабочею пчелою, такъ она тотчасъ же начинаетъ обнаруживать наклонности, отличавшія собою ея предшественницъ; она точно также схватывается на жизнь и на смерть съ соперницею, если таковая окажется и точно также истребляетъ въ зародышѣ все то, что можетъ сдѣлаться опаснымъ для ея неограниченнаго господства. Потомъ она точно также принимаетъ любезности трутней, устраиваетъ пикникъ, вступаетъ въ брачныя отношенія и жизнь улья катится прежнимъ порядкомъ.

Пчелы какъ то инстинктивно понимаютъ всю важность матеріальныхъ условій; чтобы развить въ молодомъ существѣ извѣстныя наклонности, чтобы утвердить въ немъ такія свойства, которыя ему придется прикладывать къ дѣлу въ теченіи всей своей жизни, — онѣ начинаютъ кормить его извѣстною пищею, отводятъ ему просторное помѣщеніе, заботятся о его чистотѣ, — и цѣль достигается вполнѣ; изъ скромнаго, трудолюбиваго, безстрастнаго и добродушнаго пролетарія дѣлается гордая, властолюбивая, жестокая къ своимъ соперницамъ королева, совер-

шенно неспособная работать, но за то чрезвычайно плодовитая и въ высшей степени расположенная къ чувственнымъ наслажденіямъ. При своемъ трезвомъ міросозерцаніи, пчелы могли бы сдѣлать великія открытія въ области естественныхъ наукъ, но къ сожалѣнію, забота о насущномъ хлѣбѣ поглощаетъ всѣ живыя силы мыслящей части пчелинаго народа; у пчелъ нѣтъ ни сословія ученыхъ, ни академій, ни университетовъ; у нихъ нѣтъ даже начатковъ литературы и поэзіи. Онѣ не дѣлаютъ даже самыхъ простыхъ выводовъ изъ тѣхъ фактовъ, которые находятся постоянно передъ ихъ глазами, онѣ не умѣютъ, напримеръ, разсуждать такимъ образомъ: вѣдь рабочая личинка можетъ превратиться въ королеву, если я буду кормить ее хорошимъ и сытнымъ кормомъ; вѣдь королева — тоже самое, что рабочая пчела, только она лучше откормлена и полнѣе развита; отчего же не кормить всѣхъ одинаково, чтобы всѣ могли въ равной мѣрѣ пользоваться жизнью и производить дѣтей? До этого простаго разсужденія пчела никакъ не умѣетъ дойти, вѣроятно потому, что спѣшная работа не даетъ ей времени философствовать. «Le travail est un frein», говорилъ Гизо въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія и вѣроятно, его изреченіе, которое онъ великодушно примѣнялъ къ французскимъ ремесленникамъ, можетъ быть приложено не только къ людямъ, но и къ насѣкомымъ. Задавленная работою, которая не даетъ имъ ни отдыха, ни срока, съ самой минуты ихъ рожденія, пролетаріи пчелинаго королевства не составляютъ социальныхъ теорій, не задумываются о смыслѣ жизни, и бытовья формы улья остаются неизмѣнными, неизблемыми и неподвижными. Движенія мысли нѣтъ; постояннаго прогресса не замѣтно; ни одинъ обычай, ни одно учрежденіе не оказывается устарѣлымъ и не замѣняется новымъ. Но спокойствіе въ ульѣ сохраняется только тогда, когда припасовъ достаточно, когда кругомъ улья лежатъ цвѣтушіе луга, на которыхъ тысячи пчелъ могутъ находить себѣ ежедневно обильную добычу. Какъ только наступаетъ дождливая осень, какъ только полевые цвѣты увядаютъ и осыпаются, такъ обитатели улья начинаютъ чувствовать безпокойство; являются экономическія недоразумѣнія; трутни сталкиваются въ своихъ интересахъ съ пролетаріями, и это столкновеніе ведетъ къ страшнымъ, кровавымъ результатамъ, ясно показывающимъ несостоятельность той конституціи, которою управляются пчелы.

VI.

Не мѣшаетъ замѣтить, что запасы меда, набранные въ ульѣ, принадлежатъ рабочимъ пчеламъ, которыя горю стоятъ за свою собственность, и не позволяютъ кому бы то ни было завладѣвать ихъ эконо-

мическими суммами. На это никто и не рѣшается, покуда окрестные луга покрыты цвѣтами; трутни отправляются завтракать и обѣдать за предѣлы улья; но съ наступленіемъ осени, такого рода образъ жизни становится невозможнымъ; даже рабочія пчелы возвращаются часто въ улей съ пустымъ желудкомъ, и не приносятъ на пожкахъ ни меда, ни цвѣточной пыли; благородные трутни, тяжелые на подъемъ и не любящіе дальнихъ отлучекъ изъ роднаго улья, не находятъ возможности кормиться и, покружившись надъ пожелтѣвшеею травою, возвращаются домой голодные и недовольные. Тогда въ ульѣ начинаются волненія, смыслъ которыхъ можно, для большей наглядности, передать въ видѣ совѣщаній и разговоровъ между представителями различныхъ сословій, партій и мнѣній въ ульѣ.

Трутни собираются въ кучки и съ ворчливымъ жужжаньемъ передаютъ другъ другу неутѣшительныя свѣдѣнія о бесплодіи окружающихъ луговъ и еще болѣе неутѣшительныя мнѣнія о томъ, что, при подобномъ положеніи дѣлъ, надо ожидать голодной смерти.

«Мы—привилегированное сословіе, воспециаетъ одинъ изъ трутней, гордо расправляя крылья. Мы пользуемся отѣмненнымъ расположеніемъ нашей милостивой повелительницы. Работники должны заботиться о нашемъ пропитаніи. Это ихъ прямая обязанность; во время лѣтнихъ дней они набрали много меда, и въ этомъ запасѣ мы должны имѣть свою долю. Мы имѣемъ природенное право пользоваться общественнымъ достоинствомъ. Теперь, къ величайшему сожалѣнію, мы видимъ, что неразвитая толпа подвергаетъ сомнѣнію наши права. Рабочія пчелы полагаютъ, что запасъ принадлежитъ имъ однимъ на томъ основаніи, что онѣ однѣ собирали медъ и складывали его въ клѣточки. Тутъ онѣ явно выворачиваютъ на-изнанку самыя элементарныя основанія логики и права. Эти запасы принадлежатъ обществу, и наше пчелиное государство имѣетъ право распоряжаться ими по своему благоусмотрѣнію, для покрытія своихъ насущныхъ потребностей. А развѣ поддержаніе нашей жизни и нашего благоденствія не можетъ и не должно быть названо насущною потребностью государства? Развѣ можетъ существовать улей безъ трутней, безъ привилегированнаго сословія? Запасы принадлежатъ намъ,—намъ, прежде всего. Обеспечивъ свое существованіе, мы охотно отдадимъ часть нашего излишка голоднымъ бѣднякамъ-рабочимъ, но надо же намъ сначала утолить свой голодъ и упрочить за собою продовольствіе на будущее время. Пойдемте къ королевѣ; изложимъ ей наши желанія и представимъ на ея разсмотрѣніе предъявляемые нами права».

Рѣчь предприимчиваго оратора приходится по душѣ слушателямъ; она соотвѣтствуетъ потребностямъ времени, она разрѣшаетъ удовлетворительнымъ образомъ страшный вопросъ, поставленный обстоятельствами,

вопросъ: Ёсть или не Ёсть? и вслѣдствіе этого, встрѣчаетъ себѣ единодушное сочувствіе.

Депутаты отъ благороднаго сословія трутней отправляются къ королевѣ, и королева не только не сѣдаетъ ихъ, подобно тому, какъ жители Сандвичевыхъ острововъ сѣли европейскихъ парламентаровъ, но напротивъ того, обходится съ ними чрезвычайно милостиво и выслушиваетъ съ величайшимъ вниманіемъ ихъ всеподданиѣшія прошенія. Затѣмъ она отвѣчаетъ имъ въ такомъ духѣ, что господамъ трутнямъ ничего не остается желать.

«Я всегда, говоритъ она, окидывая всѣхъ присутствующихъ благосклоннымъ взоромъ, была убѣждена въ томъ, что для прочности и благоденствія государства необходимо существованіе наслѣдственнаго сословія перовъ; съ уничтоженіемъ этого сословія распдутся въ прахъ всѣ правительственныя основы общества. Вы служили мнѣ вѣрно, вы были привязаны къ моей особѣ, и ваши доблести вполнѣ заслуживаютъ награды. Вы, безъ всякаго сомнѣнія, прежде всѣхъ другихъ имѣете право пользоваться накопленными запасами. Я, какъ повелительница ваша, даю вамъ честное слово: ваши интересы нисколько не пострадаютъ отъ наступающихъ бѣдствій. Не обращайтесь на ропотъ рабочихъ пчель; ихъ назначеніе работать, и, пока онѣ исполняютъ свое дѣло съ подобающимъ усердіемъ, я сохраняю въ отношеніи къ нимъ милостивое расположеніе. Но вы, перы мои, не должны заботиться о своемъ пропитаніи; у васъ есть болѣе высокое и благородное призваніе; не забывайте этого и предоставляйте мелкія работы о насущномъ хлѣбѣ низшимъ существамъ, менѣе васъ облагодѣтельствованнымъ дарами природы. Въ заключеніе изъясляю вамъ, господа перы, искреннее мое благоволеніе за то, что вы съ такимъ полнымъ довѣріемъ обратились къ вашей королевѣ».

Трутни торжествуютъ и прославляютъ велпчіе, благодушіе и государственную мудрость своей повелительницы.

Между тѣмъ пролетаріи, встревоженные увиданіемъ цвѣтвовъ, также начинаютъ собираться въ кучки и толковать.

НЕСОРАЗМѢРНЫЯ ПРЕТЕНЗІИ.

(Уличные типы. Текстъ А. Голицынскаго, съ 20-ю рисунками М. Пикколо.
Изданіе К. Рихау. 1860. Москва):

«Если хотите знать народъ, изучайте его на улицѣ», сказалъ одинъ философъ. Къ русскому человѣку скорѣй всего можно сдѣлать такое предложеніе. Нашъ простолюдинъ—гость у себя дома, и часто гость очень церемонный: тутъ вы отъ него иногда слова не добьетесь. Онъ является домой большею частью для того только, чтобъ поѣсть, отдохнуть, да пожалуй умереть. Вся жизненная и общественная дѣятельность выражается на улицѣ: здѣсь онъ работаетъ, пьетъ, гуляетъ, бранится, торгуетъ, мошенничаетъ, значить, весь на распашку; наблюдай и рисуй, сколько хочешь».

Такъ г. Голицынскій начинаетъ вступленіе въ своей книгѣ: «Уличные типы». Это его программа. Изъ этихъ словъ видно, что авторъ придаетъ своему произведенію довольно важное значеніе; онъ полагаетъ, что оно можетъ познакомить читателя съ народною жизнью, и конечно, всякій образованный читатель согласится, что узнать свойства и потребности нашего народа,—насушная задача нашего времени. Мы съ живѣйшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ комедіи Островскаго и Писемскаго, потому что онѣ открываютъ черты народнаго характера; каждое собраніе пѣсень, сказаній, легендъ подвергается серьезной критикѣ и внимательному изученію; каждая черта народной жизни, занесенная въ лѣтописи или въ разгульную пѣсню бурлака, съ любовью и съ жаднымъ вниманіемъ отмѣчается талантливыми и добросовѣстными изслѣдователями нашей отечественной исторіи.—Мы недавно принялись за изученіе народности, и какъ будто въ разъясненіи ея хотимъ провѣрить свои недостатки, слабости, несчастія, однимъ словомъ, подмѣтить и опредѣлить

БИБЛИОТЕКА
К-Ф 1933 р.
1193
1193

истинныя черты своего характера. Мы приходимъ къ сознанию, что историческая маска вовсе не передаетъ вѣрнаго портрета народной физиономіи. И вотъ, намъ общають представить рядъ картинъ, изображающихъ жизнь народа на московскихъ улицахъ. Это любопытно. Не ожидая глубокаго изученія, мы однакожь позволяемъ себѣ надѣяться, что встрѣтимъ нѣсколько сценъ, полныхъ жизни и здороваго юмора, нѣсколько мѣтко схваченныхъ чертъ народнаго характера, нѣсколько типическихъ, бойко очерченныхъ фигуръ. Надѣмся, наконецъ, что авторъ, согласно своему обѣщанію, отнесется къ предмету серьезно и тепло, какъ должно относиться къ свѣжему молодому организму, не успѣвшему развернуться, но представляющему задатки здоровой силы и будущей самостоятельной дѣятельности. Воимя этихъ задатковъ надо извинить и оправдать существующія безобразныя уклоненія и ошибки; молодостью этого народа, его неразвитостью, объясняется большая часть его слабостей и недостатковъ. Мы не требуемъ оптическихъ обмановъ; мы не боимся тяжелаго впечатлѣнія, не отвертываемся отъ нравственнаго зла, но настоятельно требуемъ, чтобъ это зло было намъ объяснено, чтобъ наше обличеніе было не клеветой на дѣйствительность, не камнемъ, брошеннымъ въ грѣшника, а осторожнымъ и бережливымъ раскрытіемъ раны, на которую мы не имѣемъ права смотрѣть съ ужасомъ и отвращеніемъ. Наука и искусство должны мирить насъ съ жизнью, объясняя намъ ея смыслъ и внушая мягкое и осмысленное состраданіе къ самымъ, по видимому, неизвинительнымъ уклоненіемъ ея отъ законовъ разума. Законъ осуждаетъ уголовнаго преступника, отдѣляетъ его отъ общества, наказываетъ его физическою или гражданскою смертію, повинуваясь грустной необходимости оберегать большинство и во имя его интересовъ и безопасности жертвовать отдѣльною личностію; но человекъ, и тѣмъ болѣе художникъ, долженъ видѣть въ преступникѣ человекъ, смотрѣть на него какъ на больнаго, и не клеймить его своимъ презрѣніемъ. Объясняя преступленіе, мы уже до нѣкоторой степени его извиняемъ; человекъ дурно воспитанный, не видѣвшій съ дѣтства ни ласки, ни совѣта, можетъ сдѣлаться бездушнымъ эгоистомъ, мелкимъ или крупнымъ взяточникомъ, уличнымъ воромъ или грубымъ деспотомъ въ семействѣ, смотря по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ сложилась его жизнь, смотря по тому положенію, которое онъ займетъ въ обществѣ, смотря по тѣмъ жизненнымъ средствамъ, которыя достанутся ему на долю. Порокъ, которому онъ предается, конечно будетъ противенъ нашему нравственному и эстетическому чувству, но одержимая имъ личность возбудитъ наше состраданіе; если дерево растетъ въ сукъ, его надо выправлять, разузнавъ сначала причины, заставившія его уклониться отъ нормальнаго направленія; если ребенокъ капризенъ, или склоненъ ко лжи, надо изучить его характеръ и подыскать средства, способныя дѣйствовать на него бла-

готоворно, а не презирать его и не глумиться надъ его слабостями. А развѣ больной не тотъ же ребенокъ? А развѣ человекъ, испорченный въ нравственномъ отношеніи, — не больной? А развѣ пороки цѣлаго словія или даже цѣлаго народа не болѣзни? Относиться къ этимъ порокамъ съ легкою шуткою — непростительно. Это значить зубоскалить надъ тѣмъ, отъ чего многіе страдаютъ и плачутъ. Относиться къ нимъ съ безопаднымъ осужденіемъ, хладнокровно презирать ихъ, значить бить ребенка за то, что онъ не понимаетъ заданнаго урока. Есть, конечно, нравственное зло до такой степени наглое, есть люди до такой степени испорченные, что противъ нихъ возмущается вся наша природа; отъ такихъ людей отступится самый гуманный педагогъ, самый великодушный филантропъ, какъ самый просвѣщенный медикъ можетъ отказаться отъ больного, уже превращающагося въ трупъ. Но съ такими исключеніями литературѣ нечего дѣлать. Раскапывать грязь, чтобы показать, какъ она грязна, раскапывать ее безъ малѣйшей надежды, и даже безъ желанія отыскать въ ней что нибудь, заслуживающее оправданія или объясненія — трудъ бесплодный и неблагодарный. Что говорить намъ злодѣи разныхъ парижскихъ и лондонскихъ тайнъ, наводнявшихъ французскую литературу? Что есть негодяи, мошенники и разбойники. Это всякій знаетъ. Кто желаетъ по этому предмету навести статистическія справки, тому всего удобнѣе обратиться въ архивы уголовныхъ судовъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, найдется дѣйствительность, а не поддѣлка, не вымыселъ. Со стороны художника нельзя считать законнымъ ни враждебное отношеніе къ выводимой имъ дѣйствительности, ни холодное равнодушіе. Кто смотритъ на предметъ непріязненно, тотъ видитъ или слишкомъ мало или слишкомъ много, тотъ вмѣсто картины представить карриатуру. Кто смотритъ на предметъ совершенно холодно, тотъ не имѣетъ достаточной побудительной причины взглянуть въ него и изучить его, тотъ не имѣетъ достаточно внутренней силы и теплоты, чтобы выносить его въ груди и вдохнуть ему живое дыханіе жизни. Фотографія не картина, и ремесленникъ не художникъ, хотя бы онъ довелъ до высокаго совершенства техническую отдѣлку своихъ произведеній. Дайте намъ въ художникъ человека, и хорошаго человека, способнаго хоть въ минуты творчества любить горячо и сильно, стремиться къ добру и красотѣ и, ненавидя зло, прощать и щадить злодѣя, какъ слабого и больнаго человека! Чтобы воссоздавать сцены народной жизни, всего необходимѣе эта способность любить, способностъ спускаться въ міросозерцаніе людей, стоящихъ ниже насъ по своему развитію, и не относиться къ ихъ радостямъ и горестямъ, къ ихъ ошибкамъ и страданіямъ съ холодной высоты отвлеченной мысли.

Эти замѣчанія вызваны не самою книгою г. Голицынскаго, а тѣми ожиданіями и требованіями, на которыя даетъ намъ право самоувѣрен-

ный и самодовольный тонъ его вступленія. Трудно, впрочемъ, согласиться съ тѣми словами, которыя я привелъ въ началѣ статьи. Россія—не Италия, Москва — не Римъ; ни климатъ, ни характеръ народа не располагаютъ къ такому обширному развитію наружной жизни, при которомъ изучать народъ было бы всего удобнѣе на улицѣ. Мысль о томъ, что русскій «простолюдинъ гость — дома, и часто гость очень церемонный» высказана г. Голицынскимъ смѣло и голословно, какъ неопровержимая аксіома. Доказательства, которыя онъ выдвигаетъ на поддержку ея, состоятъ въ общихъ фразахъ, которыя въ свою очередь должны быть доказаны. «Вся его жизненная и общественная дѣятельность», говоритъ авторъ, «выражается на улицѣ». Въ чемъ же состоитъ эта жизненная и общественная дѣятельность? Вотъ въ чемъ: «здѣсь, продолжаетъ г. Голицынскій, онъ работаетъ, пѣетъ, гуляетъ, бранится, торгуется, мошенничаетъ, значить весь на распаху...»

Работаетъ русскій человѣкъ, сколько мнѣ извѣство, не на улицѣ, а въ мастерскихъ или у себя дома,—стало быть съ этой стороны изучить его на улицѣ мудрено; самъ г. Голицынскій, кромѣ извозчиковъ, не нашелъ въ уличныхъ типахъ ни одного ремесла, производимаго на улицѣ. Торгуется русскій народъ, дѣйствительно, отчасти и на улицѣ, но что же изъ этого? Если вы будете наблюдать русскаго человѣка съ одной этой стороны, то рискуете или не сдѣлать никакого заключенія о его характерѣ, или придти къ невѣрнымъ выводамъ. Глядя на суетливость московскихъ мелкихъ торговцевъ, вы, пожалуй, подумаете, что дѣятельность и подвижность составляютъ основныя черты народнаго характера. Затѣмъ, изъ всѣхъ проявленій «жизненной и общественной дѣятельности» русскаго человѣка остается только то, что онъ на улицѣ «пѣетъ» (?), гуляетъ, бранится и мошенничаетъ». Чтобы по этимъ проявленіямъ составить себѣ понятіе о народномъ характерѣ, надо быть ясновидящимъ или пророкомъ, а ясновидящему не нужно вовсе никакихъ наблюденій; онъ и такъ угадаетъ духъ народа. Но г. Голицынскій не пророкъ и потому ему слѣдовало бы взглядѣться въ свой предметъ попристальнѣе и подумать посерьезнѣе. Считать вычисленныя имъ проявленія существенными моментами народной жизни, значить не понимать народа, не любить и не уважать его. Если мы хотимъ знать о народѣ только то, какъ онъ работаетъ, торгуется, пѣетъ, гуляетъ, бранится и мошенничаетъ, то мы этимъ самымъ или отвергаемъ въ немъ присутствіе другихъ, болѣе благородныхъ инстинктовъ, или не интересуемся ими. Какъ мужикъ любить, какъ онъ живетъ въ семействѣ, какъ онъ воспитываетъ своихъ дѣтей, что думаетъ и чувствуетъ, — этого мы, стало быть, и знать не хотимъ. Если народность дастъ намъ поводъ съострить, рассказать забавный анекдотъ или нарисовать бойкую карикатуру, тогда мы ей рады, какъ случаю выказать наше остроуміе, а иначе намъ до нея и дѣла

нѣтъ. Приступать съ такими идеями къ изученію русскаго народа — по меньшей мѣрѣ несовременно. Но, можетъ быть, подумаетъ читатель, это только неудачное выраженіе, употребленное въ предисловіи г. Голицынскаго случайно, и неимѣющее логической связи съ характеромъ всей книги.

Посмотримъ же, что даетъ намъ книга и на сколько въ своихъ очеркахъ авторъ остается вѣренъ идеямъ, высказаннымъ въ вступленіи. Во всей книгѣ четыре очерка: «Нищіе», «Пріѣзжіе мужички», «Прислуга» и «Представители толкучаго рынка». Въ очеркахъ «Пріѣзжіе мужички» авторъ описываетъ тѣ иллюзіи и мистификаціи, которыя приходится встрѣтить простолюдину провинціалу на московскихъ улицахъ. Вотъ идетъ по тротуару мужикъ, спрашивая у каждаго встрѣчнаго, гдѣ живетъ «нѣмка Мантилья Карловна, бѣдобрыся такая, дюжая изъ себя» (стр. 24); вотъ мужикъ хлебнулъ московской водки и отплевывается, говоря, что у нихъ «водка въ Смоленскѣ хмельнѣе и лучше». (стр. 25); далѣе мужики разговариваютъ о томъ, какъ «Нѣмецъ по пружинѣ на телеграфѣ чихвири пишеть» (стр. 25). Далѣе заѣзжіи извошникъ-ванька тернить горькую долю то отъ господъ, дешево платящихъ за далекіе концы, то отъ казака, везущаго въ часть арестанта, то отъ такихъ людей, которые отъ извошниковъ уходятъ въ проходные дворы. Въ этомъ очеркѣ остроуміе г. Голицынскаго разыгрывается самымъ роскошнымъ образомъ. Не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ, что мужикъ говоритъ *Мантилья* вмѣсто *Матильда*, *телеграфъ* вмѣсто *телеграфъ*, *чихвирь* вмѣсто *цифра*? Не смѣшно ли, что мужикъ не знаетъ, что спрашиваютъ объ адресахъ въ адресномъ столѣ или въ полиціи, что въ московскихъ кабакахъ продаютъ разбавленную водку, что отъ Сухаревой башни до Зубова очень далеко, и что бываютъ дома съ проходными дворами? Выставить на показъ это незнаніе и посмѣяться надъ нимъ съ полнымъ удовольствіемъ и съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ — вотъ цѣль автора въ названномъ очеркѣ и, конечно, цѣль достигается вполне. Народность выводимыхъ личностей тоже выражается вполне, какъ въ ихъ незнаніи, такъ и въ ихъ произношеніи. У насъ еще до сихъ поръ не перевелись писатели, которые характеризуютъ русскаго мужика тѣмъ, что онъ почесываетъ затылокъ, говоритъ *эфто* вмѣсто *это*, и коверкаетъ иностранныя слова. Гуманность этихъ писателей вообще, и г. Голицынскаго въ особенности, заключается по большей части въ томъ, что они, считая слово *мужикъ* грубымъ и обиднымъ, представляютъ его въ смягченномъ видѣ *мужичекъ*. Совершенно одобряя такого рода гуманное смягченіе, я позволю себѣ замѣтить, что въ такомъ случаѣ было бы очень хорошо и удобно, а, главное дѣло, гуманно говорить: *козачекъ* вмѣсто *козакъ*, *солдатикъ* вмѣсто *солдатъ*, *бабочка* вмѣсто *баба*, смягчая такимъ образомъ постоянно слова, обозначающія собою низшія ступени сословій.

Въ разсказѣ «Прислуга» вся соль заключается въ томъ, что лакеи, кучера, кухарки и горничныя на чемъ свѣтъ стоитъ ругаютъ своихъ господъ, разсказываютъ о ихъ любовныхъ похожденияхъ, и отпускаютъ другъ другу площадныя любезности и такія же остроты. Вотъ, напри- мѣръ, сцена за воротами (стр. 35).

— Какой же это клубъ на цвѣточномъ бульварѣ? спросили лукаво дѣвушки.

— Мы тамъ свой завели (отвѣчаетъ кучеръ) тальянскій, значить, съ французскимъ угощеніемъ... на нѣмецкій ладъ.

Кучеръ опять откашлянулся, наклонилъ голову на сторону, и запѣлъ подъ свою гармонию: «Вотъ на-а пути-и-и село-о большо-о-е, туда... Чтожь орѣшками-то не попоштуете, крикнулъ онъ неожиданно, щипнувъ за талью одну изъ слушательницъ.

— Ахъ, чтобъ тебѣ лопнуть! Жидъ ты эдакій! Перепугалъ до смер- ти! крикнула та въ свою очередь, изо всѣхъ силъ треснувъ его по спинѣ ладонью.

— Попоштуйте орѣхами-то, хоть крѣпки ли зубы попробовать.

— На те вотъ, берите, коль не побрезгаете.

— Изъ вашего платочка завсегда очинно приятно, отвѣчалъ Лов- ласъ съ необыкновенною галантерейностью.

— Почему жъ это?

— А потому не въ примѣръ скусиѣе орѣхи будутъ... его забилося ре-е-ти-во-о-е, и по-о-тих... и т. д.

Были, и до сихъ поръ есть писатели, принимающіе тривіальность за народность; употребляя слова *треснуть*, *лопнуть*, *тальянскій*, *галанте- рейность*, *попштовать*, *скусиѣе*, и восклицанія въ родѣ: *жидъ ты эдакій!*, г. Голицынскій убѣжденъ въ томъ, что во 1-хъ, онъ уловилъ букетъ народности, и что, во 2-хъ, онъ создалъ сцену, исполненную неподдѣль- наго комизма, и самаго живаго юмора. Писатели съ посредственнымъ талантомъ и съ ограниченнымъ даромъ наблюдательности не умѣютъ возсоздавать народное міросозерцаніе и часто вовсе не подозреваютъ его существованія. Они подмѣчаютъ только внѣшнія угловатости и рѣз- кости, и потому ихъ сцены изъ народной жизни, при бѣдности и без- цвѣтности внутренняго содержанія, отличаются аффектаціею и поддѣл- кою народнаго разговорнаго языка. Инымъ это нравится, и не мудрено: романы гг. Зотова и Воскресенскаго находятъ себѣ многочисленныхъ читателей; выходы фарсеровъ въ водевиляхъ, дающихся для сѣзда и разъѣзда публики, возбуждаютъ въ райѣ громкій хохотъ и рукоплес- канія. Эстетическія понятія и требованія различныхъ людей отличаются безкончнымъ разнообразіемъ; почему же и г. Голицынскому не прослыть въ извѣстномъ кругу читателей юмористомъ и знатокомъ русской народ- ности? Наше дѣло—показать, что въ его книгѣ можно встрѣтить, чтобы

предостеречь болѣе разборчивую публику отъ разочарованія. Комизмъ г. Голицынскаго далеко не изященъ, но смѣется каждый тому, что ему кажется смѣшнымъ; смѣялся же сослуживецъ Жевакина надъ тѣмъ, что ему показывали палець, а между тѣмъ, у кого же достанеть духу быть за это въ претензіи на добродушнаго мичмана? Но если писатель позволить себѣ смѣяться надъ тѣмъ, что въ каждой гуманной личности должно возбудить чувство грусти, состраданія или ужаса, тогда мы въ правѣ сказать и доказать, что такой смѣхъ — кощунство, и что вліяніе его, по крайней мѣрѣ на ту часть публики, которая вѣритъ авторитету печатной буквы, безнравственно и вредно. Это гаерство, которому нуженъ канатъ и дурацкая шапка, чтобъ развлекать публику, а не любовь и сампатія къ народу. Читая очерки г. Голицынскаго «Нищіе» и «Представители толкучаго рынка», я не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, съ какою цѣлью написалъ ихъ авторъ. Я даже сомнѣваюсь, чтобы самъ авторъ сознавалъ въ нихъ какую нибудь цѣль. Хотѣлъ ли онъ обличить плутни нищихъ и московскихъ жуликовъ и должно ли поставить эту статью на ряду съ книгою г. Зоркина, обличающаго плутни шуллерской игры? Хотѣлъ ли онъ представить рядъ очерковъ съ чисто-эстетическою цѣлью, какъ писатель, изображающій «бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни?» Что онъ хотѣлъ сдѣлать, мы не знаемъ; посмотримъ же, что онъ сдѣлалъ.

Въ очеркѣ «Нищіе» представлены *салонница*, «*бѣдный, но благородный человекъ*», *шарманщикъ*, и наконецъ очерченъ вертешъ или подвалъ, въ которомъ живутъ колеки нищіе, пробавляющіеся милостынею у входа въ церкви, на паперти, на бульварахъ и на улицахъ. Почти во всѣхъ этихъ сценахъ мы имѣемъ дѣло съ поддѣльною бѣдностью, и авторъ вездѣ обращаетъ вниманіе не на степень матеріальнаго недостатка, а на средства, которыя употребляютъ бѣдняки, чтобы возбуждать состраданіе народа. Онъ относится къ самой бѣдности ихъ холодно, а по поводу ихъ проницрства и искусства притворяться даетъ полную волю своему натянтому юмору. Онъ чрезвычайно игриво остритъ и надъ салонницею, и надъ «*бѣднымъ, но благороднымъ человекомъ*», и даже надъ бѣдною дѣвочкою, сопровождающею шарманщика и дѣлающеюся жертвою разврата въ такомъ возрастѣ, когда еще ни физическія, ни нравственныя силы не окрѣпли и не способны поддержать и предохранить ее отъ пагубнаго вліянія окружающей среды. О салонницѣ онъ говоритъ, напримѣръ, что салопъ «служитъ такимъ же отличительнымъ признакомъ ея званія, какъ, напримѣръ, для Испанки мантилья» (стр. 9). О «*бѣдномъ, но благородномъ человекѣ*» приводится цѣлая сцена (стр. 11), въ которой такой проситель на ломаномъ французскомъ языкѣ обращается къ состраданію порядочно одѣтаго господина. Остроуміе г. Голицынскаго остается вѣрно себѣ: вся соль этой сцены заключается въ

искаженіи французскихъ словъ, которыя даже для большей картинности напечатаны русскими буквами. Напримѣръ:

— Vous demandez *l'aimone*? (спрашиваетъ господинъ).

— Фи донъ, лимонъ... (отвѣчаетъ проситель), жѣ при сюръ поврете, мусье.

Веселость г. Голицынскаго не помрачается даже тогда, когда онъ рассказываетъ о томъ, что одного «бѣднаго, но благороднаго чловѣка» нашли замерзшимъ на улицѣ. Остроуміе его не сдерживается и передъ трупомъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Однажды отставной чиновникъ выпросилъ у г. Голицынскаго гривенникъ, говоря, что ему необходимо ѣхать на Амуръ; на другой день утромъ, въ присутствіи г. Голицынскаго, поднимаютъ на улицѣ чей то замерзшій трупъ. «Представьте же мое удивленіе, когда, взглянувъ на его посинѣлое лице, продолжаетъ авторъ, я узналъ вчерашняго амурца. И даже бронзовая медаль болталась у него въ петлицѣ. Доѣхалъ! подумалъ я, и спросилъ у квартальнаго: куда жъ вы теперь его повезете?» — Чловѣкъ умеръ какъ собака, подъ заборомъ, безъ пріюта, безъ ласки и не возбуждаетъ въ г. Голицынскомъ даже той жалости, какую невольно чувствуешь къ страданіямъ животнаго. Я могу объяснить этотъ фактъ только гипотезою; вѣроятно, г. Голицынский заподозрѣлъ своего Амурца въ пьянствѣ и, возмущенный этою слабостью, отнесся къ его жалкой кончинѣ съ добродѣтельнымъ равнодушіемъ и презрѣніемъ. Но любопытно то обстоятельство, что сцена, рассказанная г. Голицынскимъ, производитъ на читателя совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого ожидалъ авторъ. Если кто изъ трехъ личностей, дѣйствующихъ въ сценѣ, рассказанной г. Голицынскимъ, способенъ подѣйствовать на читателя тяжело и враждебно, то это конечно тотъ я, отъ лица котораго идетъ весь рассказъ. Бродяга, собиравшійся ѣхать на Амуръ, умеръ мучительною смертію, онъ погибъ, какъ «собака подъ заборомъ». Если квартальный отзывается о смерти чловѣка совершенно равнодушно, то это извиняется его необразованностью или давнишней привычкою. Но что же сказать въ оправданіе того я, который, закутываясь въ шубу, думаетъ о замерзшемъ бѣднякѣ: «доѣхалъ!» что значить другими словами: «околѣлъ! туда и дорога!» А всего любопытнѣе то, что г. Голицынский даже не выдѣляетъ себя изъ этого я, не замѣчаетъ, что это я нуждается въ оправданіи или въ презрительномъ состраданіи, и довольный своею теплою шубою и неизсякаемымъ остроуміемъ, переходитъ къ другимъ забавнымъ сценамъ. Къ числу такихъ забавныхъ сценъ относится аукціонъ на ребенка, происходящій въ вертепѣ (стр. 18). Къ числу такихъ же сценъ относится смерть ребенка, въ этомъ вертепѣ, смерть, которая рассказана такъ: «Мать видитъ, что ребенокъ дѣйствительно кончается и начинаетъ выть и причитать по привычкѣ. Жильцы вертепа, Богъ знаетъ почему, хохочутъ. Черезъ часъ, маленький

герой нашъ умираетъ и — *fnita la comedia* (стр. 20)». Что за наглый цинизмъ! Кто далъ право г. Голицынскому относиться такъ грубо къ лучшимъ чувствамъ человѣческой природы! Мать—нищая, развратная, безноса я женщина, какъ неоднократно (стр. 19, 20) съ какимъ то особеннымъ удовольствіемъ повторяетъ г. Голицынскій; такъ что же изъ этого? Развѣ она не можетъ любить своего ребенка? Она отдаетъ его на прокатъ другимъ нищимъ старухамъ, она торгуетъ имъ, она поступаетъ отвратительно, но что же изъ этого? Развѣ въ минуту агоніи ребенка въ ней не можетъ проснуться материнское чувство, усиленное внезапно выступившими угрызеніями совѣсти. Надо быть сердцеѣдцемъ, надо быть Богомъ, чтобы осмѣлиться сказать, что эта несчастная мать воетъ и причитаетъ *по привычкѣ*. Жильцы вертепа смѣются—не мудрено! Образованный человѣкъ, литераторъ находитъ сказать только — *fnita la comedia*; было бы удивительно, если бы нищія не смѣялись и не глумились надъ смертью бѣднаго ребенка; осуждать ихъ за это несправедливо, можно только замѣтить, что сцены, подобныя описанной, составляютъ клевету на человѣчество. Онѣ могутъ войти только въ протоколъ уголовного процесса; многое совершенно не правдоподобное случается иногда въ дѣйствительности, но мы не повѣримъ художнику, если онъ представить намъ въ своей картинѣ эти случайности и исключенія, потому что исключительныя положенія не даютъ матеріала для типа, а только могутъ быть до нѣкоторой степени объяснены случайнымъ и страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Въ природѣ встрѣчаются, можетъ быть, совершенные злодѣи, но нуженъ колоссальный талантъ, чтобы заставить повѣрить въ возможность такого злодѣя, представленнаго въ литературномъ произведеніи. Если смерть ребенка въ вертепѣ нищихъ происходила передъ глазами самаго г. Голицынскаго, тогда холодный цинизмъ, съ которымъ она рассказана, приведетъ читателя въ ужасъ. Если эта сцена создана фантазіею автора, тогда это лишній камень осужденія, брошенный безъ особенной причины въ классъ людей, который нуждается въ состраданіи, и который безусловно презирать — несправедливо, чтобъ не сказать больше. Народные пороки—вопросъ до такой степени серьезный, что къ нему надо относиться осторожно, съ знаніемъ и пониманіемъ дѣла, съ полною способностью сочувствовать несчастному и съ полнымъ желаніемъ простить и оправдать то, что упало въ грязь случайно, и стремится изъ нея выйти. Въ подобныхъ случаяхъ всегда лучше быть слишкомъ мягкимъ, нежели слишкомъ жестокимъ: изящнѣе, справедливѣе и гуманнѣе тотъ сердобольный купецъ или мужикъ, который подастъ нищему грошъ, не справляясь даже о его нравственности, чѣмъ тотъ писатель-обличитель, которому во всякомъ оборванномъ просителѣ мерещится тунеядецъ, обманщикъ или мошенникъ. Г. Голицынскій такъ презираетъ поддѣльную бѣдность, что рядомъ съ нею рѣши-

тельно не даетъ мѣста истинной бѣдности. Эта брезгливость не достойна ни художника, ни развитаго человѣка. Подумайте, что такое поддѣльная бѣдность? Заслуживаетъ ли она дѣйствительно такого безжалостнаго осужденія? Если просить милостыню человѣкъ, имѣющій состояніе, то это болѣзнь, мономанія. Если человѣкъ, дѣйствительно не имѣющій средствъ и даже работы, прикидывается калѣкою, то онъ выставляетъ только яркую вывѣску того положенія, въ которомъ дѣйствительно находится. Нищенство—занятіе очень не изящное; нищенство не излѣчивается тѣмъ величавымъ презрѣніемъ, съ которымъ вы будете смотрѣть на бѣдняка. Амурець, которому г. Голицынскій далъ гривенникъ, былъ очень здоровъ, однако это не помѣшало ему замерзнуть; стало быть, онъ дѣйствительно былъ въ крайности, потому что даже авторъ уличныхъ типовъ, строгій sensor morum, не говоритъ положительно о томъ, что онъ замерзъ въ пьяномъ видѣ. Зачѣмъ, скажете вы, здоровому человѣку нищенствовать и пить, когда онъ можетъ работать? Да развѣ, отвѣчу я, всякому здоровому человѣку такъ легко найти себѣ работу? Вы безъ рекомендаціи не наймете дворника, не пустите къ себѣ въ домъ кухарку, тѣмъ болѣе не дадите работы человѣку, протягивающему вамъ руку на улицѣ. А, можетъ быть, есть между нищими и такіе люди, которые душою рады были бы найти себѣ занятія. Можетъ быть, униженные случайно, эти люди стремятся выйти изъ своего тяжелаго положенія, но ихъ отталкиваетъ окружающее общество, и они медленно развращаются и мирятся съ жизнью тунеядца и бродяги. Сиди безъ хлѣба и безъ мѣста, отвѣдавши случайно, въ крайности, дароваго пропитанія, молодой и здоровый малый можетъ совершенно испортиться, отбиться отъ работы и поступить въ разрядъ поддѣльныхъ калѣкъ. Жалкое паденіе, скажемъ мы, но это паденіе, какъ и большая часть человѣческихъ пороковъ, простительно и заслуживаетъ состраданія, а не презрѣнія. Съ распространеніемъ грамотности развивается обыкновенно трудолюбіе и слѣдовательно уменьшается число тунеядцевъ и нищихъ. Содѣйствовать такого рода усовершенствованіямъ—дѣло каждаго честнаго гражданина, но кто же станетъ этому содѣйствовать. У кого хватитъ духу смѣяться надъ тѣмъ, въ чемъ проявляется слабость человѣческой природы во всей своей ужасающей наготѣ? Кто способенъ стать къ очерку г. Голицынскаго въ критическія отношенія, тому онъ покажется жалокъ и смѣшонъ; кто увлечется юморомъ автора, тотъ вмѣстѣ съ нимъ погрѣшитъ противъ справедливости и здраваго смысла.

«Представители Толкучаго рынка» конечно блѣднѣютъ передъ очеркомъ «Нищіе». Автору не приходится имѣть дѣло съ такими мрачными явленіями жизни, и потому остроуміе его уже не производитъ на читателя такого сильнаго и страннаго впечатлѣнія. Въ этомъ очеркѣ любопытно и поучительно замѣтить только то, что авторъ съ особеннымъ

удовольствіемъ напираетъ на подробности, напоминающія романы Поль-де-Кока; но у Поль-де-Кока эти подробности наивны и веселы, а у г. Голицынского онѣ просто плоски и грязны. Онѣ любятъ останавливаться на такихъ подробностяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, лежитъ и особенность русскаго народа, и мѣстный колоритъ московскаго толкучаго рынка. Какъ ѣсть русскій мужикъ, и чѣмъ отъ какой рыбы пахнетъ, и какъ поддерживается теплота въ кушаньѣ на открытомъ воздухѣ,—все это описано съ такою любовью, что иностранецъ могъ бы подумать, что русская народность безъ этихъ особенностей невообразима. Опять мы скажемъ: «вольному воля!» Остроуміе г. Голицынского мнѣ кажется плоскимъ и натянутымъ, но вѣдь много у насъ на Руси такой публики, для которой двусмысленный, часто очень топорный анекдотъ стоитъ любой комедіи Островскаго; что же съ этимъ дѣлать? Какъ ни грустно признаться въ этомъ, а можно быть увѣреннымъ, что книга: «Уличные типы» разойдется хорошо, и что, читая ее, многіе православные будутъ надирать животики. Приятно, по крайней мѣрѣ, встрѣтить въ этой же самой книгѣ приговоръ надъ нею въ бесѣдѣ двухъ букинистовъ. Обсуживая состояніе современной книжной торговли, одинъ изъ этихъ промышленниковъ замѣчаетъ между прочимъ, что книжка: «Старичокъ-вельсѣчакъ, разсказывающій старинныя московскія были» вышла шестымъ изданіемъ и «ходко идетъ». Этими словами букиниста г. Голицынский очевидно даетъ публикѣ урокъ и старается показать ей, что она раскупаетъ дрянь и ею услаждаетъ свои досуги. Но мы пожалѣли бы и букиниста и публику, еслибъ этотъ урокъ послужилъ въ пользу и былъ примѣненъ къ оцѣнкѣ разобранной нами книги. «Уличные типы» г. Голицынского составляютъ на русской почвѣ подражаніе безчисленнымъ юмористическимъ изданіямъ, наводняющимъ французскую литературу и потѣшающимся надъ смѣшными и плачевными сторонами народности. Всѣ эти изданія, начиная съ самаго роскошнаго изданія «Le diable à Paris», отличаются гласированною бумагою, прекраснымъ выполненіемъ рисунковъ и замѣчательною пустотою содержанія. Всѣ эти качества замѣчаются въ книгѣ г. Голицынскаго, конечно въ ослабленномъ видѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ подражанія. О пустотѣ содержанія мы уже говорили; о внѣшности изданія нельзя не отозваться съ похвалою. Бумага и шрифтъ хороши; а рисунки напоминаютъ собою манеру Гаварни и выполнены опытной и искусной рукой. Даже жаль, что издержки издателя и талантъ художника потрачены на такую ничтожную книгу. Эта книга, сама по себѣ, конечно не стоила такого подробнаго разбора, но я рѣшился отдать ей нѣсколько страницъ, потому что она грубо и неловко затрогиваетъ предметъ, близкій сердцу каждаго честнаго челоуѣка. Грустно видѣть, когда гримасничаютъ, кривляются и глумятся надъ такимъ предметомъ, который любишь горячо, искренно

и сознательно, надъ предметомъ, которому даровитые дѣятели посвящаютъ лучшіе труды свои, къ которому избранные люди приступаютъ съ любовью и уваженіемъ. Тутъ цо неволѣ зашевелится въ душѣ негодованіе и невольно подумаешь, что, проходя молчаніемъ постыдное кощунство, дѣлаешься его пассивнымъ соучастникомъ и ободрителемъ. Въ оправданіе книги г. Голицынскаго сказать нечего. Въ извиненіе самаго автора можно привести развѣ то обстоятельство, что онъ самъ не вѣдаетъ, что творить: и въ этомъ лучшее оправданіе его передъ судомъ критики.

1861 г. Январь.

НАРОДНЫЯ КНИЖКИ.

(РУССКАЯ АЗБУКА ДЛЯ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ И ДЛЯ ДОМАШНЯГО ОБУЧЕНІЯ ПО НОВѢЙШЕЙ МЕТОДЪ. Изданіе Лермантова и Комп. 1860. — РУССКАЯ АЗБУКА СЪ НАСТАВЛЕНІЕМЪ КАКЪ ДОЛЖНО УЧИТЬ. Второе изданіе, значительно дополненное. В. Золотова. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1860. — ХРЕСТОМАТІЯ. — 28 ВАСЕНЪ РУССКИХЪ ВАСНОПИСЦЕВЪ ИЗМАЙЛОВА, ХЕМНИЦЕРА, ДМИТРИЕВА И КРЫЛОВА. Изданіе Лермантова и Комп. 1861. — БЕСѢДЫ ВЪ ДОСУЖЕЕ ВРЕМЯ. Разказы для чтенія простому народу. Изданіе А. Ставюковича. 1860. — ДѢДУШКА НАЗАРЫЧЪ. Разказъ А. Погосскаго. 1860. — ПЕРВЫЙ ВІНОКУРЪ. Древнее сказаніе. — МЕХАНИКЪ-САМОУЧКА КУЛИВИНЪ. Соч. И. Троицкаго. Изъ народнаго чтенія. 1860. — ДЯДЯ ТИТЬ АНТОНЪЧЪ УЧИТЬ, КАКЪ НАДО ЛЮБИТЬ ВЛИЖНЯГО. Соч. Н. С. 1861. — КНЯГИНЯ ОЛЬГА, ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПРАВИТЕЛЬНИЦА-ХРИСТАНКА. Соч. Н. С. 1861).

Наконецъ общество начинаетъ сознавать, что на немъ лежитъ обязанность — дѣлиться съ народомъ знаніями и идеями. Вѣроятно, многія изъ книгъ, поименованныхъ въ заглавіи моеи, статьи написаны съ добросовѣстнымъ желаніемъ принести пользу; вѣроятно, также, что нѣкоторыя изъ нихъ составлены съ промышленною цѣлью; но и это не бѣда. Составить предметъ спекуляціи можетъ только такое предпріятіе, котораго необходимость вошла въ общественное сознаніе. Разумѣется, книга, написанная для народа только ради торговаго сбыта, не дѣлаетъ чести нравственному чувству ея составителя, но самое существованіе подобной спекуляціи — фактъ отрадный, потому что онъ указываетъ на большой запросъ, или, по крайней мѣрѣ, на возможность подобнаго запроса въ ближайшемъ будущемъ. Необходимость народнаго образованія вошла въ общественное сознаніе, но между теоретическимъ и практическимъ рѣшеніемъ вопроса лежитъ цѣлая бездна. Давно ли въ нашихъ журналахъ разсуждали и спорили о томъ, нужна ли и полезна ли для народа грамотность? Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно, но самая возможность подобнаго спора, самая необходимость доказывать аксіому служить осознательнымъ примѣромъ того, какъ ново и непривычно для насъ дѣло

народнаго образованія. И это не удивительно. Потребность умственнаго прогресса была отодвинута въ нашей жизни на задній планъ и мы, вмѣсто истиннаго образованія, довольствовались одними внѣшними условіями его; мы не видѣли или, лучше, не хотѣли видѣть, что позади насъ есть милліоны другихъ людей, которые имѣютъ одинаковое право на чело-вѣческую жизнь, образованіе и социальное усовершенствованіе. Теперь мы сознаемъ, что безъ этихъ милліоновъ людей мы не далеко уйдемъ съ своей привозной цивилизаціей и съ своимъ просвѣщеніемъ, взятымъ напрокатъ. Такимъ образомъ, великой задачей нашего времени становится умственная эманципація массъ, черезъ которую предвидится имъ исходъ къ лучшему положенію не только ихъ самихъ, но и всего общества. Школой нашего воспитанія является весь народъ, а воспитателемъ его образованное меньшинство. Въ теоріи мы знаемъ, что надо дѣлать. Надо изучить характеръ воспитанника, взвѣсить тѣ обстоятельства и обстановку его прежней жизни, которыя могли имѣть вліяніе на складъ его способностей и жизни, надо честнымъ и откровеннымъ обращеніемъ приобрести его довѣріе, надо узнать его насущныя потребности, и наконецъ, ощутивъ дѣйствительную почву, взяться за дѣло такъ, какъ требуютъ обстоятельства, какъ богъ на душу положить, не ожидая отъ теоріи рѣшенія такихъ вопросовъ, которые должны рѣшаться на мѣстѣ, путемъ какого-то наптія и творческаго вдохновенія. Съ такими требованіями каждый развитой чело-вѣкъ имѣетъ право обратиться къ любому порядочному воспитателю, и вѣроятно въ этихъ требованіяхъ не будетъ ничего преувеличеннаго. Если же нельзя браться кое-какъ, съ-налету, за воспитаніе ребенка, то тѣмъ болѣе нельзя, съ кой-какими теоретическими свѣдѣніями приступать къ воспитанію народа. Въ первомъ случаѣ мы рискуемъ приготовить обществу дурнаго гражданина, можетъ быть, несчастную жертву порока; во второмъ, мы принимаемъ на себя тяжелую отвѣтственность за свою націю. И если жалко видѣть отдѣльное лицо, испорченное ложнымъ воспитаніемъ, то съ какимъ же чувствомъ мы должны смотрѣть на умственный развратъ всего народа? Къ сожалѣнію, мы рѣдко задумываемся надъ этимъ вопросомъ и, облачаясь въ санъ воспитателя его, оказываемъ ему услугу, подобную той, какую въ баснѣ Крылова оказалъ медвѣдь спавшему пустынноику. Говоря вообще, мы плохо понимаемъ требованія народной жизни, хотя и много кричимъ на эту тему. Теоретики, фразеры, реформаторы съ высоты величія отвлеченной мысли, доктринеры, фанатики, готовые умереть на словахъ за честь своего знамени, энтузіасты, крикуны и махатели руками расплодился неимоверно въ нашемъ разсыропленномъ обществѣ. Предпріятія возникаютъ и лопаются; теоріи въ одинъ день создаются и распадаются; всѣ какъ будто заняты, а дѣло движется медленно впередъ. Мы никогда не отличались особенной энергіей, но теперь на всѣхъ

замѣтна апатія, лихорадочные порывы и вслѣдъ за ними какая-то нравственная усталость и безпощадное равнодушіе. Первое препятствіе охлаждаетъ насъ, первая неудача отбрасываетъ наши силы въ совершенное бездѣйствіе. Притомъ мы давно привыкли думать, что великія дѣла можно дѣлать посредствомъ маленькихъ людей, между тѣмъ для добросовѣстнаго выполненія и маленькаго дѣла нуженъ если не великій, то хорошій человѣкъ. Мы эту истину цѣнимъ мало: и я увѣренъ, что остановивъ на улицѣ тридцать встрѣчныхъ и предложивъ имъ быть воспитателями народа, мы получимъ отказъ развѣ отъ одного: всѣ прочіе точно также возьмутся за этотъ трудъ, какъ они взяли бы за переписываніе бумагъ. Это признакъ совершеннаго непониманія общественныхъ интересовъ и крайняго презрѣнія къ нимъ.

Встрѣчаясь съ слабыми и блѣдными попытками провести въ народное сознаніе нѣсколько свѣтлыхъ мыслей, я прежде всего считаю нужнымъ выяснитъ до нѣкоторой степени тѣ формы, въ которыхъ вообще можетъ и должна проявиться пропаганда. И педагогъ, и поэтъ, и учитель, и профессоръ—пропагандисты, которыхъ вліяніе конечно обуславливается ихъ личными свойствами и достоинствами; но между пропагандою поэта и педагога нельзя не замѣтить существенной разницы. Поэтъ не видитъ передъ собою публики и не рассчитываетъ на нее, не взвѣшиваетъ каждое слово и не предлагаетъ себѣ на каждомъ шагу вопроса: какое впечатлѣніе произведу я на современное общество. Создавая по внутренней необходимости, выдѣляя изъ себя то, что накопилось и накипѣло въ груди, онъ весь занятъ своимъ предметомъ, весь живетъ въ мірѣ вызванныхъ имъ образовъ, и кромѣ этихъ образовъ въ минуту творчества не видитъ ничего, да и не долженъ ничего видѣть. Связь между поэтомъ и обществомъ неизбѣжна, но она существуетъ помимо воли поэта, и поэтъ не дѣлаетъ, да и не долженъ дѣлать ни шагу, чтобы скрѣпить или ослабить эту связь. Связь эта основана на томъ, что поэтъ переживаетъ съ современниками и горе, и радость, и надежды, и опасенія, и моменты юношеской вѣры, и годы мучительныхъ сомнѣній и тяжкаго раздумья. Онъ переживаетъ все это вмѣстѣ съ нами, но чувствуетъ живѣе насъ, оттого наша неясная грусть, или тревожная, но еще несознанная и почти безпричинная радость въ созданіяхъ поэта принимаютъ плоть и кровь; оттого-то поэтъ учитъ насъ, не говоря намъ ничего новаго.

Въ пропагандѣ педагога, напротивъ того, все соображено, размѣрено и клонится къ пользѣ воспитываемой личности. Его пропаганда должна быть послѣдовательна и строго сообразна условіямъ времени, личности и степени ея развитія. Насколько поэту необходима искренность чувства, настолько педагогу необходима постоянная наблюдательность и осторожность какъ въ выборѣ предмета, такъ и въ процессѣ его изложенія. Чистый типъ поэта и педагога вѣроятно не встрѣчается въ природѣ,

потому что вообще не встрѣчается воплощеній отвлеченныхъ качествъ. Чтобы быть поэтомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, надо стоять на одной почвѣ съ народомъ, надо горячо любить его и притомъ любить просто и безъ претензій, надо силою непосредственнаго чувства понимать и его невысказанное горе, и несознанныя надежды, и невыяснившіяся стремленія. Кромѣ Кольцова, врядъ ли ктонибудь изъ нашихъ замѣчательныхъ поэтовъ умѣлъ въ своихъ произведеніяхъ жить одною жизнью съ той массою людей, которая нуждается въ умственномъ содѣйствіи со стороны образованнаго меньшинства. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не могли проникнуть творческою мыслью исключительно въ народное міросозерцаніе, потому что все ихъ вниманіе было поглощено анализомъ окружающей ихъ полу-русской среды, сложившейся подъ вліяніемъ акклиматизаціи европейскаго этикета, европейскихъ предразсудковъ и отчасти европейскихъ идей и воззрѣній. Эту среду, въ которой они выросли и развились, наши поэты поняли и изучили; что же касается до простаго народа, съ которымъ каждый изъ насъ имѣетъ чисто-внѣшнія отношенія, то изъ него наши поэты брали нѣкоторыя характерныя фигуры, но при этомъ постоянно останавливались на одной внѣшней сторонѣ явленія. Они предствляли лакея, крестьянина, фабричнаго и т. п., но кромѣ подробностей костюма и обстановки, кромѣ копированія домашняго быта и языка, кромѣ воспроизведенія внѣшнихъ отношеній въ ихъ произведеніяхъ не было ничего такого, въ чемъ выразилось бы пониманіе внутреннихъ и существенныхъ особенностей русской жизни. Осипъ въ «Ревизорѣ», Петрушка и Селѣфанъ въ «Мертвыхъ Душахъ» живые люди—это безспорно, но они схвачены только съ внѣшней стороны, какъ лица, составляющія декорачію, обстановку и потому не заслуживающія особенно тщательнаго разсмотрѣнія. Все, что они говорятъ — вѣрно; все это непременно было бы сказано русскимъ дворовымъ человѣкомъ, находящимся въ ихъ положеніи, но все это взятое вмѣстѣ, такъ незначительно, что никакимъ образомъ не даетъ читателю средства проникнуть во внутренній міръ этихъ личностей. Послѣ Гоголя, дѣло сближенія образованнаго класса съ народомъ подвинулось впередъ; главными дѣйствующими лицами романовъ и повѣстей стали являться русскіе мужики и бабы, но и здѣсь анализъ скользитъ по одной поверхности. Романы изъ народнаго быта рисовали и рисуютъ намъ не столько характеры, сколько положенія. Если есть драматическая борьба, то она замыкается въ кругъ чисто внѣшнихъ происшествій. Черезъ это всѣ характеры являюся въ напряженномъ состояніи, и мы видимъ не естественное и спокойное развитіе жизни, а нравственныя судороги, которыя не позволяютъ намъ дѣлать какія бы то ни было заключенія о выраженіи лицъ въ обыденныя, будничныя минуты жизни. На это мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что трудовая, пасмурная жизнь крестьянина такъ

безцвѣтна и однообразна, что собственно человѣческія стороны его личности выражаются только проблесками, въ тѣ минуты, когда заговорить ретивое и когда нашъ простолудинъ на нѣсколько мгновений страхнетъ съ себя тяжелую и вынужденную апатію.

Но это возраженіе опровергается пѣснями Кольцова, относящимися такъ часто и съ такою любовью къ этой заунывной, трогательной сторонѣ народной жизни, состоящей изъ длиннаго ряда однообразныхъ трудовъ, крупныхъ и мелкихъ лишений. Притомъ, замѣчу, что только незнаніе Русскаго человѣка и человѣка вообще можетъ рѣшить такъ смѣло и голословно, что обиденная жизнь простолудина сама по себѣ безцвѣтна и пуста. Народъ ближе насъ стоитъ къ природѣ и смотритъ на окружающій его міръ яснѣе, чѣмъ мы, потому что взглядъ его не омраченъ предубѣжденіями и ложными понятіями нашей жизни. Но потому то намъ и трудно наблюдать и анализировать внутреннюю сторону народной жизни. Мы, обыкновенно, подступаемъ къ ней съ предвзятыми идеями и даемъ свой собственный, произвольный смыслъ дѣйствительнымъ явленіямъ. Кто, напримѣръ, понялъ и вѣрно выразилъ отношенія крестьянина къ любимой имъ женщинѣ? Изображая отношенія между влюбленными, наши романисты большею частью рисовали намъ сцены, созданныя воображеніемъ, сцены, за вѣрность которыхъ не поручится ни самъ авторъ, ни внутреннее чутье читателя. «Свиданіе», описанное въ «Запискахъ охотника» Тургенева, составляетъ въ ряду подобныхъ сценъ рѣдкое исключеніе, но при этомъ не должно упускать изъ виду обстоятельство, которое придаетъ всей сценѣ живой и своеобразный колоритъ. Тургеневъ выставляетъ контрастъ между дѣвственною, свѣжею душою молодой крестьянки и засушенной и пошлою натурою лакея, любимца барина. Внѣшнее положеніе дѣйствующихъ лицъ само по себѣ такъ характеристично, что оно совершенно овладѣваетъ вниманіемъ читателя и совершенно выкупаетъ въ его глазахъ недостатокъ анализа самаго чувства. Семейныя отношенія точно также были недоступны правильному наблюденію нашихъ писателей; мы знаемъ, что отецъ хозяинъ въ домѣ, что мужъ распоряжается съ женою деспотически, что жена считаетъ такой порядокъ вещей естественнымъ и законнымъ, что взрослые дѣти ходятъ въ страхѣ передъ старикомъ отцомъ; но всѣ эти свѣдѣнія очень похожи на примѣты, выставляемыя въ паспортахъ и отпускныхъ билетахъ; живое явленіе жизни трудно исчерпать описаніемъ; его надо прочувствовать и пережить на самомъ себѣ; если бы какой нибудь путешественникъ, прожившій лѣтъ десять въ Парагуаѣ или на Сандвичевыхъ островахъ, написалъ романъ изъ тамошнихъ нравовъ, мы, вѣроятно, съ большимъ любопытствомъ остановились бы на описанія мѣстныхъ обычаевъ, обрядовъ образа жизни, быта и предрасудковъ, но въ то же время имѣли бы полное право усомниться въ жизненной вѣрности и

полнотѣ выведенныхъ характеровъ и изображенныхъ личностей. А между тѣмъ, читая романы изъ народнаго быта, публика наша думаетъ, что имѣетъ дѣло съ дѣйствительною народною жизнью. Спрашивается: развѣ различіе между какимъ нибудь Парагвайцемъ и европейскимъ туристомъ значительно больше того различія, которое существуетъ между русскимъ простолюдиномъ и русскимъ писателемъ? Развѣ между простолюдиномъ и писателемъ есть какая нибудь связь, кромѣ единства языка и мѣста рожденія? Развѣ отношенія простолюдина къ писателю искреннѣе, задушевнѣе и ближе отношеній Парагвайца къ заѣзжему европейцу? Мы любимъ народъ, или, по крайней мѣрѣ, воображаемъ себѣ, что любимъ, потому что мудро дѣйствительно любить того, кого мы почти не знаемъ, но народъ не любитъ насъ и не вѣритъ намъ. Мы для него до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлали, мы его трудами жили въ теченіи столѣтій и онъ это помнить тою самою памятью, которая до сихъ поръ хранить въ народной пѣснѣ воспоминанія о Дунаѣ-рѣкѣ и о Владимірѣ-Красномъ Солнышкѣ. Кто станетъ винить нашего мужика въ томъ, что онъ въ каждомъ одѣтомъ по европейски господинѣ видитъ чело-вѣка, съ которымъ надо держать ухо востро, и съ которымъ пускаться въ откровенность не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ? — Какъ бы то ни было, мы должны признаться, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, изученіе народности только-что начинается; мы едва начали распознавать ея существенныя признаки, мы не можемъ даже дать вѣрнаго описанія народнаго типа, стало-быть ~~въвести этотъ типъ~~ въ художественномъ произведеніи еще нѣтъ никакой возможности. Исторія различила насъ съ нимъ гораздо ранѣе Петра. До сихъ поръ, сколько можно припомнить, народная инициатива выразилась ~~только въ эпоху самозванцевъ~~, да въ 1812 году; во все остальное время народъ нашъ представлялъ собою огромную массу, повиновавшуюся данному извнѣ толчку по силѣ инерціи, и принимавшую любую форму, смотря по тому, откуда чувствовалось давленіе. — На основаніи всего сказаннаго, можно допустить предположеніе, что едва ли поэтическая и педагогическая пропаганда по силамъ нашему поколѣнію. Нашей поэтической пропаганды народъ не пойметъ, потому что мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ, живемъ въ двухъ разныхъ сферахъ и въ умственныхъ нашихъ интересахъ не имѣемъ ни одной, да вѣдь ни одной точки соприкосновенія. Что волнуетъ лучшихъ людей нашего общества, что заставляетъ ихъ стремиться къ отвлеченной истинѣ, къ знанію ради знанія, что заставляетъ ихъ страдать и радоваться муками творческаго рожденія, то конечно покажется всякому здравомыслящему, но неразвитому простолюдину искусственною потребностью, прихотью барства, слѣдствіемъ изнѣженной и празднои жизни. Эстетическія понятія наши расходятся также сильно съ понятіями нашего народа; что намъ кажется превосходнымъ, вызы-

ваетъ нашъ умъ на усиленную дѣятельность, а въ душѣ будить цѣлѣйшій мѣръ неясно сознаваемаго чувства, то навѣрное покажется народу слишкомъ блѣднымъ, потому что требованія его фантазіи и сердца гораздо шире и проще нашихъ. Словомъ, разстояніе между нашими воззрѣніями и наклонностями до сихъ поръ еще такъ велико, что оно исключаетъ всякую возможность непосредственнаго пониманія. Намъ достаточно было бы развернуть передъ народомъ наше міросозерцаніе во всей его полнотѣ, чтобы внушить ему недоувѣріе и боязнь. Есть такія народныя вѣрованія и предразсудки, которые невозможно затрогивать грубо и неосторожно; ихъ надо разрушать исподволь, надо вести народное развитіе, не касаясь ихъ прямо и предоставляя ихъ устраненіе времени и здравому смыслу. — Стало-быть, надо дѣйствовать педагогически, т. е. приравливать свое изложеніе къ понятіямъ слушателя и не сходить съ его точки зрѣнія. Но для педагогической дѣятельности необходимо, чтобы, во 1-хъ, воспитатель зналъ своего воспитанника вдоль и поперекъ, и чтобы, во 2-хъ, между воспитателемъ и воспитанникомъ существовало полное доувѣріе. Въ послѣднемъ случаѣ намъ представляется величайшее затрудненіе. Мы можемъ возвратитъ доувѣріе народа только тогда, когда станемъ къ нему снисходительными братьями. Доселѣ мы искали только однихъ правъ и расширенія произвола въ отношеніи массы, но не хотѣли знать, что кромѣ правъ есть и обязанности съ нашей стороны.

Высказавъ свое мнѣніе о народной литературѣ вообще, приступлю къ разбору фактовъ, т. е. вышедшихъ для народа книжекъ. Этотъ разборъ фактовъ подтверждаетъ мое заключеніе, сдѣланное *a priori*; скажу болѣе: онъ приводитъ къ результату, гораздо болѣе печальному, чѣмъ можно было ожидать. Если бы принять совокупность лежащихъ передо мною книжекъ за *maximum* того, что можетъ дать народу пишущая Россія, то можно было бы подумать, что у насъ нѣтъ ни одного таланта, ни одного человѣка, любящаго народъ.

Въ этихъ книжкахъ даже нельзя указать на слишкомъ большія ошибки, потому что онѣ ниже ошибокъ. Если бы составители этихъ книжекъ имѣли какое нибудь понятіе о своей задачѣ (т. е. о народѣ, для котораго пишутъ, и о предметѣ, по которому пишутъ), то, хотя бы это понятіе было ложное, самое существованіе его отразилось бы въ большей жизненности и теплотѣ изложенія. Но въ этихъ книжкахъ нѣтъ ни мысли, ни направленія, ни пониманія народности; это даже не книги, это бумага, болѣе или менѣе сѣрая, напечатанная болѣе или менѣе убористымъ шрифтомъ, съ большимъ или меньшимъ числомъ опечатокъ. Четыре книжки, именно двѣ азбуки и два сборника стихотвореній, по многимъ причинамъ должны быть изъяты изъ общаго разбора, и потому я теперь же скажу о нихъ нѣсколько словъ. Обѣ азбуки составлены по

новой методѣ и въ нихъ обученіе начинается не съ буквѣ, а съ пѣлыхъ словъ; эта метода, признанная современною педагогическою, дѣйствительно рациональнѣе прежней методы и отличается большими практическими удобствами. Когда русскому человѣку говорятъ русское слово, онъ его понимаетъ, но когда неграмотному человѣку называютъ букву, онъ рѣшительно не въ состояніи понять, что это такое. Факты доказываютъ намъ, что въ исторіи изобрѣтенія письменъ, буквенная система занимаетъ высшую и послѣднюю степень, и что гораздо прежде раздѣленія словъ на буквы находилось въ употребленіи письмо, изображающее самыя предметы или символически указывающее на идею того слова, которое нужно было написать. Не слово составилось изъ буквѣ или звуковѣ, а напротивъ того, звуки произошли оттого, что аналитическая дѣятельность ума разложила существующія слова и нашла въ нихъ общія составныя части, элементы, которые сами по себѣ, самостоятельно никогда не существовали. Требовать такой аналитической дѣятельности отъ человѣка неграмотнаго и мало мыслившаго нельзя; поэтому необходимо, чтобы учитель на наглядныхъ примѣрахъ показалъ ему, какъ слова дѣлятся на слоги, а слоги на буквы, и, на этомъ основаніи, метода, предлагаемая двумя названными мною азбуками, во многихъ отношеніяхъ облегчаетъ первоначальное обученіе, которое было такъ скучно и утомительно для учителя и для ученика. Честь изобрѣтенія этой методы принадлежитъ европейскимъ педагогамъ; примѣнена она въ обѣихъ азбукахъ не дурно, но, сколько мнѣ кажется, она лучше примѣнена въ изданіи Лермантова и комп. Въ азбукѣ г. Золотова воспитанникъ, прочтя при помощи учителя девять двусложныхъ словъ, въ первомъ же упражненіи переходитъ къ слогамъ и даже къ буквамъ; въ азбукѣ Лермантова этотъ переходъ дѣлается нечувствительно; тамъ ученикъ прочитываетъ рядъ словъ, очень короткихъ и сходныхъ между собою по своимъ составнымъ частямъ, напр. *ты, то, та, — ты, мы, вы*. Видя сходство въ написаніи и созвучіе въ произношеніи, онъ естественно проводитъ параллель между тѣмъ и другимъ и собственнымъ умомъ доходитъ до пониманія отдѣльныхъ буквѣ; это возбуждательное вліяніе, которое азбука можетъ оказать на самостоятельность мысли, особенно важно и полезно, потому что оно ободритъ ученика и облегчаетъ ученіе. Въ обѣихъ азбукахъ есть нѣсколько страницъ упражненій; на нихъ, какъ это бываетъ во всѣхъ дюжинныхъ азбукахъ, есть и правоученія, и ариметика, и статистическія свѣдѣнія о Россіи; все тамъ есть, и зачѣмъ оно туда попало, — единому Богу извѣстно. Азбуки изъясняютъ желаніе быть энциклопедіями и черезъ это перестаютъ быть хорошими азбуками. Достаточно было бы кажется дать ученику, выучившемуся читать, страницъ 20 занимательнаго и понятнаго чтенія, чтобы пріохотить его, или пожалуй просто, чтобы дать ему средства съ

удовольствіемъ почитать подъ руководствомъ учителя; но изъ чтенія исторіи, ариѳметики, правилъ общежитія и изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ полусвѣденій выходитъ такая скучная и бесполезная смѣсь, что ученикъ конечно не въ состояніи будетъ ни прочесть ее съ удовольствіемъ, ни приобрѣсти изъ нея какое нибудь дѣйствительное знаніе. На двухъ страницахъ азбуки г. Золотова (26 и 27) говорится объ именованныхъ числахъ, о календарѣ, о древней исторіи, о сотвореніи міра, о Рождествѣ Христовомъ, Евангеліи и объ основаніи русскаго государства. Прочтя такія двѣ страницы, невольно вспомнишь о томъ уѣздномъ учителѣ, который въ одинъ урокъ прочиталъ отъ Ассиріянъ и Вавилонянъ до Александра Македонскаго и даже въ заключеніе сломалъ казенный стулъ. Вотъ напр. о древней исторіи: «Во все это время (отъ сотворенія міра до 4860 года) жили разные народы; самыми древними изъ нихъ были Египтяне, Вавилоняне, Евреи, Римляне, Греки и многіе другіе», а далѣе уже слѣдуетъ объ откровенномъ законѣ Моисея и о Рождествѣ Христовомъ. А вотъ изъ азбуки Лермантова статья изъ отдѣла «Основныя законоположенія»: Власть родительская простирается на дѣтей обоюга пола и всякаго возраста, съ различіемъ и въ предѣлахъ, законами для сего постановленныхъ (Св. Зак. Т. X, ст. 158)». Пасколько, прочитавъ эти строки, ученики получаютъ понятіе о древней исторіи и о предѣлахъ родительской власти въ Россіи—это я предоставляю рѣшить самимъ составителямъ. Есть родители и воспитатели, которые, желая своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ добра, говорятъ: пускай всему учится, все пригодится; не узнаетъ всего вполнѣ, по крайней мѣрѣ получитъ какое нибудь понятіе. Въ отношеніи къ понятію эти педагоги чрезвычайно нетребовательны; они часто называютъ понятіемъ одно слово, одну фразу, часто просто имя собственное.

Съ этой точки зрѣнія можно пожалуй оправдать приложенія къ азбукамъ Золотова и Лермантова, но я позволю себѣ держаться мнѣнія диаметрально противоположнаго и потому замѣчу, что нехорошо и недобросовѣстно заваливать память человѣка, которому придется въ будущемъ многому учиться; это значитъ злоупотреблять правами учителя и терпѣніемъ ученика.—Оба сборника стихотвореній отличаются вычурностью обертки и совершенною случайностью въ выборѣ помѣщенныхъ пѣсень. Любопытно было бы спросить у господъ составителей, какой цѣли старались они достигнуть своими сборниками, нравственной или эстетической? Хотѣли ли они дать народу назидательное чтеніе, или просто познакомить его съ лучшими произведеніями русской поэзіи? Отвѣчать на этотъ вопросъ я предоставляю имъ самимъ, а отъ себя скажу только, что они не достигли никакой цѣли. Первая цѣль вообще недостижима, потому что исправить нравственность человѣка баснями и поученіями невозможно. Вторая цѣль не достигается по причинѣ крайней неразбор-

чивости составителей. Плохія басни Дмитріева и Измайлова безъ малѣйшаго выбора ставятся рядомъ съ баснями Крылова; и къ чему все это, и почему это предназначается для народа и что можетъ, по расчетамъ составителя, найти народъ въ этихъ книжкахъ — не знаю, да и считаю лишнимъ изслѣдовать. До сихъ поръ я имѣлъ дѣло съ такими книгами, которыхъ идеи собственно не подвергались критикѣ. Въ азбукахъ мы видѣли примѣненіе извѣстной методы; въ сборникахъ — перепечатку давно извѣстныхъ произведеній. Составителямъ принадлежали только расположеніе частей и выборъ. И то и другое оказалось неудовлетворительнымъ; посмотримъ, что дадутъ намъ книги, не *составленныя*, а *написанныя* для народа.

Въ числѣ этихъ книгъ есть беллетристическіе опыты (Первый Винокуръ и Дѣдушка Назарычъ), нравственныя разсужденія (Дядя Титъ Антонычъ учитъ, какъ надо любить ближняго), попытки популярно изложить начала физики (Бесѣды въ досужее время) и два біографическіе очерка («Княгиня Ольга» и «Механикъ-самоучка Кулибинъ»). Разсмотрю сначала повѣсти. Древнее сказаніе «Первый Винокуръ» написано съ дидактическою и полемическою цѣлью и напоминаетъ наивныя проповѣди противъ пьянства, которыми такъ богата наша древняя церковная литература. Гласъ вопіющаго въ пустынѣ раздастся до нашего времени; желаніе наговорить читателямъ множество душеспасительныхъ поученій, желаніе исправить народную нравственность фразами живетъ, какъ видно, и въ нашемъ вѣкѣ. Кто беретъ въ руки перо, чтобы писать для народа или для дѣтей, тотъ непременно задаетъ себѣ какую нибудь благонамѣренную задачу, неуклонно стремится къ достиженію своей добродѣтельной цѣли, не обращая вниманія на бѣдность собственной фантазіи, и заканчиваетъ свое скучное произведеніе — правоученіемъ, которое выражаетъ собою всю идею и вѣнчаетъ дѣло. Въ этомъ разрядѣ литературныхъ произведеній примѣняется, какъ видно, самымъ оригинальнымъ образомъ знаменитое положеніе Макіавелли: «цѣль оправдываетъ средства». Авторъ древняго сказанія «Первый Винокуръ» ставитъ себѣ великую и полезную задачу отучить народъ отъ пьянства и очернить въ общественномъ мнѣніи не только откупщиковъ, но даже и винокуровъ.

Желая внушить мужику отвращеніе къ пьянству, онъ рассказываетъ, что куреніе вина идетъ отъ дьявола и что первый винокуръ былъ чертенокъ, посланный на землю самимъ сатаною, чтобы сотворить людямъ великую пакость. Авторъ не сообразилъ, какое вліяніе можетъ произвести его брошюра. Я съ своей стороны думаю, что она будетъ совершенно оставлена безъ вниманія, но авторъ, рѣшившійся писать и издавать рассказъ съ правоучительною цѣлью, по всей вѣроятности рассчитывалъ на то, что народъ повѣритъ его доводамъ и будетъ сочувствовать его идеямъ. Если авторъ такимъ образомъ смотрѣлъ на вещи, то

онъ сдѣлалъ непростительную педагогическую ошибку. Пьянство вредно, въ этомъ спорѣ нѣтъ, но народное суевѣріе, исключаящее всякую возможность разумнаго и здороваго міросозерцанія, составляетъ не меньшее зло и притомъ такое зло, противъ котораго можетъ и должна бороться литература. Что же дѣлаетъ разсказъ «Первый Винокуръ»? Поражая пьянство, онъ поддерживаетъ дикіе народные предрасудки. Онъ ратуетъ противъ пьянства тѣми самыми доводами, которыми народъ ополчался противъ табаку, противъ картофеля, противъ желѣзныхъ дорогъ, словомъ, противъ всякаго заморскаго изобрѣтенія. «Православные люди, говоритъ авторъ, это дьявольское навожденіе; отплевайтесь и открещивайтесь отъ него». И съ такою логикою, съ такими литературными приѣмами люди берутся учить народъ, просвѣщать и гуманизировать его. Нашъ народъ вѣритъ во все сверхъестественное, въ чертей, въ колдуновъ, въ домовыхъ, въ лѣшихъ, въ водяныхъ, въ русалокъ, въ вѣдьмъ, оборотней и знахарокъ; и вдругъ ему представляютъ нравоучительный разсказъ, котораго главныя дѣйствующія лица взяты изъ преисподней и созданы самою безобразною и въ то же время безсильною фантазіею. Хороши народные воспитатели, которые укореняютъ и узаконяютъ народные предрасудки и дѣлаютъ изъ нихъ пугала для поддержанія народной нравственности и первобытной простоты нравовъ. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что, не смотря на дикое направленіе, этотъ разсказъ написанъ живымъ языкомъ и что народъ можетъ понять его и, сколько мнѣ кажется, прочесть съ удовольствіемъ. Художникъ, если бы его воображенію представились гибельныя послѣдствія пьянства для народной нравственности, воплотилъ бы эту идею въ простомъ, безыскусственномъ образѣ, взялъ бы матеріалы изъ живой дѣйствительности и написалъ бы такую картину, которая для читателей всѣхъ сословій имѣла бы свой смыслъ и всѣмъ имъ сказала бы свое слово. Взятся за ту же идею проповѣдникъ, нагородилъ вздору, состроилъ фантастическую исторію, не принесъ ни малѣйшей пользы, а можетъ быть даже сбиль съ толку какого нибудь простодушнаго и довѣрчиваго читателя.

Другая повѣсть г. Погосскаго: «Дѣдушка Назарычъ», не представляя никакихъ положительныхъ достоинствъ, не бросается въ глаза яркими недостатками. Г. Погосскій не дурно владѣетъ языкомъ, не употребляетъ высокопарныхъ выраженій, непонятныхъ для народа, но въ его литературныхъ приѣмахъ есть нѣкоторыя странности, показывающія, что онъ не художникъ; онъ поддѣлывается подъ солдатскій говоръ и испещряетъ свои страницы разными замысловатыми метафорами, непонятными для непосвященныхъ. Огородъ онъ сравниваетъ съ фронтомъ солдатъ, кочни капусты разставлены у него по равжиру и образуютъ шеренги, словомъ фантазія автора черпаетъ изъ военнаго артикула богатый запасъ сравненій и образовъ.

Такого рода приемы встрѣчаются очень часто въ такой литературѣ, которая предназначается для публики, стоящей ниже автора по умственному своему развитію. Въмѣсто того, чтобы возвысить ее до себя, авторъ самъ унижается до нея и перенимаетъ ея дурныя привычки или невольныя ея уклоненія отъ разумности и естественности. Не можетъ быть, чтобы г. Погосскій самъ находилъ свои воинственныя сравненія изящными и умѣстными. Скалозубы вообще не любятъ литературу и относятся къ ней съ пренебреженіемъ, а г. Погосскій, какъ издатель «Солдатской бесѣды», самъ доказываетъ фактически, что не таковы его наклонности и убѣжденія. А поддѣлываться подъ вкусъ публики, которую желаешь развить и гуманизировать, значить подчиняться нравственному вліянію своего ученика и исполнять и предупреждать его нелѣпые капризы. Мы знаемъ, что нашъ народъ считаетъ изящнымъ и однако, стараясь подвинуть впередъ его эстетическое образованіе, не станемъ распространять по дешевой цѣнѣ лубочныя картины съ безграмотными и бессмысленными подписями. Современная педагогика дошла до того убѣжденія, что надо воспитывать преимущественно и прежде всего человѣка, что даже складъ ума и наклонности воспитанника должны имѣть вліяніе на составъ энциклопедическаго преподаванія, т. е. что будущій гуманистъ, будущій математикъ, юристъ, офицеръ, администраторъ, технологъ должны получить прежде всего одинаковое общее образованіе, которое бы возвысило и укрѣпило въ нихъ чувство и сознаніе собственного человѣческаго достоинства. Узкая спеціальность и неорганическое обособленіе отдѣльныхъ сословій ведутъ къ духу исключительности и нетерпимости, дробятъ народность и сознаніе національнаго единства. Дѣльность спеціалиста не исключаетъ въ немъ общительности и не должна развиваться въ ущербъ человѣческимъ качествамъ ума и сердца. Можно быть храбрымъ солдатомъ и не класть всю душу въ выправку и ружейные приемы. Можно быть опытнымъ фронтовикомъ и выражаться общечеловѣческимъ и общепонятнымъ языкомъ. Кромѣ несовершенствъ внѣшняго изложенія, можно еще замѣтить въ разсказѣ г. Погосскаго одинъ существенный недостатокъ. Спрашивается: почему именно старый солдатъ выбранъ г. Погосскимъ для того, чтобы украситься всѣми лучшими качествами человѣка. Почему именно идеаломъ добродѣтельнаго старика является старый солдатъ. Если это сдѣлано въ назиданіе читателямъ-солдатамъ, то я упрекну г. Погосскаго въ дидактизмъ, который, какъ неоднократно бывало доказано, никогда не достигаетъ даже своей узкой и ограниченной цѣли. Жизнь, полная дѣятельности, тревогъ и лишеній, жизнь походная и бивачная, отсутствіе своего крова, оторванность отъ семьи заставитъ неразвитаго человѣка съежиться въ самомъ себѣ, но никакъ не доведетъ его до той идиллической мягкости, которою отличается все поведеніе Назарыча.

«Бесѣды въ досужее время» до нѣкоторой степени напоминаютъ тѣ энциклопедическія свѣдѣнія, которыя сообщаютъ азбуки Золотова и Лермантова. На 72-хъ крошечныхъ страничкахъ авторъ умѣстилъ и предостереженіе противъ деревенскихъ знахарей, и панегирикъ ученымъ врачамъ, и магнитизмъ, и гальванизмъ, и электрическую машину, и паровозы, и телеграфъ. Люди, читавшіе или изучавшіе физику Ленца, конечно поймутъ, что хочетъ сказать авторъ, но пойметъ ли это народъ и вынесетъ ли онъ изъ книжки что нибудь существенное—это вопросъ, да еще очень важный. Да наконецъ, допустимъ, что народъ пойметъ, какъ устроенъ вольтовъ столбъ и какъ производится гальванопластическое золоченіе. Какая-жъ въ этомъ будетъ польза? Представьте себѣ, что я бы прочелъ путешествіе Герберштейна по Россіи, потомъ палеонтологію Кювье, потомъ изслѣдованіе о языкѣ Кави Вильгельма Гумбольдта, потомъ геральдику Лакіера, потомъ *Radices linguae Slavicae* Добровскаго, и т. д.—неужели, тысячи страницъ и цѣлыя полки томовъ, поглощенныхъ такимъ образомъ обогатили бы хоть на одну іоту мой внутренній міръ? Мнѣ кажется, что, напротивъ, надо было бы быть чуть не гениемъ, чтобы при такомъ чтеніи не сдѣлаться круглымъ дуракомъ. А вѣдь народное образованіе, выражающееся въ грошовыхъ изданіяхъ, ведется именно такимъ образомъ. Если бы народъ прочелъ и усвоилъ себѣ то, что спеціально для него пишутъ, то это было бы для него величайшимъ несчастіемъ; это заволокло бы тусклою тиною живую струю народнаго ума. Образованіе народа пойдетъ мимо этихъ бездарныхъ попытокъ и пойдетъ неудержимою волною, когда дремлющія силы сознаютъ собственное существованіе и двинутся по внутренней потребности. Скажите, какую живую мысль дастъ нашему мужику описаніе вольтова столба. Улучшится ли отъ этого его матеріальное благосостояніе; прибудетъ ли хлѣба на гумнѣ, перестанетъ ли онъ бить свою хозяйку, внесетъ ли онъ человѣческую логику въ свои вѣрованія и убѣжденія? Придетъ время говорить и о вольтовомъ столбѣ, да вѣдь не теперь же, и не такимъ образомъ. Вѣдь нельзя же забрасывать человѣка незнакомыми словами, до которыхъ ему нѣтъ дѣла, вѣдь зарябить въ глазахъ и зашумитъ въ ухахъ отъ этой безцвѣтной пестроты. «Бесѣды въ досужее время» могли бы быть хорошею книжкою, если бы онѣ не захватили разомъ такое множество предметовъ, если бы онѣ о чемъ нибудь одномъ поговорили подробно, занимательно и общепонятно. Но тутъ то и является препятствіе: чтобы говорить подробно, надо прочесть что нибудь, кромѣ учебника, да и подумать о томъ, что выбрать, и какъ изложить. Сказать же вскользь о громѣ, потомъ объ электрическихъ машинахъ, потомъ о гальванизмѣ, выказать при этомъ просвѣщенное сочувствіе къ прогрессу и привести этимологію этого слова, порадоваться на свою образованность и ткнуть мужику въ глаза его не-

вѣжество и суевѣріе—на это способенъ любой гимназистъ, перешедшій въ старшій классъ и гордый своимъ общественнымъ положеніемъ. Если что при такомъ изложеніи забудется — не бѣда, можно заглянуть въ учебникъ; а перевернешь чтонибудь и то не штука, благо публика ничего не знаетъ и взыскать не сумѣетъ. Если народныя книжки не являются у насъ сотнями и тысячами, то развѣ только потому, что книгопродавцы боятся типографскихъ издержекъ и не увѣрены въ сбытъ. За авторами не стало бы дѣло; народная книжка всякому по плечу; она не требуетъ отъ составителя ни стараній, ни свѣдѣній, ни любви къ своему дѣлу, ни даже умѣнья порядочно писать по-русски. Захотѣлъ и написалъ, а что изъ этого выйдетъ, объ этомъ смѣшно и спрашивать. Конечно ничего не выйдетъ, и это самое утѣшительное, что можно сказать въ этомъ случаѣ. Было бы страшно за будущее нашего народа, если бы можно было думать, что недоучившіяся или ничему неучившіяся бездарности могли бы имѣть какоенибудь вліяніе на его образъ мыслей. Народъ, который можно было бы вылечить отъ вѣковыхъ предрасудковъ грошевою книжкою, былъ бы пустой народъ, который не стоило бы воспитывать, котораго убѣжденія никогда не приобрѣли бы стойкости и самостоятельности. — Изъ дриблага и мягкаго дерева трудно выточить хорошую вещь, а твердое дерево уступать съ трудомъ и какъ будто борется съ обрабатывающимъ его инструментомъ; часто бываетъ и то, что плохой инструментъ ломается о хорошей матеріаль.

Книжка «Дядя Титъ Антонычъ учитъ какъ надо любить ближняго» стоитъ ниже всякой критики. Это скучная, безцвѣтная проповѣдь, облеченная неизвѣстно зачѣмъ въ діалогическую форму, обставленная неправдоподобными личностями, несуществующими ни въ русскомъ, ни въ какомъ либо другомъ быту. Дѣло вотъ въ чемъ: у хозяина-мужика живетъ батракъ, тоже мужикъ, который въ деревнѣ играетъ роль проповѣдника, и которому самъ хозяинъ и сосѣдніе поселяне кланяются въ поясъ. Этотъ деревенскій патриархъ, поступившій въ батраки для процесса самоуничженія, объясняетъ текстъ изъ Евангелія собравшимся сосѣдямъ; всѣ слушаютъ съ благоговѣніемъ и вносятъ изъ его рѣчи то незамысловатое заключеніе, что Турки, Нѣмцы и Французы такіе же люди, какъ и русскіе, и потому имѣютъ право на нашу любовь и на наше участіе.—Мнѣ кажется, все разсужденіе въ высокой степени бесполезно и сверхъ того изложено языкомъ растянутымъ, витіеватымъ и въ то же время водянистымъ. Ни одно слово не бьетъ въ сердце; ни разу ораторъ не возвышается до паюса и не покидаетъ старчески-византійскаго тона рѣчи; ни въ одной строкѣ не слышно живаго чувства; вездѣ условная, клерикальная риторика, вездѣ холодная, безстрастная наставительность. Знаній эта брошюра не даетъ, на чувство подѣйствовать не можетъ стало-быть больше нечего объ ней и говорить.

На эту брошюру похожа по своей внѣшности біографія княгини Ольги; кажется она составлена тѣмъ же авторомъ; на обѣихъ книжкахъ написано «соч. Н. С.» и обѣ онѣ представляютъ значительное сходство въ литературномъ отношеніи. Приемы построенія совершенно тѣ же. Точно также какая-то личность, называющая себя, т. е. говорящая отъ своего имени, подходит къ группѣ деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, собравшихся вокругъ учителя. Роль дяди Тита Антоныча въ этой брошюрѣ играетъ приходскій священникъ отецъ Павелъ. Отъ перемѣны имени не перемѣняется манера изложенія; она представляетъ ту же утомительную безцвѣтность, которою въ высокой степени отличалось повѣствованіе дяди Тита; въ этой брошюрѣ эта утомительность еще замѣтнѣе, потому что отъ историческаго разказа мы требуемъ того, чего нельзя ожидать отъ поучительнаго слова. Но ужъ таково свойство бездарности, что она вноситъ холодъ и скуку во все, за что ни берется. Разказъ о жизни Ольги шибко сбивается на проповѣдь; онъ составленъ по житію Св. Ольги и осязательно показываетъ, какъ мало авторъ умѣлъ воспользоваться своими источниками. Исторія, сколько мнѣ кажется, даже въ настоящее время нужна для народнаго образованія: фонъ исторической картины, колоритъ мѣста и времени, подробности, рисующія громадную, хотя отвлеченную личность народа, должны обратить на себя все вниманіе историка, способнаго писать для народа, т. е. излагать свои идеи просто и популярно. Пусть на этомъ фонѣ выдѣляются и выступаютъ передъ воображеніе читателя личности отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей и работниковъ. Народу необходимы историческія идеи; изъ этихъ идей формируются убѣжденія, составляется міросозерцаніе. Но чѣмъ нужнѣе какойнибудь предметъ, тѣмъ строже надо быть въ его выборѣ, тѣмъ неумолимѣе надо клеймить неудачныя и безсмысленныя попытки. Въ біографіи княгини Ольги — бѣдность содержанія, безцвѣтность изложенія и отсутствіе всякой исторической идеи поражаютъ на каждой строкѣ. Авторъ разказываетъ, что Древляне убили Игоря, что жена Игоря Ольга отмстила за него, что потомъ въ 955 году она приняла христіанство, потомъ видѣла видѣнія, а наконецъ умерла. Вотъ вамъ и историческая идея, и мѣстный колоритъ, и фізіономія фактовъ. Точно также можно было бы разказать какуюнибудь деревенскую сплетню, не измѣняя обстановки, потому именно, что обстановки нѣтъ и тѣни. О Древлянахъ не сказано даже, что они жили въ лѣсистой странѣ и отличались отъ Полянъ дикостью и суровостью; имени Полянъ не встрѣчается во всемъ разказѣ. Сказано, что князь Рюрикъ былъ первый русскій государь и это послѣднее выраженіе оставлено безъ всякаго поясненія. Грамотный мужикъ, имѣющій понятіе о теперешнихъ границахъ Россіи и о значеніи слова государь, можетъ себѣ представить, что Рюрикъ былъ то же, что теперь императоръ, что онъ владѣлъ

такую же территорію, имѣлъ такой же дворъ и штатъ министровъ, что онъ вель такой же образъ жизни и, пожалуй даже, что его резиденцію былъ Петербургъ и зимній дворецъ. Вѣдь популярное изложеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы каждое слово было объяснено и вызывало въ умѣ читателя именно то представленіе, которое вы хотите вызвать. Вы должны предвидѣть самое полное незнаніе, предполагать возможность самой грубой ошибки и приступать къ дѣлу, почувствовавъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы разбить это невѣжество и устранить упорное заблужденіе. Это очень трудно, но кто же и говорить, чтобы добросовѣстное исполненіе задачи популяризатора было легко; сдѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ, всегда трудно, а такими популяризаторами, какіе у насъ теперь развились, хоть прудъ пруди, да что же въ нихъ толку. Говорится, напр., что «Ольга сочла нужнымъ принять на себя управленіе русскимъ государствомъ». А что такое было тогдашнее русское государство и въ чемъ состояло его управленіе, какъ совершался въ то время механизмъ государственной дѣятельности, это не пояснено ни однимъ словомъ. Далѣе говорится, что Ольга была «язычницею, и поклонялась идоламъ и не знала, что первый долгъ человѣка состоитъ въ томъ, чтобы прощать обиды. Этими словами объясняется то, что она погубила Древлянъ, присланныхъ просить ея руки для своего князя Мала. Въ этихъ словахъ есть двѣ ошибки: во 1-хъ объ язычествѣ Ольги не сказано ни слова, а выраженіе «*поклонялась идоламъ*» ничего не поясняетъ, потому что само по себѣ требуетъ поясненія. Во-вторыхъ, эти слова даютъ невѣрное и неправдоподобное объясненіе поступка Ольги съ Древлянами. Древляне были избиты, потому что идея родовой мести, идея «кровь за кровь» господствовала во всемъ славянскомъ мірѣ въ то время, когда еще слабо развиты были юридическія понятія. Христіанство не могло сразу искоренить эти понятія, и подкапывало ихъ настолько, насколько оно постепенно содѣйствовало смягченію нравовъ. Заглушить голосъ человѣческихъ страстей и подчинить ихъ нравственному закону оно не могло, и стоитъ вспомнить на исторію Византіи, гдѣ императоры рѣзали другъ другу носы и выкалывали глаза, сталкивая другъ друга съ престола, чтобы убѣдиться въ томъ, что христіанство было безсильно, когда ему приходилось бороться съ корыстнымъ расчетомъ или съ дикою страстью. Ольга потому убила Древлянъ, что не была христіанкою, а почему же христіанинъ Владиміръ святой собирался идти войною на непокорнаго сына своего Ярослава? Почему христіанинъ Святополкъ перебилъ своихъ братьевъ Бориса, Глѣба, Святослава? Почему христіанинъ Святополкъ-Михаилъ выкололъ глаза Васильку Ростиславичу? Почему, наконецъ, въ XV столѣтіи, христіане Дмитрій Шемяка и Василій Темный позволяли себѣ во время междоусобій такія кровавыя и безполезныя злодѣянія? — Говоря о жестокостяхъ Ольги, авторъ старается показать

высокое значеніе христіанства; но, выводя эти жестокости изъ изычества, онъ навязываетъ христіанству отвѣтствѣнность за тѣ злодѣянія, которыя были совершены послѣ крещенія Руси. Это опять плачевное слѣдствіе дидактизма, который также неумѣстенъ въ исторіи, какъ въ художественномъ произведеніи. Читая исторію, надо учиться тому, чему учить сама жизнь; сами факты; если же авторъ желаетъ вставлять нравоченія, до которыхъ онъ дошелъ собственнымъ умомъ, тогда лучше писать проповѣди въ родѣ Тита Антоныча, нежели статьи съ претензіею на историческое знаніе. Первые не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ своего характера, а послѣдніе обманываютъ и заинтересовываютъ своимъ заглавіемъ. Рассказывая о прибытіи Ольги въ Константинополь авторъ дѣлаетъ грубую историческую ошибку. «Греческій императоръ Константинъ Багрянородный, говоритъ онъ, въ золотой колесницѣ, сопровождаемый патріархомъ и всѣми высшими чиновниками, выѣхалъ навстрѣчу русской княгинѣ». Нелѣпѣ этого извѣстія трудно что нибудь придумать. Кажется, въ лѣтописяхъ Византіи не было примѣра, чтобы императоръ выѣхалъ навстрѣчу какому нибудь иностранному государю, и вдругъ онъ выѣзжаетъ навстрѣчу Ольгѣ, на которую онъ не могъ даже смотрѣть, какъ на государыню, и въ которой онъ долженъ былъ видѣть просто полудикую искательницу приключеній. Но не нужно въ этомъ случаѣ дѣлать предположеній насчетъ возможности подобнаго факта. Наши лѣтописи и сочиненія Константина Порфиророднаго опровергаютъ эту нелѣпую выдумку; изъ разказа нашихъ лѣтописей видно, что Ольга была недовольна приемомъ, который сдѣлалъ ей императоръ, и по возвращеніи въ Кіевъ жаловалась на то, что ее заставили долго стоять въ гавани Константинополя. У Константина Порфиророднаго въ церемоніяхъ Византійскаго двора подробно описанъ приемъ Ольги русской (*Ἐλληνιστῆς Ρωσσοῦνης*); приемъ этотъ происходилъ въ золотомъ триклиніи (столовой), сопровождался обѣдомъ, и, конечно, въ описаніи этого приема ни о золотой колесницѣ, ни о встрѣчѣ не упоминается ни однимъ словомъ. Я подозреваю въ этой выдумкѣ г. Н. С. правоучительную цѣль. Онъ, вѣроятно, имѣлъ поползновеніе показать величіе русскаго государства даже въ тѣ времена, которыя для самого повѣствователя покрыты густымъ мракомъ неизвѣстности. Но добродѣтель не всегда торжествуетъ, и добродѣтельный и благонамѣренный патріотизмъ г. Н. С. разбился о скалу историческихъ свидѣтельствъ и фактовъ. Выдумка г. Н. С. можетъ служить яркимъ подтвержденіемъ моей мысли о томъ, что книжки для народа составляются по плохимъ учебникамъ, и что, гдѣ понадобится, факты учебниковъ пополняются и подкрашиваются сообразно съ наклонностями и глубокомысленными соображеніями недоучившихся составителей. Научная и литературная добросовѣстность неизвѣстны въ низшихъ слояхъ нашей письменности, въ толкучемъ рынкѣ нашей журна-

листки и книжной торговли. Нашарлатанить, наврать, привести цитату изъ нечитаннаго сочиненія, или утаить источникъ, изъ котораго заимствована какая нибудь идея — подобные подвиги позволяютъ себѣ и не одни составители грошовыхъ книжекъ. Но кто пошмысленнѣе, да по образованнѣе, тотъ мошенничаетъ умно, такъ, что трудно будетъ поймать и уличить; кто же берется за перо, едва умѣя писать, безъ дарованій и безъ свѣдѣній, тотъ попадетъ на первой же выдумкѣ и обнаружитъ въ полномъ блескѣ все свое невѣжество и все свое неуваженіе къ истинѣ, къ своимъ читателямъ и къ предмету своего разсказа. Пусть г. Н. С. приметъ въ расчетъ это обстоятельство, и постарается быть осторожнѣе или хитрѣе въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ для народа. Пусть онъ чаще справляется съ учебниками и рѣже увлекается преслѣдованій побочныхъ цѣлей въ историческомъ изложеніи.

Біографія «Механика-самоучки Кулибина», составленная г. Троицкимъ и продающаяся какъ отдѣльный оттискъ изъ журнала «Народное чтеніе», интересна по сообщаемымъ фактамъ, но изложена такъ дурно, какъ только можетъ быть дурно изложена статья, написанная для народа. Г. Троицкій какъ будто нарочно старается нарушить своимъ изложеніемъ всѣ условія, которыхъ соблюденіе необходимо для того, чтобы народъ могъ понять то, что для него пишутъ. Отвлеченныя разсужденія, составляющія собою начало статьи, написаны такимъ тяжелымъ языкомъ, такими длинными и запутанными періодами, что ими затруднится даже тотъ, кто привыкъ къ чтенію и къ книжнымъ выраженіямъ. Напр. «Будучи убѣждены, что благое Провидѣніе, одѣляя человѣчество своими безчисленными дарами, соблюдаетъ строгую справедливость, мы не можемъ однако оспаривать, что многія историческія событія, а также и различныя условія окружающей мѣстности имѣютъ весьма сильное вліяніе на каждый народъ, и вырабатываютъ ему, если не всегда, то на извѣстный промежутокъ времени, особенный характеръ, отличающій его отъ другихъ народовъ». Такъ много наговорить и такъ мало сказать — на это надо особенное искусство. Вѣдь ни одинъ порядочный журналъ не принялъ бы на свои страницы статью, написанную такимъ языкомъ, а написать такимъ образомъ для народа считается дѣломъ позволительнымъ, между тѣмъ какъ для народа хорошей языкъ составляетъ не прихоть, а насущную потребность, при неудовлетвореніи которой онъ не будетъ въ состояніи понимать то, что ему стараются передать. Если бы г. Троицкій принесъ свою статью въ редакцію одного изъ нашихъ большихъ журналовъ, то его вѣроятно попросили бы передѣлать введеііе и повсемѣстно исправить языкъ. Печатая ее въ «Народномъ чтеніи», редакція должна была сдѣлать гораздо большія измѣненія. Отвлеченныя разсужденія надо было совершенно уничтожить; связь между отдѣльными фактами жизни Кулибина надо было провести яснѣе; личный характеръ

механика-самоучки, очерченный въ бѣгломъ очеркѣ подѣ конецъ статьи, долженъ былъ осмысливать и окрашивать собою всѣ сообщаемые эпизоды. Языкъ надо было передѣлать *de fond en comble*; больше жизни, больше движенія мысли и художественности и меньше отвлеченныхъ разсужденій, больше критики и меньше панегиризма—и тогда біографія Кулибина могла бы быть прекраснымъ подаркомъ для грамотной части нашего народа. Въ настоящемъ своемъ видѣ, книга г. Троицкаго для народа недоступна и ее прочтутъ только тѣ грамотные, простолюдины, которые читаютъ для процесса чтенія. Небрежность, съ которою пишутъ для народа даже люди толкующіе о сочувствіи ко всему русскому и о народномъ благѣ, превышаетъ всякое вѣроятіе. Я разсмотрѣлъ десять книжекъ для народа, изданныхъ въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году и какіе же результаты дало намъ это обзорѣніе? — Оно убѣдило меня и моихъ читателей въ отсутствіи хорошихъ книгъ для народа, и хотя это убѣжденіе, какъ всякая истина, имѣетъ свою хорошую сторону, оно тѣмъ не менѣе крайне неутѣшительно. Мы сознаемъ свое безсиліе—это хорошо, но существованіе самаго безилія—явленіе очень печальное. Начиная свою статью, я надѣялся указать на разбираемыя книги, какъ на неудачныя попытки, которыя могутъ по крайней мѣрѣ имѣть свое значеніе, какъ первая степень въ исторіи развитія литературы для народа. Но чѣмъ внимательнѣе я вглядываюсь въ преобладающій характеръ этихъ книгъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что видѣть въ нихъ неудачныя попытки, предполагать въ нихъ зародыши будущаго развитія значитъ впадать въ доктринерство и оказывать слишкомъ много чести этимъ топорнымъ произведеніямъ промышленнаго пера. Гг. составители этихъ книжекъ дѣлали, кажется, только одну попытку — выручить за свою работу деньги; насколько эта попытка удалась имъ—не наше дѣло; что изъ подобныхъ книжекъ ничего не разовьется ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ, и что первому человѣку, который выступитъ впередъ съ добросовѣстнымъ и просвѣщеннымъ желаніемъ служить народному образованію, будетъ такъ же трудно начать, какъ будто бы онъ первый пошелъ по этому пути, въ этомъ, кажется, усомниться трудно. Дѣло нашей народности не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но его двигаютъ не грошовыя изданія. Его несутъ на плечахъ наши публицисты, наши ученые и художники. Знакома наше общество съ государственными идеями и учрежденіями Европы, изучая прошедшее нашего народа въ его словесности, въ его государственной, юридической и семейной жизни, выясняя мало по малу, черту за чертою, характеристическія особенности народнаго типа, публицисты, ученые и художники постепенно вырабатываютъ и проводятъ въ общественное сознаніе тотъ идеалъ, къ которому стремится наше современное общество.

ИДЕАЛИЗМЪ ПЛАТОНА.

(Обозрѣніе философской дѣятельности Сократа и Платона, по Целлеру; составилъ Клевановъ).

Есть такія привилегированныя личности, которыхъ имена пользуются особенною, часто незаслуженною и не всегда лестною популярностію. Вы встрѣтите имя такой личности и въ учебникѣ, и въ собраніи анекдотовъ для дѣтей, и, пожалуй, даже на прописяхъ. Дѣйствительная фізіономія этой личности отъ частаго употребленія ея имени какъ-то стирается, и замѣняется какимъ-то условнымъ понятіемъ; личность дѣлается представителемъ цѣлаго типа или воплощаетъ въ себѣ какое-нибудь отдѣльное качество и доводитъ его въ себѣ до небывалыхъ и невозможныхъ размѣровъ. Кто напр. въ дни дѣтства или юношества не воображалъ себѣ Баярда представителемъ рыцарства, хотя Баярдъ жилъ въ такое время, когда рыцарство, особенно во Франціи, превращалось уже въ анахронизмъ? Кто не видѣлъ въ Генрихѣ IX, королѣ французскомъ, воплощенія кротости и какого-то простоватаго добродушія? Кто не смотрѣлъ на Платона, Сократа и Сенеку, какъ на свѣтила міра, воплотившія въ себѣ всю мудрость Грековъ и Римлянъ? Эти свѣтила міра, эти фокусы добродѣтели прославляются въ учебникахъ, въ которыхъ конечно вы не найдете о нихъ ничего кромѣ возгласовъ, болѣе или менѣе безцвѣтныхъ и риторичныхъ. Не подражая голословности учебниковъ, многія серьезные изслѣдованія раздѣляютъ съ ними подобострастное отношеніе къ этимъ избраннымъ личностямъ. Ослѣвленные блескомъ имени, имѣющаго за себя двухтысячелѣтній авторитетъ, изслѣдователи, особенно Нѣмцы, проходи передъ этими личностями, обезоруживаютъ свою критику, скромно потупляютъ взоры, и ограничиваются въ отношеніи къ нимъ ролью почтительнаго и аккуратнаго передатчика. Видно,

что надъ ними тяготѣеть авторитетъ преданія и школы. Излагая исторію греческой философіи, принято какъ-то относится покровительственно къ элеатской школѣ, къ Гераклиту и Демокриту, къ Пифагору и Анаксагору, потомъ съ негодованіемъ упомянуть о софистахъ, потомъ умилиться надъ личностью и судьбою Сократа, поклониться въ поясъ Платону, его Диміургу и Идеямъ, назвать Аристотеля великимъ ученикомъ его, часто несправедливымъ къ великому учителю, потомъ разругать Эпикура, посмѣяться надъ скептиками и выразить добродѣтельное сочувствіе возвышеннымъ доблестямъ стоиковъ. Это принято; этого требуютъ интересы *нравственности*, которую такъ ревниво берегутъ многіе псевдо-художники и многіе дѣйствительные труженики на обширномъ, и такъ часто неблагоприятномъ полѣ науки. Эти нравственныя воззрѣнія, которыя чуть-ли не двѣ тысячи лѣтъ проводятся въ книгахъ и рукописяхъ, часто неимѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросамъ практической нравственности, поставили Сократа и Платона на тотъ несокрушимый пьедесталъ, съ котораго я, конечно, не попытаюсь свести почтенныхъ стариковъ. Пусть они остаются на этихъ пьедесталахъ, но только повыше, подальше отъ насъ; пусть ихъ идеи почитаются святынею, непонятною и непригодною для нашего безнравственнаго вѣка и поколѣнія. Пусть ихъ возвышенный идеализмъ служить предметомъ благоговѣнія для немногихъ избранныхъ и пусть эти избранные гонять прочь неносвященную чернь, которую такъ не любитъ фешенебельный Горацій, и въ ряды которой охотно вмѣшаемся мы и охотно вмѣшали бы нашего читателя. Но мы не шутимъ мнѣ кажется, что книга г. Клеванова уже по выбору предмета можетъ быть признана высоко-безполезною и бесполезно-высокою попыткою популяризировать то, что не можетъ и не должно быть популярно; кто хочетъ писать для всей читающей публики, тотъ долженъ обработать предметъ живую, самородною критикою, взяться за дѣло съ смѣлыми литературными приемами, произнести свое сужденіе, сказать живое, задушевное слово, хотя бы о мертвомъ и застывшемъ предметѣ. Что же касается до пионеровъ общества, до специалистовъ, врядъ-ли извлеченіе изъ Целлера будетъ для нихъ особенно драгоценнымъ приобрѣтеніемъ. Специалисты — народъ упрямый и склонный къ сомнѣнію; они любятъ добираться до источниковъ и не загребаютъ жара чужими руками. Діалектическія тонкости, наполняющія собою большую часть книги г. Клеванова, для публики слишкомъ тонки, безцвѣтны и безцѣльны, слишкомъ недоступны здравому смыслу, а для специалиста онѣ слишкомъ не новы. Въ одномъ только пунктѣ г. Клевановъ могъ придать своему труду свѣжій колоритъ и живое бѣненіе; онъ могъ бы показать отношеніе Сократа и Платона къ практической дѣйствительности, къ вопросамъ общественной жизни, къ интересамъ народа, отдѣльной личности и государства. Онъ могъ бы остановиться

на практическихъ слѣдствіяхъ идеализма и взвѣсить трезвою критикою особенности того вліянія, которое этотъ идеализмъ могъ оказать на человѣческую личность и на отношенія между людьми въ семействѣ и государствѣ. Г. Клевановъ этого не сдѣлалъ; не сдѣлалъ онъ этого потому, что надъ нимъ тяготѣютъ два авторитета, Платонъ и Целлеръ; чтобы обсудить какъ слѣдуетъ, съ современной или просто съ человѣческой точки зрѣнія поставленные выше вопросы, надо рѣшиться думать своимъ умомъ, а это такая смѣлость, до которой и теперь не всякій охотникъ. Передъ тѣми Платона и Сократа благоговѣтъ г. Клевановъ; отъ печатной буквы Целлера онъ отступить не рѣшается; при такихъ условіяхъ мудрено сказать живое слово объ идеализмѣ; мудрено во первыхъ потому, что мысли, взятая у другаго въ чужихъ рукахъ всегда отзываются холодною сухостью, а во вторыхъ потому, что Целлеръ, какъ нѣмецкій теоретикъ, разсматриваетъ Платона, любуясь красотою и стройностью системы, и не обращая вниманія на степень ея внутренней состоятельности и практической пригодности. У нѣмецкихъ мыслителей и критиковъ есть одинъ очень честный, но часто донъ-кихотскій приемъ — становиться на точку зрѣнія противника и сражаться съ нимъ его же оружіемъ. Такимъ путемъ вы можете уличить его въ непослѣдовательности, но не уличите въ непрактичности, потому что практическая жизнь представляется каждому различно, смотря по его темпераменту, по его положенію, по степени и по условіямъ его развитія. Мнѣ кажется, критикъ можетъ идти по другому пути; онъ можетъ не требовать отъ себя полной и безстрастной объективности, не переноситься искусственно въ чужое воззрѣніе, и оставаться полнымъ чело-вѣкомъ съ живыми убѣжденіями, съ ясно-обозначенными и ни мало нескрываемыми симпатіями и антипатіями. Онъ можетъ представить читателю сущность разбираемыхъ имъ мыслей, потомъ развить свои идеи, показать между тѣми и другими точки соприкосновенія и разногласія, защитить свои положенія отъ нападковъ и возраженій, могущихъ придти на умъ читателю и наконецъ представить самому читателю выборъ между нимъ и предметомъ его рецензіи.

«Du choc des opinions jaillit la vérité», говоритъ извѣстная поговорка и если это изрѣченіе справедливо, объективность не всегда можетъ быть признана въ критикѣ великимъ достоинствомъ. Трудно быть субъективнѣ Маколея, а между тѣмъ никто не упрекнетъ знаменитаго историка ни въ пристрастіи, ни въ узкой односторонности. Личности оживаютъ подъ его перомъ и отдаютъ полный отчетъ въ своихъ поступкахъ, въ своихъ мысляхъ и побужденіяхъ; передъ глазами читателя происходитъ величавый процессъ, въ которомъ живой и умный Англичанинъ, ораторъ и парламентскій боецъ, являлся то обвинителемъ, то адвокатомъ выводимой личности, смотря по тому, куда влечетъ его голосъ совѣсти и

личнаго убѣжденія, кромѣ описываемой и разбираемой исторической личности читатель видитъ передъ собой образъ критика, видитъ какъ мѣняется выраженіе этого умнаго и подвижнаго лица, слышитъ въ его дикціи то сочувствіе, то негодованіе, то иронію, то одушевленіе, которыя возбудили бы во всякомъ энергическомъ человѣкѣ тѣ или другія явленія жизни и человѣческой мысли. Излишнее увлеченіе можетъ, конечно, повредить ясности взгляда, но съ даровитымъ критикомъ этого случиться не можетъ. У кого дѣятельность анализирующей мысли преобладаетъ надъ потребностью самостоятельнаго творчества, кто по темпераменту болѣе критикъ чѣмъ художникъ, тотъ даже въ минуту энтузіазма не вдается въ фантазерство. Въ эти минуты, когда полнѣе дышетъ грудь, когда живѣе бьется сердце, въ эти минуты быстрѣе работаетъ мозгъ, смѣлѣе и оригинальнѣе льются мысли, и кропотливый контроль надъ этою ускоренною дѣятельностью анализирующаго ума оказывается такъ же бесполезенъ, какъ бесполезно труженическое шлифованіе лирическихъ стиховъ, вылившихся изъ души истиннаго поэта въ минуты искренняго волненія. Талантъ всегда имѣетъ свою оригинальную физіономію, и ему трудно отрѣшиться отъ этой физіономіи; что бы онъ ни писалъ, художественное ли произведеніе или критическое изслѣдованіе, онъ положитъ на него свою печать и не погонится за искусственнымъ спокойствіемъ тона и за умышленною объективностью. Когда говорятъ о Платонѣ, то всякій развитой человѣкъ понимаетъ, что отъ него нельзя требовать того, чего мы теперь потребовали бы отъ любого студента; никто не думаетъ сравнивать его даже съ какимъ нибудь современнымъ обскурантомъ, никто не ставитъ ему въ вину ребячество многихъ его политическихъ возрѣній и тенденцій; но, воля ваша, признавая его сыномъ своего народа и своей эпохи, мы не можемъ относиться съ почитательною и безстрашною вѣжливостію къ его нравственнымъ и политическимъ теоріямъ. Предметъ близокъ къ сердцу, потому что Платонъ захватываетъ въ свои изслѣдованія такіа вопросы, которые постоянно на очереди, и которые человѣчество въ каждомъ поколѣніи рѣшаетъ и перерѣшаетъ по своему. Къ такимъ вопросамъ остается совершенно равнодушною только кабинетная ученость почтеннаго Целлера и похвальная скромность его усерднаго послѣдователя, г. Клеванова. Въ благоговѣніи къ Платону, выражающемся въ книгѣ г. Клеванова, не слышно горячаго сочувствія; г. Клевановъ на каждой страницѣ свидѣтельствуетъ Платону свое почтеніе, но ни разу, излагая его мысли, не обнаруживаетъ того воодушевленія, съ которымъ живой человѣкъ всегда выскажетъ свою задушевную мысль, свое завѣтное убѣжденіе. Языкъ г. Клеванова вездѣ остается гладокъ, ровень, методиченъ; мысли медленно развиваются одна изъ другой; изложеніе ясно, правильно, вяло и утомительно. Съ этой минуты я могу устранить

личность г. Клеванова из моей критической статьи; онъ вѣрно слѣдуетъ Целлеру и передаетъ мысли Платона, не разбирая ихъ и не обнаруживая къ нимъ дѣйствительнаго сочувствія. По общему тону изложенія можно предположить, что г. Клевановъ идеалистъ, но дальнѣйшее разъясненіе этого вопроса представляетъ такъ мало общаго интереса, что мы предпочитаемъ перейти къ самому Платону. Въ личности этого греческаго философа можно видѣть на первомъ планѣ сильное поэтическое дарованіе, т. е. богатую фантазію и огромное стремленіе къ творчеству. Съ отзывчивостью, свойственною поэту, Платонъ откликнулся всею своею жизнью, всею дѣятельностью на самый животрепещущій интересъ эпохи, воплотившійся въ личности Сократа. Дѣло Сократа было дѣйствительно такъ красиво и величественно на взглядъ, что имъ не мудрено было увлечься. Человѣкъ незнатный, небогатый, неученый, невзрачный, беретъ быть учителемъ нравственности для цѣлаго народа, старается влить живые соки въ истощенное національное сознаніе, побѣждаетъ одною непосредственною искренностью убѣжденій знаменитѣйшихъ диалектиковъ своего времени, перетягиваетъ на свою сторону всю даровитую молодежь и наконецъ падаетъ жертвою реакціи и до конца жизни сохраняетъ непоколебимую твердость и спокойное присутствіе духа. Смерть Сократа часто обезоруживаетъ даже повѣйшую критику, готовую приступить съ анатомическимъ ножомъ къ диссекціи его философской системы. Философія Сократа, говорятъ многіе, хороша уже потому, что поддержала его въ минуту смерти; онъ своею мученическою кончиною, говорятъ многіе, запечатлѣлъ свое ученіе. Этотъ аргументъ будетъ имѣть свою силу, если мы безусловно примемъ положеніе Сократа о томъ, что знать истину и дѣлать добро одно и то же; но мы этой ошибки не сдѣлаемъ, и сумѣемъ конечно отдѣлать область воли отъ области знанія. Сократъ умеръ какъ мужчина, потому что былъ мужчиною, а не потому что его поддерживали въ минуту смерти положенія его философіи. Одна и та же мысль производить на различныхъ людей различное впечатлѣніе; изъ одной и той же школы выходятъ люди съ различными наклонностями и стремленіями; человѣкъ не пустая бутылка, въ которую можно влить какую угодно жидкость. Смерть Сократа рисуетъ только личность этого человѣка, не говоря ничего ни *pro*, ни *contra* его ученія. Смерть Сократа доказываетъ, что Сократъ былъ не фразеръ, но не говоритъ намъ, что онъ не могъ ошибиться въ теоріи или въ жизни. Факты подтверждаютъ мое мнѣніе о томъ, что честность и стойкость Сократа принадлежали его личности, а не его ученію. Въ числѣ учениковъ и друзей Сократа мы находимъ Алкивіада и Критія, главнаго предводителя олигархіи, одного изъ 30-ти тирановъ, человѣка, котораго ими по справедливости было ненавистно его современникамъ и согражданамъ. Ни Алкивіадъ, ни Критій не отличались ни политическою честностью,

ни стойкостью убѣждений, стало быть ученіе Сократа оказалось несостоятельнымъ, когда нужно было исправлять нравственность и передѣлывать природу человѣка. Но тѣмъ не менѣе, личность Сократа не могла не зарекомендовать въ глазахъ Платона проповѣдуемаго имъ ученія: Платонъ увлекся личностью и сдѣлался ея ревностнымъ прозелитомъ тѣмъ болѣе, что философія Сократа открывала широкій просторъ фантазіи и творчеству мысли.

Поэтическій гений Платона получилъ рѣшительный толчокъ и сталъ творить въ томъ направленіи, которое было ему указано любимымъ наставникомъ. Во всемъ этомъ еще не было большой бѣды, хотя, быть можетъ, позволительно пожалѣть о томъ, что поэтъ оставилъ свѣтлый міръ образовъ и картинъ и переселился въ возвышенныя, но холодныя сферы отвлеченной мысли. Красота, къ которой Платонъ стремился какъ художникъ, стала являться ему, отрѣшенная отъ всякой вѣшной формы, или вѣрнѣе, онъ самъ старался отрѣшить ее отъ формы, проникнуть въ ея общую сущность, уловить ее въ полной отвлеченности. Началось стремленіе къ идеалу, т. е. къ призраку, къ галлюцинаціи. Богатая полнота жизни, рельефность матеріи, переливы линій и красокъ, цестрое разнообразіе явленій, все, чѣмъ красна и полна наша жизнь, стало казаться Платону зломъ, ширмою, за которою насильно скрыта, какъ красавица въ заколдованномъ теремѣ, истина міра, нетлѣнная, неизмѣнная, вѣчная красота. Пылкая фантазія усилила эти мечты; галлюцинація Платона дошла до того, что онъ вѣрилъ въ дѣйствительное существованіе идеи отдѣльно отъ явленія; идеализмъ сразу поднялся на такую поэтическую высоту вымысла и вмѣстѣ съ тѣмъ сразу дошелъ до такого полного отрицанія самыхъ элементарныхъ свидѣтельствъ опыта, какого вѣроятно онъ не достигалъ никогда ни прежде, ни послѣ Платона. Подъ творческою, размашистою кистью его создалась пѣлостная, фантастически-величественная картина міра. Диміургъ, идеи, мировая душа, масса матеріи съ ея тупою инерціею, звѣзды и свѣтила, живущія своєю жизнью и мыслящія въ безконечномъ пространствѣ — все это создается подъ перомъ Платона, начинаетъ жить и дышать, все это производитъ также впечатлѣніе, какъ будтобы оно дѣйствительно существовало, и все это только потому, что Платонъ крѣпко вѣритъ въ свое созданіе, да еще потому, что Платонъ великій художникъ, подобный Гомеру, Данту или Мильтону. Вся физика Платона есть чистое созданіе фантазіи, недопускающее въ слушатель тѣни сомнѣнія, неопирающагося ни на одно свидѣтельство опыта, развивающееся само изъ себя и основанное на одной діалектической разработкѣ идеи, положенной въ основаніе. Платонизмъ есть религія, а не философія, и вотъ почему онъ имѣлъ такой громадный успѣхъ въ мистическую эпоху паденія язычества; вотъ почему онъ сохраненъ и взлелѣянъ византійскими учеными, переданъ Италіи и

Европѣ въ эпоху возрожденія, поставленъ на незыблемый пьедесталь и подъ разными именами живетъ и теперь. У кого нѣтъ самостоятельнаго творчества, тотъ примыкаетъ къ чужой фантазіи и дѣлается ея адептомъ. Изъ многихъ подобныхъ фантазій, фантазія Платона отличается высокимъ полетомъ мысли и смѣлою концепціею общей картины. Немудрено, что къ его идеямъ примыкаютъ съ полнымъ сочувствіемъ многіе мистики, отличающіеся развитымъ умомъ и тонкимъ эстетическимъ чувствомъ. Платонъ вѣрилъ въ созданія своей фантазіи; онъ считалъ ихъ за безусловную истину и ни разу не становился къ нимъ въ критическія отношенія; одна секунда сомнѣнія, одинъ трезвый взглядъ могли разрушить все очарованіе и разсѣять всю яркую и великолѣпную галлюцинацію. Но этой роковой секунды въ его жизни не было, и на всѣхъ сочиненіяхъ Платона легла печать самой фантастической и въ то же время спокойной вѣры въ непогрѣшимость своей мысли и въ дѣйствительность вызванныхъ ею призраковъ. Вѣра въ самого себя тѣсно связана съ умственной нетерпимостью, а умственная нетерпимость ждетъ только удобнаго случая, чтобы воздвигнуть дѣйствительное гоненіе на диссидентовъ. Пока Платонъ остается въ сферахъ отвлеченной мысли, или, вѣрнѣе, свободнаго вымысла, до тѣхъ поръ онъ является чистымъ поэтомъ. Когда онъ входитъ въ область существующаго, онъ становится доктринеромъ. Какъ вамъ понравится напр. понятіе Платона о любви! Онъ, въ бесѣдѣ «Пиршество» опредѣляетъ любовь, какъ стремленіе конечныхъ существъ обезсмертить и увѣковѣчить себя въ постоянно новыхъ порожденіяхъ. Первая степень любви, по мнѣнію Платона, есть любовь къ прекраснымъ чувственнымъ формамъ; вторая — любовь къ прекраснымъ душамъ; третья и высшая степень любви — къ прекраснымъ наукамъ, и наконецъ, какъ результатъ и вѣнецъ дѣла, любовь къ идеѣ, которая порождаетъ истинное познаніе и истинную добродѣтель (стр. 128). Очень понятно, что у человѣка, дошедшаго до этой высшей квинт-эссенціи любви, не должно быть мѣста для любви къ женщинѣ; стало быть, нравственное оскотленіе человѣчества во имя идеи должно быть конечною цѣлью нормальнаго развитія. Вотъ къ какимъ красивымъ результатамъ приводитъ доктринерское желаніе внести общую, искусственно-созданную идею во всѣ живыя явленія и отправленія жизни. Доктринерство Платона идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и даже съ его собственнымъ жизненнымъ опытомъ. Какъ художникъ, Платонъ былъ очень воспримчивъ къ пластической красотѣ; какъ здоровый и сильный мужчина, развившійся подъ небомъ цвѣтущей Греціи, онъ не думалъ останавливать своихъ эротическихъ стремленій и любовь къ идеѣ не мѣшала ему любить направо и налево... отдавая дань эпохѣ и народу... Но зло было сдѣлано; зерно аскетизма и вражды къ матеріи было брошено; въ эпоху римской имперіи оно разрослось въ ученія новоплатоно-

рѣйцевъ и новоплатониковъ, и, опираясь на Платона, принесло человечеству обильный плодъ добровольныхъ заблужденій и бессмысленныхъ самоистязаній. Кто не былъ поэтомъ, подобно Платону, тотъ требовалъ отъ себя послѣдовательности и страдалъ отъ разлада, существовавшего между идеею и жизнью, не понимая того, что идея берется изъ жизни, а не жизнь располагается по данной программѣ. Для такого чловѣка являлась необходимостью бороться съ самимъ собою, и лучшія силы несчастнаго идеалиста уходили на бесплодную нравственную гимнастику, на отчаянную ломку, на искорененіе страстей, на сглаживаніе самыхъ своеобразныхъ и жизненныхъ чертъ своей фізіономіи. Такого рода идеализмъ тяготѣлъ надъ Рудиними и Челкотуриними прошлаго поколѣнія; онъ породилъ нашихъ грызуновъ и гамлетиковъ, людей съ ограниченными умственными средствами и съ безконечными стремленіями. Смѣшно выводить этихъ господъ отъ Платона, но можно замѣтить, что эти дряблыя и хилыя личности страдаютъ именно тою болѣзнію, которую Платонъ воспѣлъ въ своихъ философскихъ стремленіяхъ, какъ лучшую принадлежность человечества и какъ единственное отличіе чловѣка отъ животнаго. Доктринерство Платона проходитъ чрезъ все его нравственное ученіе. Платонъ здѣсь, какъ и въ своей физикѣ, не смотритъ на то, что даетъ жизнь; онъ не изучаетъ естественныхъ стремленій чловѣческой природы, да и къ чему изучать? Абсолютная истина, въ существованіе которой всю душою вѣритъ поэтъ-мыслитель, находится не въ явленіи, а гдѣ то внѣ его, высоко и далеко, въ такихъ сферахъ, куда можетъ залетѣть пылкое воображеніе, но куда не поведетъ критическое изслѣдованіе, основанное на изученіи фактовъ. Платонъ считаетъ себя полнымъ обладателемъ этой драгоценной, хотя и невѣсомой истины; онъ утверждаетъ, правда, «что душѣ въ здѣшней жизни невозможно достигнуть вполне чистаго воззрѣнія на истину» (стр. 141); но это положеніе вовсе не ведетъ къ тѣмъ слѣдствіямъ, какихъ можно было отъ него ожидать; видно, что оно не проникаетъ особенно глубоко въ сознаніе Платона; Платонъ допускаетъ то обстоятельство, что смерть можетъ открыть его духу болѣе обширный міръ знаній, но не видно, чтобы онъ сознавалъ неудовлетворительность своего наличнаго капитала; не видно, чтобы онъ сомнѣвался въ вѣрности своихъ идей; то, что онъ знаетъ или создаетъ творческою фантазіею, кажется ему безусловно вѣрнымъ и не допускаетъ надъ собою никакого контроля. Вслѣдствіе этого, Платонъ говоритъ въ своей нравственной философіи: должно думать такъ-то, поступать такъ-то, стремиться къ тому-то. Эти приказанія отдаются человечеству съ высоты философской мысли, не допускаютъ ни комментаріевъ, ни возраженій и требуютъ себѣ безусловнаго повиновенія. Черты народнаго характера, коренныя свойства чловѣческой природы возмущаются противъ этихъ указовъ Платона, но это

нисколько не смущает гордаго мыслителя, упоеннаго созерцаніемъ своихъ твореній.

Все, что не согласно съ его инструкціями, признается ложнымъ, случайнымъ, незаконнымъ, препятствующимъ общему благу всего человѣчества. А кто же, спросите вы, создалъ это понятіе общаго блага? Генераль отъ философіи Платонъ, отвѣчу я, — и бѣдное человѣчество, опекаемое его неусыпными трудами, лишено даже права голоса въ такомъ дѣлѣ, которое называется его общимъ благомъ. Добро, по словамъ Платона, должно быть предметомъ всякой человѣческой дѣятельности; къ добру долженъ стремиться каждый человѣкъ, потому что обладаніе добромъ составляетъ собою благополучіе (стр. 209). Добро или благо — понятіе чрезвычайно широкое и способное расширяться до безконечности; для голоднаго кусокъ хлѣба есть высшее благо; для влюбленнаго благосклонный взглядъ любимой женщины, для служащаго человѣка вниманіе начальника, повыненіе въ чинъ и орденъ въ петличку; для поэта — минута творчества, и т. д. и т. д. И всѣ эти господа правы съ своей точки зрѣнія; и если мы отнесемъ иронически ко многимъ людскимъ стремленіямъ и въ то же время съ уваженіемъ упомянемъ о другихъ, то мы сдѣлаемъ это только потому, что сами стоимъ ближе къ однимъ, и можемъ ихъ лучше понимать и полнѣе имъ сочувствовать. Если одинъ гастрономъ любить пить за обѣдомъ хересь, а другой портвейнъ, то, вѣроятно, въ цѣломъ мірѣ не найдется такого критика, который могъ бы доказать ясно и осязательно, что одинъ изъ двухъ любителей правъ, а другой ошибается. По логическому закону надо допустить, что предпочтеніе г. А. къ хересу, а г. Б. къ портвейну происходитъ или отъ физиологической причины, т. е. отъ особенностей нѣба, гортани, или желудка, или отъ исторической причины, т. е. отъ приобрѣтенной привычки. Пристрастіе г. А. къ хересу, а г. Б. къ портвейну можетъ подвергнуть того и другаго разнымъ непріятностямъ и испытаніямъ. Если г. А. попадетъ въ общество любителей портвейна, то, при неумѣннн нашего общества уважать чужое мнѣніе, вкусъ его найдутъ страннымъ, быть можетъ, даже испорченнымъ; вокругъ него будутъ пожимать плечами, на него будутъ смотрѣть удивленными глазами; далѣе, если г. А. попадетъ въ какой нибудь маленькій уѣздный городокъ, въ которомъ нѣтъ порядочнаго хереса, то ему будетъ предстоить печальная альтернатива, отказаться отъ любимаго папитка и принятъся за другое вино, или остаться вѣрнымъ самому себѣ и съ несокрушимою твердостью переносить лишеніе. Находясь въ положеніи г. А., одни пошли бы по одному пути, другіе по другому, и мнѣ кажется, можно выразить предположеніе, что ни тѣхъ, ни другихъ не осудило и не прославило бы общественное мнѣніе. Но вотъ въ чемъ бѣда: когда надо судить о хересѣ и портвейнѣ, мы остаемся спокойными, хладнокровными, мы разсуждаемъ

просто, здраво и довольно искусно, хотя часто бессознательно владѣемъ диалектическимъ оружіемъ; но когда заходитъ рѣчь о высокихъ предметахъ, тогда мы сейчасъ же принимаемъ постную физиономію, становимся на ходули и начинаемъ говорить высокимъ слогомъ, согласно съ эстетическими требованіями прошлаго столѣтія. Мы позволяемъ нашему ближнему имѣть свой вкусъ въ отношеніи къ закускѣ и десерту, но бѣда ему будетъ, если онъ выразитъ самостоятельное мнѣніе о нравственности, и еще болѣе бѣда, чуть не побіеніемъ камнями, или *Камнемъ*, если онъ проведетъ свои идеи въ жизнь, даже въ своемъ домашнемъ быту. Если взвѣситъ дѣло простымъ здравымъ смысломъ, то мы имѣемъ право требовать отъ нашего сосѣда только того, чтобы онъ не вредилъ нашей особѣ матеріальнымъ насиліемъ, чтобы онъ не портилъ умышленно нашей собственности, и чтобы онъ не присвоивалъ ее себѣ мошенническими продѣлками. Разсуждать о его поведеніи внѣ этихъ трехъ случаевъ мы конечно имѣемъ полное право, потому что, сколько мнѣ кажется, нѣтъ той вещи въ мірѣ, которую нельзя было бы взять предметомъ разговора или критическаго анализа. Но разсуждая такимъ образомъ о личности и поведеніи нашего сосѣда, мы должны помнить, если желаемъ быть логичны, что наши сужденія о его нравственности настолькоже имѣютъ безусловное значеніе, насколько имѣетъ его напр. мнѣніе о томъ, что брюнетки красивѣе блондинокъ или наоборотъ. Вѣдь пора же наконецъ понять, господа, что общій идеалъ такъ же мало можетъ предъявить правъ на существованіе, какъ общіе очки, или общіе сапоги, сшитые по одной мѣркѣ и на одну колодку. Если вы станете носить чужіе очки, вы испортите глаза, если пройдете версты пять въ чужихъ сапогахъ, вы въ кровь изотрете ноги, если вы навяжете себѣ на спину котомку чужихъ убѣжденій, вы изнеможете подъ этою неестественною обузою; вы выбьетесь изъ силъ, поправляя и привязывая ее къ себѣ покрѣпче, а кончится все-таки тѣмъ, что котомка отвалится, и пропадетъ гдѣ нибудь на пыльной дорогѣ, но воротить потраченныя силы часто бываетъ очень мудрено, воротить потерянное время всегда невозможно и свѣжесть первой молодости, довѣріе къ самому себѣ почти всегда отрывается вмѣстѣ съ котомкою идеала и вмѣстѣ съ нею заваливается въ дорожной пыли. Надо же наконецъ понять, что идеалъ не есть даже отвлеченное понятіе, а просто сколокъ съ другой личности; всякій идеалъ имѣетъ своего автора, какъ всякая народная пѣсня имѣетъ не только родину, но даже и составителя. Добраться до пмени того и другаго всегда бываетъ очень трудно, и въ большей части случаевъ совершенно невозможно; но, составляя нравственный портретъ одного лица, портретъ иногда польщенный, иногда просто обезцвѣченный, идеалъ годится только для того, съ кого онъ снятъ, или для тѣхъ людей, которые совершенно под-

ходятъ къ нему по темпераменту, по внѣшнему положенію и по внутреннимъ силамъ. Но трудно найти двухъ людей, совершенно сходныхъ лицомъ; полное же нравственное сходство двухъ самостоятельно развившихся личностей составляетъ такое рѣдкое явленіе, какого, кажется, и не встрѣтишь во всей исторіи человѣчества; есть много безцвѣтныхъ и безличныхъ субъектовъ, задавленныхъ какими нибудь внѣшними обстоятельствами, пригнанныхъ на одну колодку общественной дисциплиною или отшлифованныхъ на одинъ образецъ тиранническими законами моды и этикета; посмотришь на нихъ; — они всѣ покажутся похожими между собою и лицомъ, и голосомъ и манерами; всякая оригинальность, выражающаяся въ образѣ жизни, въ прическѣ, въ одеждѣ кажется въ подобномъ обществѣ дерзостью, нарушеніемъ закона, оскорбленіемъ нравственности. Живой человѣкъ съ сожалѣніемъ посмотритъ на такое общество; зачѣмъ, подумаетъ онъ, эти господа добровольно поддерживаютъ придуманные законы, отъ которыхъ каждому отдѣльному лицу придется терпѣть лишенія? Этотъ вопросъ, вѣроятно, кажется вамъ здравымъ, а между тѣмъ всѣ эти господа, стѣсняющіе свою личную свободу во имя придуманныхъ или наслѣдованныхъ законовъ, всѣ до послѣдняго идеалисты, хотя конечно многіе изъ нихъ и не слышали никогда этого слова. Наше свѣтское общество, нашъ beau monde биткомъ набиты идеалистами, сознательно и безсознательно стремящимися къ отвлеченному совершенству. Un jeune homme comme il faut, une jeune personne charmante, эти два почетные титула, которыми награждаетъ общество за усердное исполненіе его устава, составляютъ въ то же время заглавіе двухъ идеаловъ, къ которымъ, смотря по различію половъ, стремятся множество молодыхъ людей, одаренныхъ свѣжими силами и задатками развѣтія. Эти молодые люди гибнутъ въ нравственномъ отношеніи, сохнутъ и мельчаютъ, оттого что стараются во имя идеала уничтожить свою личность или тѣ зародыши, изъ которыхъ, при благоприятныхъ условіяхъ, могла бы развиться самостоятельная индивидуальность. Множество браковъ по расчету, множество продѣлокъ сомнительнаго свойства, множество дуэлей дѣлаются не для удовлетворенія той или другой страсти, а во имя идеала, или изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, стоящимъ у подножія воздвигнутаго имъ кумира. «Это принято», «это не принято», вотъ тѣ слова, которыми въ большей части случаевъ рѣшаются житейскіе вопросы; рѣдко случается слышать энергическое и честное слово: я такъ хочу или не хочу, а между тѣмъ, каждый имѣетъ разумное право произнести это слово, когда дѣло идетъ о немъ и объ его личныхъ интересахъ. Принято и не принято значить другими словами согласно и не согласно съ моднымъ идеаломъ, слѣдовательно идеализмъ тяготѣетъ надъ обществомъ, и, сковывающая индивидуальныя силы, препятствуетъ разумному и всестороннему

развитію. Отвергая общій идеаль, я не думаю отвергать необходимость и законность самосовершенствованія. Я не считаю стремленіе къ совершенству обязанностью человѣка. Сказать, что это обязанность, такъ же смѣшно, какъ сказать, что человѣкъ обязанъ дышать и принимать пищу, расти къ верху и толстѣть въ ширину. Самосовершенствованіе дѣлается такъ же естественно и произвольно, какъ совершаются процессы дыханія, кровообращенія и пищеваренія. Чѣмъ бы вы ни занимались, вы съ каждымъ днемъ приобрѣтаете большую техническую ловкость, большій навыкъ и опытность. Это дѣлается совершенно безсознательно и помимо вашего желанія, и это правило можетъ быть примѣнено не только къ какому нибудь ремеслу, но и къ жизни. Всѣ мы, не смотря на различіе состоянія, образованія и положенія въ обществѣ, живемъ мыслью и чувствами, хотя дѣятельность нашей мысли тратится на самыя разнородныя интересы, и хотя дѣятельность нашихъ чувствъ возбуждается самыми разнокалиберными предметами. Всѣ мы воспринимаемъ и перерабатываемъ впечатлѣнія и, чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ большую техническую ловкость мы приобрѣтаемъ въ этомъ занятіи. Существованіе житейской опытности не подлежитъ сомнѣнію; ее признаютъ и уважаютъ грамотный и неграмотный, образованный европеецъ и австралійскій дикарь; эта опытность есть результатъ самосовершенствованія; процессъ ея приобрѣтенія есть процессъ безсознательнаго, чисто растительнаго умственнаго развитія; этотъ процессъ можетъ встрѣтить себѣ случайное содѣйствіе или случайное препятствіе въ окружающей обстановкѣ, точно такъ же какъ процессъ пищеваренія можетъ быть нарушенъ нездоровою пищею или возстановленъ моціономъ и воздержаніемъ. Наблюденія надъ природою человѣка, приведенныя въ систему и составившія собою собирательную науку, медицину, указываютъ на тѣ предметы и на тѣ отправления, которые вредятъ человѣческому организму или приносятъ ему пользу. Сообразуясь съ предписаніями науки, человѣкъ можетъ вести правильный образъ жизни, сберегающій его силы и содѣйствующій его физическому благосостоянію. Но ни одинъ порядочный медикъ, не предпишетъ всѣмъ своимъ пациентамъ общую гигиену; онъ непременно изучитъ сначала темпераментъ каждаго и потомъ расположитъ свои предписанія, сообразуясь съ собранными матеріалами. Въ образованномъ обществѣ люди вообще больше думаютъ о себѣ, нежели въ простомъ народѣ, отчасти потому, что на это представляется больше средствъ и досуга, отчасти потому, что образованіе развиваетъ и укрѣпляетъ самосознаніе. Образованный классъ болѣе простаго народа заботится о своемъ здоровьѣ, поддерживаетъ его искусственными средствами, и разными предосторожностями старается предотвратить могущее произойти разстройство. Точно такія же гигиеническія мѣры по отношенію къ своему умственному развитію и нравственному совершенствованію принимаетъ че-

ловѣкъ, сознавшій въ себѣ умственную личность и заботящійся о нормальности своихъ интеллектуальныхъ отправленій. Положимъ, я созналъ въ себѣ стремленіе и способность къ научнымъ занятіямъ и, слѣдуя внутреннему побужденію, принимаюсь читать и изучать историковъ и мыслителей. Не поставлю же я себѣ, подобно Берсеневу, идеаломъ Т. Н. Грановскаго или П. Н. Кудрявцева? Не стану же я подражать ни Маколею, ни Нибуру, ни Тъери, ни Гизо, какъ бы велико не было мое уваженіе къ этимъ передовымъ представителямъ чловѣческой мысли. Я себѣ не поставлю впереди никакой цѣли, не задамся никакою предвзятою идеею; я не знаю, къ какимъ результатамъ я приду, и меня вовсе не занимаетъ вопросъ о томъ, что я сдѣлаю въ жизни; меня занимаетъ самый процессъ дѣланія; я вижу, что никому не мѣшаю своею дѣятельностью и на этомъ основаніи считаю себя правымъ передъ собою и передъ цѣлымъ міромъ; я работаю и стараюсь облегчить себѣ трудъ, или, (что то же самое) вынести изъ каждаго своего усилія возможно большее количество наслажденія; это, по моему мнѣнію, альфа и омега всякой разумной чловѣческой дѣятельности. Процессъ умственного развитія и нравственнаго совершенствованія допускаютъ нѣкоторые гигиеническіе приемы, но конечно одни и тѣ же приемы не могутъ быть примѣнены даже къ двумъ недѣлимымъ. Эти приемы состоятъ, конечно, не въ томъ, чтобы пригонять личность къ извѣстному образцу; основанные на изученіи самаго недѣлимаго, эти приемы клонятся только къ тому, чтобы дать больше простора и разгула индивидуальнымъ силамъ и стремленіямъ. Эмансипировать собственную личность не такъ просто и легко, какъ кажется; въ насъ много умственныхъ предубѣжденій, много нравственной робости, мѣшающей намъ свободно желать, мыслить и дѣйствовать; мы сами добровольно стѣсняемъ себя собственнымъ вліяніемъ на свою личность; чтобы избѣгнуть такого вліянія, чтобы жить своимъ умомъ въ свое удовольствіе, надо значительное количество естественной или выработанной силы, а чтобы выработать эту силу, надо можетъ быть пройти цѣлый курсъ нравственной гигиены, который кончится не тѣмъ, что чловѣкъ приблизится къ идеалу, а тѣмъ, что онъ сдѣлается *личностью*, получить разумное право и сознаетъ блаженную необходимость быть самимъ собою. — Я стану избѣгать вреднаго для меня общества пустыхъ людей по тому же побужденію, по которому съ простуженными зубами не подойду къ открытому окну, но я нисколько не возведу этого себѣ въ добродѣтель, и не найду нужнымъ, чтобы другіе подражали моему примѣру. Надѣюсь, что я достаточно отгнѣнилъ различіе, существующее между стремленіемъ къ идеалу и процессомъ самосовершенствованія. Вѣроятно, я не сказалъ ничего новаго, но я полагаю, что всякое самостоятельное убѣжденіе имѣетъ право выразиться въ словѣ, хотя бы сотни людей исповѣдывали его въ про-

долженіи десятковъ и сотенъ лѣтъ. Кромѣ того, вопросъ объ идеализмѣ живетъ и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать мистическія теории и неосуществимыя стремленія; стало быть разъясненіе этого вопроса, какъ бы ни было оно слабо и поверхностно, теперь еще не можетъ быть излишнимъ и несвоевременнымъ. Возвращаюсь къ нравственной философіи Платона. Какъ я уже говорилъ выше, добро, по мнѣнію Платона, должно быть для человѣчества предметомъ дѣятельности и источникомъ высшихъ наслажденій. *Понятіе* добра существуетъ у него какъ абсолютная идея и не приводится ни въ малѣйшую зависимость отъ личности и положенія *понижающаго* субъекта. Что это самостоятельное, абсолютное понятіе добра на самомъ дѣлѣ есть произведеніе мозга Платона, это кажется не требуетъ доказательства; человѣкъ мыслить только своимъ мозгомъ; точно также какъ онъ варитъ пищу только своимъ желудкомъ и дышитъ только своими легкими. Любопытно замѣтить, что Платонъ, ставящій служеніе добру въ непремѣнную обязанность всему человѣчеству, самъ не вполнѣ выяснилъ себѣ свои собственные представленія о сущности и фязіономіи этого добра. Въ своихъ бесѣдахъ *Тестетъ* и *Федонъ*, и въ трактатѣ о *Государствѣ* Платонъ смотритъ на всѣ чувственныя явленія какъ на зло, на наше тѣло какъ на враждебное начало, на нашу жизнь какъ на время заточенія въ глубокомъ и мрачномъ вертепѣ. Смерть представляется минутою освобожденія, такъ что при этомъ возрѣніи остается только непонятнымъ, почему Платонъ не ускорилъ для себя этой вождельной минуты, почему онъ въ теоріи не оправдалъ самоубійства, и почему онъ воспѣлъ благость Деміурга, виновника нашего заточенія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ золъ и страданій. Въ другихъ бесѣдахъ Платона, напр. въ *Филебѣ*, высшее добро опредѣляется какъ полное примиреніе чувственного начала съ духовнымъ, какъ гармоническое сліяніе того и другаго, и средствами произвести это сліяніе считаются изящныя искусства и въ особенности музыка. Въ враждебномъ отношеніи Платона къ чувственному міру видно усиліе могучаго ума оторваться отъ родимой почвы, которая его воскормила и возрастила. Поэтъ-мыслитель хочетъ отрѣшиться отъ народнаго характера, отъ колорита окружающей дѣйствительности, отъ своей собственной плоти и крови. Грекъ, гражданинъ свободнаго города, здоровый и красивый мужчина, къ которому по первому призыву соберутся на роскошный пиръ друзья и гетеры, старается, во что бы то ни стало, доказать себѣ, что въ этомъ мірѣ все—зло: и полная чаша вина, и жгучая ласка красивой женщины, и аромат цвѣтовъ, и звуки лиры, и звучный гекзаметръ, и даже дружба, которан, по мнѣнію Грековъ, была выше и чище любви. Эти усилія доказать себѣ и другимъ то, противъ чего говоритъ свидѣтельство пяти чувствъ, не вызваны никакою дѣйствительною причиною

и потому рѣшительно не носить на себѣ печати искренняго воодушевленія. Романтизмъ возникаетъ обыкновенно въ эпоху бѣдствій и страданій, когда человѣку нужно гдѣ нибудь забыться, на чемъ нибудь отвѣсти душу; я несчастливъ здѣсь, мнѣ здѣсь душно, тяжело, больно дышать, такъ я успокоюсь по крайней мѣрѣ въ той вѣчно свѣтлой, вѣчно-тихой и теплой атмосферѣ, которую создастъ мое воображеніе и куда не проникнуть ни горе, ни заботы, ни стоны страдальцевъ. Романтизмъ искренній, вызванный самою почвою, зарождается въ эпоху римской имперіи и развивается съ особенною силою въ средніе вѣка; отрицаніе доходить до ужасающихъ размѣровъ; пропадаетъ всякая вѣра въ благородныя стороны и побужденія человѣческой природы, и вмѣсто этой здоровой вѣры въ дѣйствительность доходить до степени галлюцинаціи вѣра въ дѣйствительное существованіе и недостижимое совершенство призрачнаго, заоблачнаго міра фантазіи. Сенека, Тацитъ, Маркъ-Аврелій въ своихъ сочиненіяхъ выражаютъ съ полною искренностью и съ замѣчательною силою моментъ грусти, негодованія противъ настоящаго и полнаго сомнѣнія въ будущемъ. Новоплатоники, Эссеяне и египетскіе терапевты, средневѣковые рыцари, монахи и отчасти трубадуры воплощаютъ въ себѣ моментъ романтическаго стремленія оторваться отъ дѣйствительности и унести въ лучшій, сверхчувственный міръ. У всѣхъ этихъ господъ романтизмъ былъ потребностью души; въ Римѣ послѣ Августа порядочному человѣку невозможно было жить полною жизнью; каждый день совершались самыя отвратительныя злодѣянія: предательства, доносы, пытки, казни, игры гладиаторовъ, истязанія рабовъ, апоееозы разныхъ нравственныхъ уродовъ и кретиновъ — все это поневолѣ должно было ожесточить самаго добродушнаго оптимиста. Мыслящимъ людямъ того времени оставались только двѣ дороги: или удариться въ самый широкій разгулъ чувственности, или дать полную свободу своему воображенію, утѣшаться его свѣтлыми созданіями и во имя этихъ созданій вступить въ открытую вражду со всею дѣйствительностью, начиная съ собственнаго тѣла. По первому пути пошли эпикурейцы, по второму между прочими новоплатоники. Люди съ трезвымъ критическимъ умомъ не могли вѣрить въ созданія собственной фантазіи и предпочитали, за неимѣніемъ лучшаго, грубыя, но дѣйствительныя наслажденія болѣе тонкимъ, но совершенно призрачнымъ утѣшеніямъ. Эпикуреизмъ и новоплатонизмъ, разгулъ чувственности и умерщвленіе плоти вызваны одною историческою причиною. Идти путемъ средины, т. е. проводить въ жизнь теоретическія убѣжденія и черпать свои идеи изъ житейскаго опыта, сдѣлалось невозможнымъ, потому что жизнь располагалась по волѣ немногихъ личностей и дѣлалась жертвою случайности и произвола; тогда явились двѣ крайности; одни совершенно отказались отъ идеи и стали искать наслажденія въ физическихъ отправленияхъ

жизненного процесса; другіе совершенно отказались отъ жизни и стали любоваться построениями своего мозга. Оба направленія должны быть оправданы, какъ непривольныя и естественныя отклоненія отъ обыкновеннаго порядка вещей. Но если мы перенесемъ къ эпохѣ Платона, то трудно будетъ себѣ представить, что могло вызвать съ его стороны враждебныя отношенія къ физическому міру явленій. Ни нравственное, ни политическое состояніе Греціи во время Пелопоннесской войны и послѣ ея окончанія не было до такой степени плохо, чтобы привести мыслителя въ отчаяніе и вызвать съ его стороны безусловное осужденіе. Многія стороны греческаго быта, напр. рабство и *извѣстнаго рода развратъ* могли бы возмутить человѣка нашей эпохи, но Платонъ не относился къ нимъ строго и не понималъ ихъ отвратительности. Рабы остаются рабами въ его идеальномъ государствѣ, а развратъ онъ идеализируетъ, видя въ немъ эстетическое стремленіе и набрасывая покрывало на физическія послѣдствія... Платонъ, какъ извѣстно, составилъ проэктъ идеальнаго государственнаго устройства, и кажется старался даже осуществить свой политическій идеалъ въ Сиракузахъ и въ Сициліи. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что онъ вѣрилъ въ возможность земнаго счастья, и что существующіе въ наличности матеріалы не казались ему настолько негодными, чтобы изъ нихъ было невозможно построить прочное и красивое зданіе. Какъ же послѣ этого понимать враждебное отношеніе Платона къ чувственному міру? Мнѣ кажется, его должно понимать только какъ теоретическій выводъ платоновой мысли, которому не сочувствовала и на который даже не обращала вниманія живая, человѣческая природа поэта-мыслителя. Все скверно въ матеріальной жизни, говоритъ доктрина Платона; напротивъ, все прекрасно и способно сдѣлаться еще лучше, возражаетъ его поэтическое чувство, и этотъ голосъ непосредственнаго чувства поддерживается примѣромъ его собственной жизни, свѣтлымъ колоритомъ его фантазій и чувственною яркостью *самыхъ*, повидимому, *отвлеченныхъ* его представленій. Поэтъ-мыслитель постоянно ищетъ образа и воплощаетъ свои идеи въ формы, заимствованныя изъ міра матеріи; этимъ самымъ онъ показываетъ, что этотъ міръ вовсе не внушаетъ ему отвращенія и что великая идея не оскверняется отъ соприкосновенія съ чувственнымъ явленіемъ. Но Платону было необходимо указать на источникъ и возможность зла; это такой вопросъ, котораго не обойдешь ни въ какой философской системѣ, ни въ какомъ поэтическомъ міросозерцаніи. Приписать зло волѣ Диміурга было мудрено; противъ подобной мысли возмущалась и здравая логика, и эстетическое чувство Платона. Навязать доброду и мудрому существу всѣ гадости и несовершенства человѣческой жизни значило уничтожить возможность его существованія и перевернуть вверхъ-дномъ всю красивую систему платонова міросозданія. Олицетворить зло въ отдѣльномъ

понятіи, создать идею зла и противопоставить ее идеѣ добра было также невозможно. Это подало бы поводъ къ неисчислимымъ и неразрѣшимымъ вопросамъ и противорѣчіямъ. Если зло вѣчно, то стало-быть оно естественно, а если оно естественно, то оно не есть зло. Если Диміургъ воплощаетъ въ себѣ идею могущества и отличается самыми благими стремлениями, то онъ хочетъ и долженъ истребить зло, а если онъ не истребляетъ его, то стало-быть онъ не въ силахъ сдѣлать этого. Чтобы избѣжать подобныхъ противорѣчій, Платонъ обращается къ матеріи и путемъ діалектическихъ доводовъ доказываетъ, что она-то есть невольная и бессознательная причина зла. Принужденный признать инертное могущество и вѣчность матеріи, существующей помимо воли Диміурга и только получающей отъ него свою форму, Платонъ доходитъ до теоретическаго убѣжденія, что зло есть свойство матеріи. Создавая какое нибудь существо, Диміургъ кладетъ на матерію печать извѣстной идеи, но матеріи слишкомъ груба, чтобы воспринять этотъ отпечатокъ въ полной ясности и чистотѣ; матеріаль сопротивляется рукѣ художника и это невольное сопротивление даже олицетворяется у Платона подъ именемъ неразумной міровой души; въ этомъ сопротивленіи и лежитъ начало зла. Изъ этого видно, что пессимизмъ Платона не вытекъ живою струею изъ его непосредственнаго чувства и не былъ вызванъ обстоятельствами и обстановкою его жизни, а выработанъ путемъ умозаключеній и никогда не проникалъ глубоко въ его личность. Противорѣчіе, въ которое впадаетъ Платонъ, развивая почти рядомъ два, чуть не диаметрально противоположныя, міросозерцанія, открываетъ намъ одну изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ его личности. Это противорѣчіе ясно показываетъ, что доктринеръ не могъ побѣдить въ Платонѣ поэта и чело-вѣка, и что живые инстинкты и живыя симпатіи его души вылились наружу, не стѣсняясь мертвою буквою писанной системы. Но между тѣмъ доктрина развивается своимъ чередомъ; Платонъ, какъ мыслитель, выводитъ крайнія слѣдствія своей философской системы, а Платонъ, какъ чело-вѣкъ, и жизнью и словомъ протестуетъ противъ порожденной своей собственной мысли. Впечатлительный, измѣнчивый и подвижный, какъ истинный поэтъ, онъ противорѣчитъ самому себѣ и самъ того не замѣчаетъ, самъ не думаетъ о томъ, чтобы какъ нибудь сблизить и примирить два противоположныя воззрѣнія. Обращаясь такъ нецеремонно съ собственными теоріями, Платонъ не допускаетъ подобной свободы для другихъ; его возмущаютъ существующія непослѣдовательности и уклоненія отъ разумности въ сферѣ частной и государственной жизни. Не будучи въ состояніи внести строгое единство даже въ міръ собственной мысли, онъ хочетъ подчинить неизмѣннымъ законамъ всѣ явленія человѣческой жизни, водворить строгую правильность и разумность во всѣ отношенія между людьми въ семействѣ и въ государствѣ. На мѣсто живаго

развитія жизни онъ хотеть поставить неизмѣнное и неподвижное созданіе своей творческой мысли. Трактатъ Платона о государствѣ не есть произведеніе свободной фантазіи, не есть красивая игрушка, которой житейскую бесполезность и непримѣнимость сознавалъ бы самъ творецъ. Это почти прозѣкъ, и любимую мыслью Платона было привести его въ исполненіе. Перестроить общество на новый ладъ, заставить цѣлый народъ жить не такъ, какъ онъ привыкъ и какъ ему хочется, а такъ, какъ, по моему убѣжденію, ему должно быть полезно, — это, конечно, такая задача, за которую теперь не взялся бы ни одинъ здравомыслящій человѣкъ. Во время Платона такая задача была, вѣроятно, также немислима какъ и теперь, но на видъ она должна была казаться гораздо легче уже потому, что греческая народность была разбита на множество мелкихъ государствъ и что авторъ, стоя на площади въ Афинахъ, могъ говорить чуть не съ цѣлою національностью. Сословіе свободныхъ и полноправныхъ гражданъ было очень ограничено въ сравненіи съ цѣлымъ народонаселеніемъ; это сословіе одно имѣло возможность измѣнять по своему благоусмотрѣнію фізіономію государства, а умами этого сословія дѣйствительно могъ управлять любимый ораторъ или писатель. Это обстоятельство конечно не могло повести къ тому, чтобы законы и учрежденія, придуманные однимъ лицомъ и невоспитанные самою почвою, могли остановить потокъ исторической жизни или дать ему произвольное направленіе; но оно могло по крайней мѣрѣ внушить Платону обманчивыя надежды; оно могло увѣрить его въ возможности составлять и прилаживать къ дѣлу проэктъ государственнаго устройства. — Мы до сихъ поръ видѣли Платона какъ поэта, какъ доктринара; не раздѣляя его фантастическихъ бредней, мы принуждены были признавать въ его созданіяхъ много искренняго воодушевленія, много смѣлости и силы воображенія; не сочувствуя его нравственнымъ принципамъ, мы не могли отказать имъ во внутренней стройности и послѣдовательности. Этой послѣдовательности не повредила даже двойственность его воззрѣній на матерію и ея отношенія къ человѣческому духу; какъ мыслитель, задавшійся извѣстною идеею, Платонъ смѣло дошелъ до крайнихъ выводовъ; какъ живой человѣкъ, онъ пошелъ совершенно другою дорогою, и доказалъ такимъ образомъ въ одно и тоже время силу своей творческой мысли, крѣпость своей физической природы и невозможность стиснуть жизнь въ узкія рамки теоріи. — Словомъ, въ концѣ концовъ можно вывести заключеніе, что Платонъ имѣетъ несомнѣнныя права на наше уваженіе, какъ сильный умъ и замѣчательный талантъ. Колоссальныя ошибки этого таланта въ области отвлеченной мысли происходятъ не отъ слабости мысли, не отъ близорукости, не отъ робости ума, а отъ преобладанія поэтическаго элемента, отъ сознательнаго презрѣнія къ свидѣтельствамъ опыта, отъ самонадѣяннаго,

свойственнаго сильнымъ умамъ стремленія вынести истину изъ глубины творческаго духа, вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть и изучить ее въ единичныхъ явленіяхъ. Не смотря на свои ошибки, не смотря на полную несостоятельность своей системы, Платонъ можетъ быть названъ по всей справедливости родоначальникомъ идеалистовъ. Составляетъ ли это обстоятельство важную заслугу предъ лицомъ человѣчества, это конечно такой вопросъ, на который отвѣтять различно представители различныхъ направленій въ области отвлеченной мысли; но какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, все таки никто не откажетъ Платону въ почетномъ мѣстѣ въ исторіи науки. Есть такія гениальныя ошибки, которыя оказываютъ возбуждительное вліяніе на умы цѣлыхъ поколѣній; сначала увлекаются ими, потомъ къ нимъ становятся въ критическія отношенія; это увлеченіе и эта критика долгое время служатъ школою для человѣчества, причиною умственной борьбы, поводомъ къ развитію силъ, руководящимъ и окрашивающимъ началомъ въ историческихъ движеніяхъ и переворотахъ. Но Платонъ не остановился въ области чистаго мышленія и не понялъ того, что, пренебрегая опытомъ и единичными явленіями, нельзя понимать истиннаго смысла исторической и государственной жизни. Онъ взялся за рѣшеніе практическихъ вопросовъ, не умѣя ихъ даже поставить, какъ слѣдуетъ; его попытки въ этомъ родѣ до такой степени слабы и несостоятельны, что онѣ распадаются въ прахъ отъ самаго легкаго прикосновенія критики; въ этихъ попыткахъ нѣтъ ни разумной любви къ человѣчеству, ни уваженія къ отдѣльной личности, ни художественной стройности, ни единства цѣли, ни нравственной высоты идеала. Представьте себѣ причудливое и некрасивое зданіе, съ арками, фронтонами, портиками, бельведерами и колонадами, неимѣющими ни какого пракческаго назначенія, и вы получите понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производятъ на читателей трактаты Платона *о государствѣ* и *о законахъ*. «Первая цѣль государства по мнѣнію Платона, сдѣлать гражданъ добродѣтельными, обезпечить вещественное и нравственное благосостояніе всѣхъ и cadaго» (стр. 223). Новые изслѣдователи, напр. Вильгельмъ Гумбольдтъ (*Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen*) смотрятъ на дѣло иначе, и опредѣляютъ государство какъ охранительное учрежденіе, избавляющее отдѣльную личность отъ оскорбленій и нападковъ со стороны внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Этимъ опредѣленіемъ они избавляютъ взрослого гражданина отъ своеобразной и непрощенной опеки, которая въ продолженіе всей жизни тяготѣетъ надъ нимъ въ государствѣ Платона. Оставляя въ сторонѣ не вѣрность основнаго взгляда, мы увидимъ, что даже та цѣль, которою задается Платонъ не можетъ быть достигнута тѣми средствами и приемами, которые предлагаются въ его трактатахъ. Граждане должны быть добродѣтельны, а между тѣмъ

Платонъ предписываетъ имъ такія оскорбительныя стѣсненія, противъ которыхъ возмущается нравственное и эстетическое чувство; уму читателя представляется такая дилемма; или граждане, какъ порядочные люди, не вынесутъ этого стѣсненія и тогда всѣ учрежденія Платона пойдутъ прахомъ; или они подчинятся этимъ стѣсненіямъ и, систематически развращенные ими, потеряютъ способность быть добродѣтельными. Добродѣтель, даже какъ понимаетъ ее Платонъ и соблюденіе законовъ въ его идеальномъ государствѣ, составляютъ два несовмѣстимыя начала. Мудрость, мужество, самообладаніе и справедливость представляются четырьмя главными добродѣтелями въ нравственной философіи Платона. Спрашивается: которая изъ этихъ четырехъ добродѣтелей отниметъ у человѣка право свободной критики и приводитъ къ безусловному повиновенію? Если же ни одна изъ этихъ добродѣтелей не пригодна для послушныхъ гражданъ идеальнаго государства, то это значитъ, что Платонъ отдѣляетъ идеаль чело- вѣка отъ идеала гражданина. Многие мыслители древности, между прочими и Аристотель въ своей политикѣ, говорятъ, что добродѣтель доступна только полноправнымъ гражданамъ и не существуетъ ни для раба, ни для ремесленника, ни для женщины. Но Платонъ, подчиняя *всѣмъ* гражданамъ своего государства неестественнымъ и оскорбительнымъ стѣсненіямъ, идетъ гораздо дальше. Онъ даетъ обществу такое устройство, которое самымъ фактомъ своего существованія дѣлаетъ невозможнымъ не только осуществленіе идеала, но даже стремленіе къ нему. Со стороны мыслителя, по понятіямъ котораго внѣ идеала нѣтъ спасенія, такого рода распоряженія должны показаться чрезвычайно оригинальными. Если идеаль чело- вѣка неосуществимъ даже теоретически въ гражданскомъ обществѣ, то изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что чѣловѣку слѣдуетъ жить и развиваться внѣ общества, или же что пресловутый идеаль есть бесполезная игрушка празднаго воображенія. Ни то, ни другое заключеніе не понравилось бы Платону, но устранить оба заключенія можно только отказавшись отъ утопической теоріи, или перестроивъ идеаль. Въ государствѣ Платона есть чиновники, воины, ремесленники, торговцы, рабы и самки, но людей нѣтъ и не должно быть. Каждая отдѣльная личность есть извѣстной формы и величины винтъ, шестерня или колесо въ государственномъ механизмѣ; кромѣ этой служебной должности, онъ ни въ какомъ кругу не имѣетъ никакого значенія; онъ не сынъ, не братъ, не мужъ, не отецъ, не другъ и не любовникъ. Съ минуты рожденія его отрываютъ отъ груди матери и помѣщаютъ въ воспитательный домъ; его не показываютъ родителямъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и его происхожденіе умышлено забывается; его воспитываютъ наравнѣ со всѣми дѣтьми его возраста и онъ, какъ только начинаетъ помнить и сознавать себя, чувствуетъ, что онъ казенная собственность, несвязанная ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ въ окружающемъ его мѣрѣ. Онъ

вырастает и получает известную должность; его дѣлають воиномъ и военныя упражненія становятся главнымъ его занятіемъ и развлеченіемъ; въ эти упражненія онъ, какъ хорошій гражданинъ, обязанъ влагать тѣ остатки энергіи и души, которыхъ не успѣло засушить школьное воспитаніе. Когда у него появляется борода и развивается мужеская сила, его осматриваетъ и свидѣтельствуетъ *особый сановникъ* (стр. 265) и потомъ приводитъ къ нему молодую дѣвушку, которая, по его убѣжденію, годится ему въ жены. Приплодъ идетъ на пользу общества и съ нимъ поступаютъ точно также, какъ поступали съ его родителями. Когда мужчина становится старикомъ, его дѣлають гражданскимъ чиновникомъ и опредѣляютъ въ одно изъ существующихъ вѣдомствъ; онъ становится судьей, казначеемъ или воспитателемъ юношества, смотря потому, на что его найдутъ годнымъ. Занятіе торговлею или ремесломъ считается унижительнымъ для полноправнаго гражданина и запрещено законами. Высшія формы, въ которыя должны воплотиться эти политическія убѣжденія, едва набросаны въ сочиненіяхъ Платона. Онъ считаетъ нужнымъ, чтобы во главѣ государства стояли достойнѣйшіе и мудрѣйшіе, но ему рѣшительно все равно, будетъ ли тамъ одинъ мудрѣйшій или нѣсколько мудрѣйшихъ. Демократическая форма правленія ему противна, какъ аристократу по рожденію и какъ человѣку, считающему себя неизмѣримо выше массы по умственнымъ силамъ и по нравственному достоинству. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ книги г. Клеванова, въ которыхъ эта сторона теоріи Платона очерчена довольно ясно. «Относительно вопроса: правительство должно ли быть основано на согласіи народа, или дѣйствовать на него силою, Платонъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что, если нужно согласіе массъ народа, то никакія, самыя благоразумныя учрежденія не могутъ быть никогда приведены въ дѣйствіе. Сознajući свои обязанности правителя долженъ поступать съ зависящими отъ него людьми какъ благоразумный врачъ; не спрашиваясь ихъ согласія, волею-неволею долженъ давать онъ имъ горькое, но полезное лекарство» (стр. 225). «Далѣе Платонъ говоритъ, что неблагоразумно было бы мудраго правителя стѣснять законами» (стр. 225). «Вообще Платонъ приходитъ къ рѣшительному убѣжденію, что массы народа неспособны управлять сами собою и что невозможно требовать, чтобы имъ когда-нибудь было доступно и понятно истинное искусство управленія» (стр. 226). «Но Платонъ, имѣя самое невыгодное понятіе о степени нравственнаго развитія массъ народныхъ, не могъ допустить, чтобы большинство людей подвластныхъ терпѣливо и съ покорностью сносили власть мудрецовъ; а потому Платонъ долженъ былъ вооружить своихъ правителей-философовъ такою властью, которой было бы достаточно для приведенія въ исполненіе ихъ распоряженій; вслѣдствіе этого они должны были имѣть всегда подъ руками достаточное число дѣятельныхъ и способныхъ испод-

нителей. Такимъ образомъ уяснилась для Платона потребность въ отдѣльномъ сословіи воиновъ, которое должно имѣть цѣлью своей дѣятельности не столько защиту государства извнѣ, сколько поддержаніе внутри его порядка и общественнаго спокойствія» (стр. 229). «А потому Платонъ въ своемъ трактатѣ о государствѣ, запрещая ложь частному человѣку, допускаетъ обманъ, какъ средство управленія въ рукахъ властителей» (стр. 218). Эти выписки прямо показываютъ, что, по понятіямъ Платона, со стороны правителей не существуетъ обязанности въ отношеніи къ управляемымъ личностямъ; обманъ, насиліе, произволь допускается какъ средства управленія. Законы нравственности, существующіе для частныхъ лицъ, теряютъ обязательную силу для государственныхъ дѣятелей. Они должны быть мудрыми, но право судить о степени ихъ мудрости отнимается у наиболее-заинтересованныхъ личностей и предоставляется, кажется, одному Диміургу. Съ одной стороны произволь имѣетъ только тѣ границы, на которыхъ онъ самъ заблагоразсудитъ остановиться. Съ другой стороны, покорность не имѣетъ никакихъ предѣловъ. Если она начинаетъ ослабѣвать, ее слѣдуетъ подкрѣплять искусственными средствами, нравственными или физическими, слабыми или сильными, смотря по комплекціи паціента и по благоусмотрѣнію врача. Устраненіе вредныхъ вліяній должно играть важную роль въ курсѣ воспитанія или леченія, которому должны подвергаться граждане идеальнаго государства. Гомеръ изгоняется, какъ безнравственный сказочникъ. Мнѣны пересочиняются и пропитываются высокими идеями. Статуи Аполлона и Афродиты въ интересахъ приличія прикрываются костюмомъ. Чтобы сосѣдніе народы не могли вводить въ соблазнъ гражданъ идеальнаго государства, сношенія съ иностранными землями должны быть по возможности затруднены и ограничены: «путешествія за границу дозволены только людямъ зрѣлаго возраста и притомъ не иначе, какъ или для собственнаго образованія, или для государственныхъ цѣлей. По возвращеніи граждане должны подвергаться испытанію, не принесли ли они съ собою вредныхъ убѣжденій» (стр. 267). Разбирать подобныя положенія бесполезно; они сами говорятъ за себя очень громко и краснорѣчиво. Позволю себѣ замѣтить, что, къ чести человѣчества, духъ политическихъ идей Платона никогда не пытался завоевать себѣ мѣсто въ дѣйствительности. Сумасброднѣйшіе деспоты Ксерксъ персидскій, Калигула и Домиціанъ, никогда не пробовали почеркомъ пера уничтожить семейство и поставить свой народъ на степень конскаго завода. Къ счастію для своихъ подданныхъ, эти господа не были философами; они казнили людей для препровожденія времени, но по-крайней-мѣрѣ они не реформировали человѣчества и не старались систематически развратить своихъ согражданъ. Просвѣщенные и умные деспоты, въ родѣ Людовика XI, Тиверія и Фердинанда католическаго оказывали на сво-

ихъ подданныхъ сознательное вліяніе, но ихъ проэктъ и отдаленнѣйшія мечты никогда не достигали того величія и той смѣлости, которыми отличаются идеи Платона. Стремленія у нихъ были общія; но, увлекаясь поэтическимъ гениемъ, Платонъ проводитъ эти стремленія съ безпримѣрною силою; злѣйшимъ врагомъ этихъ стремленій былъ могущій духъ критики и сомнѣнія, элементъ свободнаго мышленія и личной оригинальности, и этотъ элементъ ненавистенъ Платону; нравственною опорою имъ служила вывѣска народнаго блага, и этою-же вывѣскою пользуется Платонъ; матеріальною поддержкою ихъ было войско, и эта-же самая сила имѣетъ важное мѣсто въ государствѣ Платона. Эти правители, подобно мудрецамъ идеальнаго государства, считали себя достойнѣйшими и лучшими изъ своихъ согражданъ людьми, призванными быть воспитателями и врачами неразвившагося и нравственно-больнаго человечества. Римскія пытки и казни, испанская инквизиція, походы противъ Альбигойцевъ, клѣтка кардинала *La Balue*, костеръ Гусса, Варео-ломеевская ночь, Бастилія и проч. и проч. могутъ быть названы *горькими, но полезными* лекарствами, которыя въ разныя времена и въ разныхъ дозахъ врачи человечества давали своимъ паціентамъ *волею-неволею, не спрашиваясь изъ согласія*. Принципъ, проведенный Платономъ въ его трактатахъ о государствѣ и о законахъ, безызвѣстенъ новѣйшей европейской цивилизаціи.

1861.

10 апрѣля.

СХОЛАСТИКА XIX ВѢКА.

I.

Развитіе русской журналистики съ каждымъ годомъ становится шире; возникаютъ новые журналы, и въ короткое время пріобрѣтаютъ себѣ значительный кругъ читателей; между тѣмъ старыя журналы продолжаютъ свое существованіе и число ихъ подписчиковъ нисколько не уменьшается. Периодическія изданія расходятся по всѣмъ концамъ Россіи, и идеи, выработанныя въ тиши кабинета, за письменнымъ столомъ, становятся достояніемъ цѣлой обширной страны, становятся почти единственною умственною пищею для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей. Большинство публики читаетъ одни журналы, это фактъ, въ которомъ могъ наглядно убѣдиться всякій, кто жилъ въ провинціи и бывалъ въ обществѣ какого нибудь уѣзднаго города. Одинъ экземпляръ «Современника» или «Русскаго Вѣстника» читается цѣлымъ городомъ, переходитъ изъ рукъ въ руки и возвращается обыкновенно къ владѣльцу въ самомъ жалкомъ, истрепанномъ видѣ, такъ что ему приходится только сказать: «расчитали въ дребезги». При этомъ нѣкоторые отдѣлы остаются совершенно нетронутыми и даже неразрѣзанными; отмѣтить подобные отдѣлы было бы конечно любопытно для фізіологіи общества, но я не съ этою цѣлью повелъ рѣчь о распространеніи журналовъ въ массѣ читающей публики. Кромѣ журналовъ этой публикѣ дѣйствительно читать нечего, отдѣльныя книги издаются теперь чаще прежняго, но ихъ все-таки мало; кромѣ того, онѣ имѣютъ или ученый, или учебный характеръ; это — или изслѣдованія или популярныя руководства, а учиться большинство нашей публики не желаетъ, вѣроятно потому, что воспитаніе, данное ей въ школахъ, было дурно и оставило послѣ себя на всю жизнь полнѣйшее отвращеніе къ тому, что отзывается школою или

книжною ученостью. Сочиненія Пушкина, Лермонтова и Гоголя знаютъ почти наизусть люди, одаренные эстетическимъ чувствомъ и сколько нибудь развитые въ литературномъ отношеніи; что же касается до большинства, то оно или вовсе не читаетъ ихъ, или прочитываетъ ихъ одинъ разъ, для соблюденія обряда, и потомъ откладываетъ въ сторону и почти забываетъ. Перечитать во второй разъ художественное произведеніе, потому только, что оно художественно или проникнуто глубокою мыслью, это такой подвигъ, котораго возможность понимаютъ далеко не всѣ и на который рѣшаются очень немногіе. Между тѣмъ журналы неотразимою силою привлекаютъ къ себѣ этихъ господъ; во-первыхъ, они даютъ свѣжія новости, во-вторыхъ разнообразіе, часто даже пестрота оглавленія даетъ каждому всѣ средства выбрать себѣ чтеніе по вкусу и по плечу; въ-третьихъ, одна книжка не успѣваетъ еще приглядѣться, какъ она смѣняется новою, и провинціальный читатель слѣдитъ за идеями и интересами вѣка, не успѣвая соскучиться и не утомляя свой мозгъ усиленною работою. Все это было бы очень хорошо; литераторы и публика удовлетворяли бы другъ друга, но дѣло въ томъ, что на практикѣ выходитъ совсѣмъ не то, что выходило въ теоріи.

Пишущіе люди забываютъ, что они пишутъ не для себя, а для общества, литераторы составляютъ замкнутый кружокъ; этотъ кружокъ внутри себя вырабатываетъ идеи и убѣжденія и передаетъ публикѣ результаты, которые часто оказываются понятными только тогда, когда мы знаемъ, какъ они вырабатывались и формировались; одинъ кружокъ сталкивается въ мнѣніяхъ съ другимъ, начинается споръ, котораго предметъ остается теменъ для публики; между тѣмъ публика читаетъ полемику, видитъ, какъ горячатся оба противника и съ любопытствомъ слѣдитъ за скандальною стороною дѣла. Не вините въ этомъ публику; поставьте себя на ея мѣсто; представьте себѣ, что при васъ происходитъ споръ на непонятномъ для васъ языкѣ. Если вы не выйдете изъ комнаты, то вы вѣроятно, почти невольно будете слѣдить за выраженіемъ лица и за мимикою спорящихъ личностей. То же самое дѣлаетъ публика. О предметѣ ученаго или литературнаго спора она судить не можетъ, потому что спорящіе литераторы большею частью забываютъ о ея существованіи и не дѣлаютъ ни шагу для того, чтобы пояснить ей, въ чемъ дѣло. Они ссылаются на иностранные авторитеты, на собственные сочиненія или статьи, разбросанныя по разнымъ журналамъ или напечатанныя лѣтъ десять тому назадъ, наконецъ, на голосъ внутренняго чувства, какъ сдѣлалъ Погодинъ на диспутѣ съ Костомаровымъ, или покойный Хомяковъ, возставая въ «Русской Бесѣдѣ» противъ матеріализма. Справляться по всѣмъ этимъ ссылкамъ мудрено; у публики не достало бы на это ни досуга, ни терпѣнія. Слѣдовательно, останется ей двѣ дороги: или вовсе не читать спора, или, читая его, втихомолку

посмѣиваться надъ тѣмъ, какъ горячатся спорящія стороны. Публика такъ и дѣлаетъ.

II.

Вопросъ о народности, сближеніе съ народомъ, изученіе народности—эти слова слышатся на каждомъ шагу и встрѣчаются на каждой страницѣ нашихъ большихъ журналовъ. Идеѣ этихъ словъ мудрено не сочувствовать, трудно въ этихъ святыхъ словахъ не видать великой задачи времени, самаго животрепещущаго интереса нашей будущей исторіи. Но, съ другой стороны, нужно быть въ высшей степени довѣрчивымъ и добродушнымъ оптимистомъ, чтобы отъ нашихъ журналовъ ожидать дѣйствительнаго сближенія съ народомъ. «Русская Бесѣда» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ печатала дѣльныя и основательныя изслѣдованія Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Вѣляева; «Отечественныя Записки» въ прошломъ году приложили къ своему журналу цѣлый сборникъ пѣсенъ г. Якушкина; въ «Свѣточѣ» во всѣхъ подробностяхъ описана русская свадьба; «Современникъ» принужденъ выслушивать замѣчанія со стороны «Отечественныхъ Записокъ» за то, что мало занимается народнымъ элементомъ; новый журналъ «Время» на интересахъ народности строитъ всю свою программу, и что же изъ этого выходитъ, какія практическія слѣдствія ведутъ за собою всѣ эти благородныя стремленія? Ровно никакихъ. Они дадутъ только будущему біографу матеріалы, по которымъ онъ будетъ въ состояніи сдѣлать ошибочный выводъ такого рода: «въ половинѣ XIX столѣтія вопросъ о народности возбуждалъ къ себѣ сильное сочувствіе въ читающей части русскаго общества». Этотъ выводъ будущаго бібліографа я смѣло рѣшаюсь назвать ошибочнымъ, на томъ основаніи, что «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» пользуются наибольшею популярностію, не смотря на то, что первый отличается космополитическимъ направленіемъ, а второй занимается гражданскою жизнью Западной Европы гораздо пристальнѣе, нежели интересами нашей народности. Если, сверхъ того, принять въ соображеніе тотъ фактъ, что «Русская Бесѣда» существуетъ почти безъ подписчиковъ, то не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что наша журналистика не успѣла пріохотить къ ознакомленію съ народностью даже ту часть публики, на которую она можетъ имѣть непосредственное вліяніе. О вліяніи на простой народъ, о фактическомъ сближеніи съ нимъ путемъ журнальной литературы—смѣшно и говорить. Нашъ народъ конечно не знаетъ того, что о немъ пишутъ и разсуждаютъ, и вѣроятно еще лѣтъ тридцать не узнаетъ объ этомъ. Житейскихъ, осязательныхъ результатовъ онъ вѣроятно долго не увидитъ, потому что стремленія

не переходятъ въ дѣло и остаются на страницахъ журналовъ, къ обоюдной выгодѣ редакцій и сотрудниковъ. Что вопросъ объ эмансипаціи разрѣшился независимо отъ журнальныхъ толковъ, въ этомъ конечно нельзя винить журналистику; эмансипація была дѣломъ правительства и совершается административнымъ путемъ. Но воскресныя и бесплатныя школы?— Это было дѣломъ общества, а между тѣмъ этотъ вопросъ прошелъ мимо журналистики, и журналы ограничились тѣмъ, что отмѣтили совершившійся фактъ на страницахъ своей современной лѣтописи или хроники. Не журналы возбудили этотъ вопросъ, и литература не указала обществу на его насущную потребность, а только оговорила эту потребность уже тогда, когда ея существованіе было сознано всѣми, когда уже были приняты мѣры для удовлетворенія этой потребности. Любопытно было бы знать, можно ли указать хоть на одно полезное дѣло, хоть на одинъ живой вопросъ народной жизни, который былъ бы возбужденъ и рѣшенъ нашими журналами, и который не остался бы на бумагѣ, а хоть на одну іоту увеличилъ бы матеріальное или нравственное благосостояніе нашего народа. Я почти увѣренъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ получится отрицательный. Причины этого явленія я постараюсь разобрать въ самихъ общихъ чертахъ.

III.

Внѣшняя фізіономія нашего общества слагается конечно по мимо литературы. Наша журналистика не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе административныхъ вопросовъ, слѣдовательно эту сторону дѣла я могу совершенно выпустить изъ моего разсужденія. Само собою понятно, что статьи «Русскаго Вѣстника» объ англійскомъ *jury* или объ англійскомъ парламентѣ имѣютъ для насъ интересъ чисто научный и нисколько не могутъ содѣйствовать нашему гражданскому воспитанію, потому что гражданъ воспитываетъ жизнь, а не книга. Точно также понятно, что сблизиться съ народомъ мы путемъ журналистики не можемъ; сблизается съ народомъ тотъ, кто живетъ среди его, кто видитъ его каждый день въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, у кого есть съ нимъ общіе интересы и общія стремленія. Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики лучше петербургскихъ и московскихъ литераторовъ знаютъ бытъ и характеръ простаго народа; они знаютъ народъ въ самомъ будничномъ и не привлекательномъ видѣ; у нихъ происходятъ съ нимъ ежедневныя столкновенія, которыми ожесточаются обѣ стороны; подъ вліяніемъ этихъ столкновеній у впечатлительнаго человѣка портится характеръ и формируется мрачный и гуманный взглядъ на личность русскаго простолюдина; все это справедливо, но за то въ основу этого взгляда

ложится не теорія, а непосредственный опытъ, и вслѣдствіе этого понятіе, которое сложилось въ головѣ практическаго хозяина о типическихъ особенностяхъ русскаго крестьянина, будетъ всегда ярче и опредѣленнѣе въ частностяхъ, чѣмъ понятіе теоретика литератора, воодушевленнаго самыми безкорыстными и гуманными стремленіями. Практическое сближеніе съ народомъ дѣло до такой степени важное, что его нельзя предпринять между прочимъ, толкуя о Боклѣ и Стюартѣ Миллѣ; какаянибудь поѣздка по Россіи можетъ оставить въ воображеніи нѣсколько типическихъ фигуръ, которыя годятся для альбомнаго рисунка или для легкаго литературнаго очерка; но внутренній смыслъ этихъ фигуръ дается не сразу, и постепенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ вы подходите къ нимъ ближе и вглядываетесь внимательнѣе въ ихъ выраженіе и обстановку. Словомъ, журналистика, проводящая общечеловѣчскія идеи въ русское общество, нуждается въ посредникахъ, которые проводили бы эти идеи къ народу. Въ настоящее время народъ еще не въ состояніи сознать эти идеи, обращать ихъ въ свое умственное состояніе, органически переработывать ихъ силою собственнаго мышленія; пусть онъ по крайней мѣрѣ чувствуетъ на себѣ ихъ благотворное, согрѣвающее вліяніе. Русскій крестьянинъ, быть можетъ, еще не въ состояніи возвыситься до понятія собственной личности, возвыситься до разумнаго эгоизма и до уваженія къ своему я; пускай же онъ почувствуетъ, по крайней мѣрѣ, какую-то перемѣну въ окружающей атмосферѣ, пускай почувствуетъ, что съ нимъ обращаются *господа* какъ-то не по прежнему, а какъ-то серьезнѣе и мягче, любовнѣе и ровнѣе. Такого рода перемѣна въ обращеніи не укрылась бы отъ его вниманія и измѣнила бы его нечувствительно для него самого. «Чѣмъ болѣе вы будете обращаться съ мальчикомъ, какъ съ джентльменомъ, тѣмъ скорѣе онъ дѣйствительно превратится въ джентльмена» — это основное положеніе американской педагогики, и это положеніе можетъ быть примѣнено къ дѣлу вездѣ, гдѣ эмансипація идетъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Чтобы русскій мужикъ почувствовалъ эту благодѣтельную перемѣну, нужно чтобы наше провинціальное дворянство и мелкое чиновничество перестало быть тѣмъ, что оно теперь. Гуманизировать это сословіе — дѣло литературы и преимущественно журналистики. Это дѣло конечно исполнимѣе сближенія съ народностью или гражданской реформы путемъ журнальныхъ статей. Это дѣло требуетъ дружныхъ усилій и долговременнаго труда, но какое же дѣйствительное усовершенствованіе въ сферѣ гражданской жизни не требуетъ времени, труда, траты силъ и единодушія? По крайней мѣрѣ можно сказать одно: это — цѣль достижимая, и это можетъ быть единственная задача, которую можетъ выполнить литература, и которую притомъ только одна литература и въ состояніи выполнить. Это среднее сословіе, гуманизированное

общечеловѣческими идеями, можетъ сдѣлаться посредникомъ между передовыми дѣятелями русской мысли и нашими младшими братьями-мужиками, въ избу которыхъ конечно никогда не заходятъ книжки журналовъ, стоящихъ 15 р. сер. въ годъ. Ни грошовыя изданія, о которыхъ было говорено, ни «Народное Чтеніе», о которомъ нужно будетъ поговорить со временемъ, не принесутъ народу никакой чувствительной пользы. Эти книги написаны людьми, имѣющими какое-то отвлеченное, книжное понятіе о народѣ, старающимися принаровиться къ его потребностямъ, и обнаруживающими въ своихъ попыткахъ полнѣйшую непрактичность, полнѣйшее незнаніе той почвы, которую они хотятъ вздѣлывать. Но не забывайте, что въ нашемъ обществѣ есть тысячи людей, понимающихъ нашъ книжный языкъ, носящихъ нашъ костюмъ, словомъ *господь*, которые въ состояніи прочесть и понять ученую статью въ журналѣ и которые въ то же время живутъ среди народа, въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ нашего обширнаго отечества. Эти люди поневолѣ влѣчиваются говорить съ народомъ и присматриваются къ его потребностямъ; эти люди по самому своему положенію стоятъ на рубежѣ двухъ элементовъ, общества и народа, и какъ будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаній сверху внизъ. Отчего же мы ими не пользуемся? Оттого, мнѣ кажется, что до сихъ поръ мало обращали на нихъ вниманія. Наша журнальная критика и журнальная наука могла особенно благотвѣтельно дѣйствовать на это сословіе, но къ сожалѣнію ни критика, ни наука не имѣли въ виду этого класса читателей и не заботились даже о томъ, чтобы сдѣлаться доступными имъ по формѣ. Въ настоящее время вы не найдете почти ни одной критической статьи, которая была бы вполне понятна человѣку, не имѣющему специальныхъ свѣдѣній по тому кругу предметовъ, къ которому относится статья. Обыкновенному читателю такая статья представится непрерывнымъ рядомъ намековъ, въ которыхъ онъ будетъ смутно чувствовать какую-то общую связь, но въ чемъ состоитъ эта связь и что говорятъ эти намеки, это останется ему совершенно непонятнымъ. Опять-таки доказательство того, что если цѣлые отдѣлы нашихъ журналовъ остаются неразрѣзанными, то виновата въ этомъ не публика. Наши журналисты мечтаютъ о гражданской жизни и о сближеніи съ народомъ и эти бесплодныя мечты отвлекаютъ ихъ отъ настоящаго дѣла, отъ дѣйствительной обязанности, отъ живаго общенія съ тою сферою читателей, которая ждетъ отъ нихъ притока знаній и идей. Кромѣ того, кромѣ этого міра благородныхъ, но неосуществимыхъ мечтаній, у нашихъ журналистовъ есть цѣлый міръ закулисныхъ тайнъ, и намеками на интересы этого міра пересыпаны ихъ критическія обзоренія и полемическія статьи. Этотъ міръ мелкихъ личныхъ неприяностей, міръ литературнаго кумовства и нелитературныхъ перебранокъ даетъ себя чув-

ствовать по временамъ въ какомъ нибудь журнальномъ скандалѣ, котораго причина и истинная физіономія остаются непонятными для массы читающей публики. А между тѣмъ публику потчуютъ этими скандалами, и она *volens nolens* узнаетъ факты, непонятные для нея и вовсе не интересные.

IV.

Но что же можетъ и что должна сдѣлать журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтеніемъ журналовъ? Она должна разбить ея предрасудки и помочь ей выработать себѣ разумное міросозерцаніе. При этомъ она должна имѣть въ виду ту часть публики, которая способна подвинуться впередъ, людей молодыхъ и свѣжихъ, людей, способныхъ принять истину и отрѣшиться отъ отцовскихъ заблужденій. Для такихъ людей талантливый критикъ съ живымъ чувствомъ и съ энергическимъ умомъ, критикъ, подобный Вѣлинскому, могъ бы быть въ полномъ смыслѣ слова учителемъ нравственности, да не той условной нравственности, которая осуждаетъ г-жу Толмачеву, а той широкой нравственности, которая желаетъ только, чтобы человѣкъ былъ самимъ собою, чтобы всякое чувство проявлялось свободно, безъ посторонняго контроля и придуманныхъ стѣсненій. Литература во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ должна бить въ одну точку; она должна всѣми своими силами эмансипировать человѣческую личность отъ тѣхъ разнообразныхъ стѣсненій, которыя налагаютъ на нее робость собственной мысли, предрасудки касты, авторитетъ преданія, стремленія къ общему идеалу и весь тотъ отжившій хламъ, который мѣшаетъ живому человѣку свободно дышать и развиваться во всѣ стороны. А то ли дѣлаетъ наша литература? Къ большей части вопросовъ жизни, науки или искусства она относится какъ-то нерѣшительно, какъ-то въ-половину, оглядываясь по сторонамъ, боясь колыхнуть авторитетъ, боясь оскорбить исторію; эти оглядки, эти опасенія часто имѣютъ мѣсто въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно смѣло положиться на голосъ здраваго смысла, въ которомъ можно даже отдаться внушенію непосредственнаго чувства. Возьмемъ примѣръ: Пермская дама прочла на публичномъ чтеніи стихотвореніе Пушкина; корреспондентъ одной газеты описалъ это чтеніе, стараясь для удовольствія публики блеснуть яркостью красокъ, и не жалѣя риторическихъ украшеній; сотрудникъ другой газеты, также для удовольствія публики, начинаетъ глумиться надъ описаніемъ перваго, и давши волю своему неопрятному юмору, съ размаху задѣваетъ имя и личность читавшей дамы. Дѣло, кажется, ясное! Оно ясно до такой степени, что о немъ, можетъ быть, и вовсе не стоило говорить, но правильное чутье

нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ показало имъ, что это — вопросъ для насъ еще нерѣшенный и требующій оговорки. Юмористъ газеты «Вѣкъ» получилъ отъ лица нашей журналистики серьезный выговоръ за свои циническія выходки противъ личности женщины и за ретроградное направление своей статьи. Этотъ выговоръ можно было бы назвать допихотствомъ, еслибы общественное мнѣніе въ Россіи опредѣлилось настолько, чтобы всѣ образованные люди рѣшали въ одинъ голосъ важнѣйшіе вопросы жизни. Но у насъ рѣшительно нѣтъ общественныхъ убѣжденій; въ каждомъ семействѣ происходитъ борьба между старыми понятіями и молодыми стремленіями; эта борьба и эти колебанія порождаютъ въ жизни общества много противорѣчащихъ другъ другу явленій; напр. молодая дѣвушка приходитъ въ университетъ учиться, а профессоръ старается выжить ее изъ аудиторіи циническимъ тономъ своей лекціи. Очевидно, эта дѣвушка и этотъ профессоръ расходятся между собою во взглядѣ на такой простой и понятный предметъ, какъ образованіе женщины; они представляютъ борьбу двухъ діаметрально противоположныхъ началъ, Домостроя и XIX вѣка. Обѣ стороны открыто несутъ свое знамя и понимаютъ свою несовмѣстимость. Но не всѣ члены общества становятся рѣшительно на ту или на другую сторону; большая часть такъ называемыхъ серьезныхъ людей держатъ нейтралитетъ и становятся въ самыя разнообразныя положенія въ отношеніи къ предмету спора; они обсуживаютъ его, вводя въ свои сужденія такое множество оговорокъ и ограниченій, что сущность дѣла становится мало по малу неясною для самыхъ жаркихъ защитниковъ того или другаго мнѣнія; качая мудрыми головами, эти разсудительные люди обвиняютъ обыкновенно обѣ спорящія стороны въ крайности и въ увлеченіи, и сами стараются выбрать золотую середину. А возможна ли эта середина? Попробуйте стать посерединѣ между негромъ и плантаторомъ, между самодуромъ-отцомъ и дочерью, которую насильно выдаютъ замужъ, между мистицизмомъ и раціонализмомъ. Примиренія нѣтъ, и держатъ нейтралитетъ значить стоять совершенно въ сторонѣ и не принимать никакого участія въ обсуждаемомъ вопросѣ. Нейтралитетъ, который стараются держать люди разсудительные, есть въ сущности оптической обманъ, и какъ оптической обманъ онъ можетъ быть опасенъ для неопытныхъ глазъ.

Въ нашемъ обществѣ есть много людей молодыхъ, которые душою рады были бы пойти за свѣтлыми и привлекательными идеями вѣка, но которыхъ останавливаетъ во-первыхъ то, что результаты этихъ идей совершенно расходятся съ существующими формами жизни, и во-вторыхъ, голосъ разсудительныхъ людей, выбравшихъ мнимую золотую середину. Робость ихъ неокрѣпшей мысли останавливается на существующемъ порядкѣ и на авторитетѣ. Чтобы помочь этимъ людямъ, надо пользо-

ваться случаемъ, брать примѣры прямо изъ жизни и на этихъ примѣрахъ показывать приложеніе общихъ правилъ и руководящихъ идей.

Протестъ нашихъ журналовъ противъ Камня-Виногорова былъ положительно полезенъ; онъ показалъ обществу, какъ наше литературное большинство понимаетъ права женщины и показалъ не въ теоретическомъ разсужденіи, а на живомъ примѣрѣ. Но нерѣзительность отношеній къ простому и ясному дѣлу нашла себѣ представителей въ двухъ значительныхъ органахъ нашей журналистики. Отечественныя Записки приняли шуточный тонъ, говоря объ этомъ событіи въ отдѣлѣ русской литературы (1861 Апрель, стр. 143); осмѣяли какъ школьническую продѣлку всю исторію протеста и посѣтовали о томъ, что толки о женщинахъ не уяснили значенія семейнаго начала въ Россіи. Русскій Вѣстникъ отнесся къ дѣлу гораздо строже; у него все оказались виноваты: и г-жа Толмачева, и фельетонистъ Петербургскихъ вѣдомостей, и юмористъ Вѣка, и въ особенности г. Михайловъ и *спущенная имъ стая*. На 17 страницахъ разбирается это дѣло и разборъ приводитъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ; съ плеча высказываются смѣлыя, повидимому, мнѣнія, которыя на слѣдующей же страницѣ встрѣчаютъ себѣ такое же смѣлое опроверженіе. На стр. 24 говорится о томъ, что женщина въ нашемъ обществѣ пользуется всеми разумными правами, а на стр. 36 прорывается признаніе, что «у насъ дѣвушка не легко отважится пройти одна по улицѣ». Концы съ концами сведены такъ, что вы при чтеніи не замѣтите противорѣчій, но если вы захотите отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, то общее впечатлѣніе выйдетъ самое смутное. Дѣло въ томъ, что въ подобномъ вопросѣ надобно отвѣчать ясно и категорически: да или нѣтъ. Меттерниховскія полумѣры, отвѣты *и да и нѣтъ* или *ни да ни нѣтъ* неприменимы и бессмысленны. Молодыя женщины и дѣвушки нашего общества чувствуютъ потребность учиться; у нихъ пробуждается дѣятельность мысли; вопросъ въ томъ, дать ли имъ книги въ руки или нѣтъ, пустить ли ихъ въ университетъ или нѣтъ. Давая имъ книги и пуская ихъ въ университетъ, мы, мужчины, собственно говоря, ничего не дѣлаемъ, а только устраняемъ свое вліяніе и рѣшительно не принимаемъ на себя никакой отвѣтственности. Не давая книгъ и запирая двери университета, мы самымъ грубымъ образомъ посягаемъ на чужую свободу. Скажите же, въ какомъ образованномъ обществѣ возможенъ такой вопросъ? Вѣдь это все равно, что спросить печатно: нужно ли бить женщину кулакомъ, или нѣтъ. Неужели для разрѣшенія такого вопроса нужно обращаться къ исторіи, уяснять значеніе семейнаго начала, или ссылаться на права женщины передъ сводомъ законовъ, какъ то дѣлаетъ Русскій Вѣстникъ. Научный вопросъ, историческое значеніе женщины въ древней и новой Россіи, можно обсуживать сколько угодно, и чѣмъ больше фактовъ вы наберете въ лѣтописяхъ,

тѣмъ полнѣе и серьезнѣе будетъ ваше изслѣдованіе; но, если вы въ житейскій вопросъ вмѣшаете результаты вашихъ кабинетныхъ трудовъ, то это будетъ напрасная трата времени.

А время вещь какая?

Дѣйствительно, діалектическія тонкости, въ которыя пускаются наши журналы по поводу самыхъ простыхъ и понятныхъ вещей, какъ нельзя больше напоминаютъ читающей публикѣ знаменитаго метафизика, сваливагося въ яму и не рѣшающагося безъ предварительнаго размысленія схватить веревку, которую спускаетъ къ нему здравомыслящій человѣкъ. «Фразы заѣли насъ», говоритъ Русскій Вѣстникъ въ своей статьѣ о г-жѣ Толмачевой (1861 г. Мартъ. 37). Это совершенно справедливо. Когда нужно приложить къ дѣлу здравый смыслъ, когда можно дать волю непосредственному чувству, мы пускаемся въ фразы и выдвигаемъ впередъ вычитанную теорію; живой фактъ превращается въ отвлеченное, безжизненное и безцвѣтное понятіе; это понятіе поворачиваемъ во всѣ стороны; на цѣлыхъ страницахъ мы переливаемъ изъ пустаго въ порожнее и въ заключеніи подводимъ такіе результаты, которые на завтрашній же день, какъ мыльные пузыри, лопнутъ отъ движенія жизни. Жизнь идетъ мимо литературы и журнальныя теоріи одна за другою сдаются въ архивъ и умираютъ.

V.

Жизнь наша бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, а между тѣмъ и эта бѣдная жизнь съ ея потребностями и стремленіями отражается довольно ясно только въ изыщной словесности. Наша изыщная словесность во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше нашей критики, такъ что во многихъ случаяхъ критика не была въ состояніи дать отчета о художественномъ произведеніи, возбудившемъ всеобщее сочувствіе въ читающей публикѣ. О «Воспитанницѣ» Островскаго не было сказано ни слова, а между тѣмъ какъ много говоритъ эта небольшая драма, какія живыя личности и положенія выступаютъ передъ воображеніемъ читателя! Если молчаніе критики о «Воспитанницѣ» произошло отъ невниманія, то это непростительная оплошность; впрочемъ, трудно сдѣлать подобное предположеніе; вѣрнѣе то, что у нашей критики не достало силъ разобрать аналитически тѣ явленія, которыя въ стройныхъ образахъ явились передъ творческимъ сознаніемъ художника; сознаніе этого беспілія и нежеланіе отдѣлаться фразами отъ замѣчательнаго произведенія дѣлаетъ честь добросовѣстности нашихъ критиковъ; но самый фактъ беспілія—явленіе дѣйствительно существующее и, въ то же время, очень печаль-

ное. На изящную словесность намъ рѣшительно невозможно пожаловаться; она дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно и своими хорошими и дурными свойствами отражаетъ съ дагерротипическою вѣрностью положеніе нашего общества. Во-первыхъ, все вниманіе ея сосредоточено на среднемъ сословіи, т. е. на томъ классѣ, который дѣйствительно живетъ и движется, для котораго смѣняются идеалы, взгляды на жизнь и вѣянія эпохи. Романы изъ жизни высшей аристократіи и изъ простонароднаго быта сравнительно довольно рѣдки, а явленіе писателя, подобнаго Марку Вовчку, писателя, сливающего свою личность съ народомъ, составляетъ совершенное исключеніе. Это предпочтеніе нашихъ художниковъ къ среднему сословію объясняется тѣмъ, что къ этому сословію принадлежитъ почти все то, что пишетъ, читаетъ, мыслить и развивается. Высшая аристократія и простой народъ въ сущности мало измѣнились со времени напр. Александра I; народъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ и не перемѣнилъ даже покроя платья; аристократія перемѣнила костюмъ, приняла какія нибудь новыя привычки, но образъ мыслей, взглядъ на жизнь остались тѣ же и по прежнему напоминаютъ вѣкъ Людовика XIV. Что же касается до средняго сословія, то каждое десятилѣтіе производитъ въ немъ замѣтную перемѣну; поколѣніе рѣзко отличается отъ поколѣнія; идеи европейскаго запада дѣйствуютъ почти исключительно на высшіе слои этого средняго класса; этотъ классъ наполняетъ собою университеты, держитъ въ рукахъ литературу и журналистику, ѣздитъ за границу съ ученою цѣлью, словомъ, онъ выражаетъ собою національное самосознаніе. Художникъ, который ищетъ человѣческихъ чертъ, а не бытовыхъ подробностей, психологическаго, а не этнографическаго интереса, естественно обращается къ этому классу и изъ него черпаетъ матеріалы. Борьба идей, а не личностей, столкновеніе понятій и воззрѣній возможны только въ этомъ классѣ. Предметъ борьбы и столкновенія характеризуетъ собою эпоху и притомъ такъ вѣрно, что хорошій критикъ по одному внутреннему содержанию художественнаго произведенія, котораго герои взяты изъ средняго сословія, можетъ опредѣлить безошибочно то десятилѣтіе, въ которомъ оно возникло. Сравните «Герой нашего времени», «Кто виноватъ?» и «Дворянское гнѣздо» и вы увидите до какой степени измѣняются характерныя фізіономіи и понятія изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе.

Занимаясь преимущественно среднимъ сословіемъ, наша изящная словесность обращаетъ свое вниманіе не столько на общество, сколько на человѣческую личность. Психологическій интересъ въ большей части нашихъ романовъ и повѣстей преобладаетъ надъ бытовымъ и социальнымъ. Дѣйствіе происходитъ обыкновенно внутри семейства и почти никогда не приводится въ связь съ какимъ нибудь общественнымъ вопросомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ также отражается явленіе русской жизни;

дѣло въ томъ, что у насъ, собственно говоря, нѣтъ общества, и до сихъ поръ не бывало такихъ движеній, которыя бы заинтересовали всѣхъ и дали почувствовать каждому, что онъ не только Петровъ или Ивановъ, но въ то же время гражданинъ Россіи; у насъ есть множество отдѣльныхъ кружковъ, которые другъ друга не знаютъ и знать не хотятъ; внутренняя связь этихъ кружковъ иногда имѣетъ очень опредѣленный смыслъ, а иногда вовсе не имѣетъ смысла; въ нѣкоторыхъ случаяхъ кружокъ составляется изъ людей, связанныхъ между собою симпатією, единствомъ убѣжденій, сходствомъ характеровъ; большею частью, кружки основаны на связи чисто случайной, на родствѣ или свойствѣ, на сосѣдствѣ по деревнѣ, на товариществѣ по службѣ, на встрѣчѣ за бутылкою вина. Физиономію кружка часто очень удачно схватываетъ художникъ; въ этой физиономіи есть обыкновенно нѣсколько типическихъ чертъ, которыя каждому русскому понятны и знакомы; другія черты, составляющія индивидуальную особенность того или другаго кружка, тоже могутъ войти въ романъ, потому что идея художника должна выразиться въ самомъ опредѣленномъ обособленіи, такъ чтобы выведенныя личности были живыми людьми и въ то же время представителями извѣстнаго типа. Но для критики отсутствіе связи между отдѣльными кружками составляетъ рѣшительно камень преткновенія; какъ судить объ обществѣ, какъ наблюдать за проявленіями его жизни, когда общества нѣтъ, и когда жизнь общества ни въ чемъ не проявляется! Задача дѣйствительно мудреная, и за рѣшеніе этой задачи критика наша берется, сколько мнѣ кажется, не такъ, какъ слѣдовало бы. За неимѣніемъ общества, она старается его выдумать; она пытается привить къ намъ общественные интересы, и истощается въ благородныхъ, но бесполезныхъ усиліяхъ; она хочетъ сдѣлать слишкомъ много, и потому ровно ничего не дѣлаетъ; она забываетъ, что критика можетъ только обсуживать существующія явленія, выражать потребности, носящіяся въ обществѣ, а не порождать новыя явленія и не будить въ обществѣ такія потребности, для которыхъ еще нѣтъ почвы въ дѣйствительности. Забѣгать впередъ не дѣло критики; это значитъ разрушать живую связь между собою и читающимъ обществомъ; если критика 1861 года осталась непрочитанною или по прочтеніи не произвела на читателя никакого впечатлѣнія, то она навсегда пропала; вѣдь будущее поколѣніе не станетъ же разрывать старыя журналы, чтобы искать въ нихъ идеи, приходящіяся по душѣ. Журналистика — дѣло вынѣшняго дня; что не прочитано сегодня, то уже устарѣло завтра. Бѣлинскаго издають и читають теперь преимущественно потому, что его съ жадностью читали его современники, потому что онъ былъ учителемъ цѣлаго поколѣнія, а не потому, что въ его критикѣ заключаются вѣчныя истины. Бѣлинскій дорогъ намъ не какъ мыслитель, а какъ выраженіе извѣстной эпохи.

Самые недостатки Бѣлинскаго, его увлеченія, порывы страстности, вредящія порою ясности критическаго взгляда, могли только содѣйствовать успѣху его критики. Эти недостатки принадлежали времени; ихъ раздѣляли съ Бѣлинскимъ лучшіе люди той эпохи, и потому эти самые недостатки скрѣпляли связь между критикомъ и читателемъ.

Ничего подобнаго не встрѣтишь въ теперешней критикѣ, потому что усвоить себѣ всѣ сочувствія извѣстной эпохи, всѣ ея сильныя и слабыя стороны, словомъ, воплотить въ себѣ эпоху можетъ только сильный талантъ, а нашимъ критикамъ именно не достаетъ силы и таланта. У нихъ есть кой-какія знанія, есть честныя убѣжденія, благородныя стремленія, но нѣтъ той жизни, той энергіи и огня, которые неотразимымъ обаяніемъ дѣйствуютъ на общество и увлекаютъ за собою умы читателей. Этимъ недостаткомъ таланта объясняются ошибки нашей критики, ея безтактность, и главное, ея поразительная мертвенность. Человѣкъ талантливый творитъ по внутренней потребности; онъ увлекается процессомъ творчества за предѣлы всякой теоріи, и увлекаетъ за собою слушателей или читателей; онъ иногда ошибается, противорѣчитъ себѣ, потому что впечатлительность и подвижность мысли часто мѣшаютъ ему размѣрять каждый шагъ и взвѣшивать каждое слово. Трудодлюбивая посредственность часто найдетъ случай уличить его въ поверхности, въ поспѣшности выводовъ, въ недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, но во всѣхъ этихъ ошибкахъ, въ самыхъ противорѣчіяхъ видна самородная сила мысли, отъ нихъ вѣетъ жизнью, и во имя этого обаятельнаго дыханія жизни вы охотно извините талантливому человѣку отдѣльныя пробѣлы и недосмотры; задаться какою нибудь теоріею и неотступать отъ нея въ теченіи всей своей дѣятельности—это невозможно для талантливаго человѣка; оторваться отъ интересовъ дѣйствительной жизни онъ рѣшительно не въ состояніи; его природа слишкомъ воспріимчива и впечатлительна, чтобы не отзываться на то, «что проситъ у сердца отвѣта». Онъ можетъ расходиться съ своими современниками въ пониманіи житейскихъ вопросовъ и важнѣйшихъ интересовъ эпохи, онъ можетъ вступить съ ними въ открытую борьбу на жизнь и на смерть, но предметомъ этой борьбы будетъ дѣйствительная почва, а не отвлеченная, схоластическая теорія, созданная одностороннею работою мозга.

Современная критика грѣшитъ именно тѣмъ, что она задается теоріями и изобрѣтаетъ жизнь вмѣсто того, чтобы приглядываться и прислушиваться къ звукамъ окружающей дѣйствительности. Бѣдны, однообразны эти звуки, не слагаются они въ стройную гармонію,—все это правда, но вѣдь все-таки это дѣйствительность, и самая ея бѣдность и однообразіе представляютъ намъ фактъ, способный вызвать слово сочувствія у дѣйствительнаго поэта, или навести истиннаго критика на плодотворныя размысленія. Эту бѣдность не замаскируешь самыми пест-

рыми декораціями фантазіи, да и кого обмануть эти декораціи? Дѣтей, невъучившихся отличать мишуру отъ золота, да тѣхъ жалкихъ людей, у которыхъ воображеніе преобладаетъ надъ чувствомъ, и которые способны жить одною головою и удовлетворяться тѣмъ, что въ ихъ мозгу господствуетъ строгая систематичность и существуетъ гармоническое согласіе между поселенными въ немъ идеями. Витать мыслью въ радужныхъ сферахъ фантазіи, или уноситься куда нибудь за море къ лучшему порядку вещей въ то время, когда окружающіе насъ люди терпятъ горькую судьбу или несутъ тяжелый трудъ, это такая способность сибаритства, которою обладаютъ многіе, но которая, къ сожалѣнію, недоступна человѣку, одаренному живымъ чувствомъ. Возлѣ меня человѣкъ работаетъ и страдаетъ, терпитъ голодъ, холодъ и оскорбленія, а я сида на мягкомъ диванѣ, послѣ сытнаго обѣда, боюсь даже пошевелить свою мысль и подумать о его положеніи; вздохнувъ ex officio о несовершенствахъ жизни, я отворачиваюсь отъ не красиваго зрѣлища, отгоняю прочь сѣренкїя впечатлѣнія, и начинаю строить воздушные замки или разсуждать о парламентской реформѣ въ Англіи. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя спокойныя и свѣтлыя размышленія полезны для головы и для желудка; пульсъ бьется ровно, и пищевареніе идетъ нормальнымъ порядкомъ, но что эти размышленія сонъ на яву, это мнѣ кажется, тоже не требуетъ доказательствъ.

VI.

Наша изищная словесность представляетъ интересъ преимущественно психологическій; она разсматриваетъ человѣка, а не гражданина, не представителя извѣстной эпохи, не члена извѣстнаго общества. Черты народности, эпохи и общества встрѣчаются въ изобиліи въ создаваемыхъ ею образахъ, потому что эти образы дѣйствительно художественны и слѣдовательно вполнѣ опредѣлены; но эти черты составляютъ только необходимые аксессуары; что же касается до главныхъ пружинъ романическаго интереса, то онѣ обыкновенно скрываются во внутреннемъ развитіи отдѣльныхъ характеровъ, въ колоритѣ личныхъ и семейныхъ отношеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ. У насъ не было историческаго романа, за исключеніемъ «Капитанской дочки» Пушкина; у насъ нѣтъ до сихъ поръ соціального или нравоописательнаго романа. Въ этомъ отношеніи литература служитъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни; у насъ каждый занятъ собою и своимъ семейнымъ бытомъ; гражданскія доблести и патріотическое чувство пробуждаются только тогда, когда всѣмъ угрожаетъ опасность, какъ то было напр. въ 1812 году; вызванное общемою опасностью, это патріотическое чувство равносильно чувству

самосохраненія, возбужденному одновременно въ нѣсколькихъ милліонахъ людей. Эти милліоны поднимаются не для того, мнѣ кажется, чтобы отстоять какую нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы. Поднимаются все вмѣстѣ потому, что каждому отдѣльно грозитъ опасность. Эта разрозненность не подлежитъ сомнѣнію. Хороша ли она, или нѣтъ, это вопросъ и, мнѣ кажется, вопросъ далеко нерѣшенный. Она мѣшаетъ единству гражданскаго дѣйствія, но за то развиваетъ личную оригинальность и самостоятельность. Трудно также рѣшить а priori, составляетъ ли эта разрозненность черту русскаго характера, или простое, временное слѣдствіе внѣшней организаціи нашего общества; какъ бы то ни было, фактъ существуетъ, и, если можно, изъ него нужно извлечь пользу.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать голосомъ вопіющаго въ пустынѣ о вопросахъ народности и гражданской жизни, о которыхъ молчитъ изящная словесность, обладающая большимъ тактомъ, наша критика сдѣлала бы очень хорошо, если бы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній. Въ уясненіи этихъ вопросовъ нуждается всякій; эти вопросы затемнены и запутаны разнымъ старымъ хламомъ, который не мѣшало бы отодвинуть въ сторону, чтобы всѣмъ и каждому можно было непредубѣжденными глазами взглянуть на свѣтъ божій и на добрыхъ людей. Съ важнымъ видомъ взойти на кафедру, и ни съ того ни съ сего начать проповѣдь о человѣческихъ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ было бы конечно смѣшно; я этого и не требую отъ нашей критики; но вы не забудьте того, что въ каждой книжкѣ каждаго толстаго журнала появляются повѣсти и романы; хорошія произведенія представляютъ намъ характеры и образы; посредственныя — выражаютъ стремленія и возрѣнія авторовъ; и тѣ и другія могутъ дать поводъ къ обсужденію разныхъ сторонъ нашей вседневной жизни; а эти стороны нуждаются въ пересмотрѣ и въ расчищеніи; это выразилъ еще въ Петербургскомъ Сборникѣ талантливый и рыцарски-честный человѣкъ, авторъ статьи: «Капризы и раздумье» и эта мысль нашла себѣ полное сочувствіе въ теплой душѣ Бѣлинскаго. Отношенія между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, между воспитателемъ и воспитанникомъ,—все это должно быть обсуживаемо и рассматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Это обсужденіе не должно привести къ составленію законовъ семейной нравственности. Боже упаси! Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго, въ которыхъ понятіе обязанности должно совершенно уступить мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству. Выражать свои мысли и убѣжденія объ условіяхъ домашней жизни должно не для того, чтобы навязать эти мысли современному обществу, а для того,

чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и смѣлому пересмотру существующія формы, освященныя вѣками и потому подернувшіяся вѣковою плесенью. Говорить мелькомъ объ условной или мѣщанской нравственности принято въ современной литературѣ. Слово—условная нравственность сдѣлалась даже общимъ мѣстомъ; повторяясь ежеминутно, это слово потеряло свой живой смыслъ, и обратилось въ побрякушку, не пробуждающую въ насъ никакого опредѣленнаго представленія; почему это такъ случилось? Насъ заѣли фразы, мы пустились въ діалектику, воскресили схоластику, и вращаемся въ заколдованномъ кругу словъ и отвлеченностей, которыя мѣшаютъ намъ видѣть настоящее дѣло. Вотъ напр. г. Григорьевъ пишетъ цѣлую статью объ отношеніи искусства къ нравственности; статья по своему направленію соотвѣтствуетъ духу времени, а между тѣмъ авторъ не выходитъ изъ сферы отвлеченностей и ни одного литературнаго типа не разбираетъ по отношенію къ затронутому вопросу; именъ встрѣчается довольно много, но по поводу этихъ именъ высказываются замѣчанія, относящіяся къ исторіи литературы, но не бросающія никакого свѣта на понятіе условной и истинной нравственности. Прочитавъ статью въ 23 страницы, читатель убѣждается въ томъ, что г. Григорьевъ протестуетъ противъ «условной нравственности», но самое понятіе «условная нравственность» остается для него также мало опредѣленнымъ, какъ напр. выраженія того же критика: «литыя формы» Карамзина (Время 1861 мартъ) или «казовые концы» нашего общества (Свѣточъ 1861 апрѣль). Заявить въ себѣ присутствіе того или другаго убѣжденія не трудно; тотъ фактъ, что вы прогрессистъ или обскурантъ, касается только васъ самихъ и вашихъ ближайшихъ знакомыхъ; публика не нуждается въ вашемъ голословномъ исповѣданіи вѣры; оно ни для кого не поучительно и можетъ быть даже не интересно; но если вы дадите себѣ трудъ развить отдѣльныя мысли вашего міросозерцанія, если вы покажете ихъ приложение къ дѣлу въ различныхъ столкновеніяхъ съ жизнью, тогда публика увидитъ степень самостоятельности и искренности вашихъ убѣжденій, степень ихъ жизненности и практической примѣнимости; она увидитъ, что можно задуматься надъ выраженными вами идеями, и, можетъ быть, скажетъ вамъ спасибо за то, что вы дали ей поводъ къ тѣмъ или другимъ размышленіямъ. Есть множество истинъ простыхъ и понятныхъ, которыя однако не совсѣмъ легко примѣнить, даже въ теоретическомъ разсужденіи, къ отдѣльнымъ случаямъ жизни. «Уважайте въ себѣ и въ другихъ человѣческую личность» — что можетъ быть проще этого правила; вѣроятно не найдется ни одного человѣка въ мірѣ, который рѣшился бы спорить противъ этой мысли, выраженной въ догматической формѣ, вѣроятно никто не найдетъ этого изреченія безнравственнымъ; а между тѣмъ, посмотрите вокругъ себя — вы встрѣтите на каждомъ

шагу противорѣчія этому простому правилу практической нравственности; загляните въ исторію человѣчества, и вы убѣдитесь въ томъ, что оно даже теоретически не уяснило себѣ этой идеи; религіозныя войны, утопическія теоріи, реформы съ высоты административнаго величія или отвлеченной мысли доказываютъ ясно, что необходимость уважать человѣческую личность не была признана во всемъ своемъ объемѣ ни мыслителями, отъ Платона до Гегеля, ни практическими дѣятелями, отъ Кира Персидскаго до Наполеона III. Можно сказать рѣшительно, что приложение принципа къ дѣлу гораздо важнѣе самаго принципа; подъ однимъ знаменемъ могутъ стоять люди самыхъ несходныхъ характеровъ, и даже до нѣкоторой степени разпорѣчивыхъ убѣжденій. Вѣроятно Русскій Вѣстникъ не рѣшится выставить на своемъ знамени цитату изъ Домостроя, вѣроятно онъ скажетъ смѣло, что ратуетъ за прогрессъ и за свободу человѣческой мысли и личности, а между тѣмъ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ тѣхъ людей, которые выразили свое неудовольствіе по поводу статьи Камня Виногорова, называетъ ихъ стаею, спущенною г. Михайловымъ, а всю исторію протеста клеймитъ именемъ возмутительнаго гама на площадяхъ русской литературы. Споры возникаютъ въ наше время не столько за принципъ, сколько за отдѣльныя частности въ его приложеніи къ дѣлу; въ основномъ принципѣ всѣ порядочные люди болѣе или менѣе согласны между собою; кто не сходится съ нами въ основаніи, съ тѣмъ мы считаемъ всякій споръ совершенно бесполезнымъ; вѣроятно, ни одинъ порядочный журналъ не вступитъ въ полемику съ «Домашнею Бесѣдою» и не откликнется ни однимъ словомъ на кривлянія г. Аскоченскаго. Изъ всего этого слѣдуетъ, что критика будетъ тѣмъ живѣе и плодотворнѣе для общества, чѣмъ меньше будетъ въ ней отвлеченностей и общихъ взглядовъ, чѣмъ неуклоннѣе она будетъ слѣдить за движеніемъ жизни, и чѣмъ внимательнѣе будетъ обсуживать отдѣльныя явленія науки и искусства, даже отдѣльные случаи всендневной жизни.

Помилуйте, вы низводите критику на степень городской сплетницы, скажутъ съ ужасомъ тѣ литераторы, которые прежде всего гонятся за серьезностью направленія и за величіемъ и строгостью идеи. Господа, отвѣчу я, не будемъ обманывать самихъ себя: вѣдь мы должны писать для общества, слѣдовательно должны заниматься тѣмъ, что всѣмъ доступно и всѣмъ можетъ принести пользу. Какойнибудь общественный скандалъ въ данную минуту интересуетъ публику гораздо больше, нежели рѣшеніе вопроса о томъ, существуютъ ли у насъ западники и славянофилы; по поводу этого общественнаго скандала вы можете развить нѣсколько свѣтлыхъ идей и заронить въ вашихъ читателей кое-какіе задатки развитія и движенія впередъ. Спрашивается, по какому же побужденію вы не воспользуетесь этимъ случаемъ? Потому, скажете

вы, что не желаете уронить достоинства идеи, не желаете вмѣшаться въ толпу крикуновъ и свистуновъ, etc etc... Что за щепетильность, что за брезгливость, что за фешенебельное и въ то же время недантическое презрѣніе къ тѣмъ интересамъ, которые волнуютъ окружающихъ васъ людей. Какъ критикъ, вы должны помогать общественному самосознанію и не оставаться, сложа руки, когда общество рискуетъ ошибиться. или когда является возможность высказать ему нѣсколько истинъ. Олимпийское спокойствіе можетъ быть очень умѣстно въ ученomъ собраніи, но оно ни куда негодится на страницахъ журнала, служащаго молодому, еще не перебродившему обществу. Если вашъ утонченный слухъ не терпитъ рѣзкихъ звуковъ, откажитесь отъ критической дѣятельности, приводящей васъ въ соприкосновеніе съ живымъ и безалабернымъ міромъ людей; плохой тотъ медикъ, который блѣднѣетъ при видѣ крови, и падаетъ въ обморокъ, когда нужно перевязывать рану больного; плохой тотъ критикъ, который не въ состояніи вынести шума житейскихъ толковъ и потому можетъ познакомиться съ жизнью только по книгамъ, написаннымъ высокимъ слогомъ и проникнутымъ олимпийскимъ спокойствіемъ. Но, извините, между медикомъ и критикомъ большая разница. Медикъ не виноватъ въ томъ, что у него слабы нервы; онъ борется съ собою и не можетъ побѣдить себя; что же касается до щепетильнаго критика, то онъ очевидно напускаетъ на себя дурь и даже любитъ тѣмъ величавымъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ относится къ суетящейся мелюзгѣ. «Время» говорило о литературныхъ генералахъ; помилуйте, да у насъ есть не только литературные генералы, а просто литературные богдыханы, которые сердятся за всякое громкое слово и пушатъ насъ, какъ мальчишекъ, за отсутствіе серьезности и за то, что мы смѣемъ беспокоить ихъ барскія уши и нарушать ихъ величавую полудремоту. Попробуйте написать рѣзкую критическую статью: Отечественныя Записки сейчасъ обвинятъ васъ въ гарцованіи, въ срамословіи и скверномысліи (Sic!), а Русскій Вѣстникъ крикнетъ изъ Москвы: «молчать мальчишки, не смѣйте разсуждать, когда я говорю».

Все это было бы почти грустно, если бы не было въ высшей степени смѣшно.

VII.

Стремленіе къ серьезности, господство теорій, переходящихъ порою въ рутину, отвлеченность и вслѣдствіе этого безжизненность содержанія и неясность внѣшней формы составляютъ неотъемлемое достояніе нашей современной критики. Она гордится этими свойствами и держитъ въ запасѣ нѣсколько казенныхъ фразъ, которыми эти слабости и недостатки

возводятся въ высшія достоинства; отворачиваться отъ явленій дѣйствительности значить служить вѣчнымъ интересамъ мысли; туманныя отвлеченности называются философією; даже самый осязательный недостатокъ — нѣясность формы — не встрѣтилъ себѣ до сихъ поръ опредѣленно выраженаго протеста въ печати. Словомъ, средневѣковая схоластика и египетская символика живутъ въ нашей періодической литературѣ, не смотря на изобрѣтеніе Гутенберга, которое, какъ мы знаемъ по самымъ элементарнымъ учебникамъ, должно было разбить замкнутость ученаго сословія и сдѣлать науку достояніемъ массы. Схоластика оправдывается условіями своего времени; египетская символика вытекла изъ религіи и поддерживалась народнымъ характеромъ, любившимъ таинственность и мистическій мракъ; но въ наше время схоластическое отчужденіе отъ жизни и символическая загадочность выраженія составляютъ печальный анахронизмъ. Попытки нѣкоторыхъ критиковъ построить эстетическую теорію и уяснить вѣчные законы изящнаго рѣшительно не удались, и не удались именно потому, что нашъ вѣкъ уже не ловится на теоріи и не повинуется слѣпо вымышленнымъ законамъ. Прошли тѣ времена, когда Буало и Батте, законодатели ложнаго классицизма, могли произвольно обрѣзывать область творчества и выбрасывать изъ нея все низкое (т. е. невысокое) и пошлое (т. е. обыденное). У насъ въ журнальной критикѣ былъ моментъ, когда теорія сразилась съ интересами жизни и употребила всѣ усилія, чтобы поворотить движеніе мысли туда, куда требовалось, согласно съ буквою эстетическаго закона; схватка, происшедшая между теоретиками и практиками, была жаркая, и какъ того слѣдовало ожидать, теоретики не остановили теченія жизни, и отошли въ сторону, пожимая плечами. Дѣло шло объ обличительной литературѣ. Надо было рѣшить, законное ли она явленіе, или нѣтъ. Собственно говоря, въ рѣшеніи этого вопроса никто не нуждался; публика съ наслажденіемъ читала «Губернскіе очерки» Щедрина, нисколько не заботясь о томъ, осудить или оправдаетъ его наша критика; но рьяные систематики, любящіе систему для системы, не могли быть спокойны, пока не нашли той категоріи, въ которую можно было включить произведенія новаго беллетриста. Эти систематики возстали противъ обличительной литературы и съ фанатическимъ жаромъ вступились за отвлеченное понятіе искусства. Г. Ахшарумовъ помѣстилъ даже въ Отечественныхъ Запискахъ 1858 года статью подъ громкимъ заглавіемъ: «Порабощеніе искусства». Словомъ, господа теоретики такъ горячо вступились за отвлеченное понятіе, какъ вступаются только за живаго человѣка, когда ему наносятъ тяжелое оскорбленіе. Слушая ихъ, можно было подумать, что не повѣсти и романы пишутся для того, чтобы удовлетворить творческому стремленію авторовъ и доставить публикѣ эстетическое наслажденіе, а наоборотъ — писатели и публика су-

ществуютъ: первые для того, чтобы писать, а послѣдніе для того, чтобы читать художественныя произведенія. Теорія здѣсь, какъ и вездѣ, посягала на свободу писателей и читателей; здѣсь, какъ и вездѣ, она обнарудила крайнюю близорукость и крайнее незнаніе жизни. Она хотѣла передѣлать жизнь по своему и подчинить своимъ приговорамъ творчество художника и вкусъ цѣнителя. Она не поняла того, что протестъ былъ насущною потребностью русскаго общества въ лицѣ наиболѣе развитыхъ его представителей; она не захотѣла вникнуть въ то, что протестъ могъ выразиться только въ изящной словесности и что на этомъ основаніи наши протестанты съ жадностью ухватились за эту форму. Критика отстала отъ общества и отъ изящной словесности, и, толкуя объ исторіи, сама забыла приложить историческую оцѣнку къ невиданному явленію. Она заговорила объ абсолютныхъ законахъ творчества и не сообразила того, что абсолютной красоты нѣтъ, и что вообще понятіе красоты лежитъ въ личности цѣнителя, а не въ самомъ предметѣ. Что на мои глаза прекрасно, то вамъ можетъ не нравиться; что приходилось по вкусу нашимъ отцамъ, то можетъ наводить на насъ сонъ и дремоту. Негритянка, которая своему соотечественнику покажется воплощеніемъ красоты, навѣрное не понравится европейцу. Красота чувствуется, а не мѣрится аршиномъ; требовать, чтобы художественное произведеніе приводило зрителей или слушателей въ одинаковое настроеніе, значить желать, чтобы у всѣхъ этихъ господъ равномерно бился пульсъ, а сдѣлать это очень трудно; намъ извѣстно изъ исторіи, что Карль V во время пребыванія своего въ монастырѣ св. Юста, при всѣхъ усиліяхъ не успѣлъ привести къ равномерному ходу двухъ стѣнныхъ часовъ. Человѣчскій организмъ будетъ посложнѣе стѣнныхъ часовъ; къ тому же онъ образуется и развивается помимо нашей воли; изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что законодатели-эстетики напрасно стараются добратъся до такихъ законовъ, которые на практикѣ признало бы все человѣчество. Вы можете рядомъ силлогизмовъ доказать мнѣ, что такое-то произведеніе художественно, но если это произведеніе не подѣйствовало на мою нервную систему, то, прочитавши вашу рецензію, я останусь къ нему также холоденъ, какъ и прежде. — Если, стоя передъ картиною, вы предварительно отдаете себѣ отчетъ въ правильности рисунка, въ вѣрности выраженія и въ живости колорита, а уже потомъ начинаете наслаждаться общимъ впечатлѣніемъ, то это доказываетъ, что картина писана не художникомъ, а трудолюбивымъ и ученымъ техникомъ, или что вы, цѣнитель, до такой степени пропитаны теоретическими знаніями, что научный элементъ задушилъ въ васъ живое чувство и непосредственную восприимчивость къ явленію красоты. Это значить, что вы заучились, и что ваши мыслительныя силы развились въ ущербъ остальнымъ отправленіямъ вашего организма. Мы, обык-

тельности, какъ спокойное созерцаніе прекраснаго образа; другая сторона поняла бы, что этотъ крикъ негодованія только тогда дѣйствительно силенъ, когда онъ не поддѣланъ, а вырывается невольно изъ груди дѣйствительно раздраженнаго человѣка; она поняла бы, слѣдовательно, что сердиться на художника за отсутствіе подобныхъ криковъ значитъ посягать на его личную свободу и заставлять человѣка плакать или смѣяться, когда ему не грустно или не смѣшно. Что же касается до обличительнаго мусора, завалившаго наши журналы 1857 и 1858 годовъ, то обѣ стороны хорошо бы сдѣлали, если бы совершенно не спорили о немъ. Мусоръ—явленіе неизбѣжное и никакое направленіе литературы его не уничтожить; если же выбирать изъ двухъ золь лучшее, то конечно можно выбрать обличительный родъ, который хоть не изображаетъ жизни, но по крайней мѣрѣ рассказываетъ о ней. Замѣчательно, что до сихъ поръ состязаніе двухъ направленій нашей критики не прекратилось или не забыто. Г—бовъ до нашихъ временъ въ началѣ каждой статьи прохаживается насчетъ эстетической критики, а г. Григорьевъ оплакиваетъ паденіе цѣнной поэзіи, видитъ въ Тургеневѣ послѣдняго Могикана чистаго искусства и даже въ послѣдней, очень туманной статьѣ своей «объ идеализмѣ и реализмѣ» (Свѣточъ, 1861, апрѣль) является робкимъ ходатаемъ идеализма, который по его мнѣнію воплотился въ Тургеневѣ. — Обѣ стороны, т. е. критики, старающіеся запречь поэзію въ возъ, и критики, стремящіеся къ безпредѣльности и къ вѣчной красотѣ, спорятъ между собою, дѣлаютъ другъ на друга колкіе намеки, обижаются ими, отвѣчаютъ на нихъ упреками, — и, хоть бы одинъ разъ, на досугѣ, они подумали: «изъ чего мы хлопочемъ? Кого интересуютъ наши кровавые споры? Зачѣмъ и на что мы тратимъ энѣргію? На кого наши слова будутъ имѣть вліяніе?» Да, господа, Крыловъ не умретъ, и его басня: «муха и дорожные» не разъ найдетъ себѣ приложеніе.

VIII.

Наше время рѣшительно не благоприятствуетъ развитію теорій. Народъ хитрѣе сталь, какъ выражаются наши мужики, и ни на какую штуку не ловится. Умъ нашъ требуетъ фактовъ, доказательствъ; фраза насъ не отуманитъ и въ самомъ блестящемъ и стройномъ созданіи фантазии мы подмѣтимъ слабость основанія и произвольность выводовъ. Фанатическое увлеченіе идеею и принципомъ вообще, сколько мнѣ кажется, не въ характерѣ русскаго народа. Здравый смыслъ и значительная доля юмора и скептицизма составляетъ, мнѣ кажется, самое замѣтное свойство чисто русскаго ума; мы болѣе склоняемся къ Гамлету, чѣмъ къ

Донъ-Кихоту, намъ мало понятны энтузіамъ и мистицизмъ страстнаго адепта. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что ни одна философія въ мірѣ не привьется къ русскому уму такъ прочно и такъ легко, какъ современный, здоровый и свѣжій материализмъ. Діалектика, фразерство, споры на словахъ и изъ за словъ совершенно чужды этому простому учению. До фразъ мы конечно большіе охотники, но насъ въ этомъ случаѣ занимаетъ процессъ фразерства, а не сущность той мысли, которая составляетъ предметъ разсужденія или спора. Русскіе люди способны спорить о какой нибудь высокой матеріи битыхъ шесть часовъ и потомъ когда пересохнетъ горло и охрипнетъ голосъ, отнестись къ предмету спора съ самою добродушною улыбкою, которая покажетъ ясно, что въ сущности горячившемуся господину было очень мало дѣла до того, о чемъ онъ кричалъ. Эта черта нашего характера привела бы въ отчаяніе добросовѣстнаго Нѣмца, а въ сущности это пресимпатичная черта. Фанатизмъ подъ-часъ бываетъ хорошъ, какъ историческій двигатель, но въ повседневной жизни онъ можетъ повести къ значительнымъ неудобствамъ. Хорошая доза скептицизма всегда вѣрнѣ пронесетъ васъ между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистическія убѣжденія, положенныя на подкладку мягкой и добродушной натуры, сдѣлаютъ васъ счастливымъ человѣкомъ, не тяжелымъ для другихъ и приятнымъ для самого себя. Жизненные передѣлки достанутся легко; разочарованіе будетъ невозможно, потому что не будетъ очарованія; паденія будутъ легкія, потому что вы не будете взбираться на недостигаемую высоту идеала; жизнь будетъ не трудомъ, а наслажденіемъ, занимательною книгою, въ которой каждая страница отличается отъ предыдущей и представляетъ свой оригинальный интересъ. Не стѣсняя другихъ непрощенными заботами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ; вы будете давать имъ то, къ чему влечетъ живое чувство и съ благодарностью, или вѣрнѣ съ добрымъ чувствомъ будете принимать то, что они добровольно будутъ вамъ приносить. Если бы всѣ въ строгомъ смыслѣ были эгоистами по убѣжденіямъ, т. е. заботились только о себѣ, и повиновались бы одному влеченію чувства, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга, и не вмѣшиваясь въ чужія дѣла, то право тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ, нежели теперь, когда о васъ заботятся чуть не съ колыбели сотни людей, которыхъ вы почти не знаете, и которые васъ знаютъ не какъ личность, а какъ единицу, какъ члена известнаго общества, какъ недѣлимое, носящее то или другое фамильное прозвище.

Возможность такого порядка вещей представляетъ конечно неосуществимую мечту, но почему же не отнестись добродушно къ мечтѣ, которая не ведетъ за собою вредныхъ послѣдствій и не переходитъ въ мономанію. Міръ мечты можетъ тоже сдѣлаться обильнымъ источникомъ

наслажденія, но этимъ источникѣмъ надо воспользоваться съ крайнею осторожностью. Самый крайній матеріалистъ не отвергнетъ возможности наслаждаться игрою своей фантазіи или слѣдить за игрою фантазіи другаго человѣка. Въ первомъ случаѣ, на первомъ процессѣ основанъ процессъ поэтическаго творчества; на второмъ — процессъ чтенія поэтическихъ произведеній. Но съ другой стороны самый необузданный идеализмъ происходилъ именно отъ того, что элементъ фантазіи получалъ слишкомъ много простора и разыгрывался въ чужой области, въ области мысли, въ сферѣ научнаго изслѣдованія. Пока я сознаю, что вызванные мною образы принадлежать только моему воображенію, до тѣхъ поръ я тѣшусь ими, я властвую надъ ними и воленъ избавиться отъ нихъ, когда захочу. Но какъ только яркость вызванныхъ образовъ ослѣпила меня, какъ только я забылъ свою власть надъ ними, такъ эта власть и пропала; образы переходятъ въ призраки и живутъ помимо моей воли, живутъ своею жизнью, какъ кошмаръ, оказываютъ на меня вліяніе господствуютъ надо мною, внушаютъ мнѣ страхъ, приводятъ меня въ напряженное состояніе. Такъ напр. Пелазгъ создавалъ свою первобытную религію и падалъ во прахъ передъ созданіемъ собственной мысли. Галлюцинація его была ослѣпительно ярка; критика была слишкомъ слаба, чтобы разрушить мечту; борьба между призракомъ и человѣкомъ была не ровная, и человѣкъ склонялъ голову и чувствовалъ себя подавленнымъ, пригнутымъ къ землѣ...

Шутить съ мечтой опасно; разбитая мечта можетъ составить несчастіе жизни; гоняясь за мечтою, можно прозвѣвать жизнь или въ порывѣ безумнаго воодушевленія принести ее въ жертву. У такъ называемыхъ положительныхъ людей мечта принимаетъ формы болѣе солидныя и превращается въ условный идеалъ, наслѣдованный отъ предковъ и носящійся передъ цѣлымъ сословіемъ или классомъ людей. Идеалъ человѣка *comme il faut*, человѣка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника — все это мечты, которымъ многое приносится въ жертву. Эти мечты болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззабѣтному наслажденію. Да какъ же жить, спросите вы, неужели безъ цѣли? Цѣль жизни! Какое громкое слово, и какъ часто оно оглушаетъ и вводитъ въ заблужденіе, отуманивая слишкомъ довѣрчиваго слушателя. Посмотримъ на него поближе. Если вы поставите себѣ цѣлью такую дѣятельность, къ которой стремится ваша природа, то вы дадите себѣ только лишній трудъ; вы бы сами пошли по тому пути, на который навело васъ размышленіе; непосредственный инстинктъ натолкнулъ бы васъ на прямую дорогу и натолкнулъ бы, можетъ быть, скорѣе и вѣрнѣе, нежели навель тщательный аналазъ; если же, Боже упаси, вы поставите себѣ цѣль, несовмѣстную съ вашими наклонностями, тогда вы себѣ испортите жизнь; вы потратите всю энергію на борьбу съ собой; если не побѣдите себя,

то останетесь недовольны; если побѣдите себя, тогда вы сдѣлаетесь автоматомъ, чисто-разсудочнымъ, сухимъ и вялымъ человѣкомъ. Старайтесь жить полною жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности въ угоду заведенному порядку и вкусу толпы — и живя такимъ образомъ, не спрашивайте о цѣли; цѣль сама найдется, и жизнь рѣшитъ вопросы прежде, нежели вы ихъ предложите.

Васъ затрудняетъ, можетъ быть, одинъ вопросъ: какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человѣчеству? Объ этомъ нечего заботиться. Человѣкъ отъ природы существо очень доброе, и если не окислять его противорѣчіями и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чувства къ окружающимъ людямъ и онъ будетъ помогать имъ въ бѣдѣ ради собственного удовольствія, а не изъ сознанія долга, т. е. по доброй волѣ, а не по нравственному принужденію. Вы подумаете, можетъ быть, что я указываю вамъ на *état de la nature*, и обратите мое вниманіе на то, что дикари, живущіе въ первобытной простотѣ нравовъ, далеко не отличаются добродушіемъ и доводятъ эгоизмъ до полнѣйшей животности. На это я отвѣчу, что дикари живутъ при такихъ условіяхъ, которыя мѣшаютъ свободному развитію характера; во-первыхъ они подчинены вліянію внѣшней природы, между тѣмъ какъ мы уснѣли уже отъ него избавиться; во-вторыхъ, они вѣрятъ въ тѣ призраки, о которыхъ я говорилъ выше; въ-третьихъ, они болѣе или менѣе стремятся къ условному идеалу, и идеаль у нихъ одинъ, потому что вся дѣятельность ограничивается охотою и войною; присутствіе этого идеала оказываетъ самое стѣснительное вліяніе на живыя силы личности. Изъ всего этого слѣдуетъ заключеніе, что развитіе недѣлимаго можно сдѣлать независимымъ отъ внѣшнихъ стѣсненій только на высокой степени общественнаго развитія; эмаципация личности и уваженіе къ ея самостоятельности является послѣднимъ продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи. Дальше этой цѣли мы еще ничего не видимъ въ процессѣ историческаго развитія, и эта цѣль еще такъ далека, что говорить о ней значитъ почти мечтать. Набросанныя мною мысли, вылившіяся изъ глубины души, составляютъ основу цѣлаго міросозерцанія; вывести всѣ послѣдствія этихъ идей не трудно, и я надѣюсь, что читатель, если захочетъ, будетъ въ состояніи по начерченному плану воссоздать въ воображеніи все зданіе. Къ сожалѣнію наша критика не высказала до сихъ поръ этихъ идей и относилась къ эгоизму, какъ къ пороку, а въ фокусахъ и подвигахъ самопожертвованія видѣла высокую добродѣтель. До сихъ поръ, касаясь философіи жизни, она считаетъ идеаль совершенною необходимостью и въ стремленіи къ идеалу, въ сознаніи долга видитъ самыя живыя стороны человѣческой личности и дѣятельности. Стремленіе къ наслажденію она называетъ свойствомъ

чисто животнымъ, но допускаетъ однако, что изъ этого же источника можетъ развиваться благородное и высокое стремленіе къ самосовершенствованію. Система глубоко вкоренилась въ нашу нравственную философію и хозяйничаетъ въ области человѣческихъ мыслей и чувствъ, не обращая никакого вниманія на самаго хозяина. Теоретикамъ нѣтъ дѣла до того, что есть въ наличности; они говорятъ: такъ должно быть, поворачиваютъ все вверхъ дномъ и утѣшаются тѣмъ, что внесли симметрію и систему въ живой міръ явленій. Кто хоть по наслышкѣ знакомъ съ философіею исторіи Гегеля, тотъ знаетъ, до какихъ поразительныхъ крайностей можетъ довести даже очень умнаго человѣка манія всюду соваться съ законами и всюду вносить симметрію. Если вы читали въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года прекрасную статью г. Вагнера: «Природа и Мильнъ Эдварсъ», то вы могли убѣдиться въ томъ, что въ сферѣ естественныхъ наукъ рьяное систематизированіе ведетъ къ поразительнымъ и осязательнымъ нелѣпостямъ. Внесенная въ область человѣческой нравственности, система не ведетъ къ такимъ явнымъ нелѣпостямъ, только потому, что мы привыкли смотрѣть на вещи ея глазами; мы живемъ и развиваемся подъ вліяніемъ искусственной системы нравственности; эта система давитъ насъ съ колыбели, и потому мы совершенно привыкаемъ къ этому давленію; мы раздѣляемъ этотъ гнетъ системы со всѣмъ образованнымъ міромъ и потому не видя предѣловъ своей клѣтки, считаемъ себя нравственно свободными.

Но оставаясь для насъ незамѣтнымъ, это умственное и нравственное рабство медленнымъ ядомъ отравляетъ нашу жизнь; мы умышленно раздваиваемъ свое существо, наблюдаемъ за собою, какъ за опаснымъ врагомъ, хитримъ передъ собою, и ловимъ себя въ хитрости, боремся съ собою, побѣждаемъ себя, находимъ въ себѣ животныя инстинкты и ополчаемся на нихъ силою мысли; вся эта глупая комедія кончается тѣмъ, что передъ смертію мы, подобно римскому императору Августу, можемъ спросить у окружающихъ людей: «хорошо ли я сыгралъ свою роль?» Нечего сказать! Пріятное и достойное препровожденіе времени! Поневоля вспомнишь слова Нестора: «никто же ихъ не биша, сами ся мучиху».

IX.

Матеріализмъ сражается только противъ теоріи; въ практической жизни мы всѣ матеріалисты и всѣ идемъ въ разладъ съ нашими теоріями; вся разница между идеалистомъ и матеріалистомъ въ практической жизни заключается въ томъ, что первому идеаль служитъ вѣчнымъ упрекомъ и постояннымъ кошмаромъ, а послѣдній чувствуетъ себя сво-

боднымъ и правымъ, когда никому не дѣлаетъ фактическаго зла. Предположимъ, что вы въ теоріи крайній идеалистъ, вы садитесь за письменный столъ и ищете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругомъ, шарите по разнымъ угламъ и если ваша тетрадь или книга не попадется вамъ на глаза или подъ руки, то вы заключаете, что ея нѣтъ и отправляетесь искать въ другое мѣсто, хотя бы ваше сознание говорило вамъ, что вы положили ее именно на письменный столъ. Если вы берете въ ротъ глотокъ чаю и онъ оказывается безъ сахару, то вы сейчасъ же исправите вашу оплошность, хотя бы вы были твердо увѣрены въ томъ, что сдѣлали дѣло какъ слѣдуетъ и положили столько сахару, сколько кладете обыкновенно. Вы видите такимъ образомъ, что самое твердое убѣжденіе разрушается при столкновеніи съ очевидностью и что свидѣльству вашихъ чувствъ вы невольно придаете гораздо больше значенія, нежели соображеніямъ вашего разсудка. Проведите это начало во всѣ сферы мышленія, начиная отъ низшихъ до высшихъ и вы получите полнѣйшій матеріализмъ: я знаю только то, что вижу, или вообще въ чемъ могу убѣдиться свидѣтельствомъ моихъ чувствъ. Я самъ могу поѣхать въ Африку и увидеть ея природу и потому принимаю на вѣру рассказы путешественниковъ о тропической растительности; я самъ могу провѣрить трудъ историка, сличивши его съ подлинными документами, и потому допускаю результаты его изслѣдованій; поэтъ не даетъ мнѣ никакихъ средствъ убѣдиться въ вещественности выведенныхъ имъ фигуръ и положеній, и потому я говорю смѣло, что они не существуютъ, хотя и могли бы существовать. Когда я вижу предметъ, то не нуждаюсь въ діалектическихъ доказательствахъ его существованія; *очевидность есть лучшее ручательство дѣйствительности*. Когда мнѣ говорятъ о предметѣ, котораго я не вижу и не могу никогда увидеть, или оцупать чувствами, то я говорю и думаю, что онъ для меня не существуетъ. *Невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ дѣйствительность существованія*.

Вотъ каноника матеріализма, и философы всѣхъ временъ и народовъ сберегли бы много труда и времени и во многихъ случаяхъ избавили бы своихъ усердныхъ почитателей отъ бесплодныхъ усилій понять несуществующее, если бы не выходили въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ круга предметовъ, доступныхъ непосредственному наблюденію.

Въ исторіи человѣчества было нѣсколько свѣтлыхъ головъ, указывавшихъ на границы познанаія, но мечтательныя стремленія въ несуществующую безпредѣльность обыкновенно одерживали верхъ надъ холодною критикою скептическаго ума и вели къ новымъ надеждамъ и къ новымъ разочарованіямъ и заблужденіямъ. За греческими атомистами слѣдовали Сократъ и Платонъ; рядомъ съ эпикурензмомъ жилъ новоплатонизмъ; за Беконемъ и Локке, за энциклопедистами XVIII вѣка по-

слѣдовали Фихте и Гегель; легко можетъ быть, что послѣ Фейербаха, Фохта и Молешота возникнетъ опять какая нибудь система идеализма, которая на мгновение удовлетворитъ массу больше, нежели можетъ удовлетворить ее трезвое міросозерцаніе матеріалистовъ. Но что касается до настоящей минуты, то нѣтъ сомнѣнія, что одолѣваетъ матеріализмъ; всѣ научныя изслѣдованія основаны на наблюденіи, и логическое развитіе основной идеи, развитіе, не опирающееся на факты, встрѣчаетъ себѣ упорное недовѣріе въ ученомъ мірѣ. Не послѣдовательности выводовъ требуемъ мы теперь, а дѣйствительной вѣрности, строгой точности, отсутствія личнаго произвола въ группировкѣ и выборѣ фактовъ. Естественныя науки и исторія, опирающаяся на тщательную критику источниковъ, рѣшительно вытѣсняютъ умозрительную философію; мы хотимъ знать, что есть, а не догадываться о томъ, что можетъ быть. Германія—отечество умозрительной философіи, классическая страна новѣйшаго идеализма, породила поколѣніе современныхъ эмпириковъ и выдвинула впередъ цѣлую школу мыслителей, подобныхъ Фейербаху и Молешоту. Филологія стала сближаться въ своихъ выводахъ съ естественными науками и избавляется мало по малу отъ мистическаго взгляда на человѣка вообще и на языкъ въ особенности. Извѣстный молодой ученый, Штейнталь, комментировавшій Вильгельма Гумбольдта въ замѣчательной брошюрѣ «Языкованіе В. Гумбольдта и философія Гегеля», откровенно сознается въ томъ, что умозрительная философія сама по себѣ существовать не можетъ, что она должна слиться съ опытомъ и изъ него черпать всѣ свои силы; онъ понимаетъ философію только какъ осмысленіе всякаго знанія и внѣ области видимыхъ, единичныхъ явленій не видитъ возможности знанія и мышленія.

Не забудьте, что это голосъ изъ противоположнаго лагеря, голосъ со стороны гуманистовъ, людей, не привыкшихъ обращаться съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ, и по самому роду своихъ занятій расположенныхъ искать высшихъ причинъ и двигательныхъ силъ; если эти люди сходятся въ своихъ идеяхъ съ натуралистами, то это доказываетъ, что доводы послѣднихъ дѣйствительно имѣютъ за себя неотразимую силу истины. Признаніе Штейнтала далеко не представляется намъ единичнымъ фактомъ, исключеніемъ изъ общаго правила. Вотъ напр., что говоритъ Гаймъ въ своемъ предисловіи къ лекціямъ о философіи Гегеля (Гегель и его время, стр. 9): «Есть души, которыя никакъ не въ состояніи обойтись безъ такъ называемыхъ Бекономъ *idola theatri* и потому постоянно будутъ страшиться скачка черезъ широкій ровъ, отдѣляющій метафизическое отъ чисто исторически человѣческаго. Къ числу такихъ людей принадлежатъ тѣ, которые точку опоры ищутъ не въ самихъ себѣ, но надъ собой и внѣ себя». Далѣе (стр. 11): «Господствующее въ наше время удаленіе отъ занятій философіею и все болѣе

и болѣе возрастающая самостоятельность исторической науки и естествовѣдѣнія должны пользоваться, какъ всякій согласится, по крайней мѣрѣ тѣми же правами, какъ и всякій другой фактъ».

Изъ этихъ словъ Штейнтала и Гайма можно, кажется, вывести заключеніе, что умозрительная философія упала въ общественномъ мнѣніи ученаго міра и что паденіе это признано даже тѣми людьми, которые ех offiціо, какъ ученики Гегеля, и люди занимающіеся философіею, должны были отстаивать ея права на существованіе. Посмотримъ теперь въ бѣгломъ очеркѣ, какъ отнеслась къ этимъ современнымъ явленіямъ и вопросамъ наша критика и ученая литература.

X.

Прилично писать о философіи для насъ дѣло новое; семинарская философія существуетъ уже давно, но она, къ счастью, не находитъ себѣ читателей и цѣнителей внѣ предѣловъ извѣстной касты. Мертвая доктрина г. Новицкаго и составителя философскаго лексикона ни для кого не можетъ быть опасна. Она не отъ міра сего, и міръ ее не пойметъ. Эти дряхлыя явленія могутъ быть смѣло пропущены критикою и оставлены безъ всякаго вниманія публикой. Можно сказать, что г. Антоновичъ въ своей рецензій философскаго лексикона (Современникъ 1861 г. Февраль) сражается съ вѣтряными мельницами; было бы гораздо проще предложить читателямъ двѣ, три выписки изъ этого произведенія, читатели сразу поняли бы въ чемъ дѣло и вѣроятно потеряли бы всякое желаніе платить деньги за философскій лексиконъ такого сорта; борются съ идеями философскаго лексикона недостойно развитаго чело-вѣка, да и просто не стоитъ, потому что эти идеи ни для кого не опасны уже по той допотопной формѣ, въ которую онѣ облечены; нужно было просто предохранить публику отъ бесполезныхъ расходовъ, а эта цѣль могла быть достигнута съ гораздо меньшею тратою труда и времени. Вполнѣ сочувствуя свѣжему и здоровому направленію мысли, высказавшемуся въ статьѣ г. Антоновича, я позволю себѣ выразить сожалѣніе о томъ, что эти свѣжія силы потратились на опроверженіе чепухи, которая никого даже не введетъ въ соблазнъ, которую навѣрное не возьметъ въ руки ни одинъ читатель «Современника».

Въ послѣдніе четыре года у насъ стали появляться статьи философскаго содержанія, до нѣкоторой степени доступныя читающей публикѣ; въ нихъ толкуютъ правда объ общемъ идеалѣ, въ нихъ есть много туманныхъ мѣстъ и бесполезной діалектики, но по крайней мѣрѣ онѣ не призываютъ небесныхъ громовъ на голову не соглашающихся съ ними мыслителей, и спорять съ ними умѣреннымъ тономъ, не употребляя

старославянскихъ выраженій, не приходя въ священный ужасъ и не обнаруживая благочестиваго негодованія. Статьи г. Лаврова о гегелизмѣ, о механической теоріи міра, о современныхъ германскихъ теистахъ и др. обнаружили въ авторѣ обширную начитанность и основательное знакомство съ внѣшнею исторіею философскихъ системъ. Эти два качества, довольно рѣдкія въ пишущихъ людяхъ нашего времени, доставили г. Лаврову журнальную извѣстность. Добраться до слабыхъ сторонъ г. Лаврова наша критика не могла, потому что ей самой крѣпко приходится по душѣ неопредѣленность выводовъ и діалектическія тонкости. Между тѣмъ слабая сторона этого писателя заключалась именно въ отсутствіи субъективности, въ отсутствіи опредѣленныхъ и цѣльныхъ философскихъ убѣжденій. Эта слабая сторона могла укрыться отъ глазъ общества тогда, когда г. Лавровъ писалъ историческіе очерки по философіи и занимался изложеніемъ чужихъ системъ; въ подобномъ трудѣ неопредѣленность личныхъ убѣжденій автора можетъ прослыть за историческое безпристрастіе, за объективность и обратиться въ положительное достоинство въ глазахъ читателя. Но въ нынѣшнемъ году, въ январской книжкѣ Отеч. Зап. напечатаны три публичныя лекціи г. Лаврова подъ общимъ заглавіемъ: «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи». Уже это заглавіе должно было подать надежду на то, что г. Лавровъ выскажетъ свои понятія о философіи и открыто примкнетъ къ одной изъ двухъ партій, составляющихъ великій расколъ въ современномъ философскомъ мірѣ, т. е. или заявитъ невозможность умозрительной философіи, или станетъ отстаивать ея права на существованіе. Заглавія каждой отдѣльной бесѣды подавали еще болѣе заманчивыя надежды; въ нихъ г. Лавровъ обѣщаль объяснить, что такое философія въ знаніи, что такое философія въ искусствѣ и что такое философія въ жизни. Читающее общество было вправѣ ожидать отъ этихъ бесѣдъ, что онѣ уяснятъ ей современное движеніе въ области философскихъ наукъ, и что онѣ выдвинуть впередъ цѣлое міросозерцаніе, выработанное или по крайней мѣрѣ переработанное самодѣятельнымъ умомъ современно развитаго русскаго человѣка. Судя по предъидущимъ работамъ г. Лаврова, общество могло заключить, что у него въ распоряженіи находится много матеріаловъ, и что въ его бесѣдахъ оно получитъ въ популярной формѣ существеннѣйшіе результаты его долговременныхъ и добросовѣстныхъ занятій.

Вышло совсѣмъ не то. Бесѣды не коснулись современнаго значенія философіи, совершенно обошли вопросы, поднятые въ этой области новѣйшею школою мыслителей, и не представили никакого опредѣленнаго міросозерцанія. Г. Лавровъ съ особеннымъ стараніемъ скрылъ свою личность такъ, что вы до нея рѣшительно не доберетесь. Не рѣшаясь высказать ни одного яснаго и опредѣленнаго сужденія, г. Лавровъ не вы-

ходить изъ общихъ мѣстъ элементарной логики, психологiи и эстетики, которую преподають въ гимназiяхъ подъ названiемъ теорiи словесности. Мысли вытекають одна изъ другой; между ними есть связь, есть логическая послѣдовательность, но для чего они текутъ, что вызвало ихъ теченiе и къ чему оно наконецъ приводитъ — это остается совершенно непонятнымъ. Да что же такое наконецъ философiя? Неужели это медицинская гимнастика мысли, шевеленiе «мозгами», какъ говоритъ купецъ у Островскаго, которое начинается по нашей прихоти и прекращается по нашему благоусмотрѣнiю, не приведя ни къ чему, не рѣшивъ ни одного вопроса, не разбивъ ни одного заблужденiя, не заронивъ въ голову живой идеи, не отозвавшись въ груди усиленнымъ бiенiемъ сердца. Да полно, философiя ли это?.. Такъ развѣ жъ не философiя двигала массы, развѣ не она разбивала дряхлыя кумиры и расшатывала устарѣлыя формы гражданской и общественной жизни? А XVIII вѣкъ? А энциклопедисты?... Нѣтъ, воля ваша, то, что г. Лавровъ называетъ философiею, то отрѣшено отъ почвы, лишено плоти и крови, доведено до игры словъ — это схоластика, праздная игра ума, въ которую можно играть съ одинаковымъ успѣхомъ въ Англии и въ Алжирѣ, въ Небесной Имперiи и въ современной Италии. Гдѣ же современное значенiе подобной философiи? Гдѣ ея оправданiе въ дѣйствительности? Гдѣ ея права на существованiе? — Г. Лавровъ предлагаетъ вопросъ, что такое я? бьется надъ этимъ вопросомъ въ продолженiи цѣлой страницы и кончаетъ тѣмъ, что находитъ вопросъ о нашемъ Я научно неразрѣшимымъ. Зачѣмъ же было его поднимать? Какая естественная, жизненная потребность влечетъ къ разрѣшенiю вопроса: что такое я? Къ какимъ результатамъ въ области мысли, частной или гражданской жизни можетъ привести рѣшенiе этого вопроса? Искать разрѣшенiя подобнаго вопроса все равно, что искать квадратуры круга. Филосовскiй камень, жизненный эликсиръ и *perpetuum mobile* чрезвычайно полезныя вещи въ сравненiи съ этими гимнастическими фокусами мысли. Этихъ вещей никто не добудетъ, но, по крайней мѣрѣ, кто стремится къ нимъ, тотъ стремится къ осязательнымъ благамъ, и идетъ къ нимъ путемъ опыта, такъ что можетъ на этомъ пути сдѣлать случайно какое нибудь неожиданное и полезное открытiе. Самый вопросъ о томъ, что такое я? и попытки г. Лаврова освѣтить этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ останутся не понятными для чловека, одареннаго простымъ, здравымъ смысломъ и не посвященнаго въ мистерiи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служить самымъ разительнымъ доказательствомъ незаконности, или вѣрнѣе, полнѣйшей бесполезности подобныхъ умственныхъ упражненiй. Отгонять непросвѣщенную чернь (*profanum vulgus*) отъ храма науки — не въ духѣ нашей эпохи; это негуманно да и опасно; г. Лавровъ этого конечно не желаетъ, потому что самъ открываетъ *публичныя лекцiи*;

если же всё вообще, а не одни избранные должны и желаютъ учиться и размышлять, то не мѣшало бы выкинуть вонъ изъ науки то, что понимается немногими и не можетъ никогда сдѣлаться общедоступнымъ. Вѣдь странно было бы называть гениальнѣйшимъ произведеніемъ Гете вторую часть Фауста, которую никто не понимаетъ; точно также странно назвать міровою истиною или міровымъ вопросомъ такую идею или такую вопросъ, которые смутно понимаетъ незначительное меньшинство односторонне развитыхъ людей. А какъ же не назвать одностороннимъ и уродливымъ развитіе такихъ умовъ, которые на всю жизнь погружаются въ отвлеченность, ворочаютъ формы, лишеныя содержанія и умышленно отварачиваются отъ привлекательной пестроты живыхъ явленій, отъ практической дѣятельности другихъ людей, отъ интересовъ своей страны, отъ радостей и страданій окружающаго міра? Дѣятельность этихъ людей указываетъ просто на какую то несоразмѣрность въ развитіи отдѣльныхъ частей организма; въ головѣ сосредоточивается вся жизненная сила, и движеніе въ мозгу, удовлетворяющее самому себѣ и въ себѣ самомъ находящее свою цѣль, замѣняетъ этимъ недѣлимымъ тотъ разнообразный и сложный процессъ, который называется жизнью. Давать такому явленію силу закона такъ же странно, какъ видѣть въ аскетѣ или въ скопцѣ высшую фазу развитія человѣка.

Отвлеченности могутъ быть интересны и понятны только для ненормально развитаго, очень незначительнаго меньшинства. Поэтому, ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности въ наукѣ мы имѣемъ полное право по двумъ причинамъ; во первыхъ, во имя цѣлостности чело-вѣческой личности, во вторыхъ, во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознаніе, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ кастическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ — явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополія знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за наука, которая по самой сущности своей недоступна массѣ? Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе специалисты? Вѣдь надо же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, если они кладутъ основаніе кастамъ, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но это не правда; истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что осязательно, что можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, то пойметъ и 10-ти лѣтній ребенокъ и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ и ученый специалистъ.

И такъ, съ какой стороны ни посмотришь на діалектику и отвлеченную философію, она всячески покажется бесполезною тратою силъ и переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Если разбирать публичныя лекціи г. Лаврова, то нужно, мнѣ кажется, говоря о первыхъ двухъ бесѣдахъ, не слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ, не опровергать его отдѣльныя положенія, не ловить его на частныхъ противорѣчіяхъ, а просто въ нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ показать полнѣйшую бесполезность всего предпринятаго имъ труда. Г. Антоновичъ (Соврем. 1861. Апрѣль) написалъ обширную рецензію первыхъ двухъ лекцій г. Лаврова, провелъ въ этой рецензіи свѣжій и современный взглядъ на философію, но, сколько мнѣ кажется, пустился въ совершенно ненужныя частности и тонкости. Возставая противъ діалектики, онъ сражается съ нею діалектическимъ оружіемъ; онъ доказываетъ логическую непослѣдовательность тогда, когда слѣдовало бы доказать практическую бесполезность. Дѣло не въ томъ, вѣрно ли рѣшаются вопросы о сущности вещей и о томъ, что такое я, а въ томъ—нужно ли рѣшать эти вопросы. Г. Антоновичъ спорить съ г. Лавровымъ, какъ адептъ одной школы съ адептомъ другой; было бы, мнѣ кажется, проще и полезнѣе для публики, еслибы онъ сталъ на точку зрѣнія совершеннаго профана и спросилъ бы: а какими знаніями и идеями обогатить меня ваша хваленая философія? Одинъ этотъ вопросъ былъ бы, мнѣ кажется, серьезнѣе и радикальнѣе всего длиннаго ряда доказательствъ, которые г. Антоновичъ выводитъ противъ г. Лаврова.

Обративъ все вниманіе свое на одну личность русскаго мыслителя, г. Антоновичъ упускаетъ изъ виду умозрительную философію вообще, между тѣмъ какъ ее давно бы слѣдовало отпѣть и похоронить. — Г. Лавровъ сдѣлалъ попытку поговорить съ нашимъ обществомъ объ умозрительной философіи; этотъ фактъ можно обсудить съ двухъ сторонъ. Можно спросить во первыхъ, умѣстна ли эта попытка? и во вторыхъ, удачно ли она выполнена? Первый вопросъ имѣетъ общій интересъ; обсуживая его, мы толкуемъ о нуждахъ нашего общества и разсматриваемъ характеръ нашей эпохи. Второй вопросъ относится чисто къ личности г. Лаврова и имѣетъ совершенно частный и, сравнительно съ первымъ, узкій интересъ. — Между тѣмъ, г. Антоновичъ усленно работаетъ надъ вторымъ вопросомъ и не рѣшаетъ перваго; мы узнаемъ отъ него, что г. Лавровъ эклектикъ и не узнаемъ того, годится ли на чтонибудь для нашего времени и для нашего общества умозрительная философія вообще. — Словомъ, статья г. Антоновича наполнена прекрасными частностями, но этихъ частностей такъ много, что въ нихъ тонетъ общая идея, а именно эту общую идею и слѣдовало выставить какъ можно рѣзче. Замѣчу еще, что г. Антоновичъ напрасно ограничился разборомъ двухъ первыхъ бесѣдъ г. Лаврова; третья бесѣда о философіи въ жизни

отличается отъ двухъ первыхъ большимъ количествомъ внутренняго содержанія. Философскія убѣжденія г. Лаврова высказываются наконецъ въ болѣе опредѣленной формѣ и ведутъ къ реальнымъ выводамъ въ сферѣ практической жизни. Объ этой бесѣдѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Г. Лавровъ говоритъ во первыхъ, что цѣль жизни находится внѣ ея процесса, который *«въ каждое мгновеніе есть только переходное случайное выраженіе для того, что не можетъ воплотиться вполне, что составляетъ высшее, существенное, относительно неизмѣнное въ человѣкѣ—для его нравственнаго идеала»*.

Во вторыхъ, г. Лавровъ говоритъ, что самый грубый и элементарный взглядъ на жизнь есть тотъ, при которомъ мы стремимся только къ наслажденію; *«первое правило: ищи то, чѣмъ наслаждаемся, доступно животному наравнѣ съ человѣкомъ, дикому наравнѣ съ образованнымъ человѣкомъ, ребенку наравнѣ съ мужемъ. Послѣднее: пренебрегай всѣмъ, кромѣ высшаго блага, есть изреченіе, отъ котораго не откажется самый строгій аскетъ; а, какъ извѣстно, истинные аскеты—большая рѣдкость между людьми»*.

Замѣчу мимоходомъ, что уроды тоже составляютъ большую рѣдкость между людьми; ихъ сохраняютъ даже въ спирту!

Въ третьихъ, г. Лавровъ говоритъ, что *«человѣчность есть совокупленіе всѣхъ главныхъ отраслей дѣятельности въ жизни одной личности. Но она есть совокупленіе, а не смѣшеніе. Каждая дѣятельность, ставя свой вопросъ, свою цѣль, свой идеалъ, рѣзко отличается отъ другой, и одно изъ главныхъ золъ человечеству заключается въ недостаточномъ различеніи этихъ вопросовъ, въ перенесеніи идеаловъ изъ одной области дѣятельности въ другую»*.

А вѣдь еслибы вовсе не было идеаловъ, тогда и переносить нечего было бы, и путаницы никакой не могло бы быть. Такъ зачѣмъ же ставить идеалъ необходимымъ условіемъ развитія?

Приведенныя выписки показываютъ ясно, что г. Лавровъ склоняется къ такому міросозерцанію, которое существенно отличается отъ мыслей, высказанныхъ мною на предъидущихъ страницахъ. Я все основываю на непосредственномъ чувствѣ; г. Лавровъ строитъ все на размышленіи и на системѣ; я требую отъ философіи осязательныхъ результатовъ; г. Лавровъ довольствуется безцѣльнымъ движеніемъ мысли въ сферѣ формальной логики. Я считаю очевидность полнѣйшимъ и единственнымъ ручательствомъ дѣйствительности; г. Лавровъ придаетъ важное значеніе диалектическимъ доказательствамъ, спрашиваетъ о сущности вещей, и говоритъ, что она непостижима, слѣдовательно, предполагаетъ, что она существуетъ какъ то независимо отъ явленія. Въ области нравственной философіи, взгляды наши почти діаметрально противоположны. Г. Лавровъ требуетъ идеала и цѣли жизни, внѣ ея процесса; я вижу въ жизни

только процессъ и устраняю цѣль и идеаль; г. Лавровъ останавливается передъ аскетомъ съ особеннымъ уваженіемъ; я даю себѣ право пожалѣть объ аскетѣ, какъ пожалѣлъ бы о слѣпомъ, о безрукомъ или о сумасшедшемъ. Г. Лавровъ видитъ въ человѣчности какой-то сложный продуктъ разныхъ нравственныхъ специй и ингредиентовъ; я полагаю, что полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно базисискусвенно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собою,

Я говорилъ, что, по моему мнѣнію, критику лучше всего высказывать *свои* взглядъ на вещи, дѣлиться съ читателемъ *своимъ* личнымъ впечатлѣніемъ; я такъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ г. Лаврову. Я поставилъ рядомъ съ его воззрѣніями мои воззрѣнія и предоставляю читателямъ полнѣйшую свободу выбрать тѣ или другія, или отвергнуть и тѣ, и другія. Я не старался убѣждать въ вѣрности моихъ мыслей, не задавалъ себѣ задачи во что бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрѣнія. Умственная и нравственная пропаганда есть до нѣкоторой степени посягательство на чужую свободу. Мнѣ бы хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, а вызвать самостоятельность его мысли и подать ему поводъ къ самостоятельному обсужденію затронутыхъ мною вопросовъ. Въ моей статьѣ навѣрное встрѣтится много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ; но это въ сущности нисколько не мѣшаетъ дѣлу; если мои ошибки замѣтитъ самъ читатель, это будетъ уже самостоятельное движеніе мысли; если онѣ будутъ указаны ему какимъ нибудь рецензентомъ, это опять таки будетъ очень полезно; *du choc des opinions jaillit la vérité*—говорятъ Французы, и читатель, присутствуя при спорѣ, будетъ самъ разсуждать и вдумываться. Смѣю льстить себя одной надеждой: еслибы статья моя вызвала какое нибудь опроверженіе, то споръ сталъ бы вертѣться въ кругу дѣйствительныхъ и жизненныхъ явленій и не перешелъ бы въ схоластическое *словопречіе*. Я обсуживалъ явленія нашей критики, руководствуясь голосомъ простаго здраваго смысла и надѣюсь, что, если мнѣ будутъ возражать, то возраженія эти будутъ вытекать изъ того же источника и не будутъ сопровождаться не понятными для публики ссылками на авторитеты Канта, Гегеля и другихъ.

Говоря о нашей философской литературѣ, я упомянулъ только о статьяхъ г. Лаврова и считаю совершенно лишнимъ обсуживать гг. Страхова и Эдельсона; эти явленія такъ блѣдны и чахлы, что объ нихъ не стоитъ упоминать, да и сказать-то нечего. Утомленіе и скука—вотъ все, что можно вынести изъ чтенія этихъ произведеній; и возражать нечему и поспорить не съ чѣмъ, такъ все элементарно, утомительно ровно и невозмутимо спокойно. Г. Страховъ считаетъ нужнымъ доказывать, что

между человѣкомъ и камнемъ большая разница, а г. Эдельсонъ ни съ того ни съ сего начинаетъ восторгаться идеею организма, а потомъ также безъ видимой причины начинаетъ предостерегать ученыхъ отъ излишняго увлеченія этою идеею.

Вскую шаташася языцы?

XI.

Не такъ давно *) я высказалъ нѣсколько мыслей о безжизненности нашей критики и изложилъ тѣ идеи, которыми я руководствуюсь при разборѣ этихъ чахлахъ и безцвѣтныхъ явленій. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, въ которыхъ журнальная полемика разгорѣлась особенно ярко, критическій отдѣлъ большей части періодическихъ изданій украсился многими любопытными статьями; эти статьи подаютъ поводъ къ размышленію; онѣ подтверждаютъ высказанныя мною замѣчанія, которыя могли показаться голословными читателямъ моей первой статьи; поэтому я намѣренъ воспользоваться ими, какъ матеріаломъ, и, обсуживая ихъ, договорить то, что было не досказано, яснѣе и обстоятельнѣе изложить то, чего я прежде коснулся слегка. Я не встаю противъ полемики, не зажимаю ушей отъ свиста, не проклиная свистуновъ; и Ульрихъ-фонъ-Гутенъ былъ свистунъ, и Вольтеръ былъ свистунъ, и даже Гете вмѣстѣ съ Шиллеромъ свистнули на всю Германію, издавши совокупными силами свой альманахъ «Die Xenien»; у насъ на Руси свисталъ часто и рѣзко, стихами и прозою, Пушкинъ; свисталъ Брамбеусъ, которому, вопреки громовой статьѣ г. Дудышкина: «Сеньковскій дилетантъ русской словесности», я не могу отказать ни въ умѣ, ни въ огромномъ талантѣ. А развѣ во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго не прорываются рѣзкіе, свистящіе звуки? Припомните, господа, ближайшихъ литературныхъ друзей Бѣлинскаго, людей, которымъ онъ въ дружескихъ письмахъ выражалъ самое теплое сочувствіе и уваженіе: вы увидите, что многіе изъ нихъ свистали, да и до сихъ поръ свищутъ тѣмъ богатырскимъ посвистомъ, отъ котораго у многихъ звонитъ въ ушахъ, и который безъ промаха бьетъ въ цѣль, несмотря на разстояніе.

Оправдывать свистуновъ — напрасный трудъ; ихъ оправдало чутье общества; на ихъ сторонѣ большинство голосовъ, и каждое нападеніе изъ противоположнаго лагеря обрушивается на голову самихъ же нападающихъ, такъ называемыхъ людей серьезныхъ, дѣятелей мысли, кабинетныхъ тружениковъ, русскихъ Гегелей и Шопенгауэровъ, профессо-

*) Первые 10 главъ этой статьи были написаны въ Маѣ, а остальныя—въ Сен-ябрѣ 1861 г.

ровъ, сунувшихся въ журналистику, или литературныхъ промышленниковъ, прикрывающихъ свою умственную нищету притворнымъ сочувствіемъ къ вѣчнымъ интересамъ науки. «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя Записки» убиваются надъ развратомъ русской мысли и заживо оплакиваютъ русскую литературу; ихъ книжки — бюллетени сердобольнаго врача, писанныя у постели больнаго, умирающаго отъ послѣдствій беспорядочной жизни. Главные *благодѣтельные* органы нашей журналистики составляютъ консилиумъ, ищутъ лекарства, щупаютъ пульсъ и съ ужасомъ сообщаютъ другъ другу о быстрыхъ успѣхахъ болѣзни; за ними выдвигается группа постныхъ журналовъ и газетъ, совѣтующихъ больному познать тщету и суетную гордыню дольняго міра сего, воспарить духомъ къ высотамъ Сіонскимъ, и отложивъ надежду и попеченіе о выздоровленіи, приготовиться къ мирной, христіанской кончинѣ живота. А въ это время больной мечется въ бреду, лепечетъ въ лихорадочномъ полуснѣ безсвязныя слова, «извергаетъ хулы», называетъ громкія имена всѣхъ вѣковъ и народовъ: Кавуръ, Россель, Платонъ, Страховъ, Пальмерстонъ, Аскоченскій... Что за сумбуръ! И все-то онъ ругаетъ, надъ всѣмъ-то онъ смѣется, все-то ему нипочемъ. Бѣлая горячка, говорятъ врачи. *Delirium tremens!* важно повторяетъ г. Леонтьевъ. Дьявольское навожденіе, шепчетъ, отплеываясь, Аскоченскій. — Какъ ему не умереть! Онъ отрицаетъ общіе авторитеты, все, чѣмъ красна и тепла наша жизнь, говоритъ печально г. Н. Ко.

Кто же, наконецъ, играетъ роль больнаго? Кто же, какъ не «Современникъ» вмѣстѣ съ «Русскимъ Словомъ»? Кто же, кромѣ этихъ двухъ отверженныхъ, осмѣливался относиться скептически къ дѣятельности Росселя и Кавура? Кто находилъ сухими и бесплодными ученые труды гг. Буслаева и Срезневскаго? Кто совѣтовалъ сдать въ архивъ стройныя, красивыя, величественныя системы идеализма, внутри которыхъ темно, сыро и холодно, какъ въ старомъ готическомъ соборѣ? Кто дерзнулъ обвинить Гизо въ историческомъ мистицизмѣ, г. Лаврова въ неясности формы и неопредѣленности направленія, г. Буслаева въ наивности и старовѣрствѣ, г. Юркевича въ отсталости и въ любомудріи, Н. И. Пирогова въ патриархальности педагогическихъ приѣмовъ, «Отечественныя Записки» въ вялости тона и въ отсутствіи направленія, «Русскій Вѣстникъ» въ мѣщанскомъ пристрастіи къ золотой серединѣ?... Можно было бы исписать десять страницъ и все-таки не перечислить всѣхъ преступленій, въ которыхъ были уличены въ теченіи 1861 года «Русское Слово» и «Современникъ». Каждая статья составляла *crime de les eautorité*, сшибая съ пьедестала какой нибудь кумиръ, которому кричали другіе журналы: «выдыбай, боже!» Человѣкъ въ нормальномъ положеніи, въ здоровомъ умѣ не могъ бы найти въ себѣ столько продрозости. Статья Чернышевскаго о Гизо, «Полемическія красоты», по-

литическія статьи Благосвѣтлова, схоластика Писарева и его статья о Мошотѣ, рецензія стихотвореній Сквороды и отвѣтъ Крестовскаго г. Костомарову, Дневникъ Темнаго человѣка и Свистокъ—все это бредъ больного, послѣднее напряженіе силъ, за которымъ будетъ и должна слѣдовать реакція, агонія. — Аминь! речеть «Домашняя Бесѣда», и къ своему крайнему удивленію, благонамѣренные врачи русской журналистики въ первый разъ въ жизни вторятъ г. Аскоченскому. Но, позволите, господа врачи, *doctores augustissimi*, я не понимаю вашего огорченія. Отчего же вы такъ взволнованы? Здоровый человѣкъ, владѣющій полнымъ разсудкомъ, не станетъ беспокоиться попусту, свликать пожарную команду, когда у сосѣда топится овинъ, и когда не предвидится ни малѣйшей опасности. Надо предположить одно изъ двухъ: или дѣйствительно свистуны сильны въ области литературы, или благонамѣренные люди сами больны и, по разстройству нервовъ, вздрагиваютъ отъ малѣйшаго шума. Каждая выходка «Современника» или «Русскаго Слова» осуждается синедріономъ такъ называемыхъ солидныхъ журналовъ; осужденіе обыкновенно занимаетъ больше мѣста, чѣмъ самая выходка; стало-быть, эти выходки дѣйствительно опасны, или же, извините, вамъ больше не о чемъ говорить, и вы ловите случай, раздуваете скандалъ для того, чтобы наполнить книжку, и слѣдовательно поступаете сами какъ неудавшіеся фельетонисты.

Разберемъ оба предположенія. Кому и чему могутъ быть опасны выходки свистуновъ? Вѣроятно, только идеямъ, или же такимъ личностямъ, которыя передъ лицомъ всего образованнаго міра служатъ представителями той или другой тенденціи. Вѣдь вы, господа врачи, вступаетесь не за Козлянинова, не за Вергейма, а за Кавура, за Росселя, за исторію, за философію, за серьезную науку. Всѣмъ этимъ лицамъ и идеямъ вы своимъ заступничествомъ оказываете очень плохую услугу. Прикосновенія критики боится только то, что гнило, что какъ египетская мумія распадается въ прахъ отъ движенія воздуха. Живая идея, какъ свѣжій цвѣтокъ отъ дождя, крѣпнетъ и разрастается, выдерживая пробу скептицизма. Предъ заклинаніемъ трезваго анализа исчезаютъ только призраки; а существующіе предметы, подвергнутые этому испытанію, доказываютъ имъ дѣйствительность своего существованія. Если у васъ есть такіе предметы, до которыхъ никогда не касалась критика, то вы бы хорошо сдѣлали, еслибы порядкомъ встряхнули ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что вы храните дѣйствительное сокровище, а не истлѣвшій хламъ. Если же вы для себя уже сдѣлали этотъ опытъ, то позволите же и другимъ сдѣлать то же для себя. Вы, положимъ, убѣждены въ томъ, что умозрительная философія есть мать всѣхъ добродѣтелей и источникъ всякаго благосостоянія. А вотъ для меня, напр., это положеніе составляетъ еще недоказанную теорему. Что же мнѣ вамъ

на слово прикажете вѣрить? Или прикажете до тѣхъ поръ не писать ничего, пока не выработаю себѣ абсолютно вѣрнаго, незыблемаго убѣжденія, пока не превращу въ аксіомы всѣ теоремы? На второй мой вопросъ вы отвѣтите утвердительно, а я вамъ докажу сейчасъ, что этотъ утвердительный отвѣтъ—нелѣпость. Каждое поколѣніе разрушаетъ міросозерцаніе предъидущаго поколѣнія; что казалось неопровержимымъ вчера, то вѣрится сегодня; абсолютныя, вѣчныя истины существуютъ только для народовъ неисторическихъ, для Эскимосовъ, Папуасовъ и Китайцевъ. Вы мнѣ скажете, что $2 \times 2 = 4$ —абсолютная истина для всѣхъ вѣковъ и народовъ, а я вамъ отвѣчу, что $2 \times 2 = 4$ не есть идея; тутъ подлежащее повторяется въ сказуемомъ; въ первой и второй части уравненія предметъ одинъ и тотъ же, и измѣняются только формы выраженія. «Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками» это тоже не идея; вы тутъ связываете между собою не два предмета, а два названія, изъ которыхъ одно сжато, другое пространно. Эти такъ называемыя математическія истины могутъ быть сведены на общую формулу *опредѣленія*: «островъ есть кусокъ земли, окруженный со всѣхъ сторонъ водою». Тутъ объясняется слово, а не предметъ. Кромѣ того, математическія опредѣленія вообще имѣютъ дѣло съ рамками, съ самыми общими, совершенно безцвѣтными отвлеченностями, къ которымъ человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ личныхъ отношеній. *Два, прямая линія*—все это не предметы, не явленія жизни, а рамки, въ которыя можно вставить что угодно. Математическія истины незыблемы, потому что онѣ безжизненны; внѣ математики, посмотрите куда угодно, всѣ понятія наши о природѣ и человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о мысли и дѣятельности, о нравственности и красотѣ мѣняются такъ быстро, что послѣдующее поколѣніе не оставляетъ камня на камнѣ въ міросозерцаніи предъидущаго. Кто усталъ идти, тотъ можетъ сѣсть въ сторонѣ отъ дороги и помириться съ тѣмъ, что его обгоняетъ. Такъ сдѣлалъ «Русскій Вѣстникъ», такъ поступилъ г. Тургеневъ. Мнѣнія «Русскаго Вѣстника» соответствовали требованіямъ нашего общества года три тому назадъ; теперь они многимъ покажутся ретроградными. Образъ Елены въ «Накаунѣ» могъ казаться безукоризненно прекраснымъ года три тому назадъ; въ 1860 году въ немъ уже могли замѣтить несмѣлыя отношенія автора къ идеѣ равноправности мужчины и женщины.

Вы видите такимъ образомъ, что не писать до тѣхъ поръ, пока не установятся убѣжденія, значить безъ толку пожертвовать лучшими годами дѣятельности. Убѣжденія ваши *остановятся* на какомъ нибудь результатѣ только тогда, когда вмѣстѣ съ костями и хрящами начнетъ твердѣть и сохнуть мозгъ; вы остановитесь не потому, что достигли истины, а потому, что утомились работою жизни и мысли, потеряли ту эластичность, гибкость и подвижность ума, которыми обладали въ моло-

дости; остановившись, вы начинаете жить прошедшимъ, и, если вы писатель, то этимъ же прошедшимъ вы дѣлитесь съ публикой. А прошедшее движущемуся обществу можетъ дать матеріалы для размышленія, а не норму для дѣятельности. Стало-быть, ваши слова будутъ живѣе и плодотворнѣе, если вы выскажете ихъ тогда, когда ваша личность и дѣятельность еще принадлежитъ будущему. Страстный бредъ или пылкая діалектика юноши всегда западаютъ въ душу слушателя глубже, и шевелятъ ее живѣе, чѣмъ мудрый совѣтъ старика, высказанный осторожно, безстрастно и торжественно. Юноша способенъ ошибаться, — согласенъ; но зато онъ не учитъ общества, не читаетъ лекцій; онъ самъ ищетъ, самъ стремится, а стремленіе къ истинѣ, поступательное движеніе всегда лучше обладанія ею, уже потому, что послѣднее есть самообольщеніе, а первое — дѣйствительный фактъ. И такъ, позвольте людямъ, недостигшимъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, т. е. еще не остановившимся, — говорить, писать и печатать; позвольте имъ встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которыя вы называете общими авторитетами и которыя, по вашему признанію, грѣютъ и красятъ вашу жизнь. Согласитесь съ тѣмъ, что «спросъ не бѣда», и что общему авторитету не больно отъ того, что его подвергнуть сомнѣнію. Если авторитетъ ложный, тогда сомнѣніе разобьетъ его, и прекрасно сдѣлаетъ; если же онъ необходимъ или полезенъ, тогда сомнѣніе повертитъ его въ рукахъ, осмотритъ со всѣхъ сторонъ и поставитъ на мѣсто. Словомъ, вотъ ultimum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержать ударъ, то годится, что разлетится въ-дребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо и налево, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть. Клеветать конечно не слѣдуетъ; лгать въ фактахъ — не хорошо, но въ подобной лжи еще никто не уличилъ свистуновъ; ихъ уличали въ ложныхъ воззрѣніяхъ, а воззрѣнія не могутъ быть ни истинны, ни ложны; есть мое, ваше воззрѣніе, третье, четвертое и т. д. Которое истинно? Для каждого свое, и потому я совершенно согласенъ съ словами г. Н. Ко., которыя онъ хотѣлъ сказать мнѣ *въ нику*: «Давайте всѣ мыслить самостоятельно и чуръ одинъ другому не мѣшать». Нашелъ въ чемъ упрекнуть! въ самостоятельности мысли. Давай Богъ побольше такихъ обличителей, которые, желая обругать, говорятъ комплименты.

Я замѣтилъ выше, что серьезные журналы дѣлаютъ изъ мухи слона, потому что имъ больше нечего дѣлать; это положеніе я поддерживаю; только полнѣйшая умственная праздность можетъ возводить въ событіе каждую статью Свистка, каждую выходку Темнаго человѣка. Люди толкуютъ о серьезныхъ интересахъ науки и общества и въ то же время сотни страницъ посвящаютъ г. Чернышевскому, котораго сами называютъ свистуномъ и верхоглядомъ. И что это за страницы! Сколько

глубокомыслия, сколько пронизательной критики, сколько высоко-нравственного негодованія тратится на опроверженіе «Полемиическихъ красоть!» Судя по тому значенію, которое придають г. Чернышевскому современные серьезные люди, надо думать, что если энциклопедическій словарь дойдетъ до буквы Ч, то ему будетъ посвящена обширная статья. Подлинно, г. Чернышевскій имѣеть полное право произнести извѣстное стихотвореніе Пушкина: *ex ungue leonem*, кончающееся такъ:

Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

ХІІ.

«Полемиическія красоты» г. Чернышевскаго взволновали журнальный міръ; никакое научное открытіе, никакое серьезное изслѣдованіе не обращало на себя такъ внезапно всеобщаго вниманія гг. серьезныхъ литераторовъ. «Русскій Вѣстникъ» съ несвойственною ему поспѣшностью, въ іюньской книжкѣ своего изданія отвѣчалъ на статью, помѣщенную въ іюньской же книжкѣ «Современника»; «Отеч. Зап.» впродолженіи двухъ мѣсяцевъ не спускають глазъ съ «Современника», лишаящаго ихъ сна и покоя; даже безвредный «Свѣточъ» не преминулъ заявить свой протестъ противъ нарушенія литературныхъ приличій г. Чернышевскимъ. Мысль невольно переносится къ той давно прошедшей эпохѣ, когда памфлетъ Ульриха фонъ-Гуттенъ «Письма темныхъ людей (*Epistolae obscurorum virorum*)» прошумѣлъ по Германіи, и нарушилъ умственную апатію записныхъ ученыхъ. Доктора и монахи принялись ругаться на всѣ лады и доказали двѣ вещи, во первыхъ мѣткость ядовитаго памфлета, во-вторыхъ, собственную духовную нищету, связанную съ нахальною заносчивостью и каррикатурнымъ самообожаніемъ. Такого рода происшествія возможны во всякое время. Люди лѣнливые, или от природы малосильные всегда сердятся на людей дѣятельныхъ и даровитыхъ, которые, идя скорѣе ихъ, увлекають за собою большинство и пользуются его заслуженнымъ сочувствіемъ. Сердятся они не всегда изъ корыстныхъ видовъ; иному дѣйствительно обидно; онъ, можетъ быть, лѣтъ пятнадцать рылся въ библіотекахъ и архивахъ, трудился въ потѣ лица, считалъ себя полезнымъ специалистомъ, предъявлялъ права на признательность соотечественниковъ и вдругъ, о разочарованіе! является какой нибудь неизвѣстный юноша, высказываетъ о предметѣ специальныхъ изслѣдованій—мысли, ошеломляющія специалиста своею оригинальностью и новизною, и прямо называетъ долготѣніе труды вышеписаннаго ученаго сухимъ хламомъ, изъ котораго не выжмешь ни идеи, ни важнаго фактическаго результата. Какъ же такому непонятому специа-

листу не озлиться? Какъ ему не пуститься съ азартомъ въ несвойственное ему поле журнальной полемики? Какъ ему въ проклятіяхъ противъ свистопляски не дойти до того паюса задорности, какимъ отличается переписка Ивана IV съ Курбскимъ? Кто же рѣшится сознаться даже передъ самимъ собою (не то, что передъ публикою) въ томъ, что онъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ не зналъ что дѣлалъ и съ какою цѣлью трудился. Чтобы рѣшиться на такое признаніе, надо быть почти великимъ человѣкомъ, а великіе люди не тратятъ жизни на перепечатку лѣтописей и на копировку старинныхъ шрифтовъ. Раздраженіе г. Погодина, выразившееся въ его прошлогоднемъ письмѣ къ г. Костомарову, и въ изобрѣтеніи слова «свистопляска», негодованіе г. Буслаева, напечатаннаго въ «Отеч. Зап.» письмо къ г. Пышину, и гнѣвъ г. Вяземскаго, посвятившаго свистунамъ сатирическую пѣснь лебеда, объясняются только-что выписанными мною побудительными причинами. Ярость «Русскаго Вѣстника» и «Отеч. Зап.» объясняются проще. Винить журналиста въ томъ, что онъ желаетъ увеличенія подписки, было бы смѣшно. Кто-жъ себѣ врагъ? Фразамъ о безкорыстномъ служеніи идеѣ и обществу наше время плохо вѣритъ. Какъ ни кричите противъ меркантильности эпохи, вы ее крикомъ не прогоните. Эта меркантильность есть современная форма эгоизма, выражавшагося въ прежнія времена властолюбіемъ, жаждою славы, донжуанствомъ и т. д. Возставать противъ корыстолюбія журналовъ я не буду; постараюсь только посмотрѣть, какія средства они пускаютъ въ ходъ, чтобы выдвинуть себя впередъ и отбросить совмѣстниковъ на задній планъ. Буду обращать вниманіе не столько на нравственное достоинство этихъ средствъ, сколько на ихъ практическую пригодность. Можно быть отлѣпнымъ, честнѣйшимъ человѣкомъ, и очень плохимъ литераторомъ, и тѣмъ болѣе негодящимся журналистомъ. «Хоть пей, да дѣло разумѣй» это мудрое правило надо особенно крѣпко помнить въ наше время, когда развелись легионы печатающихъ людей, которые «немножечко деруть»,

Зато ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ».

Впрочемъ, опять-таки, этого нельзя сказать ни объ «Отечественныхъ Запискахъ», ни о «Русскомъ Вѣстникѣ». Тѣ и деруть, и чистотою литературныхъ правовъ не отличаются. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» довольно будетъ замѣтить, что онъ не уважаетъ умственной самостоятельности своихъ сотрудниковъ (исторія о Свѣчной), попрекаетъ г. Чернышевскаго саратовскою семинаріею, и даже пишетъ о томъ, что у него крадутъ книги и четвертаки. Что же касается до «Отечественныхъ Записокъ», этого притона современной схоластики, кладязя недоступной премудрости, то я намѣренъ посвятить имъ все продолженіе этой статьи. Надо разъ навсегда высказаться насчетъ этого ученаго журнала, про-

тивъ котораго почти невозможна серьезная критика. Почему? А потому что въ немъ нѣтъ живой мысли; стало быть надо или смѣяться надъ тупымъ педантствомъ, или закрыть книгу и лечь спать съ отяжелѣвшею головою.

Легионъ редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ», чего добраго, назоветь эти слова нарушеніемъ литературныхъ приличій; они скажутъ, пожалуй, что миѣ слѣдуетъ спорить съ ними, а не отдѣлываться брошенной фразою; они, можетъ быть, сочтутъ мои слова уловкою; вѣдь требовали же они отъ Чернышевскаго, чтобы онъ состязался съ Юркевичемъ; вѣдь считали же они отказъ Чернышевскаго за доказательство его несостоятельности. Поймите, господа, что спорить съ вами и съ г. Юркевичемъ значить ломать себѣ голову, слѣдя за извилинами вашихъ аргументацій, написанныхъ тяжелымъ, неяснымъ языкомъ 30-хъ годовъ, входить въ мрачный лабиринтъ вашей буддійской науки, отъ которой мы сторонимся съ нѣмымъ благоговѣніемъ. Скажите, ради чего намъ съ Чернышевскимъ брать на себя такой трудъ? Чтобы убѣдить васъ? Да мы этого не желаемъ. Чтобы убѣдить публику? Да она и безъ того на нашей сторонѣ. Ей смертельно надоѣдаетъ ваша наука и критика. Читаетъ она въ «Отечественныхъ Запискахъ» повѣсти, переводные романы (которыхъ всегда довольно), историческія статейки; что же касается до критики, ее рѣдко разрѣзываютъ; вопросы, которые г. Дудышкинъ, какъ сфинксъ современной литературы, задаетъ на разрѣшеніе журналамъ (напр. о Пушкинѣ), прочитываются для смѣха журналистами и, какъ слѣдуетъ того ожидать, не разрѣшаются никѣмъ.

Убѣждать публику намъ стало-быть не въ чемъ; кромѣ того, смѣхъ и свистъ лучшія орудія убѣжденія. Еслибы мы стали васъ опровергать по пунктамъ, статьи наши вышли бы такъ же скучны и головоломны, какъ ваши критическія изслѣдованія, а этого-то мы не желаемъ. И такъ спорить съ вами мы не будемъ, а смѣяться, если придетъ расположеніе, не преминемъ. Спора вы требуете, а смѣха боитесь. Вотъ смѣхомъ-то мы васъ и доканаемъ. Вы непременно разсердитесь, и въ сердцахъ выкажете свои большія мѣста, которыхъ у васъ очень много. Вы уже разсердились на г. Чернышевскаго и высказали много диковинныхъ вещей. Кромѣ того, вы напрягли все свои силы, ничего не успѣли сдѣлать, и слѣдовательно обличили свое, безпомощное состояніе, свою убогость, которою вы насъ все-таки не разжалобите.

ХІІІ.

Шестьдесятъ пять страницъ въ разныхъ отдѣлахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1861 года за августъ выдвинуто противъ второй коллекціи

«Полемиическихъ красотъ». Упрекъ въ отсутствіи направленія подѣйствоваль слишкомъ хорошо; всѣ редакторы ополчились какъ одинъ человекъ, и пошли четверо противъ одного; впрочемъ, на флотѣ Лиллипутовъ, который увелъ въ плѣнъ капитанъ Лемуилъ Гулливеръ, было гораздо больше четырехъ храбрыхъ бойцовъ; всѣ были воодушевлены патриотическимъ жаромъ, всѣ они тоже защищали народность, и между тѣмъ всѣ сдались на капитуляцію. Что дѣлать, гг. идеалисты, спиритуалисты и супранатуралисты! Духъ бодръ, плоть немощна. Крестовый походъ политической умѣренности, историческаго глубокомыслія, критической серьезности и откровенной запальчивости противъ наглаго, насмѣшливаго невѣжества, кончился безславнымъ пораженіемъ. Ряды нападающихъ смѣшались; разнокалиберность союзниковъ и непривычка стоять подъ однимъ знаменемъ взяли свое; пошли ученые рыцари кто въ лѣсъ, кто по дрова; своя своихъ не познаша, и предполагавшійся стройный натискъ превратился въ беспорядочное гарцованіе, достойное Благосвѣтлова, но нисколько не приличное для пуристовъ русской мысли. Бѣдные пуристы! Они были не на своемъ мѣстѣ; они напоминали несчастнаго Франца Горна, комментатора Уильяма Шекспира, попавшагося въ дикую охоту и скакавшаго за своимъ любимымъ поэтомъ, на ослѣ, держась за гриву и творя молитву дрожащимъ голосомъ. (Heine. Atta Troll). И что за охота? Вѣдь говорилъ вамъ Чернышевскій: куда вамъ полемизировать! а вы его не послушали; вы, вѣроятно, думали, что онъ говорить это отъ зависти; вотъ и додумались. А все — самолюбіе васъ губить. Ну, ему ли вамъ завидовать! Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло: намъ (т. е. Современнику и Русскому Слову) позволительно посвящать вамъ обширныя критическія статьи; мы — люди зазорные; мы въ вашемъ лицѣ осмѣиваемъ рутину и, слѣдовательно, остаемся вѣрны своему характеру. Вамъ, напротивъ того, совѣмъ не слѣдуетъ съ нами говорить: всякая попытка свиснуть съ вашей стороны доставляетъ намъ перевѣсъ; вы беретесь за наше оружіе, стало-быть полагаете, что оно лучше вашего, и, слѣдовательно, этимъ самымъ осуждаете вашу всегдашнюю дѣятельность. Нельзя служить богу и мамону, а то выйдетъ ни богу свѣча, ни чорту кочерга. Вы должны показывать видъ, будто чувствуете къ намъ полнѣйшее, холодное, равнодушное презрѣніе, будто *инорируете* насъ; вы иногда стараетесь поступать такимъ образомъ, но солидность ваша не выдерживаетъ развѣдающаго прикосновенія мѣткой насмѣшки. Нашъ сарказмъ жжетъ васъ какъ раскаленное желѣзо; вы теряете всякое хладнокровіе, забываете *роль*, и, не умѣя язвить шуткою, начинаете браниться, почерпая ваши слова то изъ церковно-славянскаго (напр. срамословіе, скверномысліе), то изъ площаднаго народнаго. Вотъ въ эти минуты вы крайне занимательны; тутъ-то васъ и нужно изучать и списывать съ природы.

Августовская книжка Отечественныхъ Записокъ доставила мнѣ самое живое наслажденіе своею полемическою частью. Она дорисовала тѣ образы, которые складывались уже въ моемъ умѣ; она показала мнѣ какъ говорятъ и дѣйствуютъ рутинеры, выведенные изъ терпѣнья и чувствующіе, что почва колыхается подъ ихъ ногами. Мнѣ случилось читать въ исторіи объ отчаянной борьбѣ отживающаго съ начинающимъ жить, и теперь мнѣ очень пріятно прослѣдить въ маленькихъ размѣрахъ процессъ этой борьбы между представителями русской мысли. Тяжело смотрѣть на агонію человѣка или животнаго, но агонія идеи, принципа, направленія представляетъ любопытное и пріятное зрѣлище. Весело смотрѣть на то, какъ защитники этого умирающаго принципа мечутся, суетятся, теряютъ голову, противорѣчатъ сами себѣ, сбиваютъ другъ друга съ ногъ, говорятъ все вдругъ, какъ Добчинскій и Бобчинскій, и все-таки лишаются постепенно своихъ прозелитовъ; а между тѣмъ, новая идея, какъ пожаръ, разливается по сценѣ дѣйствія, не останавливается никакими преградами, просачивается сквозь щели стѣнъ, и до чиста сжигаетъ старый хламъ, какъ бы ни былъ онъ плотно закупоренъ, и подъ какимъ бы крѣпкимъ карауломъ его ни содержали. Чернышевскій говоритъ, что въ Отечественныхъ Запискахъ нѣтъ единства направленія и г. Дудынкинъ торжественно соглашается съ нимъ отъ лица всѣхъ главныхъ членовъ редакціи (августъ, русск. лит. стр. 148). Я позволю себѣ не согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Статьи Отечественныхъ Записокъ часто противорѣчатъ другъ другу—это правда; но у нихъ есть что-то общее, есть свой букетъ, который принадлежитъ имъ однѣмъ; этотъ букетъ онѣ называютъ *серьезностью*; въ переводѣ на общепотребительный русскій языкъ это значитъ недоступность живымъ интересамъ, неумѣніе и нежеланіе отнестись къ возникающимъ вопросамъ откровенно и ясно, *инирированіе* живыхъ и больныхъ мѣстъ нашей частной и общественной жизни. Возникаетъ ли какойнибудь литературный споръ о предметѣ общеизвестномъ, имѣющемъ практическое значеніе во вседневной жизни, — Отечественныя Записки тотчасъ превращаютъ споръ въ научную теорему; предметъ уносится учеными критиками на вершины Олимпа російской мысли, и густой туманъ скрываетъ его отъ глазъ обыкновенныхъ зрителей; кто попроче, тотъ начинаетъ благоговѣть, ничего не понимая, а кто смѣлѣе, тотъ закрываетъ книгу, и говоритъ, что начинается «ерунда». Въ обоихъ случаяхъ, вопросъ, поставленный жизнью, остается нерѣшеннымъ и понемногу замираетъ. Достоинство журнала спасено, а между тѣмъ не высказано ничего рѣзкаго, что могло бы раздражить гусей; и волки сыты, и овцы цѣлы.

Вотъ видите ли, въ нашемъ общественномъ мнѣніи есть множество оттѣнковъ, нечувствительно переливающихся одинъ въ другой. Край-

ними полюсами этого общественнаго мнѣнія можно назвать съ одной стороны Аскоченскаго, съ другой — ну хоть бы Чернышевскаго, благо мы часто о немъ упоминаемъ. У Аскоченскаго есть положительная сторона — ханжество, и отрицательная — ненависть къ человѣческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть у него грубо, рьяно, нелѣпо; если отъ Аскоченскаго мы будемъ постепенно подвигаться къ Чернышевскому, эта ненависть будетъ находиться въ убывающей прогрессіи; мракобѣсіе перейдетъ въ мраколюбіе, наконецъ въ довольство мракомъ, въ терпѣніе мрака; доводы противъ разума будутъ видоизмѣняться, но полную эманципацію разума мы найдемъ только на противоположномъ полюсѣ. Духъ Аскоченскаго вѣетъ не въ одной Домашней Бесѣдѣ; съ его вѣяніемъ можно встрѣтиться даже за предѣлами любезнаго отечества; ослабленные и смягченные Аскоченскіе есть и въ Европѣ, даже въ Англии, даже въ партіи виговъ. Авторитеты ихъ пожалуй благообразнѣе нашихъ, но въ сущности все равно, пеньковая или шелковая веревка вяжетъ васъ по рукамъ и по ногамъ. Шелковая даже хуже; отъ нея не такъ больно и потому связанный легче мирится съ своимъ положеніемъ. Отношенія Отечественныхъ Записокъ къ разуму отличаются робостью; самодѣятельность мысли отошла отъ нихъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ; новая идея не найдетъ себѣ пріюта на страницахъ этого журнала; рискъ великъ! Кто ее знаетъ, эту идею? Вдругъ окажется вздоромъ, не примется въ обществѣ; начнутъ надъ нею смѣяться; нѣтъ, лучше не рисковать; лучше идти себѣ битою дорогою, печатать новости заднимъ числомъ, хвалить то, что уже всѣ признали хорошимъ, и бранить то, въ чемъ еще сомнѣвается большинство. Внѣшнимъ образомъ эта черта характера Отечественныхъ Записокъ выразилась въ томъ, что, сколько мнѣ помнится, ни одинъ литераторъ не начиналъ своей карьеры въ Отечественныхъ Запискахъ. Когда имя дѣлалось извѣстнымъ, г. Краевскій допускалъ его на Олимпъ; талантливый юноша, не печатавшій до того времени нигдѣ, не могъ прямо попасть въ Отечественныя Записки, хотя бы онъ былъ семи пядей во лбу. Это было очень благо-разумно со стороны г. Краевскаго. Когда нѣтъ творчества, ненадо творить; когда нѣтъ собственной критической способности, надо поневолѣ полагаться на мнѣніе другихъ; «нечѣмъ пѣть, когда голоса вѣтъ», говоритъ русская пословица. Откровенное сознаніе собственной несостоятельности дѣло очень похвальное, хотя, конечно, было бы еще похвальнѣе совсѣмъ не браться за такое дѣло, въ которомъ не смыслишь ни аза.

И такъ, робость и неясность отношеній составляютъ букетъ Отечественныхъ Записокъ. Причина этихъ свойствъ заключается отчасти въ дипломатической осторожности, отчасти въ слабости мысли. Ширина и смѣлость взгляда, неумолимая послѣдовательность логики, ясность и про-

стота въ рѣшеніи вопросовъ свойственны только живому уму, а его нѣтъ въ редакціи Отечественныхъ Записокъ. Посредственность не любитъ быстрого поступательнаго движенія; оно ее утомляетъ; довольствоваться наличнымъ умственнымъ капиталомъ, старую философскую системою, шлифовать и полировать уголки, любоваться деталями — вотъ ея дѣло, вотъ сфера ея муравьиной дѣятельности. А тутъ вдругъ придетъ какойнибудь нахаль, все переверочааетъ, все переломаетъ, на шумитъ, напылитъ, такъ что послѣ его вторженія хозяинъ не можетъ узнать своего уютнаго кабинета, въ которомъ все было такъ аккуратно, такъ невозмутимо-спокойно, такъ тихо и безмятежно. Собирается онъ съ силами, чтобы послѣ нашествія новаго Аттилы привести въ прежній порядокъ свою крошечную систему, въ которой ему было тепло, въ которой онъ чувствовалъ себя безопаснымъ, какъ улитка въ раковинѣ, и къ которой онъ даже, можетъ быть, успѣлъ приохотить кружокъ почтительныхъ и кроткихъ прозелитовъ. Хлопочетъ онъ о томъ, чтобы истребить слѣды разрушительнаго набѣга, да что-то не ладится; прозелиты ошеломлены; однихъ прельстила смѣлость вражескаго натиска, другихъ она удивила, третьихъ привела въ негодованіе, но во всякомъ случаѣ всѣ они уже не тѣ невинные, непосредственные, нетронутые слушатели, какіе были прежде. Да и система не дозволяетъ добродушному хозяину прежняго умственнаго комфорта. Молча перенести дерзкое нападеніе невозможно; самолюбіе мѣшаетъ, да и опасно; мальчишки народъ заносчивый, зазнаются, примутъ молчаніе за признакъ слабости; надо спорить, да и притомъ какъ спорить! Состязаться съ человѣкомъ одной школы съ вами приятно; говоря съ нимъ, вы можете сослаться на положенія учителя, и, лишь бы статья вашего общаго кодекса была подведена вѣрно, вашъ противникъ согласится съ вами и даже будетъ смотрѣть на васъ съ сугубымъ уваженіемъ, какъ на человѣка, которому полиѣе доступна неизреченная мудрость. Но спорить съ человѣкомъ другой школы совсѣмъ не то; вы соплетесь на авторитетъ, а онъ вамъ скажетъ, что знать его не хочетъ; вы скажете: это говоритъ Гегель! а онъ отвѣтитъ: а мнѣ что за дѣло! — Вамъ придется доказывать основныя положенія, шевелить такія стропила ученія, которыя вы считали незыблемыми и неприкосновенными, придется передѣлывать съизнова дѣло учителя, и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя значительно усложняютъ задачу. Когда жилъ и дѣйствовалъ учитель, тогда люди его времени еще не могли приготовить противъ его ученія разрушительныхъ доводовъ, по той простой причинѣ, что ученіе было ново, свѣжо, способно развиваться, и не похоже на жреческую символистику; когда жилъ этотъ предполагаемый учитель, онъ уловилъ послѣднее слово своего времени и развилъ его въ систему; теперь настали другія времена; выработалось другое послѣднее слово, и можно сказать навѣрное, что если бы учитель жилъ въ наше

время, то и учение его вышло бы не такое, какимъ онъ его сдѣлалъ. Въ наше время Гегель навѣрное не былъ бы гегельянцемъ, потому что только узкіе и вялые умы живутъ въ области преданій, тогда, когда можно выдти въ область дѣйствительно живыхъ идей и интересовъ.

И такъ, умственная посредственность всегда отличается пассивнымъ консерватизмомъ, и противопоставляетъ натиску новыхъ идей тупое сопротивление инерціи. Бываетъ и прозелитическая посредственность; иные нищие духомъ стремятся, очертя голову, вслѣдъ за увлекающимъ ихъ талантомъ; слѣпой фанатизмъ и дешевый скептицизмъ одинаково часто встрѣчаются въ людяхъ ограниченныхъ; но въ нашемъ обществѣ дешевый скептицизмъ кажется преобладаетъ, потому что мы вообще страстностью не отличаемся. Вотъ эту-то тупую оппозицію инерціи и безпричиннаго скептицизма вы встрѣтите на каждой страницѣ Отечественныхъ Записокъ.

Слова оппозиція и скептицизмъ требуютъ нѣкотораго поясненія. Оппозиція есть гарантія личности противъ посягательствъ большинства или силы; осмысленная оппозиція возбуждаетъ къ себѣ искреннее сочувствіе и заслуживаетъ полное уваженіе со стороны всякаго благороднаго чловека; но что вы скажете напр. объ оппозиціи помѣщицы Коробочки, нежелающей продать мертвыя души, на томъ основаніи, что она не знаетъ городскихъ цѣвъ? Вѣдь источникъ этой оппозиціи заключается въ неспособности понять предметъ, въ неумѣніи или нежеланіи сдѣлать малѣйшее усиліе мысли. Оппозиція многихъ старовѣровъ очень напоминаетъ оппозицію Коробочки. Ему толкуютъ объ удобствѣ какой нибудь земледѣльческой машины,—онъ слушаетъ изъ пятаго въ десятое, и потомъ наотрѣвъ отказывается сдѣлать нововведеніе. Вы добиваетесь причины его упорства, считаете вашего собесѣдника фанатикомъ наслѣдованнаго отъ отцовъ экономическаго порядка вещей, строите въ головѣ цѣлую теорію объ исторической памяти русской народности, а между тѣмъ вашъ дубиноголовый противникъ способенъ отвѣтить вамъ только словами Лазаря Елизарыча: «Для того, что не для чего!...» Онъ упирается, потому что не ясно понимаетъ, а не понимаетъ и не хочетъ понимать оттого, что не привыкъ работать мыслью,—а на старости лѣтъ привыкать мудрено!

Скептицизмъ великъ и законенъ, какъ слѣдствіе разлагающей дѣятельности мысли, какъ результатъ тщательнаго анализа; но скептическое отношеніе къ предмету мало извѣстному обличаетъ только нежеланіе взглянуть въ него и ближе съ нимъ ознакомиться; такой скептицизмъ вытекаетъ часто изъ очень мелкаго и мутнаго источника. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что моя статья возбудитъ къ себѣ недовѣріе въ двухъ читателяхъ: одинъ прочтетъ ее внимательно, и, положимъ, замѣтитъ въ ней противорѣчія, тонъ страстнаго раздраженія, натяжки

въ выводахъ; это наведетъ его на мысль, что статья написана страстно, онъ отнесется къ ней скептически. Такого рода скептицизмъ вполне уважителенъ; онъ основанъ на знакомствѣ съ предметомъ; ошибка тутъ возможна, но не неизбежна. Другой читатель перелистуетъ статью, увидитъ, что дѣло идетъ объ Отечественныхъ Запискахъ, и скажетъ: «это брань журналистовъ, старающихся переманить подписчиковъ. Вздоръ! Не стоитъ читать!»—Это уже дешевый скептицизмъ, хватающій вершки, судящій по виѣшности, нежелающій или неумѣющій приложить анализа къ самому предмету. У человѣка, способнаго къ такому скептицизму, есть въ головѣ нѣсколько десятковъ готовыхъ сужденій, и онъ подводитъ подъ нихъ разные случаи жизни, нимало не заботясь о ихъ дѣйствительной физиономіи. Развиваться такой человѣкъ не способенъ; вращаясь въ безвыходномъ кругу готовыхъ сужденій и вывѣтрившихся фразъ, онъ не видитъ дѣйствительнаго міра и не даетъ себѣ труда взглянуть на него просто и серьезно. Эта оппозиція и этотъ скептицизмъ выражаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Отечественныя Записки выражаютъ ихъ тѣмъ, что не высказываютъ никогда опредѣленнаго мнѣнія; въ нихъ вы не найдете такого слова, изъ котораго можно было бы вывести осязательное, практическое заключеніе. У нихъ есть два молчалинскіе таланта: умѣренность и аккуратность, которую они называютъ серьезностью. До «степеней извѣстныхъ» они уже дошли. Развѣ двадцать три года существованія журнала, и притомъ отъ 1838 — 1861 года, не «степени извѣстныя?»

XIV.

Букетъ «Отечественныхъ Записокъ» я нашель; ихъ цвѣтъ—безцвѣтность; ихъ тактика состоитъ въ томъ, чтобы говорить, ничего не высказывая, числиться въ рядахъ прогрессистовъ, не раздѣляя съ ними трудовъ и опасностей, отуманивать своихъ читателей книжною ученостью и отводить имъ глаза отъ живыхъ идей, вопросовъ и интересовъ. Почему онѣ молчалинствуютъ, по расчету или по умственной убогости—рѣшить не берусь; можетъ быть, по тому и по другому вмѣстѣ. Посмотримъ лучше, какъ общая тактика журнала выдерживается въ различныхъ отдѣлахъ. Первая полемическая статья, встрѣчающаяся въ августовской книжкѣ, принадлежитъ перу г. Альбертини; съ нея я и начну.

Г. Альбертини вступаетъ за Кавура, стыдитъ г. Чернышевскаго его незнаемъ и совѣтуетъ ему побольше читать и учиться. О Кавурѣ г. Альбертини спорить, нимало не обобщая вопроса; онъ полагаетъ, что нападки «Современника» направлены противъ личности, а не противъ типа, противъ отдѣльныхъ поступковъ Кавура, а не противъ цѣлаго

направленія его политики. Г. Альбертини не понимает или не хочет понимать, что г. Чернышевскій возстаетъ противъ Кавура за то, что, находясь по своему положенію во главѣ современной Италіи, сардинскій министръ сдерживалъ воодушевленіе народа (боясь, чтобы оно не хватило черезъ-край), вмѣсто того, чтобы поддерживать его и давать ему направленіе. Кавура осуждаютъ за то, что онъ былъ болѣе пьемонтскимъ подданнымъ, чѣмъ гражданиномъ свободной Италіи. Если вы, г. Альбертини, способны возвыситься до синтетическаго взгляда на личность Кавура, тогда доказывайте противное; мы васъ слушаемъ. Но если вы любите изучать факты, не обладая способностью обобщенія, тогда вамъ нельзя спорить съ Чернышевскимъ; да онъ и не станетъ съ вами спорить. Замашка останавливаться на голомъ фактѣ, на заглавіи, обнаруживается также въ томъ мѣстѣ, гдѣ г. Альбертини говоритъ о Пальмерстонѣ и Брайтѣ. Г. Чернышевскій въ «Полемическихъ красотахъ» говоритъ, что для удобства и для краткости называетъ одинъ типъ прогрессистовъ — Пальмерстономъ, другой — Брайтомъ. Предупредивъ такимъ образомъ читателя, онъ говоритъ: «Пальмерстонъ только тогда непоколебимъ, когда опирается на Брайта, и теряетъ власть, когда отталкиваетъ отъ себя Брайта». Ясно, что это надо понимать такъ: «Англійское правительство, выставляющее на своемъ знамени девизъ прогресса, только тогда непоколебимо, когда опирается на ту часть народа, которая дѣйствительно воодушевлена прогрессивными стремленіями». Противъ этой мысли долженъ былъ возражать г. Альбертини, если онъ съ нею несогласенъ. Но онъ сдѣлалъ совсѣмъ не то. Онъ совершенно утѣлъ отъ своихъ читателей тотъ смыслъ, который г. Чернышевскій придалъ именамъ Пальмерстона и Брайта; онъ беретъ слова г. Чернышевскаго *au pied de la lettre* и начинаетъ объяснять различіе между Пальмерстономъ и Брайтомъ, невозможность ихъ соединенія и грубость ошибки, сдѣланной критикомъ «Современника». Вся тирада эта, пущенная не противъ г. Чернышевскаго, а противъ какого-то воображаемаго противника, завершается такъ: «о такихъ вещахъ, объ азбукѣ современной политики, совѣстно толковать порядочнымъ людямъ, а вы меня хотите увѣрить, будто Пальмерстонъ тогда и силенъ, когда слушается Брайта. Какъ вамъ не совѣстно?» Кто не понимаетъ мысли своего противника, когда она выражена ясно, тотъ обнаруживаетъ слабоуміе. Кто не хочетъ понимать и умышленно искажаетъ мысль противника, тотъ поступаетъ безчестно и унижается до степени литературнаго фокусника («Отечественныя Записки» сказали бы даже: «мазурика»). Которое изъ этихъ двухъ объясненій благоволятъ принять г. Альбертини, не знаю, но думаю, что третьяго не сдумаютъ прискаты ни самъ онъ, ни литературные его сподвижники. Совѣстно-то будетъ, должно быть, не г. Чернышевскому.

Далѣ слѣдуетъ статья того же г. Альбертини объ Токвилѣ, какъ значитса въ заглавіи, но героемъ статьи является все тотъ же г. Чернышевскій. Изъ этой статьи я выпишу нѣсколько умилительныхъ мѣстъ, и ничего не скажу объ общей идеи, потому что общей идеи нѣтъ. Авторъ силится доказать, что Токвиль—прекрасный человекъ, а Чернышевскій нахаль и невѣжда, но прочтя его статью, читатель не выноситъ никакого понятія о французскомъ публицистѣ, и даже обвиненіе въ сумбурности, неосновательно взведенное на него г. Чернышевскимъ, не оказывается снятымъ. Избави Богъ отъ защитниковъ, подобныхъ г. Альбертини! они способны затемнить самое чистое дѣло и запутать самый простой вопросъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, казня своего лютаго врага, г. Альбертини возвышается до паюса ироніи. «Неужели, восклицаетъ онъ, послѣ этого (т. е. обругавши Кавура и Токвиля) вы (Чернышевскій) осмѣлитесь еще требовать отъ нашей молодежи, чтобъ она серьезно училась? Полноте! Вы гордитесь, кажется, что васъ читаютъ съ удовольствіемъ. Знаете ли, кто читаетъ васъ съ истиннымъ удовольствіемъ? Все господа Якубовичи, да Кондыревы (безграмотные переводчики Токвиля). Оттого-то они и перевели такъ безобразно Токвиля, что васъ они читаютъ съ удовольствіемъ и позаимствовались отъ васъ тѣмъ пренебреженіемъ къ наукѣ, къ серьезной мысли и къ серьезному труду, котораго проповѣдникъ всегда найдетъ себѣ приверженныхъ адептовъ. Отчего же вы такъ несправедливы къ своему адепту, г. Якубовичу? Отчего же вы его обвиняете въ безсмыслицѣ? Еслибъ вы были послѣдовательны, вы его должны были бы погладить по головкѣ за то, что онъ такъ дико перевелъ писателя, по вашему, сумбурнаго».

Когда г. Альбертини говоритъ хладнокровно, тогда ему почти не нужна логика; рассказывать событія можно въ хронологическомъ порядкѣ; разсужденія можно заимствовать изъ плохихъ нѣмецкихъ газетъ; отсутствіе собственныхъ приговоровъ можно выдавать читателямъ за осторожность и серьезность. Недостатокъ логической связи и послѣдовательности можетъ пройти незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что русская публика читаетъ невнимательно, и съ обзоромъ политическихъ событийъ знакомится не столько по ежемѣсячнымъ журналамъ, сколько по ежедневнымъ газетамъ. Но въ полемикѣ съ г. Чернышевскимъ вопросъ становится иначе. О Чернышевскомъ за-границей не пишутъ, стало-быть о немъ надо говорить свое. Кромѣ того, сонливое спокойствіе, или что то же, историческое безпристрастіе, хранившееся въ груди г. Альбертини, когда онъ разсуждалъ о Кавурѣ, Росселѣ и Пальмерстонѣ, исчезло; г. Чернышевскій задѣлъ самолюбіе нашего публициста и г. Альбертини началъ свое знаменитое: «*quo usque tandem*». Тутъ понадобилась хоть бы вѣшняя связь—и логика г. Альбертини (именно его собственная, исключительная логика) обозначилась. Проскользнула вмѣстѣ

съ индивидуальною логикою и нравственная исповѣдь. Спихватитесь вовремя, г. Альбертини, вы расточаете передъ нами сокровища вашей рыцарской литературной честности!

Вы находите: 1) что г. Чернышевскій долженъ былъ похвалить работу г. Якубовича, потому что г. Якубовичъ его адептъ, и 2) что г. Чернышевскій долженъ былъ обрадоваться безобразному переводу Токвиля, потому что онъ не соглашается съ его идеями. Вы упрекаете Чернышевскаго въ непоследовательности за то, что онъ не поступаетъ такимъ образомъ; значить, вы на сто мѣстъ поступили бы такъ, какъ совѣтуете ему поступить; такимъ образомъ вы даете намъ право воспроизвести двѣ слѣдующія статьи вашего нравственнаго кодекса: 1) должно хвалить своихъ адептовъ, хотя бы они говорили вздоръ и дѣлали гадости; 2) должно ругать наповаль своихъ противниковъ, чернить ихъ всѣми правдами и неправдами и радоваться, если чернить ихъ кто-либо другой. Эти статьи вашего кодекса даютъ намъ ключъ къ пониманію вашей выходки противъ Чернышевскаго по поводу Брайта и Пальмерстона; ясно, что она сдѣлана не по наивности.

Понятнымъ дѣлается также слѣдующее мѣсто: «Мы могли бы трактовать его (Чернышевскаго), какъ трактовали нѣкогда г. Благосвѣтлова, какъ обыкновенно трактуютъ балаганныхъ паяцовъ, которыхъ все дѣло выкинуть штуку половче, показистѣ». И Чернышевскій и Благосвѣтловъ извѣстны, какъ ваши литературные противники, *ergo* надо ругать. Дайте срокъ г. Альбертини. Напишите еще двѣ три статьи, подобныя разбираемой нами, проворитесь еще раза три, такъ, какъ проворались теперь, и ваша брань сдѣлается также почетною, а похвала также позорною, какъ брань и похвала юродствующаго редактора «Домашней Бесѣды». Вотъ еще одна выписка, въ которой приведено тоже нравственное воззрѣніе. «Люди «Современника» находятъ, слѣдовательно, что авторитетъ Токвиля можетъ помѣшать воспринятію и усвоенію въ нашемъ обществѣ ихъ собственныхъ идей о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ разсуждаетъ Токвиль; вотъ отчего и понадобилось имъ сокрушить его авторитетъ. Иначе зачѣмъ бы имъ было собирать грозу противъ Токвиля, доказывать ему сумбурность, убѣждать своихъ читателей не читать Токвиля?»—Г. Альбертини хотѣлъ бросить въ Чернышевскаго большимъ комомъ грязи и самъ по-локооть выпачкалъ себѣ руки; всего смѣшнѣе то, что онъ самъ этого не замѣчаетъ и что другіе со стороны должны говорить ему: посмотрите на себя! что вы съ собою сдѣлали! на что вы похожи! Вѣдь по вашему выходитъ, что назвать бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ можно только въ томъ случаѣ, если это доставляетъ вамъ прямую выгоду, если у васъ въ этомъ дѣлѣ свои расчеты. Представитель серьезной науки, служитель идеи, поборникъ истины, что вы говорите! Вѣдь послѣ этого честному человѣку нельзя спо-

рить съ вами, потому что вы въ отвлеченномъ спорѣ преслѣдуете только ваши выгоды, и въ собесѣдникѣ вашемъ предполагаете такія же тенденціи. Вы говорите возмутительныя вещи, и на васъ нельзя сердиться только потому, что вы сами не понимаете вѣса своихъ словъ. Вы несвѣдущи какъ ребенокъ, но какъ развращенный ребенокъ; вы говорите громко то, что многіе думаютъ про себя; но то, что вы говорите—все-таки дурно. Вашею непосредственностью уничтожается вмѣняемость преступленія, но публикѣ остается только недоумѣвать, какъ это бессознательно-лепещущій младенецъ можетъ писать и печатать серьезныя статьи? Впрочемъ, въ нашъ вѣкъ удивительныхъ изобрѣтеній все возможно. Есть молотильная машина, швейная машина, скоропечатная машина. Кто знаетъ, можетъ быть г. Краевскій прославится изобрѣтеніемъ машины, доставляющей за умѣренную плату журнальныя статьи произвольнаго объема и направленія! О г. Альбертини довольно. Его, вѣроятно, достаточно поняли мои читатели. Перехожу къ г. Бестужеву-Рюмину.

XV.

Статья г. Бестужева-Рюмина направлена противъ статьи г. Чернышевскаго «О причинахъ паденія Рима». Безтактность редакціи «Отечественныхъ Записокъ» обнаруживается вполне въ помѣщеніи этой статьи въ августовской книжкѣ. Статья г. Чернышевскаго напечатана въ маѣ. Спрашивается, отчего г. Бестужевъ-Рюминъ ждалъ два мѣсяца и пустилъ свою статью именно послѣ іюльскихъ Полемическихъ Красотъ? Вотъ единственный возможный отвѣтъ: «Отечественныя Записки» вѣрны тому принципу, который съ дѣтскою откровенностью высказалъ г. Альбертини. Г. Чернышевскій вдвойнѣ врагъ ихъ: какъ членъ редакціи «Современника» и какъ авторъ Полемическихъ красотъ; его надо ругать, придираясь ко всякому удобному и неудобному случаю. Г. Бестужеву-Рюмину попадается въ руки подлая книга Дюбуа-Гюшана о римской имперіи. Чернышевскій тоже писалъ о римской имперіи. Прекрасный случай! Какъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить рядомъ имена Дюбуа и Чернышевскаго; какъ не провести между ними параллели. Общаго нѣтъ ничего—ни во внѣшности, ни въ содержаніи, ни въ направленіи ихъ трудовъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но зато впечатлѣніе на читателя будетъ произведено; иной доверчивый добрякъ (а на такую публику кажется сильно рассчитываютъ «Отечественныя Записки») въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что Чернышевскій и Дюбуа-Гюшанъ одного поля ягоды; вотъ и цѣль сопоставленія будетъ достигнута.

Позднее появленіе статьи г. Бестужева-Рюмина и ея заголовокъ пред-

располагаютъ противъ нея; трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ написать что нибудь хорошее, когда онъ берется за перо съ твердымъ намѣреніемъ очернить своего противника. Искреннее воодушевленіе, кипучая диалектика, разительность доводовъ возможны при полемикѣ только въ томъ случаѣ, если вы спорите какъ представитель извѣстной идеи. Если же существуютъ личныя отношенія между полемизирующими сторонами и если эти личныя отношенія всплываютъ въ спорѣ, тогда полемика превращается въ перебранки, надѣдаетъ публикѣ и возбуждаетъ въ ней законное презрѣніе. Чтеніе статьи г. Бестужева-Рюмина оправдало мое непріязненное предрасположеніе. Говоря о Дюбуа-Гюшанѣ, онъ ни съ того, ни съ сего вставляетъ язвительныя (по его мнѣнію) намеки на счетъ поверхностности убогихъ фельетонистовъ, которые, черпая «свои идеи изъ юмористическихъ стишковъ, а познанія изъ кой-какихъ полубеллетрическихъ книгъ», ненавидятъ «самое имя науки», потому что «никогда профессоръ срѣзалъ его на экзаменѣ на какихъ нибудь грамматическихъ формахъ», и такъ далѣе, въ томъ же ядовитомъ родѣ. Не правда ли, намеки такъ тонки, что читатель не приготовленный специально, т. е. незнающій скрытыхъ страданій серьезнаго журнала, не пойметъ, въ чей огородъ г. Бестужевъ-Рюминъ мететь камни. Онъ говоритъ, что встрѣчаясь съ произведеніемъ такого убогаго фельетониста, «можно только улыбнуться и пойдти прочь; избіеніе невинныхъ дѣло очень легкое и потому мало привлекательное». Какой шутникъ г. Бестужевъ-Рюминъ! онъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ собирался *улыбнуться*, а *пойдти прочь* рѣшается только написавши 15 страницъ; и все это ради убогаго фельетониста, ради невиннаго малютки, г. Чернышевскаго, котораго нашъ ученый критикъ можетъ такъ легко убить статьею, взмахомъ могучаго пера. Только серьезные люди способны шутить такъ естественно, мило, и главное, правдоподобно, какъ шутитъ г. Бестужевъ-Рюминъ. Серьезная часть статьи представляетъ въ патологическомъ отношеніи такое же замѣчательное явленіе, какъ и запоздавшая улыбка. Книга Дюбуа-Гюшана нравственное состояніе современной французской литературы, римскій міръ, цезаризмъ и наполеонизмъ—все это только декорации; живетъ и дѣйствуетъ среди этой грандіозной обстановки все тоже лицо, убогий фельетонистъ, котораго не стоитъ даже оспаривать. Образъ г. Чернышевскаго какъ неотвязчивый призракъ, какъ мысль о любимой женщинѣ, преслѣдуетъ г. Бестужева-Рюмина и наконецъ, наскоро, развязавшись съ Дюбуа, пустивъ стороною нѣсколько тяжеловѣсныхъ сарказмовъ въ школьниконъ, вооружающихся «дѣтскою пращею противъ галіаеовъ умственнаго міра», нашъ ученый критикъ всецѣло посвящаетъ себя статьѣ г. Чернышевскаго. Статьи этой онъ однако не понимаетъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, онъ, какъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», останавли-

вается на буквѣ и не возвышается до идеи. «Г. Чернышевскому, говорить онъ, захотѣлось доказать, что новымъ обществамъ не грозитъ той катастрофы, которая разрушила древній міръ». Помилуйте, г. Бестужевъ-Рюминъ. Чтобы доказать такую штуку, надо быть Кифою Мокіевичемъ, а не г. Чернышевскимъ. Кто же боится подобной катастрофы? Даже заклятые Руссофилы перестали называть западъ гнилымъ и предрекать ему неминуемое разложеніе. Какъ же это вошла въ голову Чернышевскаго мысль доказывать то, противъ чего никто не спорить, о чемъ даже никто (кромѣ Дюбуа-Гюшана, развѣ) не говоритъ? Статья Чернышевскаго вызвана книгою Гизо, появившеюся въ русскомъ переводѣ; въ этой статьѣ г. Чернышевскій возстаетъ противъ историческаго мистицизма и историческаго фразерства, которыя можно замѣтить даже у такого строгаго мыслителя, какъ Гизо. Большинство историковъ, въ томъ числѣ и доктринеръ Гизо, говорятъ, что древній міръ *долженъ* былъ пасть; что его опрокинула не стихійная сила, не Германцы, а внутренняя необходимость. Германцы являются какими то *chargés d'affaires* историческаго промысла, являются потому, что понадобились живые соки въ историческомъ организмѣ. Словомъ, эти историки видятъ въ цѣпи событій общую разумную идею. Г. Чернышевскій смотритъ на вещи проще и хладнокровнѣе. Онъ говоритъ, что за классическою цивилизаціею наступило варварство не потому, что такъ было необходимо, а потому, что такъ случилось. Классическій міръ погибъ оттого, что его буквально задавили варвары. Не будь варваровъ, онъ бы жилъ до сихъ поръ, и навѣрно выработалъ бы себѣ и новыя идеи, и новыя стремленія, и новыя бытовыя формы. Противъ этого возражать мудрено. Какъ же бы въ самомъ дѣлѣ погибла классическая цивилизація, еслибы никто не разорялъ городовъ, не жегъ книгъ и не билъ людей? Положимъ, пролетаріатъ бы съ каждымъ годомъ увеличивался,—что-жъ изъ этого? Если вы слишкомъ натянете струну — она лопнетъ. Если голодный народъ дойдетъ до крайней степени страданія—онъ взбунтуется. Такъ или иначе произойдетъ переворотъ; оппозиція сдѣлается правительствомъ и пойдутъ новые порядки. Какъ бы ни было тяжело жить, а не могли же всѣ жители Рима разбѣжаться въ лѣса, уничтожить свои жилища и превратиться въ полудикихъ. Всѣ эти событія, обозначающія собою паденіе цивилизаціи, возможны только при напорѣ грубой матеріальной силы, т. е. опять-таки при нашествіи варваровъ, или, что почти то же самое, при геологическомъ переворотѣ. Стало-быть, основная мысль г. Чернышевскаго остается вѣрною: не будь варваровъ, не было бы и паденія древней цивилизаціи. Внутренней необходимости паденія не было. Но, доказывая вѣрную мысль, г. Чернышевскій, какъ съ нимъ часто бываетъ, заходитъ слишкомъ далеко, и впадаетъ въ парадоксъ. Онъ начинаетъ утверждать, что общество не бываетъ ни моло-

дымъ, ни зрѣлымъ, ни старымъ, что измѣняются и старятся только отдѣльные люди, и что на мѣсто 20-ти-лѣтняго Петра выдвигается 20-ти-лѣтній Иванъ, потомъ 20-ти-лѣтній Андрей, обладающій тою же свѣжестью силъ и тѣми же юношескими стремленіями, какими въ свое время обладали состарившіеся Иванъ и Петръ. Парадоксальное положеніе это опровергается двумя-тремя простыми вопросами: Г. Чернышевскій, неужели вы думаете воспитать вашего сына въ тѣхъ идеяхъ, въ какихъ васъ самихъ воспитали ваши родители? Г. Чернышевскій, неужели вы теперь пишете то же самое, что въ 1841 году писалъ баронъ Брамбеусъ? Г. Чернышевскій, неужели вы раздѣляете вѣрованія и предразсудки вашего дѣдушки? или неужели вашъ дѣдушка съ удовольствіемъ прочелъ бы вашу статью объ антропологическомъ принципѣ? Отвѣтивъ себѣ на эти вопросы, г. Чернышевскій немедленно убѣдится въ томъ, что онъ теперь не то, чѣмъ былъ, лѣтъ 20 тому назадъ, его отецъ и что сынъ его (г. Чернышевскаго) будетъ, лѣтъ черезъ 20, не то, что теперь г. Чернышевскій. Убѣдившись въ этомъ, онъ допуститъ для общества возможность крѣпнуть и дряхлѣть, но все-таки никогда не согласится съ тѣмъ, чтобы общество могло одичать, а цивилизація погибнуть безъ внѣшняго напора матеріальной силы.

Философскую часть статьи г. Чернышевскаго г. Бестужевъ-Рюминъ совершенно оставляетъ безъ вниманія. Онъ приступаетъ къ разбору журнальной критической статьи, какъ къ оцѣнкѣ спеціальнаго, историческаго изслѣдованія. Онъ сражается не съ идеею, а съ отдѣльными фактами, и, сказать правду, сражается крайне неудачно. «Точно ли, спрашиваетъ онъ, Риму нужно было ждать варваровъ, чтобы погибнуть? Что же, Марій съ своими когортами, Сулла съ проскрипціями, триумвиры съ своими знаменитыми пожертвованіями были лучше варваровъ?... Не измѣнилось ли подъ влияніемъ всѣхъ этихъ событій римское общество, не перемѣнился ли самый составъ его, не перемѣнились ли его элементы?» Ну что же изъ этого слѣдуетъ?—Общество измѣняется, элементы перемѣщаются, а классическая цивилизація все-таки живетъ, и люди все-таки не превращаются въ дикарей, несмотря ни на когорты Марія, ни на проскрипцію Суллы, ни на пожертвованія триумвировъ. Но приходятъ варвары, рѣжутъ дѣляна населенія, сжигаютъ города, — и цивилизація тонетъ въ крови, задыхается подъ пепломъ и мусоромъ. Вы сами, г. Бестужевъ-Рюминъ, возражая г. Чернышевскому, говорите то, что сказалъ онъ въ своей статьѣ. Послѣ Марія, Суллы и триумвировъ классическій міръ дышалъ дѣляна пять столѣтій, сопротивляясь даже внѣшнему напору Германцевъ. А еслибы не было этого внѣшняго напора, мы не знаемъ, какъ бы повернулись дѣла. Протестъ противъ военнаго деспотизма, противъ угнетенія рабовъ, противъ господствовавшего разврата слышался съ разныхъ сторонъ; протестовали философы,

поэты, историки; протестовали жизнью и смертью христіанскіе мученики, египетскіе терапевты, и чисто эллинскіе новоплатоники. Въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ замѣчаются около времени Антониновъ нѣкоторыя смягченія, участь рабовъ облегчается, увольненіе раба становится легче и прочіяе. Очень правдоподобно, что древній міръ извернулся бы своими средствами, еслибы его не скрутили внѣшнія обстоятельства. Мало того, иначе даже и не могло бы случиться. Мыслимо ли, чтобы какойнибудь народъ умеръ естественною смертью, если его не тѣснятъ снаружи? А вѣдь древній міръ представлялъ собою, какъ выражается г. Бестужевъ-Рюминъ, «агломератъ народовъ». Каково бы ни было истощеніе его духовныхъ силъ, а умереть онъ не могъ. Переворотъ былъ неизбеженъ, но самый этотъ переворотъ и предупредить бы гибель; какъ только зло, или, проще, неудобство общественнаго устройства становится невыносимымъ для большинства гражданъ, такъ это устройство и сваливается, какъ засохшій струищъ, какъ бесполезная чешуя. Такъ, безъ сомнѣнія, случилось бы и съ Римомъ. Но г. Бестужевъ-Рюминъ, какъ идеалистъ, не можетъ помириться съ трезвымъ воззрѣніемъ г. Чернышевскаго. «Жаль, говоритъ онъ, что вы не взглянули на римскую имперію еще съ другой, весьма поучительной точки зрѣнія. Въ Римѣ матеріальная цивилизація была доведена до послѣднихъ предѣловъ; житейскій комфортъ, роскошь, все это развивалось до размѣровъ громадныхъ. Кажется, чего бы лучше; человѣчество должно бы благоденствовать. Мало того: равенство было совершенное; правда, существовали рабы, но и съ ними, какъ непобѣдимо доказываетъ г. Дюбуа, обходились человѣколюбиво... Чего же недоставало Риму? Тѣхъ учреждений, которыми онъ нѣкогда былъ силенъ, и тѣхъ дѣятелей, тѣхъ воззрѣній, которые немислимы въ душной атмосферѣ цезарскаго Рима. Вотъ чего ему недоставало; недоставало сознанія, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», недоставало даже возможности и силы всецѣло принять въ себя это сознаніе».

Это мѣсто характеристично, какъ по своей фразистости, такъ и по полному незнанію предмета, которое обнаруживаетъ въ немъ г. Бестужевъ-Рюминъ. Развратъ, чувственность, преобладаніе матеріи надъ духомъ — вотъ тѣ свойства, которыя съ плеча приписываютъ древнему міру люди знающіе его кое-какъ, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. «Древній Римъ утопалъ въ роскоши и въ развратѣ; древнія доблести его померкли» скажетъ вамъ любой гимназистъ по Кайданову или Смарагдову; то же самое говоритъ намъ и серьезный критикъ. «Риму недоставало сознанія, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», т. е. недоставало аскетизма. Странно! Справьтесь съ любой исторіею древней философіи (возьмите наприм. 4-й томъ Генриха Риттера) и вы увидите, что во времена императоровъ философы всѣхъ школъ (крѣмъ эпикурей-

цевъ) сошлись между собою въ аскетическихъ и мистическихъ стремленіяхъ. Но что же могъ сдѣлать аскетизмъ? Высосать тѣ живыя силы, которыя могли составить энергическую оппозицію. Такъ онъ и сдѣлалъ. Чистые аскеты, ново-платоники и ново-пнеагорейцы удалились въ міръ призраковъ и галлюцинацій, изморили себя постною пищею и пустыми обрядами, и, стремясь стать выше земнаго, сдѣлались неспособны ни къ чему земному. У нихъ были живыя идеи, но эти идеи были завалены хламомъ самоистязанія и фантазерства, тѣмъ сознаниемъ, надъ которымъ умиляется г. Бестужевъ-Рюминъ. Чего другаго, а аскетизма и суевѣрія было въ Римѣ довольно. Изумительно также то проворство, съ которымъ г. Бестужевъ-Рюминъ отдѣлывается отъ рабства, составляющаго самую большую сторону древней цивилизаціи. Шутка ли это надъ г. Чернышевскимъ, или дѣйствительное мнѣніе г. Бестужева-Рюмина — все равно. Въ нашемъ молодомъ обществѣ шутить вещами подобными рабству — неумѣстно; обходить такіе вопросы въ серьезной статьѣ серьезнаго журнала, или относиться къ нимъ слегка — просто непозволительно. Это значить играть словами, маскируя отъ читателя ихъ истинный смыслъ: «Нѣтъ, г. Чернышевскій, мало одной матеріальной цивилизаціи, мало накормить народъ, продолжаетъ нашъ критикъ; надо еще способствовать его развитію; а этого Римъ не могъ сдѣлать». И узнаю въ этихъ словахъ духъ того журнала, въ которомъ былъ помещенъ проэктъ г. Щербины о «читальникѣ». Учить народъ, пускать въ продажу правительственнымъ путемъ книги для чтенія — все это дѣло извѣстное. А не лучше ли было бы «накормить народъ», не заваливая его непосильною работою. Досугъ и матеріальное довольство порождаютъ цивилизацію; упрочьте экономической бытъ, обезпечьте матеріальную сторону, и народъ, скорѣе чѣмъ вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудокъ какъ-то плохо дѣйствуетъ книжное ученіе. «Отечественныя Записки» говорятъ: помогайте народу развиваться, а мы говоримъ: не мѣшайте народу, удалите препятствія, онъ самъ разовьется. Кто изъ насъ правъ?

Далѣе г. Бестужевъ-Рюминъ винить статью г. Чернышевскаго въ томъ, что ея послѣднее слово «преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ всѣми другими условіями существованія общества, то есть именно то, что такъ долго старались втолковать намъ, и, кажется, не безъ успѣха, но отъ чего пора намъ излечиваться: общества чисто матеріальныя создаютъ «движимый кредитъ», книгу г. Дюбуа и цезаризмъ». Что значать слова «что такъ долго старались втолковать намъ?» Кто же это втолковалъ намъ доктрину матеріализма? Да и возможна ли пропаганда матеріализма въ такомъ обществѣ, гдѣ до нашихъ временъ, до нынѣшняго года существовало крѣпостное право? Вѣдь только идеалистическое возрѣніе, говорящее, что высокая степень духовнаго разви-

тія даетъ *право* одному человѣку брать опеку надъ другимъ, только такое возрѣніе, говорю я, можетъ оправдывать порабощеніе личности. Да и кромѣ того, пора взять въ толкъ, что неудовлетвореніе какой бы то ни было матеріальной потребности кладетъ непреодолимое препятствіе дальнѣйшему развитію, физическому, духовному, нравственному, интеллектуальному—какому угодно, назовите какъ хотите. Когда человѣкъ голоденъ—прежде всего накормите его; когда у человѣка спина болитъ отъ побоевъ—позаботьтесь прежде всего о томъ, чтобы вылечить его и обезпечить его отъ подобныхъ пассажей на будущее время; когда человѣкъ изнуренъ непосильною работою—дайте ему отдохнуть. Прежде всего надо устранить физическое страданіе личности, а потомъ учить ее и развивать, или, даже лучше всего, предоставить это дѣло на благоусмотрѣніе каждаго отдѣльнаго лица, давая средства желающимъ, и снимая путы съ связанныхъ. Аргументъ, приводимый г. критикомъ: «общества чисто матеріальныя создаютъ движимый кредитъ» и т. д.—звонкая фраза. Вообразите себѣ, что даровитый молодой человѣкъ въ теченіи 20-ти лѣтъ жизни испытываетъ разныя неудачи, утраты и разочарованія; въ 40 лѣтъ онъ старикъ по взгляду на жизнь; онъ полнѣйшій матеріалистъ, скептикъ въ отношеніи къ людямъ, эгоистъ въ общепринятомъ, узкомъ смыслѣ этого слова, человѣкъ сухой, холодный, брюзгливый и тяжелый. Правильно ли вы поступите, если свалите на счетъ его матеріалистическихъ убѣжденій причину всѣхъ его недостатковъ? Эти недостатки пришли къ нему вмѣстѣ съ матеріалистическими убѣжденіями, но не вслѣдствіе этихъ убѣжденій; этого человѣка окислила жизнь; эта же жизнь дала ему трезвость взгляда, въ которой надо видѣть искупляющую сторону. возмездіе за понесенныя страданія и испытанныя нравственныя поврежденія. Путей, ведущихъ къ матеріалистическимъ убѣжденіямъ, очень много; одни легче, другіе тяжеле, одинъ дойдетъ до нихъ простымъ, теоретическимъ размышленіемъ, не состарѣвшись душою, или, точнѣе, чувствами, другой доберется до нихъ жизнью, и купить ихъ дорогою цѣною молодости и свѣжести; винить въ этомъ онъ все-таки долженъ не воспринятія убѣжденія, а обстоятельства своей собственной жизни.

Что примѣняется къ отдѣльному человѣку, то можно примѣнить и къ обществу. Современное французское общество испорчено политическими событіями послѣдняго пятидесятилѣтія; лучшіе французскіе писатели сознаются въ томъ, что рядъ неудачныхъ революцій породилъ поколѣніе людей, смотрящихъ на государственные перевороты какъ на азартную игру, и ставящихъ на карту послѣднюю копѣйку, въ надеждѣ пробить себѣ дорогу къ почестямъ, удовлетворяющимъ требованіямъ мелкаго самолюбія. Играя такимъ образомъ великими словами и интересами, эти господа дошли до политическаго скептицизма, до меркан-

тильности, и вмѣстѣ съ тѣмъ добрались, путемъ чистаго опыта, до матеріалистическихъ убѣжденій. Материалистъ можетъ быть брюнетомъ и блондиномъ, честнымъ и безчестнымъ человѣкомъ, страстнымъ и холоднымъ, — неужели же всѣ эти свойства выработались изъ его умственныхъ убѣжденій? Повторяю, аргументъ г. Бестужева-Рюмина просто звонкая фраза. Вся критическая статья его несовременна ни по своему направленію, ни по своей фактической сторонѣ. Изложеніе ея неясно, доказательства неубѣдительно и разбросаны. Полемическая тенденція бросается въ глаза читателю и не гармонируетъ съ тономъ серьезнаго безпристрастія, который авторъ напрасно усиливается принять и выдержать до конца.

XVI.

Если вы, гг. читатели, желаете посмотрѣть, какъ г. Дудышкинъ умѣетъ быть игривымъ и остроумнымъ, то приглашаю васъ пробѣжать обзоръ Русской литературы въ августовской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ отъ стр. 140—146. Тутъ г. Чернышевскій сравненъ съ траппистомъ, съ аскетомъ; причемъ г. Дудышкинъ сознается, что самъ не знаетъ, почему это ему такъ кажется; тутъ приведены два куплета изъ лермонтовскаго Пророка; тутъ г. Дудышкинъ удивляется г. Чернышевскому, «какъ рѣдкости, какъ антику»; всего не перечтешь. Чтобы передать весь комизмъ этой чисто полемической части, нужно было бы переписать цѣлыя шесть страницъ, но я полагаю, что игра не стоитъ свѣчъ и спѣшу перейти къ тѣмъ отдѣламъ статьи, въ которыхъ г. Дудышкинъ излагать мысли, а не играетъ словами. Натѣшившись ѣдкими выходками противъ г. Чернышевскаго, г. Дудышкинъ начинаетъ съ того, что отстаиваетъ свой журналъ противъ упрека въ отсутствіи направленія и единства; этотъ упрекъ г. Дудышкинъ обращаетъ въ похвалу. «А вы нашли дурнымъ, говорить онъ, что въ Отечественныхъ Запискахъ нѣсколько частныхъ редакторовъ, завѣдывающихъ отдѣлами! Бѣда не въ томъ, что нѣсколько редакторовъ, а въ томъ, что ихъ не больше. Чѣмъ больше въ журналѣ специалистовъ, тѣмъ онъ меньше живетъ общими мѣстами, непригодными для жизни; тогда только возможны теоретическія, вычитанныя изъ иностранныхъ книжекъ, сужденія о предметахъ русскаго міра, а болѣе практическія, примѣнимыя къ дѣлу».

Г. Дудышкинъ прикидывается, будто вовсе не понимаетъ того, о чемъ говоритъ г. Чернышевскій. Я говорю «прикидывается», потому что рѣшительно не могу себѣ представить, чтобы журналистъ, занимающійся своимъ дѣломъ больше десяти лѣтъ, не зналъ азбучныхъ правилъ этого дѣла. Ему говорятъ о томъ, что редакторы и сотрудники его ходятъ

какъ въ потьмахъ, сталкиваются мнѣніями, противорѣчатъ другъ другу и этимъ затемняютъ всѣ представляющіеся вопросы, а онъ отвѣчаетъ на это: «Нѣтъ, вы не говорите, что насъ слишкомъ много. Кабы больше было, было бы лучше». Да Богъ съ вами, господа! Будь васъ хоть сто человѣкъ, публикѣ это все равно, лишь бы вы говорили толкомъ, такъ, чтобы можно было понять, чего вы хотите, съ чѣмъ спорите, съ чѣмъ соглашаетесь. Специалисты по разнымъ отдѣламъ могутъ, сколько мнѣ кажется, сходиться въ области общечеловѣческихъ убѣжденій, точно также, какъ въ этой же области могутъ сходиться между собою люди различныхъ темпераментовъ. Если же принимать слова г. Дудышкина за чистую монету, то надо предположить, что онъ не подозреваетъ существованія этой области общечеловѣческихъ убѣжденій, и что онъ кромѣ того не имѣетъ никакого понятія о томъ, что идея, которую проводитъ журналъ, составляетъ его единственное право на существованіе, его разумное оправданіе и объясненіе передъ лицомъ читающей публики. Изъ продолженія статьи оказывается впрочемъ, что этотъ отвѣтъ г. Чернышевскому былъ сдѣланъ только для того, чтобы представить его нападеніе смѣшнымъ. Эти тенденціи я замѣтилъ уже у г. Альбертини и Бестужева-Рюмина. Онѣ существуютъ и у г. Дудышкина и выражаются чаще и страстнѣе. Продолженіе его статьи говоритъ намъ, какъ онъ понимаетъ направленіе Отечественныхъ Записокъ. Эта исповѣдь Отечественныхъ Записокъ въ лицѣ ихъ втораго редактора въ высшей степени замѣчательна. Г. Дудышкинъ доказываетъ, что Отечественныя Записки постоянно поддерживали слѣдующія воззрѣнія:

1) Въ области экономическихъ наукъ — онѣ, пользуясь сотрудничествомъ Бунге, Бабста и другихъ людей, раздѣляющихъ ихъ убѣжденія, хваля Кери, Милля, Бастіа, были постоянно на сторонѣ практичности, и постоянно боролись съ утопистами и съ экономическими статьями г. Чернышевскаго.

2) Въ области политической, онѣ во всѣхъ отдѣлахъ хвалили Кавура, Маколея, Токвиля, Гизо, какъ людей теоріи, близкой къ дѣлу, какъ людей, высоко цѣнившихъ и высоко поставившихъ законъ исторической постепенности.

3) Литературу и поэзію онѣ считали тѣсно связанною съ народною жизнью и ея лучшими духовными проявленіями, высшимъ проявленіемъ всего великаго и прекраснаго въ человѣкѣ.

И такъ практичность въ дѣлахъ житейскихъ, и уваженіе къ чистому искусству — вотъ девизъ Отечественныхъ Записокъ. Такое благообразное слово, какъ *практичность*, способно подкупить въ свою пользу многихъ читателей, но, какъ это часто бываетъ, названіе и предметъ оказываются двумя различными вещами. Всегда ли практичность есть хорошее качество? Практичностью называется способность примѣняться къ суще-

ствующему порядку вещей, мириться съ нимъ, извлекать изъ него пользу. Если существующій порядокъ хорошъ, т. е. удобенъ для всѣхъ, тогда практичность великое достоинство. Если же онъ дуренъ, тогда практичность достается на долю людей дюжинныхъ, робкихъ, ограниченныхъ, дряблыхъ или плутоватыхъ; эти люди или молча покоряются «обстоятельствамъ», «судьбѣ»; или ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Люди замѣчательные въ такія эпохи бываютъ или восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями, или презрительными скептиками. Утопія, ювеналовская сатира и демоническій смѣхъ слышатся съ высотъ умственнаго міра; между тѣмъ, золотая посредственность, люди мелко плавающие, съ удивленіемъ и съ неприязненнымъ чувствомъ прислушиваются къ этимъ рѣзкимъ звукамъ. «Что за странный народъ эти мыслители и поэты! говорятъ они. Чего имъ хочется! Намъ хорошо, покойно. Жили бы они себѣ, какъ мы живемъ». Воля ваша, эти люди практичнѣе тѣхъ чудаковъ, которые попусту надсаживаются, толкуя о возможности лучшаго, ругая безобразіе существующихъ понятій и отношеній, или смѣясь надъ тѣми системками и идейками, которыми тѣшатся современники. Быть практичнымъ значить соглашаться съ мнѣніемъ большинства или силы. Чиновникъ, берущій взятки тамъ, гдѣ всѣ берутъ, практиченъ; практиченъ тотъ, кто не умнѣе, и не глупѣе большинства; все, что стоитъ выше уровня массы, непрактично; оттого-то всѣхъ великихъ людей цѣнятъ обыкновенно послѣ ихъ смерти; оттого-то гениальная личность при жизни встрѣчаетъ столько страданій, столько насмѣшекъ, столько грубаго непониманія. «Вы находите, говоритъ г. Дудышкинъ г. Чернышевскому, политическія убѣжденія такихъ людей, какъ Кавуръ, мизерными—мы ихъ находимъ практичными». Этими словами, г. Дудышкинъ, вы охарактеризовали превосходно себя, свой журналъ, своихъ сотрудниковъ, все свое направленіе. Вы хвалите то, что вамъ по плечу, — а по плечу вамъ то, что кажется мизернымъ утопистамъ, т. е. людямъ, смотрящимъ дальше, чувствующимъ глубже и говорящимъ смѣлѣе. Если бы вы жили во времена Галилея, вы бы были въ числѣ его судей; въ наше время вы ограничитесь тѣмъ, что назоветъ Сень-Симона сумашедшимъ, а Оуэна старымъ идиотомъ. Такъ, что ли?—А вѣдь я вамъ укажу на противорѣчіе, г. Дудышкинъ. Если ваше уваженіе къ чистому искусству — не фраза, если вы дѣйствительно способны чувствовать прекрасное, то вы, какъ художникъ, должны восхищаться утопіями, величественными построениями человѣческаго ума, сбросившаго всякія оковы, и идущаго впередъ съ неуправимою силою, съ неотразимою послѣдовательностью. Какъ художникъ, вы при оцѣнкѣ ихъ должны быть способны стать выше мизернаго взгляда сухой практичности; если же вы хоть на минуту посмотрите на нихъ какъ на созданія сильнаго ума, а не какъ на бредъ сумашедшаго, если вы только

дадите себѣ трудъ взглянуть на нихъ серьезно, то вы, какъ критикъ, должны будете сознаться, что во всѣхъ этихъ утопіяхъ есть одна хорошая сторона: отрицаніе существующихъ нелѣпостей и желаніе стать выше ихъ. Вы цитируете, какъ практическихъ мыслителей, Бокля и Милля. Да вѣдь Бокль и Милль Англичане. Поймите это г. Дудышкинъ.

Говоря объ отношеніяхъ Отечественныхъ Записокъ къ эстетическимъ интересамъ, г. Дудышкинъ самодовольно противопоставляетъ свободное искусство искусству, поработанному интересомъ общественнаго и экономического быта. Я раздѣляю съ г. Дудышкинымъ его отвращеніе къ дидактизму, къ поучительнымъ повѣстямъ и къ комедіямъ съ добродѣтельной цѣлью. Но позволю себѣ замѣтить, что бывають такія дѣловыя эпохи, когда всѣ мыслящіе и чувствующіе люди, а слѣдовательно и художники, поневолѣ заняты насущными нуждами общества, нетерпящими отлагательства, и грозно, настоятельно требующими удовлетворенія. Въ такія эпохи вся сумма умственныхъ силъ страны бросается въ омутъ дѣйствительной жизни. Тогда историкъ поневолѣ дѣлается страстнымъ адвокатомъ или беспощаднымъ судьей прошедшаго; поневолѣ поэтъ дѣлается въ своихъ произведеніяхъ поборникомъ той идеи, за которую онъ стоитъ въ своей практической дѣятельности. Безпристрастіе, эпическое спокойствіе въ подобныя эпохи доступны только людямъ холоднымъ или мало развитымъ, людямъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понять въ чемъ дѣло, объ чемъ хлопочуть, отчего страдаютъ, къ чему стремятся ихъ современники. Читая Фета или Полонскаго, я буду отдавать справедливость благоухающей граціи ихъ картинъ и мотивовъ, но рѣшительно откажу и тому и другому въ обширности горизонта, въ глубинѣ кипучаго чувства, въ смѣлости и зоркости взгляда. Замѣчательный поэтъ откликнется на интересы вѣка, не по долгу гражданина, а по невольному влеченію, по естественной отзывчивости. Стоитъ стать на эту точку зрѣнія, чтобы увидать, что всѣ споры о назначеніи искусства—просто переливаніе изъ пустаго въ порожнее. На-повѣрку-то и выйдетъ, что девизъ Отечественныхъ Записокъ «практичность и служеніе чистому искусству» сводится на возгласъ: «*Vivat aurea mediocritas*» (да здравствуетъ золотая посредственность!), потому что только золотая посредственность способна наслаждаться идеями, невыходящими изъ уровня мѣщанской практичности, только она способна въ дѣлѣ искусства руководствоваться предвзятою теоріею, а не живымъ непосредственнымъ чувствомъ; исповѣдь Отечественныхъ Записокъ подтверждаетъ то, что я сказалъ въ ихъ общей характеристикѣ. Ненависть къ свистунамъ, отстаиваніе серьезной науки, т. е. неумѣніе возвыситься отъ факта до идеи, безцвѣтность литературной критики, отсутствіе ясныхъ житейскихъ убѣжденій при вывѣскѣ практичности, все объясняется однимъ словомъ «золотая посредствен-

ность», или, что то же, бесплодное трудолюбіе, и безцѣльная кропотливость.

XVII.

Не довольно ли, читатель? Не пора ли кончить? — Скажу еще нѣсколько словъ. Въ дѣлѣ г. Юркевича, Отечественныя Записки конечно стоятъ на его сторонѣ, во-первыхъ, потому что онъ противъ г. Чернышевскаго; во-вторыхъ потому, что онъ за рутину, въ-третьихъ потому, что его доводы чрезвычайно туманны, какъ вообще доводы идеалистовъ, старающихся поддержать свои построения путемъ діалектики. Спорить съ г. Юркевичемъ уже потому было бы смѣшно, что за этимъ споромъ не стала бы слѣдить публика. Если ужъ кому нибудь придетъ желаніе поспорить съ нимъ, то гораздо лучше сдѣлать это путемъ частнаго письма, вмѣсто того, чтобы заваливать журналъ неудобоваримыми статьями. Отечественныя Записки гостепріимно предлагаютъ г. Чернышевскому свой журналъ для веденія полемики съ Юркевичемъ. Въ этомъ предложеніи онѣ остаются строго вѣрны себѣ. Онѣ любятъ тѣ статьи, которыя ошеломляютъ публику сухостью предмета, туманностью изложенія и баснословнымъ количествомъ мудреныхъ терминовъ. Признавая себя круглымъ невѣждою въ дѣлѣ философіи, г. Дудышкинъ обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ общую черту людей темныхъ, охоту послушать то, чего не понимаешь. Но что касается до г. Чернышевскаго, то, мы надѣемся, что для увеселенія г. Дудышкина онъ не приметъ радушнаго приглашенія Отечественныхъ Записокъ и не возобновитъ съ ними тѣхъ сношеній, которыя, какъ язвительно замѣчаетъ г. Дудышкинъ, были прерваны по поводу его знаменитой диссертациі.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается только довести до свѣдѣнія публики неблагообразный поступокъ г. Дудышкина, касающійся уже лично меня. Въ іюльской книжкѣ Русскаго Слова я помѣстилъ статью объ одной книгѣ Молешота; статья эта, какъ и слѣдовало ожидать, не понравилась г. Дудышкину, какъ почитателю г. Юркевича. Желая побить Чернышевскаго его же оружіемъ, г. Дудышкинъ воспользовался моею статьею, чтобы показать, до какихъ нелѣпыхъ заключеній доводитъ гибельное лжемудріе. «Школа, къ которой принадлежитъ г. Чернышевскій, пишетъ ученый критикъ, говоритъ намъ: ни нравственныхъ, ни общественныхъ причинъ въ развитіи общества не существуетъ, существуютъ однѣ матеріальныя причины». Затѣмъ слѣдуетъ выписка изъ моей статьи, выписка изумительно нелѣпая по своему содержанію: вотъ она: «Бѣдная Ирландія никогда не выйдетъ изъ того несчастнаго положенія, въ которомъ находится, пока будетъ ѣсть картофель и не за-

мѣнить его чечевицею или бобами; реформація, сильно развившаяся на сѣверѣ Германіи, обязана своими успѣхами введенію въ употребленіе чаю; англійская революція обязана своимъ страстнымъ характеромъ кофею; повсемѣстное развитіе идей въ началѣ XVIII столѣтія происходитъ отъ введенія въ общее употребленіе чаю и кофе». Прочитавъ эту выписку, я ужаснулся. Неужели я могъ написать такую чепуху? Неужели я нашелъ въ англійской революціи страстный характеръ и вывелъ его изъ кофе? Неужели я объяснилъ реформацію чаемъ? Во мнѣ шевельнулось сомнѣніе; я внимательно просмотрѣлъ всю мою статью, и совершенно успокоился. Того мѣста, которое выписалъ г. Дудышкинъ, въ ней *положительно нѣтъ*. Говорится въ ней и объ Ирландіи, и объ сѣверной Германіи, объ чаѣ и кофе, но только въ разныхъ мѣстахъ и совсѣмъ не такъ, какъ выписываетъ г. Дудышкинъ. Вотъ напр. объ Ирландіи (Русское Слово 1861. Юль. Иностр. Лит., стр. 31):

«Можетъ ли, восклицаетъ Молешотъ, лѣнивая картофельная кровъ придавать мускуламъ силу для работы, и сообщать мозгу животворный толчокъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣдность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться побѣдительницею въ борьбѣ съ гордымъ сосѣдомъ, которому обильныя стада сообщаютъ могущество и бодрость».

А вотъ что сказано о реформаціи и о чаѣ (стр. 50): «Генрихъ Кенигъ говоритъ, что кофе принадлежитъ католикамъ, а чай протестантамъ. Дѣйствительно, тщательныя наблюденія показали, что кофе развиваетъ силу воображенія, а чай изощряетъ критическую способность ума; въ сѣверной Германіи преобладаетъ чай, въ южной кофе. Движеніе идей, начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ введеніемъ въ Европу чая и кофе во всеобщее употребленіе». Эти слова составляютъ почти буквальный переводъ изъ Молешота. О страстномъ характерѣ англійской революціи, о распространеніи реформаціи посредствомъ чая—ни слова. Нелѣпости, сочиненныя г. Дудышкинымъ, по всѣмъ правамъ принадлежатъ ему самому. Не знаю, какъ оправдаетъ или объяснитъ свой поступокъ г. Дудышкинъ; я считаю этотъ поступокъ безчестнымъ и печатно называю его *литературнымъ подлогомъ*.

1861 г.

3 сентября.

ПРОГУЛКА ПО САДАМЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Въ прошломъ году умеръ послѣдній крупный представитель россійскаго идеализма. Друзья и сотрудники покойника превознесли его похвалами; которымъ я нисколько не намѣренъ противорѣчить. Возвеличивая отдѣльную личность, эти похвалы убиваютъ на повалъ тотъ принципъ, за который эта личность сражалась. Читатель, быть можетъ, уже догадался, что я говорю объ Аполлонѣ Григорьевѣ, умершемъ въ половинѣ прошедшаго года и воспѣтомъ въ «Эпохѣ» гг. Страховымъ и Достоевскимъ. Въ своихъ «воспоминаніяхъ объ А. А. Григорьевѣ», г. Страховъ говоритъ объ умершемъ дѣятелѣ почти съ благоговѣніемъ; онъ называетъ его своимъ учителемъ, говоритъ, что Григорьевъ былъ «зрячѣе и чутче другихъ», что Григорьевъ имѣлъ полное право принимать «въ журналѣ» тонъ человѣка, власть имущаго, «что письма Григорьева читались въ редакціи «Времени» вслухъ для общаго назиданія, что сочиненія Григорьева, собранныя въ полномъ изданіи, «представляютъ цѣлыя громады мыслей», дадутъ «неистощимую пищу», и такъ далѣе, и такъ далѣе. Кромѣ того, въ той же статьѣ г. Страхова разсыпано множество похвалъ искренности Григорьева, и въ этомъ послѣднемъ свойствѣ покойнаго идеалиста дѣйствительно не могутъ усомниться ни друзья его, ни враги. Читая всѣ эти похвалы, я улыбаюсь, потираю себѣ руки и говорю про себя: прекрасно! превосходно! Хвалите больше, господа! Чѣмъ выше вы поднимите личность Григорьева, тѣмъ глубже и безвозвратнѣе вы зароете въ могилу все ваше литературное направленіе. — Статья г. Страхова есть, нѣкоторымъ образомъ, литературное самоубійство. Разсмотрѣть ее съ этой стороны будетъ очень любопытно и увеселительно, потому что этой статьѣй посягаетъ

на свою убогую жизнь не только цѣлый журналъ, но даже цѣлый строй понятій, весь тотъ строй, который, прикрываясь различными фирмами и вывѣсками, старается задуть и истребить всѣ проявленія нашего новорожденнаго реализма. Въ самомъ дѣлѣ, если Григорьевъ былъ «человѣкъ, власть имущій», если онъ былъ «зрячѣе и чутче другихъ», если эти другіе, тотчасъ послѣ его смерти, находятъ необходимымъ печатать — вѣроятно, «для всеобщаго назиданія», — частную переписку покойника, и притомъ печатать съ такою скрупулезною точностью, что обозначаютъ даже точками тѣ мѣста, гдѣ Григорьевъ ругается непечатными словами, если, говорю я, Григорьева признаютъ, такимъ образомъ, великимъ вождемъ цѣлаго направленія, — то, разумѣется, мы имѣемъ полное право принимать за наличную монету тѣ сужденія, которыя этотъ вождь самъ произноситъ о своемъ направленіи. Кажется, господа почвенники, идеалисты и эстетика не могутъ упрекнуть насъ въ недостаткѣ великодушія, если мы, вступая съ ними въ литературное состязаніе, будемъ опираться на авторитетъ того писателя, которому они поклоняются. Хорошо. Посмотримъ же, что изъ этого маневра произойдетъ. — Спрашивается, вѣрилъ ли самъ Григорьевъ въ побѣдоносную силу тѣхъ идей, за которыя онъ неутомимо боролся? Письма Григорьева, изданныя г. Страховымъ, даютъ на этотъ основной вопросъ совершенно отрицательный отвѣтъ. Григорьевъ любилъ свои идеи неистребимою любовью, онъ былъ имъ фанатически преданъ, онъ не могъ имъ измѣнить, онъ боролся за нихъ съ мужествомъ отчаянья и, въ то же время, онъ понималъ съ мучительною ясностью, что эти идеи отжили свой вѣкъ, что у нихъ нѣтъ будущаго и что онѣ врядъ ли когда нибудь воскреснутъ. Всѣ письма его проникнуты глубокимъ уныніемъ, вытекающимъ не изъ личныхъ огорченій, а изъ страданія за умирающую идею. Какъ человѣкъ, который былъ «зрячѣе и чутче другихъ», Григорьевъ понималъ то, чего эти другіе не понимали. Онъ видѣлъ ясно, что все бесполезно и что никакими медоточивыми рѣчами невозможно увлечь отрешляющееся общество въ старую область эстетики и мистицизма. Когда *другіе*, менѣе зрячіе и чуткіе люди, стали издавать эстетико-мистическій журналъ, съ примѣсю планетныхъ жителей и французскихъ уголовныхъ процессовъ, тогда Григорьевъ не отказалъ имъ въ своемъ содѣйствіи, но въ душѣ его постоянно сохранялось то безотрадное убѣжденіе, что

Какъ не садитесь

А все въ музыканты не годитесь,

потому что музыкантѣ новые люди, такъ называемые теоретики, которыхъ всѣ слушаютъ и съ которыми эстетическіе разводы и мистическіе туманы никакъ не могутъ тягаться. Григорьевъ называлъ себя «однимъ изъ ненужныхъ людей» и говорилъ своимъ друзьямъ, какъ свидѣтель-

ствуешь г. Страховъ, «что онъ дѣйствительно человѣкъ ненужный въ настоящее время, что ему нѣтъ мѣста для дѣйствительности, что духъ времени слишкомъ враждебенъ къ людямъ такого рода, какъ онъ». Григорьевъ сознается передъ своими друзьями, что только чудо можетъ воскресить его идеи и повернуть общество назадъ, къ старымъ идеаламъ. «А этого, пишетъ онъ, Богъ знаетъ, дождемся ли мы! Шутка—чего я жду! — я жду того стиха, который бы

Ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой,

того упоенія, чтобы «журчаніе этихъ стиховъ наполняло окружающій насъ воздухъ.... Шутка! Вѣдь это—вѣра, любовь, порывъ, лиризмъ!...» Изъ этихъ словъ ясно видно, что Григорьевъ ожидалъ спасенія только отъ чуда, и что, не смотря на весь свой мистицизмъ, онъ самъ плохо вѣрилъ въ возможность такого чуда. Дѣйствительно, хоть наше общество и очень простодушно, но все-таки оно, въ послѣднее десятилѣтіе, успѣло поумнѣть на столько, что «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силою» можетъ, въ настоящее время, никакъ не стихъ, а развѣ только какое нибудь великое историческое событіе или какое нибудь колоссальное научное открытіе. Тогда, пожалуй, отъ полноты души и стихи посыпятся, и общество станетъ ихъ слушать съ удовольствіемъ; но сила, очевидно, будетъ все-таки заключаться не въ стихахъ, а въ той общей причинѣ, которая ихъ вызвала.

Какъ человѣкъ, неизлечимо влюбленный въ отжившую идею, Григорьевъ постоянно, съ болѣзненно-напряженнымъ вниманіемъ, ловилъ въ каждомъ мельчайшемъ событіи текущаго времени какіе нибудь проблески несбыточной надежды; онъ, съ глубокимъ отчаянѣемъ въ душѣ, все-таки не смѣлъ произнести надъ своимъ міросозерцаніемъ рѣшительный, смертный приговоръ; онъ все ждалъ, не шевельнется ли его отжившая идея, не поднимется ли изъ могилы его мертвая красавица. «Извѣстіе, сообщенное «Сѣверной Пчелой», пишетъ онъ, объ окончаніи Островскимъ Кузьмы Минина — вотъ это событіе. Тутъ вотъ прямое *быть или не быть* положительному представленію народности,—можетъ быть, такой толчокъ *впередъ*, какого еще и не предвидѣлось». «Кузьма Мининъ» вышелъ въ свѣтъ, и Россія его не замѣтила, не смотря на то, что онъ былъ напечатанъ на самомъ видномъ мѣстѣ, въ самомъ любимомъ журналѣ. Григорьевъ упивался Кузьмою и даже врачевалъ имъ свои душевные недуги, но не могъ же Григорьевъ не видѣть, что никакого «событія» не произошло и никакого толчка ни впередъ, ни назадъ не получилось. Почти въ одно время съ Кузьмою вышелъ въ свѣтъ романъ Тургенева, отъ котораго Григорьевъ «не ждалъ многого въ отношеніи къ содержанію», и этотъ романъ поднялъ цѣлую бурю въ литературѣ и въ обществѣ, не смотря на то, что самый сильный

и любимый журнал старался убить и похоронить его тотчас послѣ его появленія. Очевидно, все развитіе нашей умственной жизни шло въ разрѣзъ съ симпатіями и стремленіями Григорьева.

На сколько этотъ разладъ былъ глубокъ и радикаленъ, — это обнаружилось совершенно ясно въ 1863 году. Если когда нибудь мертвая красавица Григорьева могла воскреснуть, то именно въ этомъ году. Для теоретиковъ этотъ годъ былъ невыносимо тяжелъ. Разныя, совершенно нелитературныя обстоятельства привлекали вниманіе общества къ такимъ предметамъ, которые не поддавались спокойному анализу. Лирическіе восторги были въ полномъ ходу. Можно было ожидать тѣхъ же дифирамбовъ, какіе мы слышали во времена Синопа и Башъ-Кадыкъ-Лара. Повидимому, Кузьма Мининъ необходимо долженъ былъ въ такое время развернуться во всемъ величій своей красоты. Не тутъ то было. Кузьма продолжалъ оставаться незамѣченнымъ, не смотря на всѣ выгоды, предоставленныя ему данною минутою. И этого мало. Чтобы окончательно огоршить Григорьева, безжалостная и насмѣшливая судьба взяла на себя трудъ устроить обратное испытаніе. Ты видишь, о Григорьевъ, говоритъ судьба, что твои собственныя идеи совершенно бессильны, даже при самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Посмотримъ же мы съ тобою теперь, каковы силы твоихъ противниковъ, при самыхъ невыгодныхъ для нихъ условіяхъ. — И посмотрѣли. Весною 1863 года, появилось въ свѣтъ то, что Григорьевъ весьма игриво называлъ эпопеей о бѣлой Арапіи. Говорятъ, что тѣ книжки «Современника», въ которыхъ напечатана эта бѣлая Арапія, обратились теперь въ библиографическую рѣдкость *).

Но зачѣмъ ссылаться на неопредѣленные слухи? Гораздо основательнѣе будетъ указать на то, что говорятъ печатно о «Бѣлой Арапіи» ея неутомимые противники. Весьма враждебная намъ, но чрезвычайно наивная «Эпоха» даетъ намъ въ этомъ случаѣ самые подходящіе матеріалы. Въ ноябрьской книжкѣ этого журнала помѣщена небольшая статья г. М. Ва.: «Литературныя впечатлѣнія новопріѣзжаго». Авторъ этой статьи говоритъ, что онъ почти два съ половиною года прожилъ за границу и совсѣмъ отсталъ отъ того движенія мысли, которое совершалось въ это время въ Россіи. И какіе же факты приводитъ онъ въ доказательство своей отсталости? Мнѣ придется выписать подлинныя слова этого господина, и я это сдѣлаю безъ зазрѣнія совѣсти, не смотря на то, что въ этихъ словахъ упоминается моя собственная фамилія. «Ибо тотъ фактъ, что я отсталъ, — говоритъ г. М. Ва., — для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я не только не читалъ талант-

*) *Эпопеи о бѣлой Арапіи* А. Григорьевъ называлъ романъ Н. Г. Чернышевскаго «Что дѣлать?».

ливыхъ статей» *) г. Писарева, но я, къ собственному ужасу, долженъ признаться, что не читаль даже «Что дѣлать?». Вы поймете конечно, сколько побужденій къ стыду и отчаянью таилось въ этомъ фактѣ». — Слова: «талантливыхъ», «къ собственному ужасу», «къ стыду и отчаянью» употреблены, разумѣется, ради ироніи; но тутъ дѣло не въ томъ, какъ смотритъ на теоретиковъ самъ г. М. Ва. Тутъ важно его откровенное признаніе, что вся русская литература заключается именно въ теоретикахъ. Отстать отъ литературы, значить, по его собственнымъ словамъ, не читать того, что пишутъ теоретики. Человѣкъ пріѣзжаетъ изъ-за границы и спрашиваетъ у своихъ знакомыхъ: что новаго дѣлается въ нашей литературѣ? — Ему на этотъ вопросъ не говорятъ, что г. Ключниковъ написалъ романъ «Марево», что г. Боборыкинъ кончаетъ романъ «Въ путь-дорогу!», что возникъ новый журналъ «Эпоха», что сіяетъ, подъ господствомъ новой редакціи, старая газета «Московскія вѣдомости». Нѣтъ! Ему говорятъ, какъ о самой крупной новости, о романѣ «Что дѣлать?» и о другихъ работахъ теоретическаго лагеря. Скажите на милость, если возможность болѣе чистосердечно признать превосходство теоретиковъ надъ всѣми остальными направленіями русской мысли? И это говорятъ наши враги! И это говорится о тѣхъ двухъ годахъ, когда мы находились въ самомъ невыгодномъ положеніи! Послѣ подобныхъ признаній, какой же смыслъ имѣетъ извѣстная фраза «Славянофилы побѣдили?» Можно пожалуй сказать только, что славянофилы еще не совсѣмъ побѣждены, и что они возвышаютъ голосъ тогда, когда общество, испуганное историческими обстоятельствами, кидается на короткое время въ бессмысленную сентиментальность и въ позорную мыслебоязнь. Но побѣдить они никогда не могутъ, потому что ихъ полная умственная несостоятельность обнаружится въ ту самую минуту, когда они привлекутъ на себя вниманіе общества.

Такимъ образомъ, жестокая судьба весьма наглядно показала Григорьеву, что онъ нисколько не ошибается, называя себя человѣкомъ ненужнымъ. Письма Григорьева къ г. Страхову повѣствуютъ еще объ одномъ очень любопытномъ разочарованіи покойнаго идеалиста. Въ концѣ 1861 года, была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья г. Щапова: «Великорусскія области во времена междуцарствія». Въ календарѣ на 1862 годъ была напечатана статья профессора Павлова: «Тысячелѣтіе Россіи». Эти двѣ статьи привели Григорьева въ восторгъ. На этотъ разъ ему показалось, что его мертвая красавица сію минуту раскроетъ глазки и что нѣкій стихъ немедленно

*) Кавычки при словахъ «талантливыхъ статей» поставлены въ подлинникѣ. Значить, въ эпитетѣ «талантливыхъ» скрывается ѣдкая иронія, и это обстоятельство должно совершенно успокоить мою авторскую скромность. Значить, я выпи-салъ эти слова не затѣмъ, чтобы похвастаться полученнымъ комплиментомъ.

Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой.

«Вотъ эта статья, да статья Павлова въ новомъ календарѣ, восклицаетъ Григорьевъ, — эпохи, а не... повѣствованіе въ водяныхъ стихахъ о «чувствіяхъ!...» Тутъ, въ этихъ статьяхъ, новымъ вѣетъ и пахнетъ. Оно идетъ, это новое — и въ этихъ статьяхъ, и, можетъ быть, въ «Миниѣ» Островскаго, — идетъ на конечное истребленіе б...словія «Вѣстника», празднословія западниковъ, суесловія «Дня», хохлословія Костомарова и буесловія «Современника». — Подъ именемъ «повѣствованія въ водяныхъ стихахъ о чувствіяхъ» подразумѣвается, какъ видно изъ другихъ мѣстъ тѣхъ же самоубійственныхъ «воспоминаній», поэма г. Лонскаго, то «Свѣжее преданіе», въ которомъ редакція «Времени» усматривала великое событіе въ исторіи русской литературы. Съ особеннымъ удовольствіемъ я отмѣчаю то обстоятельство, что Григорьевъ наградилъ это «повѣствованіе» какимъ-то такимъ эпитетомъ, котораго даже невозможно было изобразить печатно. Пріятно также замѣтить, что «Русскій Вѣстникъ» обвиняется въ какомъ-то б...словіи, то есть, въ чемъ то столь неблаговидномъ, что даже и сказать нельзя. И все это говорить не озорникъ, не теоретикъ, не нигилистъ! Не правъ ли я былъ, когда я называлъ «Воспоминанія объ А. А. Григорьевѣ» литературнымъ самоубійствомъ цѣлаго направленія? Почвенники стараются поставить своего учителя какъ можно выше, чтобы удары его, падая сверху, поражали ихъ самихъ какъ можно больнѣе. Намъ остается только радоваться этому добросовѣстному самоизбіенію. То «новое», которое, по мнѣнію Григорьева, шло «на конечное истребленіе» разныхъ неприятныхъ вещей, — повернуло однако совѣмъ не туда, куда желалъ его направить пылкій идеалистъ. Одинъ изъ представителей «новаго», нашъ сотрудникъ г. Шаповъ, совершенно обманулъ ожиданія Григорьева. Вмѣсто того, чтобы воскрешать мертвую красавицу, г. Шаповъ принялся изучать Либиха, Дарвина, Ляйелля, Карла Фохта и другихъ, столь же вредныхъ и легкомысленныхъ негодяевъ. Эти безнравственныя занятія, разумѣется, привели его прямымъ путемъ въ «Русское Слово». Какъ только г. Григорьевъ почувствовалъ въ статьяхъ г. Шапова струю естествознанія, такъ, разумѣется, онъ съ негодованіемъ отвернулся отъ этихъ статей, потому что онъ, какъ вѣрный, но несчастный рыцарь мертвой красавицы, ненавидѣлъ естественныя науки, по крайней мѣрѣ такъ же сильно, какъ ненавидятъ ихъ въ настоящее время знаменитые русскіе натуралисты, Страховъ, Игдєвъ, Аверкіевъ и Николай Соловьевъ. Разочарованіе Григорьева въ г. Шаповѣ изображено имъ, какъ замѣчаетъ самъ г. Страховъ, въ послѣдней его критической статьѣ, помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Эпохи». Такимъ образомъ, Кузьма не вывезъ, Шаповъ перебѣжалъ въ непріятельскій лагерь, и Григорьеву

оставалось только, обращаясь къ г. Страхову, повторить слова Сенеки на счетъ того, что «вѣтеръ крѣпкій

Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей».

И прекрасно, господа, могу я прибавить отъ себя. Туда вамъ и дорога. Каковы бы ни были высокія достоинства вашихъ *личностей*, во всякомъ случаѣ, достовѣрно то, что ваши идеи негодны для общества, потому что онѣ дѣйствуютъ на него, какъ опиумъ или гашишъ. Онѣ, быть можетъ, доставляютъ обществу очаровательныя видѣнія, но дѣйствительная жизнь представляетъ собою мерзость заустѣнія въ тѣ счастливыя эпохи, когда рифмованныя строчки лупятъ по сердцамъ съ невѣдомою силой. А что Григорьевъ относился равнодушно и съ грубѣйшимъ непониманіемъ къ самымъ великимъ и грознымъ запросамъ дѣйствительной жизни, это обнаруживается съ достаточною ясностью все въ тѣхъ же самоубійственныхъ «воспоминаніяхъ». Какъ вамъ нравятся, на примѣръ, слѣдующія строки? Мнѣ кажется, достаточно однихъ этихъ строкъ, чтобы навсегда отбить у общества охоту стремиться къ григорьевскимъ идеаламъ. «Есть, пишетъ необузданный идеалистъ, вопросъ и глубже, и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ, — и вопроса (каковъ цинизмъ?) *) о крѣпостномъ состояніи, и вопроса (о ужасѣ!) о политической свободѣ. Это вопросъ о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*. Въ допотопныхъ формахъ этотъ вопросъ явился только въ покойникѣ «Москвитянинѣ» 50-хъ годовъ, — явился молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями (Островскій, Писемскій и т. д.). О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія высокія пророческія рѣчи лились бывало на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ ответственность за свою молодежь, какъ сознательно, не смотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!» Ну-съ! И благополучно вы изволили дойти? И къ чему же васъ привело ваше сознательное хожденіе къ великой и честной цѣли? — Григорьевъ самъ немедленно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. «Пуста и гола жизнь послѣ этого сна», говоритъ онъ. — Значитъ, вашъ «молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями» вопросъ «о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*» былъ только сонъ. Значитъ, весь этотъ *глубокій и обширный* вопросъ исчерпался въ юношескихъ попойкахъ и не оставилъ послѣ себя никакихъ результатовъ, кромѣ тяжелаго похмѣлья. И между тѣмъ, этотъ *сонъ* оказывается

*) Слова въ скобкахъ принадлежатъ самому Григорьеву.

«глубже и обширнѣе по своему значенію» вопроса о крѣпостномъ состояніи и политической свободѣ. И это говорятъ обожатели русскаго народа! Правда, что эти обожатели — идеалисты и что они, слѣдовательно, любятъ свой предметъ платонической любовью. До конкретнаго русскаго мужика, который можетъ чувствовать боль и удовольствіе, имъ нѣтъ никакого дѣла. Для нихъ драгоценна только *идея* о русскомъ мужикѣ, и поэтому «высокія пророческія рѣчи, изливаемые на попойкахъ», кажутся имъ важнѣе тѣхъ вопросовъ, которые своимъ разумнымъ разрѣшеніемъ могутъ создать экономическое благосостояніе цѣлыхъ милліоновъ. Что прикажете думать о такихъ курьезныхъ заявленіяхъ? Въ нихъ, разумѣется, нѣтъ ни *цинизма*, ни *ужаса*. Въ нихъ есть только изумительное невѣжество, которое, съ своею всегдашнею наивною, принимаетъ себя за проявленіе величайшей мудрости, доступной только немногимъ избраннымъ. Всѣ идеалисты хромаютъ на эту ногу, и комментируя приведенный мною отрывокъ, я обращался не къ личности покойнаго Григорьева, а ко всему лагерю нашихъ пѣвчихъ противниковъ.

II.

Глубокое уныніе, которымъ проникнуты всѣ письма и вся дѣятельность Григорьева, тяготѣетъ надъ всею нашею литературою, кромѣ такъ называемаго теоретическаго лагеря. У Григорьева, какъ у человѣка, глубоко преданнаго отжившимъ идеямъ, была, по крайней мѣрѣ, неопредѣленная надежда на какой-то чудодѣйственный стихъ, который ударитъ и т. д. Онъ чего-то страстно желалъ, и потому онъ не могъ относиться къ будущему совершенно враждебно. Это обстоятельство ставитъ его гораздо выше всѣхъ остальныхъ дѣятелей отжившихъ направленій. У этихъ остальныхъ дѣятелей, то есть, почти у всѣхъ русскихъ людей, пишущихъ и печатающихъ стихи, романы, повѣсти, драмы, критическія, ученія и политическія статьи, — нѣтъ никакихъ завѣтныхъ надеждъ, никакихъ сознанныхъ и прочувствованныхъ убѣжденій, никакихъ опредѣленныхъ желаній. У нихъ нѣтъ ничего, кромѣ тугой ненависти и безотчетнаго страха къ будущему. Имъ бы хотѣлось ничего не видѣть, ничего не слышать, ни о чемъ не думать и только повторять тѣ уроки, которые они заучили въ дѣтствѣ или въ крайней молодости. И разумѣется, имъ хотѣлось бы еще получать отъ благодарныхъ соотечественниковъ за повтореніе этихъ уроковъ большія деньги и большіе лавровые вѣнки. Это не консерваторы, это даже не реакціонеры, — это египетскія муміи, вынутыя изъ пирамидъ и приведенныя въ движеніе какимъ-то необыкновеннымъ гальваническимъ аппаратомъ. Консерваторы

и реакціонеры политическаго міра понятны; мудроно имъ сочувствовать, но, по крайней мѣрѣ, можно отдать себѣ отчетъ въ томъ, чего они хотятъ и почему именно они хотятъ того, а не другого.

Но консерваторы въ мірѣ идей составляли бы для меня навсегда неразрѣшимую загадку, если бы я долженъ былъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, которые дѣйствительно чего нибудь хотятъ и которые пишутъ и печатаютъ для того, чтобы въ чемъ нибудь убѣдить своихъ читателей. Бояться движенія мысли, смотрѣть съ ужасомъ на все, что еще не обратилось въ избитую фразу, и въ то же время быть писателемъ, то есть, фабрикантомъ идей,—это такое смѣшное внутреннее противорѣчіе, которое можетъ объясниться только тѣмъ предположеніемъ, что наши писатели смотрятъ на литературу такъ, какъ старые титулярные совѣтники смотрятъ на свою службу. Даль бы, дескать, намъ только Господь Богъ умереть спокойно на тѣхъ теплыхъ мѣстахъ, которыя мы занимаемъ. Повышенія намъ никакого ожидать невозможно, а напротивъ того, можетъ случиться какая нибудь непріятность, въ родѣ сокращенія штатовъ. Вотъ поэтому-то мы и боимся всякаго движенія мысли; поэтому-то мы сами ежимся и отплеываемся всякій разъ, какъ только мы слышимъ какой нибудь свѣжей и энергическій голосъ. Именно такъ рассуждаютъ про себя тѣ писатели, которые декламируютъ громко и торжественно противъ поспѣшности и неосмотрительности такъ называемыхъ теоретиковъ. Иногда они сами проговариваются чрезвычайно наивно. Напримѣръ, г. Писемскій, написавши очень хорошій рассказъ «Батка», пускается подъ конецъ въ размышленія, начинаетъ тосковать о несовершенствахъ жизни, и вдругъ изумляетъ читателя слѣдующею ругадою: «о, если бы, говоритъ онъ, можно было забыть прошедшее и не понимать будущаго!» Не знаю, удалось ли г. Писемскому забыть прошедшее, но вторая половина его желанія, относящаяся къ будущему, исполнена въ наилучшемъ видѣ. Онъ дѣйствительно не понимаетъ будущаго, и даже счелъ долгомъ торжественно заявить свое непониманіе къ своему знаменитомъ романѣ, доказывающемъ очень убѣдительно необходимость мертваго застоя. Послѣ «Взбаломученнаго моря», г. Писемскому оставалось только превратиться въ веселаго рассказчика смѣхотворныхъ анекдотиковъ, и это превращеніе дѣйствительно произведено имъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ онъ описываетъ въ настоящее время «Русскихъ луновъ». Эти рассказы могли бы съ большимъ успѣхомъ фигурировать даже въ московскомъ «Развлеченіи», и я не теряю надежды на то, что г. Писемскій, вымолившій себѣ непониманіе будущаго, когда нибудь дѣйствительно пойдетъ оканчивать свою литературную карьеру въ какой нибудь столь же мизерной газеткѣ. Далеко не всѣ наши пишущіе рутинеры высказываютъ свои задушевные желанія такъ откровенно, какъ высказалъ г. Писемскій, но

эти желанія обнаруживаются у нихъ въ выборѣ и разработкѣ сюжетовъ. Всѣ они трусливо и злобно отвертываются отъ будущаго, но отвертываются въ разныя стороны, смотря по своимъ личнымъ наклонностямъ и смотря по обстоятельствамъ. Одни, самые бойкіе и задорные, стараются увѣрить себя и другихъ, что будущее совсѣмъ не существуетъ, что это все одна фантазмагорія, что стоитъ только топнуть ногою и крикнуть: «аминь, аминь, расыпши!» для того, чтобы все это проклятое будущее исчезло безъ малѣйшаго слѣда, и для того, чтобы скверные мальчишки, осмѣливающіеся размышлять, тотчасъ превратились въ милыхъ попугаевъ, повторяющихъ заданные уроки. Эти бойкіе и задорные, но въ сущности трусливые и тупоумные ненавистники будущаго пишутъ истребительные романы и повѣсти, въ родѣ «Взбаломученнаго моря», «Марева» и «Некуда». — Долго толковать объ этой категоріи писателей не стоитъ, тѣмъ болѣе, что въ статьѣ моей «Сердитое безсиліе» я достаточно охарактеризовалъ одного изъ такихъ истребителей. Не могу однако пройти молчаніемъ одну любопытную замѣтку, помѣщенную въ декабрьской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» г. Стебницкимъ, авторомъ истребительнаго романа «Некуда». Находи, вѣроятно, что онъ еще недостаточно уронилъ себя своимъ романомъ, г. Стебницкій пожелалъ еще довершить это дѣло особымъ «объясненіемъ», напечатаннымъ въ томъ же журналѣ, который такъ любовно усновилъ романъ «Некуда».

Въ этомъ объясненіи доблестный г. Стебницкій говоритъ, что «многимъ петербургскимъ литераторамъ крайне не нравится направленіе романа», и что, вслѣдствіе этого, «антрепренерами литературныхъ труппъ, лицедѣйствующихъ въ либеральныхъ комедіяхъ, на редакцію *Библиотеки для Чтенія* были спущены вѣрные люди». Но, разумѣется, г. Стебницкому нечего было бояться «вѣрныхъ людей». «Нападать на меня прямо, говоритъ онъ, за направленіе романа было неудобно по многимъ существующимъ положеніямъ, а простить этого направленія мнѣ не могли, и придрались къ подысканному къ-то *внѣшнему* сходству нѣкоторыхъ лицъ романа съ лицами живыми изъ литературнаго міра, — и пошли писать».

Съ небольшимъ три года тому назадъ, въ самомъ концѣ 1861 года, въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ разнесся слухъ, что профессоръ Чичеринъ, написавшій тогда какую-то статью, сдѣлался почему-то лицомъ неприкосновеннымъ для литературной критики. Этотъ слухъ вскорѣ дошелъ до Москвы, и «Русскій Вѣстникъ» съ горячимъ негодованіемъ сталъ опровергать этотъ слухъ, какъ вздорную сплетню, пущенную въ ходъ для того, чтобы набросить тѣнь на личность профессора Чичерина. Искусственная неприкосновенность считалась, стало быть, три года тому назадъ, весьма незавиднымъ подаркомъ фортуны. Теперь, когда сформировался типъ истребителей, литературные нравы, повиди-

тому, измѣнились. Теперь люди насильно врываються въ журналъ для того, чтобы заявить передъ читающей публикой, что нападать на нихъ прямо никакъ невозможно. Впрочемъ, я полагаю, что авторское самолюбіе ослѣпляетъ г. Стебницкаго, На него не нападали прямо за направление совѣмъ не потому, что это было неудобно, а потому, это это было бесполезно. На такихъ джентльменовъ, какъ гг. Писемскій, Ключниковъ и Стебницкій, всѣ здравомыслящіе люди смотрять, какъ на людей отпѣтыхъ. Съ ними не разсуждаютъ о направленіяхъ; ихъ обходятъ съ тою осторожностью, съ какою благоразумный путникъ обходитъ очень толкое болото. Нападенія нѣкоторыхъ критиковъ на «*внѣ сродства*» нисколько не были придирками, и оправданія, которыя представляетъ г. Стебницкій, доказываютъ всего лучше, что эти обвиненія были въ высшей степени основательны. Начало оправданія заключается въ томъ, что г. Стебницкій пишетъ курсивомъ слово *внѣшнее*. Онъ не отрицаетъ сходства, а доказываетъ только, что оно было чисто *внѣшнее*. Онъ ссылается на примѣръ нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. Привожу цѣликомъ его ссылку на г. Писемскаго: «съ выходомъ *Взбаломученнаго моря*, всѣ, читавшіе этотъ романъ въ Петербургѣ, въ одно слово говорили, что Галкинъ г. Писемскаго есть извѣстное въ столичномъ коммерческомъ мірѣ лицо, и опять, безъ дальнихъ обиняковъ, называли это лицо прямо по имени. Но никто же на основаніи этого сходства не сталъ требовать опознаваемое живущее лицо къ отвѣту за убійство, совершенное въ романѣ по инициативѣ Галкина, и г. Писемскаго не обязывали къ представленію юридическихъ уликъ въ доказательство этого, конечно вымышленнаго имъ, преступленія». Заручившись ссылками на авторитеты, г. Стебницкій бросается на своихъ критиковъ и, подобно маленькому, но очень сердитому вулкану, изливаетъ на нихъ потоки не лавы, а грязи. Тутъ-то и встрѣчаются тѣ «многочисленные намеки», которые сконфузили редакцію *Библиотеки*. Но стыдливость ея тутъ немѣстна. Если редакція, печатая сотни страницъ такого романа, какъ «Некуда», пожелала слизнуть пѣнку съ этого ароматическаго напитка, то отчего же ей не проглотить и подонки? — Произведя изверженіе, вулканчикъ продолжаетъ свое разсужденіе о сходствѣ. «Ссылаюсь, говоритъ онъ, на безпристрастный судъ каждаго, кто прочтетъ эти строки: могутъ ли идти всѣ, только слегка помѣченные мною поступки въ параллель съ тѣмъ, что въ одномъ изъ, лицъ или въ нѣсколькихъ лицахъ романа встрѣчается какое-то чисто внѣшнее сходство съ живущими людьми, которые (въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія) *никогда не дѣлали ничего такого, что дѣлаютъ дѣйствующія лица въ романахъ*, и, слѣдовательно, не могутъ нести ни похвалы, ни упреконъ за эти *вымышленныя дѣйствія*?»

Этими краткими выписками я исчерпалъ все внутреннее содержаніе

замѣтки. Посмотримъ, на сколько убѣдительно оправдательные аргументы г. Стебницкаго. Замѣтите, во-первыхъ, что онъ постоянно говорить о *внѣшнемъ*, о чисто внѣшнемъ сходствѣ, и что онъ ни разу не употребляетъ слова «случайное сходство», того единственного слова, которое сразу могло бы совершенно оправдать его. Если бы г. Стебницкій сказалъ: что вы ко мнѣ пристааете! Я никогда въ глаза не видалъ тѣхъ людей, которыхъ вы узнаете въ моемъ романѣ; сходство вышло случайное.— Если бы онъ это сказалъ, говорю я, критикамъ его оставалось бы только развести руками. Но онъ этого не сказалъ, значитъ, по всей вѣроятности, *не могъ* сказать; то есть, онъ не имѣлъ возможности отречься печатно отъ знакомства съ тѣми живыми людьми, которые оказались нарисованными во весь ростъ въ его романѣ. И такъ, для насъ не подлежитъ сомнѣнiю тотъ фактъ, что г. Стебницкій нарисовалъ своихъ знакомыхъ. Спрашивается теперь: есть ли возможность нарисовать портретъ своего знакомаго *нечаянно*? Разумѣется, нѣтъ. Значитъ, знакомые были нарисованы *съ умысломъ*. Н. Стебницкій говоритъ, что эти нарисованные знакомые «*никогда не дѣлали ничего такого, что дѣлаютъ дѣйствующія лица въ романахъ*». Фраза, очевидно, бессмысленная! Въ романахъ дѣйствующія лица, ѣдятъ, пьютъ, ходятъ, сидятъ, думаютъ, чувствуютъ, разсуждаютъ. Неужели г. Стебницкій твердо увѣренъ въ томъ, что его знакомые «*никогда не дѣлали ничего такого*», то есть, никогда не ѣли, не пили, не ходили, не сидѣли, не думали, не чувствовали и не разсуждали? Но простимъ г. Стебницкому его безграмотность. Онъ, очевидно, говоритъ совсѣмъ не то, что хочетъ сказать. Онъ хочетъ сказать, что его знакомые не произносили тѣхъ неблагонамѣренныхъ словъ и не позволяли себѣ тѣхъ предосудительныхъ или нелѣпныхъ поступковъ, которые онъ приписываетъ дѣйствующимъ лицамъ своего романа. Прекрасно! Но тѣмъ хуже для г. Стебницкаго. Если бы онъ рисовалъ своихъ шалобаевъ съ такихъ живыхъ оригиналовъ, которые шалопайствуютъ въ дѣйствительной жизни, то онъ воздалъ бы каждому по его заслугамъ. Но вы представьте себѣ слѣдующую штуку: г. Стебницкій записываетъ ваши примѣты, особенности вашего костюма и вашей походки, ваши привычки, ваши поговорки; онъ изучаетъ васъ во всѣхъ подробностяхъ и потомъ создаетъ въ своемъ романѣ отъявленнаго мошенника, который всѣми *внѣшними* признаками похожъ на васъ, какъ двѣ капли воды. А между тѣмъ, вы—честнѣйшій человекъ и провинились только тѣмъ, что пустили къ себѣ въ домъ этого подслушивающаго и подсматривающаго господина. А между тѣмъ, всѣ ваши знакомые узнаютъ *васъ* въ изображенномъ мошенникѣ и съ изумленiемъ разспрашиваютъ другъ друга о томъ, есть ли какая нибудь доля правды въ томъ, что о васъ написано. Начинаются догадки, предположенiя и сплетни. Какъ вы находите, прiятно ваше положенiе или нѣтъ? Къ

суду васъ никто не потянетъ, но это именно и скверно. Въ судѣ вы могли бы оправдаться, но противъ сплетень, возбужденныхъ наглою мистификаціей г. Стебницкаго, вы оказываетесь совершенно незащитнымъ. Въ «Ревизорѣ» давно уже было сказано: «хорошо если мошенникъ, а что, если еще того хуже?» Въ романѣ г. Стебницкаго выведены именно не мошенники, а «еще того хуже», такъ что попасть въ разрядъ этихъ людей «еще того хуже» — можетъ быть, гораздо опаснѣе, чѣмъ прослыть мошенникомъ.

Ссылка на г. Писемскаго, разумѣется, ничего не доказываетъ. Если прототипъ Галкина не сдѣлалъ никакого преступленія, то со стороны г. Писемскаго было въ высшей степени скверно накладывать на честнаго человѣка темное пятно, отъ котораго этотъ господинъ не имѣетъ никакой возможности отмыться. Такія продѣлки называются именно бросаніемъ камней и грязи *изъ-за угла*. Косвенная инсинуація неизмѣримо хуже прямого доноса, именно потому, что составитель инсинуаціи не обязанъ представлять никакихъ доказательствъ и всегда имѣетъ полную возможность увернуться въ сторону, ссылаясь на свободную игру своей фантазіи.

Спрашивается, съ какимъ же умысломъ г. Стебницкій превратилъ своихъ знакомыхъ въ натурщиковъ, съ которыхъ онъ копировалъ наружность своихъ «еще того хуже?» Если г. Стебницкій скажетъ, что это была пріятельская шутка, то ему на это возразятъ, что это шутка глупая, плоская и дерзкая. Всего интереснѣе то, что самъ же г. Стебницкій въ концѣ своего романа произноситъ приговоръ надъ подобною шуткой. Извольте послушать: «Да, говорить одна барыня, представьте себѣ, у нихъ живописцы работали. Ну, она на воротахъ назначила нарисовать страшный судъ — картину. Ну, мой внукъ, разумѣется, мальчикъ молодой.... знаете, скучно, онъ и дѣлѣ живописцу двадцать рублей, чтобы тотъ въ аду нарисовалъ и Агнію, и всѣхъ ея главныхъ помощницъ....» — «Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глупо, сказалъ за стуломъ Евгеніи Петровны Розановъ». «Вѣстимо, отвѣчала хозяйка». (Библ. Декабрь, стр. 33). При этомъ надо замѣтить, что Розановъ и Евгенія Петровна — любимцы автора. Изъ-за чего же г. Стебницкій вламывался въ журналъ съ своимъ «объясненіемъ»? Зачѣмъ онъ оправдывался, когда онъ самъ произнесъ надъ собою приговоръ? Ну да, именно. «Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глупо». Хорошо! Но что если рисованіе знакомыхъ было совершено затѣмъ, чтобы напакостить ближнему, чтобы отомстить за оскорленіе или чтобы доставить плохому роману тотъ успѣхъ, который называется *un succès de scandale*? Что тогда? — Тогда, чего добраго, изреченіе Розанова придется передѣлать такъ: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грязно». — Меня очень интересуютъ слѣдующія два вопроса: 1) Най-

дется ли теперь въ Россіи — кромѣ «Русскаго Вѣстника» — хоть одинъ журналъ, который осмѣлился бы напечатать на своихъ страницахъ что нибудь выходящее изъ подъ пера г. Стебницкаго и подписанное его фамиліею? 2) Найдется ли въ Россіи хоть одинъ честный писатель, который будетъ на столько неостороженъ и равнодушенъ къ своей репутаціи, что согласится работать въ журналъ, украшающемъ себя повѣстями и романами г. Стебницкаго? — Вопросы эти очень интересны для психологической оцѣнки нашего литературнаго міра *).

III.

Отъ свирѣпыхъ истребителей будущаго я перехожу къ тѣмъ, болѣе кроткимъ людямъ, которые, не видя для себя впереди ничего привлекательнаго, уходятъ всѣми своими помыслами въ темную глубину давно-прошедшаго. Съ легкой руки г. Островскаго, воспѣваемаго «Козьму Минина» въ какомъ-то странномъ произведеніи, нисколько не похожемъ на драму, — историческія трагедіи, драмы и комедіи начинаютъ плодиться въ нашей литературѣ. Въ прошломъ году г. Чаевъ напечаталъ въ «Библиотекѣ» трагедію «Князь Александръ Михайловичъ Тверской»; въ томъ же году г. Аверкіевъ — тотъ самый, который терпѣть не можетъ популяризаторовъ вообще и Карла Фохта въ особенности, — помѣстилъ въ «Эпохѣ» драму: «Мамаево побоище». Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, г. Островскій нагрузилъ январскую книжку несчастнаго «Современника» комедіею «Воевода», изображающею нравы XVII столѣтія. «Князь Тверской» занимаетъ 84 страницы, «Мамаево побоище» — 136, «Воевода» — 135. Итого — 355. «Князь Тверской», отличаясь похвальною скромностію въ отношеніи къ объему, отличается еще другимъ важнымъ достоинствомъ: онъ написанъ прозою, и въ немъ есть одна не совсѣмъ плохая сцена; именно, 2-я сцена 2-го дѣйствія, та, гдѣ псковичи, отстаивая Александра Михайловича, сажаютъ его къ себѣ на княженіе и разрываютъ свою связь съ Новгородомъ и съ Иваномъ Калитою. Вслѣдствіе этого, я оставляю въ покоѣ «Князя Тверскаго», надѣясь на то, что г. Чаевъ, какъ писатель начинающій, можетъ еще обратиться на путь истины и уразумѣть всю суетность историческаго драмодѣланія. Г. Аверкіевъ — дѣло другое; онъ уже съ головою окунулся въ мутную премудрость «Эпохи» и въ своихъ многочисленныхъ критическихъ статьяхъ заплатилъ уже такую обильную дань духу мракобѣсія и сикофанства **), что навсегда отрѣзалъ себѣ дорогу въ прямой литературной

*) И журналовъ и писателей такихъ оказалось въ изобиліи. Чего другого, а равнодушія самого возмутительнаго у насъ не стать занимать. Изд.

**) Сикофантами назывались въ Аѳинахъ клеветники и наушники.

дѣятельности. Его «Мамаево побоище» есть тенденціозный панегирикъ прошедшему, которое, разумѣется, должно казаться г. Аверкіеву очень привлекательнымъ, потому что въ XIV столѣтіи еще не было людей, способныхъ выводить на свѣжую воду литературныхъ шарлатановъ. Впрочемъ, легко можетъ быть, что и шарлатановъ было тогда поменьше, чѣмъ теперь.

«Мамаево побоище», написанное стихами, снабжено предисловіемъ, въ которомъ почтенный авторъ объясняетъ, что главная цѣль его произведенія—«изобразить въ картинахъ прошлую жизнь съ возможно-большаго числа сторонъ». Въ этомъ же предисловіи г. Аверкіевъ даетъ нѣсколько совѣтовъ относительно сценической постановки пьесы; первый изъ этихъ совѣтовъ показываетъ намъ наглядно, что г. Аверкіевъ умѣетъ понимать слова лѣтописей совершенно на выворотъ. Полюбуйтесь остроуміемъ и проницательностью писателя, взявшагося «изобразить прошлую жизнь съ возможно-большаго числа сторонъ».—Должна быть ярко изображена противоположность между дворами московскимъ и рязанскимъ. При первомъ господствуетъ своеобразная вѣжливость и утонченность нравовъ; при второмъ—отношенія болѣе простыя и грубыя. Не даромъ же москвичи говорили, что «рязанцы — люди суровые, свирѣпые, высокоумные, гордые, чаятельные, вознесшися умомъ и возгордившися величаніемъ, помыслили въ высокоуміи своемъ, полоумные люди, какъ чудища».

Кто былъ грубѣе, Рязанцы или Москвичи,—этого я не знаю. Я русскихъ лѣтописей не читалъ и никогда не буду читать. Можетъ быть, г. Аверкіевъ дѣйствительно правъ, но неподражаемымъ комизмомъ дышетъ тотъ фактъ, что, въ подтвержденіе своей мысли, г. Аверкіевъ приводитъ такія слова, которыя ее опровергаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ изъ отзыва москвичей о рязанцахъ можно заключить, что москвичи смотрѣли на рязанцевъ сверху внизъ, какъ цивилизованные люди смотрятъ на полудикарей? Совсѣмъ напротивъ. Слова, приведенныя г. Аверкіевымъ, можно было бы, безъ малѣйшаго измѣненія, вложить въ уста какого нибудь мелкопомѣстнаго дворянина, отзывающагося съ горькою завистью и съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія о богатомъ и гордомъ сосѣдѣ. «*Вознесшися умомъ и возгордившися величаніемъ*» — не правда ли, какъ ясно указываютъ эти слова на «*отношенія болѣе простыя и грубыя?*» Посѣтивши Константинополь и насмотрѣвшись на тамошнія придворныя церемоніи, русскій человекъ XIV столѣтія навѣрное сказалъ бы также, что византійцы—«*вовнесшися умомъ и возгордившися величаніемъ*», а г. Аверкіевъ, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, навѣрное вывелъ бы то заключеніе, что при византійскомъ дворѣ господствовали «*отношенія болѣе простыя и грубыя*», чѣмъ при московскомъ. Если я напомню публикѣ то обстоятельство, что авторъ «Мамаева побоища»,

такъ успѣшно понимающій на выворотъ слова лѣтописей, вступалъ въ соотязанія съ г. Н. Костомаровымъ, — то, разумѣется, надъ злополучнымъ г. Аверкіевымъ засмѣются не только всѣ читатели, но даже всѣ куры и цыплята великой, малой и бѣлой Россіи.

Посуливши намъ «изобразить прошлую жизнь съ возможно-большаго числа сторонъ», г. Аверкіевъ на самомъ дѣлѣ изображаетъ только безконечно-растянутые и удивительно безцвѣтные разговоры между князьями и боярами. Есть, правда, двѣ-три сцены яко бы простонародныя; но эти сцены состоятъ исключительно въ томъ, что мужики, уходя на войну, говорятъ: «мы ихъ, такихъ-сякихъ, шапками закидаемъ»; а бабы ревутъ и говорятъ: «дай вамъ, Господи, добраго здоровья». Вотъ вамъ и вся «прошлая жизнь», и все «возможно-большее число сторонъ».

Но удовольствуемся тѣмъ, что даетъ намъ авторъ. Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, какъ обрисованы князья и бояре. Что г. Аверкіевъ желалъ представить ихъ въ самомъ привлекательномъ видѣ, — это намъ доподлинно извѣстно, потому что г. Аверкіевъ сражался съ г. Костомаровымъ именно изъ-за того, что сей послѣдній недостаточно благоговѣлъ передъ доблестями древнихъ москвичей вообще и Дмитрія Донскаго въ особенности. Но г. Аверкіевъ, подобно всѣмъ писателямъ, удрученнымъ бездарностью и честолюбіемъ, совершенно равнымъ его бездарности, всегда оказываетъ медвѣжьи услуги тѣмъ лицамъ и принципамъ, которые онъ принимаетъ подъ свое просвѣщенное покровительство. Дмитрій Донской и его сподвижники представлены у г. Аверкіева такими чудаками, что даже мнѣ, человѣку, не питающему ни малѣйшей нѣжности къ людямъ XIV столѣтія, придется защищать этихъ людей противъ ихъ остроумнаго панегириста. Всѣ дѣйствующія лица «Мамаева побоища», безъ исключенія, одержимы неизлечимымъ пристрастіемъ къ риторическому размазыванію; то, что можно выразить въ трехъ словахъ, растягивается ими, по меньшей мѣрѣ, на десять строкъ. Съ точки зрѣнія литературнаго гонорара, такая склонность куликовскыхъ героевъ очень понятна и даже извинительна, потому что г. Аверкіеву, разумѣется, пріятнѣе было помѣстить въ журналъ 136 страницъ, чѣмъ помѣстить только 40 или 50. Но такъ какъ г. Аверкіевъ корчитъ изъ себя патріота и такъ какъ онъ даже пристаеъ къ другимъ русскимъ писателямъ съ упреками въ недостаткѣ патріотизма, то я полагаю, что, при воспѣваніи куликовскихъ героевъ, г. Аверкіеву не мѣшало бы думать поменьше объ умноженіи печатныхъ строчекъ и побольше о достоинствѣ тѣхъ историческихъ личностей, которыя, по его милости, превращены въ болтуновъ.

Великая княгиня, жена Дмитрія, совѣтуетъ мужу сходить, передъ выступленіемъ противъ Мамаю, къ игумну Сергію. Кажется, дѣло очень простое и естественное; совѣтъ хорошъ; онъ доказываетъ, что княгиня—

женщина благочестивая; но такъ какъ въ XIV столѣтїи всѣ русскіе люди были очень благочестивы, то въ этомъ хорошемъ совѣтѣ нѣтъ ничего особенно новаго и удивительнаго; Дмитрій пошелъ бы къ игумну по собственному влеченію, безъ всякихъ постороннихъ внушеній. Посмотрите же теперь, что тутъ дѣлаетъ г. Аверкіевъ:

княгиня.

Послушай, княже, моего совѣта
И къ Сергію игумену сходи.
Со всѣхъ сторонъ народъ къ нему стремится,
Печальные идутъ со всѣхъ концовъ.
Несутъ къ нему тяжелую кручину,
А отъ него идутъ съ веселой душой,
Веселымъ сердцемъ славословятъ Бога.
Сходи къ нему въ своемъ великомъ горѣ,
Повѣдай тяжкую свою печаль;
Онъ словомъ Божиимъ тебя утѣшитъ,
Разумною бесѣдой ободритъ.

Итого *одинадцать* строкъ, чтобы сказать: «сходи къ Сергію». Но вѣдь это еще далеко не всѣ. Князю надобно теперь благодарить княгиню за ея краснорѣчіе, хотя впрочемъ, за это краснорѣчіе платятъ деньги не Дмитрію Донскому, а Дмитрію Аверкіеву.

в. князь.

Спасибо, милая моя голубка!
Самъ думалъ я объ этомъ, самъ хотѣлъ
Сходить къ игумену.

Кажется, тема исчерпана и разговоръ долженъ прекратиться или принять другое направленіе. — Ничуть не бывало! Вы не знаете изобрѣтательности г. Аверкіева. Княгиня продолжаетъ долбить своего мужа:

княгиня.

Да, милый княже,
Сходи къ нему; сходи ты безпремѣнно.

в. князь.

Вотъ, какъ управлюсь, такъ сейчасъ схожу.

Но княгиня наладила свою пѣсню и непремѣнно желаетъ доставить г. Аверкіеву еще нѣсколько копѣекъ:

княгиня.

Не отлагай ты дѣла въ долгій ящикъ:
Еще успѣешь разослать гонцовъ,
Собрать полки еще успѣешь, княже,
А главное—ты къ Сергію сходи.

в. князь.

Схожу, голубушка.

Когда остроумная княгиня такимъ образомъ окончательно убѣдила Дмитрія, что разслать гонцовъ и собирать полки — самое пустое и вздорное занятіе, тогда читатель начинаетъ думать, что дѣло о хожденіи къ Сергію наконецъ рѣшено и что о немъ не будутъ больше толковать. Вѣдь и то ужъ г. Аверкіевъ скототилъ себѣ на эту тему *двадцать двѣ* строчки. Можно бы, кажется, удовлетвориться. Не тутъ-то было. Разговоръ о хожденіи къ Сергію, угасши на страницѣ 17, возгорается съ новою силою, на страницѣ 30, когда княгиня узнаетъ, что совѣщаніе князя съ боярами окончилось.

княгиня.

Ну, слава Богу! Только знаешь, Дмитрій,
Не отъ людей — отъ Господа удача;
Ты къ Сергію игумену сходи,
У Троицы усердно помолися.

Можно было ожидать, что Дмитрію надоѣдятъ наконецъ эти безконечныя повторенія, и что онъ скажетъ княгинѣ: ахъ, матушка, да оставь же ты меня въ покоѣ! Что я, нехристь, что ли, какой нибудь? Не знаю я, что ли, когда и гдѣ мнѣ нужно молиться? — Но Дмитрій, сотворенный г. Аверкіевымъ, этого не говоритъ. Онъ даже приходитъ въ какой то совершенно непонятный восторгъ, точно будто княгиня подала ему совершенно новую мысль, которая, безъ ея помощи, ни за что не пришла бы ему въ голову.

в. князь.

О, милая голубка, дорогая!
Совѣтовъ много слышалъ я сегодня;
Свою повѣдали мнѣ братья думу
И молвили свое бояре слово.
Но твой совѣтъ—дороже всѣхъ совѣтовъ,
Разумнѣй всѣхъ твоя простая дума;
Какъ солнце, слово милое горить,

Горить оно и путь мнѣ указываетъ,
Надежный путь къ обители Господней,
Къ честнымъ вратамъ монастыря святаго.

Глядишь: еще *четырнадцать* стихковъ набѣжало. *Двадцать два* да *четырнадцать* — выходитъ *тридцать шесть*. При такихъ условіяхъ, патриотизмъ оказывается очень хорошею оброчною статьею.

Желая оживить свою драму комическою струею, г. Аверкіевъ считаетъ необходимымъ устроить дѣло такъ, чтобы Дмитрій въ думѣ обругалъ одного изъ бояръ «дуракомъ». Что-жь? Эффектъ придуманъ не дурно, и для г. Аверкіева не безвыгодно, потому что на подготовленіе и произнесеніе двухсложнаго слова: «дуракъ», въ которомъ заключается вся соль сцены, потрачено *двадцать пять* строкъ. — На другую, столь же комическую сцену, основанную на томъ, что бояринъ, получившій «дурака», труситъ и старается отдѣлаться отъ похода, отговариваясь болѣзнию, — израсходовано *пятьдесятъ пять* строкъ, хотя эта сцена, происходящая только между двумя совершенно второстепенными лицами, не рисуетъ ни «прошлой жизни», ни «возможно-большаго числа сторонъ». На прощаніе Боброва съ женою отпущено *семьдесятъ три* строки, хотя прощаются они такъ, какъ и въ наше время могутъ прощаться супруги. Характернаго въ этой сценѣ нѣтъ ровно ничего, кромѣ ея непомѣрной растянутости, которая, впрочемъ, характеризуетъ собою не XIV столѣтіе, а г. Аверкіева. Какія глупости городятъ князья и бояре на военномъ совѣтѣ, за два дня до рѣшительной битвы, — такъ это просто уши вянутъ. вмѣсто того, чтобы разсуждать о планѣ сраженія, о движеніи и расположеніи войскъ, они упражняются въ литературномъ излитіи похвальныхъ чувствъ, точно будто они воспитаны на критическихъ статьяхъ гг. Аверкіева и Николая Соловьева. Вотъ вамъ образчики.

Е. ДМ. ОЛЬГЕРДОВИЧЪ.

Что было тамъ за Пьяной, — я не знаю;
Ты, можетъ, былъ; тебѣ и книги въ руки.
А я читалъ другія, какъ князь Игорь
Шеломомъ зачерпнулъ воды изъ Дона,
Какъ напоилъ коня струей донскою,
Какъ рыскала хорабрая дружина,
Что волки сѣрые, по чисту полю,
Себѣ искали чести, князю — славы.

Это называется подавать свое мнѣніе на военномъ совѣтѣ. — Другой Ольгердовичъ, Андрей, соревнуя своему брату, желаетъ также сказать нѣсколько глупостей и, разумѣется, исполняетъ свое желаніе:

КН. АНД. ОЛБГЕРДОВИЧЪ.

И за Донъ перейдемъ, да побѣдимъ,
Коль есть на то Господня воля; нѣтъ, —
Такъ отъ бѣды и здѣсь не уберечься.
А мысль моя такая, княже Дмитрій
Ивановичъ: коль ты пришелъ на дѣло,
Коль крѣпкаго ты бою хочешь,
Сегодня же вели перевозиться.
И у кого на мысли ворочаться,
Пусть эту мысль отбросить; пусть никто
Не думаетъ спастись отъ смерти; бьется
Съ погаными безъ хитрости, и смерти
Пусть съ часу на часъ ждетъ. А говорятъ,
Что сила велика у нихъ, то что
На это намъ смотрѣть. Не въ силѣ Богъ,
А въ правдѣ.

В. КНЯЗЬ.

Ай да, князь Андрей, спасибо!
Такія рѣчи, право, любо слушать.

Скажите, пожалуйста, не правду ли я говорилъ, что мнѣ придется защищать куликовскихъ героевъ противъ ихъ усерднаго, но крайне ограниченнаго панегириста? Надо переходить за Донъ, говоритъ Андрей Ольгердовичъ, на томъ основаніи, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. А Дмитрій Донской благодарить и находить, что такія рѣчи пріятно слушать.

Желая расписать самыми яркими красками блегочестіе нашихъ предковъ, г. Аверкіевъ, очевидно, хватилъ черезъ край, возвелъ русское «авось» въ религиозный догматъ и навязалъ несчастнымъ сподвижникамъ Дмитрія чистѣйшій магометанскій фатализмъ, противъ котораго всегда возмущался здравый смыслъ всѣхъ европейскихъ народностей. Г. Аверкіевъ до самаго конца остается вѣренъ себѣ: послѣ побѣды, Дмитрій три раза подъ рядъ благодарить войско въ самыхъ витіеватыхъ выраженіяхъ, а войско отвѣчаетъ ему на разные манеры: «ради стараться». На эти взаимные комплименты уходитъ *сто* строкъ. — И это, по мнѣнію г. Аверкіева, называется «изобразить прошлую жизнь съ возможно-большаго числа сторонъ?»

IV.

Къ «Воеводѣ» г. Островскаго не приложено никакого предисловія, и это очень жаль, потому что было бы желательно, чтобы къ этой комедіи было приложено два предисловія: одно отъ автора, другое отъ редакціи «Современника». Въ первомъ — авторъ долженъ былъ объяснить русской публикѣ, что такое онъ хотѣлъ выразить своимъ новымъ произведеніемъ и съ какой стати онъ его написалъ. Сама комедія на эти вопросы не даетъ рѣшительно никакого отвѣта. Во второмъ предисловіи, редакція «Современника» должна объяснить, съ какой точки зрѣнія она находитъ комедію г. Островскаго интересною или полезною вообще и для подписчиковъ «Современника» въ особенности. Упорство, съ которымъ «Современникъ» держится за увядшій талантъ г. Островскаго, составляетъ для меня необъяснимую загадку, тѣмъ болѣе, что тотъ же «Современникъ» не разъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу ту стоическую твердость, съ которою онъ отвернулся отъ Тургенева, какъ только замѣтилъ въ немъ фальшивыя ноты. Тургеневъ, при всѣхъ своихъ немощахъ, несравненно свѣжѣе г. Островскаго, и было бы несравненно приличнѣе для «Современника» напечатать даже «Призраки», чѣмъ печатать «Воеводу». Г. Островскій былъ дорогъ для «Современника», какъ изобрѣтатель «Темнаго царства», но о «Темномъ царствѣ» г. Островскій давно произнесъ свое послѣднее слово, и теперь онъ странствуетъ по такимъ пустынямъ и дебрямъ, въ которыхъ онъ можетъ встрѣтиться только съ г-жею Кохановскою, съ г. Аксаковымъ, съ г. Юркевичемъ, а никакъ не съ мыслящими реалистами нашего времени.

Сюжетъ «Воеводы» изумляетъ читателя своею несообразностью. Въ одномъ приволжскомъ городѣ господствуетъ, въ половинѣ XVII столѣтія, старый воевода Шалыгинъ, зачекотавшій до смерти двухъ своихъ жонъ и желающій на старости лѣтъ жениться еще разъ, для того, чтобы зачекотать третью. Онъ дѣлаетъ предложеніе одной красивой дѣвицѣ, Прасковѣ, дочери богатаго посадскаго, Власа Дюжаго. Его предложеніе принимаютъ съ радостью, и будущая его теща, Настасья, уже заранѣе обнаруживаетъ свою гордость тѣмъ, что, идя по улицѣ, ни съ того, ни съ сего, кричитъ на всѣхъ прохожихъ: «фу! смерды». Но прохожіе, съ своей стороны, обнаруживаютъ свою самостоятельность, отвѣчая ей такъ: «шире, народъ, навозъ плыветъ». Если бы г. Островскій снабдилъ свою комедію объяснительнымъ предисловіемъ, то изъ этого предисловія мы узнали бы навѣрное, для чего созданъ діалогъ между гордою Настасьею и самостоятельными прохожими: для того ли, чтобы очертить нравы XVII столѣтія, или же для того, чтобы, въ XIX столѣтіи, породить хо-

хоть и рукоплесканія въ райкѣ Александринскаго театра. Теперь же, за немѣнѣемъ предисловія, мы недоумѣваемъ. — Придя съ визитомъ къ Власу Дюжому, воевода случайно сталкивается съ Марьею, младшею сестрою Прасковьи, и тотчасъ рѣшаетъ, что лучше жениться на Марьѣ, чѣмъ на Прасковьѣ. Марья влюблена въ молодого помѣщика Бастрякова, котораго отецъ, поссорившись съ Шалыгинымъ, поѣхалъ въ Москву жаловаться на воеводу отъ лица цѣлаго города. Молодой Бастряковъ хочетъ похитить Марью, но шутъ воеводы подкарауливаетъ ихъ и разстраиваетъ ихъ планъ. Воевода, чтобы уберечь Марью отъ ея поклонника, перевозитъ ее въ одинъ изъ своихъ теремовъ, еще до свадьбы. Самъ же онъ уѣзжаетъ на нѣсколько дней за городъ, по дѣламъ. Въ одной изъ бѣ онъ видитъ пророческіе сны: будто молодой Бастряковъ похищаетъ Марью; потомъ будто старый Бастряковъ пожаловался на него, Шалыгина, въ Москвѣ, и будто ѣдетъ на воеводство дворянинъ Поджарый. Встревоженный снами, онъ возвращается въ городъ, захватываетъ Марью въ ту самую минуту, когда она совсѣмъ собралась бѣжать, и начинаетъ ее щекотать; но въ это время является на сцену новый воевода, Поджарый, и Марья, избавленная отъ щекотанія, находитъ себѣ счастье въ объятіяхъ Бастрякова.

Вотъ вамъ и комедія вся. Комедія, разумѣется, пзобилуетъ вводными лицами; тутъ есть и пустынный, размышляющій о суетности земного величія; и разбойникъ, смахивающій на Карла Моора; и старая нянька Недвига, рассказывающая сказки; и корыстолюбивая вдова Ульяна, исполняющая при особѣ Марьи роль Дуэнны; и колдунъ Мизгирь, появляющійся на сценѣ въ оковахъ; есть даже и домовый, настоящій домовый, который ходитъ по сценѣ съ фонаремъ, декламируетъ стихи и спихааетъ шляпъ съ головы спящей Недвиги. Но г. Островскій и этимъ неудовлетворился: для большей фантастичности, онъ устроилъ такъ, что пророческіе сны воеводы разыгрываются передъ глазами всѣхъ зрителей. Воевода лежитъ на сценѣ и спитъ, а въ это время на заднемъ планѣ отерывается новая сцена, на которой изображается въ лицахъ то, что воевода видитъ во снѣ. Черезъ это, комедія начинаетъ смахивать на волшебную оперетку и получаетъ для райка удвоенную занимательность. Но мыслящій читатель, наткнувшись на домового и на пророческіе сны, болѣе чѣмъ когда либо, начинаетъ чувствовать необходимость тѣхъ двухъ предисловій, о которыхъ я говорилъ выше. Возникаетъ вопросъ: вѣрить или не вѣрить г. Островскій въ существованіе домовыхъ и въ пророческія свойства сновидѣній? Что люди XVII столѣтія вѣрили въ то и въ другое, это, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію. Но тутъ дѣло не въ томъ. Домовой ходитъ по сценѣ и говоритъ; значитъ, его видятъ и слышатъ не только дѣйствующія лица комедіи, а кромѣ того, еще всѣ зрители, то есть, люди XIX вѣка. Собственно говоря, онъ даже

приходить на сцену только для зрителей, потому что дѣйствующія лица всѣ спятъ въ минуту его появленія, и просыпаются только послѣ его ухода. — Такое же реальное существованіе имѣютъ для зрителей пророческіе сны Шалыгина. Зрители видятъ и слышатъ все ясно, что грезится воеводѣ; и потомъ, тѣ же зрители видятъ и слышатъ такъ же ясно, что всѣ эти грезы осуществляются съ буквальною точностью. Что же это, въ самомъ дѣлѣ, значить? Если г. Островскій вѣритъ во всякую чертовщину, то чего же смотреть редакція «Современника»? Если г. Островскій, не вѣря въ чертовщину, считаетъ своею обязанностью поддѣлываться подъ народное міросозерцаніе и *смиряться передъ народною правдою* до признанія домовыхъ и пророческихъ сновъ включительно, — то, опять-таки, чего же смотреть редакція «Современника»? Если, наконецъ, г. Островскій, отложивъ попеченіе о какомъ бы то ни было серьезномъ взглядѣ на литературу, наполняетъ свои досуги сочиненіемъ комико-магическихъ оперетокъ, то и въ этомъ случаѣ, мы, въ крайнемъ недоумѣніи, повторяемъ тотъ же самый вопросъ: чего же смотреть редакція «Современника», та самая редакція, которая ведетъ непримиримую войну съ Тургеневымъ?

Безъ двухъ предисловіи съ «Воеводою» невозможно справиться.

V.

Яростные романы, въ родѣ «Марева» и «Некуда», очень скоро набиваютъ публикѣ оскомину; археологическія драмы, въ родѣ «Кузмы Минина» и «Мамаева побоища», всегда нагоняютъ на читателей истерическую зѣвоту. Поэтому, писатели, желающіе систематически усыплять общественное самосознаніе, должны пускать въ ходъ какое нибудь другое, болѣе тонкое и привлекательное наркотическое вещество. Къ счастью для этихъ писателей, такое наркотическое вещество изобрѣтено съ незапамятныхъ временъ. Чтобы отвлекать людей отъ серьезныхъ размышленій, чтобы отводить имъ глаза отъ крупныхъ и мелкихъ нелѣпостей жизни, чтобы скрывать отъ нихъ насущныя потребности вѣка и народа, — писатель долженъ уводить своихъ читателей въ крошечный мірокъ чисто личныхъ радостей и чисто личныхъ огорченій; онъ долженъ рисовать имъ миловидныя картинки любовныхъ томленій и любовнаго восторга; онъ долженъ обставлять свои рассказы очаровательными описаніями лунныхъ ночей, лѣтнихъ вечеровъ, страстныхъ замраній и роскошныхъ бюстовъ; и при этомъ — самое главное — онъ долженъ тщательно маскировать отъ читателя ту неразрывную связь, которая существуетъ между участіемъ отдѣльной личности и положеніемъ цѣлаго общества. Если всѣ эти условія будутъ соблюдены, то просто-

душный читатель разнѣжится, замечается и повѣритъ хитрому усыпителью, что человѣкъ прежде всего долженъ отыскать себѣ родственную душу, а потомъ, въ теченіе всей своей жизни, упиваться вмѣстѣ съ нею благоуханіемъ цвѣтовъ, пѣніемъ соловья, восходомъ солнца и блескомъ луны. Разумѣется, *одинъ* приемъ такого наркотическаго вещества усыпляетъ и расслабляетъ человѣка не на долго, но когда приемы быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, когда вся литература переполнена гашишемъ платоническихъ и анакреонтическихъ сладостей, когда ни откуда нѣтъ отпора этимъ пошлостямъ, тогда самыя здоровыя головы тупѣютъ и теряютъ способность мыслить.

Западный романтизмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сбиль съ толку и взуродоваль, по меньшей мѣрѣ, два поколѣнія французовъ и нѣмцевъ. Мы, въ настоящее время, довольно прочно застрахованы противъ подобной опасности; дряхлый романтизмъ смѣшонъ и гадокъ для нашей здоровой молодежи, но, тѣмъ не менѣе, романтизмъ существуетъ, какъ въ беллетристикѣ, такъ и въ критикѣ нашихъ рутинныхъ журналовъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны тѣ повѣсти, которыми украшаетъ себя «Русскій Вѣстникъ». Всѣ онѣ очень недалеко уѣхали отъ «Бѣдной Лизы» Карамзина и отъ «Барышни-крестьянки» Пушкина. Всѣ онѣ стремятся къ тому, чтобы терзать чувствительныя сердца *кисейныхъ дѣвушекъ*, совершенно неспособныхъ обороняться отъ глупыхъ людей и отъ глупыхъ книгъ. — Въ концѣ прошлаго года, начиная съ сентября, «Русскій Вѣстникъ», отложивъ въ сторону бранныя доспѣхи, ударился въ буколическое направленіе и поднесъ своимъ читателямъ нѣсколько повѣстей, такихъ сладостныхъ и усыпительныхъ, какія рѣдко можно встрѣтить въ нашемъ желѣзномъ и тревожномъ вѣкѣ. — Въ сентябрьской книжкѣ помѣщена повѣсть г. Н. О. «Гдѣ же счастье?» Вся повѣсть состоитъ изъ писемъ. Замужняя сестра, Наталья, пишетъ своей незамужней сестрѣ, Екатеринѣ, что она чрезвычайно счастлива. Счастье наводитъ Наталью на самыя удивительныя размышленія. «Бьетъ два часа. Я люблю эту ночную тишину; одна вода все клокочетъ, бьется и шумитъ на мельницѣ, подь горою, и какъ будто тоже бесѣдуетъ о моемъ блаженствѣ съ незримымъ духомъ, подающимъ жизнь всему живущему». Блаженство Натальи, о которомъ бесѣдуетъ вода на мельницѣ, состоитъ въ томъ, что мужъ ея, Валерьянъ, восемь лѣтъ подь рядъ говоритъ ей сладости и цѣлуетъ ея руки. Вотъ образецъ ея блаженства. «Какой-то подрядчикъ досадилъ мужу; онъ разсердился на него и презлой пришелъ къ обѣду, сталъ придирается, ворчать. Я вижу, что онъ раздраженъ чѣмъ-то и молчу. Онъ кричитъ, шумитъ и уже мнѣ говоритъ дерзости; я уткнулась въ работу и ни слова. Вижу: человѣкъ дурно настроенъ— ну, что-жь съ этимъ дѣлать? Валерьянъ посердился и опять убѣжалъ на стройку. Вечеромъ... какъ бы ты думала? возвратился до того скоп-

фуженъ, что смѣшно смотрѣть; не смѣть глазъ на меня поднять со- вѣстится, просить прощенія; но видя, что я улыбаюсь. опускается пе- редо мною на колѣни. И тутъ послѣдовалъ взрывъ горячаго раскаянья, пламенной любви, восторга.... Ну, точь-въ-точь какъ будто ему 18 лѣтъ! Да, истинная любовь съ лѣтами какъ будто конѣтъ до того, что пре- вращается наконецъ въ какую-то дѣтскую привязанность. Я слушала, слушала его и потомъ, съ гордостью эфиопской царицы, протянула ему руку, сказавъ: «дерзай, слабый смертный!» Повѣришь ли, онъ и тутъ еще не увидѣлъ шутки, не разглядѣлъ комизма, а серьезно превозносил мою кротость, уступчивость, благоразуміе и тысячу другихъ добродѣте- лей. Ей Богу, боюсь, Катя, онъ меня совсѣмъ избалуешь. Я, пожалуй, зазнаюсь». Но вдругъ мрачная туча набѣгаетъ на томъ эдемѣ, въ ко- торомъ истинная любовь превращается въ дѣтскую привязанность, въ которомъ слабый смертный ползаетъ на колѣняхъ передъ эфиопскою царицею и въ которомъ вода бесподуетъ съ незримымъ духомъ о блажен- ствѣ Натальи Николаевны Голубинцевой. Мрачная туча эта является въ видѣ коварной женщины, Клеопатры Александровны, которая своимъ преступнымъ кокетствомъ разрушаетъ дѣтскую привязанность и отвле- каетъ слабого смертнаго отъ эфиопской царицы. Эфиопская царица на- чинаетъ рвать и метать, и доводитъ себя разными глупостями до того, что рождаетъ раньше срока мертвого ребенка.

Вотъ, наприимѣръ, исторія одной кавалькады, происходившей въ эдемѣ, послѣ водворенія въ немъ мрачной тучи. «Я чувствовала себя опять очень дурно и рѣшила было остаться дома; но когда увидѣла изъ окна, что Клеопатра Александровна въ изящной амазонкѣ, съ хлыстикомъ въ рукѣ вышла на крыльцо въ ожиданіи верховой лошади, а Ва- лерьянъ готовился сопровождать ее верхомъ.... вся кровь закипѣла въ моихъ жилахъ и прилила къ сердцу съ такой силой, что, забывъ все на свѣтѣ, я объявила Валерьяну, что поѣду съ нимъ въ кабриолетѣ. Это его озадачило: онъ пробовалъ меня убѣждать; но я на отрѣзъ ска- зала ему, что если онъ не сдѣлаетъ по моему, то я.... не пощажу ни- кого!»—Угроза подѣйствовала. Эфиопскую царицу повезли въ кабриолетѣ, но мрачная туча посылаетъ слабому смертному такой взоръ, въ кото- ромъ скрывалось «что-то повелительно-насмѣшливое» и который «и лас- калъ, и колоть въ одно и то же время». Не выдержавши долѣе «этой пытки», беременный Отелло начинаетъ буяннить, такъ что Валерьянъ говорить: «помилосердуй, Наташа!» Но свирѣпая Наташа нисколько не милосердуетъ, а напротивъ того, поднимаетъ въ кабриолетѣ лютую возню, чтобы отнять у мужа какую-то жолтенькую записку, случайно выгля- нувшую изъ его раскрывшейся сигарочницы. Неумѣстная возня кончается тѣмъ, что кабриолетъ опрокидывается и что воинственную царицу Эфиопіи, лежащую въ обморокѣ, отвозить домой. Поздно вечеромъ, оправившись

отъ испуга, она подходитъ къ окну, и тутъ, при свѣтѣ молніи, видитъ такую картину, которая, очевидно, должна разодрать на части всѣ чувствительныя сердца кисейныхъ дѣвушекъ. «Вдругъ молнія широко раскинулась, освѣтивъ флигель; на стеклѣ итальянскаго окна ясно нарисовались двѣ фигуры. Но что это? Игра воображенія?... или ужасающая дѣйствительность?... Опять все стемнѣло.... Сердце такъ сильно билось въ моей груди, что мѣшало дышать свободно. Вотъ еще блеснула молнія.... И на этотъ разъ я ясно увидѣла.... Это онъ! Это она! Какъ страстно прижалъ онъ ее къ своему сердцу! Какъ нѣжно обвилась рука ея около его шеи!... Голова ея покоится у него на груди... Я обомлѣла... Высунулась въ окно, таращу глаза, хочу еще разъ убѣдиться въ потрясающей истинѣ, но вся природа погрузилась въ страшный мракъ и съ шумомъ полилъ дождь». Надо полагать, что на этотъ разъ дождевая вода ни съ кѣмъ не бесѣдовала о блаженствѣ Натальи Николаевны, которая къ утру родила мертваго ребенка. — Затѣмъ слабый смертный съ своею супругою ѣдетъ въ Москву, но и тамъ продолжаетъ свои амуры съ Клеопатрою, которой безнравственность нисколько не должна изумлять читателей, потому что «о, не даромъ у нея мать полька», говоритъ Наталья Николаевна на стр. 113. — Далѣе, Наталья Николаевна уѣзжаетъ отъ мужа въ Дрезденъ, гдѣ и умираетъ черезъ два года, отъ разбитости своего любящаго сердца и отъ пустоты своей убогой головы. Еще далѣе, коварная дочь польки разбиваетъ сердце Валерьяна; она выходитъ замужъ за стараго князя Бахрушинскаго, и прерываетъ всѣ сношенія съ своимъ бывшимъ любовникомъ. — Еще того далѣе, Валерьянъ, который такъ же глупъ, какъ его покойная супруга, впадаетъ въ помѣнательство и умираетъ. Вся повѣсть заканчивается тѣмъ, что толстый и добродѣтельный кузинъ покойнаго Валерьяна, Василій фонъ-Лембахъ, въ письмѣ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, подобно здравосуду старинныхъ комедій, произноситъ нравоученіе. Онъ говоритъ, что княгиня Бахрушинская очень безпощадно румянится, очень «низко вырѣзываетъ свои лифы» и очень «безъ ума» отъ молодого гусара «съ рыжими усами и съ нахальнымъ видомъ». Изъ этихъ данныхъ глубокомысленный фонъ-Лембахъ выводитъ то заключеніе, что порокъ непременно будетъ наказанъ или, какъ онъ выражается, что «персть божій близокъ». Кромѣ того, тотъ же мыслитель утверждаетъ, что «дни бѣгутъ, новыя люди тѣсняются въ жизнь, а мы все не хотимъ сомкнуться». Надо полагать, что когда эти «мы» сомкнутся, тогда дни перестанутъ бѣжать, и новымъ людямъ будетъ строго воспрещено тѣсниться въ жизнь.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» напечатана повѣсть «Нѣмая» г. В. К—ова. Тутъ даже и усладительнаго нѣтъ ничего. Одинъ юноша, богатый помѣщикъ, влюбляется въ нѣмую красавицу неизвѣст-

наго происхожденія, усыновленную дворовымъ человѣкомъ и воспитанную въ барскомъ домѣ. Нѣмая отвѣчаетъ ему взаимностью, и влюбленные проводятъ нѣсколько недѣль въ самыхъ идиллическихъ увеселеніяхъ. «Мнѣ, рассказываетъ юноша, доставляло безконечное удовольствіе, гуляя съ Леттой,—учиться у нея деревенскимъ лакомствамъ, въ родѣ пупырей, просвири и т. п. Она показывала мнѣ, какъ дѣлаются *кольтики* изъ березовой коры, для собиранія земляники; найдя крупную ягоду и радуясь, какъ ребенокъ, она жестомъ требовала, чтобъ я подставлялъ ей губы, и осторожно, будто выкармливая молодую птичку, опускала мнѣ ее въ ротъ». — Разумѣется, юношу очень скоро одолѣла скука, и всѣ деревенскія лакомства, вмѣстѣ съ самою Леттой, надоѣли ему, какъ горькая рѣдка. Порхая, подобно мотыльку, съ цвѣтка на цвѣтокъ, юноша влюбился въ Лисхенъ, дочь своего новаго управляющаго. Онъ поѣхалъ съ нею въ Петербургъ и хотѣлъ на ней жениться, но ему пришлось убѣдиться въ томъ, что Лисхенъ — продувная шельма. За нѣсколько дней до свадьбы, онъ подслушалъ слѣдующій разговоръ между купцами, у которыхъ Лисхенъ дѣлала различные заказы. — «За *Fräulein* тепло, говорилъ одинъ: — она своихъ не выдаетъ; вотъ, напр., я дѣлаю карету: мнѣ она стоитъ пятьсотъ, а въ счетѣ тысяча слишкомъ; профитъ пополамъ съ ней. *S'ist rund, Kamerad? A?* — Хе-хе! Мы всѣ очень довольны, отвѣтилъ другой. Давай Богъ здоровья». — Юноша возмущенъ и, разорвавъ всякія сношенія съ коварною Лисхенъ, хочетъ возвратиться къ добродѣтельной, но безсловесной Леттѣ. Но оказывается, что возвращаться уже не къ кому, потому что покинутая Летта, предавшись безутѣшной тоскѣ, умерла отъ чахотки. Юноша, сокрушенный, всѣми этими ударами судьбы, уѣзжаетъ на Кавказъ, а потомъ возвращается назадъ и завѣряетъ читателей «Русскаго Вѣстника», «что двойная фальшь—чувственной вспышки и головного чувства,—не прошла ему даромъ». — «Я сталъ не способенъ, продолжаетъ онъ, къ истинному, живому чувству, и не думаю, чтобъ оно когда нибудь пробудилось во мнѣ». Это какъ вамъ угодно будетъ, скажутъ читатели.

Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» напечатана «Скромная доля», повѣсть г-жи Л. Я. Черкасовой. Эта повѣсть гораздо проще всѣхъ предыдущихъ, но за то гораздо скучнѣе и безсвязнѣе ихъ. У помѣщика Луговскаго умираетъ молодая жена. Сцена смерти написана, по возможности, раздирательно. Луговскій съ горя хочетъ пойдти въ монастырь. Его не пускаетъ Надежда Николаевна, сестра покойницы. При помощи Надежды Николаевны, Луговскій принимается за хозяйственныя заботы и за воспитаніе своихъ осиротѣвшихъ дѣтей. Сосѣди распускаютъ сплетни на счетъ Луговскаго и Надежды Николаевны. Надежда Николаевна не обращаетъ на нихъ вниманія. Ей дѣлаетъ предложеніе богатый помѣщикъ Гребенской. Она ему отказываетъ. Потомъ

пріѣзжаетъ въ имѣніе Луговскаго молодой докторъ, Ланинъ, приглашенный для управленія вновь устроенною крестьянскою больницею. Надежда Николаевна влюбляется въ Ланина, но Ланинъ, уже влюбившись въ нее, говоритъ какія-то глупости о томъ, что онъ долженъ посвятить себя наукѣ, что любовь—роскошь, которую не смѣетъ себѣ позволить бѣднякъ, и что онъ никогда не женится. Это называется *moral restraint* по всѣмъ правиламъ мальтузіанской политической экономіи. Но потомъ оказывается, что все это — пустой разговоръ. Происходятъ нѣжныя объятія; Ланинъ женится на Надеждѣ Николаевнѣ, и «Скромная доля» оканчивается, захвативши собою ровно *пятьдесятъ* страницъ. Теперь будемъ подводить итоги.

VI.

Многимъ читателямъ, по всей вѣроятности, уже давно хочется предложить мнѣ вопросъ: да чѣмъ же плохи рассказанные вами повѣсти? И почему вы рассказывали ихъ насмѣшливымъ и даже презрительнымъ тономъ?—А тѣмъ онѣ плохи, отвѣчу я, что онѣ совершенно безполезны. И рассказывалъ я ихъ съ отгѣнкомъ насмѣшливаго презрѣнія потому, что нѣтъ никакой возможности сочувствовать радостямъ и страданіямъ тѣхъ фигуръ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ. Я не говорю, что эти фигуры вымышлены авторами и не встрѣчаются въ дѣйствительной жизни,—нѣтъ. Напротивъ того. Дѣйствительная жизнь переполнена такими фигурами, но до ихъ радостей и страданій здравомыслящему человѣку все-таки не можетъ быть никакого дѣла, потому что всѣ эти радости и страданія—ни что иное, какъ естественный результатъ хроническаго тунсаества. Когда человѣкъ не трудится совершенно серьезно, то есть, когда онъ не зарабатываетъ себѣ собственнымъ трудомъ того куска хлѣба, которымъ онъ питается,—тогда онъ не можетъ быть счастливъ; тогда онъ скучаетъ, блажитъ, фантазируетъ, дилетантствуетъ, донжуанствуетъ, разстроиваетъ себѣ нервную систему глупыми чувствами, глупыми мыслями, глупыми желаніями и глупыми поступками, тиранитъ самаго себя, тиранитъ другихъ, все чего-то ищетъ и никогда не находитъ того, что ему необходимо. При такихъ условіяхъ, каждая радость оказывается непрочною и быстро ведетъ за собою пресыщеніе, а каждое горе становится невыносимымъ, потому что не встрѣчаетъ себѣ никакого отпора. При такихъ условіяхъ, человѣку не достаетъ того, что придаетъ огромную силу мыслящему работнику; ему не достаетъ нравственной связи съ тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ живетъ; его гнететъ чувство его собственной безцѣльности и ненужности; и это чувство не искореняется никакими филантропическими подвигами; надо

быть работникомъ, вполне работникомъ, съ головы до ногъ, съ утра до вечера, или же надо помириться со всеѣми печальми тунеядства, подобно тому, какъ старый подагрикъ поневолѣ мирится съ своею неизлечимою болѣзнью.

Все три повѣсти «Русскаго Вѣстника» изображаютъ жизнь такихъ людей, которые живутъ на всемъ готовомъ и которые, съ самой ранней молодости, чтобы не умереть во цвѣтѣ лѣтъ отъ невыносимой скуки, должны были искусственно наполнять свою жизнь разными хитрыми развлечениями. Тутъ подоспѣваютъ къ нимъ на помощь и утонченное обжорство, и облагороженное пьянство, и высокое искусство, которое всегда обиваетъ пороги у всеѣхъ богатыхъ тунеядцевъ, и азартная игра, и псовая охота, и швейцарскія горы, и итальянское небо, и парижскія лотерейки, и, наконецъ, любовь въ своихъ безчисленныхъ варьяціяхъ и модуляціяхъ. Любовь, разумѣется, оказывается обыкновенно занимательнѣе и пріятнѣе всеѣхъ остальныхъ развлеченій, потому что любовь вытекаетъ изъ естественной, неистребимой и чрезвычайно сильной потребности животнаго организма. Но тунеядецъ и въ любви является несчастнымъ человѣкомъ. Чѣмъ искреннѣе и сильнѣе онъ любитъ, тѣмъ хуже для него. Онъ видитъ весь міръ въ любимомъ существѣ; весь смыслъ жизни сосредоточивается для него въ одномъ чувствѣ; онъ носится съ этимъ чувствомъ, какъ съ какою нибудь неземною драгоценностью; онъ разсматриваетъ его съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и, разумѣется, открываетъ въ немъ кое-какіе пятнышки, которыхъ благоразумный работникъ не замѣтилъ бы и не захотѣлъ бы замѣчать, но которыя для несчастнаго тунеядца становятся обильнымъ источникомъ глупѣйшихъ сомнѣній и страданій. Эти сомнѣнія и страданія приводятъ за собою или тотъ результатъ, что тунеядецъ, надѣвши своему предмету нелѣпою придирчивостью, позорно изгоняется изъ эдема, или же тотъ, что тунеядецъ по собственной охотѣ, мѣняетъ старый эдемъ на новый, который издали кажется ему болѣе привлекательнымъ и безукоризненнымъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, происходитъ разбитіе какого нибудь тунеядческаго сердца, мужского или женскаго. Это разбитіе можетъ быть очень эффектно изображено въ повѣсти или въ романѣ. Но все подобныя романы и повѣсти, какъ бы ни были они талантливо написаны, непременно фальшивы въ основномъ взглядѣ автора на предметъ. Герои или героини оказываются трогательными жертвами необъяснимой случайности. Это чистый вздоръ, сохраняющій внѣшній видъ правдоподобія только потому, что авторъ не умѣетъ или не желаетъ показать намъ тѣ уродливыя отношенія, которыя существуютъ между героемъ и всею массою общественнаго организма. Если бы эти отношенія были обрисованы, то герои оказались бы гнилыми наростами на общественномъ тѣлѣ, и тогда читатель понялъ бы, что эти герои носятъ въ себѣ съ

самаго ранняго дѣтства зародышъ разложенія, и, что они страдаютъ именно отъ этого зародыша, воспитаннаго въ нихъ всѣмъ направленіемъ ихъ празднои жизни, а вовсе не отъ того, что ихъ одурачила какая нибудь коварная кокетка. Если бы отношенія между обществомъ и праздношатающимся героемъ были ясно поняты и вѣрно очерчены авторомъ, то герой навѣрное былъ бы разжалованъ изъ героевъ; все сочувствіе автора было бы перенесено на сторону общества, а для героя не осталось бы ничего, кромѣ презрительнаго состраданія; вдумываясь въ отношенія тунеядца къ обществу, авторъ разглядѣлъ бы въ обществѣ столько серьезнаго страданія, столько глубокаго и реальнаго горя, столько неподдѣльнаго и громаднаго трагизма, что какія нибудь трогательныя разбитія паршивыхъ тунеядческихъ сердець показались бы ему приличнымъ сюжетомъ развѣ только для водевильчика съ переодѣваньями.

Позволительно ли сокрушаться надъ любовными неудачами и надъ измѣнами въ такихъ обществахъ, гдѣ сплошь и рядомъ свирѣствуютъ надъ живыми людьми голодъ, холодъ, суевѣріе, невѣжество, самодурство и разныя другія, столь же ощутительныя неудобства? Какая нибудь несчастная любовь кажется горемъ только тогда, когда вы изолируете ее отъ всего остальнаго міра, когда вы вносите ее въ оранжерею и ставите ее подъ стеклянный колпакъ. А попробуйте вынести ее изъ теплицы на открытый воздухъ, въ суровую атмосферу дѣйствительной, трудовой жизни, въ тотъ міръ, гдѣ «стонъ раздается надъ великой русской рѣкой» — ничего отъ нея и не останется. Плюнуть не на что будетъ, не только что сокрушаться и сочувствовать. Поэтому писатель, заглянувшій серьезно въ самую глубину общественной жизни и общественнаго горя, никогда не будетъ въ состояніи тратить свое чувство и свою наблюдательность на изображеніе *слабыхъ смертныхъ и эфиопскихъ царичъ*, изнывающихъ подъ бременемъ несчастной любви. Для него эти страданія будутъ стоять на ряду съ страданіями несчастнаго гастронома, испортившаго себѣ аппетитъ. Имѣя всегда въ виду интересы общественнаго организма, писатель пойметъ, что всякіе тунеядцы — будь они астрономы, азартные игроки или несчастные любовники, — составляютъ для общества отрѣзанный ломоть, который не можетъ и даже не желаетъ прилѣпиться обратно къ хлѣбу. Писатель пойметъ, что общество не можетъ получить отъ всѣхъ этихъ дряблыхъ страдальцевъ никакой пользы, и что, вслѣдствіе этого, оно само не можетъ предложить имъ ни малѣйшаго утѣшенія. Усвоивши себѣ эти очевидныя истины, писатель навсегда отвернется отъ всѣхъ коптителей неба и займется изученіемъ того настоящаго горя, которое дѣйствительно требуетъ себѣ облегченія и которое дѣйствительно можетъ быть облегчено, когда оно обратитъ на себя вниманіе и сочувствіе общественныхъ дѣятелей. И начнетъ этотъ писатель изображать, съ одной стороны, *бѣдность, да*

бѣдность, да несовершенства нашей жизни», а съ другой стороны, тѣ блестящи самосознанія и энергіи, которые даютъ намъ право разсчитывать въ будущемъ на облегченіе нашего общественнаго горя, то есть, на постепенное обузданіе голода, холода, суевѣрія, невѣжества и самодурства.

Теперь читатель мой, по всей вѣроятности, понимаетъ, почему я осмѣялъ четыре повѣсти, помѣщенные въ прошлогоднемъ «Русскомъ Вѣстникѣ». Смѣшно въ этихъ повѣстяхъ именно то, что ихъ авторы относятся серьезно къ такимъ радостямъ и огорченіямъ, которыя не стоятъ выѣденнаго яйца. Смѣшно то, что авторы обращаются съ вѣчными недорослями, какъ съ взрослыми людьми, и съ полоумными существами, какъ съ особами совершенно здравомыслящими.

VII.

Отмѣтивъ жалкія и смѣшныя стороны нашей беллетристики, я обращаюсь къ тому, что исправляетъ должность критики въ нашихъ филистерскихъ журналахъ. Здѣсь умственное безсиліе нашего пишущаго филистерства проявляется съ особенною яркостью. «Русскій Вѣстникъ», стоящій выше всѣхъ остальныхъ филистерскихъ журналовъ по своему вліянію на общественное мнѣніе, выбралъ себѣ благу часть. Онъ совершенно отказался отъ критики, и это самое лучшее, что только можно было придумать, находясь въ его положеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ Добролюбовъ создалъ реальную критику, филистерская критика сдѣлалась невозможною. Съ тѣхъ поръ, какъ ясно обозначилось въ нашей литературѣ строго-опредѣленное міросозерцаніе такъ называемаго теоретическаго лагеря, каждый пишущій человекъ долженъ непремѣнно или примыкать къ этому міросозерцанію, или же противопоставлять ему какое нибудь другое міросозерцаніе, совершенно самостоятельное и такъ же строго опредѣленное. Постоянное и послѣдовательное проведеніе того или другаго міросозерцанія въ оцѣнкѣ всѣхъ текущихъ явленій жизни, науки и литературы называется въ наше время критикою. У нашихъ филистеровъ нѣтъ и не можетъ быть своей критики, потому что у нихъ нѣтъ и не можетъ быть міросозерцанія, нѣтъ и не можетъ быть такихъ принциповъ, которые они выдерживали и проводили бы до конца съ непреклонною энергіею и съ неутомимымъ постоянствомъ. Что такое принципы «Русскаго Вѣстника» или принципы «Отечественныхъ Записокъ?» Этотъ вопросъ похожъ на злую насмѣшку, потому что у нихъ нѣтъ никакихъ принциповъ. У нихъ есть журнальная сноровка, тактика или политика, но руководящихъ идей, основныхъ взглядовъ нѣтъ и быть не можетъ.

Наши филистеры всѣ безъ исключенія — эклектики, то есть, люди,

наполнившіе свою голову такими идеями, которыя взаимно уничтожаютъ другъ друга и никакими средствами не могутъ быть примирены между собою. Съ одной стороны, у нихъ множество предразсудковъ, отъ которыхъ они не желаютъ отдѣлаться; съ другой стороны, у нихъ множество отрывочныхъ знаній, которыми они очень сильно гордятся; по-видимому, должно было бы произойти одно изъ двухъ: или предразсудки должны были исчезнуть, или знанія должны были подвергнуться изгнанію, какъ вредныя заблужденія. Но у филистера дѣло идетъ не такъ: и предразсудки, и знанія живутъ тихо и смирно рядомъ, въ одной и той же головѣ, потому что эта голова разгорожена на нѣсколько отдѣльныхъ клѣтокъ, не имѣющихъ между собою никакого сообщенія. Въ одной клѣткѣ лежитъ у филистера политическая экономія; въ другой — нравственная философія; въ третьей — эстетика; въ четвертой — уголовное право; въ пятой — физиологія; въ шестой — исторія и такъ далѣе. Ключами отъ всѣхъ этихъ клѣтокъ завѣдуетъ самородная чичиковщина, которая знаетъ очень хорошо, что въ однихъ случаяхъ слѣдуетъ выпускать на свѣтъ политическую экономію, въ другихъ — нравственную философію и такъ далѣе. Разумѣется, перегородки между клѣтками могутъ возникнуть и окрѣпнуть только въ такой головѣ, для которой процессъ мышленія никогда не былъ серьезнымъ дѣломъ, поглощающимъ и увлекающимъ всего человѣка. Тяжелыя сомнѣнія, умственные бури, умственные страданія и умственные перевороты, хорошо знакомые всѣмъ людямъ, мыслившимъ честно и безстрашно, переломали бы въ головѣ всякія перегородки и не успокоились бы до тѣхъ поръ, пока не уничтожилось бы безъ остатка послѣднее внутреннее противорѣчіе. Но филистеры предоставляютъ это тревожное и стремительное мышленіе такъ называемымъ теоретикамъ; филистеры сами мыслятъ умѣренно и аккуратно, берутъ себѣ съ идей удовлетворительныя доходы и никогда не привязываются къ идеямъ на столько, чтобы изъ-за идей сѣсть на мель или налетѣть на подводный камень. Пока въ обществѣ не было людей, искренно мыслящихъ, или пока эти люди не были въ состояніи высказаться, до тѣхъ поръ филистеры или эксплуататоры идей могли находить себѣ слушателей и могли передъ этими слушателями выкладывать, съ тупымъ самодовольствомъ, разнохарактерное содержаніе своихъ клѣтокъ. Это выкладываніе называлось критикою. Но людямъ свойственно любить неподдѣльную силу и нерасчетливую искренность человѣческой мысли. Какъ только слышались въ литературѣ голоса, проникнутые искреннимъ воодушевленіемъ, какъ только выразились цѣльныя и опредѣленныя убѣжденія, такъ филистерское фокусничество тотчасъ было оцѣнено по достоинству. Противъ такихъ фанатиковъ идеи, какъ Добролюбовъ, могли выступить, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, только фанатики противоположнаго направленія.

Чистымъ и честнымъ фанатикомъ отжившаго романтическаго міросозерцанія былъ Григорьевъ. Григорьева должны были носить на рукахъ, какъ священный палладіумъ, всѣ литературные враги Добролюбовской школы. Но именно въ судьбѣ Григорьева выразилось все трусливое безсиліе нашего филистерства. Ненавидя Добролюбова, филистеры въ то же время боялись Григорьева, какъ человѣка, смѣло идущаго въ самый вопіющій обскурантизмъ. Добролюбовъ былъ для филистеровъ непримиримымъ врагомъ; но Григорьевъ, неспособный лавировать и дипломатизировать, былъ для тѣхъ же филистеровъ слишкомъ опаснымъ союзникомъ. Вслѣдствіе этого, Григорьевъ, единственный человѣкъ, способный выдвинуть какое нибудь міросозерцаніе противъ нашего міросозерцанія, постоянно принужденъ былъ скитаться изъ журнала въ журналъ, вездѣ попадалъ подъ опеку такихъ людей, которые, въ умственномъ отношеніи, приходились ему по колѣно, и нигдѣ не могъ довести до конца того, что онъ хотѣлъ высказать.

Проклиная Добролюбова и почтительно сторонясь отъ Григорьева, филистеры, очевидно, обрекали себя на полное ничтожество въ области мысли. Изъ этого затруднительнаго положенія оберъ-филистеръ «Русскій Вѣстникъ» выпутался съ замѣчательною находчивостью. Подобно лисицѣ, разсуждающей о незрѣлости винограда, онъ сталъ относиться съ прерзительнымъ равнодушіемъ ко всему, что было ему недоступно, то есть, ко всему тому, что имѣло общій интересъ для всѣхъ образованныхъ людей вообще. Всякія размышленія объ основахъ житейства, общества, нравственности «Русскій Вѣстникъ» называлъ бесплодною болтовнею. Всякую мысль, шедшую въ глубину разбираемаго вопроса, онъ отталкиваетъ съ негодованіемъ. Достаточно вспомнить, напримѣръ, его разсужденія о женщинахъ въ мартовской книжкѣ 1861 года. Не имѣя ни малѣйшей возможности дѣйствовать на общечеловѣческія убѣжденія своихъ читателей, «Русскій Вѣстникъ» постоянно наполнялъ себя такими статьями, которыя были интересны только для людей извѣстной профессіи. Такъ, напримѣръ, одна статья была занимательна для золотопромышленниковъ, другая для преподавателей латинскаго языка, третья для лѣсоводовъ, четвертая для юристовъ, пятая для винокуровъ и такъ далѣе. Искусство редакціи состояло въ томъ, чтобы изъ множества односторонностей составлять какое-то подобіе разносторонности и общезанимательности. Редактированіе журнала превратилось, при такихъ условіяхъ, въ ловкое шиваніе специальныхъ статей, неимѣющихъ и не могущихъ имѣть между собой ни малѣйшей солидарности. Если назначеніе литературы состоитъ въ томъ, чтобы быть самосознаніемъ общества, чтобы связывать единствомъ общихъ руководящихъ идей разрозненные умы отдѣльныхъ личностей, чтобы превращать всѣхъ золотопромышленниковъ, преподавателей, лѣсоводовъ, юристовъ и винокуровъ

въ мыслящихъ членовъ одного общественнаго организма, то, разумѣется, «Русскій Вѣстникъ» всегда стоялъ и всегда будетъ стоять внѣ литературы. Изъ отрывочныхъ клочковъ специальныхъ знаній невозможно сложить общее міросозерцаніе, но за то этими клочками можно приманить къ журналу самую разнообразную публику. Эта цѣль дѣйствительно была достигнута, и, такимъ образомъ, внутренняя слабость журнала была очень удачно замаскирована.

Но эта внутренняя слабость обнаруживается каждый разъ, когда «Русскому Вѣстнику» приходится рѣшать какой нибудь вопросъ, выходящій изъ сферы узкой специальности и требующій самостоятельнаго обсуждения. Такъ, на примѣръ, въ послѣднее время, «Московскія Вѣдомости», находящіяся, какъ извѣстно, въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», разсуждали очень много о превосходствѣ классическаго образованія надъ реальнымъ, и столь же много негодовали противъ дерзкихъ защитниковъ реального образованія. Чтобы разгромить своихъ противниковъ и чтобы убѣдить своихъ читателей, «Московскія Вѣдомости», очевидно, должны были доказать, что изученіе латинскаго и греческаго языковъ приноситъ огромную пользу умамъ учащагося юношества, и что это изученіе не можетъ быть замѣнено, съ пользою для воспитанниковъ, никакимъ другимъ учебнымъ занятіемъ. Если бы «Московскія Вѣдомости» поступили такимъ образомъ, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ классическаго и реального образованія оказался бы совершенно исчерпаннымъ и окончательно рѣшеннымъ въ ту или въ другую сторону. Но «Московскія Вѣдомости» распорядились совсѣмъ не такъ; онѣ даже не коснулись основного вопроса; о вліяніи классическихъ занятій на умы юношества не сказано ни слова; въ пользу этого вліянія не представлено ни одного аргумента; всѣ разсужденія ограничиваются ссылками на авторитеты. *Всѣмъ извѣстно*, да *всѣми признано*, да *вся Европа такъ дѣлаетъ* — вотъ и все, что «Московскія Вѣдомости» сумѣли сказать въ пользу классическаго образованія. *Вся Европа* — это, разумѣется, авторитетъ очень почтенный, но не мѣшаетъ помнить, что *вся Европа* сжигала еретиковъ и колдунь, что *вся Европа* считала пытку и мучительныя казни необходимою принадлежностью уголовного процесса. *Вся Европа* дѣлала очень много глупостей, и если она могла дѣлать капитальныя глупости въ XVII и XVIII вѣкѣ, то почему же мы должны быть несокрушимо увѣрены въ томъ, что она не дѣлаетъ въ XIX столѣтіи рѣшительно никакихъ глупостей? Русскому писателю, конечно, очень позволительно ошибиться вмѣстѣ со *всею Европою*, но позволительно только въ томъ случаѣ, когда онъ ошибается по собственному, добросовѣстно составленному убѣжденію. Если же онъ рѣшаетъ вопросы съ чужого голоса, не давая себѣ труда всмотрѣться и вдуматься въ ихъ настоящій смыслъ, то его

умственная пассивность не может, быть оправдана никакими ссылками, на примѣръ, *всей Европы*. Никакой авторитетъ въ мірѣ не можетъ снять съ насъ нравственную обязанность обсуживать каждый вопросъ силами нашего собственного ума. «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» не знаютъ или, вѣрнѣе, не хотятъ знать этой простой истины.

VIII.

Трудно составить себѣ понятіе о томъ плачевномъ положеніи, въ которомъ находится критика филистерскихъ журналовъ, не послѣдовавшихъ примѣру «Русскаго Вѣстника». Зачѣмъ пишутся ихъ критическія статьи и чѣмъ онѣ наполняются — это просто уму непостижимо. Слезливыя жалобы на «нашу журналистику» и безсильныя попытки сказать теоретикамъ какую нибудь неприятность составляютъ все содержаніе этихъ несчастныхъ статей. Слово «наша журналистика» всегда обозначаетъ собою только два журнала: «Современникъ» и «Русское Слово». Изъ этого обстоятельства не трудно вывести то заключеніе, что «Эпоха», «Отечественныя Записки» и «Библіотека для Чтенія» не считаютъ себя за журналистику. Мы, съ своей стороны, можемъ только поощрительно кивнуть имъ головою за эту похвальную и совершенно основательную скромность. Вотъ, напримѣръ, отзывъ «Библіотеки» о г. Дмитріевѣ. «Онъ стоитъ внѣ этихъ направленій, и если напоминаетъ кого нибудь, по своему приему и поэтическому вѣянію страницъ, то развѣ Фета, — ну, а извѣстно, что въ глазахъ нашей журналистики Феть есть уже явленіе прошедшее». (Январь, № 2, стр. 26). Вы видите, что г. критикъ проговорился совершенно неумышленно. Въ чьихъ же глазахъ Феть есть явленіе прошедшее? «Библіотека» и «Русскій Вѣстникъ» до настоящей минуты печатаютъ стихотворенія г. Фета. «Эпоха» и «Отечественныя Записки» ни разу не отзывались о немъ съ пренебреженіемъ. Значитъ «наша журналистика» = «Русское Слово» + «Современникъ». Все же остальное, по приговору самихъ филистеровъ, — не журналистика, а торричеллева пустота. И такихъ нечаянныхъ признаній можно было бы набрать довольно много. На эту тѣму пишутся даже очень злобныя стихотворенія. Напримѣръ, въ той же книжкѣ «Библіотеки» г. Баби-ковъ изливаетъ свои страданія въ слѣдующихъ звукахъ, имѣющихъ самое непосредственное отношеніе къ «Русскому Слову» и къ «Современнику».

Теперь мы жалки и смѣшны
Обломки прошлыхъ поколѣній;
Въ борьбѣ за святость убѣжденій
Увы! мы всё побѣждены.

Позвольте, г. Бабиковъ! кому же это вы жалки и смѣшны? «Библиотеки» вы не жалки и не смѣшны, потому что она васъ печатаетъ. «Эпохъ» вы также не жалки и не смѣшны, потому что она не только печатаетъ ваши стихи и ваши романы, но даже хвалится вами въ своемъ объявленіи, какъ постояннымъ сотрудникомъ. «Русскому Вѣстнику» и «Отечественнымъ Запискамъ» вы также не жалки и не смѣшны, потому что эти два журнала очень дорожатъ всякими обломками прошлыхъ поколѣній. Легко можетъ быть, что «Русскому Слову» и «Современнику» вы дѣйствительно жалки и смѣшны, но и объ этомъ вамъ можно только догадываться, потому что до сихъ поръ ни «Современникъ», ни «Русское Слово» не говорили о васъ ни одного слова, ни прямо, ни косвенно. Но если бы даже и въ самомъ дѣлѣ вы были жалки и смѣшны въ глазахъ этихъ двухъ послѣднихъ журналовъ, то стоитъ ли объ этомъ сокрушаться? Почти вся масса литературы на вашей сторонѣ, а литература, какъ вамъ извѣстно, считается выраженіемъ общественнаго самосознанія; значитъ все или почти все общество сочувствуетъ вамъ, а вы хотите насъ увѣрить, будто вы всѣ побѣждены въ борьбѣ за святость убѣжденій. Какъ же это такъ случилось, что *васъ всѣхъ* побѣдила небольшая кучка писателей, и побѣдила въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ борьба за святость убѣжденій? Что-то не вѣрится. Если бы ваши убѣжденія были дѣйствительно святы и если бы вы сами горячо вѣрили въ ихъ святость, то вы продолжали бы за нихъ бороться, вмѣсто того, чтобы писать себѣ заживо надгробное слово четырехстопными ямбами.

Намъ говорить: пора заснуть,
 Намъ дѣла нѣтъ въ той жизни новой,
 Въ которой новые бойцы
 Идутъ на бой со зломъ упорнымъ.

А вольно-жъ вамъ вѣрить тѣмъ людямъ, которые вамъ это говорятъ. Вамъ говорить: «пора заснуть», а вы отвѣчайте: нѣтъ, я гулять хочу. Вамъ говорить, что вамъ нѣтъ дѣла *въ той жизни новой*, а вы отвѣчайте: ну, это мы еще посмотримъ. Если же вы сами опускаете руки и отказываетесь отъ работы *въ той жизни новой*, то ужъ извольте винить вашу собственную дряблость и трусость, а никакъ не *новыхъ бойцовъ*, которые рѣшительно ни въ чемъ не виноваты. — Но г. Бабиковъ этого не принимаетъ въ соображеніе, и въ пылу негодованія пророчить намъ что въ заблужденіяхъ своихъ мы кончимъ безславно свой вѣкъ. Что-жъ? Это правда. Отъ того, что вы называете нашими заблужденіями, мы не откажемся никогда, а на счетъ славы мы можемъ вамъ объяснить, что мы за нею не гонимся. Но г. Бабиковъ такъ на насъ сердитъ, что добирается даже до нашихъ будущихъ гробовъ:

Ничья слеза не упадетъ
 На ваши сумрачные гробы,—

За то, что полны вы лишь злобы,
За то,—что злоба лишь клянеть.

Г. Бабиловъ, очевидно, находить, что самъ онъ—*полонъ лишь любви*, и что, фантазируя о какихъ-то *сумрачныхъ* гробахъ, онъ нисколько не *клянеть новыхъ бойцовъ*, а напротивъ того, благословляетъ ихъ на великіе подвиги и желаетъ имъ всякаго благополучія. Впрочемъ, если г. Бабиловъ дѣйствительно желаетъ обидѣть и запугать *новыхъ бойцовъ*, то я совѣтую ему придумать какія нибудь проклятія болѣе страшныя, потому что—скажу ему по секрету,—*новые бойцы* вовсе не интересуются вопросомъ: упадутъ или не упадутъ чьи нибудь слезы на ихъ могилы.

Я остановился на стихотвореніи г. Бабилова единственно потому, что оно выражаетъ очень вѣрно то общее настроеніе, которое, уже лѣтъ семь или восемь, господствуетъ въ нашей филистерской журналистикѣ. Уныніе, озлобленіе, мелкая придирчивость и поразительное безсиліе характеризуютъ нашихъ пишущихъ филистеровъ. Вотъ, напримеръ, г. Аверкіеву, сотруднику «Эпохи», захотѣлось уличить реалистовъ въ незнаніи народной жизни, въ заносчивости, въ верхоглядствѣ и во многихъ другихъ преступленіяхъ. Несчастный почвенникъ напрягаетъ всѣ силы своего ума и достигаетъ только того результата, что самъ попадаетъ въ просакъ, да еще въ какой просакъ-то. Жертвою своего обличенія онъ выбираетъ рассказъ г. Рѣшетникова «Подлиповцы», напечатанный въ «Современникѣ». Выписывается изъ этого рассказа слѣдующій эпизодъ, относящійся къ бурлакамъ. «Пила купилъ пекарскую булку. Разломивъ ее на четыре части, *они съѣли чуть не разомъ* *). — Что? говоритъ Пила. — Давай ишшо, просить Сысойко. — Они купили еще и съѣли, и все-таки *не наѣлись*». — Выписавши еще нѣсколько строкъ, г. Аверкіевъ начинаетъ свое обличеніе. «Какое глубокое знаніе быта! восклицаетъ онъ. Какой языкъ! И интересно, какъ бурлакамъ ѣсть хотѣлось,—двѣ булки съѣли, одну *чуть не разомъ* въ четверомъ, и еще ѣсть хотѣли! Глубоко замѣчено, и главное—естественно!»

Вся соль и даже весь осязательный смыслъ обличенія заключаются, очевидно, въ томъ, что г. Аверкіевъ принялъ *пекарскую булку* за одну изъ тѣхъ *французскихъ* трехкопѣечныхъ булокъ, которые продаются въ петербургскихъ булочныхъ. Увлекаясь желаніемъ обличить г. Рѣшетникова, критикъ «Эпохи» не замѣтилъ, что его обличеніе становится совершенно неправдоподобнымъ. Допустимъ на минуту, что г. Рѣшетниковъ не знаетъ народнаго быта; предположимъ даже, что онъ никогда не видалъ бурлаковъ и писалъ свой очеркъ, сидя въ Петербургѣ и произвольно выдумывая разныя подробности бурлацкой жизни. Но если г. Рѣшетниковъ, какъ петербургскій житель, не знаетъ бурлаковъ, то

*) Курсивъ употребленъ г. Аверкіевымъ.

во всякомъ случаѣ, французскія булки онъ долженъ знать, какъ нельзя лучше. Онъ долженъ знать по собственному ежедневному опыту, что *одинъ* человѣкъ можетъ безъ малѣйшаго труда съѣсть сразу цѣлую французскую булку. Стало быть, г. Рѣшетниковъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ выдумать, что *четыре* бурлаковъ съѣли *чуть не разомъ* французскую булку. Возможное ли дѣло, чтобы г. Рѣшетниковъ сталъ приписывать своимъ вымышленнымъ бурлакамъ аппетитъ, равняющійся только четвертой долѣ нашего обыкновеннаго аппетита? Стараясь навязать г. Рѣшетникову такую невозможную нелѣпость, г. Аверкиевъ обнаруживаетъ только свое смѣшное озлобленіе и свою изумительную недогадливость. Не трудно было, кажется, понять изъ общей связи разсказа, что пекарская булка должна быть чѣмъ-то въ родѣ очень большого каравая, фунтовъ въ десять или въ двѣнадцать вѣсомъ. И кто же оказался человѣкомъ незнающимъ быта? Кто примѣнилъ петербургскія понятія къ явленіямъ бурлацкой жизни? Именно самъ обличитель, самъ сотрудникъ почвеннаго журнала. Что же касается до г. Рѣшетникова, то его, пожалуй, можно упрекнуть въ нѣкоторой сухости изложенія, но о незнаніи быта не можетъ быть и рѣчи. Кто прочелъ хоть одинъ изъ его разсказовъ, тотъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что г. Рѣшетниковъ описываетъ только такія явленія, которыми онъ видѣлъ очень близко, изучилъ очень внимательно или даже испыталъ на своей собственной особѣ.

Другой писатель «Эпохи», г. Николай Соловьевъ, взявшій себѣ за правило сокрушаться и скрежетать зубами по поводу каждой изъ моихъ критическихъ статей, далеко превосходитъ г. Аверкиева въ дѣлѣ несообразительности. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, до какихъ размѣровъ могутъ доходить человѣческое тупоуміе и человѣческая безсовѣстность, я выпишу и разберу здѣсь нѣкоторые разсужденія г. Соловьева изъ его статьи «Женщинамъ», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Эпохи» за прошлый годъ. Я долженъ признаться, что ничего подобнаго этой статьѣ я никогда не встрѣчалъ въ печати. Читая одну фразу за другою, я рѣшительно не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ отдѣльныя мысли или, вѣрнѣе, клочки отдѣльныхъ мыслей связываются между собою въ головѣ этого пѣдагога критика. Г. Соловьевъ объявляетъ, что онъ намѣренъ поговорить о «женщинахъ, затронутыхъ литературой и чреватыхъ современными идеями». Онъ говоритъ, что «лесть эмансипаторовъ слишкомъ преувеличиваетъ мнѣніе о готовности женщинъ на всякое дѣло: готовность эта безъ всякихъ слѣдовъ самостоятельности». Въ этой фразѣ г. Соловьева, какъ и во всѣхъ его остальныхъ фразахъ, нѣтъ никакого осозательнаго смысла, а есть только безсильное желаніе облаять и оклеветать какихъ-то эмансипаторовъ. Въ какихъ это эмансипаторахъ г. Соловьевъ усмотрѣлъ

«лесть?» Какіе это эмансипаторы говорятъ «о готовности женщинъ на всякое дѣло?» И что такое значить «готовность на всякое дѣло?» Значить ли это, что женщина уже всему на свѣтѣ выучилась и можетъ принять на себя исполненіе всякихъ общественныхъ обязанностей? Или же это значить, что женщина почувствовала желаніе учиться и готова взяться за книгу и пойти на лекцію?—Что женщина всему выучилась—объ этомъ наши эмансипаторы никогда не говорили ни слова. Они повторяли и повторяютъ до сихъ поръ, что женщины почти ничему неучатся и почти ничего не знаютъ, но что сами женщины въ этомъ нисколько не виноваты. А что женщины, затронутыя литературой, жаждутъ учиться и трудиться—это правда. Стало быть, въ чемъ же состоитъ лесть эмансипаторовъ и что такое они преувеличиваютъ? Г. Соловьевъ, очевидно, самъ не знаетъ, что онъ хотѣлъ сказать. Онъ даже ровно ничего не хотѣлъ сказать. Написалось что-то, а что именно, объ этомъ вы его не допрашивайте. «Говорятъ, продолжаетъ г. Соловьевъ, напримѣръ, ей, что она должна жить безъ предразсудковъ—и она живетъ». Отъ какихъ же это предразсудковъ эмансипаторы стараются избавить женщину? А вотъ послушайте. «Женщина, поучаетъ насъ г. Соловьевъ, отнюдь не должна трусить въ любви; но трусливость со слезами и стыдливость съ прихотями — свойства, зависящія не отъ воспитанія или привычки, а отъ того, что женщинѣ дѣйствительно есть чего трусить, есть о чемъ плакать и есть кого стыдиться». Безграмотность этой фразы я оставляю безъ вниманія; посмотримъ, есть ли тутъ какойнибудь смыслъ. Женщина не должна трусить въ любви—это, по мнѣнію г. Соловьева, говорятъ эмансипаторы. Если выразить ту же мысль яснѣе, то не трусить въ любви, значить отдаваться, очертя голову, первому встрѣчному. И это, изволите видѣть, говорятъ какіе-то эмансипаторы! Любопытно узнать, въ какой это овощной лавочкѣ или въ какомъ распивочномъ заведеніи г. Соловьевъ собиралъ свѣдѣнія объ эмансипаторахъ? На страницѣ 21, онъ самъ очень наивно сознается, что изучалъ женскій вопросъ въ петербургскихъ танцклассахъ. Онъ съ сокрушеніемъ объявляетъ провинціаламъ, что въ этихъ безнравственныхъ собраніяхъ бывають «и люди чиновные, и люди ученые. А жизнь все ждетъ своихъ дѣятелей, а наука служителей; силы тратятся, а женщина падаетъ все ниже и ниже». Въ будущемъ г. Соловьевъ предвидитъ еще болѣе ужасныя вещи; «танцующіе будутъ разсуждать о разныхъ вопросахъ, а женскій, быть можетъ, и совсѣмъ порѣшатъ». Изъ всѣхъ этихъ воплей вы имѣете полное право вывести то заключеніе, что въ мукомольномъ заведеніи, которое изъ вѣжливости мы назовемъ головой г. Соловьева, царствуетъ невообразимый хаосъ: танцклассы смѣшиваються съ женскимъ вопросомъ; люди чиновные и ученые, отхватывающіе канканъ, оказываются эмансипаторами; камелин становятся рядомъ съ женщинами,

затронутыми литературою. А редакция «Эпохи» печатаетъ и одобряетъ. Но даже самое крайнее слабоуміе редакціи и ея сотрудниковъ не можетъ оправдать ту грязную клевету, которую позволяетъ себѣ г. Соловьевъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Любящій обыкновенно думаетъ о глубинѣ чувства, о силѣ страсти, о первыхъ дняхъ блаженства; все же прочее, какъ, напримѣръ, тяжесть беременности, презрѣніе общества, адскія муки родовъ и несчастное затѣмъ материнство—оставляетъ безъ вниманія. Всякаго, задумывающагося надъ такимъ положеніемъ, мужчины побойчѣ называютъ даже тряпкой; несчастныя послѣдствія оправдываютъ необходимостью природы. Случаи эти составляютъ неистощимыя тѣмы для повѣстей. Авторы же, одаренные сильнымъ половымъ влеченіемъ, больше ни о чемъ и не пишутъ; а критики нѣкоторые даже допускаютъ въ любви обманъ».

Что есть негодяи, соблазняющіе неопытныхъ дѣвушекъ и бросающіе ихъ на произволь судьбы въ самую критическую минуту ихъ жизни,—это мы знаемъ очень хорошо безъ указаній г. Соловьева. Что есть другіе негодяи, одобряющіе подобные поступки, это также не подлежитъ сомнѣнію. Но, во-первыхъ, говоря о такихъ мерзавцахъ, не зачѣмъ употреблять слово «любящій», а во-вторыхъ, что общаго имѣютъ эти мерзавцы съ авторами повѣстей и критическихъ статей? Какіе это авторы и критики оправдывали въ своихъ произведеніяхъ поруганіе беззащитныхъ и довѣрчивыхъ дѣвушекъ? Въ какихъ это авторахъ г. Соловьевъ подмѣтилъ сильное половое влеченіе и въ какихъ критическихъ статьяхъ онъ вычиталъ допущеніе любовнаго обмана? Повѣсти и критическія статьи совсѣмъ не то, что неопредѣленные слухи и толки. Дока г. Соловьевъ разсуждалъ о томъ, что говорятъ какіе-то эмансипаторы, до тѣхъ поръ мы не имѣли возможности требовать отъ него фактическихъ доказательствъ. Г. Соловьевъ могъ сослаться на разговоры *людей чиновныхъ и ученыхъ*, посѣщающихъ петербургскіе танцклассы, и мы остались бы ни съ чѣмъ; мы не могли бы изслѣдовать вопросъ: какіе *люди чиновные и ученые* бесѣдовали съ г. Соловьевымъ, и что именно они ему говорили, и въ какой степени эти собесѣдники заслуживаютъ названіе эмансипаторовъ. Но повѣсти и критическія статьи—это печатные документы, которые тотчасъ могутъ уличить во лжи безсовѣстнаго шарлатана. Тутъ ужъ невозможно пустить въ ходъ безтолковыя фразы и уклончивыя отговорки. Вопросъ поставленъ иросто и ясно: есть ли въ русской литературѣ такія повѣсти и такія критическія статьи, которыя оправдываютъ оболъщеніе женщинъ и которыя совѣтуютъ соблазнительницамъ бросать любовницъ, когда онѣ забеременѣютъ? Г. Соловьевъ говоритъ: есть. А я говорю, что такихъ повѣстей и критическихъ статей въ русской литературѣ никогда не было и нѣтъ до сихъ поръ, и что г. Соловьевъ солгалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Если же г. Со-

ловьевъ не согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, то онъ долженъ привести заглавія тѣхъ повѣстей и статей, которыя оправдываютъ обольщеніе. Онъ долженъ указать на тѣ журнальныя книжки, въ которыхъ эти повѣсти и статьи напечатаны. И кромѣ того, онъ долженъ доказать подробнымъ разборомъ названныхъ повѣстей и статей, что въ нихъ дѣйствительно заключается тотъ грязный смыслъ, который онъ имъ приписываетъ.

Любопытно будетъ посмотрѣть, какимъ маневромъ тупоумный сотрудникъ «Эпохи» вывернется изъ своего затруднительнаго положенія. Любопытно будетъ также посмотрѣть, какими аргументами редакция «Эпохи» будетъ оправдывать грязную клевету, пущенную въ свѣтъ ея убогимъ сотрудникомъ.

IX.

Свѣжая волна новой мысли плеснула недавно на сухія страницы «Отечественныхъ Записокъ», и филистерская редакция, изнывающая отъ скуки въ аравійской пустынѣ своего собственнаго журнала, встрѣтила эту волну съ величайшимъ восторгомъ и даже не замѣтила, что эта коварная волна несетъ съ собою совершенно всемоходящія идеи такъ называемаго теоретическаго лагеря.

Въ двухъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» (январь № 2 и февраль № 1) напечатанъ критическій этюдъ г. Маркова: «Народные типы въ нашей литературѣ», и редакция сдѣлала отъ себя примѣчаніе, въ которомъ говорить, что «съ удовольствіемъ» помѣщаетъ «этотъ превосходный этюдъ», хотя въ журналѣ уже была напечатана статья г-жи Евгеніи Туръ о томъ же предметѣ... и хотя, прибавлю я отъ себя, г. Марковъ очень остроумно осмѣиваетъ эту самую статью г-жи Туръ. *Этотъ превосходный этюдъ* дѣйствительно очень недуренъ, но я замѣчу только редакціи «Отечественныхъ Записокъ», что, помѣщая въ своемъ журналѣ и превознося такіе этюды, она отнимаетъ у себя всякое право глумиться надъ тѣми писателями, которые допускаютъ вліяніе чая и кофе на развитіе историческихъ событій. Если же редакция продолжаетъ глумиться,—что мы дѣйствительно видимъ на стр. 118 первой январьской книжки,—то она подобными выходками доказываетъ только свою неспособность въ связномъ мышленіи.

Чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, какія идеи преобладаютъ въ *превосходномъ этюдѣ* г. Маркова, я выпишу изъ него нѣсколько очень выразительныхъ строкъ: «Жизнь кабана и буйволицы показали графу Толстому отраднѣе и выше жизни какихъ нибудь губернскихъ барышень. И онъ, съ чистотою душевною, съ прямою древнихъ германцевъ плюетъ

на вашихъ франтовъ и барышень, и указываетъ намъ на Ерощку, говорящаго кабана, на Марьянку—красивую, молоденькую буйволицу съ горячими глазами. Онъ не прячется за преувеличеніями и украшеніями, не пытается дѣлать никакихъ натяжекъ. «*Человѣкъ есмь и ничто человеческое мнѣ не чуждо*» у него просто на просто передѣлывается въ «*скотъ есмь и ничто скотское мнѣ не чуждо*»; и этотъ зоологическій языкъ графъ А. Толстой откровенно прибавляетъ надъ главнымъ входомъ въ свой романъ, чтобы всѣ сразу видѣли, — кто живетъ и какъ живетъ.» (февр. № 1. Стр. 470.) Тотъ же самый зоологическій ярлыкъ прибитъ также откровенно надъ главнымъ входомъ въ *превосходный этюдъ*, но редакция «Отечественныхъ Записокъ» все-таки не сумѣла разглядѣть, кто живетъ и какъ живетъ въ *превосходномъ этюдѣ*.

Одобривъ зоологическій языкъ, я конечно не могу одобрить разсужденій г. Маркова объ искусствѣ. Г. Марковъ, въ концѣ своего этюда, нападаетъ на отрицателей чистаго искусства и, такимъ образомъ, платитъ дань старому филистерству, но мнѣ кажется, что позиція г. Маркова въ этомъ пунктѣ очень слаба и ненадежна. Мнѣ кажется даже, что авторъ *превосходнаго этюда* самъ чувствовалъ шаткость своего положенія. Вотъ что онъ говоритъ объ отрицателяхъ: «Эти люди, сами того не замѣчая, дѣлаются врагами общества. Они не умѣютъ смотрѣть на него, какъ на живой организмъ, въ которомъ хотя каждый органъ функционируетъ сообразно своему характеру, но всѣ органы, безъ исключенія, служатъ общей жизни. Остановить дѣятельность высшихъ сторонъ человеческого духа на томъ основаніи, что массы еще не удовлетворены въ насущныхъ своихъ потребностяхъ — это все равно, что прекратить дѣятельность молодого мозга подъ тѣмъ предлогомъ, что не всѣ еще хрящи скелета успѣли окостенѣть.»

Въ словахъ г. Маркова, очевидно, уже начинается утилитарный взглядъ на искусство. Онъ смотритъ на общество, какъ на живой организмъ. Мы смотримъ на общество точно такъ же. Онъ говоритъ, что каждый органъ долженъ функционировать сообразно своему характеру! Мы и съ этимъ положеніемъ совершенно согласны. Мы никогда не говорили и не скажемъ, что Дарвинъ и Либихъ должны служить обществу посредствомъ паханія земли. Г. Марковъ утверждаетъ далѣе, что «всѣ органы, безъ исключенія, служатъ общей жизни.» Что всѣ органы *должны* служить общей жизни или, говоря яснѣе, что всѣ члены общества *должны*, каждый на своемъ мѣстѣ, приносить пользу обществу, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но что всѣ органы *дѣйствительно служатъ* общей жизни и что они никогда не могутъ уклоняться отъ этого служенія — это такая очевидная нелѣпость, которую г. Марковъ, конечно, не рѣшится поддерживать. Это значило бы утверждать, что въ обществѣ нѣтъ и никогда не можетъ быть ни тунеядцевъ, ни

паразитовъ, ни эксплуататоровъ. Такимъ образомъ, г. Марковъ, уподобивъ общество живому организму не сдѣлалъ еще ровню ничего для реабилитаціи искусства. Разсматривая художника, какъ члена извѣстнаго общества, онъ наложилъ на него обязанность — приносить пользу этому обществу. Пусть художникъ *функционируетъ* сообразно своему характеру, но пусть онъ этимъ *функционированіемъ* приноситъ пользу. Это и мы говоримъ то же самое.

Теперь г. Марковъ долженъ доказать, что этотъ *функционирующий* художникъ дѣйствительно приноситъ пользу. Тутъ ужъ общія сентенціи ничего не сдѣлаютъ. Каждый отдѣльный случай долженъ быть разобранъ самъ по себѣ. Метафора на счетъ мозга и хрящей также совершенно бесполезна. Противъ нея можно выдвинуть другую метафору, которая докажетъ совершенно противное. Можно, напримѣръ, напомнить г. Маркову, что обуздывать половую дѣятельность несложившагося отроческаго организма не только полезно, но даже необходимо, потому что слишкомъ раннее развитіе половой системы разслабляетъ организмъ, вмѣсто того, чтобы служить общей жизни. Значить, метафоры надо отложить въ сторону и надо просто и серьезно анализировать вопросы: полезна ли музыка, полезна ли скульптура, полезна ли живопись и т. д. Если вы докажете осязательно, что онѣ полезны, то мы съ величайшимъ уваженіемъ преклонимся передъ ихъ величіемъ. Но взявшись доказывать ихъ пользу, вы сами уже превратились въ реалиста, потому что поклонникъ чистаго искусства никогда не позволилъ бы себѣ даже завести рѣчь о полезности своего кумира. Пушкинъ восклицаетъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ, что «мраморъ сей есть богъ», а вы должны будете доказывать, что мраморъ сей есть тотъ же печной горшокъ, но что онъ только *функционируетъ* сообразно своему характеру.

Далѣе мы видимъ, что г. Марковъ самъ, ставши на точку зрѣнія реализма, плохо вѣруетъ въ полезность искусства. «Исторія, говоритъ онъ, убѣждаетъ насъ, что образованіе, не смотря на постоянное обвиненіе его въ непрактичности, почти исключительно одно работало съ пользою для счастья человѣчества.» — Позвольте, позвольте, г. Марковъ! Зачѣмъ же вы подмѣнили слово *искусство* словомъ *образованіе*? Вѣдь *искусство* и *образованіе* — двѣ вещи разныя. Доказывать полезность образованія черезчуръ легко. Искусство только тѣмъ и держится въ общественномъ мнѣніи, что постоянно выдаетъ себя за родную сестру науки. А на повѣрку оказывается, что эти двѣ родныя сестры такъ непохожи другъ на друга и такъ враждебны другъ другу по своимъ тенденціямъ, что очень многіе историческіе дѣятели, систематически давившіе науку, такъ же систематически покровительствовали развитію искусства.

Наука была опаснѣйшимъ врагомъ ихъ могущества, въ то время, когда искусство было ихъ роболѣпнымъ союзникомъ.

И такъ, г. Марковъ, если вы точно хотите побѣдить отрицателей искусства, — потрудитесь отдѣлить искусство отъ науки и доказывайте намъ историческими и всякими другими аргументами пользу *искусства*, а не пользу *образованія*. Въ пользу образованія никто изъ насъ не сомнѣвается. Но мнѣ кажется, что, г. Марковъ недолго удержится на той точкѣ зрѣнія, которую онъ занимаетъ въ настоящую минуту. Года черезъ два, а можетъ быть, и раньше, онъ по всей вѣроятности, разорветъ послѣднія связи съ филистерскою рутинною и примкнетъ окончательно — даже по вопросу объ искусствѣ, — къ міросозерпанію послѣдовательныхъ реалистовъ. — Я не теряю надежды встрѣтиться когда нибудь съ г. Марковымъ въ редакціи «Русскаго Слова». Поэтому говорю ему: до свиданья!

X.

Во второй, февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена критическая статья подъ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: «Предисловіе къ литературному обзорѣнію. О качествѣ и количествѣ прогресса въ новѣйшемъ движеніи нашей литературы». Подписано: «Incognito». Эта статья представляетъ собою опустошительный набѣгъ на Русское Слово» и преимущественно на «Нерѣшенный вопросъ», который какъ извѣстно, уже почти полгода волнуетъ мятежное сердце нашего пріятеля, г. Посторонняго сатирика. Г. Посторонній сатирикъ и г. Incognito, вполне сходящіеся между собою въ чувствѣ ненависти къ «Нерѣшенному вопросу» *), совершенно непохожи другъ на друга по своимъ полемическимъ приемамъ. Г. Incognito можетъ сдѣлать своимъ девизомъ извѣстный стихъ Пушкина; «Я ѣду-ѣду—не свищу», а г. Посторонній Сатирикъ, напротивъ того, долженъ будетъ вывернуть этотъ стихъ на изнанку и приложить его къ своимъ полемическимъ подвигамъ въ слѣдующемъ видѣ: «я свищу-свищу—и не ѣду». Дѣйствительно, г. Incognito ни слова не говорилъ о «Нерѣшенномъ вопросѣ» и потомъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, разобралъ его по косточкамъ и доказалъ что онъ весь составленъ изъ внутреннихъ противорѣчій. Это значитъ—наѣхалъ и не спустилъ. Г. Посторонній сатирикъ, напротивъ того, все собирается разгромить «Нерѣшенный вопросъ», и все никакъ не можетъ собраться съ силами, такъ что я начинаю думать, что онъ никогда на меня не найдетъ. Впрочемъ, съ г. Постороннимъ сатирикомъ мы еще

*) Статья эта во 2-й части «Сочиненій Д. И. Писарева», помѣщена подъ своимъ первоначальнымъ заглавіемъ «Реалисты». Заглавіе это было зачеркнуто заботливою цензурою.

поговоримъ въ послѣдствіи, а теперь мнѣ надо отражать тѣ жестокіе удары, которые наноситъ мнѣ г. Incognito.

Когда я повѣствовалъ читателю о томъ, что голова филистера разгорожена на множество отдѣльныхъ клѣтокъ, тогда я не имѣлъ въ виду голову г. Incognito. Теперь же, всматриваясь въ статью этого писателя, я замѣчаю съ особеннымъ удовольствіемъ, что моя теорія головныхъ клѣтокъ получаетъ себѣ блистательное оправданіе на отдѣльномъ примѣрѣ. Г. Incognito не только самъ обладаетъ головою, разгороженною на множество несообщающихся между собою клѣтокъ, но онъ даже настоятельно требуетъ, чтобы всѣ другіе люди обладали точно такими же разгороженными головами. Отсутствіе общаго міросозерцанія вмѣняется въ непремѣнную обязанность каждому человѣку, каждому мыслителю и каждому писателю. Г. Incognito съ горькою ироніею задаетъ читателю слѣдующій вопросъ: «изъ всѣхъ литературно-критическихъ статей, въ такомъ обилии посвященныхъ передовымъ движеніемъ, «Отцамъ и дѣтямъ» или вызванныхъ «Взбаломученнымъ моремъ» и постоянно вызываемыхъ болѣе мелкими явленіями текущей литературы, случилось ли ему (читателю) прочесть хоть одну, которая, при своей чисто-литературной матеріи, не касалась бы или философскаго ученія о свободѣ человѣческой воли, или теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ, или воззрѣній Бокля на развитіе цивилизациі въ человѣческомъ родѣ, или вообще не стремилась бы установить истиннаго взгляда на сущность всѣхъ вещей и ихъ отношенія между собою? Читатель не можетъ сказать, чтобы ему случилось и это». (Стр. 697). Г-ну Incognito, очевидно, не нравится то, что литературный критикъ позволяетъ себѣ говорить о такихъ вопросахъ, которые не входятъ въ курсъ риторики и піятики, иначе говоря, находятся въ разныхъ перегородахъ головы г. Incognito. Онъ даже категорически выражаетъ свою жалобу на отсутствіе перегородокъ. «Этому-то недостаточному разграниченію различныхъ областей человѣческаго духа мы, безъ сомнѣнія, и обязаны тѣмъ фактомъ, печальнымъ даже для насъ самихъ, что, говоря о нашемъ движеніи, какую бы фактическую нелѣпость мы ни приписали ему, она все-таки можетъ быть подтверждена примѣромъ». (Стр. 697).

Достаточное разграниченіе, котораго требуетъ г. Incognito, клонится, очевидно, къ тому, чтобы ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не смѣлъ задавать себѣ вопроса объ отношеніи отдѣльныхъ отраслей человѣческой дѣятельности къ общей жизни человѣчества и народа. Короче сказать, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ никогда не долженъ быть ни человѣкомъ, ни гражданиномъ. Представьте себѣ, что вы взяли очень дорогой билетъ въ итальянскую оперу; съ той минуты, какъ вы вошли въ театральную залу, вы должны превратиться въ меломана; вы имѣете право радоваться только тому, что г. Тамберликъ беретъ *ut-dièse*, и огорчаться

только тѣмъ, что г. Полонини деретъ уши. На другой день послѣ оперы вы узнаете, что въ Вологодской губерніи начался сильный голодъ; тутъ вы тотчасъ должны превратиться въ филантропа и устремить всѣ силы вашего духа на то, чтобы помочь страждущимъ братьямъ. Потомъ вы приходите домой, и ваша супруга говоритъ вамъ, что для вашего сына необходимо нанять гувернера; тутъ вы должны немедленно превратиться въ чадолюбиваго отца и погрузиться въ семейные интересы. Вслѣдъ за тѣмъ, вы отправляетесь въ какое нибудь ученое общество и вамъ объявляютъ ваши товарищи, что снаряжается ученая экспедиція для отысканія верховьевъ Нила; тутъ вы должны превратиться въ воплощенную любознательность и употребить всѣ усилія на то, чтобы экспедиція состоялась.— Но позвольте же однако: духъ бодръ, а плоть немощна; кошелекъ же, который долженъ оплачивать и меломанію, и филантропію, и чадолюбіе, и любознательность, — еще немощнѣе всякой плоти. Для того, чтобы свести концы съ концами, то есть, для того, чтобы *ut-dièse* не отбилъ хлѣба у вологжанъ или вологжане не съѣли гувернера, или африканская экспедиція не поглотила гувернера, вологжанъ и *ut-dièse*, для того, чтобы всѣ эти издержки уживались мирно другъ возлѣ друга, необходимо же, чтобы явился какой нибудь общій регуляторъ, поддерживающій между ними нѣкоторое равновѣсіе. Необходимо, чтобы вы сами были не только поочередно меломаномъ, филантропомъ, чадолюбивымъ отцомъ и любознательнымъ ученымъ, но еще, кромѣ того постоянно благоразумнымъ человѣкомъ и расчетливымъ хозяиномъ, соображающимъ отдѣльныя цифры расхода съ общею цифрою дохода. Иначе выйдетъ кутерьма и банкротство. И такая же кутерьма, и такое же банкротство, только менѣе быстрыя и менѣе очевидныя, получаютъ тогда, когда цѣлое общество, увлекаясь ежеминутно частными впечатлѣніями и мимолетными интересами, никогда не задаетъ себѣ вопроса о томъ, въ какой связи находятся эти впечатлѣнія и интересы съ его постоянными жизненными потребностями. Если же вы допустите, что общество должно возвышаться до самосознанія и до всеобъемлющаго взгляда на свою собственную жизнь, то вы должны также признать необходимость такихъ людей, которые, при встрѣчѣ съ каждымъ отдѣльнымъ явленіемъ жизни, науки или искусства, тотчасъ стараются рассмотреть отношеніе этого частнаго явленія ко всей совокупности жизненныхъ отправленій общественнаго организма. Я вовсе не думаю утверждать, что мы, именно мы, то есть «Русское Слово» и «Современникъ», выполняемъ эту громадную задачу удовлетворительно. Я вовсе не утверждаю, что мы — вполнѣ достойные органы общественнаго самосознанія. Я только констатирую тотъ фактъ, что общественное самосознаніе необходимо, что оно въ настоящее время стремится создать себѣ достойныхъ выразителей, что мы изображаемъ собою первыя, слабыя и робкія

попытки общества на этомъ новомъ для него пути, и что филистеры, требующіе, вмѣстѣ съ г. Incognito, *достаточнаго разграниченія различныхъ областей человеческого духа*, совершенно не понимаютъ смысла и необходимости того умственного движенія, изъ котораго должно выработаться общественное самосознаніе.

Г. Incognito обвиняетъ насъ въ противорѣчіяхъ именно потому, что не умѣетъ подняться на нашу точку зрѣнія. Вы, говоритъ онъ, отрицаете поэзію и въ то же время восхищаетесь стихами Гейне; вы относитесь съ пренебреженіемъ къ великимъ поэтамъ Шиллеру и Пушкину, и въ то же время посвящаете цѣлый рядъ статей роману второстепеннаго художника Тургенева.

Гдѣ же тутъ противорѣчія? спрашиваю я. Можно находить, что война — великое зло, и въ то же время можно глубоко уважать такого воина, какъ Вашингтонъ, и можно съ величайшимъ сочувствіемъ слѣдить за военными подвигами Гарибальди. Можно находить, что алхимія — пустая мечта, и въ то же время можно глубоко уважать алхимика Джафара, открывшаго тѣ кислоты, безъ которыхъ химическій анализъ былъ бы невозможенъ. Все дѣло въ томъ, что подвиги Гарибальди и Вашингтона клонятся къ истребленію войны, и что открытія Джафара клонятся къ разсѣянію того мрака, который поощрялъ своимъ существованіемъ развитіе алхимическихъ бредней. — Стихотворенія Гейне не отклоняютъ, а отрезвляютъ читателя; поэтъ самъ разрушаетъ вредное обаяніе поэзіи; поэтъ осмѣиваетъ то, чему поклоняются другіе поэты; на этомъ основаніи, всѣ отрицатели поэзіи считаютъ Гейне своимъ естественнымъ и чрезвычайно полезнымъ союзникомъ. — Что же касается до цѣлаго ряда статей, посвященныхъ роману Тургенева, то, мнѣ кажется, нетрудно понять, что этотъ рядъ статей клонится не къ прославленію романа, а къ пораженію тупыхъ филистеровъ, подобныхъ г. Дудычкину, и близорукихъ реалистовъ, подобныхъ г. Антоновичу. Смотрите на это чудовище, заговорили филистеры, указывая юнымъ нигилистамъ на фигуру Базарова, только-что появившагося въ печати. Ваши идеи приведутъ васъ прямымъ путемъ къ этому ужасному результату поэтому отрекайтесь тотчасъ отъ вашихъ заблужденій. Близорукіе и робкіе реалисты, подъ предводительствомъ г. Антоновича, дѣйствительно приняли Базарова за чудовище и стали доказывать, путаясь и сбиваясь въ своихъ разсужденіяхъ, что ихъ идеи никогда не могутъ привести ихъ къ ужасному результату, изобрѣтенному г. Тургеневымъ. На этой позиціи реалистамъ грозило неизбежное пораженіе, потому что филистеры могли доказать, какъ дважды-два — четыре, что Базаровъ не клевета, не карриатура, а совершенно вѣрный итогъ реалистическихъ тенденцій. Поэтому надо было повернуть вопросъ иначе; надо было доказать, что Базаровъ не чудовище, а мыслящій работникъ и превосходный человѣкъ. Эту задачу я

постарался выполнить, и мнѣ кажется, что я могу считать мою цѣль достигнутою, потому что до сихъ поръ ни филистеры, ни «Современникъ» не представили ни одного возраженія противъ моего взгляда на личность Базарова. Филистеры нападаютъ на разныя частности «Нерѣшеннаго вопроса», не касаясь анализа базаровскаго типа, а «Современникъ» не производитъ до сихъ поръ ничего, кромѣ угрожающихъ демонстрацій. Если же наша литература принуждена будетъ признать умственные и нравственные достоинства Базарова, то вмѣстѣ съ тѣмъ она принуждена будетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ нелѣпыхъ предубѣждений противъ нашего реализма. Значитъ, рядъ статей о Базаровѣ былъ написанъ за тѣмъ, чтобы защитить и разъяснить весь строй нашихъ понятій, а не за тѣмъ, чтобы выставить на показъ красоты тургеневскаго романа. Въ какомъ чинѣ состоитъ Тургеневъ на службѣ у Аполлона, до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла; если вы мнѣ скажете, что Тургеневъ — второстепенный поэтъ, а Пушкинъ — первоклассный гений, я съ вами даже и спорить не буду, потому что этотъ вопросъ меня нисколько не интересуетъ. Я вамъ скажу только, что Тургеневу не повезло поднять въ нашей умственной жизни такой вопросъ, какого никогда не поднималъ и не могъ поднять Пушкинъ. Поэтому о Тургеневѣ я писалъ для того, чтобы разъяснить поднятый имъ вопросъ; о Пушкинѣ же я буду писать только за тѣмъ, чтобы образумить суевѣрныхъ обожателей этого устарѣлаго кумира. Въ томъ и другомъ случаѣ, я имѣю въ виду только то количество пользы, которое могутъ доставить данному обществу, въ данную минуту, тѣ или другія идеи. Идеи Базарова я считаю полезными, — поэтому я говорю о нихъ съ уваженіемъ; идеи Пушкина я считаю бесполезными, — поэтому я говорю о нихъ съ пренебреженіемъ. Спрашивается: гдѣ же тутъ внутреннее противорѣчіе?

Само собою разумѣется, что г. Incognito не можетъ допустить той мысли, что произведенія Пушкина въ настоящую минуту устарѣли и сдѣлались бесполезными. Онъ старается доказать, что Пушкинъ полезенъ: «Фактъ состоитъ въ томъ, рассуждаетъ г. Incognito, что если, благодаря стихамъ Пушкина, сотни тысячъ русскихъ умовъ, сотни тысячъ сердець, сотни тысячъ воображеній, въ одно ли время, или въ разныя времена, поражаются и будутъ поражаться одними и тѣми же представленіями, то между этими сотнями тысячъ образуется духовное родство, образуется связь, которая дѣлаетъ русскихъ болѣе людьми одного племени и одной земли, то есть, связь, которая составляетъ ту самую, если не общечеловѣческую, то общерусскую солидарность, которая въ устахъ критика отдается только мертвымъ звукомъ простой вокабулы.» (Стр. 700).

Какъ видите, вопросъ о стихахъ Пушкина отождествляется съ вопросомъ о существованіи русской литературы. Это тактика г. Маркова, под-

мѣняющаго слово *искусство* словомъ *образование*. Г. Incognito ставить вопросъ такъ: что лучше — читать Пушкина, или совсѣмъ не читать? — Но русскимъ людямъ совсѣмъ не предстоитъ такая трагическая альтернатива, и, стало быть, нѣтъ никакого разумнаго основанія предлагать такіе поразительные вопросы. Отказываясь отъ Пушкина, сотни тысячъ русскихъ умовъ, сердець и воображеній вовсе не утратятъ своего «духовнаго родства», потому что эти сотни тысячъ по прежнему будутъ поражаться одними и тѣми же представленіями, но только не тѣми, которыми они поражались въ былое время. Прежде они поражались представленіями «Бахчисарайскаго фонтана» и «Кавказскаго плѣнника», а теперь они будутъ поражаться представленіями «Параднаго подъѣзда», «Молотова» и романа «Что дѣлать»? Значить, со стороны духовнаго родства вы можете быть совершенно спокойны, и если вы хотите доказать полезность и необходимость Пушкина, то вы должны доказать, что представленія «Бахчисарайскаго фонтана» и «Кавказскаго плѣнника» дѣйствуютъ на сотни тысячъ умовъ, сердець и воображеній *больше* благотворнымъ образомъ, чѣмъ представленія «Параднаго подъѣзда», «Молотова» и «Что дѣлать?» Если же вы этого не докажете то ваше дѣло передъ судомъ русской читающей публики будетъ проиграно.

Съ апрѣльской книжки я начну рядъ статей о Пушкинѣ *), обѣщанный мною въ прошломъ году, и тогда господамъ обожателямъ Пушкина представится удобный случай выдвинуть впередъ все, что имѣется у нихъ въ запасѣ по части защитительныхъ аргументовъ. Предупреждаю только заранѣе моихъ будущихъ оппонентовъ, что я совершенно устранию въ вопросѣ о Пушкинѣ историческую точку зрѣнія. Я очень хорошо знаю, что «Евгеній Онѣгинъ» гораздо лучше «Фелицы» Державина, и что «Капитанская дочка» стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше «Бѣдной Лизы» Карамзина. Я нисколько не обвиняю Пушкина въ томъ, что онъ не былъ проникнутъ тѣми идеями, которыя въ его время не существовали или не могли быть ему доступны. Я задамъ себѣ и рѣшу только одинъ вопросъ слѣдуетъ ли намъ читать Пушкина въ настоящую минуту, или же мы можемъ поставить его на полку, подобно тому, какъ мы уже это сдѣлали съ Ломоносовымъ, Державиннымъ, Карамзинимъ и Жуковскимъ?

Защитивъ по своему Пушкина, то есть, не защитивъ его нисколько, г. Incognito обращается ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ: «полагаетъ ли онъ, что слѣдуетъ издать такой органической законъ, которымъ бы повелѣвалось писать однимъ только Шекспирамъ, а всѣмъ прочимъ было бы приказано молчать до самаго втораго пришествія Шекспира и послѣ?» — Смѣшной и безтолковой вопросъ! Нисколько я этого не пола-

*) Статья Писарева «Пушкинъ и Бѣлинскій» помѣщена въ 3-й части его «Сочиненій».

гаю. Я полагаю, что литература может и должна всегда управляться сама собою, безъ всякихъ органическихъ законовъ. Пускай пишетъ всякій все, что ему угодно; пусть пишутъ гг. Феть, Майковъ и Полонскій; пусть пишутъ гг. Боборыкинъ, Аверкиевъ и Дудышкинъ; пусть пишутъ даже гг. Ключниковъ, Стебницкій и Николай Соловьевъ; пусть пишетъ и печатаетъ всякая тварь, умѣющая держать перо въ рукахъ и имѣющая желаніе и возможность оплатить типографскіе расходы. Мы нисколько не желаемъ имъ въ томъ препятствовать; мы только будемъ читать и осмѣивать ихъ произведенія, если они покажутся намъ смѣшными; если смѣхъ нашъ будетъ разуменъ и честенъ, то публика насъ послушаетъ и отвернется отъ осмѣяннаго писателя; если смѣхъ нашъ будетъ нелѣпъ или пристрастенъ, то публика назоветъ насъ дураками или негодяями и отвернется отъ насъ самихъ, какъ отъ бездарныхъ и завистливыхъ зоиловъ.

Видите, г. Incognito, что дѣло можетъ обойтись безъ всякихъ органическихъ законовъ. Намъ даже нѣтъ ни малѣйшаго основанія желать такихъ законовъ, потому что и безъ ихъ содѣйствія наши идеи, какъ свидѣтельствуешь о томъ самъ г. Incognito, прививаются довольно успѣшно къ общественному сознанію. По словамъ г. Incognito, «наши выступающіе беллетристы» уже проникнуты «новѣйшимъ» реализмомъ; «они, съ голоса передовыхъ критиковъ и не хуже ихъ самихъ, наперерывъ стремятся показать, какъ сильно въ нихъ желаніе заявить себя тоже «новѣйшими» реалистами, какъ діаметрально-противоположными эстетикамъ». (Стр. 714). Ну, вотъ и чудесно! Какого же намъ еще органическаго закона желать, когда мы и безъ того уже сформировали цѣлую школу беллетристовъ и когда старая школа вопить устами г. Бабикова: «увы! мы всѣ побѣждены». Если кто нибудь изъ пишущихъ людей желаетъ какихъ нибудь нелитературныхъ и анти-литературныхъ органическихъ законовъ, то ужь, во всякомъ случаѣ, къ этимъ желающимъ невозможно причислить новѣйшихъ реалистовъ.

На стр. 708, г. Incognito утверждаетъ, что я прикидываю къ продуктамъ человѣческой дѣятельности мѣрку моихъ собственныхъ потребностей, и что изящное не подходитъ подъ эту мѣрку. «Но опять, продолжаетъ онъ, для того, что бы оно подходило подъ нее, не слѣдуетъ ли ему расширить кругъ этихъ потребностей, не ограничивая его стриженіемъ ногтей, перемѣною бѣлья и тому подобными обыденностями?— Именно слѣдуетъ». То есть, если я въ настоящую минуту могу обходиться безъ итальянской оперы, безъ балета, безъ концертовъ, безъ картинъ и статуй, то, по мнѣнію г. Incognito, мнѣ слѣдуетъ втянуться въ эти наслажденія и привыкнуть къ нимъ на столько, чтобы они сдѣлались для меня потребностями. Положимъ, что я исполнилъ совѣтъ г. Incognito: втянулся. Что же изъ этого выходитъ? Выходитъ то, что

я, расширивъ кругъ моихъ потребностей, оказываюсь очень доволенъ собою и жизнью. Результатъ прекрасный, но, къ сожалѣнію, я долженъ объявить г. Incognito, что я и теперь, до расширенія круга, очень доволенъ собою и жизнью. Стало быть, что же я выиграю? Очень мало или совсѣмъ ничего. Между тѣмъ, расширивъ кругъ моихъ потребностей, я гораздо больше, чѣмъ теперь, буду зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Кромѣ того, — и это самое важное, — мое содержаніе будетъ обходиться обществу гораздо дороже, чѣмъ оно обходится теперь. Опера, балетъ, концерты, картины, статуи — все это стоитъ денегъ, а деньги, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, изображаютъ собою видоизмѣненный продуктъ тяжелаго народнаго труда. — Расширяйте ваши потребности, говоритъ мнѣ г. Incognito. — Я спрашиваю: зачѣмъ? — За тѣмъ, чтобы поглощать какъ можно больше продуктовъ народнаго труда. — Я опять спрашиваю: зачѣмъ? — За тѣмъ, чтобы у васъ были очень широкія потребности. — Въ той же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ которой г. Incognito рекомендуетъ мнѣ оперу и балетъ, сообщены слѣдующія подробности о частной жизни Прудона. «Когда онъ издавалъ газету *Народный Голосъ*, то выручалъ много денегъ: газета расходилась на расхватъ; но себѣ онъ оставлялъ изъ прибыли лишь 5 фр. въ день, остальное отдавалъ бѣднымъ. Случались дни, когда газета продавалась въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ, но и тогда Прудонъ не оставлялъ себѣ болѣе пяти франковъ». Любопытно мнѣ было узнать, что думаетъ г. Incognito о такомъ чудакѣ, какъ Прудонъ; если бы г. Incognito умѣлъ быть послѣдовательнымъ, то есть, если бы его филистерская голова не была разгорожена на отдѣльныя клѣтки, — онъ долженъ былъ бы смотрѣть на Прудона съ сострадательнымъ презрѣніемъ, потому что, очевидно, при ежедневномъ расходѣ въ 5 франковъ (1 р. 25 к. с.) кругъ личныя потребности Прудона не могъ быть широкимъ и не могъ вмѣщать въ себя ни оперы, ни балета, ни разныхъ другихъ проявленій изыскаго. Меня г. Incognito долженъ уважать несравненно болѣе, чѣмъ Прудона, потому что кругъ моихъ потребностей гораздо шире.

Впрочемъ, сущность моего возраженія состоитъ не въ томъ, что человѣкъ долженъ употреблять на подвиги частной благотворительности всѣ деньги, остающіяся у него въ рукахъ послѣ покрытія необходимыхъ издержекъ. Благотворительность всегда будетъ и всегда должна быть свободнымъ дѣломъ личной склонности. Но вопросъ въ томъ: долженъ или не долженъ человѣкъ своимъ образомъ жизни поощрять въ обществѣ развитіе непроизводительныхъ отраслей труда? Вопросъ въ томъ, какой человѣкъ полезнѣе: тотъ ли, который покупаетъ у художниковъ картины и статуи, или тотъ, который на свои деньги заводитъ фермы и фабрики, а полученные барыши употребляетъ на заведеніе новыхъ фермъ и новыхъ фабрикъ? По разсужденіямъ г. Incognito, выходитъ

что первый полезнѣе втораго, или, по крайней мѣрѣ, что второй есть существо низшаго разряда въ сравненіи съ первымъ. Если же г. Incognito отречется отъ этого заключенія, тогда онъ долженъ будетъ снять съ меня обязанность втягиваться въ оперу и въ балетъ. И тогда отъ его аргументаціи не останется камня на камнѣ.

Г. Incognito старается поддержать изящное историческими аргументами. Онъ говоритъ, что сознательная человѣческая исторія «началась съ плясовыхъ пѣсень, съ хороводныхъ круженій вокругъ камней и чурбановъ, съ воспѣванія славы солнцу на небѣ высококомъ — словомъ, со всего того, чего никакъ не могло быть, если бы оно не вызывалось потребностями человѣческой природы». (Стр. 708). Эта историческая аргументація доказываетъ слишкомъ много и, вслѣдствіе этого, не доказываетъ ровно ничего. Если принять эту аргументацію во всемъ ея объемѣ, то придется оправдать и рабство, и войну, и человѣческія жертвоприношенія, и содомскій грѣхъ, и проституцію, потому что всѣ эти явленія повторяются у всѣхъ историческихъ народовъ и вызываются всѣ, безъ исключенія, различными потребностями человѣческой природы. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, какъ удовлетворяются существующія потребности человѣческой природы; такъ ли, что отъ этого удовлетворенія не страдаетъ ни одно человѣческое существо, или же такъ, что, удовлетворяя своимъ потребностямъ, одна группа людей обездоливаетъ другую группу? Если у васъ есть потребность слушать пѣніе и если вы удовлетворяете эту потребность вашими собственными средствами, то никто не имѣетъ права возражать противъ этого удовлетворенія: пойте или мурлыкайте, сколько душѣ вашей будетъ угодно. Но если вы, для удовлетворенія вашей потребности, формируете себѣ цѣлую школу пѣвцовъ, которыхъ содержаніе ложится на плечи трудящихся людей, то всякій мыслящій человѣкъ имѣетъ право вамъ замѣтить, что вы отнимаете у работниковъ необходимое для того, чтобы доставить себѣ такое развлеченіе, безъ котораго вы легко можете обойтись. Историческій прогрессъ состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы повемногу возвращать трудящимся массамъ тотъ насущный хлѣбъ, который, въ темныя времена насилія и невѣжества; былъ у нихъ отнятъ на нерасчетливое удовлетвореніе слишкомъ широко развернувшихся потребностей. Поэтому до историческое существованіе плясовыхъ пѣсень и хороводныхъ круженій нисколько не можетъ служить оправданіемъ современной оперы и новѣйшаго балета.

Въ пользу живописи г. Incognito приводитъ тотъ аргументъ, что новѣйшій реалистъ можетъ «пожелать когда нибудь, по какому нибудь случаю, имѣть портретъ своей вышеозначенной трудолюбивой и начитанной подружки». Въ пользу живописи я самъ, въ третьей части «Нерѣшеннаго вопроса» привелъ гораздо болѣе сильный аргументъ, именно

тогь, что въ учебникахъ и въ популярныхъ, а также и въ ученыхъ сочиненіяхъ по многимъ отраслямъ знанія необходимы хорошіе рисунки. Что же касается до портретовъ «трудолюбивой и начитанной подруги», то мнѣ кажется, что обществу нѣтъ никакой надобности заботиться о ихъ изготовленіи. Бѣды не будетъ никакой, если новѣйшій реалістъ останется безъ портрета, тѣмъ болѣе, что очень многіе люди остаются, по недостатку матеріальныхъ средствъ, не только безъ изящнаго портрета, но даже и безъ оригинала, то есть, безъ «трудолюбивой и начитанной подруги». А есть и такіе люди, которые остаются не только безъ подруги, но даже безъ теплаго платья и безъ куска хлѣба. При такихъ условіяхъ, сокрушаются объ изящныхъ портретахъ, по меньшей мѣрѣ, смѣшно.

Впрочемъ, я считаю своею обязанностью успокоить г. Incognito и всѣхъ добродушныхъ людей, полагающихъ, что реалістическая критика стремится къ конечному истребленію всѣхъ живописцевъ, музыкантовъ, скульпторовъ и другихъ эксплуататоровъ человѣческой наивности. Реалістическая критика очень хорошо понимаетъ, что такая цѣль недостижима; поэтому она и не задаетъ себѣ этой задачи. Чего же она хочетъ? А вотъ чего. Въ Россіи каждый годъ нѣсколько десятковъ тысячъ юношей средняго сословія задаютъ себѣ вопросъ: куда мы пойдѣмъ? за какое дѣло мы возьмемся?. Какимъ ремесломъ мы будемъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ? Въ тѣ дни, когда гремѣли имена великаго Брюллова, великаго Глинки, великаго Мочалова, въ тѣ дни, когда наша критика стояла на колѣняхъ передъ святымъ искусствомъ вообще и передъ Пушкинымъ въ особенности, сотни, а можетъ быть, и тысячи легковѣрныхъ юношей тянулись всѣми своими помышленіями къ лавровому вѣнку художника. Нарисуетъ юноша двѣ березы въ альбомъ своей кузины, и вообразитъ себѣ, что у него непреодолимая страсть къ живописи, что онъ обязанъ развивать свой талантъ, что онъ поѣдетъ сначала въ Петербургъ, потомъ въ Италію, а потомъ въ храмъ славы, гдѣ прызательное человѣчество увѣнчиваетъ своихъ вдохновенныхъ благодѣтелей. — Подыщетъ юноша музыку къ какому нибудь водевильному куплету, и сейчасъ уразумѣетъ, что онъ музыкантъ, что ему необходимо отростить длинные волосы, напустить на лицо задумчивое выраженіе и отказаться навсегда отъ всякой полезной работы, потому что

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ
Мы рождены—для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Сыграетъ юноша, безъ особеннаго посрамленія, роль водевильнаго

jeune premier на домашнемъ спектаклѣ, и въ одну минуту сообразить что ему не возможно не идти по слѣдамъ Мочалова. И почнетъ онъ колотить себя въ грудь и выводить на распѣвъ монологи изъ Гамлета, который однако, по его мнѣнію, далеко не такъ забористъ, какъ «Уголино», Полевого, или «Джуліо Мости» Кукольника.

Что вы о всемъ этомъ скажете, гг. эстетика? Хороша была вся эта катавасія? Хорошо это было, что неглуше молодые люди, способные сдѣлаться хорошими хозяевами, честными конторщиками, смышленными машинистами, изображали своими особами лягушку, желающую раздуться до размѣровъ вола? Хорошо это было, что эти несчастные недоросли, обманутые въ своихъ нелѣпныхъ надеждахъ, спивались съ кругу, объѣдали своихъ родственниковъ и превращались въ отъявленныхъ мерзавцевъ или, во всякомъ случаѣ, въ праздношатающихся шелопаевъ? Хорошо это было, что самые счастливые изъ этихъ юношей, сдѣлавшись посредственными актерами, посредственными музыкантами, посредственными живописцами, лебезили передъ откупщиками, чтобы отобѣдать у нихъ на даровщинку, или чтобы всучить имъ за выгодную цѣну картину, билетъ на концертъ или ложу на бенефисъ? Если положить на одну чашку вѣсовъ великаго Брюллова, великаго Глинку, великаго Мочалова, а на другую—многія тысячи несчастныхъ лягушекъ, соблазненныхъ славою воловъ и лопнувшихъ во время нелѣпныхъ попытокъ—дорости до ихъ величія, то—какъ вы думаете, гг. эстетика,—которая изъ двухъ чашекъ перетянетъ? Или другими словами, стоитъ ли овчинка выдѣлки? Стоитъ ли уродовать *тысячи* человѣческихъ существованій для того, чтобы добыть *одну* бесплодную знаменитость? — Реалистическая критика думаетъ, что *не стоитъ*, и, вслѣдствіе этого своего глубокаго убѣжденія, она старается на мѣсто именъ великаго Брюллова, великаго Глинки, великаго Мочалова подставить имена великаго Дарвина, великаго Либиха, великаго Клода Бернара. Критика Бѣлинскаго стояла на колѣняхъ передъ святымъ искусствомъ. Реалистическая критика стоитъ на колѣняхъ передъ святою наукою. Стремясь по слѣдамъ Глинки, Брюллова и Мочалова, довѣрчивые юноши не приобрѣтали ничего, кромѣ печальной привычки къ тунеядству и къ сивухѣ. Выбирая себѣ въ образцы и въ руководители Дарвина, Либиха, Бернара и другихъ, довѣрчивые юноши приобрѣтаютъ и будутъ приобрѣтать себѣ знанія, привычку къ труду и уваженіе къ силѣ человѣческаго разума, то есть, такія сокровища, которыя пригодятся имъ на всякомъ житейскомъ поприщѣ. До Бернара не доростетъ быть можетъ, ни одинъ изъ десяти тысячъ, но за то общество обогатится многими хорошими уѣздными врачами. Либихомъ не сдѣлается ни одинъ изъ десяти тысячъ, но за то общество обогатится многими дѣльными агрономами.

Посредственный художникъ, даже по мнѣнію эстетиковъ, есть отри-

пательная величина; посредственный ученый, напротив того, может быть очень полезен, не смотря на свою посредственность. Что же касается до гениальных натуръ, то ихъ не остановить и не собьеть съ толку никакая реалистическая критика. Гениальныя натуры преодолеваютъ самыя серьезныя препятствія; онѣ борятся съ деспотическою волею родителей, съ предразсудками общества, съ бѣдностью, съ невѣжествомъ, и все-таки, не смотря ни на что, идутъ туда, куда ихъ тянетъ преобладающая страсть. Если у насъ народится какой нибудь Рафаэль или Моцартъ, то онъ ни за какія коврижки не пойдетъ въ машинисты или въ медики, и наплюетъ на всякія реалистическія проповѣди. Значить, реалистическая критика не давить великихъ талантовъ, потому что ихъ задавить невозможно. Она только кормить здоровою умственною пищею ту толпу, которую эстетика опаивали дурманомъ.

XI.

Дерзкій авторъ «Нерѣшеннаго вопроса» осмѣлился уподобить *лукошку* того великаго г. Антоновича, который считаетъ себя въ настоящую минуту единственнымъ представителемъ реальной критики и единственнымъ законнымъ преемникомъ Добролюбова. Великій г. Антоновичъ, какъ человекъ неглупый, не обратилъ никакого вниманія на непочтительную выходку такъ называемаго *enfant terrible*. Но г. Посторонній сатирикъ, какъ человекъ очень раздражительный и очень ограниченный, огорчился *лукошкомъ* до глубины души и началъ изливать свои страданія въ горячихъ и безтолковыхъ полемическихъ статьяхъ. Надо полагать, что *лукошко* дѣйствуетъ подобно испанской мушкѣ, сохраняя притомъ свою раздражающую силу въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Съ каждымъ мѣсяцемъ страданія г. Посторонняго сатирика становятся невыносимѣе, такъ что наконецъ, въ январьской книжкѣ «Современника», несчастный Донъ-Кихоть, удрученный *лукошкомъ*, впадаетъ въ горячечный бредъ и съ болѣзненною странностью принимаетъ свои видѣнія за существующіе факты. Ему мерещится какой-то призракъ, который онъ называетъ «Русскимъ Словомъ»; ему кажется, что этотъ призракъ» отлыниваетъ отъ его вопросовъ и увертывается отъ прямыхъ объясненій съ нимъ; ему кажется, что онъ, Посторонній сатирикъ, бѣжитъ за этимъ призракомъ, схватываетъ его, окружаетъ его сплошною стѣною занумерованныхъ «тезисовъ и вопросовъ», тычетъ его носомъ «на номеръ, не получившій отвѣта или объясненій», разбиваетъ его на всѣхъ пунктахъ и заставляетъ его «расхлебать кашу», которую онъ, призракъ, заварилъ «Нерѣшеннымъ вопросомъ». Бѣдный страдалецъ об-

ращается къ своему призраку съ слѣдующимъ монологомъ: «я непремѣнно выведу васъ на турниръ и вы непремѣнно будете отвѣчать мнѣ; я заставлю васъ отвѣчать и вашими же отвѣтами доведу васъ до молчанія. Вы уже предчувствуете, какая участь ожидаетъ васъ на турнирѣ; вы видите предъ собою прахъ поверженнаго мною г. Косицы и начинаете дрожать за себя. Не бойтесь, съ вами я не поступлю такъ жестоко, какъ съ нимъ; васъ я не обращу пока въ прахъ; но все-таки побѣду надъ вами отпраздную торжественно». Всѣ эти разговоры можно вести только съ призракомъ, а никакъ не съ «Русскимъ Словомъ», потому что настоящее, реальное «Русское Слово» говоритъ и молчитъ, когда ему угодно, не тревожится никакими предчувствіями, не дрожитъ даже предъ великимъ г. Антоновичемъ и не разсыпется въ прахъ даже отъ поразительныхъ каррикатуръ всеусыпляющаго «Будильника». Между тѣмъ, боль отъ *лукошка* усиливается и галлюцинація становится еще безсвязнѣе; г. Постороннему сатирику представляется, что г. Зайцевъ и г. Благосвѣтловъ превратились въ два *буттерброта*; это видѣніе, по всей вѣроятности, выражаетъ собою желаніе пациента съѣсть живьемъ г. Зайцева и г. Благосвѣтлова; однако г. Постороннему сатирику не суждено насладиться полнымъ блаженствомъ даже въ области горячечныхъ видѣній; буттерброты минуютъ его зіяющую пасть; одинъ изъ буттербродовъ заключаетъ союзъ съ американскими плантаторами, другой обижаетъ г. Воронова; сердце г. Посторонняго сатирика изнываетъ за негровъ, изнываетъ за бѣдствующаго литератора, недописавшаго повѣсть «Тяжелые годы», изнываетъ за покойнаго А. Григорьева, обворованнаго г. Писаревымъ, изнываетъ за «одно лицо», обиженное призракомъ, изнываетъ за г. Антоновича, увѣнчаннаго «*лукошкомъ*», изнываетъ за Шопенгауэра, искаженнаго г. Зайцевымъ,—и не изнываетъ только за «Современникъ», который бесконечно позорится всѣми этими безсмысленными изнываніями.

Я до сихъ поръ говорилъ о подвигахъ г. Посторонняго сатирика шутивнымъ тономъ, потому что о нихъ, по настоящему, не стоитъ говорить серьезно; но такъ какъ г. Сатирикъ, по своему безграничному самолюбію, можетъ принять мой шутивный тонъ за неспособность опровергнуть его болтовню серьезными аргументами, то я дамъ ему небольшой образчикъ моего полемическаго искусства. Во-первыхъ, позвольте вамъ замѣтить, г. Посторонній Сатирикъ, что «Русское Слово» ни отъ чего не отличивается; тотъ отвѣтъ, котораго вы требовали отъ «Русскаго Слова» на счетъ «Нерѣшеннаго вопроса», былъ вамъ данъ въ октябрьской книжкѣ; этотъ отвѣтъ, совершенно ясный и опредѣлительный самъ по себѣ, былъ подкрѣпленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что «Русское Слово» продолжало печатать «Нерѣшенный вопросъ» до самаго конца, не смотря на всѣ ваши восклицанія и не смотря на то, что вы въ об-

тябрьской книжкѣ «Современника», замѣтили совершенно неосновательно, будто «Нерѣшенный вопросъ» могъ быть напечатанъ съ большимъ удобствомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» или въ «Эпохѣ». Неосновательность этого послѣдняго замѣчанія доказывается, какъ нельзя лучше, тѣмъ обстоятельствомъ, что «Отечественныя Записки» напечатали именно *противъ* «Нерѣшеннаго вопроса» статью г. Incognito, а «Эпоха» напечатала также *противъ* «Нерѣшеннаго вопроса» двѣ статьи г. Николая Соловьева («Теорія пользы и выгоды» и «Бесплодная плодовитость»). Изъ этого факта вы можете вывести для себя одно изъ двухъ заключеній: или то, что вы не понимаете тенденціи тѣхъ журналовъ, о которыхъ берется разсуждать, или то, что вы желали оклеветать «Нерѣшенный вопросъ», отбрасывая его въ категорію тѣхъ статей, которыя могутъ быть напечатаны въ филлстерскихъ журналахъ.

И такъ, «Русское Слово» отвѣчало вамъ совершенно ясно и въ то же время очень умѣренно, что оно не видитъ никакой надобности отказываться отъ солидарности съ «Нерѣшеннымъ вопросомъ». Послѣ этого отвѣта, всякія предварительныя объясненія съ вашей стороны были бесполезны. Вы должны были прямо приступить къ разгромленію той статьи, которая вамъ не нравилась. Если же вы не приступали, то въ этомъ вы должны винить исключительно самого себя. Если вы медлили вслѣдствіе великодушнаго состраданія къ заблуждающимся грѣшникамъ, то и долженъ вамъ замѣтить, что ваше милосердіе было совершенно неумѣстно. Ваше долготерпѣніе никого не обратило на путь истины. Вы имѣете дѣло съ людьми неблагодарными, закоснѣлыми во грѣхѣхъ и чрезвычайно недовѣрчивыми. Эти люди думали и думаютъ до сихъ поръ, что ваше великодушіе есть ничто иное, какъ замаскированная пустота. У васъ нѣтъ доводовъ противъ «Нерѣшеннаго вопроса», у васъ нѣтъ самостоятельнаго міросозерцанія, которое вы могли бы противопоставить нашимъ идеямъ, у васъ нѣтъ даже щедринской веселости, которая умѣла осмѣивать и оплевывать то, чего она не понимала *), — у васъ нѣтъ ничего, кромѣ грошоваго самолюбія, а между тѣмъ, вы стоите на виду, вы — первый атлетъ «Современника», на вашихъ плечахъ лежитъ фирма журнала, за вами добролюбовскія преданія, за вами «полемическія красоты», все это вы должны поддержать, каждая ваша ошибка будетъ замѣчена и осмѣяна вашими многочисленными противниками, и все это вы понимаете вполне. И поневолѣ, по инстинктивному чувству самосохраненія, вы стараетесь отдалить ту непріятную минуту, когда ваше без-

*) Новымъ доказательствомъ справедливости такого взгляда на смѣхъ нашего вице-литератора и кавалера Щедрина, можетъ служить его разсказъ: «Новый Нарциссъ» нашедшій себѣ приюгъ не въ «Литературной библіотекѣ» и не въ приложеніи къ «Вѣсти», а въ обновленныхъ «Отечественныхъ Запискахъ» 1868 г. Изд.

силіе обнаружится во всей своей наготѣ. Вы придираетесь къ мелочамъ, вы валите съ большой головы на здоровую, вы кидаетесь по сторонамъ, вы хватаетесь то за негровъ, то за г. Воронова, вы собираете сплетни, вы выдумываете небылицы и въ то же время притворяетесь неустрашимымъ бойцомъ и великодушнымъ героемъ. Но когда нибудь вся эта плоская комедія должна же кончиться. Положимъ, вы наполните еще пять-шесть книжекъ «Современника» *предварительными объясненіями*. — ну, а потомъ что будетъ? Съ «Нерѣшеннымъ вопросомъ» вы все-таки ничего не сдѣлаете; а между тѣмъ, у васъ не хватитъ честности и мужества на то, чтобы откровенно отказаться отъ «Асмодея нашего времени», какъ отъ грубой, но извинительной ошибки. Стараясь защитить проигранное дѣло, вы окончательно запутаетесь въ софизмахъ и заведете критику «Современника» въ тѣ дебри, въ которыхъ гнѣздится наше филистерство. Я васъ предостерегаю заранѣе, но вы, разумѣется, меня не послушаете и будете по прежнему сыпать цѣлыми лукошками самого неблагоприятнаго гланья, и наконецъ, такъ уроните вашъ журналъ, что васъ не выручатъ никакія добролюбовскія преданія. Во всякомъ случаѣ, вы видите теперь, что вамъ больше не зачѣмъ великодушничать и что всякія дальнѣйшія промедленія выставятъ васъ, въ глазахъ вашихъ читателей, въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ. Поэтому или принимайтесь за «Нерѣшенный вопросъ», или признавайтесь на чистоту, что вы до сихъ поръ говорили о Базаровѣ пустяки, и что «Асмодей нашего времени» написанъ великимъ критикомъ по неопытности.

Кстати, объ «Асмодеѣ». Г. Посторонній сатирикъ совершенно напрасно проводитъ ту мысль, что отвѣтственность за эту статью лежитъ на томъ лицѣ, которое въ то время завѣдывало редакцію «Современника». Если бы въ статьѣ г. Антоновича заключались очевидныя нелѣпости или глупости, тогда, конечно, эта статья составляла бы пятно на совѣсти редактора, потому что добросовѣстный редакторъ долженъ читать все, что онъ помѣщаетъ въ своемъ журналѣ. Но для того, чтобы увидѣть несостоятельность «Асмодея», редакторъ долженъ былъ прочесть сначала — и прочесть очень внимательно — самый романъ Тургенева. «Асмодей» былъ напечатанъ въ мартовской книжкѣ «Современника», а романъ Тургенева въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Значить, антрактъ между напечатаніемъ романа и напечатаніемъ статьи былъ такъ невеликъ, что редакторъ, какъ человекъ заваленный работою, имѣлъ полное право не прочитать романа во время этого антракта. Редакторъ обязанъ читать все, что пишутъ его сотрудники для журнала, но онъ нисколько не обязанъ читать все, что читаютъ его сотрудники. Въ январской книжкѣ «Русскаго Слова» помѣщена, напимѣръ статья г. Шапова, биткомъ набитая ссылками на Лепехина, на Кастрена, на Палласа, на Миддендорфа и еще чортъ знаетъ на какіе

мудреные источники и пособія. Неужели же редакторъ «Русскаго Слова» обязанъ провѣрить всѣ эти ссылки и перечитывать все, что прочиталъ г. Шаповъ? Ничуть не бывало. Отвѣтственность за основную мысль, за ея направленіе лежитъ на авторѣ *и на редакторѣ*. Но отвѣтственность за вѣрность сообщаемыхъ фактовъ лежитъ *исключительно на одномъ авторѣ*. Если бы ктонибудь доказалъ, что г. Шаповъ искажилъ слово лѣтописей или путешественниковъ, то одному г. Шапову и пришлось бы за это развѣдываться съ критикомъ. И если бы какойнибудь озорникъ поднесъ г. Шапову *лукошко*, то ни одна частица этого *лукошка* не досталась бы редактору «Русскаго Слова». Печатаая статью г. Антоновича, редакторъ «Современника» имѣлъ полное право довѣряться г. Антоновичу на столько, чтобы не заподозрѣвать его въ злонамѣренномъ искаженіи или въ неумышленномъ непониманіи разбираемыхъ фактовъ. Если оказывается теперь, что г. Антоновичъ обманулъ это довѣріе, то вся вина ложится цѣликомъ на одного г. Антоновича.

Статья г. Посторонняго сатирика, помѣщенная въ январской книжкѣ «Современника», даетъ мнѣ превосходный примѣръ для подтвержденія этой мысли. Въ этой статьѣ мы читаемъ слѣдующія поучительныя строки: «я утверждалъ и утверждаю, что взгляды г. Писарева на Катерину, какъ свѣтлое явленіе русской жизни, несогласенъ съ взглядомъ Добролюбова, а согласенъ съ взглядомъ А. Григорьева, который высказалъ свой взглядъ прежде г. Писарева; слѣдовательно, взглядъ этотъ принадлежитъ А. Григорьеву, а не г. Писареву. Ужели же это не правда, и есть только мое изобрѣтеніе?» (Стр. 159). На оберткѣ январской книжки написано: «редакторъ Н. Некрасовъ». Но я никакъ не рѣшусь утверждать, что ложное обвиненіе въ литературномъ воровствѣ возведено на меня по милости г. Некрасова. Г. Некрасовъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ не обязанъ помнить наизусть всѣ критическія статьи, напечатанныя въ русскихъ журналахъ. Онъ не обязанъ знать, что г. Писаревъ никогда ни въ чемъ не сходилъ съ г. Григорьевымъ. Когда человѣкъ говоритъ: «я утверждалъ и утверждаю», тогда ни одному честному человѣку въ голову не придетъ подумать, что это *я утверждаю и утверждаетъ* чистѣйшую ложь, неоснованную рѣшительно ни на чемъ. Помѣщая въ своемъ журналѣ клевету г. Посторонняго сатирика, г. Некрасовъ былъ навѣрное глубоко убѣжденъ въ томъ, что печатаетъ святую истину. А между тѣмъ, это—*клевета*, и г. Посторонній сатирикъ самъ долженъ будетъ признать себя *клеветникомъ*, если не представитъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, фактическихъ доказательствъ, то есть, если не укажетъ печатно на тотъ номеръ журнала, въ которомъ были изложены взгляды Григорьева, совпадающіе съ моими взглядами на Катерину. Но за статью «Денежное несчастье съ г. Благосвѣтловымъ» отвѣтственность падаетъ на редактора, потому что тутъ

дѣло не въ фактахъ, а въ тенденціи. Г. Некрасовъ долженъ былъ сообразить, что, печатая эту статью, онъ возстаетъ противъ принципа гласности, когда этотъ принципъ прилагается къ отношеніямъ литераторовъ между собою. Кто громить г. Лохвицкаго, тому возставать противъ гласности не приходится. — За тѣмъ прощайте господа. *Dominus vobiscum!*

Мартъ, 1865 г.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ. *)

(Преступленіе и наказаніе, Ф. М. Достоевскаго. Двѣ части 1867 г.)

I.

Приступая къ разбору новаго романа г. Достоевскаго, я заранѣе объявляю читателямъ, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла ни до личныхъ убѣжденій автора, которыя, быть можетъ, идутъ въ разрѣзъ съ моими собственными убѣжденіями, ни до общаго направленія его дѣятельности, которому я, быть можетъ, нисколько не сочувствую, ни даже до тѣхъ мыслей, которыя авторъ старался, быть можетъ, провести въ своемъ произведеніи, и которыя могутъ казаться мнѣ совершенно несостоятельными. Меня очень мало интересуеетъ вопросъ о томъ, къ какой партіи и къ какому отѣнку принадлежитъ г. Достоевскій, какимъ идеямъ или интересамъ онъ желаетъ служить своимъ перомъ, и какія средства онъ считаетъ позволительными въ борьбѣ съ своими литературными или какими бы то ни было другими противниками. Я обращаю вниманіе только на тѣ явленія общественной жизни, которыя изображены въ его романѣ; если эти явленія подмѣчены вѣрно, если сырые факты, составляющіе основную ткань романа, совершенно правдоподобны, если въ романѣ нѣтъ ни клеветы на жизнь, ни фальшивой и приторной подкрашенности, ни внутреннихъ несообразностей; однимъ словомъ, если въ романѣ дѣй-

*) Первая половина этой статьи была помѣщена въ журналѣ «Дѣло» 1867 г. подъ заглавіемъ «Будничныя стороны жизни»; вторая появилась послѣ смерти автора, въ томъ же журналѣ (1868 г. авг.) и озаглавлена «Борьбой за существованіе». Мы помѣщаемъ ее подъ тѣмъ заглавіемъ, подъ которымъ она находится въ рукописяхъ.

ствуютъ и страдаютъ, борятся и ошибаются, любятъ и ненавидятъ живые люди, носящіе на себѣ печать существующихъ общественныхъ условий, — то я отношусь къ роману такъ, какъ я отнесся бы къ достовѣрному изложенію дѣйствительно случившихся событій; я всматриваюсь и вдумываюсь въ эти событія, стараюсь понять, какимъ образомъ они вытекаютъ одно изъ другаго, стараюсь объяснить себѣ, насколько они находятся въ зависимости отъ общихъ условий жизни, и при этомъ оставляю совершенно въ сторонѣ личный взглядъ рассказчика, который можетъ передавать факты очень вѣрно и обстоятельно, а объяснять ихъ въ высшей степени неудовлетворительно.

Сюжетъ романа «Преступленіе и Наказаніе», по всей вѣроятности, извѣстенъ большинству читателей. Образованный молодой человѣкъ, бывший студентъ, Раскольниковъ, убиваетъ старуху процентщицу и ея сестру, похищаетъ у этой старухи деньги и вещи, потомъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль томится и терзается сильнѣйшею душевною тревогою, и наконецъ, не находя себѣ покоя, самъ на себя доноситъ, послѣ чего, разумѣется, отправляется въ каторжную работу.

Раскольниковъ очень бѣденъ. Отца у него уже нѣтъ. Его мать получаетъ послѣ покойнаго мужа сто двадцать рублей пенсіона, и изъ этихъ денегъ старается тратить какъ можно меньше на собственную особу. Сестра Раскольникова живетъ въ гувернанткахъ. Самъ Раскольниковъ кое-какъ перебивается уроками и разными грошовыми работами, получаетъ изрѣдка субсидіи отъ матери, борется съ нищетою, старается при этомъ учиться, напрягаетъ всѣ свои силы, наконецъ изнемогаетъ въ непосильной борьбѣ, выходитъ изъ университета по совершенному недостатку средствъ, и погружается въ то мучительное оцѣпенѣніе, которое обыкновенно овладѣваетъ утомленными, измученными и окончательно побѣжденными людьми. Романъ начинается тогда, когда Раскольниковъ совершенно задавленъ обстоятельствами. Онъ живетъ въ крошечной каморкѣ, болѣе похожей на шкафъ, чѣмъ на комнату; онъ долженъ кругомъ хозяйкѣ квартиры, и, при каждой случайной встрѣчѣ съ нею, принужденъ выслушивать кротко и почтительно напоминанія о платежѣ, жалобы и угрозы, на которыя ему приходится отвѣчать извиненіями, избитыми отговорками, стереотипными просьбами объ отсрочкѣ, и торжественными, но необфидительными обѣщаніями уплатить сполна при первой возможности. Гардеробъ Раскольникова дошелъ до такого разстройства, что превратился въ лохмотья, въ которыхъ «иной, даже и привычный человѣкъ, по словамъ г. Достоевскаго, посовѣстился бы днемъ выходить на улицу». Обѣдъ для Раскольникова не существуетъ; хозяйка двѣ недѣли не высылаетъ ему кушанья, чтобы принудить его голодомъ къ уплатѣ денегъ или къ очищенію квартиры; Раскольниковъ по цѣлымъ днямъ лежитъ у себя въ каморкѣ, на старомъ изорванномъ

диванъ, подъ старымъ изорваннымъ пальто, и поддерживаетъ свое существованіе какими-то объѣдами, которые изъ состраданія приносятъ ему кое-когда кухарка Настасья, относящаяся къ нему съ добродушно-презрительною фамиллярностью. Своими насущными дѣлами Раскольниковъ не занимается; у него нѣтъ и не можетъ быть никакихъ насущныхъ дѣлъ; чтобы давать уроки, или поддерживать съ кѣмъ бы то ни было дѣловыя сношенія, надо имѣть сколько нибудь приличный костюмъ, и быть увѣреннымъ въ томъ, что не упадешь въ обморокъ отъ пустоты въ желудкѣ и отъ истощенія силъ. Существуютъ такія границы, за которыми бѣдность становится неприличною и невыносимою для глазъ благовоспитаннаго и состоятельнаго человѣка; кто имѣлъ несчастіе или неосторожность перешагнуть черезъ эти роковыя границы, тотъ теряетъ право искать себѣ работу и являться серьезнымъ претендентомъ на какое бы то ни было вакантное мѣсто; оборванецъ, которому съ часу на часъ грозитъ голодная смерть подъ открытымъ небомъ, можетъ, въ случаѣ удачи, получить двугривенный отъ сострадательнаго прохожаго, такъ точно, какъ онъ получаетъ тарелку вчерашнихъ щей отъ добродушной Настасьи, но ему до крайности мудрено надѣяться на то, что какой нибудь отецъ семейства довѣритъ ему обученіе своихъ дѣтей. Онъ оборванъ и голоденъ, — слѣдовательно онъ чѣмъ нибудь и какъ нибудь виноватъ; онъ оборванъ и голоденъ, — слѣдовательно онъ опасенъ, и всякій порядочный человѣкъ, при встрѣчѣ съ нимъ, долженъ тщательно наблюдать за его руками, чтобы эти грязныя и дрожащія руки не посягнули какимъ нибудь образомъ на благосостояніе порядочнаго человѣка. Такъ разсуждаютъ обыкновенно обезпеченные люди, когда ихъ спокойный и добродушный взоръ падаетъ на особу, перешагнувшую черезъ извѣстныя границы, и унижившуюся до неимѣнія крѣпкаго платья и постоянного объѣда; обезпеченнымъ людямъ пріятно и необходимо разсуждать такимъ образомъ, потому что, при такомъ способѣ разсужденія, обезпеченность оказывается сама по себѣ достоинствомъ и положительною заслугою передъ обществомъ; взглянувъ сострадательно на оборванца и снабдивъ его двугривеннымъ, обезпеченный человѣкъ обращаетъ свои взоры на самого себя и самодовольно размышляетъ о томъ, что онъ ни отъ кого не возьметъ двугривеннаго, что онъ, слѣдовательно, великъ и прекрасенъ, сравнительно съ жалкимъ парією, получившимъ отъ него благодѣяніе, и что, вслѣдствіе этого величія и этой красоты, онъ обязанъ по возможности уклоняться отъ всякихъ сношеній съ такими подонками общества, и протягивать руку помощи, то есть, давать работу только тому, кто еще кое-какъ соблюдаетъ правила благопристойности.

И такъ Раскольниковъ растерялъ свои насущныя дѣла, и ему почти невозможно было обзавестись ими снова. Почему, и какимъ образомъ,

онъ ихъ растерялъ, этого не сказано у г. Достоевскаго, но этотъ про-
бѣлъ очень легко можетъ быть пополненъ собственными соображеніями
читателя. Какія нибудь двѣ-три самыя пустыя случайности, отъѣздъ
семейства въ другой городъ, болѣзнь ребенка, готовящагося въ какое-
нибудь учебное заведеніе, капризъ папеньки или маменьки,—могутъ, въ
одно прекрасное утро, оставить бѣднаго студента, живущаго уроками,
безо всякихъ средствъ къ существованію. Въ самомъ счастливомъ слу-
чаѣ исканіе новыхъ работъ или уроковъ протянется недѣлю, двѣ-три;
этотъ кризисъ можно какъ нибудь пережить, извертываясь бережен-
ными копѣйками, занимая у товарищей, пользуясь кредитомъ у хозяйки
и у фурнисеровъ, или обращаясь къ ростовщикамъ и закладывая у нихъ
какія нибудь фамилійныя драгоценности въ родѣ серебрянныхъ часовъ
или золотыхъ пуговокъ. Но всего правдоподобнѣе, что кризисъ заты-
нется на нѣсколько мѣсяцевъ, и тогда несчастный юноша, полный силъ
и желанія работать, воодушевленный любовью къ наукѣ и къ людямъ,
проникнутый, самыми честными стремленіями, имѣющей право многого
требовать и многого ожидать отъ жизни, попадетъ въ положеніе чело-
вѣка, медленно утопающаго въ грязномъ болотѣ. Скромныя сбереженія,
если даже они и имѣлись, окажутся истраченными до послѣдней ко-
пѣйки; товарищи отдадутъ все, что они были способны дать, и даль-
нѣйшія обращенія къ ихъ братской помощи сдѣлаются невозможными;
хозяйка заговоритъ объ уплатѣ денегъ и начнетъ жаловаться на шаро-
мѣжниковъ, за которыми пропадаетъ ея добро; послѣднія часики про-
падутъ въ закладъ за какіе нибудь три цѣлковыхъ; а между тѣмъ са-
поги начнутъ разваливаться отъ бесполезной бѣготни по городу за тру-
довымъ кускомъ хлѣба; платье расползется по швамъ и по цѣлику, и
повиснетъ на плечахъ живописными лохмотьями; бѣлье загрязнится до
послѣдней степени отвратительности; щеки поблекнутъ и впадутся; въ
глазахъ появится постоянное выраженіе тревожной и суетливой разбѣян-
ности; и въ душу закрадется повемногу чувство холодной безнадежно-
сти и лихорадочной раздражительности; бѣготня будетъ еще продол-
жаться, но самъ бѣгающій субъектъ перестанетъ вѣрить въ ея практи-
ческую пригодность; все измѣнитъ челоуѣку разомъ, и послѣднія денеж-
ныя средства, и послѣдняя пара приличнаго платья, и физическія силы,
и надежды на лучшую будущность, и вѣра въ жизнь, и желаніе рабо-
тать, и способность отмахиваться отъ дурныхъ, опасныхъ и соблазни-
тельныхъ мыслей. Челоуѣкъ забьется въ свою грязную конуру, изъ ко-
торой его выживають голодомъ, холодомъ, бранью и полицейскими мѣ-
рами, завалится на свою грязную постель, махнетъ рукой на свои лю-
бимыя планы, на самого себя, на чистоту и святость своего внутренняго
міра, и какъ безсовѣстная жертва, отдастъ себя въ полное распоряже-
ніе тѣхъ мрачныхъ и дикихъ мыслей, которыя порождаются отчаяніемъ,

голодомъ, озлобленіемъ противъ людей, презрѣніемъ къ самому себѣ, какъ побѣжденному и раздавленному существу, горькимъ ощущеніемъ незаслуженной обиды, и начинающеюся болѣзнью, составляющею неизбѣжный результатъ всѣхъ испытанныхъ волненій и страданій.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Раскольниковъ, утомленный мелкою и неудачною борьбою за существованіе, впалъ въ изнурительную апатію; нѣтъ также ничего удивительнаго въ томъ, что во время этой апатіи въ его умѣ родилась и созрѣла мысль совершить преступленіе. Можно даже сказать, что большая часть преступленій противъ собственности устроивается въ общихъ чертахъ по тому самому плану, по какому устроилось преступленіе Раскольникова. Самою обыкновенною причиною воровства, грабежа и разбоя является бѣдность; это извѣстно всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ уголовною статистикою. Далѣе, не трудно понять и не трудно даже доказать фактами, что воровать и грабить человѣкъ, въ большей части случаевъ рѣшается только тогда, когда честный трудъ оказался для него недоступнымъ, или когда онъ убѣдился въ томъ, что честный трудъ составляетъ слишкомъ медленное и недостаточное лекарство противъ гнетущей бѣдности. Это значитъ, что человѣкъ, рѣшившійся воровать и грабить, искалъ труда и не нашелъ его, или нашелъ его въ такихъ нищенскихъ размѣрахъ, которые не покрываютъ его насущныхъ потребностей. За неудачными поисками должна послѣдовать апатія; во время апатіи должно сложиться убѣжденіе, что нѣтъ возможности оставаться честнымъ человекомъ, и что надо выбирать одно изъ двухъ: голодную смерть или преступленіе. Затѣмъ должна слѣдовать борьба между инстинктомъ самосохраненія и отвращеніемъ къ грязному поступку; если побѣдитъ первый, — человѣкъ сдѣлается хищнымъ животнымъ, и его ближніе стануть травить его, какъ голоднаго волка; если побѣдитъ второе, — человѣкъ заболѣетъ отъ недостатка здоровой пищи, и, по всей вѣроятности, кончитъ свое печальное существованіе на койкѣ чернорабочей или какой нибудь другой больницы, въ отдѣленіи тифозныхъ или возвратногорячечныхъ больныхъ.

И такъ, огромное большинство людей, отправляющихся на воровство или на грабежъ, переживаютъ тѣ самыя фазы, черезъ которыя проходитъ Раскольниковъ. Преступленіе, описанное въ романѣ г. Достоевскаго, выдается изъ ряда обыкновенныхъ преступленій только потому, что героемъ его является не безграмотный горемыка, совершенно неразвитый въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а студентъ, способный анализировать до мельчайшихъ подробностей всѣ движенія собственной души, умѣющей создавать для оправданія своихъ поступковъ цѣлыя замысловатыя теоріи, и сохраняющей, во время самыхъ дикихъ заблужденій, тонкую и многостороннюю впечатлительность и нравственную де-

ликтность высоко-развитаго челоѣка. Вслѣдствіе этого обстоятельства, колоритъ преступленія до нѣкоторой степени измѣняется, и процессъ его подготовленія становится болѣе удобнымъ для наблюденія, но его основная побудительная причина остается неизмѣнною. Раскольниковъ совершаетъ свое преступленіе не совсѣмъ такъ, какъ совершилъ бы его безграмотный горемыка; но онъ совершаетъ его *потому*, почему совершилъ бы его любой безграмотный горемыка. Бѣдность въ обоихъ случаяхъ является главною, побудительною причиною. При этомъ само собою разумѣется, что влияніе бѣдности въ обоихъ случаяхъ выражается не въ одинаковыхъ формахъ. У челоѣка, подобнаго Раскольникову, внутренняя борьба, возбужденная безнадежнымъ положеніемъ, проявляется очень рельефно, отчетливо и, если можно такъ выразиться, членораздѣльно. Раскольниковъ обсуживаетъ свое положеніе со всѣхъ сторонъ, взвѣшиваетъ свои силы, измѣряетъ величину тѣхъ препятствій, которыя онъ долженъ преодолѣть, чтобы остаться незамараннымъ челоѣкомъ, ставитъ себѣ вопросы и отвѣчаетъ на нихъ, придумываетъ доказательства и опровергаетъ ихъ, словомъ, постоянно роется въ своихъ собственныхъ мысляхъ и ощущеніяхъ, ясно понимаетъ ихъ во всякую данную минуту, и высказываетъ ихъ въ такихъ оживленныхъ и разнообразныхъ разговорахъ съ самимъ собою, что развитіе опасной и соблазнительной мысли становится для насъ понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. У неразвитаго бѣдняка, всѣ мысли и ощущенія, пережитыя Раскольниковымъ, оказались бы смятыми и скомканными въ одну темную и безобразную кучу, которую самъ переживающій субъектъ былъ бы еще менѣе способенъ разложить на ея составныя части, чѣмъ другіе люди, смотрящіе на дѣло со стороны. Онъ чувствовалъ бы только, что ему тяжело и больно, гадко и пошло, что ему совѣстно встрѣчаться съ прежними товарищами, что ему противно думать о работѣ, которая его не кормитъ, и что какая то сила, похожая на демона искуителя, подмываетъ и подталкиваетъ его на скверное дѣло, которое съ каждымъ днемъ кажется ему неизбежнымъ, и котораго возрастающая неизбежность наводитъ на него ужасъ и отвращеніе. Никакихъ теорій тутъ конечно не могло бы быть; никакихъ философскихъ обобщеній, никакихъ высшихъ взглядовъ на отношенія личности къ обществу; ничего, кромѣ тупого страданія и неясной тревоги. Одинокая борьба неразвитаго бѣдняка съ самимъ собою, была бы, по всей вѣроятности, сокращена въ значительной степени сближеніемъ даннаго субъекта съ такими товарищами, которые залили бы его послѣднія сомнѣнія хлѣбнымъ виномъ, завербовали бы его въ свою компанію, и указали бы ему всѣ приступы и подходы къ первому нарушенію существующихъ законовъ. У Раскольникова, напротивъ того, борьба оставалась одинокою до самаго конца, т. е., до той минуты, когда дикая мысль превратилась въ кровавое

дѣло; чѣмъ ближе Раскольниковъ знакомился съ своею дикою мыслью, чѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что это уже не фантазія, а серьезный планъ, тѣмъ тщательнѣе онъ избѣгалъ всякихъ сношеній съ людьми; онъ ни съ кѣмъ не могъ и не хотѣлъ дѣлиться своими планами и совѣтываться на счетъ своего предпріятія. Его прежніе товарищи и друзья конечно постарались бы пристроить его въ домъ умалишенныхъ, если бы онъ заикнулся имъ о томъ, какимъ образомъ онъ намѣревается отыскать себѣ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія. А новыхъ товарищей,—такихъ, которые могли бы отнестись къ его замыслу съ дѣятельнымъ сочувствіемъ, Раскольниковъ не желалъ имѣть ни подъ какимъ видомъ. Онъ ненавидѣлъ, презиралъ и боялся такихъ товарищей; у него не было и не могло быть ни въ образѣ мыслей, ни въ желаніяхъ, ни во вкусахъ, ни въ привычкахъ, ни одной точки соприкосновенія съ ворами и грабителями по ремеслу. Онъ хотѣлъ убить и ограбить, но такъ, чтобы на него не брызнула ни одна капелька пролитой крови, чтобы ни одинъ живой человѣкъ не могъ проникнуть его тайну, чтобы всѣ прежніе друзья и товарищи жали ему руку съ прежнимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, и чтобы его мать и сестра болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, считали его своимъ ангеломъ-хранителемъ, сокровищемъ и утѣшеніемъ. Особенность преступленія, совершеннаго Раскольниковымъ, состоитъ именно въ томъ, что онъ самъ слѣдилъ очень внимательно за всѣми фазами того психологическаго процесса, которымъ оно подготовлялось, и, кромѣ того, обдумывалъ, устраивалъ и выполнялъ все одинъ, безъ всякихъ сообщниковъ, помощниковъ и повѣренныхъ. По поводу этого преступленія возникаютъ естественнымъ образомъ два главные вопроса: во-первыхъ, есть ли основаніе считать Раскольникова помѣшаннымъ, и во-вторыхъ, есть ли основаніе думать, что теоретическія убѣжденія Раскольникова имѣли какое нибудь замѣтное вліяніе на совершеніе убійства. Мнѣ кажется, что на оба эти вопроса приходится дать отрицательный отвѣтъ.

Хотя слово *помѣшанный* или *сумашедшій* до сихъ поръ не имѣетъ, и при теперешнемъ положеніи медицинскихъ знаній, вѣроятно, еще не можетъ имѣть строго опредѣленнаго значенія, хотя, быть можетъ, въ природѣ даже совсѣмъ не существуетъ рѣзкой границы между здоровымъ и больнымъ состояніемъ организма вообще и нервной системы въ особенности, однако я осмѣливаюсь выразить то предположеніе, что Раскольникова невозможно считать помѣшаннымъ, и что ни одинъ мыслящій медикъ не подмѣтилъ бы въ немъ такого расстройства умственныхъ способностей, при которомъ человѣкъ перестаетъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ и значеніи своихъ собственныхъ поступковъ. Если бы Раскольниковъ былъ помѣшанъ, то мнѣ кажется, что мы, люди, находящіеся въ здоровомъ умѣ, не были бы въ состояніи слѣдить за

каждою его мыслью до самыхъ послѣднихъ ея изгибовъ и до тончайшихъ ея развѣтвленій. Многія изъ его мыслей должны были бы казаться намъ неожиданными; многіе изъ его поступковъ должны были бы поражать насъ своею безпричинностью; ставя себя на его мѣсто, каждый изъ насъ долженъ былъ бы чувствовать, что онъ рѣшительно не былъ бы въ состояніи набрести на тѣ мысли, на которыя набрелъ Раскольниковъ; мы должны были бы замѣчать, что у Раскольникова въ процессѣ мышленія обнаруживаются какіе-то пробѣлы и перерывы, что среди ровнаго и плавнаго теченія мысли у него попадаютъ такіе зигзаги и скачки, такіе пируэты и вольфасы, которые наша трезвая и здоровая мысль отказывается продѣлывать вслѣдъ за нимъ, и для которыхъ необходимо предположить существованіе и дѣятельность особой причины, особаго фактора, называемаго умственною болѣзнію. Этого-то и нѣтъ. Каждая мысль и каждый поступокъ Раскольникова, въ особенности до совершенія убійства, мотивированы въ высшей степени удовлетворительно. Мы видимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, почему и зачѣмъ онъ дѣлаетъ тотъ или другой шагъ. Мы видимъ, что именно толкаетъ его назадъ, и что именно манитъ его впередъ. Онъ бросается стремглавъ въ лужу крови и грязи, что конечно довольно странно со стороны образованнаго и высоко-развитаго молодаго человѣка; но бросается онъ вовсе не потому, что чувствуетъ къ этой крови и грязи непреодолимое влеченіе, которое конечно было бы непонятно здоровому человѣку, и которое, слѣдовательно, можно было бы объяснить только разстройствомъ умственныхъ способностей; бросается онъ въ лужу собственно и единственно потому, что сухая тропинка, прилегающая къ этой лужѣ, становится наконецъ невыносимо узкою. Бросается онъ въ лужу съ болью и со страхомъ; съ ужасомъ и съ отвращеніемъ, зажимая себѣ носъ и ротъ, и собираясь долго и тщательно отмываться отъ нечистоты, какъ только ему удастся вынырнуть и взобраться снова на сухую и чистую дорожку.

Если вы хотите окончательно убѣдиться въ томъ, что Раскольниковъ не помѣшанный, сдѣлайте слѣдующее предположеніе. Наканунѣ убійства, Раскольниковъ узнаетъ совершенно случайно, изъ разговора, услышаннаго имъ на Сѣнной, куда ему даже и незачѣмъ было ходить, что завтра, ровно въ семь часовъ вечера, старуха, которую требовалось убить и ограбить, останется дома одна. Послѣ этого разговора, «онъ вошелъ къ себѣ, какъ приговоренный къ смерти. Ни о чемъ онъ не разсуждалъ и совершенно не могъ разсуждать; но всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно. Конечно, если бы даже цѣлые годы приходилось ему ждать удобнаго случая, то и тогда, имѣя замыселъ, нельзя было рассчитывать навѣрное на болѣе

очевидный шагъ къ успѣху этого замысла, какъ тотъ, который представлялся вдругъ сейчасъ. Во всякомъ случаѣ, трудно было бы узнать наканунѣ и навѣрно, съ большою точностью и съ наименьшимъ рискомъ, безъ всякихъ опасныхъ распросовъ и разыскиваній, что завтра, въ такомъ-то часу, такая-то старуха, на которую готовится покушеніе, будетъ дома одна одиухонька». (I, 95, 96.) Мысль и рѣшимость еозрѣли въ Раскольниковѣ на столько, что онѣ должны были немедленно, не дальше, какъ на другой день, выразиться въ поступкѣ, послѣ котораго невозможенъ никакой поворотъ назадъ. Теперь вообразите же себѣ, что въ это самое время, когда уже все рѣшено, когда нашъ герой чувствуетъ себя приговореннымъ къ совершенію убійства, въ его каморку входитъ почтальонъ и подаетъ ему письмо и повѣстку, требуя себѣ, по обыкновенію, шесть копѣекъ. Раскольниковъ морщится, платитъ деньги изъ послѣднихъ своихъ ресурсовъ, полученныхъ за отцовскіе часы, и распечатываетъ полученные бумаги; оказывается, что повѣстка объявляетъ ему о полученіи письма на его имя, со вложеніемъ пятисотъ рублей; что же касается до простого письма, полученнаго вмѣстѣ съ повѣсткою, то оно написано рукою его матери и извѣщаетъ его о томъ, что ихъ семейству досталось совершенно неожиданнымъ образомъ наследство тысячъ въ двадцать серебромъ, что мать вмѣстѣ съ сестрою ѣдутъ къ нему въ Петербургъ, и что ему уже выслано пятьсотъ рублей для немедленнаго поправленія его разстроенныхъ обстоятельствъ. Какъ вы думаете, что предприметъ Раскольниковъ, получивши такіа извѣстіа? Будетъ-ли онъ, по прежнему, считать вопросъ о старухѣ безповоротно рѣшеннымъ, и смотрѣть на самаго себя, какъ на человѣка, окончательно приговореннаго къ отвратительному купанію въ грязной и кровавой лужѣ? Я не думаю, чтобы кто нибудь изъ читателей серьезно отвѣтилъ на этотъ вопросъ: да. Для такого отвѣта нѣтъ никакихъ матеріаловъ въ романѣ г. Достоевскаго. Если же вы допустите, что письмо и повѣстка могли перевернуть всѣ планы и намѣренія Раскольникова въ то самое время, когда онъ уже готовился приступить къ ихъ выполненію, то вы тѣмъ самымъ лишите себя всякой возможности считать его помѣшаннымъ. Я понимаю очень хорошо, что порядочная сумма денегъ очень часто можетъ быть гораздо полезнѣе, необходимѣе и спасительнѣе всевозможныхъ лекарствъ, теплыхъ ваннъ и гимнастическихъ упражненій, но я до сихъ поръ никогда не слыхалъ, чтобы дѣйствительно существующее помѣшательство лечилось письмами и повѣстками изъ почтамта. Если Раскольникова можно было бы вылечить радостнымъ извѣстіемъ и присылкою денегъ, то не трудно, кажется, сообразить, что корень его болѣзни таился не въ мозгу, а въ карманѣ. Онъ былъ бѣденъ, голоденъ, обезкураженъ и озлобленъ, но нисколько не помѣшанъ. Конечно, онъ размышлялъ не совсѣмъ такъ, какъ размышляютъ

люди, находящіеся въ хорошемъ, ровномъ и спокойномъ расположеніи духа. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Когда человѣкъ чѣмънибудь сильно обрадованъ, или огорченъ, или испуганъ, или взволнованъ, или озабоченъ, то мысль его непременно работаетъ не совсѣмъ такъ, какъ это дѣлается въ спокойныя минуты его жизни. Если вы усилите какимъ-нибудь образомъ дѣйствіе той причины, которая произвела измѣненія въ процессѣ мышленія, то вмѣстѣ съ тѣмъ усилится и самое измѣненіе; если оно усилится въ очень значительныхъ размѣрахъ, то человѣкъ сдѣлается до нѣкоторой степени похожимъ на сумасшедшаго; онъ начнетъ заговариваться, болтать чепуху, перебивать самого себя, смѣяться или плакать безъ видимой причины, задумываться, отвѣчать не впадѣ на самыя простыя вопросы и вообще вести себя такъ, что отъ него трудно будетъ добиться толку. Но признать его помѣшаннымъ было бы все-таки въ высшей степени опрометчиво. Удалите причину, перепутавшую его мысли, и онъ немедленно сдѣлается снова совершенно разсудительнымъ человѣкомъ. Всякая страсть, всякое впечатлѣніе, всякое глубокое душевное движеніе нарушаютъ до нѣкоторой степени полное равновѣсіе и гармоническое дѣйствіе нашихъ умственныхъ способностей, но если бы каждое подобное нарушеніе считалось за помѣшательство, то, по всей вѣроятности, каждому изъ насъ пришлось бы провести въ сумасшедшемъ домѣ большую часть своей жизни. Помѣшательствомъ можно назвать только такое нарушеніе равновѣсія, послѣ котораго нормальныя умственныя отправленія уже не возстановляются сами собою.

Человѣкъ помѣшанный не можетъ отвѣчать за свои поступки. Съ него невозможно взыскивать за то зло, которое онъ дѣлаетъ себѣ и другимъ; его нельзя ни судить, ни наказывать. Этотъ принципъ въ настоящее время принятъ всѣми уголовными кодексами образованнаго міра. Доказать, что преступленіе совершено во время помѣшательства, значитъ доказать, что преступленія вовсе не существуетъ и что вмѣсто преступника, подлежащаго извѣстному наказанію, судьи имѣютъ передъ собою больнаго, нуждающагося въ попеченіяхъ добросовѣстнаго и чело-вѣколюбиваго медика. Поэтому, въ вопросѣ о томъ, помѣшанъ ли Раскольниковъ, скрывается въ сущности другой вопросъ: на сколько Раскольниковъ былъ свободенъ и способенъ отвѣчать за свои поступки въ то время, когда онъ совершалъ свое преступленіе? Этотъ вопросъ имѣетъ очень важное и глубокое общественное значеніе. Этотъ вопросъ гораздо болѣе интересенъ для каждаго размышляющаго читателя, чѣмъ спеціально-психіатрической вопросъ о томъ, можно ли назвать помѣшательствомъ то не нормальное настроеніе, въ которое погрузила Раскольникова его безвыходная нищета. Собственно говоря, именно этотъ вопросъ и предлагается каждыиъ читателемъ, желающимъ знать, былъ ли Раскольниковъ помѣшанъ или нѣтъ. Отъ рѣшенія этого вопроса зависятъ

тѣ отношенія, въ которыя читатель станетъ къ герою, совершившему грязное и отвратительное преступленіе. Читатель можетъ или презирать и ненавидѣть Раскольниковъ, какъ вреднаго и низкаго негодяя, для котораго уже нѣтъ и не должно быть мѣста въ гражданскомъ обществѣ; или же читатель можетъ смотрѣть на него съ почтительнымъ состраданіемъ, какъ на несчастнаго чловѣка, свалившагося въ грязь подъ невыносимымъ гнетомъ такихъ суровыхъ и непобѣдимо-враждебныхъ обстоятельствъ, которые могли бы сломить даже очень твердую волю и отуманить даже очень свѣтлую голову. Отношенія читателя къ Раскольникову опредѣляются такъ или иначе, смотря по тому, какъ рѣшится вопросъ о свободѣ Раскольниковъ и о его способности отвѣчать за свои поступки. Этотъ послѣдній вопросъ можно и должно совершенно отдѣлить отъ вопроса о его помѣшательствѣ. Можно признать тотъ фактъ, что Раскольниковъ не былъ помѣшанъ, и, въ то же время, можно доказать, что та доля свободы, которою пользовался Раскольниковъ, была совершенно ничтожна. Переберемъ одну за другою всѣ подробности той обстановки, при которой Раскольникову приходилось обдумывать свое положеніе и искать выхода изъ той ловушки, которую разставила ему жизнь; перечислимъ одно за другимъ впечатлѣнія, которыя ложились на его измученную нервную систему; взвѣсимъ и оцѣнимъ всѣ мелкія и мучительныя столкновенія съ грубостью и бездушностью окружающихъ людей, всѣ столкновенія, которыя направляли въ извѣстную сторону теченіе его мыслей, — и потомъ спросимъ себя, оставалась ли за Раскольниковымъ свобода выбора, и въ его ли власти было придти или не придти къ тому дикому абсурду, которымъ закончилась его глухая и одинокая борьба.

Въ ту минуту, когда мы знакомимся съ Раскольниковымъ, онъ старается *«проскользнуть какъ нибудь кошкой по лѣстницѣ»* мимо квартиры хозяйки, которой онъ долженъ, и *«улизнуть, чтобы никто не видалъ»*. При этомъ онъ чувствуетъ какое-то *«болзненное и трусливое оищущеніе»*, котораго стыдится и отъ котораго морщится. И это оищущеніе онъ принужденъ испытывать всякій разъ, когда выходитъ на улицу, потому что всякій разъ ему надо проходить по лѣстницѣ, мимо хозяйкиной двери, которая обыкновенно бываетъ открыта. Выходитъ онъ на улицу въ такомъ видѣ, который въ однихъ прохожихъ возбуждаетъ насмѣшку, въ другихъ отвращеніе, въ третьихъ праздное состраданіе. Онъ остается равнодушнымъ къ тому впечатлѣнію, которое его лохмотья могутъ произвести на уличную публику. Но почему онъ равнодушенъ? Потому, какъ объясняетъ г. Достоевскій, что въ душѣ его накопилось уже достаточное количество *«злбнаго презрѣнія»*. Это злбное презрѣніе, составляющее для Раскольника оборонительное оружіе противъ мелкихъ булавочныхъ уколовъ, которые добрые люди

расточаютъ своимъ ближнимъ для препровожденія времени, — приобретається не легко, покупается не дешевою цѣною, и изображаетъ собою такую почву, на которой могутъ укорениться и созрѣть самыя дикія, мрачныя и отчаянныя намѣренія. Это злобное презрѣніе еще недостаточно защищаетъ его отъ стыда за свою безпомощность, когда ему случается встрѣтиться съ знакомыми или съ прежними товарищами. Онъ тщательно избѣгаетъ такихъ встрѣчъ. Дурной знакъ! Его молодое самолюбіе такъ глубоко изранено разнообразѣйшими оскорбленіями, что уже нѣтъ той формы дружескаго участія, которая могла бы доставить ему пріятное ощущеніе, и которая не показалась бы ему выраженіемъ обиднаго и высокоумнаго состраданія.

Раскольниковъ идетъ къ той старухѣ, которую онъ собирается убить; онъ идетъ закладывать серебряныя часы и въ то же время осматривать мѣстность. Старуха даетъ ему за часы полтора рубля и беретъ съ него проценты за мѣсяць впередъ, по десяти процентовъ въ мѣсяць. Раскольниковъ видитъ и чувствуетъ на самомъ себѣ, какъ люди пользуются страданіями своихъ ближнихъ, какъ искусно и старательно, какъ аккуратно и безопасно они высасываютъ послѣдніе соки изъ бѣдняка, изнемогающаго въ непосильной борьбѣ за жалкое и глупое существованіе. Ненависть и презрѣніе приливаютъ широкими и ядовитыми волнами въ молодую и воспримчивую душу Раскольникова въ то время, когда грязная старуха, паукъ въ человѣческомъ образѣ, тянетъ изъ него все, что можно вытянуть изъ человѣка, находящагося наканунѣ голодной смерти. Ненависть и презрѣніе одолеваятъ его съ такою силою, что ему становится безконечно отвратительнымъ даже бить эту старуху, даже марать руки ея кровью и ея деньгами, въ которыхъ ему чуются слезы многихъ десятковъ голодныхъ людей, быть можетъ, даже многихъ покойниковъ, умершихъ въ больницѣ отъ истощенія силъ, или бросившихся въ воду, во избѣжаніе голодной смерти. На минуту все тонетъ для Раскольникова въ какомъ-то туманѣ непобѣдимаго отвращенія. Пропадай эта подлая старуха, пропадай ея грязныя деньги, пропадай я самъ съ моими глупыми страданіями и еще болѣе глупыми планами обогащенія. Наплевалъ бы на всю эту тину человѣческой гнусности, ушелъ бы куда нибудь, забылся бы, умеръ бы, если бы для этого достаточно было закрыть глаза и пожелать смерти.

Это чувство нравственнаго отвращенія усиливается еще и доводится до своего апогея простымъ ощущеніемъ физической тошноты. Раскольниковъ голоденъ до такой степени, что мысли путаются въ его головѣ. Онъ входитъ въ распивочную, выпиваетъ стаканъ холоднаго пива, и ему вдругъ становится веселѣе и легче; онъ самъ замѣчаетъ, что у него «крѣпнеть умъ, яснѣетъ мысль, твердѣютъ намѣренія». Сознательная ненависть къ старухѣ и взглядъ на ея безчестно нажитыя деньги, какъ

на средство выбраться изъ затрудненія, одерживаютъ перевѣсъ надъ инстинктивно сильнымъ отвращеніемъ къ грязному убійству. Раскольниковъ замѣчаетъ тотчасъ же, что этотъ поворотъ въ его мысляхъ произошелъ отъ стакана пива, и это простое наблюдение заставляетъ его плюнуть и сказать: «какое все это ничтожество!» Изъ этого наблюденія онъ видитъ, что онъ не властенъ надъ своими мыслями, что онъ не можетъ подавлять или вызывать ихъ по своему благоусмотрѣнію, и что ему надо будетъ, волею или неволею, идти туда, куда поведутъ его внѣшнія вліянія, дающія его мыслямъ то или другое направленіе. Въ распивочной Раскольниковъ встрѣчается съ горькимъ пьяницею, отставнымъ чиновникомъ Мармеладовымъ, который комически-фитиеватымъ языкомъ рассказываетъ ему свою простую и глубоко-трагическую исторію. Бѣдность, голодные дѣти, грязный уголь, оскорбленія разныхъ нахаловъ, чахоточная жена, сохраняющая воспоминаніе о лучшихъ дняхъ, и убивающая себя работою, старшая дочь, превратившаяся въ публичную женщину, чтобы поддерживать существованіе семейства—вотъ выдающіяся черты той жизни, которой панорама развертывается передъ Раскольниковымъ въ рассказѣ пьянаго Мармеладова. Самъ рассказчикъ нисколько не желаетъ себя выгораживать; съ смиреніемъ, свойственнымъ разговорчивому пьяницѣ, онъ неоднократно называетъ себя свиньею и скотомъ, и доказываетъ очень убѣдительно, что онъ въ самомъ дѣлѣ скоть и свинья. Онъ объясняетъ Раскольникову, съ чувствомъ искренняго негодованія противъ себя, что пропилъ даже чулки своей жены, пропилъ косыночку изъ козьяго пуха, «дареную, пржежую, ея собственную», пропилъ въ послѣдніе пять дней свое мѣсячное жалованье, укравши его изъ-подъ замка у жены, вмѣстѣ съ жалованьемъ пропилъ форменное платье и послѣднюю надежду выбраться на чистую дорожку посредствомъ службы, которая была ему доставлена только по особому великодушію какого-то благодѣтеля, его превосходительства Ивана Афанасьевича, тронувшагося его слезными мольбами и взявшаго его на свою личную отвѣтственность. «Пятый день изъ дома, кончаетъ Мармеладовъ, и тамъ меня ищутъ, и службѣ конецъ, и виць-мундиръ въ распивочной у Египетскаго моста лежитъ, взамѣнъ чего и получилъ сіе одѣяніе.... и всему конецъ».

До столкновенія съ Мармеладовымъ, Раскольниковъ зналъ коротко только тѣ физическія лишенія, которыя порождаются бѣдностью. Онъ могъ конечно дойти, и, по всей вѣроятности, доходилъ, путемъ теоретическихъ выкладокъ до того заключенія, что бѣдность, придавливая и пригибая человѣка къ землѣ, дѣлая его безотвѣтнымъ и беззащитнымъ, заставляетъ его ползать и пресмыкаться въ грязи у ногъ великодушныхъ благодѣтелей, медленно и безвозвратно убиваетъ въ немъ его человѣческое достоинство, но доходить путемъ размышленія до того вывода, что какой нибудь фактъ возможенъ и дѣйствительно существ-

вуетъ, совсѣмъ не то, что встрѣтиться съ этимъ фактомъ лицомъ къ лицу, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ и вдохнуть въ себя весь его своеобразный ароматъ. Раскольниковъ *никогда до сихъ поръ не входилъ въ распивочныя* (I, 12), слѣдовательно никогда не видалъ вблизи тѣхъ образчиковъ нравственнаго паденія, которые изготовляются бѣдностью. Мармеладовъ и его разсказъ дѣйствуютъ на него такъ, какъ дѣйствуютъ обыкновенно на юнаго медицинскаго студента тѣ куски разлагающагося человѣческаго мяса, съ которыми онъ встрѣчается и принужденъ знакомиться самымъ обстоятельнымъ образомъ при первомъ своемъ вступленіи въ анатомическій театръ. Прошу читателей извинить меня. Мое сравненіе грѣшитъ тѣмъ, что оно слишкомъ слабо. Оно могло бы сдѣлаться вѣрнымъ только въ томъ случаѣ, если бы мы предположили, что въ анатомическомъ театрѣ производятся вивисекціи надъ самими медицинскими студентами, и что каждый изъ этихъ студентовъ, превратившись подъ ножомъ прозектора въ куски кроваваго и разлагающагося мяса, продолжаетъ, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, страдать, стонать, метаться, чувствуя и сознавая свое собственное гніеніе. Допустивши это дикое предположеніе, и вообразивъ себѣ, какое чувство долженъ испытывать студентъ, вступающій въ анатомическій театръ, знающій заранѣе ту судьбу, которая его ожидаетъ, и встрѣчающійся въ первый разъ съ живыми примѣрами тѣхъ метаморфозъ, которые скоро должны совершиться надъ нимъ самимъ, мы составимъ себѣ довольно ясное понятіе о томъ, что долженъ былъ передумать и перечувствовать Раскольниковъ, созерцая Мармеладова и выслушивая его пьяную исповѣдь. Всего ужаснѣе въ этой личности и въ этой исповѣди именно то, что Мармеладова невозможно презирать цѣликомъ, презирать такъ, чтобы къ этому презрѣнію не примѣшивалось никакого другого чувства. Глядя на него, Раскольниковъ не можетъ остановиться и успокоиться на томъ приговорѣ, что это дѣйствительно скотъ и свинья, и что въ этомъ скотѣ или въ этой свиньѣ никогда не было, или, по крайней мѣрѣ, уже не осталось ничего чисто-человѣческаго, ничего такого, въ чемъ просвѣчивало бы его сродство съ самимъ Раскольниковымъ, и въ чемъ таились бы задатки безпредѣльнаго совершенствованія. Мармеладовъ любитъ свою жену и своихъ дѣтей, запоминаетъ всѣ оттѣнки ихъ страданій, и самъ страдаетъ за нихъ и вмѣстѣ съ ними въ то же самое время, когда онъ самъ, своими же собственными руками сталкиваетъ ихъ въ грязную яму безвыходной нищеты, которая уже разрѣшилась для его старшей дочери всѣми муками и пытками вынужденнаго разврата. Мармеладовъ способенъ сознательно уважать свою жену, способенъ оцѣнивать, понимать и прощать естественною деликатностью и чуткостью глубоко нѣжнаго характера (я бы сказалъ *сердца*, если бы не избѣгалъ этого неточнаго и до крайности опошленнаго выраженія)

тѣ взрывы взбалмошной сварливости и несправедливой злости, которымъ подвержена эта измученная чахоточная женщина. «Лежалъ я тогда, говоритъ Мармеладовъ.... ну да ужъ что! лежалъ пьяненькой-сь, и слышу, говоритъ моя Соня (безотвѣтная она, и голосокъ у ней такой кроткій.... бѣлокуренькая, и личико всегда блѣдненькое, худенькое), говоритъ: чтожь, Катерина Ивановна, неужели же мнѣ на такое дѣло пойти? А ужъ Дарья Францовна, женщина злонамѣренная и полиціи многократно извѣстная, раза три черезъ хозяйку навѣдывалась. «А чтожь, отвѣчаетъ Катерина Ивановна, въ пересмѣшку, — чего беречь? Эко сокровище!» Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не въ здравомъ разсудкѣ сіе сказано было, а при взволнованныхъ чувствахъ, въ болѣзни и при плачѣ дѣтей не ѣвшихъ, да и сказано болѣе ради оскорбленія, чѣмъ въ точномъ смыслѣ.... Ибо Катерина Ивановна такого ужъ характера, и какъ расплачутся дѣти, хоть бы и съ голоду, тотчасъ же ихъ бить начинаетъ. И вижу я эдакъ часу въ шестомъ, Сонечка встала, надѣла платочекъ, надѣла бурнусикъ и съ квартиры отправилась, а въ девятомъ часу и назадъ обратно пришла. Пришла и прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ, и на столъ передъ ней тридцать цѣлковыхъ молча выложила. Ни словечка при этомъ не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только нашъ большой драдедамовый зеленый платокъ (общій такой у насъ платокъ есть, драдедамовый), накрыла имъ совсѣмъ голову и лице и легла на кровать, лицомъ къ стѣнѣ, только плечики да тѣло все вздрагиваютъ.... А я, какъ и давеча, въ томъ же видѣ лежалъ-сь... И видѣлъ я тогда, молодой человекъ, видѣлъ я, какъ затѣмъ Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла къ Сонечкиной постелькѣ и весь вечеръ въ ногахъ у ней на колѣнкахъ простояла, ноги ей цѣловала, встать не хотѣла, а потомъ такъ обѣ и заснули вмѣстѣ, обнявшись.... обѣ.... обѣ.... да-сь.... а я.... лежалъ пьяненькой-сь....» (I, 25, 26). Все рассказано просто, ясно и до послѣдней степени отчетливо. Приведены всѣ подробности, которыя могъ подмѣтить очевидецъ, глубоко заинтересованный въ совершившемся событіи. Подмѣчено все, что могло бросить свѣтъ на характеры обѣихъ женщинъ, все, что могло объяснить и оправдать ихъ поступки, идущіе въ разрѣзъ съ правилами той нравственности, которую счастливые люди могутъ и должны считать для себя обязательною, и во имя которой они очень естественнымъ образомъ расположены судить и осуждать своихъ несчастныхъ ближнихъ. Видно изъ cadaго слова разсказа, что впечатлѣнія этого рокового вечера, какъ капли расплавленного свинца, падали въ мозгъ жалкаго пьяницы, и оставляли въ немъ такіе слѣды, которыхъ не сотрутъ до конца его жизни никакіе винные пары. Все онъ понимаетъ, все объясняетъ, все прощаетъ и оправдываетъ—только для самого себя нѣтъ у него ни одного слова объясненія, прощенія и оправданія. И три раза

встрѣчается въ его разсказѣ упоминаніе о томъ голомъ фактѣ, что онъ лежалъ пьяненькій, упоминаніе, похожее на похоронное пѣніе, пропѣтое человѣкомъ надъ самимъ собою. И съ этимъ-то яснымъ пониманіемъ своего глубокаго ничтожества, съ этимъ неизгладимымъ яркимъ и жгучимъ воспоминаніемъ о событіяхъ роковаго вечера, онъ все-таки бѣжитъ въ кабакъ, укравши у жены свои трудовыя деньги, пьянствуетъ безъ просыпу пятеро сутокъ, губить всѣ послѣднія надежды своего семейства, и въ довершеніе всѣхъ своихъ подвиговъ, спустивши въ кабакахъ все, что можно было спустить, идетъ выпрашивать у своей дочери, живущей по желтому билету, выпрашивать на послѣдній полуштофъ водки частицу тѣхъ денегъ, которыя она добываетъ отъ искателей легкой и дешевой любви, и которыя составляютъ единственное постоянное подспорье чахоточной женщины и троихъ вѣчно голодныхъ ребятишекъ. Ясное дѣло, что Мармеладовъ трупъ, чувствующій и понимающій свое разложеніе, трупъ, слѣдящій съ невыразимо-мучительнымъ вниманіемъ за всѣми фазами того ужаснаго процесса, которымъ уничтожается всякое сходство этого трупа съ живымъ человѣкомъ, способнымъ чувствовать, мыслить и дѣйствовать. Это мучительное вниманіе составляетъ послѣдній остатокъ человѣческаго образа; глядя на этотъ послѣдній остатокъ, Раскольниковъ можетъ понимать, что Мармеладовъ не всегда былъ такимъ трупомъ, какимъ онъ видитъ его въ распивочной, за полуштофомъ, купленнымъ на Сонины деньги. Этотъ остатокъ намекаетъ ему на то, что есть тропинка, ведущая къ Мармеладовскому паденію, и что есть возможность спуститься на эту скользкую тропинку даже съ той высоты умственнаго и нравственнаго развитія, на которую удалось взобраться ему, студенту Раскольникову. Не даромъ же Мармеладовъ обращается въ распивочной исключительно къ нему одному, и не даромъ же онъ самъ слушаетъ его разсказъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Между ними есть точки соприкосновенія, между ними существуетъ возможность взаимнаго пониманія, и стало быть нѣтъ основаній ручаться за то, чтобы тѣ испытанія, которыя погубили Мармеладова, не обнаружили своего мертвящаго и разлагающаго вліянія надъ Раскольниковымъ. Мармеладова раздавила бѣдность, та самая бѣдность, которая давитъ Расколькова, и уже довела его до изнурительной апатіи и до дикихъ мыслей о грабежѣ и убійствѣ. Мармеладовъ не вынесъ своихъ страданій, осложненныхъ страданіями, продолжительными и разнообразными, то острыми, то хроническими страданіями тѣхъ людей, которые были ему дороги, и которыхъ существованіе онъ одинъ могъ и одинъ обязанъ былъ обезпечивать. Мармеладовъ не вынесъ и сталъ искать себѣ минутнаго забвенія; онъ *прикоснулся*, какъ онъ самъ выражается, и *прикоснулся* по тому самому побужденію, по которому человѣкъ, страдающій невыносимою зубною болью, кладетъ себѣ опиумъ или хлороформъ въ дуило боль-

ного зуба. Мармеладовъ сдѣлался врагомъ, разорителемъ и мучителемъ своего семейства, такъ не чувствительно и незамѣтно для самого себя, какъ человѣкъ, пристрастившійся къ леченію посредствомъ опиума, становится сознательно губителемъ собственнаго здоровья. Мармеладовъ не принималъ никакихъ противузаконныхъ и насильственныхъ мѣръ противъ своей нищеты; онъ просто падалъ, вязнулъ и тонулъ, потому что у него не хватало силъ стоять на ногахъ, и потому что его ноги не находили себѣ твердой точки опоры въ той бездонной трясины, которая изъ году въ годъ поглощаетъ сотни и тысячи бѣдныхъ людей. Результатъ, къ которому онъ пришелъ путемъ этого краткаго и пассивнаго погруженія въ болото нищеты, разоблачился передъ Раскольниковымъ во всей наготѣ своего потрясающаго безобразія. При томъ направленіи, которое уже было дано мыслямъ Раскольникова, при томъ планѣ, по которому уже складывались и созрѣвали его намѣренія, видѣ трупа, доведеннаго до разложенія собственною пассивностью и кротостью, долженъ былъ подѣйствовать на Раскольникова такъ, какъ можетъ подѣйствовать ударъ каленымъ желѣзомъ на бѣшеную лошадь, уже закусившую удила.

Личность Соши и ея образъ дѣйствій также наводятъ Раскольникова на такія размышленія, которыя могутъ только расчищать передъ нимъ дорогу къ преступленію. Во-первыхъ, у Раскольникова есть сестра, дѣвушка молодая, умная, образованная, и красавица собою. Раскольниковъ любитъ свою сестру такъ же сильно, какъ Мармеладовъ любитъ свою старшую дочь. Но къ чему годится эта сильная любовь бѣднаго, задавленнаго и безсильнаго человѣка? Отъ чего можетъ защититъ и куда можетъ привести такая любовь? Пользуясь этою любовью, Авдотья Романова Раскольникова такъ же точно можетъ очутиться въ безотчетномъ распоряженіи уличныхъ ловеласовъ, какъ очутилась въ ихъ распоряженіи Софья Семеновна Мармеладова. Невозможно рассчитывать навѣрное даже и на тотъ исходъ, что самоубійство спасетъ Авдотью Романовну отъ вынужденнаго разврата. Можетъ быть Софья Семеновна также сѣмѣла бы броситься въ Неву; но бросаясь въ Неву, она не могла бы выложить на столъ предъ Катериною Ивановною тридцать цѣлковыхъ, въ которыхъ заключается весь смыслъ и все оправданіе ея безнравственнаго поступка. Бываютъ въ жизни такія положенія, которыя убѣждаютъ безпристрастнаго наблюдателя въ томъ, что самоубійство есть роскошь, доступная и позволительная только обезпеченнымъ людямъ. Очутившись въ такомъ положеніи, человѣкъ научается понимать выразительную пословицу: куда ни кинь, все клинъ. Къ такому положенію оказываются непримѣнимыми правила и предписанія общепринятой житейской нравственности. Въ такомъ положеніи, точное соблюденіе каждаго изъ этихъ превосходныхъ правилъ и предписаній приводитъ человѣка къ какому нибудь вопіющему абсурду. То, что при обык-

новенныхъ условіяхъ было бы священною обязанностью, начинается казаться человѣку, попавшему въ исключительное положеніе, презрѣннымъ малодушіемъ или даже явнымъ преступленіемъ; то, что при обыкновенныхъ условіяхъ возбудило бы въ человѣкѣ ужасъ и отвращеніе, начинается казаться ему необходимымъ шагомъ или геройскимъ подвигомъ, когда онъ находится подъ гнетомъ своего исключительнаго положенія. И не только самъ человѣкъ, подавленный исключительнымъ положеніемъ, теряетъ способность рѣшать нравственные вопросы такъ, какъ они рѣшаются огромнымъ большинствомъ его современниковъ и соотечественниковъ, но даже и безпристрастный наблюдатель, вдумываясь въ такое исключительное положеніе, останавливается въ недоумѣніи и начинаетъ испытывать такое ощущеніе, какъ будто бы онъ попалъ въ новый, особенный, совершенно фантастическій міръ, гдѣ все дѣлается навыворотъ, и гдѣ наши обыкновенныя понятія, о добрѣ и злѣ не могутъ имѣть никакой обязательной силы. Что вы скажете, въ самомъ дѣлѣ, о поступкѣ Софьи Семеновны? Какое чувство возбудить въ васъ этотъ поступокъ: презрѣніе или благоговѣніе? Какъ вы назовете ее за этотъ поступокъ: грязною потаскушкою, бросившею въ уличную лужу святыню своей женской чести, или великодушною героинею, принявшею съ спокойнымъ достоинствомъ свой мученическій вѣнецъ? Какой голосъ эта дѣвушка должна была принять за голосъ совѣсти, тотъ ли, который ей говорилъ: «сиди дома и терпи до конца; умирай съ голоду вмѣстѣ съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ и съ сестрами, но сохраняй до послѣдней минуты свою нравственную чистоту», — или тотъ, который говорилъ: не жалѣй себя, не береги себя, отдай все, что у тебя есть, продай себя, опозорь и загрязни себя, но спаси, утѣши, поддержи этихъ людей, накорми и обогрѣй ихъ хоть на недѣлю, во что бы то ни стало? Я очень завидую тѣмъ изъ моихъ читателей, которые могутъ и умѣютъ рѣшать съ плеча, безъ оглядки и безъ колебаній вопросы, подобные предыдущему. Я самъ долженъ сознаться, что передъ такими вопросами я становлюсь въ тупикъ; противоположныя воззрѣнія и доказательства сталкиваются между собою; мысли путаются и мѣшаются въ моей головѣ; я теряю способность ориентироваться и анализировать; начинается тревожное и мучительное исканіе какойнибудь твердой точки, и какогонибудь возможнаго выхода изъ заколдованнаго круга, созданнаго исключительнымъ положеніемъ. Кончается-ли это исканіе какимънибудь положительнымъ результатомъ, нахожу-ли я точку опоры и удается-ли мнѣ замѣтить выходъ—объ этомъ я не скажу моимъ читателямъ ни одного слова.

Если здѣсь возможенъ какойнибудь положительный результатъ, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ показаться читателямъ такою выдумкою, которая въ высшей степени похожа на абсурдъ или на парадоксъ.

Но, такъ какъ съ одной стороны бросать бисеръ передъ свиньями нерасчетливо и неблагоразумно, то съ другой стороны, также неблагоразумно и нерасчетливо, и, кромѣ того, даже очень невѣжливо предлагать предметы, годные только для свиней, какъ-то жолуди и отруби, такимъ особамъ, передъ которыми слѣдуетъ разсыпать чистый бисеръ. Поэтому, еслибы даже я имѣлъ несчастье добраться путемъ моихъ размышленій до обильнаго запаса желудей и отрубей, то я бы тщательно скрылъ отъ моихъ благовоспитанныхъ читателей мое неприличное открытіе. Это было бы тѣмъ болѣе удобно, что, въ настоящемъ случаѣ, насъ занимаетъ исключительно вопросъ о томъ: какимъ образомъ рассказъ Мармеладова о поступкѣ Сони долженъ былъ подѣйствовать на Раскольниковъ? Со стороны Раскольника невозможно ожидать продолжительныхъ колебаній во взглядѣ на этотъ поступокъ. Раскольниковъ не могъ быть безпристрастнымъ наблюдателемъ. Раскольниковъ самъ былъ въ высшей степени ожесточенъ трудностями своего собственнаго положенія: на его душѣ накопилось, какъ мы уже видѣли выше, много злобнаго презрѣнія къ обществу, къ его законамъ и ко всѣмъ его установившимся нравственнымъ понятіямъ. Онъ самъ уже былъ коротко знакомъ съ тою опасною мыслью, что бѣднякъ, которому общество отказываетъ въ работѣ и въ кускѣ хлѣба, долженъ поневолѣ вступить въ открытую войну съ этимъ обществомъ, и вести эту войну всѣми правдами и неправдами, силою и хитростью, нарушая безбоязненно и безсовѣстно всѣ предписанія нравственнаго закона. То обстоятельство, что Соня шла наперекоръ общественному мнѣнію, должно было подкупить Раскольника въ пользу ея поступка. Въ этомъ поступкѣ онъ могъ видѣть только то высокое самоотверженіе, съ которымъ Соня рѣшилась надѣть мученичскій вѣнецъ, и выпить до дна чашу униженія и страданія. Онъ могъ только почувствовать къ Сонѣ восторженное уваженіе, за то, что она, подобно Курцію, бросилась въ пропасть, и согласилась сдѣлаться искусительною жертвою за цѣлое семейство. При этомъ, разумѣется, онъ долженъ былъ также сообразить, что пропасть, въ которую бросилась Соня, все-таки остается открытою, и что семейство, за которое принесена жертва, все-таки остается неискупленнымъ, такъ что младшія сестры Сони сохраняютъ за собою всѣ шансы - отправиться въ свое время по ея слѣдамъ. Примѣръ Сони долженъ былъ, съ одной стороны, возбудить въ немъ соревнованіе, а съ другой стороны, подѣйствовать на него, какъ предостереженіе. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ подумать: вѣдь вотъ въ самомъ дѣлѣ, эта Соня! Семнадцатилѣтняя дѣвушка, слабая, робкая, безотвѣтная, забитая, неразвитая, опутанная всякими рутинными понятіями и предрасудками, — а какъ пришлось очень круто, такъ съумѣла же рѣшиться, и нашла возможность дѣйствовать. Не осталась же она дома, чтобы сидѣть сложа руки, хныкать надъ пьянымъ отцомъ,

надъ больною мачихою, надъ голодными ребятами, или въ тысячный разъ затыкать трудовыми копѣечками такую прорѣху, на которую очевидно требовались рубли, добытые какими бы то ни было средствами. Нѣтъ. Посидѣла, поплакала, надумалась, вышла на улицу, бросилась прямо въ грязь, и выкопала изъ этой грязи тридцать-рублей для семейнаго бюджета. А я то чего же смотрю. Я то, мужчина, сильный человѣкъ, свободный мыслитель, строгій судья существующихъ нелѣпостей! Развѣ я неспособенъ понять, что мое положеніе не поправляется грошовыми уроками? Развѣ я считать не умѣю? Или я можетъ быть боюсь столкновенія съ существующими понятіями, боюсь того, чего не побоялась Соня? Или я жду того, чтобы сестра Дуня приняла на себя обязанности искупительной жертвы за наше семейство, и погибла бы такъ же безтолково и такъ же бесплодно, какъ погибла эта Соня? Или я просто на словахъ города беру, а на дѣлѣ поджигаю хвостъ передъ простымъ городовымъ?

Съ другой стороны онъ долженъ былъ подумать: не стоитъ мараться по мелочамъ и изъ-за пустяковъ. Ужъ если бросаться въ грязь, то бросаться не изъ-за тридцати цѣлковыхъ, и ужъ конечно не такъ нерасчетливо, какъ бросилась эта Соня. Надо жильно рискнуть, чтобы много выиграть. Надо такъ — или панъ, или пропаль! — А то ужъ лучше лежать дома на диванѣ, хлебать вчерашніе Настасьины щи, прятаться отъ хозяйки, бѣгать высуня языкъ за грошовыми уроками, какъ за кладомъ, который все не дается въ руки, — и при этомъ утѣшать себя приятнымъ сознаниемъ своей незапятнанной честности. — Я убѣдительно прошу читателей не думать, что я сколько нибудь одобряю эти размышленія Раскольниковъ; я нахожу напротивъ того, что его ироническія отношенія къ незапятнанной честности и къ упорному труду, получающему копѣечное вознагражденіе, въ высшей степени предосудительны; я вполне убѣжденъ въ томъ, что его мысли — дурныя, вредныя и опасныя мысли. Я только осмѣливаюсь утверждать, и стараюсь доказывать, что эти мысли были неизбѣжными продуктами его невыносимаго положенія; въ этихъ мысляхъ проявилась та болѣзнь, которая развилась въ немъ подъ влияніемъ его лишеній и разнообразныхъ страданій, та болѣзнь, которую нельзя назвать помѣшательствомъ, но которая все-таки ведетъ и должна вести человѣка къ нелѣпымъ и безобразнымъ поступкамъ. При тѣхъ условіяхъ, которыя давили Раскольниковъ, у него не могло быть никакихъ другихъ мыслей. Поставьте на мѣсто Раскольниковъ какого нибудь другаго человѣка обыкновенныхъ размѣровъ, развившагося иначе и смотрящаго на вещи другими глазами, и вы увидите, что получится тотъ же самый результатъ. Невыносимое положеніе воспитаетъ въ немъ ту же самую болѣзнь, и всѣ его мысли примутъ то же самое вредное и опасное направленіе. Онъ убѣдитъ себя въ томъ,

что общество обращается съ нимъ, какъ съ голоднымъ волкомъ, и что ему остается только принять на себя эту странную роль со всѣми ея возможными послѣдствіями, со всѣми ея своеобразными правами и обязанностями, со всѣми ея удобствами и неудобствами.

Будемъ теперь слѣдить дальше за тѣми впечатлѣніями, которыя доставались на долю Раскольниковъ и могли обнаруживать на общее теченіе его мыслей то или другое влияніе. На другой день послѣ посѣщенія распивочной, Раскольниковъ получаетъ письмо отъ своей матери. Видъ этого письма дѣйствуетъ на него очень сильно: «Письмо, говоритъ г. Достоевскій, дрожало въ рукахъ его; онъ не хотѣлъ распечатывать при ней: (при Настасьѣ) ему хотѣлось остаться, *наединѣ* съ этимъ письмомъ. Когда Настасья вышла, онъ быстро поднесъ его къ губамъ и поцѣловалъ, потомъ долго еще вглядывался въ почеркъ адреса, въ знакомый и милый ему мелкій почеркъ его матери, учившей его когда-то читать и писать. Онъ медлилъ; онъ даже какъ будто боялся чего-то». (I, 44) Если человѣкъ такимъ образомъ принимаетъ и держитъ нераспечатанное письмо, то вы можете себѣ представить, какъ онъ будетъ читать его и по строкамъ, и между строками, какъ онъ будетъ всматриваться въ каждый отгѣнокъ и поворотъ мысли, какъ онъ въ словахъ и подъ словами будетъ отыскивать затаенную мысль, отыскивать то, что лежало, быть можетъ тяжелымъ камнемъ на душѣ писавшей особы, и что скрывалось самымъ тщательнымъ образомъ отъ пытливыхъ глазъ любимаго сына. Начинается чтеніе. Начинается одна изъ самыхъ утонченныхъ пытокъ, какія только могутъ выпасть на долю бѣднаго человѣка, еще не доведеннаго гнетущею нищетою до тупости, безчувственности и покорности разбитой и загнанной почтовой влячи. Изъ этихъ драгоценныхъ строкъ, согрѣтыхъ кроткимъ и мягкимъ сіяніемъ безпредѣльной материнской нѣжности, сыплется на изнемогающаго Раскольниковъ такіе жгучіе удары, которые могутъ быть нанесены ему именно только руюю любящей матери. Письмо написано самымъ бодрымъ и веселымъ тономъ, и наполнено самыми пріятными извѣстіями, и вслѣдствіе этого мучительность пытки становится еще болѣе утонченною. Письмо начинается самыми горячими выраженіями любви: «ты знаешь, какъ я люблю тебя, ты одинъ у насъ, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упованіе наше». (I, 45) Затѣмъ слѣдуютъ извѣстія о сестрѣ: «Слава тебѣ Господи, кончились ея истязанія, но расскажу тебѣ все порядку, чтобы ты узналъ какъ все было, и что мы отъ тебя до сихъ поръ скрывали». (I, 45) Такъ какъ Раскольникову пишутъ объ *окончившихся* истязаніяхъ, и при этомъ признаются, что отъ него *до сихъ поръ* скрывали многое, или даже все, то ему предоставляется полнѣйшее право думать, что теперь начинаются новыя истязанія, которыя также будутъ отъ него скрываться до тѣхъ поръ, пока они въ свою

очередь не превратятся въ окончившіяся. Раскольниковъ, конечно, съ внимательностью, свойственною сильно любящему человѣку, наматываетъ себѣ на усъ это полезное указаніе, и продолжаетъ чтеніе съ твердою рѣшимостью разглядѣть между радостными строками эти начинающіяся или уже начавшіяся истязанія. Касательно окончившихся пстязаній въ письмѣ сообщаются слѣдующія подробности. Дуня поступила гувернанткою въ домъ господъ Свидригайловыхъ, и забрала впередъ *цѣлыхъ сто рублей*, «болѣе для того чтобы выслать тебѣ шестьдесятъ рублей, въ которыхъ ты тогда такъ нуждался, и которые ты и получилъ отъ насъ въ прошломъ году» (46). Закабаливъ себя такимъ образомъ на нѣсколько мѣсяцевъ, Дуня принуждена была переносить грубости г. Свидригайлова, стараго кутилы, трактирнаго героя и уличнаго донъ-Жуана, который, какъ сказано въ письмѣ, *по старой привычкѣ своей, находился часто подъ вліяніемъ Бахуса*. Отъ грубостей и насмѣшекъ, г. Свидригайловъ перешелъ къ настойчивому ухаживанію и усиленно сталъ приглашать Дуню къ побѣгу за границу. Супруга г. Свидригайлова, Марфа Петровна, влюбленная въ мужа по уши, въ высшей степени взбалмошная и ревнивая до крайности, подслушала *своего мужа, умолявшаго Дунечку въ саду*, перепутала въ своей убогой головѣ всѣ обстоятельства, дѣла, выскочила изъ своей засады какъ бѣшеная кошка, собственноручно отколотила Дуню, «не хотѣла ничего слушать, а сама цѣлый часъ кричала, и наконецъ, приказала тотчасъ же отвезти Дуню въ городъ, на простой крестьянской телѣгѣ, въ которую сбросили всѣ ея вещи, бѣлье, платья, все какъ случилось, неувязанное и неуложенное. А тутъ поднялся проливной дождь, и Дуня, оскорбленная и опозоренная, должна была проѣхать съ мужикомъ, цѣлыхъ семнадцать верстъ въ некрытой телѣгѣ» (I, 48). Этимъ мщеніемъ не удовлетворилась разгнѣванная Юнона. Приѣхавъ въ городъ, она стала такъ успѣшно звонить во всѣхъ домахъ о своихъ семейныхъ несчастіяхъ и о преступленіяхъ безстыжей дѣвки Авдоты Раскольниковой, что мать и сестра нашего героя были принуждены запереться дома *отъ подозрительныхъ взглядовъ и шептаній*. Всѣ знакомые отъ нихъ отстранились, всѣ перестали имъ кланяться; шайка негодяевъ изъ купеческихъ прикащиковъ и канцелярскихъ писцовъ, всегда готовыхъ бить и оплевывать всякаго лежачаго, стремилась даже принять на себя роль мстителей за *outrage à la morale publique*, и собиралась вымазать дегтемъ ворота того дома, въ которомъ жила коварная соблазнительница цѣломудреннаго г. Свидригайлова. Хозяева дома, пылая тѣмъ же добродѣтельнымъ негодованіемъ, и преклоняясь передъ непогрѣшимымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, коноводомъ котораго являлась постоянно бѣшенная дура Марфа Петровна, потребовали даже, чтобы госпожи Раскольниковы очистили квартиру отъ своего тлетворнаго и компрометирующаго присутствія.

Наконецъ, дѣло разъяснилось. Свидригайлѣвъ предъявилъ своей бѣсоватой супругѣ письмо Авдотьи Романовны, написанное за долго до трагической сцены въ саду, и доказывавшее очевидно, что во всемъ былъ виноватъ только одинъ старый селадонъ. Изъ этого письма Марфа Петровна извлекла себѣ новыя и въ высшей степени драгоценныя средства разнообразить, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, безконечныя досуги своей сытой и сонной жазни. Съ искреннимъ увлеченіемъ праздно и пустой женщины, которая со скуки готова съ одинаковымъ наслажденіемъ злословить и благотворить, клеветать и вышивать подвѣски къ паникадиламъ, устраивать концерты въ пользу бѣдныхъ и съѣчь на конюшнѣ беременныхъ горничныхъ, — Марфа Петровна напустила на себя раскаянье, прискакала въ городъ, влетѣла въ квартиру Раскольниковыхъ, наводнила эту квартиру потоками своихъ дешевыхъ слезъ, попробовала задушить Дуню и ея мать въ своихъ непрошенныхъ объятіяхъ, и потомъ принялась бѣгать по городу и перезванивать по новому всю исторію, съ приличнымъ аккомпаниментомъ вздоховъ, криковъ, рыданій, сморканій и пѣвучихъ проклятій, направленныхъ на коварнаго изверга и жестокаго тирана ея нѣжной и пылающей души. Почтенные обитатели города встрепенулись и обрадовались новому обороту дѣла, которое уже казалось поконченнымъ обрадовались также безкорыстно и простоудшно, какъ они обрадовались бы извѣстію о томъ, что въ ихъ городѣ родился поросенокъ о двухъ головахъ, или что черезъ ихъ захоlustье пройдетъ въ скоромъ времени какое нибудь белуджистанское посольство. Нашлась для людей неожиданная возможность о чемъ-то говорить, и прикидываться въ продолженіе нѣсколькихъ дней, что они о чемъ-то думаютъ и чѣмъ-то озабочены. Дунечка сдѣлалась героннею дня, то есть, всѣ пошляки и негодяи города, всѣ сплетники и сплетницы, всѣ безмозгле и бездушныя руководители и руководительницы такъ называемаго общественаго мнѣнія, присвоили себѣ право и вмѣнили себѣ въ священную обязанность заглядывать своими глупыми глазами въ душу оскорбленной дѣвушки, ходить своими грязными руками и ногами по всѣмъ закоулкамъ ея недавняго страданія, и комментировать силами своихъ куриныхъ умовъ такіе отщѣпки чувства и проблески мысли, до которыхъ имъ самимъ удастся возвыситься только тогда, когда они счумѣютъ укусить собственный локоть. Дунечка сдѣлалась поводомъ для цѣлаго ряда литературныхъ чтеній. Марфѣ Петровнѣ «пришлось нѣсколько дней сряду объѣзжать всѣхъ въ городѣ, такъ какъ иные стали обижаться, что другимъ оказано было предпочтеніе, и такимъ образомъ завелись очереди; такъ что въ каждомъ домѣ уже ждали заранѣе и всѣ знали, что въ такой-то день Марфа Петровна будетъ тамъ-то читать это письмо, и на каждое чтеніе опять таки собирались даже и тѣ, которые письмо уже нѣсколько разъ прослушали и у себя въ домахъ, и

у другихъ знакомыхъ, по очереди» (I, 50, 51). Къ довершенію благополучія, и къ окончательному увѣнчанію оправданной добродѣтели, почтенный и солидный человѣкъ, *уже надворный совѣтникъ*, составившій себѣ капиталъ, и раздѣляющій во многомъ, какъ онъ самъ выражается, *убѣжденія новѣйшихъ поколѣній нашихъ*, словомъ, ходячая квинтессенція всей приличной и самодовольной пошлости, украшающей своимъ существованіемъ тотъ городъ, въ которомъ живутъ госпожи Раскольниковы, подносить Авдотѣ Романовнѣ руку и сердце, въ видѣ высокой и торжественной награды за незаслуженныя страданія. Имя этого благодѣтеля — Петръ Петровичъ Лужинъ. Онъ дальній родственникъ Марфы Петровны, которая очень горячо мастеритъ это дѣло, потому что она женщина богатая, вліятельная, великодушная и подверженная припадкамъ внезапнаго вдохновенія, потому что она вольна казнить, вольна и миловать ничтожество, подобное Дунѣ Раскольниковой, и еще потому, что это казненіе и милованіе, игриво чередуясь между собою, пріятно разнообразятъ идиллію ея сельской жизни. Все вниманіе Раскольниковова сосредоточивается конечно на Петрѣ Васильевичѣ Лужинѣ; Раскольниковъ догадывается съ первыхъ словъ письма объ этомъ щекотливомъ сюжетѣ, что начинающіяся истязанія, о которыхъ ему, разумѣется, не пишутъ и не будутъ писать, какъ не писали о грубостяхъ и любезностяхъ г. Свидригайлова и о воинственныхъ подвигахъ его супруги, — идутъ теперь отъ солиднаго человѣка, уже составившаго себѣ капиталъ и раздѣляющаго во многомъ убѣжденія новѣйшихъ поколѣній нашихъ. Въ своемъ письмѣ, мать Раскольниковова, Пульхерія Александровна, говоря о Лужинѣ, носится между Сциллою и Харибдою. Съ одной стороны, ей необходимо расположить сына въ пользу Петра Петровича, чтобы состоялась свадьба, на которой основываются многія ея надежды. Съ другой стороны, ей надо соблюдать въ похвалахъ очень большую осторожность и умѣренность, потому что ея сыну предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ личная встрѣча съ Петромъ Петровичемъ, встрѣча, которая, въ случаѣ сильнаго разочарованія со стороны молодого и пылкаго Раскольниковова, можетъ кончиться неожиданнымъ и рѣшительнымъ разрывомъ. Дуня уже дала Петру Петровичу свое согласіе, и мать старается убѣдить себя, что ея дочь будетъ, если и не совсѣмъ счастлива, то, по крайней мѣрѣ, и не слишкомъ несчастлива. Она видитъ ясно въ Лужинѣ черствость, мелочность, скаредность и тщеславіе; ее коробитъ отъ всѣхъ этихъ украшеній того человѣка, въ рукахъ котораго будетъ находиться жизнь ея дочери, она чувствуетъ, что Дуня добровольно и сознательно беретъ на себя очень тяжелый крестъ; но и мать, и дочь, обѣ дорожатъ предположеннымъ бракомъ и считаютъ его за счастье, потому что онъ даетъ имъ возможность, по крайней мѣрѣ, неопредѣленную надежду вытащить бездѣннаго Родю, то есть нашего

героя, изъ болота нищеты на гладкую и твердую дорогу. Въ своемъ письмѣ, Пульхерія Александровна старается говорить о Лужинѣ спокойно, весело и развязно; она старается показать, что они съ дочерью не обманываютъ себя фантастическими надеждами, что они видятъ ясно всѣ достоинства и недостатки жениха, всѣ удобства и неудобства предположеннаго брака, и что ихъ согласіе дано послѣ зрѣлаго и хладнокровнаго обсужденія вопроса со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Но Раскольниковъ изъ письма своей матери выноситъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, на которое рассчитывала Пульхерія Александровна. Раскольниковъ видитъ ясно, что тутъ не было никакого хладнокровія и никакого обсужденія; онъ видитъ, что все было рѣшено обѣими женщинами въ чаду самопожертвованія, и что онѣ обѣ, и мать и дочь стараются поддерживать этотъ чадъ, занимаясь построеніемъ воздушныхъ замковъ, которые, разумѣется, всѣ безъ исключенія относятся къ участи Родіона Романовича Раскольникова. Въ письмѣ говорится, что Лужинъ *и тебѣ можетъ быть весьма полезенъ, и что ты, даже съ теперешняго же дня, можешь бы опредѣленно начать свою будущую карьеру и считать участъ свою уже ясно опредѣлившеюся...* Дуня только и мечтаетъ объ этомъ... Дуня ни о чемъ кромѣ этого и не думаетъ. Она теперь, уже нѣсколько дней, просто въ какомъ-то жару и составила уже цѣлый проектъ о томъ, что въ послѣдствіи ты можешь быть товарищемъ и даже компаніономъ Петра Петровича по его тяжбынымъ зонятіямъ, тѣмъ болѣе, что ты самъ на юридическомъ факультетѣ.» (I, 56).

То дѣйствіе, которое должно произвести на Раскольникова радостное письмо его матери о радостномъ событіи, случившемся съ его сестрою, такъ ясно и понятно, что о немъ нечего много распространяться. Параллель между Сонею и Дунею сама собою напрашивается въ его голову; онъ думаетъ, что если только онъ позволитъ совершиться той жертвѣ, которая должна купить ему карьеру и обезпеченное существованіе, то онъ самъ упадетъ ниже отставнаго чиновника Мармеладова; у того есть по крайней мѣрѣ, хоть несчастная страсть, которою объясняется его способность помириться съ чѣмъ бы-то ни было; у того, есть, по крайней мѣрѣ, та отговорка, что онъ человѣкъ мало развитой и уже достаточно приняхавшійся ко всевозможной грязи; а Раскольникову приходится идти на компромиссы съ своею совѣстью въ то время, когда онъ видитъ насквозь, до послѣднихъ подробностей, всю отвратительность этихъ компромиссовъ, когда его нравственная зоркость и чуткость непритуплены ни пьянствомъ, ни обществомъ грязныхъ кутилъ и погибшихъ горемыкъ, ни лѣтами. Раскольниковъ рѣшаетъ, что онъ ни за что не пойдетъ на такіе компромиссы. «Не бывать этому браку, пока я живъ, говоритъ онъ, и къ чорту господина Лужина.» (I, 61). Письмо его матери владетъ конецъ той апатіи, которая давила его въ продол-

женіе нѣсколькихъ недѣль. Онъ видитъ ясно, что ему необходимо дѣйствовать; но теперь, болѣе, чѣмъ когда бы-то ни было, онъ убѣждаетъ себя въ томъ, что честный трудъ, какъ бы онъ ни былъ упоренъ, ни приведетъ его ни къ чему. «Не бывать? говорить онъ самъ себѣ. А что же ты сдѣлаешь, чтобы этому не бывать? Запретишь? А право какое имѣешь? Что ты имъ можешь обѣщать въ свою очередь, чтобы право такое имѣть? Всю судьбу свою, всю будущность имъ посвятить, *когда кончишь курсъ и мѣсто достанешь?* Слышали мы это, да вѣдь это *буки*, а теперь? Вѣдь тутъ надо теперь же что нибудь сдѣлать, понимаешь ты это? А ты что теперь дѣлаешь? Обираешь ихъ же. Вѣдь деньги-то имъ подѣ сторублевый пенсіонъ, да подѣ господъ Свидригайловыхъ подѣ закладъ достаются! Отъ Свидригайловыхъ-то, отъ Афанасія-то Ивановича Вахрушина, чѣмъ ты ихъ убережешь, миллионеръ будущій, Зевесъ, ихъ судьбою располагающій? Черезъ десять-то лѣтъ? Да въ десять-то лѣтъ мать успѣетъ ослѣпнуть отъ косынокъ, а пожалуй что и отъ слезъ; отъ поста исчахнетъ; а сестра? Ну, придумай-ко, что можетъ случиться съ сестрой черезъ десять лѣтъ, али въ эти десять лѣтъ? Догадался?» (I, 68). Раскольниковъ находится въ такомъ положеніи, при которомъ всѣ лучшія силы человѣка поворачиваются противъ него самаго и вовлекаютъ его въ безнадежную борьбу съ обществомъ. Самыя свѣтлыя чувства и самыя чистыя стремленія, тѣ чувства и стремленія, которыя обыкновенно поддерживаютъ, ободряютъ и облагораживаютъ человѣка, становятся вредными и разрушительными страстями, когда человѣкъ лишается возможности доставлять имъ правильное удовлетвореніе. Раскольникову хотѣлось во что бы то ни стало поконить и лелѣять свою старую мать, доставлять ей тѣ скромныя удобства жизни, которыя были ей необходимы, избавлять ее отъ томительныхъ заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба; ему хотѣлось далѣе, чтобы сестра его была ограждена въ настоящемъ отъ дерзостей разныхъ Свидригайловыхъ, а въ будущемъ отъ участи, постигшей Соню Мармеладову; или отъ необходимости видти замужъ безъ любви за какого нибудь деревяннаго человѣка, подобнаго господину Лужину. Самый строгій моралистъ не найдетъ въ этихъ желаніяхъ ничего предосудительнаго или нескромнаго; самый строгій моралистъ даже похвалитъ Раскольникова за эти желанія, и пожелаетъ, въ интересахъ его собственнаго нравственнаго совершенствованія, чтобы Раскольниковъ, въ теченіе всей своей жизни, постоянно любилъ мать и сестру, и самымъ ревностнымъ образомъ, не жалѣя силъ и энергіи, заботился объ ихъ участи. Моралистъ нашель бы даже по всей вѣроятности, что Раскольниковъ поступилъ бы очень дурно, если бы сбавилъ что нибудь изъ своихъ требованій, потому что сбавлять нечего, и всякая сбавка сопряжена съ очевиднымъ и неизбѣжнымъ ущербомъ для человѣческаго достоинства его матери и его сестры. Но эти требованія

остаются законными, разумными и похвальными только до тѣхъ поръ, пока у Раскольниковъ имѣются матеріальныя средства, которыми онъ дѣйствительно можетъ покоить свою мать и спасти отъ безчестія свою сестру. Пока Раскольниковъ обезпеченъ имѣніемъ, капиталомъ или трудомъ, до тѣхъ поръ ему предоставляется полное право и на него даже налагается священная обязанность любить мать и сестру, защищать ихъ отъ лишеній и оскорбленій, и даже въ случаѣ надобности, принимать на самого себя тѣ удары судьбы, которые предназначаются имъ, слабымъ и безотвѣтнымъ женщинамъ. Но какъ только матеріальныя средства истощаются, такъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ этими средствами, у Раскольниковъ, отбирается право носить въ груди человѣческія чувства, такъ точно, какъ у обанкротившагося купца отбирается право числиться въ той или въ другой гильдіи. Любовь къ матери и къ сестрѣ, и желаніе покоить и защищать ихъ становятся противозаконными и противуобщественными чувствами и стремленіями съ той минуты, какъ Раскольниковъ превратился въ голоднаго и оборваннаго бѣдняка. Кто не можетъ по человѣчески кормиться и одѣваться, тотъ не долженъ также думать и чувствовать по человѣчески. Въ противномъ случаѣ, человѣческія мысли и чувства разрѣшатся такими поступками, которые произведутъ неизбѣжную коллизію между личностью и обществомъ. Попавши въ свое исключительное положеніе, Раскольниковъ очутился на распутьѣ, очень похожемъ на то распутье, о которомъ говорится въ сказкахъ, и въ которомъ одна дорога обѣщаетъ гибель коню, другая — всаднику, а третья — обоимъ. Раскольникову казалось, что ему надо или отказаться отъ всего, что было ему дорого и свято въ себѣ самомъ и въ окружающемъ мірѣ, или вступить за свою святую въ отчаянную борьбу съ обществомъ, въ такую борьбу, въ которой уже невозможно будетъ разбирать средствъ. «Или отказаться отъ жизни совѣмъ вскричалъ онъ вдругъ въ изступленіи, послушно принять судьбу, какъ она есть, разъ навсегда, и задушить въ себѣ все, отказавшись отъ всякаго права дѣйствовать, жить и любить!» (I, 69). Раскольникову казалось, что ему надо непременно, или сдѣлаться трупомъ, подобнымъ Мармеладову, или рѣшиться на преступленіе, и что необходимо сдѣлать выборъ немедленно, прежде чѣмъ Дуня усифетъ въ видахъ его карьеры, обвиняться съ Лужинымъ. Въ размышленіяхъ Раскольниковъ замѣтна значительная недодуманность. Онъ, повидимому, не понимаетъ, что выходъ посредствомъ преступленія не можетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствительно вывести его изъ затрудненія. Онъ соображаетъ очень основательно, что для спасенія матери и сестры отъ нищеты и отъ всякихъ ея послѣдствій, воплотившихся въ Свидригайловыхъ и Лужиныхъ, необходимы деньги, и что честнымъ трудомъ невозможно ихъ достать въ необходимомъ количествѣ. Значитъ, заключаетъ онъ, остается только достать ихъ безчестнымъ средствомъ. За-

включеніе вѣрное. Кромѣ безчестныхъ средствъ не остается никакихъ. Но весь вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли безчестныя средства достигаютъ въ данномъ случаѣ той цѣли, къ которой стремится Раскольниковъ. Этому вопроса самъ Раскольниковъ вовсе себѣ не задаетъ. Положимъ, что ему удалось убить и ограбить процентщицу; положимъ, что онъ нашель у нея въ шкатулкѣ цѣлую калифорнію; положимъ, что онъ благополучно схоронилъ всѣ концы; положимъ, слѣдовательно, что все дѣло сложилось по его желанію во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ. Что же дальше? Какимъ образомъ онъ пустить ихъ именно въ то предпріятіе, которое ему всего дороже, и которое заставило его рѣшиться на преступленіе? Какъ онъ ухитрится провести эти деньги въ домашнюю жизнь матери и сестры такъ, чтобы эти деньги улучшили и обезпечили ихъ существованіе, и чтобы въ то же время мать и сестра не замѣтили этого неожиданнаго прилива денегъ, и не озадачили его настоятельными вопросами на счетъ ихъ происхожденія? Соблюдая должную осторожность и постепенность, Раскольниковъ могъ бы ускользнуть отъ подозрѣній полиціи, но ему, ни въ какомъ случаѣ, не удалось бы отвести глаза тѣмъ людямъ, которые сами должны наслаждаться плодами его преступленія, и которые привыкли въ бѣдности считать каждый кусокъ и беречь каждую старую тряпку. Это можно было и надо было предвидѣть заранѣе. Съ одной стороны, Раскольниковъ не могъ и подумать о томъ, что его мать и сестра согласятся когда нибудь помириться съ его преступленіемъ, какъ съ совершившимся фактомъ, и спокойно проживать проценты съ капитала, облитаго кровью. Съ другой стороны, если Раскольниковъ считалъ возможнымъ постоянно обманывать мать и сестру, то ему необходимо было заранѣе придумать въ отношеніи къ нимъ цѣлѣй сложный и обширный планъ дѣйствій, цѣлую систему тонкихъ и стройныхъ мистификацій. Между тѣмъ, въ романѣ мы не находимъ ни одного намека на существованіе такого плана или такой системы. Раскольниковъ просто не додумалъ до конца, и рѣшилъ свою задачу, упустивъ изъ виду одинъ изъ важнѣйшихъ ея элементовъ. Онъ успѣлъ только понять, что тою дорогою, по которой идутъ честные работники, онъ идти не можетъ, потому что эта дорога совсѣмъ не приведетъ его; или приведетъ слишкомъ поздно, къ той цѣли, которую онъ имѣетъ въ виду; затѣмъ нить размысленій оборвалась, и онъ бросился стремглавъ, очертя голову, безъ оглядки и безъ дальнѣйшихъ расчетовъ, въ противоположную сторону, на ту грязную дорогу, которая одна казалась ему открытою, но которая на самомъ дѣлѣ ведетъ только въ бездну.

Послѣ письма, полученнаго отъ матери, всѣ мысли до такой степени перепутываются въ головѣ Раскольникова, что убійство превращается въ его глазахъ не только въ единственный выходъ, но даже

въ какой-то неумолимый долгъ. Чтобы уклониться отъ исполненія этого долга, онъ ищетъ себѣ убѣжища въ своей слабости. «Нѣтъ, я не вытерплю, не вытерплю, говоритъ онъ. Пусть, пусть даже нѣтъ никакихъ сомнѣній во всѣхъ этихъ расчетахъ, будь это все, что рѣшено въ этотъ мѣсяцъ, ясно какъ день, справедливо, какъ арифметика. Господи! вѣдь я все же равно не рѣшусь! Я вѣдь не вытерплю; не вытерплю!... Чего же, чего же я до сихъ поръ!» (I, 99). Признавая слабостью то чувство, которое удерживаетъ его отъ проливанія человѣческой крови, Раскольниковъ въ то же время радуется этой слабости, и хватывается за нее, какъ за спасительный якорь. Ему становится легко и весело, когда онъ чувствуетъ эту мнимую слабость, избавляющую его отъ исполненія такого же мнимаго долга. Подъ вліяніемъ своей мнимой слабости, онъ отказывается отъ мысли объ убійствѣ, и при этомъ переживаетъ такое радостное, уже давно неиспытанное ощущеніе, какъ будто «нарывъ на сердце его, нарывавшій весь мѣсяцъ, вдругъ прорвался» (I, 92). Но на самомъ дѣлѣ нарывъ не прорвался; облегченіе было минутное. Въ немъ выразилось только послѣднее содроганіе человѣка передъ проступкомъ, совершенно противнымъ его природѣ.

Что случилось дальше, и почему случилось такъ, а не иначе, объ этомъ я поговорю съ читателями въ слѣдующей главѣ.

II.

Всѣ колебанія Раскольникова прекратились въ ту минуту, когда онъ узналъ случайно, что старуха въ такомъ-то часу, въ такой-то день останется дома одна. За мгновеніе передъ тѣмъ, какъ онъ услышалъ разговоръ, заключавшій въ себѣ это извѣстіе, онъ чувствовалъ себя свободнымъ «отъ этихъ чаръ, отъ колдовства, обаянія, отъ навожденія, онъ отрекся отъ проклятой мечты своей», и смотрѣлъ на Неву и на яркій закатъ солнца съ тою тихою радостью, съ которою обыкновенно смотритъ на всю окружающую природу человѣкъ только-что оправившійся отъ тяжелой болѣзни и понемногу возвращающійся къ жизни здоровыхъ людей. Мгновеніе спустя, когда онъ, выслушавъ внимательно и понявъ ясно каждое слово разговора, происходившаго между какимъ-то мѣщаниномъ и сестрою старухи, «онъ всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно», и пошелъ домой, «какъ приговоренный къ смерти». Этотъ переворотъ произошелъ въ немъ отъ того, что обстоятельства вдругъ назначили ему для совершенія его замысла опредѣленный срокъ. Пропустить этотъ срокъ значило или совсѣмъ отказаться отъ всего предпріятія

или, по крайней мѣрѣ, добровольно отнять у себя нѣсколько важнѣйшихъ шансовъ успѣха.

Но чтобы навсегда отказаться отъ плана, воспитаннаго и взлелѣяннаго нѣсколькими недѣлями уединеннаго размышленія, надо было снова передумать все съ самаго начала, и кромѣ того, надо было прискаты какую нибудь новую программу, на которой можно было бы успокоиться. На такой умственный трудъ Раскольниковъ, измученный бѣдностью, праздностью, апатіею и безобразнымъ фантазерствомъ уже не былъ способенъ. Въ его изнемогающемъ умѣ уже не было достаточно силъ на то, чтобы уничтожить *проклятую мечту* спокойнымъ и холоднымъ размышленіемъ. Онъ могъ только ужасаться, содрогаться и чувствовать припадки конвульсивнаго отвращенія къ тѣмъ гадостямъ, на которые его наталкивала эта *проклятая мечта*. Ужасъ и отвращеніе могли иногда доходить въ немъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ *проклятая мечта* начинала казаться ему совершенно неосуществимою и, слѣдовательно, неопасною. Въ такія минуты онъ могъ праздновать свое освобожденіе отъ чаръ, и смотрѣть на природу и на самаго себя глазами выздоравливающаго человѣка, но ужасъ и отвращеніе, какъ бы они ни были сильны, не могли замѣнить ему спокойное размышленіе и передѣлать по новому плану то, что уже давно было построено упорною работою мысли, пошедшей по ложному и опасному пути. Какъ только обстоятельства притиснули его къ стѣнѣ рѣшительнымъ вопросомъ, требующимъ безотлагательнаго отвѣта, такъ онъ немедленно сдѣлался безотвѣтнымъ рабомъ своей проклятой мечты.

Во время своихъ послѣднихъ приготовленій къ убійству, Раскольниковъ уже не чувствовалъ ни ужаса, ни отвращенія. Онъ потерялъ способность смотрѣть на свое дѣло со стороны. Хороша или дурна его цѣль,—объ этомъ онъ уже не думалъ. Все его вниманіе было обращено на подробности выполненія, и сосредоточено на борьбѣ съ препятствіями. Когда онъ услышалъ бой часовъ и чей-то возгласъ о томъ, что уже седьмой часъ — онъ испугался только той мысли, что можетъ опоздать. Когда онъ увидѣлъ невозможность утащить топоръ изъ хозяйской кухни. — онъ почувствовалъ только *тупую, зѣвскую злобу* противъ этого препятствія, которое въ первую минуту показалось ему неодолимымъ. Когда онъ, вслѣдъ за тѣмъ, разглядѣлъ топоръ въ дворницкой, и благополучно его спряталъ къ себѣ подъ пальто, онъ почувствовалъ только радость удачи. Словомъ, *проклятая мечта* господствовала надъ всѣмъ его существомъ, и обуславливала собою всѣ его отношенія къ мелкимъ случайностямъ, встрѣтившимся на его пути. Тѣ случайности, которыя благопріятствовали осуществленію *проклятой мечты*, казались ему счастливыми и возбуждали въ немъ радость; тѣ случайности, которыя могли помѣшать успѣху предпріятія, казались ему несчастными, и доводили

его до бѣшенства. Тутъ, очевидно, Раскольниковъ уже не думалъ и не хотѣлъ думать о томъ выздоровленіи, которое радовало его наканунѣ, и даже возбуждало въ немъ потребность молиться. Освобожденіе отъ чаръ было невозможно, самъ очарованный возмущался противъ тѣхъ случайностей, которыя сколько нибудь были способны произвести это освобожденіе. Идя на квартиру старухи, Раскольниковъ не могъ думать о томъ дѣлѣ, которое ему предстояло. Придя на квартиру, и приступивъ старуху обухомъ топора, онъ потерялъ способность думать даже о мелкихъ подробностяхъ выполненія, на которыхъ до сихъ поръ сосредоточивалось его вниманіе. Онъ растерялся, засуетился, сталъ дѣлать одну глупость за другою, и избавился отъ бѣды, то есть, не попался на мѣстѣ преступленія, только благодаря совершенно исключительному стеченію счастливыхъ случайностей.

Теперь я дошелъ до поворотнаго пункта въ романѣ. Главное дѣло, составляющее центръ и узелъ этого романа, уже сдѣлано. Я старался прослѣдить шагъ за шагомъ тѣ вліянія, которыя привели Раскольникова къ катастрофѣ. Говоря о причинахъ, подготовившихъ преступленіе, я до сихъ поръ не сказалъ ни одного слова объ убѣжденіяхъ Раскольникова, объ его образѣ мыслей, о его взглядахъ на важнѣйшіе вопросы частной и общественной нравственности. Это умолчаніе не было съ моей стороны ошибкою. Въ первой части моей рецензіи, я уже замѣтилъ мимоходомъ, что теоретическія убѣжденія Раскольникова не имѣли никакого замѣтнаго вліянія на совершеніе убійства. Теперь, когда настоящія причины преступленія достаточно разъяснены, я считаю не лишнимъ развить эту мысль подробно и защитить ее противъ тѣхъ возраженій, которыя могутъ быть ею вызваны.

Раскольниковъ высказываетъ нѣкоторыя изъ своихъ убѣжденій въ разговорѣ съ слѣдственнымъ приставомъ, Порфиріемъ Петровичемъ. Дѣло идетъ объ одной статьѣ, написанной Раскольниковымъ и помѣщенной въ какой-то газетѣ. Раскольниковъ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ своему собесѣднику основную мысль этой статьи:

«Я просто за просто, говорить онъ, намекнулъ, что необыкновенный человѣкъ имѣетъ право.... то есть, не официальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть... черезъ инныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того требуетъ.... По моему, если бы Кеplerовы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ нибудь комбинацій, ни коимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому развитію, или ставшихъ бы на пути какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право и даже былъ бы обязанъ.... устранить этихъ десять или сто человѣкъ,

чтобы сдѣлать свои открытія извѣстными всему человѣчеству. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы Ньютонъ имѣлъ право убивать кого вздумается, встрѣчныхъ и поперечныхъ, или воровать каждый день на базарѣ. Далѣе, помнится мнѣ, я развиваю въ моей статьѣ, что всѣ... ну, напримѣръ, хоть законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и такъ далѣе всѣ до одинаго, были преступники, уже тѣмъ однимъ, что давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужь конечно не останавливались и передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Однимъ словомъ, я вывожу, что и всѣ, не то что великіе, но и чуть чуть изъ коленъ выходящіе люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что нибудь новенькое, должны, по природѣ своей, быть непремѣнно преступниками,—болѣе или менѣе, разумѣется. Иначе трудно имъ выйти изъ коленъ, а оставаться въ колеѣ, они, конечно, не могутъ согласиться, опять-таки по природѣ своей, а по моему, такъ даже и обязаны не соглашаться» (I, 402—403).

Всѣми этими запутанными и совѣщивыми разсужденіями, Раскольниковъ старается доказать, что преступникъ дѣлается преступникомъ потому, что стоитъ выше окружающихъ его людей. Чтобы подстроить доказательства, Раскольниковъ всѣми правдами и неправдами раздвигаетъ рамки того понятія, которое въ общеупотребительномъ разговорномъ и литературномъ языкѣ связывается съ словомъ преступникъ. Расширивъ это понятіе и сдѣлавъ его по возможности неопредѣленнымъ, Раскольниковъ подводитъ подъ него все, что ему угодно, и облагораживаетъ дѣятельность воровъ и разбойниковъ, завербовывая въ ихъ компанію всѣхъ замѣчательныхъ людей, оставившихъ слѣды своего существованія и вліянія въ исторіи человѣчества. Натяжки, на которыхъ построена эта странная теорія, и бѣлыя нитки, которыми она сшита, бросаются въ глаза каждому сколько нибудь внимательному читателю. Изъ законодателей и установителей человѣчества очень многіе, дѣйствительно, были преступниками, то есть, похитителями чужой собственности. Эти многіе дѣйствительно могутъ стоять рядомъ съ ворами и грабителями, но ихъ вступленіе въ это общество не приноситъ ни малѣйшей пользы ихъ болѣе мелкимъ товарищамъ, и нисколько не облагораживаетъ ихъ общихъ занятій, которые однимъ доставили безсмертіе, а другимъ—уголовныя наказанія. Эти многіе оказываются преступниками совсѣмъ не потому, что замѣнили древній законъ новымъ, а отъ того, что, по своей дикой прихоти, по своему корыстолюбію или властолюбію, раздавили на

своём пути много человеческих существований и отняли у многих работников продукты их честного труда. Что большая часть этих благодѣтелей и установителей человечества были особенно страшными кровопроливцами—это доказываетъ совсѣмъ не то, что проливаніе человеческой крови очень похвально и полезно, а только то, что человечество по простотѣ своей коллективной души, и по своей извѣстной ребяческой слабости къ блеску и грохоту, къ яркимъ краскамъ и рѣзкимъ звукамъ, до сихъ поръ считаетъ своими благодѣтелями такихъ людей, которые очевидно причинили ему, этому добродушному и довѣрчивому человечеству, гораздо больше вреда чѣмъ пользы. Что кровопролитіе бываетъ иногда неизбежно и ведетъ за собою самыя благодѣтельныя послѣдствія—это извѣстно всякому человѣку, умѣющему понимать причинную связь историческихъ событій. Но это обстоятельство ровно ничего не доказываетъ въ пользу того права, которое Раскольниковъ присвоиваетъ необыкновеннымъ людямъ. Произвольное устраненіе живыхъ людей и безцеремонное шаганіе черезъ препятствія, во всякомъ случаѣ, остается дѣломъ очень вреднымъ, и слѣдовательно въ высшей степени преступнымъ, т. е., совершенно предосудительнымъ. Кровопролитіе становится неизбежнымъ вовсе не тогда, когда его желаетъ устроить какой нибудь необыкновенный человѣкъ; вовсе не тогда, когда какое нибудь живое препятствіе мѣшаетъ этому необыкновенному человѣку осуществить свою личную идею или фантазію, а только тогда, когда двѣ большія группы людей, двѣ націи или двѣ сильныя партіи рѣзко и рѣшительно расходятся между собою въ своихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ. Когда этимъ двумъ противнымъ сторонамъ невозможно договориться до удовлетворительнаго результата, когда не остается никакой возможности покончить дѣло соглашеніемъ или полюбовнымъ размежеваніемъ столкнувшихся и перепутавшихся интересовъ, когда нѣтъ возможности разъяснить заблуждающуюся сторонѣ, посредствомъ спокойнаго научнаго анализа, въ чемъ состоятъ ея настоящія выгоды и въ чемъ заключается ошибочность и неосуществимость ея требованій — тогда, разумѣется, остается только начать драку и драться до тѣхъ поръ, пока правое дѣло не восторжествуетъ. Но, и здѣсь, въ этихъ случаяхъ, роль необыкновенныхъ людей, правильно понимающихъ свое назначеніе, состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы породить и поддерживать драку. Прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до кровопролитія, необыкновенные люди, то есть, самыя умныя и самыя честныя люди даннаго общества, всѣми силами стараются о томъ, чтобы предупредить это кровопролитіе, и чтобы произвести какъ можно спокойнѣе ту перемѣну, которой требуютъ обстоятельства, и которой необходимость уже чувствуется и даже сознается значительною частью заинтересованной націи. Необыкновенные люди стараются открыть глаза своимъ соотечественникамъ и современ-

никакъ, разъяснить имъ настоящее положеніе дѣлъ, направить ихъ къ мирному и безобидному выходу изъ затруднительнаго положенія, и доказать имъ необходимость обширныхъ и добровольныхъ уступокъ тому теченію идей, которое называется духомъ времени, и которое порождается общими причинами и условіями, а никакъ не выдумками и усиліями какихъ нибудь необыкновенныхъ людей. Честные и умные совѣты необыкновенныхъ людей очень часто остаются непонятными или даже невыслушанными; страсти спорящихъ сторонъ разгораются; разрывъ становится неминуемымъ; и тогда необыкновенные люди, убѣдившись раньше массы въ неизбежности открытой борьбы, изъ роли благоразумныхъ совѣтниковъ переходятъ въ роль воиновъ и полководцевъ. Они становятся рѣшительно на ту сторону, которой стремленія совпадаютъ съ истинными выгодами данной націи и всего человѣчества, они группируютъ вокругъ себя своихъ единомышленниковъ, они организуютъ, дисциплинируютъ и воодушевляютъ своихъ будущихъ подвижниковъ, и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, выжидаютъ нападенія противниковъ, или наносятъ сами первый ударъ. Когда борьба начата, все вниманіе необыкновенныхъ людей устремляется на то, чтобы какъ можно скорѣе покончить кровопролитіе, но, разумѣется, покончить такъ, чтобы вопросъ, породившій борьбу, оказался дѣйствительно рѣшеннымъ, и чтобы условія примиренія не заключали въ себѣ двусмысленныхъ комбинацій и уродливыхъ компромиссовъ, способныхъ, при первомъ удобномъ случаѣ, произвести новое кровопролитіе. Ни передъ борьбою, ни во время борьбы, ни послѣ ея окончанія, необыкновенные люди, которыми можетъ и должно гордиться человѣчество, не являются любителями и виновниками кровопролитія. Кровь льется не потому, что въ данномъ обществѣ, въ данную минуту, дѣйствуютъ необыкновенные люди, а потому, что дѣятельность этихъ необыкновенныхъ людей не можетъ перевѣсить собою массу человѣческаго неблагоразумія, узкаго своекорыстія и близорукаго упрямства. Кровь льется совѣмъ не для того, чтобы подвигать впередъ общее дѣло человѣчества; напротивъ того, это общее дѣло подвигается впередъ *не смотря* на кровопролитія, а никакъ не *вслѣдствіе* кровопролитій; виновниками кровопролитій бываютъ вездѣ и всегда не представители разума и правды, а поборники невѣжества, застоя и безправія. Доказать, что какой нибудь историческій дѣятель былъ страшнымъ кровопроливцемъ, то есть, что дѣйствительно кровь лилась по его личному желанію и распоряженію, а не *вслѣдствіе* тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ былъ поставленъ и надъ которыми онъ былъ властенъ, значитъ доказать тѣмъ самымъ, что этотъ дѣятель былъ врагомъ человѣчества, и что его примѣръ ни для кого и ни для чего не можетъ служить оправданіемъ.

Необыкновенные люди именно тѣмъ и необыкновенны, что они умѣютъ

додумываться до такихъ истинъ, которыя еще остаются неизвѣстными ихъ современникамъ. Тѣ необыкновенные люди, которые всего больше желаютъ и умѣютъ оставаться вѣрными своему естественному назначенію, то есть приносить людямъ какъ можно больше пользы,—должны только добывать новыя истины, доводить ихъ до всеобщаго свѣденія, защищать ихъ противъ старыхъ заблужденій, и убѣждать людей въ необходимости перестраивать жизнь сообразно съ новыми истинами. Идя по этому пути, необыкновенные люди никакъ не могутъ сдѣлаться страшными кровопроливцами; уклоняясь отъ этого пути, и призывая насильственные мѣры на помощь къ такимъ идеямъ, которыя могутъ и должны торжествовать силою своей собственной разумности и внутренней убѣдительности, необыкновенные люди въ значительной степени перестаютъ быть необыкновенными, и начинаютъ обнаруживать ту нетерпѣливую близорукость, которою отличаются всѣ ихъ дюжинные современники. Рѣшаясь проливать кровь во имя идеи, необыкновенные люди измѣняютъ своему естественному назначенію, компрометируютъ свою идею, дискредитируютъ ее, и замедляютъ ея успѣхи именно тѣми насильственными мѣрами, которыми они стараются доставить ей быстрое и вѣрное торжество.

Великіе дѣятели науки, по самому роду своихъ занятій, всего менѣе могутъ уклониться отъ естественнаго назначенія необыкновенныхъ людей, и сбиться въ сторону на скользкую и опасную дорогу насильственныхъ мѣръ. Въ ихъ дѣятельности нѣтъ мѣста для кровопролитія; ихъ руки совершенно чисты и всегда останутся чистыми; они могутъ только убѣждать людей, а не приневоливать ихъ; съ той минуты, какъ великій мыслитель вздумалъ бы употреблять насильственные мѣры противъ невѣжественныхъ и тупоумныхъ противниковъ своей доктрины, онъ пересталъ бы быть великимъ мыслителемъ, онъ сдѣлался бы врагомъ безпристрастнаго изслѣдованія и свободнаго мышленія, онъ сдѣлался бы преступникомъ противъ всего человѣчества, вреднѣйшимъ изъ вредныхъ негодяевъ и, по всѣмъ правамъ, занялъ бы въ исторіи почетное мѣсто рядомъ съ испанскими инквизиторами. Представить себѣ Ньютона или Кеплера въ такомъ положеніи, въ которомъ они, изъ любви къ идеѣ, обязаны были бы устранить хоть одного живаго человѣка или пролить хоть одну каплю человѣческой крови,—еще гораздо труднѣе, чѣмъ представить себѣ, что Кеплеръ или Ньютонъ, состоя въ чинѣ необыкновенныхъ людей, пользуются своими исключительными правами для того, чтобы убивать вступныхъ и поперечныхъ, или воровать каждый день на базарѣ. Но Раскольникову до такой степени хочется превратить всѣхъ великихъ людей въ уголовныхъ преступниковъ, и всѣхъ уголовныхъ преступниковъ въ великихъ людей, что онъ не останавливается даже и передъ самымъ невозможнымъ предположеніемъ. Что

Ньюто́нъ и Кепле́ръ не сдѣлались уголовными преступниками, что они не стоили человѣчеству ни одной капли крови и ни одной слезы,—это, по мнѣнію Раскольникова, счастливая случайность. Измѣните условія, при которыхъ они жили и дѣйствовали, поставьте ихъ въ другое положеніе, и вотъ сейчасъ эти самые Кепле́ръ и Ньюто́нъ, оставаясь по прежнему великими мыслителями и благодѣтелями человѣчества, обзавѣдуются палачами или подкупными убійцами, и сдѣлаются страшными кровопроливцами, старшими братьями рядовыхъ бандитовъ. — Этимъ предположеніемъ Раскольниковъ доказываетъ совсѣмъ не то, что онъ старается доказать. Этимъ предположеніемъ онъ доводитъ самого себя до очевиднѣйшаго абсурда и наноситъ смертельный ударъ своей странной теоріи. Стараясь придумать для благодѣтелей человѣчества такое положеніе, при которомъ они были бы принуждены рѣшиться на преступленіе, онъ показываетъ самымъ нагляднымъ образомъ, что для настоящихъ благодѣтелей такое положеніе совершенно невозможно. Спрашивается, въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ жизнь одного человѣка, или десяти, или ста человѣкъ, и такъ далѣе, можетъ помѣшать распространенію истинъ, открытыхъ Кеплеромъ и Ньютономъ? Предположите, на примѣръ, что одинъ человѣкъ, или десять, или сто, занимаютъ такое высокое положеніе и располагаютъ такимъ количествомъ матеріальной силы, что они могутъ совершенно запретить чтеніе лекцій и печатаніе книгъ, въ которыхъ излагаются доктрины Кеплера и Ньютона. Значитъ ли это, что именно тотъ одинъ человѣкъ, или десять, или сто мѣшаютъ распространенію спасительныхъ истинъ? Нисколько не значитъ. Распространенію истинъ мѣшаютъ все-таки не тѣ люди, которые сопротивляются чтенію лекцій и печатанію книгъ, а все-таки тѣ общія условія, благодаря которымъ такіе люди занимаютъ высокое положеніе и располагаютъ значительнымъ количествомъ матеріальной силы. Если бы Кепле́ръ и Ньюто́нъ рѣшились дѣйствовать по рецепту Раскольникова, и если бы имъ удалось устранить какое нибудь живое препятствіе, то на мѣстѣ этого, благополучно устраненнаго препятствія, тотчасъ появилось бы другое, на мѣстѣ другаго третье, потому что общія условія, порождающія такіа препятствія, остались бы нетронутыми. Общими условіями оказываются въ подобныхъ случаяхъ невѣжество, умственная неподвижность, робкая безгласность и дикіе предрасудки массы. Противъ этихъ общихъ условій невозможно дѣйствовать насильственными средствами. Стало быть, пока общія условія дѣлаютъ возможнымъ существованіе и дѣятельность сильныхъ противниковъ научной истины, до тѣхъ поръ Кепле́ры и Ньюто́ны должны дѣйствовать не противъ этого существованія, а противъ общихъ условій, которыя могутъ быть измѣнены только путемъ настойчиваго и неутомимаго проповѣдыванія той же самой научной истины. Изъ любви къ этой истинѣ, не-

обыкновенные люди, подобные Кеплеру и Ньютону, становились иногда мучениками, но никакая любовь къ идеѣ никогда не могла превратить ихъ въ мучителей, по той простой причинѣ, что мученія никого не убѣждаютъ, и слѣдовательно, никогда не приносятъ ни малѣйшей пользы той идеѣ, во имя которой они производятся.

Какимъ путемъ Раскольниковъ могъ дойти до основныхъ положеній своей дикой теоріи? Откуда могла залетѣть въ его голову мысль о томъ, что въ каждомъ преступникѣ скрывается неудавшійся, недодѣланный или возникающій великій человѣкъ? Откуда взялась у него потребность дѣлить людей на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ? Какія вліянія, какіе разговоры съ людьми, или какое чтеніе заставили его, съ одной стороны, дать необыкновеннымъ людямъ такіа обширныя полномочія, въ которыхъ они даже вовсе не нуждаются, и съ другой стороны, осудить обыкновенныхъ людей на унижительную и мучительную роль пушечнаго мяса? Почему, наконецъ, ему понадобилось сдѣлать то уродливое предположеніе, которое завершаетъ и тотчасъ же опрокидываетъ собою его теорію, — то предположеніе, что, при извѣстныхъ условіяхъ, Кеплеръ и Ньютонъ могли, и даже обязаны были устранять живыхъ людей?

Мнѣ кажется, что Раскольниковъ не могъ заимствовать свои идеи ни изъ разговоровъ съ своими товарищами, ни изъ тѣхъ книгъ, которыя пользовались и пользуются до сихъ поръ успѣхомъ въ кругу читающихъ и размышляющихъ молодыхъ людей. Въ настоящее время нѣтъ ни одного замѣчательнаго мыслителя или свѣдущаго историка, который бы думалъ и доказывалъ публично, что какія бы то ни было личныя дарованія могутъ замедлить или ускорить, или поворотить назадъ, или свернуть въ сторону естественное теченіе историческихъ событій. Чѣмъ внимательнѣе вглядываются изслѣдователи въ смыслъ и послѣдовательное развитіе историческихъ фактовъ, тѣмъ сильнѣе и окончательнѣе убѣждаются они въ томъ, что отдѣльная личность, какими бы громадными силами она ни была одарена, можетъ сдѣлать какое нибудь прочное дѣло только тогда, когда она дѣйствуетъ за одно съ великими общими причинами, то есть съ характеромъ, образомъ мыслей и насущными потребностями данной націи. Когда она дѣйствуетъ наперекоръ этимъ общимъ причинамъ, то ея дѣло погибаетъ вмѣстѣ съ нею, или даже при ея жизни. Когда же она, въ своей дѣятельности, соображается съ духомъ времени и народа, тогда она дѣлаетъ только то, что сдѣлалось бы непременно и помимо ея воли, что настоятельно требуется обстоятельствами минуты, и что, при ея отсутствіи или бездѣйствіи, было бы въ свое время выполнено такъ же удовлетворительно какою нибудь другою личностью, сформировавшеюся при тѣхъ же вліяніяхъ, и воодушевленною тѣми же стремленіями. Человѣчество, по мнѣнію всѣхъ новыхъ и новѣйшихъ мыслителей, развивается и совершенствуется

вслѣдствіе коренныхъ и неистребимыхъ свойствъ своей собственной природы, а никакъ не по милости остроумныхъ мыслей, зарождающихся въ головахъ немногихъ избранныхъ геніевъ. Человѣчество по мнѣнію тѣхъ же мыслителей, состоитъ изъ множества отдѣльныхъ личностей, очень неодинаково одаренныхъ природою, но ни одна изъ этихъ личностей, какими бы богатыми дарами ни осыпала ее природа, не имѣетъ разумнаго основанія думать, что ея голова заключаетъ въ себѣ будущность всей ея породы, или, по крайней мѣрѣ, всей ея націи. Ни одна изъ этихъ личностей, какъ бы она ни была геніальна, не имѣетъ разумнаго основанія, во имя этой будущности или во имя своей геніальности, разрѣшать себѣ такіе поступки, которые вредятъ другимъ людямъ, и вслѣдствіе этого, считаются непозволительными для обыкновенныхъ смертныхъ. Что хорошо въ простомъ человѣкѣ, то хорошо и въ геніѣ; что дурно въ первомъ, то дурно также и въ послѣднемъ. Многое можетъ быть объяснено и даже оправдано силою тѣхъ страстей, которыя возбуждаются въ геніальномъ человѣкѣ ожесточеніемъ великой борьбы; но если, поддаваясь вліянію этихъ страстей, геніальный человѣкъ раздавилъ то, что могло и должно было жить, то историкъ въ этомъ рѣзкомъ и насильственномъ поступкѣ увидитъ все-таки проявленіе слабости, которое должно служить людямъ поучительнымъ предостереженіемъ, а никакъ не выраженіе геніальности и силы, долженствующее вызвать въ другихъ людяхъ восторженное соревнованіе. Словомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ мыслителей, которыхъ произведенія господствуютъ надъ умами читающаго юношества, дѣленіе людей на геніевъ, освобожденныхъ отъ дѣйствія общественныхъ законовъ, и на тупую чернь, обязанную раболѣпствовать, благовѣть и добродушно покоряться всякимъ рискованнымъ экспериментамъ, оказывается совершенною нелѣпностью, которая безвозвратно опровергается всею совокупностью историческихъ фактовъ. Знакомаясь съ произведеніями этихъ мыслителей и приучаясь смотрѣть на вещи съ ихъ точки зрѣнія, Раскольниковъ отнялъ бы у себя всякую возможность проводить натянутыя параллели между уголовными преступниками и великими людьми. Онъ убѣдился бы въ томъ, что эти параллели не принесутъ ни малѣйшей пользы уголовнымъ преступникамъ, во-первыхъ потому, что величіе тѣхъ великихъ людей, которые если бы и имѣли съ преступниками нѣкоторыя точки соприкосновенія, само по себѣ очень сомнительно, а во-вторыхъ потому, что тѣ стороны, которыми эти сомнительно великіе люди соприкасаются съ уголовными преступниками, все-таки составляютъ въ ихъ біографіяхъ самыя темныя и грязныя пятна. Читая мыслящихъ историковъ или разсуждая объ историческихъ фактахъ съ умными и работающими студентами товарищами, Раскольниковъ въ особенности убѣдился бы въ томъ, что люди, подобные Ньютону, Кеплеру, никогда не пользовались кровопролитіемъ, какъ

средствомъ популяризовать свои доктрины, никогда не были поставлены въ необходимость устранять какихъ нибудь обскурантовъ, мѣщавшихъ распространенію ихъ идей, даже никогда не могли бы попасть въ такое странное и унизительное положеніе, если бы даже для нихъ нарочно была придумана и устроена какая нибудь самая неправдоподобная комбинація.

Теорія Раскольниковъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми идеями изъ которыхъ складывается міросозерцаніе современно развитыхъ людей. Эта теорія выработана имъ въ зловѣщей тишинѣ глубокаго и томительнаго уединенія; на этой теоріи лежитъ печать его личнаго характера и того исключительнаго положенія, которымъ была порождена его апатія. Раскольниковъ написалъ свою статью *о преступленіи* за полгода до того времени, когда онъ убилъ старуху, и вскорѣ послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ университета по немнѣнью денежныхъ средствъ. Тѣ мысли, которыя выразились въ его статьѣ, были продуктами того самаго положенія, которое впоследствии, истощивши по каплѣ всю его энергію, и извративши его замѣчательныя умственныя способности, заставило его обдумать во всѣхъ подробностяхъ, тщательно приготовить и успѣшно выполнить грязное преступленіе. Когда Раскольниковъ рѣшился оставить университетъ, онъ уже, по всей вѣроятности, находился въ очень бѣдственномъ положеніи. Никакое трудолюбіе, никакая добросовѣстность въ исполненіи работъ, никакая затрата силы и энергіи не могли доставить ему ни такого обѣда, который покрывалъ бы текущіе расходы его молодого организма, ни такого платья, которое достаточно защищало бы его отъ холода, сырости и нечистоты, ни такого жилища, въ которомъ его легкія находили бы себѣ достаточное количество свѣжаго воздуха. Жизнь въ каждую данную минуту, на каждомъ шагу, въ каждомъ изъ его мельчайшихъ ощущеній, накладывала на него свою грубую и грязную руку, дразнила и щипала его, теребила и шпыняла его, словомъ, мучила и обижала его такъ, какъ толпа шаловливыхъ школьникъ можетъ обижать и мучить новичка, только что поступившаго въ училище, и еще неуспѣвшаго зарекомендовать себя товарищамъ съ хорошей стороны. Раскольникову надо читать или писать—вдругъ у него въ подсвѣчникѣ гаснетъ послѣдній огарокъ, а купить свѣчи не на что; Раскольникову надо идти на урокъ куда нибудь верстъ за пять, — а на улицѣ проливной дождь, который пронизываетъ его до костей сквозь его тощую шинелишку, а подъ ногами такая непроходимая грязь, которая съ неудержимою силою врывается въ его ветхіе сапоги; приходитъ онъ съ этого урока домой голодный, утомленный десятиверстовымъ путешествіемъ, измученный непонятливостью и капризами избалованнаго мальчишки съ тяжелою головою, съ мокрыми, грязными и обоченѣвшими ногами — а дома свѣжо и холодно, печка не топлена, изъ окна дуетъ,

за дверью бранятся какія-то кухарки или пищать чьи-то ребятишки, въ комодѣ или въ чемоданѣ нѣтъ ни одной пары чистыхъ носковъ само-варара не допросишься, да впрочемъ не зачѣмъ его и спрашивать, по-тому что уже дней пять тому назадъ истреблены послѣдняя щепотка чаю и послѣдній кусокъ сахару. Все это конечно мелочи; ко всему этому можно относиться издали съ великолѣпнѣйшимъ стоическимъ равноду-шіемъ; въ отношеніи ко всему этому можно превосходнѣйшимъ образомъ рекомендовать другому челоуѣку великодушное терпѣніе и непоколеби-мое мужество. Но когда вся жизнь состоитъ изъ такихъ мелочей, когда одна мучительная мелочь слѣдуетъ за другою мелочью, такою же мучи-тельною, когда челоуѣкъ постоянно попадаетъ съ булавки на булавку, когда этимъ булавкамъ не предвидится конца, и когда челоуѣкъ видитъ и понимаетъ, что, при ужаснѣйшемъ напряженіи всѣхъ своихъ силъ, онъ можетъ только поддерживать это много-булавочное *statu quo*, — тогда... тогда невозможно разсчитать заранѣе, въ какихъ безумныхъ планахъ и въ какихъ безобразныхъ галлюцинаціяхъ выразится уныніе, озлобленіе, отчаяніе и бѣшенство этого челоуѣка, котораго люди и обстоятельства со всѣхъ сторонъ продолжаютъ колоть булавками въ его незажившія и незаживающія раны.

Какого же рода мысли должны зарождаться въ головѣ Раскольникова, когда, онъ, воротившись съ грошоваго урока, располагается у себя дома, въ своей тѣсной, сырой и душной берлогѣ? Вотъ онъ стащилъ съ себя свою загрязненную обувь и завалился на свой узкій и жесткій диванъ, который уже давно старается натереть ему мозоли на ребрахъ и на костречахъ. Задастъ онъ себѣ самый простой и естественный вопросъ: много ли онъ получитъ за свою десятиверстную бѣготню, за промочен-ныя ноги, за испорченные сапоги, и за полтора часа возни съ безтол-ковымъ мальчикомъ, который думаетъ о бабкахъ и о бумажномъ змѣѣ, когда ему надо размышлять о числительѣ и заменателѣ, и ловить съ по-чтительною благодарностью каждое слово добросовѣстнаго преподава-теля. Оказывается, что получить онъ полтинникъ. Полтинникъ считается красною цѣною въ мірѣ тѣхъ студентовъ, которые по бѣдности бываютъ иногда поставлены въ необходимость на время выходить изъ университета. «Уроки выходили, говоритъ Раскольниковъ Сонѣ, доказывая ей, что, собственно говоря, онъ имѣлъ нѣкоторую возможность содержать себя работой. *По полтиннику предлагали*» (II, 224). Здѣсь о полтинникѣ говорится даже съ уваженіемъ, ужь если по полтиннику предлагали, такъ значить и толковать нечего; ясное дѣло, что жить было можно, и что уныніе было совершенно неумѣстно. И такъ, получить онъ полти-никъ. Положимъ, что счастье улоубнется ему, и что судьба пошлетъ ему, круглымъ счетомъ, по такому же уроку на каждый день; въ мѣсяцъ это составитъ тридцать уроковъ, а на деньги пятнадцать рублей. Дальше

этого предѣла не могутъ простираться самыя смѣлыя и размашистыя его мечты. Уроки, даже такіе невыгодные, достаются съ трудомъ. На каждый урокъ имѣется по нѣскольку голодныхъ претендентовъ. Добыть урокъ значить одержать немаловажную побѣду надъ двумя, тремя менѣе счастливыми соперниками. Раскольниковъ, какъ особеннымъ счастьемъ котораго онъ въ свое время не умѣлъ оцѣнить по достоинству, — хвалится тѣмъ, что ему *уроки выходили и по полтиннику предлагали*. И такъ, пятнадцать рублей въ мѣсяцъ — Геркулесовы столбы доступнаго ему благосостоянія, — такіе Геркулесовы столбы, до которыхъ, онъ быть можетъ, не доплыветъ въ теченіе цѣлаго года, и на которыхъ ему придется, по всей вѣроятности, остановиться на долго, быть можетъ лѣтъ на пять или на шесть. И это лучшій изъ возможныхъ и правдоподобныхъ исходовъ. И при этомъ лучшемъ исходѣ онъ все-таки видитъ передъ собою необозримо длинный рядъ такихъ сѣрыхъ и темныхъ дней, въ которыхъ каждая минуту будетъ отмѣчена какимъ-нибудь чувствительнымъ лишеніемъ, какою нибудь крошечною болью, какимъ нибудь мелкимъ столкновеніемъ, мучительно напоминающимъ гордому, страстному, умному и впечатлительному человѣку, что всѣ радости жизни, все то, что онъ умѣетъ понять и оцѣнить своимъ тонкимъ и гибкимъ умомъ, все то, чего онъ умѣетъ желать всѣми силами своего кипучаго темперамента, что всѣ эти радости и наслажденія существуютъ и почти навѣрное всегда будутъ существовать не для него. А что же будетъ при менѣе счастливомъ исходѣ? И какъ возможенъ, какъ ужасно правдоподобенъ, какъ почти неизбеженъ такой менѣе счастливый исходъ! Вотъ онъ чувствуетъ, какъ у него трещитъ голова, и холодѣютъ промоченныя ноги, и происходитъ въ горлѣ и въ груди что-то такое, предвѣщающее сильный простудный кашель. Что же это будетъ? Долго ли выдержать его здоровье? Удастся ли ему пересилить себя и переломить начинающуюся болѣзнь? Что тогда? Что будетъ, если онъ свалится недѣли на три? Какъ онъ потомъ снова поднимется на ноги и обзаведется новыми работами? И это жизнь! Голодать, зябнуть, задыхаться въ конурѣ, отказывать себѣ во всякомъ маломальски пріятномъ ощущеніи, тратить силы и время на бессмысленную ненавистную и неблагодарную работу, и при этомъ еще каждую минуту бояться, что вотъ-вотъ все это подъ тобою подломится, и полетишь ты внизъ, въ какую-то темную пропасть, на днѣ которой тебя ожидаетъ мучительная голодная смерть. Такого рода размышленія Роскольниковъ долженъ былъ предаваться каждый разъ, когда онъ оставался наединѣ съ самимъ собою. А оставался онъ наединѣ съ самимъ собою очень часто, потому что онъ, по основнымъ свойствамъ своего характера, не любилъ сблизаться съ людьми. Чѣмъ мрачнѣе становилось его душевное настроеніе, чѣмъ ближе приступали къ нему нищета и отчаяніе, чѣмъ сильнѣе онъ нуждался въ

дружеской помощи, въ братскомъ сочувствіи или даже просто въ веселомъ и беззаботномъ разговорѣ съ бодрыми и умными товарищами, въ такомъ разговорѣ, который заставилъ бы его забыть на минуту булавки настоящаго, мелочи душевной конуры, хозяйской кухни и хозяйскаго ворчанія, — тѣмъ упорнѣе онъ отворачивался отъ людей, запирался въ своей берлогѣ, и углублялся въ свои горькія размышленія, изъ которыхъ ничего не могло выйдти, кромѣ бессмыслицы въ теоріи, и грязнаго паденія на практикѣ. Исходною точкою для такихъ горькихъ размышленій могла служить каждая ничтожнѣйшая мелочь, то уличная грязь, напоминавшая Раскольникову, что калоши его давно разваливаются, то новая прорѣха, усмотрѣнная на скюртукѣ или на пальто, то кусокъ говядины, поданный ему на обѣдѣ, и похожій на связку мочалы, то заношенная рубашка, которую нечѣмъ было замѣнить. А въ результатѣ размышленій всегда получалось одно и тоже бѣшеное проклятiе противъ такой жизни, которая не даетъ человѣку ничего, кромѣ горя и мучительнаго сознанія собственнаго безсилія. На этомъ результатѣ такой раздражительный и самолюбивый человѣкъ, какъ Раскольниковъ, не могъ остановиться навсегда. Мысль его непременно должна была пойти дальше. Онъ долженъ былъ, въ припадкѣ бѣшенства и отчаянія, задать себѣ вопросъ: дѣйствительно ли онъ такъ безсиленъ, какъ это ему кажется? Не отъ того ли происходитъ его безсиліе, что онъ самъ считаетъ себя безсильнымъ? Не увеличиваетъ ли онъ крѣпость тѣхъ заборовъ, которые отдѣляютъ его отъ теплаго и свѣтлаго міра матеріальнаго благосостоянія и разнообразно-полнаго наслажденія всеми благами жизни? Не отъ того ли эти заборы кажутся ему такими высокими и крѣпкими, что ему никогда не приходило въ голову ни перепрыгнуть черезъ нихъ, ни проломить въ нихъ какую нибудь лазейку? Не отъ того ли его положеніе кажется ему безвыходнымъ, что онъ нарочно отвертывается отъ нѣкоторыхъ выходовъ, по недостатку рѣшимости и умственной смѣлости? Не подумать ли объ этихъ выходахъ? Не попробовать ли? Не рискнуть ли? Подумать во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ. Человѣкъ долженъ быть неустрашимымъ въ области мысли, и кромѣ того, отъ размышленій никакой бѣды произойти не можетъ.

Такимъ образомъ, мысль Раскольникова вступила на новый путь изслѣдованія, на такой путь, который могъ открыться передъ нею только тогда, когда Раскольниковъ, озлобленный лишеніями и утомленный неблагоприятною работою, отвернулся отъ своихъ товарищей, уединился въ свою конуру, гдѣ стѣны и потолки *тѣснятъ душу и умъ*, и распродалъ или забросилъ свои книги и тетради. Ни отъ товарищей, ни изъ книгъ, Раскольниковъ не могъ добыть себѣ ту дикую мысль, что, кромѣ уорнаго труда, существуютъ еще какія нибудь другія удобныя средства выбиться изъ затруднительнаго положенія. Эта мысль, къ ко-

торой отнеслись бы съ презрѣніемъ или съ насмѣшкой въ товарищи, эта мысль, въ которой и товарищи и авторы книгъ, прочитанныхъ Раскольниковымъ, увидали бы продуктъ болѣзненнаго настроенія, эта мысль могла созрѣть и укорениться только тогда, когда некому было смотрѣть на нее со стороны. Эта мысль была не продуктомъ той теоріи, которую я разсматривалъ выше, а напротивъ того, ея зародышемъ и основаніемъ. Вся теорія развилась изъ этой мысли, а эта мысль родилась въ Раскольниковѣ потому, что мучительность его положенія превышала размѣры его силъ и его мужества.

Чѣмъ пристальнѣе Раскольниковъ вглядывался и вдумывался въ свое положеніе, тѣмъ ненавистнѣе становился ему правильный и упорный трудъ, цѣною котораго онъ могъ покупать себѣ только жалкое прозябаніе, переполненное всевозможными лишеніями, страданіями и униженіями. Вѣра въ спасительность труда была подорвана. Утомительный трудъ, съ его грошовымъ вознагражденіемъ, сталъ казаться Раскольникову печатью проклятыя и отверженія, которую судьба кладетъ на тупоумныхъ и трусливыхъ людей, неумѣющихъ или нежелающихъ хватать насиліемъ или обманомъ то, что можетъ попасться имъ подъ руку и улучшить ихъ положеніе. Раскольниковъ началъ чувствовать и сознавать, что мысль о быстрой и легкой наживѣ какими бы то ни было средствами силою врывается въ его умъ и овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. На первыхъ порахъ эта мысль должна была удивить, озадачить и даже испугать нашего героя. Она должна была породить въ немъ мучительную внутреннюю борьбу. Раскольниковъ могъ почувствовать къ себѣ за эту мысль довольно сильное презрѣніе; онъ могъ сказать себѣ, что онъ просто не вынесъ тяжелой борьбы съ обстоятельствами, раскисъ, упалъ духомъ, опустился, и позволилъ себѣ дойти до самаго края грязной пропасти. Этотъ взглядъ былъ бы конечно единственнымъ правильнымъ взглядомъ. Но онъ былъ возможенъ только до тѣхъ поръ, пока у Раскольникова еще оставалось въ наличности достаточно умственной трезвости и силы характера, чтобы удержаться отъ окончательнаго паденія. За этимъ строгимъ и вѣрнымъ взглядомъ на самого себя должна была послѣдовать крутая реакція, вслѣдствіе которой лежаніе на диванѣ и размышленіе о быстрой наживѣ должны были смѣниться взрывомъ страстной любви ко всякой честной работѣ, какъ бы ни была она утомительна, бессмысленна и неблагодарна. Но силы Раскольникова уже были истощены. Работа была ему противна. Мысль о легкой и быстрой наживѣ находила себѣ мало отпора въ его ослабѣвшемъ умѣ, и легко одерживала одну побѣду за другою надъ тѣми возраженіями, которыя она встрѣчала себѣ въ остаткахъ его прежняго юношески-честнаго образа мысли. Но эта мысль все-таки была въ его головѣ чѣмъ-то совершенно новымъ и непривычнымъ, а Раскольниковъ былъ слишкомъ

тонкимъ аналитикомъ, чтобы не замѣтить въ себѣ присутствія этого новаго, и притомъ такого важнаго элемента. А замѣтивъ его, онъ непременно долженъ былъ задать себѣ вопросъ о томъ, какъ же ему относиться къ этому новому элементу, дружелюбно или враждебно, съ уваженіемъ или съ презрѣніемъ, со страхомъ или съ надеждою. Съ одной стороны, враждебныя отношенія Раскольниковъ къ этому новому элементу никакъ не могли установиться прочно и окончательно, потому что, ненавидя и презирая такую мысль, которая завоевала себѣ господство надъ всѣми его умственными способностями, Раскольниковъ былъ бы поставленъ въ необходимость ненавидѣть и презирать самого себя. Съ другой стороны, эти враждебныя отношенія, на которыхъ умъ Раскольниковъ никакъ не могъ остановиться и успокоиться, были неизбежны въ началѣ его знакомства съ новою мыслью, именно потому, что эта мысль была уже черезчуръ нова и составляла слишкомъ рѣзкій и неожиданный диссонансъ со всѣми его прежнимъ юношескимъ и студенческимъ пониманіемъ жизни. Эти враждебныя отношенія были для Раскольниковъ настолько же мучительны, насколько и неизбежны; ему надо было во чтобы то ни стало покончить въ самомъ себѣ тотъ внутренній разладъ, который былъ порожденъ естественною враждебностью его отношеній къ самой сильной и упорной изъ его душевныхъ мыслей; разладъ этотъ можно было уничтожить или уничтоживъ эту новую мысль, или передрѣлавши тѣ понятія, которыми обуславливались враждебныя отношенія къ ней. Первая изъ этихъ операций была для Раскольниковъ неисполнима; новая мысль отличалась крѣпостью и живучестью; ее поддерживали каждый день и каждую минуту всѣ тѣ мучительныя мелочи, изъ которыхъ складывается вся жизнь бѣднаго человѣка. Вторая операция была полегче. Тонкій и гибкій умъ Раскольниковъ, закаленный въ школѣ уединеннаго размышленія и самаго внимательнаго психологическаго анализа, былъ въ высшей степени способенъ открывать въ людяхъ, въ предметахъ и въ понятіяхъ самыя неожиданныя, а пожалуй даже и совсѣмъ несуществующія стороны. Этимъ умомъ нетрудно было выстроить такіе эшафодажи, съ вершины которыхъ наблюдателю представляются совершенно новыя и даже въ значительной степени фантастическія ландшафты. Этотъ казуистическій умъ, пущенный въ ходъ и направленный въ извѣстную сторону какою нибудь настоятельною внутреннею потребностью хозяина, могъ, съ изумительнымъ усиліемъ, изготовить на заказъ такую замысловатую зрительную трубу, такую сложную систему призмъ, цвѣтныхъ стеколъ и металлическихъ зеркалъ, благодаря которой черное могло показаться—бѣлымъ, зеленое—краснымъ, глупое—умнымъ, вредное—полезнымъ, вялое и слабое—сильнымъ и великимъ.—Какъ процессъ такой работы, которая должна была извратить такимъ образомъ очертанія и краски всѣхъ предметовъ, такъ и результаты ея были оди-

наково лестны для раздражительнаго и ненасытнаго самолюбія нашего героя. Если бы во время процесса этой работы самъ Раскольниковъ вдругъ остановился и задалъ себѣ вопросъ: чтоже я дѣлаю теперь?— то у него немедленно явился бы такой отвѣтъ, который могъ не только успокоить его, но даже пробудить въ немъ удивительно пріятное чувство гордости и самодовольства. Я, могъ онъ отвѣтить себѣ на свой недоброжелательный и недовѣрчивый вопросъ, я пересматриваю, провѣряю и перерабатываю силами собственнаго ума тѣ рѣшенія, которыми удовлетворялись до сихъ поръ самые умные и замѣчательные представители челоуѣчества. Я недоволенъ этими рѣшеніями, и стараюсь дать себѣ добросовѣстный отчетъ въ причинахъ этого недовольства. Я чувствую въ себѣ присутствіе титаническихъ силъ, и эти силы побуждаютъ меня предпринять такую громадную и многосложную работу, которая никогда не грезилась ни одному изъ моихъ честныхъ, но недалекихъ товарищей.

Доведя работу до конца, то есть, додумавшись до такихъ результатовъ, которые позволяли ему ненавидѣть упорный и неблагодарный трудъ, и относиться съ любовью и съ уваженіемъ къ мысли о быстрой и легкой наживѣ, Раскольниковъ могъ скрестить руки на груди, и насладиться тѣмъ чувствомъ восторженнаго самодовольства, съ которымъ художникъ осматриваетъ свое только что оконченное и вполне удавшееся произведеніе. Раскольникову это произведеніе было особенно дорого, потому что въ немъ заключалось оправданіе и превознесеніе его собственной личности. Если бы Раскольникову пришлось остановиться на противоположныхъ результатахъ, еслибы онъ увидѣлъ себя въ необходимости осудить ту новую мысль, изъ которой родилась впоследствии *проклятая мечта*, то ему надо было бы во всякомъ случаѣ выпрашивать у себя прощенія и каяться передъ собою въ позорной слабости уже за одно то, что такая грязная мысль могла родиться въ его умѣ, обратить на себя его серьезное вниманіе, и возбудить въ немъ смятеніе и внутреннюю борьбу. Кромѣ того, ему надо было бы сознаться, что онъ нуждается въ посторонней поддержкѣ, что ему необходимо обмѣниваться мыслями съ товарищами и подкрѣплять себя въ борьбѣ съ обстоятельствами ихъ дружескими совѣтами, ему надо было бы убѣдиться въ томъ, что одиночество можетъ сдѣлаться для него вреднымъ и даже опаснымъ. Напротивъ того, додумавшись до оправданія своей новой мысли, Раскольниковъ совершенно избавлялъ себя отъ всякихъ признаній и покаяній, невыносимыхъ для его щекотливаго самолюбія. Онъ могъ сказать себѣ, что онъ умнѣе и смѣлѣе всѣхъ своихъ товарищей; и что ему необходимо было уединиться отъ нихъ и сосредоточиться для того, чтобы отрѣшиться отъ ихъ предрассудковъ и возвыситься до болѣе вѣрнаго взгляда на самые важные вопросы частной и общественной нравственности.

Всю свою теорію Раскольниковъ построилъ исключительно для того, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ мысль о быстрой и легкой наживѣ. Онъ почувствовалъ желаніе прибѣгнуть, при первомъ удобномъ случаѣ, къ безчестнымъ средствамъ обогащенія. Въ его умѣ родился вопросъ: чѣмъ объяснить себѣ это желаніе? Силою или слабостью? Объяснить его слабостью было бы гораздо проще и вѣрнѣе, но за то Раскольникову было гораздо пріятнѣе считать себя сильнымъ человѣкомъ; и поставить себѣ въ заслугу свои позорныя размышленія о путешествіяхъ по чужимъ карманамъ. Объясняя все дѣло слабостью, и дѣлаясь такимъ образомъ для самого себя предметомъ презрительнаго и оскорбительнаго состраданія, Раскольниковъ нисколько не разошелся бы во взглядахъ съ своими товарищами, и поставилъ бы себя въ необходимость уничтожить опасную мысль, чтобы не лишиться правъ на собственное уваженіе. Усматривая, напротивъ того, въ позывѣ къ преступленію признаки смѣлаго ума и сильного характера, Раскольниковъ пошелъ по совершенно оригинальной дорогѣ. Преступникъ, думалъ онъ, дѣлается преступникомъ потому, что чувствуетъ неудовлетворительность тѣхъ учреждений, подъ господствомъ которыхъ ему приходится жить, тѣхъ законовъ, на основаніи которыхъ его будутъ судить, и тѣхъ общепринятыхъ понятій, во имя которыхъ общество вооружается противъ его поступка. Смѣшавши такимъ образомъ тѣ преступленія, которыя совершаются на основаніи поговорки *своя рубашка къ телу ближе*, съ тѣми, на которыя человѣкъ рѣшается подъ вліяніемъ восторженной любви къ идеѣ, — Раскольниковъ продолжалъ философствовать въ томъ же направленіи, и доказалъ себѣ безъ особеннаго труда, что всякое движеніе впередъ, всякое усовершенствованіе въ области общественной жизни, само по себѣ, составляетъ преступленіе, потому что оно возможно только при нарушеніи существующаго закона. А такъ какъ родъ человѣческой давнымъ давно исчезъ бы съ лица земли, если бы онъ не подвигался впередъ и не улучшалъ постоянно своихъ учреждений, то и выходитъ, что преступленія въ высшей степени полезны для человѣчества, и что преступники оказываются величайшими благодѣтелями существующихъ обществъ, которыя только ихъ усиліями спасаются отъ ужасныхъ послѣдствій губительнаго застоя. Всѣ преступники оказались до нѣкоторой степени великими людьми, всѣ великіе люди оказались до нѣкоторой степени преступниками, и оригинальная теорія завершилась тѣмъ блистательнымъ маневромъ, посредствомъ котораго было доказано близкое и несомнѣнное родство Кеплера и Ньютона съ убійцами и грабителями.

Эту теорію никакъ нельзя считать причиною преступленія, такъ точно какъ галлюцинацію больнаго невозможно считать за причину болѣзни. Эта теорія составляетъ только ту форму, въ которой выразилось у Раскольникова ослабленіе и извращеніе умственныхъ способностей. Она была

простымъ продуктомъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, съ которыми Раскольниковъ принужденъ былъ бороться, и которыя довели его до изнеможения. Настоящею и единственною причиною являются все-таки тяжелыя обстоятельства, пришедшіяся не по силамъ нашему раздражительному и нетерпѣливому герою, которому легче было разомъ броситься въ пропасть, чѣмъ выдерживать, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже лѣтъ, глухую, темную и изнурительную борьбу съ крупными и мелкими лишениями. Преступленіе сдѣлано не потому, что Раскольниковъ, путемъ различныхъ философствованій, убѣдилъ себя въ его законности, разумности и необходимости. Напротивъ того, Раскольниковъ сталъ философствовать въ этомъ направленіи и убѣдилъ себя только потому, что обстоятельства натолкнули его на преступленіе.

Теорія Раскольникова сдѣлана имъ на заказъ. Сооружая эту теорію, Раскольниковъ не былъ безпристрастнымъ мыслителемъ, отыскивающимъ чистую истину, и готовымъ принять эту истину, въ какомъ бы неожиданномъ и даже непріятномъ видѣ она ему ни представилась. Онъ былъ кляузникомъ, подбирающимъ факты, придумывающимъ натянутыя доказательства, и подстроивающимъ искусственныя сопоставленія единственно для того, чтобы выиграть запутанный процессъ самого сомнительнаго достоинства. Дѣйствуя такимъ образомъ, чувствуя надъ всѣмъ процессомъ своего мышленія неотразимое и подавляющее вліяніе предвзятой идеи, Раскольниковъ былъ расположенъ относиться къ своей теоріи съ крайнимъ недоувѣріемъ. Ближайшія послѣдствія совершившагося убійства показали, до какой степени сильно и непобѣдимо было это недоувѣріе. Когда Раскольниковъ, убивши старуху и ея сестру, чувствовалъ сильнѣйшую потребность успокоиться и ободриться, онъ уже и не подумалъ искать себѣ успокоенія въ своей теоріи. Когда онъ всего больше нуждался въ дружескомъ сочувствіи, когда откровенный разговоръ съ близкимъ и надежнымъ человѣкомъ могъ поставить его на ноги, и обновить всѣ его силы, ему даже и въ голову не приходило, что убійство, оправданное замысловатою теоріею, можетъ быть рассказано кому бы то ни было изъ его товарищей, друзей или ближайшихъ родственниковъ. Онъ даже и не попробовалъ подѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своими мыслями объ убійствѣ и грабежѣ, какъ о грандіозномъ протестѣ противъ несовершенствъ общественной организаціи. Онъ никого не пробовалъ убѣждать въ томъ, что онъ, Раскольниковъ, въ качествѣ будущаго Наполеона или Ньютона, имѣетъ право, поговоривши на единѣ съ собственною совѣстью, и получивши отъ нея или давши ей надлежащія разрѣшенія, шагать черезъ тѣ препятствія, которыя отдѣляютъ его отъ матеріальнаго благосостоянія и отъ блестящей карьеры. А между тѣмъ, у него была сестра, которая въ значительной степени была похожа на него по складу ума и характера, и которая въ значительной степени

способна понять и усвоить себѣ всякую новую истину. У него, кромѣ того, былъ товарищъ, готовый идти за него въ огонь и въ воду, и также способный откликнуться съ полнымъ сочувствіемъ на всякую свѣжую и вѣрную мысль. Еслибы Раскольниковъ сколько нибудь вѣрвалъ самъ въ свою теорію, то онъ конечно сдѣлалъ бы, по крайней мѣрѣ, попытку просвѣтить и обратить на путь истины такихъ людей, какъ Дуня и Разумихинъ, тѣмъ болѣе, что открывшись имъ, убѣдивши ихъ, онъ могъ пріобрѣсти въ ихъ лицѣ драгоцѣнныхъ союзниковъ, нравственная поддержка которыхъ была для него въ высшей степени необходима. Но Раскольниковъ, послѣ совершенія убійства, держалъ себя совсѣмъ не какъ фанатикъ, увлекшійся ложною идеею и дошедшій въ своихъ поступкахъ до крайнихъ предѣловъ логической послѣдовательности, а просто какъ мелкій, трусливый и слабонервный мошенникъ, которому крупное злодѣяніе приходится не по силамъ, и который, желая во что бы то ни стало скорочить концы, ежеминутно теряется отъ страха, и на каждомъ шагу выдаетъ себя встрѣчнымъ и поперечнымъ своею лихорадочною суетливостію.

Раскольниковъ убилъ старуху для того, чтобы ограбить ее. Однакоже эта послѣдняя цѣль осталась недостигнутою. Тотчасъ послѣ совершенія убійства, Раскольниковъ овладѣлъ ключами старухи и отправился въ ея спальню, но его волненіе было до такой степени сильно, что онъ ни за что не умѣлъ взяться, не ухитрился отпереть почти ни одного замка, набилъ себѣ карманы какими-то заложенными вещами, которыя потомъ ему пришлось бы сбывать за полцѣны съ громадною опасностію, и не нашелъ ни билетовъ, ни наличныхъ денегъ, которыхъ однако было очень много, и которые преспокойно лежали въ верхнемъ ящикѣ коммоды. Какъ только убійство совершилось, Раскольниковъ рѣшительно забылъ о своемъ желаніи обогатиться, забылъ о томъ, что именно это желаніе заставило его взяться за топоръ, забылъ также о тѣхъ подвигахъ іезуитской изобрѣтательности и изворотливости, которые были имъ совершены для того, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ это предосудительное желаніе. Всѣ его мысли, всѣ его усилія направились исключительно къ тому, чтобы избавить себя отъ преслѣдованій и скрыть всѣ слѣды преступленія. Въ общемъ результатъ получилась, такимъ образомъ, возмутительная бессмыслица. Убійство оказалось совершенно безцѣльнымъ. На другой день послѣ убійства, Раскольниковъ всѣми силами своего существа желалъ воротиться назадъ къ тому положенію, которое наканунѣ убійства казалось ему невыносимымъ. Онъ понималъ ясно, что это желаніе неисполнимо, и невыносимое положеніе, изъ котораго онъ отыскалъ себѣ такой оригинальный выходъ, стало представляться ему какимъ-то навсегда потеряннымъ раемъ.

Послѣ убійства Раскольниковъ унесъ къ себѣ домой туго набитый

замшевый кошелекъ и нѣсколько коробочекъ съ золотыми и серебряными вещами. Эти предметы были единственными плодами преступленія. Ими ограничивалась вся добыча убійцы. Между тѣмъ, Раскольниковъ, очнувшись на другой день утромъ отъ мучительнаго забытья, сталъ думать не о томъ, какъ воспользоваться скудными трофеями побѣды, а только о томъ, какъ бы ихъ выбросить поскорѣе и куда нибудь подальше. Онъ пошелъ къ Екатерининскому каналу съ твердымъ намѣреніемъ бросить въ воду все: и вещи, и кошелекъ, котораго онъ не раскрывалъ и котораго содержаніе оставалось ему совершенно неизвѣстнымъ. Не исполнилъ онъ этого намѣренія только потому, что на набережной и возлѣ самой воды было слишкомъ много народа. Кончилось тѣмъ, что онъ всю свою добычу сложилъ подъ камень, въ пустомъ огороженномъ мѣстѣ, гдѣ лежали какіе-то матеріалы. Освободившись отъ этой добычи, онъ почувствовалъ приливъ *сильной, едва выносимой* радости, точно будто эта добыча свалилась къ нему въ карманъ противъ его воли, какъ сваливается на человѣка неожиданное несчастіе, точно будто не онъ самъ добывался ея, точно будто онъ изъ за нея не морочилъ самого себя софизмами, не приневоливалъ себя къ отвратительному поступку и не подвергалъ себя самымъ серьезнымъ опасностямъ. Вышло что-то похожее на работу Пенелопы. Сначала человѣкъ старался и мучился, чтобы приобрести себѣ добычу; а потомъ, какъ только добыча оказалась у него въ рукахъ, онъ началъ стараться о томъ, чтобы какъ нибудь избавиться отъ этой самой добычи. Это обстоятельство блистало такою яркою уродливостью, что оно бросилось въ глаза даже самому Раскольникову, не смотря на то, что всѣ его умственные способности находились въ совершенномъ изнеможеніи. «Если дѣйствительно, подумалъ онъ, все это дѣло сдѣлано было сознательно, а не по дурацки, если у тебя дѣйствительно была опредѣленная и твердая цѣль, то какимъ же образомъ ты до сихъ поръ даже и не заглянулъ въ кошелекъ и не знаешь, что тебѣ досталось, изъ за чего всѣ муки принялъ и на такое подлое, гадкое, низкое дѣло сознательно шелъ? Да вѣдь ты въ воду его хотѣлъ сейчасъ бросить, кошелекъ-то, вмѣстѣ со всѣми вещами, которыхъ тоже еще не видалъ. Это какъ же?» (I. 170).

Раскольниковъ принужденъ сознаться, что все это дѣло было сдѣлано по дурацки. Онъ даже самъ не понималъ, зачѣмъ онъ его сдѣлалъ. Онъ видитъ только, что ему приходится, такъ или иначе, нести на себѣ всѣ послѣдствія этого дурацкаго дѣла. Эти послѣдствія оказываются очень мучительными. Подробная исторія этихъ мучительныхъ послѣдствій наполняетъ собою почти весь романъ г. Достоевскаго; она начинается со второй части и оканчивается только вмѣстѣ съ эпилогомъ. Я постараюсь теперь разобрать вопросъ: въ чемъ именно состоитъ мучительность этихъ послѣдствій?

Прежде всего, Раскольниковъ просто боится уголовнаго наказанія, которое изломаетъ всю его жизнь выбросить его изъ общества честныхъ людей и навсегда закроетъ ему дорогу къ счастливому, respectable-ному и комфортабельному существованію. Съ той самой минуты, какъ онъ увидѣлъ передъ собою на полу окровавленный и обезображенный трупъ старухи, ему кажется, что его подозрѣваютъ, что за нимъ слѣдятъ, что въ его квартирѣ немедленно станутъ производить обыскъ, что его самого схватятъ, посадятъ подъ арестъ и начнутъ судить. Зная за собою такое важное дѣло, которое должно возбудить толки во всемъ городѣ и поднять на ноги всю мѣстную полицію, Раскольниковъ понимаетъ, что ему необходимо соблюдать во всѣхъ своихъ поступкахъ и словахъ самую утонченную осторожность, необходимо взвѣшивать каждый шагъ, обдумывать каждое слово, контролировать движенія всѣхъ мускуловъ тѣла и лица, и устраивать все это такъ, чтобы никому не бросалась въ глаза эта сдержанность и расчетанность, чтобы въ его хладнокровіи и спокойствіи никто не видалъ и не предполагалъ ничего искусственнаго и натянутого, и чтобы вообще, во всей его личности и во всемъ его поведеніи, не было ничего похожего на таинственность и загадочность, способную обратить на себя вниманіе опытныхъ наблюдателей. Эта задача, уже достаточно трудная сама по себѣ, усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что человѣкъ, находящійся въ положеніи Раскольникова, естественнымъ образомъ чувствуетъ непреодолимое влеченіе присматриваться ко всѣмъ окружающимъ людямъ и прислушиваться къ ихъ толкамъ съ тою спеціальною цѣлью, чтобы заблаговременно увидать или услышать подготовляющееся нападеніе и приближающуюся опасность. Эту тревожную внимательность, эту болѣзненную чуткость къ извѣстнымъ разговорамъ, эту подозрительную способность принимать случайно брошенные слова за зловѣщіе или оскорбительные намеки надо скрывать самымъ тщательнымъ образомъ, и скрывать такъ, чтобы это скриваніе также оставалось совершенно незамѣтнымъ. На каждомъ шагу Раскольниковъ долженъ задавать себѣ вопросъ: что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ человѣкъ совершенно невинный, такой человѣкъ, которому нечего скрывать и нечего бояться? Какъ бы онъ понялъ такое-то слово? Почувствовалъ ли бы онъ въ этомъ словѣ что нибудь странное? Принялъ ли бы онъ его за неумѣстный намекъ на совершенно неизвѣстное ему событіе? Заинтересовался ли бы онъ этимъ намекомъ настолько, чтобы потребовать себѣ объясненія? Какимъ тономъ заявилъ бы онъ это требованіе, — спокойно-недоумѣвающимъ или сурово-обиженнымъ? Всѣ эти и многіе другіе вопросы надо было ставить и рѣшать ежеминутно, по поводу каждой ничтожнѣйшей встрѣчи, при каждомъ пустѣйшемъ разговорѣ. На постановку и рѣшеніе этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ отпускалось каждый разъ по секундѣ времени; эти операціи надо

было производить, глядя прямо въ глаза любознательному и словоохотливому собесѣднику, не допуская на собственную фізіономію выраженія задумчивости и озабоченности, поддерживая начатой разговоръ спокойными и толковыми репликами и совершенно свободно и естественно переходя изъ тона въ тонъ. Надо было тщательно воздержаться отъ фальшивыхъ нотъ, и при этомъ еще тщательнѣе скрывать тѣ страшныя усилія, цѣною которыхъ покупается это отсутствіе диссонансовъ. Раскольниковъ долженъ былъ, силами одного своего ума, вести постоянную борьбу съ цѣлымъ обществомъ, и вести ее такъ, чтобы самое ея существованіе оставалось совершенно незамѣтнымъ для его многочисленныхъ, опытныхъ и хладнокровныхъ противниковъ, которые сами не рисковали въ этой борьбѣ ничѣмъ, между тѣмъ, какъ у него вся жизнь была поставлена на карту. Для Раскольникова такая борьба была труднѣе, чѣмъ для кого либо другаго. Ему мѣшала именно его тонкая наблюдательность, его способность внимательно вглядываться въ людей и отгадывать ихъ заглавные намѣренія. Смотря внимательно на другихъ и пронизывая ихъ насквозь своимъ инквизиторскимъ взглядомъ, Раскольниковъ естественнымъ образомъ былъ расположенъ думать, что и другіе смотрятъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ смотрѣть, такъ же внимательно на него самого, и такъ же успѣшно пронизываютъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ пронизывать его самого, своими инквизиторскими взглядами. Сказавши какое нибудь слово или сдѣлавши какое нибудь движеніе, Раскольниковъ въ ту же минуту становился на мѣсто своего собесѣдника, всматривался съ его точки зрѣнія въ сказанное слово или сдѣланное движеніе, подмѣчалъ въ нихъ все, что можно было признать искусственнымъ, ставилъ себя въ упрекъ то, что казалось ему ошибкою, считалъ себя до нѣкоторой степени скомпрометированнымъ, злился на себя за недостатокъ виртуозности въ выполненіи роли, и сосредоточивая, такимъ образомъ, свое вниманіе на подробной критикѣ того, что уже было сдѣлано, терялъ способность слѣдить съ необходимою внимательностью за тѣмъ, что дѣлалось въ текущую минуту и что надо было дѣлать въ ближайшее время. Такимъ образомъ онъ прорывался, дѣлалъ новую ошибку, гораздо болѣе крупную, чѣмъ предыдущую, опять ловилъ и казнилъ себя за опрометчивость, волновался и самъ первый замѣчалъ свое неумѣстное волненіе, доводилъ себя до изступленія этимъ вѣчнымъ подглядываніемъ за самимъ собою, и наконецъ, съ досады, съ горя, со страха, не зная чѣмъ поправить мелкія оплошности, замѣтныя только для его собственнаго, болѣзненно-зоркаго взгляда, дѣлалъ такую яркую эксцентричность, которая бросалась въ глаза самому близорукому и равнодушному свидѣтелю. Словомъ, Раскольниковъ былъ слишкомъ хорошимъ критикомъ, чтобы быть хорошимъ актеромъ. Превосходно понимая всѣ мельчайшіе недостатки своей игры, онъ требовалъ отъ себя съ этой сто-

роны такого идеальнаго совершенства, которое, по всей вѣроятности, было, недостижимо не только для него, но даже и для челоуѣка съ волевыми нервами. Видя, что это идеальное совершенство остается недоступнымъ, онъ начиналъ думать, что все пропало, и подъ влияніемъ этой мысли, обнаруживалъ такую тревогу, которая, рано или поздно, должна была обратить на себя общее вниманіе.

Способность къ микроскопическому анализу вредила Раскольникову не только потому, что онъ слишкомъ тщательно разбиралъ свои собственные поступки и слова, но также и потому, что онъ, пользуясь этою способностью на каждомъ шагу, подвергалъ такому же тщательному разбору слова и поступки другихъ людей, со стороны которыхъ онъ могъ ожидать прямого или косвеннаго нападенія. Благодаря своему замѣчательному умѣнію объяснять, разбирать, комментировать, повертывать каждое слово; благодаря своей способности восходить отъ сказаннаго слова къ тому внутреннему побужденію, подъ влияніемъ котораго оно было произнесено, Раскольниковъ очень часто извлекалъ изъ словъ своихъ собесѣдниковъ больше, чѣмъ сколько въ нихъ заключалось. Ему случалось видѣть намекъ самаго зловѣщаго свойства тамъ, гдѣ слово было произнесено безо всякой задней мысли; случалось принимать оборонительныя мѣры противъ нападенія въ то время, когда собесѣдникъ и не думалъ о возможности сдѣлаться его противникомъ. Понятное дѣло, что при усиленной и совершенно излишней бдительности, тревога Раскольникова должна была расти не по днямъ, а по часамъ и въ скоромъ времени доразвиться до такихъ размѣровъ, при которыхъ всякое самообладаніе становится невозможнымъ.

Борьба съ цѣлымъ обществомъ была особенно трудна и безнадежна для Раскольникова еще и потому, что его вѣра въ собственные силы была уже подорвана. Онъ зналъ, что послѣ убійства у него не достало хладнокровія на то, чтобы ограбить старуху съ надлежащею внимательностью и систематичностью; онъ зналъ, что голова его кружилась, мысли путались, руки дрожали, что ключи, снятые съ убитой, не подходили къ замкамъ, вслѣдствіе его растерянности, и что весь онъ вообще былъ гораздо больше похожъ на десятилѣтняго мальчишку, котораго ведутъ съѣчь за кражу яблоковъ или орѣховъ, чѣмъ на Наполеона, устраивающаго свое 18-е брюмера. Онъ зналъ далѣе, что онъ чуть-чуть не бросилъ въ воду единственные плоды своего кроваваго подвига: онъ зналъ, что эти плоды зарыты въ землю, и предвидѣлъ, что у него никогда не хватитъ рѣшимости на то, чтобы вырыть ихъ оттуда и воспользоваться для своихъ потребностей похищенными деньгами. Совокупность этихъ свѣденій конечно давала Раскольникову очень невыгодное понятіе о силѣ его собственнаго характера. А Раскольниковъ, какъ умный челоуѣкъ, конечно понималъ, что для успѣшной борьбы съ цѣлымъ обществомъ,

сила характера требуется громадная. Поэтому онъ долженъ былъ предвидѣть, что эта борьба очень скоро кончится для него полнымъ пораженіемъ, и что онъ, по всей вѣроятности, будетъ принужденъ сдаться безо всякихъ условій, то есть, принести повинную голову въ ближайшее полицейское управленіе. Эта возрастающая безнадежность конечно должна была усиливать его тревогу, разбивать послѣдніе остатки его хладнокровія, и доводить его, такимъ образомъ, до состоянія полнѣйшей беззащитности. Кто заранѣе считаетъ себя побѣжденнымъ, тотъ дѣйствительно побѣжденъ на половину до начала самой борьбы.

Мысль объ уголовномъ наказаніи, которое, какъ Дамокловъ мечъ, висѣло надъ головою Раскольникова и въ каждую данную минуту, при каждомъ его неосторожномъ движеніи, могло обрушиться на него всею своею тяжестью, эта мысль сама по себѣ была достаточно мучительна, чтобы отравить всю его жизнь, и сдѣлать ее невыносимымъ страданіемъ для несчастнаго преступника. Чувство страха составляетъ, по всей вѣроятности, самое мучительное изъ всѣхъ психическихъ ощущеній, доступныхъ человѣческой природѣ. Это чувство ужасно даже тогда, когда оно достается на нашу долю въ микроскопическихъ пріемахъ и когда оно продолжается всего нѣсколько секундъ. Извѣстны случаи, когда у здороваго и молодого человѣка бѣлѣли волосы въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ смертельномъ страхѣ. Растяните такой или даже болѣе слабый страхъ на нѣсколько дней, и можно будетъ поручиться за то, что противъ испытанія не устоитъ человѣческой разумокъ, и что человѣкъ стараясь во что бы то ни стало избавиться отъ невыносимаго ощущенія страха, самъ, какъ шальной, какъ бѣшенный, полѣзетъ на ту опасность, отъ которой стынетъ кровь въ его жилахъ. Тотъ видъ помѣшательства, который называется меланхоліею, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что больной видитъ со всѣхъ сторонъ угрожающія ему опасности, и испытываетъ постоянное ощущеніе смертельнаго страха. Меланхолики постоянно ищутъ смерти и стараются извести себя какими бы то ни было средствами именно потому, что они постоянно боятся за свою жизнь, и что это хроническое чувство страха дѣйствительно составляетъ для человѣка самую невыносимую изъ всѣхъ возможныхъ пытокъ. Раскольникову пришлось переживать тѣ самыя мученія, которыя переживаются меланхоликами. Конечно, бѣдствіе, ожидавшее Раскольникова, не было на столько ужасно, чтобы не было возможности помириться съ мыслью о ея неизбѣжности; человѣкъ можетъ, болѣе или менѣе, привыкнуть ко всему, даже къ мысли о близкой и неминуемой смерти. Но дѣло здѣсь именно въ томъ, что ожиданіе бѣдствія бываетъ всегда гораздо ужаснѣе и невыносимѣе, чѣмъ самое бѣдствіе. Пока человѣкъ еще колеблется между страхомъ и надеждою, онъ томится и страдаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ уже ви-

дѣть совершенно ясно, что для него уже не остается ни малѣйшей надежды, и что ему приходится рѣшительно отказаться отъ борьбы; скрестить руки, стиснуть зубы, и покориться неотразимой необходимости. Мучительность ожиданія заставляетъ человѣка всѣми силами стараться о томъ, чтобы какъ нибудь сократить тотъ періодъ, когда страхъ борется съ надеждою. Человѣку всего труднѣе, въ виду серьезной опасности, сохранять выжидательное положеніе и оставаться неподвижнымъ. Человѣкъ обыкновенно или старается убѣжать отъ опасности, или, очертя голову, бросается къ ней на встрѣчу; въ первомъ случаѣ онъ поддается естественному и чисто животному инстинкту самосохраненія; во второмъ случаѣ, онъ дѣлаетъ попытку покончить съ самимъ собою; въ обоихъ случаяхъ онъ старается убѣжать отъ мучительнаго чувства страха, которое отравляетъ его существованіе. То обстоятельство, что человѣкъ оказывается иногда способнымъ купить цѣною собственной жизни избавленіе отъ чувства страха, показываетъ ясно, что это чувство въ самомъ дѣлѣ очень мучительно, и что оно, продолжаясь нѣсколько дней, можетъ дѣйствительно, само по себѣ, безъ отношенія къ тѣмъ причинамъ, которыми оно порождено, сдѣлаться исходною точкою тѣхъ разнообразныхъ страданій и полусумасшедшихъ поступковъ, которые г. Достоевскій приписываетъ своему герою.

Кромѣ уголовного наказанія, Раскольниковъ боится еще того ужаса, негодованія или отвращенія, съ которымъ посмотрятъ на его поступокъ всѣ дорогіе и близкіе ему люди. Онъ думаетъ, что онъ останется одинъ въ цѣломъ мірѣ живыхъ людей, когда преступленіе его сдѣлается извѣстнымъ. Онъ думаетъ, что открытіе ужасной истины убьетъ его мать и заставитъ всѣхъ его друзей, начиная съ его родной сестры, отшатнуться навсегда отъ погибшаго и замараннаго человѣка. Поэтому, онъ не смѣетъ никому открыться; признаться одному человѣку, по его мнѣнію, все равно, что признаться всѣмъ, или просто донести на самого себя по начальству. Онъ увѣренъ въ томъ, что первый человѣкъ, которому онъ откроется, тотчасъ оттолкнетъ его отъ себя, какъ грязную гадину, и немедленно сдѣлается его врагомъ и преслѣдователемъ, хотя бы, за минуту до его признанія, этотъ самый человѣкъ любилъ и уважалъ его больше всего на свѣтѣ. Поглощенный этою несокрушимою увѣренностью, Раскольниковъ чувствуетъ необходимость хитрить и лицедрить со всѣми людьми безъ исключенія, съ родною матерью также точно, какъ съ слѣдственнымъ приставомъ, Порфиріемъ Петровичемъ. Вслѣдствіе этого, онъ можетъ чувствовать себя свободнымъ, онъ можетъ отдыхать отъ своей утомительной роли, онъ можетъ снимать съ себя костюмъ и маску невиннаго человѣка, онъ можетъ выпускать на волю всю свою тревогу и все свое страданіе только тогда, когда онъ остается только одинъ. Для него уже не существуетъ своего круга, для него

нѣтъ и не можетъ быть общества такихъ близкихъ людей, съ которыми онъ могъ бы вести себя безъ церемоній и обращаться запросто. Чѣмъ ближе къ нему люди, чѣмъ они для него дороже, чѣмъ больше правъ они имѣютъ на его довѣріе и откровенность; чѣмъ нѣжнѣе ихъ ласки и заботливѣе ихъ распросы, чѣмъ искреннѣе и трогательнѣе ихъ участіе, тѣмъ невыносимѣе для него ихъ общество, потому что тѣмъ труднѣе отклонить эти ласки, увертываться отъ этихъ распросовъ и отвергать это единственное и неизбежное участіе. Съ какимъ нибудь Порфиріемъ Петровичемъ можно говорить сухо и холодно, можно держать себя осторожно и официально вѣжливо, не приводя никого въ изумленіе и не возбуждая никакихъ неумѣстныхъ догадокъ. Но съ матерью и съ сестрою нѣтъ никакой возможности соблюдать дипломатическую осторожность и непроницаемость; холодный и вѣжливый тонъ, или разговоръ о погодѣ и о текущихъ извѣстіяхъ, пересыпанный официальными нѣжностями, приведетъ ихъ сначала въ изумленіе, потомъ въ негодованіе и, наконецъ, въ отчаяніе, изъ котораго они будутъ искать выхода, и которое немедленно породитъ и воспитаетъ въ нихъ то убѣжденіе, что тутъ существуетъ какая-то серьезная и печальная загадка, настоятельно требующая себѣ разрѣшенія! О поддѣлкѣ такого тона, такой нѣжности, такой радости при свиданіи, такой искренности и довѣрчивости, которыя могли бы обмануть зоркіе глаза и чуткія уши матери и сестры—нечего и думать. Обмануть такого человѣка, который васъ любитъ, который ловитъ глазами каждое ваше движеніе и жадно вслушивается въ каждое ваше слово—до такой степени трудно, что подобный подвигъ врядъ ли удался бы даже самому закоренѣлому злодѣю, самому бездушному негодю, не чувствующему ни капли любви къ тѣмъ людямъ, предъ которыми онъ разыгрываетъ свою трогательную комедію. Тѣмъ менѣе могъ этотъ подвигъ притворства оказаться по силамъ Раскольникову. Мы уже знаемъ достаточно, какъ сильно онъ любитъ мать и сестру. Мы легко можемъ себѣ представить, какъ сильна была въ немъ потребность броситься къ нимъ на встрѣчу, открыть имъ свои объятія, и вознаградить себя откровеннымъ разговоромъ съ ними за три года томительной разлуки. Мы можемъ себѣ вообразить, какимъ оглушительнымъ ударомъ было для него то открытіе, что ему противны и невыносимы ихъ ласки, противны и невыносимы потому, что онѣ относятся уже не къ нему, а къ той маскѣ, которая, до поры до времени, скрываетъ отъ всѣхъ людей обезображенныя черты его измученнаго и опозореннаго лица. Разбитый этимъ ударомъ, Раскольниковъ не смѣлъ даже принимать отъ нихъ эти ласки; ему казалось, что онѣ ихъ крадетъ почти также, какъ онъ нѣсколько дней тому назадъ укралъ старухины деньги. Онъ старался увертываться отъ этихъ выраженій нѣжности, на сколько это было возможно. Они его мучили, какъ самыя

живья напоминая о томъ раѣ, который, по его мнѣнію, былъ для него навсегда потерянь, и котораго онъ во время не умѣлъ цѣнить по достоинству. Выманивать себѣ эти ласки обманомъ, платить за это чистое золото любви мишурою и фальшивою монетою своей поддѣльной нѣжности, словомъ, обращаться съ матерью и съ сестрою, какъ съ полицейскими сыщиками и шпионами, которымъ надо отводить глаза различными искусно подобранными фокусами — это значило сползти въ такую отвратительную грязь, о которой Раскольниковъ не въ состояніи былъ даже и подумать. Тутъ игра положительно не стоила свѣчей. Хроническое притворство съ матерью и съ сестрою было для него неизмѣримо мучительнѣе всякой каторги! Всякій разъ, какъ онъ сходилъ съ ними, онъ чувствовалъ, что маска сползаетъ съ его лица, и всякій разъ, онъ уходилъ отъ нихъ, пугаясь того ужаса, который должно было возбуждать въ нихъ открытіе истины.

Такимъ образомъ, страхъ уголовного наказанія, страхъ презрѣнія со стороны близкихъ людей, необходимость таиться и притворяться на каждомъ шагу, въ сношеніяхъ со всѣми людьми безъ исключенія и ясное предчувствіе того обстоятельства, что всѣ эти подвиги притворства окажутся рано или поздно совершенно бесполезными — вотъ составные элементы тѣхъ душевныхъ страданій, которыя испытываетъ Раскольниковъ. Подъ вліяніемъ этихъ страданій въ Раскольниковѣ совершается съ изумительною и ужасающею быстротою такой внутренней процессъ, который можно назвать увяданіемъ ума и характера. Первая фаза этого процесса разыгралась еще до совершенія убійства и ознаменовалась сооруженіемъ замысловатой теоріи, уравнившей Ньютона и Кеплера съ опустошителями чужихъ кармановъ. Вторая фаза разыгрывается послѣ убійства, и оканчивается тѣмъ, что Раскольниковъ, отказавшись отъ права размышлять собственнымъ умомъ и поступать по собственному благоусмотрѣнію, отдаетъ себя подъ опеку очень добродушной, очень ограниченной и совершенно необразованной дѣвушки, Сони Мармеладовой, которая, подобно нимфѣ Эгеріи, соглашается подавать ему мудрые и спасительные совѣты. Убивши старуху и ея сестру, Раскольниковъ совершенно теряетъ способность остановиться на какомъ бы то ни было опредѣленномъ желаніи. Ему хочется все разомъ покончить, т. е. отдаться добровольно въ руки слѣдователя; ему хочется также избавиться отъ наказанія и остаться на свободѣ; самъ онъ рѣшительно не въ состояніи опредѣлить, которое изъ этихъ желаній сильнѣе, и которое изъ нихъ въ ближайшую минуту будетъ управлять его поступками.

На другой день послѣ убійства, его требуютъ въ кварталъ по одному денежному дѣлу съ хозяйкой. Собирались идти туда и не зная еще, зачѣмъ его требуютъ, онъ думаетъ: «скверно то, что я почти въ бреду... я могу соврать какую нибудь глупость». Значитъ, не хочетъ погибать.

Минуту спустя, имъ овладѣваетъ другое настроеніе, и онъ, махнувъ рукою, говоритъ про себя: «только бы поскорѣй». Подходя къ конторѣ, онъ думаетъ: «если спросить, я можетъ быть и скажу». Поднимаясь по лѣстницѣ въ четвертый этажъ, онъ уже совсѣмъ рѣшается; «войду, стану на колѣни и все расскажу». — Черезъ минуту опять новый поворотъ; «какая нибудь глупость, думаетъ онъ, стоя уже въ конторѣ, какая нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать». Затѣмъ, когда онъ узнаетъ, что дѣло, по которому его потребовали, не имѣетъ ничего общаго съ вчерашнимъ убійствомъ, имъ овладѣваетъ бѣшеная радость, и онъ, подъ влияніемъ этого чувства, пускается вдругъ въ неожиданныя и совершенно неумѣстныя объясненія съ квартальными насчетъ своихъ отношеній къ хозяйкѣ и къ ея покойной дочери. Эта судорожная и припадочная радость тутъ же въ конторѣ смѣняется черезъ минуту невыносимо тяжелымъ чувствомъ *мучительнаго, безконечнаго уединенія и отчужденія*. Ему вдругъ приходитъ въ голову подойти къ квартальному и рассказать ему все, до послѣдней подробности. Это желаніе исчезаетъ, когда онъ слышитъ, что квартальный въ это самое время разговариваетъ съ своимъ помощникомъ о вчерашнемъ убійствѣ. Является опять припадокъ страха. Раскольниковъ идетъ къ дверямъ и падаетъ въ обморокъ.

Изъ такихъ быстро-смѣняющихся колебаній состоитъ вся жизнь Раскольникова послѣ убійства. Въ немъ вспыхиваетъ энергія только тогда, когда все его вниманіе поглощается какимъ нибудь постороннимъ дѣломъ. Когда онъ переноситъ раздавленнаго чиновника Мармеладова къ нему на квартиру, когда онъ старается успокоить его жену, и облегчить ея положеніе, отдавая ей всѣ свои деньги, когда онъ въ тотъ же день говоритъ своей сестрѣ о томъ, что надо отказать Лужину, когда онъ на другой день окончателно выгоняетъ этого Лужина, когда онъ потомъ защищаетъ Соню Мармеладову, несправедливо обвиненную въ воровствѣ (все тѣмъ же Лужинымъ), — тогда онъ является какъ будто живымъ и свѣжимъ человѣкомъ, способнымъ интересоваться тѣмъ, что вокругъ него происходитъ, готовымъ откликнуться на чужое страданіе, заступиться за слабого и обиженнаго человѣка, разстроить планы дерзкаго негодяя, подать умный совѣтъ, оказать дѣятельную помощь или рѣшиться во время на смѣлый поступокъ. Но какъ только его перестаютъ развлекать сильныя постороннія впечатлѣнія, какъ только онъ остается наединѣ съ своими сбивчивыми мыслями о недавнемъ прошедшемъ и о ближайшемъ будущемъ, такъ тотчасъ же въ его душѣ начинается какая-то вьюга быстро возникающихъ, быстро исчезающихъ, беспорядочно сталкивающихся и переплетающихся ощущеній; умъ его гаснетъ; воля изнемогаетъ; онъ ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ, и ни на что не можетъ рѣшиться. Онъ идетъ туда, куда ему

совсѣмъ не хотѣлось идти; попадаетъ туда, куда онъ совсѣмъ не считывалъ попасть, говорить и дѣлаетъ то, чего собственный умъ нисколько не одобряетъ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ безъ всякой надобности дразнить письмоводителя Заметова разговоромъ объ убійствѣ, и вслѣдъ затѣмъ отправляется въ квартиру убитой дергать звонокъ и спрашивать у работниковъ, зачѣмъ кровь отмыли. Слѣдить за тѣми процессами мысли, которые вызываютъ подобныя поступки, и вообще объяснять эти поступки какими бы то ни было процессами мысли, доступными и понятными здоровому человѣку—я не вижу ни малѣйшей возможности. Тутъ можно сказать только, что человѣкъ ошалѣлъ отъ страха и дошелъ до какого-то сомнамбулизма, во время котораго онъ и ходитъ, и говоритъ, и какъ будто даже думаетъ. Существуетъ ли такое психическое состояніе, и вѣрно ли оно изображено въ романѣ г. Достоевскаго, объ этомъ пусть разсуждаютъ медики, если эти вопросы покажутся имъ достойными внимательнаго изученія.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

	СТР.
Пчелы	1
Несоразмѣрныя претензіи.	24
Народныя книжки	36
Идеализмъ Платона.	55
Схоластика XIX вѣка.	78
Прогулка по садамъ россійской словесности	144
Борьба за жизнь	204

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА).

Издание Ф. Павленкова

ЦѢНА ЗА КАЖДУЮ ЧАСТЬ 1 Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИШЛЕВА И КОМЦ. (Н. НЕКЛУДОВА).

(Вас. О. 8 лин. № 25).

1869.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИДЕИ ОГЮСТА КОНТА.

ВВЕДЕНІЕ.

Огюсть Контъ, одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка, родился въ Монпелье, въ 1798, а умеръ въ Парижѣ, въ 1857 году. Жилъ онъ въ бѣдности, работалъ много и мыслилъ всегда честно и самостоятельно, не стараясь угождать ни политическимъ партіямъ, ни академическимъ котеріямъ, ни прихотливому вкусу таеъ называемой образованной толпы. Самое цвѣтущее время дѣятельности Конта относится къ тридцатымъ годамъ нашего столѣтія, къ той эпохѣ, когда буржуазное правительство Луи-Филиппа, мѣняя безпрестанно Гизо на Тьера и Тьера на Гизо, занималось бесплодною политическою эвилибристикю между клерикально-реакціонерною партіею съ одной стороны, и революціонно-республиканскою съ другой стороны. Контъ смотрѣлъ одинаково недоброжелательно на всѣ три партіи, спорившія между собою за политическое господство. Онъ видѣлъ, что реакціонеры совершенно напрасно стараются воскресить мертвую и разлагающуюся идею; онъ понималъ, что республиканцы, за неимѣніемъ опредѣленной и положительной доктрины, не сдумѣютъ воспользоваться побѣдою, когда имъ удастся ее одержать; онъ чувствовалъ глубокое презрѣніе къ эвилибристамъ, которые, давно забывши о существованіи или даже о возможности политическихъ принциповъ, удерживали за собою власть единственно для того, чтобы не выпускать ее изъ своихъ рукъ. Онъ полагалъ, что политическія нелѣпости и неблаговидности его времени будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока политика не превратится въ науку, въ такую же точную и положительную науку, въ какую превратилась, на примѣръ, астрономія со временъ Коперника, Кеплера и Нью-

тона, или химія со временъ Пристли и Лавуазье. Мысль создать положительную политику, открыть въ жизни человѣческихъ обществъ неизблѣмые естественные законы, и, научнымъ путемъ, выработать такую общественную организацію, которая мирила бы въ высшемъ единствѣ всѣ разумныя требованія, эта титаническая мысль овладѣла Контомъ, когда онъ былъ еще очень молодъ. Мысль эта родилась въ немъ, по всей вѣроятности, подъ влияніемъ идей извѣстнаго Сень-Симона, съ которымъ онъ былъ очень близокъ въ молодости, и подъ руководствомъ котораго онъ работалъ въ продолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ. Впрочемъ, Сень-Симонъ, во всякомъ случаѣ, направилъ только вниманіе молодого Конта на общественныя задачи текущаго времени. Путь, которымъ пошелъ Контъ къ рѣшенію этихъ задачъ, съ самаго начала, былъ совершенно самостоятеленъ; какъ только Контъ составилъ себѣ, въ общихъ чертахъ, опредѣленный планъ умственной дѣятельности, такъ онъ тотчасъ разошелся, и даже поссорился съ Сень-Симономъ и со всѣми его послѣдователями.

Основная мысль Конта, исходная точка, съ которой начались всѣ его изслѣдованія и умозрѣнія, состоитъ въ томъ, что явленія общественной жизни подлежатъ естественнымъ законамъ, что они сложнѣе всѣхъ остальныхъ явленій природы, что они, въ большей или меньшей степени, подчиняются влиянію всѣхъ остальныхъ явленій, и что, вслѣдствіе этого, къ изученію ихъ можетъ приступить, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, только такой мыслитель, который знаетъ основательно всѣ категоріи явленій, менѣе сложныхъ, и который вооруженъ всѣми методами, доставляющими современному изслѣдователю возможность проникать въ тайники органической и неорганической природы.

Что человѣческія общества живутъ и развиваются по законамъ, это мысль далеко не новая; нѣтъ того философствующаго историка, который не повторялъ бы ее на разные лады; но не трудно замѣтить, что почти у всѣхъ философствующихъ историковъ эта мысль остается мертвою буквою. Спросите у Гизо, или у Лорана, или у Галлама, или у Гервинуса: „имѣете ли вы, господа, понятіе о дифференціальномъ исчисленіи, занимались ли вы когда нибудь химіею, слѣдите ли вы за современными успѣхами физиологіи? — Всѣ эти философствующіе историки примутъ вашъ вопросъ за неумѣстную шутку и отвѣтятъ вамъ холодно и презрительно, что они историки, а не химики, не физиологи и не математики. Изъ ихъ отвѣта вы поймете, что все ихъ образованіе заключается въ знаніи тѣхъ языковъ, на которыхъ написаны лѣтописи, грамоты и разные другіе историческіе документы. Вооружившись этими знаніями, они прямо приступаютъ къ чтенію источниковъ, и, вслѣдъ затѣмъ, разумѣется, начинаютъ излагать намъ, подъ именемъ историческихъ законовъ, свои личныя размышленія, болѣе или менѣе остроум-

ния, но нисколько не опирающіяся ни на изслѣдованіе коренныхъ свойствъ чловѣческаго организма, ни на основательное знаніе общихъ космическихъ законовъ. Если бы философствующимъ историкамъ было какое-нибудь дѣло до космическихъ законовъ, до чловѣческаго организма и до рациональныхъ методовъ научнаго изслѣдованія, то они понимали бы очень хорошо, что имъ невозможно обойтись ни безъ физиологіи, ни безъ химіи, ни даже безъ дифференціального исчисленія.

У Конта мысль о необходимости открыть законы историческаго развитія — не осталась мертвою буквою. Онъ получилъ въ политехнической школѣ превосходное математическое образованіе, и потомъ, втеченіе всей его жизни, математика оставалась постоянно его хлѣбнымъ ремесломъ. Онъ изучилъ самымъ тщательнымъ образомъ астрономію, физику, химию и біологію; не довольствуясь знаніемъ этихъ наукъ въ ихъ современномъ положеніи, онъ обратился къ ихъ исторіи, и прочиталъ подлинныя сочиненія тѣхъ изслѣдователей, которыхъ трудами эти науки подвигались впередъ. Усвоивъ себѣ эти обширныя знанія, выучившись владѣть всѣми методами научнаго изслѣдованія и прослѣдивши развитіе всѣхъ главныхъ наукъ отъ самой ихъ колыбели, Контъ имѣлъ полное право приступить къ явленіямъ общественной жизни, съ цѣлью открыть тѣ законы, по которымъ они совершаются. Основной законъ исторіи нашолся, и нашолся, именно благодаря тому обстоятельству, что Контъ была уже достаточно извѣстна исторія положительныхъ наукъ. Контъ замѣтилъ, что всѣ наши положительные знанія проходятъ въ своемъ развитіи три главныя фазы: теологическую, метафизическую и положительную.

Сначала чловѣкъ объясняетъ себѣ неизвѣстное явленіе природы, какъ сознательное и умышенное дѣйствіе какой нибудь личности, похожей въ своихъ общихъ чертахъ на самого чловѣка; такъ, напримѣръ, когда, во время осады Трои, началась въ греческомъ лагерѣ моровая язва, Греки объяснили себѣ это явленіе тѣмъ, что богъ Аполлонъ, прогнѣвавшись на нихъ за неуваженіе къ его жрецу Хризесу, началъ пускать въ нихъ невидимыя стрѣлы; когда гремѣлъ громъ, тогда Греки думали, что Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, бросаетъ съ неба особенныя громовыя снаряды, выкованные для него богомъ огня Вулканомъ; когда на небѣ появлялась заря, тогда Греки думали, что богиня Эосъ своими розовыми пальцами отворяетъ тѣ ворота, изъ которыхъ должна выѣхать колесница Солнца или Феба.

Затѣмъ, чловѣкъ начинаетъ объяснять себѣ каждое явленіе какою нибудь безличною силою, которой, несмотря на ея безличность, приписываются однако разныя стремленія, симпатіи и антипатіи. Отчего, спрашивали древніе и средневѣковые физики, вода поднимается въ насосѣ? Оттого, отвѣчали они, что природа страшится пустоты. Отчего

кусокъ свинца падаетъ внизъ, а дымъ и пламя поднимаются кверху? Оттого, что каждое тѣло стремится занять свое естественное мѣсто. Отчего человекъ заболѣваетъ? Оттого, что болѣзнь вселяется въ его тѣло. Отчего больной выздоравливаетъ? Оттого, что природа и врачъ побѣждаютъ болѣзнь и выгоняютъ ее изъ его тѣла. Если природа можетъ чувствовать страхъ, если тѣла, подобныя свинцу или дыму, могутъ испытывать стремленія или желанія, если болѣзнь входитъ въ человека и выходитъ изъ него, если ее можно побѣждать и выталкивать въ шею, и если такимъ занятіямъ предается природа, то очевидно, природа, болѣзнь и тѣла оказываются близкими родственниками и прямыми наслѣдниками Аполлона, Зевеса и другихъ олимпійцевъ. Существенная разница состоитъ только въ томъ, что собственные имена замѣнены нарицательными. Неполныя олицетворенія отвлеченныхъ понятій — это, въ сущности тѣ же боги, полинявшіе отъ времени и отъ житейскихъ превратностей.

Наконецъ, переходя изъ метафизической фазы въ положительную, человекъ начинаетъ понимать, что онъ забавлялъ себя игрою словъ, которая, мѣшая во многихъ случаяхъ ясной и правильной постановкѣ вопросовъ, заставляла его тратить время и силы на бесплодную борьбу съ совершенно непреодолимыми трудностями. Увидавши неосновательность прежнихъ объясненій, человекъ убѣждается понемногу въ томъ, что его способность объяснять явленія природы имѣетъ опредѣленные границы, черезъ которыя его уму никогда не удастся перешагнуть; человекъ признаетъ ту великую истину, что онъ можетъ только наблюдать явленія и подмѣчать, въ какомъ порядкѣ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, или какимъ образомъ одно явленіе совмѣщается съ другимъ. На вопросъ: почему данныя явленія слѣдуютъ одно за другимъ именно въ такомъ, а не въ другомъ порядкѣ, у него нѣтъ отвѣта и никогда его не будетъ. Онъ, разумѣется, можетъ сказать вамъ: таковъ законъ природы; но это, конечно, не отвѣтъ, потому что вопросъ именно въ томъ и состоитъ: почему существуетъ въ природѣ вотъ этотъ законъ, а не какойнибудь другой. — Вы спрашиваете, напримѣръ, у современнаго физика: почему свинцовая пуля, которую я выпускаю изъ рукъ, падаетъ на землю? — *Почему*, отвѣчаетъ вамъ физикъ, этого я не знаю, но я могу вамъ сказать, что существуетъ общій законъ, по которому всѣ тѣла во всей вселенной взаимно притягиваютъ другъ друга пропорціонально массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія. Такъ какъ ваша пуля меньше земнаго шара, то земной шаръ и притягиваетъ ее къ себѣ; если бы она была больше земнаго шара, то случилось бы наоборотъ, то есть, не пуля упала бы на землю, а земли упала бы на пулю. Но *почему* все это происходитъ такъ, а не иначе, *почему* тѣла взаимно притягиваютъ другъ друга, и притягиваютъ

именно такъ, какъ я это объяснилъ, этого я не знаю, этого не знаетъ никто это останется вѣчною тайною для всѣхъ людей, и поэтому совершенно бесполезно и недѣло задавать себѣ или другимъ подобныя вопросы. — Когда человѣческія знанія вступили въ этотъ послѣдній, положительный періодъ своего развитія, тогда онѣ уже не испытываютъ больше радикальныхъ переворотовъ, относящихся къ самому основному ихъ характеру; онѣ только растутъ и совершенствуются, по мѣрѣ того, какъ накаплиются фактическія подробности и улучшаются орудія наблюденія.

Замѣтивъ такимъ образомъ три фазы въ развитіи всѣхъ положительныхъ наукъ, (кромѣ математики, въ которой теологической фазы не было), Контъ, путемъ своихъ историческихъ занятій скоро пришолъ къ тому убѣжденію, что общественная жизнь человѣчества, въ каждую данную эпоху, находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ способовъ и приемовъ, посредствомъ которыхъ люди объясняютъ себѣ явленія природы. Господствующее міросозерцаніе кладетъ свою печать на всѣ отрасли общественной жизни; когда измѣняется міросозерцаніе, тогда и въ общественной жизни происходятъ соотвѣтственныя перемѣны; когда борются между собою два различныя міросозерцанія, тогда и общественная жизнь наполняется тревогами и волненіями; когда одно изъ борющихся міросозерцаній одерживаетъ окончательную побѣду надъ другимъ, тогда и въ общественной жизни водворяется спокойствіе и единодушіе. Такъ какъ міросозерцаніе есть ни что иное, какъ сумма объясненій, относящихся ко всѣмъ различнымъ явленіямъ природы, и такъ какъ эти объясненія проходятъ черезъ три фазы, то не трудно сообразить, что тѣ же смыслы три фазы могутъ быть отмѣчены и во всей исторической жизни человѣчества. Вся исторія распадается на три великіе періода: теологическій, метафизическій и положительный. Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется господствомъ соотвѣтствующаго міросозерцанія; при переходѣ изъ одного періода въ другой измѣняются понемногу, вмѣстѣ съ міросозерцаніемъ, всѣ идеи, учрежденія, обычаи, нравы и вкусы.

Контъ полагаетъ, что западная Европа пришла къ концу метафизическаго періода, и стоитъ на рубежѣ положительной фазы; вся безалаберщина умственаго, нравственнаго и политическаго міра объясняется, по мнѣнію Конта, смѣшеніемъ и хаотическою борьбою теологическихъ, метафизическихъ и положительныхъ элементовъ. Безалаберщина эта прекратится и борьба окончится благополучно только тогда, когда положительные элементы окончательно одолѣютъ своихъ противниковъ и совершенно утвердятъ свое господство надъ обществомъ. Поэтому задача всѣхъ искреннихъ друзей человѣчества состоитъ именно въ томъ, чтобы всѣми силами содѣйствовать этой окончательной побѣдѣ тѣхъ элементовъ, которые одни заключаютъ въ себѣ способность долговѣчности и

безпредѣльнаго совершенствованія. Ввести человѣчество въ положительную фазу значитъ приучить всѣхъ людей къ положительному объясненію всѣхъ явленій природы. Для этого надо, очевидно, свести въ одну цѣльную философскую доктрину всѣ главные результаты строго-научныхъ изслѣдованій, и потомъ, изъ этой доктрины выработать систему общественнаго воспитанія, направленную къ самому широкому распространенію всѣхъ добытыхъ и сгруппированныхъ знаній.

Взглянувши съ этой точки зрѣнія на общественную задачу нашего времени, Контъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Cours de philosophie positive“ (Курсъ положительной философіи) представилъ ту основную доктрину, на которой должно быть построено новое общественное образованіе. Книга Конта заключаетъ въ себѣ шесть большихъ томовъ: въ первомъ, послѣ общаго введенія, излагается математическая философія; во второмъ — астрономическая и физическая философія; въ третьемъ — химическая и біологическая философія; въ четвертомъ — догматическая часть общественной физики; въ пятомъ — историческая часть общественной физики; въ шестомъ — окончаніе исторической части и общее заключеніе.

Завершивъ свой громадный трудъ, Контъ не сдумѣлъ остановиться во время, и повредилъ своему собственному дѣлу настолько, насколько отдѣльная личность можетъ повредить такому дѣлу, въ которомъ заинтересовано все человѣчество. Контъ доказалъ себѣ и другимъ, почти съ математическою точностью, что положительное или строго-реальное образованіе составляетъ самую важную потребность современныхъ обществъ, такую потребность, отъ удовлетворенія которой зависитъ рѣшеніе всѣхъ остальныхъ общественныхъ задачъ. Контъ установилъ далѣе ту философскую доктрину, которая должна сдѣлаться основой общественнаго образованія. Этими трудами теоретическая сторона дѣла оказывается законченною. Затѣмъ, Конту надо было устремить всѣ свои силы на то, чтобы теорія воплотилась въ жизни; надо было перейти къ практической сторонѣ дѣла; надо было всевозможными средствами дѣйствовать на общественное мнѣніе, до тѣхъ поръ, пока необходимость новаго образованія не вошла бы глубоко и окончательно въ сознаніе заинтересованныхъ обществъ. А потомъ надо было ждать, пока новое образованіе принесетъ свои результаты. Ждать пришлось бы долго; по всей вѣроятности, пришлось бы даже умереть, не дождавшись, со стороны общества, сильныхъ проявленій умственной возмужалости и полноправности; но дѣлать все-таки было нечего; только сама нація, доразвившаяся до положительнаго міросозерцанія, можетъ дать вполне удовлетворительное рѣшеніе всѣмъ общественнымъ задачамъ, поставленнымъ ей различными обстоятельствами ея историческаго существованія. Въ какую сторону, и какими средствами рѣшить она эти задачи—это уже

ея дѣло. Ни одинъ мыслитель въ мірѣ не можетъ и не долженъ присвоивать себѣ право рѣшать эти задачи заранее, изолированными силами своего личнаго ума, потому что нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ такого генія, который одинъ, самъ по себѣ, былъ бы умнѣ цѣлой націи, когда всѣ силы этой націи развернуты и пущены въ ходъ положительнымъ образованіемъ. Контъ упустилъ изъ виду эту простую истину. Онъ вообразилъ себѣ, что его индивидуальный умъ можетъ замѣнить собою, въ рѣшеніи общественной задачи, коллективный умъ цѣлой націи или даже всего человѣчества. Онъ вообразилъ себѣ, что можетъ самъ предусмотрѣть, опредѣлить и начертить ту политическую и социальную программу, до которой додумается коллективный умъ, просвѣщенный и укрѣпленный положительнымъ образованіемъ. Получилось, конечно, полное и печальное фіаско. Контъ вдался въ произвольныя умствованія, измѣнилъ своей собственной, строго-научной методѣ, написалъ *Положительную Политику*, въ которой нѣтъ ничего положительнаго, создалъ новую религію, которая однимъ ни на что не нужна, а другихъ не можетъ удовлетворить, провозгласилъ себя *первосвященникомъ человечества* (*Grand-prêtre de l'humanité*), и наконецъ умеръ, оставивъ послѣ себя горсть вѣрующихъ адептовъ, которые, своими наивными поступками и плоскими догматическими трактатами, продолжаютъ до сихъ поръ, по мѣрѣ силъ, доставлять *обильную пищу* насмѣшкамъ всѣхъ реакціонеровъ и *метафизиковъ*, чувствующихъ глубокую и сознательную ненависть къ основнымъ, великимъ и плодотворнымъ идеямъ *Положительной философіи*.

Наивные обожатели Конта, какъ основателя религіи и какъ первосвященника человечества, должны, конечно, скоро затеряться въ несмѣтной толпѣ различныхъ, болѣе или менѣе эксцентрическихъ сектъ. Но, кромѣ этихъ наивныхъ обожателей, у Конта есть еще мыслящіе ученики, которые, глубоко понимая, уважая и стараясь распространять идеи *Положительной философіи*, видятъ, въ то же время, въ *Положительной Политикѣ* и во всѣхъ дальнѣйшихъ подвигахъ Конта печальныя, хотя естественныя заблужденія великаго ума, прельщеннаго и ослѣпленнаго своею собственною величиною. Провозгласивши себя папою позитивизма, Контъ отринулъ и отлучилъ отъ своей церкви этихъ невѣрующихъ учениковъ, но не трудно понять, что успѣхъ и дальнѣйшее развитіе контовскихъ идей зависитъ именно отъ нихъ, а не отъ простодушныхъ адептовъ. Во главѣ разумныхъ послѣдователей Конта стоитъ, въ настоящее время, во Франціи, извѣстный ученый, Литтре. Въ Англіи, успѣху контовскихъ идей содѣйствуетъ, въ значительной степени, Джонъ Стюартъ Милль, съумѣвшій оцѣнить Конта тогда, когда Контъ, только что выпустившій въ свѣтъ первые томы своей *Положительной философіи*, былъ еще совершенно неизвѣстенъ. Репутація Кон-

та растеть; *Положительная философія*, въ прошломъ году *), вышла въ свѣтъ вторымъ изданіемъ; о позитивизмѣ (т. е. о философской школѣ, а не о религіозной сектѣ) говорятъ въ журнальныхъ статьяхъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ. Главный боецъ позитивизма, Литтре, работаетъ неутомимо, и нѣкоторые изъ самыхъ крупныхъ мыслителей Франціи и Англии, Тенъ, Вашро, Гербертъ Спенсеръ, считаютъ нужнымъ подвергать его работы подробной и внимательной критикѣ. — Словомъ, дѣло Конта подвигается впередъ, но если, на примѣръ, принять въ соображеніе ту быстроту, съ которою имена и мысли Бокля и Дарвина облетѣли, въ послѣднее время, весь образованный міръ, то надо будетъ сознаться, что дѣло Конта подвигается впередъ съ изумительною медленностью. Въ Германіи Контъ до сихъ поръ извѣстенъ очень мало; еще въ 1862 году, Бюхнеръ, познакомившись съ Контомъ по книгѣ вѣрующаго адепта, Констанъ-Ребека, отзывался о творцѣ *Положительной философіи* благосклонно покровительственнымъ тономъ, какъ о добродушномъ, смѣломъ и честномъ, но довольно ограниченномъ и чудаковатомъ мечтателѣ. Россія до сихъ поръ не имѣетъ о Контѣ никакого понятія, несмотря на то, что мы, въ послѣднее десятилѣтіе, слѣдили довольно внимательно за всѣми движеніями европейской мысли.

Причины той поразительной медленности, съ которою распространяются идеи Конта, заключаются, по моему мнѣнію, во первыхъ, въ особенныхъ свойствахъ самого *Курса положительной философіи*, и, во вторыхъ, въ непрактичности контовскихъ учениковъ и популяризаторовъ. *Курсъ положительной философіи* не доступенъ большинству читающаго общества ни по цѣнѣ, ни по объему, ни по содержанію, ни по изложенію. Стоитъ онъ 45 франковъ; у насъ въ Россіи больше 12 руб. Это разъ. Заключаетъ онъ въ себѣ шесть большихъ томовъ, т. е., гораздо больше 3,000 страницъ довольно мелкой печати; надо быть очень неустрасимымъ любителемъ чтенія, чтобы не почувствовать сильнаго замѣранія сердца при видѣ этой груды печатной бумаги. Это два. Обыкновенный читатель, получившій наше общее литературное образованіе, начинаетъ разсматривать *Курсъ положительной философіи*, и замѣчаетъ, къ крайнему своему огорченію, что первые три тома этой книги составляютъ для него тарабарскую грамоту; въ самомъ дѣлѣ, прошу покорно наслаждаться чтеніемъ математической, физической и астрономической философіи, когда рѣшеніе квадратныхъ уравненій составляетъ крайній предѣлъ вашей математической премудрости, когда даже эта премудрость, отъ недостатка упражненія, давно успѣла изгладиться изъ вашей памяти. Это три. Наконецъ, обыкновенный читатель пробуетъ начать

*) Статья эта писалась въ 1865 г.

чтеніе прямо съ четвертаго тома, но и тутъ становится втупишь. Для тѣхъ людей, для которыхъ историческія сочиненія Маколея, Шлоссера или Мишле составляютъ серьезное чтеніе, и для которыхъ Гизо и Бокль являются въ видѣ *non plus ultra* голололомности, для тѣхъ людей, говорю я, Огюсть Контъ оказывается совершенно неудобочитаемымъ. Представьте себѣ, что въ исторической части общественной физики вы не встрѣтите почти ни одного собственнаго имени; все изложеніе идетъ чисто отвлеченнымъ путемъ; вы имѣете передъ собою анализъ идей и учреждений, безъ малѣйшаго упоминанія объ извѣстныхъ вамъ историческихъ дѣятеляхъ, народахъ и событіяхъ; при этомъ языкъ Конта постоянно до такой степени сухъ, ровень, безстрастенъ и однообразенъ, что вы легко можете принять его философію исторіи за какую нибудь диссертацию о коническихъ сѣченіяхъ; недостаетъ только чертежей и алгебраическихъ формулъ; если вы сравните его математическую философію съ историческою частью общественной физики, то въ изложеніи, въ языкѣ вы не замѣтите ни малѣйшей разницы. Это четыре. Читатель согласится, что этихъ четырехъ обстоятельствъ слишкомъ достаточно, чтобы удержать большинство образованнаго общества въ почтительномъ отдаленіи отъ *Курса положительной философіи*. Но именно тутъ-то и начинается обязанность популяризаторовъ. Если въ какихъ нибудь темныхъ подземельныхъ, недоступныхъ для нашихъ легкомысленныхъ ближнихъ, хранятся, за тяжелыми запорами, необъятныя сокровища мысли, то именно популяризаторы обязаны вооружиться храбростью и терпѣніемъ, сойти въ подземелья, сбить прочь тяжелые запоры и вынести по частямъ, на свѣтъ Божій, затаившіяся драгоценности. Однако ни Литтре, ни Милль не поступаютъ такимъ образомъ. Они живутъ въ подземельѣ, какъ у себя на квартирѣ, составляютъ тамъ каталоги всѣмъ скрытымъ богатствамъ и приглашаютъ своихъ читателей спускаться вслѣдъ за ними и знакомиться съ драгоценностями въ томъ мѣстѣ, въ которомъ онѣ находятся до сихъ поръ.

Пока популяризаторы будутъ держаться подобной тактики, до тѣхъ поръ идеи Конта будутъ оставаться для общества мертвымъ капиталомъ. Литтре въ 1863 году издалъ очень хорошую и довольно большую книгу подъ заглавіемъ: „Auguste Comte et la Philosophie positive.“ Милль въ нынѣшнемъ году помѣстилъ въ *Westminster Review* двѣ превосходныя статьи о философской дѣятельности Конта. И Литтре, и Милль говорятъ единогласно, что самыя замѣчательныя и плодотворныя мысли Конта заключаются въ исторической части общественной физики, и что Контъ именно только въ этой части является истинно оригинальнымъ и совершенно независимымъ отъ трудовъ прежнихъ мыслителей. Между тѣмъ, ни Милль, ни Литтре даже не дѣлаютъ попытки изложить читателямъ содержаніе этой самой замѣчательной части;

оба они отсылаютъ читателя къ книгѣ самого Конта. Но что читатель ихъ не послушается, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ доказательство этой мысли, привожу слѣдующій фактъ. Французскій публицистъ Dupont-White помѣстилъ въ *Revue des deux Mondes*, за нынѣшній годъ, двѣ статьи о позитивизмѣ, по поводу книги Литтре. Когда человѣкъ берется разсуждать о философской доктринѣ печатно, тогда, я думаю, можно ожидать отъ него, что онъ обратится къ подлиннымъ источникамъ этой доктрины и познакомится съ нею по сочиненіямъ самого основателя. Однако не тутъ-то было. Dupont-White преспокойно удовлетворился книгою Литтре и, основываясь на ней, толкуетъ о позитивизмѣ вкривъ и вкось, то есть именно такъ, какъ можетъ толковать о кунсткамерѣ человѣкъ, незамѣтившій въ ней слона. Если люди, имѣющіе претензію философствовать печатно, продолжаютъ питать къ сочиненіямъ Конта почтительную робость, несмотря на всѣ заманчивыя приглашенія Литтре и Милля, то нетрудно себя представить, какъ мало подѣйствуютъ эти приглашенія на обыкновенныхъ читателей.

Оставляя въ сторонѣ историческія идеи Конта, Литтре и Милль разсуждаютъ очень пространно о положительномъ методѣ вообще, о классификаціи наукъ, о раздѣленіи ихъ на абстрактныя и конкретныя, о взглядѣ Конта на психологію и на политическую экономію, и такъ далѣе. Принимаясь знакомить съ Контомъ русскихъ читателей, я считаю полезнымъ поступить какъ разъ наоборотъ. О положительномъ методѣ, о классификаціи наукъ, и такъ далѣе, я не скажу ни одного слова, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ могутъ имѣть для нашихъ читателей философскія разсужденія о методѣ и о классификаціи такихъ наукъ, о которыхъ эти читатели имѣютъ самыя смутныя понятія, и съ которыми журналъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи, никакъ не можетъ ихъ познакомить, если только онъ не хочетъ превратиться въ собраніе элементарныхъ учебниковъ. Напротивъ того, на историческія идеи Конта, о которыхъ молчатъ Литтре и Милль, я обращаю все мое вниманіе, и если мнѣ удастся выполнить мою задачу удовлетворительно, то я смѣю надѣяться, что Россія узнаетъ и оцѣнитъ Конта гораздо точнѣе, чѣмъ цѣнитъ и знаетъ его въ настоящее время западная Европа.

I.

Дикарь невольно объясняетъ себѣ всевозможныя явленія природы тѣмъ самымъ процессомъ, какимъ обуславливаются въ его глазахъ его собственные поступки. Онъ знаетъ, по ежеминутному опыту, что каждому его движенію предшествуетъ всегда желаніе сдѣлать это движеніе. Онъ

садится, потому что *хочет* съѣсть, беретъ въ руки палку, потому что *хочет* ее взять, бьетъ свою жену, потому что *хочет* ее бить, и такъ далѣе. Причину каждаго изъ своихъ дѣйствій онъ понимаетъ; причины же всѣхъ окружающихъ явленій требуется угадать; очень естественно, что это угадываніе на первый разъ будетъ состоять въ простомъ подкладываніи подъ каждое явленіе такой же точно причины, какая объясняетъ собою собственныя тѣлодвиженія философствующаго дикаря. Молнія разбила дерево. Почему она его разбила? Потому что *хотѣла* разбить. Ураганъ разметалъ шалашъ дикаря: почему? Потому что *хотѣла* сдѣлать дикарю неприятность. — Какъ только дикарь начинаетъ задавать себѣ вопросы: „*почему?*“ такъ онъ непремѣнно начинаетъ отвѣчать на нихъ именно такимъ образомъ, и всякіе другіе отвѣты сначала оказываются радикально невозможными, потому что сначала онъ, путемъ непосредственнаго внутренняго чувства, знаетъ только самого себя, и кромѣ самого себя не знаетъ ровно ничего. Такъ какъ молнія и ураганъ дѣлаютъ такіа штуки, которыя самому дикарю приходится не подъ силу, и такъ какъ всѣ ихъ штуки, по мнѣнію дикаря, вытекаютъ изъ опредѣленныхъ желаній, то, очевидно, молнія и ураганъ оказываются живыми существами, которыя настолько же сильнѣе дикаря, насколько ихъ штуки превышаютъ его личные подвиги. Къ этимъ сильнымъ существамъ дикарь становится въ извѣстныя почтительныя отношенія; онъ старается задобрить ихъ просьбами и подарками. Онъ надѣется, посредствомъ разныхъ любезностей, направлять волю этихъ сильныхъ существъ сообразно съ своими личными разсчетами, и внушать имъ такіа желанія, которыя вели бы за собою, съ ихъ стороны, поступки, соотвѣтствующіе его выгодамъ. Однимъ словомъ, начинается извѣстное обоготвореніе явленій и силъ природы, органическихъ и неорганическихъ. Человѣкъ вступаетъ въ теологическій періодъ развитія.

Первобытные приемы теологическаго философствованія не только естественны и неизбѣжны, но еще, кромѣ того, чрезвычайно полезны и необходимы. Безъ нихъ, дальнѣйшее умственное развитіе дикаго человечества было бы совершенно невозможно. Развиваться значитъ постепенно прокладывать себѣ путь къ вѣрному пониманію той связи, которая существуетъ между явленіями природы. Чтобы приближаться къ этому вѣрному пониманію, надо собирать наблюденія. А такіа наблюденія, которыя могутъ пригодиться для общихъ выводовъ, возможны только тогда, когда наблюдатель смотритъ на явленія съ какойнибудь опредѣленной точки зрѣнія, то есть, когда онъ подходитъ къ явленію съ какоюнибудь уже готовою теоріею.

Эта послѣдняя мысль, конечно, изумляетъ читателя, привыкшаго думать, что за наблюденія слѣдуетъ, напротивъ того, приниматься безъ всякихъ предвзятыхъ идей. Предвзятая идея дѣйствительно вредна,

когда онѣ мѣшаютъ нашей искренности, то есть, когда мы, любя эти идеи, стараемся, во что бы то ни стало, увидеть ихъ оправданіе въ дѣйствительности, которая, на самомъ дѣлѣ, нисколько имъ не соотвѣтствуетъ. Если мы, такимъ образомъ, умышленно закрываемъ глаза, то, разумѣется, мы становимся плохими наблюдателями. Но мѣшаетъ намъ, въ этомъ случаѣ, не предвзятая теорія, а наше нелѣпное *пристрастіе* къ этой теоріи. Теорія же, сама по себѣ, только помогаетъ намъ наблюдать; стараясь убѣдиться въ томъ, вѣрна ли теорія или нѣтъ, мы обращаемъ вниманіе именно на тѣ стороны явленій, къ которымъ наша теорія имѣетъ какое нибудь отношеніе. Каждое явленіе природы само по себѣ такъ сложно, что мы никакъ не можемъ охватить его разомъ со всѣхъ сторонъ; когда мы приступаемъ къ явленію безъ всякой теоріи, то мы рѣшительно не знаемъ, на какую сторону явленія слѣдуетъ смотрѣть. Явленіе мозолитъ намъ глаза, и все-таки не пробуждаетъ въ нашемъ умѣ никакой опредѣленной мысли. Если же у насъ составлена какая нибудь фантастическая теорія, то явленіе, прежде всего, разрушаетъ ее, и вслѣдъ затѣмъ, заставляетъ насъ построить немедленно новую теорію, которая, при вторичномъ наблюдѣніи, по всей вѣроятности, также развалится, и замѣнится третьей теоріею, такою же непрочною, какъ и обѣ первыя. Каждая изъ нашихъ догадокъ оказалась несостоятельною именно потому, что въ объясняемомъ явленіи есть какіе нибудь признаки, несогласные съ этими догадками. Стало быть, убѣждаясь въ несостоятельности нашихъ догадокъ, мы, каждый разъ, узнаемъ новые признаки, которые, безъ этихъ догадокъ, остались бы намъ неизвѣстными. Отбрасывая одну догадку за другою, мы, наконецъ, доходимъ до вѣрнаго рѣшенія задачи, если задача разрѣшима; или же убѣждаемся въ необходимости преобразить наши поиски, если вопросъ нашъ, по самой сущности своей, не допускаетъ отвѣта.

Итакъ, для собиранія наблюдѣній, дикарю необходима теорія; разумной теоріи онъ составить себѣ не можетъ, потому что разумная теорія составляется на основаніи наблюдѣній; но у него есть свои догадки, составленныя невольною и естественною дѣятельностью его воображенія, и эти жалкія, нелѣпыя догадки, являются для него тою необходимою ниткою, на которую онъ нанизываетъ свои наблюденія. При своихъ несложныхъ матеріальныхъ потребностяхъ, дикарь не можетъ интересоваться всѣми окружающими животными, растеніями и минералами, какъ полезными предметами; огромное большинство этихъ предметовъ не приноситъ ему ни малѣйшей пользы, и также не можетъ сдѣлаться для него ни вреднымъ, ни опаснымъ; безкорыстной любознательности, воодушевляющей нашихъ натуралистовъ, у дикаря быть не можетъ; поэтому ясно, что онъ остался бы навсегда безучастнымъ къ окружающе-

му міру, если бы его живая фантазія не заставляла его, въ каждомъ ручьѣ, въ каждомъ деревѣ, въ каждой ящерицѣ или лягушкѣ, усматривать присутствіе какой нибудь особенной, великой и таинственной силы, которая можетъ оказывать на его жизнь и на всѣ его различныя предпріятія гибельное или благодѣтельное вліяніе. Лягушка, какъ простая лягушка, была бы оставлена безъ вниманія; но лягушка, превращенная фантазією дикаря въ высшее существо, становится интересною и достойною изученія. Фантазія выталкиваетъ дикаря изъ его умственной апатіи; фантазія создаетъ теологическое объясненіе природы, и только одна фантазія можетъ дать человѣческому уму тотъ первый необходимый толчокъ, безъ котораго летаргическій сонъ человѣческой мысли навсегда остался бы ненарушеннымъ.

Дикарь — существо очень безсильное, беззащитное и несчастное. Каждый ливень промачиваетъ его до костей; каждая буря разноситъ въ дребезги его хижину; каждая неблагоприятная перемена погоды поражаетъ его въ источникахъ его существованія, и можетъ осудить его на голодную смерть; многіе хищныя звѣри далеко превосходятъ его быстротою, силою мускуловъ и опаснымъ могуществомъ естественнаго оружія; въ борьбѣ съ такими звѣрями дикарь обыкновенно остается побѣжденнымъ; законовъ природы онъ не знаетъ, и поэтому не можетъ направить почти ни одного явленія такъ, какъ того требуютъ его матеріальные интересы. Я говорю *почти*, потому что, на самомъ дѣлѣ, всѣ извѣстные намъ дикари все-таки умѣютъ, по крайней мѣрѣ, развести огонь, или приготовить себѣ какое нибудь оружіе, посуду, одежду. Конечно, и это умѣнье было приобрѣтено ими не вдругъ; было время, когда они были еще невѣжественнѣе, и слѣдовательно, еще несчастнѣе. Но объ этомъ времени мы не можемъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія; поэтому, не зачѣмъ намъ и забираться въ такую недосягаемую глубину древности и умственной беспомощности.

Если бы дикарь смотрѣлъ на свое собственное положеніе совершенно трезвыми глазами, если бы онъ могъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ своемъ собственномъ безсиліи, если бы онъ могъ измѣрить своимъ умомъ всю глубину своего хроническаго несчастья, то, безъ сомнѣнія, у него опустились бы руки, и онъ погрузился бы въ такое безвыходное уныніе, которое совершенно парализировало бы всю его дѣятельность, и очень скоро положило бы конецъ его существованію. Но тутъ опять подоспѣваетъ къ нему на выручку его пылкое воображеніе. Онъ твердо увѣренъ въ томъ, что, при помощи различныхъ заклинаній, приношеній и манипуляцій, онъ, по своему благоусмотрѣнію, можетъ ворочать всѣми силами органической и неорганической природы. Эта увѣренность, конечно, обманываетъ его на каждомъ шагу, но эти ежеминутныя разочарованія объясняются въ его глазахъ тѣмъ, что онъ, въ своихъ заклин-

наніяхъ и манипуляціяхъ, сдѣлалъ случайную ошибку, отъ которой онъ, на будущее время, постарается уберечься. Надежда задобрить силы природы остаётся въ полной неприкосновенности, потому что убить эту надежду можетъ только идея незыблемыхъ естественныхъ законовъ, а до этой идеи очень далеко не только дикарямъ, но и многимъ цивилизованнымъ европейцамъ. Чѣмъ слабѣе и невѣжественнѣе дикарь, тѣмъ размахиствѣе его надежды; такимъ образомъ, бодрость его поддерживается его иллюзіями тогда, когда она не можетъ основываться на сознаніи дѣйствительнаго господства надъ силами природы. Обращаясь къ своимъ воображаемымъ покровителямъ, съ просьбою о прямомъ содѣйствіи въ какомъ нибудь житейскомъ предпріятіи, дикарь сильно и чистосердечно вѣритъ въ исполнимость своего желанія, преимущественно потому, что для него еще не существуетъ понятіе о *чудѣ*, какъ о нарушеніи общаго закона, и какъ о необыкновенномъ вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ обыкновенныя земныя событія. Чтобы составить себѣ понятіе о чудѣ, надо сначала сколько нибудь освоиться съ понятіемъ о законѣ, потому что гдѣ нѣтъ никакихъ общихъ правилъ, тамъ не можетъ быть и никакихъ исключеній. Гдѣ все управляется произволомъ и страстями личностей, тамъ прямое вмѣшательство личности въ пользу своего любимца оказывается въ порядкѣ вещей, и не заключаетъ въ себѣ ровно ничего удивительнаго. Когда самыя простыя и обыденныя явленія объясняются волею и дѣятельностью таинственныхъ покровителей, тогда и самое очевидное нарушеніе въ обыкновенномъ порядкѣ этихъ явленій никому не должно казаться особенно удивительнымъ. Представьте себѣ, на примѣръ, что въ одинъ прекрасный день, солнце, послѣ полудня, вмѣсто того, чтобы направляться къ западу, поворотило назадъ на востокъ, и къ вечеру скрылось подъ горизонтомъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ оно взошло утромъ. Поразительнѣе и ужаснѣе этого чуда трудно что нибудь придумать. Во всѣхъ образованныхъ странахъ нашей планеты такое чудо произвело бы паническій страхъ; о которомъ невозможно составить себѣ даже приблизительное понятіе. Всѣ жители этихъ образованныхъ государствъ поняли бы, что въ движеніи земли произошла какая-то существенная перемѣна, вслѣдствіе которой можно ежеминутно ожидать столкновенія нашей планеты съ другими небесными тѣлами. Паническій страхъ оказался бы тѣмъ сильнѣе, что онъ распростирился бы сверху внизъ, изъ образованныхъ классовъ въ массу, которая, вслѣдствіе этого, ни откуда не могла бы ожидать себѣ успокоенія и вразумленія. Напротивъ того, на совершенно дикій народъ, находящійся подъ исключительнымъ господствомъ теологической философіи, поворотъ солнца къ востоку произвелъ бы довольно слабое впечатлѣніе. Дикари, конечно, замѣтили бы это явленіе, потому что не замѣтить его невозможно, но они врядъ ли по-

чувствовали бы особенно-сильное беспокойство. Они вообразили бы, что солнечному богу понадобилось зачѣмъ нибудь воротиться поскорѣе домой, сочинили бы, по этому случаю, какой нибудь, болѣе или менѣе замысловатый мифъ, и совершенно успокоились бы на этомъ остроумномъ объясненіи. Можно сказать навѣрное, что вулканическое изверженіе или даже сильная буря, съ грозой и съ градомъ, подѣйствовали бы на воображеніе дикарей гораздо болѣе потрясающимъ образомъ, чѣмъ такое очевидное нарушеніе самыхъ важныхъ и общеизвѣстныхъ законовъ природы. — Въ невѣжествѣ дикарей заключается, какъ ихъ слабость, такъ и та сила, которая даетъ имъ возможность вырваться изъ этого невѣжества. Слабость состоитъ въ неумѣнн дѣйствовать на природу; а сила — въ умѣнн надѣяться, и этими фантастическими надеждами поддерживать нравственную бодрость, для которой, въ данномъ періодѣ развитія, не можетъ быть никакой другой, болѣе реальной опоры.

II.

Самая первобытная и грубая форма мифической философіи называется *фетишизмомъ*, — и состоитъ въ прямомъ и непосредственномъ одушевленіи и обоготвореніи всѣхъ видимыхъ явленій и предметовъ окружающей природы. Все, что обнаруживаетъ самостоятельное движеніе, или издаетъ изъ себя звуки, становится, въ глазахъ дикаря, живымъ существомъ; первая волынка, которую увидѣли негры, первый европейскій корабль, первое ружье, первые часы были для нихъ животными, болѣе или менѣе сильными, страшными и опасными; естественныя явленія, конечно, объясняются точно такимъ же образомъ, такъ что въ идеяхъ чистаго фетишиста нѣтъ качественныхъ разграниченій между стихійнымъ и органическимъ міромъ, между растеніемъ и животнымъ, между животнымъ и человѣкомъ, между человѣкомъ и божествомъ. Весь міръ фетишиста проникнутъ однимъ животворящимъ принципомъ, тѣмъ самымъ принципомъ, котораго присутствіе онъ чувствуетъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Видя свое собственное я во всемъ, что его окружаетъ, фетишистъ, съ одной стороны, относится къ животнымъ такъ, какъ онъ относился бы къ существамъ, способнымъ понимать его, а съ другой стороны, обращается съ своими богами такъ непочтительно, какъ онъ могъ бы обходиться съ равнымъ себѣ человѣкомъ. Такъ, на примѣръ, каффры, охотясь за слономъ, кричатъ ему, для смягченія его гнѣва: „не убивай насъ, великій предводитель, не наступи на насъ, могущественный предводитель“! О львѣ рассказываютъ въ Сенегамбіи, что онъ, изъ любез-

ности, не нападаетъ на женщинъ, и что онъ вообще не трогаетъ тѣхъ людей, которые вѣжливо съ нимъ раскланиваются. О кайманѣ рассказываютъ, также въ Сенегамбѣ, что онъ собираетъ, въ извѣстные дни, своихъ родныхъ и знакомыхъ, и дѣлитъ съ ними добычу въ особыхъ собраніяхъ, въ которыхъ предсѣдательствуетъ старшій и знатнѣйшій изъ каймановъ *). Убивая какое нибудь сильное животное, негръ боится, что ему будутъ мстить родственники убитаго, подобно тому, какъ это дѣлается въ мѣрѣ людей.

Уравнивая себя съ животными, фетишистъ уравниваетъ себя также и съ богами. Онъ боится своихъ боговъ, но въ то же время и самъ считаетъ возможнымъ внушать имъ страхъ; онъ дѣйствуетъ на нихъ не только просьбами и подарками, но и угрозами, и тѣлесными наказаніями, когда они ведутъ себя, въ отношеніи къ нему, черезъ-чуръ невнимательно. Извѣстно, на примѣръ, что тунгусы, калмыки, камчадалы, и нѣкоторые другіе сибирскіе инородцы сѣкутъ своихъ идоловъ, когда не получаютъ отъ нихъ желаемой помощи. Негры, живущіе по берегамъ бѣлаго Нила, питаютъ къ своимъ царямъ религіозное уваженіе, которое, однако, имѣетъ для этихъ царей свою очень невыгодную сторону: эти негры приписываютъ своимъ царямъ способность управлять погодою, и поэтому убиваютъ ихъ, въ случаѣ засухи, за неискусное или злонамѣренное управленіе. Фелупы, живущіе по рѣкѣ Гамбѣи, считаютъ своихъ царей за боговъ, или, по крайней мѣрѣ, за всесильныхъ чародѣевъ, и вслѣдствіе этого, за каждое народное несчастіе, подвергаютъ ихъ тѣлесному наказанію.

Фетишистъ видитъ боговъ на каждомъ шагу, и вслѣдствіе этого, обращается съ ними запросто. Его окружаютъ со всѣхъ сторонъ таинственныя силы и капризныя воли, но ежеминутныя столкновенія съ этими волями и силами вовсе не производятъ на него того потрясающаго впечатлѣнія, которое испытываетъ на себѣ болѣе развитой человѣкъ при встрѣчѣ съ тѣмъ, что кажется ему сверхъестественнымъ. Вся жизнь фетишиста составляетъ одну непрерывную галлюцинацію, въ которой неопредѣленный страхъ и безпричинная надежда ежеминутно чередуются между собою, возникая и пропадая по поводу каждаго ничтожнѣйшаго событія. Теологическое объясненіе предмета неразлучно для фетишиста съ первымъ взглядомъ на этотъ предметъ; творческая фантазія работаетъ одновременно съ органами чувствъ; мифъ готовъ тотчасъ, какъ только явленіе обратило на себя вниманіе; поэтому, можно сказать почти безошибочно, что фетишистъ дѣйствительно видитъ и слышитъ все то, что создаетъ его воображеніе; онъ ничего не выдумываетъ.

*) *Waiats. Anthropologie der Naturvölker. Band II S. 178 — 179.*

ваетъ нарочно; процессъ выдумыванія совершается у него такъ же непосредственно и произвольно, какъ совершается въ нашемъ мозгу сужденіе о разстояніи и о величинѣ тѣхъ предметовъ, которые попадаютъ намъ на глаза. Онъ не можетъ смотрѣть на вещи, не пускаясь въ теологическія философствованія; поэтому ясно, что теологическая философія, въ періодъ фетишизма, господствуетъ надъ человѣческимъ умомъ съ болѣе неотразимою силою, чѣмъ во всѣ послѣдующія фазы историческаго развитія. Съ одной стороны, эта первобытная форма теологической философіи доступна не только людямъ, но и высшимъ животнымъ, напримѣръ, обезьянамъ, лошадямъ и собакамъ; а съ другой стороны, пантеизмъ Спинозы и Гете есть не что иное, какъ фетишизмъ, превращенный въ стройную философскую систему.

Это изумительное сопребосновеніе величайшихъ мыслителей съ зоологическимъ міромъ доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что, въ объясненіи причинъ и сущности видимыхъ явленій, нашъ умъ, съ самыхъ первыхъ дней своего младенчества, не можетъ подвинуться впередъ ни на одинъ шагъ. Какъ только мы сходимъ съ положительной почвы, то есть, какъ только мы забываемъ, что мы можемъ изучать съ успѣхомъ только связь и соотношенія между видимыми явленіями, а не причины и сущность этихъ явленій, такъ мы тотчасъ, думая создать что нибудь новое, воспроизводимъ міросозерцаніе бушменовъ и лошадей. Если васъ очень озадачиваетъ мысль о томъ, что животныя философствуютъ и находятся въ фазѣ фетишизма, то потрудитесь, напримѣръ, пустить по полу волчокъ въ присутствіи молодаго и впечатлительнаго щенка. Вы увидите, что щенокъ начнетъ кидаться на него, лаять, визжать, отскакивать отъ него прочь со всѣми признаками ужаса, изумленія и негодованія; словомъ, будетъ вести себя совершенно такъ, какъ бы онъ велъ себя при столкновеніи съ живымъ существомъ, отъ котораго можно ожидать себѣ непріятности, и которое можно запугать лаемъ и другими шумными выраженіями храбрости. Очевидно, щенокъ видитъ въ волчокѣ живое существо, то есть, объясняетъ себѣ всякое движеніе тѣмъ самымъ началомъ жизни, которое онъ чувствуетъ въ собственномъ тѣлѣ. Человѣкъ до такой степени хорошо знаетъ фетишизмъ животныхъ, что онъ, на этомъ философскомъ методѣ ихъ, строитъ даже для медвѣдя ловушку, замѣчательную по своей простотѣ. Надъ ульемъ вѣшаютъ толстый чурбанъ, такъ чтобы онъ закрывалъ собою отверстіе улья. Медвѣдь приходитъ за медомъ, и отодвигаетъ чурбанъ въ сторону; чурбанъ возвращается назадъ, и толкаетъ медвѣдя въ морду; медвѣдь съ нѣкоторою досадою отбрасываетъ его прочь; чурбанъ опять возвращается на свое мѣсто, и на этотъ разъ уже довольно сильно поражаетъ медвѣжью физиономію; медвѣдь свирѣпѣетъ, и разумѣется, чѣмъ больше онъ горячится, чѣмъ безпощаднѣе онъ колотитъ чурбанъ

своими лапами, тѣмъ оглушительнѣе становятся тѣ удары, которые сыпятся на его собственную морду. Кончается тѣмъ, что ошеломленный медвѣдь сваливается съ того дерева, на которомъ находится улей. Отчего же медвѣдь такъ неразумительно воюетъ съ безчувственнымъ чурбаномъ? Именно отъ того, что медвѣдь, какъ фетишистъ, не наблюдаетъ, а философствуетъ, и видитъ въ движущемся и колотящемъ чурбанѣ задорное живое существо, которое слѣдуетъ унять и зашибить до смерти.

Огюсть Контъ полагаетъ даже, что нѣкоторыя избранныя животныя (quelques animaux choisis) могутъ даже, при соприкосновеніи съ человекомъ, возвыситься до слабаго начала политеизма (un faible commencement de polytheisme), но такъ какъ Контъ оставляетъ эту мысль недоказанною и необъясненною, то я рѣшительно не знаю, на чемъ онъ основываетъ свое предположеніе, и никакъ не могу поручиться за то, чтобы между животными дѣйствительно существовали политеисты. Хотя политеизмъ повсемѣстно развивался изъ фетишизма, однако разница между этими двумя формами мифической философіи до такой степени значительна, что, съ перваго взгляда, историку трудно даже понять, какимъ образомъ эти двѣ, почти противоположныя системы могутъ находиться между собою въ прямой, преемственной связи. У фетишиста вся матерія живетъ своею собственною, внутреннею жизнью; у политеиста, напротивъ того, матерія становится пассивнымъ орудіемъ невидимыхъ существъ, непривязанныхъ къ опредѣленному мѣсту; фетишистъ, напримѣръ, прямо одушевляетъ и обоготворяетъ рѣку, то есть, массу текущей воды; политеистъ, напротивъ того, представляетъ себѣ, что масса воды, на которую онъ смотритъ, какъ на простую воду, находится подъ управленіемъ особеннаго невидимаго бога, живущаго обыкновенно въ рѣкѣ, какъ въ своемъ царствѣ, но способнаго также путешествовать по всему міру. Въ поэмахъ Гомера дѣйствуютъ настоящіе боги политеизма, принимающіе на себя образъ человека тогда, когда они вступаютъ въ сношенія съ людьми; но въ Илиадѣ появляется также и чистый фетишъ, какъ остатокъ болѣе древняго періода; именно, за Ахиллесомъ гонится рѣка Скаандръ, сочувствующая троянцамъ. Скаандръ гонится за Ахиллесомъ не въ видѣ человека, не съ копьемъ или съ мечомъ въ рукѣ, а въ видѣ рѣки; онъ хочетъ не заколотъ или изрубить греческаго героя, а потопить его въ своихъ волнахъ; здѣсь дѣйствуетъ именно разъярившаяся стихія, а не богъ, управляющій этою стихіею.

Спрашивается теперь, какимъ же образомъ могъ совершиться переходъ отъ прямого обоготворенія матеріи къ ея подчиненію высшимъ и невидимымъ существамъ? — Этотъ переходъ, самый важный и самый трудный во всей исторіи человѣческой мысли, обусловливается тѣми простѣйшими и естественными наблюденіями и сообщеніями, которыя непремѣнно долженъ дѣлать на каждомъ шагѣ самый слабый и нераз-

витой человѣческой умъ. Входя ежедневно въ дубовую рощу, дикарь непремѣнно долженъ наконецъ замѣтить, что всѣ деревья этой рощи до нѣкоторой степени похожи между собою; гоняясь ежедневно за буйволами или за оленями, дикарь непремѣнно долженъ наконецъ замѣтить, что всѣ олени или всѣ буйволы имѣютъ приблизительно однѣ и тѣ же хватки и привычки. Не зная никакихъ объясненій, кромѣ теологическихъ, дикарь очевидно, принужденъ объяснять себѣ замѣченное сходство тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ дубы находятся подѣ управленіемъ одного бога, всѣ олени повинуются приказаніямъ другого, всѣ буйволы признаютъ надъ собою господство третьяго. Всѣ отдѣльные дубы, буйволы и олени черезъ это еще не перестанутъ тотчасъ быть фетишами; надъ ними установится только вторая инстанція боговъ, къ которымъ можно будетъ обращаться съ жалобами и просьбами, и которые, вслѣдствіе этого, отнимутъ понемногу у подчиненныхъ фетишей всякое значеніе божественности. Міросозерцаніе теперешнихъ негровъ находится именно на рубежѣ между полнымъ фетишизмомъ и чистымъ политеизмомъ. Каждый горшокъ и каждый камушекъ можетъ сдѣлаться для негра предметомъ обожанія, и въ то же самое время у негра есть высшіе, невидимые боги, и у нѣкоторыхъ племенъ, неимѣвшихъ еще никакихъ постоянныхъ сношеній ни съ магометанами, ни съ европейскими миссіонерами, есть даже понятіе о творцѣ всей вселенной. Кромѣ того, мы можемъ замѣтить въ греческой мифологіи, составляющей извѣстный типъ самаго богатаго и развитаго политеизма, ясныя слѣды древняго фетишизма; во первыхъ, къ числу чистыхъ фетишей принадлежатъ *океанъ* и *земля*, которые постоянно остаются стихіями, и не принимаютъ на себя человѣческаго образа. Во вторыхъ, такими же чистыми фетишами оказываются домашніе боги, лары и пенаты, которыхъ божественность была привязана наглухо къ куску дерева, камня или глины.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что переходъ отъ фетишизма къ политеизму совершается чрезвычайно медленно, и что фетиши очень долго и упорно отстаиваютъ свое существованіе. Будучи гораздо малочисленнѣе фетишей, и завѣдуя гораздо болѣе обширными департаментами, боги политеизма гораздо меньше фетишей вмѣшиваются въ событія вседневной человѣческой жизни. Большая часть мелкихъ ежедневныхъ событій совершается, по мнѣнію политеиста, сама собою, и складывается сообразно съ обыкновенными свойствами окружающихъ предметовъ. Если, на примѣръ, глиняный горшокъ, падая на полъ, разбивается, то политеистъ не приписываетъ этого событія высшимъ силамъ, а видитъ въ немъ естественный результатъ столкновенія между твердымъ деревомъ и хрупкою глиною; такимъ образомъ, естественный элементъ отдѣляется отъ сверхъ-естественнаго; образуется понятіе о свойствахъ вещества и о законахъ, по которымъ совершаются обыкновенно различныя

явленія; вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ понятіе о *чудѣ*, которое для фетишиста не существовало, и которое становится возможнымъ только тогда, когда боги не окружаютъ смертнаго со всѣхъ сторонъ, и не вмѣшиваются ежеминутно въ каждое событіе его жизни. У фетишиста вмѣшательство боговъ было правиломъ; у политеиста оно становится исключеніемъ, довольно частымъ, но тѣмъ не менѣе изумительнымъ. Чтобы, такимъ образомъ, отвыгнуть понемногу отъ ежеминутныхъ и повсемѣстныхъ соприкосновеній съ богами, фетишисту надо было, очевидно, направить сначала свое обожаніе на такіе предметы, которые, хотя и видимы, однако, по своей отдаленности, не могутъ имѣть съ своими поклонниками никакихъ короткихъ отношеній. Такими предметами оказываются для фетишистовъ небесныя тѣла. Сабейзмъ или поклоненіе звѣздамъ (*astrolâtrie*) составляетъ обыкновенно естественный переходъ отъ фетишизма къ политеизму, потому что, поклоняясь небеснымъ тѣламъ, далекимъ и недоступнымъ, фетишистъ самъ хорошенько не знаетъ, чему именно онъ кланяется: обоготворенной звѣздѣ или же невидимому существу, управляющему этою звѣздою. Разница между фетишемъ и богомъ становится здѣсь нечувствительною. Привыкнувъ поклоняться звѣздамъ, люди, уже безъ особеннаго труда, осваиваются съ понятіемъ о далекихъ и невидимыхъ богахъ, неимѣющихъ опредѣленнаго мѣстопробыванія. Съ этого времени появляются первые признаки метафизическаго мышленія, потому что политеисту приходится, во первыхъ, олицетворять и обоготворять отвлеченныя понятія, а во вторыхъ, воображать себѣ, въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, отвлеченное свойство, образующее таинственную связь между этимъ неодушевленнымъ предметомъ и высшимъ, сверхъ-естественнымъ существомъ, въ которомъ заключается причина движенія и жизни.

III.

Умственное развитіе человѣчества начинается съ теологическихъ объясненій природы; политическое развитіе человѣчества начинается съ военныхъ предпріятій; какъ въ области мысли, такъ и въ области практической жизни, первобытному человѣку ненавистенъ правильный и терпѣливый трудъ, ведущій за собою медленное, но вѣрное пріобрѣтеніе знаній или богатствъ. Въ области мысли, первобытный человѣкъ умѣетъ только фантазировать, то есть давать совершенно произвольныя толкованія такимъ явленіямъ, въ которыя онъ не въ силахъ взглядываться и

вдумываться; въ области матеріальныхъ интересовъ, первобытный человекъ умѣетъ только отнимать у другихъ тѣ предметы, въ которыхъ онъ нуждается. Такъ какъ эти *другіе*, въ раннія эпохи до-исторической жизни, отличаются точно такими же вкусами и способностями, такъ какъ они точно также ненавидятъ трудъ и любятъ грабежъ, то, очевидно, первобытнымъ людямъ почти нечего и грабить другъ у друга. У нихъ нѣтъ почти ничего, кромѣ собственнаго тѣла; поэтому они и стараются отнимать другъ у друга это единственное достояніе. Побѣдитель обыкновенно убиваетъ и съѣдаетъ побѣжденнаго врага. Длинный рядъ столѣтій тратится такимъ образомъ на истребительныя войны людей, какъ между собою, такъ и съ дикими животными родныхъ тѣсовъ. Въ этой суровой школѣ безчеловѣчной войны и кровожадной охоты совершается первоначальное политическое воспитаніе нашей породы. Воспитаніе это заключается въ томъ, что дикіе фетишисты приучаются соединять въ общихъ предпріятіяхъ свои индивидуальныя силы. Эти общія предпріятія, въ то время, могутъ быть только военными. Когда раздѣленіе труда не существуетъ, когда каждый взрослый человекъ доставляетъ собственными усиліями себѣ и своему семейству все, что необходимо для поддержанія жизни, и когда вся экономическая дѣятельность взрослого заключается только въ убиваніи, обдираніи и разрываніи дикихъ животныхъ, тогда, очевидно, отдѣльныя личности составляютъ общество, и подчиняются какой нибудь власти только затѣмъ, чтобы отразить постороннее насиліе, или же затѣмъ, чтобы съ полнымъ успѣхомъ ограбить и передуть своихъ сосѣдей. Эта первобытная ассоціація разбойниковъ и людоедовъ относится къ цивилизованному обществу такъ точно, какъ первобытныя фантазіи фетишиста относятся къ міросозерцанію современнаго естествоиспытателя.

Какъ разбойничья ассоціація, такъ и грубый фетишизмъ, при всемъ своемъ крайнемъ безобразіи, составляютъ двѣ совершенно необходимыя и единственно-возможныя исходныя точки всего дальнѣйшаго развитія, съ одной стороны—политическаго, съ другой стороны умственнаго. Члены цивилизованнаго общества связаны между собою своими потребностями, которыя могутъ находить себѣ удовлетвореніе только въ обществѣ; но эти потребности, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя, возникаютъ и укрѣпляются въ человекѣ только тогда, когда онъ живетъ въ обществѣ; у дикаря потребности очень несложны, и онъ умѣетъ удовлетворять ихъ безъ посторонней помощи; стало быть, втянуть дикаря въ общество могутъ только чувство самосохраненія и хищныя влеченія; то есть, оборонительная и наступательная войны составляютъ неизбѣжную, хотя и непохвальную, цѣль всякаго первобытнаго общества.

Какъ въ отношеніи къ умственному, такъ и въ отношеніи къ политическому развитію, дикарь, при самомъ началѣ своего поприща, попа-

даетъ въ заколдованный кругъ (*cercle vicieux*), который разбивается въ первомъ случаѣ теологическою философіею, а во второмъ — воинственными инстинктами. Въ дѣлѣ умственнаго развитія вопросъ ставится такъ: чтобы наблюдать, нужна теорія; а чтобы составить теорію, нужны наблюденія. Теологическая философія выводитъ человѣка изъ этого затрудненія, давая ему готовую теорію, составленную силою фантазіи, помимо наблюденія. Въ дѣлѣ политическаго развитія вопросъ ставится слѣдующимъ образомъ: чтобы войти въ общество, надо чувствовать извѣстныя потребности, а чтобы воспитать въ себѣ эти потребности, надо сначала пожить въ обществѣ. Воинственные инстинкты устраняютъ это затрудненіе, составляя хищныя шайки изъ тѣхъ людей, которые еще неспособны смотрѣть на общество, какъ на ассоціацію производителей и потребителей. Соединившись въ хищныя шайки, дикари переходятъ по немногу отъ охотничьей жизни къ пастушеской, и отъ пастушеской къ земледѣльческой. Какимъ образомъ совершаются эти переходы, то есть, какою побудительною причиною они обусловливаются, и какія обстоятельства наводятъ дикарей на плодотворную мысль приручать животныхъ и разводить хлѣбныя растенія — этого мы, по всей вѣроятности, никогда не узнаемъ. По этимъ вопросамъ возможны только предположенія, не допускающія никакой обстоятельной повѣрки. О томъ, какъ совершились эти переходы у теперешнихъ цивилизованныхъ народовъ, мы, конечно, не имѣемъ и не можемъ имѣть никакихъ историческихъ свѣдѣній. Прямые наблюденія надъ теперешними дикарями также не могутъ дать намъ на эти вопросы никакихъ точныхъ отвѣтовъ. Въ территоріяхъ, принадлежащихъ Сѣверо-Американскимъ штатамъ, нѣкоторыя индѣйскія племена переходятъ, конечно, отъ бродячей, охотничьей жизни къ осѣдлому, земледѣльческому быту; изучить причины и условія этихъ переходовъ очень удобно; но къ чему же привести это изученіе? Эти индѣйцы находятся въ соприкосновеніи съ иностранною высоко развитою цивилизаціею; именно вліяніе этой цивилизаціи заставляетъ ихъ переходить отъ одного быта къ другому; эта же самая цивилизація даетъ имъ, въ готовомъ видѣ, тѣ знанія, тѣ сѣмена, и тѣ орудія, которыя необходимы для перехода. Словомъ, въ задачу введенъ новый элементъ, который измѣняетъ ее такъ радикально, что самое тщательное изученіе *этой* задачи нисколько не можетъ подвинуть насъ впередъ въ вопросѣ о томъ, какъ совершались переходы въ жизни дикарей, неимѣвшихъ соприкосновеній съ высшими цивилизаціями. Если же отправиться въ область гипотезъ, то, разумѣется, самую правдоподобною окажется та, которая объясняетъ эти переходы приращеніемъ народонаселенія и увеличившимися потребностями питанія. Контъ вооружается противъ этой гипотезы, старается доказать ея нераціональность, и противопоставляетъ ей свою собственную гипотезу. Но какъ

возраженія Конта, такъ и его собственная попытка объяснить переходъ отъ бродячей жизни къ осѣдлой, замѣчательны по своей неудачности.

Главное возраженіе Конта состоитъ въ томъ, что никакая потребность, какъ бы она ни была сильна, не можетъ создать въ человѣкѣ новую способность. „Въ данномъ случаѣ, говоритъ Контъ, человѣкъ постарался бы избавиться отъ избытка населенія болѣе частымъ употребленіемъ тѣхъ ужасныхъ средствъ, къ которымъ онъ обращается даже въ болѣе цивилизованныя времена, вмѣсто того, чтобы промѣнять кочевую жизнь на земледѣльческую до тѣхъ поръ, пока его не подготовило къ тому достаточнымъ образомъ его умственное и нравственное развитіе“ (Phil. pos. T. V. p. 63). Контъ былъ совершенно неизвѣстенъ дарвиновскій принципъ *естественнаго выбора*, принципъ, который, безъ сомнѣнія, произведетъ переворотъ не только въ ботаникѣ и въ зоологіи, но и въ пониманіи исторіи. *Ужасныя средства*, о которыхъ упоминаетъ Контъ, заключались, конечно, въ истребительныхъ войнахъ, въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ и въ людоедствѣ. Очень правдоподобно, что всѣ эти средства дѣйствительно употреблялись, и что цѣлыя многочисленные племена, завидя между собою непримиримую вражду за охотничьи мѣста или за пастбища, то есть, вообще за средства пропитанія, совершенно стирали другъ друга съ лица земли. Исторія Сѣверо-Американскихъ туземцевъ переполнена такими примѣрами. *Естественный выборъ* уничтожаетъ, такимъ образомъ, тѣ племена, которыя не могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, и сохраняетъ тѣ племена, или тѣ остатки племенъ, которыя умѣютъ найдти выходъ изъ даннаго затрудненія. Сотни или тысячи сильныхъ и даровитыхъ дикарей погибаютъ именно отъ того, что они даровиты и сильны, именно отъ того, что дикая, кочевая жизнь развила въ ихъ крѣпкихъ организмахъ такія неукротимыя страсти, которыя не могутъ уложиться въ узкую и скромную рамку осѣдлаго существованія. Сживаются же съ новыми условіями и оставляютъ по себѣ потомство, быть можетъ, именно посредствомъ, вялыя и флегматическія натуры, у которыхъ нѣтъ преобладающей органической страсти къ приключеніямъ, тревогамъ и опасностямъ кочевого быта. Легко можетъ быть, что переходъ отъ пастушества къ земледѣлю требуетъ со стороны дикарей не какой нибудь новой способности, а только нѣкотораго ослабленія старыхъ страстей. Естественный выборъ уничтожаетъ тѣхъ людей, въ которыхъ эти страсти особенно сильны, и тогда переходъ становится возможнымъ. Но, такъ какъ дѣйствующею силою въ естественномъ выборѣ является непременно гнетъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и преимущественно голода, вытекающаго изъ многолюдства, то возраженіе Конта оказывается несостоятельнымъ. Объяснительная гипотеза Конта еще болѣе неудачна. „Непосредственное обожаніе внѣшняго міра, говоритъ Контъ, болѣе специально

направленное, по своей природѣ, къ ближайшимъ и самымъ употребительнымъ предметамъ, должно, конечно, развивать, въ высокой степени эту долю, сначала очень слабую, человѣческихъ наклонностей, которая инстинктивно привязываетъ насъ къ родной землѣ. Трогательная скорбь, которую такъ часто выражали, въ древнихъ войнахъ, побѣжденный, поставленный въ необходимость оставить боговъ-покровителей, относилась преимущественно не къ отвлеченнымъ и общимъ существамъ, которыхъ онъ могъ найдти вездѣ, какъ напримѣръ, Юпитера, Минерву, и пр.; — эта скорбь прилагалась гораздо больше къ такъ называемымъ домашнимъ богамъ, и преимущественно къ богамъ очага, то есть, къ чистымъ фетишамъ.“ (Phil. pos. V, 64.)

Невозможно понять, какимъ образомъ обожаніе ближайшихъ предметовъ можетъ развить въ кочевомъ племени наклонность къ осѣдлой жизни, или привязанность къ родной землѣ. Представьте себѣ, что какой нибудь киргизъ обожаетъ ближайшіе предметы, напримѣръ, то сѣдло, на которомъ онъ сидитъ, или ту кибитку, въ которой путешествуетъ его семейство и весь его домашній скарбъ: спрашивается, почему же киргизъ, изъ обожанія къ сѣдлу и къ кибиткѣ, прикрѣпитъ это обожаемое сѣдло къ одному опредѣленному мѣсту и превратитъ обожаемую кибитку въ неподвижное жилище? — Сколько бы онъ ни обожалъ эти ближайшіе предметы, это обожаніе нисколько не помѣшаетъ ему постоянно перевозить ихъ съ собою съ одного мѣста на другое. Какимъ образомъ обожаніе киргиза можетъ направить на извѣстный холмъ, лугъ или ручей, то есть, вообще на опредѣленную мѣстность, это также совершенно непонятно. Сегодня киргизъ пришелъ на стоянку; дня черезъ три онъ переходитъ на другое мѣсто: неужели же въ эти три дня онъ можетъ проникнуться къ данной мѣстности такимъ обожаніемъ, которое заставить его передѣлать всѣ свои привычки и отказаться отъ того образа жизни, который завѣщали ему его предки? — Чтобы полюбить данную мѣстность, надо предварительно сдѣлаться осѣдлымъ жителемъ. Любовь къ родной землѣ есть *слѣдствіе* осѣдлой жизни; поэтому, объяснить переходъ къ земледѣлю любовью къ землѣ — значить принимать слѣдствіе за причину. Трогательная скорбь древнихъ грековъ, разлучающихся съ родиною и съ домашними фетишами, ровно ничего не доказываетъ. Домашній фетишъ сдѣлался для нихъ эмблемою родины именно потому, что они уже съ незапамятныхъ временъ сдѣлались осѣдлымъ народомъ. Это значеніе фетишей доказываетъ только то, что, вмѣстѣ съ образомъ жизни народа, измѣняется характеръ его религіи. Но чтобы фетишъ могъ внушить любовь къ родной землѣ кочевому народу, то есть, такимъ людямъ, у которыхъ, собственно говоря, никогда не было родной земли, этого, конечно, не сдумаетъ доказать ни одинъ мыслитель и ни одинъ діалектикъ въ цѣломъ мірѣ. Причины, побудившія дикихъ фети-

шистовъ принятыя за земледѣліе, остаются, такимъ образомъ, неразъясненными, и неудача Конта доказываетъ намъ особенно наглядно, что всего благоразумнѣе совершенно отказаться отъ рѣшенія такихъ вопросовъ, которые не допускаютъ прямого изслѣдованія. Весь періодъ фетишизма такъ далекъ отъ насъ, и такъ мало понятенъ намъ по своему характеру, что всѣ наши гипотезы, относящіяся къ этому періоду, оказываются въ высшей степени сомнительными.

IV.

Подъ вліяніемъ наблюденій и невольныхъ обобщеній, фетишизмъ превращается понемногу въ политеизмъ; матерія перестаетъ жить самостоятельною жизнью и подчиняется волѣ многихъ высшихъ невидимыхъ существъ, надѣленныхъ всѣми человѣческими страстями, слабостями и потребностями. Эта вторая фаза теологической философіи гораздо болѣе первой доступна изученію. Политеизмъ наполняетъ собою всю древнюю исторію; подъ вліяніемъ политеизма сложились великія теократіи Индіи и Египта, развернулась умственная жизнь древней Греціи и выросло политическое могущество Рима. Вступая въ періодъ политеизма; люди были дикарями, едва знакомыми съ первыми начатками грубой промышленности и патріархальной общественности. Выходя изъ періода политеизма, люди живутъ уже въ огромныхъ государствахъ, имѣютъ чрезвычайно сложныя системы административныхъ и судебныхъ учреждений, обсуживаютъ и рѣшаютъ запутанные общественные вопросы, пускаются въ дальновидныя политическія соображенія, ведутъ обширную торговлю, фабрикуютъ предметы самой утонченной роскоши, сооружаютъ громадныя зданія, создаютъ великолѣпнѣйшія статуи и картины, пишутъ поэмы и эпиграммы, философскія разсужденія и историческія сочиненія, математическіе трактаты и критическіе комментаріи. — Вступая въ періодъ политеизма, всѣ люди были одинаково грубы и дики; всѣ были похожи одинъ на другого, какъ по образу жизни, такъ и по умственному развитію. Выходя изъ этого періода, люди распадаются уже на множество различныхъ категорій и подраздѣленій: тутъ есть уже знать и чернь, аристократы и демократы, монархисты и республиканцы, ученые и невѣжды, жрецы и поклонники, милліонеры и голодные пролетаріи. Словомъ, тутъ мы узнаемъ *цивилизацию* со всѣми ея роскошными задатками будущаго развитія и со всѣми ея грязными и кровавыми пятнами, которыя потомкамъ придется отмывать или залѣчивать. Всѣ эти проявле-

нія цивилизаціи возникли, или, по крайней мѣрѣ, развернулись во время господства политеизма; на всѣхъ этихъ проявленіяхъ лежитъ печать его вліянія. Разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ это вліяніе — значить опредѣлить настоящій характеръ и историческое значеніе политеизма.

Развитіе науки начинается подъ господствомъ политеизма. Наукою называется сознательное и систематическое исканіе законовъ природы.

Чтобы приступить къ этому исканію, надо прежде всего предположить, что неизмѣнные законы существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ существовать. Это первое предположеніе было невозможно въ періодъ фетишизма, когда каждая частица матеріи жила своею личною, измѣнчивою и капризною жизнью, когда, напримѣръ, рѣка мерзла или не мерзла, вѣтеръ дулъ или не дулъ, градъ падалъ или не падалъ, смотря по личнымъ желаніямъ или соображеніямъ тѣхъ фетишей, которые назывались рѣкою, вѣтромъ или градомъ. Фетишизмъ допускалъ только тѣ случайныя и разрозненныя наблюденія, которыя врываються въ сознаніе человѣка и укореняются въ его памяти помимо его собственнаго желанія. Человѣкъ не могъ не замѣтить, напримѣръ, что рѣка замерзаетъ именно тогда, когда онъ, человѣкъ, чувствуетъ сильное ощущеніе холода; онъ не могъ не замѣтить, что, во время замерзанія рѣки, деревья всегда обнажены и земля покрыта поблекшею, желтою травою; онъ не могъ не замѣтить, что въ это же время и дни всегда становятся короче ночей. Эти наблюденія, невольныя и неизбѣжныя, конечно, не могутъ быть названы даже и началомъ науки; однако же эти наблюденія наносятъ жестокой ударъ первобытному фетишизму и, такимъ образомъ, сворачиваютъ съ дороги то препятствіе, при существованіи котораго наука не можетъ ни развернуться, ни даже возникнуть. Фетишистъ видитъ, что и вода, и деревья, и трава, и температура воздуха, и величина дней и ночей измѣняются одновременно, и эту одновременность онъ замѣчаетъ не одинъ разъ, не два раза, а постоянно, изъ года въ годъ. Ему приходится непременно предположить одно изъ двухъ: или вода, деревья, трава, воздухъ, солнце стовариваются между собою или же они всѣ находятся подъ командою у какого нибудь высшего начальника; въ сущности, оба предположенія сводятся къ одному, именно — къ тому, что какая-то причина заставляетъ постоянно воду, деревья, траву, воздухъ и солнце дѣйствовать заодно; а такъ какъ первобытный человѣкъ не можетъ себѣ представить никакой причины, кромѣ чьей нибудь личной воли, то въ результатъ и получается непременно очень большой и очень сильный начальникъ, который не живетъ ни въ водѣ, ни въ деревьяхъ, ни въ травѣ, ни въ воздухѣ, ни въ солнцѣ, а гдѣ-то внѣ этихъ предметовъ и надъ ними. — Но всякій дикарь знаетъ очень хорошо, что начальникъ только тогда и можетъ называться начальникомъ, когда у него есть подчиненные. На что же бы это, въ са-

момъ дѣлѣ, было похоже, если бы главному начальнику приходилось самому бѣгать ко всѣмъ фетишамъ и напоминать водѣ, что ей пора мерзнуть, травѣ, что ей пора желтѣть, деревьямъ, что имъ пора ронять листья на землю? Необходимо предположить, что у главнаго начальника множество разныхъ помощниковъ и адъютантовъ, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ рѣками, другой моремъ, третій вѣтромъ, четвертый травой, пятый деревьями, шестой солнцемъ, и такъ далѣе. Когда вся эта іерархія оказывается окончательно сформированною, тогда, разумѣется, фетиши сначала превращаются въ жалкое и безгласное податное сословіе, а потомъ, мало по малу, совершенно утрачиваютъ свое существованіе. Тогда матерія становится простою, бездушною матеріею, подчиненною высшему начальству; тогда становятся возможными разсужденія о свойствахъ этой матеріи; тогда рождается понятіе о постоянныхъ законахъ, которые главный начальникъ, конечно, всегда можетъ отмѣнить или приостановить, но которыхъ онъ однако обыкновенно не отмѣняетъ и не приостанавливаетъ.

Сознательное, *научное* изслѣдованіе, такимъ образомъ, получаетъ нѣкоторый просторъ, но само собою разумѣется, что просторъ этотъ очень невеликъ, и что послѣдовательное проведеніе новорожденной идеи о постоянныхъ законахъ совершенно невозможно и даже немислимо, потому что это послѣдовательное проведеніе разрушило бы не только все зданіе политеистической мифологіи, но даже и общій фундаментъ всякой теософіи. „Законъ самъ по себѣ, думаетъ догадливый политеистъ, а все-таки, если я хорошенько попрошу главнаго начальника, или даже когонибудь изъ старшихъ помощниковъ, то они, какъ добрые люди, приостановятъ для меня дѣйствіе закона и сдѣлаютъ, на примѣръ, такъ, что вѣтеръ утихнетъ, что молнія не ударитъ въ мой домъ, что голодная саранча не опустится на мою пшеницу.“ Само собою разумѣется, что это размышленіе политеиста кладетъ предѣлъ научному изслѣдованію и подвергаетъ очень серьезной опасности тѣхъ слѣпыхъ мыслителей, которымъ удастся въ собственномъ умѣ перешагнуть черезъ этотъ предѣлъ. Какъ только возникаетъ *сознательное* изслѣдованіе, такъ обозначается тотчасъ же естественная и непримиримая вражда между наукою и теософіею, вражда, которая можетъ окончиться только совершеннымъ истребленіемъ одной изъ воюющихъ сторонъ. Все, что выигрываетъ наука, то теряетъ теософія; а такъ какъ наука, со временъ до-историческаго фетишизма, выиграла очень много, то надо полагать, что ея противница потеряла также не мало. Дѣйствительно, вся исторія человѣческаго ума, а слѣдовательно, и человѣческихъ обществъ, есть не что иное, какъ постоянное усиленіе науки, соотвѣтствующее такому же постоянному ослабленію теософіи, которая, при вступленіи человѣ-

чества въ исторію, пользовалась всеобъемлющимъ и безраздѣльнымъ могуществомъ.

Несмотря на этотъ вѣчный и роковой антагонизмъ, теософія, сама того не замѣчая и не желая, постоянно вручала своей противницѣ оружіе и собирала для нея матеріалы, которыми наука постоянно пользовалась съ свойственными ей одной неподкупностью, неумолимостью, неблагодарностью и коварствомъ.

Полудикій человѣкъ, только-что отдѣлавшійся отъ грубѣйшаго фетишизма, не могъ приняться прямо за астрономическія наблюденія или за анатомическія изслѣдованія. Какой интересъ онъ могъ находить въ движеніи небесныхъ свѣтилъ или въ расположеніи сердца, печени, селезенки и легкихъ въ тѣлѣ барана? Во первыхъ, никто не могъ ему объяснить, что его прапраправнуки будутъ нуждаться въ астрономическихъ познаніяхъ для навигаціи, а въ анатомическихъ свѣдѣніяхъ для леченія болѣзней. Во вторыхъ, если бы даже кто нибудь и могъ дать ему эти объясненія, то онъ, по всей вѣроятности, отвѣчалъ бы очень спокойно, что желаетъ жить для самого себя, а не для своихъ прапраправнуковъ, которыхъ ему никогда не придется увидѣть въ глаза. Что же касается до безкорыстной любознательности, то она, для круглаго невѣжды и для человѣка никогда не мыслившаго, совершенно невозможна, потому что въ наукѣ, какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ чело-вѣческой дѣятельности, *l'appetit vient en mangeant*. Такимъ образомъ, наука рисковала остаться на мели, но къ ней подоспѣла на помощь добродушная теософія, ухитрившаяся внушить своему полудикому воспитаннику ту заманчивую мысль, что звѣзды имѣютъ постоянное и самое рѣшительное вліяніе на всю его судьбу и что по внутренностямъ зарѣзаннаго барана можно читать, какъ по раскрытой книгѣ, всю будущность отдѣльныхъ личностей или даже цѣлыхъ племенъ. Чѣмъ глубже невѣжество чело-вѣка, чѣмъ слабѣе работаетъ его мысль, чѣмъ полновластнѣе господствуетъ надъ его умомъ теософія, созданная его фантазією, тѣмъ рельефнѣе и непоколебимѣе проявляется въ чело-вѣкѣ та простодушная увѣренность, что весь міръ сотворенъ именно для него, и что все высшее начальство постоянно заботится объ его участи, постоянно слѣдитъ за его поведеніемъ, постоянно подаетъ ему разные сигналы, и постоянно готово отвѣчать ему тѣмъ или другимъ путемъ на всѣ его скромные или нескромные вопросы. Этихъ сигналовъ и отвѣтовъ политеистъ ищетъ и въ узорахъ звѣзднаго неба, и въ полетѣ различныхъ птицъ, и въ кишкахъ жертвеннаго животнаго, и въ безсвязныхъ словахъ полоумной пифии, и въ безтолковыхъ сновидѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ переполненнаго желудка. Кто во всемъ видитъ совѣтъ сверху или предзнаменованіе, тотъ, разумѣется, на всякую мелочь долженъ обращать вниманіе. Понятно, что эта постоянная внимательность, возбужденная теософією,

собираетъ безсознательно богатѣй запасы сырыхъ матеріаловъ, которыми, рано или поздно, сумѣетъ воспользоваться наука. Ученая дѣятельность великаго Гипократа представляетъ намъ очень яркій примѣръ того искусства, съ которымъ наука, прямо изъ рукъ теософіи, беретъ собранные ею матеріалы, составляющіе для самой теософіи мертвый капиталъ. Больные, лежавшіе въ храмахъ Асклеіа или Эскулапа и получившіе облегченіе, имѣли привычку, послѣ выздоровленія, описывать свои страданія и оставлять эти описанія въ храмѣ, для прославленія вылечившаго ихъ божества. Въ этихъ храмахъ набрались цѣлыя груды подобныхъ описаній; Гипократъ объѣхалъ всѣ эти храмы, тщательно изучилъ накопившіяся въ нихъ описанія, провѣрилъ ихъ своими личными наблюденіями и составилъ, на основаніи этихъ богатыхъ матеріаловъ, тѣ великолѣпныя характеристики различныхъ болѣзней, которыя своею точностью и наглядностью до сихъ поръ изумляютъ и восхищаютъ лучшихъ представителей медицины.

V.

Съ *искусствомъ* теософія всегда жила въ добромъ согласіи, а политеизмъ, болѣе чѣмъ какая либо другая фаза теософіи, своимъ вліяніемъ благоприятствовалъ и содѣйствовалъ развитію всѣхъ различныхъ отраслей художественнаго творчества. Политеизмъ вызывалъ постоянную и напряженную дѣятельность человѣческаго воображенія, которому приходилось рѣшать безапелляціонно всѣ вопросы общаго міросозерцанія. Не трудно понять, что политеизмъ предоставлялъ работѣ воображенія гораздо больше простора, чѣмъ фетишизмъ. Фетишистъ, одушевляя прямо видимые предметы, принужденъ былъ ограничивать свои фантазіи тѣмъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что ему мерещилось. Для политеиста, напротивъ того, не существовало никакой границы; онъ фантазировалъ совсѣмъ не о тѣхъ предметахъ, которые находились передъ его глазами: для него было открытъ міръ невидимыхъ существъ, въ которыхъ онъ, разумѣется, могъ распоряжаться, какъ ему было угодно. Фетишь былъ привязанъ къ извѣстному мѣсту, и поэтому объ немъ трудно было сочинить какіе нибудь сложные и замысловатые мифы; трудно, въ самомъ дѣлѣ, было, напримѣръ, придумать, что дерево вышло замужъ за камень, и потомъ, вмѣстѣ съ этимъ камнемъ ведетъ войну противъ рѣки. Эти выдумки показались бы нескладными и неправдоподобными самому грубому фетишисту, который видѣлъ бы, что дерево, камень и рѣка не имѣютъ между собою ни малѣйшаго со-

прикосновенія. Напротивъ того, невидимымъ существамъ можно было съ величайшимъ удобствомъ приписывать всевозможныя свадьбы, ссоры, драки, кутежи, путешествія и всякія другія приключенія, составляющія весь интересъ обыкновенной жизни тогдашняго времени. Словомъ, самое роскошное развитіе мифологіи возможно только въ періодъ политеизма. Тутъ это роскошное развитіе не только возможно, но даже и необходимо.

Если бы догматическая часть политеизма заключалась только въ сухой и безцвѣтной номенклатурѣ боговъ, управляющихъ различными департаментами природы, то политеизмъ, очевидно, не могъ бы имѣть никакого опредѣленнаго вліянія ни на умственную жизнь отдѣльныхъ личностей, ни на общественную жизнь цѣлыхъ націй. Поэты непременно должны были довершить дѣло теософовъ; когда, для объясненія какого нибудь явленія, теософы создавали новое божество, тогда поэты тотчасъ овладѣвали этимъ новымъ созданиемъ и обрабатывали во всѣхъ подробностяхъ его фізіономію, его костюмъ, его характеръ, его наклонности и атрибуты, его отношенія къ людямъ, его положеніе въ общей іерархіи безсмертныхъ, и всѣ различныя приключенія его жизни, въ которыхъ обнаруживаются его индивидуальныя особенности. Постоянно опираясь, такимъ образомъ, на поэзію, теософія, конечно, постоянно должна была относиться къ ней съ величайшею благосклонностью. Художники и преимущественно поэты считались въ древности любимцами боговъ и самыми компетентными истолкователями ихъ воли. Разрабатывая такимъ образомъ мифы, поэзія, кромѣ того, должна была, заодно съ теософіею, выяснять и распространять нравственное ученіе, вытекающее изъ основныхъ догматовъ господствующей доктрины. Эта задача досталась на долю поэзіи только тогда, когда уже совершилось превращеніе фетишизма въ политеизмъ.

Фетишизмъ не могъ имѣть значительнаго вліянія на нравственныя понятія людей, и, вслѣдствіе этого, поэзія фетишистовъ, не имѣя возможности прислониться съ этой стороны къ господствующей теософіи, принуждена была оставлять почти нетронутою область частной и общественной нравственности, которую она, со временъ политеизма, навсегда присоединила къ своимъ владѣніямъ. Почему фетишизмъ не дѣйствовалъ на нравственныя понятія—объяснить не трудно. Какое дѣло могло быть какому нибудь фетишу, напримѣръ, рѣкѣ, камню, дереву—до того, хорошо или дурно будетъ вести себя одинъ человѣкъ въ отношеніи къ другому человѣку? Фетишь могъ требовать себѣ извѣстныхъ знаковъ уваженія и оскорбляться непочтительными поступками, направленными лично противъ него, но онъ никакъ не могъ превратиться въ повсемѣстнаго блюстителя справедливости, цѣломудрія и всякой нравственной чистоты, не могъ именно потому, что имѣлъ слишкомъ частное значе-

не, былъ прикрѣпленъ къ опредѣленному мѣсту и окруженъ множествомъ другихъ, равносильныхъ фетишей. Дикарь легко могъ вообразить, что рѣка сердится, когда въ нее бросаютъ какую нибудь гадость, но ему никакъ не могло придти въ голову, что рѣка будетъ на него въ претензи, если онъ украдетъ у своего сосѣда топоръ или лопату; не могло придти потому, что онъ, дикарь, нисколько не прогнѣвался бы на своего сосѣда, если бы тотъ обокралъ какое нибудь третье лицо. Наблюденіе путешественниковъ подтверждаютъ, какъ нельзя лучше, вѣрность этихъ замѣчаній. Нравственныя понятія чрезвычайно смутны у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Многіе невиннѣйшіе поступки считаются тяжелыми преступленіями, и въ то же время, многіе поступки, чрезвычайно вредныя для отдѣльныхъ личностей и для цѣлаго общества, кажутся предосудительными только тому человѣку, которому они наносятъ прямой ущербъ. Такъ напримѣръ, у камчадаловъ, по словамъ Вайца (*Anthropologie der Naturvölker*, I, 324), не позволяется ткнуть ножемъ въ кусокъ угля, или отскребать ножемъ снѣгъ отъ башмаковъ, и въ то же время, многіе грубѣйшіе пороки считаются совершенно позволительными. Въ той же книгѣ (I, 376) Вайцъ рассказываетъ, что у одного бушмена спросили: что такое добро, и что такое зло?—Бушмень подумалъ и отвѣчалъ: когда я ворую женъ у другихъ людей, — это добро; а когда у меня воруютъ жену—это зло. — Понятіе добра отождествляется такимъ образомъ съ пріятнымъ ощущеніемъ, а понятіе зла съ непріятнымъ; въ своемъ *основномъ принципѣ*, разсужденіе бушмена совершенно вѣрно, но бушмень грѣшитъ тѣмъ, что у него не хватаетъ предусмотрительности, вслѣдствіе чего онъ и рискуетъ поплатиться за минутное наслажденіе продолжительными страданіями. Такъ напримѣръ, идя *дѣлать добро* (то есть, воровать чужихъ женъ), онъ рискуетъ *надѣлать очень много зла* (т. е., сильно помять себѣ бока кулаками и дубинами обворованныхъ мужей). Это отсутствіе предусмотрительности составляетъ единственное существенное различіе между нравственными понятіями бушмена съ одной стороны, и послѣдовательнаго европейскаго утилитариста съ другой стороны. Изъ этого основнаго различія вытекаютъ всѣ остальные несходства ихъ нравственнаго кодекса. Существенное же сходство ихъ нравственныхъ понятій заключается въ томъ, что бушмень, какъ грубый фетишистъ, и послѣдовательный утилитаристъ, какъ человѣкъ, совершенно освободившійся отъ теософической опеки, оба не ожидаютъ себѣ свыше ни награды за добро, ни наказанія за зло. У бушмена область между-человѣческихъ отношеній еще не подошла подъ господство теософіи: у утилитариста эта область уже вышла изъ-подъ этого господства; бушмень и утилитаристъ, сходные между собою по *основному принципу* нравственности, стоятъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ историческаго развитія; и бушменскому племени, если оно двинется впередъ по дорогѣ

къ практическому позитивизму или утилитаризму, придется на долю от-
казаться отъ того *основнаго принципа*, къ которому со временемъ, че-
резъ нѣсколько столѣтій, непременно надо будетъ придти обратно. Буш-
мену надо сначала ввести въ нравственные понятія элементъ теософи-
ческой опеки; и это введеніе совершается именно тогда, когда изъ фе-
тишизма вырабатывается политеизмъ. Когда человѣкъ составляетъ себѣ
понятіе о такихъ существахъ, которыя издали управляютъ стихіями,
посылаютъ дождь и градъ, бурю и саранчу, урожай и голодъ, здоровье
и болѣзнь, радость и горе, удачу и неудачу, тогда человѣку уже очень
не трудно вообразить себѣ, что эти существа, одаренныя необыкновен-
ною зоркостью, чуткостью и воспримчивостью, способны управлять судь-
бою своихъ поклонниковъ, и то наказывать, то награждать людей за
ихъ поступки въ отношеніи къ другимъ людямъ. Тогда возникаетъ по-
нятіе нравственнаго закона; санкціею этого закона оказывается воля
бессмертныхъ; и поэзія, прислоняясь къ теософіи, начинаетъ разъяснять
и обобщать отдѣльныя статьи установившагося кодекса.

Доктрина политеизма, состоявшая цѣликомъ изъ яркихъ и конкрет-
ныхъ образовъ и не заключавшая въ себѣ никакихъ туманныхъ отвле-
ченностей и логическихъ тонкостей, была въ высшей степени доступна
пониманію массъ, и, вслѣдствіе этого, пользовалась въ свое время такою
громадною популярностью, какой не достигла впоследствии никакая
другая философія. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ тѣ вре-
мена, когда слагались гомеровскія пѣсни, всѣ греки, отъ перваго до
послѣдняго, отъ самаго богатаго до самаго бѣднаго, отъ самаго умнаго
до самаго глупаго, одинаково пламенно и простодушно вѣрили въ одни
и тѣ же мифы и плѣнялись одними и тѣми же идеалами красоты, му-
жества, смѣтливости и всякихъ другихъ физическихъ и нравственныхъ
совершенствъ. Въ цвѣтущее время католической теософіи, такого пол-
наго единодушія между массою и ея вождями не было и не могло быть,
потому что высшіе теософическія умозрѣнія, поглощавшія силы вождей, по-
стоянно оставались непонятными для массы, которая удовлетворялась по
прежнему довольно грубымъ политеизмомъ, замѣнившимъ, на примѣръ,
бога Януса—святымъ Януаріемъ, а богиню Цереру — лоретскою мадон-
ною. Обширная популярность стараго политеизма, очевидно, составляла
одну изъ самыхъ важныхъ причинъ процвѣтанія искусства. Художникъ
тѣхъ временъ могъ обращаться съ своими произведеніями къ уму и
чувству цѣлаго народа, и цѣлый народъ, отъ правителя государства до
послѣдняго пастуха, видѣлъ въ даровитомъ художникѣ достойнаго вы-
разителя общенародныхъ и всѣмъ понятныхъ, дорогихъ и близкихъ идей,
вѣрованій и стремленій. Всякій афинскій ремесленникъ могъ восхищаться
совершенно сознательно мускулами Геркулеса или грудью Венеры; но
чтобы понимать выраженіе лица рафаэлевскихъ мадоннъ, надо предва-

рительно познакомиться съ такими мыслями и съ такими чувствами, которыми мужику заниматься некогда и не зачѣмъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что процвѣтаніе искусства, во времена политеизма, обуславливается четырьмя главными причинами: *первая* — толчекъ, данный политеизмомъ человѣческому воображенію; *вторая* — участіе поэзіи въ выработываніи догматическихъ подробностей; *третья* — подчиненіе между-человѣческихъ отношеній теософическому вліянію; *четвертая* — обширная и единственная въ своемъ родѣ популярность политеизма. — Этими четырьмя причинами объясняются очень удовлетворительно всѣ чудеса греческой поэзіи и греческой скульптуры.

VI.

Въ древнемъ мірѣ война была неизбѣжна и необходима. Въ періодъ фетишизма, война вывела отдѣльныя семейства изъ уединенія и сгруппировала ихъ въ небольшія общества. Въ періодъ политеизма, война должна была связать эти разрозненныя группы людей въ большія государства, внутри которыхъ сдѣлался бы возможнымъ обширный, постоянный и плодотворный обмѣнъ продуктовъ и идей.

Европеецъ XIX вѣка, мало знакомый съ фізіономією и характеромъ древности, можетъ усомниться въ необходимости этого связыванія; онъ можетъ подумать, что всякаго рода обмѣны и сношенія были совершенно совмѣстимы съ существованіемъ множества отдѣльныхъ и независимыхъ политическихъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же мѣшаетъ, на примѣръ, нѣмцу завести банкирскій домъ во Франціи, англичанину — открыть машинную фабрику въ Россіи, русскому — слушать лекціи въ нѣмецкомъ университетѣ, и такъ далѣе? Нѣтъ, очевидно, никакой надобности соединять Россію, Германію, Францію и Англію въ одну громадную имперію для того, чтобы облегчить или усилить международныя сношенія.

Разсужденіе это очень вѣрно, но къ древности оно не прилагается. Въ древности существовали только двѣ политическія формы: на востокѣ — огромныя монархіи, въ которыхъ гражданинъ имѣлъ право жить до тѣхъ поръ, пока начальство не посадитъ его на колъ, и владѣть имуществомъ до тѣхъ поръ, пока начальство не отберетъ его въ казну; на западѣ — крошечныя республики, величиною съ небольшою русскою уѣздъ, республики, въ которыхъ гражданинъ пользовался болѣе обширными правами, но въ которыхъ всѣ права принадлежали именно только коренному гражданину, а никакъ не пріѣзжимъ иностранцамъ. Каждый

гражданинъ становился безправнымъ иностранцемъ на разстояніи какихъ нибудь тридцати или сорока верстъ отъ той площади, на которой онъ, какъ членъ державнаго народа (*peuple souverain*), рѣшалъ судьбу цѣлаго государства. Афинянинъ былъ иностранцемъ въ Мегарѣ, въ Фивахъ, въ Коринфѣ, въ Аргосѣ, въ Спартѣ, словомъ — во всѣхъ греческихъ городахъ, кромѣ Афинъ. Само собою разумѣется, что Афины, въ этомъ отношеніи, платили взаимностью гражданамъ Мегары, Фивъ, Коринфа и всѣхъ остальныхъ греческихъ республикъ. А каково было положеніе человѣка, живущаго въ чужомъ городѣ, это видно всего лучше изъ афинскаго закона объ *андролепси*. Если какого нибудь афинянина убивали за-границею, и если городъ, въ которомъ было совершено убійство, отказывался наказать преступниковъ, то родственникамъ убитаго, по закону объ *андролепси*, предоставлялось право захватить въ Афинахъ трехъ гражданъ провинившагося города и потащить ихъ въ афинскій судъ, гдѣ съ ними тотчасъ расправлялись, какъ съ убійцами (*Laurent, La Grèce, p. 124*). Этотъ законъ доказываетъ очень ясно двѣ вещи: во-первыхъ, что убійства иностранцевъ во всѣхъ греческихъ городахъ оставались очень часто безнаказанными; и во-вторыхъ, что различныя республики считали себя въ положеніи хронической вражды между собою, и что, влѣдствіе этого, личность иностранца никогда не находилась въ полной безопасности и постоянно изображала собою заложника, съ котораго, во всякую данную минуту, могутъ содрать шкуру за неизвѣстныя ему провинности его соотечественниковъ. Мудрено-ли, послѣ этого, что грекъ, родившійся въ одномъ городѣ, не имѣлъ права жениться на гречанкѣ, родившейся въ сосѣднемъ городѣ? Мудрено-ли, что два города острова Крита должны были заключить между собою формальный и торжественный договоръ для того, чтобы браки между ихъ жителями сдѣлались возможными и законными? (*Laurent, p. 111*). Мудрено ли, что въ Афинахъ всѣ жители иностраннаго происхожденія (*метики*) были обложены поголовною податью и продавались въ рабство, когда не могли ее уплатить? (*Laurent, p. 115*). Мудрено ли, что греческая республика почти никогда не давала права гражданства иностранцу или даже его потомкамъ, хотя бы они родились въ городѣ, прожили въ немъ цѣлое столѣтіе и много разъ проливали за него свою кровь въ сраженіяхъ? Мудрено ли, напримѣръ, что крошечная и безсильная Мегара даровала, съ самаго своего основанія, право гражданства только двумъ особамъ: Геркулесу и Александру Македонскому? Мудрено ли, наконецъ, что, при такихъ условіяхъ, сильное движеніе продуговъ и идей было невозможно, что заниматься обширною торговлею значило быть отчаяннымъ мошенникомъ, и что объединяющія завоеванія были совершенно необходимы для того, чтобы цивилизація и политика могли выбиться изъ грязной колесы греческихъ мелкопомѣстныхъ сплетенъ, перебранокъ и дракъ?

Итакъ, война была необходима, и всякія чувствительныя декламации противъ древнихъ войнъ такъ же остроумны, какъ, напримѣръ, сокрушенія о томъ, что семилѣтній ребенокъ неспособенъ рѣшить квадратныя уравненія. Съ этой стороны, политеизмъ сильно помогаль историческому движенію, во первыхъ, возбуждая въ людяхъ воинственныя наклонности, во вторыхъ, поддерживая въ войскахъ необходимую дисциплину, и въ третьихъ, ослабляя истребительный характеръ древнихъ войнъ.

Боги политеизма были чисто національными богами, которыхъ значеніе возрастало или понижалось вмѣстѣ съ политическимъ могуществомъ ихъ поклонниковъ. Каждая нація старалась доставить своимъ богамъ господство надъ чужими богами; каждая нація была твердо увѣрена, что ея боги сражаются вмѣстѣ съ нею противъ ея враговъ, и вмѣстѣ съ нею торжествуютъ побѣду или терпятъ поражение и поддаются подъ иго безсмертныхъ покровителей враждебнаго народа. Вслѣдствіе этого, религіозный элементъ примѣшивался постоянно, въ большей или меньшей степени, ко всѣмъ войнамъ, происходившимъ въ древности между различными національностями. Защищаясь противъ персовъ, греки чувствовали, что они защищаютъ своихъ олимпійцевъ; потомъ, нападая на персовъ, греки мстили имъ за разрушеніе и поруганіе своей святыни. Войны противъ персовъ и вообще противъ такъ называемыхъ варваровъ всегда доставляли олимпійцамъ величайшее удовольствіе; весь Олимпъ безраздѣльно былъ въ этомъ случаѣ заодно съ греческими войсками. Напротивъ того, войны между отдѣльными греческими городами всегда были антипатичны олимпійцамъ; затѣвая междуусобную войну, греки чувствовали, что религіозныя вѣрованія не могутъ служить имъ опорой, и вслѣдствіе этого, постоянно смотрѣли на подобныя войны, какъ на общенародное страданіе и даже какъ на преступленіе, которое часто становилось неизбѣжнымъ, но никогда не могло сдѣлаться законнымъ и похвальнымъ. Естественныя бѣдствія, поражавшія Грецію во время пелопонезской войны—неурожаи, землетрясенія, повальные болѣзни, постоянно объяснялись гнѣвомъ боговъ, возмущенныхъ раздорами избранной и возлюбленной націи.

Когда лучшіе люди Греціи — философы, поэты, ораторы, напрягали всѣ свои усилія, чтобы положить конецъ бесплодному и кровопролитному междуусобию, тогда они постоянно становились на почву общенародныхъ вѣрованій, рисовали яркими красками естественную противоположность между Греціею и Персіею, льстили національной гордости грековъ, разжигали ихъ ненависть противъ восточныхъ варваровъ, и этою глубокою ненавистью старались сплотить ихъ разрозненныя силы въ непобѣдимый наступательный союзъ. Съ точки зрѣнія отвлеченно-добродѣтельной филантропіи, такая тактика была конечно въ высшей степени предосудительна. Но становясь на точку зрѣнія положительной истори-

ческой науки, мы принуждены сознаться, что благоразумнѣе и общепользѣе этой тактики въ данную минуту ничего нельзя было придумать. Устранить войну было невозможно; надъ этимъ бесполезно было и задумываться; можно было выбирать только одно изъ двухъ: или ежедневныя мелкія драки, не ведущія за собою никакихъ результатовъ, кромѣ увѣчья и смертоубійства; или же огромныя завоевательныя войны, очень кровопролитныя, очень убыточныя, но зато дѣйствительно способныя разбить тѣ китайскія стѣны, которыми огораживалась со всѣхъ сторонъ каждая древняя національность. Передовые люди Греціи постоянно стремились къ послѣднему, то есть, къ большой завоевательной войнѣ, и они были совершенно правы, хотя, разумѣется, они при этомъ руководствовались не историко-философскими соображеніями о цивилизирующемъ вліяніи войны, а узко-національными страстями и предубѣжденіями. Если можно было чѣмъ нибудь связать между собою перессорившихся грековъ, то можно было связать ихъ именно только общою ненавистью ихъ къ другимъ народамъ. Политеизмъ подогревалъ эту ненависть, и такимъ образомъ оказывалъ людямъ существенную услугу. Конечно, исключительный греческій патріотизмъ, основанный на ненависти и на презрѣніи ко всему остальному человѣчеству, долженъ теперь казаться намъ очень узкимъ, мелкимъ и жалкимъ. Но даже и этотъ патріотизмъ покажется намъ очень широкимъ и величественнымъ, если мы сравнимъ его съ патріотизмомъ афинскимъ или фивскимъ, основаннымъ на ненависти и на презрѣніи ко всѣмъ варварамъ, и, кромѣ того, даже ко всѣмъ остальнымъ грекамъ. Эти уѣздные патріотизмы были гораздо смѣшнѣе, глупѣе и вреднѣе теперешнихъ лихтенштейнскихъ или рейбсъ-лобенштейнъ-эберсдорфскихъ патріотизмовъ. Парализируя до нѣкоторой степени эти безчисленные патріотизмы вліяніемъ общихъ вѣрованій, общихъ праздниковъ, общихъ оракуловъ, политеизмъ приносилъ людямъ несомнѣнную пользу.

Боги политеизма стояли очень близко къ своимъ поклонникамъ и очень часто вступали съ ними въ прямыя сношенія; оракулы и различныя гаданія, имѣвшія государственное значеніе только во времена политеизма, давали каждому вѣрующему полную возможность во всякую данную минуту заглядывать въ будущее и заводить разговоръ съ правителями вселенной. Въ тѣ времена, когда въ полудикихъ людяхъ еще слаба была привычка повиноваться какой бы то ни было власти, эти ежедневныя сношенія съ богами были чрезвычайно полезны для поддержанія той дисциплины, безъ которой война превратилась бы въ безтолковую, безцѣльную и бесплодную драку. Начальникъ войска, стоявшій на одной ступени развитія съ своими воинами и вѣрившій совершенно искренно въ оракулы, въ гаданія, въ пророческіе сны, естественнымъ образомъ давалъ всѣмъ этимъ неопредѣленнымъ намекамъ такія только

ванія, которыя, въ данную минуту, соотвѣтствовали его собственнымъ стратегическимъ соображеніямъ. Эти соображенія, освященные, такимъ образомъ, божественнымъ авторитетомъ, конечно получали для воиновъ такую обязательную силу, которая была бы немислима, если бы начальнику приходилось дѣйствовать на своихъ подчиненныхъ голымъ страхомъ наказанія. Кромѣ того, поддерживать дисциплину палкой, напимѣрь, въ греческихъ войскахъ, было довольно затруднительно, потому что, въ качествѣ простыхъ воиновъ, сражались за отечество лучшіе, знатнѣйшіе и даровитѣйшіе граждане Греціи, богачи, аристократы, философы, поэты, политики, историки и ораторы. Только такіе воины, педшіе въ бой съ полнымъ и сознательнымъ воодушевленіемъ, могли разбивать непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ разъ въ двадцать или въ тридцать; только такимъ составомъ греческихъ армій объясняются побѣды, одержанныя ими надъ персами при Марафонѣ и при Платеѣ. А при такомъ составѣ армій, дисциплина, конечно, могла поддерживаться только идеями и вѣрованіями, а не шпицрутенами.

Разогрѣвая воинственные страсти и укрѣпляя дисциплину, политеизмъ въ то же время ослабляетъ истребительный характеръ международныхъ столкновеній. Когда фетишисты дерутся между собой, тогда они стараются преимущественно о томъ, чтобы зарѣзать, изжарить и съѣсть непріятеля; война между людьми имѣетъ въ это время почти такой же характеръ, какъ война людей съ дикими животными; вліяніе теософической доктрины проявляется только въ томъ, что побѣдитель приглашаетъ своихъ фетишей къ себѣ на пиръ и угощаетъ ихъ человѣческимъ мясомъ, добытымъ во время сраженія или послѣ побѣды. О какихъ бы то ни было политическихъ или экономическихъ отношеніяхъ между побѣдителями и побѣжденными не можетъ быть и рѣчи тогда, когда побѣжденный изображаетъ своею особою кусокъ мяса болѣе или менѣе жирный и болѣе или менѣе удовлетворительный въ гастрономическомъ отношеніи. Возможность примиренія между побѣдителями и побѣжденными является только тогда, когда область между-человѣческихъ отношеній подчиняется вліянію господствующей теософической доктрины. Этотъ общій прогрессъ въ господствующемъ міросозерцаніи, съ своей стороны, становится возможнымъ только тогда, когда настоятельныя, ежедневныя требованія желудка начинаютъ получать себѣ болѣе правильное и болѣе обильное удовлетвореніе. Что идетъ впереди, матеріальное или умышленное совершенствованіе, рѣшить довольно трудно; но можно сказать навѣрное, что значительные успѣхи въ общемъ міросозерцаніи совершенно невозможны тамъ, гдѣ физическія условія не допускаютъ никакихъ существенныхъ улучшеній матеріальнаго быта. У народовъ, дошедшихъ до политеизма, людоедство и связанныя съ нимъ человѣческія жертвоприношенія, то есть, приглашеніе фетишей на приго-

товленный пиръ, обыкновенно исчезаютъ. Войны ведутся не затѣмъ, чтобы превратить побѣжденнаго врага въ такое кушанье, а затѣмъ, чтобы подчинить его господству побѣдителя; вмѣсто звѣрской кровожадности главнымъ двигателемъ войны является властолюбіе; на человѣка, въ которомъ видѣли прежде кусокъ мяса, начинаютъ смотрѣть, какъ на рабочую силу; словомъ, систематическое людоедство замѣняется такимъ же систематическимъ порабощеніемъ побѣжденныхъ людей. Это порабощеніе находится въ полной гармоніи съ основнымъ характеромъ политеизма: какъ побѣдители господствуютъ надъ побѣжденными, такъ точно и боги побѣдителей господствуютъ надъ богами побѣжденныхъ, надъ богами, которые однако, отступая на задній планъ, нисколько не теряютъ своего божественнаго достоинства; несмотря на религіозный характеръ политеистическихъ войнъ, побѣда однихъ политеистовъ надъ другими не ведетъ за собою никакихъ религіозныхъ преслѣдованій и никакого насильственнаго обращенія побѣжденныхъ къ теософическому міросозерцанію побѣдителей. Послѣ побѣды совершается обыкновенно простое, механическое сліяніе политеистическихъ доктринъ; если, на примѣръ, у побѣжденныхъ было двадцать боговъ, а у побѣдителей пятнадцать, то послѣ побѣды, въ государствѣ, составившемся изъ побѣдителей и побѣжденныхъ, окажется всего тридцать пять боговъ, причемъ, разумѣется, богамъ побѣдителей достанутся высшія мѣста, а богамъ побѣжденныхъ—низшія. Религіознаго антагонизма не будетъ ни малѣйшаго, тѣмъ болѣе, что сами побѣжденные увидятъ въ своемъ собственномъ пораженіи ясное доказательство превосходства чужихъ покровителей. Отсутствіе религіозной ненависти облегчитъ въ очень значительной степени сліяніе побѣдителей и побѣжденныхъ въ одинъ народъ; двѣ различныя націи превратятся понемногу въ два различныя сословія, отдѣленныя другъ отъ друга тонкими и шаткими перегородками, которыя, рано или поздно, будутъ подточены и опрокинуты естественнымъ развитіемъ промышленной дѣятельности и политической жизни.

Для обширныхъ и прочныхъ завоеваній искренній политеизмъ удобнѣе и полезнѣе всѣхъ остальныхъ формъ теософическаго міросозерцанія. Монотеизмъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ завоевательной эпохи именно потому, что онъ составляетъ высшую фазу умственнаго развитія, наступающую обыкновенно тогда, когда обширныя завоеванія уже окончены и когда различныя націи, соединенныя подъ однимъ господствомъ, уже успѣли подѣйствовать другъ на друга обмѣномъ вѣрованій, обычаевъ и понятій. Войны искреннихъ и ревностныхъ монотеистовъ отличаются обыкновенно самою систематическою и чисто-истребительною жестокостію. Политеистъ въ богахъ своего врага видитъ все-таки боговъ, которыхъ онъ уважаетъ, хотя и старается подчинить ихъ господству своихъ собственныхъ безсмертныхъ покровителей. Для моно-

теиста, напротивъ того, всякіе чужіе боги — непримиримые враги, съ поклонниками которыхъ невозможны никакіе компромиссы и необязательны никакіе договоры. Монотеисты поступали именно такимъ образомъ вездѣ, гдѣ они дѣйствовали подъ исключительнымъ вліяніемъ своего теософическаго мірозерпанія. Для примѣра достаточно будетъ вспомнить о томъ, какимъ образомъ евреи покорили Палестину, или какимъ образомъ распоряжались испанцы въ Андалузій съ маврами, а въ Америкѣ съ индѣйцами. Въ концѣ прошлаго столѣтія, искренніе и ревностные монотеисты, вандейцы и шуаны, воевали съ невѣрующими гражданами французской республики; эта война была очень похожа на дѣйствія испанцевъ въ Андалузій и въ Америкѣ; благочестивые роялисты старались вразумлять плѣнныхъ волтеріанцевъ — сдираніемъ кожи, ломаніемъ костей, поджариваніемъ на медленномъ огнѣ, закалываніемъ въ землю и всякими другими инквизиторскими затѣями. Еслибы завоеватели древняго міра, Александръ Македонскій, Сципіонъ, Лукуллъ, Помпей, Цезарь, были искренними и ревностными монотеистами, они навѣрное пролили бы въ десять разъ больше крови, и цѣною этой крови не купили бы никакихъ прочныхъ политическихъ результатовъ.

VII.

Вся экономическая жизнь древнихъ обществъ была построена на *рабствѣ*, и положительная философія, къ немалому ужасу всѣхъ добродѣтельныхъ либераловъ, доказываетъ неопровержимо, что, въ свое время, рабство было такъ же неизбежно и необходимо, какъ завоевательныя войны. Во первыхъ, дикій фетишизмъ не могъ же сразу превратиться въ расиновскаго героя, объявляющаго своему врагу, что, побѣдивши его оружіемъ, онъ вслѣдъ затѣмъ желаетъ немедленно побѣдить его деликатностью и великодушіемъ. Чтобы воздерживаться отъ зарѣзыванія и пожиранія плѣнниковъ, суровому побѣдителю надо было непременно имѣть въ виду, что, оставаясь въ живыхъ, плѣнники доставятъ ему значительную выгоду, далеко перевѣшивающую мимолетное гастрономическое наслажденіе. А въ чемъ же могла состоять эта выгода? Очевидно, только въ той работѣ, къ которой можно было приневолить плѣнниковъ, или же—въ томъ выкупѣ, который можно было вытребовать за нихъ отъ ихъ родственниковъ. Но когда была завоевана цѣлая страна, тогда выкупъ становился невозможнымъ, потому что все имущество жителей само собою превращалось въ собственность побѣдителей; тогда побѣжденные могли откупиться отъ смерти только своимъ личнымъ трудомъ,

и рабство было неизбежно. Если бы побѣдителямъ не приходила въ голову простая и естественная мысль обратить въ свою пользу трудъ побѣжденныхъ, то безпрестанныя истребительныя войны могли бы стереть съ лица земли всю нашу породу, такъ точно, какъ это случилось съ очень многими племенами сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, имѣвшихъ привычку замучивать до смерти своихъ военнопленныхъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что рабство спасло нашу породу отъ истребленія, и что лѣнь, корыстолюбіе и властолюбіе побѣдителей очень долго были единственнымъ возможнымъ двигателемъ экономическаго и даже нравственнаго совершенствованія. Клинь надо было выбивать клиномъ; кровожадность людоеда можно было вытѣснить только низкими своекорыстными инстинктами рабовладѣльца.

Далѣе, рабство составляетъ ту единственную школу, которая могла переработать неукротимый темпераментъ дикаря и превратить лѣнивое и кровожадное животное въ разсудительнаго и трудолюбиваго ремесленника. Эта школа отличалась крайнею суровостью, но рекомендовать въ отношеніи къ дикарю мягкія воспитательныя средства могутъ только тѣ добродушные люди, которые полагаютъ, что дикарь отличается отъ нашего простолюдина только оригинальностью своего костюма и отсутствіемъ нѣкоторыхъ элементарныхъ знаній по части общественнаго этикета. Кромѣ того, мягкія воспитательныя средства возможны только тогда, когда воспитатель по своему умственному развитію стоитъ гораздо выше своего воспитанника; но такъ какъ рабовладѣлецъ и рабъ были оба одинаково первобытными людьми, то, разумѣется, они и должны были дѣйствовать другъ на друга самыми первобытными средствами. Полное отвращеніе къ труду, совершенное отсутствіе предусмотрительности и звѣрская страстность составляютъ общіе, отличительные признаки всѣхъ дикихъ народовъ. Когда всѣ обитатели нашей планеты были одарены этими наклонностями, тогда, разумѣется, всѣ хотѣли воевать и бражничать, и никто не хотѣлъ работать. Но такъ какъ кому нибудь непременно надо было работать, то, разумѣется, роль рабочей скотины досталась слабѣйшимъ членамъ каждой отдѣльной семьи, то есть, женщинамъ. Нѣтъ ни одного дикаго народа, у котораго женщина не была бы порабощена и завалена непосильною работою. Слѣдовательно, когда какой нибудь древній завоеватель покорялъ какую нибудь страну и порабощалъ ея жителей, тогда фактъ порабощенія не былъ совершенно новымъ явленіемъ; рабство не вводилось вновь, оно только распространялось и видоизмѣнялось. Если же мы поставимъ себѣ вопросъ: которая изъ двухъ формъ рабства полезнѣе, порабощеніе-ли женщинъ мужчинами, или же порабощеніе одной націи другою націею, то намъ, во всѣхъ отношеніяхъ, придется отдать предпочтеніе второй формѣ. Рабство женщинъ, доставляющее мужчинамъ возможность драться и кутить,

можетъ продолжаться безгранично долго; въ этомъ рабствѣ нѣтъ никакихъ задатковъ развитія; это рабство само себя поддерживаетъ; оно могло бы прекратиться только тогда, когда измѣнились бы вкусы мужчины, а этимъ вкусамъ нѣтъ никакого основанія измѣняться, если только ихъ не измѣнитъ давленіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Женщина будетъ надрывать надъ работою, мужчина будетъ буйнить или бить баклуши, и семья будетъ жить въ грязи и въ нуждѣ, до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ завоеваніе, и пока не возникнетъ новая форма рабства. Невозможно даже и представить себѣ, чтобы какое нибудь другое событіе могло положить конецъ мелкимъ дракамъ и глупой праздности безпечныхъ дикарей. Завоеваніе приноситъ съ собою вынужденный миръ, желѣзный гнетъ и обязательный трудъ. Дикарямъ приходится очень тяжело; они отказываются работать и бунтуютъ; ихъ усмиряютъ жестокими казнями; страданія нѣсколькихъ поколѣній оказываются необходимыми для того, чтобы перевоспитать дикую природу, чтобы укротить воинственные порывы и чтобы создать привычку къ правильному труду. Наконецъ, когда характеръ населенія переработанъ, когда привычка къ миролюбивымъ промышленнымъ занятіямъ приобрѣтена, тогда рабъ начинаетъ мечтать не о томъ, чтобы воевать и лежать на боку, какъ дѣлали его славные предки, — а о томъ, чтобы работать на самого себя, то есть, потреблять вмѣстѣ съ своимъ семействомъ продукты собственнаго труда. Тогда историческая роль рабства оказывается законченною; уродливыя стороны этого отжившаго учрежденія начинаютъ мозолить глаза всѣмъ честнымъ мыслителямъ даннаго общества и напоминаютъ о себѣ различными болѣзненными явленіями во всѣхъ отрасляхъ промышленной, политической и умственной жизни. Сами рабовладельцы начинаютъ замѣчать, что доброе, старое время невозвратимо, и наконецъ рабство, такъ или иначе, путемъ законнаго преобразованія или насильственнаго переворота, уходитъ въ область исторіи.

Впрочемъ, паденіе рабства невозможно до тѣхъ поръ, пока не прекратится завоевательная дѣятельность господствующихъ классовъ. Война и рабство, взаимно поддерживая другъ друга, идутъ постоянно рука объ руку. Съ одной стороны, война постоянно наполняетъ невольничьи рынки дешевымъ человѣческимъ товаромъ. Съ другой стороны, даровой трудъ, придавая всѣмъ хозяйственнымъ и промышленнымъ операціямъ самый простѣйшій и первобытный характеръ, позволяетъ богачамъ и аристократамъ направлять всѣ ихъ умственныя силы на далекія военныя предпріятія. Паденіе рабства непременно парализовало бы дѣятельность завоевателей, потому что тогда внутреннія заботы тотчасъ одержали бы перевѣсъ надъ внѣшними. Но именно по этой причинѣ паденіе рабства и немислимо тогда, когда господствуетъ завоевательная политика; тогда завоеватели берегутъ рабство, какъ зѣницу ока; они

совершенно справедливо видятъ въ немъ необходимый фундаментъ своего военного могущества, и, чтобы отстоять этотъ фундаментъ, готовы рѣшиться на самыя тяжелыя пожертвованія и кинуться въ самую опасную борьбу. Достаточно вспомнить, съ какою непоколебимою энергіею Крассъ и Помпей подавляли возмущеніе невольниковъ и гладіаторовъ. Когда возмутились противъ Рима итальянскіе города, тогда Римъ пошелъ на уступки. Но уступки невольникамъ были для него неммыслимы; сенатъ понималъ очень хорошо, что если фундаментъ начнетъ шевелиться и заявлять свои человѣческія права, то произойдетъ немедленно радикальный переворотъ, послѣ котораго новымъ людямъ придется перестроивать заново все общественное зданіе, по новому плану и на неммыслимыхъ для сенаторовъ основаніяхъ. Общественный порядокъ, построенный на рабствѣ, никогда не можетъ считать себя совершенно прочнымъ; онъ постоянно подвергается болѣе или менѣе сильнымъ конвульсіямъ, въ которыхъ обнаруживаются намеки на предстоящій переворотъ и задатки будущаго обновленія. Если бы къ естественнымъ затрудненіямъ, вытекающимъ изъ самого существованія рабства, присоединились еще какія нибудь религіозныя затрудненія, если бы проявилось несогласіе между идеею рабства и направлениемъ господствующей теософической доктрины, то, быть можетъ, государственнымъ людямъ древности не удалось бы поддержать рабовладѣльческій порядокъ вещей до окончанія завоевательной эпохи. Къ счастью, для воинственныхъ рабовладѣльцевъ политеизмъ былъ, въ этомъ отношеніи, очень удобенъ, уступчивъ и сговорчивъ. Онъ не требовалъ отъ своихъ адептовъ религіозной нетерпимости, и въ то же время не воспитывалъ въ нихъ чувства религіознаго равенства. Боги побѣжденныхъ входили въ пантеонъ побѣдителя, но занимали въ этомъ пантеонѣ низшія мѣста. Неравенство между людьми освящалось такимъ образомъ неравенствомъ, существовавшимъ въ мірѣ боговъ, и, въ то же время, между рабомъ и господиномъ не оставалось мѣста для взаимной религіозной ненависти. Многочисленныя возмущенія рабовъ были постоянно направлены только противъ невыносимыхъ жестокостей и злоупотребленій; до полнаго, догматическаго отрицанія рабства никогда не возвышались въ древнемъ мірѣ даже сами рабы. Это отрицаніе созрѣло впослѣдствіи, подъ влияніемъ монотеистическихъ доктринъ, которыя, по своему основному направленію, настолько же враждебны войнѣ и рабству, насколько политеизмъ имъ благопріятенъ. Конечно, и война, и рабство могутъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, уживаться вмѣстѣ съ монотеизмомъ, но это значить только, что какія нибудь мѣстныя особенности, климатическія или этнографическія, мѣшаютъ господствующей доктринѣ развиться изъ себя и провести въ общественное сознаніе тѣ практическія требованія, которыя вытекаютъ изъ нея прямымъ логическимъ путемъ.

Особенно важно и благопріятно для рабства и для завоевательной политики было то обстоятельство, что, объ власти, свѣтская и духовная,—или, другими словами, *практическая и теоретическая* *),—во время господства политеизма, сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ. Кто управлялъ дѣлами государства, тотъ былъ верховнымъ судьей и въ области вѣрваній. Истолкованіе доктрины находилось въ рукахъ того самого класса, который пользовался плодами завоеваній и извлекалъ себѣ личную выгоду изъ обязательнаго труда. Въ тѣхъ древнихъ обществахъ, которыя, по географическимъ особенностямъ своего положенія, были избавлены отъ необходимости вести постоянныя войны, напримѣръ, въ Египтѣ и въ Индіи, жрецы давали направленіе всей внутренней и внѣшней политикѣ. Въ тѣхъ обществахъ, напротивъ того, для которыхъ война была постояннымъ занятіемъ, напримѣръ въ Греціи и въ Римѣ, военные правители государства были сами жрецами или, по крайней мѣрѣ, держали жрецовъ въ полномъ повиновеніи. Въ обоихъ случаяхъ, раздвоенія властей не существовало; жрецъ и правитель сливались въ одномъ лицѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ одномъ господствующемъ классѣ, съ тою только разницею, что, въ первомъ случаѣ, политическая дѣятельность являлась однимъ изъ атрибутовъ жреца, а во второмъ случаѣ, жреческая дѣятельность являлась однимъ изъ атрибутовъ воина. Въ обоихъ случаяхъ, это вліяніе властей вело за собою тотъ естественный результатъ, что теософическая доктрина очень искусно принаровлялась къ потребностямъ текущей политики и превращалась въ орудіе господства въ первомъ случаѣ — для жрецовъ, во второмъ—для завоевателей. Такъ какъ рабство было выгодно для господствующаго класса, то, разумѣется, оно не могло встрѣтить себѣ никакихъ возраженій со стороны доктринъ, которыхъ храненіе и комментированіе находились въ рукахъ того же господствующаго класса.

VIII.

Сохраняя свои общія типическія свойства, политеизмъ проявляется въ трехъ различныхъ историческихъ формахъ. Представителями этихъ трехъ формъ могутъ служить Индія, Греція и Римъ. Въ первой мы

*) Контъ постоянно употребляетъ выраженія *pouvoir temporel* и *pouvoir spirituel*. Если переводить эти слова буквально, то надо будетъ переводить: *свѣтская власть* и *духовная власть*. Но эти слова имѣютъ по-русски слишкомъ спе-

видимъ чистую теократію. Во второй—военный политеизмъ, задержанный въ своемъ развитіи. Въ третьемъ—военный политеизмъ, развернувшій всѣ свои силы и принявшій строго опредѣленное и совершенно послѣдовательное завоевательное направленіе.

Основной характеръ *чистой теократіи* заключается въ строгой наслѣдственности всѣхъ общественныхъ должностей и всѣхъ отраслей частной промышленности. При этомъ общественномъ устройствѣ, вся нація распадается на извѣстное число строго разграниченныхъ кастъ, въ которыя никому не позволено входить со стороны, и изъ которыхъ никому не позволено выходить вонъ. Сынъ жреца долженъ быть жрецомъ; сынъ воина—воиномъ; сынъ пастуха—пастухомъ, и такъ далѣе. На личныя способности и наклонности при этомъ не обращается никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что принципъ кастъ, освященный многовѣковой древностью установившагося обычая, получаетъ себѣ, кромѣ того, сверхъ естественную санкцію посредствомъ какого нибудь замысловатаго космогоническаго мифа. Такъ, на примѣръ, индѣйскій политеизмъ выводитъ существованіе кастъ изъ того обстоятельства, что Брама создалъ людей изъ *различныхъ* частей своего тѣла и, такимъ образомъ, самъ отъ вѣка установилъ между людьми естественное неравенство.

Наслѣдственность занятій неизбежна въ такое время, когда все воспитаніе основано исключительно на механическомъ подражаніи; очень понятно, что ребенокъ съ малыхъ лѣтъ присматривается къ отцовскому ремеслу, потомъ, подрастая, начинаетъ помогать отцу въ его занятіяхъ, и наконецъ, сдѣлавшись юношей, оказывается достаточно приготовленнымъ, чтобы работать вмѣстѣ съ отцомъ или даже чтобы совершенно замѣнить его, если ему уже пора на покой. Наслѣдственность занятій существуетъ въ очень обширныхъ размѣрахъ даже въ современныхъ европейскихъ обществахъ. Почти всѣ хлѣбопашцы занимаются своимъ дѣломъ по наслѣдству, и, навѣрное, ведутъ эту ненарушимую преемственность занятій съ такихъ отдаленныхъ временъ, до которыхъ не восходятъ даже самыя баснословныя генеалогіи древнѣйшихъ аристократическихъ фамилій. Но если фактъ наслѣдственности существуетъ повсемѣстно, то возведеніе этого факта въ обязательный принципъ все-таки становится возможнымъ только при особенныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, парализирующихъ развитіе военной дѣятельно-

ціальное значеніе, и поэтому я предпочитаю употреблять болѣе общія выраженія: *практическая власть* и *теоретическая власть*. Мое намѣреніе оправдывается тѣмъ, что самъ Контъ на стр. 122 пятого тома своей положительной философіи говоритъ: «*principaux pouvoirs politiques, soit temporels ou pratiques, soit même spirituels ou théoriques*». Temporel и pratique, spirituel и théorique оказываются равносильными терминами.

сти. Когда страна лежитъ въ тепломъ климатѣ и обладаетъ плодородною почвою, когда она защищена со всѣхъ сторонъ морями, горами или пустынями, тогда она становится колыбелью ранней цивилизаціи, которая, развившись до чистой теократіи, останавливается и замираетъ въ этой политической формѣ. Создавши себѣ множество боговъ, то есть, возвысившись до политеизма, обитатели тихой и плодородной страны начинаютъ нуждаться въ посредникахъ, то есть, въ такихъ людяхъ, которые умѣли бы передавать богамъ просьбы простыхъ поклонниковъ и склонять въ ту или въ другую сторону волю боговъ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ мельчайшихъ условий необходимаго мистическаго этикета. Важное умѣнье дипломатизировать съ богами и съ поклонниками требуетъ сначала особенныхъ способностей, а потомъ продолжительнаго навыка. Поэтому надо полагать, что первыми жрецами сдѣлались люди, одаренные пылкимъ воображеніемъ и изворотливымъ умомъ; потомъ, эти первые жрецы должны были передать свое прибыльное искусство своимъ дѣтямъ, и жреческія обязанности, подобно всякому другому ремеслу, должны были по немногу превратиться въ неотъемлемое достояніе извѣстныхъ родовъ. Эти жреческія фамиліи были, очевидно, поставлены въ такое выгодное положеніе, что, даже обладавъ самыми обыкновенными способностями, они непременно должны были захватить въ свои руки обѣ отрасли политическаго господства—теоретическую и практическую. Для этого требовалось только одно условіе: отсутствіе внѣшней войны. Соблюденіе этого необходимаго условія становится очень правдоподобнымъ, если взять въ расчетъ почву, климатъ и географическое положеніе разсматриваемой страны. Изобиліе плодовъ земныхъ избавляетъ жителей отъ необходимости идти за добычею въ чужія земли; а естественныя границы страны—моря, горы и пустыни—ограждаютъ ее отъ постороннихъ вторженій; такимъ образомъ, жители могутъ очень легко обойтись, какъ безъ наступательной, такъ и безъ оборонительной войны. Отсутствіе настоящей необходимости въ войнѣ даетъ жрецамъ полную возможность укоренить по немногу въ умахъ соотечественниковъ то убѣжденіе, что ихъ страна—лучше всѣхъ земель въ мірѣ, что всѣ иностранцы—поганые люди, съ которыми не должно имѣть никакихъ сношеній, что мореплаваніе—смертный грѣхъ, что путешествовать значитъ осквернять себя соприкосновеніемъ съ погаными землями и съ погаными людьми, и что вообще порядочный человѣкъ долженъ непременно жить дома, вести себя скромно—и кормить жрецовъ до отвалу. Задача жрецовъ значительно облегчается естественнымъ пристрастіемъ неразвитыхъ людей ко всему знакомому и родному, и такимъ же естественнымъ отвращеніемъ ихъ ко всему незнакому и чужому. Жрецамъ надо только возвести эти самородные инстинкты на степень религіознаго догмата; какъ только это дѣло сдѣлано, такъ страна уже обведена

прочною китайскою стѣною, подъ прикрытіемъ которой роскошное растеніе теократіи можетъ процвѣтать въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій.

Междоусобныя войны не могутъ помѣшать развитію теократіи; всѣ приготовленія къ междоусобной войнѣ должны происходить передъ глазами самихъ жрецовъ; слѣдовательно, если жрецы не одобряютъ этой войны, то они имѣютъ полную возможность задавить ее въ самомъ зародышѣ, дѣйствуя на отдѣльныя группы соотечественниковъ то просьбами, то совѣтами, то угрозами, то различными хитростями. Принимая на себя благообразную роль примирителей, устраняя поводы къ несогласіямъ и разбирая возникающія ссоры между отдѣльными личностями, или даже между цѣлыми деревнями, жрецы значительно усиливаютъ и упрочиваютъ свое вліяніе на массу. Огромное преимущество жрецовъ передъ всѣми остальными жителями страны состоитъ въ томъ, что они имѣютъ очень много свободнаго времени; ихъ обязанность, по мнѣнію ихъ добродушныхъ соотечественниковъ, состоитъ въ томъ, чтобы постоянно бесѣдовать съ высшими существами, выслушивать и напоминать ихъ волю, угождать всѣмъ ихъ желаніямъ, и вообще, всѣми возможными средствами, поддерживать полную гармонию между населеніемъ страны и безсмертными его покровителями. Мыслители прошлаго столѣтія относились, какъ извѣстно, очень непочтительно къ этимъ своеобразнымъ занятіямъ жрецовъ; люди XVIII вѣка говорили, съ свойственною имъ рѣзкостью, что жрецы просто морочили людей, рассказывая имъ, ради денегъ и ради власти, такія сказки, которымъ сами нисколько не вѣрили. Это мнѣніе, соблазнительное по своей простотѣ, оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, очень шаткимъ и поверхностнымъ. Спрашивается: почему и какимъ образомъ жрецы могли знать, что тѣ исторіи, которыя они рассказываютъ людямъ — чистыя небывлицы, и что тѣ магическія церемоніи, которыя они совершаютъ, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на естественный ходъ событій? Что жрецы выдавали людямъ свои гипотезы за несомнѣнныя истины — это очевидно; но если мы заподозримъ жрецовъ въ томъ, что они, публикуя свои гипотезы, были сами твердо убѣждены въ ихъ совершенной ложности, то мы точно также должны будемъ приписать такую же сознательную недобросовѣстность тѣмъ безчисленнымъ современнымъ ученымъ, которыхъ теоріи оказываются несостоятельными передъ судомъ болѣе проникающихъ или болѣе осторожныхъ изслѣдователей.

Знать достовѣрно ложность какой нибудь теоріи можетъ только тотъ человѣкъ, который знаетъ истинное объясненіе, или, по крайней мѣрѣ, знаетъ нѣсколько фактовъ, совершенно несомнѣстныхъ съ данною теоріею. Но развѣ же жрецы могли обладать такими обширными знаніями, которыя могли бы доказать имъ несостоятельность теософическаго міросозерцанія? Если бы они, полудикіе люди, возвысились вдругъ до поло-

жительнаго пониманія природы, то въ этомъ исполинскомъ прыжкѣ человѣческаго ума на самую вершину историческаго развитія, конечно, надо было бы видѣть еще болѣе необъяснимое чудо, чѣмъ всѣ тѣ чудеса, о которыхъ жрецы простодушно рассказывали простодушнымъ поклонникамъ. Далѣе, если мы даже допустимъ существованіе этого невозможнѣйшаго изъ всѣхъ невозможныхъ чудесъ, то передъ нами возникнетъ еще одна непобѣдимая психологическая трудность: если жрецы знали истинное объясненіе всей космической загадки, то какая необходимость имъ была выдумывать ложное объясненіе и тщательно прятать истинное? Имъ хотѣлось богатства и власти? Прекрасно. Но истинное объясненіе доставило бы имъ въ изобиліи и то, и другое. Куда бы они ни повели народъ, въ фантастическую ли область мифологіи, или въ свѣтлый міръ реального знанія, во всякомъ случаѣ они, а не другіе люди, оказались бы вождями народа и воспользовались бы безпрепятственно всѣми выгодами и преимуществами, которыя достаются вездѣ и всегда на долю вождей. Когда извѣстное направленіе уже принято, когда въ жреческомъ сословіи уже составились свои опредѣленные традиціи, когда народъ уже сжился съ мифологическими сказками и съ магическими обрядами, тогда, конечно, жрецамъ гораздо легче и выгоднѣе поддерживать мелкими плутнями авторитетъ установившихся понятій и привычекъ, чѣмъ прокладывать серьезнымъ умственнымъ трудомъ новыя дороги. Но вѣдь было же время, когда *всѣ* дороги были новыми. Въ это время жрецы шли по той единственной дорогѣ, которая была для нихъ возможна, и шли съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, что эта дорога дѣйствительно ведетъ къ истинѣ, къ добру и къ началу всѣхъ началъ. Эти первобытныя времена недоступны изслѣдованіямъ историка. Вездѣ, гдѣ историкъ видитъ теократію, онъ застаётъ ее уже въ томъ періодѣ ея существованія, въ которомъ она, являясь вреднымъ тормазомъ умственнаго и общественнаго движенія, охраняетъ съ старческимъ упорствомъ огромные запасы мифическихъ преданій, магическихъ церемоній, бесполезныхъ обычаевъ и уродливыхъ учреждений. Но само собою разумѣется, что теократія не могла отличаться этими свойствами съ самого начала своего существованія. Ей непремѣнно надо же было сначала *собрать* тѣ сокровища, которыя она впоследствии стала *охранять*. Ей непремѣнно надо же было сначала *пріобрѣсти* чѣмънибудь то слѣпое довѣріе массъ, на которое она впоследствии стала опираться. Нѣтъ и не можетъ быть такой дряхлой старухи, которая, въ свое время, не была бы молодою дѣвушкой. Теократія также имѣла свой періодъ молодости, дѣятельной силы и поэтической искренности. Теократія въ свое время была прогрессивнымъ и благодѣтельнымъ элементомъ. Это мнѣніе историкъ можетъ высказать даже а priori, потому что, если бы этого не было, то теократія никакимъ образомъ не могла

бы привиться къ народной жизни и пустить въ нее глубокіе корни. Дарвиновскій законъ естественнаго выбора, прилагается къ жизни идей и учреждений такъ точно, какъ и къ жизни органическихъ существъ. Сохранается только то, что само по себѣ крѣпко и приспособлено къ обстоятельствамъ времени и мѣста.

Не трудно объяснить, въ чемъ именно заключалось благотворное вліяніе возникающей теократіи. Это вліяніе вытекало именно изъ того условія, которое составляло, какъ я замѣтилъ выше, огромное преимущество жрецовъ надъ массою. Обеспечивая матеріальное благосостояніе нѣкоторыхъ избранныхъ личностей, избавляя этихъ даровитыхъ родоначальниковъ будущей жреческой касты отъ физическаго труда и отъ всякихъ мелкихъ житейскихъ заботъ, народъ требовалъ отъ своихъ избранныхъ, чтобы они безраздѣльно предавались изученію теософическихъ тайнъ, которыя, въ то время, какъ массѣ, такъ и ея избранникамъ, казались единственнымъ ключомъ къ разрушенію всевозможныхъ космическихъ, нравственныхъ, юридическихъ, технологическихъ и социальныхъ вопросовъ. Спрашивается: чѣмъ должны были наполнить свои безконечныя досуги тѣ даровитые люди, которые самымъ добросовѣстнымъ образомъ желали оправдать довѣріе соотечественниковъ? Какимъ образомъ могли они приняться за изученіе тѣхъ таинственныхъ особъ, съ которыми имъ вѣрно было вступить въ постоянныя сношенія? Старыхъ книгъ у нихъ не было; торной дороги для нихъ не существовало; значить, надо было пробивать эту дорогу силами собственнаго ума и воображенія; средство для этого имѣлось только одно: принимая всю природу за раскрытую книгу, надо было вглядываться, вслушиваться, вдумываться, вживаться во всё окружающія явленія. Соприкосновеніе неиспорченнаго человѣческаго ума съ живою природою никогда не можетъ оставаться совершенно безплоднымъ. вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ галлюцинацій, ошибочныхъ гипотезъ и безобразныхъ мифовъ, основатели древнихъ теократій вынесли изъ своей тихой созерцательной жизни нѣсколько замѣчательныхъ наблюденій, которыхъ не могли бы собрать и удержать въ памяти ни воины, постоянно погруженные въ тревоги боевой жизни, ни чернорабочіе, задавленные грубымъ мускульнымъ трудомъ. Всѣмъ извѣстно, что древнѣйшія въ мірѣ астрономическія наблюденія принадлежатъ жрецамъ Индіи, Египта и Ассиріи. Всѣмъ извѣстно также, что медицина, арифметика, геометрія и пластическія искусства родились въ тѣхъ же жреческихъ коллегіяхъ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ они и не могли родиться. Для ихъ рожденія необходимо было существованіе особаго класса людей, освобожденныхъ отъ всякихъ практическихъ заботъ и прикованныхъ личными выгодами къ наблюденію, созерцанію и размышленію. Такъ какъ полудикимъ политенстамъ никакъ не могла придти въ голову блистательная мысль устроить ака-

демію наукъ или какое нибудь общество любителей естествознанія, то само собою разумѣется, что первая корпорація изслѣдователей и мыслителей могла появиться на свѣтъ только въ видѣ жреческаго сословія.

Но родившись въ жреческихъ коллегіяхъ, науки и искусства не могли въ нихъ развиваться. Основатели теократіи были пытливыми изслѣдователями и смѣлыми мыслителями; отдаленные потомки ихъ сдѣлались бессильными и тупыми буквоѣдами; превращеніе это было неизбѣжно. Первые жрецы сами прокладывали дорогу, и сами завоевывали себѣ вліяніе на массу. При этомъ они имѣли дѣло съ живою природою. Приготовляя себѣ преемниковъ, они конечно передавали имъ безъ разбору всѣ свои наблюденія, всѣ свои галлюцинаціи и всѣ свои рискованныя гипотезы. Преемники все это старались запомнить, и потомъ, принимаясь за свою многостороннюю жреческую дѣятельность, усиливались согласить объясненія предковъ съ своими собственными наблюденіями. Такимъ образомъ, составлялись новыя гипотезы, которыя опять передавались преемникамъ, и опять подвергались съ ихъ стороны различнымъ повѣркамъ и комментированиямъ. Общественное могущество жрецовъ росло конечно вмѣстѣ съ запасомъ ихъ наблюденій и изобрѣтеній. Всякое крошечное открытіе, сдѣланное жрецами, принималось народомъ за внушеніе свыше и за чудесное проявленіе божественной благосклонности. Такъ какъ подобныя открытія дѣлались только жрецами, свободными отъ житейскихъ заботъ, то, разумѣется, въ народѣ скоро должно было составиться понятіе о высшемъ сверхчеловѣческомъ значеніи жреческаго сословія. Постоянно увеличиваясь, могущество жрецовъ должно было наконецъ дойти до того maximum, дальше котораго идти невозможно. Остановившись на этой вершинѣ, жреческое сословіе начинаетъ быстро деморализироваться. Оно заботится не о новыхъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, а только о томъ, чтобы сохранить за собою свое *относительное* превосходство надъ массою. Это превосходство основано преимущественно на томъ, что масса очень невѣжественна. Значить, для сохраненія желаннаго превосходства, надо поддерживать это спасительное невѣжество. Достигши вершины своего могущества, жрецы имѣютъ уже за собою цѣлый громадный кодексъ теософическихъ гипотезъ и преданій, сложившихся при ихъ предшественникахъ. Такъ какъ эти гипотезы и преданія составляютъ тотъ путь, по которому жреческая каста пришла къ своему величайшему могуществу, то жрецы, конечно, должны питать въ нимъ почтительную нѣжность и должны особенно сильно стараться о томъ, чтобы въ народѣ эта почтительная нѣжность доходила до совершенно слѣпаго и страстнаго обожанія. Такимъ образомъ, между человѣческимъ умомъ и живою природою воздвигаются мертвыя книги, написанныя даровитыми невѣждами и годныя только на то, чтобы служить образчикомъ міросозерцанія, господствовавшаго въ дале-

вой древности. Для того, чтобы человѣческій умъ не вырвался какъ нибудь изъ узкаго круга старыхъ преданій, жрецы ставятъ каждому изъ своихъ соотечественниковъ въ непремѣнную обязанность жить такъ, какъ жили его предки, заниматься тѣмъ же ремесломъ, употреблять тѣ же орудія, носить такое же платье, питаться такою же пищею, и такъ далѣе. Затѣмъ умственное движеніе совершенно замираетъ; народъ повертывается спиною къ будущему и видитъ свой идеалъ въ прошедшемъ. Такое положеніе вещей можетъ продолжаться безконечно долго, и только постоянныя столкновенія съ высшими формами цивилизаціи могутъ со временемъ вывести изъ болѣзненнаго усыпленія несчастный народъ, задавленный свинцовою тяжестью бездушнoй и безтолковой теократіи.

IX.

Война спасаетъ древній міръ отъ теократической спячки. Война разрушаетъ принципъ наслѣдственности, потому что, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества отъ внѣшнихъ враговъ, тогда всѣ здоровые люди берутся за оружіе, и тогда уже неудобно разбирать, чей отецъ былъ воиномъ, чей — купцомъ, и чей — свинопасомъ. Въ сраженіяхъ обнаруживаются личныя качества бойцовъ — сила, ловкость, храбрость, хладнокровіе, смѣлливость, распорядительность, — и самыя очевидныя выгоды цѣлаго народа требуютъ того, чтобы каждому бойцу давалось мѣсто, соотвѣтствующее его личнымъ достоинствамъ, а не общественному положенію его родителей. Поэтому, у народа, ведущаго частыя войны, касты непремѣнно перемѣшиваются и понемногу сглаживаются. Но война можетъ дѣйствовать на развитіе народа совершенно различнымъ образомъ, смотря потому, какое она приметъ направленіе: безцѣльно-безалаберное или систематически-завоевательное. Въ первомъ случаѣ развертываются преимущественно умственныя способности даннаго народа; во второмъ случаѣ — его общественныя учрежденія. Греція и Римъ воплотили въ своей исторіи эти двѣ различныя стороны военнаго политеизма.

Территорія Греціи изрѣзана по всѣмъ направленіямъ горными хребтами и глубокими заливами; участки удобной земли разбросаны по всей странѣ и отдѣлены другъ отъ друга естественными перегородами; на каждомъ изъ такихъ участковъ возникло и развилось населеніе, имѣвшее мало постоянныхъ сношеній съ сосѣдями, и, вслѣдствіе этого, успѣвшее выработать себѣ свои собственныя учрежденія, свою опредѣленную фізіономію и очень энергическое чувство своей политической полноправности и самостоятельности. Всѣ эти поселенія были связаны между

собою единствомъ языка, теософической доктрины и національнаго характера; свободные жители всѣхъ этихъ поселеній гордились именемъ эллиновъ, и противопологали себя, какъ членовъ одного великаго народа, всѣмъ остальнымъ людямъ, которыхъ они называли варварами и считали созданными для вѣчнаго рабства. Но, сознавая свое національное единство въ области мысли, греки никакъ не могли и не умѣли осуществить это единство въ политической жизни. Ни одно изъ мелкихъ греческихъ поселеній не хотѣло пожертвовать въ пользу этого единства ни одной частицы своей отдѣльной автономіи и ни одной мельчайшей подробности своей внутренней организаци. Каждый городокъ готовъ былъ защищать свою независимость до послѣдней капли крови, какъ противъ азіятскихъ варваровъ, такъ и противъ своихъ ближайшихъ греческихъ сосѣдей; каждому городку хотѣлось господствовать надъ другими городками, и ни одному изъ нихъ не хотѣлось покоряться другимъ. Если мы, при этомъ, возьмемъ въ соображеніе, что всѣ жители этихъ отдѣльныхъ городковъ были одинаково храбры, одинаково воинственны, одинаково корыстолюбивы, одинаково тщеславны, одинаково сильны, ловки и развиты въ физическомъ отношеніи, одинаково вооружены и одинаково искусны во всѣхъ воинскихъ эволюціяхъ, то мы, конечно, поймемъ, что, во-первыхъ, постоянныя войны между этими людьми были совершенно неизбѣжны, и что, во-вторыхъ, эти безконечныя войны не могли привести ни къ какому прочному политическому результату, то есть, не могли окончиться соединеніемъ всей Греціи въ одно стройное и могущественное государство, способное завоевать весь остальной образованный міръ. — „Такъ, напримѣръ, говоритъ Контъ, афинское племя, во время самага блистательнаго своего преобладанія въ Архипелагѣ, въ Азіи, во Фракіи и т. д., было принуждено довольствоваться центральною территоріею, едва-ли равнявшеюся французскому департаменту средней величины, и окруженною со всѣхъ сторонъ многочисленными соперниками, которыхъ дѣйствительное покореніе въ то время справедливо считалось неисполнимымъ. Аѳины могли, съ большею надеждою на успѣхъ, предпринять завоеваніе, напримѣръ, Египта или Малой Азіи, чѣмъ завоеваніе, не только Спарты, но даже Фивъ или Коринфа, или, можетъ быть, маленькой сосѣдней республики Мегары“ (Phil. rev. V, 176).

При такихъ условіяхъ, война не могла быть для грековъ серьезнымъ государственнымъ дѣломъ; война была для нихъ дѣломъ страсти; въ войнѣ ихъ съ персами можно видѣть взрывъ національной ненависти противъ дерзкихъ азіятскихъ варваровъ, осмѣлившихся ворваться въ прекрасную Элладу; въ ихъ междоусобныхъ войнахъ можно видѣть постоянное проявленіе ихъ узкихъ своекорыстныхъ страстей. Въ первомъ случаѣ, война была подвигомъ патріотическаго энтузіазма и даже отчасти

дѣломъ необходимой обороны; во второмъ случаѣ, война была просто организованнымъ грабежемъ, который не оправдывался и не облагораживался никакою высшею идеею. Войны второй категоріи случались гораздо чаще первыхъ войнъ; этими безплодными, но очень упорными драками между единокровными сосѣдями или даже между гражданами одного города переполнена вся исторія древней Греціи; эти драки вытекали изъ топографическихъ условій: сосѣдь былъ тутъ же, подъ рукою, за ближайшимъ холмомъ или ручьемъ; а чтобы колотить перса, надо было снаряжать цѣлый флотъ и отправляться въ другую часть свѣта. Но если драки съ сосѣдями были дѣломъ сподручнымъ, то во всякомъ случаѣ, не надо было обладать особенною геніальностью, чтобы оцѣнить по достоинству все безобразіе и всю пошлость этихъ ежедневныхъ потасовокъ. Греки отъ природы были очень не глупы; поэтому, умнѣйшіе изъ грековъ никакъ не могли предаваться всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ тѣмъ мелкимъ разбойническимъ продѣлкамъ, которыя находили себѣ постоянную пищу въ неугомонныхъ страстяхъ раздражительной массы и узколюбыхъ аристократовъ. Даже эта масса и эти аристократы, постоянно возбуждавшіе своею пылкостью или заносчивостью разныя волненія и междоусобныя войны, смотрѣли на эти кровавыя событія, какъ на страданія и посрамленіе великаго греческаго народа. Лучшіе умы древней Греціи относились къ этимъ событіямъ совершенно отрицательно; но въ то же время, зная политическую жизнь своей страны и характеръ своихъ соотечественниковъ, они не видѣли никакой возможности искоренить это зло практическою дѣятельностью. Не вида въ государственныхъ занятіяхъ своего времени никакой великой цѣли и никакой руководящей идеи, сильные умы должны были отвернуться отъ политической практики и наполнить свою жизнь или общими теоретическими размышленіями о мірѣ, о человѣкѣ и объ обществѣ, или созерцаніемъ и воспроизведеніемъ всѣхъ прекрасныхъ явленій физической природы и человѣческаго характера. Политическая безтолковщина древней Греціи насильно толкала лучшихъ и даровитѣйшихъ ея гражданъ въ умозрительную философію и въ чистое искусство. Для позитивиста абсолютное зло и абсолютное добро не существуютъ. Позитивистъ понимаетъ, что чистое искусство и умозрительная философія, очень вредныя и предосудительныя въ XIX столѣтіи, могли быть, и даже дѣйствительно были, не только полезны, но даже необходимы для историческаго развитія человѣческаго ума и человѣческой общественности, — такъ же точно, какъ были полезны, неизбѣжны и необходимы война и рабство, которыя точно также сдѣлались теперь очень вредными и предосудительными явленіями. Въ древнихъ теократическихъ обществахъ наука и искусство были орудіями; современные реалисты стараются также превратить ихъ въ орудія. Теократы пользовались искусствомъ и наукою,

какъ средствами основать и упрочить свое господство надъ массою. Выше и привлекательнѣе этой цѣли они не могли себѣ ничего представить. Когда каждый человѣкъ видѣлъ въ чужомъ или незнакомомъ человѣкѣ своего естественнаго врага, тогда, конечно, никто не могъ работать для общаго блага. Кромѣ того, когда всѣ отрасли науки и промышленности лежали въ колыбели, тогда самый человѣколюбивый дѣятель въ мірѣ былъ не въ состояніи вообразить себѣ, что мышленіе и творчество могутъ обнаружить чувствительное вліяніе на матеріальный бытъ и на характеръ всей нашей породы. Стало бытъ, наука и искусство сначала непременно должны были оказаться мелкими орудіями мелкихъ и дрянныхъ страстей. Прямо изъ рукъ этихъ мелкихъ и дрянныхъ страстей наука и искусство никакъ не могли перейти въ руки той великой страсти, которая воодушевляетъ современныхъ реалистовъ.

Откуда же взялось бы вдругъ, во-первыхъ, широкое и горячее чело-вѣколюбіе и, во-вторыхъ, понятіе о преобразовательной силѣ науки, техники и поэзіи? — Чтобы пріобрѣсти себѣ великую способность наслаждаться любовью къ людямъ и общепольною дѣятельностью, чело-вѣку необходимо было очень долго воспитывать себя въ такой школѣ, которая постепенно утончала и облагораживала бы его наслажденія. Личное наслажденіе и общепольная дѣятельность (которую тупые моралисты называютъ на своемъ безмысленномъ жаргонѣ *долгомъ*) дѣйстви-тельно сливаются въ высшемъ единствѣ, но на эту точку соедине-нія не можетъ сразу прыгнуть звѣрообразный политеистъ, умѣющей наслаждаться только кровопролитною дракою, дикимъ пьянствомъ, жи-вотнымъ сладострастіемъ, безпечною праздною и самыми грубыми формами господства надъ другими людьми. Для такого чело-вѣка могло считаться прогрессомъ даже умѣнье цѣнить красоту формъ и красокъ въ женщинѣ, въ лошади, въ оружіи, въ костюмѣ, въ домашней утвари, и такъ далѣе. Еще болѣе значительный прогрессъ можно видѣть въ умѣннѣ наслаждаться словами и содержаніемъ пѣсни, легенды или сказки. У героевъ троянской войны эти умѣнья были уже развиты въ высокой степени. Только къ этимъ умѣнья-мъ и могли прислониться, для своего дальнѣйшаго развитія, зародыши науки и искусства, перенесенные въ Грецію изъ теократическаго Египта. То, что въ Египтѣ было полити-ческимъ орудіемъ, должно было, на первыхъ порахъ, сдѣлаться въ Гре-ціи пріятною забавою. Скульптура, которая въ Египтѣ поражала массу мрачною таинственностью своихъ произведеній — символическихъ фигуръ, получеловѣческихъ, полувзвѣриныхъ — превратилась въ Греціи въ свѣтлое, радостное и общепонятное прославленіе чело-вѣческой красоты. Научныя наблюденія, хранившіяся египетскими жрецами въ глубокой тайнѣ и служившія имъ оружіемъ для подавленія невѣжественныхъ массъ, въ школахъ греческихъ философовъ сдѣлались доступными для каждого

желающаго. Ни греческое искусство, ни греческая философія не имѣли никогда серьезной и ясно-обозначенной общественной тенденціи. Величественные портики, красивыя статуи, стройныя философскія системы были нужны греку только для того, чтобы наполнять и разнообразить жизнь пріятными ощущеніями. Въ наше время, когда наука и литература сдѣлались великими общественными силами, такое отношеніе къ знанію и къ творчеству было бы совершенно непозволительно. Но во времена Пизистрата или Перикла единственнымъ двигателемъ чловѣческаго ума на пути сознательнаго изслѣдованія было именно то удовольствіе, которое умнѣйшіе изъ тогдашнихъ людей находили въ процессѣ собственнаго мышленія. Освобожденіе науки и искусства отъ узкихъ и корыстныхъ теократическихъ соображеній составляетъ такой необходимый и такой громаднй успѣхъ, безъ котораго не были бы возможны никакія дальнѣйшія усовершенствованія. Благодаря этому освобожденію, греческій мыслитель могъ искать истину для самой истины, не обращая никакого вниманія на то, противурѣчитъ ли она или нѣтъ старымъ преданіямъ или существующему общественному устройству. Это чистое и безкорыстное стремленіе къ истинѣ, невозможное въ древнихъ теократіяхъ, сдѣлалось доступнымъ для греческихъ мыслителей только потому, что они были простыми гражданами, частными людьми, не связанными единствомъ интересовъ ни съ жрецами, ни съ администраторами. А существованіе этого класса совершенно свободныхъ мыслителей, занимающихся мышленіемъ изъ любви къ истинѣ, обусловливается, какъ мы видѣли выше, во-первыхъ тѣмъ, что война разбила теократическія формы въ самомъ зародышѣ, и во-вторыхъ тѣмъ, что политическая безалаберщина оттолкнула лучшихъ людей Греціи отъ государственныхъ занятій.

Свободные мыслители древней Греціи оказали людямъ двѣ громадныя услуги: во-первыхъ, они довели геометрію до высокой степени совершенства и заложили своими математическими открытіями тотъ прочный и необходимый фундаментъ, на которомъ стоитъ вся наука и вся положительная философія нашего времени; во-вторыхъ, они своими метафизическими системами совершенно расшатали доктрину политеизма и сдѣлали первую смѣлую попытку выйдти на новую дорогу изъ-подъ тяжелой теософической опеки. Попытка оказалось неудачною, по недостатку фактическихъ знаній; но смѣлость греческихъ мыслителей не пропала даромъ, и вызвала, много столѣтій спустя, такихъ подражателей, у которыхъ, кромѣ живого стремленія къ истинѣ, кромѣ умственной неустрашимости, есть еще громаднѣйшій арсеналъ сдѣланныхъ открытій, собранныхъ опытовъ и неопровержимыхъ обобщеній. Что было у греческихъ мыслителей смутнымъ угадываніемъ, то сдѣлалось для новѣйшихъ под-

ражателей ихъ яснымъ, отчетливымъ и спокойнымъ пониманіемъ. Попытка, неудавшаяся грекамъ, совершенно удалась современнымъ европейцамъ.

Х.

Въ римскомъ политеизмѣ религія совершенно подчинена политикѣ, которая имѣетъ строго-завоевательное направленіе, обусловленное характеромъ и географическимъ положеніемъ римскаго народа. Римъ обязанъ своими обширными завоеваніями не столько храбрости легионовъ, сколько хладнокровной расчетливости сената и народа. Храбростью отличались всѣ древніе обитатели Европы; и самнитяне, и греки, и македоняне, и галлы, и иберійцы — всѣ они были чрезвычайно воинственны и неудержимо храбры, а между тѣмъ только однимъ римлянамъ досталось господство надъ древнимъ міромъ. Завоевателей въ древности было очень много, но результаты ихъ подвиговъ исчезали обыкновенно вмѣстѣ съ ихъ личностями и не могли образовать никакой прочной связи между покоренными народами. Всѣ великія монархіи передней Азіи — вавилонская, ассирійская, персидская — были только конгломератами народовъ, платящихъ дань общему побѣдителю, но нисколько не связанныхъ между собою единствомъ законовъ, обычаевъ, вѣрованій, образованія, промышленной жизни и административныхъ учреждений. Александръ Македонскій первый задумалъ произвести дѣйствительное сліяніе между побѣжденными національностями, и его завоеванія, не смотря на крайнюю непродолжительность его собственной жизни и не смотря на бездарность его преемниковъ, распространили греческую цивилизацію въ передней Азіи и въ сѣверовосточной Африкѣ. Но прочное покореніе и глубокое объединеніе рѣзко обозначенныхъ народностей древняго міра составляло такую колоссальную задачу, которая далеко превышала силы отдѣльной личности и которую могъ рѣшить въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій только цѣлый народъ, одаренный всѣми важнѣйшими качествами воина и администратора. Такимъ народомъ оказались римляне.

Римляне не были ни фанатиками, ни мыслителями, ни художниками, ни героями; они были преимущественно ростовщиками и клузниками. Добродѣтельный Катонъ называетъ божественнымъ того человѣка, который, въ теченіе своей жизни, пріобрѣтаетъ больше богатствъ, чѣмъ сколько оставили ему его предки. Пламенный патриотъ Брутъ, зарѣзавшій Цезаря, бралъ, или точнѣе, дралъ съ своихъ должниковъ по сорока восьми процентовъ. „Лихоимство, говоритъ Тацитъ (Annal. VI, 16), было у насъ старин-

нымъ порокомъ и самою обыкновенною причиною нашихъ раздоровъ и нашихъ возмущеній. Законы противъ лихоимства нарушались самими сенаторами, изъ которыхъ ни одинъ не былъ чистъ отъ подобныхъ злоупотребленій.“ Трудно себѣ представить, чтобы римляне могли когда нибудь серьезно составлять законы противъ лихоимства. Законы XII таблицъ предоставляютъ, напротивъ того, кредитору такую безграничную власть надъ должникомъ, которая многимъ новымъ историкамъ показалась даже неправдоподобною и которая, конечно, могла дѣйствовать на ростовщиковъ только самымъ поощряющимъ образомъ. Вотъ текстъ закона, какъ переводить его Мишле (Histoire romaine, I, 2.): „Пусть его (должника) зовутъ въ судъ. Если онъ не пойдетъ, возьми свидѣтелей, заставь его. Если онъ будетъ медлить и попробуетъ бѣжать, захвати его. Если старость или болѣзнь мѣшаютъ ему явиться, дай ему лошадь, но носилокъ не нужно. За богача — пусть ручается богачъ; за пролетарія — кто захочетъ. Когда долгъ признанъ и дѣло обсуждено, — тридцать дней отсрочки. Потомъ пусть его схватятъ и вѣдутъ къ суду. Закатъ солнца закрываетъ судъ. Если онъ не удовлетворяетъ требованіямъ суда, если никто за него не ручается, кредиторъ уведетъ его къ себѣ и привяжетъ его ремнями или цѣпями, вѣсомъ въ пятнадцать фунтовъ; меньше пятнадцати фунтовъ, если того хочетъ кредиторъ. Пусть узникъ кормится своею пищею. Или же дайте ему фунтъ муки, или больше, смотря по вашему желанію. Если онъ не заплатитъ, держите его въ оковахъ шестьдесятъ дней; между тѣмъ приводите его въ судъ три раза, въ базарные дни, и объявляйте публикѣ, на какую сумму простирается долгъ. На третій базарный день, если окажется нѣсколько кредиторовъ, пусть они разрѣжутъ тѣло должника. Если они отрѣжутъ больше или меньше, пусть они за то не подвергаются отвѣтственности. Если они хотятъ, они могутъ продать его въ чужія земли, за Тибръ.“ — Текстъ закона самъ по себѣ такъ выразителенъ, что онъ лучше всякихъ пространныхъ разсужденій обрисовываетъ народный характеръ римлянъ, неустрашимо доводившихъ свое уваженіе къ священнымъ правамъ капитала до хладнокровнаго, и методическаго разрѣзыванія несостоятельнаго человѣческаго тѣла, которое, въ эту тяжелую минуту, могло успокаивать себя тѣмъ разсужденіемъ, что его рѣжутъ на самомъ законномъ основаніи и съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ формальностей. У римлянъ былъ еще другой законъ, изъ котораго усматривается, что римляне умѣли превращать въ наличныя деньги даже своихъ родныхъ и законныхъ дѣтей. Этотъ законъ говоритъ, что отецъ имѣетъ право продать сына въ рабство *только три раза*. Это значитъ, что сынъ, проданный своимъ отцомъ и отпущенный на волю покупщикомъ, возвращается подъ власть отца, который имѣетъ полное право продать его *вторично*; если второй покупатель также отпуститъ его на волю, то отецъ опять овла-

дѣваетъ имъ и можетъ продать его *въ третій разъ*. Послѣ *третьей* продажи, отецъ уже теряетъ надъ сыномъ всякую власть. — Существованіе такого закона доказываетъ очевидно, что многіе отцы дѣйствительно торговали своими дѣтьми, и что общественное мнѣніе относилось къ подобной торговлѣ очень снисходительно. Ясное дѣло, что законодателю никогда не приходитъ въ голову фантазія ограничивать извѣстными постановленіями такіе поступки, къ которымъ данное общество не обнаруживаетъ ни малѣйшей наклонности.

Кляузничество римлянъ наложило свою печать на всё явленія ихъ частной, общественной и государственной жизни. Постоянно стараясь поживиться чужимъ достояніемъ, нарушая на каждомъ шагу чужія права, римляне въ то же время обнаруживали самое глубокое уваженіе къ формальной сторонѣ всякихъ договоровъ, условій, законовъ, обычаевъ, традицій и церемоній. Объявляя какому нибудь народу войну, римляне всегда устраивали такъ, что эта война, чисто завоевательная съ ихъ стороны, принимала видъ вынужденной обороны. Римляне всегда прикидывались обиженными и надѣялись этимъ маневромъ обезпечить за собою содѣйствіе высшихъ силъ. При объявленіи войны соблюдались всегда извѣстныя формальности.

До какихъ ребяческихъ уловокъ доводило римлянъ ихъ стремленіе сражаться постоянно за правое дѣло — это всего лучше видно изъ ихъ поступка съ самнитянами. Самнитскій генераль, Кай Понцій, окружилъ римскую армію въ узкомъ горномъ проходѣ, и, вмѣсто того, чтобы уничтожить ее, заключилъ съ консуломъ Постуміемъ миръ, выгодный для самнитянъ. Сенатъ отказался утвердить этотъ договоръ, отговариваясь тѣмъ, что этотъ договоръ, заключенный безъ вѣдома народа и безъ участія жрецовъ-феціаловъ, не имѣетъ никакой обязательной силы. Это мнѣніе было высказано самимъ Постуміемъ, который требовалъ только, чтобы, для соблюденія закона, феціалы выдали самнитянамъ, съ должными церемоніями, его, Постумія, и всѣхъ другихъ предводителей, подписавшихъ неутвержденный договоръ. Желаніе Постумія было исполнено. Феціалы отвезли ихъ въ непріятельскій лагерь, раздѣли ихъ до гола и связали ихъ по рукамъ и по ногамъ, причемъ Постумій приказалъ затянуть ремень потуже, для того, чтобы вся церемонія была исполнена съ безукоризненною добросовѣстностью. „Такъ какъ эти люди, — заговорилъ феціаль, введя плѣнниковъ въ собраніе самнитянъ, — безъ воли римскаго народа, обѣщали заключить мирный договоръ (заключенный договоръ превратился въ обѣщаніе) и такъ какъ, въ этомъ случаѣ, они впали въ оплошность, то, чтобы снять съ римскаго народа отвѣтственность за нечестивое преступленіе, я выдаю вамъ этихъ людей.“ У Постумія былъ приготовленъ для самнитянъ новый сюрпризъ; въ то время, когда феціаль договаривалъ свою рѣчь, связанный консулъ ухи-

трился толкнуть его ногою и крикнулъ тотчасъ, что онъ, человекъ, выданный самнитянамъ, нанесъ оскорбленіе римскому жрецу, и что, вслѣдствіе этого, римляне имѣютъ законное основаніе вести съ самнитянами войну. Въ поведеніи Постумія обнаруживаются очень ярко, какъ мужество, такъ и пронырство римлянъ. Постумій смѣло и весело идетъ на встрѣчу мучительной смерти, и въ то же время тщательно наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ мельчайшихъ формальностей, выгораживающихъ римскій народъ отъ всякой нравственной отвѣтственности передъ богами и передъ людьми. Правда, что самнитяне тотчасъ освободили выданныхъ имъ полководцевъ; но на такое великодушіе никакъ нельзя было рассчитывать, и Постумій, съ своей стороны, принявъ, какъ мы видѣли, всѣ мѣры, чтобы вывести изъ терпѣнія тѣхъ людей, отъ которыхъ зависѣла его участь.

Передъ началомъ каждой войны, римскій феціаль отправлялся на границу враждебнаго народа и, произнося объявленіе разрыву, бросалъ копье на непріятельскую землю. Это было очень удобно, пока римляне воевали исключительно съ итальянцами. Но не за долго до начала пуническихъ войнъ римлянамъ пришлось сразиться съ Пирромъ, царемъ эфирскимъ, ворвавшимся въ Италію. Посылать феціала въ Грецію было неудобно, а между тѣмъ отказаться отъ исполненія старой церемоніи было слишкомъ страшно. Римляне вывернулись изъ этого затрудненія посредствомъ юридической фикціи. Они заставили одного эфирскаго перебѣжчика купить въ окрестностяхъ Рима поле, которое и должно было изображать сначала Эфиръ, а потомъ и всѣ остальные непріятельскія земли. Передъ каждою войною феціаль, произнося приличную рѣчь, бросалъ въ это поле копье, и затѣмъ всѣ формальности, относящіяся къ объявленію войны, считались исполненными. Кляузничая такимъ образомъ съ людьми, римляне старались даже, такими же уловками, перехитрить боговъ и судьбу. Однажды сенатъ отыскалъ въ сивилинскихъ книгахъ предсказаніе, что галлы два раза должны овладѣть городомъ. Чтобы предотвратить это бѣдствіе, сенатъ приказалъ зарыть живьемъ двухъ галловъ, мужчину и женщину, въ самой серединѣ Рима. Такъ какъ галлы, подъ предводительствомъ Бренна, уже одинъ разъ овладѣли Римомъ, и такъ какъ зарытые галлы, по мнѣнію сената, также овладѣли римскою землею, то предсказаніе оказалось исполненнымъ, и римляне успокоились.

XI.

Типическія особенности римскаго характера — спокойная разсудительность, хладнокровная расчетливость, мужественная настойчивость и мошенническая изворотливость — выработались или, по крайней мѣрѣ, развернулись съ полною силою во время двухсотлѣтней внутренней борьбы патриціевъ и плебеевъ. Въ греческихъ республикахъ, аристократы и чернь постоянно вели между собою истребительныя войны и, при каждомъ удобномъ случаѣ, призывали другъ противъ друга военныя силы другихъ народовъ. Въ Римѣ, напротивъ того, такая же точно борьба окончилась безъ кровопролитія, и не только никогда не отдавала города на жертву иностранцамъ, но даже ни разу не помѣшала враждующимъ сословіямъ вести общими силами упорныя завоевательныя войны. Духъ холоднаго формализма и расчетливаго кляузничества избавилъ Римъ отъ бѣдствій междуусобной войны, которая навѣрное отняла бы у римлянъ возможность завоевать впоследствии тогдашній образованный міръ. Патриціи и плебеи, глубоко проникнутыя любовью къ сутяжничеству и уваженіемъ къ внѣшнимъ формамъ легальности, старались преимущественно о томъ, чтобы перехитрить и переупрямить другъ друга. Плебеи медленно, расчетливо и осторожно подвигались впередъ; патриціи упорно отстаивали каждый клочекъ своихъ привилегій, торговались изъ-за каждой мелочи, оттягивали время разными благовидными уловками, развлекали своихъ противниковъ разными хитростями и медленно уступали ихъ легальному натиску. Эта продолжительная борьба оказалась для обѣихъ сторонъ такою превосходною школою политическаго пронырства, послѣ которой римлянамъ сдѣлалось уже очень нетрудно справляться съ другими націями, руководствуясь извѣстнымъ девизомъ: „Divide et impera“. — (Раздѣляй и господствуй).

Во всѣхъ своихъ завоевательныхъ предпріятіяхъ римляне дѣйствовали постоянно съ тою осмотрительностью и расчетливостью, которыя составляютъ основныя свойства ихъ національнаго характера. Они никогда не бросались, очертя голову, въ далекія или рискованныя предпріятія; они никогда не вели войнъ изъ-за принциповъ, никогда не увлекались ни любовью къ славѣ, ни ненавистью, ни дружбою, и постоянно имѣли въ виду только осязательныя выгоды — деньги, земли и рабочую силу. Въ ихъ войнахъ нѣтъ ничего похожего на блистательныя подвиги Александра. Политика сената обыкновенно умѣла таеъ

хорошо изолировать врага и такъ ловко выбирать удобную минуту для начала войны, что успѣхъ нападенія оказывался почти независимымъ отъ личныхъ талантовъ полководца. Самая трудная часть завоевательной карьеры Рима заключается, конечно, въ ея началѣ, то есть, въ покореніи Италіи. Когда Италія была завоевана, тогда уже можно было сказать заранѣе, что весь древній міръ сдѣлается добычею римлянъ, тѣмъ болѣе, что всѣ земли этого древняго міра уже давно были истощены многими вѣками безпорядочныхъ войнъ и самой скверной администраціи. Завоеваніе Италіи шло туго и медленно; римлянамъ пришлось потратить на это дѣло около четырехъ столѣтій. Непобѣдимое упорство и неизмѣнная послѣдовательность римской политики въ теченіе всего этого продолжительнаго и многотруднаго періода объясняются преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣла республики постоянно находились въ рукахъ цѣлаго привилегированнаго сословія, а не отдѣльныхъ личностей и не народной массы.

Аристократическій образъ правленія можетъ сдѣлаться, и обыкновенно дѣлается, для народа тяжелѣе самаго безумнаго личнаго деспотизма; привилегированное сословіе можетъ устроить такую утонченную, многостороннюю и систематическую эксплуатацію массъ, въ которой вовсе не нуждается единичный деспотъ. Съ этой точки зрѣнія, аристократія хуже всякой тиранніи. Эти обыкновенные плоды свои аристократическій образъ правленія принесъ и въ Римѣ. Но если взглянуть на римскую республику съ точки зрѣнія ея завоевательной карьеры, то надо будетъ согласиться, что эта карьера была возможна только при аристократическомъ правительствѣ; если бы дѣлами Рима завѣдывала масса, то эта масса, не имѣя возможности посвящать все свое время политическимъ размышленіямъ, непременно, въ большей или меньшей степени, стала бы дѣйствовать по свободному вдохновенію, уступая напору хорошихъ или дурныхъ страстей и увлекаясь доводами краснорѣчивыхъ ораторовъ. Можно сказать навѣрное, что римскій народъ все-таки не обнаружилъ бы той подвижности и того легкомыслія, которыми прославились, на примѣръ, афиняне; но трудно также предположить, чтобы, находясь въ рукахъ народной массы, римская политика могла сохранять постоянно тотъ характеръ неумолимой разсудочности и безстрастной послѣдовательности, которымъ она отличалась въ теченіе многихъ вѣковъ и безъ котораго побѣды римскихъ полководцевъ оказались бы безплодными.

Если бы Римъ былъ монархіею, то послѣдовательная политика была бы еще менѣе возможна, потому что для этого надо было бы предположить, что на римскомъ престолѣ появляются, одинъ за другимъ, нѣсколько десятковъ царей, одинаково даровитыхъ, разсчетливыхъ, безстрастныхъ и безсовѣстныхъ. Всѣ эти качества, очень рѣдкія въ отдѣльныхъ личностяхъ,

и никогда не встрѣчающіяся въ цѣлыхъ массахъ, очень обыкновенны въ тѣхъ сословіяхъ, которыхъ члены съ малыхъ лѣтъ воспитываются для общественной дѣятельности, и потомъ служатъ государству въ теченіе всей своей жизни, то въ совѣтѣ, то на полѣ сраженія. Эти сословія до такой степени приучаются видѣть въ своихъ собственныхъ интересахъ интересы всего отечества, что они систематически разнудываютъ свои эгоистическіе инстинкты, систематически подавляютъ въ себѣ всѣ добрыя чувства и вмѣняютъ себѣ въ высокую патріотическую заслугу это сознательное искаженіе человѣческаго образа. На что не рѣшился бы деспотъ, на то рѣшается аристократія, потому что она сама для себя составляетъ то общественное мнѣніе, которое оправдываетъ и одобряетъ ея рѣшимость. Только въ рядахъ аристократіи могутъ составиться крѣпкія политическія традиціи; только аристократія, подвергающаяся медленному обновленію снизу, можетъ соединить старческую осторожность съ юношескою энергіею и во всякую данную минуту дѣйствовать противъ своихъ враговъ то волчьимъ ртомъ, то лисьимъ хвостомъ. Словомъ, всѣ дурныя стороны аристократическаго правительства приписались какъ нельзя болѣе кстати, когда Римъ вступилъ на поприще завоевательныхъ войнъ.

Побѣда плебеевъ надъ патриціями уничтожила, правда, кастическій характеръ римской аристократіи, но все государственное устройство римской республики осталось по прежнему аристократическимъ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что элементъ богатства сталъ на одну доску съ элементомъ родовой знатности. Высшія государственныя должности перестали быть исключительнымъ достояніемъ патриціевъ, но продолжали по прежнему сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ фамилій, по той простой причинѣ, что дѣтямъ богачей, консуловъ или сенаторовъ было очень нетрудно остановить на себѣ вниманіе избирателей и побѣдить на выборахъ бѣдныхъ или незнатныхъ соискателей. Вслѣдствіе этого, высшія должности въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ могли считаться почти наследственными, и, сообразно съ этимъ обстоятельствомъ, все воспитаніе направлялось въ этихъ семействахъ къ тому, чтобы готовить военачальниковъ и администраторовъ. Связанные между собою узами родства и единствомъ общихъ аристократическихъ интересовъ, молодые воины и старые сенаторы такъ хорошо понимали другъ друга и дѣйствовали съ такимъ единодушіемъ, что смѣлая предприимчивость первыхъ и холодная расчетливость вторыхъ взаимно поддерживали и дополняли другъ друга во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ римской исторіи. Такъ какъ жреческія должности принадлежали тому же высшему классу военачальниковъ и правителей, то понятно, что всѣ возможные авторитеты, теоретическіе и практическіе, гражданскіе и

военные, тянули всё силы народа въ одну и ту же сторону, на одну и ту же завоевательную дорогу.

Покоряя своихъ сосѣдей, Римъ умѣлъ немедленно превращать своихъ побѣжденныхъ враговъ въ вѣрныхъ союзниковъ и въ полезныя орудія для дальнѣйшихъ завоеваній. Сами итальянцы покорили для Рима Италию, и тѣ же итальянцы завоевали впоследствии, подъ начальствомъ римскихъ полководцевъ, весь образованный міръ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ распоряженіяхъ римскаго сената преобладалъ постоянно элементъ политическаго разчета. Не увлекаясь чувствомъ ненависти и злорадства, сенатъ вовсе не хотѣлъ унижать, давить и порабощать побѣжденныхъ враговъ, въ содѣйствіи которыхъ онъ постоянно нуждался для расширенія своего господства. Одною силою оружія Римъ, конечно, не могъ держать въ повиновеніи всю Италию, а между тѣмъ только господство надъ военными силами Италиі могло доставить Риму побѣду надъ другими государствами. Поэтому, сенатъ поневолѣ долженъ былъ предоставлять итальянцамъ кое-какія права, заключать съ ними особыя условія и вообще воздерживаться, въ отношеніи къ нимъ, отъ тѣхъ грубыхъ проявленій насилія, которыя считались въ древности естественнымъ послѣдствіемъ побѣды. Располагая всѣми вооруженными силами Италиі, римская аристократія блистательнымъ образомъ выполнила свою задачу: она скрутила и обобрала весь тогдашній историческій міръ, въ томъ числѣ и своихъ собственныхъ соотечественниковъ, доблестныхъ гражданъ города Рима. Въ то время, когда римскіе легіоны покоряли и опустошали Азію, пауперизмъ, въ Италиі и въ Римѣ, былъ доведенъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, до какихъ врядъ-ли возвысилась даже современная Англія, находящаяся также подъ управленіемъ родовой и денежной аристократіи. „У дикихъ звѣрей, говорилъ Тиверій Гракъ, есть лещеры, въ которыя они могутъ удалаться, а у людей, проливающихъ свою кровь за Италию, нѣтъ въ Италиі ничего, кромѣ солнечнаго свѣта и того воздуха, которымъ они дышатъ. Безъ постоянныхъ жилищъ, они бродятъ по всей странѣ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Полководцы ихъ обманываютъ, когда они убѣждаютъ ихъ сражаться за могилы предковъ и за домашніе очаги. Развѣ хоть у одного изъ этихъ людей есть своя домашняя святыня и семейная гробница? Они дерутся и умираютъ только затѣмъ, чтобы поддерживать чужую роскошь. Ихъ называютъ владыками міра, а между тѣмъ, у нихъ нѣтъ кома земли, который составлялъ бы ихъ собственность“.

Весь государственный механизмъ Рима былъ приспособленъ къ завоевательной войнѣ; завоевательная война была необходима для того, чтобы поддерживать въ механизмѣ порядокъ и стройность. Консулы только на то и годились, чтобы водить легіоны въ атаку; сенатъ только тѣмъ и былъ замѣчателенъ, что умѣлъ ссорить между собою враговъ

римской республики и награждать своих союзников, обирая въ ихъ пользу своихъ противниковъ. Когда всѣ противники, которыхъ можно было покорить и обобратъ, оказались покоренными и обобранными, когда всѣ враги римской республики превратились въ ея подданныхъ, тогда римское государственное устройство оказалось совершенно несостоятельнымъ и быстро обнаружило всѣ признаки полного разложенія. Въ Италію были снесены со всѣхъ сторонъ горы серебра, золота и всякихъ драгоценностей; такого колоссальнаго и систематическаго грабежа не видѣлъ еще и, по всей вѣроятности, никогда больше не увидитъ міръ. „Гдѣ богатства тѣхъ народовъ,—говоритъ Цицеронъ въ своей рѣчи про lege Manilia, -- которые теперь доведены до нищеты? Странный вопросъ! Развѣ вы не видите, что Афины, Пергамъ, Кизикъ, Милетъ, Хиосъ, Самось, вся Азія, Ахаія, Греція, Сицилія свезены цѣликомъ въ наши загородные дворцы?“ — Вмѣстѣ съ драгоценностями, римскіе генералы захватывали несмѣтныя массы невольниковъ; цѣлыя населенія продавались въ рабство, и такъ какъ число покупателей было очень ограничено, то, разумѣется, дешевизна людей доходила до самыхъ комическихъ размѣровъ. Послѣ подвиговъ Лукулла въ Азіи, раба можно было купить за четыре драхмы (меньше рубля серебромъ). Встрѣчаясь съ такими цифрами, читатель перестаетъ удивляться тому, что римляне тратили рабовъ на гладіаторскія игры, или тому, что Веллій Полліонъ кормилъ своихъ любимыхъ рыбъ живыми рабами. Это продовольствованіе рыбъ могло казаться Полліону выгоднымъ даже въ экономическомъ отношеніи, потому что, когда взрослый и здоровый человѣкъ цѣнится въ цѣлковый, тогда этотъ человѣкъ, очевидно, не имѣетъ даже значенія рабочей силы. Вытягивая изъ провинцій рабочее населеніе и платя за человѣка по четыре драхмы, римскіе олигархи этими поступками объявляли громогласно всему міру, что только они, олигархи, имѣютъ право жить на свѣтѣ и потреблять продукты человѣческаго труда; что необходимо должна считаться только та доля труда, которая удовлетворяетъ потребностямъ и прихотямъ олигарховъ, и что затѣмъ вся остальная масса наличной трудовой силы должна продаваться за безцѣнокъ, какъ вещь совершенно излишняя и ни на что негодная. *) Этимъ образомъ дѣйствій римская олигархія, очевидно, обрекала всѣ провинціи на голодную смерть и на запусгѣніе. Придя къ такому поразительному политическому и экономическому абсурду, римская республика непременно должна была погибнуть; вопросъ могъ состоять только въ томъ, погиб-

*) Аристократы нашего времени, мальтузианцы, говорятъ даже, что изобиліе рабочей силы очень вредно. Веллій Полліонъ оказывается благодѣтелемъ человечества.

нетъ-ли она одна, или же погубить вмѣстѣ съ собою все свои обширныя владѣнія. Имперія рѣшила этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что погибнуть должны только однѣ отжившія республиканскія учрежденія.

Превращеніе республики въ имперію, или, другими словами, переходъ верховной власти отъ привилегированнаго сословія къ одной всемогущей личности, оказалось для провинцій истиннымъ благодѣяніемъ. Этого не отрицаетъ даже Тацитъ, не смотря на всю свою ненависть къ цезарямъ. Что благоразумные императоры не допускали въ провинціяхъ тѣхъ грабительствъ, которыми отличались аристократы республиканскихъ временъ — это само собою разумѣется и никѣмъ не оспаривается. Но даже отъявленные негодяи, въ родѣ Калигулы, Нерона или Домиціана, были для провинцій менѣе вредны и опасны, чѣмъ республиканская олигархія. Тиранія самыхъ звѣрообразныхъ императоровъ разыгрывалась только въ самомъ Римѣ, и обрушивалась преимущественно на богатыхъ и знатныхъ людей. Провинціалы были очень довольны именно тѣми императорами, которые въ Римѣ приобрѣли себѣ репутацію людоѣдовъ. Когда нѣкоторые губернаторы посовѣтовали Тиверію увеличить подати, наложенныя на провинціаловъ, Тиверій отвѣчалъ имъ, что „хорошій пастухъ долженъ стричь, но не обдирать своихъ овецъ“. Домиціанъ, по словамъ Светонія, такъ искусно умѣлъ держать въ рукахъ провинціальныхъ губернаторовъ, что они, въ его время, отличались небывалымъ безкорыстіемъ и неслыханною честностью. Проконсулы временъ республики посылались въ провинціи на кормленіе, не получая отъ государства никакого жалованья и пользуясь совершенно неограниченною властью. Они обращались съ провинціею, какъ съ неприятельскою страной, и никто не могъ требовать отъ нихъ отчета, кромѣ ихъ сообщниковъ и родственниковъ, засѣдавшихъ въ сенатѣ. Губернаторы временъ имперіи, напротивъ того, получили опредѣленные оклады жалованья, были снабжены инструкціями, ограничивавшими ихъ власть, и подчинены строгому надзору со стороны приближенныхъ людей императора, не имѣвшихъ ничего общаго съ аристократическимъ сословіемъ. Вся внутренняя политика императоровъ, хорошихъ и дурныхъ, постоянно была направлена къ тому, чтобы унижать жалкіе остатки старой сенаторской аристократіи. Лучшіе изъ императоровъ достигали этой цѣли тѣмъ, что предоставляли права гражданства провинціаламъ, или тѣмъ, что старались ограничить власть господъ надъ рабами. Худшіе деспоты просто душили и обирали богатыхъ аристократовъ, знаменитые предки которыхъ душили и обирали провинціаловъ. Тѣ факты, что Калигула произвелъ своего любимаго жеребца Инцитата въ сенаторы, или что Домиціанъ созвалъ полное собраніе сената для обсужденія вопроса о рыбномъ соусѣ, оказываются вовсе не симптомами умственного разстройства, а напротивъ того, очень злыми насмѣшками

деспотовъ надъ обломками аристократіи, которая, окончивъ свою завоевательную задачу, потеряла смыслъ своего существованія и лишилась всѣхъ своихъ прежнихъ достоинствъ. Калигула и Домиціанъ нисколько не ошиблись въ своихъ современникахъ, предположивши въ нихъ способность глотать, съ пріятною улыбкою, всевозможныя оскорбленія, идущія сверху; извѣстно, что сенаторы Калигулы торжественно благодарили своего повелителя за ту честь, которая была оказана ихъ сословію производствомъ Инцитата. Извѣстно также, что сенаторы Домиціана произносили, по вопросу о соусѣ, длинныя, серьезныя и горячія рѣчи. — Удары цезарей сыпались большею частью на такія фізіономіи, которыя умѣли выражать только одно подобострастное умиленіе.

Имперія убила аристократію, но сама не поставила на ея мѣсто никакой новой идеи, ничего, кромѣ полновластной личности, которая почти всегда оказывалась совершенно неблагонадежною и вела себя до крайности неприлично. Весь періодъ имперіи можетъ быть названъ продолжительнымъ разложеніемъ стараго римскаго механизма, приспособеннаго для завоевательной войны и пришедшаго въ совершенную негодность на другой же день послѣ окончательной побѣды. Прекративши насильственнымъ образомъ бесплодныя войны между цивилизованными націями древняго міра, римское господство произвело сближеніе враждовавшихъ народностей. Это сближеніе совершилось именно въ періодъ имперіи. Тутъ перемѣшались между собою и національности, и религіи, и философскія школы, и юридическія понятія, и сословія. Въ общемъ результатъ получилась очень мутная помѣсь, изъ которой однако, при содѣйствіи варваровъ, выработались мало по малу новыя формы болѣе прочной и богатой цивилизаціи. Греческая философія распространилась по всей имперіи и подготовила превращеніе политеизма въ монотеизмъ. Матеріалы для этого превращенія нашлись въ самой мифологіи грековъ и римлянъ, въ которой существовало съ незапамятныхъ временъ понятіе Судьбы, подчинявшей своему таинственному вліянію поступки и желанія людей и боговъ. Когда созрѣвающій человѣческій умъ началъ подмѣчать въ различныхъ явленіяхъ природы строгую правильность и неизмѣнное постоянство, тогда понятіе Судьбы постепенно выдвинулось на первый планъ, обрисовалось яснѣе, получило опредѣленные личные атрибуты и превратило всю толпу боговъ и богинь въ безгласную и послушную толпу слугъ и служанокъ. Этому перевороту должно было, въ значительной степени, содѣйствовать то обстоятельство, что національные боги, не умѣвшіе защитить своихъ поклонниковъ отъ римскаго оружія и склонившіеся передъ величіемъ Юпитера Капитолійскаго, потеряли въ глазахъ поработенныхъ націй большую часть своего прежняго авторитета. На сколько римскій императоръ былъ сильнѣе мелкихъ національныхъ царей, на столько же новый богъ долженъ былъ

оказаться сильнѣе прежнихъ національныхъ боговъ. Когда въ Римѣ сбѣжались, съ разныхъ концовъ древняго міра, десятки религій, тогда мелкое соперничество разнокалиберныхъ культовъ и жрецовъ пробудило въ очень многихъ умахъ стремленіе къ какому нибудь болѣе широкому, высокому и чистому единству, которое положило бы конецъ скандальнымъ жреческимъ интригамъ, рекламамъ, фокусамъ и ссорамъ. Философія, въ періодъ имперіи, приняла теологическое направленіе и, стараясь отыскать въ языческихъ мифахъ высшій символическій смыслъ, выработала, подъ прикрытіемъ старыхъ именъ, новое монотеистическое ученіе. Видя передъ собою ту колоссальную деморализацію, которою римская имперія далеко превзошла всѣ остальные историческія эпохи, философы очень добросовѣстно стремились къ тому, чтобы обновить и образумить общество вліяніемъ философскихъ доктринъ. Философы старались устроить какое-то царство разума, въ которомъ верховная власть будетъ принадлежать мыслителямъ, и въ которомъ всѣ люди будутъ добродѣтельны и счастливы, какъ кроткія и послушныя овцы. Чтобы ввести людей въ это царство благонравія и блаженства, философамъ надо было выработать и распространить сильную и убѣдительную нравственную доктрину, а для этого имъ непремѣнно надо было выдти въ ту или другую сторону изъ области метафизики, въ которой обрѣталась греческая философія, послѣ своего разрыва съ господствующимъ политеизмомъ. Построить какую бы то ни было нравственную доктрину можно только или на вѣрѣ, или на знаніи. Чтобы считать одни поступки обязательными, а другіе предосудительными, человекъ долженъ или воображать себѣ, что надъ нимъ есть высшая сила посылающая ему награды и наказанія, или знать, посредствомъ точнаго изслѣдованія окружающей природы и собственнаго организма, что одни поступки приносятъ ему пользу, а другіе вредъ. Знанія философовъ были такъ отрывочны и недостаточны, что на нихъ невозможно было построить нравственную и социальную доктрину. Метафизика, по своему обыкновению, привела всѣхъ искреннихъ мыслителей только къ систематическому сомнѣнію, превратившему наконецъ весь внѣшній міръ въ призракъ и въ обманъ чувствъ. Такими діалектическими тонкостями невозможно было дѣйствовать на массы и реформировать общественную жизнь. Поэтому, когда философія почувствовала въ себѣ призваніе къ практической дѣятельности, тогда она, поневолѣ, откинулась назадъ, къ теологіи, и въ этой области остановилась на той доктринѣ, которая, по своей раціональности, стояла выше древнихъ мифовъ и была болѣе способна внести въ общество единодушіе, порядокъ и нравственную чистоту. Философы и народныя массы встрѣтились въ своихъ стремленіяхъ на монотеизмъ, и хотя смѣлыя надежды философовъ далеко не осуществились, однако, тѣмъ не менѣе, человечество вступило въ новую фазу своего историческаго развитія.

Вмѣстѣ съ основною доктриною, измѣнились, по обыкновенію, всѣ отрасли умственной дѣятельности, всѣ государственныя учрежденія и всѣ важнѣйшія формы общественной жизни. Здѣсь оканчивается древняя исторія, и начинается средневѣковой періодъ, наполненный такими явленіями, о которыхъ древность не имѣла понятія.

ХП.

Вѣрованія политеистовъ имѣли чисто національное значеніе; каждое отдѣльное политическое тѣло имѣло своихъ специальныхъ покровителей, которыхъ господство не распространялось на сосѣдей. Умиловленіе этихъ національныхъ боговъ жертвоприношеніями и различными церемоніями составляло прямую обязанность существующаго правительства. Обѣ власти, духовная или теоретическая (*puvoir spirituel*) и свѣтская или практическая (*puvoir temporel*), во времена политеизма, оставались неразлучными и сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ. Переходъ къ монотеизму разорвалъ древнюю связь, существовавшую между религіею и народностью. Верховное существо монотеистовъ уже не могло быть специальнымъ покровителемъ отдѣльнаго племени; это верховное существо сдѣлалось творцомъ и правителемъ всего міра, отцомъ и судьей всѣхъ людей, безъ различія національностей. Не имѣя никакого мѣстнаго или племеннаго характера, монотеизмъ можетъ сдѣлаться общею религіею многихъ народовъ, разбросанныхъ по различнымъ частямъ свѣта, управляющихся различными законами и составляющихъ множество независимыхъ политическихъ тѣлъ.

Единственною связью между этими различными народами окажутся ихъ общія вѣрованія; въ тѣ времена, когда теологическое міросозерцаніе безраздѣльно господствуетъ надъ умами людей, эта единственная связь имѣетъ очень важное значеніе; народы, связанные общими вѣрованіями, считаютъ себя, до нѣкоторой степени, членами одной общей семьи, и противоплагаютъ себя всему остальному міру, который, по ихъ мнѣнію, коснѣетъ въ пагубномъ заблужденіи. У народовъ, связанныхъ единствомъ теософической доктрины, пробуждается, конечно, стремленіе поддерживать эту связь, сохраняя въ чистотѣ первобытное ученіе и взаимно предостерегая другъ друга отъ такихъ нововведеній и умозаключеній, которыя, такъ или иначе, могутъ нарушить эту драгоценную чистоту. Возникаетъ потребность совѣщаться или переписываться о религіозныхъ дѣлахъ; обнаруживается необходимость создать какую

нибудь центральную власть, къ которой можно было бы обращаться съ разныхъ сторонъ за рѣшеніемъ спорныхъ догматическихъ или дисциплинарныхъ вопросовъ. Словомъ, космополитическій характеръ монотеизма, при благоприятныхъ историческихъ обстоятельствахъ, естественнымъ образомъ приводитъ за собою учрежденіе такой власти, которая, по возможности, старается сдѣлать себя независимою отъ отдѣльныхъ національныхъ правительствъ. Когда національныя правительства сильны и бдительны, тогда эти старанія оказываются неудачными; когда же въ политическомъ мірѣ господствуетъ беспорядочная борьба личныхъ страстей и частныхъ интересовъ, тогда эти старанія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, что и случилось дѣйствительно въ средневѣковой Европѣ, гдѣ, какъ извѣстно, космополитическая власть папъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, боролась съ національными правительствами за верховное господство.

Въ этой средневѣковой борьбѣ папъ съ императорами и съ королями Огюсть Контъ усматриваетъ то раздѣленіе властей, которое по его мнѣнію, должно сдѣлаться основаніемъ будущаго національнаго общественнаго устройства, примирающаго въ себѣ всѣ разумныя требованія порядка и прогресса. Чтобы понять взглядъ Конта на раздѣленіе властей, надо сначала познакомиться съ его мнѣніями о тѣхъ обязанностяхъ, которыя нормально-организованное общество должно налагать на лучшихъ своихъ мыслителей. Философы древней Греціи мечтали о томъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ отрасли верховной власти; они полагали, что господство по всѣмъ правамъ должно принадлежать разуму и что народъ будетъ счастливъ только тогда, когда его дѣлами будутъ завѣдывать самые гениальные и глубокомысленные изъ его соотечественниковъ. Къ этой мечтѣ греческихъ философовъ Контъ относится очень недоброжелательно. Онъ полагаетъ, что гениальный мыслитель, въ большей части случаевъ, оказался бы очень посредственнымъ, или даже нигуда негоднымъ администраторомъ. Фридрихъ II сказалъ однажды, что, если бы онъ захотѣлъ раззорить въ конецъ какую нибудь провинцію, то предоставилъ бы ея управленіе своимъ друзьямъ философамъ. Упомянувъ мимоходомъ объ этихъ извѣстныхъ словахъ, Контъ говоритъ, что онѣ превосходно выражаютъ собою чистѣйшую истину, потому что для занятія всѣдневными практическими дѣлами простое и трезвое благоразуміе гораздо полезнѣе, чѣмъ глубокомысліе и гениальность. Дѣло мыслителей прокладывать новые пути, выработывать новые принципы, обогащать и освѣжать жизнь новыми руководящими идеями. Дѣло администраторовъ — идти по этимъ вновь проложеннымъ дорогамъ, и прикладывать данныя общія идеи къ мелкимъ и случайнымъ обстоятельствамъ мѣста и времени. Мыслитель ищетъ общихъ законовъ, и обращаетъ мало вниманія на частныя особенности изучаемыхъ явленій; ад-

министраторъ, напротивъ того, постоянно имѣть дѣло съ конкретными подробностями, отъ которыхъ, въ большей части случаевъ, зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ его распоряженій. Поэтому, мыслителю, превратившемуся въ администратора, пришлось бы насиловать свою природу, и, если бы даже ему удалось приневолить себя къ аккуратному и кропотливому выполнению мелкихъ практическихъ обязанностей, то, во всякомъ случаѣ, лучшая и драгоцѣннѣйшая часть его умственныхъ силъ осталась бы неприложенною къ дѣлу, и, слѣдовательно, пропала бы даромъ для человѣчества. Кромѣ того, въ правительствѣ, составленномъ изъ мыслителей, высшія мѣста, все-таки, ни въ какомъ случаѣ, не достались бы первокласснымъ гениямъ. Подвиги и силы тѣхъ геніевъ, которые дѣйствительно производятъ перевороты въ общественномъ сознаниі, большею частью не могутъ быть оцѣнены по достоинству современниками, именно потому, что геній слишкомъ далеко хватаетъ впередъ, и слишкомъ рѣзко противурѣчитъ установившимся теоріямъ. Не умѣя понять геніальнаго мыслителя, современники видятъ въ немъ или безтолковаго фантазера или вреднаго шарлатана; пониманіе начинается только тогда, когда многолѣтняя работа мыслителя приведена къ концу и разъяснена обществу другими мыслителями, менѣе даровитыми, чѣмъ первый мыслитель, но болѣе понятливыми, чѣмъ масса равнодушныхъ и недоумчивыхъ современниковъ. Когда это пониманіе становится всеобщимъ, тогда уже поздно призывать генія въ верховный совѣтъ, потому что геній уже умеръ, или, по крайней мѣрѣ, превратился въ дряхлаго старика. Стало быть, правительство философовъ было бы, во всякомъ случаѣ, правительствомъ философствующихъ посредственностей, неспособныхъ сдѣлать ничего великаго ни въ области мысли, ни въ области практической жизни. Наконецъ, особенно важно то обстоятельство, что, присвоивъ себѣ господство надъ обществомъ, и превратившись въ правительство, мысль тотчасъ начинаетъ слабѣть и развращаться; для того, чтобы сохранять всю свою силу и всю свою свѣжесть, мысль должна постоянно оставаться чисто-прогрессивною силою, вѣчно недовольною тѣмъ, что существуетъ, вѣчно критикующею несовершенства настоящаго, вѣчно стремящеюся къ болѣе полной и къ болѣе разумной жизни. Если мысль выйдетъ изъ этого положенія систематической оппозиціи, если она присвоитъ себѣ прямое господство, то она, подобно всякому другому правительству, проникается инстинктомъ самосохраненія и незамѣтнымъ образомъ, мало по малу, направитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы поддерживать тотъ порядокъ вещей и тотъ строй понятій, которые создали ея политическое могущество. Однимъ словомъ, если бы греческіе философы успѣли осуществить свою мечту, то ихъ идеальное государство очень скоро превратилось бы въ неподвижную теократію, систематически подавляющую внутри себя всякую самодѣятельность индивидуальной мысли.

И такъ, стремленія греческихъ философовъ ошибочны. Спрашивается теперь, какимъ же образомъ должно выражаться въ нормально-организованномъ обществѣ оцлодотворяющее вліяніе сильной мысли?

Отвергая честолюбивыя мечты греческихъ философовъ, Контъ полагаетъ въ тоже время, что дѣйствительныя отношенія этихъ философовъ къ обществу были также совершенно ненормальны, именно потому, что эти философы дѣйствовали въ разсыпную и не имѣли никакого официального характера. По соображеніямъ Конта оказывается, что лучшіе мыслители даннаго общества должны составить изъ себя теоретическую власть, совершенно независимую отъ практической, но имѣющую, подобно всякому другому правительству, свою внутреннюю іерархическую организацію. Эта теоретическая власть должна завѣдывать воспитаніемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; то есть, внушивши подрастающему поколѣнію извѣстныя понятія, чувства и стремленія, она должна, своимъ постояннымъ вліяніемъ на общество и на отдѣльныя личности, направлять своихъ бывшихъ воспитанниковъ къ неуклонному примѣненію усвоенныхъ идей къ дѣйствительной жизни.

Не трудно понять, что идея Конта объ организованной и независимой теоретической власти нисколько не лучше той мечты греческихъ философовъ, которую самъ же Контъ разбиваетъ самыми побѣдоносными и неопровержимыми аргументами. Геніямъ приходится оставаться за штатомъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, потому что, въ обоихъ случаяхъ, высшія мѣста въ правительственной іерархіи будутъ доставаться не тѣмъ мыслителямъ, которые умнѣе остальныхъ, а тѣмъ, которые умѣютъ приобрѣсти себѣ наиболѣе обширную извѣстность. Мысль, какъ здѣсь, такъ и тамъ, превратится въ консервативную силу, и сдѣлается тормазомъ, вмѣсто того чтобы быть двигателемъ. Организованная іерархія Конта непременно разовьетъ въ себѣ тѣ естественные инстинкты, которые свойственны всякому правительству, практическому или теоретическому, — разовьетъ ихъ именно потому, что она — организованная іерархія, и слѣдовательно, подобно всякому другому организму, поставлена въ необходимость отстаивать, прежде всего, свое собственное органическое существованіе. Въ конечномъ результатѣ получилась бы чистѣйшая теократія, или же получился бы чистый нуль, то есть, независимая теоретическая власть, придуманная Контомъ, принуждена была бы, или захватить въ свои руки всѣ отрасли политическаго господства, или же отказаться отъ своей независимости и подчиниться свѣтскому правительству. Двѣ независимыя верховныя власти не могутъ существовать рядомъ въ одномъ и томъ же обществѣ; онѣ могутъ только бороться между собою, и борьба ихъ, рано или поздно, непременно должна кончиться тѣмъ, что одна власть уничтожить и прогнать другую. Такъ точно было и въ средневѣковой Европѣ. Если же Контъ, при

всей своей необыкновенной проницательности, принялъ ожесточенную борьбу за полюбовное размежеваніе, то эту странную ошибку можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что Контъ, увлеченный своею собственною политическою утопіею, постарался увидѣть въ исторіи оправданіе этой утопіи и, находясь въ этомъ, далеко не безпристрастномъ настроеніи повѣрилъ съ особеннымъ удовольствіемъ чувствительнымъ розказнямъ католическихъ писателей, подобныхъ монсеньору Боссюэ и графу де-Местру. На этихъ двухъ изобрѣтателей Контъ дѣйствительно ссылается очень часто, причемъ онъ обыкновенно называетъ ихъ *l'illustre de Maistre le grand Bossuet*.

XIII.

По мнѣнію Конта, великая политическая задача католицизма состояла въ томъ, чтобы, устраняя опасныя мечты греческой философіи о верховномъ господствѣ разума, доставить мыслителямъ правильное и постоянное вліяніе на теченіе общественныхъ дѣлъ.

„Вмѣсто того, говорить Контъ, чтобы увѣковѣчивать, между людьми дѣла и людьми мысли, печальную борьбу, которая должна была истощать самыя драгоценныя силы человѣческой цивилизаціи, надо было устроить между ними постоянное соглашеніе, которое могло бы превратить ихъ гибельный антагонизмъ въ полезное соперничество, единодушно направленное къ наилучшему удовлетворенію главныхъ общественныхъ потребностей; надо было, по возможности, назначить, для каждой изъ двухъ великихъ силъ, въ совокупности политической системы, правильное участіе, совершенно отдѣльное и независимое, хотя и направленное къ одной общей цѣли; надо было пристроить обѣ силы къ такому назначенію, которое соотвѣтствовало бы ихъ характеристическимъ особенностямъ“ (*Phil. Pos. T. V. p. 228*). — Вслѣдъ за тѣмъ читатель узнаетъ, къ крайнему своему удивленію, что католицизмъ побѣдилъ эту громадную трудность самымъ восхитительнымъ образомъ (*de la manière la plus admirable*) и что онъ, не смотря на множество препятствій, произвелъ то фундаментальное раздѣленіе властей, въ которомъ здравая философія, наперекоръ современнымъ предразсудкамъ, должна видѣть величайшее усовершенствованіе общественнаго организма.

Если мы отдадимъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое — практическая власть, и что такое — теоретическая власть, то мы немедленно сообразимъ, что средневѣковой католицизмъ о раздѣленіи властей не

имѣлъ и не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Практическою властью называется та власть, которая собираетъ налоги, ведетъ войны, заключаетъ трактаты, издаетъ законы, чеканитъ монету, преслѣдуетъ преступниковъ и творитъ надъ ними судъ и расправу. Отличительный признакъ этой практической власти заключается въ томъ, что, въ случаѣ надобности, она можетъ и должна поддерживать вооруженною силою каждое изъ своихъ распоряженій или требованій. Теоретическою властью, напротивъ того, можно назвать только ту силу, которая выработываетъ и формируетъ общественное мнѣнiе. Такою силою можетъ быть только мысль, не имѣющая за собою никакихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ и дѣйствующая на общество исключительно своею собственною, внутреннею разумностью и убѣдительностью. Раздѣленiе властей существуетъ только въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ мысль не терпитъ никакихъ преслѣдованій, и не получаетъ никакого покровительства со стороны матеріальной силы, находящейся въ распоряженіи практической власти. На общеупотребительномъ политическомъ языкѣ, раздѣленiе властей называется свободою мысли и свободою совѣсти. Такимъ раздѣленіемъ властей пользуются, въ настоящее время, только Англія и Америка. Но это раздѣленіе властей совершенно несовмѣстно съ какою бы то ни было *организациею* теоретической власти. Всякая организациа непременно подчиняетъ волю отдѣльной личности волѣ начальника или рѣшенію большинства. Но что же вы будете дѣлать, если найдется такая личность, которая захочетъ дѣйствовать по своему, не обращая вниманія ни на приказанія начальника, ни на рѣшенія своихъ товарищей? — Вы сдѣлаете одно изъ двухъ: или вы предоставите этой своеправной личности полную свободу, или же вы употребите противъ нея матеріальную силу, которая переломитъ ея своеправіе какими нибудь энергическими внушеніями, на примѣръ, розгами, или тюремнымъ заключеніемъ, или смертною казнью. — Въ первомъ случаѣ, я осмѣлюсь спросить васъ: куда же дѣвалась ваша организациа, и на что же она нужна, если каждая отдѣльная личность дѣлаетъ въ области мысли все, что ей вздумается? — Во второмъ случаѣ, вы мнѣ позволите спросить у васъ: куда дѣвалось раздѣленіе властей, и можно ли называть вашу организованную власть *теоретическою*, если она пускаетъ въ ходъ матеріальную силу? *Бичи, темницы, топоры* — развѣ это все *теоретическіе* средства? Всѣ эти средства вы можете заимствовать только у практической власти; и всѣми этими средствами вы можете пользоваться только въ такомъ случаѣ, если это вамъ будетъ положительно разрѣшено практическою властью. Значитъ, пользуясь этими средствами, вы ставите ваше *sanctum sanctorum*, вашу теоретическую святиню подъ покровительство практической власти; а кто требуетъ покровительства, тотъ, разумѣется, подчиняется контролю, потому что, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ

же вы найдете таинхъ полоумныхъ людей, которые, зажмуривъ глаза, согласились бы покровительствовать неизвѣстно чему. Стало быть, верховнымъ судьей въ дѣлѣ теоріи оказывается, самымъ естественнымъ и неизбѣжнымъ образомъ, практическая власть. Гдѣ же, послѣ этого, ваша самостоятельность? Ясное дѣло, что надо выбирать одно изъ двухъ: или организацію, или независимость. Эти два условія взаимно исключаютъ другъ друга.

Контъ, какъ настоящій французъ, дорожить преимущественно единствомъ и порядкомъ; его смущаютъ и приводятъ въ негодование хаотическое разнообразіе и дерзкая пестрота личныхъ сужденій; онъ отзывается съ непритворнымъ отвращеніемъ объ *умственной анархіи* нашего времени; сокрушаясь надъ этою *анархіею*, въ которой нѣтъ ничего печальнаго и предосудительнаго, онъ очень мало заботится о сохраненіи независимости, и, рассуждая очень пространно и торжественно о раздѣленіи властей, самъ на каждомъ шагу, во имя единства и порядка, отступаетъ отъ этого основного принципа своей политической философіи. Непомѣрное пристрастіе Конта къ любезному единству и порядку внушаетъ ему пламенную нѣжность и глубокое уваженіе къ средневѣковой католической системѣ, которую онъ прямо называетъ *образцовымъ произведеніемъ политической мудрости* (*le chef-d'oeuvre politique de la sagesse humaine*); Контъ боится даже, что онъ, по недостатку мѣста, не успѣетъ достаточно передать читателю, въ своемъ общемъ философскомъ трактатѣ, то *глубокое восхищеніе*, которымъ онъ уже давно проникнутъ въ отношеніи къ основному плану средневѣковой общественности. Контъ выражаетъ, наконецъ, ту мысль, что было бы чрезвычайно полезно сосредоточить всѣ политическія разсужденія и споры между двумя главными направленіями, — католическимъ и положительнымъ; всѣ остальные доктрины онъ сваливаетъ въ одну кучу, и называетъ презрительнымъ именемъ протестантской метафизики; эта метафизика, по его мнѣнію, порождаетъ только безплодныя и безконечныя пренія, радикально враждебныя всякому здравому политическому плану. Но, вслѣдъ за тѣмъ, Контъ тотчасъ же признается, что положительную школу составляетъ, въ данную минуту, одна его собственная особа, изъ чего слѣдуетъ очевидное заключеніе, что бесѣдовать и спорить о политикѣ имѣютъ разумное право только графъ де-Местръ съ одной стороны, и Огюсть Контъ съ другой стороны. Такъ какъ обѣ компетентныя стороны питаютъ одинаково сильную любовь къ единству и къ порядку, то можно поручиться заранѣе, что свобода мысли будетъ задавлена во всякомъ случаѣ, какимъ бы результатомъ ни закончилась борьба между обожателями Пія IX и новымъ папою позитивизма. Къ счастью для современнаго человѣчества, такъ называемая протестантская метафизика, къ которой отнесены безъ разбора и Вольтеръ, и Фейербахъ, и Фурье,

и Прудонъ, — вовсе не намѣрена подавать въ отставку и уступать поле сраженія *здравымъ политическимъ* планамъ графа де-Местра и Огюста Конта. Дѣло отрицанія далеко еще не кончено, даже въ западной Европѣ; а когда начнется дѣло созиданія, то оно будетъ производиться вовсе не по тѣмъ планамъ, которые Контъ считаетъ здравыми. Политическія тенденціи Конта кладутъ ложный розовый колоритъ на всѣ средневѣковыя учрежденія, которыя онъ подвергаетъ тщательному и подробному анализу. Общій взглядъ Конта на средневѣковую систему совершенно невѣренъ; симпатіи его направляются къ тому политическому организму, который, по мѣрѣ силъ своихъ, поддерживалъ и упрочивалъ въ европейскихъ обществахъ нищету и тугоуміе. Несмотря на эти капитальныя ошибки Конта, его историческій анализъ заключаетъ въ себѣ множество чрезвычайно глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній. Даже тамъ, гдѣ онъ ошибается и приходитъ въ совершенный разладъ съ историческою истиною, онъ все-таки остается сильнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ, котораго заблужденія и натяжки оказываются болѣе интересными и поучительными, чѣмъ самыя безукоризненно вѣрныя словоизліянія добродѣтельныхъ, умѣренныхъ и аккуратныхъ либераловъ нашего времени.

Въ средневѣковомъ обществѣ было немислимо то раздѣленіе властей, которое Огюсту Контѣ желательно въ немъ усматривать. Если бы это раздѣленіе дѣйствительно существовало, то папы не имѣли бы ни малѣйшей возможности преслѣдовать и истреблять еретиковъ. Папы могли бы дѣйствовать противъ нихъ только увѣщаніями и аргументами, а въ крайнемъ случаѣ ругательствами и проклятіями, но такъ какъ еретики, по своему извѣстному упрямству, стали бы навѣрное платить папамъ тою же монетою, то, разумѣется, знаменитое католическое единство очень быстро расплозлось бы въ разныя стороны, и средневѣковая Европа огорчила бы великихъ организаторовъ де-Местра и Конта такою же беспорядочною пестротою разнообразнѣйшихъ сектъ, какою украшается въ настоящее время Сѣверная Америка, не имѣющая ни малѣйшаго понятія о высокихъ прелестяхъ единства, системы и порядка. Папы, въ самое цвѣтущее время своего могущества, безпрестанно обращаются къ императору и къ королямъ за такими аргументами, которые всегда дѣйствуютъ на еретиковъ сильнѣе всякихъ увѣщаній, ругательствъ и даже проклятій. По приглашенію папъ, свѣтская власть безпрестанно вѣшаетъ и сжигаетъ неугомонныхъ спорщиковъ, то по одиночкѣ, то цѣлыми сотнями. Въ началѣ XIII вѣка, самый могущественный изъ папъ, Иннокентій III, напускаетъ на южную Францію десятки тысячъ вооруженныхъ крестоносцевъ, которые жгутъ города, рѣжутъ людей, насилюютъ женщинъ, и наконецъ, всѣми этими подвигами, благополучно восстанавливаютъ нарушенное единство католической системы, этого *образ-*

цоваго произведенія политической мудрости. Немного позднѣе, преемникъ Иннокентія III, Григорій IX, учреждаетъ инквизицію, которая начинаетъ неуспѣшно заботиться о поддержаніи великаго единства, и поддерживаетъ его тѣмъ, что постоянно передаетъ заподозрѣнныхъ людей въ распоряженіе свѣтской власти, всегда имѣющей въ готовности весьма достаточное количество висѣлицъ и костровъ. Пока свѣтская или практическая власть находить для себя удобнымъ оказывать теоретической власти эти дружескія услуги, до тѣхъ поръ любезное Огюсту Конту единство кое-какъ держится, хотя постоянно трещить и скрипитъ, то въ Англии, то въ Франціи, то въ Германіи. Какъ только предупредительная любезность практической власти истощается, такъ тотчасъ же разрушается великое единство, и начинается ненавистное для Огюста Конта протестантское безобразіе. Ясно, кажется, что средневѣковая теоретическая власть держалась, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, не своимъ собственнымъ могуществомъ, не внуреннею разумностью и убѣдительною своею основной идеи, а только искусственною и чисто внѣшнею поддержкою матеріальной силы, то есть, практической власти. Есть ли, послѣ этого, какая нибудь возможность говорить серьезно о раздѣленіи властей?

Въ теоретическихъ трактатахъ очень легко и удобно раздѣлять то, что нераздѣлимо въ дѣйствительной жизни. Но, при всемъ томъ, средневѣковые мыслители, даже въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ, никогда не думали провозглашать взаимную независимость обѣихъ властей. Одни изъ этихъ мыслителей поддерживали притязанія папъ, другіе отстаивали права императоровъ и королей. Первые были гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе вторыхъ. Первые объявляли очень откровенно, что папѣ принадлежать верховная власть надъ всѣми государствами и надъ всѣми народами. Вторые превозносили божественныя права свѣтскихъ властителей, но въ тоже время никакъ не осмѣливались утверждать, что императоры и короли не обязаны повиноваться папамъ. Они просто обходили молчаніемъ щекотливый вопросъ о столкновеніяхъ между обѣими властями, совѣтовали государямъ уважать папу, какъ отца, успокоивались на той обманчивой надеждѣ, что любовь и уваженіе будутъ устранять всякіе поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ. Эта нерѣшительность имперіалистовъ доказываетъ, какъ нельзя лучше, совершенную невозможность провести ясную пограничную черту между обѣими властями даже въ теоретическомъ разсужденіи. Клерикальная партія, напротивъ того, не обнаруживала никакихъ колебаній, именно потому, что раздѣленіе властей вовсе не входило въ ея расчеты. Вся программа этой партіи была въ высшей степени проста и послѣдовательна: надо было, безъ дальнѣйшихъ церемоній, превратить императоровъ и королей въ папскихъ прикащиковъ, которыхъ папа могъ бы, по

своему благоусмотрѣнію, штрафовать и выгонять въ отставку. Эти стремленія папъ къ клерикальной диктатурѣ высказывались во всеуслышаніе, какъ самими папами, такъ и всѣми публицистами ультрамонтанскаго лагеря. Но поддерживать такія неумѣренныя притязанія послѣ скандальнаго раскола, совершившагося въ XV вѣкѣ, и въ особенности послѣ реформациі, было уже довольно затруднительно. Потерявши свое господство надъ умами довѣрчивыхъ массъ и нуждаясь, для своего существованія, въ милостивомъ покровительствѣ свѣтской власти, папы, изъ чувства самосохраненія, должны были предать благоразумному забвенію средневѣковья теоріи о низложеніи императоровъ и о разрѣшеніи подданныхъ отъ присяги. Знаменитые діалектики и дипломаты католицизма, іезуиты, постарались соорудить новую теорію папской власти, приспособленную до нѣкоторой степени къ измѣнившимся условіямъ времени. Однако и въ этой новой теоріи, составленной нарочно для того, чтобы пощадить самолюбіе королей и народовъ, — обѣ власти остаются нераздѣленными, и папа, попрежнему, является верховнымъ судьей свѣтскихъ правителей. Различіе между старою и новою теоріею состоитъ только въ томъ, что Григорій VII и Иннокентій III *прямо* присвоивали папѣ свѣтскую власть, между тѣмъ, какъ іезуиты, напротивъ того, считаютъ свѣтскую власть *косвеннымъ послѣдствіемъ* духовной власти. Вся разница заключается въ процессѣ доказательствъ, что же касается до результатовъ, то въ нихъ не оказывается никакой перемѣны.

Изъ всего этого разсужденія получается тотъ очевидный результатъ, что короли совершенно самостоятельны... если только они безпрекословно повинуются папѣ. Если же они выходятъ изъ повиновенія, то они, разумѣется, становятся тотчасъ вредными *для спасенія души*, превращаются въ рабовъ грѣха, и слѣдовательно, утрачиваютъ всякую возможность пользоваться самостоятельностью. Тогда, разумѣется, папа, съ крайнимъ прискорбіемъ, беретъ ихъ подъ свою спасительную опеку, какъ малолѣтнихъ или слабоумныхъ. Повидимому, въ этой теоріи все обстоитъ совершенно благополучно, и *спасеніе души* обезпечено, какъ нельзя лучше, противъ всевозможныхъ враждебныхъ случайностей. Не смотря на всѣ эти достоинства, папа Сикстъ V нашелъ эту теорію столь оскорбительною для величія римскаго престола, что немедленно внесъ сочиненіе іезуита Беллармина въ списокъ тѣхъ вредныхъ и безнравственныхъ книгъ, которыхъ чтеніе запрещается послушнымъ дѣтямъ католической церкви. Не смотря на всѣ перевороты, совершившіеся въ политическомъ и въ религіозномъ мірѣ Сикстъ V въ шестнадцатомъ столѣтіи не думалъ отказываться отъ притязаній своихъ великихъ предшественниковъ. „Мы возведены, пишетъ онъ, на верховный престолъ справедливости, и мы обладаемъ неограниченнымъ господствомъ надъ всѣми королями и

государями земли, надъ всѣми народами, не по человѣческому, а по божескому установленію“.

Если Контъ называетъ мечты греческихъ философовъ безразсудными, то онъ долженъ, выражаясь математическимъ языкомъ, назвать мечты средневѣковыхъ клерикаловъ безразсудными въ квадратѣ или въ кубѣ, потому что, конечно, ни Пифагоръ, ни Платонъ никогда не мечтали о томъ, что они обладаютъ или будутъ обладать неограниченнымъ господствомъ надъ всѣми государствами и народами земли.

XIV.

Важнѣйшая заслуга католицизма, по словамъ Конта (Phil. Pos. T. V. 123), состояла въ томъ, что онъ, учредивши чисто-нравственную власть, ввелъ постепенно нравственность въ политику, въ которой господствовали, до того времени, грубая сила и своекорыстный расчетъ. Контъ полагаетъ, что въ древнемъ мірѣ нравственность была подчинена политикѣ, между тѣмъ, какъ въ новомъ мірѣ, напротивъ того, политика подчиняется нравственности. Эту перемѣну Контъ приписываетъ католицизму. За нее католицизму стоило бы дѣйствительно сказать большое спасибо, если бы только эта перемѣна дѣйствительно была произведена. Но ничего похожаго на подобную перемѣну нельзя отыскать ни въ средневѣковой исторіи, ни въ новой исторіи, ни въ той самоновѣйшей исторіи съ которою мы знакомимся по газетамъ. Гдѣ жъ, они, эти Аристиды и Катоны политическаго міра; гдѣ они, эти добродѣтельные и безкорыстные администраторы, отказывающіеся, во имя высшихъ нравственныхъ принциповъ, отъ удобнаго случая поживиться на счетъ слабаго сосѣда клочкомъ земли или нѣсколькими милліонами военной контрибуціи? Въмѣсто ожидаемыхъ и требуемыхъ Аристидовъ и Катоновъ мы получаемъ двухъ Наполеоновъ, Луи-Филиппа, Меттерниха, Пальмерстона, Баха, Мантейфеля, Бисмарка, Шмерлинга, Гайнау, Радецкаго, Морни, и обильную коллекцію разныхъ другихъ, столь же миловидныхъ воплощеній современной политической добросовѣстности и деликатности. Всѣ эти свѣтила государственной мудрости оказали нѣкоторымъ сообразительнымъ людямъ XIX вѣка ту дѣйствительно капитальную услугу, что отбили у нихъ всякую охоту гоняться за тѣмъ неуловимымъ призракомъ отвлеченной нравственности, который, въ сожалѣнію, увлекалъ за собою Огюста Конта въ теченіи всей его жизни. Сообразительные люди нашего времени поняли наконецъ, что справедливость водворится

во всѣхъ междулическихъ отношеніяхъ не тогда, когда всѣ жители нашей планеты проникнутся высокими добродѣтелями, а тогда, когда каждый нахаль будетъ встрѣчать себѣ очень чувствительный отпоръ со стороны тѣхъ безотвѣтныхъ личностей, надъ которыми онъ, во времена ихъ безотвѣтности, привыкъ куражиться и озорничать. Поэтому, сообразительные люди, по всей Европѣ, только о томъ и заботятся, чтобы положить конецъ овечьей безотвѣтности большинства, и организовать достаточную силу отпора во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такая сила требуется условіями общественнаго механизма.

Въ современной политикѣ принципъ выгоды никогда не совпадаетъ съ принципомъ справедливости; частная жизнь, въ малыхъ размѣрахъ, представляетъ собою картину точно такого же разлада. Глядя на эти явленія, одни мыслители умозаключаютъ, что принципы выгоды и справедливости, по самой природѣ своей, осуждены вести между собою вѣчную вражду; дойдя до такого убѣжденія, мыслители эти становятся на сторону справедливости и начинаютъ требовать отъ своихъ послѣдователей и отъ всѣхъ людей, чтобы они постоянно зарѣзывали свои собственные выгоды на алтарѣ добродѣтели, нравственности и человеколюбія. Если, разсуждаютъ мыслители, каждый человекъ, во всякую данную минуту, будетъ готовъ отдать ближнему послѣднюю рубашку, то разумѣется, на свѣтѣ не будетъ ни голодныхъ, ни раздѣтыхъ, ни ограбленныхъ, ни избитыхъ людей. Разсужденіе очень основательное и добродушное, — но, къ сожалѣнію, бѣдные классы общества, какъ больные, чающіе движенія воды, ждуть безуспѣшно, почти двѣ тысячи лѣтъ, чтобы въ ихъ богатыхъ соотечественникахъ пробудилось эксцентрическое желаніе снимать съ себя, въ пользу ближняго, послѣднюю рубашку. Желаніе это не пробуждается, и люди до сихъ поръ постоянно производятъ сниманіе рубашекъ не надъ собою, а надъ своими безсильными и неопытными ближними, которые, на юмористическомъ языкѣ филантроповъ, называются младшими братьями. Въ виду такихъ выразительныхъ фактовъ, другіе мыслители, болѣе дальновидные, сообразили, что, если бѣднымъ классамъ общества надо будетъ, для улучшенія своей участи, ожидать терпѣливо, пока старшіе братья украсятся добродѣтелями, — то дѣло этихъ бѣдныхъ классовъ всего лучше будетъ теперь же сдать въ архивъ, съ полною увѣренностью, что оно рѣшится послѣ дождика въ четвергъ. Эти другіе мыслители поняли, что требовать отъ старшихъ братьевъ ненависти къ собственнымъ выгодамъ — значитъ требовать психологической невозможности, и, слѣдовательно — умышленно или неумышленно — увѣковѣчивать то положеніе вещей, благодаря которому процвѣтаетъ сниманіе рубашекъ, совершенно неспособное улучшить положеніе младшихъ, подвергающихся этому сниманію. Мыслители поняли, что принципъ выгоды въ настоящее время даетъ неудовлетво-

рительные результаты только потому, что онъ недостаточно обобщенъ, и что огромное большинство—именно всѣ младшіе братья—по своему развитію и по своему положенію находятся въ невозможности руководствоваться въ жизни этимъ великимъ принципомъ. Если *каждый* будетъ постоянно стремиться къ своей собственной выгодѣ, и если *каждый* будетъ правильно понимать свою собственную выгоду, то, конечно, никто не будетъ снимать рубашку съ самого себя, но зато это добродѣтельное снятіе окажется излишнимъ, потому что каждый будетъ отстаивать твердо и искусно собственную рубашку, и вслѣдствіе этого, каждая рубашка будетъ украшать и согрѣвать именно то тѣло, которое ее выработало. Такимъ образомъ, если принципъ личной выгоды будетъ, съ неуклонною послѣдовательностью, проведенъ во всѣ отправленія общественной жизни, то каждый будетъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, и только тѣмъ, что принадлежитъ ему по самой строгой справедливости. Чѣмъ сильнѣе работаетъ мысль въ этомъ направленіи, тѣмъ сознательнѣе становится стремленіе къ личной выгодѣ, — тѣмъ искуснѣе и безобиднѣе производится полюбовное размежеваніе соприкасающихся интересовъ, — тѣмъ рѣшительнѣе обнаруживается вліяніе просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія на всѣ распоряженія практической власти,—и, слѣдовательно, тѣмъ неотразимѣе оказывается преобладаніе великихъ нравственныхъ принциповъ надъ мелкими политическими разсчетами. Всѣ эти превосходные результаты достигаются не искорененіемъ эгоизма — а, напротивъ того, систематическимъ превращеніемъ всѣхъ гражданъ, съ перваго до послѣдняго, въ совершенно послѣдовательныхъ и правильно разсчитывающихъ эгоистовъ. При такомъ взглядѣ на вещи, нравственное воспитаніе отдѣльной личности или цѣлаго общества не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія; нравственное совершенствованіе оказывается только однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій умственнаго развитія; что содѣйствуетъ работѣ мысли, то возвышаетъ нравственность; что притупляетъ умъ, то ведетъ къ нравственному паденію.

Контъ, при всемъ своемъ глубокомысліи, не сумѣлъ однако же отдѣлиться отъ толпы тѣхъ рутинныхъ моралистовъ, которые уже богъ знаетъ сколько вѣковъ ведутъ комическую борьбу съ человѣческимъ эгоизмомъ, то есть, съ самымъ великимъ, плодотворнымъ и неистребимымъ свойствомъ нашей животной природы. Къ счастью для насъ, наши косматые предки, близкіе родственники могучаго гориллы, оставили намъ такую богатую закваску эгоистической силы, которая не поддается никакимъ морализаторскимъ попыткамъ, и которая будетъ волновать и мучить личность и общество до тѣхъ поръ, пока коллективный умъ чело-вѣчества не отыщетъ для нея широкаго и правильнаго исхода. Еслибъ не было у насъ этой неутомимой горилловской страстности, этой неутолимой жажды личнаго наслажденія, то спиритуалисты съ одной

стороны, и мальтузианцы съ другой стороны давнымъ давно успѣли бы превратить въ кастратовъ огромное большинство нашей породы. Человѣчество спасалось отъ гибели, на каждомъ шагу, именно тѣми грубыми животными страстями, противъ которыхъ вооружаются средневѣковые моралисты и вмѣстѣ съ ними позитивистъ Контъ. Нравственная доктрина Конта обрисовывается очень ярко словомъ *altruisme*, которое онъ самъ придумалъ, для того, чтобы, въ противоположность къ *эгоизму*, обозначить способность жить для другихъ—*vivre pour autrui*. Въ этой доктринѣ онъ сходится съ средневѣковымъ католицизмомъ, которому онъ и свидѣтельствуетъ свое почтеніе за мнимое проведеніе этой доктрины въ политическую жизнь. Но мораль Конта и его средневѣковыхъ друзей вытекаетъ изъ такого превратнаго взгляда на человѣческую природу, что каждая попытка приложить эту мораль къ дѣйствительности вовлекаетъ моралистовъ въ безвыходныя противорѣчія съ ихъ собственнымъ ученіемъ. Именно эти роковыя противорѣчія убили теоретическую власть средневѣковыхъ моралистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключались общественныя обязанности средневѣкового аббата? Отказываясь отъ всякой личной выгоды и отъ всякаго личнаго наслажденія, отъ богатства, отъ власти, отъ комфорта, отъ почестей, отъ любви, отъ семейной жизни,—онъ долженъ былъ постоянно побуждать всѣхъ своихъ ближнихъ къ такимъ же точно подвигамъ аскетическаго самоотреченія. Но у ближняго были свои собственные понятія и тенденціи: ему хотѣлось набѣдаться до отвала, напиваться до безчувствія, наслаждаться до изнеможенія, и драться съ каждымъ подобнымъ себѣ буйномъ. Такими ближними были почти всѣ феодальныя бароны, то есть, именно тѣ люди, на которыхъ средневѣковому аббату было необходимо дѣйствовать, если только этотъ аббатъ относился серьезно къ своимъ обязанностямъ и чувствовалъ искреннее желаніе сколько нибудь осмыслить и облагородить окружающую жизнь вліяніемъ своихъ возвышенныхъ нравственныхъ доктринъ. Но, чтобы господствовать надъ умами сильныхъ и богатыхъ буйновъ, чтобы не превратиться въ ихъ шута и лакея, аббату было необходимо или удивлять ихъ какими нибудь сверхъестественными подвигами самоистязанія, или же стоять съ ними наравнѣ по своему богатству, по своему могуществу и по своему положенію въ обществѣ. Путь самоистязанія такъ узокъ и прискорбенъ, что на него вступало всегда самое незначительное меньшинство, даже въ тѣ времена, когда аскетическое воодушевленіе принимало до нѣкоторой степени эпидемическій характеръ. Поэтому, аббатамъ, чистосердечно преданнымъ своей доктринѣ, но не чувствовавшимъ въ себѣ присутствія факирскихъ наклонностей, приходилось поневолѣ стремиться къ богатству и къ разнымъ другимъ суетнымъ благамъ, для того, чтобы этими благами поддерживать достоинство своего сана и

вліяніе всей корпораціи на общественныя дѣла. Этимъ и начинался рядъ роковыхъ внутреннихъ противорѣчій. Аббать гнался за богатствомъ, чтобы доставить силу и вѣсь такой доктринѣ, которая отъ своихъ адептовъ требуетъ презрѣнія богатству. Вслѣдствіе этого, каждому желающему представлялся ежеминутно удобный случай уличать аббата въ вопіющемъ разладѣ между словами и поступками. Изъ этого перваго противорѣчія развивалось множество другихъ противорѣчій, еще болѣе крупныхъ и скандальныхъ. Въ средніе вѣка, основаніе богатства и могущества заключалось въ обладаніи населенными землями. Аббаты и епископы превратились въ феодальныхъ бароновъ. Вступая во владѣніе, баронъ обязанъ былъ приносить присягу своему сюзерену, то есть, тому высшему властителю, который считался настоящимъ собственникомъ данаго помѣстья, и которому баронъ обязанъ былъ помогать во время войны. Желая владѣть землею, аббаты и епископы должны были подчиняться тѣмъ условіямъ, съ которыми было связано это владѣніе. Они должны были являться по требованію сюзерена съ опредѣленнымъ числомъ вооруженныхъ людей, не смотря на то, что основная доктрина была совершенно враждебна, не только наступательнымъ, но и оборонительнымъ войнамъ. Такъ какъ земли, находившіяся во владѣніи епископовъ и аббатовъ, принадлежали императору, королямъ, герцогамъ и разнымъ другимъ свѣтскимъ владѣтелямъ, то эти же владѣтели присвоили себѣ право производить въ аббаты и въ епископы кого имъ было угодно. Духовныя должности стали отдаваться придворнымъ любимцамъ, или продаваться съ аукціоннаго торга. Въ X вѣкѣ случалось нерѣдко, что ребята 5 — 10 лѣтъ попадали по протекціи въ епископы. „Школьники и безбородые мальчишки, пишетъ Бернаръ Клервальскій, по знатности своего происхожденія, производятся въ церковныя должности, и выдерживая экзамень подъ ферулою учителя, радуются болѣе своему избавленію изъ розогъ, чѣмъ полученію епископскаго сана“. Эти явленія вытекали очень естественно изъ того обстоятельства, что епископы и аббаты владѣли обширными помѣстьями; а владѣніе это было необходимо для того, чтобы представители теоретической власти могли дѣйствовать на своихъ современниковъ. Между тѣмъ, искренніе моралисты никакъ не могли переносить тѣхъ безобразій, которыя позволяла себѣ практическая власть, торговавшая духовными должностями и назначавшая въ епископы малолѣтнихъ ребятъ.

Для прекращенія этихъ безобразій, понадобилось начать колоссальную борьбу между папствомъ и имперіею. Для достоинства елерикаловъ, для самостоятельности ихъ корпораціи, для утвержденія и распространенія ихъ доктрины,—эта борьба была совершенно необходима, но въ тоже время всякая борьба, всякія честолюбивыя стремленія, всякія

воинственныя манифестаціи прямо противоположны духу и буквѣ ихъ основной доктрины. Клерикаламъ представлялась, такимъ образомъ, очень печальная дилемма: покориться свѣтской власти—значило обречь себя на безсиліе и деморализацію; а возстать противъ этой власти—значило нарушить самыя основныя законы той морали, которая составляетъ единственную *raison d'être* клерикальной корпораціи. Руководствуясь тѣмъ естественнымъ инстинктомъ самосохраненія, который живетъ въ каждомъ индивидуальномъ и коллективномъ организмѣ, — клерикальная корпорація выбрала второй путь. Этотъ путь привлекъ папство сначала къ высшей точкѣ его могущества, а потомъ къ окончательной гибели, потому что противорѣчіе между доктриною и жизнью сдѣлалось очевиднымъ для самыхъ довѣрчивыхъ простаковъ. Борьба папства съ имперією относится къ самому цвѣтущему времени средневѣковаго католицизма; если въ католицизмѣ дѣйствительно существовало стремленіе подчинять политику нравственности, то это стремленіе должно было выразиться особенно сильно именно въ это время. Между тѣмъ оказывается, что весь этотъ періодъ наполненъ такою борьбою, которую, съ точки зрѣнія католической морали, надо признать за величайшую безнравственность. Папы пускаютъ въ ходъ противъ императоровъ и королей чисто-революціонныя средства, между тѣмъ, какъ имъ, папамъ, было строго приказано повиноваться преобладающимъ властямъ. Значитъ, политика преобладаетъ надъ нравственностью, вмѣсто того, чтобы подчиняться ей. Дѣло дошло до того, что папа Урбанъ II уговорилъ принца Генриха, сына императора Генриха IV, взбунтоваться противъ отца и вести съ нимъ кровопролитную войну. То ожесточеніе, съ которымъ сынъ сталъ преслѣдовать отца, называлось, на языкѣ папы, *внушеніемъ свыше* и выполненіемъ божественной воли. Папы, очевидно, утвердились сразу очень прочно на томъ основательномъ разсужденіи, что цѣль оправдываетъ средства. Это разсужденіе дѣлаетъ величайшую честь ихъ политическимъ способностямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно отнимаетъ у насъ всякую возможность приписывать католицизму внесеніе нравственности въ политику, потому что иначе намъ пришлось бы воздать такую же точно похвалу Николаю Макиавелли и ордену іезуитовъ.

XV.

Втянувшись въ упорную борьбу съ императорами, великіе папы XII и XIII столѣтій сдѣлались предводителями политической партіи, и стали поступать такъ, какъ поступаютъ, вездѣ и всегда, политическіе дѣятели. Папы постоянно дѣлали то, чего требовали отъ нихъ обстоятельства. Во всемъ своемъ поведеніи они обнаружили очень много искусства, энергіи, твердости и неустрашимости, и очень мало добросовѣстности и нравственной разборчивости. Такъ, напримѣръ, Григорій IX напалъ на сицилійскія владѣнія Фридриха II, въ то время, когда Фридрихъ находился въ Палестинѣ, и слѣдовательно, въ качествѣ крестоносца, имѣлъ полнѣйшее право считать себя совершенно неприкосновеннымъ для всякаго христіанскаго государя. Иннокентій IV преслѣдовалъ того же Фридриха съ такою страшною и неутомимою ненавистью, которая привела въ ужасъ добродушнаго Людовика IX, дѣлавшаго безуспѣшныя попытки помирить папу съ императоромъ. Послѣ смерти Фридриха, Иннокентій сталъ проповѣдывать крестовый походъ противъ сына его, Конрада; примасъ Германіи, архіепископъ майнцскій, былъ отрѣшенъ отъ должности за то, что, на воинственныя прокламаціи папы, онъ осмѣлился отвѣчать словами Иисуса Христа: „вложи мечъ твой въ ножны!“ Жизнь и доктрина разошлись между собою такъ далеко, что указанія на доктрину превратились въ политическія преступленія. Видя истребительныя наклонности папы, одинъ епископъ и одинъ аббатъ сговорились между собою зарѣзать Конрада. Послѣ смерти Конрада, папа объявилъ себя опекуномъ его сына, двухлѣтняго Конрадина. Въ качествѣ опекуна, Иннокентій на-чисто обобралъ своего питомца, давши предварительно торжественное и публичное письменное обѣщаніе сохранить его права въ полной неприкосновенности. Преемники Иннокентія продолжали его политику, и дѣло кончилось тѣмъ, что Сицилія досталась французскому принцу, Карлу Анжуйскому, а Конрадинъ, которому папство торжественно обѣщало свое покровительство, погибъ на эшафотѣ, по приказанію новаго сицилійскаго короля, возлюбленнаго сына римской церкви. И такъ, преобладаніе нравственности надъ политикою оказывается чистѣйшимъ мифомъ.

Убѣдившись въ политическомъ безсиліи средневѣковой морали, по-

смотримъ теперь, какія именно стороны этой нравственной доктрины привлекаютъ къ себѣ особенное сочувствіе Огюста Конта.

Прежде всего Конту очень нравится то, что средневѣковые моралисты проповѣдывали людямъ смиреніе. Контъ полагаетъ, что человѣческую гордость слѣдуетъ постоянно унижать, какъ можно сильнѣе; онъ надѣется, что *новая общественная философія утвердитъ и даже усовершенствуетъ въ значительной степени этотъ важный отдѣлъ нравственнаго ученія* (Phil Pos. V, 308). Надежды Конта основываются на томъ обстоятельстве, что положительныя науки ежеминутно убѣждаютъ человѣка въ слабости и ограниченности его ума. Къ какимъ полезнымъ или пріятнымъ результатамъ приведетъ людей это постоянное униженіе гордости—этого Контъ не объясняетъ; но догадаться очень не трудно, почему смиреніе такъ дорого Конту. Тутъ дѣйствуетъ, очевидно, неистощимая любовь къ дисциплинѣ и къ субординаціи, которыя, какъ извѣстно, развертываются въ полномъ блескѣ именно тогда, когда забытыя, разоренныя и задавленные массы утрачиваютъ всякое сознаніе своего человѣческаго достоинства. Тогда надъ милліонами смиренныхъ людей господствуетъ горсть такихъ личностей, къ которымъ проповѣдь смиренія вовсе не относится. Въ средніе вѣка, моралисты умѣли смирять только тѣхъ, которые уже были слишкомъ достаточно смиренны обстоятельствами жизни. На бароновъ, на рыцарей, на всѣхъ сытыхъ и пьяныхъ средневѣковыхъ буяновъ проповѣдь смиренія совсѣмъ не дѣйствовала. А каково было смиреніе самихъ проповѣдниковъ — это можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая: въ 1063 году, въ праздникъ Рождества, фульдскій аббатъ, въ Госларскомъ соборѣ, подрался во время обѣдни съ гильдесгеймскимъ епископомъ, изъ-за рѣшенія вопроса о томъ, кому изъ нихъ сидѣть возлѣ примака Германіи, архіепископа майнцакаго. Дѣло происходило въ присутствіи малолѣтняго короля, Генриха IV. Герцогъ баварскій помирилъ воинственныхъ прелатовъ, и побѣда осталась за аббатомъ. Но на слѣдующій годъ епископъ принялъ свои мѣры заблаговременно, и въ Троицынъ день спряталъ въ алтарѣ отрядъ вооруженныхъ людей. Въ то время, когда разставляли кресла, эти воины кинулись на людей фульдскаго аббата и обратили ихъ въ бѣгство. Люди аббата воротились съ новыми силами, и въ церкви произошла кровопролитная свалка, причемъ проповѣдники смиренія,—аббатъ и епископъ,—оба ободряли бойцовъ воинственными жестами и восклицаніями.

Далѣе, Конту очень нравятся суровыя отношенія средневѣковой морали къ самоубійству, на которое древніе философы смотрѣли съ большимъ уваженіемъ. Въ самоубійствѣ, конечно, нѣтъ ничего похвальнаго и полезнаго для общества, но такъ какъ каждый человѣкъ очень до-

статочно защищенъ противъ самого себя инстинктомъ самохраненія, и такъ какъ, вслѣдствіе этого, самоубійство всегда и вездѣ бываетъ чрезвычайно рѣдко, то нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній придавать особенно важное значеніе суровымъ или снисходительнымъ взглядамъ моралистовъ на это преступленіе. Самоубійцами дѣлаются обыкновенно или помѣшанные, или неизлечимо больные, или осужденные на смерть. Во всѣхъ этихъ людяхъ общество почти ничего не теряетъ, или, по крайней мѣрѣ, теряетъ только то, что оно само готовилось у себя отнять. Но Контъ возмущается въ самоубійствѣ не тѣмъ реальнымъ убыткомъ, который наносится обществу, а преимущественно фактомъ неповиновенія, непозволительнымъ нарушеніемъ должной субординаціи. Поэтому, онъ выражаетъ надежду, что, при господствѣ положительной философіи, самоубійство будетъ осуждаться еще строже, и что это осужденіе окажется вполне дѣйствительнымъ, не смотря на то, что позитивиста уже нельзя будетъ пугать загробными мученіями. Здѣсь намъ представляется превосходный случай измѣрить всю колоссальность того деспотизма, которому, по мнѣнію Конта, можно и должно подчинять людей для ихъ же собственнаго благополучія. Контъ говоритъ, что „люди должны быть непобѣдимо привязаны къ жизни, такъ чтобы они не могли избавлять себя отъ ея мучительныхъ послѣдствій внезапною катастрофою, предоставляющею каждому опасную способность уничтожать, по своему произволу, ту необходимую реакцію, которую общество рассчитывало на него произвести“. Слова *необходимая реакція*, очевидно, обозначаютъ наказаніе, на столько тяжелое, что виновный предпочитаетъ ему лишеніе жизни. Преступникъ, поставленный въ такое положеніе, видитъ въ обществѣ своего злѣйшаго врага; между преступникомъ и обществомъ порваны всѣ связи; нѣтъ мѣста для другихъ чувствъ, кромѣ взаимной ненависти; чтобы вырваться изъ рукъ своего неумолимаго преслѣдователя, преступникъ прибѣгаетъ къ самому отчаянному средству. И въ эту-то минуту, когда человѣкъ, отвергнутый обществомъ, бросаетъ ему свое послѣднее проклятіе, въ эту минуту Контъ считаетъ возможнымъ тотъ шансъ, что преступника удержитъ уваженіе къ господствующему суровому взгляду на самоубійство. Для того, чтобы этотъ шансъ былъ дѣйствительно возможенъ, надо систематически, съ самой колыбели, превращать человѣка въ автомата, который будетъ не только поступать, но даже чувствовать и думать исключительно такъ, какъ того требуютъ законы и обычаи даннаго общества. Такая дрессировка составляетъ для Конта вѣнецъ его желаній. Онъ желаетъ этой дрессировки не для того, чтобы уничтожить самоубійства; напротивъ того, уничтоженіе самоубійствъ имѣетъ въ его глазахъ огромную важность именно потому, что оно выражаетъ собою полный успѣхъ дрессировки. Лич-

ность выдрессирована такъ, что прививныя чувства и мысли становятся сильнѣе естественныхъ инстинктовъ; и что страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ продолжаетъ дѣйствовать тогда, когда разорваны всѣ связи съ обществомъ, и когда уже замолчалъ даже голосъ самосохраненія. Выше этого идеала не поднимался еще ни одинъ теоретикъ депотизма въ цѣломъ мірѣ.

Какъ рѣшительный противникъ эманципации женщинъ, Контъ восхищается тѣми отношеніями, которыя установила между обоими полами средневѣковая мораль. Контъ съ особеннымъ удовольствіемъ настаиваетъ на томъ обстоятельстве, что католицизмъ, устраняя женщину отъ священнодѣйствія, къ которому ихъ допускала отчасти классическая древность, — стремится такимъ образомъ привязать женщинъ къ домашнему очагу, на которомъ и должны сосредоточиваться всѣ ихъ помысленія и вся ихъ дѣятельность. Отведя женщинамъ ихъ настоящее мѣсто, католицизмъ, по мнѣнію Конта, значительно улучшилъ ихъ общественное положеніе и доставилъ имъ, со стороны мужчинъ, то уваженіе, которое составляетъ выдающуюся черту въ рыцарскихъ нравахъ. Средневѣковая жизнь дѣйствительно произвела въ судьбѣ женщинъ довольно важныя улучшенія, но эти улучшенія не могутъ быть приписаны католицизму, который вообще относился къ женщинѣ очень сурово и презрительно. Средневѣковые моралисты любили попрекать своихъ современницъ грѣхомъ неосмотрительной Еввы, и совѣтовали имъ очень серьезно оплакивать, не осушая глазъ, тотъ поступокъ легкомысленной прародительницы, благодаря которому человечество утратило свое первобытное блаженство. Строгіе моралисты утверждали также, что женщины, унаследовавъ отъ Еввы ея легкомысліе, составляютъ и будутъ составлять постоянно самое серьезное препятствіе на пути человечества къ нравственному совершенству и къ вѣчной жизни. Изъ такого суроваго взгляда на женщину никакъ не могло развиваться чувство почтительной и страстной рыцарской любви. Это чувство и не развилось бы никогда, если бы католическая мораль не нашла себѣ рѣшительнаго противувѣса въ характерѣ германской расы. При какихъ условіяхъ сформировался этотъ характеръ, мы не знаемъ, но достоверно извѣстно то, что уваженіе къ женщинѣ встрѣчается въ древнѣйшихъ германскихъ легендахъ и законахъ, сложившихся задолго до вторженія германцевъ въ предѣлы римской имперіи. По баварскимъ законамъ, за оскорбленіе, нанесенное женщинѣ, платится болѣе высокой штрафъ, чѣмъ за оскорбленіе мужчины, потому, говоритъ законъ, что женщина не можетъ сама защитить себя оружіемъ. Кто пожметъ свободной женщинѣ палецъ или руку, тотъ, по салическому закону, долженъ заплатить 15 сотниковъ золота (около 375 рублей), кто пожметъ женщинѣ руку выше

доктя, платитъ вдвое (Laurent. *Les barbares et le catholicisme*. p. 36). Скандинавскія саги заключаютъ въ себѣ множество эпизодовъ самой почтительной любви между сильными королями, съ одной стороны, и простыми пастушками, съ другой стороны. Все это такіе задатки, изъ которыхъ рыцарскимъ правамъ вовсе не трудно было развиться. Здѣсь, и также во многихъ другихъ случаяхъ, Контъ обращаетъ слишкомъ мало вниманія на характеръ расы, помимо котораго невозможно составить себѣ ясное понятіе о средневѣковыхъ идеяхъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ.

Воздавши католицизму должную дань уваженія за привязываніе женщинъ къ домашнему очагу, Контъ выражаетъ надежду, что эманципаторскія попытки нашего времени потерпятъ полнѣйшую неудачу, и что подъ господствомъ позитивизма женщины всѣхъ классовъ общества будутъ предаваться исключительному исполненію высокихъ обязанностей супруги и матери. Люди, желающіе обезпечить за женщинами экономическую дѣятельность, обыкновенно указываютъ барынямъ и барышнямъ на кухарокъ и прачекъ, умѣющихъ добывать себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Контъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ указываетъ прачкамъ и кухаркамъ на барынь и барышень, которыя, навѣрное, никакъ не ожидали и не надѣялись превратиться, для кого бы то ни было, въ образецъ, достойный подражанія. Контъ говоритъ съ своей обыкновенной серьезностью и торжественностью, что „въ высшихъ классахъ общества женщины могли, съ большимъ удобствомъ, слѣдовать своему истинному назначенію, и вслѣдствіе этого, должны нѣкоторымъ образомъ, сдѣлаться естественнымъ типомъ, къ которому, со временемъ, будутъ, по возможности, стремиться, съ разныхъ сторонъ, всѣ другія формы женскаго существованія“. (Phil. Pos. V, 312.) И такъ, всѣмъ женщинамъ предписывается, во имя положительной философіи, стремиться къ благородной праздности, которая, по изслѣдованіямъ Конта, оказывается необходимою для безукоризненнаго выполненія высокихъ обязанностей супруги и матери. Супруга, какъ извѣстно, должна, своимъ сознательнымъ сочувствіемъ, поддерживать и ободрять своего мужа, работающаго на пользу общества и обязаннаго твердо стоять за то, что онъ считаетъ правдою. Мать, какъ извѣстно, должна приучать своихъ дѣтей къ труду и къ честному пониманію человѣческихъ и гражданскихъ обязанностей. По теоріи Конта оказывается, что хорошею супругою и хорошею матерью будетъ только та женщина, которая сама никогда не трудилась, никогда не принимала никакого участія въ общественной жизни, не несла на себѣ никакой серьезной обязанности и не умѣла полюбить дѣятельною любовью ни одной великой идеи. Такая женщина особенно способна дѣлить съ своимъ мужемъ его заботы, способна до-

тому, что сама не имѣть объ этихъ заботахъ никакого понятія. Такая женщина особенно способна внушить своему сыну любовь къ труду, способна потому, что сама не осквернила своихъ нѣжныхъ рукъ никакою работою. Такая женщина особенно способна воодушевить мужа, брата или сына на смѣлое и честное выполненіе великаго гражданскаго долга, способна потому, что сама безраздѣльно погружалась мыслью и чувствомъ въ повѣрку копѣчныхъ счетовъ, представляемыхъ кухарками, прачками, портниками и обойщиками.

Далѣе, Контъ восхищается тѣмъ, что католицизмъ освятилъ неразрушимость брака. Эта неразрушимость, разсуждаетъ Контъ, превосходно соотвѣтствуетъ истиннымъ потребностямъ нашей природы; безъ этой неразрушимости „наша краткая жизнь потратилась бы на безконечный и обманчивый рядъ плачевныхъ попытокъ“ (Phil. Pos. V, 311). Опасность *потратить* на „глупости краткую жизнь“ обусловливается такими общественными явленіями, надъ которыми самая возвышенная нравственная доктрина не можетъ имѣть ни малѣйшаго контроля. Устранить эту опасность католицизмъ былъ не въ силахъ. Въ самомъ дѣлѣ, тратить жизнь на *плачевныя попытки*, то есть, устраивать свадьбы и разводы по нѣскольку разъ въ годъ могутъ только тѣ мужчины и женщины, которые не имѣютъ никакихъ серьезныхъ занятій и обязанностей, и которые живутъ на всемъ на готовомъ, присвоивая себѣ и поглощая въ изобиліи продукты чужого труда. Кто самъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе, тому некогда бѣгать по городамъ и селамъ для пріобрѣтенія новыхъ интересныхъ знакомствъ, способныхъ повести за собою *плачевную попытку*. Кто занятъ съ утра до вечера серьезными заботами, тотъ ищетъ себѣ серьезнаго сочувствія, а не гаремныхъ развлеченій, годныхъ только для тѣхъ людей, которые съ утра до вечера страдаютъ болѣзненною скукою тунеядца. *Плачевныя попытки* для трудящагося человѣка были бы положительно неприятны, если бы даже онѣ были возможны, то есть, если бы даже у него было на то достаточно свободнаго времени. Работникъ, какъ человѣкъ, принужденный смотрѣть на жизнь серьезно, умѣетъ цѣнить дружбу и вносить элементъ дружбы во всѣ свои отношенія къ близкимъ и симпатичнымъ ему людямъ; при такихъ условіяхъ о *плачевныхъ попыткахъ* нечего и заикаться, потому что всякому извѣстно, что старый другъ лучше новыхъ двухъ, и что никому никогда не приходило въ голову разорвать сношенія съ вѣрнымъ и испытаннымъ другомъ изъ любви къ разнообразію, или вслѣдствіе неопредѣленной надежды отыскать себѣ новаго друга, еще болѣе доброкачественнаго. Слѣдовательно, если мы видимъ, что въ какомъ нибудь обществѣ господствуетъ наклонность къ *плачевнымъ попыткамъ*, то причину этого уродливаго явленія мы должны искать никакъ не въ томъ,

что данное общество не обсыпано благодареніями средневѣковой морали. Причину надо искать гораздо глубже, въ экономическомъ и социальномъ строѣ даннаго общества. Лечить это общество надо также не регламентаціе половыхъ отношеній, а радикальными экономическими преобразованіями. Прежде всего, надо замѣтить, что *плачевнымъ попыткамъ* нигдѣ и никогда не можетъ предаваться все населеніе страны сверху до низу. *Плачевныя попытки* — занятіе барское, доступное только самому незначительному меньшинству, и чѣмъ ярче обозначается наклонность къ *плачевнымъ попыткамъ*, тѣмъ незначительнѣе по своему числу то меньшинство, которое имъ предается. Проще и яснѣе, — чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣляются богатства, тѣмъ сильнѣе свирѣпствуетъ развратъ, потому что съ одной стороны, меньшинство, желая разогнать свою скуку, требуетъ себѣ птичьяго молока, и пускается во всякія затѣи, а съ другой стороны, большинство, постоянно имѣя передъ собою перспективу голодной смерти, оказывается въ высшей степени способнымъ питать всевозможныя затѣи своею собственною плотью и кровью. Словомъ, меньшинство выдвигаетъ купцовъ, а большинство поставяетъ товаръ. Когда историкъ говоритъ о господствѣ *плачевныхъ попытокъ* въ данномъ обществѣ, то онъ, при этомъ постоянно имѣетъ въ виду только меньшинство, которое такимъ образомъ играетъ роль *всего общества*, отбрасывая массу націи на самый задній планъ, туда, куда историкъ дѣйствительно не зачѣмъ и заглядывать, потому что въ этихъ сферахъ жизнь и движеніе мысли остановились и оцѣпенѣли подъ гнетомъ нужды и непомѣрнаго воловьего труда. Настоящее зло именно въ томъ и состоитъ, что праздное меньшинство — все, а трудящаяся масса — ничто. Изъ этого основного зла развивается множество всякихъ нарывовъ и прыщей, которые могутъ служить для историка драгоцѣнными симптомами существующей болѣзни, но которые никакъ не допускаютъ отдѣльнаго или частичнаго леченія. Однимъ изъ этихъ второстепенныхъ нарывовъ оказывается наклонность къ *плачевнымъ попыткамъ*, наклонность, которая устоитъ противъ всякой возвышенной морали, и погибнетъ только тогда, когда реформа сверху или переворотъ снизу нанесетъ рѣшительный ударъ сложному эксплуататорскому механизму, перетягивающему продукты народнаго труда изъ нижнихъ слоевъ общества въ верхніе. Когда не будетъ тунейдцевъ, тогда не будетъ и пороковъ, развивающихся изъ тунейдства. Что же касается до запрещенія разводовъ, то оно никакимъ образомъ не можетъ положить конецъ *плачевнымъ попыткамъ*, потому что настоящіе любители такихъ *попытокъ* всего менѣе заботятся о томъ, чтобы принимать на себя какія нибудь обязательства. Развода можетъ желать только такой человекъ, который, будучи связанъ съ одною особою, полюбилъ серьезно другую, и, вслѣдствіе

этого, считаетъ необходимымъ дать этой другой прочное общественное положеніе. Напротивъ того, люди, забавляющіе себя разнообразіемъ, не имѣютъ никакой причины добиваться развода, потому что брачныя узы никогда не мѣшали любовнымъ шалостямъ, и даже придавали этимъ шалостямъ всю прелесть запрещеннаго плода, особенно привлекательнаго для скучающихъ тунеядцевъ.

Контъ утверждаетъ,—по поводу неразрушимости брака,—что огромное большинство нашей породы состоитъ изъ безцвѣтныхъ личностей, для которыхъ полная самостоятельность даже обременительна и которымъ гораздо удобнѣе подчиняться неодолимой необходимости и жить по предписанной программѣ, чѣмъ выбирать себѣ дорогу и составлять планъ дѣйствій собственнымъ умомъ. Это разсужденіе показываетъ ясно, что неразрушимость брака является только одною крошечною частицею той благодѣтельной опеки, которая, по мнѣнію Конта, должна осчастливить безцвѣтное большинство. Какъ неразрушимость брака, такъ и запрещеніе самоубійства особенно драгоцѣнны Конту, именно потому, что обозначаютъ собою искорененіе личнаго своеволія и торжество спасительной субординаціи. Безцвѣтность большинства служитъ оправданіемъ опеки, но само собою разумѣется, что опека, въ свою очередь, будетъ поддерживать, упрочивать и даже усиливать эту безцвѣтность, великодушно снимая съ безцвѣтныхъ людей тяжелую обязанность задумываться надъ задачами жизни. Такимъ образомъ, опека и безцвѣтность будутъ взаимно увѣковѣчивать другъ друга, и атрофія головного мозга сдѣлается одною изъ важнѣйшихъ причинъ прочнаго человѣческаго благосостоянія, подобно тому, какъ атрофія ногъ считается у китайцевъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій физической красоты.

Наѳонецъ, Контъ объяснилъ намъ, что католицизмъ замѣнилъ энергическій, но дикій патріотизмъ древнихъ болѣе возвышеннымъ чувствомъ человѣколюбія или всеобщаго братства. Вслѣдъ затѣмъ Контъ оговаривается на счетъ религіозныхъ антипатій, которыя на самомъ дѣлѣ значительно стѣсняли проявленіе доброжелательныхъ чувствъ. Эта оговорка Конта почти совершенно уничтожаетъ его главную мысль. Если положить на одну чашку вѣсовъ всю массу ненависти, порожденной и взлелѣянной католицизмомъ, а на другую всю массу любви, выработанной имъ же, то, по по всей вѣроятности, первая чашка перетянетъ. О крестовыхъ походахъ и обо всѣхъ другихъ войнахъ съ сарацинами и съ сѣверными язычниками говорить незачѣмъ; эти войны могли быть порождены національною ненавистью и политической необходимостью, хотя въ такомъ случаѣ онѣ, разумѣется, не имѣли бы того истребительнаго характера, который былъ имъ приданъ вліяніемъ католицизма. Гораздо важнѣе отношенія средневѣковыхъ европейцевъ къ

евреямъ, которые жили съ ними рядомъ, въ однихъ и тѣхъ же городахъ, и которые, конечно, могли бы слиться съ ними, войти въ составъ отдѣльныхъ европейскихъ націй, и превратиться въ полезныхъ и счастливыхъ гражданъ, если бы ихъ не преслѣдовала религіозная ненависть католиковъ, поощряемыхъ сентенціями соборовъ и пастырскими посланіями папъ и епископовъ. Еще важнѣе отношенія католиковъ къ еретикамъ; здѣсь католицизмъ является прямо силою, разрывающею всѣ гражданскія и родственныя связи, здѣсь католицизмъ вооружаетъ одну половину народа противъ другой; здѣсь онъ превращаетъ своихъ адептовъ въ шпионовъ, доносчиковъ и палачей; словомъ, здѣсь онъ производитъ на свѣтъ такое нравственное безобразіе, о которомъ классическая древность не имѣла понятія. Шпионы, доносчики и палачи были, конечно, и въ Греціи, и въ Римѣ, но тамъ занимались этими дѣлами люди, продавшіе свою совѣсть за наличныя деньги; на нихъ такъ и смотрѣли даже тѣ особы, которыя пользовались ихъ услугами. Католицизмъ, напротивъ того, выдумавши новое преступленіе *ересь*, ухитрился превратить доносы и пытки въ доблестные подвиги и въ священную обязанность. Инквизиторы очень серьезно считали себя благодѣтелями человѣчества, а несчастные люди, поддерживавшіе дѣятельность инквизиторовъ своими доносами, совершенно искренно были убѣждены въ томъ, что исполняютъ важнѣйшій долгъ честнаго человѣка. Если мы примемъ въ соображеніе, что ереси возникали и плодились въ каждомъ городишкѣ или мѣстечкѣ, и что, при всеобщей напуганности ревностныхъ католиковъ, ересью могло показаться имъ каждое неосторожное слово, произнесенное сдуру или съ-пьяну, то мы поймемъ, что чувства ненависти и взаимнаго недовѣрія, порожденныя ежедневными усиліями проповѣдниковъ и моралистовъ, должны были совершенно заглушать чувство общаго человѣколюбія, предписанное буквою и духомъ основной доктрины. Не мѣшаетъ также припомнить здѣсь и ту знаменитую вражду между гвельфами и гибеллинами, которая родилась и выросла подъ вліяніемъ вѣковой борьбы папства и имперіи. Здѣсь не было даже и догматическаго разногласія. Здѣсь папа, какъ глава политической партіи, пользовался противъ своихъ *политическихъ* противниковъ тѣмъ оружіемъ, которое онъ, какъ глава церкви, имѣлъ право употреблять только противъ враговъ религіи. Все это приносило очень мало пользы нравственному совершенствованію европейцевъ, но все это вытекало самымъ логическимъ образомъ изъ основныхъ свойствъ той системы, которую Контъ называетъ *le chef-d'oeuvre politique de la sagesse humaine*. Если существуетъ *организованная* теоретическая власть, то она должна заботиться о своемъ самосохраненіи; и вслѣдствіе этого, должна, отложивъ въ сторону нравственную разборчивость, бить своихъ враговъ всѣмъ

тѣмъ, что попадаетъ ей подъ руку, то есть, всѣмъ тѣмъ, что человѣческая глупость оставляетъ въ ея распоряженіи. Отъ такой власти, которая ежеминутно борется за свое существованіе, смѣшно даже и требовать, чтобы она развивала въ своихъ приверженцахъ чувство всеобщаго человѣколюбія. Эта власть, прежде всего, постарается превратить своихъ приверженцевъ въ солдатъ, готовыхъ биться за нее на жизнь и на смерть, во всякую данную минуту, съ кѣмъ бы то ни было, и какими бы то ни было, честными или безчестными средствами. Того требуетъ логика вещей, и, слѣдовательно, о всеобщемъ человѣколюбіи нечего и думать, потому что этому чувству можетъ научить людей только свобода, посвященная разумному и общественному труду.

Католическое милосердіе, по мнѣнію Конта, даетъ людямъ самое лучшее средство облегчать, по возможности, страданія, неизбежныя въ общественной жизни и относящіяся преимущественно къ распредѣленію богатствъ. Этому трогательному милосердію Контъ съ горечью противопоставляетъ тѣ *чисто матеріальныя или политическія мѣры, безсильныя и тиранническія, и способныя повести за собою самыя тяжелья общественныя потрясенія*, — словомъ, тѣ мѣры, къ которымъ желаютъ прибѣгнуть безразсудные социалисты. Само собою разумѣется, что католики оказываются несравненно мудрѣе и добродѣтельнѣе социалистовъ, и что позитивистамъ предписывается подражать католикамъ. Рѣшеніе задачи о голодныхъ людяхъ возлагается на будущую теоретическую власть, которая дастъ богачамъ превосходное нравственное воспитаніе и обяжетъ ихъ, такимъ образомъ, осыпать бѣдное человѣчество всевозможными благодѣяніями. Это наивное рѣшеніе, эта апологія богадѣленъ, милостыни и нищенства показываетъ ясно, что Контъ не имѣлъ никакого понятія о тѣхъ простѣйшихъ законахъ, по которымъ совершается въ обществѣ движеніе и накопленіе продуктовъ труда. И если бы контовскія идеи были проведены въ жизнь, то онѣ дали бы совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ожидалъ отъ нихъ Контъ. Но нетрудно понять, что эти идеи неприложимы. Чисто-нравственное вліяніе оказывается всегда совершенно безсильнымъ, если оно идетъ наперекоръ личнымъ выгодамъ тѣхъ людей, на которыхъ слѣдуетъ дѣйствовать, и если, кромѣ того, оно ежеминутно парализируется тѣми разнообразными искушеніями, которыя порождаетъ весь строй общественной жизни. При такихъ условіяхъ сами вліатели развращаются до мозга костей, и становятся на одинъ уровень съ тѣми людьми, которыхъ требовалось облагородить. Эту истину доказали своимъ примѣромъ католическіе монахи, аббаты, епископы, кардиналы и папы. Эту же истину испыталъ бы на себѣ немедленно контовскій *rouvoir spirituel*, если бы только онъ дѣйствительно могъ организовать. Поэтому, для рѣшенія задачи о голодныхъ

людяхъ необходимо соблюденіе двухъ условій. Во первыхъ, задачу эту должны рѣшить непременно тѣ люди, которые въ ея разумномъ рѣшеніи находятъ свои личныя выгоды, то есть, ее должны рѣшать сами голодные люди, сами пролетаріи, сами работники. Кто берется рѣшать ее *для* работниковъ, но не *черезъ* работниковъ, тотъ навѣрное когонибудь обманываетъ, самого себя, или свою публику. Во вторыхъ, рѣшеніе задачи заключается не въ воздѣлываніи личныхъ добродѣтелей, а въ перестройкѣ общественныхъ учреждений.

Этихъ двухъ условій не выполнили ни Контъ, ни его средневѣковые друзья. Впрочемъ, надо и то сказать, что Контъ, подобно католическимъ моралистамъ, мирится очень добродушно съ пауперизмомъ, видя въ немъ неизбежное и, слѣдовательно, нормальное явленіе. Это, по его соображеніямъ, одно изъ *inconvenients inséparables de l'état social*. Это значитъ, что социальная задача для него неразрѣшима, и что, слѣдовательно, съ нимъ нечего и толковать о такихъ вопросахъ, въ которыхъ онъ ровно ничего не понимаетъ.

XVI.

Все, что Контъ говоритъ объ историческомъ развитіи нравственности, составляетъ самое слабое и, въ тоже время, единственное слабое мѣсто его великаго историко-философскаго труда. Основная причина его ошибокъ заключается въ той, совершенно несостоятельной мысли, что нравственность можетъ развиваться и совершенствоваться сама собою, независимо отъ успѣховъ знанія и отъ различныхъ улучшеній въ экономической жизни общества. Конечно, Контъ понималъ очень хорошо, что области знанія, промышленности и нравственности находятся въ постоянномъ сообщеніи между собою и, вслѣдствіе этого, постоянно дѣйствуютъ другъ на друга; но ошибка его заключалась именно въ томъ, что онъ принималъ нравственность за отдѣльную область, въ которой могутъ совершаться самостоятельныя измѣненія, и которая посредствомъ этихъ измѣненій можетъ дѣйствовать на другія области и на всю совокупность человѣческаго существованія и развитія.

Неосновательность этого мнѣнія доказать не трудно. Въ самомъ дѣлѣ, основной принципъ всей человѣческой дѣятельности заключается вездѣ и всегда въ стремленіи человѣка къ собственной выгодѣ, то есть, къ тому, что соответствуетъ потребностямъ его организма. Этотъ основной принципъ не измѣняется нигдѣ и никогда, но поступки, въ кото-

рыхъ проявляется стремленіе къ выгодѣ, могутъ быть безконечно разнообразны, во-первыхъ потому, что пониманіе выгоды бываетъ неодинаково, а во-вторыхъ потому, что средства, находящіяся въ распоряженіи человѣка, бываютъ также неодинаковы. Пониманіе собственно выгоды есть не что иное, какъ практическій выводъ изъ всего міросозерцанія, то есть, изъ совокупности всѣхъ взглядовъ человѣка на природу, на самого себя и на окружающихъ людей. Особенности же міросозерцанія зависятъ, во-первыхъ, отъ количества собранныхъ наблюдений, и во-вторыхъ, отъ логическаго достоинства теорій, построенныхъ на основаніи добытыхъ фактическихъ знаній; вѣрность и разумность даннаго міросозерцанія увеличивается или тогда, когда нарастаетъ запасъ фактовъ, или тогда, когда совершенствуются логическіе приемы. Эти двѣ категории улучшеній относятся одинаково къ области умственнаго развитія, и обнаруживаютъ одинаково сильное вліяніе на пониманіе личной выгоды. Наблюденія и размышленія человѣка надъ природою и надъ собственнымъ организмомъ не только даютъ ему пониманіе личной выгоды, но, въ тоже время, показываютъ ему и тѣ пути, по которымъ онъ долженъ идти къ этой выгодѣ. Совокупность этихъ путей называется промышленностью и составляетъ прикладную отрасль умственнаго развитія. Составивъ себѣ извѣстное пониманіе личной выгоды и принаровившись къ тѣмъ средствамъ, которыми достигается выбранная цѣль, человѣкъ втягивается въ извѣстный образъ жизни, и приобретаетъ себѣ извѣстный комплектъ привычекъ. Та часть этого комплекта, которая обнимаетъ собою отношенія человѣка къ другимъ людямъ, называется *нравственностью*. Спрашивается теперь, какія причины могутъ произвести въ приобрѣтенныхъ привычкахъ какія бы то ни было измѣненія?—Привычки, а слѣдовательно, и нравственность,—могутъ измѣниться только тогда, когда измѣняются основанія привычекъ, то есть *пониманіе* или *средства*. Улучшиться эти привычки могутъ только тогда, когда совершится какое нибудь открытіе, или возникнетъ болѣе рациональная гипотеза, или будетъ сдѣлано какое нибудь изобрѣтеніе, — вообще тогда, когда расширится міръ человѣческой мысли или усилится господство человѣка надъ природою. Высшая точка нравственнаго развитія будетъ достигнута тогда, когда *пониманіе* выгоды сдѣлается безукоризненно вѣрнымъ, и когда *средства* уравниваются желанія, то есть тогда, когда человѣкъ дойдетъ до крайнихъ предѣловъ теоретическаго знанія и практическаго могущества. Составные элементы нравственности заключаются такимъ образомъ въ чистой и въ прикладной наукѣ.

Контъ смотритъ на это дѣло иначе. Объявляя непримиримую вражду принципу личной выгоды, Контъ видитъ главную задачу нравственности въ систематическомъ ослабленіи эгоизма. Эта борьба съ эгоизмомъ дол-

жна состоять въ особенныхъ упражненіяхъ, клонящихся къ искусственному удерживанію страстей, и къ такому же искусственному расшевеливанію доброжелательныхъ влеченій. Если оказывается, такимъ образомъ, крайняя необходимость дрессировать и гонять на кордѣ человѣка, какъ манежную лошадь, то, разумѣется, надо создать особенный организованный классъ берейторовъ, обязанныхъ хранить и совершенствовать великіе принципы манежной выѣздки. Этотъ классъ берейторовъ называется у Конта *rouvoir spirituel*, и занимается не возвышеніемъ уровня человѣческихъ знаній и даже не распространеніемъ знаній уже добытыхъ, а именно формированіемъ добродѣтельныхъ привычекъ и придумываніемъ разныхъ морализирующихъ упражненій. Чтобы эта нравственная гимнастика имѣла какіе нибудь шансы успѣха, теоретическая власть непременно должна быть организована и приведена къ строгому единству, потому что какія бы то ни было привычки могутъ получить обязательную силу только въ томъ случаѣ, если каждая отдѣльная личность будетъ постоянно встрѣчаться съ этими привычками во всемъ окружающемъ обществѣ. Напротивъ того, іерархическая органическая организація и строгое единство были бы совершенно излишни и даже невозможны, если бы настоящее значеніе нравственности было определено вѣрно, и если бы, вслѣдствіе этого, теоретическая власть дѣйствовала не на привычки людей, а на ихъ убѣжденія, и дѣйствовала бы не силою авторитета, а очевидностью строгихъ доказательствъ. Признавая необходимость дрессировки и берейторовъ, Контъ нашель въ средневѣковой организаціи именно то, что онъ считаль особенно драгоцѣннымъ; онъ нашель тамъ цѣлое громадное министерство, старавшееся регламентировать нравственность, и не обращающее никакого вниманія ни на реальныя свойства природы и человѣка, ни на условія мѣста и времени. Этого было довольно, чтобы очаровать и ослѣпить Конта. Увлечшись своими морализаторскими пристрастіями, онъ увидалъ въ средневѣковой системѣ небывалое раздѣленіе властей, и еще болѣе небывалое преобладаніе справедливости надъ политическимъ расчетомъ. Кромѣ того, онъ, въ своемъ увлеченіи, приписаль необыкновенную плодотворность и дѣйствительность разнымъ нравственнымъ сентенціямъ и декретамъ, которые оставались всегда мертвою буквою и которые, по своей противоположности съ естественными человѣческими наклонностями и потребностями, ни въ какомъ случаѣ не могли принести людямъ ни малѣйшей пользы. Эти ошибочныя мнѣнія Конта, выходящія изъ его невѣрнаго взгляда на нравственность, и изъ его неосновательной ненависти къ эгоизму, я постарался опровергнуть на предыдущихъ страницахъ. Теперь я снова обращаюсь къ тѣмъ глубокимъ и разумнымъ идеямъ Конта, съ которыми я совершенно согласенъ.

Вся исторія человѣческой мысли представляетъ намъ колоссальную борьбу разсудка съ воображеніемъ, борьбу, которая не кончена до сихъ поръ, но въ которой окончательная побѣда разсудка не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію. Съ тѣхъ поръ, какъ началась достовѣрная исторія, разсудокъ постоянно одерживаетъ побѣды, а воображеніе, дѣлая одну уступку за другою, постоянно отодвигается назадъ, оставляетъ разсудку все больше и больше простора, и при этомъ занимаетъ новыя укрѣпленныя позиціи, которыя его неутомимый противникъ беретъ приступомъ, не смотря на самое упорное и продолжительное сопротивление. Въ началѣ исторіи, воображеніе было всеильно; во времена *фетишизма* для разсудка не было мѣста; самыя простыя и мелкія явленія объяснялись фантастическимъ образомъ; однакоже, разсудокъ, опираясь на свидѣтельство пяти чувствъ, сдѣлалъ свое дѣло, и выбилъ воображеніе изъ самой крѣпкой его позиціи; воображеніе отодвинулось назадъ, предоставило разсудку объясненіе простѣйшихъ явленій и построило себѣ новую твердыню — систему *политеизма*. Укрѣпившись тѣми наблюденіями, которыя сдѣлались возможными послѣ паденія фетишизма, разсудокъ повелъ свою атаку противъ политеизма и подрылъ его тѣмъ аргументомъ, что постоянство и правильность, замѣчаемая во всѣхъ явленіяхъ природы, несомвѣстны съ гипотезою о существованіи многихъ правителей, способныхъ расходиться между собою въ своихъ мнѣніяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Тогда воображеніе еще разъ отступило назадъ, и выработало себѣ ту доктрину, которая наложила свою печать на средневѣковой періодъ. Разсудокъ, конечно, не угомонился. Такъ какъ средневѣковая доктрина была уступкою, которую воображеніе принуждено было сдѣлать разсудку, то, разумѣется, эта доктрина была для разсудка менѣе стѣснительна, чѣмъ политеизмъ. Поэтому, водвореніе средневѣковой доктрины было полезно для умственного развитія Европы. Однакоже, несомнѣнно то, что, вслѣдъ за торжествомъ новой доктрины надъ политеизмомъ, умственное движеніе приостановилось на нѣсколько столѣтій; съ III вѣка до XI-го, Европа не произвела ничего новаго и оригинальнаго ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Замѣчательно, что эта приостановка произошла раньше нашествія варваровъ. Этотъ упадокъ умственной дѣятельности объясняется, съ одной стороны, общимъ политическимъ и экономическимъ ослабленіемъ римской имперіи, и, съ другой стороны, направленіемъ новой доктрины, требовавшей отъ своихъ адептовъ высокихъ добродѣтелей и относившейся, не только равнодушно, но даже презрительно и враждебно къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ, заподозрѣннымъ въ порожденіи умственной гордости. Умные и даровитые люди рождались, конечно, и въ тѣ вѣка, которые считаются эпохою самаго глубокаго невѣжества и варварства; потребность работать

умомъ не замирала никогда; но этой потребности средневѣвовая доктрина открыла новую форму удовлетворенія. Умные, даровитые и даже гениальные люди въ то время были необходимы для того, чтобы развить главныя подробности доктрины, чтобы устранить внутреннія противорѣчія и разномыслія, чтобы поддерживать письмами и поученіями общее единодушное воодушевленіе, чтобы привлекать постоянно новыхъ адептовъ, чтобы основать великое европейское единство, и чтобы надъ этимъ единствомъ поставить тотъ сильный и стройный политическій организмъ, который впослѣдствіи далъ папамъ возможность побѣждать императоровъ и королей. Этотъ политическій организмъ надо было сформировать и дѣло это было тѣмъ болѣе трудно, что въ прошедшемъ не существовало ни одного такого учрежденія, которое можно было бы взять за образецъ. Это формированіе производилось въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія и было закончено, во второй половинѣ XI вѣка, папою Григоріемъ VII. Во все это время, практическія заботы этого созиданія постоянно поглощали умственныя способности тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые, въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, могли бы сдѣлаться Ньютонами, Колумбами, Гарвеями, или Шекспирами. Диспуты о разныхъ очень возвышенныхъ и неудобопонятныхъ матеріяхъ не прекращались никогда, даже въ самыя мрачныя времена европейскаго невѣжества. Само собою разумѣется, что эти диспуты не дали никакихъ осязательныхъ результатовъ, то есть, не обогатили человѣчества новыми знаніями, но считать эти диспуты совершенно бесполезными было бы очень неосновательно. Они пробудили и развернули въ тогдашнихъ людяхъ расположеніе и способность къ упорному умственному труду, они выучили ихъ слѣдить за всѣми изгибами и изворотами мысли и выводить изъ даннаго положенія всевозможныя близкія и отдаленныя послѣдствія; они заставили ихъ уважать силу человѣческой мысли, которую ревностные моралисты окончательно стерли бы съ лица земли, если бы она не оказалась необходимою для созерцанія высшихъ истинъ и для посрамленія разномыслящихъ диспутантовъ; они одни наконецъ подготовили и сдѣлали возможнымъ то искреннее, страстное и трогательное уваженіе, съ которымъ глубоко вѣрующіе діалектики католическаго міра преклонились передъ твореніями проклятаго и великаго язычника Аристотеля.

Умственная эмансипація начинается съ того времени, когда творенія Аристотеля сдѣлались необходимою составною частью и даже фундаментомъ клерикальнаго образованія. Схоластика, обруганная, осмѣянная и превращенная въ синонимъ безсмыслицы счастливыми писателями XVIII вѣка, была первымъ шагомъ средневѣковаго ума на пути къ окончательному освобожденію. Дѣло въ томъ, что традиціонная доктрина стала нуждаться въ поддержкѣ со стороны той діалектики, которую

средневѣковые мыслители почерпнули изъ Аристотеля. Доктрина, гордившаяся въ былое время дивизомъ *credo quia absurdum*, заключила тѣсный союзъ съ философiею, надѣясь превратить ее въ послушное оборонительное оружіе. Расчетъ оказался очень невѣрнымъ. Когда мыслителю приказано употребить всю силу его логики на то, чтобы развить изъ даннаго положенія всѣ его послѣдствія,—то нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что мыслителю ни подъ какимъ видомъ не придетъ въ голову лукавая и опасная мысль начать изслѣдованіе съ повѣрки того самаго положенія, которое было выдано ему за аксіому, не требующую никакихъ доказательствъ. Можетъ быть, сотни мыслителей обнаружатъ самое похвальное умственное благонавіе, и не дотронутся своимъ діалектическимъ оружіемъ до тѣхъ основныхъ положеній, которыя довѣрены ихъ защитѣ. Но если даже на цѣлую тысячу благонаправныхъ мыслителей придется хоть одинъ нескромный и недовѣрчивый искатель истины, и если этотъ неустрашимый искатель сдвинетъ съ мѣста хоть одинъ тезисъ общеобязательной традиціи, то его дѣла не затушаетъ никогда вся благонаправная тысяча.

Средневѣковая доктрина никакъ не могла обходиться безъ содѣйствія метафизики; на метафизикѣ было построено все ея ученіе, въ которомъ уже не было общедоступной и яркой конкретности и рельефности, составлявшихъ силу и популярность древняго политеизма. Метафизикою должна была средневѣковая доктрина защищаться противъ своихъ внутреннихъ враговъ. Метафизика пропитала насквозь всю эту доктрину, и понемногу раскрошила весь тотъ строй понятій и гипотезъ, къ которому она была призвана на помощь. Сначала возникло отрицаніе разныхъ дисциплинарныхъ подробностей, потомъ родилась критика политической организаціи, наконецъ дошло дѣло до анализа основной доктрины. Это постепенное разрушеніе продолжается съ XII вѣка до нашего времени, а между тѣмъ, средневѣковая организація теоретической власти все еще существуетъ, не смотря на то, что передовые умы уже давно освободились изъ подъ ея господства.

Живучесть средневѣковой іерархіи обуславливается нѣкоторыми замѣчательными особенностями ея внутренней организаціи. Въ этомъ отношеніи особенно важно то обстоятельство, что клерикальное сословіе пополнялось постоянно изъ всѣхъ классовъ общества, не исключая и низшихъ. Сильныя дарованія прокладывали сыну простаго крестьянина дорогу къ высшимъ клерикальнымъ должностямъ, и даже къ папскому престолу. Не стѣсняясь въ выборѣ своихъ членовъ никакими посторонними соображеніями, не требуя отъ нихъ ни знатности происхожденія, ни богатства, словомъ ничего, кромѣ личныхъ достоинствъ, клерикальная корпорація постоянно имѣла въ своемъ распоряженіи огромное ко-

личество сильныхъ умовъ и твердыхъ характеровъ, и кромѣ того, въ теченіи многихъ вѣковъ, постоянно притягивала къ себѣ и обращала въ свою пользу тѣ дарованія, которыя могли бы составить ей опасную оппозицію или конкуренцію, если бы оставались непристроенными къ ея официальной дѣятельности. Набирая себѣ отовсюду даровитыхъ защитниковъ, клерикальная корпорація подвергала ихъ долговременному вліянію тѣхъ идей, за которыя они должны были бороться; она формировала по своему ихъ умъ и характеръ, втягивала ихъ въ кругъ клерикальныхъ понятій и стремленій, испытывала и упражняла ихъ силы на низшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, и допускала ихъ къ вліятельнымъ должностямъ только тогда, когда они, проникнутые насковозъ духомъ и тенденціями системы, не имѣли уже ни желанія, ни возможности выбиться изъ традиціонной колеи и пуститься въ какія нибудь опасныя умствованія или нововведенія. Консервативное направленіе всей корпораціи, соответствующее вполне характеру самой доктрины, поддерживалось даже тѣмъ, что замѣщеніе всѣхъ должностей производилось не по выбору снизу, а по назначенію сверху. Высшія должностныя лица, дававшія такимъ образомъ импульсъ всему клерикальному организму, были, конечно, особенно сильно расположены къ охраненію традиціоннаго порядка, во-первыхъ потому, что этотъ порядокъ доставлялъ имъ всѣ наслажденія обширной власти, а во-вторыхъ потому, что они, по давности своего служенія, имѣли возможность сильнѣе своихъ подчиненныхъ втянуться въ корпоративные интересы и проникнуться преданіями клерикальной политики. Безграничная преданность общему дѣлу, доходившая у клерикаловъ до самыхъ грандіозныхъ размѣровъ, объясняется преимущественно тѣмъ, что ихъ безбрачное состояніе отнимало у нихъ возможность увлекаться частными, семейными интересами. Клерикалу, какъ холостяку, надо было или вдатся въ безобразный кутежъ, или посвятить свою жизнь тѣмъ интересамъ корпораціи, которые онъ, по всему складу своихъ понятій, принималъ за высшіе интересы всего человѣчества. Многие, конечно, шли по первому пути, и превращали жизнь въ грязную оргію, но такъ какъ клерикальная корпорація постоянно забирала въ себя самыхъ умныхъ и даровитыхъ людей, то она и была всегда богата такими личностями, которымъ непремѣнно надо было любить, мыслить и дѣйствовать, и которые должны были обратить на служеніе интересамъ корпораціи всю силу, страстность и глубину своихъ неудовлетворенныхъ стремленій. Безбрачное состояніе клерикаловъ было особенно необходимо для того, чтобы корпорація не превратилась въ замкнутую касту. Если бы принципъ наслѣдственности водворился въ іерархію, то, разумѣется, онъ произвелъ бы немедленное пониженіе ея интеллектуальнаго могущества, и личныя дарованія, оттѣсненныя

отъ клерикальныхъ должностей, проложили бы себѣ какую нибудь новую дорогу и, привлекая къ себѣ вниманіе и довѣріе общества, подорвали бы такимъ образомъ значеніе теоретической власти, потерявшей возможность побѣждать своихъ противниковъ превосходствомъ ума и таланта.

XVI.

Средневѣковая организація свѣтскаго общества, то есть феодальная система, сформировалась, по мнѣнію Конта, вслѣдствіе того, что военная дѣятельность, имѣвшая въ древности завоевательный характеръ, начала принимать оборонительное направленіе. Когда римскіе легіоны столкнулись на востокѣ съ парфянами, а на сѣверѣ—съ германцами,—тогда дальнѣйшее расширеніе римскихъ владѣній должно было прекратиться. Съ одной стороны, нравы азіятскихъ народовъ, не затронутыхъ эллинизмомъ, были такъ несходны съ нравами римлянъ, что сліяніе между ними было бы невозможно, даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ военныя предпріятія римлянъ, противъ восточныхъ сосѣдей, увѣнчивались постоянно полнымъ успѣхомъ. Съ другой стороны, германцы были еще такъ мало привязаны къ землѣ и, въ случаѣ военной неудачи, такъ легко могли покинуть свои жилища и перейти на новыя мѣста, что превратить ихъ въ подданныхъ римскаго государства не было никакой возможности. Поэтому, важнѣйшею обязанностью римскихъ императоровъ сдѣлалось, естественнымъ образомъ, постоянное охраненіе римскихъ границъ, ежегодно подвергавшихся опустошительнымъ набѣгамъ со стороны неукротимыхъ сѣверныхъ варваровъ. Охраненіе это было тѣмъ болѣе затруднительно, что сѣверная граница римской имперіи была очень длинна, и почти на всемъ своемъ протяженіи соприкасалась съ жилищами воинственныхъ народовъ германскаго племени. Такъ какъ характеръ оборонительной войны состоитъ именно въ томъ, что инициатива принадлежитъ противнику, который выбираетъ самъ, по своему благоусмотрѣнію, время и мѣсто своего нападенія,—то, разумѣется, римляне, державшіеся на своихъ границахъ въ оборонительномъ положеніи, принуждены были постоянно ожидать враговъ на всѣхъ пограничныхъ пунктахъ и во всякую данную минуту. Начальники пограничныхъ земель должны были имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество вооруженныхъ людей, ежеминутно готовыхъ вступить въ сраженіе съ варварами; кромѣ того, эти начальники нуждались въ довольно-обшир-

ной автономіи; имъ надо было ежеминутно соображаться съ быстро-измѣняющимися обстоятельствами и дѣйствовать рѣшительно, на свой страхъ, не сносясь съ центральнымъ правительствомъ и не дожидаясь отъ него инструкцій и разрѣшеній, которыя, въ большей части случаевъ, оказывались бы ненужными или неудобными по своей запоздалости. Начальникъ, постоянно защищающій свой край, по своему собственному плану, и такими силами, которыя разъ навсегда отданы въ его распоряженіе, долженъ почувствовать, рано или поздно, что связь его съ центральной властью слабѣетъ, и даже можетъ оборваться, если онъ самъ захочетъ воспользоваться обстоятельствами. Въ честолюбивыхъ желаніяхъ никогда не бываетъ недостатка, и, дѣйствительно, многие губернаторы римскихъ провинцій старались отдѣлиться отъ имперіи, или, по крайней мѣрѣ, превратить свою должность въ наслѣдственное достояніе своего семейства.

Если бы римская имперія была въ силахъ пересоздать свою внутреннюю организацію, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, то ей пришлось бы, въ III или въ IV вѣкѣ, раздробиться такъ точно, какъ раздробилась впоследствии монархія Карла Великаго. Только это раздробленіе могло спасти ее отъ варваровъ; оно было необходимо, потому что централизація, очень удобная для наступательной войны, никуда не годится для оборонительныхъ дѣйствій. Но перерожденіе было уже невозможно. Съ одной стороны, натискъ варваровъ былъ чересчуръ стремительный; съ другой стороны, экономическое изнеможеніе имперіи дошло до такихъ размѣровъ, что число ея жителей стало уменьшаться съ ужасающею быстротою; чѣмъ больше народа погибало отъ голода и отъ разныхъ болѣзней, порожденныхъ лишеніями и страданіями, тѣмъ хуже становилось положеніе тѣхъ, которые оставались въ живыхъ. Фиску, какъ существу безличному и отвлеченному, не было никакого дѣла до народныхъ бѣдствій. Чего не могли заплатить мертвые, то раскладывалось на живыхъ; чѣмъ меньше становилось число работниковъ и плательщиковъ, тѣмъ обременительнѣе дѣлались налоги; чѣмъ больше накоплялось недоимокъ, тѣмъ сильнѣе становились нажимающіе сварады; попытки сдѣлались необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ финансоваго управленія. Народъ былъ до такой степени забитъ, раззоренъ, задавленъ и опутанъ громадною сѣтью бюрократической администраціи, что даже послѣднее отчаянное лекарство противъ общественныхъ болѣзней, вооруженное возстаніе, сдѣлалось для него недоступнымъ. Его энергія была убита. При такомъ положеніи дѣлъ, остановить вторженіе варваровъ не было никакой-возможности. Поэтому, феодальная система сложилась только тогда, когда варвары завоевали Римскую имперію и усѣлись въ различныхъ ея провинціяхъ. Послѣ этого завоеванія, необ-

ходимость оборонительной войны несколько не прекратилась. Завоевателям имперіи грозили со всѣхъ сторонъ новые враги, искавшіе себѣ также добычи или удобныхъ земель для поселенія. Съ юга на Европу надвигались сарацины; съ сѣвера разсыпались по всѣмъ европейскимъ морямъ легкіе корабли скандинавскихъ пиратовъ, съ востока на Германію кидались венгры; въ самой Германіи до времени Карла Великаго разбойничали саксы; съ береговъ Балтійскаго моря дѣйствовали славяне и пруссы. Всѣ эти разноплеменные враги тревожили Европу отъ VII до XI вѣка, то есть, именно въ то время, когда выработывалась феодальная организація. Постоянно ведя оборонительныя войны, европейское общество естественнымъ образомъ вылилось въ тѣ формы, которыя всего лучше приспособлены къ оборонѣ. Само собою разумѣется, что характеръ и обычаи германскаго племени наложили на эти формы печать своего вліянія, и придали имъ тѣ типическія особенности, съ которыми феодальная система появляется въ средневѣковой исторіи. Беспорядочная и безтолковая воинственность феодальныхъ владѣтелей, обращавшихъ ежеминутно другъ противъ друга тѣ силы, которыми необходимо было отражать общаго врага,—обуславливались, конечно, не раздробленіемъ территоріи, а именно темпераментомъ германскихъ завоевателей, еще не укрощенныхъ цивилизаціею, и не примѣнившихся къ потребностямъ мирной и разумной общественной жизни. Если бы выработываніе феодальной организаціи досталось на долю какому нибудь другому народу, болѣе благовоспитанному, то, разумѣется, въ исторіи феодализма оказалось бы меньше бесполезнаго кровопролитія, и временное назначеніе феодализма было бы выполнено быстрѣе, то есть, необходимость постоянныхъ оборонительныхъ войнъ миновалась бы раньше, вслѣдствіе того, что безпокойные сосѣди, отбитые на всѣхъ пунктахъ, были бы направлены, силою оружія, на дорогу мирнаго гражданскаго и промышленнаго развитія.

Когда прекратились завоевательныя предпріятія римлянъ, тогда положеніе рабовъ стало медленно измѣняться къ лучшему. Невольничьи рынки пополнялись почти исключительно военноплѣнными и вообще всѣми беззащитными людьми, которые захватывались въ непріятельской странѣ римскими легіонами. Пока война была постояннымъ занятіемъ римлянъ и производилась въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ, сопровождаясь опустошеніемъ цѣлыхъ обширныхъ и богатыхъ государствъ, до тѣхъ поръ рыночная цѣна рабовъ держалась такъ низко, что римскіе вельможи могли покупать себѣ цѣлыя арміи, или, какъ говорить Плиній, цѣлыя націи невольниковъ, которыхъ жизнь не цѣнилась почти ни во что, и которыхъ матеріальное благосостояніе, такимъ образомъ, не было гарантировано даже личнымъ интересомъ владѣльца. Чтобы охарактер-

ризовать одною чертою тогдашнюю дешевизну человѣческой жизни, достаточно упомянуть о гладиаторскихъ играхъ, которыя, для развлеченія державнаго народа, губили въ нѣсколько часовъ тысячи молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ и ловкихъ людей. Когда кончились опустошительныя завоеванія, тогда притокъ новыхъ рабовъ прекратился, и, такъ какъ привычка расходовать людей безъ счету успѣла пустить въ жизни аристократовъ очень глубокіе корни, то, разумѣется, скоро оказался чувствительный недостатокъ рабочихъ рукъ. Запросъ на людей усилился, а подвоза не было и не предвидѣлось; вслѣдствіе этого, цѣна раба должна была повыситься, и, соразмѣрно съ этимъ повышеніемъ, должно было улучшиться его положеніе, потому что владѣльцу становилось уже убыточно засѣкать раба до смерти, или посылать его на арену за неудачное приготовленіе соуса или за разбитіе какой нибудь вазы. Такъ какъ рабы для каждаго землевладѣльца были совершенно необходимы, и такъ какъ число рабовъ продолжало быстро уменьшаться, вслѣдствіе скарденности хозяевъ, — то, очевидно, покупка рабовъ съ каждымъ десятилѣтіемъ должна была становиться все болѣе и болѣе затруднительною, вслѣдствіе чего владѣльцы должны были все крѣпче и крѣпче держаться за тѣхъ людей, которые уже находились въ ихъ рукахъ. Идя по этому пути, надо было наконецъ придти къ тому убѣжденію, что продавать раба вообще невыгодно, и что рабъ долженъ быть наглухо привязанъ къ той землѣ, которую онъ обрабатываетъ. Конечно, это убѣжденіе, превращавшее рабство въ крѣпостную зависимость, не могло имѣть вліянія на судьбу тѣхъ людей, которые окружали особу хозяина, и составляли его дворня. Этихъ людей незачѣмъ было прикрѣплять къ землѣ, но продавать ихъ также было не выгодно, потому что дворня состояла обыкновенно изъ ремесленниковъ, а ремесленники, при всеобщемъ упадкѣ промышленной предприимчивости и расторопности, съ каждымъ годомъ становились рѣже и цѣннѣе.

Уже одно то обстоятельство, что рабы перестали быть предметомъ всендневной торговли, — значительно улучшило ихъ положеніе. Хозяину рабъ дѣлался необходимъ, не только для работы, но и для завода. Хозяинъ, для своей же собственной выгоды, долженъ былъ давать рабу возможность производить на свѣтъ и выкармливать здоровыхъ дѣтей. Хозяинъ, для этого, долженъ былъ доставлять рабу, по меньшей мѣрѣ, хоть тѣ удобства жизни, которыми пользовались, въ благоустроенныхъ скотныхъ дворахъ, быки и бараны. Въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде, когда хозяину выгодно было, въ три-четыре года, выжимать изъ раба всю его рабочую силу и потомъ выбрасывать его вонъ, въ видѣ негоднаго калѣки, — въ сравненіи съ этимъ прежнимъ рабствомъ, говорю я, новое положеніе раба, получившаго одинаковыя права съ быками и

баранами, составляло значительное усовершенствованіе. Прикрѣпленный навсегда къ участку земли или къ особѣ хозяина, рабъ могъ уже не только исполнять обязанности заводскаго производителя, но и завязывать прочныя отношенія съ любимою женщиною и вообще пользоваться, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми правами мужа и отца. Его не разлучали съ женою; малолѣтнихъ дѣтей не отрывали отъ матери; вслѣдствіе этого, въ рабскомъ населеніи становится возможнымъ развитіе лучшихъ чело-вѣческихъ чувствъ, за которыми непременно должно слѣдовать постоянно возрастающее сознаніе собственнаго чело-вѣческаго достоинства, — сознаніе, заключающее въ себѣ зародыши грознаго и неподкупнаго суда надъ всѣми неправдами порабощенія и эксплуатаціи.

Католицизмъ узаконилъ и освятилъ семейныя отношенія несвободныхъ людей; бракъ крѣпостнаго крестьянина получилъ одинаковую силу съ бракомъ барона или короля. Кромѣ того, католицизмъ вообще предписалъ крѣпостнымъ исполненіе тѣхъ же самыхъ нравственныхъ законовъ, которые были обязательны для сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ людей. Равенство обязанностей предполагаетъ равенство правъ, и, хотя средне-вѣковые моралисты вовсе не желали придти къ этому послѣднему заключенію, однако же оно было неизбѣжно, и къ нему стремились постоянно тѣ люди, для которыхъ оно было особенно обяательно и интересно. Сравнивая свое поведеніе съ поведеніемъ своего барона, какойнибудь честный мужикъ легко могъ придти къ той мысли, что онъ, мужикъ, исполняетъ въ отношеніи къ барону всѣ свои нравственныя обязанности, и что, напротивъ того, баронъ всѣ свои обязанности ежеминутно нарушаетъ, мужикъ легко могъ сообразить, что увлекающагося или заблуждающагося барона не мѣшало бы, для его же собственной пользы, наставлять на путь истины матеріальною силою, составляющею самое общепотребительное лекарство противъ всякихъ мужицкихъ заблужденій или увлеченій. Мужикъ видѣлъ, какъ его баронъ круто и рѣшительно расправлялся съ своими обидчиками, не обращая вниманія на ихъ высокое положеніе въ свѣтскомъ обществѣ или даже въ церковной іерархіи; мужикъ зналъ, что его баронъ воюетъ съ епископомъ, или отсиживается въ своемъ крѣпкомъ замкѣ отъ королевскаго войска. Этотъ примѣръ непременно долженъ былъ дѣйствовать заразительно на такого чело-вѣка, для котораго сопротивленіе составляло насущную необходимость, потому что этому чело-вѣку приходилось отстаивать не богатство, а послѣдній кусокъ черстваго хлѣба, облитого потомъ и слезами. Такимъ образомъ, обѣ средне-вѣковыя власти, теоретическая и практическая, оказали мужику по одному невольному, по тѣмъ не менѣе капитальному благодѣянію; первая, наложивши на мужика нравственныя обязанности, воспитала въ немъ чувство собственнаго достоинства; вто-

рая пояснила ему, посредствомъ послѣдняго обученія, какими способами слѣдуетъ защищать это достоинство противъ посягательствъ различныхъ нахаловъ и буяновъ. Мужикъ оказался ученикомъ понятливымъ и даровитымъ.

Одинъ изъ самыхъ популярныхъ средневѣковыхъ романовъ, *Roman de Rouc*, рисуется слѣдующими крупными чертами господствующее настроеніе угнетенныхъ массъ. „Господа, размышляетъ грубое мужичье, не дѣлаютъ намъ ничего, кромѣ зла; мы отъ нихъ не можемъ добиться ни добросовѣстности, ни справедливости, они всѣмъ владѣютъ, все себѣ позволяютъ, все поѣдаютъ, а насъ заставляютъ жить въ бѣдности и въ печали. Для насъ каждый день—тяжелый день; нѣтъ у насъ ни одного спокойнаго часа; мы завалены повинностями и поборами, оброками и барщиною. И съ какой стати мы все это терпимъ? Вырвемся изъ-подъ ихъ власти; мы такіе же люди, какъ они; у насъ тѣ же члены, тотъ же ростъ, та же сила, то же терпѣніе, и насъ сто противъ одного. Будемъ защищаться противъ рыцарей, будемъ крѣпко стоять другъ за друга, и никто надъ нами не станетъ барствовать, и мы будемъ рубить себѣ лѣсъ, будемъ ловить дичь въ лѣсу, и рыбу въ прудахъ, и будемъ все дѣлать по своему, и въ лѣсахъ, и на лугахъ, и на водѣ“ (*Laurent Féodalité et l'église*, p. 599). Размышленія, приписанныя мужикамъ, вовсе не выдуманы самимъ поэтомъ; такія размышленія существовали въ живой дѣйствительности и приносили обильные плоды. Всѣ обиженные классы средневѣкового общества постоянно волновались, и, разумѣется, только одни эти волненія вынудили у господствующаго сословія такія уступки, которыя распатали феодальную систему и выработали изъ себѣ основные элементы новой государственной и общественной жизни, очень неудовлетворительной, но, по крайней мѣрѣ, способной развиваться и совершенствоваться. Требованія мужиковъ и мѣщанъ были обыкновенно чрезвычайно умѣренны; они желали мира, правильнаго суда и точнаго опредѣленія денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Обѣ власти, феодальная и клерикальная, видѣли въ такихъ требованіяхъ неслыханную и непростительную дерзость. Рыцари дѣйствовали противъ этихъ претензій силою оружія, а папы и епископы — силою самыхъ усердныхъ молитвъ и самыхъ торжественныхъ проклятій.

Въ концѣ XII вѣка (1172 г.), въ низшихъ слояхъ французской націи началось обширное движеніе, направленное противъ безтолковыхъ феодальныхъ междоусобій и противъ безсовѣстныхъ барскихъ притѣсненій. Плотникъ Дюранъ пришелъ къ епископу города Пуи и объявилъ ему, что Мадонна приказала ему, Дюрану, проповѣдывать людямъ миръ; въ доказательство своихъ словъ, Дюранъ показывалъ пергаментъ, полученный имъ съ неба; на пергаментѣ была нарисована Мадонна,

держащая на руках младенца; кругомъ изображенія было написано: „Агнецъ божій, принявшій на себя грѣхи міра, пошли намъ миръ!“ — Епископъ прогналъ отъ себя посланника Мадонны; народъ сначала посмѣялся надъ его проповѣдью, однако, черезъ нѣсколько дней, къ Дюрану присоединилось больше ста человѣкъ; въ началѣ слѣдующаго, 1183 года, число его учениковъ дошло до пяти тысячъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, движеніе охватило всю Францію. Послѣдователи Дюрана называли себя *братьями міра* и устроили себѣ особенный костюмъ, — бѣлый полотняный или шерстяной капюшонъ. Когда *братьевъ міра* или *капюшонниковъ* оказалось уже очень много, тогда они взялись за свое дѣло очень серьезно и съ большою энергіею. Они рѣшились силою оружія водворить и поддерживать миръ на всемъ пространствѣ своего отечества. Началось радикальное исправленіе феодальныхъ правовъ посредствомъ матеріальной силы. *Братья міра* стали давать генеральныя сраженія тѣмъ баронамъ, которые, не слушая ихъ увѣщаній, продолжали нарушать общественное спокойствіе своими глупыми раздорами. Особенно ревностно и успѣшно *братья міра* занялись преслѣдованіемъ наемныхъ дружинъ, такъ называемыхъ *рутьверовъ* или *брабансоновъ*, составившихъ себѣ печальную знаменитость самими безобразными злодѣяніями. Въ одномъ сраженіи, *братья міра* истребили отъ десяти до двѣнадцати тысячъ этихъ бандитовъ. Пропаганда Дюрана усилилась до такой степени, что въ его братство стали поступать мужчины и женщины изъ всѣхъ сословій: монахи, аббаты, епископы, рыцари, графы надѣвали бѣлый капюшонъ и клялись охранять общественное спокойствіе; безтолковыя феодальныя войны очевидно начали тяготить даже самихъ бойцовъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось движеніе *капюшонниковъ*, если бы оно не возстановило противъ себя всѣхъ высшихъ сословій, принявши чисто-соціальное направленіе, находившееся, впрочемъ, въ самой тѣсной логической связи съ его основными стремленіями. Если *капюшонники* хотѣли водворить миръ, то, разумѣется, имъ невозможно было смотрѣть равнодушно на ту постоянную, глухую войну, которую каждый феодалъ велъ ежедневно съ своими крестьянами, заваливая ихъ работою, отнимая у нихъ имущество, и подвергая ихъ, по своему благоусмотрѣнію, тѣлеснымъ и всякимъ другимъ наказаніямъ. *Братья міра* вмѣшались въ домашнія дѣла земледѣльческой аристократіи. „До того дошло ихъ неистовое безуміе, пишетъ въ своей хроникѣ одинъ благочестивый каноникъ, что глухой этотъ народъ предписалъ графамъ обращаться съ подданными снисходительнѣе прежняго“. Такое неистовое безуміе, клонившееся, дѣйствительно, къ уничтоженію крѣпостной зависимости, заслуживало, конечно, самаго строгаго наказанія. Представители обѣихъ властей сообразили наконецъ, что наряжаться въ бѣлые капюшоны и

кокетничать съ идеями всеобщаго мира — значить подкапывать тотъ самый порядокъ, который даетъ имъ деньги, господство и всѣ прочія житейскія удовольствія. Бароны и епископы соединили всѣ свои силы противъ общаго врага и, въ началѣ XIII вѣка, стерли съ лица земли опасныхъ негодяевъ, осмѣлившихся завести рѣчь о какой-то безнравственной снисходительности. При этомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторые прелаты обезсмертили свои имена тѣмъ пламеннымъ усердіемъ и тою спасительною свирѣпостью, съ которыми они принялись вырѣзывать и выжигать изъ сознанія французской націи *неистовое безуміе* и ядовитую ересь плотника Дюрана.

Этотъ разсказъ показываетъ ясно до какой степени правы тѣ почтенные люди, которые утверждаютъ, у насъ и за границей, что все происходитъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, что демократія нуждается въ долговременномъ пребываніи подъ разнообразными педагогическими ферулами, и что простой народъ всѣми своими добрыми чувствами и помышленіями обязанъ исключительно благотворному вліянію обѣихъ властей, теоретической и практической, въ особенности первой, — впрочемъ, и второй, тоже въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы теорія и практика, соединившись вмѣстѣ, не урезонили глупаго плотника Дюрана, то Франція имѣла бы несчастье пользоваться съ XIII вѣка свободою промышленности, равенствомъ гражданъ предъ закономъ, и разными другими преждевременными затѣями, которыя по соображеніямъ всѣхъ философствующихъ историковъ, въ томъ числѣ и Конта, имѣли право утвердиться на земномъ шарѣ никакъ не раньше XVIII столѣтія. Епископы и бароны спасли Францію отъ этой ужасной опасности, и, совершивши, въ золотой вѣкъ своего господства, цѣлый рядъ такихъ же блестящихъ и полезныхъ подвиговъ, упрочили за собой бессмертное право на уваженіе и признательность всего человѣчества вообще, и философствующихъ историковъ въ особенности. Милль говорить, что тѣ люди, которые сомнѣваются въ возможности превратить исторію въ науку, отложить свои сомнѣнія, познакомившись съ трудами Конта. Дѣйствительно, Контъ убѣждаетъ и увлекаетъ читателя силою своего отвлеченнаго анализа. Но, какъ только читатель обращается къ живымъ историческимъ фактамъ, такъ въ умѣ его пробуждаются снова прежнія сомнѣнія и прежній взглядъ на исторію, какъ на громадный арсеналь, изъ котораго всѣ политическія партіи могутъ брать себѣ всевозможные аргументы.

XVII.

Клерикально-военная организациа средневѣкового европейскаго общества, въ самый цвѣтушій періодъ своего существованія, заключала въ себѣ зародыши неизбежнаго и близкаго разложенія. Обѣ власти, духовная или теоретическая (*puvoir spirituel*) и свѣтская или практическая (*puvoir temporel*), не могли жить между собою въ добромъ согласіи, потому что между ними не было и никогда не могло быть ясно обозначенной пограничной линіи. Папы враждовали постоянно съ императорами и съ королями; въ разгарѣ борьбы, обѣ воюющія стороны старались какъ можно торжественнѣе взводить другъ на друга такіа скандальныя обвиненія, которыя, возобновляясь изъ года въ годъ, непременно должны были поколебать и наконецъ уничтожить почтительныя чувства самыхъ простодушныхъ и благочестивыхъ людей. Разрушительнѣе всякихъ обвиненій дѣйствовали тѣ общія теоріи, которыми папа и императоръ поражали другъ друга, и которыя, черезъ нѣсколько времени, были обращены съ полнымъ усѣхомъ, какъ противъ папы, такъ и противъ императора. Папы утверждали постоянно, что подданные имѣютъ полное право и даже обязаны поднимать оружіе противъ государя, запятнавшаго себя ересью или снисхожденіемъ къ еретикамъ. Свѣтскіе владыки, съ своей стороны, утверждали также настойчиво, что папы не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ область международныхъ отношеній, политики и государственнаго управленія. Понятно, какіе результаты должны были развиться изъ подобныхъ разсужденій, провозглашавшихся во всеуслышаніе.

Если подданные, для спасенія своихъ душъ, обязаны сопротивляться царствующему еретику, то, разумѣется, на этихъ подданныхъ налагается священная обязанность тщательно контролировать все поведеніе владѣтельной особы, для того, чтобы замѣтить во-время приближеніе опасности, то есть, зловѣщіе признаки ереси. А что такое ересь? Вѣрнѣе было бы спросить: что такое не ересь? Другими словами, есть ли такой поступокъ, который, въ случаѣ надобности, не могъ бы превратиться въ обвинительный пунктъ. Если властелинъ не соблюдаетъ постовъ, онъ еретикъ. Если онъ держитъ при себѣ, въ качествѣ лейбъ-медика, ученаго еврея или араба, онъ еретикъ. Если онъ не вѣшаетъ и не сжигаетъ евреевъ, колдуновъ, сарациновъ и вольнодумцевъ, — онъ еретикъ. Если онъ женится на дочери такого владѣ-

теля, на котораго сердится папа, — онъ еретикъ. Наконецъ, всякое нарушение божескаго закона, всякая несправедливость, всякое притѣсненіе, всякій тяжелый налогъ, всякая бесполезная война могутъ также съ полнымъ удобствомъ превратиться въ ересь. Клерикалы имѣли, правда, обыкновеніе смотрѣть сквозь пальцы на такіе проступки, которые не заключали въ себѣ прямыхъ посягательствъ на выгоды ихъ корпораціи. Но не трудно было предвидѣть, что народъ, приученный своими пастырями разсуждать о ересьхъ высшаго начальства, обратитъ непременно развернувшуюся силу анализа именно противъ тѣхъ проступковъ, къ которымъ пастыри относятся равнодушно, и которые, тѣмъ не менѣе, ложатся самымъ тяжелымъ бременемъ на его экономическое существованіе, словомъ, ультрамонтанская теорія сопротивленія вѣщечнымъ еретикамъ, проведенная въ народное сознаніе съ самыми возвышенными и трансцендентальными цѣлями, порождаетъ изъ себя самымъ логическимъ путемъ, при содѣйствіи папскихъ посланій и соборныхъ уложений, тѣ знаменитыя *droit de réstistance* и *droit d'insurrection*, которыя были провозглашаемы, въ концѣ прошлаго столѣтія, французскими національными собраніями.

Съ другой стороны, императорская теорія о невмѣшательствѣ папы въ свѣтскія дѣла приводитъ къ такимъ же точно неожиданно-радикальнымъ результатамъ. Если папѣ не должно быть никакого дѣла до политики, то онъ теряетъ всякое право и всякую возможность блюсти чистоту доктрины. Предположимъ, что король ведетъ войну съ своимъ сосѣдомъ, преступнымъ покровителемъ проклятыхъ еретиковъ. Давши другъ другу достаточное количество кровопролитныхъ сраженій, и взявши другъ у друга достаточное количество укрѣпленныхъ городовъ, воинственные сосѣди начинаютъ переговоры. Папа запрещаетъ заключать миръ, доказывая совершенно основательно, что между католикомъ и еретикомъ не должно быть никакихъ трактатовъ и никакихъ сношеній, кромѣ истребительной войны. Папѣ отвѣчаютъ, что это — совѣмъ не его дѣло. Католическая держава становится добрымъ сосѣдомъ неисправимаго еретика. Нарушеніе доктрины оказывается очевиднымъ, и блюстителю ея чистоты вѣрно хранить скромное молчаніе. Далѣе еретики сосѣдняго государства пріѣзжаютъ въ католическіе города, заводятъ въ нихъ свои лавки, мастерскія, конторы и, расположившись, начинаютъ отправлять открыто свои поганыя церемоніи. Папа, глядя на это безобразіе, приказываетъ епископамъ дѣйствовать. Епископы отдають своимъ подчиненнымъ приказаніе хватать, вѣшать, жечь, однимъ словомъ, возстановлять чистоту и порядокъ. Подчиненные отвѣчаютъ: нельзя; не вѣрно. Заключенъ трактатъ о взаимной вѣротерпимости. Епископы обращаются къ высшимъ властямъ. — Власти отвѣчаютъ: сидите смирно. Это не

ваше дѣло — политика. Далѣе одинъ изъ еретиковъ пускаетъ въ продажу книгу, въ которой излагаются неподходящія умствованія. Епископы опять приходятъ въ азартъ. Имъ опять говорятъ: не волнуйтесь. Это — политика. — Оно конечно, все это политика, но вѣдь посредствомъ политики можно дойти и до вѣротерпимости, и до индифферентизма, и до скептицизма, и такъ далѣе, и такъ далѣе, вплоть до Молашотта и Бюхнера. А епископы, вмѣстѣ съ папой во все это время, должны сидѣть сложа ручки и потупивъ глазки. Спрашиваю я васъ, развѣ это хорошо? И на что это похоже? И какія же, послѣ этого, дѣйствительныя права остаются за папою и за епископами? Права возводить очи къ небу и произносить чувствительныя рѣчи? Согласитесь, что на такихъ правахъ далеко не уѣдешь, тѣмъ болѣе, что этими самыми правами пользуется безпрепятственно самый скромный изъ протестантскихъ пасторовъ.

Само собою разумѣется, что папы не желали прокладывать дорогу французскимъ революціонерамъ, что императоры не питали никакой нѣжности къ философіи Фейербаха. Но дѣло въ томъ, что идеи растутъ и развиваются своими собственными силами, не спрашивая позволенія у тѣхъ людей, которые въ первый разъ выпустили ихъ на свѣтъ. Произнося какое нибудь сужденіе, вы отдаете вашу мысль всѣмъ вашимъ слушателямъ, и тутъ начинается длинный рядъ такихъ умозаключеній, которыхъ вы никакъ не могли предвидѣть. Чѣмъ многочисленнѣе ваша аудиторія, тѣмъ разностороннѣе будетъ обсужденіе и разсматриваніе вашей мысли и тѣмъ многочисленнѣе будутъ тѣ послѣдствія и приложения, къ которымъ ваша мысль послужитъ поводомъ. Аудиторія папъ и императоровъ была безконечно велика; они говорили передъ цѣлыми народами, и ихъ мысли обсуждались и комментировались многими поколѣніями. Мудрено ли, что отъ такой аудиторіи не ускользнуть ни одинъ изъ возможныхъ выводовъ, и что коллективный умъ Европы оказался гораздо сильнѣе и дальновиднѣе единичныхъ умовъ ея средневѣковыхъ наставниковъ? А если это ни сколько не мудрено, то не мудрено и то, что Европа вывела изъ папскихъ и королевскихъ теорій такія умозаключенія, которыхъ не замѣчали и не желали получить ни короли, ни папы.

Кромѣ основнаго антагонизма, существовавшаго между обѣими властями, теоретическою и практическою, — въ каждой изъ этихъ властей скрывались еще источники внутреннихъ раздоровъ, вслѣдствіе которыхъ общее разложеніе всей системы становилось еще болѣе неизбѣжнымъ. Враждуя съ императоромъ и съ королями, папа, кромѣ того, ссорился постоянно съ своими подчиненными, то есть, епископами, аббатами и докторами теологіи, стоявшими за права и за самостоятельность отдѣльных національныхъ церквей. Вѣдя борьбу съ папою, императоръ и ко-

роли, кромѣ того, враждовали постоянно съ своими вассалами, съ разными герцогами, графами и баронами, которые, то старались расширить свои права, то принуждены были защищаться противъ захватовъ центральной власти.

Средневѣковое *statu quo* никакъ не могло быть прочнымъ, потому что оно состояло изъ зародышей нѣсколькихъ политическихъ системъ, взаимно исключавшихъ другъ друга: каждый изъ этихъ зародышей стремился къ развитію, а чтобы развиться, ему надо было задушить и проглотить другіе зародыши, образовавшіе вмѣстѣ съ нимъ данное *statu quo*. При такихъ условіяхъ, борьба была неизбѣжна, и результатомъ борьбы должно было оказаться развитіе какого нибудь одного зародыша и подавленіе остальныхъ, что, во всякомъ случаѣ, вело за собою радикальное измѣненіе средневѣковой общественности.

Всѣ враждующіе элементы средневѣковаго общества стояли на почвѣ одной общей доктрины, которая для всѣхъ была одинаково обязательна и ненарушима. Интересы у всѣхъ враждующихъ элементовъ были, напротивъ того, различны, или, вѣрнѣе, взаимно противоположны. Задача каждой воюющей стороны состояла въ томъ, чтобы, ссылаясь на общеобязательную доктрину, оправдать свои собственные притязанія и опровергнуть притязанія противниковъ. Другими словами, надо было, посредствомъ искусной аргументаціи, приноровить доктрину къ интересамъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что аргументація тутъ ни на что не нужна. Всякому извѣстно, что право сильнаго — самое лучшее и самое надежное изъ всѣхъ возможныхъ правъ. Ну, стало быть, кто сильнѣе — тотъ ступай и бери себѣ преспокойно все, что ему желательно получить; а слабѣйшій въ это время пускай ссылается на высокія истины и аргументируетъ съ горя, сколько душѣ его будетъ угодно. Это вѣрно: сила всегда рѣшаетъ дѣло. Но теперь возникаютъ два вопроса. Во первыхъ, что значитъ быть сильнѣйшимъ? И во вторыхъ, какими средствами можно привлечь на свою сторону силу, рѣшающую дѣло? Въ такой борьбѣ, какую вели между собою разнородные элементы средневѣковаго общества, быть сильнѣйшимъ значитъ, очевидно, имѣть въ своемъ распоряженіи большую толпу людей и большую массу матеріальныхъ средствъ. Какимъ же образомъ собрать эти средства и сгруппировать людей. Приказать людямъ, чтобы они пришли и принесли съ собою деньги и продукты? Это средство очень просто, и употребляется съ полнымъ успѣхомъ сильными и организованными правительствами современной Европы, правительствами, которыя, внутри государства, не встрѣчаютъ себѣ никакихъ соперниковъ. Но когда споръ идетъ именно о томъ, кому быть въ данной странѣ правительствомъ — папѣ или королю, папѣ или епископамъ, королю или баронамъ, — тогда простое приказаніе оказывается безсильнымъ и неумѣст-

нымъ. Тогда первый и самый важный актъ борьбы, — собираніе силъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть исходъ дѣла, — принимаетъ видъ состязательнаго процесса, при чемъ роль присяжныхъ достается всей массѣ народонаселенія, той самой безгласной, задавленной и невѣжественной массѣ, на которую сильные міра, до борьбы и послѣ побѣды, не обращаютъ обыкновенно никакого вниманія. Подкупить этихъ присяжныхъ нѣтъ возможности. Чѣмъ вы подкупите цѣлый народъ, отъ котораго, кромѣ того, вы сами ожидаете себѣ всѣхъ благъ земныхъ, и богатства, и власти, и славы? Запугать ихъ тоже невозможно, потому что они сами должны составить ядро той силы, которая будетъ запугивать и увлекать другихъ. Остается одно средство — убѣдить, то есть, написать на своемъ знамени имя любимой идеи и доказать всѣми правдами и неправдами искусной и увлекательной аргументаціи, что сущность вашего дѣла дѣйствительно соотвѣтствуетъ его обольстительной вывѣскѣ. Значитъ, аргументація необходима для собиранія силъ, и слѣдовательно для успѣшнаго исхода всей борьбы. Лютеръ увлекъ своею аргументаціею сотни слушателей, эти сотни сообщили свое увлеченіе десяткамъ тысячъ, десятки тысячъ потянули за собою миллионы, — и пошло, и пошло, и образовалась наконецъ та грозная сила, которая произвела громадный переворотъ и, въ теченіе столѣтій, выдерживала съ полнымъ успѣхомъ натискъ католическихъ державъ.

Аргументація начала играть въ исторіи особенно важную роль съ того времени, какъ массы начали размышлять. Аргументація сохранила свое преобладающее вліяніе до тѣхъ поръ, пока массы не выучатся распознавать безошибочно свои собственныя выгоды. Когда водворится это безошибочное распознаваніе, основанное на отчетливомъ пониманіи законовъ природы, тогда масса перестанетъ служить орудіемъ честолюбивыхъ аргументаторовъ. Тогда невозможно будетъ увлекать массу въ такія движенія, въ которыхъ она исправляетъ должность кошки, вытаскивающей изъ горящей золы каштаны для прозорливой мартышки. Но что будетъ невозможно тогда, въ счастливыя времена трезваго благоразумія и положительнаго знанія, то было неизбѣжно въ періодъ разложенія средневѣковыхъ идей и учреждений. Тогда каждый изъ составившихся общественныхъ элементовъ аргументировалъ на-пропалую, строилъ на общемъ фундаментѣ обязательной доктрины свою собственную хитрую теорію, обращался къ массамъ во имя высшихъ неземныхъ интересовъ, фанатизировалъ простыхъ людей пламенными рѣчами, натравливалъ ихъ другъ на друга, и заливалъ рѣками человѣческой крови ту землю, на которой онъ хотѣлъ основать свое господство и на которой для фанатизированной массы готовилась по прежнему мрачная будущность неблагодарнаго труда и безответнаго повиновенія.

XVIII.

Необходимость искусной аргументаціи породила цѣлыя многочисленные классы и корпораціи ученыхъ, записныхъ, неумомимыхъ и неистощимыхъ аргументаторовъ, мастеровъ діалектическаго дѣла, безстрашныхъ рыцарей рогатаго силлогизма, которые, во время продолжительнаго разложенія средневѣковыхъ формъ, незамѣтно прибрали къ рукамъ обѣ отрасли власти—теоретическую и практическую. Споры папъ съ національными церквями рѣшались сочиненіями и рѣчами докторовъ теологіи, посѣдѣвшими надъ фоліантами Аристотеля, Фомы Аквинскаго и Алберта Великаго. Споры королей съ графами и баронами рѣшались приговорами опытныхъ юристовъ или легистовъ, потратившихъ лучшіе годы жизни на изученіе всѣхъ тонкостей Юстиніанова кодекса, знаменитыхъ римскихъ юрисконсультовъ и безчисленныхъ особенностей феодальнаго обычнаго права (*droit coutumier*). Главное достоинство легистовъ и теологовъ состояло въ томъ, что они всегда знали заранѣе, на чью сторону должны склониться вѣсы правосудія, и что вся ихъ кружевная, художественная аргументація приводила ихъ аккуратно къ тому окончательному рѣшенію, къ которому слѣдовало придти, принимая въ соображеніе обстоятельства времени, мѣста и политической атмосферы. Кого надо было уморить—тотъ умиралъ; кого надо было отрѣшнить отъ должности—тотъ отрѣшался; кого надо было обобрать—тотъ и обирался; и все это совершалось съ соблюденіемъ всѣхъ законовъ формальной логики, и съ подведеніемъ неизмѣримаго количества цитатъ, статей, пунктовъ, папскихъ буллъ и соборныхъ уложеній. Что же касается до враждебныхъ столкновеній королей съ папами, то здѣсь, при рѣшеніи этихъ спорныхъ вопросовъ, волны юридическаго краснорѣчія сливались съ потоками теологической учености на черезполосныхъ владѣніяхъ государственной исторіи и каноническаго права. Такимъ образомъ испытанные въ бояхъ аргументаторы вѣдали и рѣшали важнѣйшіе вопросы тогдашняго мудренаго времени, богато одареннаго всевозможною путаницею идей, страстей, интересовъ и стремленій. Аргументаторы эти, не смотря на различіе костюма, образа жизни и общественнаго положенія, всѣ безъ исключенія были метафизиками. Это обстоятельство приводитъ меня къ вопросу о томъ, что такое метафизика, и въ чемъ состоятъ типическія особенности метафизическаго мышленія?

По времени своего развитія и процвѣтанія, метафизика занимаетъ

середину между теософією и положительною наукою. Метафизика родилась тогда, когда теософія склонилась къ упадку, — и начала дряхлѣть тогда, когда возмужала положительная наука. Это историческое положеніе метафизики опредѣляетъ собою всѣ основныя черты ея характера. Метафизика могла возникнуть именно только въ такое время и только при подобныхъ обстоятельствахъ. Спрашивается: что можетъ сдѣлать человѣческій умъ, въ которомъ уже пробудилась потребность размышлять, и у котораго, въ то же время, еще нѣтъ достаточныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній ни объ явленіяхъ и законахъ окружающаго міра, ни о размѣрахъ собственныхъ силъ? — Обрѣтаясь въ счастливомъ невѣдѣніи трудностей и невозможностей такой умъ, съ юношескою самонадѣянностью, будетъ бросаться какъ разъ на самыя неразрѣшимые вопросы, во первыхъ потому, что эти вопросы имѣютъ особенно величественную фізіономію, а во вторыхъ потому, что для ихъ постановки не требуется никакихъ предварительныхъ точныхъ знаній. — Соображая очень основательно, что свидѣтельства пяти чувствъ не могутъ дать на величественные вопросы никакихъ отвѣтовъ, начинающій умъ относится съ презрительнымъ равнодушіемъ къ опыту и наблюденію, и, для отысканія истины, полагается исключительно на свою собственную логическую силу. Отважно пускаясь въ работу, умъ производитъ цѣлыя груды логическихъ выкладокъ, недопускающихъ никакой повѣрки и неимѣющихъ никакого соотношенія съ явленіями и законами существующаго міра. Вся масса этихъ логическихъ построеній называется метафизикою. Но, чтобы вести какое бы то ни было логическое разсужденіе, надо непременно имѣть исходную точку. Чтобы построить логическимъ путемъ систему мірозданія, метафизикъ непременно долженъ положить въ основаніе всего изслѣдованія какую нибудь несомнѣнную непоколебимую аксіому, такъ точно, какъ Архимедъ, чтобы перевернуть землю, непременно долженъ былъ отыскать сначала твердую точку опоры. Эту необходимую аксіому, эту твердую точку опоры сама логика создать не можетъ, потому что логика вообще не создаетъ ничего, а только разрабатываетъ уже созданный и собранный матеріаль. Откуда же возьметъ метафизикъ ту аксіому, безъ которой не можетъ начаться его работа? Онъ долженъ брать ее непременно изъ области воображенія, или изъ той области опыта и наблюденія, на которую онъ, съ высоты своего призрачнаго величія, бросаетъ убійственно-презрительные взгляды.

Если мы теперь припомнимъ, что метафизика составляетъ промежуточную инстанцію между уводящею теософією и развѣтающею наукою, то намъ не трудно будетъ сообразить, что метафизику приходится брать матеріалы для логическихъ работъ, съ одной стороны, изъ теософіи, съ другой стороны, изъ положительной науки. Самой метафизику

принадлежитъ только та діалектическая паутина, которую она прикрѣпляетъ къ различнымъ твердымъ тезисамъ, изготовленнымъ теософіею или наукою. Достоинство діалектическаго построенія можетъ быть очень различно, но, во всякомъ случаѣ, оно находится въ прямой зависимости отъ достоинства тѣхъ тезисовъ, которые были положены въ основаніе. Если основные тезисы вѣрны, вся система имѣетъ нѣкоторые шансы оказаться правдоподобною. Если основные тезисы фантастичны, общій результатъ будетъ навѣрное очень уродливъ. Находясь на рубежѣ двухъ областей, метафизика имѣетъ вообще двусмысленный, подвижной и измѣнчивый характеръ. Чѣмъ ближе стоятъ ея отдѣльные представители къ области традиціонныхъ доктринъ, тѣмъ сильнѣе оказывается въ ихъ произведеніяхъ элементъ фантазіи, потому что тѣмъ большее количество тезисовъ берется изъ теософіи. По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ настоящему времени, по мѣрѣ того, какъ усиливается преобладаніе положительной науки, метафизическія системы становятся трезвѣе, разумнѣе и скромнѣе, потому что всѣ или почти всѣ тезисы берутся изъ опыта и наблюденія. Фома Аквинскій и Альбертъ Великій съ одной стороны, Гельвецій и Фейербахъ съ другой стороны, оказываются всѣ четверо несомнѣнными метафизиками, не смотря на то, что первые двое стоятъ твердо на почвѣ традиціи, а послѣдніе примыкаютъ самымъ тѣснымъ образомъ къ даннымъ положительнаго знанія. Между двумя обозначенными крайностями можно было бы вставить всѣ промежуточные звенья, такъ что Гельвецій оказался бы законнымъ потомкомъ Фомы Аквинскаго, и такъ, что мы увидѣли бы ясно, какимъ образомъ потокъ метафизическаго мышленія постоянно очищался отъ остатковъ традиціи и постоянно обогащался тезисами положительной науки.

У читателя родился теперь, быть можетъ, вопросъ: да почему же Фома Аквинскій метафизикъ? И если онъ метафизикъ, то гдѣ же ясная граница между метафизикомъ и чистымъ теологомъ?

На это я отвѣчу, что въ той фазѣ теологической философіи, къ которой относится дѣятельность Фомы Аквинскаго, требуемую границу показать довольно трудно, потому что нѣкоторая доля метафизики примѣшивается неизбежно ко всякой теософіи, кромѣ чистаго первобытнаго фетишизма, о которомъ я говорилъ подробно въ началѣ этой статьи. Впрочемъ существенное различіе обоихъ элементовъ обнаружится тотчасъ, если мы попробуемъ сравнить Фому Аквинскаго съ какимъ нибудь основателемъ религіи, напримѣръ съ Магометомъ. Магометъ объявляетъ аравитянамъ, что онъ посланникъ Аллаха, и что Аллахъ даетъ людямъ такія-то и такія-то приказанія. При этомъ Магометъ нисколько не старается доказать своимъ слушателямъ, посредствомъ логическихъ

аргументовъ, разумность или правдивость своихъ словъ. Онъ не разсуждаетъ, не диспутируетъ, а приказываетъ и требуетъ себѣ безусловнаго повиновенія во имя своего исключительнаго положенія, то есть, во имя своего посланничества. Позднѣйшіе вѣрующіе комментаторы Корана, напротивъ того, нисколько не думаютъ присвоивать себѣ тѣ исключительныя права, которыми пользовался самъ Магометъ. Слова учителя эти комментаторы принимаютъ на вѣру, какъ несомнѣнную истину, но они не могутъ и не хотятъ требовать, чтобы читатели принимали ихъ собственные комментаріи также на вѣру. Эти комментаторы не выдаютъ своихъ произведеній за внушенія Аллаха, и поэтому хотятъ дѣйствовать на читателей одною внутреннею силою логической убѣдительности. Въ сочиненіяхъ такихъ комментаторовъ оказываются обязательными для мусульманскихъ читателей только основные тезисы, взятые цѣликомъ изъ Магомета. Что же касается до діалектическихъ узоровъ, которыми обставлены или опутаны эти тезисы, то они обязательны на столько, на сколько въ нихъ соблюдены законы человѣческой логики. Этимъ діалектическимъ узорамъ можно противопоставлять другіе узоры, вовсе на нихъ не похожіе, оставаясь при всемъ томъ безукоризненнымъ вѣрующимъ сектаторомъ Магомета. Если мы обратимся теперь къ Фомѣ Авинскому, то мы увидимъ, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на вышеуказанныхъ комментаторовъ, и нисколько не похожъ на Магомета. Вслѣдствіе этого, онъ вмѣстѣ съ комментаторами Корана, попадаетъ въ разрядъ метафизиковъ, то есть, такихъ людей, которые размышляютъ, диспутируютъ, аргументируютъ и умозаключаютъ, обращаясь постоянно не къ вѣрѣ, а къ разсудку слушателей и читателей, обязанныхъ вѣрить только основнымъ тезисамъ, а не прибавленіямъ и поясненіямъ толкователя.

До сихъ поръ я говорилъ о *чистой* метафизикѣ, которая, опираясь на нѣсколько тезисовъ недостаточныхъ по количеству, или никуда негодныхъ по качеству, старалась, съ юношескою смѣлостью и съ безкорыстною любовью къ истинѣ, постигнуть и уловить абсолютную сущность мірозданія и человѣческаго духа. Полновластно господствуя, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, надъ всѣми передовыми умами средне-вѣковой Европы, метафизическое мышленіе просочилось понемногу во всѣ отрасли общественной жизни, пробралось въ оцѣнку всѣхъ между-человѣческихъ отношеній, и породило изъ себя многія видоизмѣненія *прикладной* метафизики, направленной къ различнымъ житейскимъ цѣлямъ, похвальнымъ и предосудительнымъ, высокимъ и низкимъ, крупнымъ и мелкимъ. Что въ высшихъ слояхъ умственнаго міра называлось схоластикой и считалось вѣнцомъ человѣческой жизни, то, спустившись внизъ и принявши грязновато-практическій колоритъ, преврати-

лось въ юридическое кляузничество, крючкотворство, пронырство и пролазничество. Когда нравы смягчились и частныя войны стали выходить изъ употребленія, тогда прикладною метафизикою стали рѣшаться всѣ спорныя вопросы, и тогда для сутяжничества наступила такая лафа, какой невозможно отыскать во всѣхъ остальныхъ періодахъ всемірной исторіи. Такъ какъ логика, по самой сущности своей, прикладывается ко всякому дѣлу, то, разумѣется, по поводу барана, пойманнаго въ чужомъ огородѣ, можно было пускаться въ такое же безбрежное море диалектическихъ изворотовъ и хитрыхъ цитатъ, въ какомъ плавали отцы констанскаго собора, стараясь засудить Гусса и опредѣлить точныя границы папской власти. Впрочемъ господство метафизики не могло сдѣлаться прочнымъ и постояннымъ, ни въ высшей области умозрѣнія, ни въ болѣе скромной сферѣ практической жизни. Метафизика сама, своею собственною дѣятельностью, неизбежно должна была подрывать, опрокинуть и раскрошить основныя причины своего могущества. Понятно, напримѣръ, что огромное значеніе средневѣковыхъ юристовъ или легистовъ обуславливалось преимущественно непроходимую путаницею частныхъ законовъ, обычаевъ, правъ, привилегій и монополій, которыя ежеминутно сталкивались, перекрещивались и переплетались между собою въ каждомъ городѣ и въ каждой деревушкѣ. Легисты, быть можетъ, вовсе не имѣли опредѣленнаго намѣренія привести этотъ хаосъ къ простотѣ и единству. Легисты, во всякомъ данномъ случаѣ, старались только рѣшать спорный вопросъ въ пользу своихъ патроновъ. Но въ результатѣ этихъ частныхъ усилій получалось все-таки упрощеніе и объединеніе! Существуютъ, положимъ, два взаимно-противуположные обычая, въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Легистъ, чтобы выиграть одинъ процессъ, опирается на обычай *A*, и во имя его торжественно отрицаетъ обычай *B*, усиливая свое отрицаніе множествомъ почтенныхъ цитатъ, которыя у всякаго, мало-мальски порядочнаго легиста, всегда имѣются наготовѣ. Затѣмъ, тотъ же легистъ, или его товарищъ, чтобы выиграть другой процессъ, превозноситъ до небесъ обычай *B*, и торжественно хоронитъ обычай *A* подъ цѣлю грудю самыхъ авторитетныхъ цитатъ. Потомъ представляется третій случай, въ которомъ оба обычая, и *A* и *B*, безошадно отрицаются, какъ очевидныя злоупотребленія, осужденныя давнымъ давно римскими законами, каноническимъ правомъ, папскими буллами, соборными уложеніями, историческими примѣрами и юридическими прецедентами. Каждое изъ трехъ рѣшеній заносится въ лѣтописи Фемиды, и становится такимъ фактомъ, на который навѣрное будутъ опираться, въ случаѣ надобности, легисты слѣдующихъ поколѣній. Каждая изъ трехъ тропинокъ превратится понемногу въ торную дорогу. Такимъ образомъ получится наконецъ тотъ результатъ, что оба

мѣстные обычая утратить свою обязательную силу и понемногу придуть въ забвеніе. Жители обѣихъ мѣстностей увидятъ, что обычай составляетъ для нихъ самую ненадежную гарантію; вслѣдствіе этого, въ нихъ зародится стремленіе къ болѣе опредѣленному и однородному законоположенію, которое установило бы какую нибудь границу произвольнымъ умствованіямъ прикладной метафизики. Когда это стремленіе сдѣлается достаточно общимъ и достаточно сознательнымъ, тогда оно воплотится въ дѣйствительной жизни, и нанесетъ могуществу прикладной метафизики роковой ударъ, послѣ котораго юристы потеряютъ возможность стряпать новый законъ для каждаго новаго случая.

О *чистой* метафизикѣ можно сказать то же самое. Она сама губитъ свое господство. Обиліе метафизическихъ системъ, взаимно истребляющихъ другъ друга, приноситъ мыслящимъ людямъ полное разочарованіе, подрываетъ въ конецъ авторитетъ основныхъ тезисовъ, недопускающихъ повѣрки опыта, и порождаетъ ту гибельную для метафизики мысль, что для нашего ограниченнаго ума многіе величественные вопросы останутся навсегда совершенно неразрѣшенными.

XIX.

Съ XIII вѣка, въ европейской исторіи начинаютъ играть важную и почетную роль два разряда метафизическихъ корпорацій,—во первыхъ, университеты, и во вторыхъ, парламенты *). Университеты отстаиваютъ противъ папъ самостоятельность національныхъ церквей. Парламенты, въ ущербъ могущественнымъ и непокорнымъ феодаламъ, стараются расширить права королевской власти. Парламенты и университеты вмѣстѣ аргументируютъ за короля противъ всепоглощающихъ притязаній папы. Обѣ метафизическія корпораціи на всѣхъ пунктахъ одерживаютъ рядъ громкихъ и блистательныхъ побѣдъ. Въ началѣ XIV вѣка, французскій

*) Я употребляю здѣсь слово *парламентъ* не въ англійскомъ, а во французскомъ смыслѣ. Во Франціи парламентами назывались, какъ извѣстно, не собранія выборныхъ представителей націи, а просто высшія судебныя мѣста, имѣвшія, впрочемъ, нѣкоторыя политическія права. Англійскому парламенту соответствовали во Франціи *Etats Généraux*, которыя, однако, собирались рѣдко и никогда не имѣли постояннаго вліянія на государственныя дѣла.

король Филиппъ Красивый, при содѣйствіи метафизиковъ, судить и захватываетъ въ плѣвъ ретиваго папу, Бонифація VIII, послѣдняго представителя необузданныхъ клерикальныхъ стремленій. Бонифацій умираетъ. Его преемникъ, Климентъ V, поселяется въ южной Франціи, въ городѣ Авиньонѣ, и становится покорнѣйшимъ слугою французскаго короля и окружающихъ его метафизиковъ. Въ это время метафизики засуживаютъ до смерти орденъ тамплиеровъ, который считается опаснымъ для государства и кромѣ того обладаетъ огромными богатствами, весьма привлекательными для короля Филиппа. Папа безпрекословно ратификуетъ смертный приговоръ, произнесенный докторами и легистами. Преемники Климента продолжаютъ жить въ Авиньонѣ и повиноваться метафизикамъ, засѣдающимъ въ судахъ и университетахъ французскаго королевства и управляющимъ дѣйствіями французскаго правительства. Въ XV вѣкѣ начинается великій расколъ; въ католическомъ мірѣ появляются два папы, — одинъ римскій, другой авиньонскій. Кто разсудить между ними? Разсудятъ университетскіе метафизики. Они собираются въ Констансѣ, судятъ папъ, отрѣшаютъ ихъ отъ должности, и даютъ католическому міру новаго папу, Мартина V.

Въ это время парламентскіе метафизики потихоньку расширяютъ королевскую прерогативу, и длиннымъ рядомъ незамѣтныхъ, осторожныхъ и строго-послѣдовательныхъ стѣсненій и захватовъ доводятъ владѣтельныхъ герцоговъ и графовъ французскаго королевства до горькой необходимости превратиться въ ревностныхъ искателей придворныхъ должностей и королевскихъ улыбокъ.

Два столѣтія кропотливой метафизической работы произвели въ положеніи европейскихъ обществъ слѣдующія капитальныя перемѣны.

Къ концу XV вѣка папа превращенъ въ мелкаго итальянскаго владѣтеля, который хлопочетъ только о томъ, чтобы округлять свою область, и набивать карманы своимъ племянникамъ и побочнымъ дѣтямъ.

Национальныя церкви пріобрѣли себѣ почти полную назависимость отъ папы, и въ то же время подчинились въ очень значительной степени господству свѣтской власти.

Аристократія на всемъ материкѣ Европы стѣснена, обуздана и унижена.

Королевская власть получила рѣшительное преобладаніе надъ всѣми остальными, свѣтскими и духовными элементами, заявившими въ средневѣковыхъ обществахъ какія бы то ни было притязанія на господство.

Англія въ своемъ развитіи отклонилась отъ этого пути. Въ Англіи officialная церковь также подчинилась государству, но окончательное преобладаніе досталось не королю, а земледѣльческой аристократіи.

Здѣсь не мѣшаетъ остановиться, чтобы разсмотрѣть и обсудить за-

мѣчательное разногласіе, возникшее по поводу Англии между двумя величайшими историко-философами текущаго столѣтія, Контомъ и Боклемъ.

Контъ видитъ въ развитіи Англии *замѣчательную политическую аномалію* (Phil. Pos. V, 408) и отдастъ рѣшительное предпочтеніе тому пути, по которому шло развитіе Франціи и вообще всей континентальной Европы. Онъ говоритъ, что королевская власть, спасая Европу отъ политической анархіи, содѣйствовала въ то же время такому радикальному истребленію средневѣковыхъ формъ, какое не могло бы совершиться подѣ господствомъ аристократіи. Хотя каждый изъ двухъ элементовъ, — аристократія и корона, — одержавши побѣду, старался возстановить въ свою пользу старый порядокъ, однако же, по мнѣнію Конта, эти вредныя реставраціонныя попытки со стороны аристократіи гораздо болѣе опасны, чѣмъ со стороны королевской власти, потому что въ первомъ случаѣ онѣ оказываются несравненно болѣе успѣшными и прочными, чѣмъ во второмъ. Сравнивая совершенно новыя бюрократическія формы, господствующія на всемъ монархическомъ материкѣ Европы, съ безчисленнымъ множествомъ старыхъ средневѣковыхъ обычаевъ и учреждений, сохранившихся въ аристократической Англии, читатель долженъ согласиться, что въ замѣчаніи Конта есть значительная доля правды.

Бокль, напротивъ того, находитъ развитіе Англии особенно естественнымъ, здоровымъ и правильнымъ. Объясняя причины, побудившія его приняться именно за исторію Англии, онъ объявляетъ положительно, что руководствуется „вовсе не тѣми побужденіями, которыя удостоиваютъ названія патріотизма“ (Бокль, I, 180). Онъ изучаетъ исторію Англии, чтобы добраться до общихъ законовъ человѣческаго развитія; а выбралъ онъ именно Англию потому, что „изъ всѣхъ странъ Европы только въ одной Англии правительство было наиболѣе спокойно, а народъ наиболѣе дѣятеленъ; только здѣсь свобода народная покоилась на болѣе широкомъ основаніи; каждый могъ говорить, что думаетъ, и дѣлать, что угодно, — слѣдовать своимъ наклонностямъ и распространять свои мнѣнія; только здѣсь были менѣе сильны преслѣдованія за вѣру, и потому только въ Англии легче наблюдать движеніе и развитіе человѣческаго духа, нестѣсненнаго тѣми ограниченіями, которымъ онъ подвергнутъ во всѣхъ другихъ странахъ; здѣсь проповѣдываніе ересей менѣе опасно и исполненіе еретическихъ обрядовъ болѣе обыкновенно; здѣсь враждебныя вѣроисповѣданія процвѣтаютъ другъ подлѣ друга, возвышаются и падаютъ безъ всякаго препятствія, по желанію народа, нестѣсняемаго ни требованіями церкви, ни надзоромъ правительства; здѣсь всѣ интересы, всѣ классы предоставлены самимъ себѣ; здѣсь впервые подверглось нападенію, во все вмѣшивающееся, ученіе такъ называемой покровительственной системы и въ первый разъ было отверг-

нуто, — словомъ, всѣ опасныя крайности, къ которымъ ведетъ вмѣшательство, были избѣгнуты: деспотизмъ и бунтъ равно рѣдки; такъ какъ уступка признана основнымъ началомъ политики, то развитіе народное наименѣе нарушается властью привилегированныхъ классовъ, вліяніемъ отдѣльныхъ сектъ или насиліемъ деспотическихъ правителей“ *).

По своему тону эти слова Бокля напоминаютъ отчасти тѣ дифирамбы, которые поются во славу блаженной англійской конституціи Маколеемъ и всѣми подобными ему панегиристами буржуазіи. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается совсѣмъ не то. Бокль говоритъ не о благосостояніи англійскаго народа, — что было бы, конечно, безсовѣстно и нелѣпо, — а только о самодѣтельности его и объ отсутствіи стѣсненій, — то есть о такихъ особенностяхъ англійской жизни, которыя врядъ ли рѣшится отрицать самый горячій противникъ англомановъ и доктринеровъ. Англоманія, насажденная во Франціи послѣдователями Монтескье и сподвижниками Гизо, а у насъ катковскою школою публицистовъ и профессоровъ, вызвала противъ себя очень сильную реакцію, которая въ свою очередь зашла слишкомъ далеко, или, по крайней мѣрѣ, приняла ложное направленіе. Выдавать англійскую конституцію за панацею всѣхъ общественныхъ золъ было, конечно, нелѣпо; пересаживать на европейскій материкъ такія учрежденія, подъ покровомъ которыхъ разцвѣли всѣ прелести колоссальнаго пауперизма, было бы безразумно. Указывать самымъ энергическимъ образомъ на общественныя болѣзни Англии, въ которой доктринеры усматривали земной рай, было необходимо. Но при этомъ надо было останавливаться на чистомъ отрицаніи. Надо было говорить просто, что въ Англии очень много дурного, не прибавляя и не подразумѣвая той мысли, что это дурное не существуетъ на континентѣ, или существуетъ въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Ставить какую нибудь континентальную страну выше Англии, или даже игнорировать тѣ огромныя преимущества, которыя отличаютъ Англию отъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ земель, значило впадать въ очень вредный и опасный парадоксъ. Франція, подобно всѣмъ другимъ континентальнымъ странамъ, не имѣетъ никакой основательной причины чваниться своимъ историческимъ развитіемъ и предпочитать его развитію Англии. Конечно, старыхъ формъ въ Англии больше, чѣмъ во Франціи; но при этомъ остается спросить, въ какомъ отношеніи новѣйшіе наполеоновскіе чиновники и жаңдармы полезнѣе или приятнѣе для народа, чѣмъ старыя англійскіе муниципалитеты, шерифы и констебли. Громадные бюджеты Фульда съ ординарными, экстраординарными, добавочными

*) Русскій переводъ гг. Тиблена и Бестужева-Рюмина. 2 изд. Стр. 173, томъ I.

и дополнительными расходами составляют, конечно, самое новое изобрѣтеніе финансовой науки, но врядъ ли найдется даже во Франціи, пристрастной ко всякимъ новостямъ, много людей, способныхъ признать эту крупную новость за великое благодѣяніе. Систематическое развращеніе литературы посредствомъ субсидій и интимидаций составляетъ также совершенно новое явленіе, въ которомъ нѣтъ ничего средневѣковаго, и въ которомъ все-таки трудно найти что нибудь хорошее.

Вопросъ о новыхъ и старыхъ формахъ надо оставить въ сторонѣ. Тотъ масштабъ, которымъ Контъ измѣряетъ сравнительное достоинство двухъ общественныхъ движеній, французскаго и англійскаго, неудобень потому, что у Конта есть при этомъ своя затаенная мысль, управляющая всѣмъ ходомъ его анализа. Контъ возлюбилъ Францію зато, что она, по его мнѣнію, ближе всѣхъ другихъ частей Европы подошла къ своему окончательному обновленію, то есть, къ учрежденію положительнаго или позитивнаго порядка вещей. Но такъ какъ контовскій *regime positif* составляетъ самую неосуществимую и самую непривлекательную изъ всѣхъ утопій, то пристрастіе Конта къ Франціи оказывается лишеннымъ достаточнаго основанія, потому что французскій народъ такъ же безконечно далекъ отъ *окончательнаго обновленія*, какъ и всѣ остальные народы земнаго шара.

Оставляя въ сторонѣ затаенную мысль и неудобный масштабъ Огюста Конта, мы должны будемъ признаться, что Англія во всѣхъ отношеніяхъ опередила Францію, не смотря на тѣ громадныя усилія и пожертвованія, которыми Франція оплачивала свое прогрессивное движеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ взглянуть именно на самое больное мѣсто Англіи — на ея пауперизмъ. Положеніе англійскаго работника очень тяжело — это правда. Но во-первыхъ, положеніе французскаго работника, напримѣръ, ліонскаго ткача, нисколько не легче; а во-вторыхъ, въ Англіи, для удовлетворительнаго рѣшенія рабочаго вопроса, имѣется въ наличности несравненно болѣе матеріаловъ, чѣмъ во Франціи, или въ какой бы то ни было другой странѣ европейскаго материка. Эти матеріалы заключаются именно въ привычкѣ англійскаго народа къ самодѣятельности и къ самой широкой политической и гражданской свободѣ.

Мнѣ случалось иногда слышать и читать разсужденія о томъ, что когда человѣкъ умираетъ съ голода, тогда ему нѣтъ никакого дѣла до политическихъ правъ и гарантій. Разсужденія эти основательны. Когда человѣкъ *буквально* умираетъ отъ голода, или отъ чего нибудь другого, напримѣръ отъ водяной или чахотки, — тогда ему дѣйствительно нѣтъ никакого дѣла ни до конституціи, ни до митинговъ, ни до *habeas corpus*, ни до свободы печати. Но когда человѣкъ живъ и до нѣкоторой

степени здоровъ, когда онъ бьется какъ рыба объ ледъ, когда онъ старається всѣми силами улучшить свое положеніе и отбиться отъ гнетущей бѣдности, тогда для него имѣютъ огромное значеніе законы и обычаи той земли, въ которой ему приходится жить и дѣйствовать. Въ настоящее время уже дознано, что ассоціація, въ той или въ другой формѣ составляетъ самое надежное наступательное и оборонительное оружіе противъ бѣдности. Но гдѣ же ассоціацію легче составить, гдѣ легче найти для нея способныхъ членовъ, гдѣ она будетъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ — въ такой ли странѣ, гдѣ предприимчивость и сметливость народа воспитана и укрѣплена всѣмъ ходомъ его исторіи, и гдѣ всѣ жители могутъ свободно собираться и разсуждать о частныхъ и общественныхъ дѣлахъ — или же въ такой странѣ, гдѣ народъ, въ продолженіе многихъ столѣтій, былъ систематически отучаемъ отъ всякой инициативы, и гдѣ за народомъ, какъ за шаловливымъ ребенкомъ, смотрятъ ежеминутно сотни заботливыхъ благодѣтелей, наставниковъ и гувернеровъ? Отвѣтъ, кажется, ясенъ. Сущствующіе факты подтверждаютъ мысли, которыя могутъ быть выведены путемъ апіорического разсужденія. Кто у кого беретъ уроки по рабочему вопросу — Англія у Франціи, или наоборотъ? Наоборотъ, какъ разъ наоборотъ! — Общества взаимнаго страхованія, общества взаимнаго вспоможенія, общества для оптовыхъ закупокъ пиши и сырья, кредитныя учрежденія для рабочихъ классовъ, грандіозныя стачки, кооперативныя общества, — все это впервые приняло серьезныя размѣры въ Англіи, не смотря на то, что первая мысль о многихъ изъ этихъ комбинацій родилась у мыслителей европейскаго материка. Дѣло въ томъ, что во Франціи, и на материкѣ вообще, мысль и жизнь, теорія и практика отдѣлены другъ отъ друга такою пустынею, чрезъ которую не хватаетъ самый сильный человѣческій голосъ, и въ которой, изъ году въ годъ, погибаютъ отъ различныхъ притѣсненій отважныя чудаки, держащіе черезъ нее пербираться.

До какой степени Франція отстала отъ Англіи даже по рабочему вопросу, которымъ обыкновенно попрекаютъ коварный Альбіонъ, видно уже изъ того факта, что во Франціи очень недавно (именно въ 1864 году) отмѣненъ уголовный законъ, положительно запрещающій всякія стачки между работниками. Поучительно будетъ также припомнить, съ одной стороны, громадныя англійскіе митинги, которые собираются и расходятся совершенно безпрепятственно, — а съ другой стороны, тѣ тонкости и хитрости, которыя въ прошломъ году (1865) были пущены въ ходъ парижскими извозчиками для того, чтобы устроить стачку, не нарушая закона противъ собраній, заключающихъ въ себѣ болѣе двадцати человѣкъ. При этомъ надо взять въ расчетъ, что громадныя ми-

тинги собираются и расходятся безпрепятственно въ такой странѣ, въ которой большинство жителей не имѣетъ избирательныхъ правъ, между тѣмъ какъ хитрости извозчиковъ устроиваются тамъ, гдѣ существуетъ и процвѣтаетъ поголовная подача голосовъ. Въ первой странѣ народъ безправенъ, во второй онъ полновластенъ; повидимому, въ первой должно существовать гораздо больше стѣсненій, чѣмъ во второй; а между тѣмъ выходитъ совѣмъ наоборотъ. Безправный народъ дѣлаетъ, что ему угодно; а полновластный народъ, безъ разрѣшенія полиціи, не смѣетъ толковать о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Чѣмъ объяснить себѣ такое удивительное противорѣчіе?

Мнѣ кажется, что оно объясняется именно только крайнею болѣзненностью того самаго развитія, которое Контъ считаетъ нормальнымъ. На современной Франціи лежитъ гнетъ ея ужаснаго тысячелѣтняго прошедшаго, и этого гнета она до сихъ поръ не могла сбросить съ себя никакими конвульсивными потрясеніями. Французы умѣютъ побѣждать, но послѣ побѣды, когда разобрана послѣдняя баррикада, они тотчасъ торопятся возложить все свое упованіе на какого нибудь отца и благодѣтеля, который, въ награду за ихъ добродушіе, черезъ нѣсколько лѣтъ непременно заставитъ ихъ соорудить новыя баррикады, имѣющія повести за собою новое упованіе и новое добродушіе. Французы много разъ мѣняли своихъ правителей, но имъ никогда не приходило въ голову, что, въ пользу этихъ правителей, они, французы, постоянно отказываются отъ такихъ правъ, которыя каждый человѣкъ непременно долженъ удерживать при самомъ себѣ, если онъ не желаетъ превратиться въ самое жалкое, ничтожное и зависимое существо. Англичанинъ, напротивъ того, сросся съ этими необходимыми правами до такой степени, что для него безъ нихъ немислимо существованіе, и что его правительство, выбранное меньшинствомъ націи, все-таки считаетъ всякое посягательство на эти общія права дѣломъ въ высшей степени рискованнымъ.

Это основное различіе двухъ характеровъ выработалось на глазахъ исторіи.

Въ Англій, со временъ Вильгельма Завоевателя, королевская власть была очень сильна. Въ это самое время, французскіе короли были очень слабы. Въ Англій, аристократія должна была заключить съ народомъ наступательный и оборонительный союзъ противъ короля. Во Франціи, напротивъ того, король принужденъ былъ опираться на народъ, чтобы сдерживать и подавлять аристократовъ. Борьба англійскихъ аристократовъ съ королемъ, не только наступательная, но и оборонительная, во всякомъ случаѣ должна была принимать внѣшній видъ и дѣйствительный характеръ хроническаго возмущенія. Вслѣдствіе этого, англійскіе аристо-

краты неизбежно должны были, такъ или иначе, охотно или неохотно, играть роль агитаторовъ и демагоговъ. Иначе имъ нечего было и дѣлать; иначе имъ не зачѣмъ было и соединяться съ народомъ. Напротивъ того, дѣйствія французскихъ королей противъ аристократіи, даже самыя произвольныя и наступательныя, всегда могли облечься въ приличную форму и прослѣть за необходимое подавленіе аристократическихъ мятежей. Вслѣдствіе этого, французскимъ королямъ не было ни малѣйшей надобности обращаться въ этой борьбѣ къ какимъ бы то ни было революціоннымъ средствамъ, способнымъ заронить въ народныя умы опасныя сѣмена кичливаго самосознанія. Во Франціи угнетенный народъ апеллировалъ на графа или барона къ королю; каждое облегченіе народныхъ страданій принимало форму милости, пожалованной сверху за благонравіе и смиреніе. Въ Англии главнымъ источникомъ всякаго угнетенія былъ самъ король, на котораго можно было апеллировать только къ собственному вооруженному кулаку; каждая льгота имѣла характеръ уступки, вырванной народомъ и его вождями сознательно и насильно, съ открытымъ нарушеніемъ всѣхъ законовъ благонравія и смиренія. Такимъ образомъ, своеправный англичанинъ изворачивался постоянно собственными средствами, а кроткій французъ уповалъ преимущественно на силу, сообразительность и великодушіе начальства. Спустя нѣсколько столѣтій, оригинальная метода англійской аппеляціи была перенесена и во Францію; но это случилось очень недавно, всего лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, и случилось тогда, когда привычки упованія пустили уже въ характеръ французовъ очень глубокіе, быть можетъ даже неистребимые корни. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія, французъ, въ тяжелыя минуты своей жизни твердилъ добродушную поговорку: *Si le roi savait!* Съ этою поговоркою онъ не желаетъ разставаться и, вслѣдствіе этого, усердно стремится создать себѣ такое правительство, которое будетъ все знать, во все вмѣшиваться, и съ утра до вечера учить всѣхъ кротости и хорошимъ манерамъ. А до сихъ поръ французъ приходится только повторять: *Si le comité savait! Si le consul savait! Si l'empereur savait! Si le roi savait! Si le président savait! Si l'empereur savait!* И потому опять ту же канитель сначала. Есть у французовъ великіе и смѣлые мыслители, которымъ эта канитель давно надоѣла, но французы обращаютъ на нихъ мало вниманія и утверждаютъ торжественно, что Бастиа и Викторъ Кузенъ не въ примѣръ глубокомысленнѣе Фурье и Прудона. Рождаясь въ нѣдрахъ буржуазіи, эти сужденія спускаются внизъ къ народу и приносятъ свои сочныя и сладкіе плоды. Народъ тупѣетъ и восхищается славою второй имперіи, и будетъ восхищаться до тѣхъ поръ, пока бюджеты Фульда не переполняютъ мѣру буржуазнаго терпѣнія. Тогда начнутся опять поиски такого правительства, которое обла-

дало бы всевѣденіемъ и вседѣприсутствіемъ. Потративъ на эти поиски нѣсколько столѣтій, народъ, конечно, перевоспитается и приобрѣтетъ себѣ тотъ складъ ума и характера, которымъ англичане обладаютъ въ настоящую минуту. Изъ чего слѣдуетъ то неотразимое заключеніе... что благосклонный читатель самъ подведетъ итоги всѣхъ предшествующихъ разсужденій.

XX

Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, различные элементы средне-вѣковаго общества спорили между собою и обижали другъ друга такъ, какъ это дѣлается въ кругу добрыхъ знакомыхъ и родственниковъ, которымъ вмѣстѣ тошно, а порознь скучно. Нанося другъ другу очень чувствительные удары, враждующіе элементы вовсе не думали и не желали истреблять другъ друга и перестраивать заново всю систему. Старая машина скрипѣла и расклеивалась; несообразности ея мозолили каждому глаза, но никому еще не приходило въ голову, что приближается начало такого генеральнаго разрушенія, которое наполнитъ собою всю жизнь многихъ поколѣній. Первымъ систематическимъ отрицателемъ старой машины, увлекшимъ за собою значительное число послѣдователей и оставившимъ послѣ себя прочное дѣло, былъ Лютеръ. У него было, правда, много предшественниковъ, не уступавшихъ ему ни въ умѣ, ни въ смѣлости; но эти предшественники своею дѣятельностью успѣли только высушить тѣ сырыя дрова, которыя Лютеру удалось наконецъ зажечь.

Систематическое отрицаніе Лютера хватало очень далеко. Въ области мысли онъ былъ очень робокъ. Онъ вѣрилъ въ колдовство. Онъ имѣлъ личныя непріятности съ чортомъ. Онъ проповѣдывалъ преслѣдованіе еретиковъ. Онъ всѣми силами старался унизить человѣческой умъ и подавить его пытливость. Въ политической жизни онъ дѣйствовалъ смѣлѣе, но смѣлость эта была чисто вынужденная. Отложиться отъ Рима значило, конечно, рѣшиться на радикальную мѣру. Но Лютеръ шагнулъ такъ широко только потому, что тутъ не было никакой возможности сдѣлать полшага, или четверть шага. Римъ, по своему обыкновенію, не поддавался ни на какіе компромиссы и требовалъ себѣ полной покорности, въ которой слышался для Лютера непріятный запахъ тюрьмы и костра. Отступать назадъ было поздно; на поддержку сильныхъ людей можно было рассчитывать; значитъ, надо было шагнуть. И

Лютеръ дѣйствительно сдѣлалъ тотъ огромный шагъ, которымъ онъ, поворачивая къ первымъ вѣкамъ христіанства, отрицалъ, во имя основной доктрины, всѣ историческія учрежденія западной церкви. Нравственныя послѣдствія этого шага были громадны. Но непосредственная перемѣна, произведенная Лютеромъ, была ничтожна. Онъ только сформулировалъ громко и откровенно то отношеніе національныхъ церквей къ Риму, которое *de facto* начинало уже устанавливаться во всемъ католическомъ мірѣ. Вездѣ церковь была уже болѣе или менѣе подчинена государству. Лютеръ возвелъ это подчиненіе въ догматъ, что, конечно, доставило немалое удовольствіе его покровителю, Фридриху Мудрому и разнымъ другимъ, мудрымъ и немудрымъ герцогамъ и курфюрстамъ. Умственная робость Лютера составляетъ главную причину его практическихъ успѣховъ. За нимъ пошли очень многіе, потому что его отрицаніе очень многимъ было по плечу и очень немногихъ могло озадачить и отпугнуть. Но понятно всякому, что, въ дѣлѣ систематическаго отрицанія, лиха бѣда начать. Всякій отрицатель говоритъ обыкновенно: я пойду до сихъ поръ и здѣсь останавлиюсь. И всякій отрицатель находитъ себѣ послѣдователей и преемниковъ, которые ведутъ его дѣло дальше, повторяя тѣ же самыя слова передъ новою границею, чрезъ которую, въ свою очередь, перешагнуть ихъ предприимчивые ученики.

Хотя Лютеръ былъ очень яростнымъ врагомъ свободной мысли, однакоже его собственный протестъ противъ всей тысячелѣтней исторіи клерикальной корпораціи основывается исключительно на правѣ свободнаго личнаго изслѣдованія. Если бы у Лютера спросили, почему онъ осмѣливается осуждать дѣло великихъ папъ и мудрыхъ учителей, то Лютеръ отвѣчалъ бы конечно: потому что это дѣло противурѣчитъ духу основной доктрины. И затѣмъ начались бы цитаты. Но тутъ можно было бы остановить Лютера и возразить ему, что всѣ тексты, на которые онъ ссылается, существовали за много вѣковъ до его рожденія, что всѣ они прилежно читались и заучивались наизусть многими тысячами умныхъ, ученыхъ и благочестивыхъ людей, и что, не смотря на все это, эти умные, ученые и благочестивые люди соорудили то клерикальное зданіе, которое онъ, Лютеръ, желаетъ опрокинуть. Затѣмъ можно было бы спросить у Лютера, неужели онъ, простой и ничтожный августинскій монахъ, считаетъ себя умнѣе тѣхъ великихъ комментаторовъ, которые назывались *Doctor admirabilis*, *Magister Sententiarum*, *Doctor Angelicus*, *Doctor subtilis*, и т. д.—На это Лютеръ былъ бы принужденъ отвѣчать такъ: очень можетъ быть, что каждый изъ этихъ людей во сто разъ умнѣе меня, но, къ сожалѣнію, я никакъ не могу взять на прокатъ ихъ великіе умы и замѣнить ими мой собственный ничтожный умишко. Какъ бы ни были велики или малы мои способности, во вся-

комъ случаѣ я могу размышлять только моимъ собственнымъ умомъ, и мои размышленія привели меня именно къ этимъ результатамъ. Лютеру, конечно, было очень желательно конфисковать въ свою пользу право свободнаго изслѣдованія и уложить навсегда человѣческую мысль въ ту новенькую коробочку, которую онъ для нея приготовилъ собственнымъ умомъ. Но такое желаніе было бы въ высокой степени наивно, потому что, разумѣется, было неизмѣримо легче перешагнуть черезъ самого Лютера, чѣмъ черезъ ту гору великихъ авторитетовъ, черезъ которую Лютеръ перебросилъ своихъ послѣдователей. Старой тормазъ, сдерживавшій личную критику, былъ оборванъ самимъ Лютеромъ, и поправить это дѣло было уже невозможно, потому что подобные тормазы изготовляются тысячами, и еще потому, что умственное движеніе, создавшее Лютера, клонилось совсѣмъ не къ тому, чтобы превратить этого Лютера въ папу протестантизма. Протестантскія секты стали плодиться съ замѣчательною быстротою, и каждая послѣдующая секта оказывалась обыкновенно смѣлѣе и радикальнѣе предыдущей. Каждая была вполне убѣждена въ томъ, что она произнесла послѣднее слово; держась такого взгляда на собственную дѣятельность, каждая секта чувствовала приливы ужаса и добродѣтельной ярости, когда вдругъ оказывалось, что можно произнести новое слово, еще болѣе послѣднее. Входить въ догматическія подробности я не считаю нужнымъ, но замѣчу мимоходомъ, что самыя крайнія протестантскія секты, послѣдователи Социна и Чаннинга, антитринитаріи или унитаріане, сами того не замѣчая, совершенно вышли за предѣлы основной доктрины, и составляютъ переходъ отъ протестантизма къ философскому деизму. Словомъ, принципъ свободнаго изслѣдованія развернулся и, помимо воли отдѣльныхъ личностей, породилъ изъ себя всѣ свои логическія послѣдствія, не стѣсняясь даже тѣмъ медленнымъ огнемъ, на которомъ свободный изслѣдователь, Жанъ Кальвинъ, три часа жарилъ, въ свободномъ городѣ Женевѣ, свободнаго изслѣдователя Михаила Сервета.

Не трудно себѣ представить, какой ужасъ и какая ярость обуревали католиковъ въ то время, когда съ неудержимою силою развертывался принципъ свободнаго изслѣдованія. Католики думали положительно, что въ европейскія націи вселились легионы бѣсовъ. Событія трехъ послѣднихъ столѣтій до сихъ поръ составляютъ для католическихъ мыслителей камень преткновенія и неразрѣшимую загадку. Что Европою овладѣло безуміе—это для нихъ очевидно, но съ какой стати нашло на нее это безуміе, и отчего оно до сихъ поръ не проходитъ, и какъ объяснить себѣ хроническое помѣшательство десяти поколѣній — это все такіе вопросы, передъ которыми становится въ тупикъ вся мудрость Бональдовъ, Шатобриановъ и де-Местровъ. Успѣхи протестантовъ про-

будили въ католикахъ XVI вѣка чувство самосохраненія. Надо было, во что бы то ни стало, спастись отъ наплыва еретическихъ сомнѣній, которыя могли, чего добраго, смыть съ лица земли всѣ сооруженія Григорія VII и Иннокентія III. Спастись можно было только подъ покровительство королевской власти, укрьпившейся на развалинахъ средне-вѣкового общества. Католицизмъ дѣйствительно смиренно отдался подъ защиту свѣтской власти, и вслѣдствіе этого окончательно и безпрекословно подчинился ея господству, возмущаясь противъ него только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда это господство становилось опаснымъ для его существованія. Тѣ времена, когда представители клерикальной власти распекали королей за безнравственное поведеніе, прошли безвозвратно. Францискъ I, сгнившій за-живо отъ избытка своего цѣломудрія, считался постоянно образцомъ добродѣтели и нравственности, и жилъ съ своими клерикалами въ неразрывной дружбѣ, не смотря даже на то, что онъ заключилъ союзъ съ турецкимъ султаномъ и помогалъ деньгами нѣмецкимъ протестантамъ, воевавшимъ съ Карломъ V. Клерикаламъ мудрено было придраться къ такимъ мелочамъ въ то время, когда во Францію уже врвался кальвинизмъ, и когда, по ту сторону Ла-Манша, Генрихъ VIII съ полнымъ усилъхомъ провозглашалъ себя папою Англии, собственно для того, чтобы обвѣнчаться съ хорошенькою англичанкою.

Читателю, быть можетъ, покажется страннымъ, что клерикальная власть, до крайности любезная къ Франциску, вздумала контролировать поступки Генриха. Я напомнимъ читателю, что здѣсь клерикальная власть попала между двухъ огней. Генрихъ VIII былъ женатъ на Катеринѣ Аррагонской и требовалъ себѣ у папы развода, а Катерина была родная тетка Карла V, такъ что согласиться на разводъ значило бы нанести оскорбленіе самому сильному государю тогдашней Европы. Папа не согласился, и равнодушіе англичанъ къ римскому престолу оказалось до такой степени значительнымъ, что Генрихъ, не имѣя вокругъ себя ни одного полка постоянной арміи, рѣшился, изъ-за любовной фантазіи, произвести религиозный переворотъ. — И переворотъ совершился безпрепятственно. Тѣсный союзъ католицизма съ королевскою властью казался великимъ благополучіемъ для обѣихъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше: короли будутъ защищать доктрину матеріальною силою, а доктрина, въ свою очередь, будетъ оправдывать и освящать въ глазахъ народа всѣ распоряженія королевской власти. При этихъ глубокихъ политическихъ соображеніяхъ, было упущено изъ виду только то ничтожное обстоятельство, что такая доктрина, которая сама нуждается въ защитѣ со стороны матеріальной силы, — ровно ничего не можетъ оправдывать и освящать своимъ авторитетомъ. Вслѣдствіе этого ни-

чтожнаго обстоятельства, знаменитый союз сдѣлался гибельнымъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Съ одной стороны, клерикалы, ублажая своихъ покровителей, превращая всѣ ихъ страсти и капризы въ высокія добродѣтели, постоянно превознося то, что и безъ того стояло высоко, и постоянно принижая то, что и безъ того было принижено и задавлено, словомъ, дѣлаясь самыми гибкими и послушными орудіями возрастающаго деспотизма, клерикалы окончательно уронили и обезчестили себя въ глазахъ всѣхъ людей, имѣвшихъ даже инстинктивныя и смутныя понятія о чести и объ общественной пользѣ. Съ другой стороны, короли, рѣшившись защищать идеи, осужденныя умственнымъ движеніемъ времени, взяли на себя тяжелую обузу, которой бремя не уравнивалось никакими выгодами. Королямъ, какъ покровителямъ клерикальной корпораціи, приходилось преслѣдовать и истреблять тысячи такихъ людей, которые, увеличивая своимъ трудолюбіемъ массу народнаго богатства, ничѣмъ не нарушали общественнаго спокойствія. Казни еретиковъ производились въ грандіозныхъ размѣрахъ, разоряли промышленную жизнь богатыхъ и цвѣтущихъ областей, сокращали доходы королевской казны, и наконецъ, переполняя мѣру народнаго терпѣнія, вели за собою самыя серьезныя политическія потрясенія, въ которыхъ королевская власть ровно ничего не могла выиграть, и въ которыхъ она обыкновенно очень много проигрывала. Междоусобныя войны, опустошавшія Францію въ XVI столѣтіи, обязаны своимъ происхожденіемъ клерикальной политикѣ Генриха II и его преемниковъ. Возстаніе Нидерландовъ, нанесшее первый ударъ колоссальному могуществу испанской монархіи, было возбуждено тѣснымъ союзомъ Карла V и Филиппа II съ увядающими идеями католицизма. Такъ какъ протестантизмъ, превращаясь въ господствующую доктрину, принималъ немедленно всѣ замашки католицизма, то здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что союзъ англійскихъ королей съ епископальною церковью противъ всевозможныхъ диссидентовъ содѣйствовалъ въ очень значительной степени той катастрофѣ, которая погубила Карла I. Союзъ королей съ клерикалами естественнымъ образомъ велъ за собою противоположный союзъ между агитаторами и диссидентами. Борьба значительно упростилась: всѣ средневѣковые элементы сгруппировались вокругъ свѣтской власти и увидѣли себя лицомъ къ лицу съ тѣми новыми силами, которыя въ то время начинали сознавать и заявлять свое существованіе.

XXI.

Съ XIV столѣтія, общій ходъ событій направляется во всей западной Европѣ къ свѣтской диктатурѣ, которая на материкѣ должна была

принять монархическую, а въ Англіи олигархическую форму. Протестантское движеніе помѣшало этой неизбежной диктатурѣ утвердиться въ началѣ XVI столѣтія. Слабѣйшій изъ двухъ свѣтскихъ элементовъ, боровшихся между собою за верховное господство, нашелъ себѣ въ протестантизмѣ неожиданную точку опоры, и вслѣдствіе этого, протянулъ борьбу еще на цѣлое столѣтіе. Въ Англіи, Генрихъ VIII, какъ представитель слабѣйшаго элемента, обратился къ протестантизму, провозгласилъ себя главою церкви, и этимъ смѣлымъ поступкомъ, вытекавшимъ изъ любовнаго каприза, значительно усилилъ королевскую власть, которая развернула все свое могущество во время блестящаго царствованія Елизаветы. Въ это же самое время, во Франціи, аристократія, какъ слабѣйшій элементъ, бросилась въ гугенотское движеніе, и надѣлала своимъ королямъ очень много хлопотъ. Какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, борьба все-таки кончилась пораженіемъ слабѣйшаго элемента, потому что сильнѣйшій элементъ пустилъ въ ходъ свою обыкновенную тактику: онъ обратился къ народу и при его содѣйствіи одержалъ полную побѣду. Во Франціи, вступленіе на престолъ Генриха IV, который, въ угоду націи, принялъ католическую религію, нанесло рѣшительный ударъ гугенотамъ, какъ политической партіи. Нантскій эдиктъ далъ искреннимъ протестантамъ свободу вѣроисповѣданія; вслѣдствіе этого, неискренніе протестанты, то есть, честолюбивые аристократы, превращавшіе религію въ политическое оружіе, остались безъ солдатъ, и одинокъ за другимъ отправились ко двору искать себѣ доходныхъ мѣстъ и знаменъ отличія. Въ Англіи, долгіи парламентъ положилъ конецъ произволу Карла I. Какъ въ Англіи, такъ и во Франціи побѣда была одержана націею; но плодами побѣды воспользовались, въ Англіи — аристократія, а во Франціи — король. Впрочемъ, и во Франціи, и въ Англіи, послѣ побѣды обнаружился поштыкъ ограничить могущество того элемента, которому, въ ближайшемъ будущемъ, должна была принадлежать диктатура. Во Франціи, парламентскіе метафизики, или янѣ, юристы, начали вмѣшиваться въ распоряженія верховной власти, и, во имя общественной пользы, стали дѣлать королямъ очень серьезныя и рѣзкія замѣчанія, которыя на официальномъ языкѣ того времени назывались *remontrances*. За подобныя дерзости юристовъ посылали въ Бастилію; тогда народъ выражалъ свое неудовольствіе какимъ нибудь шумнымъ скандаломъ; но такъ какъ эти скандалы производились всегда безсвязно и безтолково, то они и не привели за собою никакихъ прочныхъ послѣдствій. Волненія фронды оказались послѣднимъ громкимъ протестомъ Франціи противъ надвигавшейся диктатуры. Въ этомъ протестѣ дѣйствовали за одно тщеславные аристократы, добывавшіеся табуретовъ для своихъ сунругъ, парламентскіе педанты, защи-

шавшіе тощую идею легальности, и голодные бѣдняги, стоявшіе за интересы собственныхъ желудковъ. Такой неестественный союзъ не могъ сдѣлать ничего путнаго; вслѣдъ за временами фронды наступила диктатура Людовика XIV, которая совершенно раздавила идею легальности, набила мякиною миллионы французскихъ желудковъ, и разрѣшила во всѣхъ отношеніяхъ только однихъ аристократовъ, имѣвшихъ неизреченное счастье присутствовать при *petits-levers* и *petits-couchers*, и даже держать въ рукахъ королевскія рубашки.

Въ Англіи подобныя попытки проявились сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Во времена пуританской республики, вожди народа закрыли палату лордовъ. Но самъ народъ еще довольно смутно понималъ свои собственныя выгоды. Реставрація была встрѣчена съ восторгомъ, и лучшимъ людямъ Англіи пришлось искать себѣ новой родины за Атлантическимъ океаномъ, гдѣ гнетъ укоренившихся привычекъ не мѣшалъ имъ осуществлять самыя широкіе демократическіе планы. Послѣ вторичнаго изгнанія Стюартовъ, въ 1688 году, преобладаніе аристократіи окончательно установилось въ Англіи.

Когда во всей Европѣ окончилась борьба между короною и аристократіею, тогда началось между этими двумя элементами довѣрчивое и дружелюбное сближеніе. Въ Англіи перы приняли королевскую власть подъ свое высокое покровительство. На материкѣ Европы короли стали смотрѣть на свое дворянство, какъ на опору своего авторитета. Словомъ, наступилъ золотой вѣкъ всеобщей преданности. Всѣ элементы, наполнившіе средневѣковую исторію шумомъ своихъ противурѣчивыхъ притязаній, стали пировать и веселиться въ полномъ единодушіи. Короли, клерикалы и аристократы сомкнулись въ неразрывный союзъ. Исключенною изъ этого союза оказалась только та черноземная сила, которая отправляла денежныя и натуральныя повинности. Пригласить эту силу на общій пиръ любви и дружбы не оказалось никакой возможности, во-первыхъ потому, что эта сила въ одно мгновеніе ока проглотила бы всѣ приготовленныя деликатесы, а во-вторыхъ потому, что эта сила, по необъяснимой странности своего характера, умывалась очень рѣдко и одѣвалась въ какія-то весьма непрезентабельныя и даже до нѣкоторой степени неправдоподобныя лохмотья. Кромѣ того, эта же сила обладала врожденною склонностью къ самымъ труднымъ и грязнымъ работамъ; по всѣмъ этимъ причинамъ рѣшено было оставить ее за штатомъ. Что же касается до метафизики, то она, по всегдашней подвижности, двусмысленности и эластичности своей натуры, раздвоилась, такъ что одни изъ ея представителей стали восхищаться деликатесами благороднаго пиршества, а другіе, въ это же время, начали подвергать сомнѣнію врожденную склонность черноземной силы къ са-

мымъ труднымъ и грязнымъ работамъ. Одни стали говорить, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, а другіе рѣшились возражать, что бальный залъ—не міръ, и что за предѣлами теплаго и свѣтлаго зала многое идетъ дурно, и съ каждымъ годомъ становится хуже. Разсужденія воспослѣдовали весьма интересныя и поучительныя, но объ нихъ рѣчь впереди, потому что въ настоящее время слѣдуетъ рассмотреть видоизмѣненія, произведенныя въ общей европейской политикѣ прочнымъ утвержденіемъ той диктатуры, которая положила конецъ средневѣковой борьбѣ общественныхъ элементовъ.

Сказать: „L'Etat—c'est moi!“ было не трудно, но въ самомъ дѣлѣ замѣнить собственною особою коллективный умъ цѣлой націи было очень мудрено, и даже совсѣмъ невозможно. Когда центральная власть довела до совершеннаго ничтожества всѣ враждебныя ей элементы, тогда въ рукахъ короля сосредоточилась такая необъятная масса дѣлъ, которая далеко превосходила размѣры обыкновенныхъ человѣческихъ силъ. Быстрое развитіе промышленной жизни и возрастающая сложность международныхъ отношеній съ каждымъ годомъ увеличивали число, разнообразіе и трудность политическихъ, финансовыхъ и административныхъ задачъ, постоянно требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Самый сильный и обширный умъ не могъ рѣшать всѣ эти задачи собственными силами; необходимы были необыкновенныя способности и самая напряженная дѣятельность даже для того, чтобы только обзрѣвать и контролировать рѣшенія, присканныя другими людьми. Эти способности и эта охота къ труду встрѣчаются вообще довольно рѣдко, въ особенности у такихъ личностей, которымъ нѣтъ надобности прокладывать себѣ собственными усиліями дорогу къ власти, къ богатству и къ различнымъ наслажденіямъ жизни. Поэтому, легко могло случаться, и дѣйствительно случалось очень часто, что король не могъ и не желалъ тратить драгоценное время на прочитываніе и обдумываніе скучныхъ и головоломныхъ смѣтъ, докладовъ и проектовъ. Самъ Людовикъ XIV, авторъ фразы: l'Etat—c'est moi! занимался преимущественно сначала выдѣлываніемъ балетныхъ па, а потомъ перебираниемъ четокъ и чтеніемъ латинскихъ молитвъ. Понятно, что въ такихъ рукахъ не могла сосредоточиваться центральная власть, получившая дѣйствительно самое полное господство надъ всѣми отправлениями общественной жизни. Королю были необходимы не только послушные и расторопные чиновники, способные исполнить данное приказаніе, но и настоящіе государственные дѣятели, способные самостоятельно обдумывать и создавать цѣлыя обширныя планы. Короли нуждались не въ агентахъ, а въ министрахъ, и министры дѣйствительно начинаютъ играть въ исторіи очень значительную роль съ того времени, какъ установилась въ Европѣ королевская дик-

татура. Политика европейских государств обуславливается обыкновенно, съ этого времени, не личными взглядами королей, а соображеніями министровъ. Такъ, напримѣръ, благочестивый король, Людовикъ XIII, былъ вовсе не прочь отъ того, чтобы всѣми силами истреблять протестантовъ внутри государства и за его предѣлами; между тѣмъ, Франція, во время его царствованія, предоставляла своимъ гражданамъ полную свободу вѣроисповѣданія и очень дѣятельно помогала нѣмецкимъ протестантамъ деньгами и оружіемъ. Все это дѣлалось по мысли и по желанію великаго министра, кардинала Ришелье.

Министры должны были непременно быть, или, по крайней мѣрѣ, казаться даровитыми и свѣдущими людьми. Знатность рода тутъ не могла приниматься въ соображеніе. Самые недалководидные умы понимали очень хорошо, что безъ личныхъ способностей и безъ обширныхъ знаній невозможно ворочать громадную и сложную административную машину. Поэтому ни въ одномъ европейскомъ государствѣ аристократическіе предрасудки, не смотря на всю свою силу, не возвысились до грандіозно-нелѣпой попытки ввести въ назначеніе министровъ принципъ наслѣдственности, или сдѣлать министерскія мѣста доступными только для высшихъ дворянскихъ фамилій. Во Франціи, простолюдинъ (roturier) не могъ дослужиться до офицерскаго чина; но всѣ важнѣйшіе гражданскіе чиновники, интенданты, контролеры или министры, были обыкновенно простолюдинами. Въ той же Франціи, множество должностей продавалось отъ короны въ наслѣдственную собственность. Но никому изъ французскихъ королей, въ самыя тяжелыя минуты безденежья, не приходила въ голову остроумная мысль продать съ аукціона должности министровъ, хотя, разумѣется, нашлись бы покупатели, готовые заплатить за такія вліятельныя мѣста очень хорошія деньги. Идеи вѣка и духъ времени проникають слабо и медленно въ міръ блестящихъ салоновъ. Но духъ времени необходимъ даже для тѣхъ людей, которые не имѣють понятія о его существованіи; безъ его содѣйствія самыя сильныя особы ежеминутно рискуютъ очутиться въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ положеніи; онѣ будутъ отдавать такія приказанія, которыя не могутъ быть приведены въ исполненіе; онѣ будутъ получать отъ сдѣланныхъ распоряженій совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ онѣ добивались и ожидали. Поэтому оказалась очевидная необходимость впустить духъ вѣка въ королевскіе совѣты, и представителями этого духа явились министры, которые, родившись въ бѣдности, провели молодость среди лишений и упорнаго труда, имѣли, по крайней мѣрѣ, хоть какое нибудь понятіе о темныхъ и грязныхъ закоулкахъ народной жизни. Разумѣется, очень немногіе министры являлись вполне достойными представителями вѣка; очень немногіе проникались лучшимъ идеями своего

времени, и рѣшались защищать, во что бы то ни стало, дѣйствительныя потребности своихъ соотечественниковъ, но, по крайней мѣрѣ, всѣ они знали, до нѣкоторой степени, что возможно и что невозможно въ данную минуту. Даже и эти скромныя знанія, проникая въ область высшей политики, часто спасали Европу отъ очень тяжелыхъ испытаній.

Дѣятельность министровъ естественнымъ образомъ должна была понизить значеніе королевской власти, тѣмъ болѣе, что короли обыкновенно не имѣли возможности контролировать административную тактику министровъ съ достаточнымъ знаніемъ дѣла. Вмѣшательство королей въ политику выражалось, обыкновенно въ той формѣ, что министръ впадалъ въ немилость и получалъ отставку, вслѣдствіе какой нибудь мелкой дворцовой интриги. Извѣстно, на примѣръ, что Людовикъ XIV и Людовикъ XV находились оба подъ вліяніемъ своихъ духовниковъ и своихъ любовницъ, которые, по своему благоусмотрѣнію, тасовали министровъ и поворачивали въ разныя стороны вѣшнюю политику Франціи. Поэтому министрамъ надо было постоянно вести рядомъ двѣ дипломатическія игры, одну—общеевропейскую, другую—версальскую; то есть, кромѣ великихъ государственныхъ вопросовъ, надо было еще постоянно изучать мелкія особенности придворной тактики. Даже такой великій человѣкъ, какъ Ришелье, признавался, что выслѣживаніе и распутываніе мелкихъ придворныхъ интригъ и сплетенъ доставляло ему гораздо больше хлопотъ, чѣмъ обдумываніе крупныхъ вопросовъ европейской политики. Понятно, что эти отношенія королей къ важнымъ государственнымъ дѣламъ не могли оставаться тайною для общества. Эти отношенія разбирались, обсуживались, осмѣивались, и въ общемъ результатъ получался очевидный ущербъ для королевскаго авторитета.

XXII.

Въ цвѣтуція времена средневѣкового порядка, постоянныя и правильныя международныя сношенія не существовали, а въ экстренныхъ случаяхъ естественнымъ посредникомъ между враждующими государствами являлся папа, въ лицѣ своихъ легатовъ. Съ XIV вѣка европейское могущество папъ стало быстро понижаться, и въ то же время постоянныя сношенія между различными державами стали гораздо болѣе необходимыми, чѣмъ прежде, во времена промышленнаго застоя и умственной неподвижности. Для удовлетворенія этой возрастающей по-

требности, появились дипломатическіе агенты, которые вмѣстѣ съ министрами забрали въ свои руки всѣ нити европейской политики. Первымъ значительнымъ подвигомъ дипломатовъ было заключеніе Вестфальскаго мира, окончившаго собою тридцатилѣтнюю войну и окончательно отдѣлившаго отъ папскаго престола половину Европы. Легко можетъ быть, что вѣнскій конгрессъ былъ послѣднимъ значительнымъ подвигомъ европейской дипломатіи; по крайней мѣрѣ, съ того времени совершилось много такихъ событій, которыя захватывали въ расплохъ всевозможныхъ Талейрановъ и Меттерниховъ, и разстраивали всѣ тончайшія соображенія этихъ проницательныхъ и дальновидныхъ господъ; съ того времени сдѣлалось чрезчуръ очевиднымъ то обстоятельство, что ходомъ событій управляютъ совсѣмъ особенныя силы, составляющія для дипломатовъ вѣчную загадку, и дипломатія, чтобы не попадаться ежеминутно въ просакъ, соглашается повидимому принять на себя безобидную роль зрителя, дающаго оффиціальныя названія совершившимся фактамъ. Но въ первые вѣка послѣ реформаціи дипломаты спасли Европу отъ многихъ страданій, и спасли ее именно тѣмъ извѣстнымъ презрѣніемъ ко всякимъ принципамъ, которое составляетъ самый естественный атрибутъ истиннаго дипломата. Противуположныя принципы,—католицизмъ и протестантизмъ,—стараясь побѣдить и уничтожить другъ друга, пролили въ то время очень много крови, и пролили бы ее еще гораздо больше, если бы международныя отношенія находились въ рукахъ людей, проникнутыхъ глубокими убѣжденіями. Люди глубоко убѣжденные въ то время были похожи на Филиппа II испанскаго, объявлявшаго торжественно, что онъ скорѣе согласится царствовать надъ пустынею, чѣмъ надъ странюю еретиковъ. Десятокъ такихъ людей, поставленныхъ на высокія мѣста, могли превосходно воспользоваться фанатическими страстями массъ и дѣйствительно превратить Европу въ пустыню.

Такъ бы оно и случилось, если бы, напримѣръ, католическія державы обратили вниманіе на протестъ папы, который, послѣ тридцатилѣтняго кровопролитія, все-таки отказался подписать Вестфальскій миръ, позволявшій протестантамъ существовать на бѣломъ свѣтѣ. Къ счастью для Европы, ея королями были, въ это тяжелое время, люди безпечные и безхарактерные, и политическими дѣлами заправляли министры и дипломаты, люди, вышедшіе изъ низшихъ классовъ общества, и превосходно выучившіеся, въ продолженіе долгой и трудной служебной карьеры, предпочитать мелкія выгоды всевозможнымъ великимъ идеаламъ, принципамъ и убѣжденіямъ. Такіе люди хорошо понимали, что царствовать надъ пустынями неудобно, потому что тамъ не съ кого будетъ собирать подати; вслѣдствіе такихъ соображеній яростныя вопли

принциповъ были оставлены безъ вниманія, и надъ замрзнутою Европою воцарилась система мелкихъ компромисовъ, ловкихъ сдѣлокъ и осторожныхъ взаимныхъ надувательствъ. Эту систему дипломаты называютъ системою политическаго равновѣсія, но ее можно было бы также назвать системою организованнаго недовѣрія. Какъ только какая нибудь держава такъ или иначе начинаетъ усиливаться, такъ всѣ остальные державы должны тотчасъ усматривать себѣ въ этомъ усиленіи военную угрозу, вслѣдствіе которой слѣдуетъ, сообразно съ обстоятельствами, принимать различныя мѣры, болѣе или менѣе рѣшительныя и энергическія. Эта политическая теорія очень обременительна для всѣхъ европейскихъ государствъ, и не приноситъ никакой пользы ни одному изъ нихъ; но надо признаться, что она составляетъ неизбѣжный переходъ отъ старой феодальной воинственности къ счастливымъ и уже недалекимъ временамъ разумнаго миролюбія и промышленной солидарности. Средневѣковая воинственность угасла уже давно; въ исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій рѣдко можно встрѣтить такія безцѣльныя войны, какія загорались въ средніе вѣка исключительно отъ избытка рыцарской отважности и барской праздности. Крупно-нелѣпныя личности, подобныя Карлу XII и Наполеону I, представляютъ собою одинокія явленія, совершенно непохожія на все то, что ихъ окружаетъ. Безкорыстная страсть къ войнѣ уже начинала угасать въ то время, когда протестантское движеніе охватило Европу. Тутъ война сдѣлалась неизбѣжною, не потому, что людямъ нравились военные упражненія, а потому, что каждый изъ противоположныхъ принциповъ считалъ войну единственнымъ средствомъ самосохраненія. Когда же завязались продолжительныя и упорныя войны, тогда война очень скоро сдѣлалась самымъ выгоднымъ и даже единственнымъ выгоднымъ ремесломъ, потому что грабить, рѣзать и жечь гораздо пріятнѣе, чѣмъ быть ограбленнымъ, зарѣзаннымъ и сожженнымъ. Война, бывшая сначала средствомъ, для очень многихъ людей превратилась въ самостоятельную цѣль. Плохо уснувшіе инстинкты разрушенія и грабежа поднялись снова во всемъ средневѣковомъ величіи, и въ XVII столѣтіи, во времена Галилея и Кеплера, на историческую сцену выступили такіе артисты живодерства, какъ, напримѣръ, Тилли, Мансфельдъ, Напенгеймъ, и въ особенности несравненный герцогъ Фридрихъ Валленштейнъ. Вторая половина того же столѣтія наполнена войнами Людовика XIV, которому, во что бы то ни стало, хотѣлось уничтожить голландскую республику, какъ вредный притонъ протестантизма и вольнодумства. Вильгельмъ Оранскій понималъ, что побѣда Франціи можетъ надѣлать всей Европѣ очень много зла, и поѣтому, вступивши въ 1688 году на англійскій престолъ, онъ составилъ противъ Людовика сильную коалицію, которая сломила его

усердіе въ пропагандированіи деспотизма. Война была продолжительная и кровопролитная, но никакъ нельзя утверждать, что воюющія стороны воевали изъ любви къ искусству. У каждаго лагера были свои принципы, которые никакъ не могли ужиться между собою въ мирѣ, и которыхъ борьба далеко не кончена даже въ настоящее время. Въ началѣ XVIII вѣка, испанскій престолъ оказался вакантнымъ; само собою разумѣется, что ни одинъ изъ двухъ враждебныхъ лагерей не могъ безъ боя уступить другому цѣлое королевство; началась новая война, которая также вовсе не похожа на безцѣльныя средневѣковыя свалки. Затѣмъ между Франціей и Англіей начинаются войны, имѣющія совершенно новый, меркантильный характеръ,—войны, направленныя къ тому, чтобы убить торговлю противника, и на ея развалинахъ основать свое собственное торговое могущество. Эти войны вытекали изъ ошибочныхъ взглядовъ на торговлю, но уже одна возможность такихъ ошибокъ показываетъ ту преобладающую важность, которую интересы промышленности упрочили за собою, съ XVIII вѣка, въ политикѣ передовыхъ европейскихъ государствъ. Другія войны XVIII вѣка, напримѣръ семилѣтняя война и бесплодныя усилія Англіи подавить американское возстаніе составляютъ естественныя послѣдствія той диктатуры, которая можетъ распоряжаться, по своему благоусмотрѣнію, кровью и деньгами безотвѣтнаго народа. Вообще, исторія всѣхъ войнъ, предпринятыхъ и веденныхъ въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, даетъ тотъ выразительный результатъ, что народныя инстинкты постоянно склонялись къ миру, диктатура вызывала войну, а министры вмѣстѣ съ дипломатами, подобно всякимъ метафизикамъ, старались лавировать и балансировать между двумя непримиримыми и несогласимыми крайностями.

XXIII.

Задолго до реформаціи, въ Европѣ уже были такіе люди, которыхъ умственныя требованія не могли удовлетвориться протестантскимъ движеніемъ. Уже въ XIII вѣкѣ, философія Аверроэса находила себѣ ревностныхъ почитателей въ Италіи и во Франціи; за эту философію пошли на костеръ въ началѣ XIV столѣтія нѣкоторые черезчуръ смѣлые парижскіе метафизики; объ этой философіи достаточно будетъ замѣтить, что Аверроэсъ, или правильнѣе, Ибнъ-Рошдъ, будучи самъ мусульманиномъ, открыто смѣялся надъ Магометомъ, презиралъ Коранъ, и относился съ самымъ крайнимъ недоумѣніемъ ко всему фантастическому. Эти тенденціи, переложенныя на европейскіе нравы, привились довольно прочно

тамъ, гдѣ, повидимому, имъ всего менѣе слѣдовало бы находиться, — именно, въ высшихъ слояхъ итальянскаго духовенства. Достоверно извѣстно, что папы и кардиналы XV вѣка сами считали себя очень искусными актерами, и отъ души удивлялись несокрушимоу легковѣрью своей громадной публики. Папамъ и кардиналамъ было, разумѣется, неудобно популяризировать тѣ идеи, которыми они сами были проникнуты; но въ то же время, имъ невозможно было играть роль съ утра до вечера, и притомъ каждый день, въ теченіе многихъ лѣтъ; необходимо было по временамъ снимать тяжелую маску, бросать другъ на друга откровенно насмѣшливые взгляды и, при затворенныхъ дверяхъ, наслаждаться такою умственною пищею, которая соотвѣтствовала ихъ настоящимъ понятіямъ и наклонностямъ. Поэтому, строго запрещая распространеніе такой пищи въ обширныхъ кругахъ обыкновенныхъ потребителей, папы и кардиналы поощряли ея изготовленіе, и держали при себѣ, въ видѣ придворной забавы, такихъ мыслителей и поэтовъ, которыхъ, по настоящему, во имя всѣхъ неприкосновенныхъ истинъ, слѣдовало бы зажарить самымъ тщательнымъ образомъ. Правда, что эти мыслители и поэты понимали свое положеніе и не обнаруживали никакихъ нескромныхъ наклонностей къ распространенію своихъ идей. Они относились къ непросвѣщенной массѣ съ самымъ величественнымъ презрѣніемъ, а на собственныя идеи они смотрѣли, какъ на свое личное сокровище и утѣшеніе; имъ никакъ не приходило въ голову, что между этими идеями и умами массы можетъ произойти химическое соединеніе, способное развить изъ себя самыя удивительныя и неожиданныя послѣдствія. Они не добивались этого химическаго соединенія, но, любя свои идеи, они, разумѣется, дѣлились ими съ тѣснымъ кружкомъ друзей и учениковъ.

Такимъ образомъ: непозволительныя тенденціи жили тихо и незамѣтно до тѣхъ поръ, пока не отыскалась для нихъ удобная форма, въ которой онѣ смѣло могли выступить на свѣтъ. Такою формою оказалась страсть къ изученію классической древности. Эта страсть въ XV вѣкѣ охватила Италію, и затѣмъ всю Европу. Изучать литературу грековъ и римлянъ — тутъ, очевидно, не было ничего предосудительнаго; въ страсти къ классическимъ литературамъ можно было признаваться открыто; поэтовъ и мыслителей древности можно было читать съ восхищеніемъ и комментировать съ восторгомъ передъ цѣлыми сотнями любознательныхъ учениковъ. О древности можно было говорить свободно; тутъ можно было, съ одной стороны, давать полную волю собственной критикѣ и, съ другой стороны, публично преклоняться передъ тою свободою мысли и широтою взгляда, которыя характеризуютъ лучшихъ представителей древней философіи; кромѣ того, тутъ можно было, подъ ви-

домъ восхищенія литературными красотами, заявлять свое пламенное и безграничное сочувствіе идеямъ и явленіямъ, діаметрально противоположнымъ и враждебнымъ всему тому, чему пригизано было безусловно сочувствовать. Даже въ совершенно невинномъ благоговѣніи къ чистотѣ и изяществу цicerоновскаго языка можно было скрыть тонкій и тѣмъ болѣе язвительный намекъ на грубость и безобразіе той варварской латини, на которой были написаны грозныя буллы величайшихъ папъ и ужасныя фоліанты Фомы Аквинскаго, Дунса Скотта и всѣхъ другихъ свѣтилъ католической теологіи. Вообще можно сказать, что ревностное изученіе классическихъ литературъ значительно увеличило во всей Европѣ число насмѣшливыхъ взглядовъ и лукавыхъ улыбокъ. Особенно важно было то обстоятельство, что открылась возможность постоянно увеличивать это число, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, и не нарушая никакихъ правилъ субординаціи и благочестія.

Реформація застала Германію въ полномъ разгарѣ классическихъ увлеченій. Знаменитѣйшіе изъ тогдашнихъ гуманистовъ, въ особенности Эразмъ Роттердамскій, отнеслись къ протестантскому движенію съ самымъ глубокимъ равнодушіемъ. По ихъ мнѣнію, не стоило ссориться съ Римомъ и поднимать шумъ на всю Европу, чтобы ограничиться тѣми мелочами, на которыхъ остановился Лютеръ. Эразмъ остался вѣренъ католицизму, такъ точно, какъ онъ остался бы вѣренъ буддизму, если бы буддизмъ позволялъ ему жить спокойно и размышлять въ тепломъ кабинетѣ о различныхъ проявленіяхъ человѣческой глупости. Эразмъ и подобные ему книжники нисколько не желали и не считали возможнымъ обращать массу на путь истины. Вѣчное раздвоеніе между массою и мыслителями казалось имъ неизбѣжнымъ. Осуждать ихъ за это не слѣдуетъ. Они сдѣлали свое дѣло именно въ качествѣ книжниковъ и гордыхъ аристократовъ уместеннаго міра. Прежде чѣмъ популяризировать философскую доктрину систематическаго отрицанія, надо было выработать ее. А чтобы выработать ее, надо было предварительно устроить такую лабораторію, въ которой можно было бы работать съ полною безопасностью. Кромѣ того, надо было сформировать такихъ людей, которые могли и желали бы заняться этою серьезною и суровою работою. Надо было унести и спрятать свободную мысль въ самыя тихія убѣжища книжной науки, въ такія мѣста, въ которыя бы не заглядывала тупая ненависть бѣснующихся сектаторовъ подобныхъ Кальвину. Надо было въ глубокой тишинѣ передавать немногимъ избраннымъ любовь къ свободному анализу, для того, чтобы эта любовь сохранилась во всей своей чистотѣ до тѣхъ болѣе счастливыхъ временъ, когда прекратятся крики и драки фанатиковъ, и когда свободному мыслителю можно будетъ произнести во всеуслышаніе свое глубоко-обдуманное слово.

Хотя протестантское движеніе возбудило на нѣсколько десятилѣтій такія страсти, которыя совершенно враждебны свободному изслѣдованію, однако же, по всей вѣроятности, практическіе успѣхи Лютера, Кальвина и другихъ сектаторовъ заронили въ умы кабинетныхъ мыслителей ту смутную и робкую надежду, что когда нибудь настанетъ и для ихъ любимыхъ идей время практическихъ успѣховъ. Если масса убѣждается доводами Лютера и отказывается отъ папы, то, со временемъ, она можетъ убѣдиться доводами другого мыслителя и отказаться отъ Лютера. Если масса могла пойти за Лютеромъ, то, стало быть, она не осуждена на вѣчную умственную неподвижность, и стало быть мыслитель можетъ искоренять самыя застарѣлыя ея заблужденія, если только сѣмьеть спускаться до уровня ея пониманія. Кромѣ того, протестантская полемика въ первый разъ показала кабинетнымъ мыслителямъ, что такое книгопечатаніе, и чѣмъ оно можетъ сдѣлаться въ рукахъ сообразительнаго и предпримчиваго человѣка. Узнавши такимъ образомъ впечатлительность массы и силу книгопечатанія, кабинетные мыслители, далеко опередившіе протестантовъ смѣлостью и послѣдовательностью своихъ идей, непременно должны были, рано или поздно, выйдти изъ своихъ тихихъ убѣжищъ въ открытое житейское море.

Продолжительныя бѣдствія религіозныхъ войнъ, послѣдовавшихъ за протестантскимъ движеніемъ, нанесли жестокой ударъ тому самому усердію, которое побуждало пылкихъ людей братья за оружіе. Въ практической жизни, прямой опытъ дѣйствуетъ неотразимо на самыхъ необузданныхъ супранатуралистовъ. Когда оказалось безсильнымъ даже такое героическое лекарство, какъ Варфоломѣевская ночь, тогда враждебнымъ сектамъ поневолѣ пришлось сознаться въ томъ, что всѣ онѣ одинаково дорожатъ своими идеями, и что ни одной изъ нихъ не удастся ни переубѣдить, ни истребить всѣхъ своихъ противниковъ. За разгаромъ воинственныхъ страстей послѣдовало общее утомленіе, и желаніе мира во что бы то ни стало. Фанатизмъ подъ конецъ XVI вѣка смѣнился во Франціи такимъ замѣчательнымъ равнодушіемъ, что образовалась дѣлая могущественная партія такъ называемыхъ *политиковъ* или религіозныхъ примирителей, смотрѣвшихъ на догматическіе вопросы съ чисто-государственной точки зрѣнія. „Многимъ,—писалъ Дюпlessи Морне, въ началѣ XVII вѣка, — теперь надо сперва сказать, что есть религія, прежде чѣмъ сказать, какаѧ“. Двумя самыми яркими воплощеніями этого индифферентизма являются два величайшіе правители старой Франціи, Генрихъ IV и кардиналъ Ришелье. Пользуясь такимъ удобнымъ положеніемъ дѣль, свободный анализъ въ первый разъ выступилъ открыто передъ французскимъ обществомъ. Въ 1588 году, Монтень издалъ свои *Essais*, въ которыхъ очень мягко и вѣжливо выражаются со-

вершенно скептическія отношенія къ самымъ почтеннымъ идеямъ католичества. „Дѣйствительно, говоритъ онъ на примѣръ, у насъ нѣтъ другого мѣрила истинному и разумному, кромѣ примѣра и понятія о мнѣніяхъ и обычаяхъ страны, гдѣ мы живемъ: вотъ совершенная религія, совершенное благоустройство, совершенное и удовлетворительное пользование всѣмъ“. Въ 1601 году появилась книга Шаррона: „De la sagesse“. Объ этой книгѣ Бокль сообщаетъ намъ слѣдующія подробности: „Шарронъ припоминаетъ своимъ соотечественникамъ, что ихъ религія зависитъ отъ случайныхъ условій ихъ рожденія и воспитанія и что если бы они родились въ магометанской землѣ, они были бы такими же ревностными магометанами, какъ теперь христіанами. Этими соображеніями онъ доказываетъ всю нелѣпость соболѣзнованій о различіи религій, такъ какъ это различіе есть результатъ обстоятельствъ, независящихъ отъ людей. Слѣдуетъ также замѣтить, что каждая изъ этихъ различныхъ религій объявляетъ себя единственно-истинною, и, всѣ онѣ основаны на сверхъ-естественныхъ притязаніяхъ, какъ-то тайнахъ, чудесахъ, пророчествахъ, и т. п. Люди, именно потому, что забыли все это, сдѣлались рабами своего собственнаго легковѣрія, которое составляетъ главнѣйшее препятствіе всякому истинному знанію, и которое можно устранить только принятіемъ широкой и общей точки зрѣнія, которая показала бы намъ, какъ всѣ народы равно упорно держатся за понятія, въ которыхъ воспитаны. Если мы взглянемъ нѣсколько глубже, говоритъ Шарронъ, то увидимъ, что каждая изъ великихъ религій основана на той, которая ей предшествуетъ. Такимъ образомъ, религія евреевъ основана на египетской; христіанство есть результатъ іудейства, а изъ двухъ послѣднихъ естественно происходитъ исламъ. Вотъ почему, присовокупляетъ авторъ, мы должны возвыситься надъ притязаніями враждебныхъ сектъ, и, не пугаясь будущихъ наказаній, не увлекаясь надеждой на будущее блаженство, довольствоваться практическою религіею, состоящею въ исполненіи обязанностей жизни, и, нестѣсняемые догматами какого нибудь отдѣльнаго вѣрованія, стремиться къ тому, чтобы душа вошла сама въ себя, и, усиленіемъ самосозерцанія, восторгалась несказаннымъ величіемъ существа изъ существъ, высшей причины всего творенія“ *).

Размышленія Шаррона до такой степени понравились французамъ, что книга его, въ шесть лѣтъ, выдержала три изданія. Изъ этого обстоятельства мы уже видимъ ясно, что та почва, на которой впоследствии пришлось дѣйствовать Вольтеру, начала подготавливаться очень рано. Подготовленіе продолжалось, тѣми или другими путями, въ теченіе всего XVII столѣтія. Въ 1637 году, Декартъ издалъ свой „Discours de la Méthode“, написанный такимъ увлекательнымъ языкомъ, который

*) Русскій переводъ. Бокль. Т. I. Стр. 391, 392.

до сихъ поръ считается образцомъ ясности, изящества и живости. Въ этомъ сочиненіи мыслитель прямо и совершенно сознательно обращается къ обществу, минуя тѣхъ патентованныхъ философовъ, по мнѣнію которыхъ вся истина замурована на вѣчныя времена въ старыхъ фоліантахъ. Если, говоритъ Декартъ, я пишу по французски, на языкѣ моихъ соотечественниковъ, а не по латыни, не на языкѣ моихъ учителей, то это дѣлается потому, что я надѣюсь, что тѣ люди, которые руководствуются своимъ естественнымъ и неспорченнымъ разумомъ, оцѣнятъ лучше мои мнѣнія, чѣмъ тѣ люди, которые вѣрятъ исключительно старымъ книгамъ.“ — Въ такихъ словахъ уже слышатся ноты вольтеровскаго свиста; общество признается верховнымъ судьей; здравый смыслъ становится выше авторитетовъ.—Въ области мысли, Декартъ не только является самымъ неутомимымъ разрушителемъ, но онъ даже съ крайнею догматическою рѣзкостью возводитъ разрушеніе старыхъ идей въ основную принципъ, безъ котораго мыслителю не позволено сдѣлать ни одного шагу на пути изслѣдованія и умозрѣнія. „Когда я, — говоритъ онъ въ томъ же Discours, предназначенномъ для всей массы мыслящихъ читателей, — приступилъ къ изысканію истины, я нашелъ, что лучшее средство для этого—отбросить все, что я прежде получилъ, и отказаться отъ моихъ старыхъ мнѣній, съ тѣмъ, чтобы положить имъ новое основаніе; я думалъ, что такимъ образомъ легче выполню великую задачу жизни, чѣмъ если бы держался старыхъ началъ, которыя я принялъ въ молодости, не разсматривая, дѣйствительно ли они вѣрны“. — *Отбросить все, что я прежде получилъ!* При этомъ нѣтъ никакихъ ограничительныхъ оговорокъ! И это высказывается самымъ яснымъ и увлекательнымъ французскимъ языкомъ! Не чувствуете ли вы, мой читатель, что морозъ подираетъ васъ по кожѣ? Я положительно это чувствую.

Въ продолженіе всего XVII вѣка, Голландія была постояннымъ безопаснымъ убѣжищемъ свободныхъ мыслителей. Германію опустошала въ это время тридцатилѣтняя война; въ Англіи свободную мысль преслѣдовали, сначала Стюарты вмѣстѣ съ епископальною церковью, а потомъ пуритане; во Франціи, даже до вступленія на престолъ Людовика XIV, свободные мыслители никакъ не могли считать себя безопасными, потому что кардиналъ Ришелье, недававшій духовенству ни малѣйшаго вліянія на важныя государственныя дѣла, вовсе не былъ расположенъ ссориться съ клерикалами изъ-за того, чтобы спасти отъ наказанія какого нибудь одного попавшагося вольнодумца. Когда же началось правленіе Людовика XIV, тогда свободная мысль совершенно замерла во Франціи слишкомъ на пятьдесятъ лѣтъ. Но въ это самое время, она снова, съ небывалою силою, пробудилась въ Англіи, гдѣ Карлъ II началъ рѣшительно поощрять самыя смѣлыя отрицательныя доктрины

„Самымъ опаснымъ врагомъ духовенства, говоритъ Бокль, въ XVII вѣкѣ былъ, конечно, Гоббесъ, тончайшій діалектикъ эпохи, писатель, отличающійся необыкновенною ясностью и между англійскими метафизиками уступающій только Беркли. Этотъ глубокій мыслитель издалъ нѣсколько сочиненій, неблагопріятныхъ церкви, и прямо противоположныхъ началамъ, которыя существенно необходимы для власти духовенства. Духовенство, какъ и слѣдовало ожидать, ненавидѣло его; его ученіе было объявлено въ высшей степени опаснымъ, и онъ былъ обвиненъ въ желаніи ниспровергнуть народную религію и испортить народную нравственность. Это зашло такъ далеко, что каждаго, кто осмѣливался думать самостоятельно, клеймили именемъ гоббиста, или, какъ иногда выражались, гоббианца. Такая открытая вражда духовенства была достаточною рекомендаціею передъ Карломъ. Король, еще до своего вступленія на престоль, принялъ многія изъ началъ Гоббеса, и послѣ возстановленія оказывалъ ему почтеніе, которое возмущало нѣкоторыхъ. Онъ защищалъ его отъ враговъ, даже не безъ нѣкоторой аффектаціи повѣсилъ портретъ его въ своей комнатѣ въ Вайтголлѣ, и назначилъ пенсію этому страшнѣйшему изъ всѣхъ дотолѣ появившихся враговъ церковной іерархіи.“ (Т. I. Стр. 289, 290).

Здѣсь особенно выразителенъ тотъ фактъ, что, во второй половинѣ XVII вѣка, вольнодумцы уже имѣли въ Англійи свою коллективную кличку, вполне соответствующую слову *вольтерьянецъ*, возникшему въ слѣдующемъ столѣтіи. Огюсть Контъ относится къ Гоббсу съ большимъ уваженіемъ, называетъ его l'illustre Hobbes, горячо защищаетъ его память противъ обвиненій въ раболѣпствѣ передъ свѣтскою властью, говоритъ, что это клевета, взведенная на великаго мыслителя англійскими аристократами и клерикалами; и наконецъ, провозглашаетъ Гоббса настоящимъ отцомъ отрицательной философіи. Большая часть сочиненій Гоббса была написана и напечатана въ Голландіи, гдѣ Гоббесъ жилъ во все время протектората Кромвеля. Послѣ Гоббса работали въ томъ же направленіи, и въ той же гостепріимной странѣ, Бенедиктъ, Спиноза и Пьеръ Бэйль (Bayle).

Когда кончилась ихъ дѣятельность, тогда отрицательная доктрина оказалась окончательно выработанною во всѣхъ своихъ основныхъ чертахъ. Преемникамъ этихъ людей оставалось только размѣнять на мелкую монету и пустить въ общее обращеніе всю груду ихъ анти-католическихъ идей. За эту работу принялись съ необыкновеннымъ рвеніемъ и съ изумительнымъ искусствомъ талантливые французскіе писатели XVIII вѣка, во главѣ которыхъ стоялъ Вольтеръ. Задача этихъ писателей состояла совсѣмъ не въ томъ, чтобы отрывать міру новыя истины, а въ томъ, чтобы сдѣлать уже добытыя истины неотъемлемымъ достояніемъ

каждаго читающаго человѣка. Если бы всё истины были открыты, если бы всё заблужденія были опровергнуты, то весь міръ все-таки оставался бы въ самой глубокой тѣмѣ невѣжества и суевѣрія до тѣхъ поръ, пока великія открытія и опроверженія лежали бы тихо и смиренно въ большихъ и мудреныхъ книгахъ, непонятныхъ и незанимательныхъ для простыхъ смертныхъ. Чтобы придать открытіямъ и опроверженіямъ полную и широкую практическую вліятельность, чтобы извлечь изъ нихъ силу, разгоняющую позорный и вредный сонъ человѣческаго ума, чтобы оплодотворить ими жизнь цѣлыхъ великихъ народовъ,—надо было, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, постоянно придумывать для этихъ открытій и опроверженій новыя формы, разнообразныя, легкія, граціозныя, смѣшныя, пестрыя, яркія, блестящія, какія угодно, но только непременно такія, которыя бросались бы въ глаза, дразнили любопытство, врѣзывались въ память, и незамѣтно овладѣвали бы всёмъ существомъ очарованнаго читателя. И все это было исполнено. И міръ узналъ въ первый разъ, что такое литература, и что могутъ сдѣлать съ цѣлымъ вѣкомъ великіе мастера словеснаго дѣла, — мастера, которыхъ нельзя назвать ни поэтами, ни учеными, ни философами. Писателей XVIII вѣка называютъ, правда, философами, и они сами очень любили украшать себя этимъ именемъ, но, на самомъ дѣлѣ, они нисколько не философы, а просто умные и талантливые литераторы, превосходно понявшіе или угадавшіе потребности своего времени. Какой же, напримѣръ, философъ самъ Вольтеръ? Въ чемъ состоитъ его философская система? Если бы ктонибудь задалъ ему этотъ вопросъ, онъ навѣрное отдѣлался бы отъ этаго вопроса какоюнибудь шуткою, и оказался бы совершенно правымъ, потому что его задача состояла совсѣмъ не въ томъ, чтобы сооружать системы, а въ томъ, чтобы, съ утра до вечера, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, вести убійственную партизанскую войну противъ всѣхъ средневѣковыхъ заблужденій и несправедливостей. Но философомъ его все-таки называть не годится. Вольтеръ до конца своей жизни оставался деистомъ, но многіе изъ его сподвижниковъ пошли дальше, и дошли наконецъ до *non plus ultra*.

Я предоставляю Боклю нарисовать намъ печальную картину ихъ гибельныхъ заблужденій. „Между писателями низшаго разряда, говоритъ Бокль, Дамилавиль, Делейръ, Марешаль, Нежонъ, Туссенъ—были ревностными распространителями холоднаго и мрачнаго ученія, которое, чтобы погасить надежду на будущую жизнь, изгоняетъ изъ души человѣческой возвышенное чувство ея безсмертія, и — странно сказать! — даже нѣкоторые изъ величайшихъ умовъ не могли ускользнуть отъ этой заразы. Атеизмъ открыто защищался Кондорсэ, Д’Аламберомъ, Дидро, Гельвеціемъ, Лаландомъ, Лалласомъ, Мирабо и Сень-Ламберомъ. Дѣй-

ствительно, все это такъ полно согласовалось съ общимъ настроеніемъ, что въ обществѣ люди хвастались тѣмъ, что въ другой странѣ и въ другое время было бы рѣдкимъ и исключительнымъ заблужденіемъ, эксцентрическимъ мнѣніемъ, которое зараженные имъ старались бы скрывать. Въ 1764 году, Юмъ встрѣтилъ въ домѣ барона Гольбаха общество знаменитѣйшихъ французовъ, жившихъ тогда въ Парижѣ. Великій шотландецъ, знавшій общее настроеніе, воспользовался случаемъ представить доводы противъ возможности существованія атеиста въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Что касалось до него, онъ никогда не встрѣчалъ атеиста. „Вы были довольно несчастливы, сказалъ Гольбахъ, но въ настоящее время вы видите ихъ здѣсь за столомъ семнадцать“ (Т. I, стр. 645). Надо полагать, что, услышавъ эти ужасныя слова, великій шотландецъ поспѣшно зажалъ свои великія уши, и тоскливо повѣсилъ свой великій носъ.

Когда отрицательныя доктрины произвели полный переворотъ въ мірѣ идей, тогда образовалась, подъ предводительствомъ Руссо, политическая школа, которая прямо напала на существующія учрежденія, во имя того воображаемаго совершенства и блаженства, которыми пользовался человѣкъ, находясь въ естественномъ состояніи. *Revenons à la nature!* было постояннымъ боевымъ крикомъ этой школы, которая знала натуру очень плохо, но которая за то мѣтко попадала въ слабую и гнилую сторону общества, дошедшаго, дѣйствительно, до послѣднихъ предѣловъ нелѣпой, безобразной и болѣзненной искусственности. вмѣстѣ съ школою Руссо, на существующія учрежденія стали нападать, съ другой стороны, менѣе страстнымъ, но болѣе разсудительнымъ образомъ солидные и серьезные экономисты, которые доказали съ полнымъ успѣхомъ, что правительство, своимъ произвольнымъ вмѣшательствомъ, жестоко тормозитъ народную промышленность, и само себя разоряетъ своими собственными усиліями. Около этого же времени образовался расколъ въ средѣ юристовъ; нашлось множество смѣлыхъ судей и адвокатовъ, которые, вслѣдъ за маркизомъ Беккариа, стали жестоко нападать на варварство средневѣковыхъ казней, на безобразіе пытки, на несправедливость и неразумность всего уголовного судопроизводства. Старое общественное зданіе, очевидно, не могло устоять противъ всѣхъ этихъ горячихъ нападений, которымъ сочувствовали въ значительной степени сами официальные хранители традицій и существующихъ учреждений.

ПОПУЛЯРИЗАТОРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ДОКТРИНЪ.

1.

Въ статьѣ „Времена метафизической аргументаціи“ было брошено нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о французской литературѣ XVIII вѣка. Чтобы выяснить и дополнить эти замѣчанія, я постараюсь теперь опредѣлить общій характеръ того великаго умственного движенія, которое положило конецъ средневѣковому порядку вещей.

Во время продолжительнаго царствованія Людовика XIV, французы совершенно разучились сопротивляться королевской власти; волненія фронды были забыты; дворянство служило при дворѣ и танцовало минуты; парламенту было объяснено разъ навсегда, что Людовикъ XIV не король, а государство; галликанская церковь, въ лицѣ своего величайшаго свѣтила, Боссюэ, провозглашала торжественно, что пассивное повиновеніе королю, наперекоръ всему и всѣмъ, наперекоръ папѣ, наперекоръ здравому смыслу и совѣсти, составляетъ самую священную обязанность настоящаго христіанина. Людовикъ XIV, впродолженіи пятидесяти лѣтъ слишкомъ, дѣлалъ все, что ему было угодно. Хотѣлъ тратить миліоны на постройку версальскихъ дворцовъ — и тратилъ; хотѣлъ вести безтолковыя войны — и велъ; хотѣлъ опустошать въ своемъ собственномъ королевствѣ цѣлыя области, населенныя мирными и трудолюбивыми протестантами — и опустошалъ. Словомъ, запрету не было ни въ чемъ, и удовольствія получались самыя разнообразныя. Дѣло короля состояло въ томъ, чтобы выдумывать затѣи и требовать денегъ; это значило, что король заботится о своей славѣ, поощряетъ промышленность и кормитъ бѣдняковъ, доставляя имъ возможность строить фонтанчики и павильончики, плести кружева, дѣлать огромные парики и вышивать золотомъ атласныя жилеты и бархатныя кафтаны.

Счастливая Франція, осыпаемая впродолженіи многихъ десятковъ лѣтъ такими истинно-королевскими благодѣяніями, преуспѣла до того, что дальше преуспѣвать было уже невозможно. Дальше оставалась одна только голодная смерть. Тѣ люди, на которыхъ лежала обязанность представлять королю деньги по первому востребованію, видѣли, что съ каждымъ годомъ собираніе доходовъ становится болѣе затруднительнымъ, и что этому горю не помогаютъ никакія военныя экзекуціи. Эти люди занимали сами очень теплыя мѣста, и поэтому они вовсе не были расположены ни къ вольнодумству, ни къ сантиментальности; но и этимъ людямъ нельзя было не замѣтить, что все государственное хозяйство идетъ изъ рукъ вонъ дурно, и что рабочія силы націи находятся при послѣднемъ издыханіи. Министры, интенданты, епископы, генеральные откупщики, всѣ чувствовали болѣе или менѣе смутно, что *такъ* нельзя продолжать. Бѣдность была такъ широко распространена, что она мозолила глаза всѣмъ, кромѣ короля, который ограждался отъ непристойныхъ зрѣлищъ постоянными стараніями раззолоченной и улыбающейся придворной толпы. Когда какая-нибудь печальная истина упорно выглядываетъ на свѣтъ изъ каждой прорѣхи существующаго порядка, когда эту истину нельзя замазать никакою штукатуркою, ни официальными софизмами, ни бюрократическими палліативами, ни величественнымъ игнорированіемъ, ни внушительною строгостью, тогда, рано или поздно, эта истина высказывается во всеуслышаніе и овладѣваетъ всѣми умами. Чтобы высказать то, что ощущается всѣми, не надо обладать особенною гениальностью; но чтобы заговорить о такомъ предметѣ, о которомъ всѣ думаютъ и о которомъ никто не смѣетъ произнести ни одного слова, надо отличатся отъ другихъ недюжинною любовью къ истинѣ или къ тѣмъ интересамъ, которые страдаютъ отъ общаго молчанія.

При Людовикѣ XIV общеобязательное молчаніе было нарушено тремя тихими и почтительными голосами. О несовершенствахъ господствующей системы заговорили архіепископъ Фенелонъ, маршалъ Франціи Вобанъ и чиновникъ руанскаго суда Буагильберъ. Всѣмъ троемъ демократическія тенденціи были совершенно не по чину, да и не по темпераменту. Всѣ трое хлопотали не о какихъ-нибудь размахистыхъ теоріяхъ, а только о томъ, чтобы у народа не совсѣмъ были отняты средства питаться, плодиться, работать и платить подати. Самымъ дерзновеннымъ сочиненіемъ Фенелона были „Приключенія Телемака“. Но это сочиненіе, уносящее читателя въ Грецію и въ глубокую древность, казалось столь дерзновеннымъ самому автору, что онъ вовсе не считалъ возможнымъ выпускать его въ свѣтъ. Книга эта была напечатана безъ вѣдома автора, который написалъ ее исключительно для своего воспитанника, герцога бургонскаго, внука Людовика XIV. Печатаніе этой книги было остановлено парижскою полиціею и оказалось возможнымъ только въ

голландскомъ городѣ Гагѣ. Ядовитость этой ужасной книги состоитъ въ томъ, что она воспѣваетъ добродѣтели и мудрость такихъ благодѣтельныхъ монарховъ, которые не ведутъ раззорительныхъ войнъ и не забавляются великолѣпными постройками, а развиваютъ земледѣліе, поощряютъ торговлю и водворяютъ въ народѣ патріархальную простоту нравовъ. Злостность этого памфлета была такъ очевидна, что Людовикъ XIV отнялъ у Фенелона мѣсто воспитателя и запретилъ ему, какъ обличителю и критикану, являться ко двору. Другой конечно за такое неистовство просидѣлъ бы лѣтъ двадцать въ Бастиліи, но Фенелону, при всей его преступности, многое можно было простить за его архіепископское достоинство. Черезъ три года послѣ исторіи о Телемакѣ, герцогу бургонскому пришлось проѣзжать черезъ городъ Камбре, въ которомъ находилась епископская резиденція Фенелона. Король былъ такъ великодушенъ, что позволилъ герцогу повидаться съ преступнымъ обличителемъ войнъ и построекъ; но такъ какъ герцогъ былъ очень молодъ, а Фенелонъ очень лукавъ и опасенъ, то имъ строго запрещено было оставаться вмѣстѣ безъ свидѣтелей. Такимъ образомъ разрушительная ярость Фенелона была обуздана.

Другимъ разрушителемъ оказался, на старости лѣтъ, знаменитый инженеръ Вобанъ. Основавши на своемъ вѣку тридцать три новыя крѣпости и перестроивши триста старыхъ крѣпостей, Вобанъ долженъ былъ не только изъѣздить всю Францію вдоль и поперекъ, но еще кромѣ того жить, болѣе или менѣе долго, въ различныхъ мѣстностяхъ своего отечества. Онъ внимательно всматривался во все, что его окружало, вездѣ находилъ бѣдность и злоупотребленія, вездѣ подмѣчалъ одни и тѣ же причины народныхъ страданій и наконецъ рѣшился изложить результаты своихъ наблюденій въ политико-экономическомъ трактатѣ, подъ заглавіемъ: „Projet d'une dîme royale“ (Проектъ королевской десятины). Въ этой книгѣ онъ старался доказать, что основная причина народныхъ бѣдствій заключается въ неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, т. е. въ томъ, что чернь и бѣдняки платятъ безконечно много, а богатые и знатные люди, духовенство, дворянство и чиновничество избавлены отъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Эту книгу, въ которой привилегированные туеядцы были названы *порожденіемъ ехидны*, старый маршалъ представилъ самому королю, съ тѣмъ трогательнымъ и смѣлымъ простодушіемъ, которымъ отличаются только малолѣтніе ребята и гениальные люди. Вобанъ конечно судилъ короля по самому себѣ; и, разумѣется, онъ оказывалъ Людовику XIV слишкомъ много чести. Книгу Вобана запретили, конфисковали и уничтожили. Старикъ не вынесъ этого удара и умеръ чрезъ одиннадцать дней послѣ уничтоженія книги. Умеръ онъ конечно не отъ того, что на него прогнѣвался повелитель Франціи, не отъ того, что этотъ гнѣвъ могъ преградить ему

дорогу къ дальнѣйшему повышенію или даже отнять у него тѣ преимущества, которыми онъ пользовался. Вобана сразило то, что онъ принужденъ былъ въ одну минуту жестоко разочароваться. Вѣрованія всей его жизни погибли передъ его глазами. Онъ былъ увѣренъ, что король не знаетъ и что *порожденія ехидны* отводятъ ему глаза отъ народныхъ страданій. И вдругъ оказалось, что король не хочетъ знать и что всѣ *порожденія ехидны* пользуются его сознательнымъ покровительствомъ. Во что же превращались, при такихъ условіяхъ, всѣ труды и всѣ подвиги честнаго патріота и храбраго солдата Вобана? Какой смыслъ, по лучали его триста тридцать три крѣпости, сто сорокъ сраженій и пятьдесятъ три осады? Онъ думалъ прежде, что онъ сражался за свое отечество. Теперь оказывалось, что своими побѣдами онъ усилилъ и возвеличилъ самыхъ опасныхъ враговъ и самыхъ ненасытныхъ грабителей Франціи. Сдѣлавши такое открытіе, молодой человѣкъ круто повернулъ бы въ противоположную сторону всѣ свои мысли и всю свою жизнь. Но такому старику, какъ Вобанъ, оставалось только назвать себя старымъ дуракомъ и умереть, проклиная день и часъ своего рожденія.

Буагильберъ, въ книгѣ своей „*Detail de la France sous le règne de Louis XIV*“ (Подробное описаніе Франціи въ царствованіе Людовика XIV), доказывалъ, подобно Вобану, что для спасенія и благосостоянія государства необходимо равномерное распредѣленіе податей. Финансовое искусство, по еретическимъ мнѣніямъ Буагильбера, должно состоять не въ выжиманіи денегъ всеми правдами и неправдами, а въ разумномъ возвышеніи производительныхъ силъ націи. За эти дерзкія умствованія Буагильберъ потерялъ свое мѣсто, но такъ какъ у него была при дворѣ сильная протекція, то его скоро простили и снова опредѣлили къ прежней должности.

Такимъ образомъ королевская власть, въ лицѣ Людовика XIV, получила свое первое предостереженіе слишкомъ за восемьдесятъ лѣтъ до начала революціи. Раскаяться и исправиться было еще очень возможно. Впродолженіи всей первой половины XVIII вѣка политическія стремленія самыхъ смѣлыхъ французскихъ мыслителей были чрезвычайно умѣренны. Просвѣщенный и заботливый деспотизмъ, обуздывающій ярость клерикаловъ и расходующій разумнымъ образомъ государственные доходы, — составлялъ вѣнецъ ихъ желаній. Если бы преемники Людовика XIV были похожи на Петра I, или на Фридриха II прусскаго, если бы они понимали необходимость радикальныхъ преобразованій, то вся литература оказалась бы ихъ усердною союзницею. Руссо сталъ бы воспѣвать высокія совершенства феодальной системы, французскій народъ продолжалъ бы гордиться своими вѣрноподданническими чувствами, и революція сдѣлалась бы ненужною и невозможною. Но Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV хотѣли наслаждаться жизнью, и не умѣли возвыситься до

какихъ бы то ни было твердыхъ и опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Ихъ ребяческіе капризы, ихъ скандальная бездарность, ихъ самодовольная фривольность доказали наконецъ французамъ, что возлагать все упованіе на добродѣтели и таланты отдѣльной личности — дѣло очень рискованное и неблагоприятное. Людовикъ XIV, Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV оказались такимъ образомъ самыми замѣчательными популяризаторами отрицательныхъ доктринъ, такими популяризаторами, безъ содѣйствія которыхъ ни Вольтеръ, ни Монтескье, ни Дидро, ни Руссо не нашли бы себѣ читателей, и даже не вздумали бы приняться за свою критическую дѣятельность. Популяризаторская работа Людовика XIV оказалась до такой степени успѣшною, что народъ обезумѣлъ отъ радости, узнавши о его смерти. Конечно никто, кромѣ самого Людовика XIV, не могъ насадить и воспитать такія нѣжныя чувства въ сердцахъ французскаго народа, гордившагося своею пламенною привязанностью къ династіи Бурбоновъ. А безъ этого основнаго фундамента, заложеннаго самимъ Людовикомъ XIV, развитіе и распространеніе отрицательныхъ доктринъ было бы невозможно. Смѣлые и проницательные мыслители могли бы правда понимать нелогичности и неточности господствующаго міросозерцанія; они могли бы замѣчать неразумность установившихся междучеловѣческихъ отношеній; но они постоянно чувствовали бы свое одиночество, и врядъ ли даже рѣшились бы дѣлиться съ массою своими непочтительными размышленіями. Масса не стала бы ихъ слушать. Масса заставила бы ихъ молчать, потому что масса очень охотно мирится со всякими несообразностями, если только она къ нимъ привыкла, и если онѣ не причиняютъ ей черезчуръ невыносимой боли. Но такъ какъ французскіе Людовики и Филиппы позаботились о томъ, чтобы эта боль сдѣлалась дѣйствительно невыносимою, то размышленіе, анализъ и отрицаніе оказались настоятельною потребностью для самыхъ обыкновенныхъ умовъ, и масса, вынужденная своими правителями, направилась поневолѣ къ древу познанія добра и зла.

II.

Открытіе Америки, кругосвѣтное плаваніе Магеллана и астрономическія изслѣдованія Коперника, Кеплера и Галилея показали ясно всѣмъ знающимъ и мыслящимъ людямъ, что мірозданіе устроено совсѣмъ не по тому плану, который рисовали, впродолженіи многихъ столѣтій, папы, кардиналы, епископы и доктора всѣхъ высшихъ схоластическихъ наукъ. Разрывъ между свободною мыслью изслѣдователей и вѣковыми традиціями католицизма и протестантизма былъ очевиденъ, но очеви-

день только для тѣхъ немногихъ людей, которые серьезно посвящали себя научнымъ занятіямъ. Массѣ до этого разрыва не было никакого дѣла, и она продолжала подчиняться традиціямъ, которыхъ несостоятельность была доказана съ математическою точностью. Увлечь массу встѣдъ за передовыми мыслителями могла только невыносимая боль, причиненная ей ея любезными традиціями. Такая боль дѣйствительно явилась къ услугамъ массы, въ видѣ тѣхъ преслѣдованій, которымъ остроумный король Людовикъ XIV вздумалъ подвергнуть протестантовъ въ концѣ XVII вѣка. Всѣ мы конечно слышали слово *драгоннады*, и всѣ мы знаемъ, что этимъ словомъ обозначаются какія-то скверныя штуки, которыя продѣлывались французскими драгунами надъ французскими протестантами. Но далеко не всѣ мы знаемъ, до какихъ предѣловъ простиралась скверность этихъ штукъ. Представьте себѣ, что на мирныхъ и беззащитныхъ гражданъ напускали солдатъ, которымъ было дано право забавляться надъ ними, какъ угодно, лишь бы только эти граждане не умирали на мѣстѣ отъ солдатскихъ увеселеній; представьте себѣ далѣе, что тогдашніе солдаты, получивши такія завидныя права, обнаружили остроуміе и тонкую изобрѣтательность краснокожихъ индѣйцевъ, захватившихъ въ плѣнъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага. Что они насиловали женъ и дочерей протестантовъ въ присутствіи родителей и мужей, это уже само собою разумѣется и составляетъ только добродушно-комическую прелюдію ихъ веселыхъ шалостей. Настоящіе же шалости были болѣе серьезнаго характера: солдаты втыкали въ упорныхъ еретиковъ булавки съ ногъ до головы, рѣзали ихъ перочинными ножами, рвали носы раскаленными щипцами, вырывали ногти на пальцахъ рукъ и ногъ, лили въ ротъ кипятокъ, ставили ноги въ растопленное сало, которое постепенно доводилось до кипѣнія. „Одного изъ протестантовъ, говоритъ Бокль, по имени Ріо, они крѣпко связали, сжали пальцы на рукахъ, воткнули булавки подъ ногти, жгли порохъ въ ушахъ, проткнули во многихъ мѣстахъ ляжки, и налили укусу и насыпали соли въ раны“ (Т. I, стр. 510). Въ это же самое время, такіе же точно эпизоды разыгрывались, по приказанію Іакова II, въ Шотландіи, надъ тамошними пресвитеріанцами. Такія вещи, совершающіяся не въ глухомъ застѣнкѣ, не по приговору судьи, не по правиламъ уголовной практики, а на улицахъ или въ частныхъ домахъ, по свободному вдохновенію пьяныхъ солдатъ, — могли бы произвести очень непріятное впечатлѣніе даже на такую страну, которая была бы сплошь заселена фанатическими и совершенно невѣжественными католиками. Но Франція Людовика XIV уже гордилась своею блестящею литературою, своимъ высоко-развитымъ искусствомъ, своими уточненными и отполированными манерами. Эта Франція была уже достаточно вылечена отъ средневѣковаго фанатизма страданіями междусобныхъ войнъ и ужасами варфоломеевской ночи. Отмѣне-

ніе нантскаго эдикта и драгоннады не могли быть особенно пріятны даже и для католическаго населенія страны. Протестанты были народъ трудолюбивый, промышленный, торговый и зажиточный; у нихъ было много дѣловыхъ сношеній и связей со всѣмъ промышленнымъ и торговымъ міромъ Франціи; всѣ эти связи должны были вдругъ оборваться; при этомъ конечно многимъ католическимъ купцамъ и фабрикантамъ пришлось ухватиться за карманъ и усомниться въ излишнемъ усердіи великаго короля. Во всей торговлѣ должно было произойти такое замѣшательство, которое вѣроятно доказало многимъ искреннимъ католикамъ, что фанатическія преслѣдованія ведутъ за собою чувствительныя неудобства.

Вслѣдъ за отмѣненіемъ нантскаго эдикта, полмилліна протестантовъ выселились изъ Франціи. Они бѣжали въ Голландію, въ Швейцарію, въ Пруссію, въ Англію, и даже въ сѣверную Америку. Можно себя представить, какое потрясающее впечатлѣніе должны были производить на всѣхъ ближайшихъ сосѣдей Франціи эти длинныя вереницы переселенцевъ, изъ которыхъ многіе были истомлены нуждою и голодомъ, и изъ которыхъ каждый сообщалъ какія-нибудь новыя подробности о разыгравшихся сценахъ угнетенія, грабежа, насилія и мучительства. Въ томъ поколѣніи, которое видѣло этихъ измученныхъ бѣглецовъ, еще были живы страшныя преданія о насиліяхъ и опустошеніяхъ тридцатилѣтней войны; сближая эти свѣжія преданія съ тѣми картинами, которыя развертывались теперь передъ его глазами, всякій лавочникъ, всякій ремесленникъ, всякій простой мужикъ могъ думать, что подвигается новая тридцатилѣтняя война католиковъ съ протестантами. Такой войны не могъ желать ни одинъ здравомыслящій человекъ, тѣмъ болѣе, что слѣды этой войны были еще слишкомъ замѣтны на всемъ пространствѣ германской территоріи. Но, глядя на французскихъ изгнанниковъ, каждый неглупый человекъ легко могъ сообразить, что война, подобная тридцатилѣтней будетъ постоянно, какъ дамокловъ мечъ, висѣть надъ Европой, до тѣхъ поръ, пока протестанты и католики не перестанутъ ненавидѣть и преслѣдовать другъ друга. Когда масса была наведена на подобныя мысли живыми и яркими впечатлѣніями дѣйствительной жизни, тогда проповѣдь всеобщей терпимости становилась въ высшей степени умѣстною, и давнишняя борьба передовыхъ мыслителей противъ фанатизма получала возможность увѣнчаться самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Мыслители, опираясь на общеизвѣстные факты, могли сказать массѣ громко и торжественно, что ея страданіямъ и преступленіямъ не будетъ конца до тѣхъ поръ пока не уничтожится въ ея коллективномъ умѣ то основное заблужденіе, изъ котораго развиваются фанатическій энтузіазмъ и фанатическая ненависть. При всей своей ребяческой ибжности къ основному заблужденію, несогласному съ дознанными законами природы, масса все-

таки была расположена терпѣливо слушать серьезныя поученія мыслителей, потому что воспоминанія о тридцатилѣтней войнѣ и блѣдныя лица французскихъ бѣглецовъ поневолѣ наводили массу на непривычныя для нея размышленія. Католическіе и протестантскіе клерикалы, съ своей стороны, старались по мѣрѣ силъ помогать мыслящимъ проповѣдникамъ терпимости разными мелкими радостями и прижимками, которыя каждый день напоминали понемногу массѣ о крупныхъ страданіяхъ и преступленіяхъ, вытекающихъ, вмѣстѣ съ фанатизмомъ, изъ основнаго заблужденія.

Драгоннады одобрялись безусловно самыми блестящими представителями галликанской церкви.

L'illustre Bossuet былъ ревностнымъ и краснорѣчивымъ панегиристомъ этихъ энергическихъ распоряженій. Либераль и филантропъ Фенелонъ, часто критиковавшій дѣйствія правительства въ письмахъ къ вліятельнымъ лицамъ, во всю свою жизнь не сказалъ ни одного слова противъ преслѣдованія протестантовъ. Подобные факты постоянно вели общество къ тому убѣжденію, что клерикалы давно и навсегда разучились служить дѣлу любви и милосердія, и что ихъ одряхлѣвшая корпорація съ каждымъ годомъ становится болѣе вредною для общественнаго развитія. На этомъ убѣжденіи разсуждающая масса начала сходиться съ передовыми умами. Мыслители замѣтили признаки такого зарождающагося взаимнаго пониманія, и, пользуясь благопріятными условіями времени, заговорили противъ суевѣрія и фанатизма такимъ смѣлымъ и вразумительнымъ языкомъ, какого никогда еще не слыхала Европа.

Въ то самое время, когда Людовикъ XIV безобразничалъ и неистовствовалъ во Франціи, одинъ изъ его вѣрнопопданыхъ, протестантъ Пьеръ Бэйль, издавалъ въ Голландіи журналы, книги и брошюры, въ которыхъ общепонятнымъ, живымъ и увлекательнымъ французскимъ языкомъ провозглашалась полная автономія разума и доказывалась совершенная непримиримость его требованій съ духомъ и буквою традиціонныхъ доктринъ. Живя въ свободной странѣ, Бэйль все-таки не могъ высказываться вполне откровенно. Его убѣжденія испугали и оттолкнули бы его современниковъ. Эти убѣжденія пришлось не по вкусу даже Вольтеру. Поэтому Бэйль, не вдаваясь въ догматическое изложеніе своихъ собственныхъ идей, ограничивался постоянно вѣжливою, осторожною, но очень остроумною и язвительною критикою тѣхъ понятій, во имя которыхъ сооружались костры и опустошались цвѣтушія области. Тонъ Бэйля отличался обыкновенно почтительностью и смиреніемъ, но въ этой смиренной почтительности слышится для каждаго мыслящаго читателя бездонная глубина сомнѣнія и отрицанія. Бэйль высказывалъ не все, что думалъ; но даже и то, что онъ высказывалъ, бывало иногда изумительно смѣло. Такъ, напримѣръ, уже въ 1682 году, онъ утверждалъ печатно,

что невѣріе лучше суевѣрія; поэтому онъ требовалъ отъ государства неограниченной терпимости даже и для крайнихъ еретиковъ. Это требованіе повторялось не разъ въ его брошюрахъ, написанныхъ по поводу преслѣдованія французскихъ протестантовъ. Далѣе, тотъ же неустрашимый мыслитель задавалъ себѣ и обсуживалъ съ разныхъ сторонъ вопросъ: можетъ ли существовать государство, составленное изъ атеистовъ? На этотъ вопросъ Бэйль не даетъ прямого отвѣта, но весь процессъ его доказательствъ, очевидно, клонится къ тому результату, что нравственность можетъ существовать независимо отъ культа. — Эти мысли Бэйля остаются очень смѣлыми даже и для нашего времени. Въ журналѣ Бэйля „Nouvelles de la république des lettres“ забавлялся иногда анти-клерикальными шалостями остроумный писатель Фонтенель. Въ 1686 году, въ то самое время, когда французскіе протестанты терпѣли жестокое преслѣдованіе, въ журналѣ Бэйля появилась сатирическая аллегорія Фонтенеля, въ которой осмѣивался весь споръ католиковъ съ протестантами. „Письмо, говоритъ Геттнеръ, писанное будто бы въ Батавіи, рассказываетъ, что на островѣ Борнео спорили о престолонаслѣдствіи двѣ сестры: Мери (Mero, Rome) и Энегъ (Enéque, Genève), т. е. католицизмъ и протестантизмъ. Мери признана была безъ затрудненія, но скоро невыносимымъ гнетомъ и притѣсненіями оттолкнула отъ себя всѣ болѣе свободные умы; всѣ подданные должны были сообщать ей самыя тайныя свои мысли, приносить ей всѣ свои деньги; высшая милость, которую оказывала королева, было цѣлованіе ноги, но прежде, чѣмъ ихъ допускали къ этому, они должны были преклониться передъ костями умершихъ любимцевъ. Тогда выступила новая королева, Энегъ. Она уничтожаетъ всѣ эти жестокия нововведенія, требуетъ себѣ престола, называетъ себя настоящею дочерью недавно умершей королевы и доказываетъ эти притязанія своимъ сходствомъ съ матерью, между тѣмъ какъ Мери съ своей стороны сильно заботилась о томъ, чтобы скрывать и подмѣнивать портреты матери.“ — Въ томъ же 1686 году, появилась книга Фонтенеля, „Entretiens sur la pluralité des mondes“ (Разговоры о множествѣ міровъ). Эта книга развивала въ популярной формѣ тѣ самыя мысли, за которыя въ началѣ XVII столѣтія спорѣлъ на кострѣ Джордано Бруно. Фонтенель старался провести въ сознаніе всего читающаго общества астрономическія открытія Коперника и философскія идеи о природѣ, созданныя творческою фантазією Декарта. Тутъ, разумѣется, было объяснено подробно, что неподвижныя звѣзды—не лампы, прицѣпленныя къ небесному своду для освѣщенія земли, а великіе центры самостоятельныхъ планетныхъ системъ, составленныхъ изъ такихъ небесныхъ тѣлъ, на которыхъ, по всей вѣроятности, развивается своя собственная, богатая и разнообразная органическая жизнь. Эта мысль, за которую римская инквизиція сожгла Джордано Бруно, очень благополучно сошла съ

рукъ Фонтенелю, не смотря на то, что его книга, изданная при Людовикѣ XIV, произвела на читающую публику сильное впечатлѣніе и понравилась даже легкомысленнымъ свѣтскимъ людямъ, совершенно неспособнымъ къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ. Въ 1687 году Фонтенель издалъ „Исторію оракуловъ“, въ которой онъ разбиралъ хитрости языческихъ жрецовъ, стараясь при этомъ навести читателя на разные поучительныя размышленія о современной дѣйствительности. Хранители общественной нравственности поняли наконецъ, куда клонятся литературныя забавы Фонтенеля. Тутъ всплыла на верхъ и аллегорія о двухъ царицахъ острова Борнео. Ключъ къ ея пониманію отыскался, и Фонтенелю было поставлено на видъ, что его ожидаетъ Бастилья. Фонтенель тотчасъ же раскаялся, исправился, сталъ изливать на іезуитовъ потоки хвалебныхъ стихотвореній и съ тѣхъ поръ навсегда пересталъ огорчать хранителей общественной непорочности. За такое благонравіе Фонтенель сподобился прожить на свѣтѣ сто лѣтъ. Онъ умеръ въ 1757 году, когда Вольтеръ уже господствовалъ надъ общественнымъ мнѣніемъ всей Европы.

III.

Людовикъ XIV умеръ въ 1715 году. Вольтеру было въ это время съ небольшимъ двадцать лѣтъ, и онъ уже былъ на столько извѣстенъ въ парижскомъ обществѣ своею язвительностью, что, когда по рукамъ стала ходить рукописная сатира противъ покойнаго короля, — эта сатира была приписана Вольтеру, который впрочемъ былъ совершенно не повиненъ въ ея сочиненіи. За это мнимое преступленіе Вольтеръ попалъ на годъ въ Бастилью. Въ 1726 году Вольтеръ еще разъ посидѣлъ въ Бастильѣ за ссору съ шевалье де-Роганомъ, который впрочемъ былъ самъ кругомъ виноватъ и вообще дѣйствовалъ въ отношеніи къ Вольтеру самымъ безчестнымъ и позорнымъ образомъ. Второе заключеніе Вольтера продолжалось недолго: по словамъ Бокля — полгода, а по мнѣнію Геттнера — всего двѣнадцать дней. Кто изъ нихъ правъ, Бокль или Геттнеръ, этого я не знаю, да это и не важно. Если мы примемъ цифру Бокля, какъ болѣе крупную, то и тогда окажется, что Вольтеръ, прожившій на свѣтѣ почти 84 года и сражавшійся съ самыми сильными человѣческими предразсудками слишкомъ 60 лѣтъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ всего полтора года, да и то по такимъ причинамъ, которыя съ его литературною дѣятельностью не имѣютъ ничего общаго. Этими двумя ничтожными заключеніями ограничиваются всѣ враждебныя столкновенія Вольтера съ предерживающими властями. Вся остальная жизнь его прс-

текла весело, спокойно, въ почетѣ и въ довольствѣ. Онъ велъ переписку почти со всѣми европейскими государями, въ томъ числѣ и съ папами, Онъ со всѣхъ сторонъ получалъ пенсіи и знаки отличія. Онъ былъ *gentilhomme ordinaire de la chambre du roi*; камергеомръ Фридриха Великаго. офиціальнымъ исторіографомъ Франціи и членомъ французской академіи. Онъ пускался во всякія спекуляціи, игралъ на биржѣ, принималъ участіе въ государственныхъ займахъ и поставкахъ для войска; онъ хитрилъ, барышничалъ, кляузничалъ и даже мошенничалъ. Онъ нажилъ и сохранилъ большое состояніе. Онъ дошелъ до такихъ извѣстныхъ степеней которымъ могъ бы позавидовать даже Молчалинъ. И при всемъ томъ онъ постоянно оставался Вольтеромъ, тѣмъ неутомимымъ бойцомъ, тѣмъ великимъ публицистомъ, который не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи, и котораго имя до сихъ поръ наводитъ на всѣхъ европейскихъ пѣтистовъ самый комическій ужасъ. — Какимъ образомъ могъ Вольтеръ гоняться за двумя зайцами и успѣшно ловить ихъ обоихъ? Какимъ образомъ могъ онъ въ одно и то же время стоять во главѣ философской оппозиціи и пользоваться милостивымъ расположеніемъ всѣхъ высшихъ начальствъ? — Это замѣчательное явленіе, которое теперь сдѣлалось уже навсегда невозможнымъ, объясняется по моему крайнему разумѣнію только тѣмъ обстоятельствомъ, что сила человѣческой мысли и возможные послѣдствія умственного движенія были въ то время еще очень мало извѣстны всѣмъ начальствующимъ лицамъ и корпораціямъ.

Правители XVIII вѣка, подобно средневѣковымъ государямъ и папамъ, не боялись мысли и преслѣдовали оппозиціонныхъ мыслителей, не какъ разрушителей общественнаго спокойствія, а какъ нахаловъ, осмѣливающихся думать и говорить дерзости. Наказанія клонились совсѣмъ не къ тому, чтобы предотвратить вредъ, могущій произойти отъ дѣятельности писателя; объ этомъ вредѣ никто и не думалъ. Какой, дескать, вредъ можетъ сдѣлать ничтожный и голодный прохвостъ, марающій бумагу для того, чтобы зашибить нѣсколько грошей на хлѣбъ и на дрова. Наказанія имѣли только тотъ смыслъ, что, молъ, не смѣй ты, бестія и прощальга, соваться съ твоими глупыми разсужденіями туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Наказанія были мщеніемъ за дерзость, и поэтому обусловливались исключительно силою того гнѣва, которымъ обуревалась важная особа, имѣющая власть карать и миловать. Вслѣдствіе этого, самую опасною была для писателей именно та отрасль литературы, которая была всего ничтожѣе, и всего менѣе могла дѣйствовать на общественную жизнь въ какомъ бы то ни было направленіи. Всего больнѣе доставалось сочинителямъ сатиръ или пасквилей, направленныхъ противъ отдѣльныхъ личностей. Напишите вы, напримѣръ, игривые стишки о томъ, что дворецкій маркиза А обладаетъ сизымъ носомъ и толстымъ брюхомъ — васъ почти навѣрное засадятъ въ тюрьму, потому что маркизъ А сочтетъ

себя оскорбленнымъ въ лицѣ своего любимаго лакея, и, пылая благородною амбиціею, непременно выхлопочетъ на ваше имя *lettre de cachet*. Попробуйте же вы, напротивъ того, не затрогивая брюха и носа, самымъ осязательнымъ образомъ перевернуть вверхъ дномъ вашу книгу всѣ господствующія въ официальныхъ сферахъ понятія о юстиціи, о финансовомъ управленіи, о сословныхъ отношеніяхъ, о международномъ правѣ, о какомъ нибудь другомъ предметѣ первостепенной важности — и опасность окажется для васъ гораздо менѣе значительною, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Если же вамъ желательно, чтобы эта опасность уменьшилась до нуля, то сдѣлайте вотъ что: посвятите вы вашу книгу тому самому начальствующему лицу, котораго идеи вы подвергаете самой разрушительной критикѣ; кромѣ того разсыпьте въ вашемъ введеніи и въ примѣчаніяхъ множество самыхъ восторженныхъ и самыхъ голословныхъ комплиментовъ всѣмъ тѣмъ сильнымъ особамъ, которыхъ систему вы отрицаете на-поваль. Книга ваша пройдетъ тогда совершенно безпрепятственно. Всѣ вліятельныя лица скажутъ, что ваши идеи конечно довольно опрометчивы, но что вы сами человекъ благовоспитанный, скромный и почтительный, и что слѣдовательно нѣтъ никакой надобности огорчать васъ запрещеніемъ вашей книги или препровожденіемъ вашей особы въ Бастилю.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ человѣческія общества, и вплоть до самаго XVIII вѣка, литература считалась постоянно забавою, очень тонкою и благородною, пожалуй даже возвышенною, но совершенно лишенною всякаго серьезнаго значенія, политическаго или общественнаго. Писатель могъ быть художникомъ или мудрецомъ, но въ глазахъ дѣловыхъ людей онъ всегда оставался балаганникомъ, кривляющимся для собственнаго удовольствія и потѣхи публики. Литература стояла на одной доскѣ съ музыкой, живописью и скульптурой. Она могла украшать жизнь фешенебельнаго общества, но никто не повѣрилъ бы, что она можетъ отливать эту жизнь въ совершенно новыя формы.

Въ XVIII столѣтіи чтеніе сдѣлалось насущною потребностью для тѣхъ классовъ общества, которые распоряжаются судьбою народовъ. Тотъ матеріалъ, которымъ удовлетворяется эта новая потребность, получилъ очень важное значеніе. Фабриканты этого матеріала сдѣлались изготовителями общественнаго мнѣнія. Книги, журналы и газеты образовали между тысячами и десятками тысячъ индивидуальныхъ умовъ такую тѣсную и крѣпкую связь, которая до того времени была невозможна и немыслима. Съ тѣхъ поръ, какъ народилось на свѣтъ невиданное диво — общественное мнѣніе цѣлой націи, цѣлой большой страны — съ этихъ поръ, говорю я, писатели сдѣлались для европейскихъ обществъ тѣмъ, чѣмъ были для крошечныхъ греческихъ республикъ ораторы.

„Я думаю, говорилъ въ нижней палатѣ членъ англійскаго парламента, Данверъ, я думаю, Великобританію управляетъ власть, о верховномъ преобладаніи которой до сихъ поръ не было слышно ни въ какой вѣкъ, ни въ какой странѣ. Власть эта, сэръ, несостоитъ въ неограниченной волѣ одного государя, ни въ силѣ войска, ни во вліяніи духовенства, — это также и не власть юбокъ; это власть печати, сэръ. Матеріалы, которыми наполняются наши еженедѣльные газеты, читаются съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ акты парламента; а мнѣніе каждаго изъ этихъ писаекъ имѣетъ въ глазахъ толпы больше значенія, чѣмъ мнѣніе лучшихъ политическихъ людей королевства.“ Эти слова были произнесены въ 1738 году и Бокль говоритъ, что это — самое раннее указаніе на возникающую власть печати, которая въ первый разъ во всемірной исторіи сдѣлалась выразительницею общественнаго мнѣнія. Въ половинѣ XVIII вѣка, Малербъ, директоръ департамента по дѣламъ печати, вступая во французскую академію, говорилъ такъ: „литература и философія теперь снова завоевали себѣ ту свободу, какую онѣ имѣли въ древней Греціи; *онѣ даютъ народамъ законодателей*; благородное одушевленіе овладѣло всѣми умами; пришло время, когда каждый, способный мыслить и писать, *чувствуетъ себя обязаннымъ направить свои мысли къ общему благу*.“ Академическія рѣчи всегда переполняются общими мѣстами, пріятными для слушателей, для правительства, для академіи и для всѣхъ вообще присутствующихъ и отсутствующихъ, живыхъ и умершихъ. Поэтому-то именно слова Малерба и должны имѣть въ нашихъ глазахъ особенную знаменательность. Если та мысль, что литература и философія *даютъ народамъ законодателей*, сдѣлалась общимъ мѣстомъ, очень приличнымъ въ официальной академической рѣчи, произнесенной важнымъ и солиднымъ чиновникомъ, начальникомъ французской печати, то, разумѣется, взглядъ на писателей какъ на милыхъ забавниковъ окончательно смѣнился тѣмъ серьезнымъ взглядомъ, вслѣдствіе котораго каждый мыслящій писатель *чувствуетъ себя обязаннымъ направить свои мысли къ общему благу*. Если же мы воротимся назадъ, не очень далеко, всего только къ эпохѣ Людовика XIV, то мы увидимъ, что литература все еще продолжаетъ забавлять публику (*divertir le public*, какъ говорить о самомъ себѣ Пьеръ Корнель) и ни о какомъ общемъ благѣ не смѣетъ подумать. Кто стоитъ на первомъ планѣ во французской литературѣ XVII вѣка? Корнель, Расинъ, Буало, Мольеръ. За какія заслуги? За чувствительныя трагедіи, за веселыя комедіи, за ничтожныя сатиры, и преимущественно за чистоту языка и за изящество стиховъ. Правда, что въ *Тартюфѣ* Мольера можно уже замѣтить отдаленный пророческій намекъ на будущую роль литературы. Кто стоитъ на первомъ планѣ во французской литературѣ XVIII вѣка? Вольтеръ, Монтескье, Дидро,

Руссо, Гельвецій, Бомарше. За что? За такія произведенія, которыя затрогиваютъ съ разныхъ сторонъ самыя важныя и глубокіе вопросы міросозерцанія частной нравственности общественной жизни. Ясно, стало быть, что перемѣна совершилась именно на рубежѣ двухъ столѣтій, XVII и XVIII. Впечатлѣніе, произведенное книгами Фонтенеля и журналами Бэйля, можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ великомъ превращеніи литературы изъ милой забавы въ серьезное дѣло.

Такъ какъ дѣятельность Вольтера и его ближайшихъ преемниковъ вплоть до 1789 года была первымъ яркимъ проявленіемъ серьезной и вліятельной литературы, превратившейся въ общественную силу, то, разумѣется, отношенія этой дѣятельности къ тогдашнимъ властямъ были еще очень неясны, неопредѣленны и подвержены многимъ колебаніямъ. Власти видѣли, что народилась на свѣтъ новая сила, но онѣ еще не знали, что это за сила, и чего отъ нея можно ожидать, и до какихъ размѣровъ можетъ дойти ея развитіе, и какимъ образомъ слѣдуетъ съ нею обращаться. Власти смотрѣли на возрастающую силу литературы не со страхомъ, а скорѣе съ любопытствомъ и даже съ тщеславнымъ удовольствіемъ. Властямъ было пріятно видѣть, что подъ ихъ господствомъ плодятся такія чудеса, о которыхъ прежнія времена не имѣли понятія. Въ простотѣ души своей, тогдашнія власти играли съ великими идеями также весело и беззаботно, какъ невинные дѣти могутъ играть съ заряженными пистолетами. Конечно иногда задавались писателямъ сильныя остратки, но именно эти-то остратки и обнаруживаютъ всю невинность и беззаботность тогдашнихъ властей; въ этихъ остраткахъ не было ничего систематическаго; онѣ давались отъ полноты начальственной досады и для проявленія начальственнаго величія; ихъ можно было всегда предотвратить выраженіями покорности и благовоспитанности, а также вліаніемъ личныхъ связей и сильныхъ протекцій. Словомъ, замѣчая совершенно новое положеніе литературы, тогдашнія власти, по старой привычкѣ, все-таки продолжали обходиться съ этою обновившеюся литературою такъ, какъ взбалмошная барыня обходится съ комнатною собачкою. У тогдашнихъ властей не хватало характера и послѣдовательности ни на то, чтобы обольстить и усыпить писателей постоянною любезностью, ни на то, чтобы запугать и раздавить ихъ желѣзною строгостью. Поэтому писатели очень сильно ненавидѣли правительство, и очень мало боялись его.

Бокль съ большимъ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергалась въ прошломъ столѣтіи французская литература. Такое негодованіе какъ нельзя болѣе понятно со стороны англійскаго радикала, для котораго неограниченная свобода печати сдѣлалась насущной потребностью организма. Но отъ глубокомысленнаго историка, подобнаго Боклю, имѣемъ право ожидать и требовать болѣе объективнаго взгляда на дѣло. Если мы просто будемъ сравнивать положеніе

современныхъ писателей съ положеніемъ писателей прошлаго столѣтія, то мынайдемъ, быть можетъ, что положеніе первыхъ почетнѣе и безопаснѣе. Но если мы вслѣдствіе этого выведемъ заключеніе, что положеніе литературы съ прошлаго столѣтія улучшилось и что мы должны сокрушаться надъ жестокими страданіями нашихъ предшественниковъ, то мнѣ кажется, что мы сдѣлаемъ ошибку. Какъ граждане болѣе благоустроенныхъ государствъ, современные европейцы дѣйствительно счастливѣе своихъ дѣдовъ; но какъ писатели, современные европейцы встрѣчаютъ себѣ больше препятствій и терпятъ больше преслѣдованій. Сравните общіе уголовные законы и уголовное судопроизводство прошлаго столѣтія съ общими уголовными законами и уголовнымъ судопроизводствомъ нашего времени. Вы найдете громадную разницу: съ одной стороны пытка и мучительныя смертныя казни; съ другой стороны, почти полное отмѣненіе простой смертной казни, пенитенціарная тюрьма и судъ присяжныхъ. Положимъ, что пенитенціарная система не Богъ знаетъ какое совершенство, но во всякомъ случаѣ гораздо удобнѣе сидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ умирать на колесѣ или на кострѣ. Кромѣ того гораздо удобнѣе защищаться передъ присяжными, чѣмъ давать показанія въ застѣнкѣ. Значитъ, улучшеніе есть и значительное. Спросите же вы теперь, распространяется ли это улучшеніе на писателей? То есть, задайте себѣ два вопроса: поступали ли съ писателями XVIII вѣка по всей строгости тогдашнихъ уголовныхъ законовъ? и поступаютъ ли съ теперешними писателями по всей строгости теперешнихъ уголовныхъ законовъ? На первый вопросъ исторія XVIII вѣка отвѣтитъ вамъ: нѣтъ. На второй вопросъ, современная дѣйствительность отвѣтитъ вамъ: да. Съ теперешними писателями обращаются точно также, какъ съ теперешними обыкновенными преступниками. Съ писателями XVIII вѣка, напротивъ того, обращались гораздо деликатнѣе и гуманнѣе, чѣмъ съ тогдашними обыкновенными преступниками.

Значитъ положеніе писателей, а слѣдовательно и литературы, ухудшилось съ прошлаго столѣтія, хотя въ то же время всякому человѣку, писателю и не писателю, жить удобнѣе въ XIX вѣкѣ, чѣмъ въ XVIII. Жить удобнѣе, но писать труднѣе. При этомъ, разумѣется, Англію невозможно принимать въ расчетъ, потому что въ Англіи писатель, какъ писатель, не можетъ сдѣлаться преступникомъ и не имѣетъ никакого отношенія къ уголовнымъ законамъ. Бокль собралъ много примѣровъ тѣхъ жестокихъ преслѣдованій, въ которыхъ онъ обвиняетъ французскихъ администраторовъ прошлаго столѣтія. Въ чемъ же состоятъ эти преслѣдованія? Въ томъ, что сочиненіе конфискуется или сжигается *par la main du bourreau* (рукою палача), авторъ сажается въ крѣпость, въ тюрьму. На долго ли по крайней мѣрѣ сажается? Лѣтъ на тридцать или двадцать? Увы, нѣтъ! Всего чаще на нѣсколько мѣсяцевъ. Былъ

ли хоть одинъ изъ тогдашнихъ писателей сожженъ, колесованъ, повѣшенъ, или по крайней мѣрѣ сосланъ на галеры? Подвергался ли хоть одинъ писатель пыткамъ? Ни одинъ. А между тѣмъ пытка была тутъ какъ нельзя болѣе умѣстна. Большая часть самыхъ знаменитыхъ и смѣлыхъ книгъ выходила тогда въ свѣтъ безъ имени автора, и авторъ въ случаѣ переполоха обыкновенно отрекался отъ своего сочиненія. Вотъ тутъ-то бы и слѣдовало вывертывать ему руки и сокрушать ноги для полученія чистосердечнаго признанія. Если бы въ XVIII столѣтїи смотрѣли на литературу также сурово, какъ смотрятъ на нее въ XIX, то многимъ энциклопедистамъ пришлось бы побывать въ застѣнкѣ.

Самое строгое наказаніе, обрушившееся въ прошломъ столѣтїи на французскаго писателя, изображено у Бокля слѣдующимъ образомъ: „Де-Форжъ, напимѣръ, писавшій противъ ареста претендента на англійскій престолъ, былъ только за это заключенъ на три года въ подземелье, имѣвшее 8 квадратныхъ футовъ“ (Т. I стр. 554). А въ примѣчанїи добавлено та подробность, что свѣтъ доходилъ къ преступнику только сквозь разщелину церковной лѣстницы. По нашему теперешнему масштабу это очень сильно, но по тогдашнему масштабу это сущїе пустяки. Латюдъ высидѣлъ больше двадцати лѣтъ въ разныхъ тюрьмахъ единственно за то, что, желая приобрести себѣ протекцію маркизы де-Помпадуръ, пустилъ въ ходъ очень плоскую и неискусную мистификацію. Нѣкоторыя изъ тюремъ Латюда были не лучше того подземелья, въ которомъ сидѣлъ де-Форжъ. — Драматическій писатель Фаваръ былъ посаженъ въ крѣпость за то, что его жена, актриса Шантильи, не хотѣла сдѣлаться любовницею Мориса Саксонскаго. Долго ли онъ просидѣлъ, этого я не знаю, но ужъ и то достаточно выразительно, что его посадили за такую провинность. Наконецъ, надобно еще замѣтить, что *lettres de cachet* (приказы объ арестованїи) для нѣкоторыхъ важныхъ особъ составляли предметъ выгодной торговли. За извѣстную сумму денегъ можно было получить бланкъ, и написать на немъ имя того лица, которое, по соображеніямъ покушца, должно было переселиться въ Бастилю. Однажды случилось, что двое супруговъ смертельно надоѣли другъ другу; объ заинтересованныя стороны отправились хлопотать о *lettres de cachet*, и объ достигли своей цѣли, такъ что мужа посадили въ тюрьму по ходатайству жены, а жену по ходатайству мужа. Ясное дѣло, что личная свобода гражданъ ставилась ни во что. Человѣка сажали въ тюрьму, человѣка забывали въ тюрьмѣ на десятки лѣтъ, власти забывали даже, за что былъ посаженъ человѣкъ, — и никто не находилъ это особенно удивительнымъ. Но мало-мальски извѣстный и замѣчательный писатель не могъ быть такимъ образомъ забытъ и заброшенъ. Его помнили, объ немъ хлопотали, его вытаскивали на свободу. Словомъ, въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ было сносно жить только

привилегированнымъ классамъ, писательство было знакомъ отличія, дававшимъ нѣкоторыя льготы и преимущества. Чѣмъ самостоятельнѣе и смѣлѣе былъ писатель, тѣмъ значительнѣе была его извѣстность, и тѣмъ бережнѣе обходились съ нимъ власти, потому что онъ въ ихъ глазахъ получалъ значеніе аристократа. Все это происходило, разумѣется, отъ неопытности властей, но именно вслѣдствіе этой неопытности официальныхъ дѣятелей Вольтеръ имѣлъ возможность вести свою пропаганду подъ покровительствомъ важныхъ особъ, охранявшихъ общественную нравственность.

Кому дороги результаты вольтеровской дѣятельности, тотъ не долженъ ставить Вольтеру въ упрекъ его хитрости, ухаживанія и заискиванія. Всѣ эти маневры помогали успѣху главнаго дѣла; стигаясь часто въ дугу, вмѣсто того, чтобы драпироваться въ мантию маркиза Позы, Вольтеръ въ то же время никогда не упускалъ изъ виду единственной цѣли своей жизни. Онъ льстилъ своимъ высокимъ покровителямъ и превращалъ ихъ въ свои орудія. Вольтеръ былъ достаточно мелочень, чтобы искать знаковъ отличія и тщеславиться ими, но его страстная любовь къ идеѣ была такъ сильна, эта любовь такъ безраздѣльно господствовала надъ всѣми его поступками, что онъ невольно, по непреодолимому влеченію и безъ малѣйшей борьбы обращалъ на служеніе своей идеѣ всѣ связи и протекціи, которыя ему удавалось приобрѣтать. — Никому изъ высокихъ покровителей Вольтера даже и не приходило въ голову, чтобы существовала какая-нибудь возможность подкупить или обезоружить Вольтера, и отвлечь его ласками или почестями отъ той смертельной борьбы, которую онъ велъ противъ клерикализма. Кто покровительствовалъ Вольтеру, тотъ самъ становился подъ его знами, подчинялся его могуществу и обиживался, по меньшей мѣрѣ, не мѣшать распространенію рационализма. Въ мірѣ мысли, Вольтеръ не дѣлалъ никому ни малѣйшей уступки, да никто не осмѣливался и требовать отъ него такихъ уступокъ. За то, въ своихъ приемахъ и аллюрахъ, Вольтеръ былъ гибокъ и эластиченъ, какъ хорошо закаленная стальная пружина. Въ своей частной жизни, онъ готовъ былъ разыгрывать безпрекословно всѣ тѣ комедіи, которыхъ могло потребовать отъ него окружающее общество. Эта эластичность и гибкость составляетъ одну изъ основныхъ причинъ и изъ важнѣйшихъ сторонъ его значенія. Именно это умѣнье не тратить силъ на мелочи и не раздражать окружающихъ людей изъ-за пустяковъ доставило его пропагандѣ неотразимое могущество и непримѣрное распространеніе. На массу робкихъ и вялыхъ умовъ, которые вездѣ и всегда рѣшаютъ дѣло въ качествѣ хора и черноземной силы дѣйствовало чрезвычайно успокоительно и ободрительно то обстоятельство, что антиклерикальныя идеи проповѣдуются не какимъ нибудь чудакомъ, сорванцомъ или сумасбродомъ, а солиднымъ и важнымъ ба-

ринонь, господинонь Вольтеронь, отлично устроиваюцинь свои дѣлишки и ведиущинь дружбу съ самыми знатными особами во всей Европѣ. По-этому нельзя не отдать должной дани уваженія даже и тому чичиковскому элементу, который безспорно занимаетъ въ личности Вольтера довольно видное мѣсто. Чтобы имѣть какое нибудь серьезное значеніе, пропаганда Вольтера должна была адресоваться не къ лучшимъ людямъ, не къ избраннымъ умамъ, а ко всему читающему обществу, ко всему грамотному стаду, ко всевозможнымъ дубовымъ и осиновымъ головамъ, ко всевозможнымъ картофельнымъ и тѣстообразнымъ характерамъ. Всей этой толпѣ надо было говорить въ продолженіе многихъ лѣтъ: ослы, перестаньте же вы наконецъ лягать другъ друга въ рыло за такіе пустяки, которыхъ вы сами не понимаете и которыхъ никогда не понимали ваши руководители! — Принимаясь за такое дѣло, стараясь вразумить такихъ слушателей, надо было заготовиться колоссальнымъ терпѣніемъ и затѣмъ пустить въ ходъ всѣ средства, способныя вести къ успѣху, всѣ безъ исключенія, бѣленькія, сѣренькія и черненькія. Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ была наружная благонадежность и сановитость господина Вольтера. Надо было приобрести эту внушительную сановитость во что бы то ни стало, хотя бы даже отъ этого произошелъ большой ущербъ для идеальной чистоты характера. Вольтеру это приобретение не стоило большого труда, потому что характеръ его никогда не отличался идеальной чистотою. Этотъ пронирыливый характеръ, соединенный съ бойкимъ, острымъ, неутомимымъ, но очень не глубокимъ умомъ, былъ превосходно принаровленъ къ той задачѣ, за которую взялся Вольтеръ. Съ одной стороны, живой умъ, пристрастившійся на всю жизнь къ одной, очень не хитрой идеѣ, спасалъ Вольтера отъ той тины, въ которую тянулъ его чичиковскій элементъ характера; съ другой стороны, чичиковскій элементъ предохранялъ Вольтера отъ смѣшного и вреднаго для общаго дѣла донъ-кихотства, которое могло развиваться изъ необузданной любви къ идеѣ. Такимъ образомъ Вольтеру удалось соблюдать постоянно ту золотую умѣренность, которую презираетъ и отвергаетъ могучій творческій геній, но которая съ неотразимою силою привлекаетъ къ себѣ умы и сердца респектабельной буржуазіи, стоявшей въ то время на очереди, и составлявшей собою громадную аудиторію знаменитаго популяризатора.

IV.

Геттнеръ очень сильно нападаетъ на Вольтера за различныя проявленія его уклончивости. „И что наконецъ сказать о томъ, — спраши-

ваетъ онъ въ пылу добродѣтельнаго волненія, — что онъ всегда, если приходила опасность, дерзко и живо отказывался отъ своихъ книгъ, вмѣсто того, чтобы честно и мужественно признавать ихъ своими? 13 Августа 1763 Вольтеръ пишетъ къ Гельвецію: не нужно никогда ставить своего имени; я не написалъ даже и Pucelle.—И этой коварной лживостью онъ пользуется всегда съ изобрѣтательностью не слишкомъ завидной.“

Добродѣтельное негодованіе Геттнера смѣшно до послѣдней степени. Послѣ этого остается только ругать подлецомъ того цыпленка, который съ коварной лживостью улепetyиваетъ отъ повара, вмѣсто того, чтобы честно и мужественно стремиться въ его объятія. Конечно поваръ былъ бы очень доволенъ честностью и мужествомъ добродѣтельнаго цыпленка, но трудно понять, какую бы эта честность и это мужество могли принести пользу, во-первыхъ, пернатому Аристиду, а во-вторыхъ, всей его цыплячьей породѣ. Положимъ, что Вольтеръ исполнилъ бы желанія Геттнера и признался бы честно и мужественно въ своихъ литературныхъ грѣхахъ. Что же бы изъ этого вышло? Вольтера засадили бы въ Бастилію. Кому же бы это было выгодно, философамъ или іезуитамъ? Развѣ вольтеріанцы разгромили бы Бастилію, освободили бы своего предводителя? Ни чуть ни бывало. Вольтеръ просидѣлъ бы въ камерѣ нѣсколько мѣсяцевъ, разстроилъ бы свое здоровье и потратилъ бы даромъ то время, которое онъ могъ бы употребить на дальнѣйшее преслѣдованіе клерикаловъ. И все это только для того, чтобы лишній разъ удивить парижскую полицію честностью и мужествомъ. Нечего сказать: цѣль великая и достойная!

Герои свободной мысли такъ недавно выступили на сцену всемірной исторіи, что до сихъ поръ еще не установлена та точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ оцѣнивать ихъ поступки и характеры. Историки все еще смѣшиваютъ этихъ людей съ бойцами и мучениками супранатурализма. Вольтера судятъ такъ, какъ можно было бы судить, на примѣръ Іоанна Гусса. Когда Вольтеръ уклоняется отъ той чаши, которую Гуссъ спокойно и смѣло выпиваетъ до дна, тогда Вольтера заподозриваютъ и обвиняютъ въ недостатокѣ мужества и честности. Это совершенно несправедливо. Утилитариста невозможно мѣрять тою мѣркою, которая прикладывается къ мистику. Для Гусса отречься отъ своихъ идей значило отказаться отъ вѣчнаго блаженства, и кромѣ того потянуть за собою въ геенну огненную тысячи слабыхъ людей, которыхъ отреченіе Гусса сбilo бы съ толку и поворотило бы назадъ къ заблужденіямъ папизма. Поэтому Гуссу былъ чистѣйшій расчетъ идти на костеръ, повторяя тѣ формулы, которыя онъ считалъ истинными и спасительными. Для Вольтера напротивъ того важно было только то, чтобы его идеи западали какъ можно глубже въ умы читателей, и распространялись въ обществѣ какъ можно быстрѣе и шире. Хорошо. Книга напе-

чатана, раскуплена и прочтена. На книгѣ нѣтъ имени автора, а между тѣмъ она производитъ сильное впечатлѣніе. Значить, дѣйствуютъ сами идеи, не нуждаясь въ томъ обаяніи, которое было бы имъ придано именемъ извѣстнаго писателя. Только такое дѣйствіе и соотвѣтствуетъ вполне цѣли и направленію вольтеровской пропаганды. Эта пропаганда должна была пріучить людей къ тому, чтобы они, не преклоняясь передъ авторитетами, цѣнили внутреннюю разумность и убѣдительность самой идеи. Затѣмъ начинается тревога. Разыскиваютъ автора. Призываютъ къ допросу Вольтера. Вольтеръ отвѣчаетъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Скажите на милость, кому и чему онъ вредитъ этимъ отвѣтомъ? Онъ только отнимаетъ у иезуитовъ и у полицейскихъ сыщиковъ возможность помучить оппозиціоннаго мыслителя. Это съ его стороны очень нелюбезно, но вѣдь онъ никогда и не обзывался увеселять своею особою иезуитовъ и сыщиковъ. А читателей отреченіе Вольтера нисколько не обманываетъ и не смущаетъ; читатели посмѣиваются и говорятъ между собою: Какъ же! Держи карманъ! Дурака нашель! Такъ сейчасъ онъ тебѣ и признается! Конечно все это очень похоже на тактику бурсаковъ въ отношеніи къ начальству; но что же дѣлать? Бываютъ такія времена, когда цѣлое общество уподобляется одной огромной бурсѣ. Виноваты въ этомъ не тѣ люди, которые лгутъ, а тѣ, которые заставляють лгать.

Описывая старческіе годы Вольтера, Геттнеръ находитъ новую пищу для добродѣтельнаго негодованія. „Какъ прискорбно, говоритъ онъ, что при всемъ томъ и въ это послѣднее и самое блестящее время Вольтера не было недостатка въ пятнахъ! Онъ попрежнему отпирается отъ своихъ книгъ. Мало того, онъ причащается, ходитъ на исповѣдь, чтобы избавиться отъ клерикальныхъ преслѣдованій, между тѣмъ какъ вся его дѣятельность направлена къ уничтоженію этихъ ученій и обычаевъ. Фарнгагенъ несправедливо извиняетъ эти хитрости и притворство, эти засады и внезапныя нападенія, это искусное умѣнье идти впередъ и быстро исчезать,—извиняетъ, какъ позволительныя и необходимыя вспомогательныя средства партизанской войны. Эту временную покорность не только люди благочестивые считали безбожной дерзостью, но даже и люди его партіи осуждали, какъ вещь жалкую и трусливую“.

Что *люди благочестивые* были недовольны — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но я опять таки повторяю, что Вольтеръ не подрядился утѣшать *людей благочестивыхъ*. Чтобы узнать, похвальны ли или предосудительны поступки Вольтера, огорчающіе Геттнера, надо только поставить вопросъ; помогали они или мѣшали успѣху его общественной работы? Придется отвѣтить; помогали,—потому что избавляли знаменитаго популяризатора отъ клерикальныхъ преслѣдованій, которыя доставляли бы ему лишнія хлопоты, портили бы ему кровь, разстроивали бы его здоровье, и такимъ образомъ, отвлекали бы его отъ общественныхъ

занятій. Значить, позволяя себѣ мелкія хитрости, Вольтеръ, сознательно или бессознательно, повиновался естественному чувству самосохраненія.

Здѣсь опять свободные мыслители смѣшиваются съ сектаторами и вѣрующими адептами. Если бы то, что дѣлалъ Вольтеръ, было сдѣлано кальвинистомъ или лютераниномъ, тогда дѣло другое, тогда можно было бы говорить о вещи *жалкой и трусливой*, потому что лютеране и кальвинисты, подобно католикамъ, придаютъ очень важное значеніе всѣмъ внѣшнимъ подробностямъ культа. Но со стороны Вольтера тутъ нѣтъ ничего похожаго на отступничество, потому что Вольтеръ питаетъ самое полное равнодушіе ко всякому культу со всѣми его подробностями. Вольтеръ вовсе не хотѣлъ сдѣлаться основателемъ какой-нибудь новой философской религіи; онъ также вовсе не пылалъ фанатическою ненавистью къ существующему культу; онъ ненавидѣлъ только ту своекорыстную или тупую исключительность, которая порождаетъ убійства, религіозныя преслѣдованія, междуусобныя распри и международныя войны. *Терпимость* была первымъ и послѣднимъ словомъ его философской проповѣди. Поэтому онъ, нисколько не краснѣя и не измѣняя самому себѣ, могъ подчиняться всевозможнымъ формальностямъ, предписаннымъ мѣстными законами или обычаями. Геттнеру слѣдовало бы все это знать и понимать, тѣмъ болѣе, что онъ въ своей книгѣ выписываетъ изъ „*Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*“ слѣдующія размышленія Вольтера объ англійскихъ деистахъ. „Эти люди согласны со всѣми другими въ общемъ почитаніи единого Бога; они отличаются только тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ твердыхъ положеній ученія и никакихъ храмовъ, и что они, вѣря въ Божію справедливость, одушевлены величайшей терпимостью. Они говорятъ, что ихъ религія—религія чистая и такая же старая, какъ свѣтъ; у нихъ нѣтъ никакого тайнаго культа, и потому они безъ уязвленій совѣсти могутъ подчиниться и публичнымъ религіознымъ обычаямъ“. — Кто читалъ Вольтера, тотъ знаетъ, что онъ сочувствовалъ англійскимъ деистамъ больше, чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ мыслителямъ; говоря о нихъ и за нихъ, онъ говоритъ о себѣ и за себя; поэтому подчеркнутыя мною слова окончательно рѣшаютъ вопросъ и доказываютъ ясно, что, подчиняясь публичнымъ религіознымъ обычаямъ. Вольтеръ не дѣлалъ никакихъ *жалкихъ и трусливыхъ вещей*.

V.

Вольтеръ ненавидѣлъ всякія метафизическія тонкости, который, — сказать по правдѣ,—были ему рѣшительно не по силамъ. Вольтера ни подъ какимъ видомъ нельзя назвать великимъ, или даже просто замѣ-

чательнымъ мыслителемъ. Его умъ хваталъ очень недалеко и былъ совершенно неспособенъ прослѣдить какую бы то ни было идею до самаго конца, до самыхъ послѣднихъ и отдаленныхъ ея развѣтвленій. По своимъ умственнымъ силамъ, Вольтеръ стоялъ гораздо ниже многихъ людей, убившихъ всѣ свои прекрасныя дарованія на бесплодныя метафизическія построенія. Вольтеръ былъ совершенно застрахованъ отъ всякой метафизической заразы своею — извините за выраженіе! — своею ограниченностью, соединенною съ колоссальнѣйшимъ тщеславіемъ и съ неподражаемымъ искусствомъ персифлированія.

Умъ Вольтера становился въ тупикъ на первыхъ двухъ-трехъ шагахъ отвлеченнаго философствованія; Вольтеръ терялъ возможность слѣдить за ходомъ мысли, и тутъ немедленно подослѣвало къ нему на выручку драгоценное тщеславіе. Не могъ же онъ, онъ, Аруз-де-Вольтеръ, онъ, великій Вольтеръ, признать свое безсиліе и попросить пардона! Поэтому онъ тотчасъ рѣшалъ безапелляціонно, что тутъ совсѣмъ нечего и понимать. Затѣмъ онъ высовывалъ метафизику языкъ и отдѣлывалъ его такъ ловко прелестнѣйшими шутками и насмѣшками, что метафизикъ, который, быть можетъ, былъ гораздо умнѣе Вольтера, оставался въ дуракахъ и окончательно погибалъ во мнѣніи всей читающей публики. Вся дѣятельность Вольтера изображаетъ собою возмущеніе простаго здраваго смысла противъ ошибочныхъ увлеченій и бесплодныхъ фейерверковъ человѣческой гениальности. Основатели различныхъ метафизическихъ школъ, напримѣръ Декартъ и Лейбницъ, и даже свѣтила схоластики, Фома Аквинскій, Рожеръ Бэконъ, Альбертъ Великій, обладали безспорно громадными умственными силами, но всѣ они имѣли несчастіе, по обстоятельствамъ времени, потратить большую часть, или даже всю совокупность своихъ силъ на такія работы, которыя, во-первыхъ, не могли получить никогда никакого практическаго приложенія, и во-вторыхъ, по своей крайней трудности и головоломности, должны были навсегда остаться непонятными и недоступными для огромнаго большинства обыкновенныхъ или посредственныхъ человѣческихъ умовъ. Человѣческая посредственность, въ лицѣ самаго блестящаго и самаго ловкаго своего представителя, Вольтера, произнесла рѣшительный и безповоротный приговоръ отверженія надъ всѣми этими громадными, титаническими, изумительными, но совершенно бесполезными трудами. Задача Вольтера была чисто-отрицательная. Изъ той громадной кладовой, въ которой хранятся умственныя сокровища человѣчества, надо было выкинуть много разнаго добра; вмѣстѣ съ этимъ добромъ надо было выбросить и тѣ шкафы, въ которыхъ оно лежало, выбросить для того, чтобы на будущее время человѣческія силы не тратились больше на обогащеніе этихъ ненужныхъ шкафовъ новымъ содержаніемъ. Чтобы произвести это выбрасываніе съ должною

рѣшительностью и безтрепетностью, надо было во всѣхъ осужденныхъ шкафахъ не видѣть ни одной хорошей или привлекательной черты. Надо было ненавидѣть сплошною и цѣльною ненавистью; презирать самымъ чистымъ и искреннимъ презрѣніемъ, неразбавленнымъ никакими проблесками снисхожденія или состраданія. А такимъ образомъ ненавидитъ и презираетъ только непониманіе, потому что нѣтъ того чело-вѣческаго чувства, нѣтъ того чело-вѣческаго поступка, нѣтъ той чело-вѣческой мысли, въ которыхъ при полномъ и всестороннемъ пониманіи нельзя было бы найти хоть чего-нибудь достойнаго уваженія или любви, или покрайней мѣрѣ теплаго сожалѣнія. Но такъ какъ безошадное выбрасываніе бываетъ иногда совершенно необходимо, то и непониманіе оказываетъ иногда чело-вѣчеству драгоцѣнныя и незамѣнимыя услуги. Если бы Вольтеръ былъ способенъ понимать логическую красоту и величественность тѣхъ метафизическихъ построеній, которыя ему надо было осмѣять и выбросить, то въ его сарказмахъ не было бы той непри-нужденности, той неподдѣльной искренности, той самодовольной граціи, той заразительной веселости, которыя сообщали имъ неотразимую силу и обезпечивали собою успѣхъ всей отрицательной работы. Вольтеръ не былъ бы Вольтеромъ, если бы у него было побольше ума и поменьше тщеславія. Въ такомъ случаѣ мысли его были бы болѣе глубоки, а при-говоры менѣе рѣшительны. По этимъ двумъ причинамъ дѣйствіе его на толпу было бы менѣе сильно. Такимъ образомъ чуть ли не всѣ недостатки Вольтера, какъ умственные такъ и нравственные, шли на пользу его популяризаторской работы.

Когда Вольтеръ осмѣиваетъ различныя дурачества умныхъ и глупыхъ людей, тогда онъ великолѣпенъ и неотразимъ. Но, когда онъ начинаетъ кропать что-то похожее на собственную систему, когда онъ самъ стремится сооружать и мудрствовать, тогда у читателя съ невѣроятною быстротою увидають уши. Особенно печально становится по-ложеніе читателя тогда, когда Вольтера удручаютъ высшіе вопросы общаго міросозерцанія. Тутъ уже переполняется мѣра читательскаго терпѣнія.

Вольтеръ—действъ. Это бы еще ничего. Даже трогательно и похваль-но. Если бы онъ, подобно Магомету, крикнулъ просто во всеуслышаніе: *Аллахъ есть Аллахъ!* все обстояло бы совершенно благополучно и вся-кія возраженія сдѣлались бы невозможными. Но Вольтеръ, къ несчастію томится желаніемъ доказывать основной тезисъ своей доктрины. Ему, изволите ли видѣть, какъ философу, никакъ не возможно принимать что бы то ни было на вѣру, а такъ какъ онъ доказывать рѣшительно не умѣетъ, и такъ какъ тутъ вообще на доказательствахъ далеко не уѣдешь, то передъ несчастнымъ читателемъ совершается настоящее столпотвореніе вавилонское. Гипотезы подпираются гипотезами: сравне-

нія, сантементальныя восклицанія и эффектныя вопросительныя тирады принимаются за доказательства; на какомъ-нибудь одномъ лядашемъ фактъ, невѣрно подмѣченномъ и неправильно истолкованномъ, сооружается цѣлая сложная теорія; самъ того незамѣчая, нашъ философъ на каждомъ шагу путается въ грубыхъ противорѣчяхъ; самъ того не замѣчая, онъ ежеминутно перепрыгиваетъ съ одной точки зрѣнія на другую; словомъ, получается такая мерзость заустѣнія, которая жестоко компрометируетъ почтенный тезисъ, не допускающій и не требующій никакихъ доказательствъ.

Любимымъ конькомъ Вольтера является идея о цѣлесообразности и предустановленности всего существующаго. Въ самомъ дѣлѣ, глазъ созданъ для того, чтобы видѣть, ухо — для того, чтобы слышать, зубы — для того, чтобы жевать, желудокъ — для того, чтобы переваривать пищу. Сдѣлавши заразъ столько открытій, Вольтеръ торжествуетъ побѣду надъ дерзновенными скептиками, и затѣмъ начинаются чувствительныя восклицанія о томъ, какъ это все рассчитано, предусмотрено, приспособлено и направлено. Все это очень назидательно и убѣдительно, но только Вольтеру слѣдовало бы набрать побольше примѣровъ и повести процессъ доказательства хотя бы напримѣръ такимъ образомъ: баранъ созданъ для того, чтобы ѣсть траву; волкъ — для того, чтобы ѣсть барана; мужикъ — для того, чтобы убивать и обдирать волка; маркизь — для того, чтобы тузить и раззорять мужика; а Людовикъ XIV — для того, чтобы сажать маркиза въ Бастилью и конфисковать его наследственное имѣнiе. Въ этой лѣствицѣ живыхъ существъ каждый пристроенъ къ своему мѣсту, каждый что-нибудь дѣлаетъ и каждый щедро одаренъ необходимыми для того снарядами или орудіями. Значить цѣлесообразность выдержана великолѣпно. Остается только поставить и разрѣшить вопросъ: для кого или для чего нужна эта прекрасная цѣлесообразность, къ чему она ведетъ и съ какой стати сгруппированы эти живыя существа, которыя постоянно обижаютъ и терзаютъ, и даже истребляютъ другъ друга? Для кого сооружена вся лѣствица — для барана, для волка, для мужика, для маркиза или для Людовика XIV? Такъ какъ баранъ, волкъ и мужикъ играютъ тутъ совершенно страдательныя роли, отъ которыхъ они охотно отказались бы, то лѣствица построена очевидно не для нихъ, а скорѣе *противъ* нихъ. Значить, она построена для маркиза и для Людовика XIV? Прекрасно, но въ такомъ случаѣ только маркизь, пока онъ не попалъ еще въ Бастилью, и Людовикъ XIV могутъ восхищаться порядкомъ, красотою, гармоніею и цѣлесообразностью природы. Для мужика всѣ эти прелести не существуютъ. Если бы мужику вздумалось философствовать по Вольтеру, то онъ пришелъ бы къ такимъ результатамъ, которые привели бы Вольтера въ неописанный ужасъ. Если сообразилъ бы мужикъ, что въ природѣ

все сдѣлано и дѣлается съ тонкимъ расчетомъ и съ умысломъ, то стало быть, когда природа заставляетъ насъ страдать, она также поступаетъ умышленно. „Вотъ меня,—продолжалъ бы мужикъ,—эта милѣйшая природа донимаетъ каждый день съ тѣхъ поръ, какъ я себя запомню, то голодомъ, то холодомъ, то палками; такъ это она стало быть все нарочно надо мною куражилась. Спасибо за угощеніе!“ — „Позвольте, господинъ мужикъ,—заговорилъ бы Вольтеръ, понимая, что дѣло принимаетъ самый неблагополучный оборотъ, — позвольте! Васъ терзаютъ не природа, васъ терзаютъ люди.“ — „Господинъ Вольтеръ, — отвѣчаетъ мужикъ, — людей произвела та же природа. Если въ природѣ все рассчитано, предусмотрѣнно и цѣлесообразно, то она можетъ и должна отвѣчать за каждое изъ своихъ созданій.“

Читатели мои, я самъ вижу, что мужикъ неистовствуетъ, но увѣряю васъ, что тутъ виновать не мужикъ, а Вольтеръ. Ученіе о цѣлесообразности въ природѣ ведетъ за собою ужасныя заключенія, подрывающія, или по крайней мѣрѣ извращающія основной тезисъ вольтеровской доктрины. И отъ этихъ заключеній вы ничѣмъ не отвертитесь до тѣхъ поръ, пока въ мірѣ будетъ существовать страданіе. А страданіе неистребимо, потому что вся органическая жизнь основана на непрерывномъ взаимномъ истребленіи живыхъ и чувствующихъ существъ. Самъ того не замѣчая и не желая, Вольтеръ подвергаетъ себя опасности пасть ницъ передъ кровожаднымъ Молохомъ или передъ индѣйскимъ Шивою, на которомъ надѣто ожерелье изъ человѣческихъ костей. Вся бѣда состоитъ въ томъ, что вольтеровскую доктрину невозможно *доказать*. Ее можно только *принимать на веру*. Кто можетъ — тотъ и вѣръ. Кто не можетъ... ну, тотъ вѣроятно и самъ знаетъ, что ему дѣлать.

Прогуливаясь съ философскими цѣлями по кунсткамерѣ мірозданія. Вольтеръ конечно не могъ оставить незамѣченнымъ такого слона, какъ страданіе или зло. Вольтеръ понималъ, что этотъ слонъ очень опасенъ для его доктрины, и много было потрачено бесплоднѣйшихъ усилій на то, чтобы придать проклятому слону сколько-нибудь благопристойную и почтенную наружность. Сначала Вольтеръ, идя по слѣдамъ англійскихъ мыслителей, Шэфтсбери, Попа и Болинброка, старался доказать, что зло совсѣмъ не существуетъ, и что все на свѣтѣ идетъ такъ, какъ оно должно идти. Тутъ можно было разыгрывать вариации на ту тему, что страданія даютъ особенную цѣну наслажденію, и что они также необходимы въ жизни, какъ темныя краски въ картинѣ. Метафоръ и красивыхъ словъ можно было набрать довольно, но сама по себѣ эта позиція была такъ слаба и неудобна, что Вольтеръ впоследствии бросилъ ее, и даже самымъ жестокимъ образомъ осмѣялъ жалкіе и плоскіе софизмы тѣхъ приторныхъ оптимистовъ, которые не сумѣли исправиться и образумиться вмѣстѣ съ нимъ. Что Вольтеръ честно и рѣшительно отказался

отъ тѣхъ ошибочныхъ мнѣній, которыя онъ самъ защищалъ очень долго и очень упорно, — это конечно дѣлаетъ величайшую честь его прямодушю. Но ни малѣйшей чести не дѣлаетъ его философской сообразительности то обстоятельство, что для побѣды надъ очевиднымъ заблужденіемъ ему понадобился сильный толчекъ изъ окружающаго міра. Вольтера поразило то знаменитое землетрясеніе, которое въ 1755 г. разрушило Лиссабонъ. Задумываясь надъ этимъ ужаснымъ событіемъ, онъ понялъ наконецъ, что зло, существующее въ природѣ, не можетъ быть замаскировано и затушевано никакими сладостными метафорами. Но чтобы додуматься до этихъ заключеній, не было никакой надобности совершать погибель португальской столицы. Разрушеніе Лиссабона не прибавило рѣшительно ничего существеннаго къ тому запасу опыта, которымъ давно располагали всѣ современники Вольтера, начиная отъ академиковъ и кончая деревенскими старухами. Для кого же могла быть новостью та истина, что силы природы очень часто разрушаютъ человѣческое благосостояніе и посягаютъ на человѣческую жизнь? Градъ, засуха, саранча, наводненія, пожары отъ грозы, скотскіе падежи, моровыя язвы — все это было достаточно извѣстно всему міру за нѣсколько тысячелѣтій до лиссабонскаго землетрясенія. Каждая десятина, выбитая градомъ, каждая хижина, сожженная молніею, каждая телушка, околѣвшая отъ заразы, могли бы сказать Вольтеру точь въ точь тоже самое, что прокричало ему разрушеніе Лиссабона. Вольтеръ поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ обыкновенно поступаетъ толпа. Онъ прошелъ спокойно и равнодушно передъ тысячами мелкихъ явленій, и потомъ остановился съ наивнымъ изумленіемъ передъ однимъ крупнымъ фактомъ, въ которомъ не было ничего новаго и удивительнаго, кромѣ величины. Чтобы какъ-нибудь примирить несомнѣнное существованіе зла, съ своею основною доктриною, Вольтеръ ухватывается обѣими руками за будущую жизнь. Наконецъ умствованія утомляютъ Вольтера и онъ смиряется духомъ. „Вопросъ о происхожденіи зла, говоритъ онъ, остается неразрѣшимой путаницей, отъ котораго нѣтъ другого спасенія, какъ довѣріе къ провидѣнію“. „Высшее существо сильно, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, мы слабы, мы также необходимо ограничены, какъ высшее существо необходимо безконечно; зная, что одинъ лучъ ничего не значитъ противъ солнца, я покорно подчиняюсь высшему свѣту, который долженъ просвѣтить меня во мракѣ міра“. И давно бы такъ слѣдовало распорядиться. Не за чѣмъ было съ самаго начала портить чистый медъ вѣрующаго смиренія гнуснымъ дегтемъ философскаго высокомерія.

Вольтеръ, на старости лѣтъ, очень сильно воевалъ съ молодыми французскими писателями, дошедшими до крайняго скептицизма. Не смотря на всѣ эти добродѣтельные усилія, клерикалы и шетисты всей Европы до сихъ поръ считаютъ Вольтера патріархомъ и коноводомъ

французскихъ скептиковъ и матеріалистовъ. И надо сказать правду, клерикалы и шетисты нисколько не ошибаются. На Вольтеръ воспитывались всѣ молодые люди, способные и желавшіе рѣшать силами собственного ума высшіе вопросы міросозерцанія. Благодаря литературной дѣятельности Вольтера, тѣ антиклерикальныя идеи, которыя до того времени переходили потихоньку отъ одного мыслителя къ другому, получили небывалое распространеніе и сдѣлались общимъ достояніемъ всей читающей Европы. По милости Вольтера сомнѣніе проникло въ тысячи свѣжихъ и пылкихъ головъ. Всѣхъ своихъ читателей Вольтеръ хотѣлъ привести къ всеобщей терпимости и остановить на точкѣ зрѣнія деизма. Первая цѣль была достигнута, но вторая была недостижима; всякое движеніе идетъ обыкновенно гораздо дальше, чѣмъ того желалъ первый коноводъ; каждое движеніе обыкновенно вырывается изъ рукъ перваго защитника, который очень часто становится тормазомъ и при этомъ почти никогда не достигаетъ своей цѣли, если только движеніе съ самаго начала было серьезно и соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ времени и даннаго общества. Въ числѣ тѣхъ многихъ тысячъ, которыя восхищались остроуміемъ вольтеровскихъ памфлетовъ противъ католицизма, непремѣнно должно было оказаться хоть нѣсколько десятковъ серьезныхъ, сильныхъ и послѣдовательныхъ умовъ. Для этихъ умовъ очень скоро сдѣлались невыносимыми тѣ внутреннія противорѣчія, на которыхъ Вольтеру угодно было благодушно почивать, какъ на побѣдныхъ лаврахъ. Эти умы не могли переваривать ту неестественную смѣсь поклоненія авторитету и знанія, которою упивался Вольтеръ. Имъ надо было что-нибудь одно, или *credo quia absurdum*, или отрицаніе всего того, что не можетъ быть положительно доказано. Имъ надо было или воротиться къ положительнымъ вѣрованіямъ, или миновать всевозможные Геркулесовы столбы, и выйдти въ открытый океанъ совершенно свободнаго и строго-реальнаго изслѣдованія. За погибшія души этихъ людей долженъ отвѣчать популяризаторъ Вольтеръ, потому что онъ первый взбунтовалъ ихъ противъ клерикаловъ, у которыхъ въ это время, также по наущенію Вольтера, была отнята возможность придерживать и придавливать чело-вѣческую мысль благонадежными мѣрами спасительной строгости. Вино-ность Вольтера нисколько не уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не одобрялъ крайнихъ выводовъ, добытыхъ его учениками. Поставивши этихъ учениковъ въ такое положеніе, въ которомъ не могутъ удержаться сильные и послѣдовательные умы, Вольтеръ обязанъ отвѣчать за всѣ дальнѣйшія умозрѣнія французскихъ мыслителей. Деизмъ Вольтера составляетъ только станцію на дорогѣ къ дальнѣйшимъ выводамъ Дидро, Гольбаха и Гельвеція.

VI.

Чтобы составить себѣ понятіе о громадныхъ заслугахъ Вольтера, надо судить его не какъ мыслителя, а какъ практическаго дѣятеля, какъ самаго ловкаго изъ всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ публицистовъ и агитаторовъ. Вольтеръ особенно великъ не тѣми идеями, которыя онъ развивалъ въ своихъ книгахъ и брошюрахъ, а тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производилъ на своихъ современниковъ этими книгами и брошюрами. Силою этого впечатлѣнія Вольтеръ сдѣлалъ Европѣ такой подарокъ, котораго цѣна растетъ до сихъ поръ и будетъ увеличиваться постоянно съ каждымъ столѣтіемъ. Вольтеръ подарилъ Европѣ ея общественное мнѣніе. Онъ, цѣлымъ рядомъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ, показалъ европейскимъ обществамъ, что ихъ судьба находится въ ихъ собственныхъ рукахъ и что имъ стоитъ только размышлять, желать и настаивать для того, чтобы управлять по своему благоусмотрѣнію всѣмъ ходомъ историческихъ событій, крупныхъ и мелкихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Вольтеръ открылъ европейскимъ обществамъ тайну ихъ собственного могущества. Вольтеръ доказалъ Европѣ, что она можетъ и должна быть живою, дѣятельною и самознательною личностью, а не мертвымъ и пассивнымъ матеріаломъ, надъ которымъ различныя канцеляріи, дипломаты и полководцы обнаруживаютъ свои таланты и производятъ свои эксперименты. Что же именно дѣлалъ Вольтеръ для того, чтобы разрѣшить эту громадную задачу, отъ рѣшенія которой зависитъ дальнѣйшая постановка всѣхъ прочихъ общественныхъ задачъ? — Вольтеръ писалъ, но писалъ такъ, какъ до него не умѣли и не смѣли писать; онъ затрогивалъ такіе вопросы, къ которымъ никто изъ его современниковъ не могъ относиться равнодушно; онъ разрабатывалъ эти вопросы такимъ неотразимо увлекательнымъ образомъ, что его читали десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ людей. Знаменитость Вольтера росла и выросла наконецъ до такихъ размѣровъ, до которыхъ никогда, ни прежде, ни послѣ не доходила извѣстность простаго писателя. „Русская императрица, говоритъ Кондорсе въ біографіи Вольтера, короли прусскій, датскій, шведскій, старались заслужить похвалу Вольтера и поддерживали его благія дѣла; во всѣхъ странахъ вельможи, министры, стремившіеся къ славѣ, искали одобренія фернейскаго философа (Вольтера), и довѣряли ему свою надежду на успѣхи разума, свои планы распространенія свѣта и уничтоженія фанатизма. Во всей Европѣ онъ основалъ союзъ, котораго онъ былъ душой. Воинственнымъ крикомъ

этого союза было: разумъ и терпимость! Совершена ли была гдѣ-нибудь большая несправедливость, оказалось ли кровавое преслѣдованіе, нарушалось ли человѣческое достоинство, — сочиненіе Вольтера передъ всей Европой выставяло виновныхъ къ позорному столбу. И какъ часто рука притѣснителей дрожала отъ страха передъ этимъ вѣрнымъ мщеніемъ“. — Цитируя эти слова Кондорсе, Геттнеръ говоритъ, что они совершенно справедливы. И такъ сила Вольтера была очень велика. Но эта сила была основана исключительно на довѣрїи и сочувствїи читающаго общества. Значитъ, чѣмъ выше поднимался Вольтеръ, тѣмъ больше вѣсу прїобрѣтали мнѣнія и желанія общества. *Рука притѣснителей дрожала* очевидно не передъ Вольтеромъ. Вольтеръ былъ только докладчикомъ, а судьей являлась читающая Европа. Но для того, чтобы этотъ судъ былъ дѣйствительно страшенъ для притѣснителей, надо было, чтобы голосъ докладчика во всякую данную минуту находилъ себѣ десятки тысячъ внимательныхъ слушателей. Чтобы вызвать къ жизни общественное мнѣніе, и чтобы постоянно поддерживать его дѣятельность тамъ, гдѣ оно еще не прївыкло вмѣшиваться постоянно въ общественныя дѣла, и гдѣ весь строй существующихъ учрежденій враждебенъ такому вмѣшательству, — необходима необыкновенная сила таланта и непоколебимая твердость убѣжденій со стороны того человѣка, который, при такихъ невыгодныхъ условїяхъ, осмѣливается принять на себя великія обязанности публициста. Сосредоточивши на себѣ вниманіе всей Европы, Вольтеръ сдѣлалъ возможнымъ существованіе общественнаго мнѣнія, затѣмъ онъ самъ сдѣлался руководителемъ этого вновь созданнаго общественнаго мнѣнія и показалъ, что общество можетъ и обязано контролировать и судить своихъ опекуновъ. А что такое общество? Вы, я, наши братья и сестры, дяди и тетки, отцы и матери, родственники и знакомые, родственники родственниковъ и знакомые знакомыхъ, и такъ далѣе — вотъ вамъ и общество. Каждый изъ насъ порознь слабѣе перваго встрѣчнаго полисмена. Но всѣ мы вмѣстѣ непобѣдимы и неотразимы. Судите же теперь, какую глубокою благодарностью обязаны мы тѣмъ великимъ людямъ, которые соединяютъ насъ между собою обаятельною силою живого и горячаго слова и которые, сплотивши насъ въ одну громадную и неотразимую лавину, ведутъ и направляютъ насъ туда, гдѣ мы можемъ спасти нашихъ братьевъ, или увеличивать и упрочивать нашими приговорами наше собственное матеріальное и умственное благосостояніе. Величайшимъ изъ этихъ великихъ людей надо признать Вольтера, потому что онъ первый соединилъ и повелъ за собою читающую Европу къ свѣтлому будущему, и еще потому, что послѣ его смерти, въ продолженіи 88 лѣтъ, не появлялось ни одного человѣка, который былъ бы равенъ ему по глубинѣ и обширности своего вліянія.

Когда, во время революціи, прахъ Вольтера былъ перенесенъ въ Пан-

теонъ, тогда пьедесталь его памятника получилъ слѣдующую надпись: „Тѣни Вольтера. Поэтъ, историкъ, философъ, онъ расширилъ предѣлы человѣческаго ума и научилъ его быть свободнымъ. Онъ защитилъ Каласа, Сирвана, де-ла-Барра и Монбальи, онъ сражался съ атеистами и съ фанатиками; онъ внушалъ терпимость, онъ отстаивалъ права чело-вѣка противъ феодальнаго рабства“. Защищеніе Каласа и другихъ под-судимыхъ поставлено на ряду съ самыми замѣчательными подвигами Вольтера. Такъ оно и должно быть. Роль Вольтера въ этихъ четырехъ уголовныхъ процессахъ имѣетъ громадное общественное значеніе, не говоря уже о томъ, что она дѣлаетъ величайшую честь чело-вѣколюбію и великодушію Вольтера. Вмѣшательство Вольтера въ первый разъ пока-зало всей Европѣ, что надъ высшими трибуналами есть еще одна инстан-ція, которая можетъ пересматривать и кассировать приговоры, судить и осуждать недобросовѣстныхъ или тупоумныхъ судей, оправдывать и реабилитировать невинныхъ, пострадавшихъ отъ судейской оплошности или злонамѣренности. Въ Тулузѣ, сынъ Жана Каласа, Маркъ Антонъ, по-вѣсилъ въ домѣ своего отца. Жанъ Каласъ былъ протестантъ, а Ту-луза — населена самыми ревностными католиками. Наперекоръ всякому здравому смыслу и правдоподію, какой-то негодяй распустилъ въ го-родѣ слухъ, что Маркъ Антонъ повѣшенъ своими родителями за намѣ-реніе перейти въ католицизмъ. Самоубійцу превратили въ мученика. Трупъ его, выставленный въ церкви, сталъ творить чудеса. Семейство Каласовъ попало въ тюрьму, было заковано въ цѣпи и отдано подъ судъ. Не имѣя никакихъ доказательствъ, кромѣ народнаго говора и чудесъ святого самоубійцы, тулузскій парламентъ приговорилъ Жана Каласа, 72-лѣтняго старика къ колесованію. Приговоръ былъ приведенъ въ ис-полненіе. Дѣти Каласа разосланы по монастырямъ и обращены силою въ католицизмъ. Имѣніе казненнаго конфисковано и вдова его осталась одна, безъ земли и безъ средствъ къ существованію. Значитъ, правосу-діе удовлетворено, и дѣло кончено. Некому поднимать его и некуда его вести дальше. Тулузскій парламентъ — верховное судебное мѣсто, и приговоры его, не нуждаясь ни въ чьей конфирмаціи, не могутъ быть оспариваемы правильнымъ апелляціоннымъ порядкомъ. Но Вольтеръ вцутывается въ этотъ, благополучно оконченный, процессъ. Вольтеру нѣтъ дѣла до юридической правильности и до канцелярскаго порядка. Вольтеръ раскапываетъ всю исторію съ самаго начала, печатаетъ свое знаменитое сочиненіе о терпимости, излагаетъ въ немъ процессъ Каласа, какъ возмутительный примѣръ католическаго фанатизма, доведеннаго до людоѣдства, пишетъ письма къ знаменитымъ адвокатамъ, къ министрамъ, къ государямъ, словомъ, работаетъ за Каласовъ неутомимо и безкорыстно цѣлые три года, и все это дѣлаетъ Вольтеръ, кумиръ всей мыслящей Европы, слабый и больной семидесятилѣтній старикъ. А ему-то что за

дѣло? Что онъ за оберъ-прокуроръ? По какому праву мѣшаетъ онъ тулузскому парламенту колесовать, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, тѣхъ французовъ, которые, живя въ Тулузѣ, имѣютъ безразсудство не нравиться ему, всеильному тулузскому парламенту? Такіе вопросы предлагались конечно многими непоколебимыми приверженцами спасительной юридической правильности, и на такіе вопросы пылкіе обожатели фернейскаго философа отвѣчали, по всей вѣроятности, что Вольтеръ, по праву мыслящаго человѣка и честнаго гражданина, обращается къ верховному суду общественнаго мнѣнія и требуетъ отъ французской націи, чтобы она защищала своихъ дѣтей отъ произвола парламентскихъ совѣтниковъ, ослѣпленныхъ религіозною ненавистью, или запуганныхъ криками фанатической уличной толпы. Подобные разговоры велись вездѣ, гдѣ люди умѣли читать и понимать французскія книги, а въ Парижѣ эти разговоры велись такъ громко, что государственный совѣтъ предписалъ тулузскому парламенту выслать документы по дѣлу Каласа. Весь процессъ былъ пересмотрѣнъ, и приговоръ тулузскаго парламента объявленъ несправедливымъ. Почти въ одно время съ Каласомъ попалъ подъ судъ протестантъ Сирванъ, котораго, также безъ малѣйшаго основанія, подозрѣвали въ томъ, что онъ утопилъ въ колодцѣ свою дочь, насильно обращенную въ католицизмъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Сирванъ имѣлъ довольно вѣрное понятіе о французскомъ правосудіи, и постарался убѣжать. Его заочно приговорили къ смерти. Имѣніе его конфисковали. „Вольтеръ, говоритъ Геттнеръ, и здѣсь явился защитникомъ и мстителемъ. Правительства бернское и женевское, русская императрица, короли польскій, прусскій и датскій, ландграфъ гессенскій, герцоги саксонскіе, по вызову Вольтера прислали несчастному семейству богатую помощь. Вольтеръ обратился прямо къ тулузскому парламенту, который опять по закону былъ высшей судебной инстанціей въ дѣлѣ Сирвана; исходъ процесса Каласа далъ перевѣсъ свободномыслящей партіи и Сирванъ былъ оправданъ“. Семнадцатилѣтняго мальчика де-ла-Барра обвинили въ томъ, что онъ будто-бы, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ д'Эталлондомъ, изломалъ и опрокинулъ деревянное распятіе, стоявшее на мосту въ городѣ Аббевилѣ. Прямыхъ уликъ не оказалось; но за то нашлись добрые и благочестивые люди, которые припомнили съ сокрушеніемъ сердца, что однажды де-ла-Барръ и д'Эталлондъ, встрѣтившись съ процессією, не сняли передъ нею шляпъ, и что, кромѣ того, де-ла-Барръ, какъ-то разъ, у себя на квартирѣ, пѣлъ легкомысленные куплеты, направленные противъ чести Святой Маріи Магдалины. Показанія добрыхъ и благочестивыхъ людей рѣшили участь безразсудныхъ молокососовъ. Считаая ихъ преступленіе вполне доказаннымъ, судъ приговорилъ де-ла-Барра къ колесованію, что и было исполнено въ 1765 году. Д'Эталлонду же было оказано нѣкоторое снисхож-

деніе. Судъ приказалъ вырѣзать у него языкъ и отрубить ему руки. Д'Эталлондъ не пожелалъ воспользоваться этими милостями, и ухитрился бѣжать. Прибѣжалъ онъ прямо къ Вольтеру, къ общепризнанному и возлюбленному патриарху всѣхъ европейскихъ вольнодумцевъ. Тутъ онъ съ откровенностью ребенка разсказалъ всѣ подробности дѣла. Вольтеръ препроводилъ д'Эталлонда въ Пруссію и рекомендовалъ его Фридриху II, который принялъ его къ себѣ на службу и далъ ему офицерскій чинъ. Вольтеръ, съ своей стороны, въ превосходномъ мемуарѣ раскрылъ передъ читающею Европою всѣ закулисныя пружины той грязной интриги, которая погубила де-ла-Барра. Эти пружины состояли въ томъ, что одинъ вліятельный господинъ, Беллевалъ, началъ строить куры теткѣ де-ла-Барра, настоятельница женскаго монастыря. Получивши на свои авансы презрительный отказъ, Беллевалъ рѣшился мстить и направилъ на молодого вѣтренника де-ла-Барра всѣхъ клерикаловъ и тартюфовъ города Аббевиля и его окрестностей. Въ результатъ получилось колесование. Старуха Монбальи выпила не въ мѣру и умерла отъ апоплексическаго удара. Зѣваки и сплетники города Сентъ-Омера увидали въ этой скоростижной смерти слѣды насилія и взвели подозрѣніе на сына покойницы и на его жену. Подозрительныя личности были арестованы и отданы подъ судъ. Доказательствъ не нашлось никакихъ, но судьи, стремясь къ исправленію общественной нравственности, не пожелали останавливаться на разныхъ мелочныхъ соображеніяхъ и смѣло приговорили обоихъ обвиненныхъ къ мучительной казни. Монбальи колесовали и сожгли, но казнь его жены была отложена, по случаю ея беременности. Въ это время Вольтеръ послалъ мемуаръ объ этомъ дѣлѣ въ министерство. Процессъ пересмотрѣли, казненнаго Монбальи объявили невиннымъ. Жену его, приговоренную къ смерти, освободили.

Эти четыре процесса слѣдовали одинъ за другимъ, съ очень короткими промежутками времени. Самый ранній изъ нихъ, процессъ Каласа былъ рѣшенъ въ 1762 году и перерѣшенъ въ 1765 году. Самый поздній, процессъ Монбальи, разыгрался въ 1770 году. Едва успѣвало утихнуть волненіе, возбужденное въ обществѣ однимъ вошющимъ насиліемъ, какъ начинались немедленно толки о новой, такой же очевидной и возмутительной несправедливости. Въ теченіе осьми лѣтъ, раскрылось четыре юридическія убійства, и высшія государственныя власти, за одно съ общественнымъ мнѣніемъ страны, официально признали ихъ убійствами. Два изъ этихъ убійствъ были совершены на югѣ Франціи и два на сѣверѣ. Значитъ суды были одинаково ревностны, проникательны и справедливы на всемъ пространствѣ французской территоріи. Четыре гадости были открыты по инициативѣ частнаго человѣка, дряхлаго и большаго старика. Но сколько же гадостей оставалось въ неизвѣстности? Сколько ихъ совершилось въ послѣднія десятилѣтія? Сколько еще

совершится въ ближайшія двадцать или тридцать лѣтъ? И кто можетъ сказать навѣрное, что эти будущія гадости не обрушатся ни на него, ни на его ближайшихъ родственниковъ и друзей? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ тащить всѣ рѣшенные процессы къ Вольтеру, да и самъ Вольтеръ все-таки не способенъ воскрешать своими защитительными мемуарами колесованныхъ и сожженныхъ людей. Питая свой духъ такими мрачными и неуспокоительными размышленіями, каждый французъ, способный подмѣчать и обобщать явленія общественной жизни, долженъ былъ придти къ тому результату, что суды его родины какъ двѣ капли воды похожи на аулы предприимчивыхъ горцевъ, которые, безъ малѣйшей опасности для самихъ себя, распространяють ужасъ и опустошеніе по всѣмъ окружающимъ мѣстностямъ. Послѣ этого, не трудно было добраться и до того практическаго заключенія, что общество, уже возвысившееся до самосознанія, обязано, изъ чувства самосохраненія, сосредоточить всѣ свои силы противъ этихъ воинственныхъ ауловъ и противъ всего того, что поддерживаетъ и упрочиваетъ ихъ существованіе.

Вступаясь за мучениковъ французскаго правосудія, Вольтеръ не развивалъ никакихъ отвлеченно широкихъ теорій. Онъ просто и спокойно проводилъ самыя широкія теоріи въ дѣйствительную жизнь. Онъ не разсуждалъ о *souveraineté du peuple*. Онъ прямо и рѣшительно прикладывалъ ее къ дѣлу. Онъ не проповѣдывалъ противъ стараго зла, а фактически уничтожалъ его. Процессы Каласа и всѣхъ другихъ вольтеровскихъ *protégés* нанесли старому порядку болѣе жестокіе удары, чѣмъ могли бы то сдѣлать десятки томовъ самой тонкой, остроумной и разрушительной теоретической критики. Защитительные мемуары Вольтера были уже не словами, а дѣлами. Это уже не подготовленіе переворота, а настоящее его начало. Здѣсь живая сила общественнаго мнѣнія, живая воля мыслящаго и энергическаго народа дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, стала выше всѣхъ существующихъ законовъ. Съ этой минуты эти старыя, средневѣковые законы могутъ уже считаться отмѣненными. Затѣмъ остается только облечь совершившійся фактъ въ юридическую форму. Объ этомъ уже позаботились дѣятели учредительнаго собранія, открывшаго свои засѣданія черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ смерти Вольтера.

Блестящую компанію, открытую Вольтеромъ противъ старыхъ французскихъ судовъ, тѣсно связанныхъ со всею совокупностью старыхъ общественныхъ учреждений,—закончилъ достойнымъ образомъ Бомарше, знаменитый авторъ „Севильскаго цирюльника“ и „Свадьбы Фигаро“. Бомарше находился въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Вольтеръ. Вопервыхъ, Вольтеръ былъ знаменитѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ, а Бомарше, вступая въ борьбу съ парижскимъ парламентомъ, былъ еще совершенно неизвѣстенъ. Въ вторыхъ, Вольтеръ вступался за другихъ,

а Бомарше за самого себя. Въ-третьихъ, вольтеровскіе процессы были процессами уголовными: тутъ шло дѣло о человѣческой жизни и о чести цѣлыхъ семействъ; тутъ являлись, въ видѣ декорацій и атрибутовъ, цѣпи, застѣжки, орудія пытки, костры и висѣлицы; тутъ было чѣмъ разшевелить въ читающей публикѣ любопытство, сочувствіе и негодованіе. Процессъ Бомарше напротивъ того былъ простымъ тяжёлымъ дѣломъ, возникшимъ изъ-за незначительной денежной суммы и запутаннымъ происками и интригами обѣихъ состязавшихся сторонъ. Бомарше по-настоящему, при обыкновенныхъ условіяхъ, не могъ бы даже рассчитывать на сочувствіе публики, потому что онъ самъ былъ далеко не правъ, хотя, разумѣется, противники его были еще болѣе виноваты. Но ненависть общества ко всѣмъ частямъ стараго государственнаго порядка была такъ безпредѣльна, что общество все простило смѣлому Бомарше и тотчасъ превратило его въ героя и въ великаго дѣятеля, какъ только оно увидѣло въ немъ человѣка, способнаго наносить господствующей системѣ сильныя и мѣткіе удары. Дѣло было вотъ какъ. Финансистъ Дюверне, находившійся въ постоянныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ ловкимъ и предприимчивымъ Бомарше, умирая, призналъ въ своихъ бумагахъ, что онъ остался долженъ Бомарше пятнадцать тысячъ ливровъ. Наслѣдникъ Дюверне, графъ Ла-Блашъ, вздумалъ оспаривать этотъ долгъ. Бомарше, никогда неотличавшійся уступчивостью, началъ процессъ въ концѣ 1771 года. Въ 1772 году дѣло, рѣшенное первою инстанціею въ пользу Бомарше, перешло въ парламентъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ парламента Мопу. Это было собраніе, произвольно созданное королемъ Людовикомъ XV и его министромъ Мопу; оно замѣняло собою парижскій парламентъ, который за свою непокорность королевской власти былъ уничтоженъ и отправленъ въ изгнаніе. Бомарше отправился къ докладчику этого парламента, Гезману, но не успѣлъ повидаться съ нимъ и окольными путями получилъ тотъ благой совѣтъ, что для умиловленія докладчика слѣдуетъ поднести подарокъ его женѣ. Бомарше съ благодарностью принялъ этотъ совѣтъ и представилъ госпожѣ Гезманъ сто лудировъ, золотыя часы съ алмазами и пятнадцать лудировъ для передачи какому-то секретарю. Бомарше, какъ непобѣдимый кремень и кулакъ, велъ все это дѣло съ такою циническою откровенностью, что обязалъ госпожу Гезманъ отдать назадъ всѣ сокровища, если процессъ будетъ проигранъ. Госпожа Гезманъ, которой подобныя объясненія и сдѣлки были нипочемъ, совершенно согласилась на эти условія. Процессъ проигрался, потому что Ла-Блашъ съ своей стороны порадовалъ докладчика болѣе убѣдительнымъ приношеніемъ. Бомарше потребовалъ назадъ свои дары. Madame Гезманъ отдала ему часы и сто Лудировъ, но съ пятнадцатью лудирами она почему-то ни подъ какимъ видомъ не хотѣла разстаться. Бомарше, взбѣшенный

донельзя проигрышем процесса, тотчас же такъ громко разблаговѣстиль скандальную исторію о дундорахъ, что самъ Гезманъ очутился въ очень неудобномъ и опасномъ положеніи. Гезманъ рѣшился на отчаянный маневръ. Рѣшительно отрицая всю исторію о часахъ и о деньгахъ, онъ подалъ въ парламентъ форменную жалобу на Бомарше, какъ на клеветника. Теперь Бомарше очутился въ тискахъ: если съ его стороны не было клеветы, то значитъ была попытка подкупить членовъ суда. Альтернатива была печальная. Дѣло, какъ видите, пакостное во всѣхъ своихъ подробностяхъ, Бомарше вышелъ изъ этого дѣла побѣдителемъ, героемъ, мученикомъ, любимцемъ всей Европы, добродѣтельнымъ Цицерономъ и чуть-чуть не отцомъ отечества. „Бомарше, — говоритъ Геттнеръ, — обратился къ публикѣ съ четырьмя мемуарами. Неумолимо и съ непреклоннымъ мужествомъ, гнѣвомъ и одушевленіемъ преслѣдуя врага во всѣхъ его убѣжищахъ и укрѣпленіяхъ, остроумный до наглости и шутовства и въ то же время доходящій въ нравственномъ раздраженіи до истинно-поразительной возвышенности, онъ приводитъ цѣлое общественное мнѣніе въ самое живое движеніе, дѣлаетъ свой интересъ интересомъ всѣхъ, становится мстителемъ нарушенной справедливости и съ пронизательностью злобы выставляетъ всѣ тѣ страшныя интриги и преступленія, отъ которыхъ страдало тогда французское правосудіе. Впечатлѣніе, произведенное этими мемуарами, прошло всѣ слои населенія, даже всю Европу. Первый мемуаръ въ первые же два дня проданъ былъ въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ; со второго мемуара его процессъ сдѣлался, какъ тогда выражались, *la cause de la nation*, можно даже сказать, процессомъ всего образованнаго міра“. Въ своемъ четвертомъ мемуарѣ Бомарше высказалъ уже самымъ категорическимъ образомъ, какъ общепризнанную истину, мысль о верховномъ господствѣ націи. „*La nation*, — говоритъ онъ, — *n'est pas assise sur les bancs de ceux qui prononcent; mais son oeil majestueux plane sur l'assemblée. Si elle n'est jamais le juge des particuliers, elle est en tout temps le juge des juges*“. (Нація не сидитъ на скамьяхъ тѣхъ людей, которые произносятъ приговоры; но ея величественный взоръ носится надъ собою. Если она никогда не бываетъ судьей частныхъ лицъ, то она всегда бываетъ судьей судей). Кажется, ясно и выразительно. Слышатся даже ноты той вкрадчивой лести державному народу, безъ которой впоследствии не могла обойтись ни одна рѣчь революціонныхъ ораторовъ. А между тѣмъ, когда Бомарше писалъ свой четвертый мемуаръ, тогда еще жили на свѣтѣ старики, помнившіе вѣкъ того короля, который считалъ себя государствомъ. Къ числу этихъ стариковъ принадлежалъ и самъ Вольтеръ. Все разстояніе отъ чисто-турецкаго деспотизма до самодержавія народа было пройдено двумя поколѣніями. Крушныя то были люди! Умѣли они и веселиться и работать. Парламентъ Мопу въ

началъ 1774 года, приговорилъ къ ошельмованію (blâme) какъ госпожу Гезманъ, такъ и ея противника Бомарше. Ошельмованіе это влекло за собою потерю всѣхъ гражданскихъ правъ и состояло въ томъ, что осужденнаго ставили на колѣни, а президентъ произносилъ во всеуслышаніе установленную формулу; „la cour te blâme et te déclare infâme“ (судъ шельмуетъ тебя и объявляетъ тебя безчестнымъ). Собственно говоря, рѣшеніе парламента было совершенно справедливо; онъ ошельмовалъ одну сторону за то, что она брала взятки, а другую за то, что она ихъ предлагала. Мудрѣ этого и Соломонъ ничего бы не придумалъ. Но французской націи было въ то время не до мудрости парламентскихъ совѣтниковъ и не до справедливости отдѣльныхъ приговоровъ. Нація стремилась въ то время всею силою своихъ мыслей и желаній къ полному обновленію всѣхъ своихъ учреждений и къ неограниченному господству надъ всѣми отправлениями своей жизни. Когда, находясь въ такомъ напряженномъ ожиданіи грядущихъ событій, нація слышала сильную и вѣрную музыку, тогда нація называла музыканта героемъ и великимъ дѣятелемъ, нисколько не освѣдомляясь о томъ, ведетъ ли этотъ драгоценный музыкантъ трезвую и цѣломудренную жизнь. Нація была права въ своемъ инстинктѣ. Когда цѣлое общество переживаетъ тяжелый и мучительный кризисъ, тогда тихія добродѣтели частной жизни отступаютъ на самый задній планъ, оставляя поле дѣйствій совершенно открытымъ для тѣхъ могучихъ и блестящихъ дарованій, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе великой общественной задачи, поставленной на очередь медленнымъ и грознымъ теченіемъ историческихъ событій. Поэтому немудрено, что нація совершенно забыла проступокъ Бомарше, и запомнила только его великолѣпные мемуары. „Бомарше, — говоритъ Геттнеръ, — явился передъ судомъ; но общественное мнѣніе сдѣлало изъ осужденія Бомарше осужденіе парламента. Бомарше получилъ безчисленное множество визитовъ. На другой же день послѣ осужденія, принцъ Конти пригласилъ заклеяннаго на блестятельный пиръ. „Nous sommes, — говорилъ принцъ въ своемъ письмѣ, — d'assez bonne maison pour donner l'exemple à la France de la manière dont on doit traiter un grand citoyen tel que vous“. (Мы изъ достаточно хорошаго дому, чтобы подать Франціи примѣръ, какимъ образомъ слѣдуетъ обращаться съ великимъ гражданиномъ, подобнымъ вамъ). Вездѣ, куда ни показывался Бомарше, ояъ принимаемъ былъ съ восторженными криками. Парламентъ Мопу не могъ долго сопротивляться этому удару. Нападенія въ стихахъ и прозѣ становились все многочисленнѣе и сильнѣе. Онъ влачилъ свое существованіе еще нѣсколько мѣсяцевъ, презираемый и гонимый всѣми.

Принцъ королевской крови Конти не умѣлъ составить себѣ даже и приближительнаго понятія о томъ результатѣ, къ которому ведетъ бли-

стательная дѣятельность великихъ гражданъ, подобныхъ Бомарше. Въ простотѣ своей доброй души, принцъ Конти во всемъ этомъ дѣлѣ не видѣлъ ничего, кромѣ чувствительнаго пораженія, нанесеннаго парламенту Мопу. Принцъ рѣшительно не понималъ того, что общество, узнавшее свою собственную силу и сломившее эту силою одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ учреждений, войдетъ во вкусъ и будетъ подавлять своимъ могуществомъ все то, что не соответствуетъ его потребностямъ. Райское простодушіе высшей французской знати, простодушіе, до котораго нашъ испорченный вѣкъ уже не можетъ возвыситься, выразилось еще рельефнѣе по поводу того же великаго гражданина въ дѣлѣ о его знаменитой комедіи: „Свадьба Фигаро“. Комедія эта была окончена въ 1781 году. Слухи и толки о ней ходили по всему Парижу. Бомарше читалъ ее во многихъ аристократическихъ отеляхъ. Слушатели были въ восторгѣ. Но Людовикъ XVI рѣшительно не позволялъ этой комедіи появиться на сценѣ. Бомарше три года интриговалъ противъ этого запрещенія и наконецъ побѣдилъ сопротивленіе короля и, разумѣется, побѣдилъ только потому, что короля осадилъ со всѣхъ сторонъ просьбами и воплями — королева, принцы и принцессы, которымъ чрезвычайно желательно было посмотрѣть, какимъ образомъ Фигаро, при всей парижской публикѣ высшихъ и низшихъ сортовъ, будетъ отдѣлываться своими убійственными насмѣшками привилегію дворянства и всѣ закоренѣлыя несообразности стараго феодальнаго порядка. Геттеръ замѣчаетъ очень основательно, что „теперь никакая театральная цензура не потерпѣла бы подобной пьесы“. Комедія была дана въ первый разъ 27 апрѣля 1784 года. И затѣмъ театральная дирекція, въ продолженіе десяти недѣль, каждый день просвѣщала добрыхъ парижанъ „Свадьбою Фигаро“. Примѣру Парижа послѣдовали театры всѣхъ большихъ и маленькихъ провинціальныхъ городовъ. Словомъ, по милости принцевъ и принцессъ, критика старыхъ учреждений сдѣлалась доступною всѣмъ французамъ, имѣвшимъ возможность заплатить какойнибудь четвертакъ за мѣсто въ театральномъ райкѣ. Всѣ эти французы увидѣли ясно, до какой степени всѣ они единодушны въ своей ненависти къ старому злу. Всѣ они почувствовали и поняли, что учрежденія, осужденныя и осмѣянныя цѣлою націею, не могутъ существовать. А между тѣмъ принцы и принцессы продолжали простодушничать. 19 августа 1785 года, они сами разыграли „Свадьбу Фигаро“ въ маломъ Трианонѣ. Королева Марія-Антуанета исполнила роль Розины; а графъ д'Артуа, будущій король, Карлъ X, изобразилъ Фигаро и очень мило осмѣялъ все то, на чемъ основывалось его собственное величіе и благосостояніе. Эти люди утѣшались такими забавами за *четыре года* до того переворота, который однихъ повелъ на эшафотъ, а другимъ приготовилъ раззореніе и двадцатилѣтнее изгнаніе.

VII.

Въ теченіе всей второй половины XVIII вѣка вниманіе французскаго общества сосредоточивается почти исключительно на литературѣ, и притомъ преимущественно на серьезныхъ ея отрасляхъ. Героями дня и властителями думъ являются писатели. У французовъ въ это время нѣтъ ни великихъ полководцевъ, ни смѣлыхъ преобразователей, ни даже благоразумныхъ правителей. Франція Людовика XV гордится только своими книгами. Книгъ у нея дѣйствительно очень много; онѣ быстро и безостановочно появляются одна за другою; онѣ покупаются и читаются на расхватъ; онѣ обсуживаются съ самыхъ различныхъ сторонъ самые важные и интересные вопросы; онѣ говорятъ о религіи и о нравственности, о природѣ и о человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о правахъ и обязанностяхъ, о душѣ и объ умственныхъ способностяхъ, объ англійской конституціи и о республиканскихъ добродѣтеляхъ, о земледѣліи и промышленности, о собственности и о распредѣленіи богатствъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ, книги поражаютъ своихъ читателей смѣлостью и неслыханностью сужденій, которыя, при всемъ своемъ разнообразіи, оказываются всѣ до одной совершенно непримиримыми съ общеобязательнымъ кодексомъ традиціонныхъ доктринъ и съ укоренившимися формами государственной и общественной жизни. Ударъ слѣдуетъ за ударомъ. Подъ этими ударами падаютъ одно за другимъ, въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія, коренныя заблужденія, на которыхъ выросли и сложились любимыя привычки, условные идеалы, игрушечныя радости и кошечныя огорченія читающаго общества. Каждый ударъ вызываетъ бурю разнородныхъ страстей то въ обществѣ, то въ правительственныхъ сферахъ; и безъ какого нибудь удара не проходитъ почти ни одного года, такъ что умы читателей находятся въ постоянномъ напряженіи и въ безвыходной тревогѣ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ обилии сильныхъ умственныхъ впечатлѣній, которое переживала тогдашняя публика, и о той быстротѣ, съ которою самыя разнообразныя впечатлѣнія смѣнялись и тѣснились другъ друга, — надо посмотрѣть, въ какомъ хронологическомъ порядкѣ появлялись на свѣтъ самыя замѣчательныя произведенія отрицательной философіи. Я буду называть только тѣ сочиненія, которыя вошли въ исторію литературы, и вошли не столько за свое абсолютное достоинство, сколько за свое историческое значеніе. Стало бытъ, мы здѣсь будемъ имѣть дѣло

только съ такими книгами, которыя въ свое время произвели на читателей сильное и глубокое впечатлѣніе.

Въ 1748 году, Монтескье издаетъ *L'ésprit des lois* (Духъ законовъ), въ которомъ превозноситъ до небесъ англійскую конституцію, совершенно непохожую на учрежденія старой французской монархіи и составляющую для Франціи самую недостижимую изъ всѣхъ возможныхъ утій. Книга въ полтора года выдерживаетъ *двадцать два* изданія.

Въ томъ же году Дидро издаетъ свои „*Rénsées philosophiques*“ (Философскія размышленія). Парламентъ сжигаетъ эту книгу. Ее тотчасъ же издаютъ вновь и распространяютъ тайно.

Вдохновившись *размышленіями* Дидро, Ла-Меттри, около этого-же времени, издаетъ въ Голландіи двѣ книги, проникнутыя такимъ яростнымъ матеріализмомъ, котораго не можетъ выдержать даже голландское общество и изгоняетъ Ла-Меттри изъ своей среды. Непозволительныя его книги называются: „*Histoire naturelle de l'âme*“ (Естественная исторія души) и „*L'homme machine*“ (Человѣкъ-машина).

Въ 1749 году, Дидро издаетъ *письмо о слѣпыхъ* („*Lettre sur les aveugles*“) и попадаетъ за него на три мѣсяца въ Венсенскую крѣпость.

Въ 1749 году, Руссо издаетъ *Discours sur les sciences et les arts*, въ которомъ онъ доказываетъ, что цивилизація развратила человѣка. Руссо получаетъ премію отъ дижонской академіи и сразу становится европейскою знаменитостью.

Въ 1751 году выходитъ первый томъ *Энциклопедіи*.

Въ 1752 году — второй томъ *Энциклопедіи*. Поднимается жестокая буря. Сорбонна осуждаетъ книгу. Парижскій архіепископъ издаетъ противъ нея (т. е. противъ книги) пастырское посланіе. На оба тома накладываютъ запрещеніе. Вслѣдствіе всего этого *Энциклопедію* покупаютъ и читаютъ, по словамъ современника и очевидца Барбье, всѣ парижскіе лавочники и тряпичники.

Въ 1753 году, Дидро издаетъ *Interprétation de la nature* (Истолкованіе природы), а Руссо издаетъ *Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalité parmi les hommes* (Разсужденіе о причинахъ и основаніяхъ неравенства между людьми).

Въ томъ же 1753 году, выходитъ третій томъ *Энциклопедіи*. Поссорившись съ духовенствомъ, правительство стало относиться къ этому изданію довольно благосклонно.

Въ 1754 году Кондильякъ издаетъ *Traité des sensations* (Трактатъ объ ощущеніяхъ). Всѣ отправленія психической дѣятельности выводятся изъ чувственныхъ ощущеній. Психологія сводится на физиологію нервной системы.

Въ 1755 году, Морелли издаетъ *Code de la nature* (Кодексъ природы). Проектъ новаго общественнаго устройства. Всѣ люди уравни-

ваются въ правахъ. Дѣтямъ дается общественное воспитаніе. Земля и рабочіе инструменты составляютъ общую собственность. Денегъ нѣтъ и быть не должно. Трудъ обязателенъ для всѣхъ. Трудъ соразмѣряется съ силами, а вознагражденіе продуктами съ потребностями каждаго человека, по известной формулѣ: *à chacun selon ses forces, à chacun selon ses besoins*. Любопытно замѣтить, что министръ Войе-д'Аржансонъ, которому въ 1755 году было больше шестидесяти лѣтъ, прочитавши *Code de la nature*, назвалъ его *книгою книгъ* и поставилъ автора этой книги гораздо выше Монтескье. Это тотъ самый д'Аржансонъ, который принесъ въ засѣданіе Королевскаго совѣта мужицкій хлѣбъ, испеченный изъ мякины и коры, и сказалъ Людовику XV: вотъ, государь, какой хлѣбъ ѣдятъ ваши подданные! — Король отвѣчалъ съ большою находчивостью: будь я на ихъ мѣстѣ, я бы давно взбунтовался.—Если книга Морелли подѣйствовала на шестидесяти-лѣтняго министра, то не трудно себѣ представить, какъ сильно должна была она поразить болѣе молодыхъ и впечатлительныхъ читателей.

Въ 1757 году Вольтеръ издаетъ *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*, книгу, за которую Бокль не совсѣмъ основательно называетъ Вольтера величайшимъ изъ всѣхъ европейскихъ историковъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что эта книга составляетъ первый опытъ бытовой исторіи и кладетъ основаніе всей новѣйшей историографіи. При этомъ Вольтеръ конечно не упускаетъ изъ виду своей любимой идеи, такъ что всю его книгу можно назвать огромнымъ и убійственно-остроумнымъ памфлетомъ противъ суевѣрія, фанатизма, клерикализма и туманныхъ отвлеченностей.

Съ 1754 по 1756 годъ выходятъ четвертый, пятый и шестой томы *Энциклопедіи*. Главные редакторы ея, Дидро и д'Аламберъ, стараются, не измѣняя основной идеѣ, вести дѣло немного осторожнѣе.

Въ 1757 году выходитъ седьмой томъ *Энциклопедіи*, въ которомъ редакторы, ободренные затишьемъ, дѣйствуютъ смѣлѣе. Д'Аламберъ пишетъ къ Вольтеру, что седьмой томъ будетъ сильнѣе всѣхъ предыдущихъ. Вольтеръ кланяется и благодаритъ, но клерикалы бьютъ тревогу во всѣхъ своихъ журналахъ, и правительство принимаетъ ихъ сторону.

Въ 1758 году Гельвецій издаетъ книгу *De l'esprit* (О разумѣ). Изъ ощущеній физической боли [и физического удовольствія выводятся всѣ человѣческія страсти, чувства и поступки. Эгоизмъ признается единственнымъ двигателемъ всякой человѣческой дѣятельности, какъ самой преступной, такъ и самой возвышенно-честной и героической. Добромъ называется то, что согласно съ общимъ интересомъ, а зломъ то, что вредитъ этому интересу и подрываетъ существованіе общества. Человѣкъ дѣлаетъ добро и зло вслѣдствіе одинаковыхъ побужденій, т. е. вслѣдствіе того удовольствія, которое доставляетъ или общаетъ ему данный посту-

покъ. — Противъ этой книги поднимается жестокая буря; иезуиты и яansenисты преслѣдуютъ ее общими силами; парижскій архіепископъ совершенно справедливо видитъ въ ней отрицаніе свободной воли и нравственнаго закона; Сорбонна повторяетъ и усиливаетъ эти обвиненія; государственный прокуроръ усматриваетъ въ книгѣ Гельвеція собраніе самыхъ опасныхъ ученій, пущенныхъ въ ходъ *Энциклопедіей*. Книгою недовольны даже и сами философы; Вольтеръ, Дидро, Бюффонъ, и Гриммъ осуждаютъ ее, какъ собраніе парадоксовъ, или отзываются о ней насмѣшливо.

Въ 1759 году книгу Гельвеція публично сжигаютъ по опредѣленію парламента; цензора Терсе, дозволившаго ея печатаніе, отставляютъ отъ службы. Между тѣмъ книга раскупается; въ самое короткое время она выдерживаетъ *пятьдесятъ* изданій; ее переводятъ почти на всѣ живые языки Европы. Гельвецій становится европейскою знаменитостью.

Въ томъ же 1759 году, черезъ мѣсяць послѣ сожженія книги Гельвеція, слѣдственная коммисія, наряженная по дѣлу объ *Энциклопедіи*, приводитъ свои работы къ благополучному окончанію. Привиллегія, выданная отъ правительства въ 1746 году на изданіе *Энциклопедіи*, уничтожается; продажа вышедшихъ и слѣдующихъ томовъ запрещается „во вниманіе того, что польза, приносимая искусству и наукѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ вреду, приносимому религіи и нравственности.“

Въ томъ же 1759 году, Кенэ издалъ книгу *Essai sur l'administration des terres*, которая, вмѣстѣ съ книгою „*Tableau économique*“, изданною въ 1758 году, составляетъ основаніе теоріи *физиократовъ*, т. е. экономистовъ, старавшихся обратить вниманіе правительства на земледѣліе, какъ на единственный источникъ народнаго богатства. Этихъ экономистовъ можно назвать продолжателями Вобана и Буагильбера. Подобно этимъ двумъ писателямъ, они нисколько не возстаютъ противъ деспотизма, не требуютъ никакихъ конституціонныхъ гарантій и желаютъ только, чтобы правительство сдѣлалось хорошимъ хозяиномъ, понимающимъ свои собственные интересы. Направленіе всей школы характеризуется слѣдующими словами, составляющими эпиграфъ къ главному сочиненію Кенэ, „*Tableau économique*“: „*Rauires paysans, rauires royaume; rauires royaume, rauires roi*“. (Когда бѣдны мужики, тогда бѣдно государство; когда бѣдно государство, тогда бѣденъ король). Средства, предлагавшіяся физиократами для устраненія бѣдности, признаны теперь односторонними и неудовлетворительными; но важное значеніе этихъ писателей обуславливается не положительными ихъ проэктми, а отрицательною стороною ихъ дѣятельности; всѣ они твердятъ обществу постоянно, что Франція бѣдна и быстрыми шагами идетъ къ окончательному раззоренію. Эти слова, подтвержденные множествомъ прилежно собранныхъ фактовъ, дѣйствуютъ на общество и дѣйствуютъ такъ сильно, что уже въ 1759 году Вольтеръ въ своихъ письмахъ жалуется на охлажденіе общества къ

изящной словесности. „Грація и вкусъ, говоритъ онъ, кажется, изгнаны изъ Франціи и уступили мѣсто запутанной метафизикѣ, политикѣ мечтателей, громаднѣмъ разсужденіямъ о финансахъ, о торговлѣ, о народонаселеніи, которыя не прибавяютъ государству ни одного эку, ни одного лишняго человѣка.“ Надо полагать, что *грація и вкусъ* прибавляютъ государству и то и другое!

Въ 1761 году, Руссо издаетъ свой романъ „La nouvelle Héloïse“. *Грація и вкусъ* торжествуютъ, не смотря на успѣхи экономистовъ. Романъ распродается съ безпримѣрною и невѣроятною быстротою. Основные мотивы *Новой Элоизы* — любовь, добродѣтель и сельская природа. Знатныя дамы проводятъ надъ этимъ романомъ цѣлыя ночи на пролетъ, забывая о балѣ, который ожидаетъ ихъ, и о запряженной каретѣ, которая стоитъ у подъѣзда. Въ библиотекѣ для чтенія является такое множество читателей, требующихъ себѣ *Новую Элоизу*, что плата назначается за чтеніе этой книги не по днямъ, а по часамъ, за часъ платится по 12 су.

Въ 1762 году, Руссо издаетъ книгу *Emile ou de l'éducation* (Эмилъ или о воспитаніи). Въ этой книгѣ находится знаменитое *profession de foi du vicaire savoyard* (Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія), въ которомъ Руссо опровергаетъ клерикаловъ съ одной стороны, и матеріалистовъ съ другой стороны. Блистательный успѣхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ буря въ клерикальныхъ и правительственныхъ сферахъ. Въ парламентѣ начинаютъ говорить, что вмѣстѣ съ книгами слѣдуетъ сжигать и авторовъ. Книгу сжигаютъ; автора посылаютъ арестовать, но онъ бѣжитъ за границу. Женева, въ которой Руссо ищетъ себѣ пристанища, гонитъ его вонъ. Бернъ поступаетъ точно также. Наконецъ Руссо находитъ себѣ пріютъ въ княжествѣ Нѣвшательскомъ, которое въ то время принадлежало Пруссіи. Между тѣмъ отъ всѣхъ этихъ преслѣдованій цѣна *Эмиля* быстро растетъ. Книга, стоившая сначала восемнадцать ливровъ, продается за два луидора. Ее перепечатаваютъ въ Голландіи и распространяютъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Одинъ офицеръ, увлеченный идеями *Эмиля*, стремится бросить службу и учиться столярному ремеслу. Самъ Руссо отклоняетъ его отъ этого намѣренія. Начитавшись *Эмиля*, знатныя барыни начинаютъ сами кормить своихъ дѣтей. Это кормленіе входитъ въ моду и производится въ гостинныхъ, собственно для того, чтобы посторонніе мужчины видѣли, во первыхъ сокровища материнской нѣжности, а во вторыхъ красоту обнаженной груди. Въ томъ же 1762 году, Руссо издаетъ книгу: „*Du contrat social ou principes du droit politique*“ (Объ общественномъ договорѣ или принципы государственнаго права). Этою книгою Руссо владетъ основаніе республиканской школѣ, такъ точно какъ Монтескье своимъ *Духомъ законовъ* положилъ основаніе конституціонной школѣ.

Contrat social сдѣлался вполнѣдствіи настольною книгою Робеспьера и былъ положенъ въ основаніе той конституціи, которую выработалъ конвентъ въ 1793 году. *Эмиль* и *Общественный договоръ* доставили своему автору громадную популярность. „Трудно выразить, писалъ Юмъ изъ Парижа въ 1765 году, — даже вообразить народный энтузіазмъ къ нему. Никто никогда не обращалъ на себя въ такой степени народное вниманіе. Вольтеръ и всѣ другіе совершенно затемнены имъ“. Въ томъ же 1762 году, Вольтеръ написалъ свое сочиненіе о *терпимости* въ защиту казненнаго Каласа. О впечатлѣніи, произведенномъ этою книгою на весь образованный міръ, уже было говорено выше.

Въ 1764 году, правительство запрещаетъ изданіе какихъ бы то ни было сочиненій по вопросамъ, касающимся государственнаго управленія.

Въ 1766 г., выходятъ послѣдніе десять томовъ *Энциклопедіи*. Клерикалы плачутъ и шумятъ. Правительство сажаетъ книгопродавцевъ на недѣлю въ Бастилью. Продажа книги продолжается. Министръ Шуазель и директоръ книжной торговли Малербъ тянутъ руку энциклопедистовъ и успѣваютъ, разными придворными хитростями, склонить короля къ снисходительности. Правительство рѣшается смотрѣть сквозь пальцы на продажу *Энциклопедіи*, которая расходится великолѣпно. Уже въ 1769 году было распродано *тридцать тысячъ* экземпляровъ, и чистый барышъ книгопродавцевъ-издателей дошелъ до 2,630,393 ливровъ, не смотря на то, что печатаніе стоило 1,158,958 ливровъ.

Въ томъ же 1766 году, Гурнэ издалъ книгу „*Essai sur l'esprit de la législation favorable à l'agriculture*“ (Опытъ о духѣ законодательства, благоприятнаго для земледѣлія). Гурнэ принадлежитъ къ одному лагерю съ Кенэ. Это опять разсужденія о финансахъ, о бѣдности и о народномъ хозяйствѣ, разсужденія, совершенно враждебныя *граціямъ* и *вкусу*. Это—протесты противъ барщины, противъ обременительныхъ налоговъ, противъ цѣховыхъ стѣсненій, противъ внутреннихъ таможенъ, противъ мелочной и произвольной правительственной регламентаціи.

Въ 1767 году, правительство угрожаетъ смертною казнью каждому писателю, котораго сочиненія клонятся къ волнованію умовъ. Въ то же время писателямъ запрещается, подъ страхомъ смертной казни, разсуждать о финансахъ.

Въ томъ же 1767 году, Мерсье де-ла-Ривьеръ издаетъ книгу: „*L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*“ (Естественный и необходимый порядокъ гражданскихъ обществъ). Авторъ обсуживаетъ, съ точки зрѣнія физиократовъ, всевозможные вопросы государственнаго управленія и народнаго хозяйства. Правительственныя запрещенія и угрозы остаются мертвою буквою.

Въ 1768 году, Кенэ издаетъ книгу „*Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain*“ (Физио-

кратія, или естественное устройство правленія, самаго выгоднаго для чело-вѣческаго рода). Задача поставлена широко, и на запрещенія правительства обращается мало вниманія.

Въ томъ же 1768 году, Гольбахъ издаетъ книгу: *Lettres à Eugénie ou préservatif contre les préjugés* (Письма къ Евгеніи или предохранительное средство противъ предразсудковъ). Эта книга, подобно всѣмъ остальнымъ сочиненіямъ Гольбаха, выходитъ въ свѣтъ безъ имени автора, потому что всѣ произведенія этого писателя проповѣдуютъ такой необузданный матеріализмъ, который приводитъ въ ужасъ даже многихъ философовъ вольтеровской школы.

Въ 1770 году, Галіани издаетъ: „*Dialogues sur le commerce des blés*“ (Диологи о хлѣбной торговлѣ). Здѣсь начинается полемика съ фізіократами, которые сосредоточивали все свое вниманіе на земледѣліи. Галіани выдвигаетъ впередъ вопросъ о промышленномъ трудѣ и о фабричномъ работницѣ. Въ книгѣ Галіани заключаются уже, по мнѣнію Геттнера, зародыши новѣйшей соціальной науки.

Въ 1770 году, Гольбахъ издаетъ книгу: „*Système de la nature*„ (Система природы). Бокль считаетъ появленіе этого сочиненія важною эпохою въ исторіи Франціи. Объ этой книгѣ принято говорить не иначе, какъ съ добродѣтельнымъ ужасомъ и негодованіемъ. Даже Гёте, который никогда не былъ ни клерикаломъ, ни даже деистомъ, говоритъ, что онъ едва могъ выносить присутствіе этой книги и содрогался передъ нею, какъ передъ привидѣніемъ. Вольтеръ, Фридрихъ Великій и д'Аламберъ были глубоко возмущены *Системою природы*. Вольтеръ старался уничтожить ее серьезными аргументами и легкими сарказмами. Однако же книга устояла, и самъ Вольтеръ былъ принужденъ признаться печатно, что она распространена во всѣхъ классахъ общества и что ее читаютъ ученые, невѣжды и женщины. Изъ всѣхъ первоклассныхъ дѣятелей французской литературы, только одинъ Дидро совершенно одобрилъ книгу Гольбаха.

Въ 1773 году Бомарше печатаетъ свои защитительные мемуары. Ихъ сжигаетъ палачъ, и, разумѣется, они вслѣдствіе этого раскупаются съ удвоенною быстротою.

Въ 1774 году Тюрго, самый замѣчательный изъ фізіократовъ, издаетъ свои „*Recherches sur la nature et l'origine des richesses*“ (Исслѣдованіе о природѣ и происхожденіи богатствъ).

Въ томъ же 1775 году Бомарше ставитъ на сцену „*Севильскаго цирюльника*“, въ которомъ плебей Фигаро дурачитъ и осмѣиваетъ знатныхъ господъ.

Въ 1776 году, Мабли издаетъ книгу „*De la législation ou principes des lois*“ (О законодательствѣ, или принципы законовъ). Всѣ люди, по мнѣнію Мабли, имѣютъ одинаковое право развивать свои способности и

наслаждаться своимъ существованіемъ. Кто удерживаетъ для самого себя излишекъ, необходимый для жизни его ближняго, тотъ, по мнѣнію Мабли, вноситъ въ общество понятіе войны, извращаетъ божественный порядокъ міра и оказывается безбожникомъ.

Въ 1778 году, старикъ Вольтеръ пріѣзжаетъ въ Парижъ. Его встрѣчаютъ такъ, какъ не встрѣчали никогда владѣтельныхъ особъ. Демонстраціи парижанъ до такой степени замѣчательны и такъ ярко характеризуютъ тогдашнее настроеніе умовъ, что я считаю необходимымъ привести здѣсь слова очевидца Гримма, внесенныя Геттнеромъ въ его „Исторію литературы XVIII вѣка“.

„Сегодня, 31 марта, знаменитый старикъ въ первый разъ былъ въ академіи и въ театрѣ. Огромная толпа людей слѣдовала за его экипажемъ даже во дворы Лувра, желая его видѣть. Всѣ двери, всѣ входы академіи были заняты; потокъ раскрылся только, чтобы дать ему мѣсто, и потомъ быстро сомкнулся снова и съ громкой радостью привѣтствовалъ его. Вся академія вышла ему на встрѣчу въ первую залу, — честь, которой не получалъ еще никто изъ ея членовъ, даже никто изъ иностранныхъ государей. Ему назначили мѣсто директора и выбрали его единогласно директоромъ... Когда онъ ѣхалъ отъ Лувра къ театру, это было совершенно похоже на триумфъ. Все было переполнено людьми обоого пола, всякаго возраста и званія. Едва только показывалась вдали карета, раздавался всеобщій радостный кличъ; съ приближеніемъ его, восклицанія, аплодисменты и восторгъ удваивались. Наконецъ, когда толпа видѣла уже почтеннаго старика, отягощеннаго столькими годами, столькой славой, видѣла, какъ онъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ, выходилъ изъ экипажа, умиленіе и удивленіе достигало высшей степени. Всѣ улицы, всѣ балюстрады домовъ, лѣстницы, окна, были усыпаны зрителями, и едва останавливалась карета, какъ все лѣзло на колеса и на экипажъ, чтобы посмотрѣть вблизи на знаменитаго человѣка. Въ самомъ театрѣ, гдѣ Вольтеръ вошелъ въ камергерскую ложу, суматоха радости, казалось, стала еще больше. Онъ сидѣлъ между г-жей Дени и г-жей де-Виллетъ. Знаменитѣйшій изъ актеровъ, Бризаръ, подаль дамамъ лавровый вѣнокъ съ просьбой увѣнчать старика. Но Вольтеръ тотчасъ положилъ вѣнокъ въ сторону, хотя публика громкими криками и рукоплесканіями заставляла его оставить на головѣ. Всѣ дамы стояли. Вся зала наполнилась пылью отъ передвиженія человѣческой массы. Только съ трудомъ можно было начать пьесу. Когда занавѣсъ упалъ, шумъ поднялся снова. Старикъ всталъ съ своего мѣста, чтобы благодарить, и тогда посреди сцены явился на высокомъ пьедесталѣ бюстъ великаго человѣка; его окружили всѣ актеры и актрисы съ вѣнками и гирляндами изъ цвѣтовъ; на заднемъ планѣ стали воины, выходившіе въ пьесѣ. Имя Вольтера раздавалось изъ всѣхъ устъ; это было восклицаніе радо-

сти, благодарности и удивленія; зависть, ненависть, фанатизмъ и нетерпимость должны были скрыть свою злобу, и общественное мнѣніе въ первый разъ, быть можетъ, высказалось свободно и въ полномъ блескѣ. Бризаръ положилъ на бюстъ первый вѣнокъ, за нимъ слѣдовали другіе актеры, наконецъ г-жа Вестрисъ обратила къ виновнику торжества нѣсколько стиховъ, написанныхъ маркизомъ Сен-Маркомъ, которые торжественно высказывали, что лавровый вѣнокъ даетъ ему сама Франція. Минута, когда Вольтеръ оставлялъ театръ, была, если можно, еще трогательнѣе, чѣмъ его вступленіе. Казалось, онъ изнемогалъ подъ тяжестью лѣтъ и лавровъ. Кучера просили ѣхать потише, чтобъ можно было идти за нимъ: большая часть народа провожала его, съ криками: „Да здравствуетъ Вольтеръ“!

Послѣ этого торжества, разумѣется, не осталось во всемъ Парижѣ ни одного блузника, которому было бы неизвѣстно имя Вольтера и который не имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, самаго общаго и неопредѣленнаго понятія о его заслугахъ. Каждый блузникъ зналъ, по меньшей мѣрѣ то, что Вольтеръ — писатель, и что писатель своими трудами можетъ сдѣлаться идоломъ и гордостью цѣлаго народа. Это уже очень важно и многозначительно, когда одно имя повторяется съ благоговѣніемъ во всѣхъ слояхъ общества.

Черезъ два мѣсяца послѣ своего триумфальнаго шествія, Вольтеръ умираетъ. Во избѣжаніе всякихъ выразительныхъ демонстрацій, правительство на нѣсколько времени запрещаетъ актерамъ играть драмы Вольтера и не позволяетъ журналистамъ упоминать о его смерти.

Между тѣмъ, событія идутъ своимъ чередомъ, и положеніе съ каждымъ годомъ становится болѣе напряженнымъ. Я закончу мой хронологическій перечень слѣдующими тремя фактами.

Въ 1781 году, министръ Неккеръ печатаетъ свой „Compte rendu“ (Отчетъ) о состояніи французскихъ финансовъ. Отчетъ этотъ клонился къ тому, чтобы сломить сопротивление привилегированныхъ классовъ и самого короля давленіемъ общественнаго мнѣнія. Поэтому этотъ отчетъ имѣетъ чисто обличительное направленіе и производитъ на общество потрясающее впечатлѣніе. Болѣе 6,000 экземпляровъ раскупается въ первый же день; а потомъ, постоянная работа въ двухъ типографіяхъ не успѣваетъ удовлетворять всѣхъ требованій изъ столицы, изъ провинцій и изъ-за границы. Отчетъ Неккера лежитъ въ карманѣ у cadaго аббата и на туалетѣ у каждой дамы. Другое сочиненіе Неккера „Administration des finances“ расходится въ 80,000 экземпляровъ.

27 апрѣля 1784 года, была дана въ первый разъ комедія Бомарше „Свадьба Фигаро“. „Съ ранняго утра, — говоритъ Геттнеръ, — Théâtre Français былъ осаждаемъ массаи. Знатныя дамы обѣдали въ актерскихъ ложахъ, чтобы обезпечить себѣ хорошія мѣста; въ толпѣ, какъ

разсказываютъ достовѣрныя извѣстія, три человѣка были задавлены. Впечатлѣніе было неслыханное въ исторіи сцены. Шестьдесятъ восемь представленій даны были безъ перерыва одно за другимъ“. — Гриммъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ значеніе комедій Бомарше: „Много и вѣрно говорено было о великомъ вліяніи Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, самый народъ мало однако читалъ этихъ писателей. Но представленіе *Свадьбы Фигаро* и *Цирюльника* безвозвратно предало правительство, судъ, дворянство и финансовый міръ на осужденіе всего населенія, всѣхъ большихъ и маленькихъ городовъ“.

Въ 1787 году, архіепископъ тулузскій, Ломени де-Бриеннъ, бывшій въ то время первымъ министромъ, представилъ парижскому парламенту королевскій эдиктъ, предоставлявшій протестантамъ всѣ тѣ гражданскія права, которыми до того времени пользовались только одни католики. Парламентъ, не смотря на свое тогдашнее оппозиціонное настроеніе, безпрекословно внесъ эдиктъ въ протоколъ и придалъ ему такимъ образомъ силу закона. Итакъ король, парламентъ и церковь, въ лицѣ архіепископа тулузскаго, признали необходимость полной вѣротерпимости. Такимъ неслыханнымъ чудомъ Франція была обязана исключительно своей литературѣ, которая тихо и незамѣтно переработала всѣ понятія не только въ обществѣ, но даже и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Людовикъ XVI былъ также сыномъ своего вѣка, и роль Людовика XIV была ему не только не по силамъ, но и не по убѣжденіямъ. Старшій порядокъ опротивѣлъ даже и самому королю.

VIII.

Сухая и сжатая хроника, наполняющая предыдущую главу, необходима читателю для того, чтобы онъ могъ бросить общій взглядъ на всю совокупность разнообразныхъ умственныхъ впечатлѣній, пережитыхъ читающею Франціею, а вслѣдъ за нею и всею мыслящею Европою, во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Разсматривая внимательно эту хронику, читатель увидить три различныя теченія идей — три теченія, дѣйствовавшія на умы съ одинаковою силою и въ одно время.

Во первыхъ, работы экономистовъ Кенэ, Гурнэ, Мерсье-де-ла-Ривьера и многихъ другихъ. Эти люди критикуютъ терпѣливо, внимательно и добросовѣстно тѣ части и отрасли феодальнаго порядка, которыя соприкасаются съ народнымъ хозяйствомъ и дѣйствуютъ на производительныя силы Франціи. Этимъ людямъ часто недостаетъ ширины взглядовъ, но за то они всегда превосходно знаютъ тѣ факты, о которыхъ они го-

ворять. Ихъ можно упрекнутьъ въ односторонности, но никогда нельзя заподозрить въ поверхностномъ диллетантизмѣ.

Во вторыхъ, труды энциклопедистовъ, продолжающихъ дѣло Вольтера и уничтожающихъ послѣднія основанія клерикализма и штегизма.

Въ третьихъ, дѣятельность писателей, рисующихъ яркія картины того всеобщаго благополучія, къ которому должно стремиться человѣчество и которое не можетъ быть достигнуто при существованіи старыхъ учреждений. Самымъ сильнымъ представителемъ этого послѣдняго направления является Жанъ-Жакъ-Руссо.

Объ экономистахъ я распространяться не буду, во первыхъ потому, что для этого пришлось бы вдаваться въ очень подробныя изслѣдованія о хозяйственныхъ нелѣпостяхъ старой французской монархіи, а во вторыхъ потому, что уже въ 1776 году идея французскихъ физиократовъ были совершенно опрокинуты знаменитою книгою Адама Смита о народномъ богатствѣ. Такъ какъ главное сочиненіе Кенэ „Tableau économique“ вышло 1758 году, то, стало быть, могущество физиократовъ продолжалось всего восемнадцать лѣтъ. Главная же ихъ ошибка состояла въ томъ, что они видѣли въ землѣ единственный источникъ народнаго богатства, и трудъ земледѣльца считали единственнымъ производительнымъ трудомъ, имѣющимъ право на исключительное поощреніе со стороны государства. Слово *физиократія* значитъ *господство природы*. Французскіе экономисты прошлаго столѣтія придали своему ученію это названіе потому, что они старались доставить рѣшительное преобладаніе тѣмъ интересамъ, которые опираются на землю, на почву, на производительныя силы самой природы.

Гораздо обширнѣе было вліяніе представителей общественныхъ теорій и энциклопедистовъ. Ихъ идея глубоко волновали всю Европу, и, облекаясь постоянно въ новыя формы, продолжаютъ дѣйствовать и развиваться до нашего времени. Поэтому, я считаю необходимымъ остановиться здѣсь сначала на дѣятельности Руссо, а потомъ на міросозерцаніи энциклопедистовъ.

Въ настоящее время всѣ или почти всѣ мыслящіе люди убѣждены въ томъ, что человѣчество постоянно идетъ впередъ, совершенствуется и развивается. Кто признаетъ теорію прогресса, тотъ знаетъ также, что этотъ прогрессъ совершается не по произволу отдѣльныхъ личностей, а по общимъ и неизмѣннымъ законамъ природы. Но въ пониманіи обѣихъ великихъ идей — прогресса и законности надо тщательно избѣгать двухъ нелѣпыхъ крайностей, ведущихъ за собою самый безсмысленный оптимизмъ. Человѣчество подвигается впередъ — это вѣрно; но никакъ не слѣдуетъ думать, что каждый шагъ человѣчества есть непременно шагъ впередъ, и каждое движеніе — движеніе къ лучшему. Напротивъ того человѣчество подвигается впередъ не по прямой линіи, а зигзагами;

каждый успѣхъ покупается цѣною многихъ ошибочныхъ попытокъ. Правда, что ошибки эти не пропадаютъ совершенно даромъ; онѣ увеличиваютъ запасъ опытности; онѣ до нѣкоторой степени предохраняютъ отъ ошибокъ въ будущемъ; но ошибки все-таки остаются ошибками; и въ ту минуту, когда нація гонится за призракомъ или отворачивается отъ своей существенной выгоды, — никакъ не возможно утверждать, что нація поступаетъ очень благоразумно и что ея дѣла улучшаются.

Тоже самое надо сказать и объ идеѣ законности. Никакъ не слѣдуетъ утверждать, что отдѣльныя личности своими поступками, своими личными качествами, складомъ ума и особенностями характера не могутъ подѣйствовать ни въ дурную, ни въ хорошую сторону на общее теченіе событій. Напротивъ того, отдѣльныя личности постоянно дѣйствуютъ то въ дурную, то въ хорошую сторону, но ихъ вліянія взаимно уравновѣшиваются и становятся незамѣтными, если мы беремъ для разсмотрѣнія достаточно большіе періоды времени, напримѣръ, цѣлыя тысячелѣтія. Если бы мы могли, напримѣръ, взглянуть на положеніе Европы въ 2866 году, то мы, разумѣется, никакъ не могли бы опредѣлить, въ какомъ направленіи подѣйствовали на европейскую цивилизацію личный характеръ и военные таланты Наполеона I. Оказалось бы, что всѣ слѣды его вліянія совершенно изглажены, и Европа прошла въ тысячелѣтіе какъ разъ тотъ путь, который она должна была пройти по вѣчнымъ и неизблемымъ законамъ природы. Но если вы теперь, въ 1866 г., вздумаете утверждать, что умъ и характеръ Наполеона I не имѣли никакого вліянія на ходъ событій, то вамъ скажутъ, что будь, напримѣръ, у Наполеона I поменьше военныхъ талантовъ и тщеславія, да побольше благоразумія, тогда бы вся Европа съ 1807 г. наслаждалась бы глубокимъ миромъ, и тогда не было бы той бѣшеной католической реакціи, которая могла развернуться въ полномъ блескѣ только подъ покровительствомъ торжествующаго легитимизма. У Наполеона была своя историческая задача, не особенно завидная и блестящая, но все-таки такая, которую можно было выполнить хорошо и выполнить дурно. Послѣ того какъ революція была остановлена на всемъ ходу, военная диктатура сдѣлалась сначала возможною, а потомъ неизбежною; но можно было воспользоваться ею благоразумно, и воспользоваться нелѣпо; то или другое употребленіе доктрины зависѣло уже вовсе не отъ великихъ и общихъ причинъ, а просто отъ личныхъ особенностей диктатора. Наполеонъ выполнилъ свою задачу отвратительно дурно, и тѣ люди, которымъ приходится жить въ ближайшія десятилѣтія, чувствуютъ на себѣ дурныя послѣдствія его ошибокъ. То же самое можно сказать и обо всякой другой исторической задачѣ, достоящейся на долю отдѣльной личности; каждая задача можетъ быть рѣшена и очень хорошо, и очень дурно, и съ грѣхомъ пополамъ. Въ половинѣ XVIII вѣка стояла на очереди важ-

ная задача. Надо было повернуть против феодального государства то отрицание, которое в первой половине столетия действовало исключительно против клерикальной партии. Надо было громко объявить людям, что пора перейти от смелых мыслей к смелым делам. Эту задачу решил Руссо. Слово его было достаточно громко и увлекательно. Люди восторженились, и передь ними открылась перспектива новой жизни. А между тем нельзя не пожалеть о том, что решение этой капитальной задачи досталось именно Жань-Жаку Руссо. Нельзя не сказать, что Европа осталась бы в больших барышах, если бы Руссо умерь в цветъ лѣтъ, не напечатавши ни одной строки. Руссо решил задачу, но на свое решение онъ положилъ грязные слѣды своей бабьей, плаксивой, взбалмошной, расплывающейся, мелочной, и въ то же время фальшивой, двоедушной и фарисейской личности. У Руссо былъ тотъ талантъ, былъ тотъ умъ, были тѣ страсти, которые были необходимы для решения задачи. Но кромѣ того у Руссо было многое множество болѣзней, слабостей, пошлостей и гнусностей, безъ которыхъ основатель французской социальной науки могъ бы обойтись съ величайшимъ удобствомъ для самого себя, и съ огромною пользою для своего дѣла. Такъ, напримеръ, Руссо не было ни малѣйшей необходимости страдать разстройствомъ мочеваго пузыря и хроническою бессонницею. Дѣло всеобщей перестройки очевидно выиграло бы, если бы ея первымъ мастеромъ былъ человекъ совершенно здоровый, крѣпкій, веселый, дѣятельный и неутомимый.

Читатели мои ужасаются или смѣются. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, толковать о мочевоомъ пузырьѣ, когда разсматривается решение великой исторической задачи? Чтѣ общаго имѣеть мочевои пузырь Руссо съ идеями Эмиля и общественного договора? — Къ сожалѣнью, эти вещи имѣють между собою гораздо больше точекъ соприкосновения, чѣмъ вы предполагаете, господа идеалисты. Я докажу вамъ это словами самого Руссо. Въ 1752 году была дана съ большимъ успѣхомъ, на придворномъ театрѣ комическая опера Руссо: „Деревенскій гадатель“. Король, которому очень понравилась музыка, выразилъ желаніе, чтобы Руссо былъ ему представленъ. Теперь выступаетъ на сцену мочевои пузырь. „Вслѣдъ за мыслью о представленіи, говоритъ Руссо въ своихъ признаніяхъ (которые г. Устряловъ напрасно назвалъ въ русскомъ переводѣ *Исповѣдью*), я задумался надъ необходимостью часто выходить изъ комнаты, вслѣдствіе моеи болѣзни, чтѣ заставило меня много страдать въ вечеръ, проведенный въ театрѣ, и чтѣ могло мучить меня и на слѣдующій день, когда мнѣ предстояло быть въ галереѣ или въ комнатахъ короля, среди всѣхъ вельможъ, ожидающихъ появленія его величества. Эта болѣзнь была главной причиною, по которой я держалъ себя въ сторонѣ отъ собраний, и которая не позволяла мнѣ ходить въ гости къ женщинамъ.

Одна мысль о томъ положеніи, въ которое могла поставить меня эта потребность, была способна усилить ее до такой степени, что мнѣ сдѣлалось бы дурно, или дѣло не обошлось бы безъ скандала, которому я предпочелъ бы смерть. Только люди знакомые съ такимъ состояніемъ могутъ понять, какъ страшно подвергать себя такой опасности". — Самъ Руссо, какъ видите, признается, что *болѣзнь была главною причиною*, удалявшею его отъ людей. Надо замѣтить, что эта болѣзнь была у него врожденною. Значитъ, онъ съ самаго дѣтства чувствовалъ въ обществѣ постоянное безпокойство. Эта совершенно опредѣленная боязнь должна была наконецъ породить въ немъ общую неразвязность и застѣнчивость; эти особенности вызывали шутки и насмѣшки товарищей; отъ этихъ шутокъ и насмѣшекъ робость должна была увеличиваться, и къ ней должна была присоединяться злобная недовѣрчивость къ людямъ и, какъ подкладка этой недовѣрчивости, тоскливо-сентиментальное стремленіе къ какимъ-то лучшимъ людямъ, сладкимъ, чувствительнымъ, нѣжнымъ и слезливымъ. Всѣ *Признанія* Руссо составляютъ одну длиннѣйшую и скучнѣйшую жалобу на то, что люди не умѣютъ его понимать, не умѣютъ любить, стараются всячески избидѣть, составляютъ противъ него заговоры и причиняютъ его прекрасной душѣ такія страданія, которыя имъ, простымъ и грубымъ людямъ, даже совершенно недоступны. И Руссо напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы наплевать на людей и удалиться въ пустыню, на лоно природы, которая никому не мѣшаетъ *часто выходить изъ комнаты*. Но Руссо такъ мелочень, что онъ никакъ не можетъ дѣйствительно наплевать на людей; его тревожитъ каждая свѣтская сплетня, какъ бы она ни была невинна или глупа; въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ онъ отыскиваетъ себѣ оскорбленіе; на каждомъ шагу онъ, отшельникъ и мудрецъ, вламывается въ амбицію; лѣзетъ объясняться, выказываетъ свое достоинство, визжитъ, плачетъ, кидается въ объятія и вообще надоѣдаетъ всѣмъ своимъ знакомымъ до такой степени, что всѣ дѣйствительно начинаютъ тяготиться его присутствіемъ. Руссо ненавидитъ то общество, въ которомъ онъ живетъ, но въ этой ненависти нѣтъ ничего высокаго и прекраснаго. Онъ ненавидитъ въ немъ не тѣ крупныя препятствія, которыя парализуютъ полезную дѣятельность; онъ ненавидитъ только какія-то мелкія несовершенства: отдѣльныхъ личностей, безчувственность злодѣя Дидро, суровость негодяя Гольбаха, высокомеріе изверга Гримма, неискренность мерзавки д'Эппине. Въ *Признаніяхъ* радикала Руссо вы не найдете ни одной сильной и глубоко-прочувственной политической ноты, но за то найдете груды замысловатыхъ соображеній о коварныхъ проискахъ Дидро и Гольбаха противъ репутаціи кроткаго и добродѣтельнаго Жанъ-Жака.

Политическая дряблость радикала Руссо была такъ велика, что онъ по какому-то ничтожному личному поводу напалъ печатно на Дидро и

объявилъ публикѣ о своемъ разрывѣ съ нимъ въ то самое время, когда Дидро, какъ редакторъ *Энциклопедіи*, несъ на себѣ всю тяжесть правительственныхъ и елерикальных преслѣдованій. Сень-Ламберъ, которому Руссо, по старой дружбѣ, послалъ свою ядовитую брошюру, отвѣчалъ ему убійственнымъ письмомъ, котораго не дай Богъ никому получить отъ стараго друга. „Поистинѣ, милостивый государь, пишетъ Сень-Ламберъ, я не могу принять вашего подарка. При чтеніи того мѣста вашего предисловія, гдѣ вы, по поводу Дидро, приводите выписку изъ еклезіаста, книга выпала у меня изъ рукъ... Вамъ не безъизвѣстны преслѣдованія, которыя онъ терпитъ, а вы примѣшиваете голосъ стараго друга къ крикамъ зависти. Не могу скрыть отъ васъ, милостивый государь, какъ возмущаетъ меня подобная жестокость... Милостивый государь, мы слишкомъ расходимся въ нашихъ принципахъ, чтобъ имѣть возможность сойтись когда нибудь. Забудьте мое существованіе; это не должно быть для васъ трудно... Я же, милостивый государь, обѣщаю вамъ забыть вашу особу и помнить только ваши таланты.“ И Руссо самодовольно выписываетъ это письмо въ своихъ *Признаніяхъ*, считая себя и въ этомъ случаѣ жертвою человѣческой испорченности.

Болѣзнь Руссо развивала въ немъ любовь къ уединенію, а уединеніе развивало мечтательность. Руссо самъ рассказываетъ, какимъ образомъ онъ въ лѣсахъ Монморанси окружалъ себя идеальными существами и проливалъ сладостныя слезы надъ великими добродѣтелями Юліи и Сень-Пре, гороевъ *Новой Элоизы*. Болѣзнь внушала Руссо отвращеніе къ дѣятельной и тревожной жизни: въ то время, когда все кругомъ Руссо кипѣло ожесточенною борьбою, Самъ Руссо мечталъ только о томъ, какъ бы найди себѣ гдѣ нибудь спокойный уголокъ и устроить вокругъ себя любезную идиллію. Такъ какъ борьба, требующая постоянныхъ и разнообразныхъ столкновеній съ людьми, была рѣшительно не по силамъ большому мечтателю, то онъ и не могъ никогда пристраститься къ такой цѣли, которая можетъ быть достигнута только путемъ упорной и продолжительной борьбы. У Руссо, у этого кумира якобинцевъ, не было въ жизни никакой опредѣленной цѣли. Онъ вовсе не желалъ ввести въ сознаніе общества тѣ или другія идеи. Если бы у него было это желаніе, то онъ, подобно Вольтеру, писалъ бы до послѣдняго издыханія и устраивалъ бы всю свою жизнь такъ, какъ того требовали удобства писанія и печатанія. Но этого не было. Онъ бросилъ литературную дѣятельность, какъ только получилъ возможность жить по тихоньку на заработанныя деньги. Выбирая себѣ мѣсто жительства, онъ обращаетъ вниманіе только на красоту окружающей природы, а совсѣмъ не на ту степень свободы, которую пользуется въ данной странѣ печатное слово. Не угодно ли вамъ полюбоваться на идеальную счастливую жизнь, нарисо-

важною рукою самаго Руссо. „Лѣта романическихъ плановъ прошли, говорить онъ въ *Признаніяхъ*, дымъ пустаго тщеславія скорѣе отуманивалъ меня. чѣмъ льстилъ мнѣ, мнѣ оставалась одна послѣдняя надежда — жить безъ принужденія, въ вѣчной праздности. Это жизнь блаженныхъ на томъ свѣтѣ, и я отнынѣ полагалъ въ ней мое высочайшее счастье въ этомъ мірѣ“ ... „Праздность, которую я люблю, — поясняетъ онъ далѣе, — не есть праздность лѣннца, который сложа руки остается въ совершенномъ бездѣйствіи, ни о чемъ не думая, ничего не дѣлая. Это — праздность ребенка, находящагося безпрестанно въ движеніи и все-таки ничего не дѣлающаго, и праздность болтуна, который мелеть всякій вздоръ, между тѣмъ какъ руки его остаются въ покоѣ. Я люблю заниматься пустяками, начинать сто вещей и не кончать ни одной, ходить куда вздумается, каждую минуту перемѣнять планы, слѣдить за мухою во всѣхъ ея приемахъ, желать сдвинуть скалу, чтобы посмотрѣть, что подъ нею, съ жаромъ принять работу, которой хватить на десять лѣтъ, и бросить ее черезъ десять минутъ, цѣлый день предаваться бездѣлю безъ порядка и безъ послѣдовательности и во всемъ подчиняться только минутному капризу.“

Врядъ ли можно найти другаго знаменитаго человѣка, который съ такимъ искреннимъ самодовольствомъ любовался бы публично своею собственною дрянностью и тряпичностью. Вы видите изъ его словъ, что когда онъ писалъ *Эмиля и Общественный договоръ*, тогда онъ только отуманивалъ себя дымомъ пустаго тщеславія. Теперь дымъ разсѣялся и Руссо понялъ, что *вѣчная праздность ребенка* составляетъ его настоящее призваніе. Не умѣя быть героемъ и бойцомъ, Руссо не умѣетъ также цѣнить и понимать бойцовъ и героевъ. Сила, энергія, смѣлость, настойчивость, эластичность, изворотливость, неутомимость, — всѣ эти качества, драгоценныя съ точки зрѣнія бойца, въ глазахъ Руссо не имѣютъ никакого значенія. Онъ дорожитъ только красивыми чувствами, трогательными изліяніями, чистотою цѣломудреннаго сердца, кротостью голубинаго нрава, способностью созерцать, благоговѣть, ныть и обливаться теплыми слезами восторга. Онъ влюбленъ въ какую-то добродѣтель и желаетъ, чтобы всѣ люди были по возможности добродѣтельны. Но при этомъ онъ самаго себя считаетъ за очень добродѣтельнаго человѣка и даже умиляется до слезъ надъ красотою своей души. Это обстоятельство ясно показываетъ читателю, что возлюбленная добродѣтель Руссо заключается именно только въ тонкости прекрасныхъ чувствъ, потому что эта добродѣтель не помѣшала ему отдать пять человѣкъ своихъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ и вообще не заставила его сдѣлать ни одного сколько нибудь замѣчательнаго поступка, ничего такого, что можно было бы хотъ издали сравнить съ великими подвига-

ми человеколюбія, сдѣланными злымъ насмѣшникомъ Вольтеромъ, который никогда не толковалъ печатно о добродѣтели.

И такъ, идеаль Руссо былъ совершенно ложенъ; та мѣрка, которою онъ измѣрялъ достоинства людей, никуда не годится. Этотъ ложный идеаль и эта негодная мѣрка, обязанные своимъ происхожденіемъ болѣзненному состоянію автора, бросаютъ совершенно фальшивый колоритъ на самыя замѣчательныя произведенія Руссо, на *Эмиля* и на *Общественный договоръ*. Въ лицѣ своего идеальнаго воспитанника, Эмиля, Руссо формируетъ не гражданина, не мыслителя, не героя той великой борьбы, которая должна перестроить и обновить общество, а только здороваго и невиннаго ребенка, который сумѣетъ, до конца своей жизни, уберечь, отъ козней общества свою невинность и свое здоровье Руссо боится до крайности, чтобы его Эмиль не провелъ ночи въ объятіяхъ камели; но онъ нисколько не боится того, что вся жизнь Эмиля можетъ пройти безслѣдно, въ сонной идилической безпечности, которая къ тридцатилѣтнему возрасту превратитъ Эмиля въ Афанасія Иванныча.

Въ своемъ *Общественномъ договорѣ*, Руссо считаетъ необходимымъ, чтобы законодатель и правительство дѣлали гражданъ добродѣтельными. Это стремленіе кладетъ въ идеальное государство Руссо зерно злѣйшаго клерикальнаго деспотизма. Руссо думаетъ, что людей надо искусственнымъ образомъ приучать къ добродѣтели. Это — огромная ошибка. Каждый здоровый человекъ добръ и честенъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его естественныя потребности удовлетворяются достаточнымъ образомъ. Когда же органическія потребности остаются неудовлетворенными, тогда въ человекѣ пробуждается животный инстинктъ самосохраненія, который всегда бываетъ и всегда долженъ быть сильнѣе всѣхъ привитыхъ нравственныхъ соображеній. Противъ этого инстинкта не устоятъ никакія добродѣтельныя внушенія. Поэтому, государству не зачѣмъ и тратить силы и время на подобныя внушенія, которыя въ однихъ случаяхъ не нужны, а въ другихъ безсилны. Государство исполняетъ свою задачу совершенно удовлетворительно, когда оно заботится только о томъ, чтобы граждане были здоровы, сыты и свободны, то есть, чтобы они, на всемъ протяженіи страны, дышали чистымъ воздухомъ, чтобы они раньше времени не вступали въ бракъ, чтобы всѣ они имѣли полную возможность работать и потреблять въ достаточномъ количествѣ продукты своего труда и чтобы наконецъ всѣ они могли приобрѣтать положительныя знанія, которыя избавляли бы ихъ отъ раззорительныхъ мистификацій всевозможныхъ шарлатановъ и кудесниковъ. Если же государство не ограничивается этими заботами, если оно врывается въ область убѣжденій и нравственныхъ понятій, если оно старается навязать гражданамъ возвышенныя чувства и похвальныя стремленія, то оно притупляетъ

гражданъ, превращая ихъ или въ послушныхъ ребятъ или въ безсовѣстныхъ лицемѣровъ. Офиціальныя хлопоты о добродѣтеляхъ отъкрываютъ широкую дорогу религіознымъ преслѣдованіямъ. Это мы видимъ уже въ теоретическомъ трактатѣ Руссо. Четвертая книга *Общественнаго договора* говоритъ, что въ государствѣ должна существовать религія, обязательная для всѣхъ гражданъ. Кто не признаетъ государственной религіи, того слѣдуетъ выгонять изъ государства, не какъ безбожника, а какъ нарушителя закона. Кто призналъ эту религію и однакоже дѣйствуетъ противъ нея, тотъ подвергается смертной казни, какъ человѣкъ, солгавшій передъ закономъ. Этими двумя принципами можно оправдать и узаконить все, что угодно: и драгоннады, и инквизицію, и изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, и вообще всевозможныя формы религіозныхъ преслѣдованій. И герцогъ Альба, и Торквемада, и Ле-Теллье могутъ прикрыть всѣ свои подвиги тѣмъ аргументомъ, что они наказываютъ не еретиковъ, а государственныхъ преступниковъ. Именно этимъ аргументомъ и оправдывались въ Англии, при Елисаветѣ, преслѣдованія, направленные противъ католиковъ. Руководствуясь принципами Руссо, Робеспьеръ погубилъ на эшафотѣ много такихъ людей, которые были очень полезны Франціи, напримѣръ, Дантона, Демулена, Шомета, Анахарсиса Клоца. Онъ обвинялъ ихъ правда въ различныхъ заговорахъ и сношеніяхъ съ Питтомъ, но врядъ ли даже онъ самъ вѣрилъ въ существованіе этихъ заговоровъ. Настоящею причиною его ненависти къ этимъ людямъ было то обстоятельство, что всѣ они были скептиками, и что вслѣдствіе этого Робеспьеръ, какъ послушный ученикъ Руссо, признавалъ ихъ недостойными жить въ добродѣтельной Французской республикѣ.

IX

Изъ энциклопедистовъ я возьму только Дидро и Гольбаха. Оба они — здоровые, веселые, трудолюбивые люди, безгранично преданные своимъ идеямъ. Оба они гораздо моложе Вольтера, Дидро — на девятнадцать, а Гольбахъ — на двадцать девять лѣтъ. Дидро воспитывался въ коллегіи іезуитовъ и хотѣлъ сначала поступить въ духовное званіе, но потомъ, когда способности его развернулись, онъ совершенно отказался отъ этого намѣренія, сталъ заниматься съ особеннымъ жаромъ математикой, древними и новыми языками и наконецъ рѣшительно объявилъ своему отцу, что никогда не выберетъ себѣ опредѣленной профессіи. Отецъ его, богатый и солидный буржуа, разсердился и вздумалъ запугать его лишениями. Дидро остался въ Парижѣ безъ кофѣйки денегъ и началъ зани-

маться литературными работами по заказу книгопродавцевъ. Потомъ женился по любви на бѣдной дѣвушкѣ и окончательно разсорился съ отцомъ. Наконецъ, въ 1746 году, Дидро сошелся съ книгопродавцемъ Ле-Бретономъ, у котораго была въ рукахъ привилегія на изданіе англійской Энциклопедіи Чамберса во французскомъ переводѣ, но не было подъ руками людей, способныхъ взяться за переводъ этой книги. Дидро, которому было въ это время 33 года и который уже давно чувствовалъ въ себѣ силы взяться за большой и важный трудъ, посоветовалъ Ле-Бретону издать оригинальную французскую энциклопедію и составилъ для этого изданія самый широкій планъ. Онъ задумалъ дать французскому обществу не какую-нибудь простую справочную книгу, не какое-нибудь мертвое собраніе техническихъ терминовъ и отрывочныхъ фактовъ, а такое произведеніе, которое вмѣстило бы въ себѣ всю философію вѣка и показало бы ясно жизненное значеніе новаго міросозерцанія, смѣло объявляющаго войну клерикальному деспотизму. Работа началась съ 1749 года и продолжалась по 1766 годъ. Впродолженіи первыхъ восьми лѣтъ Дидро раздѣлялъ труды редакціи съ д'Аламберомъ, но въ 1757 году, когда седьмой томъ энциклопедіи вызвалъ противъ себя жестокую бурю, д'Аламберъ счелъ благоразумнымъ удалиться отъ такого опаснаго предпріятія, и вся тяжесть редакціонной работы и отвѣтственности упала на одного Дидро. Сотрудники чувствовали ежеминутно принадлежности трусости, Ле-Бретонъ позволялъ себѣ, во избѣжаніе столеновеній съ властями, смягчать въ статьяхъ слишкомъ рѣзкія выраженія, и Дидро все это долженъ былъ улаживать и устраивать, ободрять сотрудниковъ, обуздывать книгопродавца, хлопотавшаго только о барышахъ, вести дружбу и тонкую политику съ властями, хитрить и уступать въ однѣхъ статьяхъ и потомъ наверстывать сдѣланныя уступки подъ другими рубриками. Все это онъ выполнилъ съ блестящимъ успѣхомъ. При этомъ онъ относился такъ добросовѣстно къ мельчайшимъ подробностямъ своего дѣла, что для удовлетворительнаго описанія различныхъ ремеслъ и промысловъ онъ проводилъ цѣлые дни въ мастерскихъ, разсматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ различныя машины и усвоивалъ себѣ всѣ техническіе приемы работниковъ. Книгопродавцы, какъ мы видѣли выше, выручили за Энциклопедію больше двухъ съ половиною милліоновъ ливровъ чистаго барыша, а Дидро за всю свою семнадцатилѣтнюю работу получилъ 20,000 ливровъ одновременно, да по 2,500 ливровъ за каждый томъ. Впрочемъ Дидро былъ некорыстолюбивъ; онъ съ безпредѣльною щедростью помогалъ своимъ друзьямъ деньгами и перомъ; онъ охотно поправлялъ и передѣлывалъ чужія рукописи, приставлялъ къ нимъ предисловія и вообще разбросалъ множество блестящихъ мыслей по разнымъ книгамъ своихъ единомышленниковъ. Дѣло не въ томъ, говорилъ онъ часто, кѣмъ сдѣлана вещь, мною или другимъ; надо только,

чтобы она была сдѣлана, и сдѣлана хорошо. Философскія убѣжденія Дидро дались ему не съ разу. Онъ купилъ ихъ цѣною тяжелыхъ сомнѣній и продолжительной умственной борьбы. Его сочиненія указываютъ на три фазы въ его развитіи. Въ 1745 году, въ сочиненіи "Essai sur le mérite et sur la vertu" (Опытъ о заслугахъ и о добродѣтели) онъ является философствующимъ католикомъ и доказываетъ, что добродѣтель можетъ основываться только на религіи. Въ 1747 году, въ *Прозвукъ скептика* онъ, по словамъ Геттнера, „бросается въ пропасть большаго сомнѣнія“, и утверждаетъ, что нѣтъ въ человѣческой жизни другой цѣли, кромѣ чувственныхъ наслажденій. Затѣмъ начинаются попытки спасти что-нибудь изъ прежнихъ вѣрованій, и Дидро на нѣсколько времени становится деистомъ; но эти попытки не удовлетворяютъ его, и съ 1749 года онъ уже на всю жизнь остается крайнимъ матеріалистомъ. Этими послѣдними убѣжденіями проникнуты всѣ его работы, помѣщенные въ *Энциклопедіи*. Умирая въ 1784 году, онъ сказалъ, что *сомнѣніе есть начало философіи*. Это были его послѣднія слова.

Баронъ Гольбахъ, богатый человѣкъ, получившій въ Парижѣ очень основательное образованіе, занимался естественными науками, въ особенности химіей, кормилъ философовъ великолѣпными обѣдами и часто помогалъ имъ своими обширными знаніями. Онъ писалъ для *Энциклопедіи* химическія статьи и печаталъ матеріалистическія книги, никогда не выставляя на нихъ своего имени. Знаменитая его „*Système de la nature*“ вышла въ свѣтъ тогда, когда Гольбаху было уже сорокъ семь лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этого сочиненія Гольбаху помогалъ Дидро. Принимая въ соображеніе тотъ ужасъ, которымъ эта книга поразила всю философствующую Европу, мы можемъ утверждать положительно, что *Système de la nature* составляетъ послѣднюю, крайнюю вершину въ развитіи отрицательныхъ доктринъ XVIII вѣка.

Гольбахъ думаетъ, что все совершается въ природѣ по вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Эта идея служить фундаментомъ для всѣхъ его остальныхъ построеній. Человѣкъ, по его мнѣнію, не можетъ освободиться отъ законовъ природы даже въ своей мысли. Какъ для чувствованія, такъ и для мышленія необходима, по мнѣнію Гольбаха, нервная система, соприсасающаяся съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ органовъ и аппаратовъ зрѣнія, слуха, вкуса, осязанія и обонянія. Безъ органовъ и нервной системы нѣтъ ни мышленія, ни чувствованія, такъ точно какъ безъ музыкальнаго инструмента нѣтъ музыкальнаго звука и слѣдовательно нѣтъ также и отдѣльныхъ качествъ звука нѣжности или пронзительности, пѣвучести или пискливости, протяжности или отрывистости. Представить себѣ мысль, отрѣшенную отъ необходимыхъ условій ея проявленія, то есть, отъ нервной системы, это, по мнѣнію Гольбаха, все равно, что представить себѣ звукъ, существующій независимо отъ ин-

струмента. Это значить вообразить себѣ дѣйствіе безъ причины... Матерія, по мнѣнію Гольбаха, неистребима; ни одна частица ея не можетъ исчезнуть; но чалтицы эти безпрестанно передвигаются, и, вслѣдствіе этого передвиженія, формы и комбинаціи безпрестанно разрушаются и возникаютъ. Передвиженія частиць совершаются по тѣмъ же вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, которыми обусловливается теченіе великихъ небесныхъ свѣтилъ. Это значить, что если частица матеріи сто милліоновъ разъ будетъ поставлена въ одинаковое положеніе, то она сто милліоновъ разъ пойдетъ по одному и тому же пути и вступитъ въ однѣ и тѣ же комбинаціи. Тѣ частицы матеріи, которыя входятъ въ составъ человѣческаго тѣла, подчиняются, по мнѣнію Гольбаха, въ своихъ движеніяхъ, такимъ же точно вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Изъ этого правила нѣтъ исключенія. Какъ частицы желудочнаго сока вступаютъ въ химическія соединенія съ частицами пищи *по необходимости*, такъ кровяные шарики поглощаютъ кислородъ *по необходимости*, такъ точно и частицы мозга передвигаются и претерпѣваютъ химическія измѣненія *по необходимости*. Результатомъ этихъ передвиженій и химическихъ измѣненій оказывается процессъ мышленія, который слѣдовательно также, по мнѣнію Гольбаха, отличается всегда характеромъ непреклонной *необходимости*. Человѣкъ поступаетъ такъ или иначе, потому что желаетъ такъ или иначе; желаніе обусловливается предварительнымъ размышленіемъ, а размышленіе есть неизбѣжный результатъ данныхъ внѣшнихъ впечатлѣній и данныхъ особенностей мозга. Значить, что же такое преступленіе и что такое наказаніе? Природа, по мнѣнію Гольбаха, не знаетъ ни того, ни другого; въ природѣ нѣтъ ничего, кромѣ безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій, такой цѣпи, изъ которой невозможно выкинуть ни одного звѣна.

Повидимому Гольбахъ долженъ быть самымъ ужаснымъ и отвратительнымъ человѣкомъ. Иначе какимъ образомъ могъ бы онъ быть и материалистомъ? Однакоже, къ удивленію всѣхъ любителей доброй нравственности, Гольбахъ оказывается человѣкомъ хорошимъ. „Я, говоритъ Гриммъ, рѣдко встрѣчалъ такихъ ученыхъ и разносторонне образованныхъ людей, какъ Гольбахъ; я никогда не встрѣчалъ людей, у которыхъ было бы такъ мало тщеславія и самолюбія. Безъ живой ревности къ успѣху всѣхъ наукъ, безъ стремленія, ставшаго у него второй природой, сообщать другимъ все, что казалось ему важно и полезно, онъ бы никогда не выказалъ своей безпримѣрной начитанности. Съ его ученостью было бы тоже, что съ его богатствомъ. Его никогда бы не угадали, если бы онъ могъ ее скрыть, не вредя своему собственному наслажденію и особенно наслажденію своихъ друзей. Человѣку такихъ взглядовъ не должно было стоить большаго труда — вѣрить въ господство разума; потому что его страсти и удовольствія были именно таковы,

каковы они должны быть, чтобы дать перевѣсъ хорошимъ правиламъ. Онъ любилъ женщинъ, любилъ удовольствія стола, былъ любопытенъ; но ни одна изъ этихъ склонностей не овладѣвала имъ вполне. Онъ не могъ ненавидѣть никого; только тогда, когда онъ говорилъ о распространителяхъ угнетенія и суевѣрія, его врожденная кротость превращалась въ ожесточеніе и жажду борьбы“.

Оканчивая эту статью, я совѣтую читателямъ, заинтересовавшимся умственною жизнью прошлаго столѣтія, прочитать книгу Гетнера: „Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка“. Въ этой книгѣ читатели найдутъ толковое, безпристрастное и занимательное изложеніе біографическихъ фактовъ и философскихъ доктринъ, въ связи съ общею картиною времени.

ВЗГЛЯДЫ АНГЛІЙСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА УМСТВЕННЫЯ ПОТРЕБНОСТИ СОВРЕМЕННАГО ОБЩЕСТВА.

I.

Со времянь такъ-называемаго возрожденія наукъ и искусствъ, Англія пользовалась постоянно всѣми благодѣяніями превосходнаго классическаго образованія. Каждый respectable отецъ семейства считалъ своимъ священнымъ долгомъ помѣщать своихъ сыновей въ такія школы и коллегіи, въ которыхъ изученіе латинскихъ и греческихъ писателей процвѣтало самымъ роскошнымъ образомъ. Въ этихъ школахъ или гимназіяхъ и коллегіяхъ или университетахъ не существовало почти никакихъ научныхъ занятій, кромѣ изученія чистой математики и классической древности. Преподаватели древнихъ языковъ и литературъ предавались своему дѣлу съ такою добросовѣстною любовью и съ такимъ доблестнымъ увлеченіемъ, что воспитанники нетолько выучивались свободно читать и понимать самыхъ трудныхъ греческихъ и латинскихъ писателей, но даже и сами становились латинскими и греческими писателями, т. е., прозою Цицерона или стихомъ Пиндара писали классныя сочиненія на заданныя темы.

Основательное знаніе древнихъ языковъ и литературъ считалось необходимымъ приготовленіемъ ко всякой такъ-называемой либеральной профессіи. Безъ классическаго образованія молодой человѣкъ не могъ сдѣлаться ни юристомъ, ни медикомъ, ни священникомъ; въ порядочномъ обществѣ человѣкъ, лишенный классическаго образованія, считался неучемъ, неспособнымъ нетолько судить о политикѣ или о литературѣ, но даже поддерживать обыкновенный свѣтскій разговоръ.

Такъ было во времена Елисаветы, и въ такомъ же положеніи остается дѣло общаго образованія въ Англии до настоящаго времени. Если классическое образованіе дѣйствительно развертываетъ и укрѣпляетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ всѣ умственныя способности учащагося юношества, если оно дѣйствительно формируетъ молодыхъ людей, въ высокой степени годныхъ ко всякому полезному труду, если оно дѣйствительно составляетъ одинаково превосходную подготовку ко всякимъ дальнѣйшимъ спеціально-научнымъ занятіямъ, — то, разумѣется, англичанамъ остается только радоваться на свои учебныя заведенія, и тщательно оберегать господствующую въ нихъ систему отъ всякихъ преобразовательныхъ попытокъ, которыя очевидно могутъ только нарушить ея благородную классическую чистоту.

Англичанъ невозможно упрекнуть въ легкомысленномъ пристрастіи къ нововведеніямъ. Англичанамъ несвойственно увлекаться идеями и ломать установившіяся житейскія формы, только потому, что онѣ не соотвѣтствуютъ новымъ идеямъ. Англичане перестраиваютъ ту или другую часть стараго общественнаго зданія только тогда, когда они начинаютъ чувствовать дѣйствительное неудобство или предвидятъ въ ближайшемъ будущемъ дѣйствительную опасность. То, что старо и въ тоже время крѣпко, удобно и практично, то тѣмъ болѣе дорого англичанину, чѣмъ дольше прожило на свѣтѣ. Господствуя въ Англии въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, классическое образованіе срослось со всѣми національными привычками и воспоминаніями англичанъ, со всѣми особенностями ихъ ума и характера, со всѣми ихъ литературными приемами и преданіями. Нападать на классическое образованіе значитъ возставать противъ такой системы, которая имѣетъ свое блистательное прошедшее, и на сторонѣ котораго находятся всѣ предвзятія симпатіи общества. На такой подвигъ не отважится безъ достаточныхъ побудительныхъ причинъ ни одинъ здравомыслящій англичанинъ, тѣмъ болѣе, что англійское общество никогда не прощаетъ яркой умственной оригинальности, даже гениальнымъ людямъ, подобнымъ Байрону или Воклю.

Еслибы классическое образованіе, господствующее въ Англии до настоящей минуты, сколько нибудь удовлетворяло умственнымъ потребностямъ даже того незначительнаго меньшинства, которое имѣетъ возможность выбирать и покупать себѣ самый лучший и самый дорогой сортъ интеллектуальнаго развитія, то это меньшинство, влюбленное въ историческое прошедшее своей родины, конечно сдумѣло бы оградить отъ всякихъ реформаторскихъ предложеній и попытокъ почтенную старину, на которой лежитъ священная пыль многихъ столѣтій. Между тѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что старину критикуютъ, что противъ нея раздаются въ англійской печати почтительные, но очень твердые голоса, и что англійское общество внимательно прислу-

пивается къ тѣмъ полновѣснымъ замѣчаніямъ, которымъ подвергается господствующая учебная система.

Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ будетъ полезно познакомиться, какъ съ существеннымъ смысломъ и общимъ направленіемъ этихъ замѣчаній, такъ и съ тѣмъ поучительнымъ фактомъ, что такіа замѣчанія дѣйствительно высказываются въ Англии публично, людьми извѣстными, почтенными и въ высшей степени способными составить себѣ основательное мнѣніе о томъ, какія именно занятія развертываютъ и укрѣпляютъ умственные силы человѣческаго ума.

Книга Юманса: „*Новѣйшая культура, ея настоящія стремленія и потребности*“ (Modern culture, its true aims and requirements), изданная въ Лондонѣ, въ началѣ нынѣшняго 1867 года, даетъ намъ по этому вопросу обильный запасъ самыхъ любопытныхъ матеріаловъ. Эта книга составлена преимущественно изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ недавнее время первоклассными англійскими мыслителями и учеными. Вслѣдъ за лекціями напечатано нѣсколько мелкихъ статей, извлеченныхъ изъ сочиненій различныхъ очень извѣстныхъ писателей; вся книга заканчивается протоколами показаній, данныхъ пятью натуралистами въ комисіи англійскихъ публичныхъ школъ. Имена этихъ натуралистовъ — Карпентеръ, Лайелль, Фарадей, Оуэнъ и Гукеръ — извѣстны всему читающему міру. Лекціи, мелкія статьи и показанія приходятъ съ разныхъ сторонъ къ одному и тому же результату, именно къ тому изумительному заключенію, что господствующая система общаго образованія нуждается въ самыхъ обширныхъ и глубокихъ преобразованіяхъ.

II.

Въ первой лекціи профессоръ Тиндаль доказываетъ необходимость ввести въ систему общаго образованія основательное изученіе физики. Изложеніе своего предмета Тиндаль предпосылаетъ общія размышленія о неизбѣжности и необходимости переменъ во всякомъ дѣлѣ, созданномъ людьми и выработаннымъ исторіею.

„Я не думаю, говоритъ Тиндаль, чтобы нашему вѣку, или какому бы то ни было другому отдѣльному вѣку было суждено основать систему воспитанія, годную для всѣхъ вѣковъ. Основы человѣческой природы, по всей вѣроятности, неизмѣнны, но этого нельзя сказать о тѣхъ формахъ, въ которыхъ проявляется духъ человѣчества. Онъ бываетъ то воинственнымъ, то миролюбивымъ, то религіознымъ, то расположеннымъ къ скептицизму, и исторія ничто иное, какъ перечень его видоизмѣ-

ней. Таковъ законъ природы во всемъ мѣрѣ, и поэтому нельзя объяснять опрометчивостью или страстью къ разрушенію то обстоятельство, что составные элементы человѣческой культуры измѣняются съ теченіемъ времени, и что требованія настоящаго расходятся съ требованіями прошедшаго. Если вы не рѣшились утверждать, что мѣръ прошедшаго или какая нибудь отдѣльная часть его были совершенно законченнымъ выраженіемъ человѣческой зрѣлости; что мудрость человѣка уже дошла до высшей точки своего развитія; что умъ нынѣшняго дня обладаетъ болѣе ограниченными силами или располагаетъ болѣе узкимъ горизонтомъ, чѣмъ умъ прежнихъ временъ; то вы не имѣете никакого основанія требовать, чтобы мы принимали безусловно системы прошедшаго; и вы также не имѣете права разрывать мои связи съ тѣмъ мѣромъ и вѣкомъ, въ которыхъ я живу, и сосредоточивать мою умственную жизнь на созерцаніи минувшаго времени. Кто можетъ порицать меня, если я дорожу тою увѣренностью, что мѣръ до сихъ поръ молодъ, что у него лежитъ впереди громадное поприще, что англичанинъ нынѣшняго дня сдѣланъ изъ такого же хорошаго матеріала, какъ древній грекъ или римлянинъ, и что у него имѣется такое же высокое и самостоятельное назначеніе? Принимая съ благодарностію то, что древность можетъ намъ предложить, мы никогда не должны забывать, что нынѣшнее столѣтіе имѣетъ такое же точно законное право на свои формы мышленія и на свои методы образованія, какое имѣли на свои формы и методы всѣ предшествующія столѣтія, и что намъ открыты теперь тѣ же источники могущества, какіе были открыты человечеству въ какой бы то ни было другой періодъ міровой жизни." (Modern Culture. p. 4, 5.)

Если примѣръ прошедшаго не долженъ служить абсолютно обязательнымъ закономъ для настоящаго, если напротивъ того, всякое усовершенствованіе въ области мысли и жизни основано на томъ, что настоящее самостоятельно обсуживаетъ идеи и дѣйствія прошедшаго, открываетъ въ нихъ ошибки, и старается ихъ избѣгать, то, разумется, вопросъ о пригодности или непригодности физики въ системѣ общаго образованія долженъ рѣшиться не на основаніи прецедентовъ, а посредствомъ тщательнаго разсмотрѣнія естественныхъ и существующихъ въ данное время потребностей человѣческаго ума. Прийдя къ вопросу именно съ этой стороны, Тиндаль утверждаетъ, что раціональное преподаваніе физики составляетъ только осмысленное продолженіе тѣхъ уроковъ, которые сама природа даетъ каждому ребенку съ первой минуты его рожденія.

„Первый опытъ, говоритъ Тиндаль, cadaго человѣка есть физическій опытъ: всасывающій насосъ не что иное, какъ подражаніе первому дѣйствію cadaго новорожденнаго ребенка. Я не думаю, чтобы уваженіе этого ребенка къ родителямъ уменьшилось, или чтобы онъ

сдѣлался менѣе хорошимъ гражданиномъ, когда его созрѣвшая опытность покажетъ ему, что атмосфера помогла ему вытянуть изъ груди матери первый глотокъ молока. Ребенокъ растетъ, и продолжаетъ производить опыты: онъ тянется руками къ лунѣ, и неудача научаетъ его уважать разстояніе. Съ теченіемъ времени его маленькіе пальцы приобрѣтаютъ достаточно механическаго такта, чтобы держать ложку; онъ засовываетъ ее къ себѣ въ ротъ, пораниваетъ себѣ десны и знакомится такимъ образомъ съ непроницаемостью матеріи; онъ роняетъ ложку, и прыгаетъ отъ удовольствія слыша, какъ она ударяется объ столъ. Опытъ, сдѣланный нечаянно, повторяется съ умысломъ, и юный Ньютонъ составляетъ себѣ такимъ образомъ первыя понятія о звукѣ и тяготѣніи. Случаются, однако, огорченія и наказанія на пути юнаго изслѣдователя; онъ неизбѣжно дѣлаетъ ошибки, а природа также непремѣнно уличаетъ его въ этихъ ошибкахъ. Онъ падаетъ съ лѣстницъ, обжигаетъ себѣ пальцы, порѣзываетъ руку, обвариваетъ языкъ, и такимъ путемъ изучаетъ условія своего физическаго благосостоянія. Такого образа дѣйствій держится природа, и ея воспитанникъ дѣлаетъ изумительные успѣхи. Его наслажденія на время остаются чисто-физическими, и лавка кондитера стоитъ для него на первомъ планѣ человѣческаго благополучія; но цвѣты болѣе утонченной жизни уже начинаютъ распускаться, и связь между причиною и слѣдствіемъ возникаетъ въ умѣ ребенка. Онъ начинаетъ замѣчать, что теперешнее положеніе вещей не есть окончательное, но зависитъ отъ другаго, которое было прежде, и въ свою очередь смѣнится чѣмъ нибудь новымъ. Онъ становится задачей для самого себя; и чтобы удовлетворить своему только-что пробудившемуся любопытству, онъ предлагаетъ всевозможные несообразные вопросы. Потребности и стремленія человѣческой природы выражаются въ этихъ раннихъ порывахъ ребенка., (Р. 8).

При той системѣ образованія, которая господствуетъ въ Англіи, эти ранніе порывы ребенка въ большей части случаевъ остаются совершенно безплодными; взрослые не хотятъ и не умѣютъ ими пользоваться для того, чтобы незамѣтнымъ образомъ, безъ усилий и безъ борьбы, снабжать ребенка разнообразными свѣдѣніями; пока ребенку дозволяется бѣгать и шалить на свободѣ, до тѣхъ поръ взрослые или совсѣмъ не отвѣчаютъ на многочисленные вопросы ребенка или отвѣчаютъ на нихъ какими-нибудь бессмыслицами, успокоивая себя тѣмъ общеизвѣстнымъ разсужденіемъ, что ребенокъ, когда выростетъ, въ свое время самъ раз- узнаетъ подробно все то, о чемъ онъ спрашиваетъ. Ребенокъ под- ростаетъ; его сажаютъ за книгу, о которой ему уже давно толковали, какъ объ источникѣ всякаго знанія; но во всѣхъ своихъ азбукахъ и учебникахъ ребенокъ не находитъ ничего похожаго на тѣ отвѣты, ко- торыхъ онъ такъ усленно и такъ наирасно добивался отъ взрослыхъ;

тотъ книжный міръ, въ который его втягиваютъ и вгоняютъ насильно, при постоянномъ содѣйствіи увѣщаній, упрековъ и наказаній, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ міромъ живыхъ явленій, съ тѣмъ міромъ красокъ, звуковъ и ощущеній, деревьевъ и цвѣтовъ, звѣрей и птицъ, желаній и волненій, радости и горя, который знакомъ и дорогъ ему съ колыбели, и который уже успѣлъ породить въ его горячей головѣ сотни смѣлыхъ и мудреныхъ вопросовъ. Книжная работа, которой отдаленная цѣль, при всѣхъ своихъ великихъ достоинствахъ, остается непостижимой для ребенка, на долгое время отвлекаетъ его мысли отъ живой природы, и кладетъ конецъ тому естественному развитію любознательности и наблюдательности, которое, при своевременномъ и тщательномъ содѣйствіи умнаго наставника, могло бы легко и свободно ввести подрастающаго ученика въ сферу серьезныхъ научныхъ занятій. Въ школѣ ребенка знакомятъ насильно съ тѣмъ, что никогда не могло его интересовать, чего онъ никогда не видалъ въ глаза, и о чемъ предшествующая жизнь не дала ему даже самаго отдаленнаго понятія; и въ то же время въ его головѣ оставляютъ совершенно неразобраннымъ и неразъясненнымъ тотъ хаосъ образовъ, представленій и понятій, который порожденъ вліяніемъ жизни, и въ которомъ самъ ребенокъ чувствуетъ настоятельную потребность опознаться и ориентироваться. Такимъ образомъ, жизнь съ минуты рожденія вела умственное развитіе ребенка по одному пути; школа поворачиваетъ или, по крайней мѣрѣ, старается поворотить его на другой путь; понятно, что должно произойти и дѣйствительно происходитъ вслѣдствіе этого поворачиванія; силы воспитателя сталкиваются съ силами ребенка и взаимно парализуютъ другъ друга; начинается борьба, тамъ, гдѣ могло бы и должно было бы существовать самое полное единодушіе и самое искреннее взаимное сочувствіе; воспитатель видитъ препятствіе въ любознательности ребенка, направленной совсѣмъ не на тѣ вопросы, которые рѣшаются въ школьныхъ учебникахъ; ребенокъ съ своей стороны видитъ скучнаго и несноснаго мучителя въ томъ самомъ человѣкѣ, который, при другихъ условіяхъ педагогической организаци, могъ бы сдѣлаться для него неисчерпаемымъ источникомъ живѣйшихъ умственныхъ наслажденій; чѣмъ даровитѣе ребенокъ, чѣмъ сильнѣе работаетъ въ его молодой головѣ пробудившаяся мысль, чѣмъ тревожнѣе и неугомоннѣе его самородная любознательность, тѣмъ противнѣе покажется ему міръ грамматическихъ отвлеченностей, міръ склоненій и спряженій, правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, толстыхъ лексиконовъ и запутанныхъ конструкцій; чѣмъ даровитѣе ребенокъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ та ломка, которой онъ подвергается въ школѣ, при первомъ столкновеніи съ мертвымъ книжнымъ ученіемъ. Легко можетъ быть, что эта ломка до нѣкоторой степени неизбежна, потому что умъ ребенка долженъ непременно рано или

поздно приучиться къ книжнымъ отвлеченностямъ, безъ которыхъ невозможны дальнѣйшія научныя занятія, но не подлежитъ сомнѣнію то, что учебная система, господствующая въ Англіи, относится съ непоправимымъ высокоуміемъ къ естественнымъ наклонностямъ и умственнымъ потребностямъ того живаго матеріала, надъ которымъ она производитъ свои отважныя манипуляціи. „Нѣсколько дней тому назадъ, говоритъ Тиндалль, одинъ магистръ словесности, молодой человѣкъ, получившій современное образованіе, заявлялъ мнѣ, что въ первыя двадцать лѣтъ своей жизни онъ не приобрѣлъ никакихъ свѣдѣній о свѣтѣ, теплотѣ, магнетизмѣ или электричествѣ; изъ этихъ двадцати лѣтъ двѣнадцать было потрачено посреди древнихъ, и въ это время была порвана всякая связь между его умомъ и явленіями природы.“ (Р. 9).

Этотъ перерывъ пришелся какъ разъ въ то время, когда, по мнѣнію внимательныхъ и компетентныхъ наблюдателей, молодой умъ всего болѣе способенъ приучаться исподоволь къ индуктивному методу мышленія, то есть, къ внимательному разсматриванію и осторожному обобщенію отдѣльныхъ фактовъ. Какъ сильна именно въ это время, отъ 8-ми лѣтъ до 20-ти, потребность вглядываться и вдумываться въ явленія окружающей природы, это видно изъ любопытнаго примѣра, приведеннаго въ лекціи Тиндалля.

Въ одной земледѣльческой школѣ, въ Гемширѣ, было составлено между воспитанниками общество, которое собиралось разъ въ недѣлю для чтенія и обсужденія статей и докладовъ, написанныхъ самими членами по различнымъ вопросамъ. У этого общества были свой предсѣдатель, свой казначей и даже свой ежемѣсячный журналъ, печатавшійся въ небольшой училищной типографіи. При засѣданіяхъ общества присутствовали обыкновенно многіе изъ учителей. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ обычаевъ въ этихъ еженедѣльныхъ собраніяхъ было то, что послѣ окончанія очередныхъ занятій каждый членъ общества имѣлъ право предлагать вопросы по каждому дѣлу, о которомъ онъ желалъ собрать какія нибудь свѣденія. Вопросы эти или записывались заранее въ особую книгу, или писались на клочкѣ бумаги во время самаго засѣданія, и потомъ вручались секретарю, который обязанъ былъ прочесть ихъ вслухъ. Послѣ этого, кто изъ присутствующихъ чувствовалъ себя способнымъ разрѣшать недоумѣніе товарища или ученика, тотъ и давалъ требуемый отвѣтъ. Понятно, что, благодаря этому обычаю, въ кругу учениковъ господствовалъ постоянно самый живой и плодотворный обмѣнъ мыслей и знаній. Что было прочтено или подмѣчено однимъ, то скоро становилось достояніемъ всѣхъ. Въ собраніяхъ общества присутствовали ребята отъ 8 до 18 лѣтъ, и вотъ въ какомъ родѣ были предлагавшіеся вопросы:

Въ чемъ состоятъ обязанности королевскаго астронома?

Что такое морозъ?

Почему громъ и молнія случаются лѣтомъ чаще, чѣмъ зимой?

Отчего происходятъ падающія звѣзды?

Какая причина того ощущенія, которое называется бѣганіемъ мурашекъ по кожѣ?

Какая причина смерчей?

Какая причина икоты?

Если полотенце намочено водою, то почему мокрая часть становится темнѣе, чѣмъ была прежде?

Что такое ланкаширскія вѣдьмы?

Падаеть ли роса или поднимается?

Какъ устроены гидравлическій прессъ?

Когда въ воздухѣ больше кислорода: зимой или лѣтомъ?

Что это за кольца мы видимъ вокругъ горящаго газа и вокругъ солнца?

Что такое громъ?

Почему черную шляпу можно сдвинуть съ мѣста, образовавъ вокругъ нея магнетическій кругъ, а бѣлую нельзя?

Отчего происходитъ испарина?

Какая разница между душою и умомъ?

Противно ли правиламъ вегетаріанизма ѣсть яйца?

Эти восемнадцать вопросовъ выписаны Тиндаллемъ на удачу изъ той книги, въ которую они вносились. Изъ этихъ восемнадцати вопросовъ только три, о королевскомъ астрономѣ, о ланкаширскихъ вѣдмахъ, и о правилахъ вегетаріанизма, не относятся къ области естествознанія. Огромное же большинство этихъ вопросовъ, возникшихъ безо всякихъ постороннихъ вліяній и начальственныхъ внушеній можетъ быть разрѣшено только тогда, когда ученикамъ будутъ сообщены предварительно довольно обширныя свѣденія по части физики, химіи и физиологіи. Списокъ этихъ вопросовъ показываетъ довольно ясно, въ какомъ именно направленіи работаетъ молодая мысль и развертывается самородная дѣтская любознательность.

Нетрудно понять, что ребенокъ, поставившій вопросъ, не удовлетворится короткимъ и категорическимъ отвѣтомъ. Когда онъ спрашиваетъ о росѣ, падаетъ ли она или поднимается, то онъ требуетъ себѣ не справки по этому предмету, а подробнаго объясненія даннаго феномена, такого объясненія, которое дало бы ему возможность понять, какимъ путемъ совершается образованіе росы. Если вы просто отвѣтите ему: роса падаетъ, то онъ тотчасъ же спроситъ у васъ: какъ же она падаетъ и откуда она берется? Если вы захотите удовлетворить его любознательность, то вы будете принуждены объяснить ему тѣ законы, по которымъ совершается испареніе воды и обратный переходъ водя-

ныхъ паровъ въ капельножидкое состояніе; далѣе вы должны будете познакомить его съ явленіями лучеиспусканія и теплопроводности; и, наконецъ, вамъ придется дать ему понятіе о тѣхъ сложныхъ процессахъ, которые происходятъ въ организмѣ каждой ничтожнѣйшей былинки. Когда все это будетъ сдѣлано, то вопросъ о росѣ окажется исчерпаннымъ, но за то самый процессъ вашего объясненія породитъ въ свою очередь такое множество новыхъ вопросовъ, что отвѣтить на нихъ можно будетъ только полнымъ и систематическимъ курсомъ физики, химіи и физиологіи, курсомъ, которой, по всей вѣроятности, будетъ выслушанъ вашимъ юнымъ собесѣдникомъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и съ живѣйшимъ наслажденіемъ.

Если бы вмѣсто вопроса о росѣ, мы взяли вопросъ о громѣ, о морозѣ, объ испаринѣ, о мокромъ полотенцѣ, или вообще какой бы то ни было изъ пятнадцати вопросовъ, врывающихся въ область естествознанія, то мы пришли бы къ тому же самому выводу, то есть мы убѣдились бы въ томъ, что въ этомъ случаѣ надо или систематически подавлять самородную любознательность молодого ума, отсылая ребенка къ учебнику латинской грамматики и запрещая ему тратить драгоценное время на пустые разговоры, или же удовлетворять его любознательность подробными объясненіями, которыя неизбѣжно должны превратиться въ полные курсы по различнымъ отраслямъ естествознанія.

Тиндалль придаетъ важное значеніе тому обстоятельству, на которое обыкновенные педагоги обращаютъ очень мало вниманія, именно тому, что дѣти, слушая курсъ физики, вызванный ихъ собственными вопросами, будутъ учиться и напрягать свое вниманіе съ удовольствіемъ.

„Привлекать удовольствіе на сторону умственнаго труда, это—дѣло величайшей важности, говоритъ онъ, потому что упражненіе ума, подобно тѣлесному упражненію, зависитъ въ своей цѣнности отъ того расположенія духа, при которомъ оно совершается. Каждый медикъ знаетъ, что идея здороваго упражненія не исчерпывается простымъ механическимъ движеніемъ, и что самымъ здоровымъ упражненіемъ оказывается то, при которомъ наслажденіе самымъ его процессомъ заставляеть насъ забывать обо всѣхъ дальнѣйшихъ его цѣляхъ. Можно ли, напримѣръ, замѣнить чѣмъ нибудь восторженное ликованіе дѣтскихъ игръ, въ которыя дѣти играютъ изъ чистой любви къ игрѣ, безо всякаго помысленія о физиологическихъ законахъ, между тѣмъ какъ благосклонная природа, незамѣтно для играющихъ, идетъ къ своимъ цѣлямъ, обращая дѣтямъ на пользу даже ихъ собственную безсознательность? Вы можете устроить болѣе систематическія движенія, вы можете придумать средства для болѣе полного напряженія каждаго отдѣльнаго мускула, но вы не можете создать радость и веселье игры, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ пропала освѣжающая прелесть и живительность упражненія. Почти тоже

самое можно сказать и объ умственномъ воспитаніи. Зачѣмъ же такъ рѣзко отрывать умы дѣтей отъ ихъ здоровой и радостной дѣятельности, зачѣмъ закрывать имъ наглухо дорогу къ тому изученію, къ которому направлены самыя раннія ихъ стремленія, и при которомъ собственная охота учащихся оказывала бы сильное содѣйствіе укрѣпленію ихъ способностей? Зачѣмъ доводить эту исключительность до такихъ размѣровъ, что человѣкъ, если его не просвѣтитъ какое нибудь учрежденіе, въ родѣ того, въ которомъ мы теперь собраны, можетъ дожить до зрѣлыхъ лѣтъ, оставаясь въ абсолютномъ невѣжествѣ касательно того, управляется ли матеріальный міръ закономъ или случаемъ, и не происходятъ ли въ самомъ дѣлѣ тѣ феномены, которые вызывали его дѣтскіе вопросы, отъ проказъ какихъ нибудь гномовъ, или другихъ силъ того же разбора?“ (Р. 15, 16).

Доказавъ естественность и законность тѣхъ желаній и умственныхъ позывовъ, которыхъ удовлетвореніе невозможно безъ систематическаго преподаванія физики, Тиндалль старается дать общее понятіе о той пользѣ, которую это преподаваніе принесетъ умственному развитію учащихся. Изученіе физики, по словамъ Тиндалля, состоитъ изъ двухъ процессовъ, взаимно дополняющихъ и постоянно смѣняющихъ другъ друга. Человѣкъ наблюдаетъ сначала единичные факты, подмѣчаетъ въ нихъ однородныя стороны, отыскиваетъ ихъ общую причину, и составляетъ себѣ такимъ образомъ понятіе о законѣ, въ силу котораго одно явленіе вызываетъ собою другое. Этотъ процессъ, посредствомъ котораго человѣкъ идетъ отъ факта къ причинѣ, называется *индукціею* или *наведеніемъ*. Добравшись до такой формулы, которая кажется ему закономъ, человѣкъ начинаетъ разсуждать такъ: если законъ вѣренъ, то за такимъ-то явленіемъ неизбѣжно должно слѣдовать такое-то. Здѣсь умъ человѣка идетъ отъ найденной или угаданной причины къ ожидаемому послѣдствію; этотъ процессъ называется *дедукціею* или *выводомъ*, и служитъ повѣркою для предшествующей индукціи; этотъ процессъ совершается въ головѣ экспериментатора, когда онъ производитъ опытъ, стараясь узнать посредствомъ этого опыта, дѣйствительно ли вѣренъ найденный имъ законъ.

Теперь понятно, что изученіе физики можетъ сдѣлаться полезною умственною работою только тогда, когда ученикъ самъ дѣйствительно будетъ заниматься индукціею и дедукціею, то есть, разсматривать явленія съ разныхъ сторонъ, сравнивать ихъ между собою, добираться до ихъ причины, отыскивать законы, и потомъ придумывать и производить опыты для повѣрки отысканнаго закона. Надо, чтобы ученикъ непременно искалъ и находилъ, ошибался и самъ замѣчалъ свои ошибки, дѣлалъ неправильныя обобщенія и потомъ ломалъ себѣ голову, отыскивая причины той неудачи, которая получится при повѣркѣ индукціи.

Словомъ, надо, чтобы ученикъ шелъ по тому самому тернистому пути изслѣдованія, по которому шли въ свое время, безъ путеводителя и компаса, великіе умы, создавшіе науку. Только при такомъ живомъ и практическомъ изученіи физики, только при постоянномъ непосредственномъ соприкосновеніи съ тѣми явленіями, которыя составляютъ собою матеріаль науки, можетъ быть рѣчь о томъ особомъ вліяніи, которое положительная наука, подобная физикѣ, производитъ на умъ ученика, и о тѣхъ особыхъ умственныхъ приемахъ и навыкахъ, которые приобрѣтаются ученикомъ въ строгой школѣ положительнаго знанія. Если же ученикъ будетъ изучать физику по учебнику, то тутъ не будетъ со стороны ученика ни индукціи, ни дедукціи; положительная наука не произведетъ на его умственные способности никакого особеннаго вліянія; его мысль не усвоитъ себѣ никакихъ новыхъ приемовъ и навыковъ; получится только обогащеніе памяти множествомъ различныхъ формулъ и приступовъ къ доказательствамъ; образовательная и воспитательная сила положительнаго знанія утратится безслѣдно и безвозвратно. Ученикъ пройдетъ весь учебникъ съ первой страницы до послѣдней, и все-таки не выучится размышлять такъ, какъ размышляютъ естествоиспытатели. Количество извѣстныхъ ему фактовъ значительно увеличится, но способности наблюдать и сравнивать явленія, подводить ихъ подъ общія правила, и провѣрять эти правила опытами, останутся, по всей вѣроятности, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онѣ находились до начала учебныхъ занятій. Учителю, конечно, гораздо легче дать въ руки ученику учебную книгу и наблюдать за исправнымъ выучиваніемъ уроковъ, чѣмъ устраивать такой планъ занятій, при которомъ ученикъ самъ могъ бы доработываться и додумываться до основныхъ законовъ природы; но тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы облегчать задачу учителя; его задача должна быть трудною, чтобы быть плодотворною. Чтобы приносить пользу, учитель долженъ быть человѣкомъ даровитымъ и трудолюбивымъ, а для такого человѣка невыносимо механическое задаваніе и выслушиваніе мертвыхъ книжныхъ уроковъ; для такого человѣка невыносима именно та легкость педагогической задачи, за которою гонятся и которую устраиваютъ себѣ всѣми правдами и неправдами бездарные рутинеры. Напротивъ того, руководить молодой умъ на пути живаго наблюденія и изслѣдованія, укрѣплять его силы постепенно усложняющимися упражненіями, слѣдить за его побѣдами и неудачами — это такая обязательная работа, за которую можетъ приняться съ удовольствіемъ и съ пользою для самого себя свѣтлый и дѣятельный умъ. Тиндалль представляетъ изъ своей собственной педагогической практики такіе факты, которые показываютъ ясно, чего именно онъ требуетъ отъ хорошаго преподавателя физики или какой бы то нибыло другой положительной науки.

„Одною изъ обязанностей, выпавшихъ на мою долю, говорить Тин-

далъ, во время того періода, о которомъ я говорилъ, было преподаваніе математики въ одномъ классѣ, и я находилъ обыкновенно, что Эвклидъ и древняя геометрія, вообще, когда они обращаются къ разуму, составляютъ учебное занятіе, очень привлекательное для молодежи. Я имѣлъ обыкновеніе отвлекать мальчиковъ отъ рутинныя книги, и обращаться къ ихъ самодѣятельности, предлагая имъ для разрѣшенія вопросы, не включенные въ эту рутину. Сначала, это свертываніе съ проторенной дороги возбуждало обыкновенно небольшое неудовольствіе; ученики чувствовали себя такъ, какъ чувствуетъ себя ребенокъ, попавшій въ общество незнакомыхъ людей; но ни разу не случилось со мною, чтобы это неудовольствіе оказалось продолжительнымъ. Когда мальчикъ былъ совершенно обезкураженъ, я ободрялъ его, рассказывая ему анекдотъ о Ньютонѣ, который говорилъ, что онъ отличается отъ другихъ людей только своимъ терпѣніемъ; или о Мирабо, которому слуга доказывалъ, что какое-то дѣло невозможно, и который на эти доводы отвѣчала приказаніемъ никогда впередъ не употреблять этого глупаго слова. Ободренный такимъ образомъ, мальчикъ возвращался къ своей работѣ съ улыбкою, въ которой, быть можетъ, выражалась доля сомнѣнія, но которая, тѣмъ не менѣе, доказывала рѣшимость попытаться снова. Я видѣлъ, какъ загорались его глаза, и наконецъ слышалъ, какъ онъ восклицалъ: „я нашелъ, сэръ!“ съ такимъ удовольствіемъ, которое только своими размѣрами отличалось отъ восторга Архимеда. Сознаніе собственныхъ умственныхъ силъ, пробужденное такимъ образомъ, имѣло громадную цѣну, и воодушевленный этимъ сознаніемъ, классъ дѣлалъ изумительные успѣхи. Я часто давалъ мальчикамъ на выборъ продолжать занятія по книгѣ, или пробовать силы надъ другими предложеніями, которыхъ не было въ учебникѣ. Ни разу не случилось такъ, чтобы ученики выбрали книгу. Я всегда былъ готовъ помочь, когда мнѣ казалось, что помощь необходима, но мои предложенія обыкновенно отклонялись. Мальчики отвѣдали сладость интеллектуальныхъ завоеваній и искали побѣдъ, приобрѣтенныхъ собственными силами. Я видѣлъ ихъ геометрическія чертежи, нацарапанные на стѣнахъ, или вырѣзанные на бревнахъ частокла, которымъ былъ обнесенъ рекреационный дворъ; видѣлъ я также безчисленное множество другихъ наглядныхъ свидѣтельствъ того живаго интереса, который возбуждали къ себѣ эти занятія. Что касается до опытности въ дѣлѣ преподаванія, то я въ это время былъ совершеннымъ птенцомъ; я ничего не зналъ о правилахъ педагогики, какъ ее называютъ нѣмцы; но я былъ проникнутъ тѣмъ духомъ, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого разсужденія, и старался сдѣлать геометрію *средствомъ*, а не *отраслью* образованія. Опытъ оказался успѣшнымъ, и нѣкоторые изъ самыхъ обаятельныхъ часовъ моей жизни были доставлены мнѣ наблюденіями надъ сильнымъ и радост-

нымъ раздвѣтаніемъ мыслительной силы, возбужденной и вызванной вышеописаннымъ способомъ.

„И далѣе, то удовольствіе, которое мы всѣ испытывали, удвоилось, когда мы стали прикладывать наши математическія знанія къ разрѣшенію физическихъ задачъ. Многіе предметы, встрѣчавшіеся на каждомъ шагѣ, получали для насъ такимъ образомъ новую занимательность и новое значеніе. Качель, качальная доска, напряженіе веревокъ въ исполненномъ шагѣ, паденіе и подсакиваніе ножнаго мячика, выгоды маленькаго мальчика сравнительно съ большимъ при крутыхъ поворотахъ, въ особенности въ скользкую погоду: все это становилось предметомъ изслѣдованія. Предположивъ, что дама стоитъ передъ зеркаломъ, которое по своей величинѣ равняется всему ея росту, мы должны были узнать, какая именно часть этого зеркала дѣйствительно полезна дамѣ? И мы съ большимъ удовольствіемъ узнавали тотъ экономическій фактъ, что она можетъ обойтись безъ нижней половины зеркала и при этомъ все-таки увидѣть всю свою фигуру. Насъ также глубоко интересовало то, что по жужжанію пчелы мы опредѣляли, сколько разъ въ минуту маленькое насекомое взмахиваетъ крыльями. Производя наши изслѣдованія надъ маятникомъ, мы интересовались узнать, какимъ это образомъ полковникъ Сабинъ посредствомъ маятника опредѣлилъ фигуру земли, и мы также были очень озадачены тѣмъ заключеніемъ, которое позволяло намъ сдѣлать тотъ же маятникъ, именно тою мыслью, что, если бы ежедневная скорость движенія земли была въ семнадцать разъ больше теперешней, то на экваторѣ центробѣжная сила оказалась бы совершенно равною силѣ тяготѣнія, и что, слѣдовательно, тамошній житель имѣлъ бы одинаковое стремленіе падать и къверху, и кънизу. Всѣ эти вещи были для насъ источниками изумленія и наслажденія; мы не могли не восхищаться настойчивостью человѣка, совершившаго такіе подвиги; и потомъ, когда мы припоминали, что мы сами одарены тѣми же силами, и можемъ трудиться на томъ же обширномъ полѣ, тогда разрастались въ насъ надежды, что когда нибудь въ послѣдствіи мы также съумѣемъ подвинуть дѣло немного впередъ, и присоединимъ къ добытымъ завоеваніямъ результаты нашихъ собственныхъ побѣдъ.

„Я знаю, что мнѣ слѣдуетъ извиниться передъ вами въ томъ, что я такъ долго останавливался на этомъ предметѣ. Но дни, прожитые мною въ средѣ этихъ юныхъ философовъ, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Въ ихъ обществѣ я приобрѣлъ кое-какія свѣденія о себѣ самомъ и о человѣческой природѣ, и оставилъ себѣ нѣкоторое понятіе о призваніи учителя. Если есть въ Англіи профессія неизмѣримой важности, то, по моему мнѣнію, это—профессія школьнаго учителя. И если есть положеніе, въ которомъ недобросовѣстность и бездарность производятъ самый серьезный вредъ, понижая нравственный строй, и возбуж-

дая презрѣніе и хитрость тамъ, гдѣ должны быть вызваны уваженіе и благородная правдивость, то это—положеніе школьнаго учителя. Когда человѣкъ, расширившій свой умъ и свое сердце, входитъ въ общество мальчиковъ, когда онъ вливаетъ въ нихъ струю своей личности, и когда онъ, въ повышеніи ихъ чувствъ и понятій, замѣчаетъ дѣйствіе своего собственнаго характера, тогда нечего и говорить о томъ, что его положеніе почетно. Это—благословенное положеніе. Такой человѣкъ—благодаря для самого себя и для всего, что его окружаетъ. Я полагаю, что такихъ людей можно найти въ Англии, и что разыскивать ихъ обязаны тѣ, кто въ настоящее время занимается устройствомъ учебной части. Потому что, какія бы средства образованія ни были выбраны, физическія или филологическія, успѣхъ всегда будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того количества жизни, любви и серьезности, которое самъ учитель принесетъ съ собою къ своему призванію“ (Р. 24—27).

При разумномъ, практическомъ методѣ преподаванія, физика приноситъ ученику ту пользу, что приучаетъ его къ внимательному наблюденію и къ осмотрительному обобщенію окружающихъ фактовъ. Занимаясь физикою, ученикъ усваиваетъ себѣ индуктивный способъ мышленія, съ которымъ его не можетъ познакомить ни математика, ни латинскій синтаксисъ, ни греческая просодія, ни даже чтеніе божественнаго Гомера или божественнаго Платона. Индуктивный способъ мышленія былъ почти совершенно неизвѣстенъ всей классической древности; древніе мыслители старались отгадывать тамъ, гдѣ необходимо было наблюдать и изучать. Индукція развилась вмѣстѣ съ успѣхами естествознанія; она проявилась въ этихъ успѣхахъ, и она же ихъ породила; поэтому физика, вмѣстѣ съ другими отраслями естествознанія, остается до сихъ поръ и, по всей вѣроятности, останется навсегда для всѣхъ подрастающихъ поколѣній единственною возможною школою индуктивнаго мышленія. Чтобы выучиться наблюденію, надо наблюдать; чтобы выучиться обобщенію, надо обобщать; а когда мы стараемся, по мѣрѣ нашихъ силъ, наблюдать и обобщать тѣ явленія, которыя насъ окружаютъ и такъ или иначе возбуждаютъ наше любопытство и привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе, тогда это значитъ, что мы занимаемся или стараемся заниматься тою или другою отраслью естествознанія, потому что всѣ окружающія насъ явленія составляютъ достояніе той или другой науки, развившейся до извѣстныхъ результатовъ путемъ индукціи, то есть, наблюденія и обобщенія. Если мы хотимъ учиться наблюденію и обобщенію, то мы можемъ выбрать для нашихъ упражненій въ этихъ процессахъ или органическую природу, или неорганическую. Если мы выберемъ органическую природу, то мы, при нашей непривычкѣ наблюдать и обобщать, тотчасъ запутаемся въ лабиринтѣ тѣхъ сложныхъ отпавле-

ній, изъ которыхъ состоитъ жизнь растенія или, тѣмъ болѣе, животнаго. Кромѣ того, мы скоро замѣтимъ, что и растенія, и животныя, вмѣстѣ со всею неорганическою природою, подчинены какимъ-то общимъ законамъ, которые намъ необходимо предварительно узнать для того, чтобы имѣть возможность изучать впослѣдствіи собственно-органическія отправления въ жизни растеній и животныхъ. Эти общіе законы, тѣ законы, по которымъ совершается движеніе, распространяется свѣтъ, звукъ и теплота,—составляютъ предметъ физики. Эти законы проще тѣхъ законовъ, по которымъ совершаются органическія отправления. Эти законы имѣютъ болѣе обширный кругъ дѣйствія. Чтобы добраться до этихъ законовъ, нѣтъ надобности знать предварительно какіе-нибудь другіе законы. Надо только вычислять и измѣрять, то есть усвоить себѣ тѣ навыки и приемы, которые даетъ намъ изученіе арифметики, алгебры и геометріи. По всѣмъ этимъ причинамъ, первый шагъ въ дѣлѣ индуктивнаго мышленія долженъ быть сдѣланъ посредствомъ изученія физики, которая въ свою очередь должна отворить намъ двери въ другія высшія области естествознанія. Во всѣхъ этихъ областяхъ господствуетъ одинъ и тотъ же духъ,—духъ спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдованія, духъ чистой, безкорыстной и неустрашимой любви къ истинѣ, какова бы она ни была, и въ какомъ бы суровомъ видѣ ни представилась бы она непривычнымъ глазамъ новопосвященнаго адепта. Кто входитъ въ эти области естественнымъ путемъ наблюденія и размышленія, тотъ пріучается любить истину во что бы то ни стало, стремиться къ ней силами своего ума и характера, принимать ее съ покорностью и признательностью изъ рукъ соперника или врага, мыслить честно и смѣло, не подкупая себя никакими посторонними соображеніями, и ставить всегда и вездѣ великую общую цѣль,—отъискиваніе истины,—выше мелкихъ и дрянныхъ внушеній личнаго самолюбія. Если умственный трудъ можетъ сдѣлаться школою для характера, то больше всѣхъ другихъ проявленій умственнаго труда способно сдѣлаться такою школою изученіе природы, требующее отъ своихъ адептовъ строгой правдивости, неподкупной зоркости, тонкой проницательности и желѣзнаго терпѣнія. Что говорится объ изученіи природы вообще, то, разумѣется, прилагается въ частности и къ физикѣ, составляющей необходимое начало и первую ступень этого изученія.

Гиндаль думаетъ, что изученіе физики одинаково необходимо для всѣхъ классовъ общества.

„Какъ орудіе умственнаго развитія, говоритъ онъ, изученіе физики полезно всѣмъ: по своему отношенію къ спеціальнымъ занятіямъ, цѣнность этого изученія еще болѣе осязательна, хотя и не такъ велика. Съ какой стати, напримѣръ, члены парламента должны оставаться не-свѣдущими касательно такихъ предметовъ, по поводу которыхъ они

призваны издавать законы? Въ этой странѣ практической физики, зачѣмъ они должны быть неспособными составить себѣ самостоятельное мнѣніе о какомъ нибудь физическомъ вопросѣ? Зачѣмъ сенаторъ, при обсужденіи научнаго вопроса, долженъ отдавать себя на произволь спорящихъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока благодѣтельная дремота не избавитъ его отъ дикаго шума непонятныхъ преній, происходящихъ передъ нимъ въ залѣ комитета? То образование, которое оставляетъ подобные пробѣлы, нарушаетъ свои обязанности передъ Англією. Что касается до нашего рабочаго народа, рабочаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то изученіе физики было бы ему полезно, не только какъ средство интеллектуальнаго развитія, но также и какъ нравственное вліяніе, способное предохранить этихъ людей отъ привычекъ, унижающихъ челоѣческое достоинство. Исправленіе челоѣка зависитъ чаще отъ косвеннаго чѣмъ отъ прямаго дѣйствія воли. Чтобы сломить силу искушенія, воля должна найти себѣ противъ него оплотъ въ какомъ нибудь опредѣленномъ положеніи своей силы. Иьяница, напимѣръ, находится въ опасномъ положеніи, пока онъ только говоритъ или божится, что будетъ воздерживаться отъ пьянства. Его мысли, если онъ не привлечены какою нибудь другою силою, будутъ постоянно возвращаться къ кабаку, и чтобы избавлять его постоянно отъ этого притяженія, вы должны дать ему какой нибудь противоположный интересъ. Придавая предметамъ, окружающимъ постоянно рабочаго челоѣка, такую занимательность, которая будетъ вызывать его на размышленіе, вы откроете ему новыя наслажденія, и каждое изъ этихъ наслажденій сдѣлается для него точкою опоры въ борьбѣ съ искушеніемъ. Кроме того, наши мануфактуры и плавильни представляютъ обширное поле для наблюдений, и еслибы тѣ, которые въ нихъ работаютъ, сдѣлались способными, при содѣйствіи предварительнаго образованія, оцѣнивать то, что они видятъ, то наука обогатилась бы неисчислимыми приобрѣтеніями. Кто можетъ сказать, какіе Самсоны умственнаго міра работаютъ въ настоящую минуту съ закрытыми глазами въ нашихъ манчестерскихъ и бирмингамскихъ кузницахъ и заводахъ? Дайте этимъ Самсонамъ зрѣніе, надѣлите ихъ кое-какими знаніями по части физики, и вы умножите шансы открытій, и тѣмъ самымъ расширите поприще будущаго національнаго процвѣтанія. Въ нашихъ многоразличныхъ техническихъ операціяхъ, мы часто играемъ такими силами, которые, въ случаѣ нашего незнанія, становятся причинами нашей гибели. Въ локомотивѣ дѣйствуютъ такіе двигатели, о которыхъ, по всей вѣроятности, никогда не мечталъ строитель, и которые однако достаточно сильны, чтобы превратить машину въ истребительное орудіе. Далѣе, когда мы подумаемъ объ умственномъ развитіи того народа, который трудится

въ нашихъ угольныхъ копяхъ, тогда мы перестанемъ изумляться тѣмъ ужаснымъ взрывамъ, которые случаются тамъ отъ времени до времени.

„Если бы эти люди обладали достаточными физическими свѣденіями то, безъ сомнѣнія, изъ среды самихъ работниковъ вышла бы такая система предосторожностей, вслѣдствіе которой эти потрясающія событія перестали бы повторяться. Если бы они обладали знаніемъ, то ихъ личные интересы доставили бы имъ необходимый стимулъ для его практическаго приложенія, и такимъ образомъ двѣ цѣли оказались бы достигнутыми въ одно и тоже время — возвышеніе людей и уменьшеніе бѣдствій“ (Р. 21—23).

Приверженцы классическаго образованія никогда не рѣшались утверждать, что вся нація сверху до низу должна учиться греческой и латинской грамматикѣ, читать древнихъ поэтовъ и философовъ, и писать стихи на двухъ мертвыхъ языкахъ. Напротивъ того, эти приверженцы говорили и продолжаютъ говорить положительно, при каждомъ удобномъ случаѣ, что классическое образованіе годится только для высшихъ сословій, для людей богатыхъ и знатныхъ, или, по крайней мѣрѣ, для обезпеченныхъ людей, которымъ нѣтъ надобности искать себѣ хлѣбную работу, и въ виду этой необходимой работы торопиться окончаніемъ подготовительнаго ученія. Приверженцы классическаго образованія хотѣли и хотятъ до сихъ поръ, чтобы въ каждомъ человѣческомъ обществѣ существовали двѣ совершенно различныя и рѣзко разграниченныя системы умственнаго развитія — одна дорогая, основательная, утонченная, самаго высокаго сорта и самой отличной доброты, созданная для господъ и богачей, и другая дешевенькая, плохенькая, считающаяся на живую нитку, и существующая для всякихъ разночинцевъ. Первая ни при какихъ условіяхъ не могла и не должна была, даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ, спускаться къ народу. Второй точно также было на вѣчныя времена запрещено подниматься къ избранному обществу. Переходовъ и промежуточныхъ отбѣнговъ между первою и второю системою не допускалось никакихъ. Приверженцы классическаго образованія попадали такимъ образомъ въ очень странное и до нѣкоторой степени фальшивое положеніе. Чѣмъ больше они прославляли изученіе классической древности, какъ единственную годную подготовку ко всякой серьезной умственной дѣятельности, тѣмъ яснѣе просвѣчивалъ въ ихъ разсужденіяхъ тотъ основной мотивъ, что они очень добросовѣстно стараются всѣми силами навсегда отрѣзать народу путь ко всякому серьезному и здоровому умственному труду.

Изъ словъ Тиндалля мы видимъ, что защитники естествознанія поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Говоря объ умственныхъ потребностяхъ націи, они дѣйствительно подразумѣваютъ всю націю, и не стараются отдѣлать нѣсколькихъ избранныхъ отъ громаднаго большинства народа.

Для нихъ нѣтъ ни избранныхъ, ни отверженныхъ. Они хотятъ, чтобы богачъ и бѣднякъ, лордъ и простой работникъ были способны понимать другъ друга, чтобы основы ихъ умственнаго развитія и существенныя черты ихъ образа мыслей были одинаковы, чтобы между ними было какъ можно больше точекъ соприкосновенія, чтобы число этихъ точекъ увеличивалось съ каждымъ новымъ поколѣнiемъ, и чтобы то различіе, которое неизбежно будетъ существовать между образованіемъ рабочей массы и образованіемъ высшихъ и богатѣйшихъ сословій, было различіемъ, способнымъ постоянно уменьшаться, различіемъ, состоящимъ не въ качествѣ умственнаго закала, а только въ количествѣ свѣденій, добытыхъ изъ школьнаго ученія и изъ прочитанныхъ книгъ. Ни одинъ здравомыслящій человекъ не затруднится рѣшить, которая изъ двухъ противоположныхъ партій готовить націи болѣе спокойную будущность и болѣе счастливое развитіе.

III.

Послѣ лекціи Тиндалля помѣщена въ книгѣ Юманса лекція доктора Добени о необходимости химіи, какъ составной части общаго образованія. Добени, подобно Тиндаллю, сосредоточиваетъ вниманіе своихъ слушателей, не столько на практическую приложимость химіи, сколько на то вліяніе, которое основательное изученіе этой науки можетъ оказывать на умственное развитіе учащихся. Не придавая своимъ разсужденіямъ ни малѣйшаго полемическаго оттѣнка, отзываясь постоянно о классическомъ образованіи со всѣми наружными признаками глубокаго уваженія, Тиндалль, Добени и всѣ остальные натуралисты, которыхъ размышленія помѣщены въ книгѣ Юманса, постоянно поражаютъ любителей классицизма на ихъ собственной почвѣ, ихъ собственнымъ оружіемъ. Любители классицизма говорятъ: мы очень хорошо знаемъ, что англичанинъ нашего времени можетъ съ большимъ удобствомъ прожить свой вѣкъ, не прочитавши ни одной строки Горація или Анакреона; мы очень хорошо знаемъ, что знаніе двухъ древнихъ языковъ не нужно ни для того, чтобы заниматься ремесломъ, ни для того, чтобы завѣдывать фабрикою, ни для того чтобы вести дѣла торговой фирмы, ни для того, чтобы служить въ арміи или во флотѣ, ни для того, чтобы дебютировать въ парламентѣ или защищать кліента передъ судомъ, словомъ, ни для одного изъ тѣхъ многихъ практическихъ занятій, которымъ предаются граждане великобританскаго королевства. Все это мы знаемъ какъ

нельзя лучше; но мы дорожимъ древними языками, грамматиками и литературами, какъ драгоценнымъ и незамѣнимымъ образовательнымъ средствомъ, какъ такую умственную пищу, которая изошряетъ, развертываетъ и укрѣпляетъ самымъ неподражаемымъ образомъ всѣ силы и способности учащейся молодежи.—Мы васъ понимаемъ, отвѣчаютъ на это натуралисты, и мы постараемся вамъ доказать, что наши науки, именно какъ образовательное средство, стоятъ гораздо выше той умственной пищи, которую вы считаете незамѣною.

Добени полагаетъ, что для тѣхъ многочисленныхъ умовъ, которые неспособны задумываться надъ отвлеченными истинами, наполняющими область математики, химія можетъ сдѣлаться превосходною школою мышленія, потому что здѣсь умъ работаетъ надъ осязательными явлениями, и въ каждую данную минуту можетъ повѣрять свой теоретическій выводъ фактами живой дѣйствительности. Лучше всѣхъ другихъ физическихъ наукъ, химія развиваетъ, по мнѣнію Добени, привычки къ точному наблюденію; она приучаетъ человѣка обращать самое строгое вниманіе на всѣ мельчайшія особенности каждаго явленія; постоянно сдерживая порывы фантазіи указаніями опыта, она въ тоже время возбуждаетъ силу воображенія настолько, насколько это необходимо для того, чтобы человѣкъ могъ формировать новыя комбинаціи изъ впечатленій полученныхъ извнѣ; и наконецъ она воспитываетъ въ учащемся способность открывать въ явленіяхъ сходство и различіе, и распределять пеструю массу существующихъ фактовъ по рубрикамъ и категоріямъ естественной классификаціи.

При изученіи химіи, непосредственная работа надъ міромъ дѣйствительныхъ явленій еще болѣе необходима, чѣмъ при изученіи физики. Учиться химіи по книжкѣ безъ лабораторіи все равно, что совѣмъ ей неучиться. Учиться химіи по книжкѣ значитъ заваливать память плохо понятыми научными терминами и формулами. Такія занятія могутъ развить въ учащемся только печальную способность удовлетворяться неполнымъ и неяснымъ пониманіемъ изучаемаго предмета. Въмѣсто того, чтобы укрѣплять мыслительную силу, такія занятія могутъ только отучать молодой умъ отъ серьезнаго мышленія.

Проникши въ лабораторію и вступивъ такимъ образомъ на путь опытнаго изслѣдованія, учащійся, конечно, начинаетъ съ повѣрки тѣхъ простѣйшихъ истинъ, которыя вычитаны имъ изъ первыхъ главъ учебника. Учащійся производитъ опыты, описанные въ книгѣ, и дѣйствуетъ по указанной программѣ, стараясь держаться къ ней какъ можно ближе; но при этомъ онъ не можетъ дѣйствовать машинально; самые простые опыты удаются только въ томъ случаѣ, когда соблюдены всѣ необходимыя условія, и когда все вниманіе экспериментатора, съ начала до конца, остается постоянно сосредоточеннымъ на производящейся

комбинаціи. Учебная книга не может предвидѣть всѣ тѣ мелкія случайности, которыя могут помѣшать успѣху даннаго опыта; наткнувшись на неудачу, начинающій экспериментаторъ становится въ тупикъ, припоминаетъ всѣ мельчайшія подробности своего несостоявшагося опыта, и старается отыскать причину неуспѣшнаго окончанія. Повтореніе опыта производится съ усиленною тщательностью; вниманіе учащагося устремляется преимущественно на ту сторону дѣла, въ которой оказалась, по его мнѣнію, оплошность; въ случаѣ новой неудачи, начинается новое изслѣдованіе причинъ, и такимъ образомъ, дѣлая ошибки и потомъ отыскивая и исправляя ихъ, экспериментаторъ дополняетъ указанія учебника своими собственными наблюденіями, усвоиваетъ себѣ техническую справку своего дѣла, и знакомится со всѣми тѣми особенностями различныхъ тѣлъ, которыя, такъ или иначе, могут видоизмѣнить своимъ вліяніемъ окончательные результаты его манипуляцій. Въ тоже время, чѣмъ ближе учащійся знакомится съ тайнами лабораторіи, тѣмъ чаще напрашивается къ нему въ голову соблазнительная мысль свернуть на минуту съ той проторенной дороги, на которую указываетъ учебникъ, заглянуть мелькомъ въ какойнибудь неизслѣдованный уголокъ химическаго дѣла, и произвести какойнибудь замѣчательный опытъ. Воображеніе учащагося разыгрывается; ему начинаетъ казаться, что онъ можетъ придумать новую комбинацію, посредствомъ которой ему удастся вырвать у природы одну изъ многихъ ея неразоблаченныхъ тайнъ; онъ приступаетъ къ работѣ съ горячностью свойственною молодому изслѣдователю, и вдругъ блистательныя надежды смѣняются горькимъ разочарованіемъ; выведенныя заключенія оказываются скороспѣлыми и неосновательными; воздушный замокъ не выдерживаетъ тѣхъ испытаній, черезъ которыя должна быть проведена въ химической лабораторіи каждая привлекательная гипотеза. Юный экспериментаторъ приходитъ къ тому спасительному убѣжденію, что роскошный полетъ воображенія долженъ постоянно регулироваться указаніями трезваго разсудка и правильно понятаго опыта. Онъ не отказывается придумывать новыя комбинаціи; его работа постоянно наталкиваетъ его на новыя гипотезы; но, путемъ неудачъ и разочарованій, онъ пріучается сдерживать свою фантазію въ должныхъ границахъ; и приходитъ по немногу къ тому равновѣсію различныхъ умственныхъ силъ, которое необходимо для успѣшнаго отправленія всякихъ серьезныхъ обязанностей. Въ немъ развивается умственная требовательность и строжайшая добросовѣстность; въ немъ растетъ и крѣпнетъ неопреодолимое стремленіе отдавать себѣ самый точный и подробный отчетъ въ каждой мельчайшей особенности своего дѣла; ему становится отвратительнымъ всякое умственное неряшество, всякое неумѣніе или нежеланіе довести мысль до конца, всякое поверхностное геніальничаніе, чуждающееся

терпѣливаго чернаго труда и удовлетворяющееся кое-какими натянутыми аналогіями и искусственными полудоказательствами.

Чтобы показать, какое упорство въ преслѣдованіи и повѣркѣ своей мысли развивается въ умномъ человѣкѣ, подѣ влияніемъ постоянныхъ и усидчивыхъ химическихъ занятій, Добени рассказываетъ въ общихъ чертахъ исторію одного изъ важнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ знаменитымъ химикомъ Деви. Въ настоящее время извѣстно, что электричество вольтова столба разлагаетъ воду на ея составныя части, водородъ и кислородъ. Это открытіе, доказавшее связь между электрическимъ притяженіемъ и химическимъ средствомъ, далось сэру Гемфри Деви путемъ продолжительныхъ и разнообразныхъ экспериментовъ.

-Сначала Деви находилъ постоянно, что къ кислороду разложенной воды примѣшивается кислота, а къ водороду щелочь и даже известь. Деви предположилъ, что эти постороннія частицы отдѣляются отъ стѣнокъ сосуда, и отъ другихъ тѣлъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ разлагаемою водою. Онъ сообразилъ, что стеклянный сосудъ производить соду, а хлопчатая бумага, которою были соединены полюсы электрическаго аппарата, порождаетъ соляную кислоту. Тогда вмѣсто стекляннаго сосуда онъ взялъ агатовый, а вмѣсто хлопчатой бумаги волокна аміанта или горнаго льна. Вода разложилась, но не смотря на принятія предосторожности, у положительнаго полюса опять появилась соляная кислота, а у отрицательнаго—сода. Деви повторилъ опытъ много разъ, и всякій разъ получались приблизительно одинаковые результаты. Деви заключилъ, что агатъ разлагается, и замѣнилъ его чистымъ золотомъ. При разложеніи воды, щелочь продолжала появляться по прежнему. Тогда Деви подвергнулъ ту воду, которую онъ употребилъ для своихъ экспериментовъ, самому тщательному химическому анализу, не смотря на то, что эта вода была дистиллирована. Въ квартѣ воды оказалось семь десятыхъ грана солянаго вещества. Деви еще разъ самымъ тщательнымъ образомъ дистиллировалъ воду въ серебрянныхъ сосудахъ, представляя себѣ, что уже послѣ этой послѣдней операціи, не откуда будетъ взятыя никакой посторонней примѣси. Разложивъ воду посредствомъ электрическаго тока, Деви нашелъ однакоже, что по прежнему получаютъ на обоихъ противоположныхъ полюсахъ кислота и щелочь. Но вмѣсто соды получился амміакъ, а вмѣсто соляной кислоты селитряная. Тогда Деви остановился на томъ предположеніи, что оба эти вещества составились изъ соединенія азота, заключающагося въ окружающемъ воздухѣ, съ обѣими составными частями разложенной воды, т. е., съ кислородомъ и водородомъ. Чтобы провѣрить эту гипотезу, потребовалось еще послѣднее, рѣшительное испытаніе. Надо было отдѣлить воду отъ соприкосновенія съ атмосфернымъ воздухомъ; поэтому, Деви произвелъ разложеніе воды въ безвоздушномъ пространствѣ, подѣ коло-

колодъ воздушнаго насоса. А чтобы успѣху опыта не помѣшалъ воздухъ, находящійся въ самой водѣ, Деви до начала разложенія выгналъ изъ нея весь воздухъ посредствомъ тщательнаго кипяченія. По видимому, всѣ причины неудачи были устранены, а между тѣмъ успѣхъ опыта еще разъ оказался неполнымъ, селитряная кислота появилась снова, хотя и въ гораздо меньшихъ доляхъ, чѣмъ при прежнихъ опытахъ. Для Деви такой неполный успѣхъ равнялся полному неуспѣху; никакіе приближительные результаты не могли его удовлетворить; для него было невысказано объяснить себѣ вкрадшуюся погрѣшность какимъ нибудь правдоподобнымъ предположеніемъ, и потомъ успокоиться на этомъ непрѣрвенномъ предположеніи. Ему надо было, во что бы то ни стало, устранить погрѣшность, и доказать самому себѣ, не путемъ логическихъ выкладокъ и разсужденій, а неопровержимымъ свидѣтельствомъ осязательныхъ фактовъ, что случившаяся погрѣшность обусловливается именно тою или другою причиною. Деви объяснилъ себѣ неудачу послѣдняго опыта тѣмъ обстоятельствомъ, что, по всей вѣроятности, воздухъ недостаточно хорошо былъ вытянутъ изъ подъ того колокола, подъ которымъ производилось разложеніе воды.

Чтобы вполне обезпечить себя съ этой стороны, Деви сначала вытянулъ воздухъ, потомъ наполнилъ колоколъ чистымъ водородомъ, и затѣмъ еще разъ опорожнилъ колоколъ самымъ тщательнымъ образомъ. Наконецъ, долговременные труды великаго изслѣдователя увѣнчались самымъ полнымъ успѣхомъ. Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ подъ-рядъ Деви подвергалъ воду, поставленную подъ опорожненный колоколъ, дѣйствию voltaическаго электричества, и во все это время не получилось ничего, кромѣ чистаго кислорода и чистаго водорода. Самый строгій химическій анализъ не могъ показать ни малѣйшихъ слѣдовъ щелочи и кислоты, которыя такъ долго преслѣдовали неутомимаго экспериментатора.

Мы не будемъ распространяться о научномъ значеніи того опыта, который такъ долго не удавался гениальному изслѣдователю. Для насъ, въ настоящую минуту, интересна только психологическая сторона рассказаннаго эпизода. Для насъ важенъ преимущественно тотъ комплектъ умственныхъ привычекъ, тотъ строй умственной выдержки или дисциплины, тотъ колоритъ отношеній человѣка къ своему труду, который обнаруживается съ поразительною яркостью въ этомъ величественномъ столкновеніи и въ этой глубоко драматической борьбѣ анализирующей мысли съ слѣпыми силами матеріи, подчиненными на вѣчныя времена неизблѣннымъ и ненарушимымъ законамъ.

Мы привыкли называть гениями тѣхъ людей, которые сдѣлали какое бы то ни было важное открытіе въ области науки. Та идея, которую мы связываемъ съ словомъ *genій*, состоитъ, по нашему мнѣнію, изъ двухъ

главныхъ и существенно различныхъ элементовъ. Во первыхъ, чтобы изъ рассмотретья и сличенія такихъ фактовъ, которые находятся передъ глазами у цѣлой толпы изслѣдователей, вывести такую идею, которая не приходила въ голову ни одному изслѣдователю, надо обладать необыкновенною силою умственныхъ способностей. Эта сила, по всей вѣроятности, родится вмѣстѣ съ человѣкомъ, и не можетъ быть привита никакимъ воспитаніемъ, какъ бы оно ни было рационально устроено. Но эта сила сама по себѣ недостаточна для того, чтобы превратить остроумную и привлекательную гипотезу въ общепризнанную научную истину. Влестящія гипотезы сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія ни въ наукѣ, ни въ практической жизни; онѣ каждый день возникаютъ и лопаются, какъ мыльные пузыри, не оставляя послѣ себя никакого прочнаго слѣда, и авторы ихъ считаются совсѣмъ не гениями, а только остроумными фантазерами, если у нихъ недостаетъ знаній, умѣнія и терпѣнія на то, чтобы защитить свою идею противъ всевозможныхъ сомнѣній, возраженій и опроверженій. Наткнувшись на счастливую идею, человѣкъ долженъ доказать ея вѣрность себѣ и другимъ. Чтобы серьезно доказывать какую бы то ни было новую и оригинальную мысль, и чтобы этими доказательствами одержать побѣду надъ всѣми ея противниками, — надо собирать факты, надо разсматривать ихъ съ той или другой стороны, надо подвергать ихъ тому или другому освѣщенію, надо изучать и критиковать ихъ; словомъ, надо трудиться много и долго, терпѣливо и послѣдовательно, со смысломъ и съ знаніемъ дѣла. Это умѣніе трудиться и бороться за идею составляетъ второй необходимый элементъ гениальности, и этотъ второй элементъ можетъ быть пріобрѣтенъ, посредствомъ разума и цѣлесообразнаго воспитанія, каждымъ здоровымъ и неглупымъ человѣкомъ. Если человѣкъ съ молодыхъ лѣтъ занимается такимъ дѣломъ, въ которомъ каждый шагъ впередъ требуетъ хладнокровія и терпѣнія, и если это дѣло привязываетъ къ себѣ человѣка, то можно сказать навѣрное, что этотъ человѣкъ скоро выучится размышлять и дѣйствовать хладнокровно и терпѣливо. Если человѣкъ изучаетъ серьезно и съ любовью такую науку, которая во всѣхъ своихъ подробностяхъ можетъ служить образцомъ и школою послѣдовательнаго и осмотрительнаго мышленія, то навѣрное этотъ человѣкъ, самъ того не замѣчая, подчинится дисциплинирующему дѣйствию этой любимой науки, и на всю жизнь внесетъ въ мѣръ собственной мысли ту послѣдовательность и ту осмотрительность, съ которыми онъ освоился въ сферѣ своихъ научныхъ занятій.

Съ одной стороны, не трудно понять, что громадный умъ, не выдрессированный основательнымъ научнымъ образованіемъ, не выдержанный въ школѣ строгаго и точнаго мышленія, не закаленный въ привычкахъ къ упорному и отчетливому труду, останется въ большей части

случаевъ яркимъ, но безплоднымъ явленіемъ; изъ такого громаднаго ума выработается, по всей вѣроятности, блестящій диллетантъ, который пробѣжитъ черезъ всѣ области человѣческаго знанія, набросаетъ въ каждую изъ нихъ по нѣскольку остроумныхъ гипотезъ, и ни на одной изъ этихъ областей не остановится для того, чтобы оплодотворить ту или другую изъ нихъ усидчивымъ и послѣдовательнымъ трудомъ. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что обыкновенный умъ, усвоившій себѣ хорошіе приемы и навыки, можетъ работать съ успѣхомъ и съ пользою на всѣхъ поприщахъ научной и практической дѣятельности. Если два послѣднія соображенія будутъ признаны вѣрными, то надо будетъ согласиться, что изъ двухъ составныхъ элементовъ гениальности второй, тотъ, который приобрѣтается воспитаніемъ, важнѣе перваго, то есть того, который дается самою природою.

Если бы мы даже, принимая въ расчетъ ту скупость, съ которою природа производитъ гениальныхъ людей, пришли къ тому убѣжденію, что первый элементъ драгоцѣннѣе втораго, то и въ этомъ случаѣ мы все-таки должны были бы признаться, что въ практическомъ отношеніи второй важнѣе перваго. Понятно, почему. Мы до сихъ поръ не имѣемъ подъ руками такихъ мѣръ, посредствомъ которыхъ мы могли бы увеличить число счастливыхъ рожденій, дающихъ міру гениальныхъ дѣтей. Напротивъ того, мы уже знаемъ достовѣрно, по теоретическимъ соображеніямъ и по многократнымъ опытамъ, что извѣстная система умственныхъ занятій развиваетъ въ человѣкѣ всѣ тѣ свойства и привычки, которыя одинаково необходимы, для общепользующей дѣятельности, и гению, и обыкновенному здоровому уму. Поэтому, всѣ наши размышленія о необходимости перваго элемента не заставятъ насъ принять никакого пракческаго рѣшенія. Напротивъ того, когда мы убѣдимся въ необходимости втораго элемента, и когда мы поймемъ, что этотъ второй элементъ необходимъ для всей массы размышляющихъ людей, — тогда мы, всею тяжестью просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія, склонимся на сторону тѣхъ воспитывающихъ научныхъ занятій, посредствомъ которыхъ въ человѣкѣ развивается съ ранней молодости способность къ добросовѣстному мышленію, къ упорному и отчетливому изслѣдованію, и къ терпѣливому труду.

„Я, — говоритъ Добени, окончивъ свой рассказъ объ открытіи Деви, — тѣмъ болѣе былъ расположенъ остановиться на этомъ особомъ родѣ изслѣдованія, что здѣсь философскій характеръ сэра Гемфри Деви представляется далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ его обыкновенно рассматриваютъ поверхностные наблюдатели. Онъ является здѣсь не такою личностью, которая внезапною внушеніемъ своего гениа схватывала сразу блестящія открытія, производившія переворотъ въ цѣлой наукѣ; а напротивъ того, такимъ дѣятелемъ, который, долгимъ и многотруд-

нымъ путемъ изслѣдованія, доходилъ до осуществленія мечты, представившейся сначала въ неясныхъ очеркахъ его могучему уму“.

„Если мы признаемъ, что двумя важнѣйшими услугами, оказанными этимъ великимъ мыслителемъ его любимой наукѣ, были: открытiе щелочныхъ и землистыхъ основанiй, и исправленiе нашихъ взглядовъ на сущность хлорина, — первое, какъ важнѣйшiй вкладъ его въ область научныхъ фактовъ, а второе, какъ важнѣйшее усовершенствованiе, сдѣланное имъ въ логикѣ науки, — то мы найдемъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ результаты были добыты очень терпѣливымъ изслѣдованiемъ, многими мелкими и по видимому пустыми манипуляцiями, и такою настойчивостью въ стремленiи къ цѣли, которую не могли побѣдить никакiя препятствiя, усѣвавшiя на каждомъ шагѣ его пути.

„Учащемуся полезно получить во время то указанiе, что таково обыкновенно удѣлъ генiя, не только тогда, когда онъ посвящаетъ свои силы наукѣ, но и тогда, когда онъ работаетъ въ какой нибудь другой отрасли умственной дѣятельности; это правило одинаково подтверждается примѣрами Деви и Либиха, или примѣрами Фокса и Шеридана. Въ силу закона, господствующаго надъ нашею физическою природою, мы можемъ переваривать, уподоблять и комбинировать, съ большею или меньшею легкостью, материалы, находящiеся у насъ подъ рукою, но мы не можемъ создавать ихъ, въ точномъ смыслѣ этого слова; такъ точно, ни одинъ умъ, какъ бы онъ ни былъ могучъ, ни одно воображенiе, какъ бы оно ни было плодovitо, не могутъ идти съ успѣхомъ къ какой бы то ни было хорошей цѣли, если они не пользуются въ обширныхъ размѣрахъ запасами знанiй, собранныхъ другими людьми, и если они не располагаютъ умственнымъ фондомъ, составленнымъ изъ собственныхъ опытовъ и наблюденiй“ (Р. 43, 44).

Доказавъ пользу химiи, какъ образовательнаго средства, Добени дѣлаетъ нѣсколько замѣчанiй о значенiи химiи въ ряду другихъ естественныхъ наукъ и о необходимости знать химiю для того, чтобы изучать жизнь растений и животныхъ, и для того, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ тѣхъ измѣненiяхъ, которыя совершались и совершаются постоянно на поверхности земнаго шара. Далѣе, Добени говоритъ о тѣхъ практически полезныхъ свѣденiяхъ, которыя химiя можетъ дать людямъ, стоящимъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Затѣмъ, Добени пускается въ общiя размышленiя о той системѣ образованiя, которая господствуетъ въ Англiи.

„Кто находитъ, говоритъ онъ, что дѣтей слѣдуетъ учить только тому, что было сказано и сдѣлано другими людьми, — для того примѣръ Китайцевъ можетъ служить поучительнымъ предостереженiемъ. Мы здѣсь видимъ націю, отодвинувшуюся назадъ на пути цивилизацiи, вслѣдствiе того, что она полагалась исключительно на мудрость своихъ предковъ;

слѣдовала въ техническомъ производствѣ тѣмъ правиламъ, которыя были ей переданы изъ далекаго прошедшаго; и посвящала большую часть своихъ ученыхъ досуговъ изученію всѣхъ тонкостей такого языка, которому по видимому можно выучиться вполнѣ только проработавши надъ нимъ цѣлую жизнь.

„Надо, впрочемъ, отдать справедливость этому народу въ томъ отношеніи, что онъ лучше другихъ націй можетъ оправдать свое пристрастіе къ стариннымъ понятіямъ и обычаямъ. За долго до того времени, когда Европа вышла изъ варварства, Китай обладалъ искусствомъ книгопечатанія, порохомъ и компасомъ—его жители одѣвались въ шолкъ, что считалось у насъ царственною роскошью, даже во времена королевы Елисаветы, довели до совершенства обработку фарфора, и поставили на высокую степень развитія земледѣліе и многія отрасли промышленности. Обширная китайская имперія пользовалась патріархальнымъ управленіемъ; у нея была аристократія, основанная исключительно на разумномъ принципѣ интеллектуальнаго превосходства, засвидѣтельствованнаго публичными состязаніями; въ этой имперіи существовала полная система внутреннихъ сообщеній посредствомъ дорогъ и каналовъ; и былъ составленъ сводъ законовъ, который, даже съ нашей теперешней точки зрѣнія, оказывается проникнутымъ, по мнѣнію компетентныхъ судей, практическимъ благоразуміемъ и европейскимъ здравомысліемъ. Слѣдуетъ ли удивляться тому, что, окруженный ордами простыхъ дикарей, и не получая никакихъ благоприятныхъ свѣденій о болѣе отдаленныхъ націяхъ, Китай воспиталъ въ себѣ преувеличенное уваженіе къ своему матеріальному и умственному превосходству, и вообразилъ себѣ, будто бы, при его высокомъ положеніи, перемѣны составляютъ единственную опасность, отъ которой должно остерегаться? — И между тѣмъ, послѣ десяти вѣковъ застоя, какое зрѣлище представляетъ намъ эта нація? Народонаселеніе изнѣженное и униженное, стоящее позади насъ даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыми оно преимущественно гордится, и неспособное усвоить себѣ въ какихъ бы то ни было размѣрахъ изобрѣтенія другихъ народовъ; обезьянье племя, грязное и чувственное;—и классъ педантовъ, равнодушныхъ ко всякой отвлеченной наукѣ, и способныхъ интересоваться только тѣми подробностями, которыя обѣщаютъ какую нибудь осязательную и непосредственную выгоду. Я, конечно, не имѣю намѣренія сравнивать философію Конфуція съ философіею Аристотеля, или литературныя произведенія монгольской націи съ созданіями, порожденными высшимъ умственнымъ типомъ, до котораго когда либо возвышалось человѣчество. Но дурныя послѣдствія, на которыя я указывалъ, произошли, какъ мнѣ кажется, не отъ низаго достоинства тѣхъ образцовъ, съ которыхъ китайцы про-

изводили копии, а отъ ихъ рабскаго подчиненія этимъ образцамъ“ (Р. 59, 60).

Это указаніе на примѣръ китайцевъ тѣмъ болѣе выразительно и поучительно, что его дѣлаетъ профессоръ оксфордскаго университета, знаменитѣйшаго разсадника тѣхъ идей и стремленій, благодаря которымъ Англія рискуетъ уподобиться Китаю. Въ лекціи Тиндалля мы уже видѣли выраженіе той же идеи, которую здѣсь развиваетъ Добени. Тиндалль также протестовалъ очень громко противъ подобострастныхъ отношеній къ мудрости далекаго прошедшаго. Тотъ же мотивъ проходитъ, какъ мы увидимъ ниже, черезъ всѣ замѣчательнѣйшія лекціи, собранныя въ книгѣ Юманса.

„Защитники чисто классическаго образованія, говоритъ далѣе Добени, упускаютъ изъ виду нѣкоторыя соображенія, помимо которыхъ трудно добраться до правильнаго заключенія по такому предмету.

„Во-первыхъ, какъ я уже замѣтилъ, желательно воспитывать и развивать способность тщательно наблюдать, ясно понимать и правильно классифицировать встрѣчающіеся предметы. Всѣ эти дарованія всего лучше могутъ быть развиваемы въ ранній періодъ жизни, и ничто не можетъ развернуть ихъ такъ полно, какъ курсъ химическаго изученія.

„Во-вторыхъ тѣ многія неотразимыя вліянія, которыя принуждаютъ учащагося окунуться въ дѣятельную жизнь тотчасъ послѣ выхода изъ школы или университета, часто мѣшаютъ ему усвоить себѣ сколько нибудь здравыя понятія о физической наукѣ, если эта наука не входитъ въ составъ его школьнаго образованія.

„Наконецъ, очень значительная часть человѣчества по складу своего ума неспособна заниматься науками, преподаваемыми въ нашихъ университетахъ, съ тѣмъ успѣхомъ, который требуется для того, чтобы эти занятія могли принести ожидаемую отъ нихъ пользу.

„Въ учебномъ заведеніи, предназначенномъ для воспитанія юношества цѣлой страны, какъ бы высоко ни поднимались требованія, дающія права на отличіе, во всякомъ случаѣ уровень общеобязательныхъ требованій долженъ стоять низко; между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что большинство молодыхъ людей, учащихся въ университетѣ, дойдя до этого общеобязательнаго уровня безъ малѣйшихъ усилій, нисколько не старается идти далѣе и подниматься выше.

„И это равнодушіе съ ихъ стороны не должно быть приписано ни отсутствію доброй воли, ни недостатку умственныхъ способностей, потому что эти же самые люди, въ своей послѣдующей жизни, обнаруживаютъ большую рачительность и значительное здравомысліе, въ качествѣ приходскихъ священниковъ, или должностныхъ лицъ, или даже членовъ законодательнаго собранія. Ихъ прежняя умственная апатія, въ отношеніи ко всѣмъ академическимъ занятіямъ, происходила, какъ

я думаю, въ значительной степени оттого, что они были неспособны углубляться въ философію древняго міра, или привязываться душою къ его ораторамъ, историкамъ или поэтамъ.

„Если съ этою неспособностью къ литературнымъ занятіямъ соединяется одинаковое нерасположеніе къ отвлеченному изученію или къ высшимъ отраслямъ математики, то всякій легко пойметъ, что такіе юноши мало подвинутся впередъ съ того пункта, на которомъ они остановились въ школѣ, и что время, которое они проведутъ въ университетѣ, будетъ потрачено преимущественно на охоту, рыбную ловлю и другія, еще менѣе полезныя забавы.

„Людамъ такого умственнаго склада особенно полезно изученіе опытныхъ наукъ, потому что сильно практическія стремленія ихъ умовъ, мѣшающія имъ предаваться съ успѣхомъ главнымъ университетскимъ занятіямъ, дѣлаютъ ихъ преимущественно способными наблюдать явленія природы и, кромѣ того, въ большей части случаевъ оказываются сопряженными съ тою сообразительностью и проницательностью, которыя необходимы для истолкованія подмѣченныхъ фактовъ.“

V.

Теперь мы перейдемъ въ область біологіи, то есть будемъ объяснять, по тѣмъ матеріаламъ, которые даетъ книга Юманса, образовательное вліяніе тѣхъ наукъ, которыя занимаютъ явленіями органической природы. Всѣ живые организмы, существующіе на земномъ шарѣ, распадаются, какъ извѣстно, на два огромныя царства, — растительное и животное. Первымъ изъ этихъ двухъ царствъ занимается ботаника, вторымъ зоологія. Въ обѣихъ этихъ наукахъ, находящихся въ тѣснѣйшемъ родствѣ между собою, господствуютъ одни и тѣ же методы изслѣдованія; знаніе обѣихъ наукъ одинаково необходимо всякому, кто желаетъ имѣть сколько нибудь отчетливое понятіе о томъ, что совершается въ природѣ, вокругъ него и въ немъ самомъ. Поэтому, доказывать отдѣльно, сначала важность ботаники, потомъ важность зоологіи, значило бы впадать въ неизбѣжныя повторенія, очень утомительныя и нисколько неубѣдительныя для читателя.

Въ книгѣ Юманса четыре лекціи (Генри — о ботаникѣ, Гексли — о зоологіи, Паджета — о физиологіи, и самого Юманса — объ изученіи человѣка) посвящены защитѣ біологическихъ наукъ противъ тѣхъ застарѣлыхъ предубѣжденій, которыя до сихъ поръ поддерживаются даже

въ Англіи непризванными руководителями общественнаго мнѣнія, людьми, посѣдѣвшими надъ словарями и грамматиками и старающимися убѣдить себя и другихъ въ томъ, что трудъ цѣлой ихъ жизни принесъ очень много пользы ихъ соотечественникамъ. Защитники естествознанія говорятъ самымъ скромнымъ и умѣреннымъ тономъ; всѣ они, наперерывъ другъ передъ другомъ, свидѣтельствуютъ свое глубокое уваженіе тѣмъ чисто литературнымъ занятіямъ, которыя до сихъ поръ господствовали въ англійскихъ школахъ и коллегіяхъ; и всѣ они только позволяютъ себѣ замѣтить, что преобладаніе классическихъ языковъ и литературъ черезъ-чуръ исключительно, и что не мѣшало бы отвести уголь для... для чего же именно?.. тутъ каждый изъ адвокатовъ произноситъ имя той науки, которую онъ защищаетъ, и не говоритъ ни слова о тѣхъ наукахъ, которыя защищаются его товарищами. Вслѣдствіе этого, каждое требованіе, взятое отдѣльно, кажется очень скромнымъ и удобоисполнимымъ. Отчего бы въ самомъ дѣлѣ не ввести въ училище преподаваніе ботаники, въ размѣрѣ двухъ-трехъ уроковъ въ недѣлю, не стѣсняя для этого новаго учебнаго предмета ни греческую грамматику, ни переводы съ латинскаго на греческій, ни сочиненіе латинскихъ стиховъ? Но бѣда состоитъ въ томъ, что если одно требованіе покажется вамъ законнымъ, то и другое, и третье, и четвертое требованіе точно также покажутся вамъ основательными и разумными. Если вы убѣдитесь тѣми доказательствами, которыя приводятся въ пользу ботаники, то вамъ нечего будетъ возразить адвокатамъ физики, химіи, фізіологіи и зоологіи. Если вы отворите дверь одной отрасли естествознанія, то въ эту дверь надо будетъ впустить и всѣ остальные отрасли, потому что всѣ естественныя науки находятся въ тѣсной связи между собою, и постоянно опираются одна на другую.

Поэтому скромность тѣхъ требованій, которыя высказываются англійскими натуралистами, никого не должна вводить въ заблужденіе. Совокупность этихъ требованій клонится положительно къ полному и самому радикальному перевороту въ той системѣ общаго образованія, которая господствовала въ Англіи со временъ реформациі.

Какъ ботаника, такъ и зоологія распадаются на двѣ главныя части, абстрактную и конкретную. Первая занимается изслѣдованіемъ общихъ законовъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершаются жизненныя отправления всѣхъ растений и всѣхъ животныхъ. Вторая занимается описаніемъ частныхъ явленій, то есть, тѣхъ формъ, въ которыхъ выражается на земномъ шарѣ растительная и животная жизнь, и въ которыхъ проявляется дѣйствіе общихъ законовъ, открытыхъ абстрактною частью науки.

Абстрактная часть обоихъ главныхъ отдѣловъ біологіи въ свою очередь распадается на три части.

Первая изъ нихъ, *морфологія* или *анатомія*, занимается обобщен-

ніями, законами или принципами, относящимися къ формѣ или организации растений и животныхъ. Вторая, *физиологія*, занимается обобщеніями, законами или принципами, относящимися къ тѣмъ процессамъ, которыхъ совокупность образуетъ жизнь растений и животныхъ. Третья, *таксономія*, занимается принципами классификаціи растений и животныхъ.

Какимъ образомъ производятся изслѣдованія въ области морфологіи—это показываетъ очень наглядно Гексли въ своей лекціи объ изученіи зоологіи. Гексли беретъ морскаго рака, рассматриваетъ его и обращаетъ вниманіе слушателей на тотъ общезвѣстный фактъ, что такъ называемый хвостъ рака состоитъ изъ шести отдѣльныхъ твердыхъ колець и изъ седьмой вѣрообразной оконечности. Отдѣливъ отъ этого хвоста одно изъ колець, Гексли замѣчаетъ, что къ его нижней поверхности прикрѣплена пара членовъ и что каждый изъ нихъ состоитъ изъ трехъ частей, связанныхъ между собою суставами. Рассматривая каждое кольцо отдѣльно, Гексли убѣждается въ томъ, что всѣ они устроены одинаково: къ каждому кольцу прикрѣплено по два членика, и каждый членикъ заключаетъ въ себѣ три отдѣльныя части. Если мы возьмемъ, напримѣръ, второе кольцо хвоста, то, рассматривая отдѣльно всѣ части этого кольца, мы можемъ найти строго соотвѣтствующія имъ части въ третьемъ, четвертомъ или пятомъ кольцѣ. Эти части, взаимно соотвѣтствующія другъ другу, называются на языкѣ анатомовъ, *гомологичными* частями. Если мы попробуемъ сравнить второе кольцо съ шестымъ, то мы замѣтимъ между ними значительное сходство и въ тоже время нѣкоторое различіе. Самыя кольца очень похожи другъ на друга, и каждое изъ нихъ снабжено парю члениковъ, состоящихъ изъ трехъ отдѣленій; но въ шестомъ кольцѣ первое отдѣленіе каждаго членика укорочено и утолщено, а послѣднія два отдѣленія расширены и сплющены. Почти такіе же результаты даетъ намъ сравненіе среднихъ колець съ первымъ кольцомъ, примыкающимъ прямо къ грудному щиту рака. Рядъ этихъ простыхъ наблюденій, доступныхъ каждому зрячему человѣку, приводитъ насъ къ тому предположенію, что хвостъ рака составленъ изъ нѣсколькихъ кусковъ, въ которыхъ одинаковый основной планъ подвергается различнымъ измѣненіямъ. Отъ хвоста изслѣдователь переходитъ къ передней части тѣла. Съ перваго взгляда трудно найти какое нибудь сходство между сплошнымъ щитомъ, покрывающимъ голову и грудь животнаго, и хвостомъ, составленнымъ изъ семи отдѣльныхъ кусочковъ. Затрудненіе еще болѣе увеличивается, когда изслѣдователь, поворотивъ рака брюхомъ вверхъ, видитъ, что къ нижней поверхности его тѣла прикрѣплены сначала длинные усы или щупальца, потомъ шесть паръ челюстей, окружающихъ собою ротъ животнаго, и наконецъ пять паръ ногъ, изъ которыхъ передняя пара заканчивается большими клешнями. Повидимому нѣтъ возможности отыскать въ этой

сложной системѣ разнообразныхъ органовъ рядъ колець, снабженныхъ парами трехъ суставчатыхъ члениковъ. Однакожъ, отдѣляя отъ тѣла животнаго его ноги, изслѣдователь замѣчаетъ, что каждая пара прикрѣплена къ ясно обозначенному отрѣзку на нижней поверхности щита. Вглядываясь въ эту нижнюю поверхность, изслѣдователь убѣждается въ томъ, что она составилась изъ сляянiя нѣсколькихъ отдѣльныхъ колець. Разсматривая отдѣльно каждую пару ногъ, усовъ или челюстей, изслѣдователь видитъ, что всѣ эти члены составлены по тому же основному плану, который былъ подмѣченъ въ членикахъ, прикрѣпленныхъ къ нижней поверхности хвоста. Въ концѣ концовъ, получается тотъ результатъ, что тѣло рака составлено изъ двадцати колець, то есть, что на каждую пару членовъ приходится по одному кольцу; изъ этихъ двадцати колець шесть заднихъ остаются свободными и подвижными, а четырнадцать переднихъ срастаются наглухо, такъ что ихъ верхняя часть образуютъ сплошной щитъ, въ которомъ не видно уже никакихъ швовъ или спаекъ.

Но какимъ путемъ можно доказать, что все это дѣйствительно правда. и что планъ, подмѣченный изслѣдователемъ въ организаци морскаго рака, не навязанъ природѣ досуею фантазiею самаго же изслѣдователя? Если давать волю такимъ предположенiямъ, что въ одномъ мѣстѣ кое-что прибавлено, а въ другомъ убавлено, а въ третьемъ измѣнено,— то можно будетъ, безъ особеннаго труда, подмѣтить въ чемъ угодно какой угодно основной планъ. Чтобы этотъ будто бы подмѣченный планъ имѣлъ сколько нибудь серьезное научное значенiе, надо сначала доказать, что природа дѣйствительно строитъ по этому плану, то есть, что всѣ различные органы рака дѣйствительно выработались изъ колець, снабженныхъ парными члениками! Словомъ, анатомъ долженъ обратиться къ исторiи развитiя или къ эмбриологiи, чтобы отыскать надежное подтвержденiе тѣмъ заключенiямъ, которыя добыты путемъ разсматриванiя и разсѣченiя взрослыхъ животныхъ.

Обращаясь къ фактамъ эмбриологiи, изслѣдователь находитъ, что ракъ сначала былъ яйцомъ, полужидкою массою желтка, заключенною въ прозрачную оболочку; въ этой каплѣ желтка, которая по величинѣ своей едва равнялась булавочной головкѣ, не видно было ни малѣйшихъ признаковъ тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ органовъ, которыми одарено взрослое животное. Черезъ нѣсколько времени на одной сторонѣ желтка появилось крошечное накопленiе клѣточекъ, которое постепенно разрослось и начало дѣлиться поперечными полосками на кусочки. Эти кусочки сдѣлались основою будущихъ колець; на нижней поверхности cadaго изъ этихъ кусочковъ появилось по двѣ бородавки, изъ которыхъ начали развиваться будущiе членики. Сначала всѣ эти членики совершенно похожи другъ на друга, но чѣмъ дальше идетъ

процессъ развитія, тѣмъ болѣе они расходятся между собою, до тѣхъ поръ, пока наконецъ они приобрѣтаютъ свою окончательную форму, при чемъ также переднія кольца или кусочки сливаются и срастаются въ одинъ сплошной щитъ.

Морфологическія наблюденія, подтвержденные такимъ образомъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ эмбриологін, дѣлаются основаніемъ классификаціи. Принимая того же морскаго рака за исходную точку своихъ изслѣдованій надъ животнымъ царствомъ, зоологъ замѣчаетъ, что нѣкоторые животныя очень похожи на рака, другія менѣе похожи, третьи еще менѣе, и такъ далѣе, пока наконецъ онъ доберется до такихъ животныхъ, которыя совершенно не похожи на рака, или, вѣрнѣе, имѣютъ съ нимъ только тѣ общіе признаки, которыми всякое животное отличается отъ растенія. Изъ животныхъ, очень сходныхъ между собою, составляется тѣсная группа, называемая родомъ; нѣсколько родовъ, имѣющихъ значительное количество общихъ признаковъ, составляютъ семейство; изъ нѣсколькихъ семействъ, болѣе сходныхъ между собою, чѣмъ съ другими семействами, образуется порядокъ, а изъ нѣсколькихъ порядковъ составляется классъ.

Сравнивая различныя животныя формы съ морскимъ ракомъ и собирая въ одну группу сходныя и родственныя явленія, натуралистъ составляетъ себѣ наконецъ понятіе о классѣ скорлуповатыхъ или ракообразныхъ животныхъ. Онъ сравниваетъ этотъ классъ съ другими классами, и замѣчаетъ, что нѣкоторые классы имѣютъ съ нимъ больше сходства, чѣмъ другіе. Эти болѣе сходные классы, — наѣкомыя, пауки, многоножки, — включаются вмѣстѣ съ ракообразными въ обширную область членистыхъ или суставчатыхъ животныхъ. Наконецъ, эти членистыя животныя вмѣстѣ съ червями и глистами входятъ въ составъ еще болѣе обширной группы, такъ называемаго подцарства кольчатыхъ (*Annulosa*).

Это составленіе группъ, соподчиненныхъ другимъ, болѣе обширнымъ группамъ, которыя, въ свою очередь, соединяются въ другія еще болѣе обширныя группы, совершенно необходимо для того, чтобы изслѣдователь не растерялся въ безконечномъ разнообразіи единичныхъ явленій, и чтобы онъ могъ окинуть общимъ взглядомъ все поле своей науки.

Для этого составленія группъ, кромѣ морфологическихъ или анатомическихъ наблюденій, необходимы еще и физиологическія изслѣдованія. Гексли показываетъ примѣръ физиологическихъ изслѣдованій надъ тѣмъ же морскимъ ракомъ, который уже послужилъ ему исходною точкою для морфологическихъ и таксономическихъ соображеній. „Еслибы, говорить Гексли, мы подстерегли это животное въ его природной стихіи, мы бы увидѣли, что оно дѣйствительно карабкается своими сильными ногами по затопленнымъ утесамъ, среди которыхъ оно любитъ жить; или, что оно плаваетъ, сильно ударяя воду своимъ большимъ хвостомъ,

котораго окончность распушена въ видѣ вѣрообразнаго весла: схватите его, и вы увидите, что его большія клешни служатъ ему такимъ наступательнымъ оружіемъ, которое не можетъ быть оставлено безъ вниманія; повѣсьте передъ нимъ кусокъ мяса, и оно жадно начнетъ ѣсть это мясо, раздирая и размельчая его своими многочисленными челюстями. Положимъ, что мы знали нашего рака только какъ безжизненную массу, какъ органическій кристалль — если мнѣ позволено будетъ употребить такое выраженіе — и что вдругъ мы увидѣли съ его стороны проявленіе всѣхъ этихъ способностей: какія удивительно новыя идеи и новыя вопросы возникли бы по этому случаю въ нашихъ умахъ! Великій новый вопросъ сложился бы такъ: „какимъ образомъ все это происходитъ?“ главнѣйшею изъ новыхъ идей оказалась бы идея принавленія къ цѣли, понятіе о томъ, что на составныя части животныхъ тѣль слѣдуетъ смотрѣть не какъ на безсвязные куски, а какъ на орудія, работающія вмѣстѣ и выполняющія извѣстную задачу. Посмотримъ еще разъ на хвостъ рака съ этой новой точки зрѣнія. Морфологія научила насъ тому, что этотъ хвостъ—рядъ сегментовъ, составленныхъ изъ гомологичныхъ частей, подвергнувшихся различнымъ видоизмѣненіямъ, подъ которыми и сквозь которыя можно различить общій планъ строенія. Но если я посмотрю на ту же часть съ физиологической точки зрѣнія, я увижу, что этотъ хвостъ — превосходно устроенное орудіе движенія, посредствомъ котораго животное можетъ быстро подвигаться впередъ и назадъ. Но какимъ образомъ пускается въ ходъ эта замѣчательная двигательная машина? Если бы я вдругъ убилъ одно изъ этихъ животныхъ, и вынулъ изъ него всѣ мягкія части, я бы нашель, что скорлупа сдѣлалась совершенно безжизненною, и что она потеряла всякую способность двигаться, такъ точно, какъ ее потеряетъ мельничная механика, когда разорвана ея связь съ паровою манниною или съ водянымъ колесомъ. Но еслибы я вскрылъ рака и вынулъ изъ него внутренности, оставляя нетронутымъ болѣе мясо, я бы замѣтилъ, что ракъ по прежнему можетъ сгибаться и вытягивать хвостъ. Еслибы я отрѣзалъ хвостъ, я бы пересталъ замѣчать въ немъ какія бы то ни было произвольныя движенія; но еслибы я ущипнулъ частицу мяса, я бы замѣтилъ въ немъ очень любопытное измѣненіе—каждая фибра сдѣлалась бы короче и толще. Этимъ актомъ сокращенія тѣ части, къ которымъ прикрѣплены окончности фибры, конечно сближаются между собою; и смотря по отношеніямъ ихъ точекъ прикрѣпленія къ центрамъ движенія различныхъ колець, хвостъ сгибается или вытягивается. Тщательныя наблюденія надъ только-что вскрытымъ ракомъ показали бы, что всѣ его движенія происходятъ отъ той же самой причины, отъ сокращенія и утолщенія этихъ мясныхъ волоконъ, которыя обозначаются техническимъ именемъ мускуловъ. Тутъ мы стало быть имѣемъ капитальный

фактъ. Движенія рака обусловливаются сокращаемостью мускуловъ. Но почему мускуль сокращается именно въ эту минуту, а не въ другую? Почему цѣлая группа мускуловъ сокращается тогда, когда ракъ хочетъ вытянуть хвостъ, а другая—тогда, когда онъ хочетъ согнуть его? Что порождаетъ, направляетъ и контролируетъ двигательную силу?—Опытъ великое орудіе, которымъ добывается истина въ естественныхъ наукахъ, отвѣчаетъ за насъ на этотъ вопросъ. Въ головѣ рака лежитъ маленький кусокъ той особенной ткани, которая называется нервнымъ веществомъ. Нити подобнаго вещества соединяютъ этотъ мозгъ рака съ мускулами, прямо или косвенно. Если эти соединяющія нити будутъ перерѣзаны, а мозгъ останется нетронутымъ, то способность производить такъ называемыя произвольныя движенія уничтожится въ тѣхъ частяхъ, которыя лежатъ ниже разрѣза; и съ другой стороны, если нити останутся неприкосновенными, а мозгъ будетъ уничтоженъ, то способность произвольныхъ движеній также исчезнетъ. Откуда выходитъ то неизбѣжное заключеніе, что сила, порождающая эти движенія, сосредоточена въ мозгу и распространяется вдоль по нервнымъ нитямъ“ (Стр. 109—111).

Мы видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ тотъ путь, по которому производятся, въ обѣихъ областяхъ біологической науки, морфологическія, таксономическія и фізіологическія изслѣдованія. Теперь не трудно будетъ отвѣчать на вопросъ: почему, насколько и въ какомъ отношеніи полезно знакомить учащихся съ этими изслѣдованіями?

Всѣ эти изслѣдованія производятся посредствомъ наблюденія и опыта. Чтобы сдѣлать хорошее наблюденіе, надо видѣть все то и только то, что дѣйствительно находится въ данномъ случаѣ передъ глазами наблюдателя. Повидимому это очень легко, но на самомъ дѣлѣ это очень трудно. „Заблужденія, говоритъ американскій ученый, Томасъ Гилль, происходятъ въ свѣтѣ не столько отъ нелогическаго размышленія, сколько отъ невѣрнаго наблюденія и невнимательнаго слушанія. Ясно показывающій и умный свидѣтель, который можетъ объяснить точно, что именно онъ видѣлъ, и который видѣлъ все, что стоило видѣть, который можетъ пересказать отчетливо все, что онъ слышалъ, и который слышалъ все, что было при немъ сказано, встрѣчается рѣже, чѣмъ хорошій юристъ или судья. Большинство людей видятъ столько же своимъ предрасположеннымъ воображеніемъ, сколько своими глазами, и не знаютъ, какъ отдѣлить свои собственныя фантазіи, или свое ошибочное истолкованіе факта отъ самого факта, подлежавшаго наблюденію. Медики рѣдко могутъ получить отъ больнаго описаніе его ощущеній, не смѣшанное съ его собственными теоріями, относящимися къ причинамъ этихъ ощущеній; юристы почти никогда не получаютъ отчета о томъ, что сдѣлалъ человѣкъ, безъ примѣси догадокъ о побудительныхъ причинахъ его поступковъ; ученые люди знаютъ очень хорошо, что народ-

ное показаніе о какомъ бы то ни было мелкомъ явленіи совершенно недостоверно. Словомъ, мы оказали бы большую услугу наукѣ, искусству, юриспруденціи, терапіи, литературѣ, и всему умственному и нравственному положенію общества, еслибы мы могли воспитать поколѣніе людей, которые умѣли и желали бы тщательно и добросовѣстно пользоваться своими пятью чувствами и давать вѣрные отчеты о ихъ свидѣтельствѣ“.

Почти тоже самое говоритъ Милль въ своей логикѣ (I, Стр. 438):

„Одинъ человекъ отъ невниманія, или отъ неумѣнія обратить вниманіе куда слѣдуетъ, видитъ только половину того, на что онъ смотритъ; другой утверждаетъ гораздо больше того, что онъ видитъ, смѣшивая видѣнное съ тѣмъ, что онъ создаетъ воображеніемъ или догадками; третій отмѣчаетъ родовые признаки всѣхъ обстоятельствъ, но, не умѣя оцѣнить ихъ степень, оставляетъ количество каждаго обстоятельства неопредѣленнымъ и неизвѣстнымъ; четвертый видитъ цѣлое, но производитъ такое неуклюжее дѣленіе этого цѣлага на части, бросая въ одну кучу то, что слѣдовало бы раздѣлить, и раздѣляя то, что надо было бы разсматривать въ связи, что результатъ получается такой же, а иногда и еще того хуже, какъ еслибы не было сдѣлано никакой попытки анализа.“

Изъ этихъ мыслей, высказанныхъ компетентными судьями, не трудно вывести то заключеніе, что сдѣлать человека хорошимъ наблюдателемъ значитъ оказать ему на всю жизнь очень немаловажную услугу, и при томъ оказать ее не ему одному, а всему тому обществу, въ которомъ этому человеку придется жить. Но еслибы вы захотѣли нарочно придумать цѣлую систему умственной гимнастики, клонящейся исключительно къ развитію наблюдательности, то и тогда вамъ не удалось бы придумать ничего лучше и цѣлесообразнѣе естественно-научныхъ занятій, которыя, упражняя наблюдательность самымъ разностороннимъ образомъ, сверхъ того, даютъ еще учащемуся массу самыхъ разнообразно-полезныхъ знаній. Всѣ естественно-научныя истины не только добыты сильнѣйшимъ и многолѣтнимъ напряженіемъ человѣческой наблюдательности, но даже и усваиваются учащимся только по мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ въ себѣ способность наблюдать. Можно конечно заучить всѣ термины ботанической или зоологической классификаціи, ихъ можетъ, пожалуй, заучить даже и такой человекъ, который не только не разрѣзалъ ни одного растенія или животнаго, но и не видалъ ни одного анатомическаго рисунка. Но это знаніе терминовъ будетъ мертвымъ и бессмысленнымъ знаніемъ. Положите передъ этимъ человекомъ, совершившимъ такой величественный подвигъ кретинизирующаго долбленія, какое угодно растеніе или животное, и попросите его опредѣлить, къ какому классу, порядку и семейству слѣдуетъ его причислить, и вашъ знатокъ терминовъ немедленно станетъ въ тупикъ.

Всѣ заученные термины и признаки перепутаются въ его головѣ, и торжество его учености ограничится тѣмъ, что онъ не назоветъ ичелу млекопитающимъ, или не причислитъ курицу въ классу насѣкомыхъ. И даже этимъ скромнымъ торжествомъ онъ будетъ обязанъ не тѣмъ мудренымъ словамъ, которыя онъ выдолбилъ по книжкѣ, а тому запасу естественно-научныхъ знаній, который находится въ общемъ обращеніи, и съ которымъ каждый изъ насъ поневолѣ знакомится еще въ дѣтствѣ, все-таки путемъ непосредственнаго наблюденія. Работа наблюденія никакъ не можетъ быть передѣлана за учащагося его преподавателемъ или составителемъ его учебника. Кто самъ наблюдалъ, тотъ и знаетъ, но никакъ не можетъ передать свое живое знаніе тому человѣку, который не хочетъ или не можетъ наблюдать. Какъ бы ни была изобразительна лекція Гексли о хвостѣ морскаго рака, однако люди, наполнявшіе его аудиторію, никакъ не вынесутъ изъ его лекціи то ясное и полное понятіе о строеніи этого животнаго, которое имѣетъ самъ профессоръ. Чтобы возвыситься до этого яснаго и полного понятія, слушатели должны сами двинуться впередъ по тому пути, по которому идетъ Гексли. Они должны вскрыть нѣсколько десятковъ, а, можетъ быть, и нѣсколько сотенъ ракообразныхъ животныхъ, и просидѣть нѣсколько недѣль, съ микроскопомъ въ рукѣ, надъ развивающимися яйцами рака. Они должны долго работать надъ собою, и часто приниматься съизнова за одно и тоже наблюденіе единственно для того, чтобы выдрессировать свое вниманіе, и чтобы устранить тѣ ошибки, о которыхъ говоритъ Гилль, и которыя происходятъ то отъ разсѣянности, то отъ неукротенной ретивости воображенія. Этой суровой дисциплины не выдержалъ бы ни одинъ учащійся, если бы его занятія были только гимнастическими упражненіями, направленными къ развитію наблюдательности. Но такъ какъ цѣль учащагося состоитъ не въ томъ, чтобы развить свои способности, а въ томъ, чтобы приобрѣсти себѣ знанія, такъ какъ эти знанія имѣютъ для него самостоятельное и очень важное значеніе, и такъ какъ самый процессъ приобрѣтенія знаній и борьбы съ трудностями въ высшей степени увлекателенъ, то учащійся находитъ въ себѣ силы для продолженія настойчивыхъ и добросовѣстныхъ занятій, побуждаетъ въ себѣ лѣнь и разсѣянность, развиваетъ въ себѣ тонкую наблюдательность и, въ тоже время, формируетъ себѣ твердый характеръ, достойный мыслящаго работника.

VI.

О естественно-научномъ изученіи человѣка говорится, какъ я уже замѣтилъ выше, въ двухъ лекціяхъ, изъ которыхъ одна читана Падже-томъ, а другая Юмансомъ, самимъ составителемъ сборника. Предметъ дѣйствительно такъ важенъ, что о немъ можно было и стоило говорить очень подробно, тѣмъ болѣе, что всѣ противники естествознанія возстаютъ всего сильнѣе именно противъ приложенія естественно-научнаго метода къ изученію самаго человѣка. Это приложеніе считается у нихъ профанаціею человѣческаго достоинства.

Если преподаваніе физиологіи войдетъ въ программу общаго образованія, то, по мнѣнію Паджега, получатся двѣ категории выгодъ: во первыхъ, выгоды для самой науки, и во вторыхъ, выгоды для учащихся. Первая выгода для науки произойдетъ отъ того, что увеличится число компетентныхъ наблюдателей, способныхъ двигать науку впередъ подмѣчаніемъ тѣхъ фактовъ, надъ которыми она работаетъ. Вторая выгода, болѣе важная, состоитъ въ томъ, что физиологи и специалисты по другимъ наукамъ, въ содѣйствіи которыхъ нуждается физиологія, будутъ въ состояніи понимать другъ друга и соединять свои знанія для того, чтобы общими силами рѣшать трудныя и запутанныя физиологическія задачи. Въ настоящее время науки разрослись такъ широко, и раздѣленіе труда въ области научныхъ занятій приняло такіе значительные размѣры, что физиологу рѣдко удастся обнять и усвоить себѣ вполне даже всѣ отрасли своей собственной науки. О томъ, чтобы физиологъ былъ въ тоже время физикомъ или химикомъ, не можетъ быть и рѣчи; а между тѣмъ, въ каждомъ процессѣ, совершающемся въ живомъ организмѣ, обнаруживается дѣйствіе механическихъ, химическихъ или электрическихъ силъ; при рѣшеніи какого бы то ни было новаго физиологическаго вопроса необходимо опредѣлить, какая доля участія принадлежитъ каждой изъ этихъ разнородныхъ силъ въ общемъ результатѣ. Чтобы опредѣлить эту долю участія, надо быть коротко знакомымъ съ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ силъ, или надо обращаться за совѣтомъ къ специалистамъ по части механики, физики или химіи. Первое невозможно потому, что на изученіе четырехъ обширныхъ наукъ во всей ихъ полнотѣ не хватитъ никакой человѣческой жизни, никакого трудолюбія, и никакой геніальности. А второе въ настоящее время затруднительно потому, что механикъ, физикъ, химикъ и физиологъ те-

ряютъ другъ друга изъ виду и почти совершенно утрачиваютъ возможность понимать другъ друга съ той самой минуты, какъ они начинаютъ знакомиться съ положительною наукою. Единственнымъ общимъ достояніемъ всѣхъ этихъ ученыхъ оказывается ихъ школьное образованіе, которое даетъ имъ возможность разсуждать между собою о красотахъ Катулла и Анакреона, но рѣшительно не помогаетъ имъ понимать другъ друга тогда, когда заходить рѣчь объ ихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ. Труды физика читаются и обсуживаются только физиками, труды химика—только химиками, и такъ далѣе, именно потому, что общее образованіе не устанавливаетъ между специалистами никакой прочной умственной связи. Понятно само собою, что такое узкое обособленіе различныхъ наукъ совершенно уничтожаетъ значительную долю того живительнаго вліянія, которое каждое сколько нибудь замѣчательное изслѣдованіе могло бы производить на всю совокупность положительнаго знанія. Понятно также, что это зло можетъ быть устранено только самою обширною реформою общаго образованія.

Третья выгода, которую принесло бы общераспространенное преподаваніе физики, состоитъ въ томъ, что молодые люди, способные посвятить себя этой наукѣ, съ ранней молодости поняли бы свое настоящее назначеніе и пристроили бы себя къ полезной работѣ, вмѣсто того, чтобы тратить силы на безплодные поиски и неудачныя попытки. Въ такихъ молодыхъ людяхъ физиологія находила бы себѣ постоянно готовый комплектъ усердныхъ работниковъ, между тѣмъ, какъ въ настоящее время, физиологія въ Англіи, по признанію Паджета, вербуетъ себѣ новыхъ дѣятелей только благодаря различнымъ счастливымъ случайностямъ, благодаря тому, напримѣръ, что книга, или разговоръ, или публичная лекція заинтересовали молодого человѣка, стоящаго на распутии и способнаго сдѣлаться хорошимъ физиологомъ.

Мы переходимъ теперъ къ тѣмъ выгодамъ, которыя повсемѣстное преподаваніе физиологіи доставитъ учащимся, то есть, всему образованному обществу. Прежде всего, распространеніе физиологическихъ знаній научитъ людей относиться благоразумно къ собственному здоровью. Всякій желаетъ быть здоровымъ, всякій тяготится болѣзнію, всякій во время болѣзни готовъ обратиться къ первому встрѣчному медику или даже знахарю, всякій готовъ пить съ вѣрою и надеждою самую горькую микстуру или неустрашимо пачкаться самою вонючею мазью, но почти никто не знаетъ и не хочетъ знать тѣхъ условій, которыхъ точное соблюденіе навѣрное избавило бы его отъ необходимости валяться въ постели, охать, платить деньги доктору и аптекарю, и за эти же деньги переносить разнообразныя непріятности. Фанатическая вѣра въ лекарей и въ лекарства и близорукое презрѣніе къ самымъ элементарнымъ правиламъ гігіены очевидно происходятъ отъ того, что люди не имѣютъ никакого

понятія о важнѣйшихъ процессахъ, совершающихся въ человѣческомъ организмѣ. Такъ называемые образованные люди, наравнѣ съ простымъ народомъ, не задаютъ себѣ вопроса о томъ, что такое живой организмъ, а поступаютъ они съ своимъ организмомъ такъ, какъ поступаетъ ребенокъ съ своею деревянною лошадкою; пока лошадка стоитъ на ногахъ, до тѣхъ поръ на ней можно ѣздить верхомъ, а если лошадка сломалась и повалилась на бокъ, то надо, при содѣйствіи папаша или мамаша, позвать столяра, и отдать ему лошадку на излеченіе. Въ своихъ болѣзняхъ люди видятъ обыкновенно прямое послѣдствіе какой нибудь единичной ошибки или неосторожности: человекъ ушибся, простудился, промочилъ ноги, объѣлся—и заболѣлъ, дальше этого люди не идутъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о причинахъ болѣзни. Если вы будете говорить имъ, что организмъ медленно портился неправильнымъ и неестественнымъ образомъ жизни, если вы будете искать причину болѣзни въ душевнѣйшей комнатѣ, въ сидячей жизни, въ просиживаніи ночей за работою или за картами, если вы будете доказывать человѣку, что болѣзнь развивалась въ немъ задолго до той минуты, когда онъ свалился въ постель, и что эту болѣзнь нельзя уничтожить пилюлями и каплями, потому что этими лекарствами невозможно создать организмъ, который не разстраивался бы при нарушеніи его естественныхъ потребностей, — то всѣ ваши разумныя слова произведутъ самое слабое и поверхностное впечатлѣніе, потому что этимъ разсужденіямъ о потребностяхъ организма не къ чему прислониться въ головѣ пациента. Невозможно дѣйствовать постоянно по такой программѣ, въ вѣрности которой человекъ не способенъ убѣдиться силами собственнаго ума. Поэтому старая привычка обращаться съ собственнымъ организмомъ какъ съ деревянною лошадкою, равнодушно ко всѣмъ окружающимъ условіямъ, непременно рано или поздно, одержитъ побѣду надъ уваженіемъ больнаго къ совѣтамъ добросовѣстнаго медика; жизнь войдетъ въ старую колею, и правила гигиены забудутся впредь до новой болѣзни. Взглядъ на организмъ какъ на деревянную лошадку, имѣетъ особенно печальную важность въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о гигиеническихъ мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы предохранить здоровье цѣлыхъ обществъ. Медики твердятъ всѣмъ и каждому, и доказываютъ статистическими цифрами, что всевозможныя заразительныя болѣзни гнѣздятся и развиваются съ особенною силою именно въ самыхъ грязныхъ частяхъ многлюдныхъ городовъ; не смотря на всѣ эти проповѣди, самыя необходимыя санитарныя распоряженія встрѣчаютъ себѣ со стороны общества такъ мало дѣятельнаго сочувствія, что они большею частью остаются на бумагѣ въ видѣ красивыхъ проектовъ, и начинаютъ приводиться въ исполненіе только тогда, когда общество, перепуганное извѣстіемъ о приближающейся холерѣ, на короткое время отдаетъ себя въ полное распоряженіе

медиковъ. Это равнодушіе общества къ его собственнымъ драгоценнѣйшимъ интересамъ происходитъ очевидно отъ незнанія, и исчезаетъ только тогда, когда здоровыя фізіологическія свѣдѣнія сдѣлаются необходимымъ достояніемъ каждаго образованнаго человѣка. Нельзя ни требовать, ни ожидать, чтобы когда бы то ни было каждый образованный человѣкъ зналъ фізіологію на столько, на сколько знаютъ ее въ настоящее время врачи. Такой обширный объемъ знаній вовсе и не требуется для того, чтобы образованная масса гораздо лучше теперешняго понимала тѣ условія, отъ соблюденія которыхъ зависитъ ея здоровье. Необходимо не то, чтобы каждый образованный человѣкъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, зналъ, какой именно образъ жизни полезенъ для его здоровья, а только то, чтобы этотъ образованный человѣкъ умѣлъ отличать голосъ науки отъ выкрикиваній дерзкаго уличнаго шарлатанства, чтобы онъ зналъ, куда обратиться за совѣтомъ, чтобы онъ могъ понять, что данный совѣтъ дѣйствительно благоразуменъ, и чтобы онъ былъ способенъ убѣдиться въ томъ, что онъ серьезно обязанъ передъ самимъ собою, передъ своимъ семействомъ и передъ обществомъ, слѣдовать тому совѣту, который онъ самъ призналъ хорошимъ и дѣльнымъ. Когда основныя истины фізіологіи перестанутъ быть исключительною собственностью врачей и ученыхъ, тогда взглядъ общества на многія такъ называемыя мелочи всендневной жизни сдѣлается гораздо серьезнѣе и строже. Въ настоящее время общество смотритъ въ высшей степени снисходительно на всевозможныя нарушенія самыхъ необходимыхъ санитарныхъ правилъ; во всѣхъ европейскихъ столицахъ единственнымъ поборникомъ общественной гігіены является полиція, и общественное мнѣніе позволяетъ всякому желающему уклоняться отъ выполненія самыхъ разумныхъ ея предписаній. Въ настоящее время въ большихъ городахъ трудно купить какіе бы то ни было свѣстные припасы, въ которыхъ не оказалось бы какого нибудь подлога или какой нибудь помѣси, и общество, браня кушцовъ, по старой привычкѣ продолжаетъ потреблять всякую дрянъ и не принимаетъ никакихъ разумныхъ мѣръ противъ этого медленнаго отравленія. Въ настоящее время, рабочіе классы во всѣхъ большихъ городахъ помѣщаются въ темныхъ, сырыхъ, тѣсныхъ и холодныхъ подвалахъ, изъ которыхъ разныя тифозныя и возвратныя горячки распространяются по всѣмъ окрестностямъ, и достаточные люди, которымъ также приходится знакомиться съ этими болѣзнями, довольствуются тѣмъ, что вздыхаютъ о страданіяхъ меньшей братіи или въ лучшемъ случаѣ, устраиваютъ благотворительныя спектакли и лотереи. Въ настоящее время моды, преимущественно женскія, систематически идутъ наперекоръ всѣмъ законамъ фізіологіи. Въ настоящее время школы выпускаютъ въ свѣтъ слабыхъ и дряблыхъ юношей, едва способныхъ принести какую бы то ни было пользу себѣ или обществу, а родители и освѣдом-

ляются только о томъ, какія права и преимущества предоставляются воспитанникамъ того или другаго учебнаго заведенія. Словомъ, бросивъ бѣглый взглядъ на различныя стороны и отправления общественной жизни, мы могли бы подумать, что общество страдаетъ необузданнымъ идеализмомъ, и неизлечимымъ презрѣнiемъ къ матерiи. Нѣтъ той мелочи, нѣтъ той глупости, нѣтъ той бессмысленной фантази, на которую образованные люди не обращали бы гораздо больше вниманія, чѣмъ на свое собственное здоровье. Поступая такъ, какъ будто бы они считаютъ землю юдолюю плача, а свою жизнь временемъ изгнанія, — эти люди въ тоже время строятъ дороги, освѣщаютъ города газомъ, толкуютъ объ искусствѣнномъ травосѣянiи, изобрѣтаютъ и заказываютъ машины, составляютъ акціонерныя компаніи, бросаются за деньгами всюду, гдѣ есть малѣйшая возможность или только неопредѣленная надежда ихъ добыть, словомъ, стараются всѣми силами собирать тѣ разнородные матеріалы, изъ которыхъ извлекается наслажденіе жизнью. При этомъ забывается только одно условіе, именно то, что наслаждаться жизнью могутъ только здоровые люди, и что весь утонченный комфортъ, созданный современною цивилизаціею для немногихъ избранныхъ, даже этимъ избраннымъ не можетъ замѣнить безумно растроченнаго здоровья. Понятно что здѣсь корень зла заключается не въ ошибочно-восторженномъ презрѣнiи къ земнымъ наслажденіямъ, а только въ совершенномъ незнаніи тѣхъ условій, которыя должны быть соблюдены для того, чтобы наслажденіе жизнью сдѣлалось возможнымъ даже для немногихъ избранныхъ. Кто незнаетъ, тому слѣдуетъ учиться. На эту тему приходится говорить съ утра до вечера, въ теченіи многихъ столѣтій всѣмъ людямъ, принимающимъ къ сердцу дѣйствительныя интересы человѣчества.

Возвращаюсь къ лекціи Паджета. Другая выгода, доставляемая преподаваніемъ физиологіи, обусловливается, по мнѣнiю Паджета, тѣмъ, что физиологія до сихъ поръ принадлежитъ къ числу неустановившихся наукъ, и состоитъ въ значительной степени изъ гипотезъ, болѣе или мене правдоподобныхъ, но еще не вполне доказанныхъ. Въ другихъ положительныхъ наукахъ, напримѣръ въ астрономіи и въ физикѣ, ученикъ знакомится съ обильнымъ запасомъ истинъ, давнымъ давно доказанныхъ, такихъ истинъ, въ которыхъ ни одинъ знающій человѣкъ не сомнѣвается, и противъ которыхъ ни откуда не можетъ послышаться ни одного сколько нибудь серьезнаго возраженія. Въ этихъ, окончательно изслѣдованныхъ областяхъ знанія, нѣтъ мѣста для дальнѣйшихъ открытій и усовершенствованій; здѣсь, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ физики и астрономіи не только отыскана сама истина, но также отысканъ на вѣчныя времена и наилучшій, то есть самый строгій и убѣдительный способъ ея доказыванія. Изучая эти отдѣлы, ученикъ получаетъ ясное понятіе о томъ, что такое положительная наука въ ея установившемся видѣ, въ состо-

яніи того высшаго спокойствія, которымъ сопровождается несомнѣнное обладаніе истиною. Но такъ какъ вмѣстѣ съ астрономією и физикою не преподается и не можетъ преподаваться исторія этихъ наукъ, то ученику остается совершенно неизвѣстною фізіономія положительной науки, находящейся въ періодѣ развитія и борьбы. Этотъ пробѣлъ, котораго не могутъ пополнить физика и астрономія, пополняется преподаваніемъ фізіологіи. Изучая послѣднюю, ученикъ съ молодыхъ лѣтъ осваивается съ тою мыслью, что наши теперешнія знанія недостаточны и ограничены, что граница этихъ знаній находится въ постоянномъ колебаніи, и что усилія мыслящихъ работниковъ съ каждымъ годомъ отодвигаютъ эту границу дальше и дальше впередъ, постоянно покоряя человѣческому уму новые участки изъ обширной и неизмѣренной области неизвѣстнаго. Ученикъ, слушающій хорошій курсъ фізіологіи, не только узнаетъ о томъ, что на границѣ знанія происходитъ ожесточенная борьба между человѣческимъ умомъ и безчисленными трудностями изучаемаго предмета, но даже присутствуетъ при этой борьбѣ, слѣдитъ за ея главнѣйшими фазами, и проникается горячимъ желаніемъ впоследствии принять въ этой великой борьбѣ дѣятельное участіе. Такія впечатлѣнія, падающія на воспримчивый умъ юношей, едва начинающихъ выходить изъ дѣтскаго возраста, не могутъ оставаться совершенно безплодными. Такими впечатлѣніями опредѣляется часто направленіе цѣлой жизни, и если оно дѣйствительно опредѣлится ими, то можно будетъ поручиться за то, что жизнь будетъ потрачена съ наслажденіемъ на честное, великое и полезное дѣло. Колеблющееся положеніе современной фізіологіи можетъ принести учащимся также и ту пользу, что оно приучитъ ихъ къ умственной осторожности, и разовьетъ въ нихъ спасительную способность останавливаться на чистомъ сомнѣніи въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ еще не дозрѣлъ до окончательнаго разрѣшенія въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ. На переборъ глубокомысленной русской пословицѣ объ отрѣзываніи и отмѣриваніи, масса образованныхъ людей отрѣзываетъ, то есть рѣшаетъ вопросы, не отмѣривши ни разу, а только услышавши о томъ, что какіе-то люди когда-то произвели всѣ необходимыя измѣренія. Эта дурная привычка, происходящая отъ совершеннаго отсутствія научнаго образованія, производитъ большую путаницу во всѣхъ различныхъ отрасляхъ общественной жизни. „Для успѣховъ истины, говоритъ Паджетъ, служить большимъ препятствіемъ то, что многіе люди съ одинаковою настойчивостью держатся за такія положенія, которыя доказаны, и за такія, которыя не доказаны, и даже за такія, которыя, по самой своей сущности, не допускаютъ доказательствъ. Они, повидимому, думаютъ (и общепринятое образованіе дѣйствительно способно породить такой взглядъ), что можно отвѣчать рѣшительно *да* или *нѣтъ* на каждый вопросъ, который мо-

жетъ быть поставленъ; и что вопросъ, получившій такой отвѣтъ, окончательно рѣшенъ, и превратился въ неприкосновенную истину; мнѣ не зачѣмъ приводить примѣры этого заблужденія, потому что его вредныя послѣдствія замѣчаются повсемѣстно въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя порождаются опрометчивыми и настойчивыми сужденіями“ (стр. 145).

VIII.

Изъ остальныхъ лекцій, помѣщенныхъ въ книгѣ Юманса, я упомяну еще о лекціи Уиуэлла (Whewell), въ которой разсматривается вліяніе научныхъ открытій на воспитаніе ума. Можно сказать, что эта лекція подводитъ итоги всей книгѣ Юманса и, разсматривая вопросъ объ умственныхъ потребностяхъ современнаго общества съ исторической точки зрѣнія, показываетъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, къ какую сторону клонятся естественныя стремленія цивилизованнаго міра, въ чемъ заключаются пробѣлы существующаго образованія, и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ производятся серьезныя попытки пополнить эти несомнѣнно обозначившіеся пробѣлы. Тѣ лекціи, о которыхъ я говорилъ до сихъ поръ, разсматриваютъ программу общаго образованія только по отношенію къ той или другой отдѣльной наукѣ; лекція Уиуэлла, напротивъ того, бросаетъ общій взглядъ на всю совокупность знаній, изъ которыхъ слагается общее образованіе, и ставитъ очень ясно вопросъ о томъ, находится ли это образованіе въ соотвѣтствіи съ современнымъ положеніемъ науки. Этотъ вопросъ, поставленный ясно и просто, допускаетъ, конечно, только отрицательный отвѣтъ, который, разумѣется, заключаетъ въ себѣ рѣшительный приговоръ осужденія надъ существующею системою общаго образованія.

Уиуэль думаетъ, что каждое значительное усовершенствованіе въ дѣлѣ умственнаго образованія было результатомъ какого нибудь важнаго научнаго открытія, или цѣлой группы такихъ открытій. Когда передовые гении вырываютъ у природы одну изъ ея великихъ тайнъ, тогда эта побѣда является заключительнымъ актомъ такой борьбы, въ которой силы человѣческаго ума развертывались до небывалыхъ размѣровъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовали по какому нибудь новому плану. Кто хочетъ быть образованнымъ человѣкомъ, тотъ долженъ очевидно имѣть ясное понятіе обо всѣхъ важнѣйшихъ умственныхъ интересахъ своей эпохи, долженъ знать, до какихъ границъ дошла мысль его предковъ и его современниковъ, какія побѣды она одерживала и къ какимъ

методамъ она приравнивалась. Если одерживается новая побѣда и создается новый методъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится возможнымъ и необходимымъ новое расширение тѣхъ рамокъ, въ которыхъ было заключено до этого времени умственное образованіе. Люди, желающіе дисциплинировать и укрѣпить свой умъ новымъ методомъ, или другими словами, люди, желающіе усвоить себѣ современное образованіе въ полномъ его объемѣ, должны, конечно, обратиться къ изученію того открытія, которое въ данную минуту составляетъ единственное существующее приложеніе новаго метода. Такимъ образомъ ясно, что открытіе и расширение программы умственнаго образованія находятся въ причинной связи между собою.

Выразивъ основную мысль своей лекціи въ отвлеченной формулѣ, Уиуэлль переходитъ къ изложенію тѣхъ историческихъ фактовъ, на которыхъ она построена. Первый важный шагъ впередъ въ дѣлѣ умственнаго образованія, первый изъ тѣхъ шаговъ, которые засвидѣтельствованы исторіею, — былъ сдѣланъ, по мнѣнію Уиуэлля, тогда, когда Сократъ и Платонъ одержали побѣду надъ модными воспитателями афинскаго юношества, то есть, надъ такъ называемыми софистами. Эти модные воспитатели учили молодаго человѣка хорошо писать, хорошо говорить, и поступать во всѣхъ случаяхъ жизни такъ, какъ того требовало мелкое житейское благоразуміе. Въ ихъ философіи, излагавшейся въ самой увлекательной формѣ, не было никакихъ твердыхъ принциповъ; они сами ни во что не вѣровали, ничего не знали, и во всемъ сомнѣвались какъ разъ настолько, насколько это было нужно для того, чтобы, не возмущая противъ себя толпы, приобрести себѣ безо всякаго умственнаго труда репутацію очень умныхъ людей. Образованіе, которое они давали афинской молодежи, было вообще очень похоже на то образованіе, которое до сихъ поръ называется блестящимъ, и которое даже въ настоящее время дается свѣтскимъ людямъ, не имѣющимъ надобности добывать себѣ кусокъ хлѣба физическимъ или умственнымъ трудомъ. Сократъ и Платонъ не захотѣли останавливаться на блестящей внѣшности этого образованія; они не захотѣли также цѣнить его со стороны его практической пригодности; они потребовали отъ модной философіи, господствовавшей въ школахъ, — твердыхъ принциповъ и принциповъ этихъ не оказалось. Они спросили у софистовъ, въ чемъ состоитъ основная истина, изъ которой вытекаютъ всѣ второстепенныя положенія ихъ доктрины, и софисты не дали имъ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Въ діалогахъ Платона повторяются постоянно одни и тѣ же вопросы: *что мы знаемъ? Какъ мы это знаемъ? Какимъ путемъ мысленія мы доходимъ до этого знанія? Изъ какихъ принциповъ вытекаетъ это знаніе?*

Чтобы ставить такіе глубокие вопросы и не удовлетворяться фра-

зами, имѣющими только внѣшній видъ отвѣтовъ, чтобы искать положительной истины и отличать ее отъ условныхъ понятій, находившихся въ общемъ обращеніи, чтобы во имя этой искомой истины объявлять ожесточенную войну этимъ укоренившимся условнымъ понятіямъ,—надо было имѣть какой нибудь образчикъ такой истины, которая заслуживала бы названіе вѣчной и необходимой и которую можно было бы, путемъ строгихъ доказательствъ, доводить до самой полной и несомнѣнной очевидности. Образчикъ такой истины дѣйствительно существовалъ во времена Сократа и Платона; умы лучшихъ людей того поколѣнія, къ которому принадлежали эти мыслители, находились подъ свѣжимъ вліяніемъ великихъ геометрическихъ открытій, положившихъ прочное основаніе этой отрасли математики. Самъ Платонъ былъ замѣчательнымъ геометромъ, и, быть можетъ, лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ важность серьезныхъ математическихъ занятій для общаго строя и направленія всей умственной жизни тогдашняго образованнаго міра. „Онъ, говоритъ Уиуэлль, неоднократно убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ предаваться этимъ занятіямъ, онъ общается имъ, что изученіе геометріи поведетъ ихъ къ вѣрному понятію о небѣ; объясняетъ, какимъ образомъ это сдѣлается, онъ указываетъ на новыя отрасли математической науки, которыя должны быть созданы съ этою цѣлью; онъ не разъ ссылается на опредѣленія, аксіомы и доказательства геометрическихъ предложеній, онъ дѣлаетъ слѣдующую надпись надъ воротами садовъ Академіи, гдѣ сходились его ученики, чтобы слушать его поученія: „*пусть не входитъ сюда никто, не умевшійся геометріи*“ (Р. 171).

Изученіе геометріи показало Платону что въ мірѣ существуютъ истины, стоящія выше всякаго сомнѣнія, и что эти истины вполне доступны человѣческому пониманію. Принимая этотъ несомнѣнный и совершенно осязательный фактъ за исходную точку своихъ умозрѣній, Платонъ старался убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что человѣкъ, способный возвышаться до познанія истины, обязанъ стремиться къ этому познанію, и смотрѣть на него, какъ на высшее изъ благъ, доступныхъ ему на землѣ. Вдумываясь въ геометрическія истины, только-что открытыя имъ самимъ и его современниками, и всматриваясь въ тотъ путь, которымъ человѣческій умъ добирается до этихъ истинъ, Платонъ успѣлъ даже найти точку опоры для всей своей философской системы, и въ особенности для знаменитой доктрины о предварительномъ существованіи и о неразрушимости человѣческой души. Въ одномъ изъ діалоговъ Платона, Сократъ и фессалиецъ Менонъ стараются открыть, что такое добродѣтель. Такъ какъ попытки Менона отвѣчать на этотъ вопросъ оказываются неудачными, то Сократъ спрашиваетъ наконецъ: можемъ ли мы *открывать* что бы то ни было? И если можемъ, то какимъ образомъ это дѣлается?

Отвѣчая себѣ на эти вопросы, Сократъ говорить, что мы можемъ открывать истины, и что онъ немедленно покажетъ своему собесѣднику, какимъ образомъ дѣлаются открытія. Затѣмъ онъ подзываетъ къ себѣ мальчика, рисуетъ на песокѣ геометрическую фигуру, и задаетъ ему различные вопросы на счетъ проведенныхъ линій. Мальчикъ сначала становится въ тупикъ, но потомъ, всмотрѣвшись въ чертежъ, начинаетъ соображать правильно, и отвѣчаетъ удовлетворительно. „Ты видишь, говоритъ при этомъ Сократъ Менону, я ничего не говорю ему. Онъ идетъ къ истинѣ, но я не учу его. Онъ находитъ истину въ своемъ собственномъ умѣ. Онъ не учится отъ другаго, онъ припоминаетъ то, что онъ уже зналъ прежде. Его знаніе — припоминаніе. Его наука — обращеніе къ прошлому. Изъ этого выводится то заключеніе, что душа мальчика жила и мыслила за долго до рожденія того тѣла, съ которымъ она связана въ данную минуту“. Въ *Федонѣ*, Сократъ, бесѣдующій съ своими учениками за нѣсколько минутъ до своей смерти, выводитъ изъ геометріи доказательство въ пользу безсмертія души. Онъ разсуждаетъ такъ: „если человѣкъ, путемъ размышленій, можетъ доходить до познанія неизблемыхъ истинъ, то стало быть, человѣческій разумъ заключаетъ въ себѣ принципы вѣчной истины, и слѣдовательно долженъ быть самъ вѣчнымъ и неразрушимымъ.“

Мы видимъ такимъ образомъ, что вліяніе геометрическихъ открытій и того метода, которымъ они были сдѣланы, проникли очень глубоко въ самую сущность философской системы Платона. Можно сказать положительно, что эта философская система не могла бы даже возникнуть или, по крайней мѣрѣ, не произвела бы никакого прочнаго впечатлѣнія на тогдашнее общество, еслибы не существовало того импульса, который именно въ это время былъ данъ лучшимъ умамъ древней Греціи быстрымъ и роскошнымъ развитіемъ геометрическихъ изслѣдованій. Вмѣстѣ съ философіею Платона, созданною подъ вліяніемъ математическаго метода, въ греческія школы проникло преподаваніе геометріи, которая съ этого времени уже не переставала считаться необходимою составною частью серьезнаго и основательнаго образованія. Это значить, что расширеніе программы общаго образованія оказалось естественнымъ слѣдствіемъ такого же расширенія, сдѣланнаго въ области научныхъ изслѣдованій.

Научное наслѣдіе древней Греціи перешло цѣликомъ къ новой Европѣ; всѣ открытія, сдѣланныя великими греческими математиками, сдѣлались на вѣчныя времена достояніемъ математической науки; такъ какъ наша наука получила очень многое отъ древнихъ грековъ, то и наше образованіе получило также очень многое отъ древне-греческаго образованія; преподаваніе геометріи перешло въ полномъ своемъ составѣ и почти въ неизмѣненномъ видѣ изъ древнихъ греческихъ школъ

въ новыя европейскія. Римляне, напротивъ, сдѣлали очень мало для развитія науки, если мы будемъ понимать это послѣднее слово только въ смыслѣ точнаго положительнаго и реальнаго знанія; именно потому, влияніе римлянъ оставило также очень мало слѣдовъ въ существующихъ системахъ образованія. Этотъ фактъ можетъ служить отрицательнымъ доказательствомъ той мысли, на которой построена лекція Уиуэлла. Но у римлянъ была своя спеціальность, въ которой они являются оригинальными мыслителями, и прокладываютъ самостоятельные пути. Этою спеціальностью была юриспруденція, доктрина о правахъ и обязанностяхъ человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ. Эту спеціальность, конечно, невозможно поставить на одну доску съ тѣми науками, которыя посвящены изученію дѣйствительно существующихъ, вѣчныхъ и непоколебимыхъ законовъ природы. Въ юриспруденціи исходною точкою изслѣдованія служить не объективная истина, а условное положеніе, которое кажется истиннымъ людямъ одной эпохи, но которое черезъ нѣсколько столѣтій можетъ оказаться совершенно несостоятельнымъ передъ судомъ болѣе просвѣщеннаго потомства. Какъ бы то ни было, римляне работали очень усердно и съ большимъ успѣхомъ въ области юриспруденціи; этимъ дѣломъ занимались передовые умы римскаго общества, какъ во времена республики, такъ и при императорахъ; въ умственной жизни римской націи юриспруденція стояла именно на томъ мѣстѣ, на которомъ стоитъ наука въ жизни другихъ народовъ, менѣе поглощенныхъ чисто-политическими и мелкими житейскими заботами. Тѣ силы, которыя въ другихъ, болѣе богатыхъ цивилизаціяхъ, тратятся на научныя открытія, уходили въ Римѣ на юридическія изслѣдованія, въ которыхъ обнаруживалось конечно много остроумія, діалектической ловкости и логической точности. Въ соотвѣтствіи съ этою оригинальною стороною римской изслѣдовательской дѣятельности находится то оригинальное направленіе, которое получило римское образованіе. Юридическая казуистика, замѣнявшая собою науку, проникла въ школы; каждый молодой римлянинъ, принадлежавшій къ хорошему обществу, долженъ былъ сдѣлаться до нѣкоторой степени юристомъ. Этою стороною своей умственной жизни Римъ подѣйствовалъ очень сильно и продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ на европейскія общества. Благоговѣйнымъ изученіемъ римскихъ юрисконсультовъ занимались изъ году въ годъ, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, десятки тысячъ студентовъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ Европы въ аудиторіи болонскаго, пизанскаго, падуанскаго и другихъ знаменитыхъ италянскихъ университетовъ. Большая часть европейскихъ университетовъ до сихъ поръ предается комментированію римскихъ юристовъ. Можно сказать навѣрное, что до сихъ поръ, по меньшей мѣрѣ, половина всѣхъ молодыхъ людей, получающихъ высшее образованіе на пространствѣ цѣлой Ев-

ропы, проходить черезъ юридическіе факультеты. Это обстоятельство объясняется конечно оченьъ удовлетворительно притягательною силою административной, адвокатской и судейской карьеры, внѣ которыхъ большинство родителей не видитъ никакого вѣрнаго пристанища для своихъ дѣтей. Но дѣло не въ томъ. Для насъ важно въ настоящую минуту только то, что введеніе юридическаго элемента въ образованіе начинается съ того времени, когда юридическія изслѣдованія привлекли къ себѣ силы передовыхъ умовъ. Значить и здѣсь мы видимъ еще разъ, что направленіе научной дѣятельности и программа образованія находятся въ причинной связи между собою.

Образовательныя средства, заимствованныя нами отъ двухъ великихъ націй древняго міра,—математика и юриспруденція — могутъ конечно въ значительной степени укрѣпить и развить молодой умъ, приучая его къ строгой логической послѣдовательности. Но, какъ математика, такъ и юриспруденція упражняютъ умъ только въ дедуктивномъ способѣ мышленія. Въ наше время, такая односторонность умственного развитія тѣмъ болѣе неумѣстна, что почти всѣ великія открытія, составляющія гордость и силу новой европейской науки, добыты путемъ индукціи. Молодой умъ, воспитанный исключительно на математикѣ и на юриспруденціи, оказался бы совершенно неспособнымъ, не только принимать дѣятельное участіе въ трудахъ передовыхъ умовъ, обогащающихъ науку своими изслѣдованіями, но даже слѣдить за этими трудами и отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какимъ образомъ производится эта работа. Разобщенный своимъ одностороннимъ развитіемъ съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, въ которомъ заключается существенный смыслъ нашего времени, такой умъ могъ бы легко погрузиться въ позорное бездѣйствіе или даже превратить себя въ слѣпое орудіе узкихъ и мелкихъ страстей и интересовъ, находящихся въ совершенномъ разладѣ съ общимъ дѣломъ человѣчества. Нельзя не замѣтить при этомъ, что дѣйствительно, юристы и математики, совершенно поглощенные своими спеціальными занятіями, становятся часто не только индеферентистами, но даже ретроgrадами и реакціонерами.

Развитіе положительной науки, которой неотразимое господство надъ умами усиливается и расширяется съ каждымъ годомъ, не смотря на всевозможныя, мелкія и крупныя препятствія, — начинается съ XVI столѣтія. Труды Галилея, Декарта, Бекона и Ньютона могутъ быть названы великимъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи человѣческой мысли. Европейская или, вѣрнѣе, общечеловѣческая наука идетъ до сихъ поръ по той дорогѣ, которую проложили для нея эти великіе люди, и до сихъ поръ нѣтъ даже ни малѣйшаго основанія думать, чтобы она когда нибудь имѣла возможность, или была поставлена въ необходимость свернуть съ этой дороги. Кто ненавидитъ положительную науку, тотъ

долженъ ненавидѣть и проклинать до сихъ поръ ея великихъ законодателей, если только желаетъ быть послѣдовательнымъ. Такіе послѣдовательные люди дѣйствительно находятся до сихъ поръ даже въ ученой Германіи. Не дальше, какъ въ 1857 г., нѣмецкій пасторъ, докторъ Францъ издалъ книжку о *претензіяхъ точнаго естествознанія* и старался доказать своимъ читателямъ, что такъ называемые законы природы совсѣмъ не существуютъ, что земля стоитъ неподвижно въ центрѣ мірозданія, что вокругъ нея вертятся всѣ небесныя тѣла, и что Коперникъ и Ньютонъ, своими попытками ввести математическія вычисленія въ область астрономіи и физики, не сдѣлали ничего, кромѣ самой вредной и непроходимой путаницы.

Въ XVII столѣтіи картезіанская философія завоевала себѣ господство надъ умами во Франціи и въ континентальной Европѣ. Декартъ былъ признанъ противникомъ и побѣдителемъ Аристотеля. Картезіанизмъ былъ для того времени новою истиною, которой знамя было поднято противъ устарѣлыхъ заблужденій. Въ чемъ заключалась отличительная особенность новаго ученія, это показываетъ намъ, между прочимъ, въ очень осязательной формѣ, слѣдующій эпизодъ изъ остроумной книги Фонтенеля: „Множество міровъ“ (*La pluralité des mondes*). Фонтенель сводитъ всѣхъ мудрецовъ древности въ театръ; тамъ даютъ балетъ, въ которомъ Фаэтона уноситъ вѣтеръ. Мудрецы ломаютъ себѣ головы надъ вопросомъ, какимъ образомъ это дѣлается, что танцоръ, играющій роль Фаэтона, поднимается къ верху. Одинъ изъ мудрецовъ говоритъ: у Фаэтона есть таинственное свойство, которое его уноситъ. Это говоритъ приверженецъ Аристотеля; другой говоритъ: Фаэтонъ составленъ изъ нѣкоторыхъ чиселъ, которыя заставляютъ его подниматься къ верху. Это пифагореецъ. Третій говоритъ: у Фаэтона есть стремленіе къ потолку театра, и онъ не можетъ успокоиться, пока не отправится туда. Это адептъ той философіи, которая объясняла вселенную любовью и ненавистью. Четвертый говоритъ: у Фаэтона нѣтъ естественнаго стремленія летать, но онъ находитъ болѣе удобнымъ летѣть, чѣмъ оставлять пустоту въ верхней части театра. Это — извѣстная средневѣковая доктрина объ отвращеніи природы къ пустотѣ. Наконецъ приходятъ Декартъ, и вмѣстѣ съ нимъ другіе новые мыслители. Они говорятъ: Фаэтонъ поднимается потому, что его тянутъ къ верху веревками, и что въ это самое время гири, потяжеле самага Фаэтона, опускаются внизъ за кулисами. Прежнія системы или приписывали природѣ чисто человѣческія страсти и побужденія, или объясняли видимыя явленія какою-то туманною кабалистикой, въ которой терялся самъ ея изобрѣтатель, и которая во всякомъ случаѣ была еще непонятнѣе и запутаннѣе, чѣмъ сами объясняемые явленія. Новая философія, напротивъ того, старается объяснить, и дѣйствительно объяс-

няетъ все, что происходитъ въ мірозданіи дѣйствіемъ тѣхъ механическихъ, физическихъ и другихъ силъ, надъ которыми мы можемъ производить безчисленное множество всевозможныхъ опытовъ и наблюдений. Механическая теорія міра, съ которою Декартъ познакомилъ континентальную Европу, появилась и утвердилась въ Англии въ той формѣ, которую ей придали гениальныя работы Ньютона, и въ которой она осталась на вѣчныя времена неотъемлемымъ достояніемъ общечеловѣческой науки. Послѣ колоссальнаго толчка, даннаго человѣческой мысли мировыми гениями XVII вѣка, умственное движеніе не прерывалось ни на минуту, и продолжается до нашего времени съ постоянно возрастающею быстротою, съ такою быстротою, которая не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ лѣтописяхъ человѣческаго развитія. Открытія слѣдуютъ за открытіями; наблюденія и изслѣдованія перекрещиваются и сталкиваются между собою, провѣряя и подтверждая другъ друга; цѣлыя огромныя науки выходятъ одна за другою.

Та новая жизнь, которая проникла въ науку и создала въ ней рядъ невиданныхъ чудесъ, еще не успѣла пробраться въ школу. Современное образованіе еще не вылилось въ форму, которой настоятельно требуетъ теперешнее положеніе науки. Въ настоящее время образованіе и наука находятся въ разладѣ между собою. Но вся исторія человѣческаго развитія показываетъ ясно, что такой разладъ не можетъ сдѣлаться прочнымъ и постояннымъ. Его существованіе въ данную минуту или, пожалуй, даже въ данное столѣтіе, объясняется именно небывалою громадностью того переворота, того броженія, которые совершаются до сихъ поръ и еще долго будутъ совершаться въ высшихъ сферахъ научной дѣятельности. Но потребность водворить гармонію между наукою и школою существуетъ несомнѣнно, усиливается съ каждымъ годомъ, сознается яснѣе и отчетливѣе, и заявляется громче и рѣшительнѣе голосами самыхъ компетентныхъ цѣнителей. Трудно сомнѣваться въ томъ, что эта потребность найдетъ себѣ быстрое и полное удовлетвореніе.

СТАРОЕ БАРСТВО.

(«Война и миръ». Сочиненіе графа Л. Н. Толстаго. Томы I, II и III. Москва. 1868.)

I.

Новый, еще неоконченный романъ графа Л. Толстаго можно назвать образцовымъ произведеніемъ по части патологіи русскаго общества. Въ этомъ романѣ цѣлый рядъ яркихъ и разнообразныхъ картинъ, написанныхъ съ самымъ величественнымъ и невозмутимымъ эпическимъ спокойствіемъ, ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о томъ, что дѣлается съ чело-вѣческими умами и характерами при такихъ условіяхъ, которыя даютъ людямъ возможность обходиться безъ знаній, безъ мыслей, безъ энергіи и безъ труда.

Очень можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что графъ Толстой не имѣетъ въ виду постановки и рѣшенія такого вопроса. Очень вѣроятно, что онъ просто хочетъ нарисовать рядъ картинъ изъ жизни русскаго барства во времена Александра I. Онъ видитъ самъ, и старается показать другимъ, отчетливо, до мельчайшихъ подробностей и оттѣн-ковъ, всѣ особенности, характеризующія тогдашнее время и тогдашнихъ людей, людей того круга, который всего болѣе ему интересенъ или доступенъ его изученію. Онъ старается только быть правдивымъ и точнымъ; его усилія не клонятся къ тому, чтобы поддержать или опровергнуть создаваемыми образами какую бы то ни было теоретическую идею; онъ, по всей вѣроятности, относится къ предмету своихъ продолжительныхъ и тщательныхъ изслѣдованій съ тою невольною и естественною нѣжностью, которую обыкновенно чувствуетъ даровитый историкъ къ далекому или близкому прошедшему, воскресающему подъ его руками; онъ, быть можетъ, находитъ даже въ особенностяхъ этого прошедшаго, въ фигурахъ и характерахъ выведенныхъ личностей, въ понятіяхъ и привычкахъ изображеннаго общества, многія черты, достой-

ныя любви и уваженія. Все это можетъ быть, все это даже очень вѣроятно. Но именно оттого, что авторъ потратилъ много времени, труда и любви на изученіе и изображеніе эпохи и ея представителей, именно поэтому созданные имъ образы живутъ своею собственною жизнью, независимую отъ намѣренія автора, вступаютъ сами въ непосредственныя отношенія съ читателями, говорятъ сами за себя, и неудержимо ведутъ читателя къ такимъ мыслямъ и заключеніямъ, которыхъ авторъ не имѣлъ въ виду и которыхъ онъ, быть можетъ, даже не одобрилъ бы.

Эта правда, бьющая живымъ ключомъ изъ самихъ фактовъ, эта правда, прорывающаяся помимо личныхъ симпатій и убѣжденій рассказчика, особенно драгоценна по своей неотразимой убѣдительности. Эту-то правду, это шило, котораго нельзя утаить въ мѣшкѣ, мы постараемся теперь извлечь изъ романа графа Толстаго.

Романъ „Война и миръ“ представляетъ намъ цѣлый букетъ разнообразныхъ и превосходно отдѣланныхъ характеровъ, мужскихъ и женскихъ, старыхъ и молодыхъ. Особенно богатъ выборъ молодыхъ мужскихъ характеровъ. Мы начнемъ именно съ нихъ, и начнемъ съ низу, то есть съ тѣхъ фигуръ, на счетъ которыхъ разногласіе почти невозможно и которыхъ неудовлетворительность будетъ, по всей вѣроятности, признана всѣми читателями.

Первымъ портретомъ въ нашей картинной галлерей будетъ князь Борисъ Друбецкой, молодой человекъ знатнаго происхожденія, съ именемъ и съ связями, но безъ состоянія, прокладывающій себѣ дорогу къ богатству и къ почестямъ своимъ умѣніемъ ладить съ людьми и пользоваться обстоятельствами. Первое изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми онъ пользуется съ замѣчательнымъ искусствомъ и успѣхомъ — это его родная мать, княгиня Анна Михайловна. Всякому извѣстно, что мать, просящая за сына, оказывается всегда и вездѣ самымъ усерднымъ, расторопнымъ, настойчивымъ, неутомимымъ и неустрашимымъ изъ адвокатовъ. Въ ея глазахъ цѣль оправдываетъ и освящаетъ всѣ средства, безъ малѣйшаго исключенія. Она готова просить, плакать, заискивать, подслуживаться, пресмыкаться, надоѣдать, глотать всевозможныя оскорбленія, лишь бы только ей хоть съ досады, изъ желанія отвязаться отъ нея и прекратить ея докучливыя вопли, бросили, наконецъ, для сына назойливо требуемую подачку. Борису всѣ эти достоинства матери хорошо извѣстны. Онъ знаетъ также и то, что всѣ униженія, которымъ добровольно подвергаетъ себя любящая мать, нисколько не роняютъ сына, если только этотъ сынъ, пользуясь ея услугами, держитъ себя при этомъ съ достаточною, приличною самостоятельностью.

Борисъ выбираетъ себѣ роль почтительнаго и послушнаго сына, какъ самую выгодную и удобную для себя роль. Выгодна и удобна она, во-первыхъ, потому, что налагаетъ на него обязанность не мѣшать тѣмъ подвигамъ низкопоклонства, которыми мать кладетъ основаніе его бли-

стательной карьерѣ. Вовторихъ, она выгодна и удобна тѣмъ, что представляетъ его въ самомъ лучшемъ свѣтѣ въ глазахъ тѣхъ сильныхъ людей, отъ которыхъ зависитъ его преуспѣваніе. Какой примѣрный молодой человѣкъ! должны думать и говорить о немъ всѣ окружающіе. Сколько въ немъ благородной гордости, и какія великодушныя усилія употребляетъ онъ для того, чтобы, изъ любви къ матери, подавить въ себѣ слишкомъ порывистыя движенія юной неразсчетливой строптивости, такія движенія, которыя могли бы огорчить бѣдную старушку, сосредоточившую на карьерѣ сына всѣ свои помыслы и желанія. И какъ тщательно, и какъ успѣшно онъ скрываетъ свои великодушныя усилія подъ личною наружнаго спокойствія! Какъ онъ понимаетъ, что эти усилія самымъ фактомъ своего существованія могли бы служить тяжелымъ укоромъ его бѣдной матери, совершенно ослѣпленной своими честолюбивыми материнскими мечтами и планами. Какой умъ, какой тактъ, какая сила характера, какое золотое сердце и какая утонченная деликатность!

Когда Анна Михайловна обиваетъ пороги милостивцевъ и благодѣтелей, Борисъ держитъ себя пассивно и спокойно, какъ человѣкъ, рѣшившійся разъ навсегда, почтительно и съ достоинствомъ покоряться своей тяжелой и горькой участи, и покоряться такъ, чтобы всякій это видѣлъ, но чтобы никто не осмѣливался сказать ему съ теплымъ сочувствіемъ: „молодой человѣкъ, по вашимъ глазамъ, по вашему лицу, по всей вашей удрученной наружности я вижу ясно, что вы терпѣливо и мужественно несете тяжелый крестъ“. Онъ ѣдетъ съ матерью къ умирающему богачу Безухову, на котораго Анна Михайловна возлагаетъ какія-то надежды, преимущественно потому, что „онъ такъ богатъ, а мы такъ бѣдны!“ Онъ ѣдетъ, но даже самой матери своей даетъ почувствовать, что дѣлаетъ это исключительно для нея, что самъ не предвидитъ отъ этой поѣздки ничего, кромѣ униженія, и что есть такой предѣлъ, за которымъ ему можетъ измѣнить его покорность и его искусственное спокойствіе. Мистификація ведена такъ искусно, что сама Анна Михайловна боится своего почтительнаго сына, какъ вулкана, отъ котораго ежеминутно можно ожидать разрушительнаго изверженія; само собою разумѣется, что эту боязнь усиливается ея уваженіе къ сыну; она на каждомъ шагу оглядывается на него, проситъ его быть ласковымъ и внимательнымъ, напоминаетъ ему его обѣщанія, прикасается къ его рукѣ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, то успокоивать, то возбуждать его. Тревожась и суетясь такимъ образомъ, Анна Михайловна пребываетъ въ той твердой увѣренности, что безъ этихъ искусныхъ усилій и стараній съ ея стороны все пойдетъ прахомъ, и непреклонный Борисъ, если не прогнѣваетъ навсегда сильныхъ людей выходкою благороднаго негодованія, то, по крайней мѣрѣ, навѣрное заморозитъ ледяною холодностью обращенія всѣ сердца покровителей и благодѣтелей.

Если Борисъ такъ удачно мистифируетъ родную мать, женщину опытную и неглупую, у которой онъ выросъ на глазахъ, то, разумѣется, онъ еще легче и также успѣшно морочить постороннихъ людей, съ которыми ему приходится имѣть дѣло. Онъ кланяется благодѣтелямъ и покровителямъ учтиво, но такъ спокойно и съ такимъ скромнымъ достоинствомъ, что сильныя лица сразу чувствуютъ необходимость посмотреть на него повнимательнѣе и выдѣлить его изъ толпы нуждающихся клиентовъ, за которыхъ просить докучливыя маменьки и тетушки. Онъ отвѣчаетъ имъ на ихъ небрежныя вопросы точно и ясно, спокойно и почтительно, не выказывая ни досады на ихъ рѣзкій тонъ, ни желанія вступить съ ними въ дальнѣйшій разговоръ. Глядя на Бориса и выслушивая его спокойныя отвѣты, покровители и благодѣтели немедленно проникаются тѣмъ убѣжденіемъ, что Борисъ, оставаясь въ границахъ строгой вѣжливости и безукоризненной почтительности, никому не позволить помыкать собою и всегда сбумѣетъ постоять за свою дворянскую честь. Являясь просителемъ и искателемъ, Борисъ умѣетъ свалить всю черную работу этого дѣла на мать, которая, разумѣется, съ величайшею готовностью подставляетъ свои старыя плечи и даже упрасиваетъ сына, чтобы онъ позволилъ ей устроить его повышеніе. Предоставляя матери пресмыкаться передъ сильными лицами, Борисъ самъ умѣетъ оставаться чистымъ и изящнымъ, скромнымъ, но независимымъ джентльменомъ. Чистота, изящество, скромность, независимость и джентльменство, разумѣется, даютъ ему такія выгоды, которыхъ не могли бы ему доставить жалобное попрошайничество и низкое угодничество. Ту подачку, которую можно бросить робкому замарашкѣ, едва осмѣливающемуся сидѣть на кончикѣ стула и стремящемуся поцаловать благодѣтеля въ плечико, до крайности неудобно, конфузно и даже опасно предложить изящному юношѣ, въ которомъ приличная скромность уживается самымъ гармоническимъ образомъ съ неистребимымъ и вѣчно-бдительнымъ чувствомъ собственного достоинства. Такой постъ, на который совершенно невозможно было бы поставить просто и откровенно пресмыкающагося просителя, въ высшей степени приличенъ для скромно-самостоятельнаго молодаго человѣка, умѣющаго во время поклониться, во время улыбнуться, во время сдѣлать серьезное и даже строгое лицо, во время уступить или переубѣдиться, во время обнаружить благородную стойкость, ни на минуту не утрачивая спокойнаго самообладанія и прилично почтительной развязности обращенія.

Патроны обыкновенно любятъ льстецовъ; имъ пріятно видѣть въ благоговѣннй окружающихъ людей невольную дань восторга, приносимую геніальности ихъ ума и несравненному превосходству ихъ нравственныхъ качествъ. Но чтобы лесть производила пріятное впечатлѣніе, она должна быть достаточно тонка, и чѣмъ умнѣе тотъ человѣкъ, ко-

торому льстятъ, тѣмъ тоньше должна быть лесть, и чѣмъ она тоньше, тѣмъ пріятнѣе она дѣйствуетъ. Когда же лесть оказывается на столько грубою, что тотъ человѣкъ, къ которому она обращается, можетъ распознать ея неискренность, то она способна произвести на него совершенно обратное дѣйствіе и серьезно повредить неискреннему льстецу. Возьмемъ двоихъ льстецовъ: одинъ млѣетъ передъ своимъ патрономъ, во всемъ съ нимъ соглашается, и ясно показываетъ всѣми своими дѣйствіями и словами, что у него нѣтъ ни собственной воли, ни собственнаго убѣжденія, что онъ, похваливши сейчасъ одно сужденіе патрона, готовъ черезъ минуту превознести другое сужденіе, діаметрально противоположное, лишь бы только оно было высказано тѣмъ же патрономъ; другой, напротивъ того, умѣетъ показать, что ему, для угожденія патрону, нѣтъ ни малѣйшей надобности отказываться отъ своей умственной и нравственной самостоятельности, что всѣ сужденія патрона покрываютъ себѣ его умъ силою своей собственной неотразимой внутренней убѣдительности, что онъ повинуется патрону во всякую данную минуту не съ чувствомъ рабскаго страха и рабской корыстолюбивой угодливости, а съ живымъ и глубокимъ наслажденіемъ свободнаго человѣка, имѣвшаго счастье найдти себѣ мудраго и великодушнаго руководителя. Понятное дѣло, что изъ этихъ двоихъ льстецовъ второй пойдетъ гораздо дальше перваго. Перваго будутъ кормить и презирать; перваго будутъ радить въ шуты; перваго не пустятъ дальше той лакейской роли, которую онъ на себя принялъ въ близорукомъ ожиданіи будущихъ благъ; со вторымъ, напротивъ того, будутъ совѣтоваться; его могутъ полюбить; къ нему могутъ даже почувствовать уваженіе; его могутъ произвести въ друзья и наперсники. Великовѣтскій Молчалинъ, князь Борисъ Друбецкой, идетъ по этому второму пути, и, разумѣется, высоко неся свою красивую голову и не марая кончика ногтей какою бы то ни было работою, легко и бѣстро доберется этимъ путемъ до такихъ извѣстныхъ степеней, до которыхъ никогда не доползетъ простой Молчалинъ, простодушно подличающій и трепещущій передъ начальникомъ и смиренно наживающій себѣ раннюю сутуловатость за канцелярскими бумагами. Борисъ дѣйствуетъ въ жизни такъ, какъ ловкій и роторонный гимнастикъ лѣзетъ на дерево. Становясь ногою на одну вѣтку, онъ уже отыскиваетъ глазами другую, за которую онъ въ слѣдующее мгновеніе могъ бы ухватиться руками; его глаза и всѣ его помыслы направлены къ верху; когда рука его нашла себѣ надежную точку опоры, онъ уже совершенно забываетъ о той вѣткѣ, на которой онъ только что сейчасъ стоялъ всею тяжестью своего тѣла, и отъ которой его нога уже начинаетъ отдѣляться. На всѣхъ своихъ знакомыхъ, и на всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми онъ можетъ познакомиться, Борисъ смотритъ именно какъ на вѣтки, расположенныя одна надъ дру-

гою, въ болѣе или менѣе отдаленномъ разстояніи отъ вершины огромнаго дерева, отъ той вершины, гдѣ искуснаго гимнастика ожидаетъ желанное успокоеніе среди роскоши, почестей и атрибутовъ власти. Борисъ сразу пронизательнымъ взглядомъ даровитаго полководца или хорошаго шахматнаго игрока, схватываетъ взаимныя отношенія своихъ знакомыхъ, и тѣ пути, которые могутъ повести его отъ одного уже сдѣланнаго знакомства къ другому, еще манящему его къ себѣ, и отъ этого другого къ третьему, еще закутанному въ золотистый туманъ величественной недоступности. Съумѣвши показаться добродушному Пьеру Безухову *милымъ, умнымъ и твердымъ молодымъ человѣкомъ*, съумѣвши даже смутить и растрогать его своимъ умомъ и твердостью въ тотъ самый разъ, когда онъ вмѣстѣ съ матерью прїѣзжалъ къ старому графу Безухову просить на бѣдность и на гвардейскую обмундировку, Борисъ добываетъ себѣ отъ этого Пьера рекомендательное письмо къ адъютанту Кутузова, князю Андрею Болконскому, а черезъ Болконскаго знакомится съ генераль-адъютантомъ Долгоруковымъ, и попадаетъ самъ въ адъютанты къ какому-то важному лицу.

Поставивъ себя въ прїятельскія отношенія съ княземъ Болконскимъ, Борисъ тотчасъ осторожно отдѣляетъ ногу отъ той вѣтки, на которой онъ держался. Онъ немедленно начинаетъ исподволь ослаблять свою дружескую связь съ товарищемъ своего дѣтства, молодымъ графомъ Ростовымъ, у котораго жила въ домѣ по цѣлымъ годамъ, и мать котораго только что подарила ему, Борису, на обмундировку, пятьсотъ рублей, принятыхъ княгиней Анною Михайловною со слезами умиленія и радостной благодарности. Послѣ полугодовой разлуки, послѣ походовъ и сраженій, выдержанныхъ молодымъ Ростовымъ, Борисъ встрѣчается съ нимъ, съ другимъ дѣтства, и въ это же первое свиданіе Ростовъ замѣчаетъ, что Борису, къ которому въ это же время приходитъ Болконскій, какъ будто совѣстно вести дружескій разговоръ съ армейскимъ гусаромъ. Изыщнаго гвардейскаго офицера, Бориса, коробитъ армейскій мундиръ и армейскія замашки молодаго Ростова, а главное, его смущаетъ та мысль, что Болконскій составитъ себѣ о немъ невыгодное мнѣніе, видя его дружескую короткость съ человѣкомъ дурнаго тона. Въ отношеніяхъ Бориса къ Ростову тотчасъ обнаруживается легкая натянутость, которая особенно удобна для Бориса именно тѣмъ, что къ ней невозможно придратъся, что ее невозможно устранить откровенными объясненіями, и что ее также очень трудно не замѣтить и не почувствовать. Благодаря этой тонкой натянутости, благодаря этому, едва уловимому диссонансу, чуть-чуть царапающему нервы, человѣкъ дурнаго тона будетъ потихоньку удаленъ, не имѣя никакого повода жаловаться, обижаться и вламываться въ амбицію, а человѣкъ хорошаго тона увидитъ и замѣтитъ, что къ изыщному гвардейскому офицеру, князю Бо-

рису Друбецкому, лѣзуть въ друзья неделикатные молодые люди, которыхъ онъ кротко и граціозно умѣетъ отодвигать назадъ, на ихъ настоящее мѣсто.

Въ походѣ, на войнѣ, въ свѣтскихъ салонахъ — вездѣ Борисъ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль, вездѣ онъ думаетъ исключительно, или, по крайней мѣрѣ, прежде всего объ интересахъ своей карьеры. Пользуясь съ замѣчательною понятливостью всѣми мельчайшими указаніями опыта, Борисъ скоро превращаетъ въ сознательную и систематическую тактику то, что прежде было для него дѣломъ инстинкта и счастливаго вдохновенія. Онъ составляетъ безошибочно вѣрную теорію карьеры, и дѣйствуетъ по этой теоріи съ самымъ неуклоннымъ постоянствомъ. Познакомившись съ княземъ Болконскимъ и приблизившись черезъ него къ высшимъ сферамъ военной администраціи, Борисъ „ясно понялъ то, что онъ предвидѣлъ прежде, именно то, что въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уставѣ, и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла этого затынутаго съ багровымъ лицомъ генерала почтительно дожидаться въ то время, какъ капитанъ князь Андрей для своего удовольствія находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ. Больше, чѣмъ когда нибудь Борисъ рѣшился служить впредь не по той писанной въ уставѣ, а по этой неписанной субординаціи. Онъ теперь чувствовалъ, что только вслѣдствіе того, что онъ былъ рекомендованъ князю Андрею, онъ уже сталъ сразу выше генерала, который въ другихъ случаяхъ, во фронтѣ, могъ уничтожить его, гвардейскаго прапорщика“ (I, 75).

Основываясь на самыхъ ясныхъ и недвусмысленныхъ указаніяхъ опыта, Борисъ рѣшаетъ, разъ навсегда, что служить лицамъ несравненно выгоднѣе, чѣмъ служить дѣлу, и, какъ человѣкъ, нисколько не связанный въ своихъ дѣйствіяхъ неразсчитливою любовью къ какой бы то ни было идеѣ или къ какому бы то ни было дѣлу, онъ кладетъ себѣ за правило всегда служить только лицамъ, и возлагать всегда все свое упованіе никакъ не на свои какія-нибудь собственныя дѣйствительныя достоинства, а только на свои хорошія отношенія къ вліятельнымъ лицамъ, умѣющимъ награждать и выводить въ люди своихъ вѣрныхъ и покорныхъ слугъ.

Въ случайно завязавшемся разговорѣ о службѣ, Ростовъ говоритъ Борису, что ни къ кому не пойдетъ въ адъютанты, потому что это „лакейская должность“. Борисъ, разумѣется, оказывается на столько свободнымъ отъ предразсудковъ, что его не смущаетъ рѣзкое и неприятное слово „лакей“. Вопервыхъ, онъ понимаетъ, что *comparaison n'est pas raison*, и что между адъютантомъ и лакеемъ огромная разница, потому что перваго съ удовольствіемъ принимаютъ въ самыхъ блестящихъ

гостиныхъ, а втораго заставляють стоять въ передней и держать господскія пубы. Повторыхъ, понимаетъ онъ и то, что многимъ лакеямъ живетъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ инымъ господамъ, имѣющимъ полное право считать себя доблестными слугами отечества. Втретьихъ, онъ всегда готовъ самъ надѣть какую угодно ливрею, если только она быстро и вѣрно поведетъ его къ цѣли. Это онъ и высказываетъ Ростову, говоря ему, въ отвѣтъ на его выходку объ адъютантѣ, что „желалъ бы и очень понасть въ адъютанты, затѣмъ что уже разъ пойдя по карьерѣ военной службы, надо стараться сдѣлать, коль возможно, блестящую карьеру“ (I, 62). Эта откровенность Бориса очень замѣчательна. Она доказываетъ ясно, что большинство того общества, въ которомъ онъ живетъ и котораго мнѣніемъ онъ дорожить, совершенно одобряетъ его взгляды на прокладываніе дороги, на служеніе лицамъ, на неписанную субординацію и на несомнѣнныя удобства ливреи, какъ средства, ведущаго къ цѣли. Борисъ называетъ Ростова мечтателемъ за его выходку противъ служенія лицамъ, и общество, къ которому принадлежитъ Ростовъ, безъ всякаго сомнѣнія, не только подтвердило бы, но еще и усилило бы этотъ приговоръ въ очень значительной степени, такъ что Ростовъ, за свою попытку отрицать систему протекціи и неписанную субординацію, оказался бы не мечтателемъ, а просто глупымъ и грубымъ армейскимъ буяномъ, неспособнымъ понимать и оцѣнивать самыя законныя и похвальныя стремленія благовоспитанныхъ и добропорядочныхъ юношей.

Борисъ, разумѣется, продолжаетъ преуспѣвать подъ сѣнью своей непогрѣшимой теоріи, вполне соответствующей механизму и духу того общества, среди котораго онъ ищетъ себѣ богатства и почета. „Онъ вполне усвоилъ себѣ ту понравившуюся ему въ Ольмицѣ неписанную субординацію, по которой прапорщикъ могъ стоять безъ сравненія выше генерала, и по которой, для успѣха на службѣ, были нужны не усилія на службѣ, не труды, не храбрость, не постоянство, а нужно было только умѣнье обращаться съ тѣми, которые вознаграждаютъ за службу — и онъ часто удивлялся самъ своимъ быстрымъ успѣхамъ, и тому, какъ другіе могли не понимать этого. Вслѣдствіе этого открытія его, весь образъ жизни его, всѣ отношенія съ прежними знакомыми, всѣ его планы на будущее—совершенно измѣнились. Онъ былъ небогатъ, но послѣдніи свои деньги онъ употреблялъ на то, чтобы быть одѣтымъ лучше другихъ; онъ скорѣе лишилъ бы себя многихъ удовольствій, чѣмъ позволилъ бы себѣ ѣхать въ дурномъ экипажѣ или показаться въ старомъ мундирѣ на улицахъ Петербурга. Сближался онъ и искалъ знакомствъ только съ людьми, которые были выше его, и потому могли быть ему полезны“ (II, 106).

Съ особеннымъ чувствомъ гордости и удовольствія Борисъ входитъ въ дома высшаго общества; приглашеніе отъ фрейлины Анны Павловны

Шереръ онъ принимаетъ за „важное повышеніе по службѣ“; на вечерѣ у нея онъ, конечно, ищетъ себѣ не развлеченій; онъ, напротивъ того, трудится по своему въ ея гостиной; онъ внимательно изучаетъ ту мѣстность, на которой ему предстоитъ маневрировать, чтобы завоевать себѣ новыя выгоды, и заполнить новыя благодѣтели; онъ внимательно наблюдаетъ каждое лицо, и оцѣниваетъ выгоды и возможности сближенія съ каждымъ изъ нихъ. Онъ вступаетъ въ это высшее общество съ твердымъ намѣреніемъ поддѣлаться подъ него, то-есть, укоротить и сѣзуть свой умъ на столько, на сколько это понадобится, чтобы ничѣмъ не выдвигаться изъ общаго уровня, и ни подъ какимъ видомъ не раздражить своимъ превосходствомъ того или другаго ограниченнаго человѣка, способнаго быть полезнымъ со стороны неписанной субординаціи.

На вечерѣ у Анны Павловны, одинъ очень глупый юноша, сынъ министра князя Курагина, послѣ неоднократныхъ приступовъ и долгихъ сборовъ, производитъ на свѣтъ глупую и избитую шутку. Борисъ, конечно, на столько уменъ, что такія шутки должны коробить его, и возбуждать въ немъ то чувство отвращенія, которое обыкновенно родится въ здоровомъ человѣкѣ, когда ему приходится видѣть или слышать идиота. Борисъ не можетъ находить эту шутку остроумною или забавною, но, находясь въ великосвѣтскомъ салонѣ, онъ не осмѣливается выдержать эту шутку съ серьезною фізіономіею, потому что его серьезность можетъ быть принята за молчаливое осужденіе каламбура, надъ которымъ, быть можетъ, сливкамъ петербургскаго общества угодно будетъ засмѣяться. Чтобы смѣхъ этихъ сливокъ не засталъ его въ расплохъ, предусмотрительный Борисъ принимаетъ свои мѣры въ ту самую секунду, когда плоская и чужая острога слетаетъ съ губъ князя Иполита Курагина. Онъ осторожно улыбается, такъ что его улыбка можетъ быть отнесена къ насмѣшкѣ или къ одобренію шутки, смотря по тому, какъ она будетъ принята. Сливки смѣются, признавая въ миломъ острякѣ плоть отъ плоти своей, и кость отъ костей своихъ, — и мѣры, заблаговременно принятыя Борисомъ, оказываются для него въ высокой степени спасительными.

Глухая красавица, достойная сестра Иполита Курагина, графиня Элень Безухова, пользующаяся репутаціею прелестной и очень умной женщины, и привлекающая въ свой салонъ все, что блеститъ умомъ, богатствомъ, знатностью или высокимъ чиномъ, — находитъ для себя удобнымъ приблизить красиваго и ловкаго адъютанта Бориса къ своей особѣ. Борисъ приближается съ величайшею готовностью, становится ея любовникомъ, и въ этомъ обстоятельствѣ усматриваетъ не безъ основанія новое немаловажное повышеніе по службѣ. Если путь къ чинамъ и

деньгамъ проходить черезъ будуаръ красивой женщины, то, разумѣется, для Бориса нѣтъ достаточныхъ основаній остановиться въ добродѣтельномъ недоумѣннн или поворотить въ сторону. Ухватившись за руку своей глупой красавицы, Друбецкой весело и быстро продолжаетъ подвигаться впередъ къ золотой цѣли.

Онъ выпрашиваетъ у своего ближайшаго начальника позволеніе состоять въ его свитѣ въ Тильзитѣ, во время свиданія обоихъ императоровъ, и даетъ ему почувствовать при этомъ случаѣ, какъ внимательно онъ, Борисъ, слѣдитъ за показаніями политическаго барометра, и какъ тщательно онъ соображаетъ всѣ свои мельчайшія слова и дѣйствія съ намѣреніями и желаніями высокихъ особъ. То лицо, которое до сихъ поръ было для Бориса генераломъ Бонапарте, узурпаторомъ и врагомъ челоуѣчества, становится для него императоромъ Наполеономъ, и великимъ челоуѣкомъ, съ той минуты, какъ, узнавъ о предположенномъ свиданіи, Борисъ начинаетъ проситься въ Тильзитъ. Попавъ въ Тильзитъ, Борисъ почувствовалъ, что его положеніе упрочено. „Его не только знали, но къ нему приглядѣлись и привыкли. Два раза онъ исполнялъ порученія къ самому государю, такъ что государь зналъ его въ лицо, и всѣ приближенные не только не дичились его, какъ прежде, считая за новое лицо, но удивились бы, ежели бы его не было“ (II, 172).

На томъ пути, по которому идетъ Борисъ, нѣтъ ни остановокъ, ни свертковъ. Можетъ случиться неожиданная катастрофа, которая вдругъ изомнетъ и изломаетъ всю отлично-начавшуюся и благополучно продолжаемую карьеру; можетъ такая катастрофа застигнуть даже самаго осторожнаго и расчетливаго челоуѣка; но отъ нея трудно ожидать, чтобы она направила силы челоуѣка къ полезному дѣлу, и открыла широкій просторъ для ихъ развитія; послѣ такой катастрофы, челоуѣкъ, обыкновенно, оказывается приплюснутымъ и раздавленнымъ; блестящій, веселый и преуспѣвающій офицеръ или чиновникъ превращается всего чаще въ жалкаго ипохондрика, въ откровенно-низкаго попрошайку, или просто въ горькаго пьяницу. Помимо же такой неожиданной катастрофы, при ровномъ и благопріятномъ теченіи обыденной жизни, нѣтъ никакихъ шансовъ, чтобы челоуѣкъ, находящійся въ положеніи Бориса, вдругъ оторвался отъ своей постоянной дипломатической игры, всегда одинаково для него важной и интересной, чтобы онъ вдругъ остановился, оглянулся на самаго себя, отдалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ мельчаютъ и вянутъ живыя силы его ума, и энергическимъ усиліемъ воли перепрыгнуть вдругъ съ дороги искусства, приличнаго и блистательно-успѣшнаго выпрашивания на совершенно-неизвѣстную ему дорогу неблагодарнаго, утомительнаго и совсѣмъ не барскаго труда. Дипломатическая игра имѣетъ такіа затягивающія свойства, и даетъ такіе блестящіе результаты, что челоуѣкъ, погрузившійся въ эту игру, скоро начи-

наеть считать мелкимъ и ничтожнымъ все, что находится за ея предѣлами; всѣ событія, всѣ явленія частной и общественной жизни оцѣниваются по своему отношенію къ выигрышу или проигрышу; всѣ люди дѣлятся на средства и на помѣхи; всѣ чувства собственной души рѣшаются на похвальные, то-есть, ведущія къ выигрышу, и предосудительныя, то-есть, отвлекающія вниманіе отъ процесса игры. Въ жизни человѣка, втянушагося въ такую игру, нѣтъ мѣста такимъ впечатлѣніямъ, изъ которыхъ могло бы развернуться сильное чувство, не подчиненное интересамъ карьеры. Серьезная, чистая, искренняя любовь, безъ примѣси корыстныхъ или честолюбивыхъ расчетовъ, любовь со всею свѣтлою глубиною своихъ наслажденій, любовь со всѣми своими торжественными и святыми обязанностями, не можетъ укорениться въ высушенной душѣ человѣка, подобнаго Борису. Правственное обновленіе путемъ счастливой любви для Бориса немислимо. Это доказано въ романѣ графа Толстаго его исторіею съ Наташею Ростовою, сестрою того армейскаго гусара, котораго мундиръ и манеры коробятъ Бориса въ присутствіи князя Болконскаго.

Когда Наташѣ было 12 лѣтъ, а Борису лѣтъ 17 или 18, они играли между собою въ любовь; одинъ разъ, незадолго передъ отъѣздомъ Бориса въ полкъ, Наташа поцаловала его, и они рѣшили, что свадьба ихъ состоится черезъ четыре года, когда Наташѣ минетъ 16 лѣтъ. Прошли эти четыре года, женихъ и невѣста оба, если не забыли своихъ взаимныхъ обязательствъ, то, по крайней-мѣрѣ, стали смотрѣть на нихъ какъ на ребяческую шалость; когда Наташа уже въ самомъ дѣлѣ могла быть невѣстою, и когда Борисъ былъ уже молодымъ человѣкомъ, стоящимъ, какъ это говорится, на самой лучшей дорогѣ — они увидѣлись и снова заинтересовались другъ другомъ. „Послѣ перваго свиданія, Борисъ сказалъ себѣ, что Наташа для него точно такъ же привлекательна, какъ и прежде, но что онъ не долженъ отдаваться этому чувству, потому что женитьба на ней, дѣвушка почти безъ состоянія, была бы погибелью его карьеры, а возобновленіе прежнихъ отношеній безъ цѣли женитьбы—было бы неблагороднымъ поступкомъ“ (III, 50).

Несмотря на это благоразумное и спасительное совѣщаніе съ самимъ собою, несмотря на рѣшеніе избѣгать встрѣчъ съ Наташей, Борисъ увлекается, начинаетъ часто ѣздить къ Ростовымъ, проводить у нихъ цѣлые дни, слушаетъ пѣсни Наташи, пишетъ ей стихи въ альбомъ и даже перестаетъ бывать у графини Безуховой, отъ которой онъ получаетъ ежедневно притласительныя и укорительныя записки. Онъ все собирается объяснить Наташѣ, что никакъ и никогда не можетъ сдѣлаться ея мужемъ, но у него все не хватаетъ силъ и мужества на то, чтобы начать и довести до конца такое щекотливое объясненіе. Онъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе запутывается. Но нѣкоторая времен-

ная и мимолетная невнимательность къ великимъ интересамъ карьеры составляетъ крайній предѣлъ увлеченій, возможныхъ для Бориса. Нанести этимъ великимъ интересамъ сколько нибудь серьезный и непоправимый ударъ — это для него невообразимо, даже подъ вліяніемъ сильнѣйшей изъ доступныхъ ему страстей.

Стоитъ только старой графинѣ Ростовой перемолвить серьезное слово съ Борисомъ, стоитъ ей только дать ему почувствовать, что его частыя посѣщенія замѣчены и приняты къ свѣдѣнію, — и Борисъ тотчасъ, чтобы не компрометировать дѣвушку и не портить карьеру, обращается въ благоразумное и благородное бѣгство. Онъ перестаетъ бывать у Ростовыхъ, и даже, встрѣтившись съ ними на балѣ, проходитъ мимо нихъ два раза и всякій разъ отвертывается (III. 65).

Проплывъ благополучно между подводными камнями любви, Борисъ уже безостановочно, на всѣхъ парусахъ летитъ къ надежной пристани. Его положеніе на службѣ, его связи и знакомства доставляютъ ему входъ въ такіе дома, гдѣ водятся очень богатые невѣсты. Онъ начинаетъ думать, что ему пора заручиться выгодною женитьбою. Его молодость, его красивая наружность, его презентабельный мундиръ, его умно и расчетливо веденная карьера составляютъ такой товаръ, который можно продать за очень хорошую цѣну. Борисъ высматриваетъ покупательницу, и находитъ ее въ Москвѣ.

Жюли Карагина, обладательница огромныхъ пензенскихъ имѣній и нижегородскихъ лѣсовъ, двадцати-семилѣтняя дѣвушка съ краснымъ лицомъ, съ влажными глазами и съ подбородкомъ, почти всегда обсыпаннымъ пудрою — поупааетъ себѣ Бориса. Передъ совершеніемъ запродажной сдѣлки, Борисъ ведетъ себя, какъ чистошерстный котъ, которому голодь велитъ перебираться черезъ очень грязную улицу, и которому въ то же время до смерти не хочется замочить и запачкать бархатныя лапки.

Бориса, какъ того же чистошерстного кота, не смущаютъ никакія нравственныя соображенія. Обмануть дѣвушку, прикинувшись влюбленнымъ въ нее, взять на себя обязательство составить ея счастье и потомъ оказаться передъ нею позорно-несостоятельнымъ, разбить ея жизнь — все это такія мысли, которыя не приходятъ въ голову Борису, и нимало его не озабочиваютъ. Еслибы только это — онъ не задумался бы ни на минуту, такъ точно, какъ чистошерстный котъ стащить и съѣсть плохо-прибранный кусокъ мяса. Голосъ нравственнаго чувства, уже достаточно слабый въ 17-ти лѣтнемъ мальчикѣ, благодаря урокамъ такой искусной матери, какова была княгиня Анна Михайловна — замолчалъ давно въ молодомъ человѣкѣ, создавшемъ себѣ цѣлую стройную теорію неписанной субординаціи. Но въ Борисѣ еще не умерла послѣдняя человѣческая слабость; его старческая мудрость еще не задавила въ немъ способности чувствовать фи-

зическое отвращеніе; его тѣло еще молодо, свѣжо и сильно; у этого тѣла есть свои потребности, свои влеченія, свои симпатіи и антипатіи; это тѣло не можетъ всегда и вездѣ быть послушнымъ и безропотнымъ орудіемъ духа, стремящагося къ упроченному положенію въ высшѣмъ обществѣ; тѣло возмущается, тѣло бунтуетъ, и морозъ подираетъ Бориса по кожѣ при мысли о той цѣнѣ, которую онъ долженъ будетъ заплатить за пензенскія имѣнія и нижегородскіе лѣса. Пройти черезъ будуаръ графини Безуховой, пройти черезъ него по расчету для Бориса было легко и пріятно, потому что и самъ Наполеонъ, увидавъ графиню Безухову въ ложѣ эрфуртскаго театра, сказалъ объ ней: „с'est un superbe animal!“ Но чтобы пройти черезъ спальню Жюли Карагиной къ той конторкѣ, въ которую владутся доходы съ пензенскихъ имѣній, Борису понадобилось выдержать упорную и продолжительную борьбу съ мятежнымъ тѣломъ.

„Жюли уже давно ожидала предложенія отъ своего меланхолическаго обожателя, и готова была принять его; но какое-то тайное чувство отвращенія къ ней, къ ея страстному желанію выдти замужъ, къ ея ненатуральности, и чувство ужаса передъ отреченіемъ отъ возможности настоящей любви еще останавливало Бориса... Каждый день, разсуждая самъ съ собою, Борисъ говорилъ себѣ, что онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе. Но въ присутствіи Жюли, глядя на ея красное лицо и подбородокъ, почти всегда осыпанный пудрой, на ея влажные глаза и на выраженіе лица, выражавшаго всегдашнюю готовность изъ меланхоліи тотчасъ же перейти къ неестественному восторгу супружескаго счастья, Борисъ не могъ произнести рѣшительнаго слова, несмотря на то, что онъ уже давно въ воображеніи своемъ считалъ себя обладателемъ пензенскихъ и нижегородскихъ имѣній, и распредѣлялъ употребленіе въ нихъ доходовъ“ (III, 207).

Само собою разумѣется, что Борисъ выходитъ побѣдителемъ изъ этой мучительной борьбы, такъ же точно, какъ вышелъ побѣдителемъ изъ другой борьбы съ тѣмъ же прихотливымъ тѣломъ, тянувшимъ его къ Наташѣ Ростовоѣ. Обѣ побѣды порадовали материнское сердце Анны Михайловны; обѣ были бы, безъ сомнѣнія, рѣшительно одобрены приговоромъ общественнаго мнѣнія, всегда расположеннаго сочувствовать торжеству духа надъ матеріею.

Въ ту минуту, когда Борисъ, вспыхнувъ яркимъ румянцемъ, и платя этимъ румянцемъ послѣднюю дань своей молодости и человѣческой слабости, дѣлаетъ предложеніе Жюли Карагиной, и объясняется ей въ любви, онъ утѣшаетъ и подкрѣпляетъ себя тѣмъ размышленіемъ, что „всегда можетъ устроить такъ, чтобы рѣдко видѣть ее“ (III, 209).

Борисъ держится того правила, что въ торговомъ дѣлѣ поступаютъ на чистоту только безнадежно-глухие люди, и что ловкій обманъ со-

ставляетъ душу коммерческой операціи. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы, продавъ самого себя, онъ вздумалъ выдать покупателю весь проданный товаръ, то какое же удовольствіе и какую пользу доставила бы ему утроенная сдѣлка?

II.

Займемся теперь молодымъ армейскимъ гусаромъ, Николаемъ Ростовымъ.

Это совершенная противоположность Бориса. Друбецкой — расчетливъ, сдержанъ, остороженъ, все размѣряетъ и взвѣшиваетъ, и во всемъ дѣйствуетъ по заранѣ составленному и тщательно обдуманному плану. Ростовъ, напротивъ того, смѣлъ и пылокъ, неспособенъ и не любитъ соображать, всегда поступаетъ очертя голову, всегда весь отдается первому влеченію, и даже чувствуетъ нѣкоторое презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые умѣютъ сопротивляться воспринимаемымъ впечатлѣніямъ и перерабатывать ихъ въ себѣ.

Борисъ, безъ всякаго сомнѣнія, умнѣе и глубже Ростова. Ростовъ въ свою очередь гораздо даровитѣе, отзывчивѣе и многостороннѣе Бориса. Въ Борисѣ гораздо больше способности внимательно наблюдать и осторожно обобщать окружающіе факты. Въ Ростовѣ преобладаетъ способность откликаться всѣмъ своимъ существомъ на все, что проситъ, и даже на то, что не имѣетъ права просить у сердца отвѣта. Борисъ, при правильномъ развитіи своихъ способностей, могъ бы сдѣлаться хорошимъ изслѣдователемъ. Ростовъ, при такомъ же правильномъ развитіи, сдѣлался бы, по всей вѣроятности, недюжиннымъ художникомъ, поэтомъ, музыкантомъ или живописцемъ.

Существенное различіе между обоими молодыми людьми обозначается съ перваго ихъ шага на житейскомъ поприщѣ. Борисъ, которому нечѣмъ жить, протискивается по милости своей пресмыкающейся матери въ гвардію, и живетъ тамъ на чужой счетъ, чтобы только быть на виду и почаще приходить въ соприкосновеніе съ высоко-поставленными особами. Ростовъ, получающій отъ отца по 10,000 рублей въ годъ и имѣющій полную возможность жить въ гвардіи не хуже другихъ офицеровъ, идетъ, пылая воинственнымъ и патріотическимъ жаромъ, въ армейскую кавалерію, чтобы поскорѣе побывать въ дѣлѣ, погарцовать на ретивой лошади, и удивить себя и другихъ подвигами лихаго наѣздничества. Борисъ ищетъ прочной и осязательной выгоды. Ростовъ желаетъ прежде всего и во что бы то ни стало шуму, блеску сильныхъ ощущеній, эффектныхъ сценъ и яркихъ картинъ. Образъ гусара, какъ онъ летитъ въ

атаку, машетъ саблей, сверкаетъ очами, топчетъ трепещущаго врага стальными копытами неукротимаго коня, образъ гусара, какъ онъ раз- машисто и шумно пируетъ въ кругу лихихъ товарищей, прокопченныхъ пороховымъ дымомъ, образъ гусара, какъ онъ, закручивая длинные устья звеня шпорами, блистая золотыми шнурками венгерки, своимъ орлинымъ взоромъ посѣваетъ тревогу и смятеніе въ сердцахъ молодыхъ красавицъ — всѣ эти образы, сливаясь въ одно смутно-обаятельное впечатлѣніе, рѣшаютъ судьбу юнаго и пылкаго графа Ростова, и побуждаютъ его, бросивъ университетъ, въ которомъ онъ, безъ сомнѣнія, находилъ мало для себя привлекательнаго, кинуться стремглавъ и окунуться съ головою въ жизнь армейскаго гусара.

Борисъ вступаетъ въ свой полкъ спокойно и хладнокровно, держитъ себя со всѣми прилично и кротко, но ни съ полкомъ вообще, ни съ кѣмъ либо изъ офицеровъ въ особенности не завязываетъ никакихъ тѣсныхъ и задушевныхъ отношеній. Ростовъ буквально бросается въ объятія павлоградскаго гусарскаго полка, пристращается къ нему, какъ къ своей новой семьѣ, сразу начинаетъ дорожить его честью, какъ своею собственною, изъ восторженной любви къ этой чести дѣлаетъ опрометчивые поступки, ставитъ себя въ неловкія положенія, ссорится съ полковымъ командиромъ, кается въ своей неосторожности передъ синклитомъ старыхъ офицеровъ, и при всей своей юношеской обидчивости и вспыльчивости, покорно выслушиваетъ дружескія замѣчанія стариковъ, обучающихъ его уму-разуму и преподающихъ ему основныя начала павлоградской гусарской нравственности.

Борисъ нарываетъ улизнуть какъ можно скорѣе изъ полка куда нибудь въ адъютанты. Ростовъ считаетъ переходъ въ адъютанты какою-то измѣною милому и родному павлоградскому полку. Для него это почти все равно, что бросить любимую женщину, чтобы по расчету жениться на богатой невѣстѣ. Всѣ адъютанты, всѣ „штабные молодчики“, какъ онъ ихъ презрительно называетъ, въ его глазахъ какіе-то бездушные и недостойные отступники, продавшіе своихъ братьевъ по оружію за блюдо чечевицы. Подъ вліяніемъ этого презрѣнія, онъ безо всякой уважительной причины, къ ужасу и досадѣ Бориса, въ квартирѣ послѣдняго заводитъ ссору съ адъютантомъ Болконскимъ, ссору, которая остается безъ кровопролитныхъ послѣдствій только благодаря спокойной твердости и самообладанію Болконскаго.

Ростовъ, къ удивленію Бориса, бросаетъ подъ столъ рекомендательное письмо, выхлопотанное ему, Ростову, заботливыми родителями къ князю Багратіону; при этомъ онъ, какъ мы уже знаемъ, прямо называетъ адъютантскую службу лакейскою. Онъ не задумывается надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что адъютанты совершенно необходимы въ общемъ строѣ военнаго дѣла; онъ не останавливается на томъ соображеніи, что

можно быть адъютантомъ, честно исполняя свои обязанности, принося постоянно истинную пользу общему ходу военныхъ дѣйствій, и нисколько не унижая ни передъ кѣмъ своего личнаго человѣческаго достоинства. Онъ очевидно не въ состояніи уловить и опредѣлить различіе между писанною и неписанною субординаціею, между служеніемъ лицамъ и служеніемъ дѣлу. Онъ съ негодованіемъ отрицаетъ адъютантство для себя и презираетъ его въ другихъ просто потому, что павлоградскіе офицеры, принимая въ соображеніе его графскій титулъ и хорошее состояніе, на первыхъ порахъ заподозрили его въ намѣреніи выпрыгнуть изъ полка въ адъютанты, а онъ тотчасъ же съ добродѣтельнымъ ужасомъ сталъ отрещиваться и отплевываться отъ такого оскорбительнаго подозрѣнія въ бессердечности.

Борисъ не становится ни къ кому въ восторженно-подобострастныя ученическія отношенія; онъ всегда готовъ тонко и прилично льстить тому человѣку, изъ котораго онъ такъ или иначе надѣется сдѣлать себѣ дойную корову; онъ всегда готовъ подмѣтить въ другомъ, перенять и усвоить себѣ какую-нибудь снаровку, способную доставить ему успѣхъ въ обществѣ и повышеніе по службѣ; но безкорыстное и простодушное обожаніе кого бы или чего бы то ни было ему совершенно несвойственно; онъ можетъ стремиться только къ выгодамъ, а никакъ не къ идеалу; онъ можетъ только завидовать и подражать людямъ, обогнавшимъ или обгоняющимъ его по службѣ, но рѣшительно неспособенъ благоговѣть передъ ними, какъ передъ яркими и прекрасными воплощеніями идеала. У Ростова, напротивъ того, идеалы, кумиры и авторитеты, какъ грибы, на каждомъ шагу вырастаютъ изъ земли. У него и Васья Денисовъ—идеаль, и Долоховъ—кумиръ и штаб-ротмистръ Кирстенъ—авторитетъ. Вѣрять и любить слѣпо, страстно, безпредѣльно, преслѣдуя ненавистью фанатика тѣхъ, кто не преклоняетъ колѣнъ передъ воздвигнутыми идолами—это неистребимая потребность его кипучей природы.

Эта потребность проявляется особенно ярко въ восторженномъ взглядѣ на государя. Вотъ какими чертами графъ Толстой изображаетъ его чувства во время высочайшаго смотра въ Ольмюцѣ. Эти черты характеризуютъ и время, и тотъ слой общества, къ которому принадлежит Ростовъ, и личныя особенности самого Ростова.

„Когда государь приблизился на разстояніе 20-ти шаговъ, и Никола ясно, до всѣхъ подробностей, разсмотрѣлъ прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, онъ испыталъ чувство нѣжности и восторга, подобнаго которому онъ еще не испытывалъ“.

Увидавъ улыбку государя, „Ростовъ самъ невольно началъ улыбаться и почувствовалъ еще сильнѣйшій приливъ любви къ своему государю. Ему хотѣлось выказать чѣмъ-нибудь свою любовь къ государю. Онъ зналъ, что это невозможно, и ему хотѣлось плакать“.

Когда государь заговорилъ съ командиромъ павлоградскаго полка, Ростовъ подумалъ, что умеръ бы отъ счастья, ежели бы государь обратился къ нему.

Когда государь сталъ благодарить офицеровъ, то „каждое слово слышалось Ростову, какъ звукъ съ неба“ и онъ созналъ въ себѣ и сформулировалъ совершенно ясно страстное желаніе „только умереть, умереть за него“.

Когда солдаты, „насаживая свои гусарскія груди“, закричали ура, то „Ростовъ закричалъ тоже, пригнувшись съ сѣдлу, что было его силъ, желая повредить себѣ этимъ крикомъ, только чтобы выразить вполнѣ свой восторгъ государю“.

Когда государь постоялъ нѣсколько секундъ противъ гусаръ, какъ будто въ нерѣшимости, то „даже и эта нерѣшительность показалась Ростову величественной и обворожительной“.

Въ числѣ господъ свиты Ростовъ замѣтилъ Болконскаго, припомнилъ свою ссору съ нимъ у Друбецкаго, случившуюся наканунѣ, и задалъ себѣ вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ вызывать его. „Разумѣется, не слѣдуетъ, подумалъ теперь Ростовъ... И стоитъ ли думать и говорить про это въ такую минуту, какъ теперь? Въ минуту такого чувства любви, восторга и самоотверженія, что значать всѣ наши ссоры и обиды? Я всѣхъ люблю, всѣмъ прощаю теперь“.

Когда полки проходятъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, когда Ростовъ на своемъ Бедуинѣ самымъ эффектнымъ образомъ проѣзжаетъ вслѣдъ за своимъ эскадрономъ, и когда государь говоритъ: „молодцы павлоградцы!“ тогда Ростовъ думаетъ: „Боже мой, какъ бы я счастливъ былъ, еслибы онъ велѣлъ мнѣ сейчасъ броситься въ огонь“.

Всѣ эти черты собраны мною и перенесены сюда съ точностью со страницъ 70—73 перваго тома.

Три дня спустя, Ростовъ еще разъ видитъ государя, и чувствуетъ себя счастливымъ, „какъ любовникъ, дождавшійся ожидаемаго свиданія“. Онъ, *не оглядываясь, восторженнымъ чутьемъ* чувствуетъ приближеніе государя. Здѣсь краски, употребляемыя графомъ Толстымъ, вспыхиваютъ такою ослѣпительною яркостью, что я, боясь ослабить или какъ нибудь испортить то впечатлѣніе, которое онѣ должны произвести на читателя, считаю необходимымъ привести цитату во всей ея неприкосновенности.

„И онъ чувствовалъ это (приближеніе) не по одному звуку копытъ лошадей приближавшейся кавалькады, но онъ чувствовалъ это потому, что, по мѣрѣ приближенія, все свѣтлѣе, радостнѣе, и значительнѣе, и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокругъ себя лучи кроткаго и величественнаго свѣта, и вотъ онъ уже чувствуетъ себя захваченнымъ

этими лучами, онъ слышитъ его голосъ — этотъ ласковый, спокойный, величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой голосъ“ (I, 84).

Фанатики жрецы обыкновенно бываютъ болѣе исключительны въ своихъ страстяхъ, чѣмъ то божество, которому они служатъ. Пылая всепоглощающею и ослѣпляющею любовью къ своему божеству, эти жрецы доходятъ часто, путемъ этой любви, до такихъ крайнихъ, уродливыхъ и противоестественныхъ чувствъ, которыя могли бы только оскорбить, возмутить и прогнѣвить божество, еслибы оно узнало о ихъ существованіи.

Ростовъ видитъ государя на площади городка Вишау, гдѣ за нѣсколько минутъ до пріѣзда государя происходила довольно сильная перестрѣлка. На площади лежатъ еще неприбранныя тѣла убитыхъ и раненыхъ. Государь, „склонившись на бокъ, граціознымъ жестомъ держа золотой лорнетъ у глаза“, смотритъ на раненаго солдата, лежащаго ничкомъ, безъ кивера, съ окровавленной головою. Государь, очевидно, соболѣзнуетъ о страданіяхъ раненаго; плечи его содрогаются, какъ бы отъ пробѣжавшаго мороза, и лѣвая нога его судорожно бьетъ шпорой бокъ лошади; одинъ изъ адъютантовъ, угадывая мысли и желанія государя, поднимаетъ солдата подъ руки, а государь, услышавъ стонъ умирающаго, говоритъ: „тише, тише, развѣ нельзя тише?“ и при этомъ, по словамъ графа Толстаго, видимо страдаетъ больше, чѣмъ самъ умирающій солдатъ. Слезы наполняютъ глаза государя и, обращаясь къ Чарторижскому, онъ говоритъ ему: „quelle terrible chose que la guerre!“ Въ это же самое время Ростовъ, весь поглощенный своею восторженною любовью, преимущественно устремляетъ свое вниманіе на то обстоятельство, что солдатъ недостаточно опрятенъ, деликатенъ и великолѣпенъ, чтобы находиться вблизи государя и останавливать на себѣ его взоры. Въ солдатѣ Ростовъ видитъ въ эту минуту не умирающаго человѣка, не мученика, мужественно принявшаго страданіе также за дѣло государя, а только грязное кровавое пятно, марающее ту картину, на которую обращены глаза государя, пятно, доставляющее государю непріятныя ощущенія, диссонансъ, способный до нѣкоторой степени разстроить нервы государя, наконецъ, такой предметъ, который виновать уже тѣмъ, что не можетъ почувствовать *восторженнымъ чутьемъ его приближеніе*, и сдѣлаться, по мѣрѣ этого приближенія, *все свѣтлѣе, и радостнѣе, и значительнѣе, и праздничнѣе*. Вотъ подлинныя слова графа Толстаго: „Солдатъ раненый былъ такъ нечистъ, грубъ и гадокъ, что Ростова оскорбила близость его къ государю“ (I, 85). Государь, по всей вѣроятности, не остался бы доволенъ, еслибы могъ себѣ представить, что любовь къ нему побуждаетъ молодыхъ офицеровъ его вѣрной и храброй арміи смотрѣть съ отвращеніемъ и почти съ ненавистью на страданія умирающихъ солдатъ.

Борись тоже чувствуетъ особенное волненіе, когда приближается къ особѣ государя, но его волненіе совершенно непохоже на то, которое испытываетъ простодушный Ростовъ. Онъ волнуется потому, что чувствуетъ себя возлѣ источника власти, награды, почестей, богатства и вообще всѣхъ тѣхъ земныхъ благъ, добыванію которыхъ онъ твердо рѣшился посвятить всю свою жизнь. Онъ думаетъ: ахъ, еслибы мнѣ да пристроиться тутъ по близости, да утвердиться такъ, чтобы меня изо дня въ день постоянно пригрѣвали солнечные лучи! То корыстное волненіе, которое въ подобныхъ случаяхъ овладѣваетъ Борисомъ, только усиливаетъ его внимательность, расторопность и находчивость. Онъ исполняетъ совершенно удовлетворительно два порученія къ государю, данныя ему во время службы, и приобрѣтаетъ себѣ даже въ глазахъ императора Александра репутацію смѣшленнаго и рачительнаго офицера.

Волненіе, овладѣвающее Ростовымъ, когда онъ видитъ государя и приближается къ нему, отнимаетъ у него способность размышлять и обсуживать свое положеніе. Въ день аустерлицкаго сраженія, посланный съ порученіемъ, которое онъ, если не обязанъ, то, по крайней мѣрѣ, имѣетъ полное право, и даже уполномоченъ передать государю, Ростовъ встрѣчаетъ государя въ то время, когда битва окончательно и безвозвратно проиграна. Увидавъ государя, Ростовъ, по обыкновенію, чувствуетъ себя безмѣрно счастливымъ, отчасти потому, что видитъ его, отчасти и главнымъ образомъ потому, что убѣждается собственными глазами въ невѣрности распространившагося слуха о ранѣ государя. Ростовъ знаетъ, что онъ можетъ и даже долженъ прямо обратиться къ государю, и передать то, что ему было приказано. Но нахлынувшее на него волненіе отнимаетъ у него возможность во время рѣшиться; „какъ влюбленный юноша дрожать и млѣть, не смѣя сказать того, о чемъ онъ мечтаетъ цѣлыя ночи; и испуганно оглядывается, ища помощи или возможности бѣгства, когда наступила желанная минута, и онъ стоитъ наединѣ съ ней: такъ и Ростовъ теперь, достигнувъ того, чего онъ желалъ больше всего на свѣтѣ, не зналъ, какъ подступить къ государю, и ему представлялись тысячи соображеній, почему это было неудобно, неприлично и невозможно“ (I, 136).

Не рѣшившись на то, *чего онъ больше всего желалъ на свѣтѣ*, Ростовъ отъѣзжаетъ прочь, *съ грустью и съ отчаяніемъ въ сердцѣ*, и въ ту же минуту видитъ, что другой офицеръ, увидавъ государя, прямо подъѣзжаетъ къ нему, предлагаетъ ему свои услуги, и помогаетъ ему перейти пѣшкомъ черезъ канаву. Ростовъ издали съ завистью и раскаяніемъ видитъ, какъ этотъ офицеръ долго и съ жаромъ говоритъ что-то государю, и какъ государь жметъ руку этому офицеру. Теперь, когда минута пропущена, Ростову представляются новыя тысячи соображеній, почему ему было удобно, прилично и необходимо подъѣхать

къ государю. Онъ думаетъ про себя, что онъ, Ростовъ, могъ бы быть на мѣстѣ того офицера, которому государь пожалъ руку, что его подрѣзала его собственная позорная слабость, и что онъ потерялъ единственный случай выразить государю свою восторженную преданность. Онъ повертываетъ лошадь, скачетъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ государь — тамъ ужъ нѣтъ никого. Онъ уѣзжаетъ въ совершенномъ отчаяніи, и въ этомъ отчаяніи — какому бы тонкому и тщательному анализу мы его ни подвергали — нѣтъ ничего сколько нибудь похожаго на мысль о томъ вліяніи, которое разговоръ съ государемъ могъ бы обнаружить на дальнѣйшій ходъ его службы. Это — простодушное и безкорыстное отчаяніе влюбленнаго юноши, у котораго, по милости его же собственной робости, остались тяжелымъ камнемъ на душѣ невысказанныя и давно накипѣвшія слова почтительной страсти.

Самъ Ростовъ неспособенъ анализировать свое чувство; онъ не можетъ задать себѣ вопросъ: почему я испытываю это чувство? не можетъ, во первыхъ, потому, что вообще не привыкъ пускаться въ психологическія изслѣдованія и отдавать себѣ сколько нибудь ясный отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ; а во вторыхъ, потому, что въ этомъ вопросѣ ему совершенно справедливо чувствуется опасный зародышъ разлагающаго сомнѣнія. Спросить: почему я испытываю то или другое чувство? значитъ задуматься надъ тѣми причинами и основаніями, на которыхъ держится это чувство, приступить къ измѣренію, взвѣшиванію и оцѣнкѣ этихъ причинъ и основаній, и заранѣе подчиниться тому приговору, который, послѣ зрѣлыхъ размышленій, будетъ произнесенъ надъ ними голосомъ нашего собственнаго разсудка. Кто ставитъ себѣ вопросъ: почему? тотъ, очевидно, чувствуетъ необходимость указать своей страсти извѣстныя границы, на которыхъ она должна остановиться, чтобы не вредить интересамъ цѣлаго. Кто ставитъ вопросъ: почему? тотъ уже признаетъ существованіе такихъ интересовъ, которые для него важнѣе и дороже его чувства, и во имя которыхъ и съ точки зрѣнія которыхъ желательно потребовать у этого чувства отчета въ его происхожденіи. Кто ставитъ вопросъ: почему? тотъ уже обнаруживаетъ способность до нѣкоторой степени отрѣшиться отъ своего чувства, и смотрѣть на него со стороны, какъ на явленіе внѣшняго міра, а между чувствами, совершенно не испытанными надъ собою этой операціи, и чувствами, на которыя мы хотя разъ, хоть на минуту, взглянули со стороны, взоромъ наблюдателя, *объективнымъ окомъ*, существуетъ огромная разница. Какъ бы побѣдоносно наше чувство ни выдержало испытаніе, все-таки надъ нимъ неизбѣжно совершится одна существенно важная перемѣна: прежде оно, неизмѣренное и неизслѣдованное, казалось намъ необъятнымъ и безпредѣльнымъ, потому что мы не знали ни его начала, ни его конца, ни его возможныхъ послѣдствій, ни его дѣйствительныхъ основаній; те-

перь же оно, хотя и очень велико, однако введено въ свои границы, которыя намъ хорошо извѣстны. Прежде оно, само по себѣ, было дѣльнымъ міромъ, ни съ чѣмъ несвязаннымъ, живущимъ своею самостоятельною жизнью, повинующимся только своимъ собственнымъ законамъ, которыхъ мы не знали, и неотразимо увлекающимъ насъ въ свою таинственную глубину, въ которую мы погружались съ трепетомъ мучительной радости и робкаго благоговѣнія; теперь оно сдѣлалось явленіемъ среди другихъ явленій нашего внутренняго міра, явленіемъ, на которое дѣйствуютъ многія другія, соприкасающіяся и сталкивающіяся съ нимъ чувства, мысли и впечатлѣнія—явленіемъ, которое подчиняется законамъ, существующимъ внѣ его, и вліяніямъ, дѣйствующимъ на него со стороны.

Очень многія и очень сильныя чувства совсѣмъ не выдерживаютъ испытанія. Вопросъ *почему* становится ихъ могилою. Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ оказывается невозможнымъ.

Ростовъ не спрашиваетъ *почему*, не знаетъ, почему, и не хочетъ этого знать. Онъ понимаетъ правильнымъ инстинктомъ, что вся сила его чувства заключается въ его совершенной непосредственности, и что самымъ твердымъ оплотомъ служить этому чувству то постоянно-раскаленное настроеніе, вслѣдствіе котораго онъ, Ростовъ, всегда готовъ видѣть оскорбленіе святыни во всякой попыткѣ, своей или чужой, стать къ этому чувству или къ какимъ бы то ни было его проявленіямъ въ сколько нибудь спокойныя или разсудочныя отношенія.

„Я,—говорилъ Людовикъ Святой,—никогда и ни за что не буду разсуждать съ еретикомъ; я просто пойду на него и мечомъ распорю ему брюхо“. Такъ точно думаетъ и чувствуетъ Ростовъ. Онъ до послѣдней крайности щекотливъ ко всему, что сколько-нибудь отклоняется отъ тона восторженнаго благоговѣнія. Вотъ какая сцена разыгрывается возлѣ Вишау между Ростовымъ и Денисовымъ:

„Поздно ночью, когда всѣ разошлись, Денисовъ потрепалъ своей коротенькой рукой по плечу своего любимца Ростова.

— Вотъ на походѣ не въ кого влюбиться; такъ онъ въ Ца'я влюбился,—сказалъ онъ.

— Денисовъ, ты этимъ не шути, — крикнулъ Ростовъ, — это такое высокое, такое прекрасное чувство, такое...

— Вѣ'ю, вѣ'ю, д'ужокъ, и 'аздѣляю, и одоб'яю.

— Нѣтъ, не понимаешь!

И Ростовъ всталъ и пошелъ бродить между костровъ, мечтая о томъ, какое было бы счастье умереть, не спасая жизнь (объ этомъ онъ не смѣлъ и мечтать), а просто умереть въ глазахъ государя“ (I, 87).

На Денисова, конечно, не можетъ пасть подозрѣніе въ якобинствѣ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше всякаго сомнѣнія, и Ростовъ это знаетъ, но по своей щекотливости не можетъ воздержаться отъ вскри-

киванія, когда Денисовъ позволяетъ себѣ добродушную дружескую шутку. Въ этой шуткѣ Ростову чувствуется все-таки способность отнестись, хоть на минуту, спокойно и хладнокровно, къ предмету его восторженнаго обожанія. Этого уже достаточно, чтобы вызвать съ его стороны вспышку негодованія. Поставьте на мѣсто лихаго павлоградскаго гусара и отличнаго товарища Денисова какого нибудь посторонняго человѣка, замѣните добродушную дружескую шутку словами, выражающими серьезное сомнѣніе, и вы тогда, конечно, получите въ результатѣ со стороны Ростова не вскрикиваніе, а какой нибудь рѣзкій, насильственный поступокъ, напоминающій программу Людовика Святаго.

Проходитъ два года. Вторая война съ Наполеономъ заканчивается пораженіемъ нашихъ войскъ при Фридландѣ и свиданіемъ императоровъ въ Тильзитѣ. Множество видѣнныхъ событій, политическихъ и неполитическихъ, множество воспринятыхъ впечатлѣній, крупныхъ и мелкихъ, задаютъ уму Ростова мучительную работу, превышающую его силы, и возбуждаютъ въ немъ рой тяжелыхъ сомнѣній, съ которыми онъ не умѣетъ управиться.

Пріѣхавъ въ свой полкъ весною 1807 года, Ростовъ застаётъ его въ такомъ положеніи, что лошади, безобразно худыя, ѣдятъ соломенные крыши съ домовъ, а люди, не получая никакого провіанта, набиваютъ себѣ желудки какимъ-то сладкимъ Машкинымъ корнемъ, растеніемъ, похожимъ на спаржу, отъ котораго у нихъ пухнутъ руки, ноги и лицо. Въ столкновеніяхъ съ непріателемъ Павлоградскій полкъ потерялъ только двухъ раненыхъ, а голодъ и болѣзни истребили почти половину людей. Кто попадалъ въ госпиталь — умиралъ навѣрное; и солдаты, больные лихорадкою и опухолью, несли службу, черезъ силу волоча поги во фронтѣ, лишь бы только не идти въ больницу, на вѣрную и мучительную смерть.

Въ обществѣ офицеровъ господствуетъ то убѣжденіе, что всѣ эти бѣдствія происходятъ отъ колоссальныхъ злоупотребленій въ провіантскомъ вѣдомствѣ; и это убѣжденіе поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ подвозимые припасы оказываются самаго дурнаго качества. Ужасное и отвратительное положеніе госпиталей и безпорядокъ въ подвозѣ провіанта также не могутъ быть объяснены никакими естественными бѣдствіями, независимыми отъ воли человѣка.

Васька Денисовъ, добродушный, честный и храбрый гусарскій майоръ, любитъ свой эскадронъ, какъ свою семью, и видитъ съ ожесточеніемъ, какъ на его глазахъ хирѣютъ и мрутъ его солдаты. Прослышавъ о томъ, что въ пѣхотный полкъ, стоящій по сосѣдству, идетъ транспортъ провіанту, Денисовъ ѣдетъ насильно отбивать эти припасы, и дѣйствительно выполняетъ свое намѣреніе, разсуждая такъ, что не умирать же, въ самомъ дѣлѣ, павлоградскимъ гусарамъ отъ голода и отъ слад-

каго Машкина корня. Полковой командиръ, узнавъ объ этомъ подвигѣ Денисова, говоритъ ему, что готовъ смотрѣть на это сквозь пальцы, но совѣтуетъ Денисову съѣздить въ штабъ и уладить дѣло въ провіантскомъ вѣдомствѣ.

Денисовъ ѣдетъ и начинаетъ объясняться съ провіантскимъ чиновникомъ, котораго онъ потомъ, въ разговорѣ съ Ростовымъ, называетъ обер-воромъ. Съ первыхъ же словъ Денисовъ говоритъ обер-вору, что „разбой не тотъ дѣлаетъ, кто беретъ провіантъ, чтобъ кормить своихъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его, чтобъ класть въ карманъ“. Послѣ такого дебюта, любовное окончаніе дѣла становится невозможнымъ. По приглашенію обер-вора, Денисовъ идетъ расписываться у комисіонера, и тутъ за столомъ видитъ уже настоящаго вора, бывшаго павлоградскаго офицера Телянина, укравшаго у него, Денисова, кошелекъ съ деньгами, уличеннаго въ этомъ Ростовымъ, исключеннаго изъ полка и пристроившагося потомъ къ провіантскому вѣдомству. Тутъ разыгрывается сцена, которую самъ Денисовъ слѣдующимъ образомъ описываетъ Ростову:

„Какъ, ты насъ съ голоду моришь?!“ Разъ, разъ по мордѣ, ловко такъ пришлось... „А... распротакой-сякой,“ и... началъ катать. — За то патѣшился, могу сказать, кричалъ Денисовъ, радостно и злобно изъ-подъ черныхъ усовъ оскаливая свои бѣлые зубы. — Я бы убилъ его, кабы не отняли“ (II, 161).

Разумѣется, завязывается дѣло. Майора Денисова обвиняютъ въ томъ, что онъ, отбивъ транспортъ, безъ всякаго вызова, въ пьяномъ видѣ явился къ обер-провіантмейстеру, назвалъ его воромъ, угрожалъ побоями, и когда былъ выведенъ вонъ, то бросился въ канцелярію, избилъ двухъ чиновниковъ, и одному вывихнулъ руку.

Пока тянется предварительная переписка по этому дѣлу, Денисовъ, въ одной рекогносцировкѣ, получаетъ рану и уѣзжаетъ въ госпиталь.

Послѣ Фридландскаго сраженія, во время перемирія, Ростовъ ѣдетъ провѣдать Денисова, и собственными глазами видитъ, какой уходъ достается на долю раненымъ героямъ. При самомъ входѣ докторъ предупреждаетъ его, что *тутъ домъ прокаженныхъ, тифъ; кто ни взойдетъ — смерть*, и что здоровому человѣку не слѣдуетъ входить, если онъ не желаетъ тутъ и остаться. Въ темномъ коридорѣ Ростова охватываетъ такой сильный и отвратительный больничный запахъ, что онъ принужденъ остановиться и собраться съ силами, чтобы идти дальше. Ростовъ входитъ въ солдатскія палаты, и видитъ, что тутъ больные и раненые лежатъ въ два ряда, головами къ стѣнамъ, на соломѣ или на собственныхъ шинеляхъ, безъ кроватей. Одинъ больной казакъ лежитъ навзничъ, поперегъ прохода, раскинувъ руки и ноги, закативъ глаза, и повторяя хриплымъ голосомъ: „испить — пить — испить!“ Его никто не поднимаетъ, ему никто не даетъ глотка воды, и больничный служитель, ко-

торому Ростовъ приказываетъ помочь больному, только старательно выкатываетъ глаза и съ удовольствіемъ говоритъ: „слушаю, ваше высокоблагородіе“, но не трогается съ мѣста. Въ другомъ углу Ростовъ видитъ рядомъ съ старымъ безногимъ солдатомъ молодаго мертвеца, и узнаетъ отъ безногаго старика, что его сосѣдъ „еще утромъ кончился“, и что его, несмотря на усиленные и неоднократныя просьбы больныхъ, до сихъ поръ не убираютъ.

Денисовъ сначала горячо толкуетъ о томъ, что онъ выводитъ на чистую воду казнокрадовъ и разбойниковъ, и читаетъ, въ продолженіе часа слишкомъ, Ростову свои ядовитыя бумаги, писанныя въ отвѣтъ на запросы военно-судной комисіи, но потомъ убѣждается, что *плетью обуха не перешибешь*, и вручаетъ Ростову большой конвертъ съ просьбою о помилованіи на имя государя.

Ростовъ ѣдетъ въ Тильзитъ, находитъ случай передать государю просьбу Денисова черезъ одного кавалерійскаго генерала, и слышитъ собственными ушами, какъ государь отвѣчаетъ громко:

— Не могу, генераль, и потому не могу, что законъ сильнѣе меня.

Въ Тильзитѣ Ростовъ видитъ радостныя лица, блестящіе мундиры, сіяющія улыбки, свѣтлыя картины мира, изобилія и роскоши — самую рѣзкую противоположность всего того, что видѣлъ въ землянкахъ Павлоградскаго полка и на поляхъ сраженія, и въ томъ домѣ прокаженныхъ, въ которомъ изнываетъ раненый подсудимый Денисовъ.

Эта противоположность смущаетъ его, нагоняетъ къ нему въ голову вихри непрошенныхъ мыслей, и поднимаетъ въ душѣ его тучи небывалыхъ сомнѣній. Борисъ сразу, безъ малѣйшей борьбы, призналъ генерала Бонапарте императоромъ Наполеономъ и великимъ человекомъ, и даже постарался устроить такъ, чтобы его готовность и старательность по этой части была замѣчена начальствомъ и вмѣнена ему въ достоинство. Борисъ такъ же охотно, и съ такою же пріятною улыбкою призналъ бы уличеннаго вора Телянина за честнѣйшаго человѣка и за доблестнѣйшаго патріота, ежели бы такое признаніе могло понравиться начальству. Борисъ, безъ всякаго сомнѣнія, не позволилъ бы себѣ разбойничьяго нападенія на свои же русскіе транспорты, чтобы доставить обѣдъ и ужинъ голоднымъ солдатамъ своей роты. Борисъ, конечно, не произвелъ бы дикаго насилія надъ особою русскаго чиновника, какими бы двусмысленными поступками ни было наполнено прошедшее этого чиновника. Борисъ, разумѣется, охотнѣе протянулъ бы руку Телянину, котораго начальство признаетъ честнымъ гражданиномъ, чѣмъ Денисову, котораго военный судъ будетъ принужденъ наказать, какъ грабителя и буяна.

Еслибы Ростовъ былъ способенъ усвоить себѣ беззащитную и неустрашимую гибкость Бориса, еслибы онъ разъ навсегда отодвинулъ въ

сторону желаніе любить то, чему онъ служить, и служить тому, что онъ любитъ, — то, конечно, тильзитскія сцены своимъ блескомъ произвели бы на него самое пріятное впечатлѣніе, госпитальныя міазмы заставили бы его только покрѣпче зажимать себѣ носъ, а денисовское дѣло навело бы его на поучительныя размышленія о томъ, какъ вредно бываетъ для человѣка неумѣніе обуздывать свои страсти. Онъ не сталъ бы смущаться контрастами и противорѣчіями; довольствуясь тою истинною, что существующее существуетъ, и что для успѣшнаго прохожденія служебнаго поприща надо изучать требованія дѣйствительности и припоровляться къ нимъ, онъ не сталъ бы настоятельно желать, чтобы все существующее было въ самомъ себѣ стройно, разумно и прекрасно.

Но Ростовъ не видитъ и не понимаетъ, за какія заслуги генераль Бонапарте произведенъ въ императоры Наполеоны; онъ не видитъ и не понимаетъ, почему онъ, Ростовъ, сегодня долженъ любезничать съ тѣми французами, которыхъ онъ вчера долженъ былъ рубить саблею; почему Денисовъ, за свою любовь къ солдатамъ, которыхъ онъ обязанъ былъ беречь и лелѣять, и за свою ненависть къ ворами, которыхъ ему никто не приказывалъ любить, долженъ быть разстрѣлянъ, или по меньшей мѣрѣ разкаланъ въ солдаты; почему люди, храбро сражавшіеся и честно исполнявшіе свой долгъ, должны, подъ присмотромъ фельдшеровъ и военныхъ медиковъ, умирать медленною смертію въ домахъ прокаженныхъ, въ которые опасно входитъ здоровому человѣку; почему негодяи, подобные исключенному офицеру Телянину, должны имѣть обширное и дѣятельное вліяніе на судьбу русской арміи.

Опытный человѣкъ на мѣстѣ Ростова успокоился бы на томъ сообщеніи, что абсолютное совершенство недостижимо, — что человѣчскія силы ограничены, и что ошибки и внутреннія противорѣчія составляютъ неизбѣжный удѣлъ всѣхъ людскихъ начинаній. Но опытность пріобрѣтается цѣною разочарованій, а первое разочарованіе, первое жестокое столкновеніе блестящихъ ребяческихъ иллюзій съ грубыми и неопытными фактами дѣйствительной жизни, составляетъ обыкновенно рѣшительный поворотный пунктъ въ исторіи того человѣка, который его испытываетъ.

Послѣ этого перваго столкновенія, цѣльныя вѣрованія дѣтства въ легкое, неизбѣжное и всегдашнее торжество добра и правды, вѣрованія, вытекающія изъ незнанія зла и лжи — оказываются разбитыми; человѣкъ видитъ себя среди колеблющихся развалинъ; онъ старается прицѣпиться къ осколкамъ того зданія, въ которомъ онъ надѣялся благополучно провести всю свою жизнь; онъ ищетъ въ грудѣ разрушенныхъ иллюзій хоть чего-нибудь крѣпкаго и прочнаго; онъ пытается построить себѣ изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ новое зданіе, поскромнѣе, но за то и понадежнѣе перваго; эта попытка ведетъ за собою неудачу, и порождаетъ

новое разочарованіе. Развалины разлагаются на свои составныя части; обломки крошатся на мелкіе кусочки и превращаются въ тонкую пыль подъ руками человѣка, добросовѣстно старающагося удержать ихъ въ цѣлости. Идя отъ разочарованія къ разочарованіямъ, человѣкъ приходитъ, наконецъ, къ тому убѣжденію, что всё его мысли и чувства, напущенныя въ него неизвѣстно когда и выросшія вмѣстѣ съ нимъ, нуждаются въ самой тщательной и строгой провѣркѣ. Это убѣжденіе становится исходною точкою того процесса развитія, который можетъ привести человѣка къ болѣе или менѣе ясному и отчетливому пониманію всего окружающаго.

Мужественно выдержать первое разочарованіе способенъ не всякій. Къ числу этихъ неспособныхъ принадлежитъ и нашъ Ростовъ. Вмѣсто того, чтобы взглянуть въ тѣ факты, которые опрокидываютъ его младенческія иллюзіи, онъ съ трусливымъ упорствомъ и съ малодушнымъ ожесточеніемъ зажимаетъ глаза и гонитъ прочь свои мысли, какъ только онѣ начинаютъ принимать черезчуръ непривычное для него направленіе. Ростовъ не только зажимается самъ, но также съ фанатическимъ усердіемъ старается зажимать глаза другимъ.

Потерпѣвъ неудачу по денисовскому дѣлу и насмотрѣвшись на тильзитскій блескъ, коловній ему глаза, Ростовъ избираетъ благую часть, которая никогда не отнимается отъ нищихъ духомъ и богатыхъ наличными деньгами. Онъ заливаетъ свои сомнѣнія двумя бутылками вина, и, доведя свою гусарскую лихость до надлежащихъ размѣровъ, начинаетъ кричать на двухъ офицеровъ, выразившихъ свое неудовольствіе по поводу тильзитскаго мира.

— И какъ вы можете судить, что было бы лучше! — закричалъ онъ съ лицомъ, вдругъ налившимся кровью. — Какъ вы можете судить о поступкахъ государя, какое мы имѣемъ право разсуждать? Мы не можемъ понять ни цѣли, ни поступковъ государя.

— Да я ни слова не говорилъ о государѣ, — оправдывался офицеръ, иначе, какъ тѣмъ, что Ростовъ пьянъ, не могшій объяснить себѣ его вспыльчивости.

Но Ростовъ не слушалъ его.

— Мы не чиновники дипломатическіе, а мы солдаты, и больше ничего, — продолжалъ онъ: — умирать велятъ намъ — такъ умирать (этими словами Ростовъ разрѣшаетъ сомнѣнія, возбужденныя въ немъ *домомъ проказеннымъ*). А коли наказываютъ, такъ, значить, виноваты; не намъ судить (это по денисовскому дѣлу). Угодно государю императору признать Бонапарте императоромъ и заключить съ нимъ союзъ, значить, такъ надо (а это — примиреніе съ тильзитскими сценами). А то, коли бы мы стали обо всемъ судить, да разсуждать, такъ этакъ ничего святаго не останется. Этакъ мы скажемъ, что ни Бога нѣтъ, ничего нѣтъ, —

ударяя по столу кричалъ Николай, весьма некстати по понятіямъ своихъ собесѣдниковъ, но весьма послѣдовательно по ходу своихъ мыслей.

— Наше дѣло исполнять свой долгъ, рубиться и не думать, вотъ и все,—заклучилъ онъ.

— И пить, — сказалъ одинъ изъ офицеровъ, не желавшій сосориться.

— Да, и пить, — подхватилъ Николай. — Эй ты! Еще бутылку! — крикнулъ онъ (II, 185).

Во время выпитыя двѣ бутылки наградили молодого графа Ростова вѣрнѣйшимъ лекарствомъ противъ разочарованій, сомнѣній и всевозможной мучительной внутренней ломки и переборки. Кому посчастливилось во время первой умственной бури открыть спасительную формулу: *наше дѣло не думать*, и успокоить себя этою формулою, хотя бы на минуту, хотя бы при содѣйствіи двухъ бутылокъ — тотъ, по всей вѣроятности, всегда будетъ убѣгать подъ защиту этой формулы, какъ только въ немъ начнутъ шевелиться неудобныя сомнѣнія, и его станеть одолевать тревожный позывъ къ свободному изслѣдованію. *Наше дѣло не думать* — это такая неприступная позиція, которую не могутъ разбить никакія свидѣтельства опыта и передъ которою останутся безсильными всякія доказательства. Свободной мысли негдѣ высадиться и ей невозможно укрѣпиться на томъ берегу, на которомъ возвышается эта твердыня. Спасительная формула подрѣзываетъ ее при первомъ ея появленіи. Чуть только человѣкъ захватитъ самого себя на дѣлѣ взвѣшиванія и сопоставленія воспринятыхъ впечатлѣній, чуть только онъ подмѣтитъ въ себѣ поползновеніе размышлять и обобщать невольно собранные факты—онъ тотчасъ, опираясь на свою формулу, и припоминая то чудесное успокоеніе, которая она ему доставила, скажетъ себѣ, что это грѣхъ, что это—дьявольское навожденіе, что это болѣзнь, и пойдетъ лечиться виномъ, крикомъ, цыганами, псовою охотою, и вообще тою пестрою смѣною сильныхъ ощущеній, которую можетъ доставить себѣ плотно-сложенный и состоятельный русскій дворянинъ.

Если вы станете доказывать такому укрѣпившемуся человѣку, что его спасительная формула неразумна, то ваши доказательства пропадутъ даромъ. Формула и съ этой стороны обнаружитъ свою несокрушимость. Драгоценнѣйшее изъ ея достоинствъ состоитъ именно въ томъ, что она не нуждается ни въ какихъ разумныхъ основаніяхъ, и даже исключаетъ возможность такихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы доказывать разумность или неразумность формулы, чтобы нападать или защищать ее, надо думать, а такъ какъ *наше дѣло не думать*, то и всякаго рода доказыванія, сами по себѣ, независимо отъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ они клонятся, должны быть признаны излишними и предосудительными.

Ростовъ остается неизмѣнно вѣренъ правилу, открытому въ тильзитскомъ трактирѣ, при содѣйствіи двухъ бутылокъ вина. Мышленіе не обнаруживаетъ никакого вліянія на всю его дальнѣйшую жизнь. Сомнѣнія не нарушаютъ больше его душевнаго спокойствія. Онъ знаетъ и хочетъ знать только свою службу и благородныя развлеченія, свойственныя богатому помѣщику и лихому гусару. Его умъ отказывается отъ всякой работы, даже отъ той, которая необходима для спасенія родоваго имущества отъ козней плутующаго, но очевидно малограмотнаго прикащика Митиньки.

Онъ съ большою энергіею кричитъ на Митиньку и очень ловко толкаетъ его ногой и колѣнкой подъ задъ, но послѣ этой бурной сцены Митинька остается полновластнымъ распорядителемъ въ имѣніи, и дѣла продолжаютъ идти прежнимъ порядкомъ.

Не умѣя даже привести въ порядокъ свои денежные дѣла и унять домашняго вора, Ростовъ тѣмъ болѣе не умѣетъ и не желаетъ осмысливать свою жизнь какимъ-нибудь занятіемъ, требующимъ сколько-нибудь сложныхъ и послѣдовательныхъ умственныхъ операций. Книги для него, повидимому, не существуютъ. Чтеніе, кажется, не занимаетъ въ его жизни никакого мѣста, даже какъ средство убивать время. Даже московская свѣтская жизнь представляется ему слишкомъ запутанною и мудреною, слишкомъ переполненною сложными соображеніями и головоломными тонкостями. Его удовлетворяетъ вполнѣ только жизнь въ полку, гдѣ все опредѣлено и размѣрено, гдѣ все ясно и просто, гдѣ думать рѣшительно не о чемъ и гдѣ нѣтъ мѣста для колебаній и свободнаго выбора. Ему нравится полковая жизнь въ мирное время, нравится именно тѣмъ, чѣмъ она невыносима человѣку, сколько-нибудь способному мыслить: нравится своею спокойною праздною, невозмутимою рутинностью, соннымъ однообразіемъ и тѣми оковами, которыя она налагаетъ на всевозможныя проявленія личной изобрѣтательности и оригинальности.

Такъ какъ міръ мысли закрытъ для Ростова, то развитіе его на двадцатомъ году жизни оказывается законченнымъ. Къ двадцати годамъ все содержаніе жизни для него уже исчерпано; ему остается только сначала грубѣть и глупѣть, а потомъ дряхлѣть и разлагаться. Это отсутствіе будущности, это роковое безплодіе и неизбѣжное увиданіе скрыты отъ глазъ поверхностнаго наблюдателя внѣшнимъ видомъ свѣжести, силы и отзывчивости. Глядя на Ростова, поверхностный наблюдатель скажетъ съ удовольствіемъ: какъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ много огня и энергіи! Какъ смѣло и весело онъ смотритъ на жизнь! Какое въ немъ обиліе неиспорченной и нерастраченной юности!

На такого поверхностнаго наблюдателя Ростовъ произведетъ, по всей вѣроятности, отрадное впечатлѣніе, Ростовъ ему понравится, какъ

онъ, безъ сомнѣнiя, понравился многимъ читателямъ, и даже, быть можетъ, самому автору романа. Поверхностному наблюдателю не придетъ въ голову, что въ Ростовѣ нѣтъ именно того, что составляетъ самую существенную и глубоко-трогательную прелесть здоровой и свѣжей молодости.

Когда мы смотримъ на сильное и молодое существо, то насъ волнуетъ радостная надежда, что его силы выростутъ, развернутся, приложатся къ дѣлу, примутъ дѣятельное участiе въ великой житейской борьбѣ, увеличатъ хоть немного массу существующаго на землѣ живительнаго счастья, и уничтожатъ хоть частицу накопившихся нелѣпостей, безобразiй и страданiй. Мы еще не знаемъ той границы, на которой остановится развитiе этихъ силъ, и именно эта неизвѣстность составляетъ въ нашихъ глазахъ величайшую обаятельность молодого существа. Кто знаетъ? думаемъ мы: можетъ быть, тутъ вырабатывается передъ нами что-то очень большое, чистое, свѣтлое, сильное и неустрашимое. Молодое существо, полное жизни и энергiи, составляетъ для насъ самую занимательную загадку, и эта загадочность придаетъ ему особенную привлекательность.

Именно этой обаятельной загадочности нѣтъ въ Ростовѣ, и только поверхностный наблюдатель можетъ, глядя на него, сохранять неопредѣленную надежду, что его нерастраченные силы на чемъ нибудь хорошемъ сосредоточатся, и къ чему нибудь дѣльному приложатся. Только поверхностный наблюдатель можетъ, любуясь его живостью и пылкостью, оставлять въ сторонѣ вопросъ о томъ, пригодится ли на что-нибудь эта живость и пылкость.

Поверхностный наблюдатель способенъ залюбоваться юношескою горячностью Ростова, напримѣръ, во время псовой охоты, когда онъ обращается къ Богу съ мольбою о томъ, чтобы волкъ вышелъ на него, когда онъ говоритъ, изнемогая отъ волненiя: „ну, что Тебѣ стоитъ сдѣлать это для меня? Знаю, что ты великъ и что грѣхъ Тебя просить объ этомъ; но, ради Бога, сдѣлай, чтобы на меня вылѣзъ матерый, и чтобы Карай, на глазахъ дядюшки, который вонъ оттуда смотреть, влѣпился ему мертвой хваткой въ горло“,—когда онъ во время травли переходитъ отъ безпредѣльной радости къ самому мрачному отчаянiю, съ плачемъ называетъ стараго кобеля Карая отцомъ, и наконецъ, чувствуетъ себя счастливымъ, видя волка, окруженнаго и разрываемаго собаками.

Кто не останавливается на веселой наружности явленiй, того шумная и оживленная сцена охоты наведетъ на самыя печальныя размышленiя. Если такая мелочь, такая дрянь, какъ борьба волка съ нѣсколькими собаками, можетъ доставить человѣку полный комплектъ сильныхъ ощущенiй, отъ изстуженнаго отчаянiя до безумной радости, со всѣми

промежуточными полутонами и переливами, то зачѣмъ же этотъ чловкъ будетъ заботиться о расширеніи и углубленіи своей жизни? Зачѣмъ ему искать себѣ работы, зачѣмъ ему создавать себѣ интересы въ обширномъ и бурномъ морѣ общественной жизни, когда конюшня, псарня и ближайшій лѣсъ съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ его нервной системы?

Разборъ отношеній Ростова къ любимой женщинѣ, анализъ другихъ характеровъ, болѣе сложныхъ, именно: Пьера Безухова, князя Андрея Болконскаго и Наташи Ростовой, а также общіе выводы касательно всего общества, изображеннаго въ романѣ, я считаю необходимымъ отложить до выхода въ свѣтъ четвертаго тома.

ФРАНЦУЗСКІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ 1789 ГОДУ.

(HISTOIRE D'UN PAYSAN 1789, par Erckman-Chatrian.)

I.

Лучшіе романы господъ Эрмана и Шатриана уже извѣстны нашей публикѣ. „Тереза“, „Воспоминанія рекрута 1813 г.“, „Ватерло“, „Юродивый Игофъ“ и „Записки пролетарія“ были въ свое время,—года три тому назадъ,—переведены на русскій языкъ, помѣщены въ одномъ журналѣ, имѣвшемъ довольно обширный кругъ читателей, и потомъ выпущены въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Во всѣхъ этихъ романахъ авторы преслѣдуютъ одну и ту же задачу. Они стараются взглянуть на великія историческія событія снизу, глазами той обыкновенно безгласной и покорной массы, которая почти всегда и почти вездѣ молчитъ и терпитъ, платитъ налоги и отдаетъ въ распоряженіе міровыхъ геніевъ достаточное количество пушечнаго мяса. Такой взглядъ снизу рѣдко бываетъ возможенъ; обыкновенно масса не имѣетъ понятія о томъ, что дѣлается въ руководящихъ слояхъ общества; ей неизвѣстны ни имена, ни лица, ни поступки, ни взаимныя отношенія, ни мысли, ни желанія главныхъ актеровъ, занимающихъ въ данную минуту сцену всемірной исторіи; она ихъ не видитъ, не слышитъ, и не понимаетъ; ей не приходитъ въ голову, чтобы могла существовать какая-нибудь живая связь между дѣйствіями этихъ актеровъ и ея собственными очень мелкими, но очень жгучими заботами, лишениями и печальями; она не можетъ и не умѣетъ себѣ представить, чтобы среди этихъ блестящихъ и громко говорящихъ актеровъ у нея могли быть друзья и враги, которыхъ побѣда или пораженіе отзовется на ея собственной жизни увеличеніемъ или уменьшеніемъ прямыхъ и косвен-

ныхъ налоговъ, рекрутской повинности и разнородныхъ стѣсненій, тор-
мозящихъ свободное развитіе ея труда.

Не зная самыхъ крупныхъ фактовъ новѣйшей и современной исто-
ри, не имѣя тѣхъ простѣйшихъ элементарныхъ свѣдѣній, которыя дол-
жны служить фундаментомъ политическаго развитія, не умѣя разбирать
тѣ буквы, которыми наполненъ листокъ газеты, не понимая тѣхъ словъ
роднаго языка, которыя составлены изъ этихъ буквъ, не привыкнувъ
слѣдить внимательно за скольконибудь сложною и отвлеченною мыслью,
развивающеюся въ цѣломъ рядѣ предложеній и періодовъ, неимѣя воз-
можности оторваться отъ тяжелаго скотскаго труда, который кормитъ ее
въ обрѣзъ, часто оставляетъ ее впроголодь и всегда мѣшаетъ ей воз-
выситься до какихъ бы то ни было соображеній и обобщеній, — масса
обыкновенно относится ко всѣмъ своимъ страданіямъ съ одинаково-
угрюмою покорностью, не задавая себѣ вопроса о томъ, отчего они про-
исходятъ, отъ тридцатиградуснаго ли мороза, который, при данной ге-
ографической широтѣ, совершенно неизбѣженъ, или отъ ненужной, раззо-
рительной и неискусно веденной войны, которую не трудно было бы предот-
вратить, или, по крайней-мѣрѣ, повести искуснѣе и окончить скорѣе. Мас-
са обыкновенно видитъ наказаніе божіе и въ продолжительномъ отсут-
ствіи дождя, обусловленномъ чисто-физическими причинами, и, напри-
мѣръ, въ дороговизнѣ соли, произведенной искусственнымъ путемъ, по-
средствомъ неудачныхъ финансовыхъ мѣропріятій. Встрѣчаясь на каж-
домъ шагу съ такими наказаніями божіими, масса не восходитъ къ ихъ
причинамъ, не задумывается надъ средствами устранить или ослабить
ихъ, а дѣйствуетъ въ разсыпную, то-есть, такъ, что каждый отдѣльный
человѣкъ старается сберечь свою жалкую жизнь, и укрыться отъ нака-
занія въ первое попавшееся, надежное или ненадежное убѣжище. Случается
голодь вслѣдствіе засухи, — масса бредетъ въ разсыпную побираться,
и наблюдатель народной жизни замѣчаетъ болѣе или менѣе значитель-
ное приращеніе въ общемъ итогѣ случаевъ бродяжничества, нищенства,
воровства и грабительства. Происходитъ дороговизна соли вслѣдствіе
налога—масса поступаетъ точно такъ же: она выдвигаетъ изъ своей
среды, смотря по удобствамъ мѣстности, сотни или тысячи контрабан-
дистовъ, которые, конечно, стараются не о томъ, чтобы устранить зло,
тяготѣющее надъ народною жизнью, а о томъ, чтобы прожить и по
возможности обогатиться при существованіи и даже при содѣйствіи
этого зла.

Обыкновенно, масса протестуетъ противъ разнородныхъ обществен-
ныхъ золъ, отравляющихъ ея жизнь, — или своими страданіями, болѣз-
нями и вымираніемъ, или индивидуальными преступленіями. При обѣихъ
этихъ системахъ протеста, которыя обыкновенно пускаются въ ходъ
одновременно, масса принимаетъ гнетущее ее зло, какъ существующій

фактъ, и не пускаясь въ анализъ его причинъ, не составляетъ въ себѣ никакого взгляда на породившія его лица и событія, и не воспитываетъ въ себѣ никакихъ политическихъ симпатій и антипатій.

Но не всегда и не вездѣ господствуетъ это полное отсутствіе взгляда снизу на великія историческія событія. Не всегда и не вездѣ масса остается слѣпа и глуха къ тѣмъ урокамъ, которые будничная трудовая жизнь, полная лишеній и горя, даетъ на каждомъ шагѣ всякому умѣющему видѣть и слышать. Если, съ одной стороны, только въ однихъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ масса постоянно, изодня въ день, и изъ года въ годъ, слѣдитъ за ходомъ своихъ собственныхъ дѣлъ съ одинаково-неусыпнымъ, просвѣщеннымъ и разумнымъ вниманіемъ, то, съ другой стороны, въ цивилизованной Европѣ трудно найти хоть одинъ уголокъ, въ которомъ самосознаніе массъ не обнаруживало бы, хоть мимолетными проблесками, самаго серьезнаго и неизгладимо-благодѣтельнаго вліянія на общее теченіе историческихъ событій.

Во Франціи такіе проблески народнаго самосознанія заявляли себя не разъ въ теченіе восьми послѣднихъ десятилѣтій. Господа Эркманъ и Шатріанъ стараются уловить въ своихъ романахъ именно эти проблески. Они берутъ людей народной массы, въ тѣ торжественныя минуты, когда въ этой массѣ, подъ вліяніемъ многолѣтняго горя, начинается созрѣвать неотложная потребность отдать себѣ строгій и ясный отчетъ въ томъ, что мѣшаетъ ей жить здоровою человѣческою жизнью. Они стараются прослѣдить, какими путями и каналами въ народную массу медленно просачивается сознательное неудовольствіе, исподволь вытѣсняя и смѣняя собою ту неповоротливую и тупую угрюмость, которая является обыкновеннымъ результатомъ неосмысленнаго страданія и обыкновенно разрѣшается дикимъ запоемъ, безтолковыми драками и нелѣпыми преступленіями. Они пытаются угадать и показать, какая борьба мнѣній и взглядовъ разыгрывается, въ великія минуты народнаго пробужденія, у cadaго самаго скромнаго семейнаго очага, и въ каждомъ, самомъ убогомъ деревенскомъ трактирѣ. Они стараются ввести читателя въ ту таинственную лабораторію, почти недоступную для историка, гдѣ выработывается, изъ безчисленнаго множества разнороднѣйшихъ элементовъ, и подъ вліяніемъ тысячи содѣйствующихъ и препятствующихъ условій,—тотъ великій *гласъ народа*, который дѣйствительно, рано или поздно, всегда оказывается *гласомъ Божиимъ*, то-есть, опредѣляетъ своимъ громко произнесеннымъ приговоромъ теченіе историческихъ событій.

Романы господъ Эркмана и Шатріана можно совершенно справедливо назвать историческими, потому что они рисуютъ очень яркими и хорошо подобранными чертами духъ того времени, изъ котораго взяты

ихъ сюжеты. Но эти романы нисколько не похожи на тѣ спивки изъ реляцій, мемуаровъ, дипломатическихъ нотъ, мирныхъ договоровъ и разныхъ другихъ историческихъ документовъ, которые также называются обыкновенно историческими романами, и составляютъ, въ большей части случаевъ, одинъ изъ самыхъ безплодныхъ и непривлекательныхъ родовъ литературы. Въ романахъ господъ Эрмана и Шатриана великіе историческіе дѣятели вовсе не выступаютъ на сцену. Въ ихъ романахъ, взятыхъ изъ временъ первой революціи, читатель не встрѣчается ни съ Робеспьеромъ, ни съ Дантономъ, ни съ королемъ Людовикомъ XVI, и вообще ни съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ имя сколько-нибудь извѣстно образованному человѣку. Въ романахъ изъ временъ первой имперіи, мы не видимъ ни Наполеона, ни его маршаловъ, ни его враговъ. Господа Эрманъ и Шатрианъ не позволяютъ себѣ ни отбивать хлѣбъ у историковъ, рисуя великія историческія фигуры на основаніи матеріаловъ, сложенныхъ въ архивы, и достаточно провѣренныхъ строгою критикою, ни дополнять смѣлыми догадками и произвольными порывами фантазіи то, что остается и навсегда должно оставаться въ этихъ фигурахъ неяснымъ и недорисованнымъ. Господа Эрманъ и Шатрианъ не пробуютъ вводить читателя въ такіе кабинеты, въ которые никто изъ простыхъ смертныхъ не входилъ, подслушивать такія рѣчи, которыхъ въ свое время никто не могъ слышать и записать, угадывать такія мысли, желанія и душевныя движенія, которыя остались для всего міра глубочайшею тайною.

Нашихъ авторовъ занимаетъ не внѣшній очеркъ событій, а внутренняя сторона исторіи, та сторона, которую мыслящій историкъ дорожитъ чрезвычайно, но которая почти всегда въ очень значительной степени отъ него ускользаетъ, и всегда будетъ ускользать, потому что онъ рѣдко имѣетъ возможность черпать изъ устныхъ источниковъ, напимѣръ, изъ разсказовъ стариковъ, не имѣетъ права довѣряться такимъ источникамъ, принужденъ, пользуясь ими, стирать съ нихъ все, что въ нихъ есть индивидуальнаго, то-есть, именно самага свѣжаго и характернаго, и наконецъ обязанъ сдерживать свое воображеніе въ такихъ тѣсныхъ границахъ, которыя не существуютъ для романиста. Нашихъ авторовъ интересуетъ не то, какъ и почему случилось то или другое крупное историческое событіе, а то, какое впечатлѣніе оно произвело на массу, какъ поняла его масса, и чѣмъ она на него отозвалась.

Внѣшнія и внутренняя стороны исторіи находятся между собою въ постоянномъ живомъ взаимодѣйствіи. Войны, мирные трактаты, переходы областей изъ рукъ въ руки, смѣны династій, министерствъ и правительственныхъ системъ, законодательныя и административныя преобразованія—все это съ одной стороны, а съ другой стороны—размѣры и свойства лишеній, страданій, невѣжества и долготерпѣнія массы на-

ходятся, очевидно, въ самой тѣсной связи между собой, хотя далеко не всѣ видятъ, и далеко не всякій историкъ умѣетъ доказать и прослѣдить дѣйствительное существованіе этой неизбѣжной и неразрывной связи. Очевидно, что всякое крупное историческое событіе совершается или потому, что народъ его хочетъ, или потому, что народъ не можетъ и не умѣетъ ему помѣшать. Очевидно также, что всякое историческое событіе, которое дѣйствительно стоитъ называть и признавать крупнымъ, совершается или въ ущербъ народу или на его пользу, а это значить, въ общемъ результатъ, что оно или усыпляетъ или, напротивъ того, живить и развиваетъ въ народѣ способность вѣрно понимать, сильно желать и твердо настаивать.

Господа Эркманъ и Шатрианъ стараются въ своихъ романахъ уловить эту связь между внѣшнею и внутреннею стороною исторіи. Они стараются показать, какъ то или другое историческое событіе будило въ массѣ самосознаніе и самодѣятельность, и какъ это умственное и нравственное пробужденіе массы давало своеобразный оборотъ и сообщало живительный толчекъ дальнѣйшему теченію событий. Это стремленіе указать массѣ на ту роль, которая по всѣмъ правамъ принадлежитъ ей на сценѣ всемірной исторіи, и которая доставалась и всегда будетъ доставаться ей на долю всякій разъ, какъ только она сдумѣетъ поразмыслить, вникнуть и во время промолвить свое тяжеловѣсное слово, это стремленіе, составляющее живую душу романовъ господъ Эркмана и Шатриана, придаетъ этимъ романамъ важное и благотворное воспитательное значеніе.

Эти романы развиваютъ въ своихъ читателяхъ способность уважать народъ, надѣяться на него, вдумываться въ его интересы, смотрѣть на совершающіяся событія съ точки зрѣнія этихъ интересовъ, называть зломъ все то, что усыпляетъ, а добромъ все то, что будить народное самосознаніе. Когда эти романы читаются человѣкомъ, принадлежащимъ къ высшему или среднему классу общества, тогда они воздѣлываютъ въ немъ чувство спасительнаго смиренія, напоминая ему на каждомъ шагѣ, что настоящимъ фундаментомъ самыхъ великолѣпныхъ и замысловатыхъ политическихъ зданій всегда и вездѣ является народная масса, и что постоянная заботливость о благосостояніи этой массы составляетъ первую и самую священную обязанность всякаго, кому эта масса своимъ неутомимымъ трудомъ доставила возможность сдѣлаться мыслящимъ и образованнымъ человѣкомъ. Когда эти романы попадаютъ въ руки простому работнику, они внушаютъ ему чувство законнаго и разумнаго самоуваженія; онъ видитъ изъ нихъ, что ему нѣтъ ни малѣйшей необходимости быть пассивнымъ орудіемъ чужой прихоти и покорнымъ слугою чужихъ интересовъ; онъ видитъ, что люди той массы, къ которой онъ самъ принадлежитъ, и притомъ люди самыхъ обыкно-

венныхъ размѣровъ, способны не только думать по своему, и обсуживать очень благоразумно свои общественныя дѣла, но и вліять на направленіе народной жизни. Когда французъ читаетъ эти романы, они помогаютъ ему цѣнить и любить въ прошедшемъ своего народа то, что дѣйствительно достойно почтительной любви; они учатъ его гордиться тѣмъ, что, по всей справедливости, должно возбуждать гордость умнаго и честнаго патріота. Иностранцу эти романы показываютъ наглядно, въ живыхъ образахъ, то, чего онъ долженъ желать и добиваться для своего народа. Словомъ, кому бы ни попались въ руки эти романы, всякаго они наведутъ на такія размышленія, которыя не останутся безплодными для его политическаго развитія.

Можно сказать безъ преувеличенія, что романы гг. Эрмана и Шатріана составляютъ очень удачную попытку популяризировать исторію Франціи за послѣднія восемьдесятъ лѣтъ, и популяризировать именно такъ, какъ должна быть популяризована исторія. Изъ этихъ романовъ читатель не узнаетъ, конечно, въ которомъ году родился, женился, вступилъ на престолъ и умеръ тотъ или другой король или императоръ французовъ, съ кѣмъ онъ воевалъ и мирился, изъ-за чего и на какихъ условіяхъ, по какому поводу и когда онъ мѣнялъ своихъ министровъ. Въ этомъ смыслѣ исторія достаточно популяризована въ элементарныхъ и дешевыхъ учебникахъ, и дальше популяризировать ее нельзя и незачѣмъ. Но смыслъ главнѣйшихъ событій, то зло, или то добро, которое они внесли въ народную жизнь, и которымъ народъ и его друзья должны ихъ поминать,—выясняются этими романами такъ, какъ не могли бы ихъ выяснять для массы читателей никакіе учебники.

Что попытка популяризировать исторію Франціи, сдѣланная господами Эрманомъ и Шатріаномъ, не остается безплодною—это доказывается просто тѣмъ числомъ изданій, которое выдержали многіе изъ ихъ романовъ. *Тереза* до 1868 года выдержала 13 изданій; *Ватерло*—17; *Воспоминанія рекрута*—21. Когда книга въ три-четыре года выдерживаетъ больше десятка изданій, тогда, очевидно, ее читаютъ всѣ классы общества, читаютъ даже и простые работники, и читаютъ съ постоянно возрастающимъ удовольствіемъ, усердно расхваливая ее друзьямъ и знакомымъ, старательно вдумываясь въ нее, и завязывая и выдерживая по ея поводу горячія и продолжительныя пренія. Если книга читается такимъ образомъ, то, значить, умы читающихъ людей, въ томъ числѣ и простыхъ работниковъ, направляются на тѣ предметы, о которыхъ эта книга трактуеть. А этого послѣдняго условія совершенно достаточно, чтобы романы гг. Эрмана и Шатріана обнаружили все свое образовательное вліяніе, и принесли народному самосознанію всю ту пользу, которую они могутъ принести.

II.

Къ новому роману гг. Эркмана и Шатриана, къ *Исторіи Крестьянина*, вполне прилагаются тѣ замѣчанія, которыя я высказалъ до сихъ поръ объ ихъ романахъ вообще. Въ *Исторіи Крестьянина* наши авторы стараются показать читателю, какъ, жилось, что думалось и чувствовалось во французской деревнѣ, въ тотъ знаменательный годъ, когда правительство Людовика XVI, изнемогая подъ бременемъ постоянно возрастающаго дефицита, увидѣло себя принужденнымъ приступить наконецъ къ созванію государственныхъ чиновъ.

Въ этомъ романѣ, рассказъ ведется отъ имени стараго крестьянина, который былъ молодымъ мальчикомъ въ 1789 году, помнить совершенно отчетливо, какъ жили его родители при господствѣ стараго порядка, и потому видѣлъ собственными глазами всѣ фазы политическаго движенія, уничтожившаго во Франціи всѣ остатки средневѣковаго общественнаго строя.

Дѣйствіе романа происходитъ въ Лотарингіи, недалеко отъ города Пфальцбурга. Нашимъ авторамъ, повидимому, особенно хорошо знакома эта мѣстность. Имя Пфальцбурга встрѣчается почти во всѣхъ ихъ романахъ. Гнѣздо ихъ героевъ почти всегда находится гдѣ-нибудь по близости этого города. Въ *Исторіи Крестьянина* есть даже прямое указаніе на одинъ изъ прежнихъ романовъ, на *Юродиваго Гейофа*, въ которомъ рассказано нѣсколько эпизодовъ изъ народной войны противъ союзниковъ въ 1814 году. Деревенскій священникъ, Кристофъ Матернъ, дѣйствующій въ *Исторіи Крестьянина*, оказывается роднымъ братомъ Матерна, который въ *Юродивомъ Гейофѣ* является однимъ изъ храбрѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ волонтеровъ. То обстоятельство, что почти всѣ романы нашихъ авторовъ прикрѣплены къ одной мѣстности, даетъ намъ право предположить, что тутъ очень многія подробности, лица и положенія прямо списаны съ натуры, и что мы имѣемъ передъ собою взглядъ снизу на историческія событія, не сочиненный талантливыми и просвѣщенными писателями, а просто, въ значительной степени, если не вполне, подслушанный на мѣстѣ и записанный со словъ рассказчиковъ изъ среды самаго народа. Понятно, что это обстоятельство можетъ только увеличить достоинство и усилить занимательность этихъ романовъ.

Мишель Бастіанъ, крестьянинъ, ведущій рассказъ отъ своего имени — сынъ бѣднаго корзинщика, который, вмѣстѣ съ женою, долженъ кормить шесть человѣкъ дѣтей, не имѣя на это никакихъ средствъ, ни гроша денегъ, ни клочка земли, ни козы, ни курицы, ничего, кромѣ личнаго труда, обставленнаго множествомъ разнообразнѣйшихъ стѣсненій,

и подвергающагося множеству такихъ же разнообразныхъ поборовъ и вымогательствъ.

Изобрѣтательность средневѣковыхъ властей въ дѣлѣ эксплуатирова- нія простыхъ и беззащитныхъ людей была, какъ извѣстно, неистощима. Вездѣ, гдѣ можно было поставить заставу и при ней посадить карауль- щика, обязаннаго брать дань съ проходящихъ и съ проѣзжающихъ, тамъ эта застава ставилась, и караульщикъ сажался. Вездѣ, гдѣ можно было перехватить по дорогѣ товары, переходящіе изъ рукъ въ руки, и оторвать отъ нихъ кусочекъ въ видѣ налога или пошлины, тамъ товары, какъ бы они ни были скромны, перехватывались, и кусочекъ отрывался. Вездѣ, гдѣ можно было учредить монополію, раззорительную для боль- шинства и прибыльную только для самого вельможнаго учредителя, тамъ монополія была учреждена. Вездѣ, гдѣ можно было продать въ частныя руки какое-нибудь право, существенно необходимое каждому отдѣльному работнику, тамъ это право было продано, часто за порази- тельно дешевую цѣну, жадному и безсовѣстному откупщику. Накопляясь съ теченіемъ вѣковъ, эти чудеса финансовой геніальности превратились наконецъ въ такую чудовищную гору, которая совершенно придавила къ землѣ всю массу трудящагося населенія, такъ что этой массѣ пред- ставилась наконецъ альтернатива, или задохнуться подъ этою горою, или задуматься надъ вопросомъ: куда идутъ деньги, добываемыя такими энергическими и разнообразными средствами, и точно ли они идутъ туда, куда имъ слѣдуетъ идти.

Задохаться подъ горою финансовыхъ чудесъ — это было самое при- вычное дѣло для той массы, о которой рассказываетъ Мишель Бастіанъ. Рѣдкій крестьянинъ могъ осенью чувствовать себя увѣреннымъ, что ему достанетъ хлѣба до слѣдующей уборки. Рѣдкій работникъ имѣлъ доста- точныя основанія надѣяться, что хлѣбъ среди зимы не сдѣлается для него предметомъ роскоши, совершенно недоступнымъ по своей дорого- визнѣ. Зимой, три четверти деревенскаго населенія отправлялись поби- раться. Капуцины и другіе нищенствующіе монахи жаловались началь- ству на это незаконное обиліе конкурентовъ. Начальство, встревожен- ное неблагообразнымъ развитіемъ нищенства, старалось искоренить зло строгими законодательными и административными мѣрами. Нищихъ ло- вили, сажали въ тюрьмы, и ссылали на галеры. На нищихъ дѣлались облавы. Противъ нищихъ выводили въ поле вооруженные отряды. Но голодъ былъ страшнѣе солдатскихъ штыковъ и того кнута, подъ кото- рымъ работали каторжники, и число нищихъ росло, не смотря на жа- лобы капуциновъ и циркуляры начальства. Къ веснѣ, когда съѣстные припасы истощались во всей странѣ, и когда каждый предусмотритель- ный домохозяинъ сокращалъ поневолѣ размѣры подавій, тогда многіе

изъ уцѣлѣвшихъ нищихъ превращались съ голоду въ грабителей и бросались на проѣзжающихъ.

Начальство высылало войска, и потомъ отправляло на висѣлицу десятки захваченныхъ преступниковъ. Такимъ образомъ, гора финансовыхъ чудесъ буквально душила людей, доводя ихъ, путемъ нищенства, бродяжничества и преступленія, до каторги и до висѣлицы.

Задумываться надъ вопросомъ о тѣхъ причинахъ, которымъ гора финансовыхъ чудесъ обязана своимъ существованіемъ и возрастаніемъ, было, конечно, несравненно труднѣе, чѣмъ такъ или иначе задышаться подъ этою горою. Если эта гора своимъ гнетомъ дѣлала серьезныя размышленія абсолютно-необходимыми для спасенія придавленнаго народа отъ одичанія и вымиранія, то эта же самая гора, тѣмъ же своимъ гнетомъ, повидимому, дѣлала такія размышленія совершенно невозможными. Въ самомъ дѣлѣ, разоренному, обобранному, истощенному, голодному и прозябшему человѣку, изнемогающему подъ тяжестью механическаго и неблагодарнаго труда, необходимо, болѣе чѣмъ всякому другому, вдуматься въ свое бѣдственное положеніе, обсудить его со всѣхъ сторонъ, изучить пытливымъ взглядомъ всѣ особенности окружающихъ условий, найти выходъ и немедленно воспользоваться сдѣланнымъ открытіемъ. Но такой человѣкъ, именно потому, что онъ разоренъ, обобранъ, истощенъ, голоденъ, дрожить, отъ холода и забить воловьимъ трудомъ, — менѣе всякаго другаго способенъ къ тѣмъ тонкимъ и сложнымъ умственнымъ операціямъ, для которыхъ требуется спокойствіе, досугъ, самоувѣренность, способность смотрѣть впередъ съ сознательною надеждою и относиться къ жизни съ разумною требовательностью.

Вглядываясь въ то положеніе, до котораго были доведены трудящіеся классы французскаго народа въ царствованія Людовиковъ XIV, XV и XVI, и принимая въ соображеніе ту общеизвѣстную истину, что невѣжество и умственная затхлость являются неразлучными и неизбѣжными спутниками крайней и безвыходной бѣдности, — можно было бы подумать, что французскому народу не оставалось, въ концѣ прошлаго столѣтія, никакихъ шансовъ спасенія, и что онъ обнаружитъ совершенное политическое безмысліе и самую жалкую неспособность позаботиться о самомъ себѣ, когда его правительство, раззоривъ его въ конецъ, и очутившись передъ пустыми денежными сундуками, будетъ поставлено въ необходимость сложить съ себя на его плечи всю отвѣтственность за дальнѣйшее веденіе общественныхъ дѣлъ. Какъ и почему разоренный и забитый народъ могъ, въ рѣшительную минуту, развернуть и несокрушимую энергію, и глубокое пониманіе своихъ потребностей и стремленій, и такую силу политическаго воодушевленія, передъ которою оказались ничтожными всѣ происки и попытки внѣшнихъ и внутреннихъ, явныхъ и тайныхъ враговъ, какъ и почему заморенный и

невѣжественный народъ сѣумѣлъ и смогъ подняться на ноги и обновиться радикальнымъ уничтоженіемъ всего средневѣковаго беззаконія—это, конечно, одна изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ новой исторіи. Господа Эрманъ и Шатрианъ подходятъ къ этой задачѣ съ той стороны, съ какой они могутъ къ ней подойти, оставаясь романистами. Они наводятъ читателей на поучительныя размышленія объ этой задачѣ, и даютъ ему любопытныя матеріалы для ея разрѣшенія.

Мишель Бастіанъ является до нѣкоторой степени представителемъ всего французскаго народа. Въ исторіи его личности отразилась судьба цѣлой націи. По всѣмъ даннымъ, надо было ожидать, что этотъ Мишель проведетъ всю свою жизнь въ бѣдности, въ грязи, въ невѣжествѣ, снимая шапку передъ каждымъ встрѣчнымъ бариномъ и даже солдатомъ, цалуя руку у каждаго грязнаго и пьянаго капуцина и не имѣя никакихъ сознательныхъ политическихъ убѣжденій, никакихъ общественныхъ симпатій и антипатій, приобрѣтенныхъ самостоятельнымъ трудомъ собственной мысли. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое. Въ 1789 году, восемнадцати лѣтъ отъ роду, Мишель читаетъ газеты, интересуется политикой, понимаетъ очень вѣрно, хотя, конечно, въ общихъ чертахъ, то, чего надо желать народу, принимаетъ близко къ сердцу его благо, знаетъ и ненавидитъ его враговъ, знаетъ и любитъ его друзей, словомъ, обнаруживаетъ въ себѣ величайшую способность сдѣлаться, при сколько нибудь благоприятныхъ условіяхъ, политическимъ дѣятелемъ самаго радикальнаго образа мыслей. Въ совершенной гармоніи съ политическими убѣжденіями Мишеля находятся и его собственные, личныя, чисто человѣческія наклонности и стремленія. Свободная мысль и свободное чувство проникаютъ насквозь и облагороживаютъ все его существо. Воспитанный въ самой голодной нуждѣ, привыкши слышать съ дѣтства, что бѣдность величайшее зло, а богатство драгоцѣннѣйшее благо, бывши съ малыхъ лѣтъ свидѣтелемъ того, какъ его отецъ, за неимѣніемъ нѣсколькихъ франковъ, принужденъ былъ пресмыкаться передъ безсовѣстнымъ ростовщикомъ Робеномъ, величайшимъ негодяемъ во всемъ околоткѣ,—Мишель однакоже влюбляется въ бѣдную дѣвушку, отдается всею душою своему чувству, и остается совершенно равнодушенъ къ любезностямъ богатѣйшей невѣсты во всей деревнѣ. Получивъ о предѣлахъ родительской власти такія понятія, при которыхъ ему казалось совершенно естественнымъ, что его отецъ и мать, желая расплатиться съ ростовщикомъ Робеномъ, продаютъ въ рекруты его старшаго брата,—Мишель, тѣмъ не менѣе, рѣшается въ томъ дѣлѣ, которое ему особенно дорого, дѣйствовать по собственному благоусмотрѣнію, прямо, наперекоръ волѣ матери, не отступая и не робѣя даже передъ угрозою проклятія. Онъ останавливаетъ свой выборъ на бѣдной дѣвушкѣ, да въ добавокъ еще на калвинисткѣ, то-есть именно

на той, кого родители его всего менѣе желали бы сдѣлать своею невѣсткою. Проникнувшись въ родительскомъ домѣ привычкою благоговѣть и трепетать передо всякимъ начальствомъ, начиная съ послѣдняго сторожа и рассыльнаго, и покоряться безпрекословно всѣмъ самымъ неразумнымъ и явно противозаконнымъ требованіямъ этого начальства, Мишель въ 1789 году оказывается на столько свободнымъ отъ этой привычки, что грознымъ выраженіемъ своего лица обращаетъ въ бѣгство одного начальника, подошедшаго слишкомъ близко къ Маргаритѣ Шовель, съ цѣлью сдѣлать ей строгое внушеніе за излишнюю находчивость и неустрашимость.

Какія же обстоятельства, какія же вліянія пересоздали внутренней міръ Мишеля, и дали ему опредѣленные мысли и смѣлыя желанія вмѣсто тѣхъ изношенныхъ формулъ трусливой покорности, мелкаго корыстолюбія и вялой безнадежности, которыя, вѣзвшись въ убогія стѣны его родовой хижины, составляли, въ теченіе столѣтій, всю умственную жизнь его несчастныхъ предковъ, всю ихъ хваленую житейскую мудрость?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ задуманъ у нашихъ авторовъ такъ умно, что, взглянувъ внимательно въ этотъ отвѣтъ, мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ до нѣкоторой степени, какимъ образомъ разрѣшается та важная и интересная историческая задача, на которую было указано выше.

III.

Вокругъ Мишеля группируются три типическія личности, имѣющія рѣшительное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе: богатый кузнецъ, онъ же и деревенскій трактирщикъ, Жанъ Леру, деревенскій священникъ, Кристофъ Матерінь, и кальвинистъ, разнощикъ книгъ и газетъ, Матюрень Шовель. О каждой изъ этихъ личностей стоитъ поговорить подробно.

Жана Леру можно назвать хорошо выбраннымъ представителемъ той части французской буржуазіи, у которой связи съ народомъ не совсѣмъ разорваны, и которая, въ свое время, безъ ущерба самой себѣ, оказала народу самыя существенныя услуги. Жанъ Леру принадлежитъ, съ одной стороны, къ привилегированнымъ классамъ, потому что онъ мастеръ кузнечнаго цеха, а званіе мастера и всѣ связанныя съ нимъ выгоды обыкновенно переходили отъ отца къ сыну такъ точно, какъ званіе и помѣстья герцога, графа или маркиза. Съ другой стороны, Жанъ Леру принадлежитъ къ народу, потому что онъ не на шутку и не для виду работаетъ у себя въ кузницѣ рядомъ съ своими подмастерьями.

У него руки черныя и жесткія, какъ у настоящаго ремесленника. По всѣмъ своимъ вкусамъ и привычкамъ, онъ стоитъ гораздо ближе къ полуголоднымъ и безправнымъ рабочимъ, чѣмъ къ господамъ хорошаго тона, носящимъ бархатные кафтаны, шпагу на боку и пудру на головѣ. Онъ платитъ тяжелые налоги, отъ которыхъ эти господа свободны по праву рожденія, или умѣютъ освободиться стараніями знатныхъ покровителей. Онъ принужденъ сгибаться въ дугу передъ каждымъ изъ тѣхъ многихъ мелкихъ чиновниковъ, къ которымъ господа относятся свысока, и которые, при каждомъ удобномъ случаѣ, рады быть покорнѣйшими слугами этихъ господъ. Онъ расположенъ смотрѣть недоброжелательно на господъ съ бѣлыми руками и съ изящными манерами, во первыхъ потому, что онъ подозрѣваетъ нѣкоторую связь между бѣлизною ихъ рукъ и изяществомъ ихъ манеръ, съ одной стороны, и количествомъ тѣхъ налоговъ, которыми помрачается его благополучіе, съ другой стороны, а во вторыхъ и потому, что онъ, совершенно справедливо, предполагаетъ въ этихъ господахъ всегдашнюю готовность обойтись съ нимъ презрительно, грубо или даже жестоко, какъ съ безотвѣтнымъ и безчувственнымъ *roturier, manant* или *vilain*.

До поры до времени, симпатіи Жана Леру принадлежатъ народу, но будутъ онѣ ему принадлежать только до тѣхъ поръ, пока развитіе народныхъ правъ будетъ въ какомъ бы то ни было отношеніи усиливать или упрочивать благосостояніе мастеровъ кузнечнаго цеха и деревенскихъ трактирщиковъ. Жанъ Леру кричитъ противъ несправедливостей и желаетъ глубокихъ и обширныхъ преобразованій, но онъ перестанетъ кричать и желать въ ту блаженную минуту, когда несправедливости перестанутъ производиться въ ущербъ ему, и когда осуществятся всѣ тѣ преобразованія, изъ которыхъ онъ можетъ извлечь себѣ непосредственную личную выгоду. Въ эту минуту онъ отодвинетъ отъ себя блюдо съ дальнѣйшими преобразованіями, скажетъ: я сытъ, порѣшить, что народъ тоже сытъ и доволенъ,—и сдѣлается злѣйшимъ врагомъ всякаго шума и всякихъ толковъ, способныхъ нарушить процессъ его здороваго пищеваженія.

Въ борьбѣ народа за свои права и за свое человѣческое существованіе Жанъ Леру неспособенъ быть ни полководцемъ, ни солдатомъ. Но онъ можетъ принести значительную пользу въ качествѣ трубача, когда это дѣло не представляетъ серьезныхъ опасностей, и хорошо оплачивается деньгами или почетомъ. Онъ неспособенъ въ минуту общаго замѣшательства сказать во все-услышаніе: вотъ что надо сдѣлать! Неспособенъ онъ также, услышавъ это вѣщее слово, броситься впередъ съ полнымъ самоотверженіемъ, и сдѣлать, презирая всякую опасность, то, что соотвѣтствуетъ потребностямъ даннаго затруднительнаго положенія. Но онъ можетъ сообразить своимъ дюжимъ умомъ, что вѣщій

голосъ сказалъ правду, и у него хватить смѣлости въ ту минуту, когда толпа еще колеблется, крикнуть своимъ здоровымъ басомъ: да, это точно надо сдѣлать! Поражая нервы недоумѣвающей толпы, здоровый басъ производитъ часто гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ умное слово. А когда этотъ здоровый басъ принадлежитъ человѣку съ независимымъ состояніемъ и съ нѣкоторымъ положеніемъ въ обществѣ, тогда онъ пріобрѣтаетъ почти неотразимую убѣдительность, потому что слушатели предполагаютъ совершенно основательно, что обладатель такого баса, состоянія и положенія не станетъ рисковать легкомысленно всѣми этими благами и увлекать за собою толпу на очень опасную дорогу. Когда люди, въ родѣ Жана Леру, рѣшаются крикнуть: да, это точно надо сдѣлать, тогда они почти навѣрное могутъ рассчитывать, что толпа двинется за ними, и превознесетъ ихъ, какъ своихъ руководителей и благодѣтелей. Чтобы крикнуть, нужна все-таки нѣкоторая доза смѣлости, потому что въ такихъ дѣлахъ шансы неудачи никогда не могутъ быть вполне предусмотрѣны и совершенно устранены. Но смѣлости тутъ требуется именно столько, сколько требуется ея для того, чтобы пуститься въ выгодную спекуляцію. Жанъ Леру смѣлый и неглупый спекуляторъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, за какую бы великую и общепользную работу онъ ни принимался, онъ всегда остается спекуляторомъ, и именно въ качествѣ спекулятора онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ оказать обществу нѣкоторыя услуги.

Слѣдующій эпизодъ превосходно освѣщаетъ личность Жана Леру. Разнощикъ Матюрень Шовель, побывавши въ Германіи, приноситъ оттуда картофельныя шкурки, и рассказываетъ, что если посѣять эти шкурки, то отъ нихъ родится неслыханное количество питательныхъ и вкусныхъ корней, которые навсегда могутъ застраховать страну отъ голода. Шовель самъ видѣлъ, какъ картофель, оставшійся до того времени неизвѣстнымъ во Франціи, сѣется и родится уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Германіи. Жанъ Леру давно знаетъ Шовеля, и совершенно увѣренъ въ томъ, что Шовель, во первыхъ, вполне способенъ подмѣтить и понять тѣ вещи, на которыя онъ обращаетъ вниманіе, и во вторыхъ, совершенно неспособенъ прикрашивать въ своемъ рассказѣ дѣйствительность блестящими вымыслами. Зная, что на слова Шовеля можно полагаться, какъ на свидѣтельство собственныхъ чувствъ, Леру беретъ у него шкурки, показываетъ ихъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ и знакомымъ, и совѣтуетъ имъ посѣять ихъ для пробы. Тутъ онъ, конечно, поступаетъ не такъ, какъ поступилъ бы жадный барышникъ. Тотъ взялъ бы сразу всѣ шкурки себѣ, и постарался бы устроить такъ, чтобы картофель можно было покупать только у него. Но Леру, во первыхъ, вовсе не желаетъ пріобрѣсти себѣ репутацію барышника, ростовщика и кровопійцы, обращающаго себѣ на пользу обще-

ственные бѣдствія. А ввотрыхъ, для монополизированія картофеля потребовалось бы согласіе Шовеля, на которое совершенно невозможно было разсчитывать. Шовель принесъ изъ-за границы шкурки собственно для того, чтобы произвести опытъ, полезный для страны; онъ не торговалъ этими шкурками, а отдавалъ ихъ даромъ, потому что у него самаго не было ни клочка земли, и, стало быть, не на чемъ было устроить пробный посѣвъ. Къ такому человѣку было совершенно неудобно обращаться съ предложеніями въ барышническомъ вкусѣ. Кромѣ того, самая глубокая типическая черта въ людяхъ, подобныхъ Жану Леру, состоитъ именно въ томъ, что они стараются и обыкновенно успѣваютъ совмѣстить вещественныя выгоды съ невещественными. Они не упускаютъ ни одного случая поживиться лишнею копейкою, и въ то же время ни о нихъ не говоритъ и не думаетъ, что они съ неприличною жадностью гоняются за этими случаями. Всякій знаетъ, что они своихъ выгодъ не теряютъ изъ виду и не роняютъ изъ рукъ, но всякій приписываетъ это обстоятельство скорѣе силѣ ихъ ума и мужественной твердости ихъ характера, чѣмъ ихъ бездушности и мелкому пристрастію къ деньгамъ. Они богатѣютъ не по днямъ и по часамъ, и въ то же время толпа ихъ согражданъ относится къ ихъ богатству и къ ихъ личности съ любовью и съ уваженіемъ, потому что видятъ въ первомъ, то-есть, въ богатствѣ, достойную награду добродѣтелей, украшающихъ вторую, то-есть, личность.

Сосѣди и знакомые, подзадоренные капуциномъ Бенедикомъ, встрѣчаютъ предложеніе Леру о сѣяніи картофельныхъ шкурокъ недоувѣриемъ и насмѣшками. Тогда Леру рѣшается взять себѣ всѣ шкурки и засѣять ими весь свой огородъ. Леру оказывается такимъ образомъ умнѣе, предприимчивѣе и смѣлѣе всѣхъ своихъ односельчанъ, но въ сущности чѣмъ же онъ рискуетъ? Въ случаѣ неудачи, онъ только потеряетъ тѣ овощи, которые родились бы въ этомъ году у него въ огородѣ, на пространствѣ четверти десятины. Потеря для него ничтожная, и шансы неудачи до крайности малы, потому что Леру знаетъ хорошо того человѣка, который рекомендуетъ ему сѣяніе новаго растенія. Значитъ, Леру просто схватываетъ новое, вѣрное средство обогащенія, отъ котораго сторонятся его земляки. Схватывая это средство, онъ обнаруживаетъ несомнѣнно свое умственное превосходство надъ земляками, и оказываетъ имъ важную услугу, но чтобы оказать обществу такую услугу не требуется очевидно никакихъ гражданскихъ и человѣческихъ доблестей.

До начала іюня, на землѣ, засѣянной шкурками, не показываются ростки. Вѣра Леру въ показанія Шовеля начинаетъ колебаться. Ему уже жалко потратить на опытъ нѣсколько франковъ. Онъ уже подумываетъ, не засѣять ли огородъ люцерной, чтобы земля не пропадала да-

ромъ. Умъ и характеръ спекулятора сейчасъ даютъ себя знать, какъ только спекуляція начинаетъ принимать неблагоприятный оборотъ.

Однако, успѣхъ опыта предупреждаетъ бѣгство спекулятора. Картофель начинаетъ расти, и Леру торжествуетъ. Во время уборки онъ говоритъ: „на будущій годъ надо будетъ засадить этими корнями мои двѣ десятины на берегу; а остальное мы продадимъ по хорошей цѣнѣ: что дадутъ людямъ за безцѣнокъ, того люди и не цѣнятъ ни въ грошъ.“

Этими словами Леру характеризуетъ себя какъ нельзя лучше. Картофель будетъ проданъ по хорошей цѣнѣ—значить, интересы кармана соблюдены. Эта продажа по хорошей цѣнѣ мотивирована удовлетворительно, и объясняется человѣколюбивымъ желаніемъ Леру разрушить предрасудки, встрѣтившіе первое появленіе картофеля. Значить, рядомъ съ интересами кармана спасается и слава Леру, какъ просвѣтителя и благодѣтеля роднаго края.

Въ день уборки, Жанъ Леру добродушно говоритъ Шовелю: „вы обѣдаете съ нами, Шовель, мы ихъ отвѣдаемъ, и коли они хороши на вкусъ, въ нихъ будетъ богатство Баракъ“ (имя деревни). Такъ бываетъ всегда и вездѣ, въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ. Жаны Леру, люди, потрудившіеся выслушать чужую мысль и принять къ свѣдѣнію ея достоинства, забираютъ въ свою пользу выгоды и популярность, а Шовели, настоящіе изобрѣтатели, притащившіе на своихъ плечахъ тѣ негодныя шкурки, которыя превращаются въ новый источникъ народнаго богатства, Шовели получаютъ радушное приглашеніе на обѣдъ и радуются тому, что чужой картофель уродился превосходно.

Исторія о картофелѣ кончается тѣмъ, что „мастеръ Леру, котораго глупость людей очень разсердила, продалъ имъ свои сѣмена очень дорого.“

Оказавъ своимъ землякамъ существенную услугу введеніемъ картофеля, Леру оказываетъ имъ другую, еще болѣе важную услугу, которая также ровно ничего ему не стоитъ. Когда приходитъ время выбирать депутатовъ отъ деревни, тогда Леру рекомендуетъ избирателямъ Шовеля, который дѣйствительно оказывается превосходнѣйшимъ защитникомъ ихъ интересовъ. Если бы деревня Жана Леру должна была выбирать только одного депутата, и если бы Леру въ этомъ случаѣ уступилъ Шовелю, какъ достойнѣйшему, то мѣсто, которое предлагалось ему, Жану Леру,—тогда тутъ была бы по крайней-мѣрѣ съ его стороны доблестная побѣда, одержанная надъ собственнымъ честолюбіемъ. Но и этого не было. Бараки высылали двоихъ депутатовъ; избиратели пришли предлагать Леру первое мѣсто, и совѣтоваться съ нимъ насчетъ того, кому дать второе. Леру отвѣтилъ имъ, что онъ принимаетъ званіе депутата только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы другимъ депутатомъ былъ Шовель, кальвинистъ, на котораго избиратели, добрые

католики, смотрѣли какъ на человѣка совершенно невозможнаго. Поступая такимъ образомъ, Леру, вопервыхъ, предписываль законы избирателямъ,—значить, тѣшили свое самолюбіе, какъ только это было возможно, и, вовторыхъ, обезпечиваль себѣ въ собраніи деревенскихъ депутатовъ такого товарища, съ которымъ ему невозможно было стать въ тушигъ и осрамиться.

Фигуру Жана Леру можно было бы дополнить множествомъ мелкихъ черточекъ, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ романа, но я нахожу, что ея основной смыслъ уже теперь достаточно ясенъ. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые отлично служатъ общему дѣлу, когда требованія этого дѣла совпадаютъ съ интересами ихъ личнаго матеріальнаго благосостоянія.

IV.

Чтобы читатели сразу поняли личность священника Кристофа Матерна, я приведу довольно большую выписку. Матернъ приходитъ вечеромъ, въ проливной дождь, въ трактиръ къ своему пріятелю, Жану Леру.

„— Я изъ Саверна,—говоритъ онъ.—Видѣлъ этого знаменитаго кардинала де-Роганъ... Боже милостивый! Боже милостивый! И это кардиналь, князь церкви!.. Ахъ, какъ подумаешь!..

„Онъ негодовалъ. Вода текла по его щекамъ на воротникъ его рясы; онъ порывисто снялъ свои брыжи, и положилъ ихъ въ карманъ, прохаживаясь изъ угла въ уголь. Мы смотрѣли на него съ изумленіемъ; онъ какъ будто не видалъ насъ и говорилъ съ однимъ мастеромъ Жаномъ.

— Да, видѣлъ я этого князя,—кричалъ онъ:—видѣлъ этого великаго сановника, который обязанъ намъ подавать примѣръ доброй нравственности и всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, видѣлъ, какъ онъ самъ правилъ своими лошадьми, и скакалъ во весь опоръ по большой Савернской улицѣ, посреди фаянсовой и глиняной посуды, разбросанной по землѣ, и хохоталъ, какъ настоящій безумецъ. Какой соблазнъ!..

— Ты знаешь, что Неккера въ отставку?—спросилъ мастеръ Жанъ.

— Какъ не знать!—сказалъ онъ съ презрительною улыбкою. — При мнѣ вѣдъ настоятели всѣхъ Эльзасскихъ монастырей, — пиццусы, капуцины, кармелиты, барнабиты, всѣ нищіе, всѣ босоногіе проходили церемоніальнымъ маршемъ черезъ переднія его высокопреподобія! Ха, ха, ха!

„Онъ крупными шагами ходилъ по комнатѣ. Онъ былъ въ грязи по поясницу, промоченъ до костей, но онъ ничего не чувствовалъ: его большая курчавая голова съ просѣдью вздрагивала; онъ говорилъ какъ будто съ самимъ собою:

— Да, Кристофъ, да, вотъ они князья церкви!.. Поди, попроси монсиньора заступиться за бѣднаго отца семейства; поди, пожалуйся тому, кто долженъ быть опорой духовенства; поди, скажи ему, что агенты фиска, якобы отыскивая контрабанду, забрались даже въ твой священнической домъ; что тебѣ пришлось отдать имъ ключи отъ твоего погреба и отъ твоихъ шкафовъ. Скажи ему, что это срамъ заставлять гражданина, кто бы онъ ни былъ, днемъ и ночью отворять свою дверь вооруженнымъ людямъ безъ мундира, безъ всякаго знака, по чемъ бы ихъ отличать отъ разбойниковъ; и этимъ людямъ вѣрять въ судъ на слово! и не позволяется собирать никакихъ справокъ о ихъ жизни и нравственности, когда ихъ вводятъ въ должность и довѣряютъ ихъ опасному слову имущество, честь, иногда жизнь другихъ людей! Попробуй, скажи ему, что это дѣло его чести довести эти справедливыя жалобы до подножя престола, и заставить выпустить на волю несчастнаго, засаженнаго въ тюрьму за то, что пристава нашли у него четыре фунта соли... Сунься... сунься... славно тебя примутъ, Кристофъ!

— Но, ради Бога,—сказалъ ему мастеръ Жанъ:—что съ тобою случилось?

„Тогда онъ остановился на двѣ минуты и сказалъ:

— Я пошелъ туда пожаловаться на генеральный обыскъ, сдѣланный соляными приставами вчера, въ одиннадцать часовъ вечера, въ моей деревнѣ, и на арестованіе одного изъ моихъ прихожанъ, Якова Баумгартена. Это была моя обязанность. Я думалъ, что кардиналъ это пойметъ; что онъ скалится надъ несчастнымъ отцомъ семейства, купившимъ нѣсколько фунтовъ контрабандной соли, и велитъ его выпустить. Ну, вопервыхъ, мнѣ пришлось простоять два часа у воротъ этого великолѣпнаго замка, куда капуцины входили, какъ къ себѣ домой. Они шли поздравлять монсиньора съ благополучною смѣною Неккера. Потомъ, мнѣ позволили войти въ этотъ Вавилонъ, гдѣ кичливость шелка, золота и камней обнаруживается повсемѣстно, въ живописи и въ остальномъ! Наконецъ, меня тамъ продержали съ одиннадцати часовъ утра до пяти вечера, съ двумя бѣдными священниками съ горы. Мы слышали, какъ хохотали лакеи. Одинъ изъ нихъ, большой, весь въ красномъ, показывался на порогѣ, смотрѣлъ на насъ, и кричалъ другимъ: „поповщина все тутъ!“ Я терпѣлъ... Я хотѣлъ пожаловаться монсиньору; вдругъ одинъ изъ этихъ нахаловъ приходитъ и говоритъ намъ, что аудіенціи монсиньора отложены на недѣлю. Мерзавецъ смѣялся.

„Съ этими словами, г. священникъ Кристофъ, державшій въ рукахъ толстую палку, сломалъ ее, какъ спичку, и лицо его сдѣлалось ужасно.

— Этой шельмѣ стоило бы надавать пощечинъ, — сказалъ мастеръ Жанъ.

— Кабы мы были одни, — отвѣтилъ священникъ, — я взялъ бы его за уши и отдѣлалъ бы. Но тамъ я принесъ мое униженіе въ жертву Господу.

„Онъ опять сталъ ходить по комнатѣ. Мы всё его жалѣли. Катерина принесла ему хлѣба и вина; онъ поѣлъ стоя, и вдругъ гнѣвъ его схлынулъ. Но онъ сказалъ такія вещи, которыхъ я никогда не забуду. Онъ сказалъ:

— Поруганіе справедливости повсемѣстно. Народъ все дѣлаетъ, а другіе только нахальничаютъ; они попираютъ ногами всё добродѣтели; они презираютъ религію. Сынъ бѣдняка ихъ защищаетъ; сынъ бѣдняка ихъ кормитъ; и также сынъ бѣдняка, вотъ такой, какъ я, проповѣдуетъ уваженіе къ ихъ богатствамъ, къ ихъ почестямъ, и даже къ ихъ безчинствамъ! Долго ли это протянется? Я не знаю; но всегда продолжаться это не можетъ! это противно природѣ, это противно волѣ Божіей. Это безсовѣстно проповѣдывать уваженіе къ тому, что достойно позора! Это должно кончиться, и въ писаніи вѣдь сказано: кто творитъ мои заповѣди, войдетъ въ мою обитель. Но извержены будутъ безстыдные, лжецы, идолослужители: всё, кто любитъ неправду и творитъ ее“.

Кристофъ Матернъ — одинъ изъ тѣхъ людей, которые могутъ посвятить всю свою жизнь служенію узкой, односторонней идеѣ, но которые, во всякомъ случаѣ, вносятъ глубокую нравственную серьезность во все то, чему они себя посвящаютъ. Матернъ можетъ сдѣлаться ретроградомъ, обскурантомъ, гонителемъ и палачомъ, но какъ бы онъ ни заблуждался, онъ всегда будетъ заблуждаться съ полною искренностью, постоянно прислушиваясь только къ голосу собственной совѣсти. Проповѣдывать по обязанности службы то, чему онъ по совѣсти не вѣритъ, или то, чему онъ вѣритъ въ половину, играть въ жизни какую бы то ни было комедію, лицемерить и тартюфничать онъ рѣшительно не въ состояніи. Ему непонятно, какимъ образомъ можно по платью и по титулу быть кардиналомъ, а по жизни и по привычкамъ веселымъ кутилой. Онъ принимаетъ серьезно и совершенно буквально тѣ обязанности, которыя налагаетъ на человѣка его званіе. Отъ каждаго частнаго явленія онъ требуетъ, чтобы оно приближалось или, по крайней мѣрѣ, обнаруживало стремленіе приблизиться къ идеалу. Такія соображенія, что идеаль слишкомъ высокъ, что совершенство недостижимо, что дорога къ идеалу усѣяна непобѣдимыми трудностями, что идеаль, созданный для другаго времени, сдѣлалъ свое дѣло и отошелъ въ область исторіи, такія соображенія для Кристофа Матерна не существуютъ. У него, въ основѣ его мышленія и дѣятельности, лежитъ такое правило: или добросовѣстно, съ напряженіемъ всѣхъ силъ иди къ идеалу, или не смѣй имъ прикрываться, и во имя его брать съ народа десятину и всевозможныя пожертвованія.

Личный характер Кристофа вполне соответствует его общественному положению. То есть, задатки, заключавшіяся въ природномъ складѣ его ума, болѣе крѣпкаго, чѣмъ гибкаго, должны были развернуться и закалиться тѣми отношеніями къ людямъ, въ которыя его поставило званіе деревенскаго священника.

Католическая церковь, какъ извѣстно, очень рано стала превращаться въ политическое учрежденіе. Папы сначала гнались за недостижимымъ призракомъ гильдебрандовской теократіи, а потомъ стали округлять свои владѣнія въ Италіи. Французская или галликанская церковь, желавшая сосредоточить всѣ силы королевства въ рукахъ короля, также точно имѣла свои *политическія* тенденціи, обыкновенно шедшія наперекоръ столь же *политическимъ* планамъ папъ. Это политическое направленіе, которое въ своей совокупности могло быть совершенно ясно только лицамъ, высоко поставленнымъ въ церкви, всегда возбуждало неудовольствіе въ людяхъ, искренно и глубоко вѣровавшихъ, въ тѣхъ многихъ людяхъ, которые требовали отъ пастырей церкви христіанскихъ добродѣтелей, а не административныхъ или дипломатическихъ талантовъ. Политическое направленіе, господствовавшее въ высшихъ слояхъ духовенства, никогда не могло проникать собою всю корпорацію сверху до низу. Монахи, образуя изъ себя строго-организованные и отлично дисциплинированные отряды, могли быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ генераловъ, посвященныхъ въ тайны высшей политики. Но деревенскіе священники, разбросанные среди свѣтскихъ людей и живущіе одною жизнью съ своими прихожанами, никакъ не могли слѣдить за изгибами и поворотами клерикальной политики; теряя способность понимать планы начальства и сознательно сочувствовать ему, относясь къ высшимъ политическимъ комбинаціямъ почти такъ, какъ относились наши становые къ запросамъ статистическихъ комитетовъ, деревенскіе священники должны были, смотря по своимъ личнымъ свойствамъ, пойти по одному изъ двухъ путей — или по пути набиванія кармановъ и желудковъ, или же по пути дѣятельнаго челоуѣколюбія. Священники, пошедшіе по этому второму пути, должны были, путемъ своей дѣятельной и честной жизни, возвыситься до очень яснаго и вѣрнаго пониманія того идеала, который они имѣли полное право считать для себя обязательнымъ. Во имя этого идеала, они должны были, при каждой встрѣчѣ, строго осуждать высшихъ сановниковъ церкви, окунувшихъ съ головою въ темный омутъ политическихъ интригъ. Оппозиція незамѣтно росла такимъ образомъ въ средѣ одного изъ самыхъ привилегированныхъ сословій.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ католицизмъ началъ, сперва понемногу, а потомъ все быстрѣй и быстрѣй, терять свое господство надъ умами. Ряды католической іерархіи стали пополняться людьми, равнодушными ко всякой религіи, не имѣющими никакихъ, ни философскихъ, ни по-

литическихъ убѣжденій, способными только чваниться гербами и предками и усвоившими себѣ только то правило эпикурейской мудрости, что надо жить, пока живется. Въ высшихъ сферахъ католическаго духовенства стали понемногу утрачиваться даже и та серьезность и дѣловая озабоченность, которою отличались прежніе политическіе интриганы. Все чаще и чаще стали появляться такіе прелаты, у которыхъ въ жизни не было никакой другой цѣли, кромѣ полученія и прожизванія громадныхъ доходовъ. Тогда глухой разладъ между высшимъ и низшимъ духовенствомъ сдѣлался еще болѣе непримиримымъ; богатые и веселые прелаты, проводящіе свою праздную жизнь среди такихъ же богатыхъ, праздныхъ и веселыхъ аристократовъ обоего пола, потеряли всякую нравственную связь съ бѣдными, трудящимися священниками, живущими среди бѣднаго, трудящагося народа. Первые стали чувствовать себя прежде всего магнатами, обязанными поддерживать всѣ привилегіи, всѣ монополіи, всѣ несправедливости стараго порядка, и противиться всему, что могло подать народу хоть отдаленную надежду на какое бы то ни было облегченіе его участи. Вторые также почувствовали себя наконецъ прежде всего дѣтьми бѣдняковъ, и стали не безъ удовольствія прислушиваться къ тому, что обѣщало этимъ бѣднякамъ освобожденіе изъ работы египетской. Замѣчая въ своемъ духовномъ начальствѣ, при отсутствіи всякихъ христіанскихъ добродѣтелей и всякой нравственной серьезности, холодную и систематическую вражду противъ еретиковъ и вольнодумцевъ, низшее духовенство, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, познакомилось потихоньку съ мыслями этихъ гонимыхъ людей, и убѣдилось, что эти люди въ сущности гораздо болѣе своихъ гонителей проникнуты духомъ христіанской доктрины.

Въ *Исторіи Крестьянина* есть одна очень характерная сцена. Кристофъ Матернъ очень дружелюбно обѣдаетъ за однимъ столомъ съ Шовелемъ, продавцомъ запрещенныхъ книгъ и кальвинистомъ. Входя въ комнату, онъ даже въ шутку говоритъ громовымъ голосомъ, что предастъ еретиковъ и злоумышленниковъ въ руки правосудія и, разумѣется, этотъ громовой голосъ никого не пугаетъ. Жанъ Леру весело и радушно говоритъ священнику: садись, Кристофъ, будемъ обѣдать, а Шовель съ лукавою улыбкою спрашиваетъ: кто жъ тогда будетъ доставлять Жанъ-Жаковъ господамъ горнымъ священникамъ? Мы узнаемъ такимъ образомъ, что католическій священникъ водить дружбу съ еретиками, и читаетъ запрещенныя книги свободныхъ мыслителей. И дѣлаетъ онъ это не по легкомыслію, не по равнодушію къ религіи, а именно вслѣдствіе своего глубокаго уваженія къ основнымъ принципамъ той доктрины, которую онъ проповѣдуетъ. Какъ онъ понимаетъ свои обязанности, какъ онъ пользуется удобствами своего положенія среди крестьянъ, это обнаруживается во время того же обѣда.

„— Слушай, Кристофъ, — говоритъ Жанъ Леру, окончивъ супъ, — скоро ты у себя въ школѣ ученіе начнешь?

— Да, Жанъ, на будущей недѣлѣ, — отвѣтилъ священникъ. — Я даже затѣмъ и отправился; иду въ Пфальцбургъ за бумагой и за книгами. Я было хотѣлъ начать 20-го сентября, да надо было кончить стацию Св. Петра для Абершвиллерскаго прихода; тамъ церковь отстраивается. Я обѣщаль, такъ хотѣлъ сдержать слово.

— А, хорошо!.. Значить, на будущей недѣлѣ.

— Да, съ понедѣльника и начнемъ.

— Ты бы взялъ этого мальчика, — сказалъ мой крестный отецъ (Леру), указывая на меня. — Это мой крестникъ, сынъ Жанъ-Пьера Бастиана. Я увѣренъ, что онъ съ радостью будетъ учиться.

„Услышавъ это, я весь покраснѣлъ отъ удовольствія, потому что мнѣ уже давно хотѣлось ходить въ школу.

„Г. Кристофъ повернулся ко мнѣ:

— Ну, — сказалъ онъ, кладя свою большую руку ко мнѣ на голову, — взгляни на меня.

„Я посмотрѣлъ на него помутившимися глазами.

— Тебя какъ зовутъ?

— Мишель, г. священникъ.

— Ну, Мишель, милости просимъ. Дверь моей школы для всѣхъ открыта. Чѣмъ больше приходитъ учениковъ, тѣмъ мнѣ пріятнѣе.

— Чудесно, — вскрикнулъ Шовель, — такія рѣчи и слушать пріятно.“

Еретикъ и католическій священникъ, такимъ образомъ, протягиваютъ другъ другу руки, когда дѣло идетъ о просвѣщеніи народа. Точно также они протягиваютъ другъ другу руки и тогда, когда дѣло идетъ о возвышеніи матеріальнаго благосостоянія того же народа. Кристофъ попалъ къ Жану Леру на обѣдъ въ день первой уборки картофеля. Отвѣдавъ этого новаго кушанья, Кристофъ говоритъ:

„— Слушайте, Шовель! Вы, тѣмъ, что принесли эти шкурки въ вашей корзинѣ, а ты, Жанъ, тѣмъ, что посадилъ ихъ въ своей землѣ, несмотря на насмѣшки капуциновъ и другихъ идиотовъ, вы больше сдѣлали для нашей страны, чѣмъ всѣ монахи трехъ епископствъ за цѣлыя столѣтія. Эти коренья будутъ хлѣбомъ бѣдняковъ“.

Личность Кристофа Матерна никакъ не можетъ быть признана исключительнымъ явленіемъ. Не мало деревенскихъ священниковъ сидѣло на лѣвой сторонѣ въ учредительномъ собраніи, и потомъ даже въ національномъ конвентѣ, рядомъ съ самыми искренними и неустрашимыми друзьями народа.

Чѣмъ ближе подходила рѣшительная минута, тѣмъ тѣснѣе становилась связь между лучшими изъ бѣдныхъ деревенскихъ священниковъ и лучшими изъ бѣдныхъ прихожанъ.

„Мастеръ Жанъ!—говорилъ Шовель,—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше идутъ дѣла; наши бѣдные приходскіе священники только и хотятъ читать, что *Савойскаго Викарія*, Жанъ-Жака; каноники, всякіе бенефициаріи читаютъ Вольтера; начинаютъ проповѣдывать любовь къ ближнему, и сокрушаются о народныхъ бѣдствіяхъ; собираютъ деньги на бѣдныхъ. Во всемъ Эльзасѣ и въ Лотарингіи только и слуху, что о добрыхъ дѣлахъ. Въ одномъ монастырѣ господинъ настоятель приказываетъ осушать пруды, чтобы дать работу крестьянамъ; въ другомъ, на нынѣшній годъ прощаютъ малую десятину; въ третьемъ раздаютъ порціи супа. Лучше поздно, чѣмъ никогда! Всѣ добрыя мысли приходятъ къ нимъ сразу. Это люди тонкіе, очень тонкіе; они видятъ, что лодка потихоньку идетъ ко дну. Вотъ они и присасуютъ себѣ друзей, чтобы потомъ было за что уцѣпиться.“

Въ концѣ этого монолога Шовель указываетъ на дѣло лукаваго и корыстнаго милосердія, вынужденнаго неопредѣленнымъ и тоскливымъ предчувствіемъ надвигающейся грозы. Но въ началѣ рѣчи, гдѣ идетъ дѣло о бѣдныхъ приходскихъ священникахъ, читающихъ Жанъ-Жака, мы видимъ ясное и мѣткое указаніе на тотъ фактъ, что политическій радикализмъ сталъ находить себѣ искреннихъ адептовъ даже въ рядахъ духовенства.

V.

Матюрень Шовель, — вполнѣ герой, фанатикъ общественнаго блага, человѣкъ, не боящійся ни труда, ни лишеній, ни опасностей, ни боли, ни смерти. Онъ ненавидитъ зло, вѣѣвшееся въ народную жизнь, такую ненавистью, какою, на примѣръ, медикъ можетъ ненавидѣть болѣзнь, подрывающую силы его пациента, или математикъ можетъ ненавидѣть ошибку, вкравшуюся въ его вычисленіе. Понятно, что ни медикъ съ болѣзнью, ни математикъ съ ошибкою не могутъ вступать ни въ какіе переговоры, не могутъ идти ни на какія сдѣлки, не могутъ мириться ни на какихъ взаимныхъ уступкахъ. Понятно съ другой стороны, что ни медикъ не можетъ чувствовать никакой личной вражды къ тѣмъ частямъ тѣла, къ тѣмъ органамъ, въ которые засѣла болѣзнь, ни математикъ не можетъ гнѣваться на тѣ цифры или буквы, въ которыя закралась ошибка. Понятно также, что медикъ, въ случаѣ надобности, безо всякаго зазрѣнія совѣсти и безъ малѣйшаго колебанія, будетъ дѣйствовать на зараженную часть тѣла острыми кислотами, шпанскими мушками, растравляющими мазями, ляписомъ, огнемъ и желѣзомъ, — и что математикъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ совершенною ясностью духа проведетъ мокрою губкою по своей аспидной доскѣ, и

сотретъ безъ слѣда тѣ цифры или буквы, которыя испортили его вычисленіе. Медикъ отказывается отъ званія медика, когда онъ перестаетъ вести истребительную борьбу съ болѣзною; математикъ перестаетъ быть математикомъ, когда онъ отказывается преслѣдовать ошибку въ послѣднія ея убѣжища. Такъ точно и Шовель пересталъ бы быть самымъ собою, если бы могъ отказаться отъ своей ровной, спокойной, холодной, зоркой и чуткой ненависти къ общественному злу.

Вотъ какія условія сдѣлали его неподкупнымъ и непримиримымъ врагомъ средневѣковаго беззаконія:

„Онъ никогда не горячился. Я помню, какъ онъ часто, съ большимъ спокойствіемъ рассказывалъ о страданіяхъ своихъ предковъ: какъ ихъ выгнали изъ Ла-Рошели; какъ у нихъ отняли землю, деньги, дома; какъ ихъ преслѣдовали по всей Франціи, отнимая у нихъ насильно дѣтей, чтобы воспитывать ихъ въ католической религіи; какъ впоследствии, въ Ликсгеймѣ, на нихъ напускали драгуновъ, чтобы обращать ихъ въ католичество сабельными ударами; какъ отецъ убѣждалъ въ Грауфталъскіе лѣса, куда за нимъ пошли на другой день мать и дѣти, отказываясь отъ всего, во имя своей религіи; какъ дѣда отправили на тринадцать лѣтъ на Дюнкирхенскія галеры, гдѣ нога у него днемъ и ночью оставалась прикованною къ гребцовой скамьѣ; начальникомъ у нихъ былъ тамъ настоящій злодѣй, который билъ ихъ такъ, что многіе изъ этихъ кальвинистовъ умирали; а когда происходило сраженіе, тогда эти несчастные галерники видѣли, какъ англичане направляли свои большія орудія, набитыя до самаго устья, въ разстояніи четырехъ шаговъ отъ нихъ, прямо на ихъ скамью. Они это видѣли и не могли пошевелинуться, и фитиль опускался на затравку! Потомъ, когда пронеслись пули, гвозди и картечь, ихъ цереломанныя ноги отрывались отъ цѣпи, ихъ самихъ бросали въ воду, и подметали, что оставалось.

„Онъ рассказывалъ эти вещи, приводившія насъ въ трепеть, растирая себѣ въ ладони понюшку табаку; и его маленькая Маргарита, вся блѣдная, молча смотрѣла на него своими большими черными глазами.

„Онъ всегда заканчивалъ такъ:

— Да, вотъ чѣмъ Шовели обязаны Бурбонамъ, великому Людовику XIV, и Людовику XV, Возлюбленному! Смѣшная штука—наша исторія, не правда-ли? И я самъ, до нынѣшняго дня, ни на что я негоденъ; нѣтъ у меня гражданскаго существованія. Нашъ добрый король, какъ и всѣ другіе, вступая на престолъ, среди своихъ епископовъ и архіепископовъ, поклялся насъ истребить: „Я клянусь, что буду стараться искренно и всѣми силами объ истребленіи на всѣхъ подчиненныхъ мнѣ земляхъ всѣхъ еретиковъ, осужденныхъ церковью“. Ваши священники, которые ведутъ списки и должны поступать одинаково со всѣми французами, отказываются записывать наши рожденія, браки и

смерти. Законъ запрещаетъ намъ быть судьями, совѣтниками, школьными учителями. Мы можемъ только шататься по свѣту, какъ звѣри; у насъ подрѣзываютъ заранѣе всѣ корни, которыми люди прикрѣпляются къ жизни; и однако мы не дѣлаемъ зла, всѣ принуждены признавать нашу честность.

„Мастеръ Жанъ отвѣчалъ:

— Это отвратительно, Шовель; но христіанское милосердіе?..

— Христіанское милосердіе!.. Мы ему никогда не измѣняли, говорилъ онъ, къ счастью для нашихъ палачей! Еслибъ оно намъ измѣнило!.. Но все выплачивается съ процентами на проценты. Надо, чтобы все вышло!.. Коли не черезъ годъ, такъ черезъ десять лѣтъ; а не черезъ десять, такъ черезъ сто... черезъ тысячу... Все выplatится!

„Понятно, послѣ этого, что Шовель не удовлетворился бы, какъ мастеръ Жанъ, нѣкоторыми смягченіями, облегченіемъ въ налогахъ, въ милиціи. Стоило только взглянуть на его блѣдное лицо, на его маленькіе, живые черные глаза, на его тонкій горбатый носъ, на его тонкія, всегда сжатые губы, на его сухую спину, согнувшуюся подъ тяжестью тюка, на его маленькія ноги и руки, крѣпкія, какъ желѣзные прутья,— стоило только взглянуть на него, чтобы подумать:

„Этотъ маленький человѣчекъ хочетъ всего или ничего! У него терпѣнія достаточно; онъ тысячу разъ рискнетъ попасть на галеры, чтобы продавать книги по своимъ идеямъ; онъ ничего не боится, онъ ничему не довѣряетъ: когда представится случай, не хорошо будетъ съ нимъ столкнуться! И дочка его уже на него похожа; такая, что переломится, а ужь не согнется!

„Я объ этомъ еще не думалъ—молодъ былъ слишкомъ — но я это чувствовалъ; я очень уважалъ отца Шовеля; я всегда снималъ передъ нимъ шапку, и говорилъ про себя: онъ хочетъ добра крестьянамъ, мы съ нимъ заодно“.

Постоянныя, многолѣтнія гоненія, среди которыхъ прошла жизнь Шовеля, должны были или убить его, или закалить во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ занимался такимъ ремесломъ, которое каждый день могло повести его на галеры или даже на висѣлицу.

„Ба, это все ничего, говоритъ онъ въ дружеской бесѣдѣ Жану Леру, теперь это однѣ шутки. Лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ дѣло другое! Вотъ тогда меня преслѣдовали, тогда не надо было попадаться съ кельнскими или амстердамскими изданіями: я бы однимъ прыжкомъ очутился изъ Барака на галерахъ; а нѣсколькими годами раньше, меня бы прямо вздернули. Да, тогда было опасно; а если меня теперь арестуютъ, такъ не на долго; теперь мнѣ не будутъ ломать руки и ноги, чтобы я выдалъ моихъ сообщниковъ“.

Для Шовеля не существуетъ ни презрѣніе къ работѣ, ни страхъ

передъ работою. Чтобы служить тому дѣлу, которое онъ любитъ, онъ готовъ, смотря по требованіямъ данной минуты, браться съ одинаковою охотою за самую черную и за самую чистую работу, за самую трудную и за самую легкую, за самую простую и за самую сложную, за самую грубую и за самую тонкую. Когда ему нельзя было пристроиться ни къ какому другому дѣлу, онъ цѣлые десятки лѣтъ шатался по городамъ и селамъ съ сумкою книгъ, и употреблялъ всѣ силы своего большаго и гибкаго ума на то, чтобы ускользнуть отъ преслѣдованій полиціи и распространять въ массѣ читающей провинціальной публики сочиненія тѣхъ мыслителей, которые наложили печать своего вліянія на все умственное движеніе прошлаго столѣтія. Когда его сосѣди, по рекомендаціи Жана Леру, выбрали его въ депутаты деревни, онъ принялъ это званіе и на сѣздѣ деревенскихъ депутатовъ повелъ себя такъ, что его выбрали въ депутаты округа. Въ окружномъ собраніи онъ опять такъ отличился, что его выбрали въ депутаты третьяго сословія въ собраніе государственныхъ чиновъ. И онъ принялъ свое новое званіе спокойно и съ достоинствомъ, какъ приглашеніе на важную и трудную работу, на которую онъ не хотѣлъ напрашиваться, которую онъ не старался отбивать у другихъ, болѣе способныхъ и лучше приготовленныхъ кандидатовъ, но передъ которою онъ не отступаетъ и не робѣетъ, когда голосъ его согражданъ объявилъ ему, что онъ стоитъ на очереди и что впереди его нѣтъ никого. Шовель, понимавшій давно, какое значеніе имѣетъ созваніе государственныхъ чиновъ, становится однимъ изъ законодателей Франціи такъ же спокойно, какъ въ древности Цинциннатъ сдѣлался римскимъ диктаторомъ. Разнощику Шовелю не нужно ничего измѣнять, подчищать или подкрашивать въ своей личности, чтобы сдѣлаться депутатомъ Шовелемъ, и депутатъ Шовель не измѣнилъ ни одного оттѣнка въ своихъ отношеніяхъ съ тѣми людьми, съ которыми былъ знакомъ и близокъ разнощикъ. Эта неизмѣнность самаго человѣка при совершенной перемѣнѣ декорацій и положенія до такой степени характеризуетъ Шовеля, что дочь Шовеля, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, Маргарита, даже не выдавшись съ отцомъ послѣ выборовъ, говорить Мишелю съ полнымъ убѣжденіемъ:

„Какъ, пріѣдемъ ли мы? Да что-жъ мы станемъ дѣлать, дурачина? Ты развѣ думаешь, мы тамъ разживемся?”

„Она смѣялась.

„Ну да, мы пріѣдемъ, и еще бѣднѣе теперешняго, повѣрь! Мы пріѣдемъ, можетъ быть, въ нынѣшнемъ году, а самое позднее на будущій годъ“.

Шовель такъ воспитывалъ свою дочь, которая была его неразлучною спутницею во всѣхъ его скитаніяхъ, что ее уже не можетъ ослѣпить, и ей не можетъ вскружить голову никакое земное величіе, какъ

бы оно ни было блистательно и неожиданно. Ея отецъ — избранникъ народа, выше этой чести она себѣ ничего не можетъ представить; она плачетъ отъ радости; и однако, въ минуту величайшаго упоенія, уѣзжая изъ родной деревни въ Версаль, она, безъ малѣйшей горечи, предвидитъ совершенно ясно ту минуту, когда они вернутся бѣднѣе те-перешняго, и опять пойдутъ по проселочнымъ дорогамъ, съ тяжелыми тюками книгъ за спиною.

По этой чертѣ въ характерѣ молодой дѣвушки можно судить о личности того человѣка, который ее сформировалъ.

VI.

Теперь надо разсмотрѣть, что же именно сдѣлала для Мишеля Ба-стіана каждая изъ трехъ личностей, очертанныхъ на предыдущихъ стра-ницахъ.

Жанъ Леру, крестный отецъ Мишеля, оказалъ ему, по своему обык-новенію, нѣсколько важныхъ услугъ, которыя ему, Жану Леру, ровно ничего не стоили. Впервые, Жанъ взялъ къ себѣ въ пастухи своего крестника, чуть только послѣднему минуло восемь лѣтъ. Условія были таковаго рода: Жанъ кормилъ Мишеля и давалъ ему каждый годъ по парѣ башмаковъ. Ночевать Мишель ходилъ къ себѣ домой. Ясное дѣло, что Жану это было выгодно. Пастуха все равно надо было бы нанимать, а между тѣмъ, бѣдный крестникъ, считая и чувствуя себя благодѣтель-ствованнымъ, такъ усердно старался угодить благодѣтелю, отъ котораго онъ получалъ только пищу и пару башмаковъ, — что въ этомъ отноше-ніи съ нимъ, конечно, не могъ потягаться наемникъ.

Вовторыхъ, Жанъ доставилъ Мишелю случай страдать и бороться за дѣло прогресса и общественнаго блага. Мишель былъ еще совсѣмъ мальчишка, когда произошла разсказанная выше исторія съ картофе-льными шкурками. Покуда картофельные ростки не показывались, сверст-ники Мишеля дразнили его, какъ слугу полоумнаго человѣка, посѣв-шаго какую-то дрянъ у себя въ огородѣ. Мишель билъ насмѣшниковъ кнутомъ; насмѣшники, въ свою очередь, обрабатывали его общими си-лами, и Мишель, исполосованный кнутами молодыхъ рутинеровъ, могъ потомъ предаваться печальнымъ размысленіямъ о человѣческой глупо-сти. Не трудно понять, что эта вторая услуга также ничего не стоила Жану, и была оказана имъ невольно.

Втретьихъ, Жанъ, какъ мы уже видѣли выше, ввелъ Мишеля въ даровую школу Кристофа Матерна. Эта услуга имѣла для Мишеля не-исчислимыя добрыя послѣдствія, но она также ровно ничего не стоила Жану Леру.

Кристофъ Матернъ выучилъ Мишеля читать и писать. Этимъ ограничивается его доля вліянія, но этого слишкомъ достаточно, чтобы ученикъ поминалъ его добромъ.

Шовель далъ Мишелю политическое образованіе. Мишель сначала слушалъ съ самымъ жаднымъ вниманіемъ, а потомъ читалъ самъ и вслухъ, и про себя, газеты, которыя Шовель приносилъ своему пріятелю, Жану Леру. Шовель объяснялъ часто Мишелю то, чего послѣдній не понималъ, Шовель часто говорилъ о текущихъ дѣлахъ то съ самимъ Мишелемъ, то въ присутствіи Мишеля съ Жаномъ Леру, и великодушное негодованіе честнаго гражданина, горѣвшее спокойно-неугасимымъ пламенемъ въ груди Шовеля, и звучавшее въ ироническомъ тонѣ его тихихъ рѣчей, переходило по немногу во все существо его молодого, даровитаго и впечатлительнаго слушателя.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ говорилъ Шовель, какъ просто и ясно онъ ставилъ вопросы, какъ онъ умѣлъ внушать самымъ неразвитымъ умамъ серьезное уваженіе къ основнымъ принципамъ разумной и честной политики, я приведу здѣсь его рѣчь, сказанную безъ приготовления, въ трактирѣ Жана Леру, на обѣдѣ деревенскихъ избирателей.

„Всѣ глаза обратились на Шовеля; всѣ хотѣли знать, что онъ отвѣтитъ. Онъ сидѣлъ спокойно, на почетномъ мѣстѣ, бумажный колпакъ его былъ прицѣпленъ къ спинѣ стула; щеки его были блѣдны, губы сжаты, глаза какъ будто скошены; онъ, совсѣмъ задумавшись, держалъ свой стаканъ. Рибоьерское вино, должно быть, пораздражило его, потому что, не отвѣчая на задравные клики другихъ, онъ сказалъ внятнымъ голосомъ:

— Да, первый шагъ сдѣланъ! Но не будемъ еще нѣтъ побѣду; много намъ остается сдѣлать, прежде чѣмъ мы воротимъ себѣ наши права, Отмѣненіе привилегій, подушной, косвенныхъ налоговъ, соляной подати, внутреннихъ заставъ, барщины — это уже много значить. Тѣ не съ разу выпустятъ изъ рукъ, что держатъ, нѣтъ! они будутъ бороться, попробуютъ защищаться противъ справедливости. Надо будетъ ихъ принуждать! Они призовутъ къ себѣ на помощь всѣхъ служащихъ, всѣхъ, кто живетъ своими мѣстами, и думаетъ облагородиться. И это, друзья мои, только первый пунктъ; это еще самая малость; я думаю, что третье сословіе выиграетъ это первое сраженіе; народъ того хочетъ; народъ, на которомъ лежатъ эти несправедныя тягости, поддержитъ своихъ депутатовъ.

— Да, да, до смерти! — закричали большой Летюмье, Кошаръ, Гюре, мастеръ Жанъ, сжимая кулаки. — Мы выиграемъ, мы хотимъ выиграть!..

„Шовель не шевелился. Когда они перестали кричать, онъ продолжалъ, какъ будто никто ничего не говорилъ.

— Мы можемъ побѣдить въ дѣлѣ обо всѣхъ несправедливостяхъ, которыя чувствуетъ народъ; это — несправедливости слишкомъ вопіющія,

слишкомъ ясныя; но къ чему же это насъ поведетъ, если, въ послѣдствіи, когда государственныя чины будутъ распущены и деньги на уплату долга доставлены, графы, да маркизы опять возстановятъ свои права и привилегіи? Это уже не въ первый разъ; у насъ вѣдь ужъ бывали и другія собранія государственныхъ чиновъ, и все, что они рѣшили въ пользу народа, уже давно не существуетъ. Послѣ уничтоженія привилегій, намъ нужна такая сила, которая помѣшала бы ихъ возстановить. Эта сила въ народѣ; она въ нашихъ арміяхъ. Надо хотѣть не день, не мѣсяцъ, не годъ; надо хотѣть всегда. Надо такъ сдѣлать, чтобы негодяи и мошенники не возстановили медленно, потихоньку, окольными путями, того, что опрокинетъ третье сословіе, опираясь на націю. Надо, чтобы армія была съ нами; а чтобы армія была съ нами, надо, чтобы послѣдній солдатъ, своимъ мужествомъ и умомъ, могъ повышаться въ чинахъ, и, пожалуй, даже сдѣлаться маршаломъ и коннетаблемъ, такъ точно, какъ дворяне, понимаете?

— За здоровье Шовеля!—закричалъ Готье Куртуа.

Теперь мы можемъ сообразить до нѣкоторой степени, какія вліянія подготовили французскій народъ къ его политическому пробужденію.

Вопервыхъ, были низшіе слои буржуазіи, были люди, которые, подобно Жану Леру, знали жизнь простаго работника, понимали его горе и нужду, и въ то же время могли читать газеты, заглядывать въ запрещенныя книжки и задумываться надъ плачевною безтолковщиною текущихъ событій. Этимъ людямъ выгодно и пріятно было дѣлиться съ своими рабочими плодами своихъ размышленій, и ихъ фрондерскія рѣчи, падая на воспріимчивую почву, порождали въ ней такой процессъ броженія, котораго дальнѣйшее развитіе трудно было остановить или предугадать.

Вовторыхъ, было низшее духовенство, возмущенное безумною роскошью и развратною жизнью прелатовъ. Оно сближалось съ простымъ народомъ, учило его грамотѣ, и вносило такимъ образомъ въ его темную жизнь лучъ свѣта, который давалъ ему нѣкоторую возможность со временемъ осмотрѣться и распознать добро и зло, друзей и враговъ, правду и ложь.

Наконецъ, были Матюрены Шовеля, люди раззоренные, ожесточенные, измученные недѣлостями стараго порядка, люди, вредившіе этому порядку съ настойчивостью, свойственною непримиримымъ врагамъ, и съ полнымъ знаніемъ всѣхъ его слабыхъ сторонъ.

При такихъ наставникахъ, французскій народъ, даровитый и впечатлительный, какъ юный Мишель Бастіанъ, не могъ остаться неучемъ и недорослемъ въ политическомъ отношеніи.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

	СТР.
I. Историческія идеи Огюста Конта	1
II. Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ	147
III. Взгляды англійскихъ мыслителей на умственные потребности современнаго общества	206
IV. Старое барство	254
V. Французскій крестьянинъ въ 1789 году	284

5558

